СОЧИНЕНІЯ

Григорія Саввича

СКОВОРОДЫ,

собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ

(1794—1894 годъ).

Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка.

7-й томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго общества.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.
1894.

Библиотека "Руниверс"

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 8 марта 1894 г.

Предсѣдатель Профессоръ *М. Дринов.*

Библиотека "Руниверс"

Объясненіе къ рисункамъ.

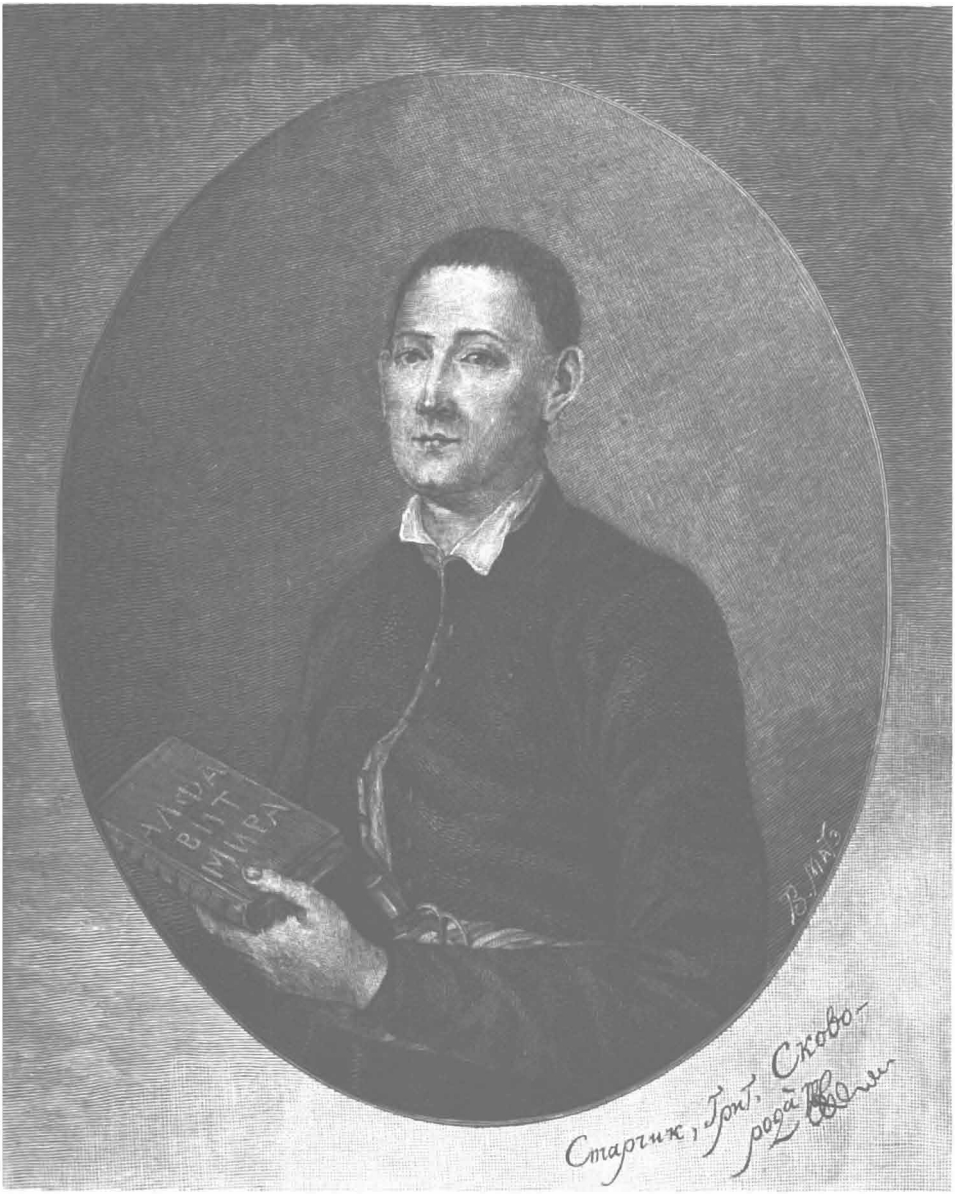
1-й рисунокъ. Портретъ Гр. Сав. Сковороды, вырѣзанный на деревѣ проф. В. В. Матэ по гравюрѣ Мещерекова и портрету масляными красками, принадлежавшему доктору Вл. Ст. Александрову.

2-й рисунокъ. Снимки: а) съ печати Г. С. Сковороды, снятой съ оригинала И. И. Срезневскимъ и перерисованной художникомъ С. И. Васильковскимъ, б) съ почерка Г. С. Сковороды (въ рукописи „Израильскій змій“), в) съ почерка рукописи „Правда вѣры“.

3-й рисунокъ. Видъ могилы Г. С. Сковороды; фототипія Шереръ и Набгольцъ, исполненная по фотографіи г. Вебера. (Теперь на средства, ассигнованныя Ист.-Фил. обществомъ ветхая, деревянная рѣшетка замѣнена новой желѣзной).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека “Руниверс”

Любитель простоты и истинной свободы,
Безъ лести другъ прямой, довольной всѣмъ всегда,
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духо природы,
Достойной для сердецъ примѣръ Сковорода.

Библиотека "Руниверс"

дозволено цензурою. спб., 20 октября 1894 г.

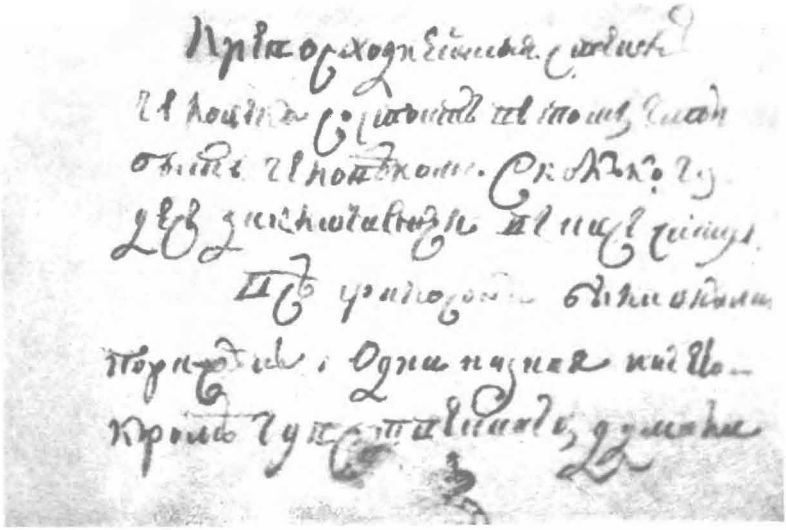
Библиотека "Руниверс"

Къ чему жъ сія рѣчь течетъ? Къ тому, что высокихъ фамилій Люди, не только въ Тяжбахъ, Войнахъ, Коммерціяхъ, Домостроительствахъ, Художествахъ: но и въ самомъ черномъ Пунктѣ: сирѣчь, въ Мысляхъ, до Бога касающихся: должны находить Истину: а кромѣ воображенныя Свѣтріи. Вѣрно, что Шаръ Земный, безъ болотныхъ Лужъ, безъ Мертвыхъ Озеръ, безъ гнилыхъ и долинныхъ низкостей быть не можетъ. Но въ тайныхъ Мѣстахъ, какъ, и сродныя имъ Птицы да водворяются; а Соколы съ Орлами, выспрь, въ пространство чистыхъ Небесъ да возносятся: оставя дрожіе, для не просвѣщенной Подлости.

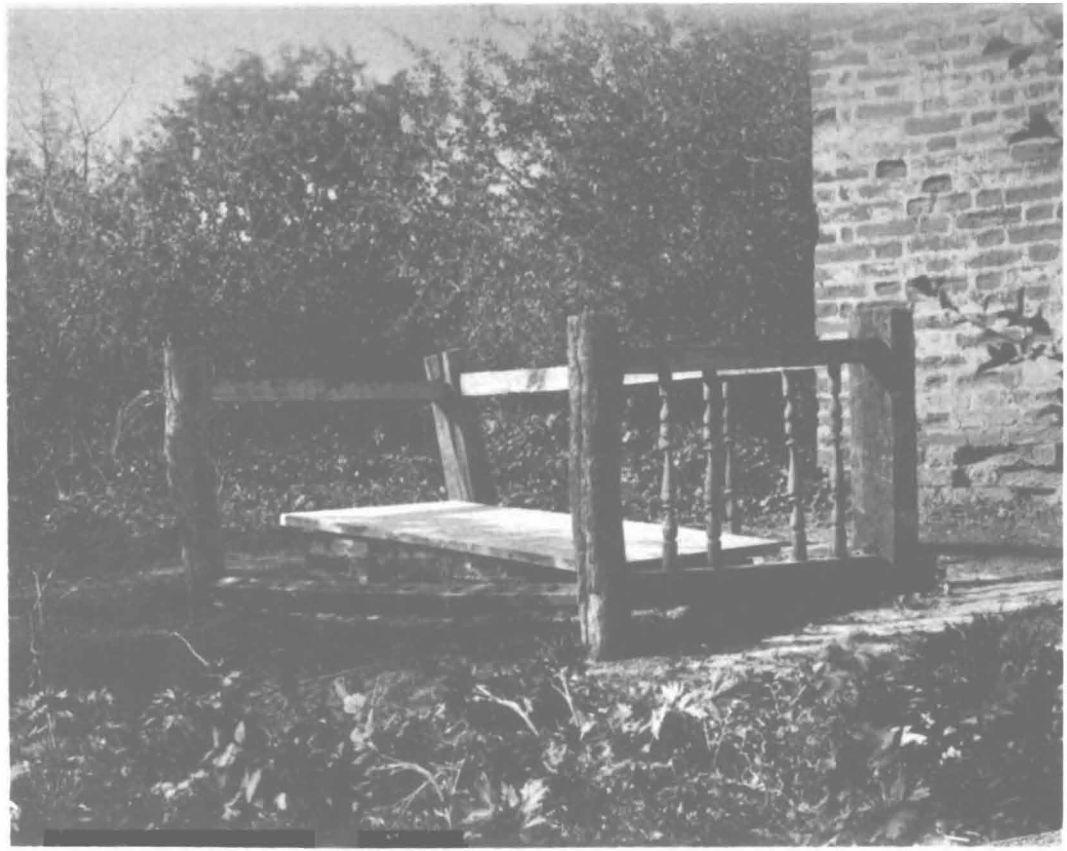
И такъ благочестивое Сердце, между высыпанными Курганами, буйнаго безбожія: и между подлыми Болотами, работрастнаго Суевѣрія: не уклоняясь

ни въ право

Библиотека "Руниверс"

Библиотека “Руниверс”

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К°. въ Москвѣ.

Могила Г. С. Сковороды

Библиотека "Руниверс"

Библиотека “Руниверс”

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I-е отдѣленіе (біографическіе матеріалы).

стр.

Критико-библіографическая статья проф. Д. И. Багалѣя. . I—CXXXI

(Глава 1-я. Изданія сочиненій Г. С. Сковороды и изслѣдованія о немъ: Библіотека духовная Антоновскаго, статьи Гесъ де Кальве, Вернета, Снегирева, И. И. Срезневскаго и Хиждеу, изданія Московскаго комитета Имп. Человѣколюбиваго общества, Исторія философіи арх. Гавріила, письма Сковороды въ «Молодыкѣ», сообщенныя В. Н. Каразинымъ и И. И. Срезневскимъ, работы Аскоченскаго и Неизвѣстнаго, Петербургское изданіе сочиненій Сковороды и вызванныя имъ критическія замѣтки, трудъ Г. П. Данилевскаго, изданіе проф. Н. Ѳ. Сумцова, статьи А. Я. Ефименко и проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго, письма, сообщенныя Вс. Изм. Срезневскимъ.

Глава 2-я. Библіографическій обзоръ сочиненій Г. С. Сковороды: полный списокъ сочиненій Сковороды; вопросъ о принадлежности Сковородѣ нѣкоторыхъ сочиненій, приписываемыхъ ему И. И. Срезневскимъ, Хиждеу и Г. П. Данилевскимъ; хронологія Сковородинскихъ трудовъ; автографы и списки; краткое содержаніе всѣхъ его оригинальныхъ сочиненій: *Наркиса и Асхани, Разлагола о древнемъ мірѣ, Бесѣды двое, Начальной двери ко христіанскому добронравію и 2-хъ проповѣдей, Израильскаго змія, Жены Лотовой, Потопа змѣина, Разговора о душевномъ мирѣ, Алфавита мира, Борьбы архистратига Михаила съ сатаною, При бѣса съ Варсавой, Харьковскихъ басенъ, Благодарнаго еродія, Убогаго жайворонка, Сада божественныхъ пѣсней и разныхъ стихотвореній,* темы переводныхъ трудовъ; находки рукописей Г. С. Сковороды въ разныхъ книго-хранилищахъ; составъ настоящаго изданія; вопросъ о портретахъ и могилѣ.

«Житіе Григорія Сковороды», составленное другомъ его М. И. Ковалинскимъ . . . . . 1— 40

Письма Г. С. Сковороды . . . . . 41—132

2-е отдѣленіе (сочиненія Г. С. Сковороды).

Наркисъ. . . . . . 1— 44

Діалогъ или разлагольствованіе о древнемъ мірѣ . . . . . 45— 61

Бесѣда, нареченная двое . . . . . 62— 80

Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ . . . . . 81—111

Разговоръ называемый алфавитъ или букварь мира . . . . 112—150

Басни Харьковскія . . . . . 151—174

Библиотека "Руниверс"

стр.

2 *вступительныя проповѣди въ курсъ лекцій «О христіанскомъ добронравіи»* . . . . . 175—182
Начальная дверь ко христіанскому добронравію . . . . . 183—192
Брань архистратига Михаила со сатаною . . . . . 193—216
*Благодарный Ерод*ій . . . . . 217—235
Убогій жайворонокъ . . . . . 236—250
Отрывокъ изъ соч. *«Израильскій змій»* . . . . . 251—258
Стихотворенія (Садъ божественныхъ пѣсней и разныя стихотворенія) . . . . . 259—301
Ода Сидронія объ уединеніи . . . . . 302—306

Приложенія.

Правила нравоучительныя . . . . . 309—311
Правда вѣры . . . . . 312—344
Указатель латинскихъ писемъ Сковороды къ Ковалинскому, составленный проф. И. В. Нетушиломъ . . . . . 345—352

Библиотека "Руниверс"

I-е ОТДѢЛЕНІЕ.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ О Г. С. СКОВОРОДѢ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека “Руниверс”

ГЛАВА 1-я.

Изданія сочиненій Г. С. Сковороды и изслѣдованія о немъ.

(Историко-критическій очеркъ).

При жизни своей Г. С. Сковорода не печаталъ своихъ сочиненій. Это объясняется главнымъ образомъ условіями его домашней обстановки и свойствами характера. Нельзя сказать, чтобы онъ самъ не желалъ распространенія своихъ трудовъ въ обществѣ; наоборотъ, у него существовала постоянная потребность обращаться съ живымъ словомъ поученія и наставленія къ окружающимъ, и онъ—самъ большой книголюбецъ—не могъ не понимать огромнаго значенія типографскаго станка въ дѣлѣ распространенія знаній и идей. Но ему бездомному страннику и бѣдняку, не имѣвшему никогда денегъ, просто по матеріальнымъ условіямъ своей жизни, невозможно было воспользоваться услугами книгопечатанія. Нѣкоторыя составленныя имъ руководства для школъ (учебникъ поэзіи и этики) могли бы, конечно, напечатать на свой счетъ тѣ учебныя заведенія, гдѣ онъ былъ преподавателемъ—Переяславскій и Харьковскій коллегіумы; но и въ этихъ школьныхъ пособіяхъ онъ выступилъ такимъ новаторомъ для своего времени, что изъ за нихъ долженъ былъ навсегда отказаться отъ учительскаго званія. Тоже самое нужно сказать и относительно всѣхъ остальныхъ его сочиненій: они были точными и вѣрными выразителями его мыслей, а его мысли шли почти постоянно въ разрѣзъ съ господствовавшими и установившимися въ его время понятіями; приспособляться же къ условіямъ окружающей среды онъ не могъ, по свойству своего

Библиотека "Руниверс"

характера, да и не захотѣлъ бы такою цѣною пріобрѣтать себѣ литературную славу и извѣстность, тѣмъ болѣе что и безъ того эта послѣдняя была очень велика, можно даже сказать, огромна. Но общество все таки сильно интересовалось его трудами, а потому въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, явилось на выручку старое средство, которымъ постоянно и широко пользовалась россійская словесность,—списываніе рукописей. Г. П. Данилевскій полагалъ, что рукописи Сковороды не имѣли широкаго распространенія; но онъ ничѣмъ не доказываетъ своего положенія, между тѣмъ какъ ему противорѣчитъ огромная популярность, которою пользовался Сковорода при жизни и послѣ смерти во всѣхъ слояхъ мѣстнаго малороссійскаго общества и даже далеко за предѣлами Малороссіи и Слободской Украйны; кромѣ того этому противорѣчатъ даже извѣстные намъ факты о степени распространенности его рукописей (важное значеніе здѣсь имѣетъ свидѣтельство г. Мартиновича, которое мы приведемъ ниже). Само собою разумѣется, что сочиненія Сковороды не могли списываться такъ усердно, какъ произведенія Лермонтова или Грибоѣдова, но, говоря о малой распространенности Сковородинскихъ рукописей, нельзя же упускать при этомъ изъ виду (какъ это дѣлаетъ Данилевскій), что иное дѣло научный философско-богословскій трудъ, и иное дѣло поэма или комедія; нельзя забывать также, что Сковорода былъ все таки мѣстный писатель, а извѣстно, какъ трудно произведеніямъ провинціальныхъ писателей завоевать себѣ широкую публику.

Къ сожалѣнію судьба оказалась мачихой къ Сковородѣ и послѣ его смерти: прошло ровно сто лѣтъ со дня его кончины и только теперь *впервые* видитъ свѣтъ большая часть его сочиненій (большая часть, но не всѣ: нѣкоторыя ждутъ еще своей очереди); въ теченіе же цѣлаго столѣтія печаталось только кое что изъ его трудовъ и при томъ неточно, съ пропусками и даже нарушеніемъ его мыслей, при чемъ первый издатель умолчалъ даже совершенно объ имени сочинителя, Мало того: другъ Сковороды М. И. Ковалинскій уже въ 1796 году (2 года спустя послѣ его смерти) окончилъ его біографію, между тѣмъ она увидѣла свѣтъ въ качествѣ самостоятельнаго литературнаго произведенія только въ 1886 г. (т. е. 92 года спустя послѣ смерти Сковороды).

Первый трудъ Г. С. Сковороды, появившійся въ печати, былъ его трактатъ Наркисъ или познай себя; но онъ увидѣлъ свѣтъ, во 1-хъ, не подъ своимъ собственнымъ именемъ, а, во 2-хъ, безъ фамиліи автора. Въ 1798 г. въ Петербургѣ была издана Мих. Антоновскимъ, при Императорской Академіи Наукъ, книжечка въ трехъ частяхъ подъ заглавіемъ: *Библіотека духовная, содержащая въ себѣ дружескія бесѣды о познаніи самого себя* (225 стр.). Посвящена она Императору Павлу Петровичу, въ виду того, что тотъ, по словамъ издателя, вводилъ

Библиотека "Руниверс"

народное просвѣщеніе среди своихъ подданныхъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что она содержитъ въ себѣ трактатъ Сковороды—Наркисъ—оканчивающійся на 193-й страницѣ изданія; а со 194 стр. и до конца, въ видѣ какъ бы прямаго продолженія этого трактата, идетъ слово *о познаніи себя самаго въ существѣ*, замѣтно отличающееся и по содержанію, и по языку отъ предъидущаго. Такимъ образомъ, настоящая книжка представляетъ какой то сплавъ двухъ или нѣсколькихъ сочиненій, при чемъ оригиналъ Сковороды подвергся также замѣтному измѣненію.

Столь печально для памяти Сковороды было 1-е изданіе его труда, которое, конечно, не подвинуло ни на шагъ знакомства публики съ сочиненіями украинскаго мудреца. Мы увидимъ далѣе, что даже біографы Сковороды, знакомившіеся съ этой книжицей, не могли правильно рѣшить вопроса о ея содержаніи.

Впервые сочиненія Сковороды съ его именемъ являются въ печати только въ 1806 году и—что весьма характерно—въ извѣстномъ (массонскомъ) журналѣ „Сіонскій Вѣстникъ". Впрочемъ и здѣсь напечатанъ былъ только одинъ трудъ Сковороды—*„Начальная дверь ко христіанскому добронравію"* съ краткимъ введеніемъ о его жизни (такъ говоритъ Г. П. Данилевскій).

Но несравненно болѣе важныя біографическія свѣдѣнія о Сковородѣ появились въ Харьковскомъ журналѣ „Украинскій Вѣстникъ" 1817 года. Здѣсь въ 6-й части, въ апрѣльской книжкѣ, помѣщены двѣ статьи о немъ—Гесъ де Кальве и Вернета—и 2 собственноручныхъ его письма. Издатели „Украинскаго Вѣстника" снабдили отъ себя эти матеріалы своими примѣчаніями, которыя заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя неточности и въ послѣдствіи вызвали недоразумѣнія. Нельзя не пожалѣть, напримѣръ, о томъ, что издатели, опровергая ссылкою на собственноручное письмо Сковороды утвержденіе Гесъ де-Кальве, что онъ „крѣпкіе напитки зналъ только по имени", не формулировали опредѣленно своего собственнаго взгляда [1]) на этотъ предметъ и тѣмъ подали поводъ заподазрѣвать Сковороду въ пристрастіи къ вину, чего, конечно, отнюдь не было. Издатели, очевидно, отдаютъ предпочтеніе Вернету передъ Гесъ де Кальве, но въ дѣйствительности послѣдній далъ гораздо больше матеріала, чѣмъ первый.

Гесъ-де-Кальве лично зналъ Сковороду и могъ бы даже сообщить о немъ, по словамъ издателей, больше, чѣмъ сообщилъ въ данной замѣткѣ. Онъ приводитъ фактическія данныя для біографіи Сковороды совершенно самостоятельныя, независимыя отъ записокъ Ковалинскаго, которыми онъ вовсе не пользовался. Мы обратимъ вниманіе только на тѣ мѣста, въ которыхъ свѣдѣнія Гесъ-де-Кальве или допол-

[1]) Украинскій вѣстникъ 1817 г. ч. VI, стр. 112, 113.

Библиотека "Руниверс"

няютъ „Житіе“ Ковалинскаго, или расходятся съ нимъ. Гесъ-де-Кальве говоритъ, что „Сковорода родился въ небольшой деревнѣ Харьковской губерніи; отецъ его былъ очень бѣдный священникъ“. Это свѣдѣніе, конечно, не вѣрное: Сковорода, какъ мы знаемъ изъ „Житія“ Ковалинскаго, родился въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи (въ с. Чернухахъ). Изъ времени пребыванія Сковороды въ Кіевской духовной Академіи Гесъ-де-Кальве передаетъ любопытныя подробности о той хитрости, какую онъ употребилъ, чтобы избѣжать духовнаго званія, къ которому онъ не чувствовалъ призванія.[1]) Разсказъ о путешествіи Сковороды заграницу повидимому нѣсколько пріукрашенъ. Гесъ-де-Кальве или не зналъ, или умолчалъ о томъ, что Сковорода поѣхалъ за границу съ генераломъ Вишневскимъ, а говоритъ, что онъ „взялъ странническій посохъ въ руку и отправился заграницу истинно философски, т. е. пѣшій и съ крайне тощимъ кошелькомъ“[2]). Разъ Сковорода отправился за границу съ Вишневскимъ, конечно, онъ *поѣхалъ* съ нимъ, а не пошелъ пѣшкомъ. Расходится Гесъ-де-Кальве съ Ковалинскимъ и въ дальнѣйшемъ описаніи его заграничнаго странствованія.

М. И. Ковалинскій говоритъ только, что Г. С. Сковорода „путешествуя съ генераломъ симъ (т. е. Вишневскимъ, взявшимъ его съ собою въ качествѣ церковно-служителя для православной церкви въ Венгрію), имѣлъ случай, съ позволеніемъ и помощью его, *поѣхать* изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться найпаче съ людьми ученостію и знаніями отлично славимыми тогда“. Гесъ-де-Кальве же заявляетъ, что „онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи... Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по сей классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Тріумфальныя врата Трояна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ всѣ остатки сего владыки свѣта, столь противоположные нынѣшнимъ постройкамъ тамошнихъ монаховъ, шутовъ, шарлатановъ, макаронныхъ и сырныхъ фабрикантовъ произвели въ нашемъ циникѣ сильное впечатлѣніе... Сверхъ того онъ усовершенствовалъ себя въ древнихъ языкахъ и философіи, посѣщалъ, гдѣ только можно было, публичныя учебныя заведенія. „Спрашивается, можно ли довѣрять этимъ извѣстіямъ, не подтверждаемымъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ Ковалинскаго? Полагаемъ, что только отчасти. Весьма вѣроятно, что Г. С. Сковорода путешествовалъ пѣшкомъ—тутъ мы склоняемся на сторону Гесъ-де-Кальве; это вполнѣ соотвѣтствуетъ его привычкѣ къ странствованіямъ и могло

---

[1]) Ibidem, стр. 107.

[2]) Ibidem, стр. 108.

Библиотека “Руниверс”

вызываться сверхъ того скуднымъ запасомъ его матеріальныхъ средствъ; наконецъ, такого рода путешествія съ цѣлью усовершенствованія въ наукахъ или ремеслахъ не представляли изъ себя въ то время чего либо необычнаго въ Германіи; здѣсь дѣйствовалъ еще старинный средневѣковой обычай германскихъ студентовъ и ремесленниковъ. Нѣмецкимъ языкомъ Г. С. Сковорода владѣлъ хорошо и затрудненій съ этой стороны ему испытывать не приходилось. Но очень можетъ быть, что Гесъ-де-Кальве преувеличилъ районъ путешествій Сковороды и мы довѣряемъ здѣсь болѣе Ковалинскому, который говоритъ только объ Австріи и Венгріи.

Въ основу разсказа о возвращеніи Сковороды на родину (котораго также нѣтъ у Ковалинскаго) могли быть положены собственные устные разсказы Григорія Саввича; по крайней мѣрѣ въ пользу этого говоритъ присутствіе въ нихъ одной реальной подробности, что изъ всѣхъ его родныхъ остался въ живыхъ только одинъ братъ [1]). Разсказъ о необычайно простомъ образѣ жизни Сковороды совпадаетъ въ общемъ съ тѣмъ, что говоритъ и Ковалинскій, и иллюстрируется кромѣ того собственными разсужденіями Сковороды; не совсѣмъ справедливо только утвержденіе, что онъ вовсе не употреблялъ вина: его онъ иногда пилъ, но въ умѣренномъ количествѣ и въ пріятельской компаніи. Весьма тонко и вѣрно указано отличіе его отъ Діогена и циниковъ. Онъ, по словамъ Гесъ-де-Кальве, былъ близокъ къ стоикамъ и Діогену, но съ тѣмъ различіемъ, что „не искалъ подобно Діогену людей со свѣчою; его добрая душа находила, что міръ сей и въ великомъ своемъ развратѣ питаетъ еще много добрыхъ смертныхъ“. [2]) Нѣкоторою неточностью страдаетъ извѣстіе Гесъ-де-Кальве объ отношеніи Сковороды къ мистицизму. „Одну только, говоритъ Гесъ-де-Кальве, можно ему приписать слабость (и кто ихъ не имѣетъ?): онъ былъ нѣсколько склоненъ къ мистикѣ. Обильное воображеніе вело его нерѣдко въ область изступленія и дѣлало отчасти суевѣромъ. Но это не имѣло никакого вліянія на его характеръ, ни на окружавшихъ его; мечты свои скрывалъ онъ въ душѣ и никогда не выступалъ съ своими мистическими мыслями“ [3]). Сковорода не скрывалъ своихъ мыслей и то, что проповѣдывалъ устно, потомъ излагалъ обыкновенно письменно, а по всей вѣроятности, Гесъ-де-Кальве не зналъ этихъ сочиненій; но онъ, на нашъ взглядъ, совершенно правильно видитъ источникъ нѣкотораго стремленія Сковороды къ мистицизму въ его сильномъ воображеніи. Чтобы дать понятіе объ остроуміи и скромности Сковороды, Гесъ-де-

---

[1]) Ibidem, стр. 111.
[2]) Ibidem, стр. 113.
[3]) Ibidem стр. 113—114.

Библиотека "Руниверс"

Кальве приводитъ два анекдота изъ его жизни [1]); но, признаться, первый анекдотъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса объ остроуміи Сковороды, а второй дѣйствительно довольно характеренъ и свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи у него тщеславія и самомнѣнія. Приведя нѣсколько изреченій Сковороды, изъ которыхъ нѣкоторыя очень странны и даже непонятны [2]), Гесъ-де-Кальве заканчиваетъ свою статью слѣдующими строками, въ которыхъ слышится намъ искренній и потому очень важный голосъ современника: „простая дерновая могила покрываетъ кости его; но она внушаетъ болѣе почтенія, нежели иной огромный памятникъ. Онъ писалъ много и стихи его сдѣлались народными пѣснями; сочиненія его находятся въ разныхъ рукахъ и между ними есть хорошія стихотворенія. Миръ его праху! О немъ съ признательностью воспоминаютъ многія особы, занимающія важные мѣста въ военной и въ гражданской службѣ“ [3]).

Статья Ивана Вернета (швейцарца-украинца, какъ его называли современники) заключаетъ въ себѣ мало біографическихъ данныхъ, но за то содержитъ характеристику личности и сочиненій Сковороды, тѣмъ болѣе для насъ любопытную, что принадлежитъ довольно извѣстному тогда человѣку, который, не смотря на свое иностранное происхожденіе, сдѣлался популярнымъ писателемъ въ Харьковщинѣ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что Вернетъ имѣлъ основаніе обидѣться на Сковороду, ибо тотъ назвалъ его „муциною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ“. Еще болѣе серьезное значеніе должно было имѣть то обстоятельство, что Сковорода очень любилъ нѣмцевъ: „сія исключительная любовь, признается самъ Вернетъ, была причиною моего съ нимъ пренія и несогласія, при первомъ свиданіи; она лишила меня возможности познакомиться съ нимъ короче, сколько я того не желалъ“.

Хотя самъ Вернетъ и заявляетъ, что онъ былъ даже признателенъ Сковородѣ за эти эпитеты, но этому едва ли можно повѣрить. И тѣмъ большее значеніе имѣетъ при такихъ условіяхъ *въ общемъ* весьма похвальный отзывъ Вернета о Сковородѣ. „Онъ (Сковорода), пишетъ Вернетъ, былъ мужъ умный и ученый; но своенравіе, излишнее самолюбіе, нетерпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его (magister dixit) затмѣвали сіяніе дарованій его и уменьшали пользу, которой общество могло бы ожидать отъ его способностей. Онъ былъ необдѣланный дорогой камень, коему потребна рука искуснаго художника. Ему надлежало бы по совѣту Платона, почаще приносить жертву граціямъ. Въ самомъ дѣлѣ

[1]) Ibidem, стр. 115—118.
[2]) Ibidem, стр. 118—119.
[3]) Ibidem, стр. 119.

Библиотека “Руниверс”

у покойнаго Сковороды не доставало ни снисходительности къ чужимъ мнѣніямъ, ни терпѣнія, столь нужнаго для изслѣдованія истины и образованія юношества. Вкусъ его не былъ очищенъ, какъ это видно изъ оставшихся отъ него сочиненій. Онъ былъ вспыльчивъ и пристрастенъ, слишкомъ слѣдовалъ силѣ первыхъ впечатлѣній; переходилъ отъ одной крайности въ другую; онъ любилъ и ненавидѣлъ безъ достаточной причины; и истина въ его устахъ, не будучи прикрыта пріятною завѣсою скромности, снисхожденія и ласковости, оскорбляла исправляемаго и не достигала никогда цѣли, предположенной учителемъ. Я не знаю, какъ онъ успѣлъ внушить своимъ ученикамъ такую привязанность къ себѣ!... Но равно ошибаются какъ тѣ, кои не отдаютъ должной справедливости способностямъ и знаніямъ Сковороды, такъ и тѣ, кои сравниваютъ его иногда съ Ж. Ж. Руссо, первымъ прозаикомъ своего вѣка; можно сравнить ихъ развѣ только въ странномъ и дикомъ образѣ жизни, въ безкорыстіи и въ нѣкоторомъ родѣ брюзгливости и мизантропіи Справедливѣе Сковорода занимаетъ мѣсто между Діогеномъ и Кратесомъ; онъ своими поступками и нравомъ могъ бы играть въ Греціи блестящую роль во время Синопскаго чудака... Впрочемъ я чту память Сковороды, благоговѣю къ его честности и безкорыстію; я не престану превозносить похвалами его простоту и любовь къ природѣ.

Сковорода былъ музыкантомъ и его духовные канты мнѣ нравятся; но стихи его вообще противны моему вкусу, можетъ быть, оттого, что я худой знатокъ и цѣнитель красотъ русской поэзіи. Проза его также несносна для меня: не терпя таинственнаго слога и запутанныхъ мыслей господъ мистиковъ, я не люблю ходить по мрачному лабиринту метафизики, привыкши издавна къ ясному и прекрасному слогу любезнаго Сенъ-Піера и къ простому удобопонятному умствованію Локка и Кондильяка. При всемъ томъ я чту Сковороду и чувствую въ себѣ склонность подражать ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ... Я нарочно ѣздилъ изъ Мерчика въ деревню Ивановку (Богодуховскаго уѣзда) для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бренные останки незабвеннаго Сковороды". Мы почти цѣликомъ привели отзывъ Вернета, потому что, каковъ бы онъ ни былъ, онъ представляетъ изъ себя первую критическую оцѣнку личности Сковороды и въ особенности его характера. Правда въ этомъ отзывѣ сильно замѣтна субъективная струя; можно даже сказать, что онъ болѣе важенъ для характеристики самого Вернета, чѣмъ Сковороды; но все таки можно думать, что Вернетъ явился выразителемъ взглядовъ на Сковороду извѣстной части украинскаго общества начала XIX столѣтія, той части, для которой самъ онъ былъ авторитетомъ и даже руководителемъ,— именно того новаго поколѣнія, которое воспитывалось на европейской

Библиотека "Руниверс"

просвѣтительной литературѣ и занимало середину между прямыми послѣдователями Сковороды, его горячими адептами съ одной стороны и хулителями, отрицавшими въ немъ всякія способности и таланты съ другой. Самъ Вернетъ, какъ поклонникъ изящныхъ формъ, конечно, долженъ былъ отнестись отрицательно къ характеру Сковороды и къ его сочиненіямъ. Ему не по сердцу были смѣлый мужественный умъ и рѣзкая прямота убѣжденій Сковороды, стойкій, не знавшій никакихъ компромисовъ характеръ, слишкомъ энергичный языкъ его произведеній. И понятно, почему Вернетъ сравниваетъ Сковороду съ необдѣланнымъ дорогимъ камнемъ, который еще нужно было шлифовать, забывая при этомъ, что сама природа производитъ необдѣланные алмазы и что они въ своемъ первоначальномъ видѣ остаются все таки выше всѣхъ другихъ драгоцѣнныхъ камней. Вернетъ хотѣлъ, чтобы Сковорода излагалъ истины, прикрытыя пріятными завѣсами, не понимая, что если бы суровый отшельникъ послушался его совѣта, то переставъ бы быть самимъ собою, или какъ онъ говорилъ—черною сковородою, которая пекла бѣлые блины. Вернетъ до такой степени далекъ отъ пониманія Сковороды, что называетъ образъ жизни его (также точно впрочемъ, какъ и образъ жизни Ж. Ж. Руссо), страннымъ и дикимъ, между тѣмъ какъ тутъ именно,—въ этомъ согласіи ученія съ жизнью — и проявилась наиболѣе осязательно *цѣльность* натуры Сковороды; тутъ коренится и тайна его вліянія на учениковъ, которую никакъ не можетъ себѣ объяснить Вернетъ. И напрасно Вернетъ старался подражать Сковородѣ: они представляли изъ себя крайніе полюсы, которые никогда не могли сойтись другъ съ другомъ, ибо природа слѣпила ихъ изъ разнаго матеріала; вотъ почему Сковорода представляется Вернету только чудакомъ, имѣвшимъ самое близкое сходство съ циникомъ Діогеномъ, а Сковорода сразу понялъ характеръ Вернета и какъ нельзя болѣе вѣрно и мѣтко опредѣлилъ его, назвавъ „мущиною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ“, и—что характернѣе всего—Вернетъ не опровергаетъ этой клички, а даже нѣсколько наивно разсыпается за нее въ благодарностяхъ передъ Сковородой, распространяясь впрочемъ только о своемъ дамскомъ угодничествѣ, но не о бабьемъ умѣ.

Въ 1823 году въ Отеч. Зап. [1]), изд. П. Свиньинымъ, появилась первая научная біографія Сковороды, основанная не на личныхъ воспоминаніяхъ, а на письменныхъ источникахъ и подписанная иниціалами И. Сн. (т. е. Иванъ Снегиревъ). Самъ авторъ говоритъ объ источникахъ своихъ слѣдующее: „писано, основываясь на біографіи М. И. К—скаго, ученика Сковороды, на мнѣніяхъ о Сковородѣ Густава Геса-де-Кальве

[1]) Отеч. Зап., часть 16-я, стр. 96—106 и 249—263.

Библиотека "Руниверс"

и И. В—та (т. е. Вернета); но оба первые были его панегиристами, а послѣдній строгимъ судіею, хотя, кажется, подобно первымъ, иногда не безпристрастнымъ; покойный Григорій Саввичъ въ жару спора, какъ самъ разсказывалъ чувствительный и добрый В-ъ, назвалъ его *мущиною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ;* признаюсь: это нѣсколько щекотливо для мущины умнаго и характернаго! Оставя шутки и такіе отзывы вспыльчиваго спорщика, мнѣ должно было держатся средины, какъ съ умѣлось. Кромѣ того я пользовался свѣдѣніями объ украинскомъ философѣ отъ двухъ почтенныхъ мужей, лично его знавшихъ, также и рукописными его сочиненіями. [1])"

Чтеніе статьи Снегирева, впрочемъ, убѣждаетъ насъ, что онъ основывался собственно на извѣстіяхъ Ковалинскаго, Гесъ-де-Кальве и Вернета; что же касается свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ двухъ почтенныхъ мужей и почерпнутыхъ изъ рукописныхъ сочиненій Сковороды, то вліяніе ихъ ничѣмъ осязательнымъ не проявилось на трудѣ Снегирева. Біографію Сковороды Снегиревъ излагаетъ въ общемъ вѣрно, допуская только немногія неточности. [2]) Кое гдѣ у него являются впрочемъ и прибавки сравнительно съ первоначальными источниками: такъ онъ говоритъ, что Сковорода написалъ свое руководство для Переяславской семинаріи „руководимый изслѣдованіями Тредьяковскаго и Ломоносова", между тѣмъ какъ архіерей предпочиталъ ямбамъ Ломоносова силлабическіе стихи Симеона Полоцкаго (стр. 101); одинъ его почитатель, говоритъ Снегиревъ, вызывалъ къ себѣ черезъ Московскія Вѣдомости желающихъ читать сочиненія украинскаго мудреца (стр. 261), въ дер. Гусинкѣ (въ Изюмскомъ уѣздѣ), Гр. Сав. Сковорода, по словамъ Снегирева, „пасъ стада и читалъ Виргиліевы эклоги „(стр. 249). Сами по себѣ эти факты очень правдоподобны, но любопытно было бы все таки знать, являются ли они личнымъ домысломъ Снегирева или позаимствованы отъ тѣхъ двухъ почтенныхъ лицъ, на которыхъ ссылается онъ въ примѣчаніи. Въ отзывѣ о сочиненіяхъ Снегиревъ ограничивается общими мѣстами; вотъ какъ отзывается онъ о Наркисѣ или Асхани (изъ текта не ясно, о какой изъ нихъ идетъ рѣчь): „это сочиненіе, содержащее въ себѣ многія полезныя и важныя для человѣчества истины, хотя и не совсѣмъ удачно раскрытыя" (стр. 105); а вотъ общій отзывъ его о содержаніи и стилѣ Сковородинскихъ трудовъ; „въ

---

[1]) Ibidem, стр. 96.

[2]) Такъ онъ колеблется въ вопросѣ о мѣстѣ рожденія Сковороды, называетъ митрополита Самуила Миславскаго Симеономъ (стр 97), историческое, научное различіе между Малороссіей и Украиной (слободской) считаетъ народнымъ (стр. 252), кончину Гр. Сав. относитъ не къ 29, а къ 26 октября 1794 г. (256), неточно называетъ нѣкоторыя его сочиненія (стр. 261) (Алфавитъ міра вмѣсто Алфавитъ мира, благородный Ерофій вмѣсто благодарный Ерофій, Аскань вмѣсто Асхань, это послѣднее, конечно опечатка).

Библиотека "Руниверс"

произведеніяхъ Сковороды встрѣчаются мысли важныя и великія, чувствованія сильныя и глубокія; но есть и странности, запутанность и безпорядокъ въ планѣ сочиненія.... Небрежный слогъ его, исполненный провинціализмовъ, не ознаменованъ печатію хорошаго вкуса, хотя иногда и отличается силою и разительностію; чтобы понимать его, должно знать по малороссійки. Въ его краю многія его изрѣченія вошли въ пословицы" (стр. 262). Не останавливаясь здѣсь на разборѣ этого мѣста (намъ придется объ этомъ говорить подробнѣе далѣе), мы только отмѣтимъ, что и Снегиревъ считаетъ языкъ Сковороды сильнымъ и разительнымъ, но онъ ему не нравитси за его провинціализмы; тутъ, очевидно, на Снегирева оказалъ вліяніе Вернетъ своимъ замѣчаніемъ о грубости литературнаго вкуса Сковороды. Снегиревъ отмѣчаетъ у Сковороды слѣдующія черты характера: рѣшимость, чистосердечіе, безкорыстіе, доброту, честность, любовь къ природѣ, независимость, откровенность, своенравіе, нетерпѣливость, подъ часъ пристрастіе; послѣднія эти черты отрицательныя, въ особенности своенравіе или упрямство (стр. 256—260); указывая на нихъ, Снегиревъ повторялъ только слова Вернета [1]). Слѣдуя Вернету, Снегиревъ также говорилъ, что Сковорода подражалъ Діогену (стр. 260). Нельзя не согласиться съ заключительными сужденіями Снегирева о Сковородѣ, который, по его словамъ, „жилъ болѣе для другихъ, чѣмъ для себя, говорилъ правду людямъ не обинуясь, и умеръ, не сожалѣя о страннической жизни своей, въ продолженіе коей былъ не болѣе, какъ ученикомъ—учителемъ, пѣвчимъ и пастухомъ, но всегда мудрецомъ, который старался быть превыше обстоятельствъ своихъ, твердо соблюдать предначертанныя имъ себѣ правила и не покоряться общему мнѣнію, когда оно удаляетъ насъ отъ истины и добродѣтели (стр. 263)".

Въ 1831 г. Хиждеу, который впослѣдствіи напечаталъ выдающуюся статью о Сковородѣ, помѣстилъ въ журн. „Телескопъ" [2]) три пѣсни его изъ неизданнаго въ то время сборника „Садъ божественныхъ пѣсней", а именно—„Ой ты, птичко желтобока", „Ой поля, поля, зелены" и „Всякому городу нравъ и права". Г. П. Данилевскій говоритъ, что этихъ стихотвореній подъ указанными Хиждеу номерами (XVIII, XIII и X) не оказалось въ печатномъ изданіи „Сада"—и это вѣрно, но они находятся именно подъ этими номерами въ подлинной рукописи самого Сковороды.

[1]) Ср. Укр. Вѣст. 1817 г., часть 6-я, смѣсь, стр. 121—122.

[2]) Замѣтимъ кстати, что эта статья Снегирева была переведена на франц. языкъ и напечатана въ журналѣ „Bulletin du Nord", 1828, т. 3-й, сент., тетрадь 10 и 11-я, стр. 149—156 и 270—275; пользуемся указаніемъ Г. П. Данилевскаго (См. Укр. стар., стр. 93); замѣтимъ еще, что нѣсколько строчекъ о Сковородѣ мы найдемъ въ ст. Снегирева, помѣщенной въ Ученыхъ зап. моск. у—а, 1833 г., ч. 1-я, стр. 694—695; они цѣликомъ извлечены оттуда Данилевскимъ; см. его Укр. Старину, стр. 24.

Библиотека "Руниверс"

Къ 1834 г. относится выдающаяся статья о Сковородѣ знаменитаго слависта И. И. Срезневскаго. Извѣстно, что въ бытность свою профессоромъ Харьковскаго университета, И. И. Срезневскій сильно увлекался малорусской народной словесностью, этнографіей и исторіей. Самъ онъ родился и воспитывался въ Харьковѣ, гдѣ отецъ его былъ также профессоромъ университета. Въ 1829 году онъ окончилъ Харьковскій университетъ со степенью кандидата, въ 1833 г. уже издалъ „Малороссійскія пословицы“ и 1-й выпускъ „Запорожской старины“, а 1834 г.—„Взглядъ на памятники украинской народной словесности“ (въ Ученыхъ зап. моск. у—а). Въ это же время онъ принималъ живое участіе въ составленіи харьковскаго альманаха „Утренняя Звѣзда“ [1]), гдѣ напечатана и его статья о Сковородѣ, подписанная такъ: С. р. з. к. го (И. И.) „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ, украинскомъ философѣ“ (Альманахъ Утренняя Звѣзда Х. 1833, стр. 67—92) съ его портретомъ [2]).

Основана она главнымъ образомъ на живыхъ тогда еще преданіяхъ и разсказахъ лицъ, помнившихъ Сковороду, и на его сочиненіяхъ; „Житіемъ“ Ковалинскаго авторъ не пользовался. Такимъ образомъ, статья эта въ своей фактической части сама получаетъ до извѣстной степени значеніе первоисточника, а кромѣ того въ ней также находимъ характеристику Сковороды и его сочиненій. И. И. Срезневскій смотритъ на Г. С. Сковороду, какъ на „человѣка, съ умомъ, подавленнымъ мистицизмомъ, вѣчно пасмурнаго, вѣчно одинокаго, своеобычливаго, себялюбиваго, гордаго — признакъ необходимый ума строптиваго“ (стр. 69). Отъ природы Сковорода, по его мнѣнію, былъ добръ, но выросши круглымъ сиротою, онъ по неволѣ привыкъ къ одиночеству, подпалъ игу меланхоліи, сердце его потеряло чувствительность; такъ явилось у него „это ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта“. „Умъ Сковороды шелъ тою же дорогой: сначала бодрый, игривый, онъ мало по малу тяжелѣлъ, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе и наконецъ погрузился въ мрачную бездну мистицизма“. Этотъ послѣдній онъ между прочимъ позаимствовалъ изъ Германіи, гдѣ были такъ сильны въ то время квіетисты.

„Отчужденіе Сковороды отъ людей объяснялось не презрѣніемъ къ нимъ—онъ желалъ блага человѣчеству—а страхомъ передъ ними. Другой чертой его характера является духъ сатиризма. Сковорода вездѣ находилъ или, лучше сказать, вездѣ старался найти худую сторону—и это самое всегда унижало его благородное стремленіе къ пользѣ общей. И причиною этого была его жизнь, представлявшая сцѣпленіе бѣдствій и

---

[1]) Тел., 1831, ч. 6-я, стр. 578—582.

[2]) См. объ этомъ ст. В. Из. Срезневскаго (Кіев. Ст. 1893, № 1.).

Библиотека “Руниверс”

угнетеній. Вотъ почему онъ глядѣлъ на человѣчество такими же глазами, какъ Руссо, т. е. пессимистически". Въ доказательство этого авторъ приводитъ выдержку изъ Сковороды, гдѣ онъ говорилъ о *своей* жизни. „Что жизнь? То сонъ турка, упоеннаго опіумомъ, сонъ страшный—и голова болитъ отъ него, и сердце стынетъ. Что жизнь? То странствіе"... (стр. 70—71). Судьба была для Сковороды мачихой; вотъ откуда идутъ его „хладнокровіе наблюдателя", „независимость образа мыслей", „странная причудливость поступковъ", „постоянная охота учиться и странствовать, странствовать и учиться" (стр. 67—68). Таковъ взглядъ И. И. Срезневскаго на Сковороду. По нашему мнѣнію, онъ въ основѣ своей несостоятеленъ. Гдѣ то ледяное отчужденіе Сковороды отъ людей и свѣта, о которомъ говоритъ И. И. Срезневскій? Правда, Сковорода избѣгалъ неизвѣстныхъ ему лицъ, но не убѣгалъ отъ людей вообще; правда, онъ велъ жизнь странника, но не былъ аскетомъ. Извѣстно, что у него было много друзей и среди духовенства, и среди дворянства, и среди горожанъ; извѣстно, какъ онъ любилъ и постоянно *искалъ* общенія съ простымъ народомъ; не чуждался онъ и такой компаніи, которая была ему по душѣ. Сердце его не очерствѣло и всегда билось любовью къ своему ближнему. Боялся или, вѣрнѣе, стѣснялся онъ только такихъ людей, которые были не по немъ, которые хотѣли посмотрѣть на чудака, чтобы имѣть право сказать потомъ: „я бесѣдовалъ съ самимъ Г. С. Сковородой"! Кличка мистика, какъ мы увидимъ далѣе, далеко не опредѣляетъ Сковороды; умъ его не дичалъ и не погружался постепенно въ бездну мистицизма: Сковорода постоянно работалъ въ одномъ направленіи—христіанско-философскомъ и отличался, намъ думается, всегда одними и тѣми же свойствами; во всякомъ случаѣ умъ его никогда не былъ „игривымъ". Даже въ сатирическихъ его произведеніяхъ общедоступнаго содержанія, (напримѣръ, знаменитой пѣсни „всякому городу нравъ и права"), положена въ основу серьезная нота морали. Никоимъ образомъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что бы Сковорода вездѣ *старался* находить темную сторону и чтобы это *унижало* его стремленіе къ общему благу. Онъ вездѣ выставляетъ положительный идеалъ жизни и этимъ идеаломъ проникнуты почти всѣ его сочиненія. Само собою разумѣется, что при этомъ онъ не можетъ не касаться и отрицательныхъ явленій, хотя, нужно сознаться, что реальныхъ картинъ такой жизни у него немного; и о порокѣ онъ трактуетъ преимущественно съ отвлеченной философской точки зрѣнія. Такимъ образомъ настоящимъ обличителемъ, сатирикомъ современнаго общества, въ собственномъ смыслѣ этого слова, его назвать нельзя. Нельзя также согласиться и съ объясненіемъ, которое даетъ И. И. Срезневскій пессимизму Г. С. Сковороды; этотъ пессимизмъ былъ порожденъ, по его мнѣнію, тяже-

Библиотека "Руниверс"

лыми условіями личной жизни Сковороды, которая представляла будто бы сцѣпленіе бѣдствій и угнетеній. Но въ дѣйствительности жизнь Сковороды, на сколько она намъ извѣстна, не была столь печальна, скорѣе даже можно сказать, что она, говоря относительно, въ особенности въ юности его, когда именно формировался характеръ, была полна неожиданно счастливыхъ случайностей. Въ самомъ дѣлѣ. Сковорода родился въ простой козацкой деревенской средѣ и, слѣдовательно, при обычныхъ условіяхъ, долженъ былъ бы сдѣлаться также козакомъ, участвовать въ походахъ, заниматься хлѣбопашествомъ и быть на столько грамотнымъ, чтобы читать церковныя книги. Но его взяли въ придворные пѣвчіе; а мы знаемъ, какъ хорошо жилось пѣвчимъ — малороссіянамъ въ царствованіе Импер. Елисаветы Петровны, благодаря покровительству всесильнаго тогда ихъ земляка Ал. Кир. Разумовскаго. Пѣвческое званіе, очевидно, открыло Сковородѣ и двери Кіевской Духовной Академіи—этого разсадника высшаго образованія. Г. С. Сковорода могъ бы при своихъ блестящихъ способностяхъ окончить здѣсь курсъ и, принявъ монашество, достигнуть извѣстныхъ степеней въ церковной іерархіи; но онъ *добровольно*, по собственному влеченію, выбралъ жизнь странника, которая соотвѣтствовала его вкусамъ и привычкамъ. Ненасытная жажда знанія влекла его заграницу, а счастливый случай помогъ осуществленію этого желанія: опять таки на его долю выпало то, о чемъ едвали могъ и мечтать скромный сельскій мальчикъ изъ с. Чернухъ. Скажутъ, можетъ быть, что люди были къ нему несправедливы, что онъ не могъ найти себѣ тихаго пристанища, что онъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ оффиціальной служебной дѣятельности. Но не забудемъ, что эти должности онъ принималъ по усиленной просьбѣ начальствующихъ лицъ и оставлялъ ихъ изъ любви къ свободѣ и независимости, что ему и впослѣдствіи дѣлали весьма лестныя предложенія, но онъ отъ нихъ все таки добровольно отказывался. И. И. Срезневскій приводитъ разсужденіе Сковороды, въ которомъ онъ будто бы рисуетъ свою безотрадную жизнь; но на самомъ дѣлѣ, оно, какъ намъ кажется, рисуетъ *человѣческую жизнь вообще*, ничтожную и скоропреходящую съ точки зрѣнія вѣчности. „Что жизнь? спрашиваетъ онъ (какъ мы видимъ, жизнь вообще, а не его въ частности). То сонъ турка, упоеннаго опіумомъ...“

Послѣ этой общей оцѣнки Г. С. Сковороды И. И. Срезневскій переходитъ къ обозрѣнію нѣкоторыхъ его сочиненій; останавливается между прочимъ на „*Начальной двери къ христіанскому добронравію*“, представлявшей изъ себя курсъ лекцій читанный въ Харьковскомъ коллегіумѣ, и приводитъ отрывокъ вступительной проповѣди Г. С. Сковороды, служившей введеніемъ въ этотъ курсъ. Это очень характерное введеніе и нельзя не пожалѣть, что изъ него приведенъ былъ

Библиотека "Руниверс"

только незначительный отрывокъ. Къ счастью въ бумагахъ покойнаго академика эта вступительная проповѣдь сохранилась цѣликомъ и, благодаря любезности сына Измаила Ивановича Всеволода Измаиловича, мы будемъ имѣть возможность воспроизвести ее въ настоящемъ изданіи. Между прочимъ И. И. Срезневскій сообщаетъ любопытныя подробности о той бурѣ, которую возбудили въ коллегіумѣ чтенія Г. С. Сковороды. Изъ другихъ сочиненій Г. С. Сковороды авторъ отмѣчаетъ слѣдующія: „*Лотова жена, Мученики во имя Христа, Іуды-ники;* симфоніи—напр., *Исповѣдь и покаяніе, Путь къ вѣчности, Мракъ міра, Свѣтъ міра* и множество другихъ". Изъ перечисленныхъ здѣсь сочиненій намъ извѣстно только первое; остальныя же неизвѣстны даже по заглавіямъ; о нихъ ни слова не говоритъ самъ Г. С. Сковорода;не упоминается о нихъ и въ другихъ доступныхъ намъ источникахъ. О „Садѣ божественныхъ пѣсней" И. И. Срезневскій произноситъ слѣдующій приговоръ: „эти пѣсни заключаютъ въ себѣ прекрасные мысли и если есть въ нихъ недостатокъ, то конечно въ слогѣ и выраженіяхъ, слишкомъ рѣзкихъ и язвительныхъ „(стр. 88). О басняхъ онъ говоритъ слѣдующее:" это—игрушки воображенія, его недостойныя. Изложеніе оныхъ очень посредственно. Хорошія нравоученія встрѣчаются рѣдко"(Ibidem). Сужденіе о басняхъ нельзя не признать слишкомъ суровымъ. Весьма любопытнымъ является сопоставленіе стихотворенія Сковороды „Всякому городу нравъ и права" съ его народной передѣлкой, записанной самимъ И. И. Срезневскимъ отъ слѣпцовъ—лирниковъ. Въ сущности это впрочемъ не столько передѣлка, сколько расширеніе текста въ духѣ первоначальной редакціи. Въ пѣсни Сковороды было 5 строфъ, а въ народной ея передѣлкѣ 16. Впослѣдствіи мы еще остановимся на самомъ характерѣ этой передѣлки, теперь же только отмѣтимъ указаніе И. И. Срезневскаго, что большая часть псальмовъ, распѣваемыхъ слѣпцами—лирниками, суть сочиненія Сковороды (стр. 81). Желательно было бы видѣть доказательства этого положенія, но ихъ, къ сожалѣнію авторъ не приводитъ. Заслуживаютъ вниманія данныя, сообщаемыя И. И. Срезневскимъ о различныхъ привычкахъ и склонностяхъ Г. С. Сковороды. О любви его къ музыкѣ онъ говоритъ слѣдующее: „мнѣ кажется очень страннымъ, какъ Сковорода, мистикъ и такой холодный, пасмурный мистикъ, могъ любить музыку и между тѣмъ музыка была его единственнымъ удовольствіемъ; или это привычка дѣтства?" По словамъ Срезневскаго, Г. С. Сковорода сочинилъ ноты къ Херувимской пѣсни. Гр. Фед. Квитка къ этому дѣлаетъ еще примѣчаніе, что Сковорода сложилъ напѣвы и другихъ церковныхъ пѣсенъ (Христосъ воскресъ, Воскресенія день и т. п.). Это свидѣтельство впослѣдствіи подвергъ тщательному разсмотрѣнію Гр. Петр. Данилевскій и пришелъ, какъ увидимъ далѣе, къ отрицательнымъ вы-

Библиотека "Руниверс"

водамъ. Отмѣтимъ кстати здѣсь одну частность, со словъ И. И. Срезневскаго: онъ говоритъ, что Сковорода игралъ не на флейтѣ, а на усовершенствованной имъ сопилкѣ, которую называлъ флейтой (с. 77). Мы же полагаемъ, что въ юности Сковорода дѣйствительно игралъ на „сопилкѣ", но потомъ присоединилъ къ ней и флейту и сверхъ того еще скрипку, бандуру и гусли. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ М. И. Ковалинскій. Это свидѣтельство М. И. Ковалинскаго подтверждается еще и однимъ письмомъ его къ Г. С. Сковородѣ: въ немъ онъ сообщалъ отъ отправленіи ему въ подарокъ флейты изъ Петербурга. [1]) По словамъ И. И. Срезневскаго, Гр. Сав. Сковорода любилъ хоровое пѣніе даже въ глубокой старости и это, конечно, весьма вѣроятно. Характеренъ разсказъ, рисующій застѣнчивость Сковороды, (с.78—79) и еще болѣе любопытно описаніе его смерти (с. 90—91). Таково содержаніе статьи И. И. Срезневскаго. Хотя мы не раздѣляемъ многихъ взглядовъ покойнаго академика, но обязаны отдать должное почтенному автору, такъ много потрудившемуся въ началѣ своей ученой дѣятельности на пользу изученія южнорусскаго края вообще и Слободской украйны въ частности. Фактическія данныя, сообщаемыя И. И. Срезневскимъ, по живымъ тогда еще преданіямъ и разсказамъ очевидцевъ, не утратили своего значенія и до настоящаго времени, являясь и теперь нѣкоторымъ дополненіемъ къ „Житію" Гр. Сав. Сковороды, составленному другомъ его Ковалинскимъ. Весьма важное значеніе имѣетъ и этнографическая запись пѣсни Сковороды „всякому городу нравъ и права".

И. И. Срезневскому принадлежитъ сверхъ того еще повѣсть „Майоръ", въ которой изображенъ одинъ любопытный эпизодъ изъ жизни Гр. Сав. Сковороды—его неудавшаяся женитьба [2]). Вотъ ея сюжетъ. Въ одномъ изъ Валковскихъ хуторовъ проживалъ бѣдный отставной майоръ съ прелестною дочерью Еленой, которая полюбила странника Гр. Сав. Сковороду, наставлявшаго ее правиламъ благочестія и нравственности. Григорій Саввичъ совершенно сроднился съ дочерью и отцомъ, который, видя ихъ взаимную привязанность, хотѣлъ соединить ихъ брачнымъ союзомъ, но Григорій Саввичъ, несмотря на сильную любовь къ дѣвушкѣ, ушелъ изъ подъ самаго вѣнца, а та вышла замужъ за другого. Не можемъ сказать, имѣетъ ли реальное основаніе этотъ разсказъ; повсей вѣроятности, на эту тему существовалъ какой нибудь анекдотъ, которымъ и воспользовался И. И. Срезневскій. Но, не желая отступать отъ дѣйствительности, авторъ внесъ въ текстъ повѣсти нѣкоторые отрывки изъ сочиненій Сковороды и свои замѣчанія о нихъ—(стр. 211, 225—227, 443 - 444, 447, 455, 457). Для насъ представляетъ интересъ въ на-

[1]) Украинская старина, стр. 50, 52.

[2]) См. Московскій наблюдатель 1836, мартъ и апрѣль.

Библиотека "Руниверс"

стоящее время только одинъ отрывокъ—изъ недошедшаго до насъ сочиненія Гр. Сав. Сковороды „*О рай земномъ*“ (остальныя извѣстны). Вотъ этотъ отрывокъ: „въ мірѣ семъ искать рая? Рай на небѣ, рай—небо, рай—Богъ. Ай, ай, ай! Грѣшникъ! А Богъ же гдѣ? Или и ему ты хочешь дать удѣлъ, какъ королю, какъ калифу, или какъ великому Монтецумѣ? Богъ всюду и всюду, гдѣ Богъ, есть рай, и, гдѣ нѣсть Бога, нѣсть рая. Такъ есть рай и на землѣ, ибо и Богъ есть на землѣ. А гдѣ онъ на землѣ? Гдѣ благо. А гдѣ благо? Весь міръ, вся вселенная есть единое, великое благо, ибо все благимъ Творцемъ сотворено. И всюду найдешь его. Не ищи его за Индомъ, не ищи у верховій Нила, не будь ни вельможей, ни ростовщикомъ, ни Алкидомъ, ни Пигмеемъ! Будь только человѣкомъ—слышишь? Человѣкомъ—и обрѣтешь благо, и узришь рай. Будь человѣкомъ! Люби Бога, люби тою же любовью ближняго, всѣхъ ближнихъ, всѣхъ живыхъ, столько же какъ и умершихъ и нерожденныхъ. Всѣ они братья твои, родъ твой, радость твоя, надежда твоя, молитва твоя, вѣнецъ твой, всѣ, всѣ и всѣхъ люби и Бога, и будетъ тебѣ рай. [1]) Дума эта оканчивалась кантомъ, который въ подлинникѣ звучалъ такъ:

О Боже, живый глаголъ! Кто есть безъ тебя веселъ?
Ты единъ всѣмъ жизнь и радость!
Ты единъ всѣмъ рай и сладость!
Взбудь святую волю въ насъ: да твой владѣетъ гласъ.
Даждь пренужный даръ намъ сей, молимъ тя царя царей [2]).

Хотя объ этомъ сочиненіи не упоминается нигдѣ, „но если судить по приведенному отрывку, то оно дѣйствительно могло принадлежать Гр. Сав. Сковородѣ, по крайней мѣрѣ оно написано въ его духѣ и въ согласіи со взглядами, выраженными въ другихъ его трудахъ.

Характерны еще два мѣста въ повѣсти „Майоръ“—взглядъ Срезневскаго на вступительную проповѣдь Сковороды передъ курсомъ о христіанскомъ добронравіи и рѣзкая выходка его противъ Хиждеу. „За чѣмъ такая вступительная проповѣдь? Говоритъ Григорію Саввичу майоръ. За чѣмъ по крайней мѣрѣ въ ней такое непристойное, смѣлое, дерзкое начало и заключеніе?“ „Сердце мое говорило, не любочестіе!“ Отвѣтилъ Г. С. Сковорода и заплакалъ отъ огорченія. „Полно, полно, Григорій Саввичъ, замѣтилъ ему майоръ. Придетъ и твое время. Узнаютъ тебя, оцѣнятъ тебя, еще и оболгутъ тебя во славу твою. Да, да и оболгутъ, лишь бы прославить. Какой нибудь бѣглый Молдаванъ (намекъ на Хиждеу) безъ совѣсти начнетъ разсказывать о тебѣ небылицы, выдавать за твои сочиненія свои собственныя фантазіи, лишь бы съ умѣть сравнить тебя съ Сократомъ или съ кѣмъ нибудь

[1]) Ibidem, стр. 443—444.
[2]) Ibidem, стр. 447.

Библиотека “Руниверс”

подобнымъ! Такова уже ваша участь, господа философы, какъ ты самъ разсказываешь.. Ну чтожъ? Прежде оболгутъ, а далѣе и правду скажутъ. И правда за тебя же“ [1]). Это рѣзкое замѣчаніе производитъ непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что является голословнымъ и не доказывается фактическими данными ни здѣсь, ни въ другой серьезной научной статьѣ И. И. Срезневскаго.

Въ началѣ повѣсти сдѣлана краткая характеристика Гр. Сав. Сковороды, напоминающая ту, которую мы видѣли въ научной статьѣ И. И. Срезневскаго: здѣсь вѣрно отмѣчена любовь Гр. Сав. къ странствованіямъ, но авторъ, какъ намъ кажется, впадаетъ въ нѣсколько каррикатурный тонъ, слишкомъ подчеркивая странности Сковороды. Глаза блѣстятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная, но тутъ же, при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ, и чудная гримаса, и чудная ужимка.... говорить умѣетъ и любитъ и говоритъ иногда, какъ добрый украинецъ; зато умѣетъ и подурачить другихъ вмѣстѣ самимъ собою (?) и ученостью, и умомъ, и благочестіемъ (??) и часто уловками пронырливаго попрошайки (?!!) Но онъ добръ и честенъ и прямодушенъ (стр. 206—207). Тутъ, очевидно, какой то lapsus linguae.

Полнаго вниманія и серьезнаго разбора по многимъ причинамъ заслуживаетъ статья Хиждеу о Сковородѣ „*Григорій Варсава Сковорода*. Историко-критическій очеркъ. Отрывокъ первый. Общее основное понятіе о Сковородѣ, объясненное изъ его собственнаго сознанія“ [2]). Она должна быть поставлена выше другихъ работъ, не смотря на то, что заключаетъ въ себѣ только одинъ изъ одинадцати отрывковъ, предположенныхъ къ изданію авторомъ. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ самъ Хиждеу. „Предлагаемая подъ симъ заглавіемъ статья, говоритъ онъ въ примѣчаніи, есть краткое (афористическое) извлеченіе изъ рукописи: Gregor Skovoroda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch kritische Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zu einer geschichte der slawishen Volksweisheit, in Briefen an Ioh. Ios. Görres, professor an der universität zu München. Она раздѣлена на 11 отрывковъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: I—III) общее основное понятіе о Сковородѣ: 1) объясненное изъ собственнаго его сознанія, 2) развитое изъ состоянія современнаго ему общества и 3) доказанное изъ духа и образа его твореній; IV –V) частное понятіе о жизни Сковороды: 1) какъ частнаго человѣка, 2) какъ учителя людей; VI—IX) частное понятіе объ ученіи Сковороды: 1) какъ богослова, 2) какъ философа, 3) какъ историка, 4) какъ поэта; X—XI) послѣднее слово о Сковородѣ: 1) по

[1]) Ibidem, стр. 226—227.

[2]) Телескопъ 1835 г., XXVI, стр. 1—42, 151—178.

Библиотека “Руниверс”

состоянію его въ руской исторіи письменности и 2) по значенію его въ общей исторіи образованія (стр. 3—4). Какъ видимъ отсюда, Хиждеу чрезвычайно широко задумалъ свой трудъ о Сковородѣ и если онъ былъ исполненъ (а къ такому заключенію приводитъ насъ только что приведенное заявленіе автора), то нельзя не пожалѣть, что мы не имѣемъ его въ печати, такъ какъ программа Хиждеу обнимаетъ всѣ важнѣйшіе вопросы, касающіеся жизни и литературной дѣятельности Сковороды. Изъ другихъ мѣстъ статьи Хиждеу видно, что онъ замышлялъ издать сверхъ того собраніе сочиненій Сковороды и подробный словарь его реченій. Но странно, почему онъ не издалъ своей рукописи; не совсѣмъ также понятно, почему это обширное изслѣдованіе (краткое извлеченіе изъ одного только его отрывка занимаетъ 70 печ. страницъ) является въ формѣ письма къ профессору Герресу.

Быть можетъ, впрочемъ Хиждеу дѣйствительно имѣлъ въ виду составить монографію по представленному имъ плану и издать сочиненія Сковороды, но не успѣлъ закончить ни того, ни другого, а ограничился только напечатаніемъ одной статьи. Говоримъ это между прочимъ потому, что программа статьи Хиждеу скорѣе могла быть создана подъ вліяніемъ чтеній Герреса изъ всемірной исторіи [1]), чѣмъ живаго, непосредственнаго ознакомленія его съ матеріаломъ о Сковородѣ. Интересны цѣли и пріемы Хиждеу, которые самъ онъ формулируетъ такъ. Сдѣлавъ краткую характеристику Сковороды и указавъ на противорѣчивые взгляды на него современниковъ, Хиждеу говоритъ, что онъ избралъ среднюю точку зрѣнія. „Я не утаю, говоритъ онъ, его слабостей... но буду также защищать его противъ несправедливыхъ приговоровъ, коими онъ былъ осуждаемъ и въ жизни, и по смерти. И въ томъ, и въ другомъ я имѣю одну цѣль: привести на память забытое имя и возстановить искаженную славу сего необыкновеннаго русскаго человѣка. Не боюсь упрека въ смѣлости общаго основнаго понятія, ибо ничего не вставляю въ частностяхъ, на что нѣтъ положительныхъ доказательствъ или чего не повѣрилъ собственнымъ историческимъ слѣдствіемъ, по горячимъ слѣдамъ источниковъ. Исторической вѣры нѣтъ: есть только историческая повѣрка.... Мое возстановленіе похоже на возстановленіе статуи рукою ваятеля, который уловилъ ея идею... Ея вѣрность возникаетъ изъ ея бытія, какъ цѣльности, и вѣроятность ея не уменьшается отъ того, что разорванныя строки обращаются въ разсказъ, въ высшей степени не ожиданный и значительный... Конечно, разрывать живое цѣлое по составамъ есть дѣло насильственное; но какъ сіи составы существовали прежде по

[1]) Смот. 2-ю главу статьи Хиждеу, гдѣ изложены эти общія теоретическія основанія (стр. 8—11).

Библиотека "Руниверс"

себѣ, то и должно то, что въ поэтическомъ отношеніи кажется разрушеніемъ, признать въ отношеніи историческомъ за возрожденіе (стр. 14—17). Эта нѣсколько темная тирада должна быть повидимому понята въ томъ смыслѣ, что Хиждеу хочетъ изъ отдѣльныхъ признаній и замѣчаній Сковороды возстановить *основной характеръ* его ученія. Такова цѣль и задача этого перваго отрывка, какъ она выражена и въ его заглавіи (общее основное понятіе о Сковородѣ, объясненное изъ его собственнаго сознанія). Въ примѣчаніи Хиждеу объясняетъ болѣе подробно, какъ онъ поступалъ съ текстами Сковороды. „Я долженъ замѣтить здѣсь, говоритъ онъ, что мои *выписки* изъ твореній Сковороды нѣсколько очищены или, правильнѣе, обновлены въ слогѣ, впрочемъ съ удержаніемъ тѣхъ словъ, которыя надлежало удержать, какъ образцовыя: но мысль, ея существо, теченіе, связи, обороты и цѣль неприкосновенны, безъ самомалѣйшаго причета чужаго и учета собственнаго ей. Первое казалось необходимымъ *здѣсь* (т. е. въ журналѣ), дабы избѣгнуть рѣзкой пестроты въ цѣломъ. Пріятель мой 8-го класса К. Я. Сергѣевъ, принимающій особенное участіе въ изданіи твореній Сковороды, совѣтовалъ даже издавать всѣ творенія его въ переводѣ, дабы странная смѣсь церковнаго языка съ простонароднымъ украинскимъ, оразноображеннымъ словами польскими и многими бѣлорусскими провинціализмами, а также вставками выраженій греческихъ и латинскихъ, не рѣдко даже и еврейскихъ, отличающая слогъ Сковороды, не испугала многихъ читателей. Согласенъ; но не лучше ли по Шекспировому золотому словцу: „speak of me as am?“ (стр. 16—17). Въ другомъ мѣстѣ Хиждеу прибавляетъ къ этому еще слѣдующее: „въ примѣчаніи 8-мъ я предварилъ, что хотя и рѣшился *нѣсколько* обновить слогъ Сковороды, но не рѣшился исключить словъ и выраженій, отличающихъ или, правильнѣе, образующихъ его слогъ, ибо въ такомъ случаѣ выписки изъ его твореній не имѣли бъ подлиннаго, природнаго своего цвѣту. Мои *перемѣны* относятся преимущественно къ *частицамъ* (аще, бо, зане, убо и т. д.) и *окончаніямъ* по церковному языку; и только изрѣдка я позволялъ себѣ переставить нѣкоторыя слова, если замѣчалъ, что отъ того смыслъ выраженія можетъ получить болѣе легкости и ясности“ (стр. 170). Вопросъ о томъ, какъ пользовался Хиждеу сочиненіями Сковороды имѣетъ большое значеніе, въ виду того, что послѣдующая критика выставила противъ него обвиненіе въ вольномъ обращеніи съ текстомъ и даже прямо въ сочинительствѣ его. Мы позволили себѣ привести настоящія выдержки изъ статьи Хиждеу потому, что въ нихъ онъ самъ характеризуетъ свой способъ пользованія текстами Сковороды. Конечно, было бы лучше, если бы Хиждеу вовсе не подновлялъ выраженій Сковороды, но тѣ небольшія отступленія, на которыя указываетъ онъ еще не

Библиотека "Руниверс"

представляли бы большой бѣды, если бы.... они были дѣйствительно такъ незначительны, какъ увѣряетъ онъ; къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ провѣрка, они гораздо болѣе существенны. Мы, конечно, можемъ провѣрить Хиждеу только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ссылается на извѣстныя намъ творенія Сковороды. Займемся этой провѣркой *систематически*. На 15-й стр. текстъ взятъ изъ соч. „Пря бѣсу съ Варсавою", но тамъ мы не нашли 2-й половины фразы—„человѣкъ есть, ничтоже болѣе, ничтоже менѣе"; [1]) на 152—153 стр. мы находимъ ссылку на письма Сковороды къ священнику Правицкому и выдержки изъ нихъ. Сравнивая ихъ съ подлинными письмами Сковороды, мы замѣчаемъ слѣдующее: Хиждеу выхватываетъ, такъ сказать, отдѣльныя мѣста изъ писемъ и въ одномъ мѣстѣ допускаетъ существенное измѣненіе съ цѣлью доказать свое положеніе. „Что бо мнѣ есть любезнѣе на небеси или на земли, точію *поучати* святынѣ?" (читаемъ мы у Хиждеу); а въ подлинникѣ сказано: точію *поучатися* святынѣ, и за тѣмъ прибавлено: „въ сей единой да живу и умираю" (потомъ слѣдуетъ дальнѣйшее развитіе этой мысли). Въ одномъ мѣстѣ латинскій текстъ искаженъ; nam ut *mediana* non semper est (и тутъ поставлена точка) читаемъ мы на стр. 152—133, а въ оригиналѣ сказано: nam ut *medicina* non semper *est mollis*, ita veritas saepe aspera est. На 157 стр. Хиждеу дѣлаетъ выписку изъ сочиненія Сковороды—„Бесѣда ангельская о клеветѣ діавольской"; выписка оказывается точною за исключеніемъ одного слова (у Хиждеу и израиля, а нужно просто израиля); но это сочиненіе въ дѣйствительности составляетъ часть „Брани Архистратига Михаила со сатаною".

Въ выпискѣ Хиждеу изъ предисловія Сковороды къ Харьковскимъ баснямъ (стр. 158—159) оказываются слѣдующія неточности (онѣ отмѣчены Вс. Изм. Срезневскимъ): [2]) прибавлено два слова—нашу родимую (пословицу); слово „поддѣльной" замѣнено „превратной" (маска); прибавлена цѣлая фраза: „Русь не любитъ учиться, а любитъ глумиться, и хочешь ли поучать народъ, поглумляйся съ нимъ за одно въ премудрости"; Вс. Изм. Срезневскій полагаетъ, что Хиждеу прибавилъ еще и другую фразу: „такова рѣчь и человѣкъ назывался у Еллинъ Σιληνός", но эта фраза имѣется въ томъ спискѣ Харьковскихъ басенъ, которымъ мы пользовались для своего изданія. На 163—164-й стр. Хиждеу приводитъ цитату изъ притчи Ередій, ничего отъ себя

---

[1]) У Хиждеу: „нѣсть богъ и согрѣшаю, нѣсть паки бѣсъ и каюся"; человѣкъ есмь, ничто же болѣе ничтоже менѣе; у Сковороды: „нѣсмь азъ Богъ и согрѣшаю; нѣсмь паки бѣсъ и каюся".

[2]) Письма Г. С. Сковороды къ священнику Я. Правицкому (въ жур. Библіографъ и отдѣльно стр. 21—22).

Библиотека "Руниверс"

не прибавляя, но кое гдѣ подновляя слогъ (вмѣсто поточиться говоритъ покотиться, вмѣсто исправить—направить, вмѣсто помогай—пособляй) и составляя одну фразу изъ разныхъ отдѣльныхъ отрывковъ фразъ Сковороды; такъ, напримѣръ, фраза Хиждеу—всякое дѣло спѣетъ собою и наука спѣетъ собою—составлена изъ двухъ отрывковъ, причемъ второй у Сковороды стоитъ впереди, а первый позади [1]). Наконецъ, на 167—169-й стр. находится у Хиждеу обширная выписка изъ сочиненія Сковороды „Пря бѣсу съ Варсавой". Приведемъ параллельно оба текста:

Хиждеу.

Даймонъ. Слышь! Варсава! Младенькій умъ! сердце безобразное, душа исполненная паучины, непоучающая, но паучающая! Ты ли творецъ новыя славы?

Варсава. Мы то Божіею милостію рабы Господни и дерзаемъ благовѣстить новую славу.

Даймонъ. Нынѣ не обинуяся провѣщай вину: отъ чего мое ветхое жилище въ миріяду кратъ многолюднѣе твоего новаго?

Варсава. Темно рѣчишь! Открой, если можешь, откровеннѣе сердца твоего бездну.

Даймонъ. О апокалипта, странность въ словѣ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный источникъ пустыни новыя.

Варсава. И лжешь, и темнорѣчишь. Кто можетъ поднять на пути злато или бисеръ, мнящій

Пря бѣсу съ Варсавой.

Даймонъ. Слыши, Варсава! младенческій уме! Сердце безобразное! Душо исполнена паучины! Не поучающая, но паучающая... Ты ли еси творяй странныя догматы и новыя славы?

Варсава. Мы то Божіею милостію рабы Господни есмы и дерзаемъ благовѣстити Божію славу сію.

Это взято изъ другаго сочиненія Сковороды „Борьбы арх. Михаила съ Сатаною", гдѣ этотъ послѣдній говоритъ: „нынѣ убо не обинуяся провѣщалъ еси вину, чесо ради преисподнее жительство въ тысящу кратъ многолюднѣе паче вашего небеснаго"?

Оттуда-же. **Михаилъ.** И лжешь, и темнорѣчишь: открый, аще можеши, откровеннѣе сердца твоего бездну.

Оттуда-же. **Сатана.** О апокалипта! странность въ догматахъ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ, сей есть троеродный источникъ пустыни вашея небесныя.

Оттуда-же. **Михаилъ:** Кто можетъ поднять на пути злато или бысеръ, мнящій быть нѣ-

[1]) См. настоящее изданіе стр. 222.

Библиотека "Руниверс"

быть нѣчто безполезное? Кій тетервакъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть или западню, почитая рогомъ изобилія?

Кій агнецъ не устрашится матери, творящій ее волкомъ и не прильнетъ къ волку, представляя его матерью? Не виню міра, не вини и Славы Новыя! Когда что любять и желаютъ мысли, тогда и сердце внутрь распространяется, раздувается, радуется; во время же огнущенія стѣсняется, жмется, тужитъ, подобно недужному, который отвращается отъ пищи и уста сжимаетъ. Невинна Слава Новая. Нѣтъ любви къ воспріятію ея, ибо сердце туго связано тугою и оглохло какъ аспидъ и студено какъ ледъ сотворилась къ матери своей, согрѣвавшей его въ нѣдрѣ своемъ и улюлюкавшей его пѣсенкою колыбельною: сынъ мой! Если поспишь, сладко поспишь, если пойдешь, безбоязненъ будетъ и радость будетъ на всѣхъ путяхъ твоихъ. Кто же виненъ? Ты враже! Ты украшенная гробница. Народъ хочетъ покланяться, мня найти нетлѣнныя мощи Святыни, а она полна мертвыхъ костей и праха. Народъ приходитъ и зритъ въ каждый разъ новое велелѣпіе украшеній и ослѣпляется глазъ его новымъ и новымъ свѣтомъ алмазовъ и камней, ярящихся блескомъ на гробницѣ; а не открываетъ крыши, да внутрь зазритъ и да узритъ, что тамо въ срединѣ.

Даймонъ. Много наглаголалъ ты. Невнятно мнѣ слово твое. чтось безполезное? Кій тетервакъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть, почитая рогомъ изобилія? Кій агнецъ не устрашится матери, творящій ее волкомъ, и не прилпнетъ къ волку, творящій его матерью? Не вините міра. Невиненъ сей мертвецъ. Отнятъ сему плѣннику куражъ; изобоженно око; прегражденъ путь; связала вѣчными узами туга сердце его. Кая туга? Когда что любятъ и желаютъ мысли, тогда и плотяное сердце внутрь насъ распространяется, раздувается, радуется; во время же огнушенія стѣсняется, жмется, тужитъ; аки недужный отвращается отъ пищи и уста сжимаетъ. Сатана, погасивъ огнь Божества въ мірскомъ сердцѣ, связалъ туго тугою..... Васылисковымъ убо ядомъ надхненъ міръ, глухъ аки аспидъ и студенъ, аки ледъ сотворился къ матери нашей, ко премудрости Божіей, согрѣвающей насъ въ нѣдрѣ своемъ и утѣшающей. Сыне! Аще поспиши, сладостно поспиши, аще пойдеши, безбоязненъ будеши, и радость будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ,

О украшенная гробница царская, полна мертвыхъ костей и праха.

Нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Какъ же хочешь и мнишьословить народъ толикимъ много словіемъ?

Варсава. Какъ? А вотъ какъ: пойду ко гробницѣ и въ нѣмотѣ отверзу крышу ея, и не скажу людямъ ни слова живаго, одно перстомъ укажу на средину гробницы, и изъ ветхихъ костей, что въ ней и древняго праха, что въ ней, возстанетъ сама собою новая слава и оживится, и оживитъ; а гробница, кажущаяся все новою въ каждый разъ, разомъ обличится и разсыпется въ старую дрянь, въ ветошь въ очахъ всѣхъ людей и тако безъ слова ословлю народъ и запою новую славу; крѣпка какъ смерть любовь и крылья ея—крылья огня.

Нѣтъ.

Такимъ образомъ здѣсь дѣлается ссылка на одно сочиненіе, а берутся цитаты изъ двухъ, причемъ перемѣшиваются и дѣйствующія лица (даймонъ съ бѣсомъ, арх. Михаилъ съ Варсавой); текстъ сочиненій Сковороды перифразируется, а есть и такія мѣста, какихъ мы вовсе не нашли у Сковороды. Конечно, можно допустить что Хиждеу въ данномъ случаѣ пользовался какимъ нибудь особеннымъ спискомъ „Пря бѣса съ Варсавой“, въ которомъ были и приводимыя имъ мѣста. Мы готовы допустить, что онъ не сочинялъ этого, а вычиталъ въ томъ спискѣ, который былъ ему присланъ изъ Кишинева бывшимъ ректоромъ тамошней семинаріи прот. Викторомъ Пуриткѣвичемъ; быть можетъ, Хиждеу внесъ въ свой текстъ по ошибкѣ и кое что изъ того объясненія, которое было приложено прот. Пуриткѣвичемъ. Однимъ словомъ, не обвиняя Хиждеу въ преднамѣренномъ сочинительствѣ, мы тѣмъ не менѣе должны сознаться, что онъ обращался съ текстомъ свободнѣе, чѣмъ говоритъ объ этомъ въ своей статьѣ; за тѣмъ ему и въ голову не приходило критическое отношеніе къ бывшимъ въ его распоряженіи спискамъ, а они могли быть и неисправны; могли попасть къ нему и такія рукописныя сочиненія, которыя на самомъ дѣлѣ не принадлежали Сковородѣ.

Такіе научные пріемы Хиждеу заставляютъ насъ отнестись съ сомнѣніемъ къ тѣмъ сочиненіямъ Сковороды, выдержки изъ которыхъ приводитъ онъ въ своей статьѣ, но которыхъ нѣтъ въ нашемъ распоря-

Библиотека "Руниверс"

женіи. Къ сожалѣнію, въ своемъ первомъ отрывкѣ Хиждеу основываетъ главнымъ образомъ свои заключенія не на тѣхъ сочиненіяхъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ Сковородѣ и дошли до насъ, а на такихъ, какихъ у насъ въ рукахъ не имѣется и которыхъ самъ Сковорода не перечисляетъ въ спискѣ своихъ трудовъ. Это обстоятельство ставитъ насъ въ очень затруднительное, можно сказать, безвыходное положеніе: какъ относиться къ этимъ источникамъ? Дѣйствительно ли они принадлежали Сковородѣ? И это тѣмъ важнѣе, что изъ этихъ именно недошедшихъ до насъ рукописей взяты наиболѣе замѣчательныя выдержки, ярко рисующія образъ ученія Сковороды. Таково чрезвычайно важное мѣсто, гдѣ Сковорода прямо говоритъ, что онъ принялъ на себя задачу быть русскимъ Сократомъ, взятое Хиждеу изъ неизвѣстнаго намъ сочиненія Сковороды „*Софросина, сирѣчь, толкованіе на вопросъ: „что намъ нужно есть“ и на отвѣтъ: „Сократа!“* На немъ основывается сближеніе Сковороды съ Сократомъ, сознательное подражаніе перваго послѣднему. Другой отрывокъ, гдѣ онъ выступаетъ русскимъ націоналистомъ, позаимствованъ Хиждеу изъ соч. „*Книжечка о любви до своихъ, нареченная Ольга православная*“, которой также нѣтъ въ нашихъ рукахъ. Ученіе о троякомъ самопознаніи Хиждеу основываетъ на сочиненіи Сковороды „*Шесть разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ*“ и на соединенной съ ними „*Симфоніи о народѣ*“ (говоримъ такъ потому, что въ двухъ извѣстныхъ намъ трудахъ Сковороды, посвященныхъ также *самопознанію*.—Наркисѣ и Асханѣ—мы не находимъ этихъ мыслей); и эти шесть разговоровъ опять таки, подобно предыдущимъ сочиненіямъ, указываемымъ Хиждеу, *никому неизвѣстны*, кромѣ его самого. Читатель, такимъ образомъ, оказывается въ затруднительномъ положеніи относительно выводовъ и заключеній автора, потому что они основываются на неизвѣстныхъ источникахъ и не подтверждаются другими, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными [1]). А между тѣмъ выводы эти весьма существенны. Вотъ какъ можно резюмировать ихъ въ краткихъ чертахъ. Сковороду нужно сравнивать не съ Ломоносовымъ и Діогеномъ, а съ Сократомъ. „И Сократъ, и Сковорода чувствовали въ себѣ призваніе свыше быть наставниками народа. Внявъ оному, они стали народными учителями, въ собственномъ и высокомъ разумѣніи сего слова“; чѣмъ для Сократа былъ Даймонъ („живое чувство долга, какъ требованіе совѣсти, разви-

[1]) Замѣтимъ кстати, что и въ томъ случаѣ, когда Хиждеу сопоставляетъ текстъ Платона съ подлинными выдержками изъ Сковороды, для доказательства аналогіи между Сократомъ и украинскимъ мудрецомъ (стр. 152 153), мы лишены возможности сдѣлать свое заключеніе, такъ какъ убѣдительными оказываются только тѣ выдержки, которыя не могутъ быть нами провѣрены (послѣднія 23 строчки, взятыя Хиждеу изъ неизвѣстнаго намъ письма Сковороды къ прот. Ивану Гилевскому).

Библиотека "Руниверс"

тое въ бытіе и силу"), тѣмъ для Сковороды—его Минерва. „Жизнь Сократа и Сковороды развивалась изъ тѣхъ же самыхъ началъ—энтузіазма и иронiи". „По ученію Сковороды, такъ же какъ и по ученію Сократа, основное начало и условіе вѣдѣнія есть *самопознаніе*. Подобно Сократу, толковавшему для греческаго народа текстъ человѣческой природы по гаданіямъ здраваго смысла, Сковорода изъяснялъ русскому простонародію тотъ же текстъ, но по откровеніямъ Небеснаго разума, и также какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ и встрѣчнаго, и поперечнаго на распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, въ паперти святыхъ церквей... „Вотъ три момента, общіе въ параллели Сковороды съ Сократомъ". Здѣсь вѣрно и мѣтко опредѣлена аналогія въ дѣятельности греческаго и украинскаго мудреца и вмѣстѣ съ тѣмъ указано *различіе* между ними въ самомъ *содержаніи* ихъ ученія: Сократъ училъ отъ разума, а Сковорода исходнымъ пунктомъ бралъ небесный разумъ, т. е. священное писаніе. Съ такою постановкою вопроса нельзя не согласиться. Далѣе Хиждеу говоритъ объ энтузіазмѣ Сковороды и прибавляетъ, что вселенною для него была Русь святая, человѣчествомъ народъ русскій; это—очень важный выводъ, но мы его провѣрить не можемъ. „Иронія Сковороды, говоритъ Хиждеу, была большею частью прикрытіемъ его энтузіазма". И это вѣрно: Сковорода не былъ сатирикомъ, отрицателемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: его иронія, сарказмъ постоянно имѣли въ виду *положительную* цѣль жизни. Ученіе Сковороды о *тройкомъ самопознаніи*, какъ оно изложено у Хиждеу, чрезвычайно важно, но опять таки недоступно нашей критикѣ, благодаря тому, что исключительно опирается на неизвѣстный намъ источникъ. То же самое нужно сказать о принципѣ *народности*, который онъ относилъ къ воспитанію вообще, и о принципѣ *простонародности*, который онъ примѣнялъ лично къ своему учительству въ народной массѣ: это въ высшей степени характерно, но основано на недошедшихъ до насъ трудахъ Сковороды—письмѣ его къ арх. Георгію Конисскому и сочиненіи „О внутреннемъ человѣкѣ". Вотъ и все содержаніе статьи Хиждеу: она очень богата матеріалами, но къ сожалѣнію почти всѣ эти матеріалы не поддаются провѣркѣ. Единственнымъ, можно сказать, исключеніемъ является сближеніе Сковороды съ Сократомъ въ общемъ характерѣ ихъ дѣятельности и оно поставлено, на нашъ взглядъ, весьма прочно.

Къ 1837—1839 г.г. относится изданіе 5 сочиненій Г. С. Сковороды—*Убогій жайворонокъ* (1837 г.), *Разговоръ о душевномъ мирѣ* (1837 г.), *Бесѣда двое* (1837 г.), *Харьковскія басни* (1837 г.) и *Брань арх. Михаила съ сатаною* (1839 г.). Всѣ они были напечатаны Московскимъ попечительнымъ комитетомъ Императорскаго человѣколюбиваго общества, въ типографіи Рѣшетникова съ разрѣшенія духовной цензуры. Каждое

Библиотека "Руниверс"

сочиненіе издано отдѣльно и передъ первымъ находится краткое предисловіе о жизни Сковороды за подписью членовъ Комитета—Макарова и Рѣшетникова. Изъ письма А. В. Горскаго къ Н. П. Гилярову [1]) видно, что „въ разрѣшенныхъ къ печати рукописяхъ *были сдѣланы поправки*, хотя можетъ быть и небольшія". Мы прибавимъ къ этому, что кромѣ того были допущены и *выпуски*. Къ такому заключенію мы пришли, сравнивъ текстъ „Бесѣда двое" изданія 1837 г. съ оригиналомъ Сковороды; такіе пропуски (довольно значительные) находятся на 40, 41 и 44 страницахъ московскаго изданія. Кромѣ того нѣкоторые пропуски и ошибки произошли, очевидно, отъ небрежности издателей или неудовлетворительности рукописей: званъ вмѣсто звонъ (стр. 7), нечестнымъ вм. нечестивымъ (стр. 9), истинное вм. нетвердое (стр. 10), ниже вм. тоже (стр. 15), сѣтъ вм. сетъ (стр. 15), ольстисловія вм. бл....словія (стр. 18) въ нашемъ вм. въ нашемъ трупѣ (стр. 32), латвце вм. латвое (стр. 35), каковъ вм. ковчегъ (стр. 41), гадами вм. чадами (стр. 43); остальныя измѣненія представляютъ простую замѣну словъ—изрыганіе вм. блевотина (стр. 17), не потребныхъ вм. блудныхъ (стр. 44); въ греческихъ фразахъ—очевидныя опечатки. Московскій комитетъ представилъ въ цензуру и нѣкоторыя другія рукописи Сковороды, но они не были разрѣшены къ печати. Во всякомъ случаѣ нельзя не выразить признательности ему и за то, что онъ сдѣлалъ, ибо его изданія являются второю попыткою въ этомъ дѣлѣ, оставляющею далеко за собою начинаніе „Сіонскаго Вѣстника".

Между тѣмъ имя Сковороды, благодаря статьямъ Хиждеу, пріобрѣтало все большую и большую извѣстность среди русской публики и вскорѣ вошло даже въ книгу, заключающую въ себѣ исторію философіи въ Россіи и принадлежащую перу архим. Гавріила. Арх. Гавріилъ посвятилъ Сковородѣ 18 страницъ въ 6 части своей „Исторіи философіи въ Россіи (эта 6-я часть спеціально посвящена исторіи философіи въ Россіи); и его очеркъ пользовался авторитетомъ до самаго послѣдняго времени: былъ перепечатанъ въ свое время въ Журналѣ Мин. Нар. Просв.; авторъ спеціальной монографіи о Сковородѣ Гр. П. Данилевскій, не входя самъ въ оцѣнку философскихъ трудовъ Сковороды, привелъ большія извлеченія изъ него въ своей книгѣ; о немъ упоминаетъ А. Я. Ефименко; и никто кромѣ Ѳ. А. Зеленогорскаго не подмѣтилъ зависимости его отъ статьи Хиждеу; но и Ѳ. А. Зеленогорскій выражается слишкомъ осторожно: то что изложено у арх. Гавріила о философіи Сковороды, говоритъ онъ, „заимствовано повидимому изъ статьи Хаждеу". На самомъ дѣлѣ вся оцѣнка фи-

[1]) Оно сообщено намъ любезно кн. П. Шаховскимъ, приготовляющимъ къ печати обширную біографію Гилярова, за что и приносимъ ему искреннюю благодарность.

Библиотека "Руниверс"

лософской дѣятельности Сковороды (стр. 59—70) представляетъ *нелѣпое и при томъ буквальное позаимствованіе* изъ Хиждеу. Еще въ первомъ отдѣленіи (стр. 59—60) арх. Гавріилъ, сравнивая Ломоносова со Сковородой, перефразируетъ Хиждеу, но начиная со 2-го (стр. 60—70) идетъ сплошная буквальная перепечатка статьи Хиждеу со всѣми ея выдержками изъ источниковъ; арх. Гавріилъ только кое что выпускаетъ, но отъ себя не прибавляетъ ни слова и только кое гдѣ дѣлаетъ самыя незначительныя перемѣны въ словахъ (въ одномъ мѣстѣ, напр., вмѣсто слова набыть употребляетъ выраженіе пріобрѣсть и т. п.) [1]). Передъ этою „оцѣнкою“ находится у арх. Гавріила краткая біографія Г. С. Сковороды (на 6 стр.), составленная по Ковалинскому, который повидимому былъ ему извѣстенъ не со вторыхъ рукъ; по крайней мѣрѣ у него приведены изъ него болѣе обширныя выписки, чѣмъ у Снегирева. Г. П. Данилевскій заявилъ, что арх. Гавріилъ „изучилъ печатныя и неизданныя сочиненія

---

[1]) Чтобы наше утвержденіе не показалось голословнымъ, приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ книги арх. Гавріила,—именно первыя строчки его „отдѣленій“, и параллельно съ ними выдержки изъ Хиждеу.

И Сократъ и Сковорода чувствовали въ себѣ призваніе свыше быть наставниками народа (арх. Гавріилъ); и Сократъ и Сковорода чувствовали въ себѣ призваніе свыше быть наставниками народа (Хиждеу).

Сковорода и самъ избралъ, но свободно въ задачу и образецъ своей дѣятельности Сократа, какъ очевидно изъ слѣдующаго мѣста: „какъ мы слѣны въ томъ . (арх. Гавріилъ); Сковорода и самъ избралъ, но свободно въ задачу и образецъ своей дѣятельности Сократа, какъ очевидно изъ слѣдующаго мѣста: „куда мы слѣны въ томъ... (Хиждеу).

Иронія Сковороды была большею частью прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга... (арх. Гавріилъ); Иронія Сковороды была большею частью прикрытіемъ его энтузіазма...: ея игривая молнійная жизнь всего чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга (Хиждеу).

О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія Сковорода кромѣ Наркиза и Асканя написалъ 6 разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ, съ коими соединена симфонія о народѣ (арх. Гавріилъ); о самопознаніи какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Сковорода написалъ три отдѣльныя книги: 1) Наркизъ или узнай себя притчу, 2) Асканъ или о познаніи себя, бесѣду и 3) Шесть разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ, съ коимъ соединена симфонія о народѣ (Хиждеу).

Съ раскрытіемъ въ Сковородѣ внутренняго побужденія, какъ народнаго мыслителя и наставника, раскрылась вмѣстѣ и потребность пріобрѣсть сознаніе простонародности (арх. Гавріилъ); съ раскрытіемъ въ Сковородѣ внутренняго побужденія, какъ народнаго мыслителя и наставника, раскрылась вмѣстѣ и потребность набыть сознаніе простонародности (Хиждеу).

Сковорода самъ называлъ ученіе свое тканкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ... (арх. Гавріилъ); Сковорода самъ называлъ ученіе свое тканкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ (Хиждеу).

Библиотека "Руниверс"

Сковороды“ (стр. 77); мы же должны сказать что это—компиляція, основанная исключительно на Ковалинскомъ и Хиждеу.

Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія появилось немного новыхъ матеріаловъ о Сковородѣ: 1) И. И. Срезневскій напечаталъ въ „Москвитянинѣ“ (1842 г., ч. 1-я) „Преддверіе Г. С. Сковороды“, т. е. Начальную дверь ко христіанском*у* добронравію, которая гораздо раньше уже появилась въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“; 2) Тотъ же И. И. Срезневскій и В. Н. Каразинъ сообщили въ „Молодыкѣ“ [1]), новыя письма Сковороды и 3) Н. Б. Баталинъ напечаталъ въ „Москвитянинѣ“ (1849 г., декабрь, кн. 24-я, смѣсь, стр. 68) Характерный разсказъ о встрѣчѣ Сковороды въ Острогожскѣ съ еп. Тихономъ. Интереснѣе всего новое письмо Сковороды, сообщенное В. Н. Каразинымъ, и выписки изъ писемъ, доставленныя И. И. Срезневскимъ: В. Н. Каразинъ предоставилъ редакціи Молодыка весьма важное письмо Сковороды къ М. И. Ковалинскому (отъ 26 сентября 1790 г.) и снабдилъ его предисловіемъ, изъ котораго оказывается между прочимъ, что оно еще въ 1790 г. было списано Каразинымъ и за тѣмъ 50 лѣтъ спустя снова попало къ нему отъ преосв. Иннокентія, благосклонно предложившаго его для „Молодыка“. „Въ Ивановкѣ, говоритъ В. Н. Каразинъ, и его (Сковороды) могила. Она украсится *достойнымъ памятникомъ*, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ (Кузинъ)... тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца, недостаточно въ разныхъ журналахъ помѣщенную, и то отрывками съ 1810 года, ибо съ сего года только начали догадываться, что мы *подъ чубомъ* и въ украинской *свиткѣ* имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница, подобно какъ Москва за 150 лѣтъ въ Посошковѣ своего Филанджіери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста, (но Карамзинъ запретилъ исторически говорить о живыхъ)... Къ сожалѣнію надеждамъ В. Н. Каразина не суждено было осуществиться... [2]) Свои выписки изъ писемъ Сковороды И. И. Срезневскій также сопровождаетъ предисловіемъ, послѣсловіемъ и любопытными замѣчаніями о его сочиненіяхъ. „Сковорода, говоритъ И. И. Срезневскій, писалъ много писемъ, писалъ большею частью къ людямъ, съ которыми любилъ бесѣдовать о предметахъ, занимавшихъ его умъ и сердце, которыхъ уважалъ и которыми самъ былъ уважаемъ, которые слѣдили его мысли и цѣнили его письма, какъ и отдѣльныя сочиненія. Вотъ почему между письмами Сковороды очень мало такихъ, въ которыхъ говорится только о случайностяхъ,

---

[1]) „Молодыкъ“ на 1844 годъ, X. 1843 г, стр. 229—244.

[2]) Сопоставленіе Сковороды съ Пиѳагоромъ, Оригеномъ, Лейбницемъ, конечно, сдѣлано совершенно случайно: названы были первыя пришедшія на память имена, чтобы показать, что Сковорода былъ единственнымъ философомъ въ Украйнѣ.

Библиотека “Руниверс”

незанимательныхъ для постороннихъ; вотъ почему списывали и ихъ, какъ и другія сочиненія; вотъ почему наконецъ любопытно было бы сколько нибудь полное собраніе ихъ, какъ сокращенный перечень, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ главныхъ его мыслей". Любопытенъ отзывъ И. И. Срезневскаго о статьѣ Хиждеу: „эта статья, говоритъ Срезневскій, оболгала Сковороду. Ему приписано тамъ много такихъ мыслей, которыхъ онъ и имѣть не могъ, а между тѣмъ читатель убѣждается ссылками на сочиненія и письма Сковороды. Нѣкоторыя изъ ссылокъ я повѣрялъ и въ подлинникахъ не находилъ вовсе того, что авторъ тамъ начитывалъ или что оттуда выписывалъ; послѣ того и о другихъ я не могъ не сомнѣваться". Сдѣлавъ указаніе на письма Сковороды къ Георгію Конисскому, И. И. Срезневскій замѣчаетъ: „не знаю, велъ ли Сковорода переписку съ Конисскимъ—можетъ быть и велъ; едва ли впрочемъ могъ онъ написать къ нему: меня хотятъ мѣрить съ Ломоносовымъ и говорятъ обо мнѣ: какая онъ малость! Какая онъ низость! Будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень и пр.". Указавъ на письмо къ Г. Конисскому, которые, по заявленію Хиждеу, составляетъ родъ автобіографической записки Сковороды, И. И. Срезневскій спрашиваетъ: „точно ли писалъ Сковорода сію записку? Могъ ли не сообщить ее Правицкому, Курдюмову, или кому другому изъ своихъ любимцевъ? Если сообщилъ, то отчего никто о ней не знаетъ? Если же не сообщалъ, то откуда могъ достать ее Хиждеу, писавши статью въ Харьковѣ и не имѣя никакихъ средствъ пользоваться бумагами Конисскаго? Во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока не явится на свѣтъ вся эта записка, можно безъ грѣха считать ее не существующею". Не увѣренъ И. И. Срезневскій и въ существованіи двухъ сочиненій Сковороды, на которыя ссылался Хиждеу—*Ольга православной* и *Разговора о внутреннемъ человѣкѣ*. Мы имѣли въ рукахъ черновыя рукописи И. И. Срезневскаго и находили тамъ не мало выписокъ изъ сочиненій Сковороды, вполнѣ подтверждающихъ его заявленіе о знакомствѣ съ трудами нашего философа; труды эти и теперь хранятся въ его фамильномъ архивѣ. Между прочимъ изъ этихъ черновыхъ бумагъ И. И. Срезневскаго видно, что онъ дѣйствительно свѣрялъ выписки Хиждеу съ текстомъ Сковороды и находилъ, также какъ и мы, нѣкоторыя отступленія; но едва ли это давало право сказать ему, что „онъ не находилъ *вовсе* того, что авторъ тамъ начитывалъ"; это сказано очень сильно. Съ остальными сомнѣніями И. И. Срезневскаго нельзя несогласиться: они вполнѣ законны и заставляютъ заподазривать достовѣрность того матеріала, которымъ пользовался Хиждеу. Всѣхъ отрывковъ изъ писемъ Сковороды И. И. Срезневскій сообщилъ 7, въ томъ числѣ 6 къ свящ. Іакову Правицкому и одно, къ неизвѣстному, которое авторъ считаетъ ошибочно

Библиотека "Руниверс"

самымъ старымъ изъ писемъ Сковороды; свое мнѣніе онъ основываетъ на томъ, что оно сохранилось въ бумагахъ свящ. Ѳ. Залѣсскаго, относящихся къ 1763 г. Но, очевидно, что свящ. Ѳ. Залѣсскій съ этого года сталъ только собирать рукописи Сковороды, ибо это письмо, какъ видно изъ текста, адресовано было къ Тевяшову и представляетъ предисловіе къ „Израильскому змію“, написанному въ 1776 г. Къ 50-мъ годамъ относятся монографіи о Сковородѣ Аскоченскаго [1]) и неизвѣстнаго [2]). Аскоченскій даетъ и біографію, и оцѣнку сочиненій Сковороды. Онъ пользовался Ковалинскимъ и читалъ неизданныя его сочиненія—Асхань и Наркизъ; извѣстна ему и вся печатная литература о Сковородѣ. Такъ говоритъ самъ Аскоченскій. Но это оказывается невѣрнымъ: Асхани и Наркиза онъ не читалъ; и главное самъ же своею слишкомъ обстоятельною ссылкой подалъ намъ поводъ къ разоблаченію его. „Оба эти сочиненія (Асхань и Наркизъ), говоритъ Аскоченскій, писанныя рукою самого Сковороды, довелось мнѣ читать въ 1845 году—изъ библіотеки помѣщика Кіевской губерніи П. М. Тамары. Онѣ составляютъ *пять* большихъ томовъ in fol., писанныхъ мелкимъ, убористымъ почеркомъ“ (стр. 519). Что же оказывается? Эти *пять* томовъ, заключающіе яко бы Асхань и Наркизъ Сковороды, въ настоящее время, благодаря любезности владѣльца ихъ Л. П. Тамары находятся у меня, но.... во 1-хъ они писаны не рукою Г. С. Сковороды; во 2-хъ, не заключаютъ въ себѣ вовсе ни Асхани, ни Наркиза, ни даже какого бы то ни было другого извѣстнаго намъ сочиненія Сковороды, а то, что находится въ нихъ, писалось тогда, когда Сковорода былъ уже въ могилѣ. Послѣ этого, конечно, можно заподозрить и другое показаніе Аскоченскаго, что подлинную рукопись Ковалинскаго онъ передалъ Погодину, а отъ него она поступила въ Имп. Публичную библіотеку; по крайней мѣрѣ въ этой послѣдней ея не находилъ Г. П. Данилевскій. Аскоченскій, м. б., и пользовался рукописью Ковалинскаго, но допустилъ не мало отступленій, ошибокъ и произвольныхъ прибавленій. Сковороду, вопреки категорическому свидѣтельству своего источника (Ковалинскаго), онъ называетъ сыномъ священника; въ описаніи заграничнаго путешествія Сковороды передаются неизвѣстно откуда взятыя и крайне сомнительныя подробности (что Сковородѣ будто бы предлагали профессорскую каѳедру въ любомъ изъ заграничныхъ университетовъ); разсказывается, что онъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ въ Моск. Духовной Академіи; извѣстную эпитафію Ковалин-

---

[1]) Въ его книгѣ „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“, т. 2-й К. 1856, стр. 129—140 и 519—520; первоначально въ Кіев. губ. вѣд. 1855 года.

[2]) Въ „Памятной книжкѣ Кіевской губ.„ составленной Чернышевымъ на 1858-й г. К. 1858, стр. 105—122 („Григорій Саввичъ Сковорода“.)

Библиотека "Руниверс"

скаго Аскоченскій помѣщаетъ *надъ могилой* Сковороды (гдѣ ея вовсе не было) и т. д. Вообще это компиляція, но весьма неряшливая, хотя и претенціозная. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается другая статья (въ Пам. книжкѣ Кіев. губ.), принадлежащая повидимому перу какого нибудь духовнаго ученаго. Какъ самой личности Сковороды, такъ и въ особенности его ученію приданъ такой ортодоксально православный оттѣнокъ, который никакъ не мирится ни съ извѣстными намъ фактами его біографіи, [1]) ни съ его сочиненіями. [2]) Оцѣнка философіи Сковороды сдѣлана съ чисто богословской точки зрѣнія; вкратцѣ охарактеризована и нравственная философія Сковороды, что указываетъ какъ бы на знакомство автора съ однимъ изъ такихъ его трактатовъ, какъ *Разговоръ о душевномъ мирѣ* или *Алфавитъ мира*.

Въ 1861 г. вышелъ въ Петербургѣ цѣлый сборникъ сочиненій Сковороды [3]). Сначала идетъ въ немъ краткое предисловіе на двухъ страничкахъ; здѣсь о матеріалахъ, положенныхъ въ основу изданія, сказано: „теперь они (сочиненія) напечатаны съ старинной рукописи, съ пріобщеніемъ къ нимъ другихъ сочиненій, принадлежащихъ также Сковородѣ. Самая же рукопись стариннаго почерка, съ портретомъ на полулистѣ, препровождена по отпечатаніи въ библіотеку Императ. Харьковскаго у—тета". Старинная рукопись, о которой здѣсь идетъ рѣчь, сохранилась до настоящаго времени въ библіотекѣ и мы сообщимъ описаніе ея въ другомъ мѣстѣ; теперь же только замѣтимъ, что изъ этой рукописи въ разбираемомъ изданіи перепечатаны: 1) *Разговоры о томъ: знай себе*, 2) *Садъ божественныхъ пѣсней*, 3) *Борьба и пря о томъ: претрудно быть злымъ, легко быть благимъ*, 4) *Начальная дверь ко христіанскому добронравію*, 5) *Пря бѣсу съ Варсавою*. Къ сожалѣнію неизвѣстный редакторъ сочиненій Сковороды не сообщилъ никакихъ свѣдѣній не только объ этой основной рукописи, которую онъ все таки сохранилъ для потомства, но и о другихъ своихъ источникахъ. Мы совершенно не знаемъ, откуда взяты тѣ статьи, которыхъ нѣтъ въ рукописи, принадлежащей нынѣ библіотекѣ Импер. Харьковскаго университета, а между тѣмъ всѣхъ такихъ сочиненій помѣщено тамъ 6 (Убогій жайворонокъ, Бесѣда двое, самопознаніе, переписка съ Харьковскими друзьями, случаи изъ жизни Г. С. Сковороды и нѣсколько стихотвореній). И среди нихъ мы находимъ такія, которыя

[1]) См., напримѣръ, Пам. кн., стр. 111.

[2]) Ib., стр. 117.

[3]) Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Григорія Савича Сковороды съ его портретомъ и почеркомъ его руки. С.П.Б. *MDCCCLXI*, 312 стр. въ 32-ю долю листа. Изданіе Петербургскаго книгопродавца Лисенкова; разрѣшено духовною цензурою; печатано въ типографіи штаба отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.

Библиотека "Руниверс"

возбуждаютъ большое сомнѣніе, а одно несомнѣнно *не принадлежитъ* Г. С. Сковородѣ—именно благодарственная ода черноморцевъ Екатеринѣ II-й за отводъ имъ земель по р. Кубани (стр. 52): „Ой годи намъ журытыся, пора перестаты“.... Г. Ѳ. Квитка приписывалъ составленіе его Антону Головатому; во всякомъ случаѣ оно несомнѣнно возникло на мѣстной черноморской почвѣ, у черноморскихъ козаковъ и не имѣетъ никакого отношенія къ Г. С. Сковородѣ. Но любопытенъ самый фактъ приписыванія Сковородѣ этого малороссійскаго стихотворенія, пользовавшагося въ свое время огромною популярностью; очевидно, тогдашнее общество смотрѣло на Сковороду не только какъ на мудреца, но и какъ на поэта: всѣ знали его, какъ автора пѣсни „Всякому городу нравъ и права“ и готовы были приписать ему и многое другое. И это, какъ увидимъ далѣе, далеко не единичный случай. Возбуждаютъ также сомнѣніе стихотворенія „Свѣтъ“ (стр. 49—51), „Счастье“ (стр. 51), „Солнце и пташка“ (стр. 52—54): ихъ нѣтъ въ той рукописи, въ которой помѣщенъ сборникъ стихотвореній Сковороды „Садъ божественныхъ пѣсней“ и которой пользовался издатель; не найдемъ мы ихъ и въ томъ спискѣ „Сада божественныхъ пѣсней,“ который отысканъ нами и представляетъ автографъ самого Сковороды; нѣтъ ихъ и во всѣхъ другихъ рукописяхъ, бывшихъ въ нашихъ рукахъ. Самое содержаніе стихотвореній (за исключеніемъ второго) шаблонное; тема перваго исчерпывается слѣдующимъ четверостишіемъ: „и какъ счастье служило, нажилъ я друзей, все тогда манило ихъ къ дружбѣ моей“; конецъ его напоминаетъ народную пѣсню: „и чайка кигиче, изгинь ты куличе“. Въ стихотвореніи „Счастье“ авторъ не знаетъ, какой родъ занятій ему избрать: жениться ему страшно, въ солдаты онъ негодится, въ купечествѣ нужно божиться и потому онъ будетъ жить въ мірѣ—ото наше дѣло. Стихотвореніе „Солнце и пташка“ представляетъ повидимому изъ себя народную пѣсню. Отрывокъ о самопознаніи (стр. 288—291), приведенный безъ указанія источника, позаимствованъ изъ статьи Хиждеу (см. Телескопъ, 1835 г. XXVI, стр. 23—24, 155—156). За мыслями о самопознаніи слѣдуетъ „переписка съ харьковскими друзьями“; тутъ мы находимъ подлинныя письма Г. С. Сковороды, нѣсколько выдержекъ изъ писемъ его и затѣмъ соображенія о письмахъ и сочиненіяхъ. Редакторъ не говоритъ, откуда онъ взялъ эти документы; между тѣмъ они представляютъ буквальное воспроизведеніе матеріала, напечатаннаго въ „Молодыкѣ“ Каразинымъ и Срезневскимъ со всѣми рѣшительно соображеніями этого послѣдняго [1]). Наконецъ, послѣднія 2 страницы заняты 2-мя анекдотами изъ жизни Г. С. Сковороды, причемъ 2-й изъ нихъ очень страненъ и едва ли имѣлъ какое либо отношеніе къ Сковородѣ.

[1]) Ср. op. cit. стр. 294—310 и „Молодыкъ“ на 1844 г. стр. 231—244.

Библиотека “Руниверс”

Таково содержаніе и характеръ петербургскаго изданія сочиненій Г. С. Сковороды. Въ немъ напечатано 6 трактатовъ Г. С. Сковороды и сборникъ его стихотвореній, носящій названіе *„Сада божественныхъ пѣсней“* (въ немъ почему то пропущена только 6-я пѣснь); послѣднія 24 странички заняты отрывкомъ о самопознаніи, письмами и анекдотами. Изъ 6-ти трактатовъ въ сущности впервые является въ печати только одинъ: *„Пря бѣсу съ Варсавой“* (на 24 стр.). Г. П. Данилевскій считаетъ неизданнымъ еще и 1-й трактатъ (*Разговоръ о томъ: знай себе*), но на самомъ дѣлѣ онъ почти цѣликомъ былъ напечатанъ, какъ мы видѣли, еще въ прошломъ вѣкѣ Антоновскимъ въ его „Библіотекѣ Духовной“, хотя правда безъ имени Сковороды и въ несовсѣмъ исправномъ видѣ. Но во всякомъ случаѣ петербургскій сборникъ сочиненій Г. С. Сковороды являлся до нашихъ дней единственнымъ доступнымъ для публики изданіемъ, дававшимъ хотя какое-нибудь представленіе о трудахъ этого писателя. Всѣ прежнія изданія заключали въ себѣ только по одному сочиненію Сковороды и, можно прямо сказать, мало знакомили съ нимъ русское общество. Антоновскій присвоилъ себѣ одинъ изъ наиболѣе выдающихся трактатовъ нашего философа, такъ что впервые *въ печати* сочиненія Сковороды подъ его собственнымъ именемъ являются только въ началѣ XIX столѣтія (въ 1806 г.). Но и отдѣльныя сочиненія Сковороды, изданныя Моск. Человѣколюбивымъ Обществомъ, сдѣлались вскорѣ библіографическою рѣдкостью. Въ подтвержденіе этого можемъ сослаться на тотъ фактъ, что въ нашихъ двухъ главнѣйшихъ книгохранилищахъ—Императорской публичной б-кѣ и Румянцевскомъ музеѣ—нѣтъ на лицо всѣхъ сочиненій Г. С. Сковороды, а въ библіотекѣ Имп. Харьковскаго у—тета имѣется въ настоящее время только одинъ экземпляръ петербургскаго изданія 1861 года. Г. П. Данилевскій отнесся, по нашему мнѣнію, слишкомъ сурово къ изданію г. Лисенка, заявивъ, что „эта безграмотная и неопрятная книга вообще издана очень странно, что она... не можетъ служить даже слегка сноснымъ источникомъ къ объясненію сочиненій Сковороды и можетъ назваться спекулятивнымъ и постыднымъ явленіемъ русской литературы“ [1]). Безграмотности въ этой книгѣ нѣтъ никакой, „постыднымъ явленіемъ“ она также едва ли можетъ быть названа. Конечно, ученымъ требованіямъ это изданіе не удовлетворяетъ, но въ свое время оно познакомило все-таки публику и критику съ нѣкоторыми трудами Сковороды. Доказательствомъ этого могутъ служить между прочимъ критическія замѣтки въ разныхъ журналахъ, вызванныя выходомъ въ свѣтъ настоящаго сборника; таковы замѣтки въ „Русскомъ Словѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“, „Русскомъ Инва-

[1]) Укр. Старина, стр. 89.

Библиотека "Руниверс"

лидѣ“ и, наконецъ, „Основѣ“. Чтобы соблюсти безпристрастіе, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что неизвѣстный намъ редакторъ этого сборника имѣлъ въ своихъ рукахъ довольно много рукописныхъ сочиненій Сковороды и въ числѣ ихъ такія, какія не попали въ это печатное изданіе (напр. *Благодарный Еродій*); причина же этого заключается, по всей вѣроятности, въ томъ, что издатель (Лисенко) имѣлъ въ виду выпустить въ свѣтъ еще и другой сборникъ Сковородинскихъ трудовъ; по крайней мѣрѣ на это указываетъ объявленіе издателя, его post-scriptum, гдѣ онъ проситъ лицъ, имѣющихъ у себя еще другія сочиненія Сковороды, сообщить о нихъ ему по прилагаемому адресу. Въ заключеніе приведемъ отзывъ редактора о Сковородѣ: „Гр. Сав. Сковорода принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Онъ былъ украинскій поэтъ, философъ, мужъ добродѣтельный и христіанинъ въ полномъ смыслѣ слова. Ему суждено было оставить по себѣ глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ. Григорій Савичъ былъ оригинальный человѣкъ и причудливый, туземный странствующій философъ. Сначала онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ украинскаго Діогена, а потомъ называли его украинскимъ Ломоносовымъ“. Въ краткомъ извѣстіи о жизни Сковороды, слѣдующемъ за этимъ отзывомъ и занимающемъ менѣе странички, находятся 2 крупныя ошибки: невѣрно показанъ годъ рожденія Сковороды и смѣшаны личности Мих. Ив. Ковалинскаго и Анд. Ив. Ковалевскаго.

Петербургское изданіе сочиненій Сковороды не прошло незамѣченнымъ и вызвало цѣлый рядъ критическихъ отзывовъ въ тогдашнихъ журналахъ и газетахъ—Русскомъ Словѣ, [1]) Сѣверной пчелѣ, [2]) Рус. Инвал. [3]) и Основѣ [4]). Первымъ отозвался передовой тогдашній журналъ „Русское Слово“; тамъ появилась критическая замѣтка о сочиненіяхъ Сковороды г. Вс. К—овскаго (въ слѣдующей статьѣ авторъ подписался полной фамиліей Всеволодъ Крестовскій). Будучи совершенно незнакомъ *даже съ біографіей* Г. С. Сковороды, какъ это видно изъ его собственнаго признанія во 2-й статьѣ, г. Всев. Крестовскій произнесъ свой уничтожающій приговоръ не только надъ Петербургскимъ изданіемъ, но и надъ самимъ Сковородою. Приведя нѣсколько выдержекъ изъ стихотвореній [5]) Сковороды и сравнивъ его съ гоголевскимъ философомъ Хомой Брутомъ авторъ говоритъ: „но

---

[1]) Рус. Слово 1861 г. № 7 и 8 (статьи Всев. Крестовскаго).

[2]) 1861 г. № 158.

[3]) 1861 г. № 191 (по поводу статьи въ Рус. Сл.).

[4]) 1861 г. № 7 и 8 (2 статьи Костомарова по поводу статей Вс. Крестовскаго).

[5]) При чемъ стихотворенія эти онъ называетъ вертоградомъ, въ которомъ бездна репейника и крапивы и потому языку читателя предстоятъ судороги и корчи, а уху—невыносимые диссонансы.

Библиотека “Руниверс”

вотъ что за мысль терзала насъ неотступно отъ начала книги и до самаго ея конца; для чего и кого неизвѣстный издатель Сковороды издавалъ въ свѣтъ всю эту схоластическую ерунду, семинарскую мертвечину? Кому какое до нея было дѣло? Что за настоятельная надобность вдругъ случилась у насъ въ Сковородѣ"? Мало того: г. Всев. Крестовскій при этомъ удобномъ случаѣ, мимоходомъ, обрушивается уже совершенно безъ всякаго малѣйшаго повода на И. И. Срезневскаго и Г. П. Данилевскаго, зачисляя ихъ въ одну компанію съ печальной памяти Аскоченскимъ за то только, что они подписались насочиненія Сковороды. Не правда ли изумительные критическіе пріемы? Неудивительно, что они вызвали рѣзкую одповѣдь спеціалиста—Н. И. Костомарова. „Въ нашей текущей литературѣ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, случается, что писатель, особенно рецензентъ какой нибудь выходящей книги, произноситъ рѣшительнымъ тономъ знатока сужденія и даже осужденія надъ предметами, которыхъ не изучалъ, надъ которыми прежде не думалъ, которыхъ вовсе не знаетъ". Г. Вс. Крестовскій усумнился въ народномъ характерѣ нѣкоторыхъ сочиненій Сковороды. Н. И. Костомаровъ ему отвѣчаетъ на это: „мало можно указать такихъ *народныхъ* лицъ, какимъ былъ Сковорода и которыхъ бы такъ помнилъ и уважалъ народъ. На всемъ пространствѣ отъ Острогожска (Ворон. губ.) до Кіева, во многихъ домахъ висятъ его портреты; всякій грамотный малороссіянинъ знаетъ о немъ; имя его извѣстно очень многимъ изъ неграмотнаго народа; его странническая жизнь—предметъ разсказовъ и анекдотовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потомки, отъ отцовъ и дѣдовъ, знаютъ о мѣстахъ которыя онъ посѣщалъ, гдѣ любилъ пребывать, и указываютъ на нихъ съ почтеніемъ; доброе расположеніе Сковороды къ нѣкоторымъ изъ его современниковъ составляетъ семейную гордость внуковъ; странствующіе пѣвцы усвоили его пѣсни; на храмовомъ праздникѣ, на торжищѣ не рѣдко можно встрѣтить толпу народа, окружающую группу этихъ рапсодовъ и со слезами умиленія слушающихъ: *Всякому городу свой нравъ и права*. До какой степени пѣсни Сковороды сдѣлались народными во всей южнорусской странѣ, можно судить по тому, что нѣкоторыя вошли въ собраніе галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска и Жеготы Паули, безъ сознанія самихъ собирателей, что эти пѣсни сочинены Сковородою". Далѣе Костомаровъ *принужденъ*, опровергая критика, доказывать, что нужно печатать и такіе старинные памятники литературы, которые хотя и не удовлетворяютъ *нашимъ* художественнымъ требованіямъ, но выражаютъ умственные и нравственные запросы и вкусы современниковъ. „Рецензентъ полагаетъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, что нужно предавать забвенію все, что намъ не нравится. Такъ у насъ и дѣлаютъ: въ архивахъ мыши и сы-

Библиотека "Руниверс"

рость поѣдали старыя дѣла; ханжи замазывали древніе фрески въ храмахъ; губернаторы разбирали для лучшаго вида въ городѣ старинныя зданія; кухарки пекли аладьи на листахъ сборниковъ XIV и XV вѣковъ. Благодаря всему этому, мы такъ мало знаемъ свою старину. И теперь еще многое лежитъ подъ спудомъ; пусть себѣ лежитъ! По мнѣнію рецензента нѣтъ никому дѣла до „этой ерунды и мертвечины". Не будемъ останавливаться на другихъ возраженіяхъ Н. И. Костомарова; замѣтимъ только, что онъ поставленъ былъ въ необходимость ратовать за самые элементарныя требованія критики и литературныхъ приличій. Но на этомъ полемика не прекратилась: г. Всев. Крестовскій въ слѣдующей книжкѣ журнала напечаталъ статью „Ходатайство г. Костомарова по дѣламъ Сковороды и г. Срезневскаго". Здѣсь впрочемъ больше говорится о личности Костомарова, чѣмъ Сковороды; тутъ разсказывается и объ уклоненіи Костомарова съ того пути, по которому онъ шелъ раньше, и о его теоріи литовскаго происхожденія Руси, и о количествѣ слушателей на его университетскихъ лекціяхъ, и о томъ, что онъ облекаетъ свои плечи въ блестящія старческія украшенія и превращается изъ свободнаго художника въ цеховаго научныхъ дѣлъ мастера. Тутъ же о И. И. Срезневскомъ (имѣвшемъ несчастіе подписаться на Сковороду), читаемъ буквально слѣдующее: „Вся учено-литературная дѣятельность его представляется намъ, *простымъ свистункамъ*, чѣмъ то въ родѣ взбитаго крема, прежде пріятнаго, но если положить его въ ротъ, то отъ него ровно ничего питательнаго не остается". Смѣлаго критика, очевидно, нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что онъ не могъ быть судьею спеціальныхъ ученыхъ трудовъ акад. Срезневскаго; его нисколько не смутило и указаніе Костомарова, что рецензентъ долженъ быть знакомъ съ разбираемымъ вопросомъ, и онъ вмѣсто всякаго отвѣта по существу на это элементарное правило критики напоминаетъ Костомарову о его полемикѣ съ г. Летголой. Онъ съ легкимъ сердцемъ сознается, что ему неизвѣстна жизнь Сквороды—и тѣмъ не менѣе еще съ большею рѣшительностью, чѣмъ прежде, обвиняетъ его въ тупоуміи и сожалѣетъ, что эта „ерунда" (его творенія) была распространена въ малороссійскомъ народѣ и самъ онъ имѣлъ вліяніе на современниковъ. Что можно сказать о такомъ критикѣ, о такой рецензіи и такихъ полемическихъ пріемахъ? Остается только повторить стихъ Грибоѣдова: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ" да вспомнить кстати, что Костомаровъ до конца дней оставался вѣренъ завѣтамъ своей юности, а его критикъ погрузился въ Петербургскія и иныя трущобы. Костомаровъ отвѣчалъ и на эту статью г. Всев. Крестовскаго, но мы не будемъ останавливаться на ней: *характеръ* полемики намъ уже уяснился и безъ нея. Костомарову *поне-*

Библиотека "Руниверс"

волѣ приходится тамъ мало касаться Сковороды, а опять говорить о себѣ, Срезневскомъ и т. под.: къ этому его побуждаетъ содержаніе статьи г. Всев. Крестовскаго. Нельзя не отмѣтить здѣсь только одного любопытнаго указанія Костомарова, что г. Всев. Крестовскій, считающій себя, въ качествѣ передоваго борца, смертельнымъ врагомъ Аскоченскаго, въ сущности сходится съ нимъ въ нетерпимости: и для того, и для другого при изданіи памятниковъ имѣетъ значеніе не объективная истина, а ихъ тенденція.

Въ томъ же южно-русскомъ журналѣ „Основа“ [1]), въ слѣдующемъ 1862 г., появилась обширная монографія о Сковородѣ, принадлежащая перу Г. П. Данилевскаго и подписанная псевдонимомъ Ореста Халявскаго (можетъ быть, изъ опасенія, чтобы опять какой нибудь Крестовскій не обрушился на личность автора, тѣмъ болѣе, что и въ указанной выше рецензіи „Русскаго Слова“ Г. П. Данилевскій былъ уже отмѣченъ, какъ подписчикъ на сочиненія Сковороды). Впослѣдствіи монографія эта вошла въ сборникъ автора „Украинская Старина“ (X. 1866 г.), гдѣ занимаетъ 96 стр. текста, т. е. ровно 6 печ. листовъ. Въ виду важности ея мы остановимся на ней подробнѣе.

Это наиболѣе полная и обстоятельная въ настоящее время біографія Гр. Сав. Сковороды. Она состоитъ изъ 4-хъ главъ. Въ 1-й (самой краткой: въ ней 13 страницъ) въ началѣ дается общая оцѣнка значенія Сковороды, а потомъ характеристика Слободской украины и лѣвобережной Малороссіи въ прошломъ вѣкѣ. По мнѣнію Г. П. Данилевскаго, съ которымъ нельзя не согласиться, Сковорода, подобно Квиткѣ, Котляревскому, имѣетъ народное чисто туземное значеніе; такихъ писателей можно „понять и оцѣнить только въ соображеніи той почвы и того времени, гдѣ они явились и дѣйствовали“; Сковорода же, какъ отчасти и Квитка, имѣетъ вѣсъ, кромѣ украинской литературы, еще и въ развитіи украинскаго общества. Въ Сковородѣ олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество вслѣдъ за Сковородой (увидѣвшимъ, какъ его нравственно сатирическія пѣсни стали достояніемъ народнымъ, распѣваясь бродячими лирниками и кобзарями) стало выходить изъ нравственнаго усыпленія“. Дѣятельность Сковороды, котораго напрасно называли малорусскимъ Ломоносовымъ, напоминаетъ намъ просвѣтительную дѣятельность Новикова. Разница была только въ томъ, что Новиковъ „работалъ въ типографіяхъ, въ журналахъ, на ораторскихъ каѳедрахъ литературныхъ обществъ и въ избранныхъ кружкахъ Москвы, давно дохнувшей вѣяніемъ всего, что тогда выработали наука и общество на западѣ Европы; у него было состояніе, много сильныхъ и самосто-

[1]) Основа, 1862 г., №№ 8 и 9.

Библиотека "Руниверс"

ятельныхъ друзей и уже подготовленная почва. Сковорода былъ голышъ и бѣднякъ, но дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Видя все безсмыслiе окружающей его среды, откуда дѣйствительно выходили схоластики и тупицы, онъ самовольно отказался кончить курсъ въ Кiевскомъ духовномъ коллегiумѣ, обошолъ съ палкой и сумой за плечами Европу и, воротившись на тихую и пустынную родину тѣмъ же голоднымъ, бездольнымъ бѣднякомъ, сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ (?) въ деревняхъ, у куреней уединенныхъ пасѣкъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками всякаго рода тогдашнихъ помѣщиковъ, на городскихъ площадяхъ и въ бѣдныхъ избахъ поселянъ“ (стр. 2—3). Нельзя не согласиться съ этой оцѣнкой: дѣйствительно Сковорода способствовалъ умственному и особенно (прибавимъ отъ себя) нравственному пробужденiю украинскаго общества; и его дѣятельность нужно разсматривать въ связи съ общественною жизнью того времени; наконецъ, и сравненiе съ Новиковымъ, не смотря на огромную разницу въ обстановкѣ этихъ двухъ дѣятелей, также можетъ быть принято, ибо оно, какъ всякое болѣе или менѣе удачное сравненiе, картиннѣе представляетъ намъ предметъ. Къ сожалѣнiю, въ своемъ очеркѣ состоянiя украинскаго общества, Г. П. Данилевскiй не вводитъ Гр. Сав. Сковороду въ историческiя рамки современной ему дѣйствительности: среда остается сама по себѣ, а Сковорода самъ по себѣ. Впрочемъ это объясняется, вѣроятно, главнымъ образомъ скудостью источниковъ, бывшихъ въ рукахъ у почтеннаго автора. Онъ пользовался только Топографическимъ описанiемъ Харьковскаго намѣстничества и „Воспоминанiями“ И. Ѳ. Тимковскаго, при чемъ первый источникъ рисуетъ состоянiе Слободской украйны, а второй—Малороссiи. Сдѣланная авторомъ характерстика настолько блѣдна, что не приводитъ читателя ни къ какимъ опредѣленнымъ заключенiямъ; въ сущности здѣсь и нѣтъ настоящей характеристики, а все дѣло сводится къ нѣсколькимъ выпискамъ изъ указанныхъ мною двухъ сочиненiй. Такъ, мы не можемъ, напримѣръ, вывести опредѣленнаго заключенiя даже о состоянiи просвѣщенiя въ Слободской украйнѣ въ моментъ появленiя тамъ Сковороды. Авторъ приводитъ свѣдѣнiя о постепенномъ ростѣ Харьковскаго коллегiума, но немного далѣе прибавляетъ: „духовные высшiе коллегiумы въ Харьковѣ и Кiевѣ оставались для большинства высшаго общества чужды; туда стекались обучаться только дѣти духовенства“; но онъ игнорируетъ относящееся сюда выраженiе въ сообщаемой имъ же самимъ грамотѣ Анны Iоанновны, которая приказывала „учить (въ Харьковскомъ коллегiумѣ) *всякаго народа и званiя* дѣтей православныхъ“... И дѣйствительно, въ немъ, какъ мы знаемъ теперь, обучалось много дѣтей свѣтскихъ лицъ, въ томъ числѣ и мѣстнаго дворянства; самая программа

Библиотека “Руниверс”

коллегіума была приспособлена къ свѣтскимъ питомцамъ и отличалась значительнымъ разнообразіемъ; самъ Г. П. Данилевскій говоритъ, что въ 1765 г. къ преподававшимся здѣсь наукамъ прибавлены были французскій и нѣмецкій языки, инженерство, артиллерія и геодезія. Спрашивается, неужели эти предметы предназначались для будущихъ священниковъ? Требуетъ поправки и другое мнѣніе Г. П. Данилевскаго, что „большинство народонаселенія оставалось въ полномъ невѣжествѣ“ (стр. 9). На самомъ дѣлѣ въ то время при церквяхъ было огромное количество школъ, гдѣ получалъ первоначальное образованіе и простой народъ. Г. П. Данилевскій въ другой своей статьѣ (Харьковскія народныя школы) высказалъ мысль, что въ этихъ школахъ воспитывались только дѣти духовенства, но это также не вѣрно, какъ и то, что Харьковскій коллегіумъ былъ исключительно духовнымъ учебнымъ заведеніемъ. Однимъ словомъ, оказывается, что образовательныя средства въ моментъ появленія Сковороды были гораздо выше, чѣмъ ихъ представляетъ Г. П. Данилевскій.

2-я глава посвящена собственно жизнеописанію Г. С. Сковороды. Въ основаніе ея, въ качествѣ первоисточниковъ, положены—„Житіе Гр. Сав. Сковороды“, составленное М. И. Ковалинскимъ и, въ видѣ дополненія къ нему, извѣстныя намъ статьи Гесъ-де-Кальве, Вернета, Снегирева и И. И. Срезневскаго (въ Альманахѣ „Утренняя Звѣзда“). „Житіемъ“ М. И. Ковалинскаго, какъ мы знаемъ, пользовались уже до Г. П. Данилевскаго Снегиревъ и Аскоченскій, но въ далеко недостаточной степени; Григорій же Петровичъ Данилевскій исчерпалъ этотъ источникъ почти весь цѣликомъ. Свой разсказъ Г. П. Данилевскій ведетъ почти всегда подлинными выраженіями своихъ источниковъ и весьма рѣдко отступаетъ отъ такой чисто повѣствовательной манеры. Исключенія немногочисленны. Въ одномъ изъ примѣчаній Г. П. Данилевскій останавливается на вопросѣ о мѣстѣ и годѣ рожденія Г. С. Сковороды и исправляетъ по Ковалинскому ошибку Гесъ де-Кальве и И. И. Срезневскаго (ст. 14). На 15-й—18-й стр. Г. П. Данилевскій старается разслѣдовать темный вопросъ о пребываніи Сковороды въ придворной капеллѣ и о сочиненіи имъ мотивовъ къ церковнымъ пѣснямъ,—тотъ самый вопросъ, о которомъ трактовали И. И. Срезневскій и Г. Ѳ. Квитка. Къ сожалѣнію, въ представленныхъ авторомъ выдержкахъ изъ неизданнаго тогда сочиненія г. Стасова (Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи) не оказалось свѣдѣній о Гр. Сав. Сковородѣ. Относительно же сочиненія Сковородой напѣвовъ къ церковнымъ пѣснямъ (о чемъ говорилъ Г. Ѳ. Квитка), В. В. Стасовъ пришелъ къ отрицательному заключенію. „Если же Квитка приписываетъ ему по памяти нѣкоторые принятые въ церквахъ духовные напѣвы, изъ которыхъ одинъ именовали даже прямо Ско-

Библиотека "Руниверс"

вородиннымъ, то это могло легко случиться, потому что даровитый мальчикъ Сковорода, воротившись изъ Петербурга, училъ желающихъ напѣвамъ придворнымъ, напѣвамъ тогдашнихъ знаменитостей, въ родѣ его земляка Головни, и эти пѣсни сохранились въ памяти потомства вмѣстѣ съ его именемъ" (стр. 18). Такое заключеніе представляется намъ вполнѣ вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что оно вообще не уничтожаетъ творчества Г. С. Сковороды въ сферѣ духовной музыки, о чемъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство Ковалинскаго; „любимое, но не главное упражненіе его, говоритъ тотъ, была музыка, которою онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время. Онъ сочинилъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проницающей, плѣняющей, умиляющей. Онъ имѣлъ особую склонность и вкусъ къ акроматическому роду музыки" (настоящ. соч., стр. 23). Это подтверждается также сообщеніемъ В. Н. Карпова, который самъ слышалъ въ Кіевѣ Сковородинскіе напѣвы; но они не были введены въ церковное богослуженіе, а употреблялись частнымъ образомъ, не оффиціально[1]). О весьма важномъ моментѣ въ жизни Г. С. Сковороды,—пребываніи его въ Кіевской духовной академіи,—Г. П. Данилевскій приводитъ только одно извѣстное уже намъ свидѣтельство Гесъ де-Кальве. Разсказы того же Гесъ де-Кальве приводитъ Г. П. Данилевскій, чтобы пополнить нѣсколько весьма скудныя свѣдѣнія М. И. Ковалинскаго и о другомъ чрезвычайно важномъ моментѣ въ жизни Г. С. Сковороды—его путешествіи за-границу. Г. П. Данилевскій не сопоставляетъ этихъ двухъ источниковъ, между тѣмъ какъ они до нѣкоторой степени, какъ мы видѣли, расходятся другъ съ другомъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Г. П. Данилевскій приводитъ еще для характеристики Сковороды выдержки ихъ того же Гесъ-де-Кальве, Вернета, повѣсти Срезневскаго „Майоръ", но опять таки безъ всякаго критическаго разбора ихъ. Между тѣмъ нѣкоторые вопросы заслуживаютъ изслѣдованія. Желательно было бы, напримѣръ, имѣть какія нибудь свѣдѣнія о личности того Лозанскаго ученаго—Даніила Мейнгарда, съ которымъ, по отзыву Ковалинскаго, Сковорода былъ такъ сходенъ „чертами лица, обращеніемъ, образомъ мыслей, даромъ слова, что можно было бы почесть его ближайшимъ родственникомъ его". Это могло бы дать ключъ и къ пониманію личности Гр. Сав. Сковороды. Является также вопросъ, какъ относиться къ фабулѣ разсказа И. И. Срезневскаго—Майоръ"—считать ли ее вышышленной, или правдивой. Ничего не говоритъ отъ себя Г. П. Данилевскій и касательно

[1]) Укр. Старина, стр. 18.

Библиотека "Руниверс"

обвиненія Сковороды въ пристрастіи къ вину и приводитъ только по этому поводу соображенія И. И. Срезневскаго. Наконецъ, читатель не знаетъ, какъ ему относиться къ характеристикѣ Г. С. Сковороды, сдѣланной Вернетомъ (стр. 40—41).

Въ 3-й главѣ Г. П. Данилевскій говоритъ о послѣднемъ 20-ти лѣтіи въ жизни Сковороды и такъ какъ „Житіе", составленное М. И. Ковалинскимъ, ничего не сообщаетъ объ этой порѣ, то онъ пользуется, въ качествѣ основнаго и даже, можно сказать, единственнаго источника, перепиской Г. С. Сковороды.. Біографъ сдѣлалъ сводъ всѣхъ тѣхъ писемъ, которыя были раньше извѣстны, и предлагаетъ ихъ читателю частію въ полномъ видѣ, частію въ извлеченіяхъ, изрѣдка сопровождая ихъ своими замѣчаніями. Письма взяты отчасти изъ печатныхъ сочиненій Г. С. Сковороды, отчасти изъ неизданныхъ его трудовъ, при которыхъ они приложены въ качествѣ введенія; нѣсколько писемъ заимствовано изъ Украинскаго Вѣстника и Молодыка, а нѣкоторыя хронологическія даты, касающіяся переписки Сковороды, взяты изъ статьи Хиждеу; сверхъ того Г. П. Данилевскій напечаталъ 7 неизданныхъ писемъ М. И. Ковалинскаго и В. С. Томары къ Г. С. Сковородѣ, обнимающихъ время съ 1779 по 1788 годъ; письма эти были переданы ему Преосвященнымъ Иннокентіемъ, который самъ собиралъ матеріалы для біографіи Сковороды. Они имѣютъ важное значеніе не только для характеристики самого М. И. Ковалинскаго, но и для опредѣленія вліянія Григорія Саввича Сковороды на его учениковъ и ближайшихъ друзей. Григорій Петровичъ Данилевскій приводитъ впрочемъ и еще одно „нигдѣ неизданное и замѣчательное письмо Сковороды къ лицу неизвѣстной фамиліи, найденное имъ въ рукописяхъ библіотеки Харьковскаго университета въ 1865 году въ сборникѣ рукописей Сковороды, подаренныхъ университету И. Т. Лисенковымъ въ 1861 году" (стр. 47—48); но тутъ вышло какое то непонятное недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что это письмо цѣликомъ было напечатано въ Петербургскомъ (Лисенковскомъ) изданіи сочиненій Сковороды (стр. 291—294), и странно, какъ Г. П. Данилевскій, давшій въ своей книгѣ оцѣнку (весьма рѣзкую) этого изданія и опредѣлившій его составъ, не замѣтилъ тамъ этого письма, тѣмъ болѣе странно, что, какъ ему было извѣстно, рукописи, пожертвованныя Лисенковымъ Харьковскому университету, и послужили основою для этого изданія. Изъ немногочисленныхъ примѣчаній Г. П. Данилевскаго къ перепискѣ Г. С. Сковороды заслуживаетъ полнаго вниманія одно, въ которомъ сдѣлана оцѣнка значенія Г. С. Сковороды. „Во всѣхъ этихъ письмахъ, пишетъ онъ, сильнѣе всякой біографической похвалы говоритъ за Сковороду страстная любовь, которою встрѣчали и провожали его всѣ знавшіе его. За отсутствіемъ другого высшаго нрав-

Библиотека "Руниверс"

ственнаго интереса въ обществѣ украинскомъ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки въ главномъ городѣ Слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока наконецъ черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти безсмертный подвигъ Василія Каразина послужилъ къ открытію въ Харьковѣ университета" (стр. 53).

4-я глава монографіи Г. П. Данилевскаго посвящена библіографическому обзору сочиненій Г. С. Сковороды. Здѣсь въ началѣ дается общая оцѣнка его трудовъ, а потомъ дѣлается перечень печатныхъ его сочиненій, неизданныхъ работъ и, наконецъ, печатныхъ статей о немъ съ 1806 по 1862 годъ. Здѣсь авторъ старается обосновать свое положеніе, что Сковорода имѣлъ значеніе для своего времени не столько сочиненіями своими, сколько жизнью. Раньше Г. П. Данилевскій назвалъ сочиненія Сковороды *„духовными умствованіями, для насъ не имѣющими ровно никакого значенія„* (стр. 2); здѣсь онъ уже не выражается столь сильно и во всякомъ случаѣ придаетъ цѣну его стихотворнымъ, сатирическимъ опытамъ. Въ доказательство своего положенія, что литературная дѣятельность Сковороды прошла безслѣдно для современниковъ, Г. П. Данилевскій приводитъ тотъ фактъ, что Сковорода при жизни не печаталъ ничего и въ послѣдствіи нѣсколько печатныхъ его брошюръ сдѣлались извѣстны очень немногимъ. „Значитъ для печатнаго міра и публики, читающей такъ называемыя книги, Сковорода съ своими произведеніями, можно сказать, вовсе не существовалъ и не существуетъ". Не нашли себѣ произведенія Сковороды доступа въ публику и посредствомъ списыванія, копированія его рукописей. „Онъ писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ о предметахъ, отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти незамѣтный. Значитъ списывали его сочиненія только люди одного съ нимъ направленія и жизни—профессоры и ученики духовныхъ академій, старики—помѣщики и тѣ немногіе досужіе люди, которые списывали произведенія Сковороды, иногда сами ихъ не вполнѣ понимая, въ чемъ мы убѣдились, сличая нѣкоторые списки прошлаго вѣка, списывали и держали ихъ просто, какъ произведенія человѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично" (стр. 74). Г. П. Данилевскій пришелъ къ убѣжденію, что списковъ сочиненій Сковороды было очень мало и они хранились или

Библиотека "Руниверс"

у суровыхъ, несообщительныхъ и мистически настроенныхъ помѣщиковъ, или у представителей академическаго духовенства; что же касается стихотворныхъ его произведеній, то они извѣстны Данилевскому только въ одномъ спискѣ. „Значитъ безошибочно можно сказать, что печатною славою сочиненія Сковороды вовсе никогда на Украйнѣ не пользовались. Письменную извѣстность ихъ на родинѣ Сковороды и внѣ ея поддерживалъ ограниченный кружокъ людей несообщительныхъ, полузатворниковъ, не составлявшихъ живой и особенно плодотворной стихіи современнаго ему общества. А распѣваемые сатирическіе канты его слушались не высшимъ обществомъ; имъ внималъ на торгахъ и перекресткахъ простой народъ, жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселяне и козачество, чумаки, бурлаки и далеко не грамотные тогда еще мѣщане, среди которыхъ жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и риѳмованныхъ произведеній своихъ, собственною личностью дѣйствовалъ на массы Сковорода» (стр. 75—76). Съ этимъ отзывомъ, впрочемъ, нѣсколько не гармонируютъ дальнѣйшія строки біографа: „если прослѣдить бо́льшую часть его разсужденій, что, впрочемъ, теперь, по странному, тяжелому и вычурному языку ихъ, добровольно сдѣлаетъ развѣ записной библіоманъ, изъ нихъ окажется, что, пожалуй, Сковорода былъ и замѣчательно начитанъ по своему, и отлично зналъ греческихъ и римскихъ авторовъ, прочитавши ихъ въ подлинникѣ, и вообще былъ цѣлою головою выше своихъ сверстниковъ по воспитанію и украинскихъ ученыхъ по наукѣ. Историкъ духовно-философскаго ученія въ Россіи отведетъ ему почетныя страницы въ своемъ трудѣ и скажетъ, быть можетъ, много похвалъ Сковородѣ, какъ благородному, честному и горячему поборнику науки, которая до него шла путемъ ребяческихъ, школьныхъ, никому не нужныхъ риторическихъ умствованій и отъ которой онъ такъ смѣло сталъ требовать смысла и силы, самоотверженія и службы пользамъ и нуждамъ общественнымъ» (стр. 76). Послѣднее замѣчаніе о характерѣ Сковородинской науки намъ представляется слишкомъ оптимистическимъ и, конечно, его совершенно невозможно примирить съ тѣмъ, что говорилъ выше Г. П. Данилевскій о сочиненіяхъ Сковороды, называя ихъ духовными умствованіями, не имѣющими для насъ ровно никакого значенія. Не вяжется съ этимъ и утвержденіе Данилевскаго (ничѣмъ, впрочемъ, имъ недоказываемое и на нашъ взглядъ неосновательное), что «сочиненія Сковороды, при его жизни, находили себѣ читателей въ средѣ, *не составлявшей живой и особенно плодотворной стихіи современнаго ему общества*“. Такая неопредѣленность и даже видимыя противорѣчія въ сужденіяхъ Г. П. Данилевскаго о сочиненіяхъ Сковороды (прозаическихъ) объясняется, какъ намъ кажется, тѣмъ, что почтенный біографъ самъ не ознакомился

Библиотека "Руниверс"

съ ними должнымъ образомъ, хотя и имѣлъ ихъ въ своихъ рукахъ. По крайней мѣрѣ въ его монографіи мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого знакомства: онъ не даетъ даже краткаго обозрѣнія содержанія тѣхъ рукописныхъ трудовъ Сковороды, которые были въ его рукахъ, а для того, чтобы монографія его не имѣла пробѣловъ, приводитъ характеристику его философско-богословскихъ трактатовъ изъ „Исторіи философіи“ арх. Гавріила, хотя правильнѣе было бы въ сущности извлечь эту характеристику изъ статьи Хиждеу, на которой и основана монографія арх. Гавріила. Чтобы дать понятіе о сатирическихъ произведеніяхъ Сковороды, Данилевскій приводитъ цѣликомъ нѣсколько его басенъ (изъ печатнаго изданія) и пѣсню „Всякому городу нравъ и права“. Оцѣнка значенія украинскаго мудреца выражена въ слѣдующихъ прочувствованныхъ строкахъ автора: „и такъ, еще разъ скажемъ, что мы смотримъ на Сковороду преимущественно какъ на человѣка общественнаго—дѣльца и бойца своего вѣка, который бесѣдами и примѣромъ своей жизни, горячею, почти суевѣрною любовью къ наукѣ и какимъ то вдохновеннымъ отшельническимъ убійствомъ своей плоти во имя духа и мысли, убійствомъ ветхихъ стремленій ветхаго человѣка, во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла и чего ни касался—все просвѣтлялъ какимъ то новымъ яснымъ свѣтомъ. Не тетрадки сочиненій его, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ приходскимъ духовникамъ и друзьямъ—помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали. Мимо украинскихъ коллегіумовъ, въ Харьковѣ и Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій, ходячій коллегіумъ. То, что теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познаній и жажду добра и дѣлъ, пользы и чести,—все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды. Примѣры этому мы представили въ его жизнеописаніи. Но лучшее доказательство силы общественнаго вліянія Сковороды то, что безъ него, въ извѣстной степени, не было бы долго основано перваго университета на Украйнѣ. Дѣло Каразина къ открытію его въ Харьковѣ кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму — 618 тысячъ руб. сер., для основанія его, были большею частью незамѣтно подготовлены къ этому: это были все или *ученики*, или *короткіе знакомые* и друзья Сковороды „(стр. 76—77). Въ этой характеристикѣ много вѣрнаго, но есть кое что такое, съ чѣмъ мы не можемъ согласиться. Несомнѣнно, что Сковорода сильно дѣйствовалъ на своихъ современниковъ примѣромъ собственной жизни и если бы его жизнь не была такова, какою она была въ дѣйствительности, въ такомъ случаѣ, конечно его влія-

Библиотека "Руниверс"

ніе простиралось бы только на немногочисленный кругъ читателей его произведеній. Но тайна огромнаго вліянія Сковороды на современниковъ объясняется, по нашему мнѣнію, именно тѣмъ, что въ немъ гармонически сочеталось слово и дѣло, проповѣдь и жизнь. И съ этой точки зрѣнія проповѣдь Сковороды, его ученіе, *нашедшее себѣ прямое выраженіе въ его сочиненіяхъ и письмахъ*, имѣли также важное значеніе для современниковъ. Г. П. Данилевскій говоритъ, что суть дѣла заключалось не въ тетрадкахъ его сочиненій, а *въ жизни и устной проповѣди*. Но мы спросимъ, чѣмъ же и являлись эти тетрадки его сочиненій, какъ не воспроизведеніемъ его устныхъ бесѣдъ? Конечно; Г. С. Сковорода былъ „общественнымъ дѣятелемъ", даже „бойцемъ и дѣльцомъ своего времени", но нужно прибавить, очень своеобразнаго типа и склада, ибо терминъ „дѣлецъ" покажется, пожалуй, очень страннымъ по отношенію къ человѣку, который сознательно ушелъ отъ міра и весь смыслъ своей жизни выразилъ въ оставленной имъ же самимъ для себя эпитафіи „міръ меня ловилъ, но не поймалъ". Мнѣніе Г. П. Данилевскаго о томъ, что Г. С. Сковорода подготовилъ мѣстныхъ дворянъ къ воспріятію мысли объ основаніи въ Харьковѣ университета вполнѣ основательно и мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніиподтвердить его фактическими данными (которыхъ у Г. П. Данилевскаго не было [1]).

Составленныя Г. П. Данилевскимъ перечни сочиненій Сковороды и статей о немъ отличаются достаточною полнотою и точностью и заслуживаютъ полной признательности съ нашей стороны: они стоили и ихъ составителю немалаго труда. Всѣхъ печатныхъ изданій Г. С. Сковороды Г. П. Данилевскій перечисляетъ 11 (съ 1798 по 1860-й годъ включительно). Первое изданіе (безъ фамиліи Сковороды) принадлежитъ Антоновскому (1798 г.) и называется *„Библіотека духовная"*. Книга эта упоминается у Сопикова и здѣсь передъ нею стоитъ приписка— сочиненіе Гр. Сковороды. „По сличеніи ея съ рукописями Сковороды, говоритъ Данилевскій, это несомнѣнно. У Сковороды книга называется: *„Асхань о познаніи себя"*. Въ библіотекѣ преосв. Иннокентія въ Одессѣ она прямо означена словами: напечатана въ Петербургѣ въ1798 году. Мы видѣли эту книгу въ Имп. Публ. библіотекѣ въ Петербургѣ, гдѣ она находится въ VI залѣ, въ VIII шкафѣ, подъ № 62" (стр. 86).

Въ этихъ словахъ какое то недоразумѣніе. Эту самую книжку (экземпляръ Имп. Публичной библіотеки) мы также имѣли въ своихъ

---

[1]) Г. П. Данилевскій, говоря, что Харьковскіе помѣщики въ 1803 г. подписались на 618 тысячъ рублей., допускаетъ неточность: подписная сумма равнялась 400 т. р. и самый приговоръ объ этомъ относится къ 1802 г. Отмѣтимъ кстати и еще неточность у Г. П. Данилевскаго: приведя свидѣтельство Ковалинскаго, что Г. С. Сковорода былъ сынъ казака, онъ вслѣдъ затѣмъ говоритъ, что тотъ былъ сынъ приходскаго священника. (стр. 77).

Библиотека "Руниверс"

рукахъ, и убѣдились, что это сочиненіе Г. С. Сковороды, но только не *Асхань*, какъ говорятъ Преосв. Иннокентій и Г. П. Данилевскій, а *Наркисъ* или познай себя. Отзывъ Г. П. Данилевскаго о Петербургскомъ изданіи сочиненій Г. С. Сковороды страдаетъ преувеличеніемъ и неточностями; между прочимъ онъ относитъ это изданіе къ 1860 году, въ то время какъ оно вышло въ свѣтъ въ 1861 году, заявляетъ, что *издатель* неизвѣстенъ, между тѣмъ какъ издателемъ былъ книгопродавецъ Лисенковъ, а неизвѣстенъ былъ только редакторъ.

Составить *полный и точный* перечень сочиненій Г. С. Сковороды дѣло очень нелегкое. Не смотря на то, что самъ Сковорода въ одномъ изъ своихъ писемъ далъ такой списокъ, но онъ во 1-хъ относится къ 1790 году, т. е. былъ составленъ еще за 4 года до его смерти, а во 2-хъ въ немъ есть пропуски. Разборомъ сочиненій, принадлежащихъ Сковородѣ, мы займемся впослѣдствіи, теперь же только замѣтимъ, что свой списокъ неизданныхъ трудовъ Сковороды Г. П. Данилевскій составилъ частію по реестру самого Сковороды, а частью по литературнымъ указаніямъ и собственнымъ свѣдѣніямъ. Пользуясь реестромъ Г. С. Сковороды, Г. П. Данилевскій приводитъ заглавія 19 его сочиненій (въ то время неизданныхъ), изъ коихъ 13 оригинальныхъ и 6 переводныхъ. Здѣсь есть маленькія неточности: Наркисъ былъ уже изданъ (Антоновскимъ), а Разговоръ—Кольцо напечатанъ подъ заглавіемъ „*Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ*“. Помѣщая напрасно эти два трактата среди неизданныхъ сочиненій Сковороды, Г. П. Данилевскій въ то же самое время пропускаетъ одинъ, дѣйствительно ненапечатанный „*О вождельніи богатства*“ и называетъ неправильно (вѣроятно благодаря опечаткѣ) другой и третій „*О свойствіи* (вмѣсто спокойствіи) *душевнымъ*“ и „*О стародети Цицероновой*“ (вмѣсто того, чтобы сказать „О старости“—переводъ изъ Цицерона). Къ 19-ти сочиненіямъ ,указываемымъ самимъ Сковородою, онъ еще присоединяетъ 18 другихъ. Заглавія 4-хъ изъ нихъ онъ заимствуетъ изъ перечня И. И. Срезневскаго, другихъ 4-хъ—изъ статьи Хиждеу, названіе 9-го—изъ письма А. М. Лазаревскаго, 10-го изъ письма А. Л. Метлинскаго а остальныя (8) были присланы ему разными лицами—Преосв. Иннокентіемъ изъ Одессы, г. Алякринскимъ изъ Владиміра на Клязьмѣ—или найдены въ Имп. Публичной библіотекѣ и библіотекѣ Харьковскаго университета. По поводу этого списка не можемъ не выразить нѣкоторыхъ замѣчаній и сомнѣній. Почтенный библіографъ не дѣлаетъ никакого различія между сочиненіями, несомнѣнно принадлежащими Сковородѣ, и сомнительными. Пользуясь библіографическими указаніями И. И. Срезневскаго, Г. П. Данилевскій беретъ только тѣ изъ нихъ, которыя помѣщены въ „Молодыкѣ“, но почему то игнорируетъ тѣ, которыя были сдѣланы раньше въ альманахѣ „Утренняя

Библиотека "Руниверс"

Звѣзда"; спрашивается, какъ же относиться къ этимъ послѣднимъ? За тѣмъ, является вопросъ, нельзя ли видѣть въ „Толкованіяхъ изъ Плутарха о тишинѣ сердца" отмѣченнаго далѣе сочиненія Сковороды „Книжечка Плутархова о спокойствіи души"? Мы полагаемъ, что это одно и то же сочиненіе. („De tranquillitate animi"). Жаль также, что Г. П. Данилевскій не высказалъ своего взгляда на тѣ сочиненія Сковороды, которыя не дошли до насъ и о которыхъ мы имѣемъ только свидѣтельство Хиждеу. Мы не имѣемъ, говоритъ Г. П. Данилевскій, данныхъ для рѣшенія этого вопроса—а между тѣмъ помѣщаетъ заглавія этихъ сочиненій въ свой списокъ. Еще болѣе нужно сожалѣть о томъ, что Г. П. Данилевскій не сообщаетъ намъ ровно никакихъ свѣдѣній въ своей книгѣ о тѣхъ 6 рукописяхъ Г. С. Сковороды, которыя были присланы ему Преосв. Иннокентіемъ и г. Алякринскимъ; они также до насъ не дошли и мы не знаемъ—погибли ли они, или были переданы кому нибудь. Не зная, представляли ли они изъ себя автографы Сковороды или достовѣрные списки, мы не можемъ теперь рѣшить вопроса о принадлежности ихъ Сковородѣ, между тѣмъ какъ среди нихъ есть одна особенно для насъ интересная рукопись трагедокомедія (въ силлабическихъ стихахъ). Въ библіографической справкѣ, доставленной А. Л. Метлинскимъ и приводимой Г. П. Данилевскимъ, есть также неточность: первая рукопись, хранящаяся въ университетской библіотекѣ. заключаетъ въ себѣ собственно не „письмо —басень, пустынникъ и его другъ", а извѣстное сочиненіе Сковороды „Израильскій змій". Наконецъ, подлинное письмо Сковороды 1779 г., хранящееся въ библіотекѣ Харьковскаго университета, напечатанное Г. П. Данилевскимъ въ качествѣ неизданнаго документа, на самомъ дѣлѣ, какъ мы уже замѣтили выше, уже фигурировало въ Петербургскомъ изданіи 1861 года.

Такимъ образомъ, списокъ сочиненій Сковороды, составленный Г. П. Данилевскимъ, насъ не вполнѣ удовлетворяетъ и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи представимъ свой собственный.

Въ своемъ перечнѣ печатныхъ статей о Сковородѣ Г. П. Данилевскій отмѣчаетъ 21 работу (съ 1806 г. по 1861-й г. включительно). Но тутъ есть кое какіе пропуски: 1) въ „Ворон. бесѣдѣ" помѣщена статья А. П. Камышанскаго, 2) въ Рус. Словѣ за 1861 г. № 7—8 статья В. К—вскаго (Всев. Крестовскаго), есть статьи еще и въ 3) въ Сѣверной пчелѣ 1861 г. № 158, 4) въ Рус. Инвалидѣ 1861 г. № 191, 5), въ Памятной книжкѣ Кіевской губ.; наконецъ, слѣдуетъ прибавить, что статья Аскоченскаго была перепечатана въ его соч. „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Духовной Академіей".

Послѣ труда Г. П. Данилевскаго наступаетъ въ литературѣ о Гр. Сав. Сковородѣ затишье, продолжающееся съ 1867 по 1886-й г.,

Библиотека "Руниверс"

когда проф. Н. Ѳ. Сумцовъ напечаталъ впервые цѣликомъ въ журналѣ „Кіевская Старина“ (сент. стр. 103—150) „Житіе“ Сковороды, составленное М. И. Ковалинскимъ. Имъ, какъ мы уже знаемъ, пользовались и Снегиревъ, и Аскоченскій, и Данилевскій, но отдѣльнаго изданія этого памятника не было. Вотъ почему нельзя не выразить глубокой признательности неутомимому изслѣдователю южнорусской литературы за его трудъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ самого памятника мы находимъ тамъ еще предисловіе издателя, въ которомъ высказанъ взглядъ на значеніе и характеръ дѣятельности Сковороды.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ находитъ много общаго въ дѣятельности Г. С. Сковороды съ дѣятельностью масоновъ. Сообщивъ краткія свѣдѣнія о масонствѣ, Н. Ѳ. Сумцовъ замѣчаетъ: „религіозно-мистическое направленіе духовнаго настроенія русскаго общества во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія отразилось, между прочимъ, и на странствующемъ украинскомъ философѣ того времени, Григоріи Саввичѣ Сковородѣ. Сковорода не былъ масономъ, но онъ въ значительной степени выросъ и воспитался въ той атмосферѣ, которая питала русское масонство и между нимъ и масонами находятся общія точки соприкосновенія, въ видѣ особеннаго расположенія къ ветхозавѣтнымъ книгамъ, мистическаго ихъ толкованія, равнодушія къ догматической сторонѣ христіанства, строго аскетическаго образа жизни и стремленія ученіемъ о нравственности и личною нравственною жизнью поднять нравственный уровень общества, въ чемъ Сковорода сходился съ лучшими русскими масонами, Новиковымъ, Лопухинымъ и въ особенности съ Гамалѣей. Сходство между нравственнымъ характеромъ и образомъ жизни Сковороды и Гамалѣи настолько значительно, что тутъ можно подозрѣвать вліяніе не только извѣстныхъ общихъ нравственныхъ принциповъ, но и общаго происхожденія Сковороды и Гамалѣи изъ Малороссіи и свойственныхъ имъ обоимъ общихъ національныхъ чертъ малорусскаго народа“. Проф. Сумцовъ считаетъ Сковороду мистикомъ. „Религіозный мистицизмъ, говоритъ онъ, окрѣпъ въ Сковородѣ послѣ его путешествія въ Германіи. Въ половинѣ XVIII столѣтія въ Германіи сильно былъ развитъ мистицизмъ и квіетизмъ. Сковорода всегда сохранялъ предпочтеніе къ этой странѣ предъ всѣми прочими, исключая своей родины Малороссіи“.

Профессоръ. Н. Ѳ. Сумцовъ первый—и въ этомъ его заслуга—сопоставилъ міровоззрѣніе Сковороды съ масонствомъ, сдѣлавъ это крайне осторожно, безъ натяжекъ, не ставя этихъ двухъ теченій въ органическую связь другъ съ другомъ, а только указавъ на пункты формальнаго сходства между ними. Иначе дѣло обстоитъ относительно мистицизма Сковороды. Мнѣнія своего о мистицизмѣ Гр. Сав. Сковороды проф. Н. Ѳ. Сумцовъ вообще ничѣмъ

Библиотека “Руниверс”

не доказываетъ, (если не считать указанія на путешествіе по Германіи), быть можетъ, потому что считаетъ его установившимся. Дѣйствительно, такая кличка установилась за Гр. Сав. Сковородой, но насколько она основательна, это требуетъ еще спеціальнаго разбора. Что же касается путешествія Гр. Сав. по Германіи, которое *укрыпило* его мистицизмъ, то во 1-хъ намъ ничего неизвѣстно о мистическомъ настроеніи Гр. Сав. до поѣздки его въ Германію, а во 2-хъ точно также мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ и о томъ, какъ отразилось это путешествіе на образѣ мыслей Сковороды. Остается, такимъ образомъ, à priori, предполагать вліяніе на него германскихъ масоновъ и квіетистовъ; но въ это время въ Германіи были не одни мистики да квіетисты; притомъ даже нѣкоторые виды масонства, какъ извѣстно, чуждались мистицизма. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Н. Ѳ. Сумцовъ опредѣляетъ ближайшимъ образомъ характеристическія особенности Гр. Сав. Сковороды—любовь къ малорусской природѣ и языку, его демократизмъ въ образѣ жизни и воззрѣніяхъ, вліяніе схоластической школы на его литературныя произведенія и жизнь; Н. Ѳ. Сумцовъ полагаетъ, что странничество Гр. Сав. Сковороды обязано своимъ происхожденіемъ и развилось подъ вліяніемъ школы (Кіевской Духовной Академіи)—и это указаніе заслуживаетъ полнаго вниманія. Наконецъ, въ заключеніе Н. Ѳ. Сумцовъ даетъ характеристику самого автора „Житія“—М. И. Ковалинскаго. „Личность Ковалинскаго, говоритъ онъ, замѣчательна, какъ личность человѣка, получившаго отличное образованіе, начитаннаго, вдумчиваго, и его „Житіе Григорія Савича Сковороды“ представляетъ весьма любопытный литературный и бытовой памятникъ 2-й половины прошлаго столѣтія. „Житіе Сковороды“ читается съ интересомъ, благодаря легкому литературному стилю Ковалѣнскаго, ясности и послѣдовательности изложенія и въ особенности въ силу искренности, задушевности и добродушія, разлитыхъ въ „Житіи“ отъ первой и до послѣдней его строки. Видно, что Ковалѣнскій говоритъ отъ сердца, что слова льются изъ души, что все сказанное было предварительно имъ продумано и прочувствовано“.

Что касается самого изданія памятника, то оно сдѣлано Н. Ѳ. Сумцовымъ по списку его, присланному изъ Курска въ ред. „Кіевской Старины“ г. Добротворскимъ; недостающія мѣста (начало рукописи оказалось нѣсколько попорченнымъ) Н. Ѳ. Сумцовъ пополнилъ по тѣмъ выпискамъ изъ „Житія“, которыя раньше напечатаны были въ „Укр. Стар.“ Данилевскаго. Пропусковъ, благодаря этому, оказалось чрезвычайно мало, но и они были пополнены ред. „Кіев. Стар.“, по совершенно полному списку „Житія“, присланному г. Ястребовымъ изъ Елисаветграда.

Библиотека "Руниверс"

Съ 1886 по 1893-й годъ, на сколько намъ извѣстно, не появилось ничего, заслуживающаго вниманія о Сковородѣ. Но въ этомъ году, въ виду приближающагося столѣтія со дня смерти Сковороды, снова пробудился интересъ къ этому позабытому почти дѣятелю.

Университетскій городъ Харьковъ, центръ того края. гдѣ протекала жизнь и дѣятельность Г. С. Сковороды, не могъ, конечно, остаться безучастнымъ къ приближающемуся юбилею одного изъ самыхъ выдающихся своихъ дѣятелей, тѣмъ болѣе что при университетѣ существуетъ историко-филологическое общество, богатое научными силами и давно уже посвящающее свои труды между прочимъ и разработкѣ мѣстной исторіи. Въ библіотекѣ его хранится одна подлинная рукопись Г. С. Сковороды—„Израильскій змій", о которой много лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ цѣнное сообщеніе покойный предсѣдатель общества—А. А. Потебня. Къ сожалѣнію это сообщеніе не было напечатано ни въ цѣльномъ видѣ, ни даже въ краткомъ изложеніи. Но въ 1893 г., въ виду юбилея, интересъ къ личности и сочиненіямъ Сковороды среди членовъ общества снова пробуждается и проявляется въ очень осязательныхъ формахъ. Еще въ 1-й главѣ своего „Опыта исторіи Харьковскаго университета" (см. 3-ю и 4-ю книжки Записокъ Харьк. у—а) стр. 89—92 и 1—5, 1893 г. говоря о культурномъ состояніи Харьковскаго края до открытія университета, я указалъ на роль Сковороды въ дѣлѣ мѣстнаго просвѣщенія и закончилъ свой очеркъ слѣдующими словами:, пусть же настоящія строки будутъ слабымъ актомъ признательности къ нему съ нашей стороны, тѣмъ болѣе что въ слѣдующемъ 1894 году исполнится столѣтіе со дня смерти этого выдающагося человѣка, стяжавшаго себѣ почетное прозвище украискаго философа; въ немъ гармонически соединилась наука и этика; слово у него не расходилось съ дѣломъ; устная проповѣдь подкрѣплялась примѣромъ собственной жизни и потому онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Украйнѣ и слава его перешла далеко за ея предѣлы". Болѣе чѣмъ за годъ до юбилея я вошелъ съ представленіемъ въ историко-филологическое общество о собраніи и изданіи его трудовъ и это предложеніе было принято единогласно, съ полнымъ сочувствіемъ (подробнѣе объ этомъ мы скажемъ во 2-й главѣ). Дѣйст. членъ Харьковскаго историко-филологическаго общества извѣстный ученый, г-жа А. Я. Ефименко, съ цѣлью напомнить публикѣ забытое ею имя Сковороды, прочла о немъ въ Харьковѣ 20 ноября 1893 г. (въ пользу Харьковскаго комитета по изданію книгъ для народнаго чтенія) публичную лекцію, которую потомъ напечатала въ журналѣ „Недѣля" подъ заглавіемъ „*Философъ изъ народа*" [1]). Не смотря на свой незначительный объемъ и популярное изложеніе, статья эта отличается вполнѣ научнымъ характеромъ и

[1]) Недѣля 1894 г. № 1, стр. 7—30.

Библиотека "Руниверс"

должна занять почетное мѣсто въ литературѣ о Сковородѣ. На ней лежитъ печать той талантливости, которыми характеризуются почти всѣ труды почтенной Александры Яковлевны. Конечно, здѣсь не слѣдуетъ искать систематически изложенной біографіи Сковороды. Это скорѣе всего мысли и наблюденія оригинальнаго ума, вдумчиво отнесшагося къ своему вопросу и изложившаго разультаты своихъ впечатлѣній въ чрезвычайно изящной формѣ—необыкновенно легкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ характернымъ и изящнымъ стилемъ. Во введеніи г-жа Ефименко доказываетъ, что Харьковъ долженъ отпраздновать юбилей Сковороды. „Та территорія, которую Сковорода исходилъ вдоль и поперекъ собственными ногами, разнося какъ по панскимъ дворамъ, такъ и по крестьянскимъ хатамъ свѣтъ свой „новой славы", слишкомъ тѣсно связана съ нимъ духовными нитями, присутствіе которыхъ хотя сознается и смутно, но тѣмъ не менѣе чувствуется. Юбилей будетъ и, надо надѣяться, освѣтитъ болѣе или менѣе полно эту туманную, но несомнѣнно высоко даровитую и чрезвычайно оригинальную фигуру, такъ сильно поражавшую мысли и чувства не только современниковъ, но и ближайшаго потомства, Прилетѣли новыя птицы, запѣли новыя пѣсни; но это не даетъ намъ права быть неблагодарными, тѣмъ болѣе, что Сковорода несъ на алтарь своего служенія не избытки отъ своихъ душевныхъ богатствъ, а самую душу, кровь своего сердца. Тѣмъ не менѣе культурные люди края успѣли забыть его довольно основательно, за то его помнитъ народъ" [1]). Въ 1-й главѣ А. Я. Ефименко останавливается на жизни Сковороды, при чемъ въ самомъ же началѣ высказываетъ слѣдующее основное положеніе: „несомнѣнно, природа слѣпила Сковороду изъ того драгоцѣннаго матеріала, который она хранитъ въ скудномъ запасѣ для людей, „дѣлающихъ эпохи". Но тѣмъ не менѣе Сковорода никакой эпохи не сдѣлалъ ...Очевидно, природа сдѣлала по отношенію къ Сковородѣ ошибку: *онъ явился не въ надлежащее время и не въ надлежащемъ мѣстѣ* [2]). Для доказательства этого послѣдняго положенія, г-жа Ефименко дѣлаетъ характеристику XVIII вѣка въ исторіи Малороссіи: „снаружи все было тихо: никакихъ яркихъ событій, бурь, переворотовъ. Казалось, жизнь края, еще такъ недавно бурлившая внѣ всякаго русла, вошла окончательно въ берега и еле-еле движетъ свои мутныя и сонныя струи. Но на самомъ дѣлѣ эта мутная рябь верхняго теченія укрывала собою очень дѣятельную работу перемѣщенія и новой формировки общественныхъ элементовъ. Волею Петра Малороссія была накрѣпко припряжена къ русскому государственному тяглу, но исполнять свое новое назначеніе, какъ слѣдуетъ, она могла лишь, произведя крупныя

[1]) Ibidem. стр. 8.

[2]) Курсивъ нашъ.

Библиотека "Руниверс"

измѣненія въ формахъ и условіяхъ своего общественнаго строя. Эти измѣненія, при данномъ положеніи, были фатально неизбѣжны и произошли они съ чрезвычайной быстротой. Казачество, еще недавно центральный элементъ строя, перешло на положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, хлѣборобовъ и чумаковъ, безъ всякихъ притязаній на какое бы то ни было политическое значеніе; казацкая старшина образовала новое дворянское сословіе; всѣ свободные сельскіе люди, какъ земельные собственники, не вошедшіе въ казацкіе компуты, такъ и безземельные, очутились въ крѣпостной зависимости у новыхъ дворянъ. И все это произошло на глазахъ какихъ-нибудь двухъ поколѣній. Понятно, какая усиленная работа переформировки и приспособленія шла въ этомъ обществѣ; понятно, какую плохую почву представляло это общество для той страстной проповѣди личной раціоналистической нравственности, какую преподносилъ ему Сковорода. Онъ проповѣдовалъ разумно-нравственное, а въ условіяхъ жизни все происходило совсѣмъ иначе и ужъ, конечно, не тѣ люди, которые извлекали выгоды изъ измѣненія условій, могли активно прислушиваться къ его словамъ. Тѣ же, которые явились жертвами условій, прислушивались несомнѣнно и кое что запоминали такъ твердо, что помнятъ и до сихъ поръ. Но эти послѣдніе не могли оцѣнить Сковородинской учености: они были глухи къ аргументамъ отъ Сенеки, Платона или нѣмецкой философіи. Тѣ же, кто могъ взвѣшивать ученые аргументы, предпочитали классикамъ и нѣмецкимъ философамъ французскій языкъ и французскихъ писателей, знаніе которыхъ, сообщая блескъ образованности, обезпечивало вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхи на жизненномъ поприщѣ. Тѣмъ не менѣе Сковороду слушали всѣ, слушали и тѣ, противъ кого онъ направлялъ свое страстное, обличительное краснорѣчіе, полное злыхъ сарказмовъ—и это большое доказательство его выдающейся силы“ [1]). Нельзя не сознаться, что эта блестящая характеристика малорусскаго общества XVIII вѣка въ общемъ совершенно правильна. Матеріальные интересы дѣйствительно тогда выступили на первый планъ и попирали при этомъ самымъ грубымъ образомъ элементарныя требованія нравственности. Конечно, при такихъ условіяхъ и сѣмена высокой Сковородинской этики не принесли тѣхъ плодовъ, которыхъ можно было ожидать отъ его проповѣди. Но намъ кажется, что *это то именно преобладаніе грубыхъ матеріальныхъ интересовъ въ украинскомъ обществѣ и вызвало, какъ естественную реакцію противъ себя, страстную проповѣдь Сковороды, направленную противъ плоти, матеріи, міра въ защиту всего высшаго, духовнаго, нравственнаго.* Въ этомъ, мы полагаемъ, сущность ученія Сковороды, основной, господствующій мо-

[1]) Ibidem, стр. 9—10.

Библиотека “Руниверс”

тивъ всѣхъ его сочиненій и жизни. Мало того: Сковорода былъ не только порожденіемъ историческихъ условій тогдашняго малорусскаго быта, но и самая жизнь и проповѣдь его приняли такія формы, какими характеризуется этотъ послѣдній[1]). Да, Сковорода былъ необходимъ для своей родины и онъ носитъ на себѣ яркую печать своей эпохи; съ этой точки зрѣнія мы можемъ сказать, что онъ *родился и въ надлежащее время, и въ надлежащемъ мѣстѣ*. Впрочемъ, и самъ авторъ говоритъ, что Сковороду слушали *всѣ*, не указывая только тѣхъ элементовъ и условій, которые благопріятствовали проповѣди Сковороды и подготовили для нея почву; а таковыя несомнѣнно были.... Между прочимъ, въ своей характеристикѣ г-жа Ефименко совершенно игнорируетъ ту роль, какую играло въ украинскомъ обществѣ духовенство, имѣвшее едва ли не больше, чѣмъ всѣ остальные, точекъ соприкосновенія со Сковородой.

„Удивительно оригинальную фигуру представлялъ собою, говоритъ г-жа Ефименко, этотъ мудрецъ и ученый съ его простонародной внѣшностью, изъ подъ которой все-таки проглядывала та складка, которую наложило когда то школьное образованіе. Простонародность была для Сковороды, казацкаго сына и бурсака, съ одной стороны естественнымъ проявленіемъ его симпатій, а съ другой—сознательнымъ принципомъ. Онъ страстно любилъ природу Малороссіи, ея языкъ, пѣсни, обычаи, любилъ такъ, что не могъ надолго разставаться съ родиной; но по отношенію къ народу эта любовь являлась и въ освѣщеніи сознательной мыслью“ [2]). Съ этимъ нельзя не согласиться, равно какъ и съ замѣчаніемъ автора, что Сковорода, при всей простотѣ своего образа жизни, не былъ аскетомъ. [3])

2-ю главу статьи А. Я. Ефименко посвящаетъ спеціально анализу его философской системы и здѣсь утверждаетъ, вопреки ходячему мнѣнію, что онъ не былъ мистикомъ, а былъ раціоналистомъ pur sang [4]). Конечно, это утвержденіе, говоритъ А. Я. Ефименко, покажется нелѣпымъ тому, кому удалось заглядывать въ сочиненія Сковороды, и онъ припомнитъ какую нибудь „Прю бѣса съ Варсавой“

---

[1]) На это же указываетъ и г-жа Ефименко, упомянувъ, что Сковорода выбралъ себѣ роль „старца“... „Это былъ (для него) естественный выходъ, открывавшійся нравами и обычаями той исторической среды, въ которой онъ жилъ. Дѣло въ томъ, что въ Малороссіи распространеніе „всякой мудрости, какъ школьной, такъ и житейской, по образу пѣшаго хожденія старцами и кобзарями, мандрованными дьяками было самымъ обычнымъ дѣломъ. Но разумѣется, только Сковорода могъ избрать такой выходъ, разъ передъ нимъ было сколько угодно другихъ выходовъ, несравненно болѣе привлекательныхъ въ житейскомъ смыслѣ“ (Ib., стр. 16).

[2]) Ibidem, стр. 16—17.

[3]) Ibidem, стр. 18.

[4]) Ibidem, стр. 19—21.

Библиотека “Руниверс”

или разсужденіе „объ израильскомъ зміѣ“, полное темныхъ, пожалуй, можно сказать, мистическихъ аллегорій. Но намъ все это представляется иначе“. [1]) И затѣмъ А. Я. Ефименко заявляетъ, что попытка Сковороды философски освѣтить библію является только случайнымъ придаткомъ къ его философской *пантеистической концепціи*; это была жертва традиціи; тутъ только онъ злоупотреблялъ аллегоріей, пытаясь образамъ и понятіямъ библіи навязать „совсѣмъ чуждый имъ философскій смыслъ“. Въ концѣ концовъ онъ убѣдился, что библія содержитъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ отвѣты на всякіе вопросы и что надо только умѣть извлечь ихъ оттуда и на эту то безплодную работу онъ убилъ много времени и энергіи“. [2]) „Но за этими ошибками и заблужденіями“ метода, скрывается настоящая положительная философская сторона ученія Сковороды, которую и вскрываетъ читателямъ г-жа Ефименко. „Подъ какими вліяніями, спрашиваетъ она, сложился этотъ суровый раціонализмъ безпощадный въ своей послѣдовательности“? И отвѣчаетъ—подъ вліяніемъ Спинозы: „какъ только мы отвлекаемъ концепцію Сковороды отъ сопровождающихъ ее внѣшнихъ наростовъ, духъ великаго еврея властно навязывается сознанію“. [3]) Приведя выдержку изъ „Изр. Змія“ и „Начальной двери ко христ. добронравію“, г-жа Ефименко замѣчаетъ: „не трудно усмотрѣть во всемъ этомъ совершенно опредѣленно выраженное пантеистическое міровоззрѣніе“; [4]) и ему, продолжаетъ далѣе авторъ, не противорѣчатъ мысли Сковороды о двойственности всего сущаго; это у него чисто внѣшній дуализмъ. [5]) Въ области этики Сковорода, по мнѣнію г-жи Ефименко, еще ближе подходитъ къ Спинозѣ, ибо для него добродѣтель (она же счастіе) есть познаніе. Но это основное положеніе онъ развивалъ самостоятельно, облекалъ его въ плоть и кровь, обличая суевѣріе и безбожіе съ одной стороны и развивая діалектически мысль, что нужное (т. е. счастіе) намъ не трудно, а трудное не нужно. „Этика его была строга и сурова, много требовала отъ человѣка; но она требовала не аскетизма“: она вела къ познанію истины, ограниченію потребностей, душевному равновѣсію и обращенію къ природѣ, какъ неизсякаемому источнику наслажденій. У него у самого слово не расходилось съ дѣломъ, но онъ часто напоминалъ своею проповѣдью ветхозавѣтнаго пророка, полнаго то скорби, то гнѣва, то презрительнаго смѣха.... [6]) Какъ видимъ отсюда, вопросъ о философіи Гр. Сав. Сковороды поставленъ

---

[1]) Ibidem. стр. 19.
[2]) Ibidem, стр. 19—20.
[3]) Ibidem, стр. 21.
[4]) Ibidem, стр. 22.
[5]) Ibidem, стр 23.
[6]) Ibidem, стр. 25—26.

Библиотека “Руниверс”

А. Я. Ефименко очень оригинально такъ, какъ его не ставилъ на одинъ изъ прежнихъ изслѣдователей. Но мы все таки не можемъ согласиться съ уважаемымъ авторомъ въ его взглядѣ на философское міросозерцаніе Сковороды. То, что А. Я. Ефименко называетъ ошибкою метода, безплодною работою, придаткомъ къ чистой философской конценціи Сковороды—философское объясненіе Библіи—мы считаемъ основнымъ вопросомъ, занимавшимъ нашего философа—богослова всю его жизнь и нашедшимъ себѣ выраженіе во всѣхъ его трудахъ, начиная отъ философскихъ трактатовъ и оканчивая баснями и стихотвореніями. Г-жа Ефименко, говоря объ аллегорическихъ толкованіяхъ, ссылается только на „Израильскаго змія" да на „Прю бѣса съ Варсавой", но на самомъ дѣлѣ такимъ же характеромъ отличаются и многія другія сочиненія Сковороды. А. Я. Ефименко основываетъ свои заключенія о пантеистическомъ воззрѣніи Сковороды на его „Израильскомъ змѣѣ"; но это же самое сочиненіе всецѣло посвящено именно толкованію Библіи (Израильскій Змій это и есть Библія) и заключаетъ въ себѣ, по собственному сознанію автора, „много темныхъ, пожалуй, мистическихъ аллегорій" (особенно, прибавимъ отъ себя, въ серединѣ и концѣ, начиная съ 4-го предѣла). Пантеизму Сковороды противорѣчитъ и настойчиво проводимое имъ начало дуализма, которое намъ лично отнюдь не представляется у него случайнымъ, внѣшнимъ, и его идея о личномъ Богѣ—Отцѣ, Сынѣ и Духѣ. Что же касается этики, то здѣсь Сковорода повторяетъ (какъ и самъ сознается) выраженіе Эпикура: благодареніе блаженному Богу, что нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное ненужнымъ.

Въ 3-й заключительной главѣ А. Я. Ефименко кратко разрѣшаетъ вопросъ *о значеніи* Сковороды, „Жизнь катилась себѣ съ неудержимой быстротой по наклонной плоскости, и не одинокой фигурѣ чудака философа было задержать ея тяжелую колесницу. Но неужели такъ таки и разлетѣлось безслѣднымъ прахомъ это оригинальное существованіе, достойное лучшихъ временъ и лучшихъ условій" [1])? И относительно этого вопроса г-жа Ефименко приводитъ три фактическихъ справки: 1) дворянское пожертвованіе 618,000 руб. на Харьковскій университетъ должно быть приписано, по ея словамъ, не драматическимъ жестамъ В. Н. Каразина а „неустанной проповѣди мысли, которую десятки лѣтъ велъ Сковорода"; 2) Сковорода благотворно дѣйствовалъ на отношенія помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ; 3) Народъ запомнилъ сатирическія пѣсни Сковороды, „Сковорода посвятилъ всю свою жизнь развитію своего философскаго ученія и проповѣди его, посвятилъ жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова; ни одной стороны въ его существованіи не было та-

[1]) Ibidem, стр. 26—27.

Библиотека "Руниверс"

кой, которую бы можно было считать его личною, не связанной съ тѣмъ, что онъ считалъ своей миссіей. Въ этомъ смыслѣ это фигура рѣдчайшей цѣнности; но какъ оцѣнить все таки то, что онъ внесъ въ сознаніе той среды, которой посвятилъ свое существованіе,—мы не знаемъ“ [1]). Здѣсь требуетъ оговорки или даже прямой поправки первая фактическая справка. Нужно сильное предубѣжденіе или сознательное игнорированіе извѣстныхъ всѣмъ фактовъ о дѣятельности В. Н. Каразина, чтобы отвергнуть его руководящую роль въ дѣлѣ пожертвованія дворянъ на Харьковскій университетъ. И, конечно, совершенно неосновательно все сводить къ драматическимъ жестамъ его, когда и кромѣ ихъ было еще многое другое, да и самое извѣстіе о колѣнопреклоненіи Каразина нуждается въ подтвержденіи. Всегда слѣдуетъ suum quique tribuere. Зачѣмъ говорить: *или* Каразинъ *или* Сковорода, когда въ дѣйствительности дѣйствовалъ и тотъ и другой? Г. П. Данилевскій, давшій намъ біографіи обоихъ этихъ дѣятелей, воздаетъ должное и тому, и другому: онъ признаетъ важныя заслуги въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета и за В. Н. Каразинымъ, и за Г. С. Сковородой; этотъ послѣдній подготовилъ почву, а первый воздѣйствовалъ уже непосреднійвенно на мѣстную среду. На такой же точкѣ зрѣнія стою и я [2]). А. Я. Ефименко рѣшаетъ вопросъ совсѣмъ иначе, а между тѣмъ не приводитъ ни новыхъ данныхъ [3]), ни новыххъ соображеній и не опровергаетъ насъ. А. Я. Ефименко заявляетъ, что не знаетъ какъ оцѣнить то, что Сковорода внесъ въ сознаніе своей среды; но она сама отчасти отвѣтила на этотъ вопросъ своими фактическими справками, которыми впрочемъ далеко еще не исчерпывается все то, что можно сказать о *значеніи* Сковороды. Въ заключеніе А. Я. Ефименко приводитъ одно письмо Сковороды, въ которомъ видитъ аналогію съ мыслями Л. Н. Толстаго „о недѣланіи“.

Мы должны были остановиться такъ долго на статьѣ г-жи Ефименко потому, что статья эта, не смотря на свой незначительный объемъ и отсутствіе новыхъ матеріаловъ [4]), содержитъ въ себѣ много новыхъ мыслей и взглядовъ. Съ удовольствіемъ можемъ сообщить читателямъ, что г-жа Ефименко не оставила своихъ занятій Сковородой и можно надѣяться, что, познакомившись со всѣми его сочиненіями, она иначе освѣтитъ и его ученіе. Вопросъ о жизни и трудахъ Сковороды столь серьезный, что

---

[1]) Ibidem, стр. 28.

[2]) Въ своемъ „Опытѣ Исторіи Харьковскаго университета“, т. I, выпускъ 1-й X. 1894.

[3]) Данныя она береть у Г. П. Данилевскаго.

[4]) Авторъ пользовался „Житіемъ“ Сковороды, составленнымъ Ковалинскимъ, Петербургскимъ изданіемъ его сочиненій, біографіей, принадлежащей перу Г. П. Данилевскаго и только одною рукописью (Израильскимъ зміемъ); см. Ibidem, стр. 21.

Библиотека “Руниверс”

къ нему желательно привлечь возможно больше силъ. Такія соображенія побудили меня между прочимъ предложить своему уважаемому коллегѣ по факультету, профессору философіи, Ѳедору Александровичу Зеленогорскому заняться спеціальнымъ разборомъ и оцѣнкой философскихъ трудовъ Г. С. Сковороды.

Ѳ. А. Зеленогорскій отнесся къ этому съ полнымъ сочувствіемъ и немедленно же приступилъ къ изученію печатныхъ источниковъ и поступавшихъ въ распоряженіе Ист.-Фил. общества рукописей Сковороды. Плодомъ этихъ штудій явился обширный рефератъ, доложенный въ двухъ засѣданіяхъ Ист.-Фил. общества и вызвавшій общее сочувствіе и оживленный обмѣнъ мыслей. Этотъ рефератъ Ѳ. А. Зеленогорскій напечаталъ потомъ въ „Вопросахъ философіи и Психологіи", изд. Московскимъ Психологическимъ обществомъ, подъ заглавіемъ „Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII-го столѣтія" [1]). Монографія проф. Зеленогорскаго должна занять одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ литературѣ о Сковородѣ. Никто изъ его предшественниковъ не ставилъ такъ широко вопроса о значеніи Сковороды, какъ философа; никто не привлекалъ къ изученію его сочиненій такого обильнаго рукописнаго матеріала; и понятное дѣло, что заключенія почтеннаго спеціалиста въ области исторіи философіи должны имѣть серьезную цѣну въ общей оцѣнкѣ Сковороды, какъ писателя, перешедшаго въ потомство съ лестнымъ эпитетомъ философа. Изслѣдованіе Ѳ. А. Зеленогорскаго распадается на 5 частей: въ первой, носящей характеръ введенія, говорится о Сковородѣ, какъ о философѣ—моралистѣ, во второй—о его сократической дѣятельности, въ 3-й—объ умозрительной философіи его, въ четвертой—о практической философіи, въ 5-й заключительной дѣлается общая оцѣнка его дѣятельности. Разсмотримъ содержаніе каждой части въ отдѣльности. „Гр. Сав. Сковорода, говоритъ Ѳ. А. Зеленогорскій, прежде всего *философъ — моралистъ*; и онъ дѣйствовалъ, какъ сознательный проповѣдникъ нравственности, чувствуя въ этомъ свое призваніе, какъ это видно изъ его же собственнаго сознанія; дѣйствовалъ онъ и живымъ словомъ, и сочиненіями, которыя не предназначалъ для печати. Сковорода создалъ себѣ высокій нравственный идеалъ и проповѣдовалъ его другимъ, ведя борьбу противъ язвы тогдашняго общества матеріализма. Онъ понималъ важность и значеніе западно—европейской цивилизаціи, но вооружался противъ *утилитарнаго* направленія умовъ, заглушавшаго всѣ высшіе запросы духа. Отвѣты на эти высшіе запросы онъ нашелъ въ библіи и древней классической философіи. Его взглядъ на библію стоялъ посерединѣ

[1]) 1894 г., кн. 3-я (май) и 4-я (сентябрь), стр. 197—234 и 281—315 (всего б. 4½ печ. листовъ).

Библиотека "Руниверс"

между чисто ортодоксальнымъ и раціоналистическимъ ея толкованіемъ; въ пониманіи ея онъ главнымъ образомъ руководствовался Филономъ Іудейскимъ, ап. Павломъ и нѣкоторыми отцами церкви. Знакомство съ древней философіей и классическимъ міромъ помогли ему создать *общечеловѣческій* нравственный идеалъ, при чемъ взоры его обращены были прежде всего и болѣе всего на Сократа... Подобно Сократу Сковорода положилъ въ основаніе своей философіи изреченіе: „познай самого себя"—и на эту тему написалъ цѣлый рядъ діалоговъ и бесѣдъ. У Платона и Аристотеля онъ нашелъ глубокую умозрительную философію. У стоиковъ—начертаніе общечеловѣческаго нравственнаго идеала.. и стремленіе осуществить его въ жизни. Особенно привлекалъ его римскій стоицизмъ... Но завершеніе высокаго нравственнаго идеала онъ видитъ въ христіанствѣ" [1]). Изъ этого уже ясно, говоритъ Ѳ. А. Зеленогорскій, какъ ошибались тѣ, которые искали непосредственной зависимости Сковороды отъ западно европейской философіи XVII—XVIII в., основывая это заключеніе на пребываніи его заграницей. Ѳ. А. Зеленогорскій думаетъ, что кругъ путешествій Сковороды заграницей не былъ такъ обширенъ, какъ объ этомъ сообщалъ Гесъ-де-Кальве, а кромѣ того онъ приводитъ одно мѣсто изъ біографіи Сковороды Ковалинскаго, изъ котораго видно, что Сковорода даже не зналъ тогдашнихъ мартинистовъ, [2]). „Тѣмъ болѣе говоритъ Ѳ. А. Зеленогорскій, нельзя ставить его въ зависимость отъ кого либо изъ другихъ извѣстныхъ мистиковъ XVIII ст. Особенно Сковорода не обнаруживалъ наклонности къ видѣніямъ духовъ и умершихъ и къ теургіямъ, что, какъ извѣстно, практиковалось въ мистическихъ сектахъ того времени. Тѣмъ не менѣе названіе мистика осталось за Сковородою до послѣдняго времени (Ибервегъ-Гейнце [3]). Исторія новой философіи, 533 стр.). На разборѣ мнѣнія г-жи Ефименко о сродствѣ философіи Сковороды съ философіей Спинозы Ѳ. А. Зеленогорскій не останавливается, а только отмѣчаетъ этотъ взглядъ и указываетъ на сознаніе самой А. Я. Ефименко, что она не имѣетъ „ни малѣйшихъ внѣшнихъ доказательствъ какого бы то ни было знакомства Сковороды съ сочиненіями Спинозы или кого либо изъ его учениковъ, или послѣдователей". Указаніемъ на тотъ справедливый фактъ, что прежніе изслѣдователи не дали публикѣ точнаго понятія о всѣхъ сочиненіяхъ Сковороды заканчивается введеніе нашего автора, причемъ онъ бросаетъ замѣчаніе, что арх. Гавріилъ свой очеркъ философіи, *повидимому*, заимствовалъ у Хиждеу. Мы доказали, что это было въ дѣйствительно-

---

[1]) Ibidem. стр. 197, 198, 200, 201. 202.

[2]) Ibidem. стр. 203.

[3]) Здѣсь имѣется въ виду впрочемъ замѣчаніе не Ибервега-Гейнце, а г. Колубовскаго, который далъ очеркъ философіи у славянъ.

Библиотека "Руниверс"

сти такъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтили, что статья, напечатанная Хиждеу въ „Телескопѣ“, представляетъ только одинъ изъ 11 отрывковъ, которые онъ извлекъ изъ письма къ Гёрресу.

„Въ противоположность другимъ, говоритъ Ѳ. А. Зеленогорскій (исключая Хиждеу), мы ставимъ Сковороду въ зависимость отъ древне-классической философіи тамъ, гдѣ дѣло касается его философіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Оттуда онъ черпалъ философскія идеи, перерабатывая ихъ согласно собственному настроенію и тенденціямъ, а также согласно мѣсту, духу времени и потребностямъ общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ“. Древне-классическая философія спасла Сковороду и отъ мистицизма, къ которому онъ былъ склоненъ по природѣ, и отъ раціоналистовъ XVIII в. „Задумавши вызвать русское національное самосознаніе, онъ избираетъ своимъ руководителемъ Сократа“. Въ доказательство этого послѣдняго положенія Ѳ. А. Зеленогорскій приводитъ всѣ тѣ собственныя заявленія Сковороды, которыя извлекъ Хиждеу изъ недошедшихъ до насъ его сочиненій. Выдержки сами по себѣ очень характерны и, нужно сознаться, были бы совершенно убѣдительны, если бы могла быть доказана принадлежность ихъ Сковородѣ; къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ иначе. Сократическая дѣятельность Сковороды, по словамъ Ѳ. А. Зеленогорскаго, заключалась въ борьбѣ съ суевѣріями, которыя онъ считалъ болѣе вредными и опасными, чѣмъ атеизмъ. Въ доказательство приводятся выписки изъ „Израильскаго змія“ и „При бѣсу съ Варсавой“. Въ сферѣ религіозной Сковорода „ведетъ борьбу противъ бездушной обрядности и внѣшности“. Въ частности „Сковорода протестуетъ и противъ узкаго пониманія православія и христіанства“. „Истина, по его воззрѣнію, открывалась Богомъ не однимъ іудеямъ и христіанамъ, но и язычникамъ, равно какъ добрая нравственность не есть лишь принадлежность однихъ христіанъ: въ древнемъ языческомъ мірѣ нерѣдко процвѣтала высокая нравственность“. Такъ называемое естественное откровеніе (противополагаемое сверхъестественному) существовало издревле, ибо, по собственному выраженію Сковороды,— *„истина безначальна“*. „Въ виду богатства естественныхъ источниковъ для познанія Бога, въ которыхъ онъ открываетъ себя обильно и очевидно“, Сковорода не признавалъ необходимыми чудесъ. На библію онъ смотритъ, какъ на „поэтическое твореніе, которое, какъ и всякое поэтическое твореніе, скрываетъ истину подъ внѣшними образами“... Поэтому онъ и взялся критиковать библію, понимаемую въ буквальномъ смыслѣ, дабы показать глубокій внутренній смыслъ и разумъ, въ ней заключающійся. Но это возбудило противъ него обвиненіе въ томъ, что онъ отвергаетъ „отечественныхъ боговъ“, и онъ долженъ былъ защищаться противъ своихъ враговъ; защита эта прекрасно

Библиотека "Руниверс"

формулирована у Ковалинскаго и эту то выдержку и приводитъ въ заключеніе дѣла Ѳ. А. Зеленогорскій. Всѣ эти положенія доказываются выписками изъ сочиненій Сковороды и сомнѣній нашихъ не возбуждаютъ. Сковорода дѣйствительно такъ относился къ библіи. Но при чемъ же тутъ *сократическая* дѣятельность Сковороды? Мы не отвергаемъ *аналогіи* въ дѣятельности и отчасти положеніи Сократа аѳинскаго и Сократа малороссійскаго (какъ его называетъ Ѳ. А. Зеленогорскій); но это только *внѣшняя* аналогія: внутренней зависимости здѣсь не было или, по крайней мѣрѣ, она не доказана. Вѣдь, борьба противъ суевѣрій — на столько общій мотивъ дѣятельности, что на немъ сойдутся, пожалуй, даже мистики съ раціоналистами! А между тѣмъ, называя это сократическою дѣятельностью и ставя ее во внутреннюю связь съ древне-классической философіей (что, какъ мы видѣли, доказывается не вполнѣ надежнымъ матеріаломъ), Ѳ. А. Зеленогорскій не отводитъ самостоятельнаго мѣста тому, что вполнѣ его заслуживаетъ—попыткѣ Сковороды освѣтить философски Библію, къ чему, по нашему мнѣнію, сводится *сущность* всей его писательской дѣятельности. Въ отдѣлѣ объ *умозрительной* философіи Сковороды Ѳ. А. Зеленогорскій высказываетъ слѣдующія положенія. Сначала онъ показываетъ, что Сковорода смотрѣлъ на философію, какъ на фундаментъ и центръ образованія вообще, какъ на *главную цѣль жизни человѣческой*, ибо она есть жизнь духа, постоянное исканіе истины. „Такой взглядъ Сковороды на философію обнаруживаетъ его зависимость... отъ философіи Платона". „Сковорода находился подъ сильнымъ вліяніемъ сочиненій Платона въ своей умозрительной философіи". „Платонъ говорилъ, что полное и совершенное знаніе принадлежитъ единому Богу, а человѣку свойственно быть только философомъ, т. е. любомудромъ или искателемъ истины". Опредѣленіе души, ея природы и жизни тоже заимствовано у Платона, какъ объ этомъ говорится въ діалогахъ: Федонъ, Федръ, Тимей и др. „Душа есть perpetuum mobile, движимость непрерывная", говоритъ Сковорода въ духѣ Платона. Изреченіе „познай самого себя" истолковывается Сковородою также въ смыслѣ Платона и его философіи, т. е. познай свою высшую природу, духъ, разумъ. Дуализмъ Сковороды Ѳ. А. Зеленогорскій, вопреки мнѣнію А. Я. Ефименко, не признаетъ случайнымъ, ибо онъ распространяется не только на человѣка, но и на весь міръ: онъ вездѣ видитъ *матерію и форму или идею;* и „этотъ дуализмъ развитъ имъ на почвѣ дуализма Платона и Аристотеля". Въ доказательство приводятся выписки изъ сочиненій Сковороды—*Потопъ змінъ* и *О древнемъ мірѣ;* въ первомъ прямо упоминается даже имя Платона и говорится о формѣ и идеѣ; и эти мѣста довольно убѣдительны; менѣе ясна и доказательна, на нашъ взглядъ, связь Платонова ученія съ ученіемъ

Библиотека "Руниверс"

Сковороды о старомъ и новомъ мірѣ во второмъ его діалогѣ. Но Сковорода отступаетъ отъ Платона, говоритъ Ѳ. А. Зеленогорскій, въ ученіи о вѣчности міра и его безконечности въ пространствѣ и времени: тутъ онъ находится подъ вліяніемъ Филона іудейскаго". Ѳ. А. Зеленогорскій весьма убѣдительно доказываетъ связь воззрѣній Сковороды съ воззрѣніями Филона, который сочеталъ ученіе Платона и стоиковъ съ библейскимъ ученіемъ о Богѣ.

Практическая философія Сковороды, по мнѣнію Ѳ. А. Зеленогорскаго, находится въ тѣснѣйшей связи съ умозрительной; для истинно счастливой жизни нужно знаніе и мудрость. Вопросу о счастіи Сковорода посвятилъ два трактата (собственно двѣ редакціи сочиненія *„О душевномъ мирѣ")*—и Ѳ. А. Зеленогорскій довольно подробно излагаетъ ихъ (въ особенности 2-ю редакцію—болѣе важную); оказывается, что счастіе состоитъ въ душевномъ мирѣ и сердечномъ веселіи, и для достиженія его нужно отдаться въ волю Божію. Объясненію этого послѣдняго выраженія посвященъ спеціальный трактатъ Сковороды—*„Алфавитъ мира"*, который также подробно излагается и комментируется Ѳ. А. Зеленогорскимъ; отдаться въ волю Божію—это значитъ то же, что жить согласно съ природой (secundum naturam vivere); ученіе Сковороды о сродностяхъ и несродностяхъ Ѳ. А. Зеленогорскій ставитъ опять таки въ связь съ ученіемъ древнихъ и прибавляетъ, что философы XVIII в. имѣли на этотъ счетъ противоположное мнѣніе (равенство людей); изъ принципа сродности Сковорода выводитъ дружбу и любовь. Въ заключеніе Ѳ. А. Зеленогорскій замѣчаетъ, что имъ оставлена безъ разсмотрѣнія еще богословская сторона воззрѣній Сковороды, заслуживающая самостоятельнаго изслѣдованія; вмѣстѣ съ тѣмъ, основываясь на выдержкахъ изъ Хиждеу, онъ ставитъ въ заслугу Сковородѣ то, что тотъ выступилъ проповѣдникомъ идеи національности тогда, когда на западѣ господствовала идея космополитизма. Стоя на этой національной точкѣ зрѣнія, Сковорода понялъ, что и русская философія, подобно западнымъ, можетъ возникнуть только на классической почвѣ. Это служитъ яркимъ свидѣтельствомъ независимости и самостоятельности его ума; это былъ истинный философъ, для котораго изысканіе истины и жизнь было одно и то же. „Знакомясь съ сочиненіями Сковороды, мы видимъ, какъ глубоко продуманы всѣ мысли его, какъ опредѣленно и отчетливо выяснены они, какимъ своеобразнымъ языкомъ выражены и какими сильными выраженіями запечатлѣны. Какъ философъ, онъ вездѣ послѣдователенъ въ своихъ мысляхъ и ихъ развитіи... Рѣшеніе философскихъ вопросовъ, представленное Сковородою, таково, что, по нашему мнѣнію, и въ настоящее время не можетъ быть отброшено безъ вниманія тѣмъ, кто интересуется историческимъ движеніемъ философской мысли и будущей судьбой философіи".

Библиотека "Руниверс"

Уже изъ этой краткой передачи содержанія статьи Ѳ. А. Зеленогорскаго, читатели могли убѣдиться въ ея важности и содержательности. Она дѣйствительно даетъ полное представленіе о Сковородѣ, какъ *философѣ*, излагая и умозрительную, и практическую, и этическую его философію. Это изложеніе основано почти исключительно на подлинныхъ сочиненіяхъ Сковороды, которыя были изучены авторомъ еще въ рукописяхъ, и онъ *впервые* изложилъ, освѣтилъ многія изъ нихъ и даже далъ краткую оцѣнку ихъ значенія. Напрасно только, по нашему мнѣнію, почтенный изслѣдователь привлекъ къ дѣлу тотъ матеріалъ, который находится въ статьѣ Хиждеу—онъ вызывалъ и вызываетъ сомнѣніе; но къ этому его привело повидимому то обстоятельство, что мысли, заключающіяся въ этихъ отрывкахъ, *не противорѣчатъ* взглядамъ Сковороды... Въ качествѣ спеціалиста Ѳ. А. Зеленогорскій поставилъ себѣ для разрѣшенія чрезвычайно трудный вопросъ о воздѣйствіяхъ на Сковороду представителей разныхъ философскихъ системъ, и если въ его рѣшеніяхъ окажутся ошибки или увлеченія, то во всякомъ случаѣ его мнѣнія послужатъ исходнымъ пунктомъ для послѣдующихъ работниковъ, съ ними придется считаться всякому новому изслѣдователю. Въ частности вопросъ о вліяніи на Сковороду Платона и Филона поставленъ Ѳ. А. Зеленогорскимъ на такую фактическую почву, что здѣсь можетъ быть споръ, какъ намъ кажется, не о самомъ вліяніи, а только о размѣрахъ его. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло относительно философіи XVII—XVIII в.: тутъ при дальнѣйшей разработкѣ вопроса могутъ найтись указанія, если не на прямыя *вліянія*, то во всякомъ случаѣ на сильныя *аналогіи*. Само собою разумѣется, что индивидуальность Сковороды не представлена (да и не могла быть представлена) во всей ея цѣлостности и полнотѣ въ монографіи Ѳ. А. Зеленогорскаго: этому помѣшалъ самый *характеръ* его статьи, посвященной выясненію только *одной* стороны дѣятельности Сковороды—*философской*; но осталась безъ разсмотрѣнія его дѣятельность, какъ *теолога*, и его *жизнь*. Повидимому въ такомъ раздѣленіи есть удобства: можно рельефнѣе оттѣнить каждую сторону да оно вызывается и необходимостью: трудно въ одномъ лицѣ соединить и богословскую и философскую спеціальность..; но есть и невыгодная сторона—и ее слѣдуетъ отмѣтить. Въ ученіи Сковороды философскій и богословскій элементы слиты такъ тѣсно, *органически*, что ихъ нельзя въ сущности отдѣлить одинъ отъ другого. Это разъ. Во-вторыхъ, если оставить безъ разсмотрѣнія богословскій элементъ (какъ это сдѣлано теперь), то получится *одностороннее и потому невѣрное* освѣщеніе ученія Сковороды; будутъ опущены изъ виду такія стороны его воззрѣній, которыя имѣютъ существеннѣйшее значеніе для пониманія его индивидуальности. Да такъ оно почти и вышло: Ѳ. А. Зе-

Библиотека "Руниверс"

леногорскому доступны были всѣ сочиненія Сковороды, но онъ выбралъ изъ нихъ только то, что относилось къ философіи его; такимъ образомъ, изъ однихъ онъ взялъ болѣе, изъ другихъ менѣе, а были и такія (напримѣръ, Асхань, Жена Лотова), изъ которыхъ онъ не взялъ ничего, между тѣмъ они чрезвычайно важны для общей характеристики міровоззрѣнія Сковороды. Конечно, быть можетъ, найдется и спеціалистъ изъ области богословскихъ наукъ, который займется оцѣнкою Сковороды, какъ теолога; но будетъ ли это и, если будетъ, то когда? И вотъ это то обстоятельство заставляетъ меня познакомить читателей вкратцѣ съ содержаніемъ *всѣхъ* сочиненій Сковороды, чтобы дать понятіе обо всѣхъ вопросахъ, его интересовавшихъ, тѣмъ болѣе что въ настоящее изданіе не вошелъ почти ни одинъ изъ его чисто богословскихъ трудовъ.

Чтобы покончить съ историко-критическимъ обзоромъ изданій Сковороды и трудовъ о немъ, мы должны еще отмѣтить напечатанный Всев. Изм. Срезневскимъ сборникъ его писемъ (числомъ 9) къ свящ. Іакову Правицкому [1]). Здѣсь воспроизводятся цѣликомъ всѣ тѣ письма, изъ которыхъ только одни отрывки были помѣщены въ „Молодыкѣ". Письма снабжены переводомъ и комментаріемъ, въ концѣ приложено еще одно письмо, о которомъ раньше думали, что оно адресовано было къ Панкову, но издатель считаетъ его адресованнымъ также къ Правицкому. Вообще, изданіе обставлено вполнѣ научно и производитъ самое лучшее впечатлѣніе [2]).

Нашъ обзоръ вышелъ очень длиненъ, но мы считаемъ его необходимымъ. Мы не даемъ въ своей работѣ систематической біографіи Г. С. Сковороды (не желая повторять извѣстнаго и печатая тутъ же житіе его, составленное М. И. Ковалинскимъ); но мы хотѣли подвести итоги всему тому, что написано о Сковородѣ, отмѣтить болѣе важное и оригинальное, указать ошибки и неточности, чтобы ввести, такимъ образомъ, читателя въ литературу вопроса и даже замѣнить ему до нѣкоторой степени эту послѣднюю, тѣмъ болѣе что почти всѣ матеріалы о Сковородѣ давно уже сдѣлались библіографическою рѣдкостью и ихъ очень трудно розыскать даже въ самыхъ богатыхъ нашихъ хранилищахъ.

---

[1]) См. жур. „Библіографъ" 1894, № 1, и отдѣльный оттискъ, 23 страницы.

[2]) Не останавливаемся на содержаніи статьи о Сковородѣ свящ. Стеллецкаго, напечатанной въ журналѣ „Труды Кіевской Духовной Академіи", (за текущій годъ), потому что она не заключаетъ въ себѣ ни новыхъ данныхъ, ни новыхъ соображеній, хотя авторъ и добросовѣстно изучилъ главнѣйшіе источники и пособія.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА 2-я.

Библіографическій обзоръ сочиненій Г. С. Сковороды.

Прежде всего мы должны обратиться къ рѣшенію вопроса о количествѣ сочиненій Сковороды. Съ перваго взгляда кажется, что разрѣшить этотъ вопросъ не трудно: вѣдь Сковорода самъ оставилъ перечень своихъ трудовъ, въ письмѣ М. И. Ковалинскому (1790 г.). Тутъ онъ перечисляетъ 15 оригинальныхъ своихъ работъ и 7 переводныхъ, слѣдовательно, вотъ 1-я серія трудовъ, несомнѣнно принадлежащихъ Сковородѣ: 1) *Наркизъ. Узнай себе;* 2) *Симфонія библейныхъ словъ сему: рцыъ—сохраню пути;* 3) *Симфонія: аще не увѣси самую тебе* и пр.; 4) *Неграмотный Марко;* 5) *Алфавитъ мира;* 6) *Разговоръ Кольцо;* 7) *Древній мыръ;* 8) *Жена Лотова;* 9) *Брань Михайлова со сатаною;* 10) *Икона Алкивіадская* [1]); 11) *Бесѣда 1-я, нареченна Сіонъ;* 12) *Бесѣда 2-я, нареченна Сіонъ;* 13) *Бесѣда 3-я, нареченна Двое;* 14) *Діалогъ—душа и нетлѣнный духъ* [2]); 15) *Притча нареченна убогій жайворонокъ;* переводы: 1) *„О старости"* — Цицерона; 2) *О смерти;* 3) *О Божьемъ правосудіи;* 4) *О храненіи отъ долговъ;* 5) *О спокойствіи душевномъ;* 6) *О вожделеніи богатства:* все это изъ Плутарха; 7) *Ода объ уединеніи* Сидронія. Изъ этихъ сочиненій имѣется въ нашемъ распоряженіи 11 оригинальныхъ и 4 переводныхъ; не достаетъ 4 оригинальныхъ и 4 переводныхъ. Впрочемъ изъ оригинальныхъ совсѣмъ нѣтъ только трехъ сочиненій—1) *Неграмотнаго Марка* и 2—3) *двухъ бесѣдъ Сіонъ;* что же касается четвертаго *(Симфоніи: рцыъ сохраню пути)*, то она отчасти вошла повидимому въ трактатъ о Наркисѣ; по крайней мѣрѣ конецъ Наркиса заключаетъ въ себѣ эту Симфонію, хотя въ такомъ видѣ, что ей какъ будто не достаетъ начала: она начинается съ продолженія притчи, которая также какъ будто не заканчивается.

Но составленнымъ Г. С. Сковородою перечнемъ не можетъ всецѣло исчерпываться совокупность его учено-литературныхъ трудовъ, хотя бы уже потому, что онъ относится къ 1790 году, т. е. составленъ за 4 года до его смерти, а въ это время онъ могъ написать и новыя сочиненія. Мало того: очевидно, по забывчивости онъ не упоминаетъ о такихъ своихъ работахъ, которыя были написаны имъ до 1790 года; таковы 1) *Начальная дверь ко христіанскому добронравію*, написанная еще въ 1766 году, 2) Притча—*Благодарный Ерофій* и 2) *Харьковскія*

[1]) Иначе называется „Израильскимъ Зміемъ".

[2]) Иначе называется „Потопомъ Змінным".

Библиотека "Руниверс"

басни, первыя два сочиненія дошли до насъ въ автографахъ самого Сковороды, слѣдовательно, не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній, а третье сохранилось въ нѣсколькихъ спискахъ съ посвятительнымъ письмомъ и опять таки, по своему содержанію и изложенію, не внушаетъ къ себѣ ни малѣйшихъ сомнѣній. Такимъ образомъ, оригинальныхъ сочиненій Сковороды оказывается не 15, а уже 18. Но и этимъ числомъ не исчерпывается списокъ сочиненій, несомнѣнно принадлежащихъ Сковородѣ: его нужно пополнить еще *2 проповѣдями*, являющимися введеніемъ въ его курсъ христіанскаго добронравія, и сочиненіемъ, носящимъ заглавіе „*Пря бѣсу съ Варсавой*“; проповѣди представляютъ изъ себя автографъ Сковороды и хранятся нынѣ въ фамильномъ архивѣ покойнаго И. И. Срезневскаго; содержаніе ихъ находится въ тѣснѣйшей связи съ общими воззрѣніями Сковороды и въ частности съ тѣми мыслями, которыя развиты въ „*Начальной двери ко христіанскому добронравію*“. Что касается „*Пря бѣса съ Варсавой*“, то списокъ ея хранится въ библіотекѣ Харьковскаго университа, а по содержанію своему она тѣсно связана съ *Бесѣдой двое* и съ *Борьбой архистратига Михаила съ сатаной* (подъ Варсавой нужно разумѣть самого Сковороду: такъ подписывался часто онъ самъ). И такъ, всѣхъ оригинальныхъ трудовъ Сковороды оказывается 21, изъ коихъ нѣтъ на лицо теперь 3-хъ или 4-хъ, а есть 17 или 18.

Но Г. С. Сковородѣ кромѣ поименованныхъ сочиненій приписывались еще и многія другія. Спрашивается: какъ относиться къ нимъ? A priori совершенно возможно допустить, что и указанная нами цифра (21) не обнимаетъ всѣхъ трудовъ Сковороды: вѣдь въ 4 послѣдніе года своей жизни онъ могъ написать и еще какія нибудь сочиненія, которыя поэтому и не попали въ его перечень; за тѣмъ мы доказали, что перечень этотъ страдаетъ явными пропусками; мы отмѣтили 6 пропущенныхъ самимъ авторомъ сочиненій, но ихъ могло быть и больше. И на такіе *новые* труды указываютъ, какъ мы видѣли, прежніе изслѣдователи—И. И. Срезневскій, Хиждеу, Данилевскій; изъ нихъ они приводятъ даже кое-какія выдержки. Но можно ли безъ всякихъ колебаній зачислить всѣ эти сочиненія въ списокъ трудовъ, *несомнѣнно* принадлежавшихъ Сковородѣ, какъ это дѣлаетъ Г. П. Данилевскій, въ перечнѣ котораго считается *37* номеровъ сочиненій Сковороды (вмѣсто нашихъ 28)? Едва ли и вотъ почему. Мы видѣли уже, что даже въ Петербургскомъ изданіи сочиненій Сковороды ему приписано было то, чего онъ не писалъ; за тѣмъ въ Имп. публичной библіотекѣ хранится одна рукопись „*Правда вѣры*“, сочиненіе которой прямо приписано Сковородѣ и она даже названа его автографомъ, между тѣмъ какъ, по всѣмъ признакамъ, она ему не принадлежитъ; въ библіотекѣ Л. П. Тамары сохранилось съ древняго времени 5 томовъ—

Библиотека "Руниверс"

фоліантовъ, составленіе которыхъ опять таки неправильно приписано Сковородѣ. И причина этого совершенно ясная: виною этого былъ самъ Сковорода, его огромная популярность, какъ философа и писателя: стоило ему спѣть, напримѣръ, какую-нибудь церковную пѣсню, и она циркулировала потомъ уже съ этимъ „Сковородинскимъ“ мотивомъ или напѣвомъ. Этому пріуроченію какъ нельзя болѣе способствовало то обстоятельство, что сочиненія Сковороды не печатались при его жизни, а списывались его многочисленными почитателями; съ этихъ списковъ дѣлались потомъ новые списки и т. д. У образованныхъ малороссіянъ XVIII в. были въ большомъ распространеніи рукописные сборники, куда заносились и творенія многихъ безымянныхъ авторовъ; и вотъ эти сочиненія также могли приписываться Сковородѣ. По смерти Сковороды его сочиненіями стали интересоваться и съ научною цѣлью. Но по состоянію научныхъ пріемовъ нельзя было ожидать отъ тогдашнихъ писателей строго-критическаго отношенія къ текстамъ памятниковъ; извѣстно, что въ области народной словесности тогда господствовали такіе же пріемы—довѣріе и отсутствіе строгой критики матеріала. Не оказались свободными отъ этого и такіе лица, которые впослѣдствіи заявили себя настоящими ригористами въ этомъ отношеніи. Въ частности, въ Харьковѣ въ началѣ 30-хъ годовъ было очень сильно увлеченіе этнографіей и во главѣ его стояли такіе столпы, какъ И. И. Срезневскій и Н. И. Костомаровъ. Но извѣстно, что и „Запорожская Старина“ И. И. Срезневскаго заключала въ себѣ сомнительные памятники; тутъ, конечно, не могло быть и рѣчи о сознательной фальсификаціи: причина лежала въ томъ, что редакторъ относился слишкомъ довѣрчиво къ представляемымъ ему матеріаламъ; да и не могъ онъ относиться иначе, потому что самъ находился подъ вліяніемъ охватившаго тогда всѣхъ увлеченія памятниками народной словесности; имъ руководила не одна научная пытливость, а и любовь къ этимъ поэтическимъ остаткамъ старины; тутъ дѣйствовали умъ и чувство или, лучше сказать, прежде чувство, а потомъ умъ. Этотъ художественный матеріалъ вызывалъ даже у собирателей соотвѣтственное поэтическое настроеніе и заставлялъ ихъ приниматься за перо, чтобы дать какую нибудь повѣсть, поэму и стихотвореніе. Въ особенности такимъ поэтическимъ творчествомъ увлекался Н. И. Костомаровъ [1]); но и И. И. Срезневскій, какъ мы видѣли, напечаталъ *повѣсть* „Майоръ“, гдѣ вывелъ Сковороду. Тамъ онъ между прочимъ приводитъ отрывки изъ думы Сковороды о Раѣ земномъ (терминъ дума принадлежитъ самому Срезневскому; онъ едва ли приложимъ къ данному произведенію). По содержанію своему эта дума напоминаетъ намъ мысли Сковороды; но мы не знаемъ этого произведенія въ его цѣльномъ

[1]) См. Одесское изданіе „Творивъ Іереміи Галки“ (псевдонимъ Костомарова).

Библиотека "Руниверс"

видѣ (быть можетъ здѣсь были и такія сужденія, которыхъ невозможно было приписать Сковородѣ); мы не знаемъ, имѣлъ ли Срезневскій въ своихъ рукахъ автографъ Сковороды или списокъ; быть можетъ это былъ списокъ, на которомъ не было даже имени Сковороды, и составленіе этой думы приписывала ему только молва; быть можетъ, онъ записанъ былъ отъ слѣпцовъ—бандуристовъ въ качествѣ Сковородинской псальмы и потому то Срезневскій и назвалъ его думой. За тѣмъ является вопросъ, почему этотъ отрывокъ не сохранился въ той записной тетради, куда Срезневскій вносилъ свои выписки изъ сочиненій Сковороды (эта тетрадь теперь находится у насъ). Почему, наконецъ, онъ не упоминаетъ о немъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Молодыкѣ", гдѣ перечисляетъ всѣ сочиненія Сковороды, которыя ему приходилось читать? Всѣ эти „недоумѣнные" вопросы являются относительно произведенія, изъ котораго приведены отрывки и которое возбуждаетъ наименьше сомнѣній. Что же сказать о другихъ сочиненіяхъ, которыхъ Срезневскій приводитъ одни только заглавія—*Мученики во имя Христа*, *Грѣшники*, *Исповѣдь и покаяніе*, *Путь къ вѣчности*, *Мракъ міра*, *Свѣтъ міра* и т. п. И. И. Срезневскій не сдѣлалъ изъ нихъ никакихъ извлеченій, ни слова не говоритъ о содержаніи ихъ (даже не видно, имѣлъ ли онъ ихъ въ своихъ рукахъ) и вовсе не упоминаетъ о нихъ въ перечнѣ Сковородинскихъ трудовъ, напечатанномъ въ „Молодыкѣ" Можемъ ли мы, впредь до новыхъ находокъ, помѣщать ихъ въ число твореній Сковороды? Думаемъ, что нѣтъ. И. И. Срезневскій, перечисливъ извѣстные ему труды Сковороды, прибавляетъ: „я не упоминаю о другихъ, которыхъ не читалъ" [1]). Значитъ вышеназванныхъ онъ не читалъ, а упомянулъ о нихъ по какимъ нибудь указаніямъ, оказавшимся, быть можетъ, неточными.

Обращаемся теперь къ тѣмъ сочиненіямъ, выдержки изъ которыхъ дѣлаетъ Хиждеу. Мы уже останавливались на разборѣ статьи этого автора и видѣли отношеніе его къ текстамъ. Отношеніе это было довольно свободное: Хиждеу перепутывалъ въ цитатахъ памятники, подновлялъ языкъ и кое гдѣ измѣнялъ и дополнялъ текстъ,—въ этомъ заключалась его реставрація;—но онъ, какъ намъ кажется, не сочинялъ завѣдомо текстовъ, въ чемъ его упрекаетъ И. И. Срезневскій. Онъ могъ самъ впасть (и по всей вѣроятности дѣйствительно впалъ) въ ошибку, приписавъ Сковородѣ кое какія сомнительныя сочиненія и не давъ намъ возможности самимъ судить о принадлежности ихъ Сковородѣ. Съ нимъ повторилось въ исторической работѣ то, что съ И. И. Срезневскимъ случилось въ этнографической, и причина была одна и та же—сильное увлеченіе своимъ сюжетомъ и его героемъ. Несомнѣнно, что Хиждеу черезъ чуръ увлекся Сковородой и въ осо-

[1]) Молодыкъ на 1844-й г. стр. 240.

Библиотека "Руниверс"

бенности сближеніемъ его съ Сократомъ—и это должно было заставить его отнестись съ полнымъ довѣріемъ ко всѣмъ тѣмъ матеріаламъ, которые шли на встрѣчу его мысли; съ другой стороны его желаніе представить воззрѣнія Сковороды въ цѣльномъ видѣ „въ разсказѣ неожиданномъ и значительномъ“ также давало ему большую свободу въ пользованіи матеріаломъ, и этою свободою, какъ мы видѣли, онъ широко пользовался, можно даже сказать, злоупотреблялъ ею. О бывшихъ въ его распоряженіи рукописяхъ Сковороды онъ даетъ очень скудныя и недостаточныя свѣдѣнія. Прежде всего нужно замѣтить, что онъ пользовался повидимому списками сочиненій Сковороды, а не подлинниками; но крайней мѣрѣ онъ ссылается только на нихъ [1]). Поясненія Хиждеу подъ часъ бываютъ нѣсколько странныя; вотъ, напримѣръ, что говоритъ онъ о неизвѣстномъ намъ сочиненіи Сковороды.—*Книжечка о любви до своихъ, нареченная Ольга православная. „Книжечка сія,* замѣчаетъ (въ письмѣ ко мнѣ) магистръ Кіевской Духовной Академіи Симеонъ Рудзинскій, *есть новая рецензія прежде написанной книжечки о чтеніи священнаго писанія, нареченной жена Лотова: ибо въ первую большая половина дословно привнесена изъ послѣдней, и форма разсказа та же;* но я отмѣчаю: *основная мысль другая* [2]). Спрашивается, почему въ видѣ объясненія Хиждеу помѣстилъ письмо Рудзинскаго, съ которымъ онъ не согласенъ, а не свою собственную характеристику этого сочиненія? Рудзинскій говоритъ, что *Ольга православная* есть иная редакція *Жены Лотовой*, но въ сюжетахъ этихъ двухъ сочиненій нѣтъ ничего общаго; *Жена Лотова* трактуетъ *исключительно* о чтеніи священнаго писанія, а „Книжечка о любви до своихъ“ должна была бы трактовать какъ, это видно изъ ея заглавія, да и дѣйствительно трактуетъ, какъ это видно изъ приведеннаго Хиждеу отрывка, о Руси, о любви къ отечеству; спрашивается, какъ же можно было включить въ такой сюжетъ большую часть сочиненія о чтеніи священнаго писанія? Это для насъ неразрѣшимая загадка. Что касается содержанія и изложенія приведеннаго у Хиждеу отрывка, то онъ (въ особенности по формѣ) напоминаетъ намъ другіе труды Сковороды, но, кажется, что Хиждеу дѣлаетъ изъ него несоотвѣтственный выводъ: *„вселенною* для него (Сковороды), говоритъ онъ, была Русь святая, *человѣчествомъ* народъ русскій“; такого заключенія нельзя сдѣлать изъ даннаго отрывка: тамъ проводится идея того самаго начала двойственности, которое Сковорода видитъ вездѣ—начала вѣчности и плоти, горней Руси, гдѣ поселилась истинная премудрость „и долу, гдѣ видимъ мнящихъ себя

---

[1]) Телескопъ, 1835 г. ч. XXVI, стр. 21, 169.

[2]) Ibidem, стр. 156.

Библиотека "Руниверс"

мудрецами, но это Гловацкіе безъ головы [1]). Впрочемъ судить о принадлежности этого отрывка Сковородѣ *по языку* его трудно, потому что и здѣсь, какъ вездѣ, Хиждеу подновляетъ стиль; одно можно сказать, что находящіяся тутъ сравненія напоминаютъ Сковородинскія. О троякомъ (въ томъ числѣ и *національномъ*) самопознаніи Сковорода училъ, по словамъ Хиждеу, въ своихъ трехъ трактатахъ—Наркисѣ, Асхани и 6 *разговорахъ о внутреннемъ человѣкѣ*, съ коими соединена *симфонія о народѣ*; [2]) но въ первыхъ двухъ нѣтъ ничего такого, что приводитъ Хиждеу; слѣдовательно, нужно полагать, что все это взято изъ 3-го. Но что это за *6 разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ*? Не есть ли это то самое сочиненіе, которое хранится нынѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ, носитъ названіе „*Правда вѣры*“ и заключаетъ въ себѣ 6 частей или разговоровъ о душѣ человѣческой, т. е. о томъ же внутреннемъ человѣкѣ? Не его ли имѣлъ въ виду и Срезневскій, сдѣлавъ въ своей записной тетради, куда заносилось все касающееся Сковороды, слѣдующую отмѣтку: „нельзя ли добыть *„Доказательства о безсмертіи человѣческой души, взятыя изъ намѣреній Божіихъ*, сочиненіе Сковороды. Заглавія Сковородинскихъ трудовъ вообще не отличались устойчивостью и самъ Хиждеу приводитъ ихъ далеко не въ точномъ видѣ; нѣтъ ничего удивительнаго, при такихъ условіяхъ, что и „*Симфоніи божества, почерпнутыя изъ созерцанія природы въ минуты уединенія*“ (такъ называлась иначе „*Правда вѣры*“) превратились въ *6 разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ*. Но если это такъ, то Хиждеу впалъ въ ошибку, принявъ эту рукопись за сочиненіе Сковороды, ибо она, какъ мы увидимъ далѣе, ему не принадлежитъ. Впрочемъ Хиждеу почерпнулъ свои выдержки даже не изъ этой рукописи (если только наша догадка о тождествѣ „6 разговоровъ“ и „Правды вѣры“ справедлива), а изъ симфоніи *о народѣ*, о которой мы уже рѣшительно ничего не знаемъ. На сколько основная мысль этой выдержки (идея національности) соотвѣтствуетъ вообще міросозерцанію Сковороды? Въ томъ то и затрудненіе, что эта мысль проводится *только* здѣсь, доказывается *только* тѣми сочиненіями, которыми пользовался Хиждеу и которыхъ у насъ нѣтъ. Странно, что Сковорода не коснулся этого вопроса (хотя бы мимоходомъ) въ какихъ нибудь другихъ своихъ сочиненіяхъ, для чего, конечно, было не мало поводовъ. Нельзя не обратить также вниманія на то обстоятельство, что Хиждеу *старается* видѣть въ Сковородѣ именно представителя національной идеи: нѣсколько выше, мы замѣтили, что онъ сдѣлалъ подобный выводъ изъ такой цитаты, которая не давала права на подобное

[1]) Ibidem, 155—156.

[2]) Ibidem, стр. 159—161.

Библиотека "Руниверс"

заключеніе. Нельзя не сопоставить съ этимъ одного мѣста изъ статьи Хиждеу, гдѣ прямо выражается его тенденція: „нужно ли прибавлять, говоритъ онъ, еще и то, что исторія рускихъ писателей должна быть *русская*, т. е. самодержавная, православная, народная?“ [1]) Если мы вспомнимъ при этомъ, что и здѣсь Хиждеу приводитъ не подлинныя выписки изъ Сковороды, а только его мысли и при томъ, какъ онъ выражается, въ сводѣ (а мы знаемъ уже, что это значитъ), то должны будемъ, къ истинному огорченію своему, оставить подъ большимъ сомнѣніемъ и этотъ матеріалъ. Признаемся, возбуждаетъ наше сомнѣніе и та молитва (Отче нашъ), въ которой Сковорода проситъ Господа о дарованіи намъ Сократа. Она, по словамъ Хиждеу, находится въ предисловіи къ сочиненію Сковороды, которое носитъ такое заглавіе: *„Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть? и на отвѣтъ: Сократа!* „Уже это одно заглавіе (точнѣе говоря, 2-я его часть) отзывается сочиненностью, дѣланностью; въ самомъ текстѣ мы встрѣчаемъ также странности: въ началѣ Сковорода проситъ о ниспосланіи Руси Сократа, [2]) а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ, что онъ самъ замыслилъ и пожелалъ быть русскимъ Сократомъ; [3]) не говоримъ уже о томъ, что это послѣднее заявленіе отзывается какимъ то самомнѣніемъ и самоувѣренностью. [4]) Подобное же впечатлѣніе производятъ и выдержки изъ писемъ Сковороды къ извѣстному епископу Бѣлорусскому Георгію Конисскому гдѣ онъ проситъ, чтобы его не сравнивали съ Ломоносовымъ [5]). Сковорода, по словамъ Хиждеу, писалъ къ Конисскому два письма—одно изъ Нѣжина (1769 г. 29 іюля), а другое изъ Бурлука (1789 г. 5 мая); это послѣднее будто бы имѣло характеръ автобіографіи и называлось такъ: *„Помни послѣдняя, помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи“* [6]). Опять чрезвычайно любопытное, но загадочное извѣстіе: могъ ли Сковорода писать къ Конисскому? Конечно, могъ, но писалъ ли—это другой вопросъ. Въ особенности сомнительнымъ представляется болѣе позднее письмо. До 60-хъ годовъ Конисскій могъ еще сохранить связи со Сковородой (по Кіевской Духовной Академіи, которую онъ окончилъ въ 1743 г. и въ которой былъ сначала учителемъ піитики, съ 1747 г. префектомъ и профессоромъ

[1]) Телескопъ, 1835 г., ч. XXVI, стр. 11.

[2]) Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! скоро ли ниспошлешь къ намъ Сократа, который бы научилъ насъ найпервѣе познанію себя, а когда мы себя познаемъ, тогда мы сами изъ себя вывьемъ науку, которая будетъ наша, своя, природная.

[3]) До святится имя твое въ мысли и помыслѣ раба твоего, который замыслилъ умомъ и пожелалъ волею быть Сократомъ въ Руси, но земля Русская обширнѣе Греческой и не то то легко будетъ ему скоро обхватить проповѣдью своею . (Ibidem с. 23).

[4]) Ср. еще Ibidem, стр. 23—24 (лат. текстъ).

[5]) Ibidem, стр. 19—20.

[6]) Ibidem, стр. 166.

Библиотека “Руниверс”

философіи, а съ 1753 до 1755 г. ректоромъ и профессоромъ богословія); [1]) но послѣ перехода на Могилевскую епархію всѣ его интересы сосредоточились на защитѣ православія въ польской Бѣлоруссіи внѣ предѣловъ Россіи. Нельзя не задать себѣ при этомъ вопроса, который былъ поставленъ уже И. И. Срезневскимъ—какимъ образомъ Хиждеу, проживая въ Харьковѣ, могъ достать бумаги Конисскаго? Правда, письма Сковороды обыкновенно списывались любителями, но такъ можно было поступать относительно той переписки, которая адресована была къ лицамъ, проживавшимъ въ Слободской Украйнѣ и ближайшихъ къ ней мѣстахъ; съ письмами же, адресованными къ могилевскому архіепископу, поступить такъ было невозможно. Наконецъ, невольно приходитъ въ данномъ случаѣ на память судьба другой рукописи, которую также связывали съ именемъ Георгія Конисскаго, но которая, какъ оказалось потомъ, не имѣла къ нему никакого отношенія—я разумѣю знаменитую „Исторію Руссовъ". Не связали ли и тутъ два популярныхъ имени (Конисскаго и Сковороды), чтобы придать больше вѣса самому памятнику? Къ сожалѣнію далѣе вопросовъ мы не можемъ идти, потому что ни одно изъ тѣхъ сочиненій, которыя Хиждеу приписываетъ Сковородѣ, до насъ не дошло. Но не странно ли, что ни на одно изъ нихъ никто и не натолкнулся послѣ Хиждеу? Собирались рукописи Сковороды для Петербургскаго изданія его сочиненій; собралъ много новыхъ рукописей Гр. П. Данилевскій—и въ числѣ ихъ не оказалось ни одной изъ тѣхъ, на которыя указывалъ Хиждеу; наконецъ, теперь мы предприняли *систематическія* поиски, которыя дали богатую жатву—и результаты въ этомъ отношеніи одни и тѣ же. Скажутъ, быть можетъ, что это дѣло случая, но очень ужъ важную роль играетъ здѣсь случай. Приходится сказать, что только *случайно* Хиждеу не отвѣчалъ и на тяжкія обвиненія, которыя высказывалъ печатно противъ него И. И. Срезневскій.

Мы произвели очень строгое слѣдствіе надъ Хиждеу и должны высказать такое заключеніе: *не доказано, чтобы онъ фальсифицировалъ сочиненія Сковороды, но вѣроятно, онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе; во всякомъ случаѣ приводимыя имъ выдержки изъ неизвѣстныхъ намъ сочиненій Сковороды, впредь до появленія ихъ данныхъ, должны быть признаны сомнительными и исключены изъ научнаго обихода. Такимъ образомъ этими, сочиненіями мы не можемъ пока пополнять списка трудовъ Сковороды.*

Третье дополненіе этого списка даетъ Г. П. Данилевскій: отъ Преосв. Иннокентія Борисова чрезъ посредство проф. Зеленецкаго онъ получилъ: *Трагедо-комедію* (въ силлабическихъ стихахъ) 2) *О бого-*

---

[1]) Аскоченскаго, Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіей, ч. 2-я, стр. 119.

Библиотека "Руниверс"

служеніи на небѣ 3) *Небо состоитъ изъ двухъ царствъ* 4) *О первомъ состояніи человѣка послѣ смерти*; 5) *Переводъ изъ Плутарха о добротѣ и злобѣ;* отъ г. Алякринскаго (изъ Владиміра на Клязьмѣ)—6) разсужденіе *Сфинксъ о древнемъ мудрецѣ Идипѣ* и отъ Н. М. Бѣлозерскаго—7) одну пѣсню *(Ахъ ушли мои лѣта)* [1]). Г. П. Данилевскій говоритъ, что онъ пользовался ими въ своемъ трудѣ; но это не вѣрно; изъ нихъ не приводится никакихъ выписокъ и вообще въ текстѣ книги больше о нихъ не говорится ни слова. Какъ же относиться къ извѣстію объ этихъ рукописяхъ? Г. П. Данилевскій называетъ имена, (въ томъ числѣ такое авторитетное, какъ преосв. Иннокентій), благодаритъ за присылку рукописей своихъ корреспондентовъ—очевидно, всѣ эти сочиненія дѣйствительно были въ его рукахъ; самъ онъ сдѣлалъ даже попытку составленія полнаго списка сочиненій Сковороды; но и у него мы не видимъ строго критическаго отношенія къ рукописямъ; онъ не дѣлаетъ разницы между автографами и списками; слѣдовательно, и онъ могъ сдѣлаться жертвою ошибки. Впрочемъ, намъ кажется, что относительно нѣкоторыхъ изъ перечисляемыхъ имъ рукописей едва ли есть какое нибудь основаніе къ сомнѣнію, а именно—относительно перевода изъ Плутарха, трагедо-комедіи и пожалуй послѣдняго разсужденія—*Сфинксъ о древнемъ мудрецѣ Идипѣ* (если только это не переводъ); въ перечнѣ самого Сковороды указываются переводы изъ Плутарха, но очевидно не всѣ, ибо въ концѣ прибавлено: et coetera; составленіе трагедо-комедіи вполнѣ соотвѣтствовало бы литературнымъ вкусамъ Сковороды, вынесеннымъ еще изъ Кіевской Духовной Академіи. Надѣемся, что настоящее изданіе вызоветъ на свѣтъ и кое что изъ этихъ трудовъ.

Намъ бы слѣдовало еще сказать нѣсколько словъ о двухъ сочиненіяхъ, приписанныхъ, на нашъ взглядъ, неправильно Сковородѣ *(Правдѣ вѣры* и *Правилахъ нравоучительныхъ)*, но мы остановимся на разборѣ ихъ нѣсколько позже, когда будемъ говорить о своихъ находкахъ рукописнаго матеріала, касающагося Сковороды.

Теперь же мы постараемся возстановить хронологію Сковородинскихъ трудовъ, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ не маловажное значеніе въ литературной дѣятельности Сковороды, а между тѣмъ не былъ совершенно затронутъ въ предшествующей литературѣ.

Г. С. Сковорода началъ свою литературную дѣятельность составленіемъ „Разсужденія о поэзіи и руководства къ искуству оной“ для Переяславской семинаріи; М. И. Ковалинскій прямо говоритъ, что онъ *написалъ* [2]) это сочиненіе; слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло не

---

[1]) Она приведена тутъ же цѣликомъ.

[2]) Настоящее изданіе стр. 3.

Библиотека "Руниверс"

съ устнымъ изложеніемъ предмета, а съ рукописнымъ сочиненіемъ, которое, къ сожалѣнію, не дошло до насъ; относится оно еще къ 50-мъ годамъ XVIII ст.; въ которомъ году оно было составлено, сказать трудно, во всякомъ случаѣ до 1758 г., когда Сковорода проживалъ уже у Томары [1]). Не довольствуясь теоріей поэзіи, Сковорода давалъ и образчики собственнаго поэтическаго творчества, занимаясь составленіемъ стихотвореній, большая часть которыхъ вошла потомъ въ его *„Садъ божественныхъ пѣсней“*. Такъ между прочимъ онъ сочинилъ въ 1758 г. стихотвореніе *„Ахъ ты тоска проклята! О дджучива печаль“*, отходную пѣснь Гервасію Якубовичу и поздравительные стихи въ день рожденія своего ученика Василія Томары. Другія его стихотворенія относятся къ началу 60-хъ годовъ, а большая часть вовсе безъ датъ; но можно, кажется, сказать, что стихотворная дѣятельность Сковороды преимущественно относится къ тому времени, когда онъ былъ учителемъ піитики въ Переяславскомъ, а потомъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ; она вызывалась самою должностью его [2]), такъ какъ извѣстно, что преподаватели піитики, согласно съ обычаями того времени, должны были и сами давать образцы своего искусства, и упражнять въ стихосложеніи своихъ слушателей. Другимъ двигателемъ Сковороды въ этомъ направленіи была его задушевная переписка съ М. И. Ковалинскимъ. На Ковалинскаго Сковорода смотрѣлъ какъ на своего любимаго ученика, котораго онъ рѣшилъ посвятить во всю сокровищницу своихъ знаній и идей. И вотъ, ведя съ нимъ постоянную переписку, онъ нерѣдко свои письма сопровождалъ стихотвореніями, а иногда и прямо отправлялъ стихотворныя посланія (преимущественно на латинскомъ языкѣ). Но такой оживленный обмѣнъ мыслей относится опять таки только къ началу 60-хъ годовъ. Первымъ прозаическимъ произведеніемъ Сковороды былъ его курсъ христіанскаго добронравія, написанный въ 1766 году „для молодаго шляхетства Харьковской губерніи“ (*„Начальная дверь ко христіанскому добронравію“*), т. е. во время пребыванія его въ коллегіумѣ въ качествѣ наставника христіанскаго благонравія [3]). Впрочемъ та редакція, которую мы имѣемъ, относится къ 1780 году; въ этомъ именно году Сковорода передѣлалъ или, какъ онъ выражается, „обновилъ“ свой [4]) трудъ. Въ 1766 г. были составлены и его двѣ проповѣди, служившія введеніемъ въ курсъ. Оставивъ педагогическую дѣятельность въ Харьковскомъ коллегіумѣ и посвятивъ себя всецѣло страннической жизни въ качествѣ „учителя народнаго“ (въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова), получивъ возможность пре-

[1]) Ibidem, стр. 274.

[2]) Ср., напримѣръ, настоящее изданіе, стр. 281—282.

[3]) См. Ibidem, стр. 183 и 23—24.

[4]) Ibidem, стр. 183.

Библиотека "Руниверс"

даваться на досугѣ глубокимъ размышленіямъ, въ тиши уединенныхъ пасѣкъ, Сковорода занялся теперь составленіемъ серьезныхъ философско-богословскихъ трактатовъ. Первымъ или, какъ говоритъ самъ Сковорода, первороднымъ его трудомъ въ этой области былъ *Наркисъ* или разсужденіе о самопознаніи. „Сей есть сынъ мой первородный. Рожденъ въ *седьмомъ десяткѣ вѣка сего*“, говоритъ о немъ Григорій Саввичъ [1]). „Близь Харькова, пишетъ Ковалинскій, есть мѣсто, называемое Гужвинское, принадлежащее помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ любилъ онъ за добродушіе ихъ. Оное покрыто угрюмымъ лѣсомъ, въ срединѣ котораго находился пчельникъ съ одною хижиною. Тутъ поселился Григорій, укрываясь отъ молвы житейской и злословій духовенства“ [2]). Оба извѣстія, какъ мы видимъ, совпадаютъ. Такимъ образомъ, сочиненіе Наркиса нужно отнести къ концу 60 годовъ прошлаго вѣка. Вотъ въ какой обстановкѣ началъ свою философскую дѣятельность Сковорода! Ученымъ кабинетомъ ему служила хижина, помѣщавшаяся возлѣ пасѣки; тишина этого уголка нарушалась только гудѣніемъ пчелъ и звуками его собственной флейты; вся его библіотека состояла изъ греческой или еврейской Библіи и, можетъ быть, нѣсколькихъ любимыхъ классическихъ авторовъ на латинскомъ и греческомъ языкѣ; пища была простая, деревенская, крестьянская; самая бумага, на которой писался трактатъ, находилась въ полномъ соотвѣтствіи со всею этой обстановкой. Въ нашихъ рукахъ имѣется та самая подлинная рукопись, надъ которою трудился Г. С. Сковорода въ пасѣкѣ у Земборскихъ: это нѣсколько тетрадокъ, писанныхъ на грубой, разноперстной, сѣрой и синеватой бумагѣ. Работалъ Г. С. Сковорода почти исключительно лѣтомъ. „Спѣшимъ произвести, пишетъ онъ въ письмѣ къ свящ. Правицкому, пока есть время, ибо наступаетъ—вѣрнѣе стоитъ у дверей—*враждебная музамъ зима*. Скоро надо будетъ уже не писать, а руки грѣть“ [3]). Эта обстановка работы бросаетъ свѣтъ отчасти и на самый характеръ трудовъ Сковороды—она свидѣтельствуетъ о ихъ самостоятельности; Сковорода, при такихъ условіяхъ, не могъ дѣлать выборокъ изъ сочиненій другихъ писателей, а опирался съ одной стороны на Библію (свой основной источникъ), а съ другой на результаты собственныхъ размышленій; онъ дѣйствительно философствовалъ въ полномъ смыслѣ этого слова. И такъ писалъ онъ не одного Наркиса, а большинство своихъ философскихъ трудовъ, если не всѣ. Тутъ же между прочимъ у Земборскихъ онъ написалъ и второе свое сочиненіе на тему о самопознаніи—*Асхань*. „Десять верстъ отъ Харькова, пишетъ самъ Сковорода

---

[1]) Ibidem, 2-е отд., стр. 1.

[2]) Настоящее изданіе, стр. 24.

[3]) Письма Г. С. Сковороды къ свящ. Правицкому, стр. 16.

Библиотека "Руниверс"

въ своемъ посвященіи этого сочиненія М. И. Ковалинскому, написалъ я сію книгу въ лѣсахъ Земборскихъ“ [1]). Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится и свидѣтельство Ковалинскаго. „Продолжая тамъ (у Земборскихъ) свое пустыножительство, говоритъ онъ, написалъ онъ другое сочиненіе, подъ именемъ: *Книга Асхань, о познаніи себя самого*, которое приписалъ другу своему“ [2]). Затѣмъ наиболѣе производительными въ литературномъ отношеніи для Сковороды оказываются семидесятые годы. Въ 1772 г. были написаны трактаты О древнемъ мірѣ и Бесѣда двое [3]); въ 1774 г. были окончены составленіемъ *„Харьковскія басни“*. Объ этомъ самъ Сковорода пишетъ слѣдующее: „въ седьмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учительской должности и уединясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себе добродѣтели и поучался въ Библіи; при томъ, благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года въ селѣ Бабаяхъ умножилъ оныя до половины. Между тѣмъ какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто ты всегда присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ онихъ со мною причащаясь. Дарую жъ тебѣ три десятка басенъ, тебѣ и подобнымъ тебѣ“ [4]). Въ 1775 г. Г. С. Сковорода отправилъ къ Тевяшову свой второй трактатъ на тему о душевномъ мирѣ: первый онъ послалъ еще раньше [5]). Эти трактаты *(Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ и Алфавитъ мира)*—лучшіе его труды. Тому же лицу Сковорода посвятилъ и 3-й выдающійся свой трудъ—*Израильскій змій*, составленный по свидѣтельству его въ 1776 г. [6]). Къ 1780 г. относится сочиненіе *„Жены Лотовой“*, какъ это видно изъ посвятительнаго письма

[1]) Письмо къ М. И. Ковалинскому при Асхани; см. рукописи Моск. Румянцевскаго музея.

[2]) Настоящее изданіе, стр. 25.

[3]) О первомъ самъ Сковорода прямо говоритъ, что онъ написанъ въ 1772 г., а во второмъ онъ замѣчаетъ, что ему шелъ тогда пятидесятый годъ, а такъ какъ онъ родился въ 1722 г., то слѣдовательно, дѣло происходило въ 1772 г. Ibidem., стр. 45, 80.

[4]) Настоящее изданіе, стр. 151. Всев. Изм. Срезневскій доказываетъ, что посвятительное письмо, находящееся передъ рукописью „Харьковскихъ басенъ“, относится не къ Панкову а къ свящ. Іакову Правицкому (см. его „Письма Г. С. Сковороды къ свящ. Я Правицкому стр. 5—7). Отдавая должное ссылкамъ на авторитетъ И. И Срезневскаго, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не высказать нѣкоторыхъ недоумѣній. Можно ли довѣрять извѣстію Хиждеу, что письмо къ Аф. Панкову было отправлено въ 1762 г., если 2-я часть этого извѣстія (что ему было послано *три* десятка басенъ) оказывается невѣрною? Я. Правицкій былъ священникомъ въ с. Бабаяхъ; какимъ же образомъ Г.С. Сковорода могъ писать ему письмо изъ Бабаевъ (см. настоящее изданіе, стр. 153)? Почему во всѣхъ письмахъ Григорій Саввичъ называетъ по имени своего друга Іакова, а тутъ просто говоритъ: любезный пріятель! Наконецъ, изъ текста письма можно замѣтить, что оно писано къ осутствующему.

[5]) Настоящее изданіе, 2-е отд. стр. 112, 115;

[6]) Ibidem, стр. 251, ср. также рукопись „Изр. Зм.“, стр. 6-я наобор.

Библиотека “Руниверс”

самого Сковороды къ М. И. Ковалинскому „Въ самомъ открытіи намѣстничества Харьковскаго (а оно было открыто 29 сентября 1780 г.) пишетъ онъ, во время непрестанныхъ осѣнніихъ дождей ,прогоняя скуку, написалъ я сію книжицу въ монастырѣ Сѣннянскомъ“ [1]). Въ 1783 г. была написана *„Брань архистратига Михаила съ сатаною“*; такъ гласитъ надпись на подлинной рукописи Сковороды; [2]) а къ 1787 г. относятся два похожія другъ на друга сочиненія—*Еродій* и *Убогій Жайворонокъ*. „Проживая дни, пишетъ Г. С. Сковорода, въ предисловіи къ первому произведенію по оному Сираховскому типику: *блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынь, размышляяй пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ ея уразумится, сплелъ я* въ сіе 1787 лѣто маленькую плетеницу или корзинку, нареченную *Благодарный еродій*“ [3]). Вторая притча собственно только посвящена была Дискому въ 1787 г., а время ея составленія въ точности неизвѣстно [4]) Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ написанъ и *Потопъ зміинъ*, получившій впрочемъ такое названіе въ новой редакціи 1791 г. [5]), а раньше называвшійся *„діалогомъ: душа и нетлѣнный духъ“* [6]). Въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому, приложенномъ къ этому сочиненію, мы находимъ слѣдующее любопытное признаніе самого Сковороды. „Я сію книжечку написалъ въ Бурлукѣ, забавляя праздность. Она украдена. Но я, напавъ на списокъ, исправилъ, умножилъ и кончилъ“ [7]). Это признаніе очень любопытно; оно свидѣтельствуетъ намъ во 1-хъ о томъ, что Сковорода измѣнялъ и дополнялъ свои сочиненія, а во 2-хъ служитъ доказательствомъ того интереса, какой имѣли къ рукописямъ его современники (дѣло доходило до воровства); она же объясняетъ намъ тотъ фактъ, что нѣкоторые автографы его имѣются нынѣ въ двухъ экземплярахъ. Въ 1790 г. (или немного ранѣе) Сковорода сдѣлалъ переводъ съ толкованіями сочиненія Плутарха „De tranquillitate animi“ [8]). Можемъ пожалуй еще только прибавить, что въ 1785 г. уже существовалъ діалогъ *„Марко препростый“* [9]). И такъ мы собрали болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о времени составленія 18 его оригинальныхъ трудовъ и одного переводнаго. Мы не знаемъ только,

---

[1]) Предисловіе къ Женѣ Лотовой (письмо къ М И. Ковалинскому); рук. Моск. Рум. Музея.

[2]) Настоящее изданіе, 2 отд. стр. 193.

[3]) Ibidem, стр. 217.

[4]) Ibidem, стр. 237.

[5]) См рук. „Потопа Зміина“ въ Моск. Рум. музеѣ.

[6]) См. письмо Г. С. Сковороды въ Молодыкѣ на 1844-й годъ, стр. 233.

[7]) См. письмо къ Ковалинскому при рук. „Потопа зміина“ въ Моск. Рум. музеѣ.

[8]) См. рукопись въ Импер. Публ. библіотекѣ въ Петербургѣ.

[9]) См. Письма Г. С. Сковороды къ свящ. Я. Провицкому, изд. Вс. Изм. Срезневскимъ, стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

слѣдовательно, когда были составлены тѣ его сочиненія, которыя до насъ не дошли (2 бесѣды Сіонъ и переводы). Наиболѣе важные труды были написаны Сковородой, какъ оказывается, въ 50—60 лѣтнемъ его возрастѣ; поэзіей же онъ занимался раньше, хотя иногда возвращался къ ней и въ зрѣлыхъ лѣтахъ (даже въ послѣднемъ десятилѣтіи своей жизни). Прежде чѣмъ перейти къ содержанію сочиненій Сковороды, необходимо отмѣтить одну черту ихъ чисто внѣшняго свойства—*это неустойчивость ихъ заглавій:* иногда одно и то же сочиненіе носитъ два заглавія: *Израильскій змій* иначе называется *Иконой Алкивіадской, діалогъ: душа и нетленный духъ—Потопомъ змінымъ, симфонія: аще не увѣси—Асаньею, Неграмотный Марко—Маркомъ препростымъ, Разговоръ кольцо—Дружескимъ разговоромъ о душевномъ мирѣ, Книжечка о чтеніи священнаго писанія—Женой Лотовой, Брань Михаилова съ сатаною—Бранью архистратига Михаила съ сатаною о семъ: легко быть благимъ, Алфавитъ мира—Букваремъ мира.*

Мы видѣли выше, что Сковорода нерѣдко перерабатывалъ свои сочиненія; таково происхожденіе различныхъ редакцій и варіантовъ одной и той же редакціи; этимъ же объясняется и существованіе его автографовъ въ двухъ экземплярахъ; это послѣднее обстоятельство впрочемъ вызывалось еще и тѣмъ, что онъ посвящалъ, т. е. преподносилъ свои сочиненія разнымъ лицамъ—своимъ друзьямъ; отправляя одинъ экземпляръ, онъ долженъ былъ оставлять себѣ другой. Но иногда случалось и такъ, что самъ онъ оставался безъ оригинала, и даже безъ списка—тогда онъ прибѣгалъ къ своему другу священнику І. Правицкому, у котораго хранились почти всѣ его творенія, говоримъ „почти", потому что, по сознанію самого же Сковороды, одна рукопись его была завезена въ Крымъ безъ списка (О вожделѣніи богатства). Вотъ характерное сообщеніе Сковороды о своихъ рукописяхъ: (въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому 1790 г.) „у друга нашего Бабайскаго іерея Іяк. Правицкаго всѣ мои творенія хранятся. По мнѣ бы они давно пропали. Я удивился, увидѣвъ у его моего Наркиса и симфонію—аще не увѣси. Я ее ожелчившися спалилъ въ Острогорскѣ, а о Наркисѣ на вѣки было забылъ. Просите у него. А я не точію апографы, но и автографы раздалъ, раздарилъ, расточилъ". Нѣсколько выше онъ сообщаетъ тому же Ковалинскому о посылкѣ къ нему списка „Израильскаго Змія" и при этомъ прибавляетъ, что списокъ этотъ онъ самъ было приготовилъ для свящ. Правицкаго. Изъ письма Г. С. Сковороды къ Правицкому 1785 г. видно, что Правицкій переписывалъ себѣ и новыя сочиненія Сковороды [1]) и просилъ о высылкѣ ихъ Григорія

[1]) См. Молодыкъ на 1844-й г., стр. 234; Письма Г. С. Сковороды къ св. І. Правицкому, стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

Саввича [1]) Посылая „*Жену Лотову*“ о І. Правицкому, Сковорода прибавляетъ: „при перепискѣ повелѣвай наблюдать ортографію, паче же всѣ ея листы хранить отъ нечистоты“. Тутъ видна забота о судьбѣ своей рукописи. А вотъ другой отрывокъ, свидѣтельствующій о томъ же: „чудно мнѣ, пишетъ Сковорода тому же свящ. Іак. Правицкому; вы, снится мнѣ, переписали „Михайлову борьбу“ и паки требуете? Обаче посылаю, негли обрящете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же много; обаче чрезъ невѣрныя руки—не! не! не! Mavolo apud te eam interire quam volutari manibus impioribus (т. е. я предпочитаю, что бы она погибла у тебя, чѣмъ вращалась въ нечестивыхъ рукахъ). Характерна эта боязнь „невѣрныхъ рукъ“, показывающая, что у Сковороды было не мало литературныхъ враговъ, отъ которыхъ онъ ревниво оберегалъ свои рукописи.

Для того чтобы дать полное и вѣрное представленіе о литературной дѣятельности Г. С. Сковороды, необходимо хотя вкратцѣ указать темы и содержаніе *всѣхъ* его трудовъ. Это можетъ предохранить насъ отъ какого нибудь односторонняго увлеченія, въ которое такъ легко впасть, имѣя дѣло съ такимъ писателемъ, каковъ былъ Сковорода. Ознакомившись съ содержаніемъ всѣхъ его сочиненій, мы увидимъ, на какихъ темахъ онъ преимущественно останавливался, что его особенно интересовало, какіе вопросы онъ считалъ со своей точки зрѣнія наиболѣе важными.

Многочисленныя сочиненія Сковороды дѣлятся *по формѣ своей* на двѣ группы: *философско-богословскіе* и *литературные* труды; къ первымъ принадлежатъ такіе трактаты какъ Наркисъ, Асхань, О древнемъ мірѣ, Бесѣда двое и т. п., ко вторымъ можно причислить—Садъ божественныхъ пѣсней, Харьковскія басни, притчи—объ убогомъ жайворонкѣ и благодарномъ ероідѣ и цѣлый рядъ его переводовъ, передѣлокъ латинскихъ и греческихъ авторовъ—Цицерона, Плутарха, а также іезуита Гозія (Сидронія). Но необходимо при этомъ прибавить, что между этими двумя родами сочиненій существуетъ только разница относительно формы; по содержанію же своему всѣ оригинальныя сочиненія Сковороды, какъ богословско-философскіе, такъ и литературные, близко подходятъ другъ къ другу; въ содержаніи каждаго изъ его литературныхъ произведеній лежитъ обыкновенно какая нибудь серьезная мысль.

Первыми богословско-философскими сочиненіями Г. С. Сковороды были его трактаты *Наркисъ* и *Асхань*, посвященные одной и той же

---

[1]) Отвѣчая на одну изъ такихъ просьбъ (о высылкѣ Жены Лотовой), Сковорода пишетъ: „прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ Жену Лотову. Весною хощу васъ посѣтить, аще Богу угодно, и привезу. Въ зимнихъ трусостяхъ можетъ она потеряться: тѣмъ не даю черезъ Гр. Юрьевича“.

Библиотека "Руниверс"

темѣ — *самопознанію*, вопросу, который нужно признать исходнымъ пунктомъ всего міровоззрѣнія Сковороды. Первый трактатъ такъ и называется „разглаголъ о томъ: узнай себе“ [1]). Заглавіе Наркисъ взято Сковородою изъ древняго сказанія о юношѣ Нарцисѣ, который смотрѣлъ въ чистые, прозрачные воды источника, какъ въ зеркало, и влюбился самъ въ себя; такимъ образомъ, Наркисъ является *символомъ* самопознанія — „его образъ благовѣститъ сіе: *узнай себе!*“

Онъ состоитъ изъ пролога, 7 разговоровъ и заключительной симфоніи. Въ прологѣ дается объясненіе заглавію трактата (только что приведенное нами) и дѣлаются нѣкоторыя аллегорическія сопоставленія на тему о самопознаніи. Мой Наркисъ, говоритъ Сковорода, разженный любовью, истаялъ отъ пламени и преобразился сердцемъ въ чистый источникъ или, что тоже, въ солнце, ибо всякій является тѣмъ, чье сердце въ немъ: *плоть ничтоже, духъ животворитъ*. Въ разговорахъ участвуютъ трое лицъ,—Лука, его другъ и сосѣдъ. Первый разговоръ начинается съ заявленія друга, что не познать себя есть тоже, что потерять себя; по этому прежде всего необходимо сыскать себя, ибо безъ этого всякій человѣкъ видитъ только свою тѣнь, а не главное; главнымъ же въ немъ является мысль, которая управляетъ тѣломъ и его членами. Лука соглашается съ этимъ и подтверждаетъ, что его глаза ничего не видятъ, если мысли его направлены въ другую сторону. Далѣе другъ говоритъ, что видѣть въ мірѣ одну плоть значитъ быть идолопоклонникомъ, значитъ не имѣть вѣры, которая одна свѣтъ во тьмѣ видитъ и, минуя видимость, усматриваетъ невидимое. Во 2-мъ разговорѣ приводятся доказательства, что не только въ человѣкѣ, но и въ протчихъ тваряхъ первенствуетъ духъ: главными доказательствами являются здѣсь притчи или сравненія. Такъ между прочимъ приводится въ примѣръ старая въ Ахтыркѣ церковь; для того чтобы ясно представить ее себѣ, не достаточно видѣть одинъ кирпичъ ея и известку, а необходимо уразумѣть и планъ ея; такъ и въ травахъ, и въ деревьяхъ: ихъ производитъ духъ; такъ и во всей природѣ царитъ Духъ-Богъ. Въ 3-мъ разговорѣ выступаетъ новое лицо поселянинъ Филонъ, а Лука, оказывается, „прилѣпился“ къ Сомнасу (представителю стараго богословія, противъ котораго вооружается Сковорода). Другъ доказываетъ, что для познанія плана міра необходимо прежде усмотрѣть его въ самомъ человѣкѣ, въ ничтожной плоти человѣческой; тогда только мы не будемъ идти противъ Бога — приписывать праху, тлѣнію то, что принадлежитъ Духу, а теперь мы оставляемъ Христа, все отняли отъ него, ибо пошли за тлѣннымъ, за тьмою. Въ новомъ 4-мъ разговорѣ разрѣшались нѣкоторыя недоумѣнія, остав-

[1]) См. настоящее изданіе, 2-е отд. стр. 1—44.

Библиотека "Руниверс"

шіяся отъ предъидущаго (напримѣръ, о томъ, какъ злые люди могутъ потерять свое сердце). Тутъ же представляется чрезвычайно простой и убѣдительный примѣръ въ доказательство превосходства духа надъ матеріей. „Въ природѣ, говоритъ другъ, то сильнѣе, что не показнѣе“ и далѣе говорится о воздухѣ, который не примѣтенъ, однако движетъ моря, гонитъ корабли, ломаетъ деревья, сокрушаетъ горы, всюду проникаетъ и все снѣдаетъ, а самъ остается цѣлымъ. Но мы еще меньше останавливаемся на томъ, что совершенно очищено отъ всего тѣлеснаго—на Богѣ—Духѣ. Но если человѣкъ воспринялъ въ себѣ дуновеніе Господа, тогда прозрѣваетъ и начинаетъ вездѣ въ мірѣ и въ себѣ видѣть два начала—вѣчное и тлѣнное. Въ 5-мъ отрывкѣ продолжается тотъ же разговоръ. Мы доселѣ безплотной невидимости, говоритъ другъ, не считали существомъ, теперь же напротивъ того видимость мы признаемъ мечтою и пустошью; мало по малу мы боремся противъ своего закоренѣлаго мнѣнія и новый взглядъ вдругъ, какъ молнія, можетъ освѣтить наше сердце; и опять повторяется, что преклоненіе передъ плотью есть идолопоклонство и обида для Бога. Въ 6-мъ отрывкѣ говорится, что Богъ есть въ каждомъ изъ насъ, „Богъ во плоти и плоть въ Богѣ, но не плоть Богомъ, ниже Богъ плотію“, подобно тому какъ въ зернѣ дѣйствуетъ невидимая сила, дающая ему ростъ, такъ и въ человѣкѣ вѣрою можно увидѣть силу Божію. 7-й разговоръ, гдѣ есть новыя лица, посвященъ вопросу объ истинномъ человѣкѣ или воскресеніи. Даже для истиннаго познанія земнаго, необходимо познаніе вѣчнаго. „Начало премудрости—разумѣти Господа“. „Взойти на эту гору Господню можно только при свѣтѣ евангелія Христова. Туда (и только туда) стремился Давидъ; это же значитъ и воскресеніе; проникнувъ въ самый центръ своего сердца, мы открываемъ тамъ истиннаго Бога человѣка. Въ заключеніе помѣщена симфонія, т. е. согласіе священнаго писанія со стихомъ—*рыхъ: сохраню пути моя, еже не согрѣшати языкомъ моимъ.* Она объясняется слѣдующимъ уподобленіемъ: „какъ въ свѣтской музыкѣ одинъ тонъ безъ другого согласнаго не можетъ показать фундамента, а пріобщеніе третьяго голоса совершенную дѣлаетъ музыку, которая состоитъ вся въ троихъ голосахъ, межъ собою согласныхъ, такъ точно и въ Давидовыхъ гусляхъ одна струна сумнительна, если ее съ другимъ стихомъ не согласить. А при троихъ же свидѣтеляхъ совершенно всякій глаголъ утверждается“. Повидимому впрочемъ эта симфонія приведена въ отрывкѣ; ибо начинается она такъ: „продолжай же притчу твою, Памво“. И Памва продолжаетъ: „наконецъ тѣ два невольника пришли къ великимъ горамъ“. Оказалось, что они вступили въ пещеру—на путь Господскій и на разсвѣтѣ услышали хоръ, поющій—*смертію смерть поправъ;* передъ ними

Библиотека “Руниверс”

открылся чертогъ, озаренный утреннимъ свѣтомъ. Самая симфонія состоитъ изъ текстовъ Свящ. писанія, которые поясняютъ основной (*тѣхъ...*); тутъ все основано на аллегорическихъ сопоставленіяхъ, діалектическихъ и даже этимологическихъ толкованіяхъ. Въ объясненіе этого говорится: „Священное писаніе подобно рѣкѣ или морю. Часто въ томъ мѣстѣ глубина и самымъ ангельскимъ очамъ неудобозримая закрывается, гдѣ по наружности показывается плохо и просто". Таково содержаніе „первороднаго" труда Сковороды.

Тому же вопросу о самопознаніи посвящено и другое сочиненіе Г. С. Сковороды—*Асхань или симфонія съ симъ стихомъ: аще не увѣси самую тебе, о добрая въ женахъ, изыиди ты въ пятахъ паствъ и паси козлища твоя у кущей пастырскихъ* [1]). Оно сопровождается посвятительнымъ письмомъ М. И. Ковалинскому, гдѣ дается между прочимъ объясненіе заглавію. Асхань—это дочь Халева, вшедшаго въ землю обѣтованную, значитъ красота; отецъ отдаетъ ее своему братаничу въ супружество за взятіе города Давира [2]); она есть премудрость Божія, сокровенная въ глубинахъ Библіи. Эту то премудрость хочетъ извлечь изъ Библіи и Сковорода, и потому его трактатъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ этой священной книгѣ, сообразно съ выставленнымъ имъ эпиграфомъ: *„Духъ вся испытуетъ и глубины Божія"*. Бесѣдующихъ лицъ здѣсь 7. Настоящій трактатъ не раздѣленъ на части, а представляетъ, въ противоположность первому, одну сплошную бесѣду. Поводомъ къ бесѣдѣ послужили библейскія картины, находившіяся въ бесѣдкѣ; одна изъ нихъ изображала именно Асхань, которую отецъ давалъ въ жены своему братаничу. Одинъ изъ собесѣдниковъ, увидѣвъ здѣсь же картину Рождества Христова, сказалъ: вотъ это наша, христіанская, а тѣ (вѣтхозавѣтныя) жидовскія. Возражая ему, Памва доказываетъ, что, кто знаетъ Моисея, тотъ знаетъ и Христа и наоборотъ: Моисей закрылся въ евангеліи, а евангеліе есть лѣторосль Моисеевыхъ книгъ. Мало того: кто хорошо позналъ хотя себя самого, тотъ уже узналъ и Христа. А узнавъ его, мы и преобразимся въ него, ибо все наше мертвенное будетъ этимъ уничтожено; мы тогда войдемъ въ родъ Христовъ, когда узнаемъ себя, ибо и онъ говоритъ: *„аще не увѣси самую тебе, о добрая въ женахъ, изыйди ты въ пятахъ паствъ и паси козлища твоя у кущей пастырскихъ*. Какъ въ Моисеѣ, такъ и во Христѣ два начала—тлѣнное и нетлѣнное. Начало безначальное Богъ, сотворившій небо и землю, начало безконечное и само всему конецъ. О необходимости самопознанія говоритъ постоянно Священное писаніе; Сковорода приводитъ тексты, сопоставляетъ и объясняетъ ихъ. Моисей, познавъ себя, уничтожилъ

---

[1]) Рукопись Москов. Румянц. музея.

[2]) Вся эта исторія изложена въ 14-й и 15-й гл. Іисуса Навина.

Библиотека "Руниверс"

въ себѣ все плотское и потомъ самъ повторяетъ: *внемли себѣ!* Приводится цѣлый рядъ другихъ цитатъ, отождествляемыхъ съ этимъ—*внемли себѣ* (это опять симфонія); все это толкуется аллегорически въ смыслѣ самопознанія, вхожденія въ свой внутренній храмъ Божій. Тутъ же объясняется глубокая разница между обрядомъ или церемоніей и его тайнымъ смысломъ; безъ этого же послѣдняго обрядъ напоминаетъ орѣхъ безъ зерна. Церемонія хороша и полезна, ибо она является тропинкою, могущею привести къ Богу, но болѣе всего нужна милость, а не жертва. Съ этой точки зрѣнія толкуются и библейскіе разсказы о жертвоприношеніи (въ иносказательномъ, не буквальномъ смыслѣ). О тѣхъ, кои не возвышаются до этого высшаго, духовнаго пониманія Библіи говорится: „они на Библіи состарѣлись, не оставили ни стишка, ни словца, не оспоривъ его; имя твое, крестъ твой всегда у нихъ на грудяхъ, на губахъ, на одеждахъ, на стѣнахъ, на блюдахъ, на церемоніяхъ". Между тѣмъ рѣчь Библіи „отличнымъ течетъ образцомъ, не сходнымъ съ протчими писателями. Рѣчь Библіи подобна азіатской рѣкѣ, именуемой Меандеръ.., которая запутываетъ ходъ свой, какъ хоромы лабиринтъ... Она заимствуетъ отъ человѣка слова (напр., нога, рука, очи, домъ и т. п.); но сама она всегда поражаетъ въ самую тончайшую и главнѣйшую всего окружія точку..; она только человѣческими словами говоритъ, да не человѣческое; на человѣческой свирѣлькѣ да свою пѣсеньку поетъ, чтобы отвлечь насъ отъ дольней грязи и привесть ко внутреннему самопознанію. Вездѣ для доказательства своей мысли авторъ пользуется сравненіями, подъ часъ чрезвычайно картинными; такъ онъ сравниваетъ человѣка съ деревомъ, а Библію съ пещерой.. Образцомъ аллегорическаго толкованія Библіи можетъ служить, напримѣръ, слѣдующее мѣсто: „вся книга исхода сюда ведетъ, чтобы познать себе. Если исходы премудрости суть то исходы живота, видно, что исходитъ изъ Египта значитъ выходить отъ смерти въ животъ, отъ познанія въ познаніе, отъ силы въ силу, поколь явится Богъ Боговъ въ Сіонѣ"; и за тѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ частныхъ примѣровъ и сближеній на эту тему. „Страхъ Божій вводитъ во внутреннюю Библіи завѣсу, а Библія, тебе жъ самого взявъ за руку, вводитъ въ твой же внутренній чертогъ, котораго ты отъ роду не видывалъ". Настоящая жертва состоитъ не въ томъ, чтобы заколоть Господу тельца, а въ томъ, чтобы *заколоть* въ себѣ грѣхъ; умилостивлять Его нужно этимъ тельцомъ, а не тѣмъ, что продается въ мясномъ ряду. „Узнай же себя; не броди по планетамъ и звѣздамъ; воротись домой; тутъ отецъ твой и тельцы твои; тутъ истина возсіяетъ отъ плоти тельца, а правда съ небесъ; тогда можно сказать: *миръ имамы къ Богу*; язычники видятъ одну плоть, а пророкъ, т. е. прозорливый (Аввакумъ) зоветъ мечтою всякую плоть". Таково въ общихъ

Библиотека "Руниверс"

чертахъ содержаніе или, правильнѣе говоря, основная мысль этого трактата. Его чрезвычайно трудно изложить, благодаря массѣ примѣровъ, позаимствованныхъ изъ Библіи; онъ представляетъ изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы своеобразный комментарій къ библейскимъ повѣствованіямъ, которымъ Сковорода старается придать не буквальный, а внутренній смыслъ, примѣнительный къ его основной мысли о самопознаніи. Онъ дѣйствительно хотѣлъ здѣсь оправдать свой эпиграфъ: *„Духъ вся испытуетъ—и глубины Божія“*. Тутъ видны огромное знаніе библейскихъ текстовъ и настойчивое желаніе проникнуть въ ихъ прикровенный смыслъ. Но читать это сочиненіе не только обыкновенному читателю, а и спеціалисту очень тяжело: до такой степени оно заполнено цитатами и аллегоріями.

Къ двумъ трактатамъ о самопознаніи примыкаютъ два другихъ: *Разгаворъ о древнемъ мірѣ и Бесѣда двоє*. Любопытно посвятительное письмо М. И. Ковалинскому, находящееся при первомъ трактатѣ. „Мнози глаголютъ, что ли дѣлаетъ въ жизни Сковорода? Чѣмъ забавляется? Веселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ... Вѣчная мати святыня кормитъ старость мою... Я во вѣки буду съ нею, а она со мною. Вся бо преходятъ, любезная же любовь—ни! Кратко рещи, се есть діатриба и типикъ моея жизни! Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ ея уразумится“. И дѣйствительно Сковорода въ разумѣ своемъ поучался Святынѣ, т. е. направлялъ свой умъ на вопросы религіи и духа; въ этомъ онъ видѣлъ центръ своей жизни; въ этомъ, по его мнѣнію долженъ быть центръ жизни всякаго человѣка. Ты спрашиваешь, говоритъ онъ, обращаясь къ Ковалинскому, какъ 10 заповѣдями можно заниматься такъ долго; я же отвѣчаю, что ихъ стало бы и на Маѳусаиловъ вѣкъ. Руководило же имъ въ этомъ случаѣ одно побужденіе, которое прекрасно выражается его же эпиграфомъ къ трактату: „Sola veritas est dulcis, viva, antiquissima, cetera omnia sunt heri natus fungus“ т. е. одна только истина пріятна, жива и очéнь древняя, все же остальное есть вчера рожденный грибъ. Въ самомъ трактатѣ выясняется понятіе объ отношеніи древняго міра къ новому. Старый міръ находится вмѣстѣ съ новымъ, совмѣщается съ нимъ, какъ тѣнь съ ея деревомъ; нашъ ветхій, дряхлый міръ, подобно тѣни, непрестанно измѣняется: то рождается, то исчезаетъ, то убываетъ; новый Господень вѣченъ, но второй отражается въ первомъ: въ немъ можно найти слѣды Божіи, мудрость Его обличающіе; такъ, напримѣръ, всѣ мы являемся слабою копіею, тѣнью Богочеловѣка, Господней истины. Но видѣть того человѣка, котораго мы являемся тѣнью, можно только вѣрою; вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая; она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣ-

Библиотека "Руниверс"

тящійся; видитъ, любитъ и благовѣститъ нетлѣннаго человѣка Іисуса Христа Сына Божія. Философствовать нужно во Христѣ. а не во стихійной мертвенности: это будетъ пустая философія. Въ этомъ только и можетъ быть *всеобщее счастіе*; оно требуетъ, какъ можно, больше участниковъ и этомъ отличается отъ мірскаго, которое, будучи основано на тлѣніи, имѣетъ тѣсные предѣлы и ограниченный кругъ участниковъ. Вотъ этого то Богочеловѣка, котораго церемоніи являются только слабою тѣнью, и хотѣлъ постичь апостолъ Павелъ. Въ доказательство этого приводится множество текстовъ. Его позналъ, говоритъ одинъ изъ разговаривающихъ Лонгинъ, и я малѣйшій. Тѣмъ самымъ онъ познался мнѣ, что невидимъ для меня. Не вижу его въ мертвыхъ, но тѣмъ самимъ вижу въ живыхъ. А видѣть въ стихіяхъ это значитъ не видѣть его, не знать его. Мы думали, что онъ мертвъ, но я, маленькая тварь, свидѣтель того, что онъ воистину живъ. Я искалъ его и нашелъ; о Немъ же трубитъ и позлащенная духомъ труба, т. е. Библія. Трактатъ заканчивается молитвою къ Богу о просвѣтлѣніи, да „воззрю, говоритъ Григорій, на міръ твой, на день твой и на человѣка твоего!“

Бесѣда, нареченная Двое опять таки трактуетъ о двухъ мірахъ—ветхомъ и новомъ, о двухъ началахъ—тлѣнномъ и вѣчномъ. Начинается она съ извѣстія о трехъ чудесахъ: одинъ пророкъ въ Европѣ Веремѣй открылъ сокъ, возвращающій юность; нѣкій докторъ медицины питался однимъ хлѣбомъ и водою и жилъ безъ всякихъ болѣзней 300 лѣтъ; нѣкій калмыкъ имѣлъ такіе глаза, что видѣлъ дальше, чѣмъ другіе въ зрительную трубку. Одинъ изъ собесѣдниковъ Даніилъ на это замѣчаетъ: плюнь, голубчикъ мой, на Веремѣеву юность, на докторово тристалѣтіе и на калмыцкіе глаза. Все то не наше, что насъ оставляетъ. Одинъ умираетъ въ 30 лѣтъ, а другой въ 300, но если смерть есть не счастіе, то оба бѣдны. Не велика въ томъ отрада заключенному, что иныхъ черезъ 3 часа, а его черезъ 30 дней потащатъ на эшафотъ. Не дѣлай долготою ничего, что прекращается; не называй счастіемъ ничего, что опровергается; не люблю жизни, оканчивающейся смертью, и сама она есть смерть. Нельзя создать счастія на тлѣнномъ: одинъ хотѣлъ возгнѣздиться на капиталѣ и подъ старость сокрушился, другой на плотоугодіи—и постыдился; нельзя основаться и на юности и безболѣзніи, ибо и тутъ ждетъ сокрушеніе. Въ доказательство приводятся тексты и при этомъ о нихъ говорится, что они есть фигуры, мѣшечки на золото и шелуха для зерна Божія; это есть иносказаніе и истинная ποίησις, т. е. поэтическое твореніе. На стѣнахъ нарисованы были картины (напримѣръ, въ серединѣ моря камень, а на немъ птичка) они также толкуются символически, какъ указаніе на двойственный характеръ всего міра и человѣка; *вездѣ двое*—тлѣнное

Библиотека "Руниверс"

и нетлѣнное;—тѣло и тѣло, человѣкъ и человѣкъ, двое въ одномъ и одно во двоихъ, нераздѣльно, но и не слитно, будто яблонь и тѣнь ея, древо живое и мертвое, ложь и истина. Указавъ на это двойственное начало въ жизни и человѣкѣ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ врата господни, ведущія въ новую страну, въ предѣлы вѣчности, и доказываетъ, что *сдѣлаться блаженнымъ не трудно.* Трудно быть злымъ, говоритъ Наеманъ. Что нужнѣе царствія Божія? Въ трудныхъ дѣлахъ водворяется обманъ и суета, легкость же въ нужности, нужность—въ сродности, сродность—въ царствіи Божіемъ. Что нужнѣе для человѣка, какъ дыханіе? И вотъ воздухъ вездѣ можно имѣть даромъ. Что необходимѣе для насъ какъ Богъ? И Онъ все собою заполняетъ! А что кому неудобное, то это значитъ не нужное. Одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ: если бы мнѣ дарили всю вселенную, я бы не взялъ; тѣло мое—маленькая кучка, да и то мнѣ скучно... Нужно быть причастникомъ не плоти, а духа, чтобы превратиться во Христа. Сердце—корень всего; всякій является тѣмъ, чье сердце у него; человѣкъ съ волчьимъ сердцемъ будетъ волкомъ, хотя бы у него лице было и не волчье, женская плоть не мѣшаетъ быть мужемъ мужескому сердцу; храмъ Божій всегда останется храмомъ, какой бы у него не былъ видъ.

Наиболѣе просто, удобопонятно и вмѣстѣ съ тѣмъ систематически свои взгляды на религію и христіанство Сковорода развилъ въ *„Начальной двери ко христіанскому добронравію“*, именно потому, что это было не *спеціальное* изслѣдованіе, а общій курсъ или, правильнѣе, конспектъ курса, читаннаго молодымъ дворянамъ, обучавшимся въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Начинается она съ того положенія, которое доказывалось въ *„Бесѣдѣ двое“*: благодареніе блаженному Богу, что нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное не нужнымъ. Самое нужное для человѣка счастіе, а счастіе въ сердцѣ, сердцѣ—въ любви, любовь—въ законѣ Вѣчнаго. Что было бы тогда, если бы счастіе, самое нужное и любезное, зависѣло отъ мѣста отъ времени, отъ плоти и крови? Что было бы тогда, если бы счастіе заключилъ Богъ въ Америкѣ, или на Канарскихъ островахъ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ богатствахъ, или въ чинѣ, или въ наукахъ или въ здоровьѣ? Тогда и счастіе и мы съ нимъ были бы бѣдны. А что же для насъ нужное? *Богъ*, котораго можно обрѣсти у себя въ сердцѣ. Весь міръ состоитъ изъ двухъ натуръ—видимой и невидимой; видимая—это тварь, а невидимая это Богъ. Онъ всю тварь проницаетъ и содержитъ, всегда былъ, есть и будетъ. Богъ назывался у древнихъ всемірнымъ умомъ, вѣчностью, судьбою и. т. п., а у христіанъ называется Господомъ Духомъ, Истиной, Умомъ и т. п. Всѣ народы признавали присутствіе въ мірѣ такой высшей Силы; это и есть вселенская вѣра. Этотъ блажен-

Библиотека "Руниверс"

нѣйшій Духъ весь міръ, какъ будто часовой механизмъ, часы на башнѣ, приводитъ въ движеніе; онъ, по своей волѣ, которая зовется всеобщимъ закономъ, управляетъ всѣми предметами и снова превращаетъ ихъ въ грубую матерію; это называется смертью. Этотъ всемірный умъ заботится и о человѣчествѣ: онъ даетъ народамъ науки и искусства; разлившись по всему корпусу политическаго организма, онъ дѣлаетъ его прочнымъ, мирнымъ и благополучнымъ; государство, будучи основано на немъ, бываетъ раемъ, домомъ Божіимъ; отдѣльный человѣкъ, основавъ на немъ свою жизнь, дѣлается благочестивымъ, онъ—душа всѣхъ нашихъ дѣлъ; раждаемся мы безъ него, но для него и превращаемся изъ звѣрей въ людей, способныхъ къ дружелюбному сожительству, милосердныхъ и справедливыхъ, воздержныхъ и разумныхъ; это образъ Божій, тайно на сердцѣ нашемъ написанный, дѣлающій сердце наше чистымъ источникомъ благодѣяній, несказанно его веселящихъ. Трудно проникнуть въ сіе неоцѣненное сокровище, потому что снаружи оно не казисто; оно подобно маленькому смоквенному зерну, въ которомъ закрылось цѣлое будущее дерево съ вѣтвями и листьями. Для лучшей примѣты его намѣчали разными символами; таилась, напримѣръ, эта божественная мудрость у евреевъ подъ священными обрядами ихъ (яденіемъ пасхи, обрѣзаніемъ и пр.); скрывалась она и въ библейскихъ исторіяхъ (напр., въ повѣсти объ Исавѣ и Іаковѣ, Саулѣ и Давидѣ), а потомъ, наконецъ, приняла на себя образъ Богочеловѣка (Христа). Какимъ же способомъ эта Премудрость родилась отъ Отца безъ матери и отъ Дѣвы безъ отца, какъ Она воскресла и опять къ своему Отцу вознеслась, подробностями этого не интересуйся, ибо не тотъ вѣренъ Государю, кто въ тайны его старается проникнуть, а тотъ, кто волю его усердно исполняетъ... Вѣчная эта Премудрость во всѣхъ вѣкахъ и народахъ неумолчно продолжаетъ свою рѣчь, т. е. открываетъ себя; но только мы сами не хотимъ слушать ее. Но ее слушали еврейскіе пророки и исполняли ея волю; а Моисей, какъ будто снявъ планъ съ сего невидимаго Божія образа, положилъ его въ основаніе еврейскаго общества. По тогдашнему обычаю онъ начерталъ ее на каменныхъ доскахъ и такъ сдѣлалъ, что она, будто видимый человѣкъ, чувственнымъ голосомъ ко всѣмъ намъ рѣчь свою ведетъ; это и есть заповѣди или десятословіе. Заповѣди авторъ толкуетъ примѣнительно къ своей основной мысли о превосходствѣ вѣчнаго надъ тлѣннымъ. Любопытенъ комментарій его къ 5-й заповѣди; ею, говоритъ онъ, опредѣляются обязанности наши къ семьѣ; а вотъ кто отецъ твой и мать: будь, во 1-хъ, вѣренъ и усерденъ государю, послушенъ градоначальнику, учтивъ къ священнику, покоренъ къ родителямъ, благодаренъ учителямъ твоимъ и благодѣтелямъ; въ основѣ же всей христіанской нравственности лежитъ милосердіе къ ближнему и любовь къ Богу.

Библиотека "Руниверс"

Но для того чтобы человѣкъ любилъ Бога, при его тѣлесномъ грубомъ разсужденіи, ему необходима еще вѣра и соединенная съ нею надежда. Въ основѣ заповѣдей лежитъ любовь; это вѣчный союзъ между Богомъ и людьми; но эта любовь имѣетъ внѣшній видъ или признаки, называемые церемоніей; церемонія при любви или благочестіи есть тоже, что на зернахъ шелуха; сама по себѣ она—ничто. Нужно также отличать Законъ Божій отъ преданія; первый вѣченъ, а второй не вездѣ и не всегда; первый есть райское дерево, а второе—только тѣнь его; а у насъ нерѣдко принимали одинъ за другого. Грѣхи—это наши страсти, а имъ противоположно спокойствіе души или чистосердечіе, отъ котораго идутъ всѣ добродѣтели; кто имѣетъ такую душу, тотъ истинный христіанинъ. Это, такъ сказать, символъ вѣры Г. С. Сковороды; тутъ онъ даетъ намъ (въ краткомъ видѣ) сущность своего христіанско-философскаго міросозерцанія, своей внутренней религіи. Здѣсь ясно видно, какъ философія у Сковороды органически сливалась съ религіей; религія для него была философіей и философія религіей. Свой трактатъ Сковорода составилъ еще въ 1766 г.; къ этому же времени относятся и двѣ проповѣди его: 1) *Убуждшеся видѣша славу его* и 2) *Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ.* Въ нихъ аллегорически толкуется Преображеніе и Воскресеніе Христово. Очень характерно начало 1-й проповѣди: „весь міръ спитъ, да еще не такъ спитъ, какъ о праведникѣ сказано: *аще падетъ, не разбіется*... Спитъ глубоко протянувшись... А наставники, насущіе израиля, не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ: „спи, не бойся, мѣсто хорошее, чего опасаться“? Никто не хочетъ проснуться, чтобы преобразиться во Христа, а только задаютъ себѣ вопросы: гдѣ онъ родился? Отъ какихъ родителей? Какъ давно? Тутъ и засыпаютъ, не поднимаясь выше. Почто о стихіяхъ состязаетесь, спрашиваетъ апостолъ Павелъ. О истинный нетлѣнный Израильскій Боже! Блесни свѣтомъ своимъ на насъ столько, сколько можетъ стерпѣть наше око, чтобы мы дѣйствительно воскресли и преобразились до самаго послѣдняго нашего волоса. „Любезные ученики (т. е. Христовы), такъ начинается 2-я проповѣдь, не бойтеся, поднимайтесь дерзновенно къ тому, на котораго лице не могли вы за ужасомъ смотрѣть на Ѳаворѣ“. Не забывайте только ангельскихъ словъ: „нѣсть здѣ—возста; слова эти прямо приведутъ васъ къ славному истинному Богочеловѣку. Многіе ищутъ Его во владѣніяхъ Пилатовыхъ, во Іерусалимѣ, на Іорданѣ, въ Виѳлеемѣ, на Ѳаворѣ, между Тигромъ и Евфратомъ; иные—въ долгихъ моленіяхъ, въ постахъ, въ обрядахъ; другіе—на голубомъ небесномъ сводѣ, на солнцѣ, лунѣ, третьи—въ проповѣдяхъ, пророчествахъ, чудесахъ, бѣдности, аскетизмѣ; но не находятъ Его тамъ: нѣтъ Его тамъ—восталъ... Искали его и въ древности, но не находили.

Библиотека “Руниверс”

Исходя изъ общихъ положеній, выраженныхъ въ „*Начальной двери ко христіанскому добронравію*“, а также въ трактатѣ „*Асханъ*“, Г. С. Сковорода развивалъ разныя стороны ихъ въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ Библіи; а таковыми были слѣдующіе его труды: 1) *Израильскій змій*, 2) *Жена Лотова*[1]) и 3) *Потопъ змінъ*[2]). Всѣ три сочиненія посвящены разбору Библіи и представляютъ большой интересъ для уясненія религіознаго міросозерцанія Сковороды. 1-й трактатъ сопровождается замѣчательнымъ посвятительнымъ письмомъ Сковороды къ полковнику Тевяшову. Что такое жизнь? спрашиваетъ Сковорода и отвѣчаетъ, что она—сладость, веселіе сердца, которое даетъ стремленіе къ истинѣ. „Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ“. Поэтому „и высокихъ фамилій люди не только въ тяжбахъ, войнахъ, комерціяхъ, домостроительствахъ, художествахъ, но и въ самомъ первомъ пунктѣ, сирѣчь въ мысляхъ, до Бога касающихся, должны находить истину, а противоборствовать суевѣрію“. Конечно, люди не могутъ обойтись безъ суевѣрій, говоритъ Сковорода, но пусть имъ предается непросвѣщенная чернь, а образованные, благочестивые люди должны прямо направляться на гору Божію, не уклоняясь ни въ право, ни въ лѣво,—ни въ сторону безбожія, ни въ сторону рабострастнаго суевѣрія. Сковорода сильно и рѣзко обличаетъ суевѣріе, которое вооружается противъ законовъ природы и само дышетъ нетерпимостью, называя всѣхъ несогласныхъ съ нимъ еретиками. Въ своихъ возраженіяхъ противъ чудеснаго элемента онъ исходитъ изъ того, что трудное не нужно, а нужное не трудно. Суевѣры пользуются Библіей, но, своимъ буквальнымъ пониманіемъ, не позволяютъ видѣть скрытаго въ ней высшаго смысла. Вся тварь (въ противоположность Богу) непостоянна и обманчива, но она поле слѣдовъ Божіихъ; поэтому и въ Библіи за этими предѣлами таится и является, лежитъ и возстаетъ пресвѣтлая истина; она являетъ свое прекрасное око по лицу ея, посреди безчисленнаго множества тварей, какъ манна и снѣгъ. „Я въ сей книжечкѣ, говоритъ въ заключеніе своего письма Сковорода, представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ (т. е. Библіи, она же Израильскій змій) разумъ“. Эпиграфомъ своимъ Сковорода взялъ изреченіе: *испытайте писаній: та суть свидѣтельствующая о мнѣ*. Весь трактатъ состоитъ изъ краткаго введенія, 17 главъ или, какъ они называются тутъ, предѣловъ и заключенія или катавасіи. Очень удачно введеніе, гдѣ разсказывается

---

[1]) Рук. Моск. Рум. Музея.

[2]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

басня о пустынникѣ, ловившемъ всю жизнь свою птицу и искавшемъ начала въ 1001 шелковомъ узлѣ. Въ 1-мъ предѣлѣ разъясняется смыслъ этой басни. Началомъ всего является Богъ или Вѣчность, который живетъ во всѣхъ вещественахъ и напоминаетъ намъ смирную, но не уловляемую птицу. Во всѣхъ вещахъ можно усмотрѣть это начало (вѣчности), двигающее матерію: оно напоминаетъ компасъ или руль, приводящій въ движеніе большой корабль, или маленькую искру (пороха), разоряющую огромныя городскія стѣны; подобно имъ, оно въ немощи сила, въ мелочи величіе; оно начиная кончаетъ, а кончая начинаетъ или по древнему философскому изреченію unius interitus est alterius generatio (гибель одной вещи есть начало другой). Такимъ образомъ въ мірѣ собственно два міра—начало и тлѣнь, какъ яблоня и ея тѣнь—видимый и невидимый, живой и мертвый; но между ними та разница, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то преходитъ, то родится, то исчезаетъ и есть ничто. Это единственное Начало въ разные вѣка, разные народы изображали фигурами и монументами (напримѣръ, кольцомъ, шаромъ, зміемъ, держащимъ въ устахъ свой хвостъ для указанія вѣчностя и т. п.). Но простой народъ (подлость), видя изваянные или нарисованные на почетныхъ мѣстахъ фигуры и не проникши въ тайно образуемое ими богоначаліе, ухватился за ничтожную сѣнь образовъ и погрязъ въ ней. Отсюда произошло обожаніе тлѣнной природы человѣка и животныхъ, отсюда всѣ расколы и суевѣрія, отсюда идолопоклонство, т. е. поклоненіе плоти. На этомъ Началѣ основана вся Библія; оно является зерномъ, плодомъ, центромъ и гаванью ея. Въ *Началѣ бѣ Слово*, и *Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово;* это значитъ, что Библія является монументомъ только одного Начала, и такъ какъ она сдѣлана для Бога, то и сама стала Богомъ; въ мракѣ ея образовъ таится пречистое, пресвѣтлое, живое. Дальнѣйшее повѣствованіе книги Бытія Сковорода толкуетъ такъ, что мірозданіе касается не дѣйствительнаго міра, а только символическаго (т. е. Библіи). Да будетъ свѣтъ—это значитъ: пусть солнечный свѣтъ будетъ фигурою Божественнаго свѣта; и такъ вдругъ солнечный свѣтъ надѣлъ блистаніе славы Божіей и образъ ипостаси его и тлѣнь свѣтила сего сдѣлалась солнцемъ правды; это и есть чудо творенія — сдѣлать изъ тлѣни величіе. Вся Библія полна фигуръ и символовъ и самый короткій ея разсказъ заключаетъ въ своемъ узлѣ памятникъ вѣчности, какъ зерно, какъ луна отражаетъ свѣтъ солнца по всей землѣ. Авторъ представляетъ нѣсколько примѣровъ такого именно объясненія библейскихъ выраженій и извѣстій, напримѣръ: совершишася небо и земля, почи въ день 7-й отъ дѣлъ своихъ, о Захаріевскомъ свѣщникѣ, о снахъ фараоновыхъ, о жертвѣ Авраамской, о семи хлѣбахъ, о плащаницѣ, ниспущенной Петру, о лѣстницѣ

Библиотека "Руниверс"

Іакова; вездѣ онъ видитъ число 7, толкуетъ его какъ Божію седмицу. „Узнавъ день, говоритъ онъ, узнаешь седмицу, узнавъ ее, узнаешь всю книгу Бытія и протчія книги Библіи. Библія—огромный непроходимый лабиринтъ; и хотя ты не всякую дверь можешь здѣсь открыть, но уже знаешь, что подъ этою печатью таится Божье сокровище; ты имѣешь въ своихъ рукахъ отнынѣ Аріаднину нить, которая выведетъ тебя изъ закоулковъ на чистое пространство. Начало это—Христосъ. Ради него гремитъ весь громъ библейскихъ облаковъ. Всего въ Библіи дознаться нельзя, да и не нужно: къ чему стараться все высмотрѣть по этихъ Соломоновскихъ садахъ и домахъ? Когда ты узналъ рѣшительно все, тогда ты уже перестаешь удивляться, является пресыщеніе, скука и уныніе; не все ли равно, что 1000 фигуръ, что 1000000 ихъ? Если же чего не понимаешь, закричи съ Варухомъ: „какъ великъ домъ Божій"! Моисей между прочими фигурами позаимствовалъ у египтянъ и фигуру змія, выражающую Божію премудрость. Библія есть змій, но онъ только подножіе Божіе; въ ней одно на лицѣ, а иное въ сердцѣ; эта Израильская икона напоминаетъ Алкивіадскую, называемую по гречески Σιληνός: она съ лица была шуточная, а внутри сокрывала великолѣпіе Божіе; и тутъ мы находимъ подъ простотою мудрость, во плоти Бога; это ποίημα, т. е. поэма и Моисей—поэтъ.

Мы должны были изложить содержаніе этого памятника въ его полномъ видѣ, иначе для общей оцѣнки воззрѣній Сковороды недоставало бы чрезвычайно важнаго и характернаго матеріала и въ результатѣ могло бы получиться одностороннее и невѣрное освѣщеніе (въ настоящемъ изданіи мы печатаемъ только отрывокъ изъ „Израильскаго Змія"). Такія же побужденія заставляютъ насъ нѣсколько подробнѣе остановиться на содержаніи двухъ другихъ его трактатовъ, которые также посвящены Библіи, но не вошли въ настоящее изданіе сочиненій Сковороды. *„Книжечка о чтеніи Священнаго Писанія или Жена Лотова"*—сравнительно небольшаго объема и, по признанію самого Сковороды, не вполнѣ законченная. При ней мы находимъ посвятительное письмо М. И. Ковалинскому, въ которомъ проводится мысль о вѣчности. Безпамятнымъ нужно назвать, говорится тутъ, богослова, забывшаго о вѣчности. Авторъ иронизируетъ надъ такимъ книжникомъ „спящимъ на Библіи". Что веселитъ твою память, обращается авторъ къ книжнику. „Радуга въ облакѣ, красавица въ зеркалѣ, а прекрасный Наркисъ мой—міръ сей видимый, во очахъ моихъ, будто въ двоихъ зеркалушкахъ, смотритъ на себя, хмурится и любуется самъ собою непрестанно... А сверхъ сего ничего ли тебѣ на память не приходитъ, спрашиваетъ авторъ. Значитъ ты ничего не помнишь, потому что все твое и весь твой всдоръ (хаосъ) торчитъ подъ носомъ

Библиотека "Руниверс"

твоимъ. Вся твоя рухлядь, весь болванъ твой, міръ сей лежитъ на очахъ твоихъ, гнѣздится въ твоихъ зѣницахъ... Пожайлуста проснись! Не весь погружайся въ землю! Истинная память заключается въ томъ, чтобы признать, обнять и принять въ зерцало памяти ту святыню; которая утаена, т. е. удалена отъ тлѣнія. „Святыню вѣра водитъ, надежда надѣется, любовь объемлетъ сердцемъ, а память памятуетъ“, все это одно и тоже, что вѣчность. Міръ сей есть дымъ вѣчности, а Библія стези ея; ты въ нихъ только погрузился, а нужно знать, куда они ведутъ. Библейская Жена Лотова есть тоже слѣдъ, ведущій „горѣ“, но и гора есть только слѣдъ Божій, ведущій на небесный Сіонъ. Проходить это великое и пространное море (Библію) нужно подъ руководствомъ истинныхъ богослововъ, а таковыми были, напримѣръ, Василій Вел., Іоаннъ Златоустъ, Григорій Назіанзинъ, Амвросій, Августинъ, папа Григорій Вел. и симъ подобные. Начало есть Богъ и отъ него должны исходить всѣ наши дѣла. Богословіе есть искорененіе злыхъ мыслей, ибо въ человѣкѣ два начала—плотское и Божье. Но наука, какъ и пища, требуетъ любви; поэтому нужно познакомиться съ этими руководителями и избрать изъ среды ихъ преимущественно кого либо одного; у всѣхъ у нихъ хорошій вкусъ, но разный. Идя за ними, необходимо совершенно освободиться предварительно отъ ходячихъ старинныхъ мнѣній и, подобно Израилю, ничего не брать съ собою отъ разореннаго Іерихона. Чтеніе Библіи представляетъ страшныя опасности, по словамъ блаженнаго Августина. „Коль многихъ погубила грязь (т. е. буквальный смыслъ) Лотова піанства; безчисленныхъ растлилъ ядъ Давидова прелюбодѣйства, а въ старости его мнимый духъ дѣволожства. Не менѣе яда въ повѣстяхъ о сынѣ его. Слышавъ о Іезекіиной болѣзни, раздражаемъ страхъ смертный и наше суевѣріе... Отсюду то уповаемъ на плоть и кровь святыхъ, надѣемся на тлѣнь и клятву, обожаемъ вещество въ ладонѣ, въ свѣчахъ, въ живописи, въ образахъ и церемоніяхъ, забывъ, что кромѣ Бога ничтоже благо и что всякая внѣшность есть тлѣнь и клятва. Кратко сказать, вся Библія преисполнена пропастей и соблазновъ“. Не всякій, подобно Самсону, раздеретъ пасть этого льва и найдетъ тамъ въ горькомъ сладкое, въ жесткомъ—нѣжное, въ ядѣ—ядь, въ смерти—животъ. Читать нужно въ мѣру. „Когда нашъ вѣкъ или наша страна имѣетъ мудрыхъ мужей гораздо менѣе, нежели въ другихъ вѣкахъ и сторонахъ, тогда виною сему есть то, что шатаемся по безчисленнымъ и разнороднымъ книгъ стадамъ, безъ мѣры, безъ разбору, безъ гавани. Скушай одно со вкусомъ—и довлѣетъ. Нѣтъ вреднѣе, какъ разное и безмѣрное. Пиѳагоръ, разжевавъ одинъ треугольникъ, сколько насытился... Разжуй одну преславную славу—и во многія обители Божьяго сего лабиринта отверзется тебѣ входь и исходъ“. *Поминайте жену*

Библиотека "Руниверс"

Лотову. Это не значитъ вспомнить только, что у Лота была жена; это значитъ размыслить, куда ведетъ она, это значитъ простираться съ Лотомъ на горняя. Двѣ стороны имѣетъ Библейное море; на нашемъ берегу и пустыя колосья, и худыя коровы, а на томъ и колосья полныя, и юницы избранныя: туда нужно стремиться. Тамъ общество любви, любовь въ Богѣ, а Богъ въ обществѣ. „Въ этой горней республикѣ все новое: новые люди, новая тварь, новое твореніе. Не такъ какъ у насъ подъ солнцемъ, все ветошь ветошей и суета суетствій... Второе рожденіе бываетъ не тогда, когда Содомскій человѣкъ изъ плоти и крови и будто изъ бренія и грязи горшокъ зиждется, слѣпливается, образуется, стоитъ, ходитъ, сидитъ, машетъ, очи, уши, ноздри имѣетъ, шевелится и красуется, какъ обезьяна, болтаетъ и велеречитъ, какъ римская цитерія, чувствуетъ, какъ кумиръ, мудрствуетъ, какъ идолъ, осязаетъ, какъ преисподній кротъ, щупаетъ, какъ безъокій, гордится, какъ безумный, измѣняется, какъ луна, безпокоится, какъ сатана, паучится, какъ паучина, алченъ, какъ песъ, жажденъ, какъ водяная болѣзнь, лукавъ, какъ змій, ласковъ, какъ крокодилъ, постояненъ, какъ море, вѣрный, какъ вѣтеръ, надежный, какъ ледъ, разсыпчивъ, какъ прахъ, исчезаетъ, какъ сонъ; сей всякъ человѣкъ ложный—сѣнь, тьма, паръ, тлѣнь, сонъ... Духовный же человѣкъ есть свободь. Въ высоту, въ глубину, въ широту летаетъ безпредѣльно. Не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни; провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядаетъ въ преждебывшее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана, входитъ дверемъ заключеннымъ. Очи его голубины, орлія крыла, еленья проворность, львиная дерзость, горлична вѣрность, пеларгова благодарность, агнцовъ незлобіе, быстрота соколья, журавляя бодрость. Тѣло его адамантъ, смарагдъ, сапфиръ, іасписъ, ѳарсисъ, кристаллъ и анѳраксъ. Надъ головою его летаетъ седмица Божіихъ птицъ: духъ вкуса, духъ вѣры, духъ надежды, духъ милосердія, духъ совѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердечія[1]). Гласъ его—гласъ грома, нечаянный какъ молнія и какъ шумящій бурный духъ". Богъ послалъ Его на землю людямъ, но мы раздѣлили только между собою его ризы. А онъ и въ насъ, въ нашей плоти, будто свѣтозарная искра въ кремнѣ, утаился и явится на послѣдокъ въ свое время, какъ источникъ въ безводной пустынѣ. „Когда въ Божіихъ книгахъ читаешь—пьянство, наложничество, амуры и подобное, не мѣшкай на сихъ улицахъ; вѣдь Библія не къ симъ улицамъ, а только черезъ нихъ ведетъ въ горнія страны..' Духъ вся испытуетъ и глубины Божія. Духъ чистый написалъ Библію; по-

[1]) Оказывается, что нѣкоторыя изъ своихъ выдержекъ Хиждеу взялъ отсюда, между тѣмъ какъ ссылается на соч. „Ольга православная"; ср. Тел., ч. XXVI, стр. 155—156.

Библиотека "Руниверс"

этому понимать ее нужно духовно. Частицы разбитаго зерцала едино все лицо изображаютъ. А разнообразная премудрость Божія въ различныхъ, стовидныхъ, тысящеличныхъ ризахъ, въ царскихъ и сельскихъ, въ древнихъ и нынѣшнихъ, въ богатыхъ и нищихъ и самыхъ подлыхъ (бѣдныхъ) и смѣшныхъ одеждахъ, аки крынъ въ терніи, сама собою все украшая, является едина и тажде". Мудрый мало ѣстъ, но со вкусомъ; и истинную мудрость Сковорода отличаетъ отъ той учености (богословской), которая сосредоточила свое вниманіе на тлѣни; нужно быть книжникомъ, научившимся Царствію Божію. „На что намъ родословія историчная? На что мѣстоположенія тлѣннаго рая? Кую душѣ нашей пользу принесетъ форма и мѣра Ковчеговская? Къ чему исцѣленіе плотское? Къ чему воскресеніе тлѣнное, паки въ тлѣнь обращающееся?... Сіи то спорятъ о происхожденіи Духа, о сакраментахъ, о вѣрѣ, о церемоніяхъ, о ангелахъ, о мукахъ, о блаженствахъ и пр.

„Потопъ зміинъ" начинается прекрасной басней о слѣпомъ и зрячемъ (1-я глава). Оба они вошли въ Соломоновъ храмъ и въ то время, когда зрячій наслаждался открывшимся передъ нимъ зрѣлищемъ, слѣпой сказалъ: я не вижу ничего хорошаго въ этомъ храмѣ. „О бѣдный! Вскричалъ зрячій, пойди домой и вырой зѣницы твои, погребенныя въ твоемъ мѣху, и принеси ихъ сюда. Тогда обновится для тебя сей храмъ и почувствуешь услаждающее тебя блаженство". Затѣмъ во 2-й главѣ идетъ бесѣда между душою и нетлѣннымъ духомъ. Храмъ это міръ нашъ, но онъ состоитъ изъ трехъ міровъ—великаго или обитательнаго, состоящаго въ свою очередь изъ безчисленнаго множества другихъ міровъ, и двухъ частныхъ или малыхъ: микрокосма или человѣка и символичнаго міра или Библіи; называется же она символическимъ міромъ потому, что въ ней собраны фигуры небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ тварей, дабы онѣ были монументами, ведущими мысль нашу въ понятіе вѣчной натуры, скрытой въ тлѣнной такъ, какъ рисунокъ въ краскахъ своихъ. Вырыть погребенныя въ мѣху зѣницы значитъ прежде всего узнать самого себя, прозрѣть въ тѣлѣ своемъ таящуюся въ немъ вѣчность и вырыть ее, какъ будто искру въ пеплѣ. Эта искра откроетъ заключающееся въ нихъ начало вѣчности. Богъ и вѣчность есть одно и тоже. Вѣчность есть твердь, вездѣ, всегда во всемъ твердо стоящая и всю тлѣнь какъ одежду носящая, всякаго раздѣленія и осязанія чуждая. Она то и есть истина и нетлѣніе. Свѣтъ премудрости тогда входитъ въ душу, когда человѣкъ два естества познаетъ—тлѣнное и вѣчное. Затѣмъ слѣдуютъ два примѣра о рисункѣ и циркулѣ и пріуроченіе ихъ къ человѣку. Люди, желающіе видѣть одно тлѣнное, это—безбожники; какъ только они присудили жизни тлѣніе, сейчасъ же отняли жизнь и силу отъ Бога, и какъ только отняли ее отъ Бога, сейчасъ же присудили тлѣнію. И не даромъ Платонъ называетъ ихъ подлостью, во мрачномъ рвѣ

Библиотека "Руниверс"

сидящею и ничего за сущую истину не почитающею, за исключеніемъ того, что ощупать и въ кулакъ схватить можно. Всѣ три міра состоятъ изъ двухъ естествъ, образующихъ единое—матеріи и формы. Эти формы у Платона называются идеями, т. е. видами, образами. Они суть первородные міры нерукотворенные, тайныя веревки, поддерживающія преходящую сѣнь или матерію. Въ великомъ и въ малыхъ мірахъ вещественный видъ даетъ знать объ утаенныхъ подъ нихъ формахъ или вѣчныхъ образахъ. Такъ и въ символическомъ мірѣ (т. е. Библіи) собраніе тварей составляетъ матерію. Но Божье естество, куда знаменіемъ своимъ ведетъ тварь, есть форма, ибо и въ этомъ мірѣ есть матерія и форма, т. е. плоть и духъ, стѣнь и истина, смерть и жизнь. Напримѣръ, солнечная фигура есть матерія или стѣнь; но такъ какъ она означаетъ „положившаго въ солнцѣ селеніе свое“, то вторая мысль есть форма и духъ, будто въ солнцѣ второе солнце. Солнце—это главная библейская фигура. Солнце есть храмъ и чертогъ вѣчнаго, а въ горницахъ тутъ же стулья, гдѣ Онъ субботствуетъ. Оно же—колесница, домъ ходящій. Вѣдь солнце есть огненный шаръ и никогда не стоитъ, а шаръ состоитъ изъ многихъ циркулей, будтобы изъ колесъ. И такъ, солнце есть не только чертогъ и вѣчно бродящая Авраамская Скинія, но и колесница, служащая нетлѣнному нашему Иліи, могущая возить вѣчное наше солнышко. Эти солнечныя субботы, т. е, чертоги и покой Вѣчнаго, называются также седмицею ковровъ или юницъ и седмицею пшеничныхъ колосьевъ, а у Захарія седмицею очей. Эти слѣпыя и гадательныя очи сидящій на херувимахъ открываетъ тогда, когда изъ внутри ихъ вѣчныя зѣницы, какъ изъ солнцевъ солнушки, начинаютъ блистать нетлѣннымъ Воскресенія свѣтомъ. Солнце есть первоначальная и главная фигура. но она имѣетъ безчисленное множество копій или второстепенныхъ фигуръ, только замѣняющихъ ее, напримѣръ, темница и Іосифъ, коробочка и Моисей, Адамъ и Ева, ровъ и Даніилъ, плоть и Христосъ, китъ и Іона, ясли и младенецъ, гробъ и воскресшій и т. п. Въ 3-й главѣ испытывается Божья сила нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи. Здѣсь объясняется и заглавіе сочиненія. Змій есть фигура вѣчности; онъ свивается въ кольцо и когда возьметъ въ ротъ свой хвостъ, то нельзя найти въ немъ ни начала, ни конца; кромѣ того онъ имѣетъ очень острый взоръ, что видно даже изъ его имени (отъ греческаго слова δέρκω [1]) смотрю, отсюда δράκων—прозорливый). Библія есть и Богъ, и змій. ибо въ одно и то же время она и духъ и плоть, мудрость и буйство, ковчегъ и потопъ. Затѣмъ, исходя изъ этого своего основнаго положенія о двойственномъ характерѣ библейскихъ извѣстій, Сковорода представляетъ цѣлый рядъ

[1]) Т. е. собственно δέρκομαι.

Библиотека "Руниверс"

примѣровъ *„потопа змінна“*, т. е. невѣроятныхъ и невозможныхъ съ его точки зрѣнія событій, если ихъ понимать буквально; это очень рѣзкія мѣста, напоминающія по своему характеру критику отрицательной философіи XVIII вѣка, но съ тѣмъ глубокимъ отличіемъ отъ нея, что отрицаніе французскихъ скептиковъ имѣло въ виду только отрицаніе, между тѣмъ какъ отрицаніе Сковороды приводило къ созиданію и одухотворенію; въ его глазахъ Библія—это болѣе чѣмъ священная книга, это основная, *единственная* книга познанія, это самъ Богъ, заговорившій образнымъ языкомъ къ людямъ. Примѣры Сковороды относятся къ сотворенію міра. Исходя изъ пантеистическаго міровоззрѣнія, онъ недопускаетъ необходимости творенія. „Поколь яблонь, потоль съ нею тѣнь ея. Тѣнь значитъ мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но древо вѣчности всегда зеленѣетъ. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть то тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго древа и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: *materia aeterna*, вещество вѣчно есть, т. е. всѣ мѣста и времена наполнила“. Сковорода вспоминаетъ, что въ исходѣ X вѣка ожидали конца міра—и это „ввергло Христову философію у язычниковъ въ крайнее презрѣніе и поруганіе“. Тутъ же останавливается онъ на разборѣ другихъ частностей библейскаго повѣствованія о міротвореніи и вообще на чудесномъ элементѣ въ Библіи и также отрицаетъ ихъ; въ концѣ онъ напоминаетъ о тѣхъ людяхъ, которые, ложно понявъ Библію, „выбодли себѣ соблазняющія очи и добровольно оскопили себя для Царствія Небеснаго или вдругъ въ огромномъ количествѣ сожгли себя (намекъ на нашихъ фанатиковъ—раскольниковъ); такія сей „Зміинъ Потопъ“ произвелъ ереси, суевѣрія, многовѣрія и разновѣрія. Въ 4-й главѣ продолжается судъ надъ зміемъ, который стирается философскимъ или правильнѣе израильскимъ камнемъ. Но тутъ же авторъ заявляетъ, что судъ этотъ не долженъ быть „наглымъ“, т. е. поспѣшнымъ. „Рыдаетъ мати, родившая дерзкаго сына“; „опасно суди судъ Божій“; Библія—это сфинксъ; и далѣе, въ видѣ примѣра, Сковорода останавливается на вопросѣ о троичности Божества. По нашему человѣческому понятію, трое въ одномъ и одинъ въ троихъ быть не можетъ. Но въ Божествѣ это возможно. „Вижу говоритъ Сковорода, едино, а тое есть трое; вижу трое, а то едино, такъ какъ въ Пиѳагоровомъ триугольникѣ, начертанномъ въ кругѣ, 3, 2 и 1 и тоже. Но и двое есть едино въ Библіи—духъ и плоть, Богъ и змій. За тѣмъ далѣе нетлѣнный духъ даетъ разъясненія еще нѣкоторымъ фигурамъ, при чемъ приводятся даже и филологическія толкованія названій (напримѣръ, слова столпъ), но вездѣ совѣтуется

Библиотека “Руниверс”

при объясненіяхъ словъ вникать въ ихъ глубокій смыслъ „мудрствовать о Богѣ"; „не вельми будь любопытна говорить духъ душѣ, во ветошахъ и вретищахъ. Терминъ или гласъ есть вретище. Путь израильскій не къ нимъ, а черезъ нихъ ведетъ". Въ 5-й гл. продолжается рѣчь о злобѣ зміиной: душа скорбитъ о потопѣ зміиномъ, но Духъ указываетъ ей на 2 птицы, несущія ей радостную вѣсть спасенія, освобожденія отъ потопа, одна знаменуетъ собою Преображеніе Господне, другая—Воскресеніе Его; но, прибавляетъ Духъ, не прикасайся къ нимъ, а только пріими отъ нихъ плоды: тогда онѣ вѣчно останутся съ тобою. Слѣдующая 6-я глава толкуетъ иносказательно Преображеніе Христово, а послѣдняя 7-я—Воскресеніе. При внимательномъ чтеніи ихъ оказалось, что одна есть почти буквальное воспроизведеніе 1-й проповѣди Сковороды, служащей введеніемъ въ курсъ христіанскаго добронравія, а другая—второй [1]).

Два трактата Сковороды *(Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ и Алфавитъ мира)* посвящены одному и тому же вопросу практической философіи—*въ чемъ заключается счастіе человѣка.*

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія перваго трактата, слѣдуетъ замѣтить, что онъ сохранился въ двухъ редакціяхъ [2]), которыя сильно разнятся другъ отъ друга; можно даже сказать, что это въ сущности два различныя сочиненія; настолько они различны по характеру своему и изложенію. Первая редакція (носящая даже особое заглавіе—Кольцо) гораздо обширнѣе второй, отличается растянутостью и догматической формой изложенія; вторая—краткостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и богатствомъ содержанія, живостью изложенія и преобладаніемъ діалогической формы. Основная мысль автора гораздо яснѣе во 2-й редакціи и потому мы остановимся на ней. Бесѣда начинается съ неправильныхъ опредѣленій счастія, которыя даютъ нѣкоторые изъ собесѣдниковъ; одинъ, напримѣръ, въ одно и тоже время хочетъ быть и высокочиновнымъ, и богатымъ, и разумнымъ, и ученымъ, и благороднымъ, и имѣть домъ, какъ въ Венеціи, и садъ, какъ во Флоренціи, и т. д.; ему отвѣчаетъ на это Григорій, что онъ со своими затѣями похожъ на вербу, которая въ одно и тоже время желаетъ быть и дубомъ, и кленомъ, и липою, и березою, и розою, и маслиною. Отсюда неудовлетворенность; найти же *истинное* счастіе могутъ только въ союзѣ другъ съ другомъ мудрость и добродѣтель; первая скажетъ, въ чемъ оно состоитъ, а вторая поможетъ достичь его. Этотъ союзъ мудрости и добродѣтели очень картинно иллюстри-

---

[1]) См. настоящее изданіе, 2-е отд., стр. 175—182.

[2]) 1-я болѣе обширная напечатана Московскимъ человѣколюбивымъ обществомъ, а 2-я издается нами.

Библиотека "Руниверс"

руется баснею о слѣпомъ и безногомъ братѣ, которые сами по себѣ не могли двигаться и найти жилище своего отца Уранія. Но слѣпой посадилъ себѣ на спину безногаго брата и изъ двухъ людей составился одинъ человѣкъ. „Идетъ небывалый путникъ главнѣйшимъ путемъ, ни въ право, ни въ лѣво не уклоняясь, проходитъ стропотныя горы съ веселіемъ, поднимается на высоту мирнаго города, обливаетъ его свѣтлый и благовонный воздухъ, выходитъ безмятежная толпа миромъ и любовью дышущихъ жителей, плещущи руками, ожидаетъ на крыльцѣ и пріемлетъ въ нѣдро блаженнаго объятія самъ ветхій деньми отецъ Ураній". Затѣмъ бесѣдующіе отвлекаются нѣсколько въ сторону, пустившись въ объясненіе слово Богъ, но потомъ снова возвращаются къ рѣшенію вопроса о счастіи. Исходнымъ пунктомъ въ рѣшеніи этого вопроса ставится положеніе, что счастіе должно быть нѣчто такое, что доступно каждому, между тѣмъ богатство, знатность, даже здоровье доступны не всѣмъ; слѣдовательно, его нельзя привязывать ни къ чему временному, непостоянному, не всеобщему. Тутъ при этомъ удобномъ случаѣ разсказывается превосходная басенька о томъ, какъ старикъ со старухой добывали себѣ свѣтъ далеко за своимъ жилищемъ. Такъ и мы ищемъ себѣ счастія по сторонамъ, а оно внутри насъ, всегда съ нами. „Мы измѣрили море, землю, воздухъ, небеса, доискались въ лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, нашли неисчетное множество закомплетныхъ міровъ, строимъ непонятныя машины, засыпаемъ бездны... Боже мой! Чего мы не можемъ! Но то горе, что при всемъ томъ, кажется, чегось великаго не достаетъ. Нѣтъ того, чего и сказать не умѣемъ: одно только знаемъ, что не достаетъ чегось, а что оно такое, не понимаемъ". „Я наукъ не хулю, говоритъ Сковорода, и самое послѣднее ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что, на ихъ надѣясь, пренебрегаемъ верховнѣйшую науку—о своемъ счастіи, совершенно слѣпы въ экономіи собственнаго нашего внутренняго міра", не желаемъ узнать себя и найти внутрь себя Царствіе Божіе. Далеко мы ушли тутъ отъ древнихъ христіанъ; никто не хочетъ у насъ отрѣшиться отъ дѣлъ житейскихъ и вникнуть въ себя, чтобы обрѣсти такимъ образомъ душевный миръ, сердечное веселіе. Объ этомъ душевномъ мирѣ говорятъ апостолы и отцы церкви; онъ есть Христосъ Богъ Нашъ. Но на эту гору можно восходить только постепенно, шествуя путемъ мира душевнаго, т. е. стремясь къ тому, чтобы быть всѣмъ довольнымъ. А чтобы достичь этого, нужно слить свою волю съ волей Божіей, сдѣлать Его волю своей собственной. Что тогда потревожитъ сердце? Все дѣлается по волѣ Божіей—но я съ нею согласенъ—и она уже моя воля. Что же можетъ тревожить? То, что не возможно, то и не полезно, а, что нужно, то не трудно. Итакъ, счастіе есть нашъ душевный миръ, живущій въ согласіи съ Божьимъ. Чѣмъ

Библиотека "Руниверс"

больше согласія съ Богомъ, тѣмъ больше душевнаго мира, тѣмъ больше счастія. Но для, того чтобы взойти на самый верхъ, нужно совершенно очиститься отъ ходячихъ воззрѣній на счастіе и это очищеніе можетъ дать только святѣйшая Библія. Какая будетъ жизнь и душевный міръ, если нѣтъ Бога? А Богъ въ мысляхъ невещественныхъ и чистомъ сердцѣ! Трудно съ застарѣлыми мнѣніями бороться, да нужно для истиннаго счастія. Будемъ заботиться о всемъ необходимомъ для нашей матеріальной жизни, но первѣйшимъ попеченіемъ нашимъ пусть будетъ забота о душевномъ мирѣ. Что пользы въ томъ, что пріобрѣтемъ цѣлый міръ, если потеряемъ душу? Между тѣмъ въ жизни именно такъ и бываетъ: одинъ скорбитъ о томъ, что не родился въ знатной семьѣ или съ красивымъ лицомъ, другой, что хотя онъ добродѣтеленъ, но его ненавидятъ, третій, что онъ можетъ теперь ѣсть обѣдъ только изъ 6 блюдъ и т. п. А между тѣмъ первые христіане поступали совсѣмъ не такъ (вспомнимъ, напримѣръ, апостола Павла). Въ концѣ трактата авторъ приводитъ цѣлый рядъ библейскихъ текстовъ и говоритъ о своей любви къ этой священной книгѣ, но обѣщаетъ въ слѣдующемъ трактатѣ повести разговоръ „не библейскими укрухами, а другимъ образомъ“. Второй трактатъ сопровождается посвятительнымъ письмомъ В. С. Тевяшову, гдѣ говорится о задачахъ труда („узнавъ безначальное начало, изъ нетрудныхъ начатковъ, оно будто изъ алфавита, побуждаетъ послѣдовать Богу въ связи съ внутреннимъ самопознаніемъ“). 2-й трактатъ, такимъ образомъ, служитъ дальнѣйшимъ развитіемъ перваго: въ немъ разъясняется смыслъ той фразы, которая употреблена была въ первомъ: *что значитъ отдаться въ волю Божію? Это значитъ жить по натурѣ;* но нужно слѣдовать не слѣпой натурѣ, а внутреннему своему блаженному Духу. Человѣкъ же идетъ противъ этого Духа, когда 1) входитъ въ несродную стать, 2) несетъ должность, противную его природѣ, 3) обучается, къ чему не рожденъ 4) дружитъ съ тѣми, къ коимъ не рожденъ. Полезный трудъ можетъ быть только тогда, когда есть охота къ извѣстному занятію, а охоту даетъ природа; она есть мать охоты; она сильнѣе неволи; она дѣлаетъ трудъ пріятнымъ; но она же есть Духъ Святой, который живетъ въ человѣкѣ и къ голосу котораго этотъ послѣдній прислушивается, будучи предопредѣленъ Всевышнимъ къ тому, а не иному занятію; это и значитъ—*Царствіе Божіе внутрь васъ есть*; нужно слушаться его, а не собственныхъ стремленій, которыя могутъ повести на ложный путь. Счастіе можетъ быть во всякомъ состояніи и должности, если только найти то, къ чему влечетъ природа; а безъ нея не осчастливятъ ни богатства, ни знатные чины... Съ Богомъ же всякій трудъ сладокъ, какъ это видно даже изъ примѣровъ животнаго міра (пчелъ и т. п.). Не нужно во что бы то ни

Библиотека "Руниверс"

стало стремиться къ высшему званію или занятію, а къ природному, ибо безъ сродности все ничто. За тѣмъ слѣдуетъ нѣсколько данныхъ или „окруховъ и крупицъ изъ языческой богословіи“: говорится, что у грековъ и римлянъ также существовала вѣра въ натуру или сродность; но скоро этотъ родникъ мудрости засорился; и Аѳинянинъ временъ апостола Павла уже имѣлъ въ своемъ сердцѣ одно тлѣнное. „Зѣвали они на мірскую машину, но одну только глинку на ней видѣли. Глинку мѣряли, глинку считали, глинку существомъ называли такъ, какъ неискусный зритель взираетъ на картину, погрузивъ свой тѣлесный взоръ въ одну красочную грязцу, но не свой умъ въ невещественный образъ носящаго краски рисунка, или какъ неграмотный, вперившій тлѣнное око въ бумагу и въ чернило буквъ, но не разумъ въ разумѣніе сокровенныя подъ буквами силы. У нихъ тое одно было истиною, что ощупать можно. Каждое мнѣнійцо—то ихъ божокъ, а каждый божокъ—то ихъ утѣшеньицо... Одно точію осязаемое у нихъ было натурою или физикою, физика—философіею, а все неосязаемое пустою фантазіею, безъмѣстными враками, чепухою, вздоромъ, суевѣріемъ и ничтожностью. Кратко сказать, все имѣли, все умѣли и все разумѣли; кромѣ мира душевнаго“. И чувствуя, что имъ чего то главнаго недостаетъ, они устроили храмъ *невѣдомому Богу*. За это ухватился въ своей проповѣди ап. Павелъ и сталъ разгребать ихъ физическій пепелъ и находить въ немъ божественную искру. Далѣе разсказывается басня о котахъ, изъ которой видно, что въ мірѣ животныхъ также царитъ сродность. Потомъ идетъ картинное „изображеніе душевной тоски, грусти, скуки, происходящихъ отъ несродныхъ занятій: тогда душа ничѣмъ недовольна; гнусными кажутся сосѣди, постылыми забавы и разговоры, не милыми всѣ домашніе; лѣтомъ зиму, а зимою хвалитъ лѣто; хотѣлось бы ей возвратиться изъ старости въ юность; хулитъ свой народъ и свои обычаи, ропщетъ на Бога и сама на себя гнѣвается; жить не можетъ и умереть не хочетъ“. Сродность же или природа—это Божескій законъ внутри человѣка. Никого Богъ не обижаетъ, вливая въ каждаго его сродность: одинъ къ одному, другой—къ другому, сотый — къ сотому занятію устремляется и хотя бы оно было низкое, но если ему сродное, то этимъ самимъ и дѣлаетъ его счастливымъ; то, что ядъ, смерть для одной твари, жизнь и здравіе для другой. Отсюда естественный переходъ въ разговорѣ къ примѣтамъ нѣкоторыхъ сродностей. Авторъ приводитъ примѣры, что уже въ дѣтствѣ обнаруживаются природныя наклонности ребенка, и за тѣмъ останавливается спеціально на склонности къ земледѣлію, воинскому званію и богословію; всѣ званія почтенны, но требуютъ природнаго влеченія; наука только развиваетъ, но не созидаетъ способностей; что слаже природному воину, спрашиваетъ Ермолай, какъ

Библиотека "Руниверс"

воинское дѣло? Оберегать земледѣльцовъ и купцовъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, закалать обиду, защищать страждущую и безоружную невинность, стоять за правду, которая является основаніемъ общественнаго строя—что можетъ быть пріятнѣе этого? Еще болѣе требуетъ отъ человѣка истинное богословіе. Сковорода рисуетъ намъ здѣсь идеальнаго служителя Божія, который будетъ счастливъ, если правильно понялъ свое призваніе, а если нѣтъ, то въ лучшемъ случаѣ превратится въ трутня. Въ примѣръ Сковорода приводитъ прежде всего самого Христа, за тѣмъ Моисея, Іоанна Крестителя, пророковъ, апостоловъ. Въ заключеніе дается объясненіе нѣсколькихъ символовъ изъ языческаго богословія, символовъ, заключенныхъ въ картинахъ, находившихся въ горницѣ одного изъ собесѣдниковъ—Григорія.

Особое мѣсто занимаютъ два сочиненія Сковороды—„*Борьба Архистратига Михаила съ сатаною*“ и „*Пря бѣсу съ Варсавой*“; они стоятъ на рубежѣ научныхъ и литературныхъ его трудовъ; къ первымъ они примыкаютъ по своему содержанію или точнѣе по своей основной мысли, которая доказывалась уже и въ одномъ изъ его трактатовъ („легко быть благимъ“), а со вторыми сближаются отчасти по формѣ (въ нихъ не мало стихотворныхъ отрывковъ), а еще болѣе по сильному чувству, приподнятому настроенію автора и религіозному его экстазу, близко подходящему къ поэтическому. Самъ Сковорода называетъ „Борьбу“ видѣніемъ. „Сіе видѣніе, говоритъ онъ, азъ, старецъ Даніилъ Варсава, воистину видѣхъ. Написахъ же сіе просвѣщеніе невѣждамъ блаженнымъ онымъ: *даждь премудрому вину... и во славу людей святыхъ Израиля*“. Въ посвятительномъ письмѣ къ М. И. Ковалинскому онъ еще поясняетъ, что его „книжечка изводитъ на поднебесное зрѣлище два сердца—ангельское и сатанинское,—борющіяся другъ съ другомъ. Эти два царства въ каждомъ человѣкѣ ведутъ вѣчную борьбу. Когда же чистое сердце одолѣло злобную бездну, тогда сокрушаются и врата адовы и открывается путь на гору Господню“. Такимъ образомъ, все нужно понимать въ этомъ произведеніи иносказательно, аллегорически; здѣсь съ полною силою проявилась любовь Сковороды къ аллегоріямъ. Сатана заявляетъ Михаилу, что горнія обители стоятъ пустыя въ противоположность ихъ преисподнимъ, потому что „претрудно быть жителемъ небеснымъ“. Михаилъ возмущается этимъ и говоритъ, что это хула на Господа и что этимъ именно уловляется міръ; въ гнѣвѣ онъ поражаетъ копьемъ сатану въ самое сердце его и низвергаетъ съ горнихъ высотъ. Къ нему прилетаютъ другіе ангелы и между ними начинается бесѣда о клеветѣ діавольской и о козняхъ, отводящихъ отъ истиннаго утѣшенія. Злые духи, по словамъ Михаила, это злыя, т. е. плотскія мысли человѣка. Сатана—

Библиотека “Руниверс”

это своего рода львиная ограда (смыслъ которой объясняется тутъ же притчей о львѣ, уловлявшемъ въ воротахъ такой ограды звѣрей). Ангелы слушали это и взирали на разстилавшійся подъ ихъ ногами міръ сей, какъ будто Вавилонъ или Содомъ. Но тутъ Гавріилъ указалъ имъ на путь спасительный, которымъ шествовалъ въ числѣ другихъ путниковъ и странникъ Даніилъ Варъ-Сава (т. е. самъ Сковорода)... „Сей странникъ бродитъ ногами по землѣ; сердце же его съ нами обращается на небесѣхъ и наслаждается и онъ единъ намъ есть милѣйшій позоръ (т. е. зрѣлище) паче всѣхъ Содомлянъ“. Онъ пошелъ по тому пути, по которому шествовалъ Товія, пророки, Авраамъ, Моисей, Давидъ; это тотъ мирный путь, которымъ шелъ Христосъ въ пустыню и его апостолы; онъ радостенъ, но пустъ, потому что открытъ только избраннымъ. Другой путь лѣвый называется *вентеръ*, что значитъ рыболовная сѣть; онъ засоренъ толпами людей; между прочимъ по немъ шествовалъ обремененный мѣшками сребролюбецъ; онъ еле движется, какъ будто навьюченный верблюдъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поетъ пѣснь въ похвалу богатства (которая тутъ-же и приводится). За нимъ шла толпа сластолюбцевъ и честолюбцевъ: первыхъ обличаетъ трусъ колесницъ, шумъ бичей, конскій топотъ и свистъ, вторыхъ—пищаніе и звуки музыкальныхъ инструментовъ, восклицаніе и козлогласованіе торжествующихъ, поваренные запахи, гарь и куреніе. Далѣе между правымъ и лѣвымъ путемъ шло 5 лицемѣровъ, противъ которыхъ авторъ выступаетъ съ особенно сильнымъ обличеніемъ и приводитъ между прочимъ ихъ безбожную пѣсню, гдѣ они просятъ у Бога за свое наружное благочестіе богатствъ. „Злоба у нихъ, говоритъ Варахіилъ, въ одежду преподобія одѣта, есть то сатана, преобразивыйся въ ангела свѣтла. Нѣтъ сего злѣе во всемъ адѣ—опустошеніе царствамъ, церкви поколебаніе, избранныхъ Божіихъ прельщеніе. Отвратимъ очи наши отъ богомерзкихъ сихъ ропотниковъ, прошаковъ, льстецовъ и лицемѣровъ. Не слышите ли, что шумъ, трескъ, ревъ, вопль, вой, свистъ, дымъ, жупель и смрадъ содомскій восходитъ отъ сего пути“.

Воспѣвши пѣснь, ангелы спросили, что такое діаволъ и его козни, и получили разъясненіе, что діаволъ есть клеветникъ, направляющій человѣка вмѣсто добраго на злой путь. Христосъ говоритъ, что нужное есть царствіе Божіе, а діаволъ прибавляетъ—трудное. Но на самомъ дѣлѣ никогда трудность не бываетъ тамъ, гдѣ нужность: „нужно солнце; а трудно ли? Нуженъ огонь; а труденъ ли? нуженъ воздухъ, а труденъ ли? Нужна земля и вода; а кто безъ нея“? А гдѣ же трудность? Въ адѣ, но онъ не нуженъ, ибо тогда онъ мгновенно преобразился бы въ рай. Въ адѣ дѣлается все трудное (т. е. плотское). Но стоитъ человѣку жизнь свою сдѣлать независимою отъ

Библиотека "Руниверс"

суетныхъ заботъ, и онъ этимъ побѣждаетъ діавола и вселяется въ горняя. Адское царство основано на томъ, что мы не сознаемъ, какъ нужно и не трудно намъ царствіе Божіе: Богъ есть веселіе и радость, миръ и упокоеніе въ сердцѣ человѣка. Вскорѣ лице земли покрылъ мракъ вечерній; ночныя птицы возвѣщали хулу на славу Всевышняго; но явилось и многочисленное воинство ангеловъ, стало возносить молитвы и провозгласило: *„да будетъ новый свѣтъ!* и бысть новый свѣтъ". Появилось тотчасъ радостное утро; засіяло солнышко, освѣтило небеса и обновило лице земли... А какъ только зашелъ ветхій міръ и возсіяло новое время, всѣ ночныя птицы исчезли и ангелы запѣли побѣдныя пѣсни.

„Пря бѣсу съ Варсавой" (т. е. самимъ Сковородой) заключаетъ въ себѣ діалектическое состязаніе между ними по вопросу о томъ, *трудно ли нужное;* бѣсъ доказываетъ, что bonitas gravissima, malitia levissima, а Варсава наоборотъ, что благость легка и сладка; оба противника стараются поймать другъ друга на противорѣчіяхъ и разныхъ діалектическихъ тонкостяхъ. Между прочимъ бѣсъ напоминаетъ Варсавѣ заключеніе одной изъ его басень (Змѣя и Бюффонъ), которое находится въ противорѣчіи съ его нынѣшнимъ утвержденіемъ; тамъ говорилось, „чѣмъ больше добро, тѣмъ большимъ то трудомъ ограждено, какъ рвомъ". Варсава покаялся въ тогдашнемъ своемъ согрѣшеніи. За тѣмъ бѣсъ говоритъ Варсавѣ, что его новый догматъ воздвигаетъ брань на всѣ академіи, школы и книги. Варсава отвѣчаетъ на это, что онъ далъ клятву слушаться только евангельской и библейской премудрости. Бѣсъ приводитъ изъ Библіи цѣлый рядъ текстовъ, доказывающихъ, по его мнѣнію, вѣрность мысли, что путь царствія Божія труденъ. Варсава опровергаетъ его и доказываетъ, что онъ тѣсенъ для нечестивыхъ, несущихъ на раменахъ своихъ неудоносимое иго, т. е. трудности; они не видятъ, что онъ легокъ и, подобно хромымъ и слѣпымъ, спотыкаются и на гладкой дорогѣ. И виною сего они сами, ибо Богъ далъ человѣку свободную волю для выбора того или другого пути; но міръ самъ (т. е. большинство въ немъ) возлюбилъ трудность, а возненавидѣлъ Божію легкость, вотъ почему такъ мало идетъ къ этой послѣдней; но стоитъ только свою волю покорить Божіей,—и тогда всѣ трудности исчезнутъ. Это и есть край райскій—Отецъ, Сынъ и Святой Духъ.

Серія литературныхъ произведеній Г. С. Сковороды открывается его *„Харьковскими баснями"*. Любопытенъ его взглядъ на басню; это, по его словамъ, „благопристойные игрушки", но мудрая игрушка заключаетъ въ себѣ силу; нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ и нѣтъ пріятнѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностью: красна хата не углами, а пирогами; „я люблю, говоритъ

Библиотека "Руниверс"

Сковорода, то, что сверху ничто, а въ серединѣ чтось"; басня тогда бываетъ скверная и бабья, когда въ смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ въ себѣ зерна истины: тогда она похожа на орѣхъ свищъ. Басню любили и древніе любомудрцы; „лавръ и зимою зеленъ: мудрые и въ игрушкахъ умны; отсюда эмблемы, символы, таинства, басни, пословицы, подобія, притчи". Противъ истинной басни не возстаетъ и Библія; да и сама она Богомъ создана „изъ тайно образующихъ фигуръ, притчей и подобій. Вся она вылѣплена изъ глинки и называется у Павла буйствомъ, но въ сію глинку водхненъ духъ жизни, а въ семъ буйствѣ кроется (то, что) мудрѣе всего смертнаго". Всѣ эти мысли выражены въ посвятительномъ письмѣ къ неизвѣстному, а за симъ слѣдуетъ 30 басенъ, при чемъ каждая состоитъ изъ фабулы и силы, т. е. ея внутренняго смысла. Обращаясь къ этому послѣднему, мы замѣчаемъ, что тутъ развиваются тѣ же положенія, что и въ ученыхъ трудахъ Сковороды, въ особенности въ его разговорахъ *о душевномъ мирѣ*"; вотъ нѣсколько примѣровъ: во 2-й баснѣ (Ворона и чижъ), въ 17 (Алмазъ и смарагдъ), въ 29-й (Старуха и горшечникъ) доказывается, что о человѣкѣ свидѣтельствуетъ не его внѣшность, а сердце и нравы; въ 3-й (Жаворонки)—что многіе безъ „природы" начинаютъ хорошія дѣла, но худо кончаютъ ихъ; въ 5-й (Чижъ и щигликъ)—что кто не любитъ хлопотъ, долженъ жить просто, въ 6-й (Колеса часовыя), что по разнымъ природнымъ склонностямъ и путь житія различный, но всѣ должны стремиться къ честности, миру и любви; въ 7-й (Орелъ и сорока)—что кто имѣетъ склонность къ вѣчности, тотъ любитъ жить въ поляхъ, а не городахъ; въ 9-й (Мурашка и свинья)—что богатство есть довольство малымъ; въ 10-й (Двѣ курицы) – что способности упражненіемъ расширяются, но сама по себѣ практика безъ сродности ничто; при томъ нужно не только знаніе (scientia), но и наука, т. е. упражненіе (doctrina); въ 12-й (Оселка и ножъ)—что нѣкоторые не хотятъ воинской службы и женитьбы, чтобы тѣмъ легче подвигать другихъ къ разумной честности, безъ которой всякое званіе не дѣйствительно; въ 13-й (Орелъ и черепаха), въ 18-й (Собака и кобыла), въ 21-й (Кукушка и дроздъ), въ 24-й (Кротъ и Линксъ), въ 26-й (Щука и ракъ), въ 27-й (Пчела и шершень), въ 28-й (Олениха и кабанъ), въ 30 (Соловей, жаворонокъ и дроздъ),—что природа, т. е. склонность даетъ душевный миръ; въ 16-й (Жабы) — что всякое изобиліе можетъ оскудѣть, а честное ремесло есть неоскудѣвающій родникъ истиннаго довольства; въ 19-й (Нетопырь и два птенца)—что міръ состоитъ изъ свѣта и тьмы, тлѣнія и вѣчности и одно нужно другому; въ 20-й (Верблюдъ и олень)—что Библія есть источникъ, изъ котораго можно пить и чистую и мутную воду, смотря по тому, какъ понимать ее; въ 22-й (Навозъ и алмазъ(

Библиотека "Руниверс"

—что свѣтскія книги безспорно преисполнены всяческой красы и пользы но онѣ не имѣютъ и десятой доли той цѣны, какую Библія, хотя она состоитъ изъ тѣхъ же рѣчей и даже болѣе грубыхъ и варварскихъ, потому что въ ней, какъ въ зеркалѣ отражается Божіе око (о Библіи говорится еще въ 25-й баснѣ); въ 23-й (Собаки и волкъ)—что истинную дружбу можетъ доставить только согласіе сердецъ и душъ. Не останавливаюсь здѣсь на оцѣнкѣ басенъ, ибо сдѣлаю это, равно какъ и оцѣнку всѣхъ его ученыхъ и литературныхъ трудовъ, въ другомъ мѣстѣ; теперь же только замѣчу, что онѣ не одинаковаго достоинства и рядомъ съ удачными попадаются весьма неудачныя; „харьковскими“ же онѣ названы вѣроятно просто въ честь г. Харькова, который Сковорода очень любилъ, а также потому что писалъ ихъ въ окрестностяхъ харьковскихъ (между прочимъ въ с. Бабаяхъ).

Къ баснямъ примыкаютъ двѣ притчи—„*Благодарный Еродій*“ и „*Убогій Жайворонокъ*“. Въ первой бесѣдуетъ обезьяна съ Еродіевымъ птенцомъ о воспитаніи. Въ посвятительномъ письмѣ къ С. Н. Дятлову объясняется слово Еродій такъ: это греческое слово и значитъ боголюбный; птица эта (аистъ) въ Священномъ Писаніи является символомъ благодарности, прозорливости и человѣколюбія; она кормитъ и носитъ родителей, въ особенности престарѣлыхъ, и гнѣздится на высокихъ мѣстахъ. Ты самъ отецъ, говоритъ Сковорода Дятлову, и воспитываешь своихъ дѣтей. И вотъ я сплелъ эту плетенку для тебя и для нихъ; въ ней заключается мысль, что среди насъ, или правильнѣе, внутри насъ въ нашемъ сердцѣ таится нѣчто дивное, чудное и преславное, которое проявится въ свое время; узнавъ же современемъ это свое домашнее благо, дѣти не станутъ безобразно гоняться за мирскими суетами. Давъ такое сердце своимъ птенцамъ, ты будешь для нихъ истиннымъ отцомъ, а они истинными, т. е. благодарными, благочестивыми и самодовольными еродіями. И дѣйствительно: здѣсь идетъ рѣчь о двухъ системахъ тогдашняго образованія; представителемъ одной является обезьяна, а другой Еродій. Сковорода тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, возстаетъ противъ господствующихъ модныхъ обычаевъ въ дѣлѣ воспитанія, но не во имя ничѣмъ не оправдываемаго старовѣрства, а во имя того, что было новымъ и для современныхъ прогрессистовъ (иностранныхъ учителей и гувернеровъ, заботившихся только о томъ, чтобы дать внѣшній лоскъ образованности), и для старыхъ схоластиковъ, которые также стояли въ дѣлѣ воспитанія за бездушную форму. Сковорода же, всегда выступавшій противъ всего внѣшняго формальнаго, проводитъ и здѣсь мысль о необходимости внутренняго образованія (сердца) и развитія природныхъ способностей. Обезьяна говоритъ, что слѣдуетъ дѣтей отдавать въ науку учителямъ, которыхъ теперь не мало; „нужно сотню рубликовъ съ

Библиотека "Руниверс"

хвостикомъ потерять въ годъ на мальчика, а черезъ 5 лѣтъ онъ тебѣ вдругъ и умница": будетъ обученъ шляхетскимъ языкамъ, музыкѣ, танцамъ. И у нея самой дѣти были воспитаны именно такимъ образомъ; „Мартушка моя, обращается она къ сыну Ерофія, поиграетъ тебѣ на лютнѣ; Вертушка запоетъ или потанчитъ. Онѣ чрезъ верхъ благородно воспитаны и въ модѣ у господъ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли, что онѣ пѣсеньки слагаютъ? И вѣришь ли, что онѣ въ модѣ при дворѣ у Марокскаго владѣльца? Тамъ сынокъ мой пажемъ. Недавно къ своей роднѣ прилетѣлъ оттуда здѣшній попугай и сказалъ, что государь жаловалъ золотую табакерку". Совсѣмъ иное воспитаніе давалъ своимъ дѣтямъ Ерофій. Онъ самъ училъ своихъ дѣтей; научилъ ихъ между прочимъ и нѣсколькимъ языкамъ, но только они не проводили разницы между шляхетскимъ и простымъ. Онъ полагаетъ, что родители имѣютъ 2 главнѣйшія обязанности къ дѣтямъ: *благо родить ихъ* и *благо научить*; нельзя тутъ отговариваться недостаткомъ времени, ибо что можетъ быть важнѣе этого? Благое рожденіе—это цѣломудренная жизнь родителей въ моментъ зачатія и послѣ него (оно объясняется въ особомъ стихотворномъ наставленіи). И вотъ такого, рожденнаго на добро, не трудно научить добру: „наука сама собою спѣетъ отъ природныхъ дарованій; природа—это единая и истинная наставница. Не мѣшай ей, а только очищай дорогу; не учи яблони родить яблоки—уже сама природа ее научила; огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень" и т. п. Учитель и врачъ—это только служителя природы, единственной наставницы и врача. Учиться нужно тому, къ чему влекутъ природныя способности. Въ природѣ Ерофіевой лежитъ *благодарность* и вотъ на этомъ то началѣ основывается и все ихъ воспитаніе. Всѣ бесѣды отца направлены были на развитіе этого чувства въ сынѣ. Благодарность ведетъ къ довольству собой и Богомъ, устраняетъ съ пути всякую трудность, даетъ радость и веселіе сердца; „хоть голъ—да веселъ"; а изъ неблагодарнаго, недовольнаго сердца развивается огонь мучительныхъ желаній; всякое зрѣлище ведетъ за собою скуку, пресыщеніе, самоуглубленіе же наоборотъ только увеличиваетъ наши радости. Сынъ, говоритъ Ерофій, не взирай на то, что тѣлишко твое есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетка и тканка простонародная, портище подлое, слабое и нечистое. Въ хижинкѣ той и подъ убогою тою одеждою найдешь тамъ царя твоего, отца твоего, домъ твой (т. е. сердце свое): тамъ ты откроешь начало Вѣчности. Итакъ, въ основѣ Ерофіеваго воспитанія лежатъ три обязанности: 1) благо родить, 2) сохранить птенцамъ здоровье, 3) научить благодарности. Когда же птенецъ Ерофіевъ снова посѣтилъ обезьяну, то нашелъ ея семью въ полномъ разрушеніи: сынъ ея охромѣлъ и былъ отставленъ отъ двора;

Библиотека "Руниверс"

старшія дочери начали безчинствовать, а мать съ горя умерла. Такъ всплыла правда, что сильнѣе всего страхъ Божій и благодарность.

Въ „*Убогомъ жайворонкѣ*“ рѣчь ведется о *спокойствіи;* бесѣдуютъ тетервакъ и убогій жаворонокъ; эпиграфомъ здѣсь являются тексты—*той избавитъ мя отъ сѣти ловчія; блаженни нищіе духомъ; обрящете покой душамъ вашимъ...* Тетервакъ, налетѣвъ на ловчую сѣть, началъ съ жадностью поѣдать зерно и развивать свою теорію о необходимости богатства въ жизни и хорошаго положенія въ обществѣ, хотя и безъ внутренней добродѣтели. Къ нему вскорости присоединилась цѣлая компанія и они устроили себѣ настоящій пиръ въ чужомъ добрѣ. Пролеталъ мимо жаворонокъ, получилъ приглашеніе раздѣлить съ ними ихъ трапезу, но отказался, а на обратномъ пути узналъ отъ дятла, что всѣ тетерваки за исключеніемъ 1-го и его племянника погибли, хотя и эти послѣдніе были сильно помяты и едва спаслись. Жаворонокъ вернулся къ своему отцу Алаудѣ, который посылалъ его звать гостей на устроенный имъ пиръ. Пиръ этотъ былъ очень скроменъ и благочестивъ; Алауда былъ наученъ всѣмъ мірскимъ наукамъ, но при этомъ сердце его было столицею здраваго ума. Въ присутствіи всего собранія онъ научалъ своего сына не быть равнодушнымъ къ бѣдѣ другого, но пользоваться чужими ошибками для собственнаго усовершенствованія. Читая опытную книгу міра сего, нужно возводить сердечное око свое въ самую главу всякаго дѣла, „исту“ его (сущность). Такъ и въ данномъ случаѣ—съ тетервакомъ: это дѣло родилось отъ сердца неблагодарнаго, недовольнаго своею долею, похищающаго чужое. Пища на пиру у Алауды была самая простая, растительная; пили крѣпкій медъ, хмельное пиво и напитокъ, называвшійся въ Малороссіи *головичникомъ,* а дѣти воду и квасъ. За трапезою не было пересудовъ ближнихъ, а говорили о дружбѣ, о спокойствіи душевномъ; братъ хозяина объяснялъ смыслъ выраженія—*блаженни нищіи духомъ*—и затѣмъ разсказалъ, какъ „древле Божія дѣва Истина первый разъ пришла къ нимъ на Украину“. Въ концѣ присутствующіе составили хоръ и спѣли „Пѣснь Рождеству Христову“, гдѣ прославлялась нищета Его.

Особое самостоятельное мѣсто среди литературныхъ произведеній Сковороды занимаютъ его стихотворенія. Большую часть ихъ (именно 30) самъ Сковорода назвалъ „*Садомъ божественныхъ пѣсней, прозябшимъ изъ зернъ Священнаго писанія*“. И дѣйствительно; всѣ они написаны на библейскіе тексты; одно, напримѣръ, говоритъ о томъ, что мы, ходя по землѣ, должны обращаться къ небесамъ, другое выражаетъ радость по поводу просвѣтлѣнія и очищенія отъ грѣха; два посвящены Рождеству Христову, другія два—Воскресенію, одно—Святому Духу, одно написано на текстъ Сираховъ: *блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ;* два посвящены

Библиотека “Руниверс”

преимуществу простой сельской жизни, близкой къ природѣ, одно содержитъ въ себѣ размышленіе „о житейскомъ морѣ, воздвизаемомъ зря", одно проповѣдуетъ смиреніе, три трактуютъ о внутреннемъ счастіи и суетѣ мірской и т. п. Нѣкоторыя представляютъ изъ себя похвальные оды лицамъ, которыхъ уважалъ и любилъ Сковорода (Гервасію Якубовичу, еп. Іоанну Козловичу, еп. Іосафу Миткевичу. Да и другія стихотворенія, не вошедшія въ составъ *„Сада божественныхъ пѣсней"* и заключающія въ себѣ басни, эпиграммы, изрѣченія, отличаются такимъ же содержаніемъ и характеромъ. Здѣсь, какъ и въ *„Харьковскихъ баснях"*, въ популярной формѣ изложены тѣже мысли, какія развивалъ Сковорода въ своихъ серьезныхъ научныхъ трудахъ; попадается среди нихъ не мало и такихъ стихотвореній, которыя написаны на латинскомъ языкѣ. Таковы оригинальныя произведенія Сковороды.

На содержаніи переводныхъ намъ останавливаться не приходится, такъ какъ тутъ мы имѣемъ уже дѣло не съ мыслями самого Сковороды. Но любопытно все таки отмѣтить, чьи и какія сочиненія онъ перевелъ, ибо въ этомъ дѣлѣ также проявилась его любовь къ извѣстнымъ опредѣленнымъ вопросамъ: случайныхъ темъ Сковорода никогда не бралъ, онъ касался только того, что его глубоко занимало. И вотъ оказывается, что онъ болѣше всего сдѣлалъ переводовъ изъ Плутарха, потомъ Цицерона; изъ этихъ авторовъ имъ были переведены сочиненія о старости, о смерти, о Божьемъ правосудіи, о храненіи отъ долговъ, о спокойствіи душевномъ, о вожделѣніи богатствъ; сверхъ того онъ перевелъ оду Гозія (Сидронія) объ уединеніи. Какая удивительная послѣдовательность даже въ выборѣ сюжетовъ для переводовъ! Мы не дѣлаемъ здѣсь оцѣнки сочиненій Сковороды—это вывело бы насъ далеко за предѣлы, намѣчаемые рамками нашей вступительной статьи—но мы дали *матеріалъ* для такой оцѣнки. Читатель теперь знаетъ, какіе вопросы интересовали Сковороду и какъ онъ ихъ рѣшалъ. Изъ этого матеріала не трудно себѣ уяснить и міросозерцаніе Сковороды, тѣмъ болѣе, что оно отличается необыкновенною цѣльностью и послѣдовательностью: Сковорода никогда не противорѣчитъ себѣ—признакъ сильнаго, глубокаго ума—и каждое его сочиненіе, какъ мы могли убѣдиться, находится во внутренней, логической связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Такое систематическое изложеніе содержанія всѣхъ трудовъ Сковороды мы должны были принять на себя, потому что его никто не сдѣлалъ раньше насъ; необходимо оно было также и потому, что и въ наше изданіе вошли далеко не всѣ сочиненія Сковороды. имѣющіяся въ настоящее время въ нашихъ рукахъ; нѣкоторыя изъ нихъ, и при томъ чрезвычайно важныя, по разнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ соображеніямъ и обстоятельствамъ, не могли войти въ настоящій томъ.

Библиотека "Руниверс"

Теперь мнѣ нужно показать, каковы были результаты предпринятыхъ мною розысковъ рукописей Г. С. Сковороды и какія изъ нихъ положены были въ основу настоящаго изданія. 14 октября 1893 г. я предложилъ Харьковскому Историко-Филологическому обществу, въ виду предстоящаго въ октябрѣ слѣдующаго 1894 г. столѣтія со дня смерти Г. С. Сковороды, собрать и издать его сочиненія; мотивировалось это предложеніе съ одной стороны крупнымъ значеніемъ Сковороды для исторіи мѣстнаго просвѣщенія (указано было между прочимъ и на то, что онъ подготовилъ почву для открытія въ Харьковѣ университета), а съ другой недостаточностью и неудовлетворительностью печатныхъ изданій, дающихъ только самое слабое и далеко не точное представленіе о литературной дѣятельности Сковороды и при томъ представляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость (достаточно замѣтить, что полнаго собранія печатныхъ работъ Сковороды нѣтъ ни въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, ни въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, а въ библіотекѣ Харьковскаго университета числится по каталогу одно только Петербургское изданіе—другихъ нѣтъ). Историко-Филологическое общество отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ этому предложенію и поручило мнѣ „*принять на себя трудъ собрать и подготовить къ изданію сочиненія Сковороды*“ [1]). Надежда найти рукописи и въ общественныхъ хранилищахъ, и у частныхъ лицъ меня не обманула: наоборотъ результаты поисковъ превзошли самыя смѣлыя ожиданія мои.

Прежде всего я произвелъ развѣдки на мѣстѣ въ Харьковѣ. Въ распоряженіи самого Историко-Филологическаго общества оказалась одна чрезвычайно важная рукопись—„*Израильскій змій*“, какъ оказалось впослѣдствіи, автографъ самого Г. С. Сковороды, пожертвованный обществу въ 1879 г. В. Лук. Спасскимъ. Объ этой рукописи сдѣлалъ устное сообщеніе покойный предсѣдатель Общества проф. А. А. Потебня, но, къ сожалѣнію, о немъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній (Общество не печатало тогда не только своихъ трудовъ, но и протоколовъ). Слѣды знакомства А. А. Потебни съ этой рукописью мы находимъ, впрочемъ, въ одной изъ его печатныхъ статей [2]).

Въ Университетской библіотекѣ (въ рукописномъ отдѣленіи ея) сохранились тѣ самые рукописные матеріалы, которые послужили основаніемъ для Петербургскаго изданія Лисенкова, а именно: 1) *Садъ божественныхъ пѣсней*, 2) *Разговоръ о томъ: знай себя (иначе Наркисъ)*; 3) *Начальная дверь ко христіанскому добронравію*, 4) *Израильскій змій*, 5) *Борьба и пря о томъ: пострудно быть злымъ, легко быть благимъ*

---

[1]) Сборникъ Х. Ист. Фил. общества, т. 6-й, стр. II-я.

[2]) Къ исторіи звуковъ, II, 24—25.

Библиотека "Руниверс"

6) *Пря бѣсу съ Варсавой*, 7) *Письмо изъ Гусинской пустыни*. Всѣ эти сочиненія помѣщаются въ каталогѣ подъ тремя номерами—1) 39 а 2) 39 б и 3) 57; первые два собраны были протоіереемъ Ѳеодоромъ Залѣсскимъ, какъ значится на рукописи, въ 1762—1763 г. Этотъ ранній годъ можетъ смутить изслѣдователя, знающаго, что философскіе прозаическіе трактаты Гр. Сав. Сковорода сталъ писать только въ 60-хъ годахъ XVIII в. Но, какъ мы видѣли, эту дату нужно понимать такъ, что Залѣсскій *съ 1762 года* сталъ собирать сочиненія Сковороды и то, что сохранилось въ библіотекѣ Харьковскаго университета, составляетъ только часть его коллекціи. Большая часть рукописей представляетъ изъ себя списки, но весьма древнія и исправныя, по всей вѣроятности, почти современныя оригиналамъ; а 2-я рукопись *Разговоръ о томъ: знай себе* нужно признать, судя по почерку, оригиналомъ; примѣчаніе собирателя (?) гласитъ, что она писана Гр. Сав. Сковородой на пасикѣ, и это весьма вѣроятно, если обратить вниманіе на матеріалъ рукописи: она написана, какъ мы уже знаемъ, на грубой плохой, разношерстной—сѣрой и синей бумагѣ. Замѣтимъ кстати, что на одной изъ обложекъ сохранилась стихотворная приписка слѣдующаго содержанія:

„Въ старомъ вѣку нѣсть покою:
Только болѣзнь со бѣдою;
Тогда счастья хочъ бы й было,
Но въ старости не такъ мило".

Это четверостишіе заимствовано изъ сочиненія Сковороды „Борьба арх. Михаила съ сатаною".

Такимъ образомъ, всѣ эти рукописи, за исключеніемъ только *Израильскаго змія*, не содержатъ въ себѣ новыхъ матеріаловъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, но служатъ полезнымъ пособіемъ для провѣрки точности Петербургскаго изданія сочиненій Сковороды.

Наконецъ, зная, что извѣстія біографовъ расходятся даже и относительно мѣста рожденія и званія Сковороды (нѣкоторые называли его, какъ мы видѣли, священническимъ сыномъ), я рѣшился поискать документовъ о немъ и въ нашемъ Харьковскомъ историческомъ архивѣ, заключающемъ въ себѣ между прочимъ и дѣла бывшей Малороссійской коллегіи. Поиски увѣнчались успѣхомъ: мнѣ удалось найти хотя краткія, но документальныя свѣдѣнія о мѣстѣ рожденія и родителяхъ Сковороды. Отецъ его „Савка Сковорода" числится среди малогрунтовыхъ (т. е. малоземельныхъ) *козаковъ* с. *Чернухъ* Чернусской сотни Лубенскаго полка. [1]) По ревизской книгѣ *1745* года, въ сотенномъ мѣстечкѣ Лубенскаго полка Чернухахъ значится „дворъ Пелагіи Ско-

[1]) Харьк. истор. архивъ. Дѣла Мал. кол., № 2434.

Библиотека "Руниверс"

вородыхи, которой сынъ обрѣтается въ пѣвчихъ". [1]) Наконецъ, изъ одного дѣла оказывается, что въ 1738 году козакъ Чернусской сотни Лубенскаго полка, житель с. Чернухъ, Степанъ Сковорода просилъ начальство о выдачѣ ему паспорта для поѣздки въ Москву и Петербургъ, чтобы свидѣться со своими родственниками (дядьями) Полтавцевыми, отецъ которыхъ былъ придворнымъ камеръ-фурьеромъ). [2]) По всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь о родномъ братѣ Григорія Савича, который исчезъ неизвѣстно куда.

Мѣры, принятыя къ отысканію рукописей Сковороды, собранныхъ нѣкогда незабвеннымъ изслѣдователемъ Харьковской старины Преосв. Филаретомъ, увѣнчались успѣхомъ: рукописи эти оказались въ церковно-археологическомъ музеѣ Кіевской Духовной Академіи, куда были переданы извѣстнымъ дѣятелемъ по духовному вѣдомству С. И. Миропольскимъ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ собственноручная надпись С. И. Миропольскаго на рукописи Харьковскихъ басенъ: „настоящіе списки сочиненій Сковороды принадлежали преосв. Филарету, который пріобрѣлъ ихъ въ бытность епископомъ въ Харьковѣ, гдѣ большею частью этотъ послѣдній проживалъ". Рукописи написаны четкимъ почеркомъ и прекрасно сохранились въ 12 переплетенныхъ тетрадяхъ, заключающихъ 13 сочиненій Сковороды: 1) *Наркисъ или познай себя*, 2) *Бесѣда двое*, 3) *Брань Архистратига Михаила съ сатаною*. 4) *Жена Лотова*, 5) *Израильскій змій*, 6) *Потопъ зміинъ*, 7) *О древнемъ мірѣ*, 8) *О душевномъ мирѣ*, 9) *Симфонія: аще не увѣси*, 10) *Алфавитъ или букварь мира*, 11) *Харьковскія басни*, 12) *Переводъ соч. Цицерона „О старости"*, 13) *Правила нравоучительныя*. Изъ этихъ 13 сочиненій только 4 было изданныхъ (№№ 1, 2, 3, 11), остальныя 9—неизданныхъ (№№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13); изъ этихъ же послѣднихъ 8 для насъ оказались совершенно новыми и только одно (Израильскій змій) извѣстнымъ по рукописямъ Харьк. Ист. Фил. общ. и университетской библіотеки. 8 новыхъ рукописей—это цѣлое богатство, которое не потеряло своего значенія и послѣ новыхъ находокъ подлинныхъ собственноручныхъ рукописей Гр. Сав. Сковороды, потому что оригиналовъ 4-хъ изъ нихъ (№№ 8, 10, 12 и 13) не было найдено и вслѣдствіе этого списки Церковно археологическаго музея должны были по необходимости играть роль оригиналовъ. Если же мы къ этому прибавимъ, что списки рукописей Церковно археологическаго музея, какъ я имѣлъ случай убѣдиться впослѣдствіи, сличая ихъ съ оригиналами, были очень исправны, и если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что два изъ нихъ (Алфавитъ мира и о душевномъ мирѣ)

[1]) Ibidem, № 2639.

[2]) Ibidem, 15284.

Библиотека "Руниверс"

являются едва ли не наиболѣе замѣчательными философскими трудами Сковороды, то для читателя сдѣлается совершенно яснымъ важное значеніе коллекціи, любезно присланной къ намъ на время изъ Академіи въ Харьковскій университетъ для снятія точныхъ копій.

Всѣ эти сочиненія несомнѣнно принадлежатъ Г. С. Сковородѣ, за исключеніемъ *„Правилъ нравоучительныхъ“*, которыя написаны не Сковородинскимъ языкомъ хотя, можно сказать, въ его духѣ.

Но еще болѣе цѣнными оказались находки въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. Посѣтивъ Музей въ январѣ 1894 г., я нашелъ въ немъ для себя цѣлую сокровищницу: тамъ хранилось между прочимъ 4 тома автографовъ Гр. Сав. Сковороды, которые имѣютъ огромное значеніе для установленія подлиннаго текста его трудовъ и для опредѣленія научной цѣнности разныхъ списковъ его сочиненій. Документы, относящіеся къ Гр. Сав. Сковородѣ, были пріобрѣтены Румянцевскимъ музеемъ отъ внучки его біографа М. И. Ковалинскаго и состоятъ изъ 7 книгъ, переплетенныхъ въ прочный красный переплетъ формата 16. 4 книги подъ однимъ номеромъ (1488-мъ) заключаютъ въ себѣ 12 его сочиненій автографовъ. 1-я содержитъ только одно сочиненіе, носящее слѣдующее заглавіе: *Асхань или симфонія, нареченная книга Асхань о познаніи самого себя, иначе „еще не увѣси самую тебе, о добрая въ женахъ..* На 59 четвертушкахъ. На ней хронологическая дата: рождена 1767 года [1]); начинается она письмомъ—посвященіемъ М. И. Ковалинскому, изъ котораго видно, что она написана въ лѣсахъ Земборскихъ въ 10 в. отъ Харькова. 2-я книга содержитъ 3 сочиненія—1) *Брань Архистратига Михаила съ сатаною о семъ: легко быть благимъ*, написанная въ 1783 г. съ письмомъ къ Мих. Ковалинскому; 2) *Жену Лотову*, также съ любопытнымъ посвятительнымъ письмомъ къ Мих. Ковалинскому. 3) *Діалогъ или разглаголъ о древнемъ мірѣ*, написанный въ 1772 г., а преподнесенный въ даръ Мих. Ковалинскому въ 1788 г. Въ 3-й книгѣ помѣщено также 3 сочиненія: 1) *Діалогъ имя ему Потопъ зміинъ* (бесѣдуютъ душа и нетлѣнный духъ) 1791 г. 16 авг. съ обращеніемъ къ Мих. Ковалинскому, 2) *Бесѣда двое*. 3) *Наркисъ, разглаголъ о томъ: узнай себе.* Въ 4-й книгѣ заключается 5 сочиненій: 1) *Десятиглавная бесѣда о христіанскомъ добронравіи, или начальная дверь ко христіанскому добронравію*, написанная для молодаго шляхетства Харьковской губ. въ 1766 г., а обновленная въ 1780 г., 2) *Книжечка называемыя Silenus Alcibiadis, сирѣчь Икона Алкивіадская*, написанная 28 марта 1776 г. (въ день пасхи) и поднесенная въ даръ Степану Ивановичу Тевяшову (это тоже самое, что Израильскій змій, какъ видно изъ сравненія ихъ), 3) *Ода Сидроніева „Объ уединеніи“*, 4) *притча, нареченна Ередій* (въ ней

[1]) Мы упустили ее изъ виду, говоря о хронологіи Сковородинскихъ трудовъ; если Асхань была составлена въ 1767 году, то Наркисъ, вѣроятно, въ 1766.

Библиотека "Руниверс"

разглагольствуютъ обезьяна со птенцомъ Ероdіевымъ о воспитаніи) съ посвященіемъ другу Сем. Никиф. Дятлеву, 5) *Садъ божественныхъ пѣсней.* Изъ остальныхъ 3-хъ книгъ 2 заключаютъ въ себѣ черновую и бѣловую біографію Гр. Сав. Сковороды, составленную его другомъ М. И. Ковалинскимъ (автографъ, №№ 1489 и 1490) подъ такимъ заглавіемъ: *„Жизнь Григорія Сковороды. Писана 1796 г. въ древнемъ вкусѣ“*, а 3-я (№ 1491)—*большое собраніе собственноручныхъ писемъ Гр. Саввича къ Мих. Ковалинскому на латинскомъ языкѣ, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ его сочиненій (въ прозѣ и стихахъ) на рус., лат. и греч. языкахъ и писемъ къ другимъ лицамъ.*

Но кромѣ этого въ томъ же Румянцевскомъ музеѣ оказался еще сборничекъ его писемъ и списки нѣкоторыхъ его сочиненій. Сборничекъ заключается въ небольшой тетрадкѣ, писанной почеркомъ конца XVIII в., вѣроятно въ Острогожскѣ (Воронежской губ.), какъ видно изъ описанія слѣдующей рукописи, содержитъ въ себѣ 10 писемъ Гр. Савича и носитъ слѣдующее заглавіе: „Съ MDCCLXXXV. 1785. *Письма Григорія Савича Г-на Сковрады къ пріятелямъ*“. Это списокъ, сдѣланный для себя почитателемъ Сковороды, переписавшимъ сверхъ того для себя же и его Харьковскія басни; это видно изъ сличенія этихъ двухъ рукописей. Въ концѣ рукописи *„Харьковскихъ басенъ“* сдѣлана приписка, опредѣляющая мѣсто и время ея написанія: „конецъ. 795 февраля 25. Острогожскъ“. Затѣмъ на слѣдующей послѣдней страничкѣ помѣщено письмо Сковороды къ неизвѣстному изъ Гусинки 1792 г. Всѣхъ списковъ сочиненій Сковороды въ Музеѣ кромѣ указаннаго (Харьковскихъ басенъ) 5. Вотъ они. 1) Діалогъ, имя ему—*Потопъ Зміинъ* 1791 г. августа 16 дня. На обложкѣ читается слѣдующая надпись: „это автографъ сочиненія Гр. Сав. Сковороды, по свидѣтельству В. Н. Каразина, видѣвшаго ее у меня въ 1820 г. въ М.“. Полагаемъ, что это—приписка М. П. Погодина, который былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ В. Н. Каразинымъ и сносился съ нимъ вообще по поводу разныхъ рукописей. Судя по почерку, мы также полагаемъ, что это автографъ Гр. Сав. Сковороды. Въ концѣ рукописи на чистой страницѣ находится чрезвычайно любопытная приписка другимъ почеркомъ, выражающая впечатлѣніе читателя отъ этого сочиненія (мы приведемъ ее впослѣдствіи). 2) Списокъ съ сочиненія Гр. Сав. Сковороды *„О природѣ“*, переписанный въ 1802-мъ году 1-го іюля М—ъ Л—мъ и принадлежавшій первоначально Ивану Любицкому, какъ видно изъ его подписи отъ 30 ноября 1826 г., а потомъ проф. Ѳ. И. Буслаеву (№ 1657). Это ничто иное, какъ *Алфавитъ мира;* заглавіе же „о природѣ“ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ содержитъ въ себѣ разсужденіе о природныхъ склонностяхъ человѣка. Въ началѣ его помѣщена духовная пѣсня, сложенная въ 1761 г. о томъ, что концомъ жизни нашей есть

Библиотека "Руниверс"

миръ, а вождь къ нему Богъ и о людскихъ разнопутіяхъ: О жизнь безпечна и драгій покою"... Сочиненія *„Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ"* есть нѣсколько списковъ: № 847—неполный, № 764—полный, носящій еще другое заглавіе *„Кольцо"* и представляющій болѣе распространенную редакцію сравнительно съ той, которая находится въ Церковно археологическомъ Музеѣ Кіевск. Дух. Академіи; эта пространная редакція соотвѣтствуетъ печатному изданію 1837 г. Въ началѣ ея посвященіе—письмо Тевяшову, начинающееся такъ: „идутъ къ вамъ два разговора, жаждущіе вашего лицезрѣнія. Удостойте ихъ своего пріятія... Самый трактатъ начинается такъ: „перестаньте, пожалуйста, дорогіе гости мои! Пожалуйста, перестаньте шумѣть... Тутъ же третій списокъ (на 28 четв.), начало котораго таково: „правду говоришь; однако я слыхалъ, что нигдѣ нѣтъ больше забавъ и веселостей, какъ въ Парижѣ да въ Венеціи"... Это—болѣе краткая редакція, соотвѣтствующая печатаемой нами. Такимъ образомъ, всѣ матеріалы, относящіеся къ Гр. Сав. Сковородѣ и хранящіеся въ Моск. Рум. музеѣ, могутъ быть раздѣлены на 3 группы: оригиналы его сочиненій, списки ихъ, письма его. Большее значеніе имѣютъ 1-я и 3-я группа. 12 подлинныхъ сочиненій Григорія Саввича, заключающихся въ 4 книгахъ, принадлежавшихъ Ковалинскому [1]), могутъ вполнѣ обезпечить научный характеръ предпринятаго нами изданія. Сверхъ того два сочиненія—притча *Ερодій* и ода *Сидронія объ уединеніи*—извѣстныя раньше только по заглавію, впервые найдены были въ этой коллекціи. Подлинная переписка Гр. Сав. Сковороды, имѣетъ пожалуй, не меньшее значеніе. Для того чтобы оцѣнить ея важность, нужно вспомнить, какъ мало до сихъ поръ было напечатано писемъ Сковороды. Мы произвели подсчетъ и ихъ оказалось всего 19, считая въ томъ числѣ и отрывки (и это уже съ тѣми, которыя изданы въ самое послѣднее время Вс. Изм. Срезневскимъ въ журналѣ „Библіографъ"). Между тѣмъ въ нашей книгѣ ихъ 98, т. е. въ 5 разъ болѣе, чѣмъ напечатано было во всѣхъ предъидущихъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ о Сковородѣ. Письма Сковороды отличаются серьезностью своего содержанія и въ этомъ отношеніи напоминаютъ его сочиненія; всѣ они проникнуты желаніемъ дать нравственное наставленіе и въ нихъ болѣе чѣмъ гдѣ либо наглядно проявляется образъ мыслей украинскаго мудреца.

Особенно важное значеніе имѣетъ переписка Г. С. Сковороды съ Ковалинскимъ. Чтобы понять значеніе ея, нужно знать, при какихъ условіяхъ она происходила. Сковороду просили принять участіе въ молодомъ человѣкѣ, обучавшемся въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Онъ

---

[1]) Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ своей біографіи Г. С. Сковороды. (См. 39 стр. настоящаго изданія).

Библиотека "Руниверс"

познакомился съ нимъ и полюбилъ его. Юноша платилъ ему такою же привязанностью и уваженіемъ. Искренняя дружба между ними все болѣе и болѣе возрастала. Сковорода принялъ должность учителя греческаго языка въ Коллегіумѣ и оставался тутъ два года, отказываясь отъ своего otium'a, только ради дружбы къ своему молодому другу и ученику, къ которому онъ привязался за его характеръ и за любовь къ наукамъ, въ особенности къ предмету его собственнаго преподаванія греческому языку. И онъ сдѣлался настоящимъ наставникомъ воспитателемъ и руководителемъ Ковалинскаго не только въ наукахъ, но и въ житейско-нравственномъ отношеніи. Не довольствуясь устными бесѣдами, онъ велъ съ нимъ постоянную, подъ часъ ежедневную переписку, стараясь сдѣлать его послѣдователемъ своего религіозно-философскаго ученія. Понятно, что, при такомъ *интимномъ* характерѣ переписки, въ ней мы найдемъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики міросозерцанія самого Сковороды. И дѣйствительно, онъ высказываетъ здѣсь совершенно откровенно свои взгляды на очень многіе существенные вопросы — на дружбу и любовь, на истинное монашество, на добродѣтель, на душевное спокойствіе, какъ основу счастія, на аффекты и страсти, какъ источникъ бѣдствій, на бѣдность, какъ источникъ радости, на истинную мудрость, на уединеніе, созерцаніе и отрѣшеніе отъ всего плотскаго суетнаго и т. п. Такимъ образомъ, въ письмахъ этихъ, какъ мы видимъ, затрогивались почти все тѣ же темы, что и въ сочиненіяхъ. Мало того: рядомъ съ этимъ мы находимъ въ нихъ цѣлый рядъ наставленій учебно-педагогическаго и нравственно практическаго характера. Тутъ мы открываемъ цѣлую статью о томъ, какъ нужно изучать древнеклассическія сочиненія; здѣсь мы встрѣтимъ рядъ выдержекъ съ комментаріями изъ тѣхъ же греческихъ и римскихъ писателей и собственные стихотворные опыты самаго Сковороды, подъ руководствомъ котораго пробовалъ свои силы и Ковалинскій; тутъ мы найдемъ совѣты, касающіеся учебныхъ занятій, отношеній къ наставникамъ, товарищамъ, постороннимъ, предупрежденія на счетъ веселой компаніи и т. д. Здѣсь же, наконецъ, правда изрѣдка, попадаются и кое какія фактическія указанія, дополняющія наши біографическія свѣдѣнія о Сковородѣ (напримѣръ, о пребываніи его въ Харьковскомъ и Переяславскомъ Коллегіумѣ). Изъ писемъ къ другимъ лицамъ наибольшій интересъ представляетъ письмо Сковороды къ Василію Максимовичу (№ 83), гдѣ онъ оправдывается отъ возводимыхъ на него обвиненій въ ереси. Небезъинтересны и нѣкоторыя изъ писемъ, найденныхъ нами въ копіяхъ, въ особомъ сборникѣ.

Сомнѣваться въ принадлежности ихъ Сковородѣ мы не имѣемъ основаній. Содержаніе ихъ не противорѣчитъ воззрѣніямъ Сковороды. Нахожденіе ихъ въ копіяхъ въ Острогожскѣ (Ворон. губ.) объясняется

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ, что на письма Сковороды смотрѣли тогда совершенно основательно, какъ на собраніе назидательныхъ разсужденій, имѣющихъ общій интересъ, и потому почитатели Сковороды списывали ихъ для себя наравнѣ съ другими его сочиненіями. И та рукопись, которая была въ нашихъ рукахъ, переписана тѣмъ самимъ лицомъ, которое списало для себя и его басни. Не забудемъ, что въ Острогожскѣ проживалъ близкій пріятель Сковороды Тевяшевъ, которому онъ посвятилъ одно изъ лучшихъ своихъ сочиненій—Израильскій змій. Отецъ этого Тевяшова, съ которымъ также Сковорода былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, былъ Острогожскимъ полковникомъ т. е. первымъ лицомъ во всемъ Острогожскомъ округѣ. Да и вообще фамилія Тевяшовыхъ играла первую роль въ Острогожскомъ полку, который входилъ въ XVIII в. въ составъ Слободской Украины, т. е. нынѣшней Харьковской губерніи. Самъ Сковорода бывалъ въ Острогожскѣ. Быть можетъ, и настоящій списокъ принадлежалъ Тевяшовымъ. Такъ какъ Сковорода не печаталъ своихъ трудовъ, то списки ихъ замѣняли печатныя изданія, и если кто уважалъ Сковороду, зналъ его лично, слышалъ его бесѣды, то старался заполучить и эти списки. И въ перепискѣ Сковороды мы часто встрѣчаемъ обращенныя къ нему просьбы разныхъ лицъ о высылкѣ имъ автографовъ для снятія копій. Нѣкоторыя списки при этомъ иногда заходили очень далеко, а одинъ даже былъ завезенъ въ Крымъ и тамъ пропалъ. Ближайшіе же друзья Сковороды, получавшіе отъ него лично съ посвященіями его сочиненія, естественно, старались подобрать для себя какъ бы полное собраніе ихъ въ рукописяхъ. Къ такимъ близкимъ друзьямъ Сковороды принадлежала и семья Тевяшовыхъ; неудивительно по этому, если она также собирала списки Сковородинскихъ трудовъ.

Что касается рукописей, заключающихъ въ себѣ біографію Сковороды, сочиненную М. И. Ковалинскимъ, то онѣ также заслуживаютъ полнаго вниманія. Біографія Сковороды, составленная Ковалинскимъ, является основнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о жизни этого писателя и даже отчасти объ его міровозрѣніи. Ею, какъ мы уже знаемъ, интересовались и пользовались многіе—Снегиревъ, Аскоченскій, Данилевскій. Но напечатана въ качествѣ самостоятельнаго памятника она была, какъ мы видѣли, только въ 1886 году на страницахъ „Кіев. Старины“ проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ по 2-мъ спискамъ, изъ коихъ одинъ принадлежалъ г. Добротворскому (въ г. Курскѣ) Г. П. Данилевскій пользовался также не оригиналомъ „Житія“, а спискомъ его. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность *впервые* теперь напечатать біографію Сковороды по подлинной рукописи Ковалинскаго, которая во многихъ случаяхъ отступаетъ отъ текста, изданнаго проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ.

Въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ оказались

Библиотека "Руниверс"

слѣдующія рукописи Г. С. Сковороды: 1) „*Правда вѣры и божественная симфонія, почерпнутыя изъ созерцанія природы въ минуты уединенія для пользы православнаго люда рускаго посвящаетъ странникъ Григорій Сковорода. Въ шести частяхъ*“ [1]), 2) „*Израильскій змій*“ и „*Потопъ змінъ*“ [2]); 3) *Переводъ съ толкованіями сочиненія Плутарха „О спокойствіи души“*. 1-е сочиненіе чрезвычайно интересно по своему содержанію, но къ сожалѣнію, является сомнѣніе въ принадлежности его Сковородѣ. „*Изр. змій* и *Потопъ змінъ*“ представляютъ изъ себя списки и мало интересны, а 3-я рукопись заключаетъ въ себѣ не простой переводъ изъ Плутарха, а вольное его изложеніе съ критическими замѣчаніями Сковороды и сопровождается сверхъ того письмомъ, посвященнымъ Я. М. Донцу-Захаржевскому.

Остановимся подробнѣе на 1-й рукописи. Мы видѣли, что составленіе ея прямо приписывается Сковородѣ: имя его стоитъ на заглавіи ея, написанномъ тѣмъ же почеркомъ, что и самый текстъ. Мало того: каждая часть переплетена въ особый бархатный старинный переплетъ и на корешкѣ его во всѣхъ 6 экземплярахъ золотыми буквами вытѣснено: *автографъ Григорія Сковороды*, а внизу иниціалы Б. К., указывающіе, вѣроятно, на имя и фамилію ея бывшаго владѣльца (намъ неизвѣстнаго). Но что же оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи и изученіи этой рукописи? То, что она *не только не автографъ Сковороды, но не можетъ быть признана даже его сочиненіемъ*... Прежде всего мы обратили вниманіе на палеографическія особенности этой рукописи и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ. Вся рукопись писана однимъ и тѣмъ же, чрезвычайно неразборчивымъ почеркомъ на грубой синей и сѣрой бумагѣ; въ 1-й части 46 листиковъ, во 2-й—40, въ 3-й—47, въ 4-й—44, въ 5-й—42, въ 6-й—43. Писана она весьма разгонисто и съ огромными полями *почеркомъ начала XIX вѣка, не имѣющимъ ни малѣйшаго хотя бы отдаленнѣйшаго сходства съ Сковородинскимъ*. Наконецъ, принадлежность рукописи XIX в. неопровержимо доказывается нахожденіемъ на ней водяныхъ знаковъ начала XIX ст.; въ одномъ мѣстѣ отчетливо видѣнъ 1809-й годъ, въ другихъ замѣтны только первыя двѣ или три цифры, но и онѣ указываютъ не на 18, а на 19-й вѣкъ (18.., 180). Конечно, эти данныя еще не отвергаютъ принадлежности этого сочиненія Сковородѣ: это могъ быть не автографъ, а списокъ его трактата, исполненный въ началѣ XIX ст. и ошибочно принятый его владѣльцемъ за автографъ; въ подобную ошибку впадали многіе лица, имѣвшіе въ своихъ рукахъ рукописи Сковороды; могъ, наконецъ, кто нибудь допустить и сознатель-

---

[1]) Ѳ. III, № 170.
[2]) Ѳ. III, № 55.

Библиотека "Руниверс"

ный обманъ, чтобы этимъ поднять значеніе списка. Но въ самой рукописи можно подмѣтить данныя, указывающія на то, что она была не переписана, а *написана* въ началѣ XIX в. и, слѣдовательно, не могла принадлежать Сковородѣ, умершему въ концѣ XVIII ст.,—это именно находящіяся въ ней *поправки;* нѣкоторыя изъ нихъ такого свойства, что должны принадлежать не переписчику, а самому автору; онѣ дѣлались во время процесса писанія рукописи, на которую по этому можно смотрѣть, какъ на черновикъ, а не какъ на списокъ. Авторъ здѣсь прямо перечеркнулъ нѣкоторыя слова и *вслѣдъ за ними* написалъ то, что ему больше нравилось. Вотъ примѣры. Было написано: *мы столь сотворены къ уединенію*; послѣднее слово (уединенію) зачеркнуто и вмѣсто него, въ строчку, сейчасъ же вслѣдъ за нимъ написано—*размышленію*; вышло—мы *столь сотворены къ размышленію*; было написано слово *пріобрѣтенія*, зачеркнуто и сейчасъ же вслѣдъ за нимъ рядомъ поставлено другое болѣе правильное—*пріобрѣтенныя*; одинъ разъ точно такая же поправка сдѣлана не во всемъ словѣ, а только въ части его; было написано—*состоящими*; послѣднія 4 буквы (щими) зачеркнуты, а вмѣсто нихъ тутъ же рядомъ поставлено другое окончаніе—*ляющими;* также иногда исправляются и *пропуски*; авторъ написалъ: *десяти дней*, зачеркнулъ слово *дней* и вслѣдъ за тѣмъ вставилъ—*или двѣнадцати тысячъ дней*. Но есть поправки и вставки и на поляхъ; онѣ сдѣланы были тогда же и рукою того же автора, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра: въ текстѣ было написано *нетъ здѣсь ни одного счастливаго ста;* послѣднія четыре слова зачеркнуты, а на поляхъ вмѣсто ихъ поставлено—*читателя, который не захотѣлъ въ сію самую минуту быть на мѣстѣ счастливаго старца* [1]).

Но всего этого, конечно, было бы недостаточно, если бы языкъ и содержаніе рукописи говорили за принадлежность ея Сковородѣ. Но языкъ этого сочиненія *несомнѣнно не Сковородинскій*. Стиль Сковороды чрезвычайно своеобразенъ и изобилуетъ только ему одному свойственными реченіями и оборотами; между тѣмъ „Правда вѣры", написана болѣе новымъ языкомъ XIX в, гладкимъ, легкимъ, но, если можно

---

[1]) Для полноты отмѣчаемъ здѣсь всѣ остальныя поправки, имѣющіяся на этой рукописи: послѣ слова „*ихъ*" стояло въ строчкѣ недостатокъ, но было зачеркнуто (наше изд. стр. 314); ошибочно написано—*окружали осязающія* вм. *осязали окружающіе* (316); *такъ* вм. *какъ* (317); слово *испытать* приписано на поляхъ, а слово *бываютъ* сверху (326); фраза—*въ ту самую минуту, когда мы думаемъ* приписана на поляхъ (332); было написано—*о смерти*, поправлено на поляхъ—*о тверди* (333); было написано *удовольствіе*, поправлено на поляхъ *способности* (333); было написано *внутреннихъ сраженій*, сраженій исправлено (поставлено войны), а внутреннихъ такъ и осталось безъ согласованія (мы его исправили) (336); слово *собственною* замѣнено словомъ—*особенною* (336); было написано въ текстѣ—*міра, который чрезъ порядокъ отъ него соблюдаемой, заслуживаетъ чрезъ порядокъ отъ него соблюдаемый*, но потомъ зачеркнуто (340).

Библиотека "Руниверс"

такъ выразиться, какимъ то безличнымъ въ сравненіи съ энергичнымъ образнымъ нерѣдко приправленнымъ солью складомъ рѣчи Сковороды. По *темѣ* своей этотъ трактатъ подходитъ къ трудамъ Сковороды: онъ посвященъ тому же вопросу, какой рѣшаютъ и два сочиненія Сковороды,—именно *самопознанію*; но способъ рѣшенія вопроса, матеріалъ, положенный въ основу его, совершенно не тотъ, что въ Асханѣ и Наркисѣ Сковороды. Сковорода постоянно связывалъ внутреннее самопознаніе человѣка съ Богопознаніемъ, съ вѣчностью, пользуясь для этого матеріаломъ, доставляемымъ другимъ, символическимъ міромъ—Библіей; авторъ же „Правды вѣры" просто *теоретизируетъ* на тему о внутренней *душевной* жизни или, какъ онъ говоритъ, доказываетъ пользу и необходимость *„обращенія"* съ собою, т. е. внутренняго созерцанія, совершенно не пользуясь Библіей, какъ источникомъ доказательствъ; эти послѣднія онъ черпаетъ главнымъ образомъ изъ умозрѣнія, пользуясь впрочемъ сужденіями философовъ и писателей (ссылается на Декарта, Боссюэта, Николая (Мальбранша), [1]) Фенелона, Августина, Виргилія) и приводя историческіе примѣры (Христины шведской). [2]) Методъ у него чисто дедуктивный и онъ почти вовсе не пользуется аналогіей, сравненіями, къ которымъ такъ любитъ прибѣгать Сковорода и которыя составляютъ обычную непремѣнную принадлежность его доказательствъ.

Но почему же этотъ трактатъ приписанъ Сковородѣ? Вѣроятно, потому, что посвященъ тому вопросу, которымъ такъ настойчиво занимался Сковорода и который былъ, можно сказать, фокусомъ всего ученія его; а, быть можетъ, авторъ его вышелъ изъ той школы или, точнѣе говоря, изъ той среды, которую философски воспитывалъ Сковорода; здѣсь невольно приходитъ на мысль одно имя любимѣй-

---

[1]) Фамилія его не названа, но можно догадываться, что рѣчь идетъ именно о немъ.

[2]) Указаніе на Христину имѣетъ историческое основаніе. Христина была дочерью знаменитаго Густава Адольфа и царствовала въ Швеціи послѣ него съ 1632 до 1654 г. Іегеръ (Всеоб. исторія. С.-П. 1894, в. 8-й, т. III, стр. 444) характеризуетъ ее такъ:

„ей нравилось все выдающееся; она шутила съ католическими стремленіями и серьезно подпала подъ власть іезуитовъ, которые тайно поучали ее своей вѣрѣ. Это пагубно отразилось на ея управленіи королевствомъ, т. к. шло въ разрѣзъ съ ея долгомъ, какъ обладательницы престола, перешедшаго къ ней отъ отца ея, ревностнаго протестанта. Наконецъ въ 1654 г. Христина рѣшилась на единственный благоразумный шагъ съ ея стороны: она отказалась отъ престола въ пользу своего племянника Пфальцъ-Цвейбрюкина, Карла X Густава (1654—1660), а сама отправилась путешествовать по чужимъ землямъ. Тамъ ее окончательно и открыто присоединили къ католичеству. Въ честь папы того времени (1655—1667), Александра, а затѣмъ стала скитаться по всей Европѣ и вездѣ какъ какое нибудь неслыханное чудо, возбуждала крайнее удивленіе; чаще всего она пребывала въ Римъ она приняла имя Александры прибавимъ, что она извѣстна была своею дружбою съ художниками, философами и учеными, что она покровительствовала Декарту.

Библиотека "Руниверс"

шаго ученика Сковороды—Михаила Ивановича Ковалинскаго; по своему философскому, образованію онъ могъ написать такой трактатъ, и именно такой—*такого содержанія* и *такой формы изложенія*. Уже изъ составленнаго имъ *„Житія“* Сковороды видно его стремленіе къ философскому мышленію (см., напримѣръ, самое начало „Житія“); затѣмъ тамъ же замѣтно и его особенное расположеніе къ созерцаніямъ и къ вѣрѣ во сны (ср., напримѣръ, стр. 7, 9, 11, 14 и др. настоящаго изданія). Къ сожалѣнію для подтвержденія этой гипотезы у насъ нѣтъ другихъ данныхъ, и ей даже противорѣчитъ то обстоятельство, что рукопись эта писана не рукою Ковалинскаго (почеркъ его намъ извѣстенъ); но могло случиться и такъ, что онъ диктовалъ свое сочиненіе какому нибудь переписчику и тотъ при перепискѣ, по его указаніямъ, дѣлалъ соотвѣтственныя поправки; въ пользу этого говоритъ грубый, плохой почеркъ рукописи; а что тогдашніе помѣщики имѣли такихъ переписчиковъ изъ своихъ крѣпостныхъ, доказательствомъ того можетъ служить примѣръ В. Н. Каразина, постоянно пользовавшагося для своей огромной корреспонденціи услугами своего крестьянина. Быть можетъ, съ этой точки зрѣнія должны быть объяснены иниціалы, выбитые на переплетѣ рукописи: вторая буква ихъ К. напоминаетъ фамилію Ковалинскихъ. Желательно было бы знать, не хранилась ли эта рукопись раньше въ ихъ семьи. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о Ковалинскомъ очень скудны и мы даже не знаемъ, когда онъ умеръ.

Изъ частныхъ лицъ прислали рукописи Сковороды для изданія Ист. Филологическому обществу сынъ покойнаго академика Изм. Ив. Срезневскаго Всев. Изм. Срезневскій и г. Кіевскій губернаторъ Левъ Павловичъ Томара.

Покойный Изм. Ив. Срезневскій очень сильно интересовался Сковородой и не мало потрудился для уясненія его личности. Обозрѣніе его работъ мы сдѣлали въ 1-й главѣ своего изслѣдованія. Теперь отъ Всев. Изм. Срезневскаго мы получили подробное извѣстіе о хранящихся въ фамильномъ архивѣ пок. Измаила Ивановича бумагахъ Гр. Сав. Сковороды и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе пользоваться ими для предстоящаго изданія сочиненій нашего мудреца. Помѣщаю цѣликомъ письмо ко мнѣ Всеволода Измайловича, дающее ясное и точное понятіе объ этихъ рукописяхъ. „Посылаю вамъ, пишетъ мнѣ Вс. Изм. Срезневскій, давно обѣщанный списокъ проповѣди Г. С. Сковороды „Убуждшеся видѣша славу Его“. Эта проповѣдь, написанная въ одной тетради съ другой проповѣдью (списокъ съ которой пришлю къ вамъ черезъ нѣсколько дней) представляетъ собою автографъ Сковороды (съ котораго прилагаю снимокъ). Первая проповѣдь занимаетъ четыре страницы въ четверку писчей бумаги, вторая—вторая вдвое больше

Библиотека “Руниверс”

первой. Кромѣ этихъ двухъ проповѣдей и писемъ къ Правицкому, напечатанныхъ въ „Библіографѣ“ (№ 1, 1894) въ нашемъ домашнемъ архивѣ нѣтъ подлинныхъ рукописей Сковороды. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ возбудить „Начальная дверь ко христіанскому добронравію“, но на мой взглядъ она не автографъ Сковороды; рукопись эта писана, вѣроятно, въ концѣ XVIII в. Остальныя сочиненія Сковороды, находящіяся въ нашемъ архивѣ, слѣдующія: „Садъ божественныхъ пѣсней“ (списокъ начала нынѣшняго столѣтія); „Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ“ (очень старая рукопись, мѣстами попорченная); Толкованіе изъ Плутарха о тишинѣ сердца; Притча нареченная Ередій (оба сочиненія переписаны Е. И. Срезневской со списка, принадлежавшаго Филомафицкому); письмо къ неизвѣстному лицу (21 марта), списокъ; выписки изъ басенъ Сковороды (списокъ сдѣланъ И. И. Срезневскимъ); отрывки изъ сочиненій Сковороды (списокъ сдѣланъ И. И. Срезневскимъ); письмо къ С. Н. Курдюмову (1784 г. янв. 5-го) (списокъ); письмо къ Осипу Юрьевичу (Сошальскому?) 1781 г. (списокъ). Кромѣ перечисленныхъ сочиненій Сковороды въ нашемъ архивѣ есть нѣсколько воспоминаній о немъ, именно: „разсказъ о Сковородѣ Т. И. Калашниковой“, письмо М. Залѣскаго, Воспоминанія стариковъ и старушекъ о Г. С. Сковородѣ (рукопись И. И. Срезневскаго). Извѣстите меня, пожалуйста, не понадобятся ли для изданія сочиненій Сковороды какія нибудь статьи изъ перечисленныхъ мною выше; я съ удовольствіемъ вышлю вамъ списки“.

Среди этихъ матеріаловъ оказались и совершенно *неизвѣстные*, а именно двѣ вступительныя проповѣди Сковороды въ курсъ „О христіанскомъ добронравіи“, читанный въ Харьковскомъ коллегіумѣ, письма и воспоминанія о Сковородѣ стариковъ и старушекъ, записанныя самимъ И. И. Срезневскимъ. Всѣми этими документами И. И. Срезневскій, можно сказать, совершенно не воспользовался въ своихъ печатныхъ статьяхъ, но они являются краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ его серьезнаго и добросовѣстнаго отношенія къ матеріалу. Отсюда дѣлается понятнымъ и въ высшей степени отрицательный взглядъ его на Хиждеу; между прочимъ въ одной тетради Измаила Ивановича остались его замѣтки, въ которыхъ доказывается, какъ Хиждеу измѣнялъ подлинный текстъ сочиненій Сковороды. Само собою разумѣется, чтокъ записямъ самого Из. Ив. Срезневскаго мы можемъ относиться съ полнымъ довѣріемъ.

Отъ Л. П. Тамары мы получили 5 большихъ фоліантовъ, переплетенныхъ въ прочный кожаный переплетъ, на корешкѣ котораго выбито слѣдующее: *„Сочиненія Григорія Сковороды“*. О нахожденіи рукописей Сковороды въ фамильномъ архивѣ Тамаръ сообщалъ еще Аскоченскій и, очевидно, это тѣ самые 5 томовъ in fol., которые въ настоящее время находятся въ нашихъ рукахъ. Но они не заклю-

Библиотека "Руниверс"

чаютъ въ себѣ ни Асхани, ни Наркиса, ни какого бы то ни было другого сочиненія Сковороды и приписаны ему ошибочно.

1-я книга начинается такъ: „въ списокъ съ подлиннаго истиннаго языка, съ открытыми таинствами Слова Божія ветхаго и новаго завѣта на тысящу восемь сотъ первый годъ... Сей свитокъ или списокъ изложенъ съ 1791 до 1796 г. пятью днями или годами". Спрашивается, какое же отношеніе рукопись эта можетъ имѣть къ Сковородѣ, умершему въ 1794 г.! На страницѣ 19-й (да и другихъ) авторъ говоритъ объ Имп. Павлѣ, какъ о царствующемъ Государѣ; значитъ, опять таки въ это время Сковорода былъ въ могилѣ. Но что это за сочиненіе? Это не переводъ, потому что авторъ вездѣ говоритъ о себѣ—мы словенороссы, языкъ славянскій называетъ нашимъ словенскимъ языкомъ; рѣчь его обращена къ истиннымъ *православнымъ христіанамъ*. Авторъ опирается на іероглифическое, кабалистическое толкованіе словъ ветхаго и новаго завѣта, приводя постоянно еврейскій подлинникъ. Оно проникнуто ультра таинственнымъ смысломъ, полно предсказаній и пророчествъ и вообще отличается страннымъ, какимъ то мрачнымъ, нелѣпымъ характеромъ, написано на славянскомъ кабалистическомъ языкѣ при посредствѣ евр. и греч. кабалистическаго языка. Авторъ вооружается и противъ масоновъ, и противъ православныхъ, отдавая впрочемъ преимущество послѣднимъ „за ихъ невѣдѣніе". Интересны 186—187 стр. 3-й части, гдѣ говорится о Греціи и Польшѣ. Тутъ ставится въ укоръ Екатеринѣ и Потемкину, что они не возстановили Греческой Имперіи, и говорится, что Россія Екатерининскаго времени страшно будетъ отвѣчать, „если не возстановитъ паки Польшу". Далѣе авторъ дѣлаетъ предсказаніе, что въ началѣ XIX в. будутъ возстановлены Польша и Греція, но какъ это произойдетъ, это знаетъ Государь Павелъ Петровичъ, а ему, автору, Богъ не велѣлъ этого излагать въ подробностяхъ. Вообще можно думать, что книга написана крещеннымъ евреемъ или полякомъ. Она очень объемиста: всѣ 5 частей ея заключаютъ 977 листовъ большаго формата (207, 204, 199, 216 и 151), написанныхъ четкимъ почеркомъ XIX столѣтія. Въ ней масса фигуръ и цифръ съ обширными толкованіями. Къ Г. С. Сковородѣ она не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія.

Сверхъ того нѣкоторыя лица сообщили мнѣ письменно свѣдѣнія, касающіяся Г. С. Сковороды—его жизни и сочиненій—князь П. Шаховской, занимающійся собираніемъ матеріаловъ для біографіи Гиляровa, г.г. П. Мартыновичъ и Ст. Д. Носъ.

Изъ письма кн. Шаховскаго видно, что покойный Гиляровъ въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія, въ бытность свою Московскимъ цензоромъ, интересовался съ научной точки зрѣнія сочиненіями Гр. Сав. Сковороды и, какъ видно изъ письма его къ архим. Веніамину (впо-

Библиотека "Руниверс"

слѣдствіи епископу Рижскому) отъ 11 авг. 1859 г., „обдѣлывалъ чужое сочиненіе о Сковородѣ, лежавшее у него уже полтора года". Является вопросъ, что это за сочиненіе? Но на этотъ вопросъ можно отвѣтить только предположительно. Возможно, конечно, что рѣчь идетъ о такой работѣ, которая и не увидѣла свѣта; но если имѣть въ виду печатныя работы, приготовлявшіяся около этого времени, то это могло быть или Петербургское изданіе сочиненій Сковороды (1861 г.), или статья Ор. Халявскаго (т. е. Гр. П. Данилевскаго), появившаяся въ 1862 г. въ журналѣ „Основа", или, наконецъ, статья въ Ворон. Литературномъ сборникѣ за 1861-й годъ; вѣроятнѣе всего 1-я или 3-я догадка. Редакторъ Петербургскаго изданія не назвалъ себя и, м. б., именно потому, что ему оказалъ существенную помощь Гиляровъ; но этому предположенію противорѣчитъ то, что Гиляровъ говоритъ не объ изданіи трудовъ, а о чужомъ *сочиненіи* о Сковородѣ, а таковымъ является статья Ворон. Лит. Сбор. Что же касается статьи Г. П. Данилевскаго, то едва-ли возможно допустить, что бы этотъ авторъ, пользовавшійся уже тогда литературною извѣстностью и отнесшійся чрезвычайно добросовѣстно къ своей задачѣ, могъ дать на $1^1/_2$ года свою монографію Гилярову, не занимавшемуся раньше вопросомъ о Сковородѣ и его сочиненіяхъ. Но возможно, конечно, что Гиляровъ обрабатывалъ такую статью, которая потомъ и не была напечатана—и въ такомъ случаѣ невольно является мысль о монографіи Преосв. Филарета Харьковскаго, которую онъ намѣренъ былъ включить въ свое „Ист. Стат. опис. Харьк. еп.", съ каковою цѣлью и собиралъ сочиненія Сковороды (потомъ они, какъ мы знаемъ, поступили въ Церковно—Археологическій музей Кіевской Духовной Академіи). Гиляровъ серьезно интересовался сочиненіями Г. С. Сковороды и обратился за содѣйствіемъ къ извѣстному Горскому—просилъ его заказать копіи съ рукописныхъ сочиненій украинскаго философа, хранившихся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи. Горскій написалъ по этому поводу Гилярову письмо (отъ 19 янв. 1857 г.), выписка изъ котораго сообщена мнѣ кн. Шаховскимъ. Оказывается, что рукописи Сковороды (Бесѣда двое, О древнемъ мірѣ, Жена Лотова, Наркисъ, Душа и нетлѣнный духъ, О душевномъ мирѣ, Алфавитъ мира, Басни Харьковскія, Брань архистр. Михаила съ сатаною, О познаніи самого себя, Пѣсня 1761 г.) въ 1836 г. были доставлены въ Духовную цензуру (при Московской Духовной Академіи) и затѣмъ четыре изъ нихъ (2-я, 4-я, 5-я, 10-я) поступили въ академическую библіотеку, гдѣ должны находиться и теперь. Отсюда видно, что лицъ, которые собирали (съ цѣлью изданія) рукописи Сковороды было не мало. Теперь только случайно, благодаря письму Горскаго, мы узнали, что однимъ изъ такихъ собирателей былъ и Гиляровъ. Изъ свидѣтельства Хиждеу видно, что еще раньше, въ его

Библиотека "Руниверс"

время, въ 30-хъ годахъ) его пріятель К. Я. Сергѣевъ (совсѣмъ неизвѣстный намъ), принималъ живое участіе въ предполагавшемся изданіи сочиненій Сковороды. Еще объ одномъ такомъ же безвѣстномъ собирателѣ говоритъ въ письмѣ ко мнѣ г. П. Д. Мартиновичъ (въ отвѣтъ на просьбу о сообщеніи свѣдѣній, касающихся рукописей Г. С. Сковороды) [1]). „Мой покойный отецъ, пишетъ П. Д. Мартиновичъ, который родился въ 1822 г., а умеръ въ 1875 г., былъ ученикомъ Переяславской семинаріи, которую онъ оставилъ около 1848 г. Онъ съ почтеніемъ относился къ памяти о Сковородѣ и говорилъ мнѣ въ 1874 г., что одинъ преподаватель Переяславской семинаріи (не могу припомнить его фамиліи и сказать, что онъ преподавалъ) долгое время собиралъ неизданныя сочиненія Сковороды у знакомыхъ ему священниковъ и семинаристовъ; многихъ изъ этихъ послѣднихъ онъ просилъ о томъ, чтобы они, поѣхавъ въ отпускъ домой, разыскивали у знакомыхъ и выпрашивали у своихъ отцовъ рукописи сочиненій Сковороды и привозили ему. И многіе семинаристы дѣйствительно привозили ему послѣ каникулъ такія рукописи. Въ то время (говорилъ отецъ мой) у многихъ священниковъ были въ рукописяхъ сочиненія Сковороды... По моему мнѣнію, не безъ интересно, такъ заканчиваетъ свое письмо г. М., мое указаніе, что семинаристы вручали преподавателю сочиненія Сковороды въ рукописяхъ (а можетъ быть, тотъ преподаватель вручилъ ихъ потомъ преосвященному Филарету)". И я съ своей стороны прибавлю, что это указаніе дѣйствительно интересно, но что преосв. Филарету могли доставляться рукописи священниками его Харьковской епархіи, у которыхъ также были цѣлыя коллекціи ихъ (припомнимъ Я. Правицкаго, Залѣсскаго). Мы не сомнѣваемся, что и въ настоящее время многія рукописи Сковороды скрываются еще въ общественныхъ и частныхъ книго хранилищахъ—и мы бы очень желали получить свѣдѣнія о ихъ мѣстонахожденіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣли времени пересмотрѣть всѣхъ описаній нашихъ книгохранилищъ и отмѣчаемъ здѣсь только сочиненія Сковороды, хранящіяся въ знаменитомъ собраніи рукописей гр. А. С. Уварова. Въ 4-мъ томѣ описанія ихъ арх. Леонида отмѣченъ Сборникъ XVIII в. на 173 л. (№ 2074), въ которомъ помѣщены; 1) сочиненіе неизвѣстнаго (безъ заглавія). § 1. *О Богѣ.* Нач. Весь міръ состоитъ изъ двухъ натуръ одна видимая, другая невидимая (девять §§); арх. Леонидъ не знаетъ, что это за сочиненіе, но это несомнѣнно, какъ видно изъ приведенныхъ строкъ его, „Начальная дверь ко христіанскому добронравію" Сковороды; 2) далѣе идетъ его же сочиненіе „Книжечка о чтеніи Священнаго Писанія, нареченна

---

[1]) См. мою замѣтку „Къ юбилею украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды" (Кіев. Стар., 1894, августъ, стр. 268—276).

Библиотека "Руниверс"

„Жена Лотова"; 3) Наркисъ, 4) О древнемъ мірѣ; эти три сочиненія совершенно правильно приписаны Г, С. Сковородѣ [1]).

Изъ письма къ намъ Петербургскаго книгопродавца г. Сажина видно, что ему принадлежитъ списокъ сочиненія „Икона Алкивіадская" (иначе Израильскій змій). Просимъ покорно всѣхъ лицъ, имѣющихъ у себя рукописи Сковороды и знающихъ о ихъ мѣстонахожденіи, подѣлиться съ нами своими свѣдѣніями.

Таковы результаты нашихъ поисковъ. Спрашивается, въ какой мѣрѣ мы воспользовались ими для настоящаго изданія?

Въ составъ нынѣшняго юбилейнаго тома не могли войти всѣ сочиненія Сковороды, какъ вслѣдствіе обилія матеріала, такъ и сравнительной краткости времени, бывшаго въ нашемъ распоряженіи (только годъ). Тѣмъ не менѣе и теперь мы выпускаемъ книгу почти въ 40 печатныхъ листовъ. Она состоитъ изъ 3-хъ частей: а) 1-го отдѣленія, заключающаго въ себѣ біографическіе матеріалы о Сковородѣ, б) 2-го отдѣленія, содержащаго его сочиненія и в) приложенія. 1-е отдѣленіе состоитъ изъ моей вступительной статьи (критико-библіографическаго характера), біографіи Сковороды, написанной М. И. Ковалинскимъ и сборника его неизданныхъ [2]) писемъ. Рукопись Ковалинскаго представляетъ изъ себя автографъ, также точно какъ и большинство писемъ (между прочимъ всѣ письма на латинск. яз. къ Ковалинскому). Всѣхъ сочиненій Сковороды напечатано (во 2-мъ отдѣленіи) 13: 1) *Наркисъ*, 2) *О древнемъ мірѣ*, 3) *Бесѣда двое*, 4) *О душевномъ мирѣ*, 5) *Алфавитъ мира*, 6) *Басни Харьковскія*, 7 и 8) *2 вступительныя проповѣди въ курсъ лекцій о христіанскомъ добронравіи*, 9) *Начальная дверь ко христіанскому добронравію*, 10) *Брань архистратига Михаила съ сатаною*, 11) *Благодарный еродій*, 12) *Убогій жайворонокъ*, 13) *Отрывокъ изъ соч. „Израильскій Змій"*, 14) и 15) *Садъ божественныхъ пѣсней и разныя стихотворенія* [3]) 16) *Переводъ оды Сидронія объ уединеніи*. Изъ этихъ 16 трудовъ *впервые* появляется въ печати 9 (№№ 2, 4, [4]) 5, 7, 8, 11, 13, 15, 16). Всѣ сочиненія (за исключеніемъ № 12-го) [5]) напечатаны съ найденныхъ нами рукописей, при чемъ *12* изъ нихъ представляютъ *автографы* и только *3* (№№ 4, 5 и 6) списки (Церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной Академіи и Румянцевскаго Музея).

Въ приложеніи мы помѣстили 2 сочиненія, не принадлежащія, по нашему мнѣнію Сковородѣ, но ему приписываемыя, и указатель къ

---

[1]) Описаніе рукописей гр. А. С. Уварова, Арх. Леонида, ч. 4-я М. 1894, стр. 455, 456.

[2]) Было напечатано раньше только одно (№ 98).

[3]) Разныя стихотворенія извлечены нами изъ автографа Сковороды, заключающаго его письма къ Ковалинскому (въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ).

[4]) Раньше была напечатана со всѣмъ иная редакція этого трактата.

[5]) Рукописи „Убогаго Жайворонка" мы не нашли.

Библиотека "Руниверс"

латинскимъ письмамъ Сковороды, составленный профессоромъ И. В. Нетушиломъ. Печатая „Правду вѣру“ и „Правила нравоучительныя“, мы желали дать самимъ читателямъ матеріалъ для сужденія объ этихъ трудахъ, тѣмъ болѣе что и сами по себѣ они довольно интересны; наконецъ, мы имѣли въ виду и то, что они могли принадлежать кому нибудь изъ учениковъ или послѣдователей Сковороды. Не вошли въ настоящее изданіе слѣдующіе труды Сковороды: 1) *Асхань или симфонія: аще не увьси*, 2) Большая часть рукописи *„Израильскаго змія“* 3) *Книжечка о чтеніи Священнаго Писанія или жена Лотова*, 4) *Потопъ змінъ*, 5) переводъ соч. Цицерона о старости, 6) переводъ сочиненія Плутарха о тишинѣ сердца (всѣ неизданныя). Но со всѣхъ этихъ рукописей сняты провѣренныя нами копіи, которыя составляютъ нынѣ собственность Историко-Филологическаго Общества и могутъ быть изданы, когда позволятъ его средства и обстоятельства (первыя четыре рукописи — оригинальные труды Сковороды — представляютъ изъ себя *автографы*).

Наша книга сопровождается портретомъ Г. С. Сковороды, видомъ его могилы и снимками съ его почерка и печати. Вопросъ о портретѣ требуетъ спеціальнаго объясненія. Существовало нѣсколько портретовъ Сковороды, приложенныхъ къ разнымъ его сочиненіямъ и статьямъ о немъ: 1) при статьѣ И. И. Срезневскаго въ Утренней Звѣздѣ 1834 г. (скопированный въ альманахѣ Картины Свѣта (1836 г.), а теперь перелитографированный при письмахъ Сковороды, изданныхъ Вс. Из. Срезневскимъ въ Библіографѣ 1894 года, № 1); 2) въ Иллюстраціи 1847 г.—нѣсколько иной редакціи (съ книгой въ рукахъ); 3) въ Петербургскомъ изданіи сочиненій Сковороды 1861 года. Мы не видѣли портрета, находящагося въ Иллюстраціи (по отзыву Данилевскаго онъ—дурная копія съ помѣщеннаго въ Утренней Звѣздѣ, хотя съ кое-какими отступленіями); но изъ 1-го и 3-го мы отдаемъ предпочтеніе тому, который находится при Петербургскомъ изданіи: онъ во 1-хъ, представляетъ воспроизведеніе старой гравюры Мещерекова, а во 2-хъ, въ техническомъ отношеніи исполненъ гораздо удовлетворительнѣе 1-го. Къ сожалѣнію прежніе издатели не любили дѣлать указаній на свои источники; благодаря этому мы не знаемъ въ точности, откуда пересняты всѣ эти портреты. Можно только предполагать, какъ это думаетъ и Данилевскій, что въ основаніи ихъ лежалъ гравированный портретъ Сковороды П. Мещерекова. На него дѣлалъ указаніе еще Снегиревъ. „Почитатели Сковороды, говоритъ онъ, хранятъ портретъ, гравированный П. Мещеряковымъ съ надписью“ (эпитафіей Ковалинскаго).

Статья Снегирева напечатана въ 1823 г.. Слѣдовательно, портретъ П. Мещерекова относится еще къ болѣе раннему времени (вѣроятно, къ 1814—1822 г.). Къ сожалѣнію г. Ровинскій, дающій намъ свѣдѣнія

Библиотека "Руниверс"

о гравированныхъ портретахъ Сковороды [1]), не сообщаетъ, къ какому времени относятся двѣ болѣе древнія гравюры П. Мещерекова. Одинъ экземпляръ гравюры Мещерекова (въ отдѣльномъ листѣ, какъ она первоначально и была повидимому издана) приложенъ къ рукописямъ Сковороды, хранящимся нынѣ въ библіотекѣ Харьковскаго университета и производитъ своею работой хорошее впечатлѣніе.

Задумавъ собрать рукописи Сковороды, я вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ разъискивать и его портреты—и вотъ результаты этихъ поисковъ. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ Харьковскаго университета оказался портретъ Сковороды, нарисованный масляными красками съ эпитафіей и книгой, плохо сдѣланный и дурно сохранившійся; о времени его написанія никакихъ свѣдѣній не имѣется. Въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ также хранится портретъ Сковороды, писанный масляными красками; лицо Сковороды здѣсь очень выразительное, вдумчивое, въ рукахъ книга; внизу эпитафія. Съ него, при любезномъ содѣйствіи г. С. Жебелева, былъ сдѣланъ придворнымъ фотографомъ г. Классеномъ прекрасный снимокъ и мы хотѣли было уже воспроизвести его для своего изданія, но, къ сожалѣнію, собранныя о немъ справки оказались очень неудовлетворительными. Вотъ что писалъ мнѣ г. С. Жебелевъ. „Спѣшу сообщить вамъ тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось получить въ Публичной библіотекѣ относительно портрета Г. С. Сковороды. Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія далеко не отличаются полнотою. Отвѣчаю по пунктамъ. 1) Откуда поступилъ портретъ, неизвѣстно, вѣрнѣе сказать, забыли, а письменныхъ документовъ не сохранилось. Достовѣрно одно, что портретъ не подаренъ, а купленъ: въ книгѣ, гдѣ отмѣчаются всѣ пожертвованія, поступившія въ Библіотеку, о немъ нѣтъ упоминаній. Съ другой стороны, и въ той книгѣ, гдѣ отмѣчаются купленныя вещи, о покупкѣ его нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Изъ этого заключаютъ, что портретъ купленъ за дешевую цѣну. 2) Портретъ поступилъ въ библіотеку въ 1879 г. Въ отчетѣ библіотеки за 1879 г. (стр. 14) сказано слѣдующее: „пріобрѣтенъ портретъ Г. С. Сковороды въ самомъ жалкомъ видѣ и потребовалъ реставрировать его и перевести на новый холстъ. Подъ портретомъ читаются написанныя масляными красками стихи (извѣстная эпитафія). Мнѣ удалось узнать, что реставрировалъ портретъ г. Бартковъ въ маѣ 1879 г. 3) В. В. Стасовъ сообщилъ мнѣ, что портретъ не представляетъ собою оригинала“. 3-й экземпляръ портрета Сковороды, написаннаго масляными красками хранится въ семьѣ недавно

[1]) См. Подробный словарь рус. гравир. портретовъ, т. III, СПБ. 1888, стр. 1921—1922; тутъ его портретъ и описаніе трехъ снимковъ; 1-й съ книгой; 2-й копія съ предыдущаго въ меньшемъ масштабѣ; 3-й въ изображеніи великихъ людей Малороссіи. М. 1844.

Библиотека "Руниверс"

скончавшагося въ Харьковѣ любителя южно-русской старины и малорусскаго поэта доктора медицины Владиміра Степановича Александрова. На оборотной сторонѣ портрета имѣется надпись пок. В. С. Александрова, которая гласитъ, что портретъ этотъ былъ подаренъ ему извѣстнымъ Харьковскимъ старожиломъ докторомъ Рейпольскимъ и былъ сдѣланъ еще для этого послѣдняго при жизни Сковороды. Въ пользу древности портрета говоритъ между прочимъ старинная оправа его. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что онъ современенъ Сковородѣ, потому что въ 1794 г. со Сковороды дѣйствительно былъ снятъ портретъ живописцомъ Лукьяновымъ, по мысли пріятеля Григорія Саввича владѣльца Панъ Ивановки Андрея Ковалевскаго [1]); но если это и такъ, то къ Рейпольскому онъ могъ попасть уже только со вторыхъ рукъ; а можетъ быть, онъ представляетъ копію съ портрета Лукьянова. Конечно, Мещерековъ для своей гравюры воспользовался подлиннымъ портретомъ Лукьянова; а сравнивая гравюру Мещерекова и портретъ д. Александрова, мы замѣчаемъ между ними поразительное сходство; очевидно, слѣдовательно, что источникъ у нихъ, одинъ и тотъ же. Это и побудило насъ остановить свой выборъ на портретѣ, принадлежащемъ д. В. С. Александрову, и на гравюрѣ Мещерекова. И тотъ, и другая были отправлены въ Петербургъ профессору гравированія въ Имп. Академіи художествъ В. В. Матэ—и онъ съ нихъ вырѣзалъ на деревѣ гравюру, которая отпечатана подъ его наблюденіемъ въ Петербургѣ и приложена къ настоящему изданію. Сверхъ того въ распоряженіи Историко-Филологическаго Общества имѣется нѣкоторое количество отдѣльныхъ оттисковъ гравюры, которые можно выписывать оттуда желающимъ [2]).

Другимъ приложеніемъ является видъ могилы Г. С. Сковороды, находящейся въ с. Панъ-Ивановкѣ, Харьковской губ. и уѣзда. Сковорода, какъ извѣстно, умеръ здѣсь—въ имѣніи своего пріятеля Андрея Ивановича Ковалевскаго. „Похороненъ Г. С. былъ въ Ивановкѣ на возвышенномъ берегу пруда, близь рощи, на любимомъ своемъ мѣстѣ, гдѣ по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ завѣтномъ флайттраверсѣ псалмы. Чрезъ 20 лѣтъ тѣло его было перенесено оттуда и похоронено въ саду священника, близь памятника владѣльцевъ, по старанію одного изъ его учениковъ, который прибылъ, послѣ смерти его изъ Петербурга и издалъ впослѣдствіи его портретъ". Такъ писалъ Г. П. Данилевскому въ 1856 г. Н. С. Мягкій, жившій въ сосѣдствѣ съ Панъ-

---

[1]) Настоящее изд., 1-е отд., стр. 132. А. Ковалевскій собирался его отправить М. И. Ковалинскому, но осуществилъ ли свое предпріятіе, неизвѣстно.

[2]) Замѣтимъ кстати, что еще одинъ портретъ С. имѣется въ Рум. музеѣ, а другой (съ книгой) хранится у любителя малорусской старины врача Ст. Дан. Носа (въ г. Городнѣ Черниговской губ.).

Библиотека "Руниверс"

Ивановкой [1]). Что это за ученикъ Г. С. Сковороды? Не Ковалинскій ли? Въ такомъ случаѣ и изданіе портрета осуществлено имъ въ 1814—1822 г. Въ 1842 г. В. Н. Каразинъ писалъ: „могила Сковороды украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ (Кузинъ“)... Къ сожалѣнію это обѣщаніе не было выполнено. Скромный памятникъ надъ могилой Сковороды былъ поставленъ только въ 1874 г. г. Жилинскимъ. Но скоро деревянная ограда его пришла въ ветхость, о чемъ письменно извѣщалъ Губернскій Статистическій Комитетъ мѣщанинъ г. Валокъ, б. воспитанникъ сельской школы, Фока Власовичъ Кремина. Вотъ его сердечное письмо, проникнутое любовью и уваженіемъ къ Г. С. Сковородѣ, ясно свидѣтельствующее, что память о немъ до сихъ поръ не умерла въ народѣ. „Господину Секретарю Статистическаго Комитета въ Харьковѣ. Настоящее мое сообщеніе посылаю вамъ на благоусмотрѣніе, какъ собирателю, цѣнителю и хранителю всего мѣстнаго дорогаго въ нашей губерніи; пріймите его и выслушайте, какъ голосъ изъ низшаго сословія, къ которому я принадлежу; вручая его вамъ, надѣюсь, что вы, какъ правдивый судья науки, въ случаѣ мое сообщеніе окажется неумѣстнымъ, великодушно простите мнѣ за безпокойство васъ. Я будучи конторщикомъ въ имѣніи г. Гебенштрейтъ въ с. Клиновомъ, Богодуховскаго уѣзда, по знакомству ѣздилъ къ сельскому священнику села Панъ-Ивановки, Харьковскаго уѣзда, отстоящаго отъ с. Клиноваго въ 4 в. и отъ ст. „Максимовка“ жел. дороги въ 10 в. Поѣздка моя была въ 188³/₄ г. Священникъ проживаетъ въ домѣ, подаренномъ съ усадьбою помѣщикомъ г. Жилинскимъ, смежно съ имѣніемъ послѣдняго. Въ саду священника я, однажды гуляя, наткнулся на могилу, о которой никто никогда мнѣ въ Панъ-Ивановкѣ не упоминалъ. Кругомъ могилы нѣтъ ничего замѣчательнаго, могущаго броситься въ глаза посѣтителя; одинъ только надгробный камень еще издали сталъ замѣтнымъ, освѣщенный солнцемъ, чѣмъ обратилъ на себя мое вниманіе. Подойдя изъ любопытства, я на немъ прочиталъ слѣдующія слова: *Григорій Саввичъ Сковорода* (годъ рожденіи и смерти, но я упомнилъ это). „Міръ меня ловилъ, но не поймалъ“. Присужденное наукою этому человѣку званіе философъ дорогой нашей Украйны, по всей вѣроятности, со дня его смерти до сего времени не осталось въ забвеніи, равно какъ и его имя, но для наглядная воспоминанія потомству о Г. С., по мѣсту вѣчнаго упокоенія его бренныхъ останковъ, едва ли подобаетъ видѣнная мною жалкая обстановка могилы Г. С. Развѣ онъ, философъ, заслужилъ себѣ на могилу одинъ камень? Возлѣ могилы нѣтъ ни креста. ни рѣшетки, не говоря даже о памятникѣ; не будь камня, могила считалась бы стертою съ

[1]) Украинская Старина, стр. 71.

Библиотека "Руниверс"

лица земли—участь судьбою заброшенныхъ вглушь для вѣчнаго успокоенія. Неудивительно то, что за 90 лѣтъ со дня смерти Г. С. его могли забыть современные люди—обстоятельства мѣстныя могли измѣниться—не до памятниковъ или воспоминаній; но на комъ забота за своихъ работниковъ, какъ не на наукѣ, которой онъ въ свое время былъ преданъ... Свое мнѣніе беру назадъ тогда только, если, быть можетъ, Сковорода самъ завѣщалъ себя похоронить безъ памятниковъ, оставивъ народу о себѣ одинъ нерукотворенный памятникъ,—чего я не знаю, не читавши исторіи о жизни Г. С." [1]).

Тогда же въ Комитетѣ было высказано единодушное намѣреніе открыть подписку для приведенія въ лучшій видъ могилы Сковороды; къ сожалѣнію, оно не получило практическаго осуществленія. Между тѣмъ, желаніе увидѣть то мѣсто, гдѣ покоится прахъ одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ *историческихъ* дѣятелей б. Слободской Украины, побудило меня совершить поѣздку въ с. Панъ-Ивановку, тѣмъ болѣе что я тогда (въ сентябрѣ 1888 г.) гостилъ у извѣстнаго Харьковскаго общественнаго дѣятеля Е. С. Гордѣенка, имѣніе котор[ый] (с. Кадница) находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Панъ-Ивановкой. Я пріѣхалъ прямо къ священнику, отрекомендовался ему, и онъ повелъ меня въ садъ, къ могилѣ Г. С. Сковороды. Въ саду находится и маленькій домикъ священника; тутъ же пчельникъ или пасѣка. Вотъ въ этомъ то „вишневомъ садку", подлѣ пасѣки и пріютилась могила со скромнымъ памятникомъ украинскаго философа, который всю свою жизнь провелъ въ селахъ, въ садахъ, у пасѣкъ, въ добрыхъ бесѣдахъ съ сельскими священниками, помѣщиками и народомъ. Нельзя было и придумать лучшаго мѣста для вѣчнаго упокоенія „старчика" Григорія Сковороды. На небольшой насыпи—могилѣ положена бѣлая мраморная плита съ надписью и эпитафіей, окруженная деревянной оградой, которая дѣйствительно пришла теперь въ ветхость. По сосѣдству возвышается надгробный памятникъ друзей Сковороды Ковалевскихъ. Вотъ эту то мраморную доску, съ полуразрушенной деревянной оградой, съ частью памятника Ковалевскихъ и воспроизводитъ наша фототипія, исполненная въ Москвѣ заведеніемъ Шереръ и Набгольцъ по фотографіи, снятой съ натуры г. Веберомъ. Въ настоящее время эта деревянная ограда замѣнена хорошей и прочной желѣзной на средства, асигнованныя Историко-Филологическимъ Обществомъ. 3-я фототипія представляетъ снимки: а) съ почерка Сковороды б) съ почерка сочиненія „Правда вѣры", неправильно именуемаго его автографомъ в) съ его печати; этотъ послѣдній снимокъ былъ снятъ еще въ давнія времена И. И. Срезневскимъ (съ письма Сковороды), а теперь

[1]) Мои „Археол., этногр. и топогр. зам. о Харьк. губ., стр. 14—15.

Библиотека "Руниверс"

срисованъ для насъ извѣстнымъ художникомъ С. И. Васильковскимъ.

Въ заключеніе мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ назвать тѣ учрежденія и тѣхъ лицъ, которыя оказывали содѣйствіе настоящему изданію. Историко-Филологическое Общество приноситъ глубокую признательность Кіевской Духовной Академіи, въ лицѣ ея ректора епископа Сильвестра и проф. Н. И. Петрова, которые первые доставили въ Харьковъ цѣнную коллекцію рукописныхъ сочиненій Сковороды изъ Церковно археологическаго музея Академіи, Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ и Румянцевскому музею въ Москвѣ въ лицѣ директоровъ ихъ—Акад. А. Ѳ. Бычкова и тайн. сов. В. А. Дашкова, испросившихъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на присылку рукописей въ Харьковъ, г. Кіевскому губернатору Л. П. Тамарѣ и Вс. Изм. Срезневскому за присылку цѣнныхъ рукописей, П. Д. Мартиновичу, кн. П. Шаховскому и Ст. Дан. Носу за сообщеніе разныхъ данныхъ о Сковородѣ, проф. И. В. Нетушилу, подготовившему къ изданію латинскія письма Сковороды къ Ковалинскому, составившему къ нимъ указатель и державшему ихъ корректуру, проф. Я. А. Денисову, сдѣлавшему нѣсколько примѣчаній къ греческимъ текстамъ, проф. А. И. Кирпичникову, списавшему въ Румянцевскомъ музеѣ одно письмо Сковороды, г. С. Жебелеву, собравшему свѣдѣнія о портретѣ Сковороды и руководившему исполненіемъ съ него фотографіи, художнику С. И. Васильковскому, срисовавшему печать Сковороды, Харьковскому фотографу г. Иваницкому, проф. Е. К. Рѣдину и проф. А. Н. Краснову, доставившимъ обществу фотографическіе снимки съ портретовъ Сковороды и его почерковъ, г. Веберу, предпринявшему поѣздку въ с. Панъ-Ивановку и снявшему тамъ видъ его могилы, В. В. Александрову, сообщившему цѣнный портретъ Сковороды [1]). Общество также не можетъ умолчать и о томъ, что появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія сдѣлалось возможнымъ только благодаря матеріальной поддержкѣ, оказанной ему Правленіемъ университета и Историко-Филологическимъ факультетомъ, зачто оно и выражаетъ свою признательность имъ въ лицѣ уважаемыхъ г. ректора М. М. Алексѣенка и декана А. С. Лебедева. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что для ближайшаго завѣдыванія дѣломъ изданія Ист.-Фил. обществомъ была избрана коммиссія, въ составъ которой кромѣ меня вошли: предсѣдатель Общества проф. М. С. Дриновъ, проф. А. С. Лебедевъ, проф. Ѳ. А. Зеленогорскій и секретарь проф.

[1]) Не могу не принести лично благодарности Вс. Изм. Срезневскому, присылавшему мнѣ нѣкоторыя рѣдкія сочиненія и выписки, касавшіяся Сковороды, г. хранителю рукописей Моск. Рум. Муз. г. Долгову, указавшему мнѣ на нѣкоторыя сочиненія Сковороды, хранившіяся въ Музеѣ, М. В. Багалѣй, Е. И. Паволоцкой, Е. Г. Лагермаркъ и В. И. Саввѣ, помогавшимъ мнѣ при перепискѣ и корректурѣ.

Библиотека "Руниверс"

Н. Ѳ. Сумцовъ. Коммиссія имѣла нѣсколько засѣданій, гдѣ помимо другихъ вопросовъ разсматривались рукописи съ цензурной точки зрѣнія (Общество выпускаетъ свои изданія подъ собственной цензурой и настоящая книга является 7-мъ томомъ Сборника Общества). Едва ли нужно прибавлять (послѣ всего сказаннаго), что Общество, издавая настоящія сочиненія Сковороды, руководствовалось исключительно желаніемъ познакомить ученый міръ съ новыми матеріалами, имѣющими серьезное историко-литературное значеніе; такою цѣлью объясняется какъ составъ, такъ и характеръ труда.

Дм. Багалѣй.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека “Руниверс”

„ЖИТІЕ ГРИГОРІЯ СКОВОРОДЫ“.

Писано въ 1796 г. въ древнемъ вкусѣ *).

Non omnis moriar. *Horat.*

Во всемъ существующемъ есть нѣчто главное и всеобщее; въ нечленовныхъ ископаемыхъ земля, въ растительныхъ вода; въ животныхъ огонь; въ человѣкѣ разумъ и такъ далѣе.

Каждое бытіе составляетъ особый кругъ или міръ свой, съ различіями, дѣлимостями, раздробленіями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность сихъ круговъ имѣетъ надъ собой и въ себѣ главнѣйшее, всемірное, верховное, единое начало: *вся тѣмъ быша.* Сіе распространяясь, раздѣляясь въ способности, силы, свойства, постепенности, осуществляетъ невидимыя бытія разнообразно и въ снисхожденіи своемъ сгущаясь составляетъ въ человѣкѣ мысленность, въ животныхъ чувство, въ растительныхъ движеніе, въ нечленовныхъ ископаемыхъ существованіе. Человѣкъ, т. е. воплощенная способность мыслящая, въ семъ началѣ живетъ, движется и есть.

Сія всеглавнѣйшая, всемірная, невидимая сила, единая, умъ, жизнь, движеніе, существованіе, изливаясь изъ непостижимости въ явленіе, изъ вѣчности во всю обширность времени, изъ единства изключительнаго до безпредѣльной множественности, образуя кругъ человѣчества, удѣляетъ одному отъ главности своей благороднѣйшее преимущество—свободную волю.

На сей главизнѣ, на семъ корени, на семъ началѣ основывается власть правительствъ, держава владыкъ, сила царей, любовь родителей, честь мудрыхъ, слава добродѣтельныхъ, память праведныхъ.

---

*) Біографія Гр. Сав. Сковороды, составленная его другомъ М. И. Ковалинскимъ. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Множественность вноситъ различіе, а сіе предполагаетъ неравенство и несовершенство; свободная воля предполагаетъ выборъ, сей же нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство,—любить оное, искать предпочтительно. Отсюда происходитъ подвигъ исканія; *подвижникъ истины называется мудрый*, а дѣло его—добродѣтель. Парѳянинъ и мидянинъ, іудей и эллинъ, рабъ и своболь равно участвуютъ въ семъ преимуществѣ всемірнаго, верховнаго, единаго начала. Подвигъ, т. е. правильное употребленіе свободной воли, дѣлаетъ раздѣленіе.

Поставленный между вѣчностію и временемъ, свѣтомъ и тьмою, истиною и лжею, добромъ и зломъ, имѣющій преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящій то въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, во всякомъ мѣстѣ бытія, состояніи, званіи, степени есть мудрый, есть праведный.

Таковъ есть мужъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово.

Григорій (сынъ Саввы) Сковорода родился въ Малой Россіи, кіевскаго намѣстничества, лубенской округи, *въ селѣ Чернухахъ, въ 1722* году. Родители его были изъ простолюдства: отецъ козакъ, мать такого же рода. Они имѣли состояніе мѣщанское посредственно-достаточное, но честностію, правдивостію, странноприимствомъ, набожествомъ, миролюбивымъ сосѣдствомъ отличались въ своемъ кругѣ.

Сей сынъ ихъ Григорій, по седьмому году отъ рожденія, примѣтенъ былъ склонностію къ богочтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ и твердостію духа. Въ церквѣ ходилъ онъ самоохотно на крилосъ и пѣвалъ отмѣнно пріятно. Любимое и всегда почти твердимое имъ пѣніе было сей стихъ Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы не брегоша безбожнаго велѣнія».

По охотѣ его, отецъ отдалъ его въ кіевское училище, славившееся тогда науками. Григорій скоро превзошелъ сверстниковъ своихъ успѣхами и похвалами. Митрополитъ кіевскій Самуилъ Мислављскій, человѣкъ отличной остроты разума и рѣдкихъ способностей къ наукамъ, будучи тогда соученикомъ его, оставался во всемъ ниже его при величайшемъ соревнованіи своемъ.

Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сковороды къ музыкѣ и отмѣнно пріятный голосъ его подали случай быть ему выбранну ко двору въ пѣвческую музыку, куда и отправленъ былъ онъ при вступленіи на престолъ государыни.

Библиотека "Руниверс"

Онъ не долго находился тамъ. Императрица скоро предпріяла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда при возвратномъ отбытіи двора въ С.-Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и паки началъ учиться.

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ. Онъ возжелалъ видѣть чужіе краи. Скоро представился поводъ къ сему, и онъ воспользовался имъ всеохотно. Отъ двора отправленъ былъ въ Венгрію къ Токайскимъ садамъ генералъ-майоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ грекороссійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію.

Сковорода извѣстенъ знаніемъ музыки голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому одобрительно и взятъ имъ въ покровительство.

Путешествуя съ генераломъ симъ, имѣлъ онъ случай, съ позволеніемъ и съ помощію его, поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться найпаче съ людьми ученостію и знаніями отлично славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и съ особливою чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ еллинской, по чему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ пустымъ карманомъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Какъ и сихъ состояніе не весьма зажиточно было, то искали они случая, какъ бы употребить его труды съ пользою его и общественной. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа. Сковорода, имѣя тогда уже болѣе основательныя и болѣе обширныя познанія въ наукахъ, нежели каковы тогда были въ училищахъ провинціальныхъ, написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ исскуству оной—такъ новымъ образомъ, что епископу показалось страннымъ и несообразнымъ прежнему старинному обычаю. Епископъ приказалъ перемѣнить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу ученія.

Библиотека "Руниверс"

Сковорода, увѣренъ будучи въ знаніи своемъ и точности дѣла сего, не согласился перемѣнить и отставить написанныя имъ правила для поэзіи, которыя были простѣе и вразумительнѣе для учащихся, да и совсѣмъ новое и точное давали понятіе объ оной. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ консисторію, для чего онъ не выполнилъ повелѣнія. Сковорода отвѣтствовалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ въ томъ, что разсужденіе его о поэзіи и руководство, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ сего искусства. При томъ въ объясненіи прибавилъ латинскую пословицу: Alia res sceptrum, alia plectrum, т. е. иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль.

Епископъ на докладѣ консисторіи сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: не живяше по средѣ дому моего творяй гордыню. Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища. Сей былъ первый опытъ твердости его духа.

Недостатки стѣсняли его крайне, но нелюбостяжательный нравъ его поддерживалъ въ немъ веселость его.

Онъ перешелъ изъ училища жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ стѣсненія нуждъ его. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не вздумалъ спросить его о надобности. И такъ переносилъ онъ нужды скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно, не имѣя тогда, какъ только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотной кафтанъ, одни башмаки, одни черные гарусные чулки. Нужда обработывала въ немъ сердце полезнѣйшее и насѣяла въ немъ сѣмяна терпѣнія такія, которыхъ плодами угобзясь жизнь его, содѣлала его мудрымъ и счастливымъ.

Не въ далекомъ разстояніи имѣлъ жительство малороссійскій знаменитый дворянинъ Стефанъ Тамара, которому потребенъ былъ учитель для сына его. Сковорода одобренъ былъ ему отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ деревню Каврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку.

Старикъ Тамара отъ природы имѣлъ великій разумъ, по службѣ обращаясь съ иноземцами, пріобрѣлъ нарочитыя знанія; однако придерживался много застарѣлыхъ предубѣжденій, свойственныхъ грубаго воспитанія людямъ, которые смотрятъ съ презрѣніемъ на все то, что не одѣто въ гербы и не расписано родословіями. Сковорода началъ раньше воздѣлывать сердце воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ,

Библиотека "Руниверс"

а не безвремянно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію.

Цѣлой годъ продолжалось обращеніе его съ сыномъ, но отецъ никогда не удостоивалъ учителя ни однимъ словомъ разговора, хотя всякой день за столомъ онъ съ воспитанникомъ бывалъ у него. Чувствительно было такое униженіе человѣку, имѣвшему въ низкой простотѣ благородное сердце: но Сковорода сносилъ все то и, не смотря на презрѣніе и уничиженіе его, исправлялъ должность свою по совѣстной обязанности.

Договоръ былъ сдѣланъ на годъ, и онъ хотѣлъ сдержать слово свое.

Въ одно время, разговаривая съ воспитанникомъ своимъ и видя любовь его къ себѣ, а по сему обращаясь съ нимъ откровенно и просто, спросилъ его, какъ онъ мыслитъ о томъ, что говорили. Воспитанникъ на тотъ случай отвѣчалъ неприлично. Сковорода возразилъ ему, что онъ мыслитъ о семъ, какъ свиная голова. Служители тотчасъ отнесли госпожѣ, а барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все таки учителя, но уступая женѣ, отказалъ ему отъ дому и должности; и при отпускѣ его, въ первый разъ заговоря съ нимъ, сказалъ ему: прости государь мой! мнѣ жаль тебя!

Тогда уже судьба начинала пріуготовлять сердце его къ несправедливостямъ людскимъ, которыя имѣлъ онъ испытать въ продолженіи жизни. Сковорода остался безъ мѣста, безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды.

Убогъ, скуденъ, нуженъ, пріѣхалъ онъ къ пріятелю своему, одному сотнику переяславскому, человѣку добродушному и странолюбивому. Тутъ нечаянно представился ему случай ѣхать въ Москву съ Каллиграфомъ, отправлявшимся въ московскую академію проповѣдникомъ, съ которымъ онъ, какъ пріятель его, и поѣхалъ; а оттуда въ Троицкую Сергіеву лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ многоученый Кириллъ, бывшій послѣ епископомъ черниговскимъ. Сей, увидя Сковороду, котораго зналъ уже по слуху, и нашедъ въ немъ человѣка отличныхъ дарованій и учености, старался уговорить его остаться въ лаврѣ для пользы училища: но любовь его къ отечественному краю отвлекала его въ Малороссію. Онъ возвратился паки въ Переяславль, оставя по себѣ въ лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла.

Духъ его отдалялъ его отъ всякихъ привязанностей и дѣлая его пришельцомъ, присельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства,

Библиотека "Руниверс"

стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій природы простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго.

Не успѣлъ пріѣхать онъ въ Переяславль, какъ разумный Тамара поручилъ знакомымъ своимъ уговаривать его, что-бъ паки къ сыну опредѣлился онъ учителемъ. Сковорода не соглашался, зная предразсудки его, а паче домашнихъ его, но пріятель его, будучи упрошенъ отъ Тамары, обманомъ привезъ его въ деревню къ нему ночью спящаго.

Старикъ Тамара не былъ уже тотъ гербовой вельможа, но ласковый дворянинъ, который хотѣлъ цѣнить людей по внутреннему достоинству ихъ. Онъ обласкалъ его дружески, просилъ быть сыну его другомъ и руководствовать его въ наукахъ. Любовь и откровенное его обхожденіе сильнѣе всего дѣйствовали веегда надъ Сковородою. Онъ остался у Тамары, съ сердечнымъ желаніемъ быть полезнымъ, безъ договора, безъ условій.

Уединеніе руководствуетъ къ размышленіямъ. Сковорода, поселясь въ деревнѣ, подчиня докуку нуждъ необходимыхъ попеченію любимаго и возлюбившаго его господина, обезпеча себя искренностію его, предался любомудрію, т. е. исканію истины. Часто въ свободные часы отъ должности своей удалялся въ поля, рощи, сады, для размышленія. Рано поутру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы собесѣдники глумленій его. Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, житейскія звали его поперемѣнно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда пловущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ. Въ монашествѣ, удалявшемся отъ начала своего, видѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву.

Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостяжанія, всѣ труд-

Библиотека "Руниверс"

ности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ любомудрію.

Душа человѣческая, повергаясь въ состояніе низшихъ себя степеней, погружаясь въ звѣрскіе страсти, предаваясь чувственности своей, свойственной скотамъ, принимаетъ на себя свойства и качества ихъ: злобу, ярость, несытость, зависть, хитрость, гордость и проч., возвышаясь же подвигомъ добрыя воли выше скотскихъ увлеченій, звѣрскихъ побужденій и безсловесныхъ стремленій, восходитъ на высоту чистоты умовъ, которыхъ стихія есть свѣтъ, разумъ, миръ, гармонія, любовь, блаженство, и отъ оныхъ заимствуетъ нѣкоторую силу величественности, свѣтлости и разумѣнія высшаго, пространнѣйшаго, далечайшаго, яснѣйшаго, и превосходнѣйшей святости въ чувствіяхъ, которыми преисполняясь внутренно [1]), являетъ [2]) въ воображеніи бытія человѣческаго иногда одобрительно, иногда наказательно, увѣщательно, предварительно и указательно.

Сковорода видѣлъ опытъ сего порядка и силы природы въ себѣ самомъ и описываетъ сіе въ оставшихся по немъ запискахъ своихъ тако:

«Въ полночь ноября 24 числа 1758 года, въ селѣ Каврай, казалось во снѣ, будто я разсматриваю различныя охоты житья человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскіе чертоги, наряды, музыки, плясанія, гдѣ любящіися то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатыя постели и пр. Оттуда повела меня сила къ простому народу, гдѣ такія же дѣйствія, но особеннымъ образомъ и порядкомъ производились. Люди шли по улицѣ съ склянницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, какъ обыкновенно въ черномъ народѣ бываетъ; также и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ. Тутъ поставя въ одинъ

---

[1]) Прем. Сол., гл. 18, ст. 17 и 19.

[2]) Сократу часто снился одинъ сонъ: оный казался ему въ различныхъ видахъ, но всегда приказывалъ одно: «Сократъ, прилагайся къ музыкѣ и упражняйся въ оной».

Сократъ такъ толковалъ сонъ свой: какъ совершеннѣйшая музыка есть философія, то наиболѣе прилежи къ оной.

Критонъ, другъ Сократовъ, пришелъ объявить ему, что завтра, по приговору суда, долженъ онъ умереть. Сократъ сказалъ ему: такъ и быть сему, но не завтра, мнѣ снился сонъ въ сіе же утро, что женщина необыкновенной красоты явилась мнѣ въ длинныхъ бѣлыхъ ризахъ и, назвавъ меня по имени, говорила: «чрезъ три дни прибудешь ты въ плодоносную твою Пиѳію».

Библиотека "Руниверс"

рядъ мужескъ, а въ другой женскъ полъ, разсматривали, кто хорошъ, кто на кого похожъ и кому достоинъ быть парою. Отсюда вшелъ я въ постоялые домы, гдѣ лошади, упряжь сѣно расплаты, споры и прочее слышалъ. Наконецъ сила ввела меня въ храмъ нѣкій обширный и прекрасный: тутъ яко-бы въ день сошествія Святаго Духа служилъ я литургію съ діакономъ, и помню, что возглашалъ сіе громко: „яко святъ еси Боже нашъ“ и прочее до конца. При семъ по обоимъ хорамъ пѣто было протяжно: „Святый Боже“... Самъ же, я съ діакономъ предъ престоломъ до земли кланяясь, чувствовалъ внутренно сладчайшее удовольствіе, котораго изобразить не могу. Однако и тутъ человѣческими пороками осквернено. Сребролюбіе съ кошелькомъ таскается и самаго священника не миная, почти вырываетъ въ складку. Отъ мясныхъ обѣдовъ, которые въ союзныхъ почти храму комнатахъ отправляемы были и въ которыя изъ олтаря многія двери находились, во время литургіи духъ проникалъ до самой святой трапезы. Тутъ я видѣлъ слѣдующее ужасное позорище. Какъ нѣкоторымъ не доставало къ явствію птичьихъ и звѣриныхъ мясъ; то они одѣтого въ черную ризу человѣка, имѣвшаго голыя колѣна и убогія сандалія, убитаго въ рукахъ держа, при огнѣ, колѣна и икры жарили и мясо съ истекающимъ жиромъ отрѣзывая и отгризывая жрали, и сіе дѣлали акибы нѣкіе служители. Я не стерпя смрада и свирѣпства сего, отвратилъ очи и вышелъ. Сей сонъ не меньше усладилъ меня, какъ и устрашилъ“ [1]).

Я пишу жизнь человѣка сего въ христіанскомъ вѣкѣ, странѣ, народѣ и исповѣданіи. Да прочтутъ книгу христіанства, святое писаніе и увидятъ, что человѣкъ способенъ быть прозорливцемъ, не разумливай да не разумѣваетъ!

Сковорода началъ чувствовать вкусъ къ свободѣ отъ суетностей и пристрастій житейскихъ, въ убогомъ, но безпечномъ состояніи, въ уединеніи, но безъ растройки съ самимъ собою. Лжемудрствующее самолюбіе, сія преукрашенная дщерь внѣшняго разума, не могла объять сердце его,—величественное свойство мыслящаго бытія; волю онъ углубилъ со всѣмъ умствованіемъ ея и желаніями въ ничтожность свою; повергъ себя въ волю Творца, предавшись всецѣло жизни и любви Божьей, дабы промыслъ его

[1]) Тацитъ, политикъ, философъ глубокомысленный, писатель, описывая обстоятельство Цинны съ Арменіусомъ, не пропустилъ упомянуть видѣннаго Цинною сна. Читай Тацита лѣтопись, глава 1, 45 артик., гл. II, 14, артик. о Германикусѣ.

Библиотека “Руниверс”

располагалъ имъ, яко орудіемъ своимъ, аможе хощетъ и якоже хощетъ.

Когда человѣкъ исходитъ изъ круга самомнѣнія, самопроизволенія, самолюбія своего, почитая все то землею пустою, непроходною и безводною, тогда чистый Духъ святый занимаетъ всѣ чувствія его и возстановляетъ царствіе истины, т. е. возжигаетъ въ немъ способности внутренняго чувства огнемъ любви своея. Тогда высокое познаніе и разумѣніе, по мѣрѣ расположенія внутренняго и внѣшняго, возникаетъ изъ средоточія всѣхъ вещей, аки тончайшій, проницательнѣйшій огнь, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, поглощаясь бездною свѣта. Въ такомъ состояніи чувствіе человѣка взираетъ на духъ Вседержителя съ радостію и поклоненіемъ и симъ-то образомъ смиренное самоотверженіе человѣческое можетъ созерцать то, что есть въ вѣчности и во времени, ибо все, близь его, все, окрестъ его, все въ немъ есть.

Григорій, исполняясь чувствами истинъ, изображалъ то перомъ въ сочиненіяхъ простыхъ, но сильныхъ. Между прочими написалъ онъ стихи: [1]) „Оставь, о духъ мой вскорѣ!“.... Старикъ Тамара, прочтя оныя и узнавъ отъ него, что то была забава его, сказалъ ему: „другъ мой!—Богъ благословилъ тебя дарованіемъ духа и слова“.

Все время бытности его у Тамары проходило въ обученіи сына его словеснымъ наукамъ и языку, а себя благочестію и самодовольству.

Наконецъ молодому воспитаннику его надлежало поступить въ другой курсъ упражненій, пристойныхъ по свѣту и по роду, а Сковородѣ судьба предъуготовила званіе изъ-далѣче.

Въ Бѣлгородъ прибылъ на епископскій престолъ Іоасафъ Миктевичъ, мужъ исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія; сему архіерею былъ извѣстенъ по законоискусству и по старой пріязни игуменъ Гервасій Якубовичъ, находившійся тогда въ Переяславлѣ. Іоасафъ пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ харьковскомъ училищѣ 1759 года.

Отличный образъ его мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался при-

---

[1]) Сіи стихи и многіе другіе находятся у друга его.

Библиотека “Руниверс”

стойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотѣнъ, гдѣ не пренужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести.

Годъ протекъ и онъ, оконча срочное время, пріѣхалъ къ Іоасафу для препровожденія обыкновеннаго въ училищахъ времени и отдохновенія. Епископъ, желая удержать его болѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію, какъ пріятелю его, уговаривать его, чтобы принялъ онъ монашеское состояніе, обѣщевая довести его скоро до сана высокаго духовенства. Гервасій началъ совѣтывать Сковородѣ, предлагая желаніе архіерея, благовидность пользъ его, предстоящую ему въ семъ поприщѣ честь, славу, изобиліе всего, почтеніе и, по его мнѣнію, счастливую жизнь.

Не таковы долженствовали быть предложены побужденія для сердца Сковороды. Онъ, выслушалъ сіе, возревновалъ по истинѣ и сказалъ Гервасію: „развѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число фарисеевъ? ѣште жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! а Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самаго въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой“. Геврасій, убѣждалъ его милостію архіерея, дружбою своею, пользою церкви, но Сковорода твердъ духомъ и правилами, возразилъ ему въ отвѣтъ: „благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ при семъ случаѣ“. Гервасій, зная недостатки его и думая, что онъ, нуждаясь содержаніемъ и знакомствомъ въ чужой сторонѣ, долженъ будетъ согласиться на предложеніе его, оказалъ ему остуду. Гри-

Библиотека "Руниверс"

горій примѣтя сіе, рѣшился скоро. На третій же день, дождавшись въ передней выхода его, подошелъ сказать ему всемиреннѣйше: „прошу вашего высокопреподобія на путь мнѣ благословенія". Гервасій, не глядя на него, благословилъ его съ досадою; а Сковорода съ миромъ отошелъ и тотчасъ отправился къ новому пріятелю своему въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода.

Старица было мѣсто изобильное лѣсами, водотечами, удоліями благопріятствующими глубокому уединенію. Сковорода, поселясь тамо, паче всего прилежалъ къ познанію себя и упражнялся въ сочиненіяхъ относительныхъ къ сему. Въ лишеніяхъ своихъ призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи само-произволенія духа, т. е. побужденій отъ себя, происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ.

Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзать господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отецъ Гервасій донесъ епископу объ отзывѣ Сковороды на предложенія его и объ отбытіи его. Добродушный Іоасафъ не подосадовалъ, но только пожалѣлъ объ немъ. Между тѣмъ Григорій продолжалъ пустынножительство въ Старицѣ.

Нигдѣ столько не обозрѣваетъ себя человѣкъ, какъ въ уединеніи; и не напрасно сказано древнимъ мудрецомъ [1]): уединенный долженъ быть или царь, или звѣрь. Преобороть скуку, проклятое изчадіе недовольства, занять умъ и сердце упражненіями достаточными, ублажить ихъ, есть дѣло не инако, какъ мудраго, обладающаго собою, царя уединеннаго, священника Божія, понимающаго вездѣ сущее и все исполненіе Духа Господня и поклоняющагося ему духомъ.

Сковорода, провождая тамо дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечаліи, благонадежности, часто говаривалъ при посѣщающихъ его: «о свобода, о наука»!

Слухъ о необыкновенной жизни его и назидательномъ собесѣдованіи привлекъ многихъ искателей знакомства его. Онъ, по-

---

[1]) Надобно имѣть великое основаніе разума, или совсѣмъ онаго лишену быть, чтобъ содержать себя долгое время въ уединенной жизни, снести себя, ужиться самому съ собою, смотрѣть на себя спокойными глазами, быть довольну сердцемъ своимъ; не искать себя внѣ себя—есть ключь истиннаго блаженства.

Библиотека "Руниверс"

сѣщая нѣкоторыхъ по деревнямъ, вздумалъ навѣстить Харьковъ. Нѣкто изъ познакомившихся съ нимъ и сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, что-бъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.

Сковорода пріѣхалъ въ Харьковъ, жилъ у знакомыхъ своихъ нѣсколько уже недѣль. Въ одно время, пришедши посѣтить училище и видя тутъ нѣкоторыхъ незнаемыхъ имъ, спросилъ: не находится ли тутъ такой то племянникъ, NN? Молодой тотъ человѣкъ случился на сіе время быть тамъ, и знакомые Сковородѣ сказали, что онъ самый тотъ есть. Сковорода, посмотря на него, возлюбилъ его и возлюбилъ до самой смерти. Послѣ увидѣлъ сей молодой человѣкъ, что случай таковый былъ устроенъ для него перстомъ Божіимъ издалече.

Добрый пастырь Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, желалъ всячески привлечь его паки въ Харьковское училище, извлечь изъ дарованій его пользу, которую онъ чувствовалъ во всей цѣнѣ ея. Зная, что онъ не любитъ принужденности, пригласилъ его дружески и предложилъ ему должность учителя, какую хочетъ. Довольно было убѣдить Сковороду, что-бъ дать только ему на выборъ дѣло, то или другое. Онъ, имѣя въ виду пользу, намѣреваемую для молодаго новаго друга своего, котораго въ сердцѣ почиталъ уже таковымъ, какъ послѣ самъ о семъ изъяснялся, радъ былъ призыву епископа и взялъ предложеніе его всеохотно съ тѣмъ, что-бъ преподавать ему классъ, ниже прежняго, синтактическій. Сверхъ того взялся обучать еллинскому языку.

Прибывъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ и вступя въ должность, нашелъ онъ любимаго своего молодаго человѣка, который однако не зналъ и не смѣлъ мыслить, что-бъ могъ быть достойнымъ дружбы его, хотя любилъ и удивлялся философской жизни его и внутренно почиталъ его.

Григорій часто началъ посѣщать его и, по склонности молодаго человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговорамъ и нравоученію, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, каковаго желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа.

Молодой сей человѣкъ, будучи воспитываемъ до сего полуучеными школьными учителями, частію монахами, въ рукахъ которыхъ тогда святилища наукъ находились, которые и положи-

Библиотека "Руниверс"

ли ему въ голову мнѣнія о вещахъ странныя, часто слыша отъ Сковороды противное тому и не могши согласить въ понятіи своемъ новыхъ правилъ съ старыми, видя же на самомъ дѣлѣ жизнь его добродѣтельную, цѣломудрую, примѣрную, сомнѣвался самъ въ себѣ, сожалѣлъ душевно, что такой добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія и правила, особливо же до нравоученія и духовныхъ знаній относительныя, а по сему и въ заблужденіяхъ находился.

Всѣ книгочіе наставники его, да и весь свѣтъ словомъ и дѣломъ внушали ему, что счастіе человѣческое состоитъ въ томъ, что-бъ имѣть всего много, много чего ѣсть, много чего пить, много, во что одѣваться и въ утѣхахъ праздно веселиться. Сковорода одинъ началъ говорить ему: что-бъ быть истинно счастливымъ, то все оное не нужно; что ограниченіе желаній, отверженіе излишествъ, обузданіе прихотствующей воли, трудолюбіе, исправленіе должности, въ которую промыслъ Божій поставилъ кого, не за страхъ, но за совѣсть суть пути къ счастію. Сковорода говорилъ сіе и жилъ тако.

Велемудрые учили его, что добродѣтель гражданская одна есть ничто предъ верховнымъ существомъ, что Маркъ Аврелій, Титъ, Сократъ, Платонъ и прочіе, славные въ древности великими дѣлами и сердцемъ люди, должны быть несчастливы, потому что не имѣли историческаго знанія о вещахъ, случившихся послѣ ихъ. Сковорода утверждалъ, что во всѣхъ оныхъ мужахъ дѣйствовалъ духъ вышній; а по сему и недостойны они осужденія, но почтенія и подражанія въ любви къ истинѣ. И есть ли Богъ есть истинно, то они были вѣрные служители его.

Философы, учившіе молодого человѣка, толковали ему, что къ такому, напримѣръ, жизни состоянію больше и особенно привязано благословеніе Божіе, а къ иному меньше, или же и проклятіе, что вѣденіе таинствъ и выполненіе обрядовъ тайноводства есть совершенство и высокость человѣка. Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры и Богъ, раздѣляя члены общества, ни кого не обидѣлъ; проклятіе же Онъ налагаетъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя званію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ. И нонеже не испытали они въ себѣ склонности врожденной, то и предалъ ихъ верховный Раздаятель дарованій въ неискусенъ умъ, да творятъ неподобная и будутъ прокляты, т. е. несчастливы. Сковорода училъ, что совершенство человѣка со-

Библиотека "Руниверс"

стоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительны къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ, или въ дѣлѣ.

Молодой человѣкъ, напоенъ будучи изъ млада предувѣреніями, слушая Сковороду, возчувствовалъ въ себѣ возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ разрѣшить оную. Прочіе учители его внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговора его и даже видѣться съ нимъ. Онъ любилъ сердце его, но дичился разума его; почиталъ жизнь, но не вмѣщалъ въ умъ разсужденій его; уважалъ добродѣтели, но устранялся мнѣній его; видѣлъ чистоту нравовъ, но не узнавалъ истины разума его; желалъ бы быть другомъ, но не ученикомъ его. Трудно изгладить первыя впечатлѣнія.

Сковорода продолжалъ преподавать синтаксисъ и еллинскій языкъ общественно; а любимаго своего молодаго человѣка обучалъ особенно греческому языку и чтенію древнихъ книгъ, изъ которыхъ любимѣйшіе имъ были слѣдующіе писатели: Плутархъ, Филонъ іудеянинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіянъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Нилъ, Діонисій Ареопагитскій, Максимъ исповѣдникъ, а изъ новыхъ относительные къ симъ; глава же всѣмъ Библія. Сила, содержаніе и конецъ учебнаго ихъ упражненія было сердце, т. е. основаніе блаженной жизни.

Предпринявъ перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истины, писывалъ онъ къ нему письма почти ежедневно, дабы, побудя его къ отвѣтствованію хотя кратко на оныя, пріучить его мыслить, разсуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предразсудки, возбуждаемые различіемъ мнѣній, не позволяли сумнѣніямъ въ юношѣ изкорениться. Странное произшествіе истребило оныя до основанія, и сіе такъ описано въ поденныхъ запискахъ сего молодаго человѣка.

1763 года, будучи я занятъ размышленіями о правилахъ, внушаемыхъ мнѣ Сковородою и находя въ умѣ моемъ оныя несогласными съ образомъ мыслей прочихъ, желалъ сердечно, чтобъ кто либо просвѣтилъ меня въ истинѣ. Въ такомъ расположеніи находясь и поставя себя въ возможную чистоту сердца, видѣлъ я слѣдующій сонъ [1]).

---

[1]) Зри книгу Филона іудеянина о снахъ отъ духа бываемыхъ въ сочиненіяхъ его о Св. писаніи вѣтхаго завѣта и къ Коринѳ. 2 посланіе Св. Ап. Павла гл. 12-я ст. 1 и Іова, гл. 33, ст. 15, 18 и пр.

Библиотека "Руниверс"

Казалось, что на небѣ, отъ одного края до другаго, по всему пространству онаго, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо голубаго цвѣта, и золотыя слова оныя казались не столько снаружи блестящими, но больше внутрь сіяли прозрачно свѣтомъ, и не совокупно написаны по лицу небеснаго пространства, но складами, по слогамъ и содержали слѣдующее и точно такимъ образомъ: па—мять свя—тыхъ му—че—ни—къ А—на—ні—я, А—за—рі—я, Ми—са—и—ла. Изъ сихъ золотыхъ словъ сыпались огненныя искры, подобно, какъ въ кузницѣ изъ раздуваемыхъ сильно мѣхами угольевъ, и падали стремительно на Григорія Сковороду. Онъ стоялъ на землѣ, поднявъ вверхъ прямо правую руку и лѣвую ногу, въ видѣ проповѣдывающаго Іоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторые въ изображеніяхъ представляютъ въ такомъ разположеніи тѣла и каковымъ Сковорода тутъ же мнѣ вообразился. Я стоялъ близь его, нѣкоторыя искры изъ падающихъ на него, отскакивая, упадали на меня и производили во мнѣ нѣкую легкость, развязность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и неизъясняемое удовольствіе духа. Я въ исполненіи сладчайшаго чувствованія проснулся.

Поутру, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе странное почтенному и добродѣтельному старику, троицкому священнику Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ, подумавши, сказалъ мнѣ съ умиленіемъ: «Ахъ молодой человѣкъ! слушайтесь вы сего мужа: онъ посланъ вамъ отъ Бога быть ангеломъ руководителемъ и наставникомъ». [1]) Съ того часа молодой сей человѣкъ предался всѣдушно дружбѣ Григорія, и съ сего времени я въ продолженіи писанія сего буду называть его другомъ по превосходству.

Представившіяся въ велелѣпномъ видѣ, написанныя на небеси имена трехъ отроковъ были тѣхъ самыхъ, которыхъ исторія изображена въ томъ любимомъ Сковородою Дамаскиновомъ стихѣ, который пѣвалъ онъ при всякомъ случаѣ въ молодости своей, по нѣкоему махинальному побужденію, какъ о семъ упомянуто въ началѣ сего. Ни Сковорода о любимомъ семъ стихѣ, ни другъ его о видѣнномъ имъ никогда другъ другу не разсказывали и не знали. По прошествіи тридцати одного года, за два мѣсяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга своего въ деревнѣ и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянулъ и о томъ стихѣ Да-

[1]) Гдѣ душа наша не обрѣтаетъ ни какого основанія подлинности, тамъ должна она ввѣряться мнѣніемъ успокоевающимъ и возвышающимъ бытіе его, ибо сіи мысли ведутъ насъ чрезъ волны жизни сія.

Библиотека "Руниверс"

маскиновомъ, что онъ всегда почти имѣлъ въ устахъ его и, самъ не зная по чему, любилъ его паче прочихъ пѣній. Другъ, сіе услыша тогда и приведя на память видѣнное имъ во снѣ за тридесять одинъ годъ назадъ, въ молчаніи удивлялся гармоніи чудесной, которая въ различныя лѣта, въ разныхъ мѣстахъ, то одному въ уста, что другому послѣ въ воображеніе полагала, въ возбужденіе сердецъ ихъ къ выполненію и явленію разума и силы исторіи оной на самомъ дѣлѣ, въ жизни ихъ. Впрочемъ другъ его никогда ему о семъ видѣнномъ не говорилъ и послѣ.

Ежели, по духовному разуму исторіи, образъ златый на полѣ Деирѣ служимый, есть міръ сей, поле Деирово—время, пещь огненная—плоть наша, разжигаемая желаніями, похотѣніями, суестрастіями, пламенями жгучими духъ нашъ; если тріе отроцы, не послужившіе твари и небрегшіе поклонитися идолу златому, суть тріе главнѣйшія способности человѣческія: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіяся духу міра сего, во злѣ лежащаго, и не врѣждены огнемъ любострастныя плоти, но прохлаждаясь свыше Духомъ святымъ, пѣснословно изображаютъ Дѣву Богоматерь, дѣвственное сердце, непорочность души человѣческой; то огнь, падающій изобильными струями на Григорія Сковороду изъ златовидныхъ именъ, написанныхъ на небеси, трехъ отроковъ израильскихъ, есть тайно-образовательное свидѣтельство почивающаго на немъ Духа Божія.

Другъ его началъ давать мѣсто въ мысляхъ и въ сердцѣ своемъ мнѣніямъ и правиламъ его и нечувствительно увидѣлъ себя на пути свѣтломъ чистаго ума и несмущеннаго духа.

Сковорода, хотя возбудить мыслящую силу друга своего поучатися не въ книгахъ однѣхъ, но паче въ самомъ себѣ, откуда всѣ книги родятся, часто въ собесѣдованіяхъ съ нимъ раздѣлялъ человѣка на двое: на внутренняго и внѣшняго, называя одного вѣчнымъ, а другаго временнымъ, того небеснымъ, сего земнымъ, того духовнымъ, сего душевнымъ, онаго творческимъ, сего тварнымъ. По сему раздѣленію, въ одномъ и томъ же человѣкѣ усматривалъ онъ два ума, двѣ воли, два закона, двѣ жизни. Перваго, по божественному роду его, именовалъ онъ царемъ, господиномъ, началомъ; другаго же, по земному бытію его, рабомъ, орудіемъ, подножіемъ, тварью; и, какъ первому, по преимуществу его, надлежало управлять, начальствовать, господствовать, другой же долженствовалъ повиноваться, служить, послѣдовать волѣ онаго: то въ надлежащее соблюденіе порядка сего святѣйшія при-

Библиотека "Руниверс"

роды пріучалъ онъ себя во всѣхъ дѣяніяхъ жизни придерживаться тайнаго гласа внутренняго, невидимаго и неизъясняемаго мановенія духа, которое есть гласъ воли Божіей и которое люди, чувствуя въ тайнѣ и послѣдуя движенію его, ублажаются, не повинуясь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманіе въ другѣ своемъ и въ прочихъ къ сему святилищу внутреннія силы Божія и часто приглашалъ прислушиваться изреченіямъ сего прорицалища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ, яко друга, въ развращенныхъ, яко судіи, въ непокоривыхъ, яко мстителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говоритъ св. писаніе: *Нетлѣнный духъ твой есть во всѣхъ: тѣмъ же заблуждающихъ по малу обличаеши, и въ нихъ же согрѣшаютъ, воспоминая, учиши, да, примѣнившеся отъ злобы, вѣруютъ въ тя, Господа!* Онъ утверждалъ, что сей былъ тотъ самый [1]) геній, которому послѣдуя во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, т. е. счастливаго.

Онъ говаривалъ съ сильнымъ убѣжденіемъ истины: „посмотри на человѣка и узнай его! Кому подобенъ истинный человѣкъ, Господь сый во плоти? Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди же: не стебель съ вѣтвями есть колосъ, не солома его, не плева, не наружная кожица, одѣвающая зерно, и не тѣло зерна: но колосъ есть самая сила, образующая стебель, солому, тѣло зерна и проч., въ которой силѣ все оное заключается невидимо. Она производитъ все то въ явленіе весною, когда вся внѣшность на зернѣ согнила, дабы не причтено было плододѣйство мертвой землѣ, т. е. гніющей внѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, дабы онъ единъ былъ во всемъ глава, вся же внѣшность прочая—пята. Отъ колоса поступи къ человѣку. Въ колосѣ видѣлъ ты солому, полову, кожицу: но не тамо Богъ. Гдѣ же?—Въ невидимой силѣ растительной: Господь Богъ про-

[1]) Древніе подъ названіемъ генія разумѣли то, что мы называемъ ангеломъ хранителемъ. Сократъ называлъ сего генія демономъ. Слово *демонъ* есть еллинское и значитъ разумѣвающій. Геній и демонъ есть разумная внутренняя сила человѣка. Нѣкоторые чрезъ генія разумѣютъ изощренное чувствованіе добра и зла, другіе сильное нравственное чувство. Зри о геніи Сократовомъ Плутарха особое сочиненіе.

Библиотека "Руниверс"

изростилъ намъ колосъ невидимою силою. Посмотри же на тѣлесность человѣка: не тамо сила Божія! она въ невидимости его закрылась. Подними же отъ земныя плоти мысли твои и уразумѣй человѣка въ себѣ, отъ Бога рожденна, не сотворенна, въ послѣднее житія время! Сила растительная зерна, глава тѣла всего есть тайная дѣйствительность невидимаго Бога: познай въ себѣ силу разумную, глаголъ Божій, слово вѣчное, десницу Божію, законъ, власть, царство, невидимость, образъ Отца небеснаго. Раскрой сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который Отцу своему небесному вмѣсто силы его и вмѣсто десницы его есть во вѣки вѣковъ. Сіе сѣмя твое, зерно твое, есть пространнѣе небесъ и земныхъ круговъ, видимое сіе небо и земля сія въ немъ сокрываются, и тебя-ли сіе сѣмя сохранить не возможетъ? Ахъ, буди увѣренъ, что и самый нечувственный власъ головы твоея, потерявши наличность свою, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохранится, ублажится! О сѣмя благословенное, человѣкъ истинный, Божій! Вся видимость есть подножіе его. Самъ онъ въ себѣ носитъ царство, онебеся всякаго просвѣщаемаго имъ и восполня своимъ всеисполненіемъ, возсѣдъ на мѣстѣ десницы (одесную) Отца небеснаго во вѣки.

Симъ немногимъ извѣстнымъ правиломъ водясь, онъ принималъ на себя должности, располагалъ упражненія свои и забавы, перемѣнялъ нечаянно мѣстопребыванія, дѣлалъ знакомства, вступалъ въ пріязни, принималъ въ дружбу свою и не прежде рѣшался дѣлать что либо зависящее отъ единственнаго выбора воли его, какъ посовѣтуя со внутреннимъ духомъ, котораго онъ называлъ иногда Минервою. Ибо, какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ мозга Юпитерова, такъ духъ нашъ происходитъ отъ Бога.

Какъ Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Сковорода людьми безъ Минервы. Такъ часто, видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна богослова, роскошнаго монаха и проч., съ досадою говорилъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе царствующей въ вѣкѣ его Екатерины, находившееся у друга его въ гостинномъ покоѣ, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!

Онъ мыслилъ, что счастіе человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить

Библиотека "Руниверс"

себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряпчими по дѣламъ, многіе ученые—разнощиками, многіе судьи—пахарями, военачальники—пастухами, монахи—цѣловальниками и проч.

Отсюда, заключалъ онъ, происходитъ, что одно и тоже самое состояніе жизни одного ублажаетъ, а другого окаянствуетъ; одного воинскій санъ прославляетъ, а другаго посрамляетъ; одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другаго низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ имени его; одного богословіе дѣлаетъ свѣтильникомъ міра, обладателемъ надъ сердцами, славнымъ безъ славы, почетнымъ безъ почестей, а другаго обманщикомъ, лицемѣромъ, лжецомъ, хвастуномъ, высокомудрствующимъ; одного ученіе возвысило до небесъ, а другаго низвело до ада; одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому разбойника; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе; одного монашество освятило, а другаго очернило и погубило во вѣки.

Такое правдивое, но для многихъ колкое изъясненіе скоро навлекло ему брань. Ложь и порокъ вооружили на него орудія свои въ лицахъ многихъ. Но рука Господня была съ нимъ, и онъ превозмогалъ ею всѣ навѣты глупыхъ и злыхъ человѣковъ.

Занимаясь много другомъ своимъ, возводя умъ выше обыкновенныхъ познаній, навѣдывался онъ искоренить въ немъ предубѣжденія, напечатлѣнныя отъ невѣждъ и бабіихъ басней. Примѣтя, что страхъ смерти и боязнь мертвыхъ обладали мучительно воображеніемъ его, предлагалъ онъ ему важныя чтенія, разрушающія сіе ужасное мнѣніе; бесѣдовалъ часто о началѣ и разснащеніи существъ каждаго въ свое основаніе, говоря, что вѣнцу подобенъ вѣкъ: начало и конецъ въ единой точкѣ заключаются. Отъ зерна колосъ въ зерно возвращается, отъ сѣмени въ сѣмя яблонь закрывается [1]), земля въ путь земли идетъ и духъ къ духу. Какое, такъ разсуждалъ онъ, есть основаніе первоначальное тварей? — Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли

[1]) Стихъ, наполненный превысокаго понятія «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный», утверждаетъ сію истину.—Первая точка: Святый Боже,—знаменуетъ начало предваряющее всю тварь; вторая: Святый крѣпкій, знаменуетъ начало создавшее плоть и вселившееся въ ней; 3-я: Святый безсмертный, знаменуетъ начало, пребывающее исчезнувшей плоти; зри о семъ сочиненіе его «Потопъ Зміинъ», гл. 4.

Библиотека "Руниверс"

вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы [1]). Назначено поприще или кругъ каждому существу, по образу вѣчнаго, явить силы свои, т. е. изліяніе невидимаго во времянной видимости и паки вступить въ свое начало, т. е. въ свое ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и сіе едино есть Богъ. Всѣ твари, вся природа суть пріятелище, риза, орудіе: все сіе обветшаетъ, свіется, измѣнится; единъ духъ Божій, исполняющій вселенную, пребываетъ во вѣки. Бого-человѣкъ нашъ, говорилъ онъ, есть вѣнецъ нашъ: не умираемъ, но измѣняемся отъ смерти въ животъ, отъ тлѣнія въ нетлѣніе. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава ихъ въ студѣ ихъ. Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и слышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ часъ есть; то почто на утріе, на тысящу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе судъ, гласъ сына Божія? Нося уже въ себѣ огнь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ насъ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго, якоже слышитъ онъ сердце наше?

Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечувствительно доводилъ его до кладбища городскаго. Тутъ, ходя въ полночь между могилъ и видимыхъ на песчаномъ мѣстѣ отъ вѣтра разрытыхъ гробовъ, разговаривалъ о безразсудной страшливости людской, возбуждаемой въ воображеніи ихъ отъ усопшихъ тѣлъ. Иногда пѣлъ тамъ что либо приличное благодушеству, иногда же, удалясь въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтраверѣ, оставя друга молодаго между гробовъ одного, яко бы для того, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Сей, непримѣтно освобождаясь отъ пустыхъ впечатлѣній, мечтательныхъ страховъ, въ спокойствіи сердечномъ внутренно возсылалъ благодареніе Промыслу Божію за ниспосланіе ему мудраго друга и наставника.

Въ 1764 году другъ его вознамѣрился поѣхать въ Кіевъ для любопытства. Сковорода рѣшился сопутствовать ему, куда и отправились они въ августѣ мѣсяцѣ.

---

[1]) Читай о семъ книгу, «De l'origine, usages et abus de la raison et de la foi», 328 page.

Библиотека "Руниверс"

По пріѣздѣ туда, при обозрѣваніи древностей тамошнихъ, Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества.

Многіе изъ сочениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ печерской лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно бродить по свѣту! пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тя, аки свое чадо, ты будешъ столбъ церкви и украшеніе обители.—Ахъ, преподобные! возразилъ онъ въ горячности: я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ во храмѣ Божіемъ.

За симъ привѣтствіемъ старцы замолчали, а Сковорода, смотря на нихъ, продолжалъ: риза! риза! коль не многихъ ты опреподобила! коль многихъ окаянствовала! Міръ ловитъ людей разными сѣтями, накрывая оныхъ богатствами, честьми, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею: но всѣхъ несчастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастіе свое не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней!

Монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая сіе; но звонъ позвалъ ихъ, и они поспѣшили на молитву. Одинъ изъ нихъ просилъ Сковороду съ другомъ его на завтра прогуляться за монастырь. Согласясь, пошли всѣ трое и сѣли на горѣ надъ Днѣпромъ. Отецъ Калистратъ (такъ назывался онъ), обнявъ тутъ Сковороду, сказалъ: о мудрый мужъ! я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братіею; но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оной однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою: могу ли я?.. Сковорода отвѣтствовалъ: отъ человѣкъ не возможно, отъ Бога же вся возможна суть.

По прошествіи нѣсколькихъ дней надлежало другу его возвращаться во свояси. Сковорода, будучи упрошенъ родственникомъ своимъ, соборнымъ печерскимъ типографомъ Іустиномъ, остался въ Кіевѣ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Кіева паки въ Харьковъ. Украину предпочиталъ онъ Малороссіи за воздухъ и воды. Рѣки почти всѣ цвѣтутъ въ Малороссіи, отъ чего и воздухъ имѣетъ гнилость. Онъ обыкновенно называлъ Мало-

Библиотека "Руниверс"

россію матерью потому, что родился тамъ, а Украину теткою по жительству его въ оной и по любви его къ ней.

Въ Харьковѣ былъ губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ не имѣвшій учебнаго воспитанія, но одаренъ природнымъ здравымъ разумомъ, любитель наукъ, талантовъ, музыки, въ которой и самъ онъ былъ весьма искусенъ и знающъ. Наслышась о Сковородѣ, призвалъ его къ себѣ и, поговоря съ нимъ, сказалъ ему:

— Честной человѣкъ! для чего не возмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?

— Милостивый государь! отвѣтствовалъ Сковорода: свѣтъ подобенъ театру: чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простаго, безпечнаго, уединеннаго: я сію ролю выбралъ, взялъ и доволенъ.

Губернаторъ, посмотря на него съ удовольствіемъ, полюбилъ его и сказалъ предстоящимъ:

— Вотъ умный человѣкъ! онъ прямо счастливъ; было меньше бы на свѣтѣ дурачествъ и неудовольствій, ежели бы люди такъ мыслили.

— Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга, можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣнія, предувѣреніе...

— Если бы я почувствовалъ сего дня, прервалъ Сковорода, что могу безъ робости рубить турковъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе. Песъ бережетъ стадо день и ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, не смотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ. Ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому. Склонность, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ есть тоже. Есть склонности, есть природы злыя и сіи суть явленіе гнѣва Божія. Человѣкъ есть орудіе, свободно и вольно подчиняющее себя дѣйствію или любви Божіей, т. е. живота, или гнѣва Божія, т. е. суда, добра или зла, свѣта или тьмы. Сіе на-

Библиотека "Руниверс"

печатлѣно ощутительно на кругообращеніи дня и ночи, лѣта и зимы, жизни и смерти, вѣчности и времени. Богъ есть Богъ живота или любви и Богъ суда или гнѣва[1]). Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее. Отсюда естественно происходитъ понятіе о правосудіи, милосердіи и благости въ Творцѣ, а когда въ Творцѣ, то и въ тваряхъ, найпаче же приближенныхъ къ нему даромъ разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, воины, судіи, господіе, рабы; но единъ Богъ во всѣхъ и вся въ немъ.

Щербининъ въ сладость послушалъ его и убѣждалъ его ходить къ нему чаще. Сковорода, держась приличія того лица, которое избралъ онъ представлять на театрѣ жизни, всегда удалялся знатныхъ особъ, великихъ обществъ и чиновныхъ знакомствъ, любилъ быть въ маломъ кругѣ непринужденнаго обращенія съ людьми откровенными, предпочиталъ чистосердечное обхожденіе паче всякихъ ласкательныхъ пріемовъ, въ собраніяхъ занималъ всегда послѣднее мѣсто, ниже всѣхъ и неохотно входилъ въ бесѣду съ незнакомыми, кромѣ простолюдиновъ.

Любимое, но не главное упражненіе его была музыка, которою онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время. Онъ сочинилъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проницающей, плѣняющей, умиляющей. Онъ имѣлъ особую склонность и вкусъ къ акроматическому роду музыки. Сверхъ церковной, онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ на скрипкѣ, флейтраверѣ, бандорѣ и гусляхъ пріятно и со вкусомъ.

Въ 1766 году, по повелѣнію благополучно царствующей Екатерины II, къ харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ названіемъ прибавочныхъ классовъ. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравія. Начальство при-

[1]) Міръ сей и человѣкъ суть изъявленіе чудесъ, которыя Духъ Бога невидимаго производитъ вещественно. Сей духъ чудесъ свидѣтельствуетъ въ явленіи своемъ о внутреннемъ состояніи бытій въ любви или во гнѣвѣ, въ добрѣ или во злѣ.

Библиотека "Руниверс"

знало способнѣйшимъ къ сему Сковороду и пригласило его. Онъ охотнѣйше принялъ сіе предложеніе и не захотѣлъ брать опредѣленнаго за классъ сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствіе, которое находитъ онъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду. По сему поводу написалъ онъ въ то время сочиненіе, извѣстное подъ симъ именемъ: «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства Харьковской губерніи».

Сочиненіе сіе содержало въ себѣ простыя истины, краткія коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце къ подобному себѣ концу высокому; но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почтеніи онаго, то епископъ бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое расужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ; требовалъ книжицу на разсмотрѣніе; нашелъ нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ, и образъ ученія несоотвѣтствующій обыкновенному правилу; почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго. Сковорода отвѣтствовалъ: дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣть оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли, продолжалъ онъ въ отвѣтъ, государя разумѣетъ и почитаетъ пастухъ и земледѣлецъ, какъ министръ его, военноначальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству такія ли прилично мысли имѣть о верховномъ существѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ?—По семъ отвѣтѣ все замолчало.

Сковорода, побуждаясь духомъ, удалился въ глубокое уединеніе. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое Гужвинское, принадлежащее помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ любилъ онъ за добродушіе ихъ. Оное покрыто угрюмымъ лѣсомъ, въ срединѣ котораго находился пчельникъ съ одною хижиною. Тутъ поселился Григорій, укрываясь отъ молвы житейской и злословій духовенства.

Предавшись на свободѣ размышленіямъ и оградя спокойствіе духа безмолвіемъ, безстрастіемъ, безсуетностью, написалъ онъ

Библиотека "Руниверс"

тутъ первое сочиненіе свое въ образѣ книги, названное имъ *Наркизъ*, или о томъ: *познай себя*. Прежнія его, до того писанныя, малыя сочиненія были только отрывочныя въ стихахъ и прозѣ.

Продолжая тамъ свое пустынножительство, написалъ онъ другое сочиненіе, подъ именемъ: *Книга Асхань, о познаніи себя самою*, которое приписалъ другу своему.

Лжемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудіе, клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода осуждаетъ употребленіе мясъ и вина и самъ чуждается оныхъ. А какъ извѣстно, что такое ученіе есть ересь Манихейская, проклята отъ святыхъ соборовъ, то законослови и дали ему прилагательное имя Манихейскаго ученика; сверхъ того доказывали, что онъ называетъ вредными, сами по себѣ, золото, серебро, драгоцѣнныя вещи, одежды и проч. Какъ же Богъ ничего вреднаго не сотворилъ, а всѣ тѣ вещи имъ созданы, то и заключили, что онъ богохульникъ.

Притомъ, поелику Сковорода удаляется отъ людей, чуждается обществъ, бѣгаетъ состоянія въ общежитіи, скрывается въ лѣса, то и выводили естественнымъ послѣдствіемъ, что онъ не имѣетъ любви къ ближнему, а потому и называли его мизантропомъ, т. е. человѣконенавистникомъ.

Сковорода, узнавши о семъ и не желая, что-бъ добрыя и простодушныя сердца соблазнились о немъ сими разглашеніями клеветы, явился въ городъ и, нашедъ въ одномъ собраніи приличный случай къ объясненію правилъ своихъ, говорилъ тако [1]): было время и теперъ бываетъ, что для внутренней моей экономіи воздерживаюсь я отъ мясъ и вина. Но потому ли лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ, когда велитъ поудержаться отъ употребленія онаго тому, у кого вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все благосотворено отъ всещедраго Творца, но не все всѣмъ всегда бываетъ полезно. Правда, что я совѣтывалъ нѣкоторымъ, дабы они осторожно поступали съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсѣмъ отъ того отводилъ ихъ, разсуждая горячую молодость ихъ. Но, когда отецъ младолѣтнему сыну вырываетъ изъ рукъ ножъ и не даетъ ему употребленія оружейнаго пороху, самъ однако же пользуясь оными,—то не ясно ли видно, что сынъ еще не можетъ владѣть правильно тѣми вещами и обращать ихъ въ пользу, ради которой онѣ изобрѣтены. Вотъ почему приняли меня за Мани-

[1]) Сіе самое объясненіе описываетъ онъ въ письмѣ къ нѣкоторому другу своему.

Библиотека "Руниверс"

хейскаго ученика. Не ложно то, что всякій родъ пищи и питія есть полезенъ и добръ; но надлежитъ брать въ разсужденіе время, мѣсто, мѣру, особу. Не бѣдственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крѣпкой водки, или не смѣшно ли работавшему въ потѣ лица весь день на стужѣ дровосѣку подать стаканъ молока въ подкрѣпленіе силъ его? Какъ же несправедливо почли меня за Манихея, такъ и недостойно за человѣконенавистника и ругателя даровъ Божіихъ.

Когда Богъ опредѣлилъ мнѣ въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ нарядѣ, въ одѣяніи, въ поступкахъ и въ обращеніи со степенными, сановными, знаменитыми и почтенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе и всегда помнить мою ничтожность предъ ними. Сіе самъ я стараясь сохранить, и прочимъ совѣтывалъ дѣлать такожде, отъ чего и попалъ я въ оклеветаніе. Оглагольники мои, если бы приписывали мнѣ обыкновенныя слабости или пороки, то сносно былобы мнѣ; но сіи языковредныя, представляя меня развращающимъ нравы, дѣлаютъ меня еще душегубителемъ, т. е. еретикомъ, и подъ симъ видомъ запрещаютъ, отговариваютъ, отсовѣтываютъ вступать со мною въ знакомство, въ бесѣду, въ обращеніе. Я говаривалъ молодымъ людямъ совѣтывать съ своею природою, что-бъ они на позорищѣ жизни могли сохранить благопристойность, приличную искуснымъ дѣйствующимъ лицамъ; а если кто взялъ ролю, не совсѣмъ сродную ему, то старался бы, какъ можно, удачнѣе оную представить и поступать безъ соблазновъ, дабы хотя нѣсколько жалобы между людьми и роптанія предъ Богомъ на состоянія свои уменьшились.

Слушавшіе тутъ другъ на друга взглядывали и никто ни слова не сказалъ ему на сіе. Сковорода, поклонясь всѣмъ, отправился тогда же въ уединеніе.

Въ изюмскомъ округѣ Харьковской губерніи имѣли жительство дворяне Сошальскіе, которыхъ братъ меньшій просилъ тутъ же Сковороду пожить у него, предлагая ему спокойное пребываніе въ деревнѣ его, гдѣ все по вкусу и охотѣ своей онъ могъ найти, какъ и самаго хозяина, ищущаго любви его. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его Гусинку, полюбилъ мѣсто и хозяевъ и поселился не въ далекомъ разстояніи отъ деревни, въ пасѣкѣ ихъ. Тишина, безмятежіе, свобода возбудили въ немъ всѣ чувствія тѣхъ драгоцѣнныхъ удовольствій, которыя опытомъ извѣстны однимъ мудрымъ и цѣломудрымъ. Мнози глаголютъ: (такъ

Библиотека "Руниверс"

писалъ онъ къ другу своему) что дѣлаетъ Сковорода? чѣмъ забавляется? Азъ же во Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческія жизни, продолжалъ онъ, оно есть главная точка всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ. Суть нѣкіе, аки безъ главной точки живущіе, безъ цѣли, безъ пристани пловущіе. Но о развращенныхъ я не говорю; свое всякому радованіе мило, азъ же поглумлюся, позабавлюся въ заповѣдехъ Вѣчнаго. Все исходитъ въ скуку и омерзѣніе, кромѣ сея забавы, и пути ея пути вѣчны.

Между симъ кругъ жизни друга его доходилъ до той точки, на которой означается [1]) двупутіе Геркулесово. Онъ вознамѣрился ѣхать въ столицу для службы: въ 1769 году отправился туда и прибылъ въ ноябрѣ.

Свѣтъ представился ему во всей великости своихъ прелестей. Потопъ мыслей покрылъ разумъ его и бездна желаній отверзлась предъ сердцемъ его. Но пріучась отъ наставника своего Сковороды относиться во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ къ мановенію внутренняго духа, силою его пробудился отъ обаятельнаго удивленія, и три года проживя въ столицѣ, всегда хранилъ подъ державою его, соблюлъ душевное спокойствіе. Блаженъ, аще бы неуклонно во всѣ текущіе лѣта послѣдовалъ сему великаго совѣта ангелу!

Въ 1770 году Сковорода, согласясь съ Сошальскимъ, поѣхали въ Кіевъ. Родственникъ его Іустинъ былъ начальникомъ китаевской пустыни, что подлѣ Кіева. Сковорода поселился у него въ монастырѣ и три мѣсяца провелъ тутъ съ удовольствіемъ. Но вдругъ примѣтилъ въ себѣ [2]) внутреннее движеніе духа непонятное, побуждающее его ѣхать изъ Кіева. Слѣдуя сему, по своему обыкновенію, проситъ онъ Іустина, чтобъ его отпустилъ онъ въ Харьковъ. Сей уговариваетъ его остаться, Григорій непреклонно настоитъ, чтобъ отправить его. Іустинъ заклинаетъ всей святынею не оставлять его. Сей, видя нерасположеніе Іустина къ отпуску его, пошелъ въ Кіевъ къ пріятелямъ попросить, чтобъ отправили его въ Украину: тѣ удерживаютъ его, онъ отговаривается, что ему духъ настоятельно велитъ удалиться изъ Кіева. Между симъ пошелъ онъ на Подолъ, нижній городъ въ Кіевѣ. Пришедъ на гору, откуда сходятъ на Подолъ, вдругъ

[1]) Геркулесу предстали Минерва и роскошъ и звали его каждая въ свой путь; сіе называется двупутіе Геркулесово.

[2]) Душа мужа возвѣщати нѣкогда болѣе обыче, нежели седьмъ блюстители высоцѣ сѣдяшіе на стражѣ.—Сирахъ гл. 37, ст. 18.

Библиотека "Руниверс"

остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильный запахъ мертвыхъ труповъ, что перенесть не могъ и тотчасъ поворотился домой [1]). Духъ убѣдительнѣе погналъ его изъ города, и онъ съ неудовольствіемъ отца Іустина, но съ благоволеніемъ духа отправился въ путь на другой же день.

Пріѣхавъ чрезъ двѣ недѣли въ Ахтырку городъ, остановился онъ въ монастырѣ у пріятеля своего архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тутъ вдругъ получили извѣстіе, что въ Кіевѣ оказалась моровая язва, о которой въ бытность его и не слышно было, и что городъ запертъ уже.

Сердце его дотолѣ почитало Бога, аки рабъ; оттолѣ возлюбило его, аки другъ. И о семъ онъ разсказывалъ другу своему тако:

Имѣя разженныя мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я сердцемъ моимъ, была нѣкая развязаность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутрь себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ, и, казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкіимъ восхищеніемъ, нечувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто-бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ изчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонію во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе, и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе духу Божію.

---

[1]) Ксенофонтъ и Платонъ описываютъ различныя происшествія, гдѣ Сократовъ духъ, такъ называемый Геній, предсказывалъ такія вещи, которыхъ не можно истолковать изъ обыкновенныхъ извѣстныхъ естественныхъ силъ души; когда его осудили на смерть и друзья его совѣтывали, чтобы онъ написалъ оправдательную рѣчь, «я нѣсколько разъ принимался писать оную, сказалъ Сократъ, но Геній всегда мнѣ въ томъ препятствовалъ. Можетъ быть, угодно Богу, чтобы я умеръ нынѣ легкою смертью, пока не прійду въ старость многоболѣзненную и немощную уже».

Библиотека "Руниверс"

По прошествіи двадцати четырехъ лѣтъ пересказывалъ онъ сіе другу своему съ особеннымъ чувствованіемъ, давая знать, коль близь насъ есть Богъ, колико промышляетъ о насъ, хранитъ насъ, якоже кокошъ птенцы своя подъ крылѣ своя собравъ, аще мы точіо не удаляемся отъ него во мрачныя желанія воли нашей разтлѣнной.

Поживя нѣсколько у отца Венедикта, отправился онъ паки въ Гусинку къ Сошальскимъ, гдѣ и занялся упражненіями сочиненій.

Въ 1772 году въ февралѣ мѣсяцѣ другъ его поѣхалъ въ чужіе краи и, бывъ во Франціи въ разныхъ городахъ, прибылъ въ 1773 г. въ Швейцарію, въ городъ Лозанъ.

Между многими умными и ученными людьми, каковыхъ въ Лозанѣ нашелъ онъ, находился тамъ нѣкто Даніилъ Мейнгардъ, человѣкъ отмѣннаго разума природнаго, имѣвшій даръ слова, ученость рѣдкую, обширныя познанія, благонравіе философское. Онъ столь похожъ былъ чертами лица, обращеніемъ, образомъ мыслей, даромъ слова на Сковороду, что можно было бы почесть его ближайшимъ родственникомъ его. Другъ Сковороды познакомился съ нимъ, и они другъ друга столько полюбили, что Мейнгардъ, имѣя у себя подлѣ Лозаны прекрасный загородный домъ, садъ и величайшую библіотеку, просилъ его располагать онымъ всѣмъ въ свое удовольствіе, и сей пользовался всегда, какъ и многими свѣдѣніями отъ него.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ и увидясь съ Сковородою въ 1775 г., разсказалъ ему другъ его ту удивительную встрѣчу, по которой онъ нашелъ въ Лозанѣ похожаго человѣка на него чертами лица, свойствами, образомъ мыслей и дружбою къ нему. Сковорода возлюбилъ его заочно, и съ того времени началъ подписывать на письмахъ и сочиненіяхъ своихъ имя свое тако: Григорій варъ (евр.: сынъ) Сава Сковорода, Даніилъ Мейнгардъ.

И добрая и худая слава распространилася о немъ во всей Украинѣ, Малороссіи и далѣе. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, всѣ хотѣли видѣть его, можетъ быть, за одну странность и необыкновенный образъ жизни его, немногіе знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точности былъ внутренно.

По разнымъ обстоятельствамъ живалъ онъ у многихъ: иногда мѣстоположеніе по вкусу его, иногда же люди по Минервѣ его привлекали его проживать нѣкоторое время; непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцомъ на земли во всемъ разумѣ слова сего.

Библиотека "Руниверс"

Полюбя Тевяшова, воронежскаго помѣщика, жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе «Икона Алкивіадская», которое и приписалъ ему въ память признательности своей къ дому сему. Потомъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ у Захаржевскаго, ради пріятныхъ положеній природы, жительствовалъ у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Ивановкѣ у Ковалевскаго, у друга своего въ Хотетовѣ, въ монастыряхъ старо-харьковскомъ, харьковскомъ училищномъ, ахтырскомъ, сумскомъ, святогорскомъ, сеннянскомъ и пр. по нѣскольку времяни. Иногда жилъ у кого либо изъ сихъ и у другихъ, совершенно не любя ихъ пороковъ, но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая, нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель.

Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ онъ, избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ безъ услуги.

Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его; новый тамошній начальникъ, услыша объ немъ, желалъ видѣть его. Сковорода пришелъ къ нему по приглашенію его. Губернаторъ, увидя его въ первой разъ и посмотря на него пристально, спросилъ его: г. Сковорода! о чемъ учитъ Библія?—О человѣческомъ сердцѣ, отвѣтствовалъ онъ; поваренныя ваши книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библія учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце.

Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: что есть философія?—Главная цѣль жизни человѣческой, отвѣчахъ Сковорода; глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни; но не всякъ главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобъ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно,—то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія.

Изъ Харькова паки отправился онъ въ Гусинку, любимое свое пустынножительство.

Библиотека "Руниверс"

Любомудріе, поселясь въ сердцѣ Сковороды, доставляло ему благосостояніе, возможное земнородному. Свободенъ отъ узъ всякаго принужденія, суетности, искательствъ, попеченія, находилъ онъ всѣ свои желанія исполненными [1]) въ ничтожествѣ оныхъ. Занимаясь о сокращеніи нуждъ естественныхъ, а не о распространеніи, вкушалъ онъ удовольствія, несравненная ни съ какими счастливцами.

Когда солнце, возжегши безчисленныя свѣщи на смарагдотканной плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ его трапезу; тогда онъ, принимая чашу забавъ, не растворенныхъ никакими печальми житейскими, никакими воздыханіями страстными, никакими разсѣянностями суетными, и вкушая радованія высокимъ умомъ, въ полномъ упокоеніи благодушества говаривалъ: благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!

Когда усталость въ размышленіяхъ заставляла его перемѣнить упражненія свои; тогда онъ приходилъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жительствовавшему въ пчельникѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли между собою вечерю.

Ночь была ему мѣстомъ упокоенія отъ напряженій мысленныхъ, нечувствительно изнуряющихъ силы тѣлесныя; а легкій и тихій сонъ для воображенія его былъ зрѣлищемъ позорищъ, гармоніею природы представляемыхъ.

Полунощное время имѣлъ онъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ [2]). Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помышленія въ одинъ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: возстаните лѣнивіи и всегда низу поникшіи ума моего помыслы! возмитеся и возвыситеся на гору вѣчности. Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, собственными бренности человыческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее, возсѣсть на престолѣ свободы ея

[1]) Между всѣми упражненіями есть найхудшее желать; оно есть противность премудрости. Юнгъ. Ночь, 4.

[2]) Достойнѣйшее молитвоприношеніе Богу есть исканіе истины чистымъ сердцемъ; въ семъ состоитъ богомысліе.

Библиотека "Руниверс"

и быть подобнымъ Вышнему. Богомыслiе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездѣсущему, вся исполняющему, и заставляло его облещись во вся оружiя Божiя, дабы возмощи ему стати противу кознемъ лжемудрiя. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако за полунощные часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченiи противу силъ мрачнаго мiра. Возсiяващее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословiе свое со всею природою.

Сей былъ образъ жизни его! Не орю убо, не сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, такъ писалъ онъ другу своему изъ пустыни; отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что, всегда благословяще Господа, поемъ воскресенiе его. Учуся, другъ мой, благодарности: се мое дѣло! учуся быть довольнымъ о всемъ томъ, что отъ промысла Божiя въ жизни мнѣ дано. Неблагодарная воля есть ключъ адскихъ мученiй, благодарное же сердце есть рай сладостей. Ахъ, другъ мой! поучайся въ благодарности, сидяй въ дому, идяй путемъ, засыпая и просыпаясь; пріемли и обращай все во благо доволенъ сущими; о всемъ приключающемся тебѣ не воздавай безумiя Богу; всегда радующеся, о всемъ благодаряще, молися.

Можно было жизнь Сковороды назвать жизнiю. Не таково было тогда состоянiе друга его.

Обращенiе въ великомъ свѣтѣ, удаля его мало по малу отъ его самого, заведя въ лестныя внѣшности, усыпя въ немъ довѣрiе ко внутреннему гласу духа, пробудя жаръ истиннаго любомудрiя, возжгло въ немъ разумъ свѣтскiй и возбудило свойства, собственныя сему кругу бытiя.

Свѣтъ облагопрiятствовалъ его своими дарами: наложа на него усыпленiе, далъ ему жену, друзей, прiятелей, благодѣтелей, преданныхъ, знакомыхъ, свойственниковъ, житейскiя связи и выгоды. Но дары сiи напоены были сокомъ корня ихъ и свойствами начала ихъ. Онъ увидѣлъ въ счастiи превращенiе, въ друзьяхъ измѣну, въ надеждахъ обманъ, въ успѣхахъ пустоту, въ союзахъ самовидность, въ ближнихъ остуду, въ своихъ лицепрiятiе.

Таковы были послѣдствiя свѣтскаго круга, въ которой попалъ онъ, оставя самъ себя.

Библиотека "Руниверс"

Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился онъ въ себя самого, собралъ разсѣянныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію.

Свѣтъ и тамо исказилъ все. Въ глубокомъ уединеніи остался онъ одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ болѣзни, въ печаляхъ, въ безпокойствахъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи, соболѣзнованія. Тогда онъ, возведя очи свои на позорище свѣта, на кругъ обстоятельствъ своихъ, на заблужденія свои, которыхъ онъ сдѣлался жертвою, и видя, что не на камени основанъ былъ храмъ житейскаго счастія его, въ сердечномъ чувствіи сожалѣнія, ободрясь добродушіемъ своимъ, воспѣлъ оную преисполненную истины пѣснь:

О Іерихонъ проклятый, какъ ты меня обманулъ! и проч.

Промыслъ Божій воззрѣлъ на него въ развалинахъ бытія его, воздвигнулъ духъ мудраго, сердце друга, и Сковорода семидесятитрехлѣтній, по девятнадцатилѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село Хотетово, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, одинъ раздѣлить съ нимъ ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая бесѣда, сердце свободное отъ всякаго рабства свѣту, суетности, пристрастіямъ, торжество благодушія, утвержденное на семидесятилѣтнихъ столбахъ жизни и увѣнчеваемое при исходищахъ вѣка спокойствіемъ вѣчности, возбудили въ другѣ его усыпленныя силы разума, восприли чувствія его, возвысили желанія, устроили волю къ волѣ Вседержителя.

Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ему; читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и между чтеніемъ занималъ его разсужденіями, правилами, понятіями, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея.

Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностію, а гдѣ собственномудріе, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости.

Я не знаю мартинистовъ, продолжалъ онъ, ни разума, ни ученія ихъ; ежели они особничествуютъ въ правилахъ и обрядахъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобы казаться мудрыми (читай о семъ сочиненіе его «Потопъ Зміинъ», гл. 3-я въ концѣ), то я не хочу знать ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобъ быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, яко самонужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и напечатлѣнъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ. Благодареніе всеблаженному Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное нетруднымъ!

Исканіе философскаго камня, или превращеніе всѣхъ вещей въ золото и содѣланіе состава изъ онаго, дабы продлить человѣческую жизнь до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, есть остатокъ египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, при всѣхъ мудрованіяхъ своихъ, нашло способъ продолжать существованіе труповъ человѣческихъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ мумій. Сія секта, говорилъ онъ, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, несообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: поживѣ въ малѣ, исполнь лѣта долга. Сверхъ того она ласкательствуетъ соблазнительно суетности человѣческой, похотоугодіямъ, гордости, зависти, любостяжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тлѣнности, въ сердцѣ поводъ къ саддукейству.

Другъ его доводилъ бесѣду до исторіи св. писанія [1]). Многіе, сказалъ Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клевещутъ, яко бы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдаю въ оной духовной разумъ, чувствую Богописанный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю: ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и св. писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то самъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава сей исторіи есть духъ воина, дѣла его. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу похвалами симметрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя сіе къ искусству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли, исключаю ли кирпичъ, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменьщиковъ, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности онаго.

[1]) Читай о семъ сочиненіе его «Жена Лотова», прим. 4-е.

Библиотека "Руниверс"

Читая св. писаніе въ намѣреніи научиться въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властемъ придержащимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его, когда я найду, напримѣръ, исторію, что Ааронъ первосвященникъ золотаго тельца жидовскаго, сдѣланнаго ими въ небытность его и поклоняемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, поучающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимати ученію ея. Я научаюсь отъ сея исторіи, что сердце человѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что, когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятіе истины, духъ разума, то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его, и чтитъ, величаетъ, боготворитъ презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенію, нежели, какъ есть ли бы я, узнавши, какъ золото передѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатитися или химичествовать.

Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ, по соотвѣтствованію оныхъ и по единству всеисполненія исполняющаго духа. Но для сего не добиваюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ, въ исторіи, а поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей, природы непорочныя и растлѣнныя, и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ во свое время свободу мыслей, т. е. веселіе духа или такъ называемое счастіе въ жизни.

Не туда ли воззываютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемыя въ храмахъ нашихъ: *премудрость прости?* Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумѣніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія твоего, и увидишь невидимаго, силу Божію, духъ Господень, воскресеніе. Что бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣлимостей?

Библиотека "Руниверс"

Но сіи историческіе христіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человѣки духа не имуще, хулятъ то, чего не разумѣютъ.

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. Страхъ смерти, говорилъ онъ, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовремянно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями,—онѣ суть недѣйствительны, но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевной миръ пріуготовляется издали, тихо въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ сдѣланнаго добра, по-способностямъ и отношеніямъ бытія нашего, къ кругу занимаемому нами. Сіе чувствіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія; впрочемъ, преходитъ образъ міра сего и, яко соніе возстающаго, уничтожается.

Имѣлъ ли ты когда, продолжалъ онъ, пріятныя или страшныя сновидѣнія? Чувствованія сихъ мечтательныхъ удовольствій или страха не продолжались ли только до проснутія твоего? Со сномъ все кончилось. Проснутіе уничтожало всѣ радости и страхи сонной грезы. Тако всякъ человѣкъ по смерти. Жизнь временная есть [1]) сонъ мыслящей силы нашей. Въ продолженіи сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются въ мечтаніи чувствія нашего. Прійдетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи времянности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе востающаго, уничтожится. Жена егда родитъ, младенецъ вступаетъ въ новый порядокъ вещей, новое поприще бытія, новую связь существъ, вмѣсто той, въ каковой находился онъ въ бытность свою во чревѣ матернемъ. И какое тутъ различіе? [2]) Чрево матери и великій міръ сей: по вступленіи младенца изъ того въ сей, все предшедшее, тѣснота, мракъ, нечистоты отрѣшаются отъ бытія его и уничтожаются.

Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы, мѣру и число дѣла человѣческія и судъ Божій. Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть

[1]) Для сего св. Павелъ разбуживаетъ, говоря: возстани спяй и воскресни отъ мертвыхъ и убуждшеся видиша Славу Его.

[2]) Если бы младенецъ могъ мыслить во утробѣ матери своей, то можно ли бы увѣрить его, что онъ, отдѣлившись отъ корня своего, на вольномъ воздухѣ, пріятнѣйшимъ свѣтомъ солнца наслаждаться будетъ? Не могъ ли бы онъ тогда думать напротивъ и изъ настоящихъ обстоятельствъ его доказать невозможность такого состоянія? Столько же кажется невозможной жизнь по смерти заключеннымъ въ жизнь времени сего.

Библиотека "Руниверс"

дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огнь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели, тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Исполни, произведи въ дѣло добродѣтели любовь, то корень сердца твоего напоишь тукомъ блаженства. И какихъ благословенныхъ плодовъ можешь ожидать отъ сего! Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огнь, тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію: се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Да не соблазняютъ тебя казистыя удовольствія развратныхъ! Заглянь внутрь ихъ; тутъ [1]) огнь мученій не угасаетъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него?—Нѣтъ! Ахъ нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огнь и жупелъ, духъ буренъ, часть чаши ихъ. Духъ и вѣчность есть тоже. Посему разумѣй животъ вѣчный и муку вѣчную.

Говорили иногда о превратностяхъ свѣта. Онѣ суть то, чѣмъ быть должны, сказалъ онъ тутъ: весна, лѣто, осень, зима суть свойства неотдѣляемыя отъ круга свѣта, подобно, какъ утро и вечеръ отъ круга дневнаго. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, перемѣнно: не разуменъ, несчастливъ, кто ищетъ, кто требуетъ постоянства и вѣчности въ немъ! когда же нѣсть постоянія въ немъ, то и любовь къ нему должна имѣть конецъ; отсюда печали, воздыханія, слезы, отчаянія.

Не говори мнѣ о высокихъ чувствительныхъ душахъ! Слезы ихъ суть изліяніе природы, а не пристрастій [2]), и есть нѣкое утѣшеніе плакать въ свой часъ.

Вѣчность ихъ! Вѣчность едина есть безпечаліе, постоянство, надежда. Положимъ сердца наши въ силу ея и удѣлимъ себѣ отъ сокровищъ ея въ бренной сей временности тѣлеснаго бытія [3]). Вѣчность и время единъ составъ суть, но не едино: одно свѣтъ, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвостъ.

Услыша въ окрестности мѣста о прибытіи Сковороды къ другу своему, многіе желали видѣть его и для того нѣкоторые пріѣхали туда въ с. Хотѣтово.

Изъ начальства правленія орловскаго молодой человѣкъ подо-

---

[1]) *Угрызенія совѣсти* суть духи черные, мученія и уязвляющія змѣи, молніи проницающія ясныя истины, суть адъ; сія истина ввѣрена на сохраненіе послѣднему часу человѣка (Юнгъ, Нощь, 4).

[2]) Est quaedam flere voluptas.

[3]) Двѣ сіи половины составляютъ едино: голодъ и сытость—пищу, зима и лѣто—плоды, тьма и свѣтъ—день, смерть и животъ—всякую тварь.(Потопъ Зміинъ, гл. 5).

Библиотека "Руниверс"

шедъ къ нему, привѣтственно сказалъ: Г. С.! прошу полюбить меня.—Могу-ли полюбить васъ, отвѣчалъ Сковорода, я еще не знаю.

Другой изъ числа таковыхъ же, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ его: какъ зовутъ васъ?—Я называюсь такъ, именемъ и прозваніемъ N. N., отвѣчалъ сей. Сковорода, остановясь и подумавъ, сказалъ ему: имя ваше не скоро ложится на мое сердце.

Простота жизни, высокость познаній, величайшій и долголѣтній подвигъ Сковороды въ любомудріи опытномъ раздиралъ ризу лицемѣрія высокомудрствующихъ и обнажалъ простоту ихъ. Они, покрывая зависть свою и наготу сердца листвіемъ сожалѣнія, говорили другимъ: „жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ее", и въ то время, когда сей увѣнчеваемъ уже былъ знаменами истины, а они, обвѣшаны знаменьями соблазновъ, гордо и безстыдно являлись въ личинѣ истины.

Старость, осеннее время, безпрерывная мокрая погода умножили разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, проживя у друга своего около трехъ недѣль, просилъ отпустить его въ любимую имъ Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось.

Другъ его упрашивалъ остаться у него, зиму провести и вѣкъ свой окончать со временемъ у него въ домѣ. Онъ сказалъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно.

Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря:

— Возмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить....

— Ахъ другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во благовременность?

Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ.

1794 года августа 26 числа отправился онъ въ путь изъ Хотетова села въ Украину. При разставаніи, обнимая друга, сказалъ:

— Можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой призналъ тебя способнѣйшимъ принять истину и любить ее.

Библиотека "Руниверс"

Пріѣхавъ въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя нѣсколько тутъ ради безпрерывныхъ дождей и улуча ведро, отправился онъ далѣе; но не туда, куда намѣревалъ.—Въ концѣ пути своего почувствовалъ онъ побужденіе ѣхать въ тоже мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не расположенъ былъ. Слобода Ивановка помѣщика Ковалевскаго было то мѣстопребываніе, гдѣ нѣсколько времени жилъ онъ прежде и куда прибылъ скончать теченіе свое.

Болѣзни старостію, погодою, усталостію отъ пути приближили его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говаривалъ съ благодушіемъ: духъ бодръ, но тѣло немощно. Помѣщикъ, видя изнеможеніе его крайнее, предложилъ ему нѣкоторые обряды для пріуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостолъ (посланіе къ Римл., гл. 3-я, ст. 28), почитая обряды обрѣзанія ненужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ же іудеямъ обрядствующимъ. Но, представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался октября 29 числа, поутру, наразсвѣтѣ, 1794 года. Передъ кончиною завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близь рощи и гумна и слѣдующую сдѣланную имъ себѣ надпись написать:

Міръ ловилъ меня, но не поймалъ. [1]).

Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія доставилъ онъ, писанныя всѣ рукою своею, другу своему и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу, слѣдующаго содержанія:

Число твореній моихъ:

1) Наркизъ, узнай себя. 2) Симфонія: рѣхъ, сохраню пути моя. 3) Симфонія: аще не увѣси. 4) Неграмотный Марко. 5) Алфавитъ міра, о природѣ. 6) Разговоръ кольцо. 7) Древній міръ.

---

[1]) Высокомудрствующіе не оставили преслѣдовать его злословіемъ даже и во гробъ, проповѣдуя въ сонмищахъ и вездѣ, что Сковорода оставилъ надпись сію по себѣ изъ гордости и киченія. Много потребно имѣть дерзости, чтобы осмѣлиться увѣрять о семъ! Чтобы болѣе оказать къ нему и ввести его въ презрѣніе и возвышеніе себя, то они стараются важно утверждать и изыскиваютъ способы увѣрять, что Сковорода былъ способенъ къ порокамъ. Дабы предъ очами людей замѣнить добродѣтельную жизнь мнимо высокими своими знаніями таинствъ и правилъ, то они разгласили, якобы Сковорода, при кончинѣ, увидѣлъ заблужденія свои, состоявшія въ непослѣдованіи толку ихъ,

Библиотека "Руниверс"

8) Жена Лотова. 9) Брань архангела Михаила съ сатаною. 10) Икона Алкивіадская. 11) Бесѣда I. Сіонъ. 12) Бесѣда II. Сіонъ. 13) Бесѣда III. Двое. 14) Діалогъ: душа и нетлѣнный духъ. 15) Благодарный Ородій. 16) О христіанскомъ добронравіи или Катихизисъ. 17) Асхань, о познаніи себя.

Переводы: (Плутарховы сочиненія).

1) О старости Цицероновой. 2) О Божіи правосудіи. 3) О смерти. 4) О храненіи отъ долговъ. 5) О спокойствіи душевномъ. 6) О вожделѣніи богатствъ. 7) О уединеніи . . . Сидронія.

Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на россійскомъ, латинскомъ, еллинскомъ языкѣ, находятся письма его весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ; многія стихословія и другія сочиненія, которыхъ собраніе частію хранится у друга его.

Какъ онъ писалъ для своей стороны, то и употреблялъ иногда малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи малороссійскомъ: онъ любилъ всегда природный языкъ свой и рѣдко принуждалъ себя изъясняться на иностранномъ; еллинской предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ.

Другъ его написалъ сіе въ память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога. 1795 г. февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ.

Надгробная надпись Григорію Савичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся 1794 г., октября 29 дня:

Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ, Сковорода.

Сочиненіе друга его **М. К.**

признавая оныя, просилъ прощенія черезъ одного изъ братства ихъ и раскаевался; но какъ извѣстная святость жизни Сковороды и честныя правила его, имѣющія цѣлью любовь истины и добродѣтели, а концомъ красоту и совершенство духа были, такъ сказать, спицею въ око лицемѣрамъ симъ, то и неудивительно, что они пущаютъ всякаго рода ядовитыя стрѣлы въ память его; однако симъ самимъ въ чувствіяхъ простыхъ и правдолюбивыхъ сердецъ душа его пріобрѣтаетъ вящшую красоту страждущей невинности и, сквозь мракъ смерти и клевету злобныхъ душъ сіяя внутреннимъ спокойствіемъ, представляется въ умахъ богорожденныхъ достигающимъ совершенства мудраго мужа.

Библиотека "Руниверс"

Письма Г. С. Сковороды.

Письма къ М. И. Ковалинскому.

1-е.

(1762 г.).

Desideratiss. amice Michael.

Discedis iam a nobis. Abi igitur, quo te pietas et utilitas vocat: abi auspice Christo, eodem duce redibis. Faxit Iesus, ut carissimos Parentes tuos utraque parte valentes feliciterque agentes domi invenias, nihil turbae, omnia in tranquillo! custodiat gressus tuos cum optimo tuo fraterculo sublimis Custos Ille Israelis, ne quid inter eundum mali accidat in via. Domi autem sic recreaberis, ut tamen nimium otium fugias. Nam

ἐπὶ πᾶσι μέτρον ἄριστον. *In omnibus modus optimus.*

Ex nimio nascitur satietas, ex satietate taedium, e taedio aegritudo animi, et quisquis ista parte laborat, sanus dicendus non est. Nullum autem tempus ineptum est ad bonarum literarum studium, et qui modice, sed perpetuo discit praesenti et venturae vitae profutura, huic discendi non est labor, sed voluptas. Qui cogitat de doctrina, amat doctrinam, et qui amat, nunquam non discit, etiamsi in specie videatur otiosus. Qui vere amat rem aliquam, is praesentia rei amandae modice videtur delectari; at cum absens factus est, tum demum acerrimum morsum amoris sentit. Quorsum haec? Quia nisi toto pectore amaveris bonas literas, frustra fit omnis labor: alioquin amor in medio etiam otio inquirit meditaturque, et cum maxime abstrahitur, tum propensissime ad discendum fertur. Satis scio te amare studia, neque dico, ut tibi calcar addatur sponte plus quam satis currenti in stadio literario, praesertim hoc feriarum tempore, sed ut cognoscas, quid sentiam, et sic sum homo, ut nulla mihi satietas sit garriendi cum amicis. Existima autem hominibus pietatis amantibus iucundissimos esse adolescentulos et pueros can-

Библиотека "Руниверс"

didos felicique ingenio natos, quales Isocrates παῖδας Θεῶν, id est liberos Deorum apellare solebat. Unde grates habeo optimo avunculo tuo πρωτοιερεῖ Reverendissimo Patri Petro, qui mihi occasio exstiterit sanciendae tecum amicitiae, quam mihi gratulor. Nequid igitur nos in absentia desideres, visum est aliquot pias graeculas sententias ceu μνημόσυνον, id est monumentum aliquod, adscribere. Quoties libebit mecum loqui, inspicies haec dicta, et sic mecum videberis confabulari, cogitans, qualibus de rebus amicus tuus sermones caedere gaudet. Prima itaque sententia haec esto: 1. Κάλλιστον ἐφόδιον [1]) ἐν τῷ γήρατι [2]) ἡ σοφία (παιδεία), id est: optimum viaticum in senectute σοφία sive παιδεια, id est doctrina, nam senem hominem omnia deserunt praeter doctrinam. 2. Σεμνὸς ἔρως ἀρετῆς [3])—Magnificus amor virtutis. Non possunt enim non veneratione prosequi eum, quem conspiciunt virtutis esse domicilium, ubi enim virtutis amor, ibi majestas sit oportet. 3. Φίλους ἔχων νόμιζε θησαυρούς ἔχειν—Amicos habens, puta thesauros habere (te). Nihil, inquit Seneca, aeque oblectaverit, quam fidelis amicitia. 4. Χαλεπὰ τὰ καλά—difficilia pulchra. 5. Ὀλίγη πρὸς κακότητα ὁδός [4])—Brevis ad nequitiam via. Sed accipe unam ex Sacris literis; Paulus ad suum Timotheum epist. 1 cap. ultimo: Ἔστι δὲ πορισμὸς μέγας ἡ εὐσέβεια μετὰ αὐταρκείας.—Est autem quaestus magnus pietas cum continentia. Pietatis est venerari Deum et amare proximum (πορισμός—vectigal): αὐταρκεία dicitur latine aequitas animi, quae sortem suam boni consulit. Haec tibi erunt monumentum nostri; tu boni consule. Vale, mi desideratissime, mi Michael, cum optimo tuo fraterculo Gregorisco, provehat vos Christus in dies ad meliora virtutis incrementa! Novus amicus tuus Greg. Sk. Iuli 9. 1762.

Natura
effert animi motus interprete lingua. Horat. (de art. poet.).

2-e.

Salve thesaure mi!
Michaël pretiosissime!

Fortassis tibi quoque, o carrissime, importunus et molestus his aliquot diebus eram, cum ipsemet mihi displicerem. Nam dum taedeo, dum moereo et irascor, neque adspecto neque compello te solito nostro more amicissimo, ut haud mirum sit, si aliquid de nobis sinistri suspicatus sis. Sed tamen dolendum erat, mi amice, posteaquam avulsus est is, qui erat inter praecipua curarum mearum oblectamenta et solatia. Nemo

[1]) ἐφόδιον ab ὁδός via.
[2]) τὸ γῆρας γήρατος senectus.
[3]) σεμνός gravis, ponderosus; ἔρως ἔρωτος desiderium, amor.
[4]) ὀλίγος brevis, parvus; κακότης κακότητος nequitia, malitia.

Библиотека "Руниверс"

magis gaudet amicitia, quam ego: hoc unicum meum oblectamentum et thesaurus; quid igitur mirum, si modum in dolendo non tenui? Veniam damus, si quis pretioso ablato equo lacrumat, aut moestus est, postquam aedes conflagrarunt. Mihi quoque danda est, quod non video et timeo ei, quod mihi amicissimum est. Cum praesertim animus humanus, et is amicus, omnium rerum pretia superat procul dubio. Si in tutiori loco esset, minus dolerem: nunc in aula est fraudum scelerumque taberna. Parvula simplexque aetatula est, facillime decipitur, moresque imbibit improbos; expertus sum ipse et tanto magis doleo, et doleo et libet dolere. Quid enim agam in vita? Ubi animus occupetur? Ubi vigeant studia mea? At nihil curare, nihil dolere, non est vivere, sed mortuum esse: cura enim est animi motus, et vita in motu consistit. Alii alia curant, mihi generosos mihique amicos puerorum et juvenum animos curare libet. Sed ubicunque labor, ibi est et requies. Ubicunque cura est, et oblectatio indidem petitur. Curat avarus aurum, dolet aurum, aliquando et delectatur auro, et ut delectetur, curat, curisque exedi gaudet. Ad hunc modum et ego angi amo commodis amicorum, ut aliquando delectatio pariatur: quamquam et nunc quidem jam paritur. Quid enim dulcius, quam amari, quam expeti a bono animo? Quid amabilius ipso amore amici? Nullum ego munusculum amo, si absit amor animique benevolentia. Nihil mihi carius aut dulcius, quam animus mei amans, etiamsi alia absint omnia. Et cura mea, et delectatio, et gloria, dicam et vita, et haec immortalis quidnam? Animus amicus, animus mei amans, animus memoriam mei retinens. Hunc ego malo, quam pyramides, quam Mausolea, quam alia regum monumenta. Et quid generoso animo generosius, quid magis aeternum? Doleo igitur carissimum Jacobiscum meum, et curo, ut aliquando me quoque amet: quamquam et nunc jam amat. Amor enim amore invitatur: et volens amari, amo ipse prius. Et quis non amet ingenium huius pueri? Iam mihi reputa, quanto miserius dolerem, si tibi, licet non puer quidem ac tanto grandior es, mali quid contingeret. Tui enim gratia (dicam ingenue), tui, inquam, solius jucundissimum meum otium reliqui, fluctibus me commisi, per biennium tantas inimicitias exercui, tantas calumnias, tanta odia tuli. Alioquin nullus Antistes aut Abbas a dulcissimo me abstraxisset otio, ut famae, ut valetudinis dispendium paterer, nisi non multo ante eorum pellectationem te conspexissem, nisi prima fronte tantopere animo collibuisses meo. Meministi, opinor, quantopere indignarer, cum abstrahereris a graecis literis, maxime autem, cum pellicereris in aulam, cum praeceptor linguae germ. publicus parum abfuit quin creareris, quantopere, inquam, indignabar? Ut si leaenae sui catuli aut humanissimae mulieri suus foetus eriperetur. Et sic affectus eram, quod perspiciebam, quam non procul esses a pernicie, si esses aut in aula paedagogus aut linguae praeceptor publicus. Omnes mirabantur, suspicabantur, inimici

Библиотека "Руниверс"

autem mei ringebantur, quid esset, quod plus quam germani mei rem curarem. Si igitur Iacobi mei vicem tam doleo, quem amandi tu mihi occasio ansaque extitisti, et siquid alii ex me fructus ceperunt, tibi acceptum ferre omnes debent, qui me solus a portu imo amor meus abstraxit tui, quem sic adamavi, ut licet inimicus factus esses, odisse te nequeam, neque quidquam recusare, quod ad tuam pertineat utilitatem... Ego quidem sic me natum video, ut ipsissimis inimicis, in ipsa ira, ubi quid parum blanditiae adspexi, protinus mitescam; jam ubi quem mei amantem esse animadverti, huic prope dimidium dierum vitae meae concederem, si possem et liceret: quamquam quidem, qui pericula lubens amici gratia subit [1]), videtur aliquo modo vitam suam impendere. Aliquando (irasci am)icissimis etiam, videor, sed heu, quam ista ira non est ira, sed nimius fervor amoris et perspicientia mea, quod plus video quam vos, quid vitandum, quid sit expetendum. Jtaque dum memor ipse mei, dum spiritus hos reget artus, hoc unum agam, solum hoc curabo, ut omnibus modis ingenuorum animorum amorem in me provocem. Hic meus thesaurus et delectatio et vita et gloria. Amor autem amore provocatur, quem prodit gratia et benevolentia cum virtute conjuncta. Sed tu solus omnium carissimus, nec poenitebit repetere solitudinem meam, licet infirmior sum factus, si te amicum habeo; vale cariss. mi amice! Tuus Greg. S.

3-e.

Salve generosissime Michael!

Siccine τοῦ Κυρίου ἐπιποθεῖς. O plus quam nectareas igitur has tuas mihi literas! Imo animum tuum multo generosissimum καὶ ὄντως ὄϊον! Nunc demum agnosco non de milviorum neque vulturum te esse genere, sed de sanguine τῶν Γνησίων ἀετῶν, qui suprema petunt, despectisque vespertilionibus cum sua umbra, ad solem affectant. O utinam hanc vocem saepius audiam a te, nullam ambrosiam malo. Jam habere videris; ita optas, precaris, aves. O juvenis dignissime Christo! propemodum lacrumas excussisti; solet enim et rarum gaudium lacrumare. Nescit Dominus fallere. Quisquis toto pectore precatur, jam habet. In tantum desideras dominum? Sed mane, mi anime, paulisper: paulisper mane! Equidem breviculum tempus dices nimium fuisse, cum accipies. Pone te stat Christus. Ac trepidat dare, sed nondum....

Perfer et obdura; labor hic tibi proderit olim, imo intra octennium. Vale mea voluptas!

Tui amiciss. Gregor. solius.

---

[1]) Это слово дополнено по догадкѣ; въ рукописи пятно.

Библиотека "Руниверс"

4-e.

Salve mea voluptas, Michaël cariss.

Legens Evagrii τὰ μοναχικὰ, his prae ceteris visus sum esse delectatus, quae tibi quoque communico, tibi, inquam, felicissimo Christianae Philosophiae candidato. Scis enim, carissime, saepenumero a me laudari τὴν σχολὴν καὶ τὴν ἡσυχίαν, τὴν τῇ τοῦ Χριστοῦ σοφίᾳ ἐνδιατρίβουσαν dicique ipsum Christum fuisse principem τῶν σχολαστικῶν. Sed audi nostrum Evagrium: βούλη τοιγαροῦν ἀγαπητὲ τὸν μονηρῆ βίον ὡς ἐστιν ἀναλαβεῖν καὶ ἐπὶ τὰ τῆς ἡσυχίας ἀποτρέχειν τρόπαια, ἄφες ἐκεῖ τοῦ κόσμου τὰς φροντίδας - τουτέστι ἄυλος ἔσο, ἀπαθὴς,—ἵνα τῆς ἐκ τούτων περιστάσεως ἀλλότριος γενόμενος δυνηθῆς ἡσυχᾶσαι καλῶς. Et non paucis post: μὴ ἀγαπήσεις οἰκῆσαι μετὰ ἀνθρώπων ὑλικῶν—ἢ μόνος οἶκει, ἢ μετὰ ἀδελφῶν τῶν ἀύλων καὶ ὁμοφρόνων σου. Sed dices tu mihi: Non est mihi in animo monachatus, et quorsum mihi isthaec? Esto sane: quid tamen vetat angelica audire verba? Cum praesertim Christianorum vulgus male intelligit τὸν μοναχόν. Et vetus dictum est: summum cape, et medium habebis. Ego enim monachum summum Christi discipulum existimo, qui plane praeceptori suo in omnibus similis est. Dices: at apostolus est major nomacho. Fateor, sed tamen ipse hic apostolus non fit, nisi ex monacho, qui quamdiu se solum regit, est monachus, sin alios quoque, incipit tum esse apostolus. Christus dum erat in solitudine, μοναχὸς ἦν, id est plane immaterialis vel ut graeci dicunt, ἄυλος невещественъ; et hinc est, quod monachi dicti sunt angeli, non quod extra corpus sint, sed quod corpori in totum valedixerunt, qui renes quoque exusserunt, ut jubet Moses, et quorum portio (ὁ κλῆρος) solus dominus, его же лице вину зрятъ. Quod tamen non fit, nisi post mortem, id est ubi quis plane omnia terrestria ita relinquens defungitur, ut de illo dici queat: Енохъ же не обрѣтеся въ живыхъ et c. Sed vale dulcissime и ревнуй духовомъ висшимъ.

Tuus συμμαθητὴς Γριγ. Σ.

Прим. получателя: Consilium optimum, utilissimum esse nemo non censeat.

5-e.

Salve φιλέλλην Michaël φιλόμουσε.

Quaesisti me heri, cum e templo egrederemur, cur tibi arrisissem ac tanquam risu salutassem, quamquam quidem leniter subrisi, quod graeci vocant μειδάω, et magis sum visus tibi ridere, quam ipsa re risi; quaesisti, inquam, nec causam dixi, nec nunc dicam, hoc tantum dico, ridere libet, certe tum libuit, imo et nunc libet, ridens et scripsi, et te credo ridentem haec legere, et ubi me videbis, risum ut teneas, vereor. Sed tu, ὦ σοφὲ, causam quaeris? Sed dic mihi, cur tibi hic aut ille co-

Библиотека "Руниверс"

lor, hic pisciculus magis quam ille, hac forma consuta vestis arridet tibi, id est ad te ridet, illa non item, aut certe minus? At ego tibi risus hesterni causam reddam. Risus quidem (tu risum tene, dum de risu nugor) est germanus foetus gaudii ita, ut saepe pro gaudio ponatur, quale est illud Sarrae, ni fallor: смѣхъ мнѣ сотвори Господь. Ἰσαὰκ enim hebraea vox dicitur significare τὸ ridebit, quod et pro risu ponitur. Cum igitur quaeris, cur rideam, videris quaerere, cur gaudeam. Ergo causa gaudii est tibi rursum reddenda? O impudentem postulationem! Sed age! accingamur ad hoc quoque Musis fortunantibus; quodsi non vacat audire, differamus in crastinum. Sed instare videris, causamque, velut improbus debitum debitor flagitare. Cur igitur heri gavisus sum rogas? Audi! Quia tua gaudentia τὰ ὄμματα adspexi: gaudentem igitur gaudens salutavi gaudio. Quodsi tibi haec causa gaudii mei ex Norvegia esse videtur, confugiam ad aliud ἄσυλον, imo tuo te gladio jugulabo, et quaero: qua re nudius tertius tu me prior ἐν τῷ ναῷ risu salutasti? cur arrisisti mihi? Dic, σοφὲ, non te dimittam, meministin'? Hactenus, o carissime, sumus jocati jocis non admodum abludentibus a Musis illis castissimis. Sive enim lugemus sive ridemus sive seria agimus sive joca, domino nostro omnia facimus, cui et morimur et vivimus et c. Eundem precor, ut te servet in castitate sobrietateque. Quod donum cum in te credam esse, te semper videns in congressibus amicissimis, semper gaudebo, saepe ridebo. Quis enim stipes non cum gaudio adspicit μακάριον ἄνθρωπον καὶ τοῦτον τόν ηίλον; ἔῤῥωσο. Σός Γρ. ὁ Σ.

Simul atque de risu finivi, ecce tibi noster τρισπόθητος Γρηγὼρισκος, quem lubentissime ἠγκάλισα.

6-e.

Ex Erasmi chiliadibus proverbiorum.

Aristoteles mag. moralium lib. 2.

Ὅταν βουλόμεθα σφόδρα φίλον εἰπεῖν, μία φαμὲν ψυχὴ ἡ ἐμὴ καὶ ἡ τούτου. Quum volumus valde amicum dicere, una inquimus anima mea et hujus. Idem eodem lib. Ἔστι γὰρ, ὥς φαμεν, ὁ φίλος ἕτερος ἐγώ. Est enim, ut dicimus, amicus alter ego.

Verum audi et ex Plutarcho.

Simias ajunt capi, dum homines imitari conantes, eorum motus et saltationes adsectantur. Adulator autem alios imitando decipit atque illicit, non eodem omnes modo. Cum aliis saltat atque cantat, aliis palaestrae se et exercitationum corporis socium adjungit. Quodsi adeptus est literis et disciplinis deditum adolescentem, totus jam in libris est, barbam (philosophicam) ad talos usque demittit, pallium gestat, rerum delectum omittit, in ore sunt numeri et rectangula ac triangula Platonis.

Библиотека "Руниверс"

Desideratissime Michaël!

Cum omnis temporis jactura gravissima sit, tum vero horum angelicorum dierum — hei! — unum quodque momentum tam pretiosum, ut, quantum alias possessiones tempus vicit omnes, tantum heic se ipsum etiam vicerit. Nunc demum noster internus homo non carne gravatus, sed veluti vinculis ruptis expeditus, aut additis alis alatus in morem τοῦ ἀετοῦ tollitur sublime, ac, veluti in aequore camporum apertorum, in immensibus caeli regionibus libratur, agitatur, velitatur ambiens πρὸς τὸ κάλλος τὸ θεῖον penetrare atque pertingere, ubi angeli assidue spectant τὸ πρόσωπον τοῦ Πατρός, supra sortem humanam deliciantes. O hos dies jucundos, nectareos, omniumque rerum, imo et dierum pretia nullo negotio superantes! O asperum primum durumque jejunium quonam nos perducis? Sic semper virtus omneque bonum principio amarum, fine edulcatur. O mi Michaël carissime! cave has dieculas nugis insumas! Agnosce thesaurum, agnosce sortem tuam regum Persarum sorte multo potiorem. Quid trepidamus, si heic dormitamus? Tempore coelum, imo ipse Deus emitur. Nunquam te desinam adhortari ad non vulgares Musas illas, ad praeclara illa vulgo contempta facinora, ad libros illos, quos

„Quos rara contrectat manus".

Ut Muretus ait. Nec possum non uti calcaris loco illis Erasmi nostri verbis: cogita juventa nihil esse fugacius. Plinianum illud semper animo insideat tuo:

„Omne perire tempus, quod studiis non impertias".

Quodsi quando te excitare debeam, his plus quam aureis certe horis ante moriar, quam desinam, sive opportune sive non. Veniet tempus, cum cibo potuque obruti ad terram reclinabimus, pulcherrimos animi oculos non valentes sursum tollere. Nunc hic, ut Maro ait,

Aurai simplicis ignis

cum sit liber atque agilis, quid cessamus evolare εἰς οὐρανόν? quin exercemus ejus alas, ut aliquando pertingat ad dissitissimum illum terminum metamque, de quo sic nostra cariss. Genitrix Ecclesia cantat:

Желаній краю, вѣрныхъ утвержденіе etc.

Non libet finem facere, sed faciam. Vale, mi anime, Tuus Greg. Sabbin. 7 Februar.

7-e.

Plutarchus loquitur.

Sicut illa, quae aurum mentiuntur et adulterina sunt, fulgorem tamen auri atque nitorem imitantur: sic adulator suavitatem venustatemque amici imitans, semper hilarem se ac renidentem praebet, nunquam resistens, nunquam repugnans. Itaque non statim debemus adulationis suspectos habere, quicunque laudant; non minus enim suo tempore laus

Библиотека "Руниверс"

amicum, quam objurgatio decet. Quin imo morositas ac proclivitas ad quaevis reprehendendum ab amicitia et consuetudine res est aliena. Qui autem benevolus liberaliter atque alacriter laudem laude dignis tribuit, hujus etiam in reprehendendo libertatem facile et sine molestia perferimus ac probamus, credentes, necessitate ductum increpare, qui laudando fuit facilis (renides idem ac refulges).

Carissime mi Michaël!

Quoniam ipse nunc non habeo, quod apud te dicam, ideo per me noster Plutarchus te affatur, vir plenus fidei ac venustatis. Princepsque eorum, qui γνησίαις ταῖς Μούσαις amaenis illis Camaenis coelestique Heliconi sese consecrarunt. Sed nonne tibi hoc παράδοξον, imo παραδοξότατον videtur, ut mihi apud amicum verba desint? Praesertim apud te? Ego vero isthuc ipso philosophico κενότερον esse existimo vacuo. Jmo vero profecto, ubi occepi ad te scribere, semper modum mihi quaero, non copiam affecto. Ego ille sum, qui amicos tanti facio, ut nihil pluris aestimem, amicos, inquam, optimam vitae, ut tuus Laelius loquitur, supellictilem.

Trahit sua quemque voluptas.

Contemno Croesos, non invideo Juliis, despicio Demosthenes, miseror divitum: obtineant sibi quaelibet. Mihi amici si adsint, non modo felix, sed beatissimus esse videor. Quid igitur mirum, si mihi nil dulcius, quam garrire cum amico? Modo me Deus in sua virtute confirmet, modo me virum honestum faciat sibique amicum: sunt enim viri boni quidem Dei amici, et inter tales solos optimum donum est puta vera Amicitia; de ceteris omnibus mihi οὐδεὶς καλὰ παροιμίαν λόγος. Vale! cariss. ac virtutem, parentem omnis dulcedinis, cum bonis literis ama et nos redama. Tuus Greg. Sabbin.

Festo Joannis Chrisostomi Ianuar. 27.

8-e.

Pretiosissime amice mi Michaël.

Quis ille fuit Demonax, nondum mihi liquet, nisi quod suspicor Laconem fuisse, quod genus hominum non tam facundum erat, quam acutum virtutisque mire studiosum. Sed quisquis ille fuit, jam secundum ejus dictum invenio. Quod mihi vehementer placet. Id est tale: Ἐν ἀλλοτρίοις παραδείγμασι παίδευε σεαυτὸν, καὶ ἀπαθὴς τῶν κακῶν ἔσῃ. Quod discendi gratia ad verbum reddemus sic: „In alienis exemplis doce te ipsum, et impatiens eris malorum, id est non patieris mala. Nam primum ejus dictum nosti opinor, quo reprehendit τοὺς πολυπραγμονέοντας μὲν περὶ τοῦ κόσμου, περὶ δὲ τῆς ἑαυτῶν ἀκοσμίας οὐ φροντίζοντας. Quod ad superius attinet (nam de inferiori agemus alias) dictum, mire peccamus in id omnes. Si enim periculum, ut Terentius ait, ex aliis faceremus, nobis quod

Библиотека "Руниверс"

ex usu sit, et si vitam aliorum, velut in speculum inspiceremus, multo minus competeret in nos id; experientia stultorum magistra est. Hoc facere, praeterquam quod nimis utile, est etiam longe jucundissimum spectaculum et permagna pars illius sapientium hominum contemplationis, qui in portu, ut dicitur, navigantes alienis [1]) fruuntur malis, veluti Dii Homerici οὐρανόθεν spectantes, non quod gaudeant aliis accidisse, sed quod sese expertes et in tuto esse videant. Quorsum enim nobis magnificentissima illa θέατρα gentilium? an non mundus vulgusque optimum iique gratuitum, velut Pythagoricus mercatus, spectaculum? Alium videas aere alieno obrutum ingemiscere, alium ambitione, hunc avaritia, illum insana discendi nugas cupidine torqueri, et quis enumeret? Explica notionem animi et videbis. Hoc ideo libentius dixi, quod vacationes instant, urgent, taedium insidiatur. Ad quod nisi te armas, vide ne in mala te animal detrudat, non de ponto, ut ajunt, sed de virtute. Vale carissime! Videbimus nunc alter alterum perfacile, et dum abire continget, colloquemur.

9-e.

Salve Tyro Christi strenuissime!

Michaël dilectissime!

Lecta tua schedula magna cum voluptate nec sine risu, cum multa mecum cogitarem vel potius tecum tacite loquerer, deinde ad somnum compositus plurima super eadem re in pectore versarem, visus sum mihi subinde audire intus vocem hanc: vita nostra militia est... Ergo ὁ διάβολος cum non potuit te avaritia voluptateque inescare ad corrumpendam animam, aggressus est valetudinem tuam laedere? Sic est profecto; et vero sapienter dictum est: e malis minimum esse eligendum. Novit veterator ille optima quaeque ingenia πρὸς κενοδοξίαν esse propensissima, praesertim hac, qua tu es aetate; hancque permultis saepe praematuri funeris accelerasse horam, aut saltem immedicabiliter laesisse aliquam generosam corporis, velut oculos pectusque, partem. Jlla igitur postquam non successit, hac via est aggressus. Tu vero ita hos ineptos quidem ac steriles, sed gravissimos labores exantlabis, ut interim nunquam non memor sis pretiosissimae valetudinis. Praestat vanae gloriolae jacturam facere. Jd fiet, si tantum labores nitarisque, quantum mediocri discipulo sit satis tuaeque obedientiae, ne quid vehementiae de propria addas alacritate. Sed avocor ad Rss. Nostrum L. Praefectum Dominum et amicum. Tu charissime esto sub alis Ducis tui Christi. Vale in eo! Tuus Gregor. Sab.

---

[1]) Край обрѣзанъ; слово alienis дополнено по Лукрецію.

Библиотека "Руниверс"

10-e.

Ditior o salve, Michaël mi, regibus orbis!
O satrapis liber, tute, quiete magis!

Incredibile mihi tui desiderium excitasti, qui hodie in ludo non adfueris. Utinam falsa sint, quae suspicor. Vereor enim ne, quod absit Christo favente, in morbum aliquem his parum salubribus temporibus incideris. Proinde tu βραχέως nos mone, quid tecum agatur. Jacobiscus noster jam ridet et ludit. Audis χελιδόνα ver nuntiantem. Sed non repetet ludum, antequam bona calceamenta consuantur. Nam ejus τὸν πυρετὸν inter alia hoc quoque generavit, quod malis ὑποδήμασι hactenus est usus. Nos procurabimus hanc provinciam libentissime in eorum gratiam, quos vere, ut debemus, amamus. Tu si vales, beas me, o carissime. Tuus Gregorius S.

Qui valet arva colens, rege est felicior aegro.
Imo est hic melior rege valente quoque.

11-e.

Pax tibi
mi frater!

Heri turbato distractoque animo, idque praecipitanter, scripsi, nec mirum, si tibi non est satisfactum: cum praesertim subdifficile tuum sit πρόβλημμα. Agnosco et ingenium et studium tuum in litteras simul et virtutem, et vehementer gaudeo. Age igitur experiamur, num possumus solvere, modo Christus aspirare dignetur.

Sed tamen in magnis et voluisse sat est.

An etiam, inquis, in virtute modus servatur? Si non, in diligentia non esse modum necessarium. Sin, cur alius alium in virtute excellit? Haec tua. In primis autem sciendum est, duas esse classes quasdam virtutis studiosorum: unam perfectorum, alteram tyronum, seu ut Paulus vocat, puerorum. Ex his colligere licet duo item esse virtutum genera: unum genus, quo complectuntur quae vocantur proprie virtutes, ad quas velut ad finem ceterae referuntur; quod alterum genus est scilicet. Atque perfecti sive viri, unde et virtus dicitur, arcem ipsam jam virtutis tenent ubi nullus modus, quia nulla satietas; unde fit, ut alius alio fit praestantior, cum etiam in arce sint gradus superandi, ut quo quis alium superet, eo plus emolumenti humano generi afferat, ac hoc fiat similior Deo, cujus bonitatis nullus finis, nullus modus, nullus numerus. Proinde a Paulo quinque, ni fallor, classes numerantur electorum, videlicet, respectu meritorum. Quo enim quis est ab omnibus terrenis alienior, eo coelestibus propior ipsique lucis Fonti. Huc Davidis illud, quod ego nunquam non cantillo:

Библиотека "Руниверс"

Яко по высотѣ небесной отъ земли, утвердихъ etc.
Tales virtutes sunt propriae virtutes, quarum Dominus est ipse ὁ ὤν sive ὁ Θεός. Haec illae sunt Fides, Spes ac omnium maxima finemque non habens Caritas. Αὐτὸς γὰρ ὁ Θεός dicitur ἀγάπη. Quae omnia sine fine aedificat. Fidei proprium cernere sive intelligere, quoque plus cernit, plus sperat, quo magis sperat, ardentius amat, gaudentem bene facere, quantum fieri potest latissime sine ullo fine modoque. O utinam, mi anime, possis ad hanc arcem olim pertingere! O quam paucis hanc contingit adire Corynthum! Visne pervenire? rationibus tibi est opus, vos vocatis media. Quae autem media? Haec sunt: Graecorum Romanorumque literarum peritia, quae paratur lucubrationibus (jam audis et medium medii), fuga turbae secularumque negotiorum, contemptus divitiarum, jejunium et abstinentia, breviter neglectus carnis, ut spiritum acquiras. Hae demum sunt vulgares virtutes, quae etiam improbis adsunt; in his modus est servandus, ut ad illa, in quibus nullus modus, perveniatur. Alioquin si unica nocte per immodicas vigilias aut oculos aut pulmonem laedas, quomodo deinceps legere ac colloqui cum sanctis poteris? Quo pacto ab iis disces Deum? Fides videt Deum et divina est; ad hanc ut pertingas, serva vigiliarum laborumque modum et dum quaeris spiritale, cave occidas carnale, si te ducere potest ad meliora. An non stultescit, qui longum iter ingressus, modum in eundo non tenet? Nae iste non est perventurus Hierosolymam. Morbus aut etiam mors in via intercipiet. Vide igitur, ne tua te diligentia modum nesciens aut conjiciat;—ah non libet male ominari. Tu, mi Michaël, omnia fausta mereris. Fugis turbam? Modum hic quoque serva! An non stultus sit, qui ita fugiat, ut cum nemine prorsus unquam loquatur? Insanus talis est, non sanctus; vide, cum quo loquaris verserisque. Iejunas? An non mente is captus tibi videatur, qui nihil prorsus aut venenatum aliquid concedit corpusculo? Subtrahe pabulum supervacuum, ne ferociat asellus, id est caro; noli rursum fame necare, ne possit vehere sessorem. Haec sunt illae pulchrae res, quae sine modo pessimae sunt. Sunt qui in hac aetate, qua es, nimium indulgent vino, sunt qui equis aut canibus nimis capiuntur aut luxuria. Sunt contra, qui nimis austere vivunt. Unde pulcherrimum illud ac divinum: Μηδὲν ἄγαν.

Rescribe, quid tibi videtur, ut cognoscam, placentne haec. Utinam Christus dignaretur intervenire nostrae ὁμιλίᾳ, qui pollicetur se adfuturum, ubicunque duo in suo nomine congregarentur; alioquin sine illo omnia frustra. Vale mi Michaël. Tuus in Domino totus Greg. Sabbin.

12-e.

Ἐράσμιε Μιχαήλ.

Quemadmodum mercatores summo studio cavere solent, ne sub specie bonarum malas damnosasque emant merces, ita nobis videndum accu-

Библиотека "Руниверс"

ratissime est, ne, dum amicos, optimam supellectilem, quaerimus, imo thesaurum inaestimabilem comparamus, per incuriam in adulterinum et falsum incidamus, qui dicitur adulator, et secundum paroemiam ἀντὶ γνησίου χρυσοῦ ὑπόχαλκον, id est subaeratum, sive pro thesauro carbones inveniamus. Primum igitur discrimen adulatoris est mutabilitas et inconstantia, ut non possit diu eadem sequi eidemque instituto adhaerere, sed veluti simia aliis tantisper conformatur, donec quod captat, ceperit. Sed praestat ipsius Plutarchi verba: Principio intuendum est in similitudinem instituti atque continuationem, perpetuone iisdem gaudeat, eademque laudet, vitamque suam ad unum dirigat atque exigat exemplar, sicuti decet ingenuum amicitiae ex iisdem moribus formatae consuetudinisque amatorem; talis enim est amicus. At vero adulator, cum stabilem nullam habeat suorum morum sedem, neque certum aliquod vivendi delegerit genus, sibi quod placeat, sed quod alteri, cumque alteri sese affingat atque accomodet, non simplex est aut unius modi, sed varius ac multiplex, ex alia in aliam subinde formam transiens. Hactenus autor

Mi Michaël. Dic mihi ingenue ac bona fide, utrum succenses mihi, nec ne? An ideo nullam ad nos literam mittis, quod versiculos tuos dixi rudiusculos? At tanto crebriores mitte. Quis enim nascitur artifex? Usus per errores ducit nos ad elegantiam scribendi. Illi quidem ad perfectos comparati videri possunt tales, sed ad tuam aetatem, ad tuos in literis profectus collati, satis merentur laudis. Crede mihi, mi anime, ego cum hoc aetatis, qua tu nunc es, essem, ne pessimum quidem versum pangere poteram. Is hinc igitur, quo dignus es, si hoc te male habet! Excute igitur mihi dubium primo quoque tempore. Quodsi verum est, quod suspicor, aude quantumvis solaecissare. Ah nescis, quantum vincis alios in scribendo! Significa etiam, utrum placent tibi hi flosculi Plutarchi. Sin minus, mutabimus scriptionem, ac pro istis missitabimus curtas, sed sapientes sententias vel graecas vel latinas vel utrasque. Ad haec nescio, quomodo vales, praesertim animo. Si quid est, quod tuum pectus molestet, profer apud amicum. Si non re, consilio certe condolescentes juvabimus. De his omnibus tribus brevissime me monebis. Scio enim temporis tui penuriam. Vale mi philomuse! Interim tuam schedulam avidissime exspecto.

Tuus Gregorius Sabbin.

Εἰ χρείαν ἔχεις χρημάτων, γράφε πρὸς ἡμάς.

13-e.

Salve carissimum nobis ζῶον,
Michaël mellitissime!

Cum mature e ludo descendissem, cumque quod agerem quaerere coepissem, ecce tibi repente in oculos nostros proles illa, quam nosti,

Библиотека "Руниверс"

opinor; vocatur nescis qui? vocatur Michaël. Tu, inquam, subito animo meo obversari coepisti. Nunquam enim cum meis Musis congredior, quin te animo videam, videarque tecum Musarum amoenitates lustrare καὶ τὸν Ἑλικῶνα peragrare, teque iisdem rebus ac iisdem Camaenarum voluptatibus deliciari putem. Et certe quidem ad perfectam illam veramque amicitiam, quae sola maxime edulcat vitae molestias, imo vivificat, non solum pulchra virtus, geniorumque similitudo, sed etiam studiorum requiritur. Non enim perfecte conveniet inter diversorum studiorum homines. Et permulti hoc ipso nomine esse mihi justi amici nequeunt, quod literas non didicerunt: aut didicerunt quidem, verum a meo ingenio alienas. Etiamsi caetera omnia sunt similia. Fateor apud te affectum meum. Equidem te amarem, etiamsi prorsus esses ἀναλφάβητος, propter candorem scilicet ingenii tui honestarumque rerum appetentiam, ut alia taceam, etiamsi plane rudis rusticus esses. At vero nunc cum video te ad Graecanicas literas (quas quomodo amem, quid ego tibi dicam?) mecum incitari adque humaniorem illam literaturam, quae omissis gerris Siculis, ut dicitur, pulchra simul et utilia spirat, tantus in animo meo amor tui invalescit, ut de die in diem major crescat, nec quidquam mihi in vita dulcius, quam tecum tuique similibus garrire. Sed avocor. Vale, Michaël! compone mihi tres quatuorve versiculos ac ad me transmitte. Quos rogas? Quos libet, nam tua omnia placent. Bene facis et pie, mi anime, quod custodem praefecisti Maximiscum aegroto fraterculo. Ceterum ne temere audias quoslibet medicinam indicantes. Nullorum enim artificum major copia apud vulgum, quam medicorum, et tamen nihil minus vulgus novit, quam morbos curare. Praeter vulgaria simplicia medicamenta respue omnia. Venae sectionem aut castapotia (пропоснія) fugato tanquam anguem. Et si volueris, invises nos confabulaturos hac supra re hodie.

Tui amantissimus Greg. Sabbin.

14-e.

Michaël!

Frater in Christo desideratissime!

Si vales, gaudeo; sin etiam laetus es, etiam magis gaudeo: est enim laetitia vera valetudo bene compositi animi. At vero esse laetus non potest animus, ubi quid vitii perpetratum est. Novi, quam sit lubrica via adolescentiae, scio rursum, quam immoderate heri vulgus Christianorum bacchabatur. Valde metuo, ne heri alicui sodalitati inhaeseris, ac in societatem immodestiae veneris. Si nihil est, quod remordeat animum, gaudeo te felicissimum esse. Sin, noli frustra angi; satis est, si odisti vitium. Iam ignovit Christus, simulatque induximus in animum vitare in posterum. Sentio hoc dictum tibi esse duriusculum. Scio morem ado-

Библиотека "Руниверс"

lescentum; at non statim est venenum, quod acerbum est. Hoc solum dicam: nisi hunc meum de te metum interpreteris summum meum in te amorem, valde in me es iniurius. Christus optimus aetatem tuam ab omnibus vitiis servet tutam semperque ad meliora provehat! Tui amantissimus Greg. Sabbin.

diluculo Novemb. 15.

Quae proximo epistolio tuo nos petis, fient omnia, modo Christus aspiret et in incepto ipse perseveres. Scribe ad nos paucula,—scio enim te temporis esse pauperem—et valetudinem tanquam oculos custodi.

15-e.

Γνήσιε amice, jucundissime Cyrille!

Quid? Potuistin' credere, fore ut mihi apud te verba deessent? Desunt. Et tamen stat sententia paulisper cum Cyrillo confabulari. Tres schedulas ad te perpetuas dedimus, in quibus nil, ut ajunt, sacri erat, praeter nugas familiares, praeter meras minutias. Quid autem expectes ab eo, qui sese totum in aeternum Musis consecravit, quam quae ad solius animae cultum pertineant? Magnifica, inquis, polliceris. Ita sane mi amice, si animum et voluntatem spectes, etiamsi non semper voto respondetur. Per me licet aliis curare aurum, honores, Sardanapalorum mensas et vulgares voluptates, popularem auram sive gloriam et Magnatum favorem; obtineant sibi hos, ut putant, thesauros, non invideo. Modo mihi contingant spiritales divitiae et animi panis ille et illa vestis, sine qua non conceditur introire ornatissimum illum thalamum Sponsi Illius; omnes meas vires, totum conatum huc confero; facessat omnis caro! Paulus clamat: τὰ πάντα ἐζημιώθην, καὶ ἡγοῦμαι σκύβαλα εἶναι, ἵνα Χριστὸν κερδήσω. Idem ego vociferor: διώκω δὲ εἰ καὶ καταλάβω.

Attamen in magnis et voluisse sat est.

Sed vis clarius ostendam meum animum? Accipe: omnia relinquo et reliqui, hoc solum per omnem vitae cursum acturus, ut intelligam, quid sit mors Christi, quid significat resurrectio. Nam nemo potest surgere cum Christo, nisi prius cum eodem moriatur. Dices: nae tu tardus es, qui hactenus non capis, quid sit resurrectio et mors Domini, cum haec mulierculis, pueris, lippis et tonsoribus sunt nota. Sic sane, mi Cyrille, tardus sum et hebes cum Paulo, qui canit: τὰ πάντα ἐζημιώθην τοῦ γνῶναι αὐτὸν, καὶ τὴν δύναμιν τῆς ἀναστάσεως αὐτοῦ καὶ τὴν κοινωνίαν τῶν παθημάτων αὐτοῦ. Haec quanti sunt? quid ait, perpende! Quid est γνῶναι αὐτὸν, καὶ τὴν δύναμιν τῆς ἀναστάσεως αὐτοῦ, nisi noscere Chistum, et vim resurrectionis Ipsius? Eheu miseram stultitiam nostram! qui somniamus nos arcem S. literarum tenere, cum fortassis quid sit babtizari, quid denotat vesci sacra caena, ignoramus. Haec si primo auditu, ut vulgo putant, in-

Библиотека "Руниверс"

telliguntur, quorsum attinebat mysteria dicere? An non stultitia est occultum et arcanum nominare, quod nemini non pateret quamvis imperito? Veteres Pharisaei illi et scribae pulchre sibi blandiebantur in intellectione legis Mosaicae et tamen a Christo audiunt caeci. Τίς γὰρ ἔγνω νοῦν κυρίου. Haec certe de S. Scriptura dicit Paulus, in qua mens Dei latet conclusa, inaccessibilis, signata. Et quis aperiet sigillum? Ecce audis, mi cariss. Cyrille, quae spectat, appetit, desiderat meus animus, ne quaerere possis, quid agam. Sed accipe, quae me praecipue in Seneca in stuporem conjecerunt, arrige aures! Facis rem optimam et tibi salutarem, si, ut scribis, perseveras ire ad bonam mentem: quam stultum est optare, cum possis a te impetrare. Non sunt ad caelum elevandae manus, nec exorandus aedituus, ut nos ad aures simulacri, quasi magis exaudiri possimus, admittat. Prope est a te Deus, tecum est, intus est. Ita dico, Lucili, sacer intra nos spiritus sedet malorum bonorumque nostrorum observator et custos: hic prout a nobis tractatus est, ita nos ipse tractat. Bonus vir sine Deo nemo est. O Cyrille! non tibi hic de tertio caelo tonare videtur? Nonne haec de eorum numero, quae hominibus, id est carni et mundo deditis, nefas est evulgare? Habeo confabulationem. Vale! ac nos redama. Iulii 19, въ Старицы.

16-e.

Ex Plutarcho

de animi tranquillitate.

Existimabam divites ego, Phania,
Non gemere noctu, carpere soporem suaviter. Post:
Est ergo vitae consanguinea molestia.
Vitae haec adest molli, clarae vitaeque adest,
Inopique consenescit vitae... (Menander).

Sed veluti timidi, inter navigandum nausea correpti, melius se habituros putant, si in lintrem e lembo, rursumque inde in triremem escendant nihil agentes, quia bilem et metum secum transferunt: ita, vitae mutationes non tollunt ex animo id, quod aegre facit ac perturbat. Id autem est imperitia rerum, judicii inopia et impotentia atque inscitia recte utendi statu praesenti. Haec sane tam divites, quam pauperes jactant, coelibes conjungesque; ob haec forum fugitur, rursus molestum est otium; ob haec produci in aulis volunt, producti statim aegre ferunt.

Ob inopiam (iudicii) morosi sunt, quibus est male.

Aegrotis et uxor molesta est, et medicum incusant, et lectulus displicet, et de amicis

Gravis est, qui venit, abiens parit molestiam.

Библиотека "Руниверс"

Morbo autem fugato aliaque facta temperie, qui heri amylum, ova, panem e cribrata farina respuebat, hodie cibarium panem cum nasturtio alacriter et suaviter edit. Eodem modo Recta Ratio quodvis vitae genus, quamlibet mutationem reddit facilem. Exempla:

Alexander mundos alios desiderabat, at Crates, pera et pallio instructus, vitam tanquam festivitatem quandam per jocum et risum exigebat.

Sicut igitur calceus una cum pede non in diversam partem convertitur, sic animi affectio vitam sibi conformem reddit. Non enim consuetudo, ut quidam dixit, vitae modum facit jucundum, sed Prudentia optimam parat vitae rationem. Ergo fontem tranquillitatis animi in nobis situm expurgemus et excolamus, ut externa etiam tanquam familiaria non cum molestia nobis usurpentur.

Nil est quod irascare rebus scilicet.
Non ira curae illis tua est; bene huic erit,
Qui rebus obtingentibus recte utitur.

Id ergo est primo omnium exercitatione perdiscendum, ut quo pacto is, qui canem ferire lapide cum voluisset, icta noverca dixit: „ne sic quidem, inquit, jactus lapis male cecidit", ita nos quoque ea, quae nolentibus nobis fortuna obtulit, alio transferre sciamus.

Actus in exilium Diogenes ne hoc quidem male: philosophari cepit. Zeno Citiensis, audita navi oneraria, quam unicam reliquam habebat, una cum mercibus vi fluctuum obrutam ac submersam, laudo, inquit, tuum factum, o furtuna, quae nos in palliolum et porticum redigis.

Quid obstet, quo minus ista imiteris?

Obeundo magistratu impegisti? vives postmodum rüri rerum tuarum satagens. Ambiens Principis amicitiam repulsus es? vives periculorum ac negotiorum liber. Accidit per calumniam vel invidiam exsibilatio aliqua et infelix successus? Secundo vento ad Musas et Academiam navigare licet, quod fecit Plato post naufragium amicitiae cum Dionysio. Ac profecto ad parandam animi tranquillitatem multum conducit illustres viros considerare, qui eadem qua nos fortuna aequo animo sunt usi. Inimici stolidos turbant, quorum delicta non persequeris, sed tua te affectione animi oblectabis. Est insani ob amissa dolere, non gaudere relictis. Quid habemus? vitam, valetudinem, solem, otium, loqui, tacere et c.

Eas rationes, quae adversus animi perturbationes auxilio sunt, cordati, ante quam perturbentur, meditari debent, ut multo ante praeparatae plus habeant virium. Eos, qui unum aliquod vitae genus molestia putant vacare, Menander erroris admonet praedictis versibus.

Библиотека "Руниверс"

17-е [1]).

Salve desiderium meum,

Κῆδός τε τερπωλή τε τῆς ψυχῆς ἐμοῦ.

Michaël pretiosissime!

Quemadmodum τὸ μουσικὸν ὄργανον, si eminus audiatur, dulcius afficit aures, ita absentis amici colloquium longe, quam praesentis, suavius esse solet. Evenit mihi in te praecipue, ut tum magis amem, tuamque τὴν ἡδύστην προσηγορίαν appetam, cum absum cumque semoto corpusculo animus cum animo tacito ac ἀσωμάτῳ quodam congressu ὁμιλεῖ τὲ καὶ συνδιατρίβει, nulla nec locorum distantia impediente, nec satietate dulcedinem minuente, imo vero augescente, ac magis magisque crescente voluptate, cum quidem longe alia ratio est invisibilium quam terrenorum caducorumque conditio. Atque haec mihi inter alias summas rationes, quibus vitae molestias edulcare soleo, haud postrema quidem est. Quid enim vero amore suavius, mellitius vitaliusque est? Nae sole mihi carere videntur, imo esse mortui, qui amore carent; nec profecto miror, si αὐτὸς ὁ Θεὸς ἀγαπή dicitur. Porro bonus amor ille quidem est, qui verus durabilisque et aeternus est. Neque aeternus durabilisque ullo modo esse potest, si ex caducis rebus, puta divitiis et id genus, nascitur. Sed ex aeternorum animorum similitudine, eorumque virtute corroboratorum, non corruptorum. Nam nec lignum putridum cum putrido conglutinatur, nec inter improbos amicitia coit. Proinde si tibi amor tui noster gratus est, noli timere, ne interrumpatur. Quamdiu enim virtutem colis, tamdiu ille

Crescit occulto velut arbor aevo

ipsaque fortior est morte. Perpetuo obversaris oculis animi mei nec quidquam boni aut cogito aut agito, quin te praesens praesentem intueri videar. Appares mihi, cum in solitudinem secedo, cum in turba sum, comes congerroque es. Siquid doleo, partem doloris fers praesto; si quid gaudeo, particeps es itidem, ut nec mori mihi liceat, quin tuam animi imaginem velut umbram umbra mecum auferam, si modo vel mors separare poterit, quae corpus destruit, animum liberiorem reddit. Sic corpore quoque liber, tecum per memoriam, per cogitationem, per tacitum dialogum sum futurus; adeo ipsa morte fortior amor. Is tui noster amor, qui perpetuo tuum commodum meditatur, utinam nunc quoque dicat tibi aliquid, quod animaeque et corpori tuo praesint. Sed quid ego tibi

[1]) На оборотѣ этого письма надпись (рукою Г. С. Сковороды): дорогому пріятелевѣ, Михайлу Ивановичу пану Коваленскому въ Харьковѣ; приписка: писано изъ Бѣлгорода.

Библиотека "Руниверс"

dicam? Ferunt Catonem illum sapientem, cum Carthaginem, ad tempus repressam, rursum arma meditari adversus Romam intelligeret, suasisse Romanis iterum bellum Carthaginensibus inferendum esse. Qui cum non obtemperarent, non destitit tamen suadere. Et cum in senatu sententiam de aliqua re rogaretur, hoc, inquit, sentio, et (adjiciebat) Carthagini bellum inferendum, ita, ait, censeo et Carthagini et c. Donec Romanum perpulit, donec Carthago solo aequata est, et sic Roma timore liberata. O carissime! Fuge consortia malorum! malorum consortia fuge! heu fuge procul! Memento! libera me metu! hei mihi, quam timeo! Aufer hunc mihi, si me amas, metum curamque, quae me cruciat.

Quae me nunc coquit, et versat, sub pectore fixa.

Non conquiescam, donec audiero te illos plusquam angues fugitare. Memento te templum Dei esse. Serva corpusculum castum! Serva animam prius! Serva non mundo, sed Christo, optimo Domino tuo et meo. Servabis, si vigilabis; Vigilabis, si sobrius eris. Sobrius eris, si orabis, lacrumabis otiumque fugies. Non te moveant palatia, arces et templa, manu facta, verum unice custodiens animam et corpusculum, templum non factum manu, illud Salomonis ingemina flexis genibus: Да будутъ очи твои отверсты на храмъ сей.... день и нощь et c. Utinam tam multa scribere quam cogitare licet! Ὁ Χριστὸς optimam hanc indolem tuam sua luce illuminet, corpusque bene compositum manibus castitatis inexpugnabilibus diabolo et ejus ministris. Amen!

Tibi amicissimus Gregor. Sabb. 12 Julii съ Бѣлгорода. Desideratissimas literas tuas desidero. Scribe, quid me tibi facere velis. Nihil non impetrabis, modo sit in rem tuam inque mea manu. Sed et tu omnia optima vis et ego is sum, ut ad omnia sancta liber mihi esse videar. Haec praeter hospitem tuum Rss. P. Borissum nemini vulgabis. Scis enim invidiosissimum esse ac mendacissimum vulgus hominum. Vale! Salve!

18-e.

Carissime Michael!

Mitto tibi duas, quas vocant—lapsus sum: tres—στροφὰς ποιητικὰς, aptatas ad modulationem illam, quam didicimus a degenere illo Monachorum Καλλιστράτῳ. Has concinnavi, ut cum puero uno alterove non soli tibiis caneremus. Porro ne vana essent omnino verba, inserui aliqua de sententia divina planiuscule rudique, ut ajunt, Minerva, quae nos semper et subinde respicere extrema docet. Nam haec primum in mentem sese obtulerunt, cum circumspicerem. Et mea quidem sententia nec cautus nec prudens nec callidus est putandus, qui hoc identidem non factitat. Hoc veteres sapientes factitarant, et hanc ob causam, ni fallor, Apollo τέσσαρα ὦτα ἔχων, Romanus autem Janus διπρόσωπος fingebatur

Библиотека "Руниверс"

et pingebatur. Et si offenderis Ethnica theologia, vide an non huc pertinet specula illa Habacuc aut Pauli illa altitudo et longitudo. Sed vale carissime ac nostras in Domino nugas boni consule, ut soles. Ad te quando et qua parte diei venire jubes, veniam, sed per puerum significa. Tuus Gregor. S.

19-e.

Κήδιστέ μου ὦ Μιχαήλ

Χαρὰν εὔχομαί σοι ἐν τῷ κυρίῳ ἡμῶν.

Dies noctesque omnibus relictis contendamus, mi carissime, ad illam pacem omnem mentem supereminentem, quae est миръ, всякъ умъ превышшій e graeco versum: τὴν εἰρήνην ὑπερέχουσαν πάντα νόον. Quo magis cupiditatum vulgarium aestus desidit, hoc proprius accedimus ad arcem illam Dei. Introspice mare pectoris tui, cogitationum tuarum et perpende, quis ventus excitat turbas, ut navicula animae tuae periclitetur. Ventusne ambititionis? Excitare protinus stude et propera illum, его-же вѣтры послушаютъ. Quid est id, quo cacodaemon nos sollicitat ad fucatas mundi hujus pulchritudines? Nitor palatiorum aut πορφύρας; Ah! non perspicis, quid occultatur malorum intus sub pulchra specie: latet anguis in herba. Δίβαφος τὴν χοιράδα κρύπτει. Dibaphus et c. Pulchre haec intelligis, mi anime, et ut perfecte infelligas et sapias, Christus faciet, si in caritate ejus perseveraris et fideliter uteris dato jam tibi talento. Ceterum dum liberi sumus, curabis mi cariss., ut saepius ore tenus vivaque voce confabulemur ἐν τῇ λέσχῃ et literariam confabulationem reservemus in id tempus, cum non licuerit nec vacaverit coram ὁμιλεῖν, quod jam prope adest. Quotidie autem mane missitabis ad me nostrum Maximiscnm, ut et illi aliquid dicam boni et ad te meum quidvis tamen dem non de trivio.

Vale ὦ κήδιστε καὶ ἡμᾶς ἀντιφίλει. Σος Γρ. Σ.

20-e.

1764 г.

Χαῖρε σφόδρα Θύγατερ Σιών,

Κήρυσσε Θύγατερ Ιερουσαλήμ et c.

Dominus enim tuus, licet est παλαιὸς κατὰ ἡμέρας, novus tamen est eo, quod paucissimis ac rarissimis insidet. Neque enim tales animae sunt qualeslibet, quibus tuus Rex ille imperat. Sed et ipsae sunt novae, non ligatae spurcis servilibusque cupiditatibus, quales sunt illae, quas non tuus iste καλούμενος ὁ ὤν, sed alius non novus, sed vulgaris regit Χριστὸς ac nemini non communis, licet totum prope mundum et colluviem hominum moderatur. Sed illae taceant, quae de Edom sunt et de Idumaea: ex malo enim θησαυρῷ mala proferunt, spirantes morticinas.

Библиотека "Руниверс"

Illam filiam, quam Mater Σιὼν genuit (nolo natas de lacu miseriarum et de limo) pulchram, pulcherrima novaque spirantem haveo audire, gestareque oculis, quae tota spirat θυμιάματα. Recens enim et nova fragrantia de Spiritu illo exhalat, qui semper est vivus et antiquus tamen diebus. Te amat omnis similis anima, tuosque sequitur gressus, quaecunque et ipsa est ejusdem Matris Ιερουσαλὴμ filia. At filia Edom licet indignatur, hoc tamen tacite id est serviliter facit, heram te esse probe sentiens et hoc ipso sese servam ostendens. Videt enim ex non vulgaribus non vulgaria admirandaque praemia novam inusitatamque gloriam cum et Rex ipse sit admirandus quia justus et mitis. Ego autem licet multa et confuse dixi, nunquam tamen animo non alloquor, nunquam non specto te. Quodsi paulum aversi visi sumus, tanto magis nunc exardescimus. Sed salutare tuis hodie Γενεσίοις te visum fuit, ὦ φιλτάτη φυχή μου τρισπόθητε Μιχαήλ χαῖρε.

Σὸς Γρ. ὁ Σ. 1764 Nov. 8.

21-e.

Salve anima mihi carissima,

Mi Michaël!

Questus es heri de quodam male in te animato. Quid agas? Sic est hominum vulgus, ambitiosum, iracundum, philautum et, quod pessimum, est mendax et invidum. Non potes tibi, ne unicum quidem amicum parare, quin simul duos tresve acquiras inimicos, ut verissime dictum sit, eum, qui inimicos non haberet, ne amicum quidem possidere. Vulgarium rerum mercatura, si felicior sit, movet invidiam, nedum bonus emptus amicus. Sed stultissimum genus hominum amicos emere ambit, nec nomisma habere curat. Quod autem est nomisma, quo amici comparantur, didicisti ex Plutarcho. Divinum munus est virtutis indoles ceteraeque pulcherrimae dotes, quae pelliciunt ad amorem; has nemo sibi largiri potest: Dei est haec gratia; quibus cum sunt privati, restat, ut invideant, ad naturalem infelicitatem novam ex sese fabricatam addentes, puta animi vitiositatem, usu comparatam. Indigni igitur sunt, qui amentur, non tam propter natura injuriam, quam quod id, quod parca manu a Deo acceperunt, depravant, non contenti sorte, sed invidi et obmurmurantes. Hi sunt, qui irascuntur tibi et oderunt, queruli, lividi, ostentatores tamen, ne videantur carere, clam conscii sunt paupertatis suae, et exeduntur. Hos tu fuge, nec in sinum admitte. Saluta illos, loquere humane, et, si res postulat, juva, sed ut vulgum, non ut amicos fideles. Quodsi me quaeris de quibusdam, videor mihi perspexisse juvenem bonum esse Iacobum Правун., non lividum, simplicem, verae doctrinae avidissimum, dotibus suis contentum, ad honestatem plane natum, mitem, humanum. Haec sunt quae me pellexerunt in ejus amorem. Talis in-

Библиотека "Руниверс"

genii videtur esse et Basil. Biłozor. Quamdiu tales putavero, amavero tam diu. Vale, dulcissime! et nos redamare perge.

Tui amantissimus Gregor. Sab.

22-e.

Salve amice!

Precaris prospicientia tuae vitae et statui, vel maxime, cum quibus possis versari amicis. Sapienter facis, qui mature tibi prospicis. Sed de statu vitae alias dicemus, quod Christus suggeret; nunc pauca de conversatione. Cum quibus verseris rogas? Phy! cum bonis, breviter respondeo. Quamquam ne cum bonis quidem, nisi iis, ad quos tacito sensu a natura es propensus. Haec enim norma optima amicitiae. Bonus cibus est, sed quid, si tuo stomacho non arridet? Nimirum nocebit. Sed utinam, mi Michaël, tanta apud nos copia sit bonorum hominum, quanta ciborum! Sed hoc duntaxat optare licet, habere non item. Vere bonus homo, id est Christianus, corvo est rarior albo. Quem ut invenias multis tibi laternis diogenicis est opus. Quid igitur faciundum? Versandum est cum minus malis, quam sunt alii, qui vulgo recte boni dicuntur. Eligendi sunt candidi et constantes et simplices. Candidus animus nihil livoris sive nigredinis id est malitiae habere dicitur. Simplices non stulti, sed aperti, non mendaces et simulatores vanique, quod ego genus hominum plusquam Tartara odi. Qualium utinam apud nos sit minor frequentia! Sed quid facias, si mundus hic, id est multitudo hominum e talibus constat?

Mundus stultorum cavea errorumque taberna.

Ut Palingenius noster canit.

Consultissimum igitur arbitror parare amicos mortuos, id est sanctos libros. Sunt ex vivis usque adeo callidi versutique et nequissimi veteratores, ut adolescentem videntem et viventem palam in os decipiant, afflantes venenum suum innocenti simplicitati, simplices autem maxime adoriuntur, quod circa hos praedae spes est eis anguibus. Neque enim canis caninam est. Eja cave tales! Hei mihi quantam bonorum morum jacturam ipse feceram, ab his angelis diabolicis circumventus! Quam callide sese insinuant! ut vix quinquennio possis persentiscere. Heus meo periculo sapias! Ego ille nauta sum, qui naufragio ejectus in litus, alios fratres meos idem iter ingressuros timida voce moneo, quas Sirenes, quae monstra cavere debeant, qua iter tenere. Nam quidem alii in aeternum sunt demersi. At possum, inquies, et ego ictus sapere. O mi amice carissime! An nescis multos naufragium pariter pati, enatare paucissimos, tres de centum. Potesne promittere certe enatarum te? incerta pro certis? Quin tu si medicamentum praesens habes, non ideo tamen sponte venenum debes sumere. Satis est mali, si imprudens gustes. Sed cam-

Библиотека "Руниверс"

pana me avocat in graecum ludum. Proinde, si placebit, alias de eadem hac materia disseremus, tu brevicule significabis. Sic enim et colloquemur de sanctis rebus et interim stilus formabitur. Vale!

Tui amantiss. Greg. Sabbin. 23 Nov. e museo.

23-c.

Propositio.

Sapiens est modestus.

Si quis ad vera Musarum elegantiorum sacra admissus non satis hausit, sed tantum primis, quod ajunt, labiis sinceram illam sapientiam gustaverit, is mea quidem sententia non potest non esse modestus.

Nec mirum est. Ut enim stultitia omnium quidem vitiorum mater simul et arrogantiae est, cui naturale est et onus supra vires et honorem supra dignitatem et supra meritum gloriam affectare, ita sapientia cum ceterarum virtutum, tum germana genitrix est modestiae, quae suo se modulo ut dicitur metiens, ad inferiora se potius deprimit, quam eluctetur ad altiora.

Praeclare Plutarchus, ut alia permulta, in suis moralibus scripsit haec: Agricolae quidem, inquit, spicas libentius vident, quae inclinatae versus terram vergunt; quae ob levitatem sursum attolluntur, eas inanes putant esse et cassas. Nam sicut spicae tritici granis vacuae facile inter alias eminent, plenae autem et onustae occultantes sese desidunt, ita inter homines, ut quisque maxime vanus est et gravitatis expers, ita facillime fertur ad honores, audaciam habet, incessum vultumque plenum superbiae ac contemptus parcentis nemini.

Quocirca nullo pacto adduci possum, ut credam aut eum sapere, cui desit modestia, aut non illum bona sanaque mente praeditum esse, quem amabilis ista et gratiosa comitatur virtus.

Felicissime φιλολόγε.

Michaël salve!

Ergo totum triduum tacetur? Sed pensabimus taciturnitatem. Eximinando juvenes coactus eram ipse quoque juvenari et ad praecepta eorum scribere, quam vocant, τὴν χρείαν. Eam tibi Lydio lapidi mitto. Si displicebit, cogitabis me nihil unquam operae in praeceptis ῥητόρων posuisse, sin haud omnino insulsa, tribues vetustis libris, quorum me perstudiosum esse scis. Iam autem proverbium tuum τὸ абы ся курило me occidit; totum prope triduum investigabam. Sed hoc scias (vide praetextum) non statim Graecis aut Latinis esse in proverbio, si nobis est. Absque proverbio igitur sic, opinor, bene latine dicas: mihi umbra sufficit, sive titulus, sive imago. Graeci παροιμιαστὶ dicunt: ὡς τύπῳ. Ait ibi nostras

Библиотека "Руниверс"

adagium sibi sufficere fumum, licet ad flammam non est progressum. Sic et hic umbra pro corpore, titulus pro re. Sed accipe et proverbium: dicis gratia, quasi dicas dicationis gratia, cum quid perfunctorie fit. Sumpta forma loquendi a religionis non sinceris cultoribus, qui saepe dicant in templo non quod Deo sit dignum, sed ut modo titulum habeant sese dicasse. Redde sic: абы то для славы et simile. Latine crasso filo enim dicetur. Certe est proverbium: tenui filo. Vale, carissime!

Tuus Greg. Sab.

24-e.

Salve Amice pretiosissime!

mi Michaël

Barbarus jocus meus pridianus de porcis et asinis, vereor, ne te (ut hac aetate sumus omnes leviculi) offenderit; nimio enim aceto temperatus erat, et tibi nunc serio immerso magnificis istis nugis jocos audire non vacat nec libet. Quod vereor amoris est. Quod tam crasse sum jocatus, tribue nauseae, qua istos vehementer nauseare soleo, istos, inquam Cyprios boves, quod proverbium vide. Quemadmodum autem parentes, ubi vident infantem filiolum humi reptantem ludentemque imprudenter incidisse in merdam, inque ea sese versantem volutantemque, solent illum admonere ridentes, et quo facilius sordes ostendant avocentque ab illo loco, referunt cuinam tum sit similis, oblitus videlicet manusque pedesque et ora flavo illo coeno, ille audiens scommata plorare, indignum facinus existimans ab illis se ludibrio haberi, quibus deberet esse omnium carissimus, donec parens serio lacrumantem non ferens e luto ocius accurrens expediat lacrumasque absterso corpusculo mitiget: ita animus amici cernens animum tuum inter merdosas istas ac suibus amicabus dignas nugas versari sciensque te ad pura illa caelestiaque esse fictum a communi nostro parente Deo non te, sed locum, ubi es, ridet ac cavillatur; te ipsum amat plusquam germanum ἀδελφόν. Tu ad nos tria verba remitte, cum quatuor non vacat. Nam visus sum κατ' ὄναρ a te versiculos mihi missos accepisse, dimetros an Anacreonteos haud memini; quale quale mittes, nectar erit. Vale, carissime! Σὸς ὁ Σαββίν. Mane hora prima diei.

25-e.

Χαῖρε ἐράσμιέ μου τέττιξ, καὶ φίλτατε μύρμηξ.

Μιχαὴλ φιλόμουσε.

Cicadae rore pasci dicuntur. Proinde vehementer quadrat in hominem Musarum amicum vocari cicadam, cum Musica sacra nunc mons δροσοφόρος, nunc fons limpidissimus apellantur. Imo et in arcanis nostris literis saepe mentio fit roris, quale est: росà аермóнская et c., pluviae,

Библиотека "Руниверс"

ontium saepissime, velut снійде яко дождь на руно.... et ополчишася сынове Ісраилстн при 12 источникахъ. Hic est ille ros et aqua, quae sitientes potat ac reficit animas. Quarum aquarum cum dilectissimus Christi discipulus Ioannes in Euangelio fecisset mentionem, haec addit: сіе же глаголаше о дусѣ et c. Quemadmodum enim ros, graece δρόσος, desuper cadens nihil plane in se pulveris habet, sed merissima ac purissima quaedam aeris sereni lacruma est, ita I. Christi doctrina nequidquam terrae est particeps, sed tota quanta quanta est, spiritalis est, spiritus autem plane ἀσώματος et immaterialis et hinc abstrusissime latet abditus veluti aqua in venis terrae, profanos fugiens oculos, donec percussa petra in fontem et scatebras erumpat. Sed heu! quam pauci sunt οἱ τέττιγες, quamquam plena sunt omnia asinorum, qui turbidam amant nec bibunt, ut tuus ait Aristoteles, nisi prius turbent; quantique greges porcorum, qui fontes oderunt natura sua, καινὸν et coenum quaerunt, humilia amant et palustria, cervosque ad fontes curre... [1]). Iam et formicae nomen oppido quam competit in verne sapientiae studiosum, sive intelligas formicas nostrates, tritici grana congerentes, sive septemptrionalis Indiae illas auriferas, quod aurum e montium cavernis egerant; quas respiciens divus Basilius sic apud Erasmum nostrum ad suos nepotes loquitur: quicquid ultra necessitatem usus superesset, sive id esset Lydia gleba sive formicarum auriferarum opus, hoc magis esse contemnendum, quo minus esset eo opus. Audis in S. Scriptura panes nunc hordeaceos, nunc triticeos a Iesu frangi nunc plebi, nunc discipulis. Audis sapientiam vocari nunc margaritum, nunc aurum. Quod sicuti granum tritici e spica excutitur per boves triones, qualis fuit Lucas; sicuti rursum aurum in altissimas terrae latebras abdidit Deus, ne porci conculcent, suos autem scrutari jubet. Christus talem tantamque indolem tuam in dies altius promoveat ad gloriam suam porcinis animabus inaccessam!

Vale, amicissime sodalis! Tuus Gregor. Sabbin.

26-e

Carissime Michaël!

Cogita, utrum placet genio tuo custodire per vacationum spatium judicis filium ceterosque; sin minus, poteris aleam jacere, atque aulicam delibare vitam. Hinc multa capies commoda. Primum dulcius vives in sequentem annum in scholis diversatus apud alios; solet enim taedium oboriri eodem diu loco moranti. Deinde consules etiam crumenae. Denique hoc quoque adde, satisfacies obstinatis istis cordibus. Hac tamen lege, ut tibi liberum sit remeare mature Theologiae graecisque litteris operam daturo. Alioquin quae haec dementia aurum carnale anteponere

[1]) Отрѣзана строка.

Библиотека "Руниверс"

auro bonarum literarum sapientiaeque Christi? Si hanc conditionem accipient, non repugnabo tuis commodis, quae ubique debent meis esse potiora, alioquin non sum verus amicus. Interim nobis licebit vel raro per literulas colloqui. Abi et arma te non tam propter taedium, quam adversus mundum, custodi animae tuae virginitatem. Abibis enim ex fumo in ignem. Antehac tantum audisti de mundo, nunc videbis. Quod si въ Вурлукахъ, etiam potero facile invisere tecumque amantissimo amantissime coram fabulari. Diu delibera, et semel statue. Σπεῦδε βραδέως, fortis esse disce. O utinam possim tibi salutare dare consilium! Aliquando tamen necessitati accomodari sapientis est.

Vale chariss. Tibi fideliss. Gregor. Sab.

Quid velis me aut facere tibi aut dicere apud Rss. P. Praefectum aut..., rescribe brevissimo!

27-e.

Desideratissime mi Michaël!

Perdideram tuos versiculos cum strophio imprudenter e crumena extractos, sed mox accensa candela humi inveni. Illi licet rudiusculi sunt, sed quod tui sunt, vehementer placent: in quibus, velut in limpidissimo fonticulo, amicissimum animum tuum in virtutem, in literas illas bonas et denique in me tuum amicum clarissime conspicio. Si quid auri invenero eruendo bonos autores, ut tibi communicem rogas? Quid mihi gratius mellitiusque hoc tuo pulcherrimo postulato? Pulchre autem sapientiam aurum nominasti, quae in S. etiam Literis nunc uxor, nunc margaretum, nunc dicitur aurum. Sane quidem nunc domi solus cum sim convivantibus aliis collegis, libet fusius tecum garrire. Sed quoniam constitui quaecunque pulcherrima elegantioraque in nostro Plutarcho, praesertim de discernendo adulatore ἀπὸ γνησίου φίλου, occurrerint, ad te velut flosculos decerptos variis temporibus mittere, ne exsors expersque sis harum elegantiarum, quibus ego vehementissime delector, teque ejusdem palati, quod est amicitiae proprium, esse existimo, ideo accipies et in praesentiarum unum alterumve thymum, unde possis apiculae in morem mellis aliquid legere et in animum injicere hunc saluberrimum succum, ut hoc saepe faciens possis cum tempore excrescere in perfectum virum, in mensuram, ut ait Paulus, plenitudinis Christi; ne solum terrenum nostrum Adam, puta corpus, nutriamus, sed etiam, imo plus eo, invisibilem. Sed unde mihi haec garrulitas? Iam dudum loqui non ego sed Plutarchus debebat apud te. Tu arrige aures! At, inquis, non sum asinus. At non soli asini habent altas auriculas, sed et cervi. O nugonem! Mi Michaël! crede mihi, ridebam hic solus affatim. Sed pax! „Non enim, puto, necesse erat Melanthium Alexandri Pheraei parasitum adsentationis convincere, qui interrogantibus, quomodo confossus esset

Библиотека "Руниверс"

Alexander perlatus, inquit, in ventrem meum. Neque eos, qui circa opulentam mensam in orbem versantur, quos neque ignis arcere, neque aes ferrumve potest a petenda coena—„Et paulo post“. Quem igitur oportet cavere? Eum, qui neque videtur neque profitetur se adulari. Quem non deprehendes circa culinam oberrare, aut umbram metiri, ut coenae tempus exploret, sed plerumque sobrius est, curiose agit et actionum vult esse socius arcanorumque particeps... Sicut enim Plato ait extremae esse injustitiae justum videri neque esse, ita et haec periculosa est existimanda assentatio, quae fallit, non quae aperta est, et quae serio, non quae joco agit. „Desine jam, mi Plutarche! Heus! mi Michaël! animadvertisne Plutarchum discernere inter adulatorem et adulatorem? Nimirum alter est apertus, alter tectus. Ille apud mensas divitum scurram agit, nugatur, jocatur, assentatur, ridetur: hic larva gravis viri et sapientis tectus pro fido admonitore prudentique consultore, et digno quantovis honore se venditat. Ille ut cibum emendicet et ventrem pascat alienis epulis; hic agit, ut anguis in morem in gremium insinuatus arcanaque expiscatus laedat simplicem et incautum, aut etiam perdat. O vere infernalem serpentem! Hi illi sunt ἄγγελοι Satanae, humanis figuris tecti. Ipse ego sex septemve talium venenatarum pestium ictus sum expertus. Quis malus genius illos ad simplicia ingenia ducit? Quid illis cum hominibus sinceris nec ullum fucum scientibus aut admittentibus? Quaeso, quid cancro cum serpente? E diametro, ut dicitur, pugnant cum ejusmodi ingeniis et tamen adoriuntur, lucri nimirum gratia, in morem luporum. Ex his spiritibus sunt mendaces amici, falsi apostoli, haeretici doctores, tyranni, id est reges mali, qui in sinum rei publicae, in gremium ecclesiae illapsi, per technas in ipsos denique coelos penetrantes, coelum cum terra miscent, saepe totum orbem tumultibus concutiunt. Sed quis satis depingat hos Daemones? Ego colloquii gratia tam sum prolixus. Sed non me paenitet verborum et de re pernecessaria et apud te talem amicum prolatorum. Vale, mihi carissimum caput, ac serpentinam prudentiam para, conjuncturus cum columbina simplicitate. Tuus Gregorius Sabbin. Diei dominicae media nocte fere.

28-e.

Salve adolescens animo meo carissime!

Michael εὐγενέστατε.

Nisi me fallit animus, sentio rursum cooriri in me invidiam, tum propter meam tecum amicitiam singularem, tum ob dicta quaedam, quae a me solent dici in ludo graecanico. Videlicet sic mundus est, ut quod ipse facere nequeat, aliis invideat. Verum prope est, ut illud dicam: πειθαρχεῖν δεῖ Θεῷ μᾶλλον, ἢ ἀνθρώποις. Non quaerimus gloriam ab illis, sed τὰ τοῦ Θεοῦ, et mihi aut τὸ ζῆν ὁ Χριστὸς, ἢ ἀποθανεῖν. Vici et vin-

Библиотека "Руниверс"

cam timorem, Patre et ejus Filio propugnante. An ego invidiam non feram, cum nostri Abrahamitici majores haec dicebant olim: οὐ δυνάμεθα γὰρ ἡμεῖς, ἃ εἴδομεν καὶ ἠκούσαμεν, οὐ λαλεῖν. Qui nondum gaudet pro Christi nomine ἀτιμασθῆναι, is regno Ejus haud est dignus. Patiatur, qui volet, in nomine avaritiae aut ambitionis, ego piae vitae gratia nisi hoc tantulum tulero, mollis ac stolidus fuero. Et quo pacto pretiosissimam rem amicitiam nanciscantur, cum illud fugiunt, unde nascitur illa? Ubi unquam inter avaros amicitia? Aut ambitiosos? Ubi calorem invenias omni virtutum igni extincto? Ubi bonus odor in morticina? Vivus sit oportet, si fragrare cupiat: vita nostra Deus est, qui nos calefacit ad virtutes, qua nihil amabilius augustiusque. Ferendum est, orandum est, et nunquam praevalebit malignitas sapientiae. Cum maxime premimur propter Christum, tum maxime praesentissimeque adest, ut admirabilem in nobis reddat suam virtutem. Tunc enim ad nos propriissime pertinent illa apud Prophetam, quibus ὁ Θεὸς alloquitur athletam id est Jacobum suum, quorum hoc solum memini: всы ненавидящіи Тебе погибнутъ... Proinde consciscant sibi si volent aeternam mortem, nobis autem vitam aeternam. Ego vero longe maximam in me Dei clementiam amoremque interpretor, quod me, ne dormitem, in has procellas saepicule injicit. Nae ego exercitatus brevi totum proteram Diabolum cum ministris ejus non ferro, sed armis sapientiae, innocentiae, castitatis ac patientiae. Ὁ Θεὸς τῆς εἰρήνης esto tecum, ὦ στέφανέ μου! Tuus Gr. S.

29-e.

Carissime Michaël salve!

Intolerabili invidia oneravit te nostra ὁμιλία καὶ συνουσία, quam quod tam generose fers, multi admirantur; ego autem agnosco sincerum tuum in nos amorem, qui malis livorem odiumque vulgi tolerare, quam convictu colloquioque nostro carere. Proinde licet scio semper τὸ κάκιστον θηρίον comitari generosa facinora solere, veluti fumus ignem, nos tamen tui miseret, qui dignus es triplo redamari. Certum igitur est calamo abstinere in posterum nec quidquam literarum ad te missitare cedendumque multitudini existimavi, ne quid incautus laedere possim eum, de quo illud potest usurpari:

Amicus certus in re incerta cernitur.

Tu quoque desine ad nos schedulas dare tuas mellitas, donec sedetur tumultus iste flammaque odii desidat. Durum quidem hoc, sed quid amori est intolerabile? Malo mihi esse peius, ut tibi sit melius. Absens igitur cum absente tacite colloquemur. Tu interim nostra leges, quae ad te per annum dedimus, si voles et si quid ibi dictum vel paulum ad bonas illas literas aut ad virtutem conducibile, memor interim, non semper τὸν Διὰ pluere.

Библиотека "Руниверс"

Θαρσεῖν χρὴ φίλε Βάττε· ταχ' αὔριον ἔσσετ' ἄμεινον.

Fidere, Batte, decet; melius cras forsan habebit. Valedico tibi, carissime.

Tuus animo ὁμιλητὴς Γρηγώρ ὁ Σαβ.

30-e.

Salve mea unica voluptas

Michaël mellitissime!

Quoniam tam angelice amas Davidicos psalmos, dici nequit, quantae mihi est hoc voluptati. Accendis tali tuo tantoque ingenio quotidie novos in me tui igniculos, quos, quoniam ex virtute sunt nati, immortales fore confido. Nihil nunc dicam de stylo tuae schedulae. Crede mihi Erasmum nostrum visus sum audire, adeo latino spirat spiritu. Vale, mi anime! Versus utcunque licet sunt pulcherrimi, aliquantulo adjutos tamen propediem remittam, saltem ut modulationi vocis sint aptiores. Tu perge talis esse, qualis es.

Tuus Gregorius.

Ipse docebo cum organo pueros, interim jubebis Maximiscum nostrum utcunque musicas notas praemollire. Quando me ad te vis venire, scribes

31-e.

Χαῖρε ὦ ἥδυστε νεανίσκε,

Καὶ ἐμοὶ ἐκ τῶν πάντων ἐρασμιώτατε, ὦ Μιχαήλ.

Νῦν ἄρχεται νέος ἐνιαυτὸς [1]), διὸ γράφω πρός σε ἑλληνιστὶ καὶ τοῦτο εἶναι νομίζω καλὸν οἰωνόν [2]). Ὁ Χριστὸς ὁ λέξας ἐν τῷ εὐαγγελίῳ ταῦτα· Πνεῦμα κορίου ἐπὶ ἐμὲ et c., εὐλογησάτω σοι τὸν στέφανον τοῦ ἔτους [3]) τούτου καὶ καλῶς ὑγιέα [4]) καὶ εὐδαίμονα φυλαξάτω μετὰ τῶν σου φιλτάτων. Ταῦτα εὔχεται Σὸς ὁ νέος φίλος Γρηγορ. ὁ Σ. αψξγ.

32-e.

Salve adolescens omnium dulcissime,

Pretiosissime mi Michaël!

Simul atque digressi sumus e concione, subito subiit animum meum mira miseratio tui, mirumque desiderium, et egomet me ἐπέπληξα, quod te non invitavi in Musaeum meum, reliquorum socius ut esses, cum praesertim non sine dolore animi te esse apparet in praesentia tum ob alia, tum ob optimum avunculum tuum: quod ego eximiam tuam in propinquos interpretor pietatem. Sed ego non miror, te juvenculum saepe timore, semper pudore impediri, ne ad me ventites. Ego veteranus, quod saepe trepidem, egomet mihi valde displiceo, ignavum et mollem vocitans

---

[1]) annus; [2]) οἰωνὸς – omen; [3]) τὸ ἔτος—annus gen. ἔτους; [4]) ὑγιὴς ut ἀληθής

Библиотека "Руниверс"

et objurgans. Crede mihi, mi anime, et hodie me timore puerili esse victum, quo minus auderem te invitare. O utinam pectus introspiceres! Sed quando ego tibi persuadebo me tua causa omnia contemnere, omnia vincere, ferreque paratum, quod aliquando succumbo, pensabimus ignaviam τῇ ἀνδρίᾳ. Sed accipe, o carissime, verba die S. Spiritus ex Eodem: Πάντες ἦσαν προσκαρτεροῦντες ὁμοθυμαδὸν τῇ προσευχῇ καὶ τῇ δεήσει. cap. act. 2, 14.

Vale, mi anime! Tuus Gregor. S.

33-e.

Desideratissime sodalis, mi Michaël!

Hodie tam mane sum expergefactus, ut sesqui tertia hora solis ortum anteverterim. Deum immortalem! quam hilaris, quamque alacris expeditaque fulmine agilior, ocior Euro illa nostri pars erat, quae divina vocatur, Maroni dicta aurai simplicis ignis. Itaque ut paroemia est, ubi quis dolet, ibidem et manum habet. Nam avarus quidem continuo ad pecuniam, mercator ad merces, ad boves arator, miles ad arma, breviter, ubi quid sive dolet sive delectat, ibi quisque et mentem et linguam gaudet habere. Meum autem, simul ac surrexi, cor cucurrit ad proprium thesaurum. Coepi egomet mecum cogitare sic: hem nos stulti et miseri indignamur, siquis nostrum aut pauper vulgi judicio, aut humilis vivit ac sine ullo magistratu cum sola virtus beat beatumque servat. Quid? contraxistine tandem virtutem? Eone tandem pervenisti, ut ad te quoque dictum id possit pertinere: ὑμῖν δέδοται γνῶναι τὰ μυστήρια τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν; Sin minus, ubi est pretium temporis? His et similibus memet ipse alloquens, coepi temporis rationem subducere, quando, quam multis, quamque futilibus rebus rem omnia pretio superantem impenderim. Rursum autem quam ne nunc quoque novi uti tempore, sed quod praesens est et solum in manu nostra, id aut nugis, aut, quod miserius est, maerore, quodque miserrimum, peccatis exigitur. Futurum speratur, praesens temnitur; captatur, quod non est, quod adest negligitur, tanquam aut praeterfluens redire, aut futurum certo posset obtingere. Talia mente perlustranti subiit graecum distichon, quod ego jam, cum essem въ Лаврѣ Сватаго Cepria, et verteram latine et didiceram. Hoc quoniam non inelegans est, hic addimus:

praeterit
Τῆς ὥρας ἀπόλαυε, διέρχεται πάντα τάχιστα.
aestas hoedus hirsutus posuit
Ἓν θέρος ἐξ ἐρίφου τραχὺν ἔθηκε τράγον.

Utere temporibus, propere nam cuncta senescunt:
Una ex levi hoedo messe fit hircus olens.

Библиотека "Руниверс"

Utinam, mi Michaël, sic utamur tempore, ne olim frustra id geminemus perculsi animo, quod stulti vulgo inaniter clamant:

O mihi praeteritos referat si Iuppiter annos!

Feliciter posuit tempus, qui cognovit fugiendaque et expetenda. Neque enim (hodie mane legimus in enchiridio cum amico quodam) potest, ut Plato in sua Politia judicat, constanter virtutem tueri, qui de expetendis fugiendisque rebus firmiter non est persuasus. Nam qui, quod utile est, inutile putat et contra, is candidum quod est, nigrum putat. Et talibus vae! clamat Propheta. Scribe brevissime, tribus verbis, quomodo vales, praesertim animo. Pustulam illam, quae in facie emersit, obsecro te, ne tangas aut fodias. Heri inhorrui, postquam forte audivi multis mortiferas extitisse illas, ut putantur, minutias ob hoc ipsum, quod refricarentur. Vale carissime! cum Gregorisco et reliquis pullis. Vestri amantissimus Gregor. Sab. April.

34-e.

Mi carissime Michael, salve!

Mitto tibi qualecunque specimen secum ipso loquentis animi tacite seseque tamquam lusu quodam oblectantis ac in morem alitis per sublimia coeli spatiosaque volitantis ac tamquam velitantis. Incredibile dictu, quam istuc delectat, cum animus liber ab omnibus atque expeditus in morem delphinis pernicissimo, sed non insano motu φέρεται. Magnum hoc quidem est atque unice summis viris familiare et sapientibus. Haec est illa ratio, qua taedium altissimae solitudinis sancti homines et prophetae non modo tulerunt, sed etiam inerrabiliter sunt delectati τῇ ἐρήμῳ, quam adeo ferre grave est, ut Aristoteles haec dixerit: homo solitarius aut bestia est fera, aut Deus. Videlicet mediocribus hominibus mors est solitudo, oblectatio autem iis, qui aut oppido fatui, aut excellenter sunt sapientes. Illis grata ἡ ἐρημία propter stuporem; horum autem mens dia divina invisibiliter inveniens occupatur, mireque delectatur iis, quae vulgaribus ingeniis sunt ἄδυτα, unde vulgus et admiratur tales et melancholicos vocitat; at illi quasi jugi convivio deliciantur, nullo negotio sibi exstruentes aulas, atria, domos (колъ возлюбленна et c.), verum etiam montes, fluvios, silvas, campos, diem, noctem, feras, homines et quid non? И веселіе вѣчное надъ главою ихъ. Hujus Abrahamiticae familiae si cupis esse nepos et esse heres invisibilium bonorum et non adimendorum, hos suspice, hos imitare, his adhaere, ac ostende jam nunc in tenella aetate, ut appareat te catulum non porci, sed leonis, pullum columbinum, aut aquilinum esse, non vespertilionis, non filium τῆς Ἄγαρ ancillae et servae, sed Sarrae, quae gignit in libertatem, breviter non mundanum, non trivialem, non lippis et tonsoribus notum, οὐ τὸ καινὸν, sed excellens, sed rarum, sed novum atque caeleste cogita, molire, medi-

Библиотека "Руниверс"

tare. Persequere non inanes τῶν σοφιστῶν πλοκὰς, non distinctionum bifidas ungulas, porcis familiares, sed tales libros degusta, quales sunt, in quibus haec aut similia referuntur: Quid est philosophia? Respondetur: secum ipso morari ... secum loqui posse. Rursum: cum Crates videret quendam secum in solitudine loquentem, non sane cum malo, inquit, homine confabularis et c. his affinia. Talibus videlicet libris praeparatur animus ad lectionem. S. Scripturarum, quae sunt piarum ac angelicarum mentium ὁ παράδεισος, qui semper spectatur et nunquam satiat. Tales homines inspiciendi, quorum verba, facta, τὸ ὄμμα, incessus, gestus, esus, potus breviter tota vita εἰς τὸ ἐντὸς φέρεται, id est, introrsum, velut illa vestigia, ut est in Plutarcho, spectat, id est, qui non volantia non nubes persequuntur, sed unice animo suo intenti καὶ προσέχουσιν ἑαυτοῖς, donec dignum Deo se ipsos habitaculum praeparent. Καὶ ὁ Θεὸς ubi insedit animis eorum, ubi ἐβασίλευσε, tum quae sunt vulgo intolerabilia, horrenda, sterilia, nae ipsis divina, nectarea, ambrosiaque sunt breviter: веселіе вѣчное et c. Vale, carissime anime! Tuus Gregor. Sabbin.

Ὅς μὴ ῥωμαϊκοῖς ἑλληνικὰ γράμματα ζεῦξεν,
οὐ δύναται συνετοῦ τοὔνομα ἀνδρὸς ἔχειν.
Qui non graeca simul iungit documenta latinis,
Is viri docti nomen habere nequit [1]).

35-e.

Φίλτατε φιλτάτων,

Μιχαὴλ γλύκιστε.

Quare non fuisti ἐν ταῖς ἑσπεριναῖς; De Sancto Ἀχαχίῳ στιχηρὰ pulcherrima sunt lecta, e quibus haec ἔλαβον. Духъ не смущенъ и умъ чистъ. Ὁ ἀτάραξας] θυμὸς καὶ νόος καθαρός. O felicitate ipsa fortunatiorem, quisquis haec sibi paravit. Quid enim suavius animo spurcis vulgaribusque cupiditatibus non turbato? Quid mente terrenis cogitationibus pura beatius, quae Deum Illum cernit? Palinginium tuum nugatorem unico verbulo impetravi, lege illum, tere, preme, versa, hauri ac satiare. Nutri divino suavissimoque tuo parvolum tuum Jacobulum, ut aliquando sceptro potiatur. Gaude in Deo, canta, ψάλλε, deambula, ut ego facio. Житейское море et c. Ἐγὼ προσώπῳ μὲν ἀπὼν, τῇ δὲ καρδίᾳ tecum semper sum. Vale ac gaude. Tui omnium amantissimus Greg. Sab.

Literulae tuae valde ingratae mihi, proinde noli scribere scilicet...
Fingere qui nec visa potest, commissa tacere
Qui nequit, hic nigerest, hunc tu Romane caveto. Horat.
Кто лжетъ чего не видѣлъ, что донеслось въ уши
болтаетъ, сихъ бережися. O се злии души [2]).

---

[1]) Оба двухстишія написаны на оборотѣ письма другой рукой. [2]) То же.

Библиотека "Руниверс"

36-e

Salve θησαυρέ μου, Michaël pretiosissime!

Narrabo tibi quaedam, si non utilia, certe non turpia. Facessat enim turpitudo a nobis omnis! Post S. Λειτουργίαν heri invitatus forte praeteriens a quodam sum monacho, homine non ex eorum quidem numero, qui laicos lascivia superant, sed tetrico, ac solitudinis unice amante et sobrietatis, καὶ φιλοβίβλῳ. Is laetus me ἐκδεξάμενος coepit queri de morbo, quem nec ipse, utpote et internum et nuperum, nosset. Dum quaeritur genus morbi, narrat ille se olim habuisse uxorculam et liberos, deinde summo dolore amisisse omnia. Sese ex illo tempore semper petere solitudinem, turbam sibi esse odiosam. Nam post mortem eorum se quidquam laetitiae sensisse nunquam meminisse. Ne plura persequar, cognovi illum, a daemonio τῆς λύπης summe excruciari, quem vulgo melancholicum vocitant. Hoc, inquit, tristior fio, quod et mihi simile fatum fore conjicio. Hic ego: quomodo quaeso? Daemonium, ait, ter imo quater allisam terrae, me et socru mea, spectante exanimavit uxorculam. Et causam postea repetiit, unde daemonium esset ingressus. Uterque nostrum, ait, summopere sumus perterriti ex domus incendio: hinc daemon in illam introiit metus vulgo переполохъ. Dum consulo homini, prope ipse perii. Coepi consolari, ad me invitavi, offero vinum, recusat. Dum quaerimus causam colloquii, de molestiis murium coepi ipse queri, perrodi ab ipsis supernum solum, penetrare in cubiculum. O pessimum, inquit, προγνωστικόν! Breviter: ex colloquio plurimum mihi de suo daemonio participavit. Ut enim τὸ πνεῦμα τῆς πορνείας ἔχων facile impuris salacibusque dialogis transfundit in familiarem, sic mihi iste suum spiritum; adeo refert, quocum consuetudinem quotidianam habeas, quem audias. In verbis unius cujusque spiritus sive bonus sive malus latet. Quae dum haurimus, spiritum imbibimus. Τὸ οὖν δαιμόνιον τῆς λύπης mire coepit me cruciare, nunc mortis metu, nunc malorum in posterum eventuum; coepi enim protinus hariolari sic: hoc fecerant mihi mures Perejasloviae, et ejectus sum cum maximo dolore e seminario, ergo etc. Sic in domo ejus (μυριάδα exemplorum suppeditavit) factum erat, et mortuus est. Atque hoc modo, mellitissime Michaël, toto me die Sophista Daemon ille exercuit et huc allusi dicens tibi heri: нѣчто мнѣ печално было. Rogasti, какъ?—Было, inquam, нѣчто. Digressis vobis heri, ubi obdormivi, in insomnio me persequitur Daemoniacus; effugio, te aggreditur; tibi dum succurro, rursum in illum incido impetum ejus in me derivans ac vix salvatus sum. Exoritur aliud somnium, sed tutius et sanius nimirum, ut opinor, jam mente ad pristinum statum redeunte. Visus sum confidenter ire cum pretiosissima et artificiosissima lancea argentea ad aulam quandam magnificam, satellitibus in statione stantibus passim adeo, ut tamen nemo me auderet impedire. Ubi ad pulchram portam aulae est

Библиотека "Руниверс"

ventum, rogant me quìdam, ut certos aliquot poetae (non memini cujus) interpreter et commenter versus, ad propellendum taedium facientes. Occepi, et maximam vim lacrumarum effudi, clamans: кто мнѣ далъ море слезъ? Quae, inquam, insania hos a poetis petere praeterito Deo? Si ubique Deus est, si in hoc vitro (testam vitrum de terra tollens) est Deus, si nusquam non est, аще въ немъ живемъ et c., quid petis aliunde solatium et non ex te ipso, qui omnium creaturarum es optima? Et similia. Hic somno solutus protinus incinui: водна звѣра во утробѣ et c. Deinde laetus valde sum factus. Et an non tibi videor fuisse in visceribus marinae belluae, si Ἀποκαλοπτικὸς звѣрь est diabolus? Certe diabolum exsistimo inter alias affectiones τὴν λύπην; cum quibus spiritibus pulchrum et dulcissimum puto mihi dimicare. Vale, carissime! ac mihi commilito esto. Tuus Gregor. S.

Rescribe tria verba, quando enim vidi tuos?

Natura juvenum.

Imberbis juvenis crebro custode remoto
Gaudet equis omnibusque et aprici gramine campi,
Cereus in vitium flecti, monitoribus asper,
Utilium tardus provisor, prodigus aeris,
Sublimis cupidusqne et amata relinquere pernix.

Horat. l. de art. poet.

37-e.

Ὑμῶν δὲ μακάριοι οἱ ὀφθαλμοὶ, ὅτι βλέπουσι, καὶ τὰ ὦτα ὑμῶν ὅτι ἀκούει Mat. cap. 13.

Qui natus est et toto pectore quaerit, certe inveniet et videbit id, quod vidisse non quorumlibet, sed beatorum est dumtaxat oculorum, puta Dei veritatem, quae ut difficillima est inventu, ita aspectu longe jucundissima rerum omnium. Vidisse veritatem, caput est omnium, развѣ бо сего (Духа Святаго) ни дѣяніе, ни слово, ut hodie ἐν τοῖς ἀντιφώνοις lectum est, aut incipit aut perficitur. Sic quaesivit Abraham relicta sua terra; hac via ingressus est Isaak, cui terram monstravit Dominus; Iacob et filii ejus hoc idem fecerunt. Spiritum enim S. in se habere nihil aliud est, quam veritatem, quae unica est, Dei videre. Hanc, si vidit Aristoteles et ejus sectatores, beati sunt; sin minus, sunt μωρόσοφοι Si οἱ ἀπόγονοι τοῦ Ἀβραὰμ sumus, et si ejusdem cum illo genii, factis hoc testemur similibus; unde enim constabit, in nobis spiritum esse τῶν προγόνων, si non ex fructibus? Quid alii faciunt, quidve petunt, ipsi viderint: ego certe scio me totum esse soli divinae veritati quaerendae consecratum. Non succedet? At vero succedet tandem. Hodie audivi in evan-

[1]) Стихи написаны на оборотѣ письма другой рукой.

Библиотека "Руниверс"

gelio: очи бо ею держастеся, да его не познаютъ, et tamen agnoverunt, licet male oculo eorum tenebantur. Quid enim labor improbus non vincet? Et quomodo non dulce laborare, si sumus ad hoc nati, si Abrahamitico spiritu ferimur? Naturalis enim motus deinde fit incitatior. Ergo cum Paulo clamare lubet: διώκω δέ, εἰ καὶ καταλάβω. cap. 3 ad Philipp. Гоню же, аще и постигну, то-есть особливо постигну. Ἀδελφοὶ etc.. Si nihil aliud in me est, praeter cordis ardorem, vel ut Evangelistae verbis dicam, ἡ καρδία ἡμῶν καιομένη, et hoc mihi gratulor; ipsum enim τὸ παντελῶς θέλειν a Spiritu S. est, qui ut incepit, ita certe perducet eo, ut dicamus: мы же откровеннимъ лицемъ взираемъ на славу Божію. In hoc vivo hoc noctesque diesque agitare lubet, in hoc mori, o mi pretiossime Michael, decrevi, imo jam pridem mortuus sum mundo, ut aliquando liceat in gloriam cum Christo ascendere. Te, quem Abrahami ἔκγονον εἶναι νομίζω, socium ambio comitemque in via tam deserta ab omnibus cupio. Quodsi tibi quoque est ἡ καρδία ἡ καιομένη, et certe debet esse, si is es, quem te esse existimo; ejice, quicquid est mortalis curae in pectore, elue lutum ex corde; lutum est quicquid terrenum est; quicquid autem visibile, terrenum est. Si justus verusque ignis in pectore tuo, exuretur, quicquid terrenum est, ut aliquando puro corde sis, videasque Deum: τὸν Θεὸν καὶ τὴν ἀλήθειαν, quam videntes beati sunt oculi. Qui vere exarsit, bene incepit; at bene incepisse est dimidium perfecisse. Sic te assuefac, ut quotidie quicquid per oculorum aut aurium sensum non modo ex S. Scriptura aliisque libris incidat in animam tuam, verum etiam quidquid ex fortuitis eventibus videris aut audieris, id, ut animal τῷ Θεῷ consecrandum, rumina, discute, ac quantum potes in salutarem succum converte. Qui vili sunt ingenio, iis optima scripta dictaque cedunt in pessimum et ipse Christus est offendiculum. At qui spiritu Abrahamitico sunt creti, iis Deus de mortuis etiam et infecundis saxis divinam ac pulcherrimam prolem suscitat. Praeterit te (exempli causa) ebrius, sic cogita: obtulit Deus tibi spectaculum, ut alieno periculo cognoscas, quam enorme malum sit ebrietas: heu! fuge! Praeteris mendicum jacentem, cui pedes computruerunt, aut nasus cum cadaverosa facie horrorem spectanti incutit, sic ratiocinare: hunc aut hanc oportet libidinosam fuisse; hi enim sunt fructus libidinis. O beati, qui hoc malo carere possunt! eheu! quanti est valetudo et castitas! quam angelica virtus! quam paucis familiaris! Stas in templo, audis venerari cingulum Beatiss. Virginis, audis ejus Zonae divinam vim tribui, vocari beatiss. urbem, in qua illa Zona deposita esset, tutamque ab omnibus malis, sic animo volve: oportet heic aliquid subesse mysterii. Si enim caro nihil prodest, quomodo carnis servus cingulus prosit? Manna? Quid hoc? Vulgus hominum haec audit, velut asellus lyram. Sed tu si vis abrahamitice auscultare, aliquid fode hic

Библиотека "Руниверс"

cum pueris Isaak et fortassis dimota terra aliquid aquae vivae invenies. Vel sic: peperit, et tamen virgo? Oportet heic esse aliquid mysterii. Ergo pariunt etiam virgines? Phy! et maxime quidem. In humanis rebus hoc quidem impossibile; sed heus! amove, inquam, terram! Habet enim et spiritus suam generationem, et ubi tam regnat spiritus, quam ubi ei adversa caro stricta cingulo virgineae castitatis, возвеселися неплоди нераждающая et c...

Vale Isaaci proles. Σὸς Γρ. ὁ Ξα.

38-e.

Mi Michaël,

Gaude in Domino.

Si tibi publice discere graecam linguam non licuit non tam ob nimium laborem, quam per quorundam improbum conatum, non ideo tibi clipeus, ut ajunt, est abjiciendus. Paulatim privatim disces et omnino, si me amas, disces. Clarissimum argumentum mihi tui in me amoris futurum existima, si amaveris graecas Musas; et si tibi gratus est noster tui amor, tantisper eum duraturum scias, dum virtutem καὶ ἑλληνικὰ Γράμματα veneraris et expetis. Imitare igitur palmam, quae quo gravius petrae avulsae saxo premitur, eo procerius pulchriusque sursum erigitur. Haec est illa arbor, quae victoribus Martyribus in manus datur, ut videre licet in picturis. Furtivis horis quotidie, paululum quidem certe, sed, inquam, quotidie aliquid, velut in stomachum, vocabulum aut sententiolam in animum injice, ac ceu igni alimentum paulatim appone, ut alatur et crescat animus, non obruatur. Quo lentius disces, eo fructuosius. Lenta perpetuitas spe majorem acervum accumulat. Opera manuductoris, si forte opus erit, praesto est. Habes multos ex condiscipulis, qui admoneant, siquid dubites. Quodsi mea etiam opera uti volueris, nihil mihi gratius erit. Ad hoc nisi me avunculi tui Rss. P. Petri meritum et benevolentia obligasset, ipsa nostra amicitia satis incitamento erat futura. Amicus tuus Greg. Skoworoda.

Si quid pecunia opus erit mutua, ut solet accidere, noli quaerere alios tibi creditores praeterquam me, nisi forte putas hic quemquam alium humaniorem erga te esse, quam me tibi. Scio te nimii esse pudoris, et malo in hanc partem pecces, quam in diversam, interdum tamen deponendus est pudor in honestis quidem rebus solis, ubi praesertim urget necessitas. Et stultitia est id pati, quod fugere possimus. An metuis, ne te pauperem existimem et in paupercula domo natum, si venias rogaturus mutuum? Ah non is sum, sed qui jam pridem cecini laudes paupertati. Aliis inservio, cur non tibi et tuis? Si ipse pudefis, mitte Alexiolum nostrum, facile rem conficies. Caeterum si quis forte

Библиотека "Руниверс"

grammatophorus continget въ Ольшанку, significabis mihi per eundem Alexiscum. Sum omnino (строка оторвана).

39-e.

(1764 г.).

Salve solatium curarum mearum,

Michaël dulcissime!

Parciori somno et frigidioribus cibis per hos vernos dies uti te velim, respice calorem juventutis tuae, veris ardorem, vitam sedentariam, et in hac nimiam tuam diligentiam. Nuper (heri) legimus in Mureto forte fortuna, Galenum, patrem post Hippocratem medicorum, ubi περὶ ὑγιεινῶν disserit, pueris et juvenculis frigidiores, senibus cibos convenire calidiores sentire. Dignus profecto est fide tantus auctor. Nam ex calidis cibis supervacuus humor, hinc ὁ κατάῤῥοος, quem inter omnes medicos constat esse patrem morborum omnium; neque aliud quid est catarrhus quam gravedo (нежить), neque hoc aliud est quam pituita nimio calore ex nimio cibo calidoque contracto constipata, sive humor densatus ardore, unde Graecis dicitur etiam φλέγμα ardor in corpore, sive pituita. Cura igitur laetus esse et vigil. Sed hujus rei mater est sobrietas, quae non solum in modico eoque frigidiori sita est potu, verum etiam cibo. Neque sobrius est, qui cibis ingurgitatur, etiamsi sit ἄοινος. O stultitiam meam! qui tantam jacturam valetudinis feci instigantibus rudem aetatem corruptissimis sociis, quos angue pejus et cane rabido odisse debes et vitare. Sed quid ego haec? Quasi non norim liberale tuum ac verecundum ingenium. Vale, cariss. Tuus Gregor. Sk.

Ἡ ἁγία Μελανία decembr. 30 1764.

40-e.

Cariss. Michael!

Alii, inquit Socrates, vivunt, ut edant et bibant; ego contra. Quid porro sit vivere, plerique omnes ignorant, ut etiamsi victu uti vellent ad vitam agendam, non tamen possint vivere, siquidem omnium maxima ac proinde difficillima ars est vivere didicisse, ut quam solus Christus doceat donetque. Donec sensero te avide nostra legere, non desinam tibi similia et scribere et dicere:

Tace, tace: λεπτὸν ἴχνος.

Ascende nunc editam quandam speculam, ac explica notionem animi tui, ut videas, quid vulgus agitet. Videbis alium scabie, alium febri, hunc podagra, illum epilepsia, istum hydrope laborare, alii dentes, alii intestina computruisse; sunt adeo deplorati, ut non corpus, sed vivum cadaver circumferre videantur; ut omittam illa leviora: tussim, lassitudi-

Библиотека "Руниверс"

nem, putres halitus et id genus. Ex talibus, quantus quantus est, constat mundus, membris videlicet leprosis. Nam quod videas iisdem admistos etiam sani corporis homines, hi illi sunt, qui nuper irretiti, nondum ad supradicta quidem pervenerunt; huc tamen tendunt, imo currunt incitantibus Furiis ad tam videlicet praeclara praemia. Et nos quidem morbosos illos vitamus et recte facimus, ne nobis quoque contactu communicent; ceterum cum adhuc sanis, sed mente captis ac pestilentibus dogmatibus imbutis libenter versamur. Atqui non aegrotaremus corporibus, nisi prius animis. Quid juvat ab impuro taetidoque scortatore esse remotum, si ὁμιλεῖς πνεῦμα πορνείας ἔχοντι; abs hoc enim corpori fit male, ab illo animus inficitur. Vitas eum, qui μανίαν ex ebrietate contraxit, et non caves ventri deditum, qui te hortatur, exemplo autem cogit suo ad intempestivum et immodicum carnium esum, vinique potum? Quid fugis rivum, et fontem accedis? Times incendium et ignem petis? carbones exsecraris et per scintillas favillasque graderis? vulnus tangere horres, et inter gladios et scorpios ambulas? Declinas hydropa, podagram, gallicum morbum, et non aversaris intemperantiam, harum pestium matrem? Atqui Socrates in media pestilentia sanus mansit, assuetus sanctissimae diaetae simplici parcoque cibo. Audi Plutarchum causam omnium morborum redundantiae humoris in corpore adscribere: externis causis atque principiis redundantia humorum in corpore veluti substantiam et corpus suppeditat. Absque hac nihil mali causae illae inferunt, sed elanguescunt... Ubi autem redundantia est humorum, ibi velut coenum quoddam exagitatur impurum... Non petit ignis locum, nisi ubi natham esse senserit: ita morbus adhaerere nequit omnisque pestis atque inflammatio, si corpus frigidum, pituita vacuum ac suberis instar leve est. Vulgus hominum ad insaniam usque ingurgitatur carnibus omnisque generis sicera; et mirum est, si causam sequuntur effectus? Hac videlicet divinissima matre omnes praedictae pestes sunt partae. Tace, tace: tenue vestigium. Noli haurire mundi spiritum ἀνθρωποκτόνον, fuge scorpios hos, neque vitia ac rumpe corpus tuum (ne quid erres), sed extenua subducta immodica esca vitatoque vini igne, unde omnia vitia animi et ex his rursum omnes corporis morbi. Non is occidit equum, qui simplici pabulo alit, sed qui avenae praebet multum, nec modum in cursu tenet. Obruimur cibo vinoque et diu assidemus alicui anxiae meditationi. Hinc senium praematurum, etiamsi nihil aliud. Haec ideo prolixius, quod tam multos video idque autoritate praeditos, qui non satis habent scandalis exemplorum corrumpere adolescentes adque ingluviem invitare, nisi verborum quoque eloquentiaeque lenocinio perpellant πρὸς τὴν γαστριμαργίαν, idque locis ex S. Scriptura petitis. Quodsi cupis nos paululum auscultare, tamdiu scias tibi salvam esse et valetudinem et pudicitiam et famam,

Библиотека "Руниверс"

pretiosissimos θησαυρούς, quamdiu sobrietatem colis. Instigant ad intemperantiam? At tu victo illo vitioso pudore, negare non audente, jam nunc assuesce sanctae illi cuidam pertinaciae; mihi, inque, non expedit, etiamsi aitis omnia pure puris. Et si Paulus aliorum caritate non licere sibi ait carne vesci, egomet mei amore non colam jejunium sive delectum ciborum? Sic tu fel et venenum verborum illorum mellitum amove. Taedium pertrahit ad luxum? Accipe Sanctum librum, cantilla sacros hymnos, ora; quodsi haec non sufficiunt, advoca honestum sodalem, profligabis laeto bonoque colloquio, aut nos adi, aut ad te accerse; quid vereris? Si turpe judicas, cave facias; sin—vince malum pudorem timoremque, avocantem a rebus honestis. O utinam tam simus verecundi ac timidi in turpibus vitandis, quam saepe sumus in faciendis honestis meticulosi ac praepostere pudibundi! Christus hanc talem tuam tantamque indolem a mundi contagio incontaminatam servet praeparetque te suae sibi inhabitationi! vale, carissime!

. Tibi faventissimus Greg. Sab.

41-e

Καθώς γέγραπται.

Ut David ille cantat: in tui gratiam
Toto diei tempore
In morte vita nostra nobis ducitur.
Ac qualis innocens ovis,
Quam durus ille carnifex ferro petit,
Fusurus atrum sanguinem:
Ipsa obsecundat ducta nullis viribus,
Gutturque praebet cuspidi.
Sed ista cuncta vincit aucta caritas
Solius ejus robore,
Qui nos amore sempiterno amplexus est.
Nam certa stat sententia [1])

Εἰς τὴν Πεντηκοστήν.

O utinam nobis fluat in cor Spiritus ille,
Quem Doctor Pueris miserat Ille suis!
Spiritus ille novus, qui corda suo innovat igne:
Ille novas linguas, et nova facta creans.
Spiritus ille novus Zephyrorum mitior aura,
Quis simul ac flarit, fit nova terra statim,
Tempora, coelorum motus et vita novatur;

[1]) Стихотвореніе недописано и зачеркнуто Сковородою.

Библиотека "Руниверс"

Hora vetusta fugit, hora novata venit.
Iam nova facta patrant homines, nova dicta loquuntur.
Mox novus obtutus, corda pedesque novi.
Ac velut illa arbor, quae bruma mortua verno
Sole calente super fit paritura brevi.
Adspice nunc stolidi vulgi linguasque manusque
Atque pedes: quid vult? quid facit, aut quid ait?
Ambitiosa loquuntur ubique, loquuntur avara:
Haec nova verba putas? lingua vetusta quidem haec.
Regnat ubique scelus luxusque et spurca cupido:
Haec nova facta putas? Facta vetusta quidem haec.
Sola petunt, quae sunt ventris carnisque caducae:
Haec nova corda putas? Corda vetusta quidem haec.
O miserere mei, mitis Paraclete, venito!
Da nova corda mihi, verba manumque novam!
Exime de specu vulgi miserabilis hujus:
Insere Coelicolis, qua nova terra nitet.

Carrissime Michael!

Hi versiculi quoniam visi sunt non injucundi, quique me hoc sacratissimo die, qui meta καὶ σκοπὸς omnium festorum est, pias res meditantem vel propter φιλαυτίαν, vel propter pias sententias adfecerunt, id est moverunt ad pietatem animum, hanc ob rem tibi quoque doctrinae, sed magis pietatis, quae sola beat, studioso nostroque amico communicare visum est. An si nauta suos nauticos sermones nautae, mercator mercatori, militi miles libenter ὁμιλίας suas communicat, pietatis bonarumque literarum studiosus apud studiosum ac amicum mutus erit? Ach! non est ita! Tu interim perpende, non verborum, quae prope nulla est, elegantiam, sed utrum nos satis pie cogitavimus, vim sententiarum; et nucleum, non corticem degusta. Faxit suo tempore ἁγιώτατος ὁ Παράκλητος, ut vetusta et vulgaria fastidiens imo ipsius pietatis lacte relicto. Appetas novum Christoque viro dignum cibum, ut de te quoque id de Juda prophetatum possit usurpari: Dentes ejus super lac.

Tibi faventissimus Gregor. Sab.

42-e.

Salve caritas Christiana!

Michael dilectissime!

Frustra corpus edit, qui in corpore sistit edendo,
Qui nec ut ad mentem progrediatur, edit.
Impia turba potest corpus contingere Christi,
Mentem haurire Dei sed mala turba nequit,

Библиотека "Руниверс"

Est animale quidem, dein est et spirituale
Corpus: id haud prodest, hocce salutiferum est.
Haud equidem juvat id, quando consistis in illo:
Sin per id ad Mentem progrediare juvat.
Quid plantas oleam, si fructus non paritura est?
Quorsum figis humo, si nova non subolet?
Ecquid edis corpus Christi, quando unus et idem es?
Curve capis semen, si tibi fructus abest?
Semen humi jactum si forte calore putrescit,
Spiritus inde novus procreat inde nova.
Sic animale quidem nisi erit tibi morte peremptum,
Spirituale novumque haud habiturus eris.
Mitte hominem veterem κακοῖς σὺν δόγμασιν αὐτοῦ:
Sume novas δόξας et nova facta Dei.
Quid corpus sumis, si mentem rejicis Ejus?
Nonne animus potior corpore, plusque valet?
Carnem carne tua tangis, sed pectore vitas
Pectus? Et est qualis, dic mihi, amicitia haec?
Oscula das ori, sed es hostis moribus ejus?
'Αντιπαθεῖς genios quis sociare valet?
Christus simplicitas: tu veste domoque ciboque
Luxurias; prodest quid tibi sacra caro?
Christus Virginitas: at ego meretricis in ora
Respicio; prodest quid mihi, sacra caro?
Sume mihi cum carne Animum, Carissime, Christi,
Et sic cum Domino Spiritus unus eris.
Vale, mi dilectissime! Tuus in Domino G. S.

43-e.

Gregorius Sabbin

Michaeli suo gaudium in Domino precatur.

O vitae via dulcis, ubi bene conscia mens est!
Attica mella super nectar et ambrosiam!
Hinc hilaris vultus, spes vivida fronte relucet,
Hinc sunt perpetuo gaudia tanta piis.
Non spes in morbo, non ipsa in mente relinquit,
Imo et defunctis os hilarescit eis.
O Michaël, Michaël! culpa mihi disce vacare
A teneris, carus si cupis esse Deo.
Heus extra te ipsum bona maxima quaerere noli:
Intra nos Christus Σκῆπτρα Dei esse docet.

Scribendi occasionem dedit hodiernus dies τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν

Библиотека "Руниверс"

Ioannis Chrysostomi, cujus hanc auream sententiam mitto tibi munusculo: οὐδὲν ἡμᾶς οὕτως εὐφραίνειν οἴωθεν [1]), ὡς τὸ συνειδὸς καθαρὸν καὶ ἐλπίδες ἀγαθαί. Nihil nos ita laetificare consuevit, quam conscientia pura et spes bonae. Vale, carissime!

44-e.

Carissime adolescens mi Michaël, εὖ πράττε.
Nempe satellitii dux regi proximus esse
Assolet et regis proximus ora videt.
Sic tuus et Michaël princeps dux, proximus illi,
Qui Deus est Jacob, adstat et ora videt.
Numinis obtutum porro quisnam aspicit? Audi,
Dilectus Christi discipulus quid ait;
Πᾶς ὁ ἁμαρτάνων οὐ μήποτε ὥρακεν
Αὐτόν, οὐδ' ἔγνω αὐτόν...
Quo magis hanc terram fugiens peccata relinques,
Hoc propior poteris Numinis ore frui.
Τὰς μὲν βιοτικὰς ἔξω ἔχβαλλε μερίμνας.
Ἅγιος ἐστ' ὄντως γαῖαν ὁ καταφρονῶν.
Macte nova virtute Dei: sic itur ad astra:
Quid tibi cum terra? Nil habet illa boni.
Abjectis curis, quibus ardet futile vulgus,
Verus es, ὦ Μιχαήλ, aemulus Angelicus:
Sed, Michaël! vis excellentia dona Dei? Ergo
Eximius vulgi temptor ut esse queas,
Ἄκουε τὰ ἀπὸ καρδίας.
Sed accipe ista quoque, non de summis, ut ajunt, labris.
Angelus est in carne quidem, sed spiritus ille est;
Carne latet Christus, sed Deus ille tamen.
Temne voluptates, et eris mihi magnus Apollo:
Jmo mihi princeps ille στρατηγὸς eris.
Crede tamen, licet haud capis haec, et postea dices
Mendacem aut fuero magnus Apollo tibi.
Vale, cariss. ac angelicum diem angelice transige.
Σὸς συμμαθητὴς Γρηγόριος ὁ Σάββιν. 1763. Nov. 8.
illa heri, haec mane πεποίηκα.

45-e.

Χαῖρε τρὶς φίλε.
Jsta dies summo Michaëli sacra στρατηγῷ,
Jste ducum dux est angelus angelicum,
Si cognominis, o Michaël, tu natus es isti,
Angelice angelicum sis celebrato diem.

[1]) Est verbum anomalum, post explicabitur.

Библиотека "Руниверс"

Angelus ille Dei est, quisquis terrestria sprevit,
Qui evolat in coelos, angelus ille Dei est.
Angelus ille Dei est, qui carnis vincula rupit;
Qui purus vitiis, angelus ille Dei est.
O utinam videam tempus, cum dixeris ista:
Quid mihi cum terra? Nil habet illa boni.

Σὸς γνήσιος φίλος Γρηγώριος ὁ Σάββιν. αψνβ. Nov. 8

(τρὶς — ter; sis pro sivis; sic enim loquuntur Latini: vide sis, id est, si vis.)

46-e.

O igitur miseros, o terque quaterque misellos!
Sidere qui prolem sub Pharaonis habent.
Tu si quos sentis in te βαβυλῶνος haberi,
Heus allide istos tempus in omne Petrae!
Lucifer est Σατανᾶς, si affulget, credere noli;
Gramen nocturnum sole oriente cadit.
Sidere sub pravo quidquam generare caveto.
Ecce Dies Domini non procul! ecce prope est!
Cariss. Michaël!

Nae mihi mea solitudo coelum aperuit. Jnjuncto pueris exercitio abii in museum, ubi ex occasione explicatae vocis τὸ ἀστρολόγος vides in quas cogitationes veni. Ex consideratione visibilis coeli, transii ad Spiritalia. Pulchrum est illud, sed longe divinius hoc contemplari. Nunc mihi considera, utrum in coelo versantur (licet corpusculo in terra) hi, qui negotiis mortui vulgi tantopere ἐν τοῖς οὐρανοῖς expatiantur. An non hoc forte sit cum Hieronymo mente paradisum deambulare? Sed nulla mihi tecum fabularum satietas. Hoc solum mihi familiare exclamo: ὦ σχολίον, ὦ βιβλίον. Vale, o carissima anima! ac ad coelos illos eluctari nitere.

Tuus σύμμαχος Gregorius.

Аще око твое лукаво et c.
Sidere sub pravo, si sunt mala tempora lunae,
Nascier Astrologi non bona cuncta ferunt.
Concubitum faciunt cum terra scilicet ἄστρα.
Γαῖα μέν ἐστι γυνὴ, οὐρανός ἐστιν ἀνήρ.
Nunc mihi terrenis omissis τ' ἄὐλα specta
Ac ex visibili nosce meta physica.
Scilicet et coelo mentis sua sidera nostrae
Sunt, sunt luciferi, sol quoque luna quoque.
Si mala stella nitet, mala nascier omnia crede.
O gens infelix sidere nata sub hoc!
Audisne, o Michaël, quid dictant biblia sacra?
Jnque utero gentes non capis esse duas?

Библиотека "Руниверс"

O coelum egregium, quo splendet gloria Christi! •
Stellaque, quae sanctis dux erat ante Magis!
Nam tunc nascuntur Pueri, sacrosancta propago,
Qui τὸν γ' Ἡρώδην καὶ Φαραῶνα movent.
O igitur miseros.

47-e.

Salve divinarum Musarum alumne!
Michaël carissime!
Beatus ille, qui fugit negotia,
Ut prisca Christiana gens!
Qui pectus excolit suum virtutibus,
Sanctisque purgat litteris.
Amara cura tale pectus haud trahit,
Nec horror ullus excitat,
Nec dente duro livor [1]) ater exedit,
Nec est [2]) cupido pessima.
Quietus ergo dulce tempus exigit,
In pace cum coelestibus... Sed satis sit!

Reversus e ludo, quoniam omnino statueram tecum aliquid non admodum de faece vulgi loqui, protinus excudi hos, respiciens exemplar nostri Flacci. Quid agas? Sic homo sum: nihil mihi dulcius nugis istis. Quodsi quando incido in hominem similium nugarum studiosum, tantum non sublimi ferio vertice sidera. Sentisne, quorsum haec tam putida tendunt, ut idem ait? Te, inquam, innuo, te enim amo, talium nugarum pariter mecum cupidum. Nauta enim nautae, asinus asino et sus sui, ut ajunt, pulcher.

Vale mi carissime philomuse!
Tuus Musarum coalumnus Greg. Sabbin.

Heri prehendens nostrum Nicolaum, concessimus in meum musaeum prima, ni fallor, noctis hora. Ego missis omnibus ambagibus, quare, inquam, irasceris nostro Michaëli? Aut cur mihi non communicasti, si quid ille fecit, unde tibi justa esset succensendi causa? Negavit se tibi iratum esse, licet haberet justas causas: fuisse quidem iratum, sed iram jam posuisse. Quaeso, inquam, quid ille tale fecit? Primum dixit, te aliquando aliquoties illi rescripsisse superbiuscule et arroganter, repudians ejus amicitiam, nolle te talibus amicis uti, similes sibi quaereret: te enim metuere, ne tales socii perducerent in societatem periculi, quod sequeretur maleficia. Deinde narravit te ejus colloquium fugere, licet

[1]) Livor pro invidia; haec enim livida est, id est, синяя. Nam invidiosi plerumque sunt pallidi, qui color est ex albo et caeruleo mistus.

[2]) Est pro edit. Sic et Horat: siquid est animum, differs curandi tempus etc.

Библиотека "Руниверс"

ipse cuperet tecum fabulari; breviter: sese non admodum tuam amicitiam ambire, si tu recusares. Prope illa omnia in te dixit, quae tu in eum nudius tertius. Hic ego: ut ut, inquam, haec sunt, noli, sodes, irasci. Ille jurare sese nihil in te mali stomachi habere. Sic digressi sumus. Divinavimus, mi Michaël, te ille suspicatus est, qui mihi dixisses de se male; confessus erat. Comici erroris. Mi Michaël, age mitte omnia. Ego te quidem extra culpam esse confido; sed tamen saepe imprudenter peccamus in amicos. Haec omnia sunt leviuscula. Vale!

48-e.

Pax tibi sit illa, Michaël amicissime!
Ecce juventa anni! facies nova ridet ubique;
Nunc demum agricolis dulce labore premi.
Prospiciens hiemem venturam rustica cura
Hortos expurgat, conserit arva bona.
Fortunatus hic est, sed fortunatior ille,
Quem purgare juvat pectoris arva sui.
Atque quidem stultis etiam bona corporis adsunt:
Esse tamen felix stulta senecta nequit.
Cerne tuae fundos animae, quae provenit herba;
Exstirpa citius, si venit herba mala.
Ocius exstirpa, si surgunt spina rubusque:
Suffocat plutus verba sacrata Dei.
Bulbus et eruca hic si pullulat, ejice vulsa:
Namque videre Deum spurca lubido nequit.
Si cedrus enata est, citius succide securi:
Aversatur enim corda superba Deus.
Et solet arboribus pulchris adnascier olim
Stultus sponte stolo, hunc ense recide foras.
Nam siquis sanctos libros evolverit, isti
Adnasci studio gloria vana solet.
At contra pulchros flores tutare foveque:
In primis florem virginitatis ale.
O hujus floris qualis fragrantia quantaque:
Hoc delectatur Christus odore nimis.

Ne tererem tempus inane, volui vel insulsis versiculis tecum ὁμιλεῖν magis, quam nugas nugaciores persequi. Soleo enim hoc praesertim pharmaco taedio medicari. Et tamen non semper in numerato licet habere ingenium. Vale, cariss. Gr. S.

49-e.

Si sit vita beata intus, cur, inquis, ad illam
Grex hominum rarus tamque pusillus adit?

Библиотека "Руниверс"

Phy! quia difficile est animum moderarier illis,
Nec frenare ὁρμὰς condidicere suas.
Per loca devia, per salebrosa, graves per hiatus
Fertur eques stolidus, si male flectit equum.
Per mare, per terras volitat, ferrum per et ignem,
Si stolidos animos non ratione regit.
Quidnam igitur restat? Libros versare beatos,
Qui purgant animos, flectere corda docent.
Condere nec satis est intus, sed et exprime factis.
Es tyro nunc: usu et tempore miles eris.
Ex his militibus mirus rex ille creatur,
Qualis erat Christus discipulique sui.

Carissime Michaël!

Benene tempus collocavi, si his talibus tecum sermonibus hodie insumpsi? Opinor, non male. Tuus Gregor. Sab.

Disce, quid est illud, quod vita beata vocatur;
Omnibus omissis hoc age corde tuo.
Hoc age corde tuo toto, dicente Deo sic:
O fili, fili! cor mihi cede tuum.
Cor mihi cede tuum totum; si pectoris unam
Partem das mundo, cor mihi nolo tuum.
Felix, qui potuit vitam reperire beatam;
Sed magis is felix, qui valet hacce frui.
Non satis est potum atque cibum reperire salubrem,
Si morbo gustus vis vitiata tibi est.
Nec satis est solis lucem radiare diurni,
Lumina si capitis sunt vitiata tui.
Strenua nos exercet inertia: navibus atque
Quadrigis petimus vivere posse bene.
Quod petis, hoc tecum est, imo latet intus, amice;
Si tua contentus sorte, quietus eris.
Non is, qui meliora cupit, verum ille beatus,
Qui sibi quidquid adest, id satis esse putat.
Si tibi (продолженія нѣтъ).

50-e.

(1763 г.).

Carissimo Michaëli pacem in Domino.

Jn lucem me nocte parens hac edidit olim,
Hac coepi vitae prima elementa puer.
Altera nox post orta fuit, qua, Christe Deus mi,

Библиотека "Руниверс"

Jn me natus erat Spiritus ille tuus.
Nam mea me frustra genitrix enixa fuit, ni
Tu genuisses me, o lux mea, vita mea!

Reversus in museum meum a quodam amico ac memoria recolens natalem meum, coepi simul cogitare, quam plena malorum vita est mortalium, ut mihi quidem haud quaquam absurde divinasse videantur, qui dicerent, puerum recens natum ideo statim incipere plorare, quod jam tum tanquam praesentiret, quantum calamitatum agmen semel ei in vita esset subeundum. Haec animo solus volvens, non putavi sapientis esse hanc noctem, qua quondam natus ploraveram, poculis aut id genus noxiis nugis dedicare atque auspicari; sed parum abfuit, quin nunc quoque solverer in lacrumas, considerans, quam miserum animal sit homo, cui scintilla lucis Christi non affulgeat in Cimmeriis his mundanae stultitiae tenebris. Ταῦτα ἐννοῶν hos versiculos feci, tibique egregio amico communicandos esse judicavi, partim quod diu jam nostro more non sumus collocuti ac prope ἀπροσήγοροι sumus, licet animo te quidem quotidie conspicio, partim quod admonendum amicissime putavi, ut omnibus vulgaribus nugis relictis tanto ardentius eum ambiamus, in quo sunt omnes thesauri τῆς σοφίας, quique solus, amicus nobis factus, omnes vitae hujus amaritudines edulcare potest, dicens: ἐγὼ εἰμὶ μεθ' ὑμῶν, καὶ οὐδεὶς καθ' ὑμῶν. Vale omnium cariss. Tuus συμμαθητὴς Greg. S. Novembr. 22. 1763. noctu.

51-e.

(1763 г.).

Pretiosissime amice Michaël!

Quid mente velox volvis in praesentia?
Ubinam illa fulminat tibi?
Quid illa captat, quid petit, quidnam fugit?
Num certa agit? num fluctuat?
Si certa sancte factitat, beatus es;
Si fluctuat, et tu fluctuas.
Ubi fluctuationibus cor intumet,
Ibi nausea est et taedium.
Non nauta cantillat, sed anxius timet,
Cum fluctus insanit maris,
Cum insanus Auster concitavit Adriam,
Cum nauta non tenet ratem.
Mens otiosa nostra non unquam manet;
Versare semper sese amat.
Si non habebit quod bonae rei factitet,
Ad res nefandas procidet.

Библиотека "Руниверс"

Infunde semper, illa quod molere queat,
Sed pulchra, sed nequid nimis.
Sic taedium vitare pessimum potes.
Dulcemque vitam vivere.

Desino jam versificare, quod e pumice aquam exprimere mihi videor. Praestat prosa aliquid...

Tu aliquid ad nos scribe, nisi ipse venis. Antequam abeo, consultum puto hoc temporis insumere colloquendo tecum. Tu otiosus, ego item; tu studiosus, nec non ego; tu gaudes me audire, ego loqui haveo. Quid est, quod locum non dispicis, in quo commode possimus nostro more λαλεῖν; mitte igitur puerum ad nos, si vacat, ubinam congrediamur. Nam non semper erit aestas...

Vale carissime! Tuus Gregor. Sabb.

Vulgus potat et nos non colloquemur de honestis rebus? Quid hoc? 1763 anno. Julii 7 die.

52-e.

Αἴνησις πενίας.

O res pauperies utilis et sacra!
O germana viris mater amabilis!
O portus miseris optime naufragis!
Portus tute quieteque!
Felix, qui penetrat mentis acumine,
Quae praestare soles commoda, quae bona
Huic, quicunque homo te simpliciter colit,
Nec pro tempore te colit.
Felix, qui potuit pangere foedera
Tecum, quique tuam venerit in fidem,
Quem dignata fuit mensae epulis suae [1]),
Misit subque humilem casam [2]).
Longe morbus abest sedibus a tuis,
Et fumos ut apis, sic fugit abs eis:
Hydrops et podagrae, calculus et bilis,
Febres ac epilepsiae.
Non est ingluvies atque bibacitas,
Morborum unde scatet plebs sine nomine.
Non hic luxus adest, mors Themidos [3]) piae
Curarumque miser pater.
Longe cana tuis cura penatibus,

[1]) Quem dignata sacrae es mensae epulis tuae.
[2]) Submittens humili casae.
[3]) Θέμις δος — Dea justitiae.

Библиотека "Руниверс"

Longe sunt strepitus atque negotia,
Longe vana manet gloria et ambitus
Insanaeque cupidines.
Non ictus metuis fulminis ignei,
Non fluctus rabidos aequoris asperi,
Dum valles humiles ac placidas colis,
Et dum lintre vadum secas.
Omnis pestis abest, spes, timor, et dolus.
Hanc odere domum tartareae deae,
Quas quaecunque domus continet, illico
Mox fit Tartarus is locus.
At secura quies, at bona sanitas
Mentis compositae dulciaque otia
Ac assueta plis membra laboribus.
Dum parvo bene vivitur.
Αὐτάρκεια [1]) solers, suavis [2]) ἀπραξία,
Libertas residet ludicra salibus
Deridens populi stultitiae viam. Has
Paupertas comites habet.
Mendicos equidem hic haud fero laudibus,
Quos auri misere sacra fames necat;
Nudi sunt habitu pectore divites;
Carpunt quicquid ubique sit.
Aurum corde vorant, arca licet vacat,
Dites suspiciunt dum stupidis oculis.
Aurum dum cupies, jam licet Irus es,
Haud tu pauper eris mihi.
Pauper erat Christus, qui nihil ambiit.
Paulus pauper erat, qui voluit nihil.
Paupertatem animus, non scrinium facit,
Dum celsus subvolat in polum.

И сѣдъ учаше при брезѣ et c. съ корабля.

Navigat in portu, procul est cui vita negotiis,
Qui curis quique est ambitione procul.
Qui caute mundi credit se fluctibus hujus,
Navigat in portu, nat bene tuta ratis.
Quisquis at in pelagum convertit vela profundum,
Quis timor exanimat? quis jacit aestus eum?
Fortunate quater! qui nunquam ingressus es altum,

---

[1]) αὐτάρκεια—самодовольство; latine aequitas animi.

[2]) Vacatio a negotiis mundanis, cui opponitur tumultus, aestus, negotiorum undae.

Библиотека "Руниверс"

Si tibi docta quies, Musa quieta placet.
O divina quies! o nondum cognita divum
Munera! tui pretium δία cerebra sciunt.
Eja tene portum, contemnito munera plebis!
Commissus pelago desinis esse tuus.
Quid tibi cum curis? curae sunt aspera spina.
Suffocant istae verba sacrata Dei.
Nec serit haec Christus, pelago nec praedicat alto.
Navigat in portu: hic, hic docet ille suos.
Cariss. Michaël!

Diu deliberavi, utros versiculos mitterem. Tandem hi meliusculi sunt visi non ob aliud, nisi quod facilius fluxerunt. De tua vero ambrosia ipsa dulciore scheda quid dicam? Ita me Deus amet... sed vereor in os te laudare. Vale, carissima anima, ac macte virtute. Tuus Gregorius.

53-e.

Φίλτατε φιλτάτων βροτέ,
Κῆδος τε τερπωλή τε μοῦ,
Ἔφησε τῶν μουσῶν φίλε,
Salve sodales omnium
Carissimorum carior,
Michaël amice ex Attica.

Nae tu profusus es tui, qui pro tribus verbis decuplo me donasti, petebam tria, habeo 30. Tu imitaris Iovum, et

Ὁ Ζεὺς ἄλλοκα μὲν πέλει αἴθριος ἄλλοκα δ' ὗει.

Iovis alias quidem est serenus alias autem pluit. Imo saepe uno die tantum effudit imbrium, quantum ad rigandam terram per totum sufficeret mensem, reddens nunc nimium aridam, nunc immodice ebriam ac spongiae aquis immersae simillimam τῶν βροτῶν terram. Imo vero novi sartorem, qui duos tresve menses religionem habet contingere τὴν Σειβούχαν; exacto autem luctus tempore, uno die tantum haurit τοῦ νέκταρος артемовскаго, quantum praegrandes muli tres aut Arcadii asini, sitientes aquae. Dicis me objurgando valere: recte. Nam si... sed relinquo te corvum, κατὰ τὴν παροιμίαν, hiantem, properans in Graculorum ludum. Ἔρρωσο φίλτατε. Σὸς Γρηγ. ὁ Σαββίν.

Ante crepusculum nos domi expectans cochleam age, nec usquam prorepe. Et jam aetatem videor diversorium tuum non vidisse.

54-e.

Да не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ.
Dum fera saevit hiems, haud naves navita solvit,
Sed placidi veris tempora grata manet.

Библиотека "Руниверс"

Expectate diem Domini, cum Spiritus ille
Sanctus demulcet flamine cuncta suo.
Sin audes propere ponto te credere mundi
Quaeso, quos fluctus ferre necesse tibi?
Ergo vide, ne cursus sit tibi tempore brumae.
Ne temere vitae nempe capesse statum.
Sed portum retine, donec Χριστὸς σε διδάξει.
Non via nocte proba est, non hiemale mare.
Heu Christus paucos extractat fluctibus altis!
Heu quam permultos devorat unda maris!
Si non gustasti, quidnam sit nare pericli,
Ex aliis miseris sume pericla tibi.
Fluctibus involvit satanas et pectora cauta;
Quid de illis fit, queis cautio nulla viget?
At tu Musarum in portu cole sacra quietus.
O fortunatum, si tua bona capis!

Cariss. Michaël!

ἥδου ἐν τῷ κυρίῳ

Ablatis libris, quid mihi mellitius, quam garrire cum amiculis meis, quorum tu κορυφὴ εἶ; nisi quod vereor, ne parum in tempore tibi obstrepam, occupato fortassis curis melioribus. Suspicor enim te meditari τὰς διατριβὰς τὰς σχολαστικάς. Proinde breviter significabis. Vale cariss.

Tuus Gregor.

55-e.

Τὸ νέον ἐστιν ἔτος, τὰ νέα πάτερ ἅγιε χαῖρε (ἔστι νέον τὸ ἔτος καλῶς)
Τὰ ὑγίαινε νέα τὰ νέα πρᾶττε φίλε.
Ταῦτα μὲν εὔχεται ὁ Γρηγώριος, ὦ φίλ' ἰωηλ,
Φιλέλλην ὁ νέος, σὸς παλαιὸς δὲ φίλος.
Pretiosissime amice,

Salve, mi Michaël!

Hanc prope ex tempore, certe praecipitanter verti, hoc unice spectans, ut quam possem perspicue spiritum autoris expromerem, non phaleris verborum ornarem. Tu potes, si libet, refingere, ac aliis verbis inducere. Quod autem verti τὸ, „quod ultra est, oderit curare“ sic: не печися на утро, temere improbare noli, licet scio te esse a praejudiciis alienum. Si quis enim, velut canis, ut ajunt, e Nilo, gustavit ex S. Patribus, is intelligit τὸ „crastinum“ pro sequenti vita accipi. Cum enim vita nostra, passim in S. literis diei assimilatur, et diei prima pars est nox, altera lux, rectissime dicitur prima aetas, puta juventa, stulta, vita praesens, nondum illuminata veritatis sole. Altera vitae pars, luci assimilata, vocatur

Библиотека "Руниверс"

vita—quens [1]), cum deponuntur tenebrarum opera. Cum igitur dicit „noli in crastinum esse solicitus", dicit non esse dolendum, quid edas aut quo vestiaris in senectute; quaere modo regna Dei in praesenti vita, cura de sola virtut eet sapientia sollicitus. Nam si seminaveris in praesenti bene, bene metes et futura, nec quisquam sanctus moribus destitutus erit in senecta viatico. Ad haec verba quoniam sententia Platonis in quam nuper incidi pertinet, non gravabor tibi adscribere. Ea est haec: ἐμοὶ μὲν οὐδέν ἐστι πρεσβύτερον τοῦ ὡς ὅτι βέλτιστον ἐμὲ γενέσθαι. Mihi quidem nihil est antiquius, quam ut quam optimum me esse sive fieri. Vide quid curarunt summi viri, non divitias et c.; non mirum igitur, si bene clauderunt vitam. Ut quisque enim in juventute seminat, ita in senecta metit. Vis levis et sanus esse senex? Cole juvenis sobrietatem et castitatem. Haec cogita. Vale optime mi φιλόμουσε.

Tuus Gregor Sab.

56-e.

Salve benevolentissimum animal mi Michaël!
Inveni portum, spes et fortuna valete:
Sat me lusistis, ludite nunc alios.

Elegans in primis distichon hoc vel hoc nomine videri potest, quod usurpatum est a doctissimo, quisquis ille fuit, viro, qui errores жилбла-зовы eloquentissime planeque homerice descripsit; nec dubito quin tibi quoque sit placiturum. Id nos jambicis exercitationis gratia sic reddidimus:

Iam tango portum, spes vale fortunaque:
Lusisse sat me, ceteros nunc ludite.

Conabimur vertere etiam dimetris, si aspirarint Musae:

Portus recepit me in sinum,
O spes vale fortunaque:
Me desinatis ludere,
Nunc ceteros jam ludite.

Sed tentemus alternis quoque ludere; tu, mi philomuse, Musas invoca, qui illis litare soles, si forte faverint:

Iam me quietus portus in sinu fovet,
O spes vale fortunaque!
Nolo esse lusus amplius vobis, sat est:
Nunc ceteros jam ludite.

Minimum abfuit, quin hallucinaremur. Verum optimus est error, ubi in discendo erratur. Saepeque malum bonum est. Quid? Satne tibi videor luisse poenam? Quas, ais, poenas? Quia heri non praestiti, quod promiseram, quamquam quidem sub conditione tanquam praescius

[1]) Слово запачкано.

Библиотека "Руниверс"

promiseram. Invisi enim sacrificum Доментѣевскаго Gregorium, hominem mihi amicissimum, et cujus ingenium vehementer amo, ut nihil interim dicam de dotibus ejus, nihil de eruditione. Ergo quae eramus tecum heri praesentes cum praesente disserturi, licet alia fortassis erant futura, quam hic sunt, tamen, ut quomodocunque pensaremus illam ἀπροσηγορίαν, haec tibi impraesentiarum alacres valde ac laeti illivimus. Ceterum cum Nicolao nostro ut colloquar secretum de vestra simultate, cape tempus. Confido fore, ut vos rursum reconciliem. Quid dulcius amore et concordia. Novi simplicissimum tuum innoxiumque ingenium, sed tamen amicorum errata dexteritate corrigere aut ferre, si leviuscula sunt, debemus.

Tuus Greg. Sabbin.

56-e.

Salve vigor studiorum meorum Michael mellitissime!

Remitto tibi tuos versus sacros, leviter immutatos non ad sententiam, sed ad vocem. Mihi quidem tua omnia sic placent, ut non mirum sit, si hos versiculos aliquoties osculatus sum.

Спаси мя, Господи! Яко
Преподобній оскудѣ.
Говоритъ ложная всякой
И нѣтъ истины нигдѣ.
Злость во всѣхъ живетъ сердцахъ,
Само тожъ и во устахъ.
Потреби ты устнѣ лстивы,
И языкъ велерѣчивый.
Кой такъ въ себѣ размишляетъ:
Язикъ возвеличимъ свой.
Отъ насъ онъ; такъ разсуждаетъ:

Кто Господь намъ и Богъ кой?
Но для бѣдствій нищихъ всѣхъ
И воздыханіа тѣхъ
Встану зъ сна, рече Спаситель,
Буду вашъ скоръ защититель.
Господне слово правдиво
Чистое какъ свѣтлой глазъ,
Или какъ сребро нелживо
Очищенное седмъ разъ.
Ты насъ Боже сохрани,
Во безконечніа дны

Отъ такого рода лживыхъ
И человѣкъ нечестивыхъ.

Vale παρθενία τοῦ Χριστοῦ διαδοχή et sponsi tui S. hymnis super omnia oblectare! Tuus Gregorius.

57-e.

Ἡ σὰρξ κατὰ τοῦ πνεύματος ἐπιθυμεῖ.

Iam langues, Israël, jam frangit te impetus hostis,
Iam turbare pavens, jam sacra signa refers.
Ille, velut Boreas sata laeta ferociter urget,
Compositas acies turbat agitque tuas.
Tolle tuas, mi Christe, manus ad sidera tolle!
Mox felix Amalech impia terga dabit.

Библиотека "Руниверс"

58-e.

Εὐθύμει, mi Michaël!

Δῆμος ὁ χριστιανὸς δαπανάει σῶμα καὶ αἷμα
Χριστοῦ, ἀλλὰ ἀεὶ ἐστὶ κακοστόμαχος.
Vulgus Christicolûm consumit membra Θεάνδρου,
Sanguine potatur; sed male stulta coquit...
Τὰ λοιπὰ ἀναβάλλομαι εἰς ὕστερον χρόνον.
Γρηγόριος ὁ Σαββίν.

59-e.

Mi Michaël macte virtute!

Tres adeo Christi miles sibi conspicit hostes,
Cum quibus assiduo bella gerenda videt.
Primus es huic hostis, tu simia, Munde, fucata;
Tu, quem Dux noster pulchra sepulchra vocat.
Alter blanda caro mulier, quae tempore nullo
Ad mala desistit solicitare virum.
At reliquis gravior Cacodaemon tertius hostis,
Stultitiae genitor, qua venit omne malum.
Eja tyro Christi, gladium tibi cude! memento,
Militiam vitam hanc esse memento jugem.
Tuus veteranus commilito Greg. Sabbin.

60-e.

Dilectissime omnium amice Michaël!

Post preces vespertinas valde aveo renovare hesternam deambulationem. Tu e templo egrediens aut ad me aut recta in hesterna tempe per humilia, quibus heri rediimus, loca sic lente ibis, ut te assequi ipse possim. Adducam mecum et magnam chori partem, id est meorum puerorum cantatorum. Accipiam et auctorem eundem, cujus ego genio vehementer delector. Nae ille sapienter juxtaque salse detrahit larvam suam blandissimae turpissimaeque meretrici, puta mundo huic. Sed ponamus eum esse talem, qualem vulgus aestimat. Attamen sapientis est e stercore aurum legere. An non Christus improbis паденіе, non ἀνάστασις? An non omnia pura puris? Sed quid ego tibi hunc laudem? neque enim erimus similes ventosi illius ac stulta philosophia inflati scholastici, qui risit ἐπίγραμμα, τὸ ἐπίγραμμα..... inscriptionem illam..... Hoc solum dico: Nemo unquam salsius, plenius, utilius ob oculos posuit velatam mundi spurcitiem. Sane talibus, qualis tu es, bubonis lumina ingenerat. Даждъ премудрому вину et c. Illud Terentii videtur subinde ingeminare: Ex

Библиотека "Руниверс"

aliis periculum facito, tibi quod ex usu siet. Invitus finio. De hoc genere nocte dieque est disserendum. Scripsi versus et ad Nicolaum, in quibus fucum mundi nonnihil ostendimus. Vale carissime!

Tuus Gregor. Sab.

61-e.

Ἐράσμιε φίλε Μιχαήλ.

Temperare mihi non potui, quin saltem parvolam portiunculam tibi communicarem eorum, quibus me statim post tuum abitum noster Plutarchus non torsit, ut solent spinae sophisticae, sed unice delectavit. Deum immortalem! quam commendat amicitiam! Quam graphice depingit corniculam alienis plumis ornatam, id est, vaferrimum adulatorem, amici larva tectum, quem Graeci dicunt κόλακα, ὁ κόλαξ. Sed jam accipe ipsa verba amici nostri Plutarchi: „Sicut nummum, ita amicum oportet habere probatum, antequam usus postulet, neque damno demum accepto sentire, sed debemus habere peritiam cognoscendi adulatoris, ne laedamur. Alioquin idem nobis usu veniet, quod iis, qui gustato demum veneno sentiunt id esse letale...

Nam neque hos probamus, neque eos, qui se ipso facto putant deprehendisse adulatores eos, qui blande ac gratiose conversantur. Non enim insuavis debet esse amicus neque inconditus, neque gravitas austeritasque amicitiae constat morum acerbitate, sed ipsa illa ejus pulchritudo atque gravitas suavis est desiderabilisque... Neque soli ei, qui est in calamitate,

Faciem intueri dulce hominis est benevoli...

Sed vitam comitatur amicitia non minus voluptatem ac gratiam rebus laetis adjiciens, quam adversis dolores adimens. Atque Deus amicitiam vitae admiscens, omnia laeta, dulcia ac grata ut essent amico praesente unaque fruente, fecit. Et quomodo adulator voluptatum dulcedinumque occasione vellet insidiari, si sciret amicitiam nihil jucundi usquam admittere“? (hactenus). Satis jam, mi Michaël! Cum tam divina tamque dulcis res sit amicitia, ut sol vitae esse videatur, maximopere curandum, ne pro ove lupum, pro cancro scorpium, pro lacerta anguem amplectamur. Nihil periculosius hoste vafro, sed nihil venenatius fucato amico. An non ego tibi praedixi a talibus maxime esse cavendum? Nullus unquam diabolus magis nocet, quam tales amici in speciem. De his nimirum dixi tibi, ut meo sapias periculo. Ego a multis talibus ictus sum, o carissime! In herba virenti anguem reperi. O mihi, si consultor tum adesset! O libri consultores optimi! amici verissimi! Expecta, mi Michaël, et in posterum a me talia, nempe amicus ab amico. Vale! ac ad nos, si fieri potest, veni.

Tuus Greg. Sabbin.

Библиотека "Руниверс"

62-e.

Χαῖρε φιλτάτων φίλτατε,
τιμιώτατε μοῦ Μιχαήλ.

Mitto tibi strenam, tu arripe pileum; assero te manu prehensa... Quorsum, inquis, strena, cum non sit novus annus? Et an sine pileo erat Michaël? Venit, heus! audi me!—

Venit post multas una serena dies.

Novus tibi mihique annus est, cum novum atque Saturnium est tempus, cum Κρόνου τὸν βίον vivimus hodie; nonne igitur dignum est mittere strenam? Et an non pileum habes? Revoco te ad pileum, inquam, id est ἐλευθερίαν. Sed tu non modo pileum, verum etiam zonam astringe lumbis tuis. Et arripe τὴν ῥάβδον sive scipionem sive sceptrum, ut fecit Jsraël exiens de Aegypto, ac ede non agnum, sed caseum hunc, linquens execrabilem terram Barbajanam, et liberatus in novam. Gaude, carissime! et nobis quam ocissime rescribe. Haveo literulas tuas plusquam mellitissimas, quibus hactenus privatus fui. Tu cum Zacharia solve τὴν σιωπήν.

Tui desiderantissimus Greg. Sab.

Diplomate Alexandri Magni involvi strenam, diplomate dato de libertate slavonicae olim genti, si credere fas est, quod optimum est omen. Vale. Salve.

63-e.

Μείζων ἐν γεννητοῖς γυναικῶν προφήτης Ἰωάνου τοῦ βαπτιστοῦ οὐδείς ἐστιν. Luc. 7.

Hodie obitum celebramus illius, quo majorem negat Christus ex omnibus inveniri, quicunque ex mulieribus essent nati. Attendamus autem mentis oculos ac paulisper contemplemur, qualis ille fuit, quidve factitabat, dum esset in vita, quod tam magnus a Deo est judicatus. Erat propheta Dei, canebat divina, castigabat peccantes, reducebat in viam bonam, qui est Christus, omnibus dictitabat jam jam adesse ac imminere adventum Christi, ut exornarent sese, ut sponsus ille paratos inveniret; alioquin securim esse expeditam promptamque. Magnum igitur est doctorem Evangelicum esse? Ita, mi carissime Michaël, non modo magnum, verum etiam maximum. Impiissimus erat Herodes, corruptissimus moribus et educatione, assuetus luxui ita, ut et hodie vides magnatum vulgus: et tamen et ipse въ сладость послушаше его; usque adeo verum illud est, quod dixit Plato, nullam rem auditu jucundiorem esse, quam veritatem. Non ego reges admiror ac suspicio, qualis erat Herodes, imo et bonos reges, sed Doctorem coelestem, sed prophetam, sed sacerdotem. Si magnum est corporibus imperare, majus certe animos moderari. Magnum est auro donare, quod reges solent, et non magnum adducere

Библиотека "Руниверс"

ad aurum sapientiae? Quodnam margaritum Indicum comparare potest cum illo pretiosissimo lapillo, si cui castitas est commendata? Si magnum est curare corpora, an non maximum est animam simul et corpusculum integrum, sanum, illaesum offere homini? Hoc autem fit, cum alicui est temperantia, mater castitatis, oblata atque commendata. Hae duae virtutes faciunt, ut oculi sint in homine acutissimi et plane aquilini, pedes levissimi ac cervini, memoria tenacissima ac angelica, judicium divinum, non humanum, totum denique corpus castum ac expeditum dignumque τῇ ἐκδοχῇ divinae sapientiae, quae (jur)e refugit impura membra, velut fumum apes. Numquid dicam de animae bonis, quae sunt invisibilia? Novit is solus, qui expertus est. Alioquin in cor non ascendit. Talia cum donabat obedientibus Ἰωάννης docens Christum, tamque magna: an non jure maximus inter natos mulierum vocat? Sed vide, quibus initiis adid pervenit, quibus παρασκευαῖς. Non petivit aulas, non abiit juvenis in populosas ac luxuriosas urbes, non ventri se dedit, sed in desertum abivit, quaeritans unice regnum Dei, nec de vestitu, nec de cibo sollicitus, sciens his non fore destitutos servos Dei, sciens luxum capitalem hostem virginitatis, quam unice amat Christus, sine qua nemo ad mysteria regni Dei admittitur. Ergo cinctus erat ζώνῃ τῇ pellicea, castigans carnis lasciviam rigorose. Sic confirmatus, tantus erat doctor in tam magna aula Regia. O carissime, tales imitemur! Summa capiamus, ut saltem medium capiamus. Gedeonis nostri ὁμιλίαν perlege, quam die obitus huius habuit. Sub finem ultima aut penultima sic incipit: Гласъ слова.—us quotus nescio. Vale, cariss. Tuus Gregor. S.

64-e.

Salve mi carissime φιλόχριστε,
Michaël dulcissime!

Haec tua mens si dia facit, nae digna facit se:
Non agitare quidem pulchrius illa valet.
Non incerta facit, sed certo spectat ocello,
Ut miserum ventrem vulgus inane colit!
Saepius haec facias: quid sanctius hocce Θεάτρῳ;
Sic superi vivunt, sic σοφὸς omnis agit.
Saepius hanc speculam ascendas, licet unde videre,
Colluvies hominum quicquid in orbe gerit.
O me, cum aspicio te talia posse tenellum,
Cum maturus eris gaudia quanta manent?
Accipe, quo semper finitur epistola verbo,
Quo, tibi qui mittit, non caret ipse: vale!
Tuus Gregor. Sab.

Библиотека "Руниверс"

65-e.

Desideratissime Michaël!
gaude in Domino!

Triduum est, quod parata est oda, a me promissa. Ego tamen, si possem, nullo die tecum non confabularer. Nunquam dormit leo ille diabolus, hinc et nobis nunquam non vigilandum. Sicuti autem ex improviso jaculo petit corpus hostis, ita spiritalis ille hostis nunquam desinit ejaculari in animam nostram cupiditatum ignitas sagittas iisque configere. Has extingues, si cogitaveris te omnia habere, quibus magnus, id est sanctus vir evadere possis. Quid est enim, quod crucieris? An quod non potas cum lurconibus? an quod in aulis Principum non ludis aleam? Quod non saltas? Quod castra non sequeris? Si haec miserrima admiraris, nondum quidquam sapis ac unus ex multis es. Nondum beatus es, si extra te quaeris bona ulla. Collige intra te cogitationes tuas ac intra te ipsum quaere vera bona. Fodi intra te puteum illius aquae, quae et tuam domum et vicinorum riget. Intra te ratio illa, fons, ut Plutarchus ait, tranquillitatis; hanc expurgare stude, non de lacunis porcorum hauriens, sed de sanctis libris sanctorum hominum. Ne te moveat vulgus volantia sectans per terras per maria, sed domi tuae manens, quae prava aut recta geruntur, vide. Quid tibi prosit sceptrum, aut palatium, aut aurum, si pretiosissimam animam tuam, hoc est te ipsum, perdis et occidis? An non ex animi morbis nascuntur etiam corporei? Simulatque peccati cupiditas incendit animam tuam, scito eam ictam esse, imo mortuam. Quin tu curas, ut ejicias cupiditatem, mortem carissimae partis tui? Quid mente peregrinaris? Quid autem concupiscis, cum intra te habeas bona omnia, si sapis? Quid curris ad pocula? ad turbam, ad coetum improborum? Quid ibi boni esse perspicis? Reprime ac frena animae τὰς ὁρμὰς ac rex esse jam nunc assuesce. O utinam mihi adsit ἡ τοῦ πνεύματος μάχαιρα! excinderem tibi avaritiam, expungerem luxum et ebrietatis spiritum, configerem ambitionem, transverberarem κενοδοξίαν, trajicerem mortis paupertatisque metum. O sanctissima sobrietas! o bona paupertas! o aeque anime! ut vos pauci norunt! Si nondum in peccato omnia mala esse vides, nondum sapis, nondum Fidem Theologicam possedisti. Crede tamen non videns. Si nondum perspicis totum paradisum esse in mordicus tenendis praeceptis Dei servandisque, nondum gratiam Dei habes; crede tamen, et clama cum David: открій очы мои и ураз. et c., donec perspecta indicibili in his sita utilitate dicas: наслѣдовахъ свидѣнія Твоя вѣкъ за воздаянія. Haec quaere hac... [1]) Vocat Virgilius. Haec si toto pectore quaeres, invenies... [1]) curam adhibueris? Quae haec est

[1]) Затерты слова.

Библиотека "Руниверс"

iniquitas? Noli te fallere. Christus Dominus custodiat animam et corpus tuum a venenatis sociis, ab omni inquinamento, ab ignitis sagittis! Vale, amicissime, et ad nos scribe. Aveo scire, quid agas.

Tuus Christianus amicus Gregor. Sab.

Іюль 18. Съ Бѣлгорода.

66-e.

Carissime Michaël!

Vidi spectaculum, e vespertinis precibus vixdum finitis evocatus, idque tum lugubre, tum ridiculum, tum pudendum. Unde inquis tibi risus sufficiebat, ubi conclamabatur? aut conclamatum est? An non haec importuna? Tace, carissime, ac paululum me audi. Non ego sum Cyclope immanior; imo sentio singularem quandam mihi inesse humanitatem καὶ τὴν φιλανθρωπίαν, sed, crede mihi, suppudebat videre quosdam sane quam muliebriter ululare. Quos, ita me Deus amet, in ipso Trojae excidio si tantis tamque femineis fletibus indulgere conspicerem, non sane virtutis eos quidquam habere existimarem. Ergo fugi extemplo, tantum pudorem non ferens, cum viderem ipsos eos lamentari, quorum erat ceteros in hunc modum flentes cohibere. Heu pietas! heu prisca sapientia! Tantisne lacrumis lugere mortem carnalem, quae tantum abest, ut sit fugienda, qui vel paulum sanae mentis habeat, ut omnium periculorum malorumque unicus ac certissimus portus sit putanda? Unde illis haec opinio? Ex S. literis, dices. Sed quonam loco? Animi mortem miseram esse videre licet plus satis in S. libris; corporis mortem usquam mihi legisse explorandam esse haud sane memini, neque in philosophorum scriptis. Si ipse adfuisses, non sane temperasses a lacrumis. Sed hoc fecisses exemplo aliorum permotus, non rei dignitate. Sic adolescentia semper apud nos corrumpitur exemplis stupidissimorum virorum senumque. O tempora! o mores! Abbas jam expiravit; plebs cursitat plorans; ego rideo et simul lugeo animo. Rideo stultitiam hominum, eandem lugeo. Vale, mi carissime, ac te quantum potes abducere cura a corruptissimo vulgo.

Tuus condiscipulus Gregor. S.

67-e.

Salve mea voluptas, Michaël dulcissime.
Nempe, ut ajunt homines, tantum est paradisus amoenus,
Dulciter ut solus vivere possit homo.
Quidam, quidnam sit sapientia vera rogatus,
Esse sibi socium dixit et esse parem.
Sic paradisus erit sapienti quaelibet ora,
Quaelidet urbs, tellus quaelibet atque domus.

Библиотека "Руниверс"

Haec, o mi carissime, prandens scripsi, nihil minus patiens, quam solitudinis taedium; quod nunquam eram facturus, si in illud τῶν σοφῶν συμπόσιον venissem. Ingenue tibi fateor homini ingenuo nihil esse gravius, quam opiparum convivium, praesertim ubi μωρόσοφοι primas tenent. Nunc felix sum et haec ridens post principia, ut ajunt, scripsi ad te, quem praesens praesentem spectasse ac locutus esse mihi videtur. Vale, mi anime!

Tuus σομμαθητὴς Γρηγορ. Σ.

68-e.

(1763 г.).

Ἐπίγραμμα.

Ter tribus ut Musis olim Venus obvia facta est
Cum cupidone suo, talibus alloquitur:
Me colite, o Musae, cunctorum prima deorum
Sum: mea sceptra omnes diique hominesque colunt.
Sic Venus. At Musae: verum in nos juris habes nil.
Musae Helicona sacrum, non tua regna colunt.

Carissime mi Michaël!

Χόρευε ἐν τῷ κυρίῳ.

Duabus horis προαναστὰς τῶν ὀρθρινῶν εὐχῶν, et egomet mihi ὁμιλῶν, inter multas non impias cogitationes feci καὶ τὸ ἐπίγραμμα. Memini, me legisse tale inter graeca ἐπιγράμματα, cum agerem jam in coenobio S. Sergii. Id quoniam non subiit, meis verbis eandem sum sententiam complexus. Venustum mihi visum est in primis summumque Musarum τὸ ἄδυτον tangere ac resipere, dignumque, quod hodie cantaretur, cum τῶν τρειῶν τῶν μεγάλων τῆς οἰκουμένης Διδασκάλων recolimus memoriam. O utinam, mi Michaël, nobis quoque ad tantum τῆς ἀρετῆς cacumen contingat eluctari!

Ταῦτα εὔχεταί σοι σὸς Γρηγόριος. Januar 30.

Ubi quid in graecis vocibus, ut est, hallucinatus sum corriges meque mones. Οὐδὲν τούτου φιλότερον, et nosti illud:

Χεὶρ χεῖρα νίπτει. 1763.

die trium Sanctorum Basilii, Gregorii, Iohanni.

69-e.

Salve carissime Philomuse, Michaël!

Nec tibi, mi Michaël, scio, res ingrata futura,
Pullus idem portet si mea scripta tibi.
Scripta hominis, qui plusquam oculos te diligit istos,
Uritur igne pio, flagrat amore tui.

Библиотека "Руниверс"

Diligit, ardet, amat toto te corde, sodalis,
Te delectatur, diligit, ardet, amat.
Non mihi flore thymus, non tam sunt Attica mella,
Quam tuus hic animus dulcis amore mei.
Scribe ad nos, siquid sit amabile, si quid amicum,
Pergeque, dum vivis, me redamare tuum,
At me ab amore tui deducet nulla senectus,
Sive ego Tithonus, sive ego Nestor ero...

Quid pestilentius amore vulgari, id est falso? Rursum quid divinius amore Christiano, id est vero? Quid est Christiana religio, nisi vera ac perfecta amicitia? An non Christus χαραχτῆρα suis imposuit mutuum amorem? An non amicitia omnia conglutinat, aedificat, creat, quemadmodum inimicitia diruit? An non Deus ἀγάπη dicitur apud dilectissimum discipulum suum Ioannem? An non mortuus animus vero amore carens, puta Deo? An non omnia dona, quin et ipsae angelicae linguae nihil sunt sine caritate? Quid fundat? Caritas. Quid creat? caritas. Quid conservat? Caritas, caritas. Quid delectat? Caritas, caritas primum et medium et postremum, α καὶ ω, breviter ut illo claudam:

A te principium, tibi desinet....

Sed avocat graeca campana. Vale carissime Michaël! Graeculus tuus peramanter est a me exceptus. Tuus Gregor. Sabbin.

70-e.

Salve, mi Michaël,
Amice carissime!

Jam mihi quoque ὁ σκορπίος aculeum intentat ictumque meditatur. Sed quid ego non lubenter debeam ferre, modo tibi tuique similibus quoquo modo prosim incitans ad elegantiores illas Musas? Et praeclararum ea est natura rerum, ut quo magis impediuntur, vehementius incitentur, veluti nobilissimum durissimumque μέταλλον, quo magis injecta terra atteritur, eo pulchrius enitescit. Reprimit improbitas ac obluctatur, ut hoc magis mihi lubeat. Porro icti a scorpio, scis, quo φαρμάκῳ utuntur? Eodem scorpio atterunt vulnus et efficacissime praesentissimeque sanant. Unde in India, ubi scorpionum cubicula velut apud nos cimicum plena, ajunt super mensam semper paratum stare vas, in quo scorpii oleo innatant propter repentinos ictus medicandos. Quod jam ante annos 10 audivi. Ceterum qua parte me aculeo ferire parat, coram dicam. Neque enim toti ictui patemus, muniti durissima testa innocentiae, ac intra hanc contracti. Qua igitur parte petit? Illa qua solet canis, qui scipionem mordet, viatorem laedere non valens. Ridebis, ubi dicam, id quod audivi post sacram vigiliam domi. Ergo mihi cum talibus

Библиотека "Руниверс"

monstris, dum vivo, est pugnandum? Sic est, cariss. Vita enim nostrum Christianorum est militia. Sed si ipse Hercules non sum, at vero Christus nobis multorum instar τῶν ἡρώων, sub cujus vexillis militamus. Vale, mi carissime! καὶ γραϊκὰς μούσας μετὰ τῆς Ἀρετῆς φίλει.

Tuus γνήσιος Γρηγ. Σαβ.

Accipe, mi amicissime, quod heri didici inter colloquendum a Rss. eruditissimo nostro Praefecto, cum sermo incidisset de improborum machinatione. Est autem carmén δίστιχον τοῦτο.

Μήτε δόλους ῥάπτειν, μήτε ' αἵματι χείρα μιαίνειν,
Ψεύδεα μὴ βάζειν, καὶ ἐτήτυμα πάντα λέγεσθαι.
Neque dolos suere, neque sanguine manum polluere,
Mendacia non dicere, et vera omnia dicere.

Quod nos versiculis reddidimus sic:

Ne fabricato dolos, nec sanguine pollue dextram,
Vana loqui fugito, veracia dicito cuncta.

71-e.

Cariss. Michaël, fortis esto!

Natatorem tuum δήλιον vix adminiculo lexici intellexi. Proinde par pari retulisti, id est ἀντὶ αἰνίγματος aenigmate percussisti. Sed quid tuus velit sibi carcinus? an poeta est tam perspicuus, quam in narrando ὁ πίθηκος; sed aliquid inaudivi de illo et te et me. Dixi Rss. P. Praefecto. Risit satis. Tu quid? nonne despondes animum? Ego vero mihi vehementer gratulor, quod tam κακίστοις displiceo.

Crede mihi laus est displicuisse malis.

Sine ringantur, rumpanturque, tu tuam viam honestatis pertinaciter urge, cetera ne pili quidem facito, ac tanquam ranas palustres contemnito. Si sese ipsos oderunt et quotidie occidunt, quid postulas, ut aliis bene faciant? Nihil illis miserius; et tu beatus es, quorum improbitate abutitur ὁ Θεὸς ad tuam utilitatem. Fortassis non tam libenter nostra uteremur familiaritate, si nihil per illos esset impedimenti. Naturam quo magis sistas, plus incites. Vale καὶ ἀνδραγάθεε. Σὸς Γρηγώριος ὁ Σαβ.

Ubi veneris aenigma praesenti solvam.... Heus! parce valetudini; quid a mensa curris mox ad stu—(обрѣзана строка).

72-e.

Salve mi Philomuse dulcissime!

Michaël!

Gaudia pelle,
Pelle timorem,
Spemque fugato,
Nec dolor adsit.

Nubila mens est
Vinctaque frenis,
Haec ubi regnant.

Библиотека "Руниверс"

Hi versiculi Boëtii cujusdam philosophi Romani, ni fallor. Affectus est morbus animi, graece τὸ πάθος. Morbus, ut arbitror, est, cum in corpore intemperies est quaedam facta ex male temperatis elementis; cum videlicet aut ignis aut terra praevalet aut utrumque; hinc nascitur exasperatio, graece ὁ παροξυσμός. Nam si justa sit elementorum συμμετρία, tam placide pacateque intus moventur omnia, quam in horologio integro artificiose constructo eo, quod Graeci vocant αὐτόματον. Nam κλεψύδραι et solaria horologia, quale in nostri area collegii videmus, non dicuntur αὐτόματα. Ab his physicis transeamus ad metaphysica, id est invisibilia aut spiritalia sive Divina. Ad eundem hunc modum affectus animum nostrum exagitat et commovet. Hinc saepe apud Latinos ira, timor, cupiditas caeterique affectus motus nominantur. Fortunatus ille, qui motibus his vacuus est. Nam talis tranquillitatem seu quietem animi habet, quam ὁ κύριος carissimis suis discipulis donat: εἰρήνην τὴν ἐμὴν δίδωμι ὑμῖν. Proximo loco est ille, qui cum his strenue pugnat ac velut equos ferocissimos moderatur freno rationis. Gaudes, quod dives es? Aegrotus es. Quod nobilis es? Aeger es. Times mortem? ob bonas res infamiam? Parum vales animo. Speras melius te cras victurum? Infirmaris. Ubi enim spes, ibidem, timor morbus et c. Ergo, inquis, cum stoicis postulas tu sapientem prorsus ἀπαθέα esse? Imo vero sic stipes erit, non homo. Restat igitur, ut ibi sit beatitudo, ubi moderatio non ubi affectuum vacatio. An non Paulus habet suum τὸν Σκόλοπα colaphizantem ipsum? Et Deus in aurae quidem sibilo, id est levi commotione, transit Heliam. Hoc etiam accipe, curas, timores et id genus Domino esse debere. Haec etiam μακαρίζουσι τὸν ἄνθρωπον. Vale, cariss. et colloquium hoc boni consule!

Tuus in Domino totus Gregor. Sab.

73-e.

Salve thesaure margaritorum sophisticorum!

Cum animi arma sunt carnalibus longe potiora cumque tu philosophia illa πανοπλίᾳ a summo vertice ad talos usque pulchre munitus ceteros haud mediocriter territas profligasque, ego autem tuus amicus nunquam mari, quod ajunt, guttam adspersi, id est nunquam quidquam contuli ad tuam armaturam, aliisque tantopere conferentibus ipse sum ἀσύμβολος, visum est tentare, possimne ego quoque, hoc in genere plane asinus ad lyram, vel paulum inservire ac gratificari. Accipe igitur quandam ratiocinandi formulam dictam sophistis αὐξομένην, id est augescentem. Ea est haec:

Quam quis mutuo pecuniam sumpsit, eam alius solvere non debet pro eo; ego autem a te imberbis sumpsi, et nunc per quinquennium

Библиотека "Руниверс"

factus sum alius, utpote barbatus: ergo... Quodsi barba, ut fortassis dices, essentiam rei non mutat, quae est invisibilis, accipe hoc modo:

Iudaeus cum essem sumpsi aurum mutuo, ergo factus Christianus non debeo solvere. Syllogizo sic:

Mutata essentia, plane fit ex uno τῷ esse aliud; sed cum essentia sit invisibilis et proinde spiritus, spiritu autem Christianus in totum immutatur atque alius fit: ergo qui Iudaeus sumpserat, non reddet factus Christicola. Sed videris mihi me cum centum centuriis bisulcarum tuarum distinctionum adoriri; proinde Thrasonem Terentianum imitatus non post-principia, ut ille, cavebo, sed in angulum me abdens haec timidi Poloni more in te eminus jaculor... Vale α τῶν σοφιστῶν. Sophistarum asinus Gregor.

74-е.

Мой любый друже!

Михайло Ивановичъ! веселись во Господѣ!

Молчаніе должно нагородить. Посилаю вамъ новую мою пѣсню. А вотъ она (затѣмъ слѣдуетъ стихотвореніе „Бездна бездну призываетъ“, которое приведено было нами выше, а послѣ него приписка слѣдующаго содержанія):

„Haec cantilena non est quidem grandis lapis, sed plane pusillus lapillus, non inutilis ad aedificandam tamen pietatem. Habet certe scintillam intus; non omnino caret acie ad excindendas carnis cupiditates, et aliquantum similis iis silicibus, quibus olim apud Iudaeos fiebat circumcisio. Adhaesimus mundo, immersi sumus carni, intricati τοῖς σοφίσμασι τοῦ διαβόλου. Verum si saepius tentemus, est spes fore, ut aliquando eludamus sursumque exsiliamus для насищенія“.

75-е.

Вселюбезнѣйшій друже, Михайло Ивановичъ!

О істинной вашей ко мнѣ любвѣ не сумнюся, что она желаетъ о нынѣшномъ моимъ знать обращеніи. Моя теперь rusticatio въ Курежѣ. In solitudine non solus, in otio negotiosus, in absentia praesens, in jactura integer, in tristitia pacatus. Вы всіо понимаете, развѣ in jactura sint: id est ростерялся; повѣрте, толъ нечаянной вихоръ вихватилъ меня съ Куляскихъ степовъ, что кромѣ ютки да бурки кирейной ничего не взялъ. О этой бурѣ послѣ поговоримъ. А negotiositas моя вся состоитъ.. да вѣдь вы жъ знаете... въ борбѣ съ скукою. Еслибъ кто посторонній сіе начиталъ, безъ сомнѣніа сказалъ бы: чортъ тебѣ виноватъ, если доброволно всѣхъ дѣлъ убѣгаешь.

Смѣшніи мнѣ, душа моя, эти умишкы! оны не разсуждаютъ, что бѣсъ скукы подобенъ да и есть онъ внутренной вихоръ, кой тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

буриѣе поривается, чемъ легшое перо или очеретину схватитъ, и чѣмъ далѣй за легкость свою подаіотся ему, тѣмъ безпокойнѣе станетъ въ то время, когда імпетъ по імпетѣ стремителнѣе раждается разсѣкая какъ прахъ, и обращая безъ конца какъ листвіе вожделѣнія душы волнующойся и неутвержденной. Что жъ это за лѣкарство? Да и кромѣ того оны толко по тихъ мѣстъ разумѣютъ скуку, пока она насъ принуждаетъ mutare terras alio sole calentes, и желая увра̀чева̀ть совѣтуютъ (ut Horatius tuus ait) multa jaculari brevi aevo. Atque isthuc ipsum est torqueri hoc daemone. И что есть скука, развѣ неудовольствіе? Кольже она вездѣ по всемъ разлилась! non satisfacit tibi tua doctrina? habes hunc Daemona. Male me habet, quod parum sum Musicus? quod parum laudor? patior plagas et colaphizor. Quod jam sum senex? Quassor, ni boni consulo. Irascor propter improbitatem inimicorum et obtrectatorum? Non illi, sed Daemon me inquietat idem. Quid mors, paupertas, morbi? Quid quod ludibria omnibus sumus? Quod spes evanescit in posterum? His omnibus an non misere anima tanquam venti labro quodam sublata ac turbine exagitata quassatur? Вотъ, душа моя, какъ я разумѣю скуку, а не то толко, что вселюбезнихъ моихъ разговоровъ не наслаждаюсь. И что блаженнѣе, какъ въ толикой достигти душевной миръ, чтобъ уподобитисъ шару, кой всіо однаковъ, куда ни покоти. Я тебѣ, другъ мой, говорю, что нѣтъ сего божественнѣе и премудрѣе разсужденія, и вонію съ твоимъ тезкомъ, сей шаръ держащимъ: кто яко Богъ?

Вашъ вседоброжелателній Гр. Сковорода. 25 іюня 1767.

Любезному Николаю поклонъ.

76-е.

Excerpta Philologica.

Vertendi quomodo auctores in vernaculam.

Si singula verba Latina iisdem germanicis exprimeres, ineptus fueris. Aliter enim Latinus, aliter Germanus de una eademque re loquitur. Ex. gr. apud Terent. aut equos alere, aut canes ad venandum. Hic si equos alere convertere velis „pferde nähren“, redderes quidem significationem verbi alere, sed a germanica loquendi ratione et consuetudine propria recederes; Germani dicunt non ein pferd nähren, sed ein pferd halten. Itaque cum ex latino interpretamur aliquid, semper ad usum et proprietatem linguae respiciendum est, non latina vocabula tantum et verba, quod notent aut significent, consideranda. Buchnerus partis 2 epist. 28.

Literae ad Theologiam aut aliud genus sapientiae prosunt. Quo majores profectus in literarum feceris studio, eo felicius olim in Theologia aut alio sapientiae genere te processurum, idem ibidem.

Библиотека “Руниверс”

Autores non multi, sed optimi legendi ac relegendi. Sed ordo, sed delectus habendus; neque tam multa, quam optima et multum legere oportet. Nisi conficias dentibus cibum, parum alimenti conferet, integer enim transmittetur; ita nisi premas autores, eorumque lectioni inhaereas et immoreris, nunquam in succum vertes et sanguinem.

Autores, qui primum legendi.

Ipsi Latini etiam, imo Romani, optimum omnium dicendi magistrum (Tullium) habuerunt. In eo praecipue nunc commendo tibi dialogos de amicitia et senectute, item de officiis libros, tum orationes pro Archia, Marcello, Ligario, Dejotaro, tum quas in Catilinam scripsit. Ex illis enim puram illam et incontaminatam Latini sermonis facilitatem et elegantiam hauries, quae fundamentum sinceri styli ac incorrupti. Quo etiam faciet Terentii, Plauti, Nepotis et Caesari assidua lectio, unde omnis lascivia orationis atque inanis granditas abest. Idem ibidem. Paulo post: sepone illum (Persium) igitur, atque hanc operam Virg. Horat. Ovid. E quorum numero nec excludendus Claudianus est, disertiss. oris suavissimique Poëta, ex cujus carminibus plurimum sane ad omne scriptionis atque materiae genus proficies. Hunc igitur in sinu, in oculis, quin animo potius atque memoria ferre memineris, et quantum potest, ad ejus rationem te penitus fingere.

Excerpendum esse legentibus.

Post cibum saepe, quem interdiu levem et facilem veterum more sumebat, aestate, siquid otii, jacebat in sole: liber legebatur, adnotabat, excerpebat; nihil enim unquam legit, quod non excerperet. Plinius minor de avunculo lib.—ep.—(lib. 3, ep. 5 § 10).

Excerpendi modus.

Tres aio faciendas classes, et suum cuique indicem assignandum, quicquid enim notatu dignum videtur, aut in Lemmata aut Adversaria aut in Historica excerpendum.

1. Prima classis Lemmata. Huc spectat, quicquid historia non est, et fuse non exscribitur, sed annotatur tantum auctor liber caput et c. additis subinde voculis seu clausulis: hic breviter, iste fuse, ille optime. Huc praecipue spectant virtutes, vitia, omniaque alia, quae in familiarem sermonem adduci solent. Ex. gr. Coelum, sidera, meteora; item beatitudo, elementa, animantes, arbores, montes, horologia, musica.

2. Adversaria. Huc enotandum quicquid historia non est, sed tamen (nota discrimen a priore) paulo fusius exscribitur. Huc referuntur potissimum ritus prisci, epitaphia, descriptiones insigniores, sententiae vel dicta uberius explicata, rara, admiranda, nova vetera. Si tamen haec, ut dixi, non sint historiae, et plusculis verbis excerpantur.

Библиотека "Руниверс"

3. Historica. Huc congeres, quicquid historia est, vel (ut pueri loquuntur) exemplum, sive id fusius excribatur, sive non. Tribus his classibus, triplex accommodandus est index in libro separato.

Lemmata qui sint facienda.

Duo sint quaterniones chartae complicatae in quarto, ut bibliopolarum officinae loquuntur, sibimet inserti, habeantque latiores paulo margines; his praefige titulum lemmata. Ubi duos quaterniones illos impleveris, alios illis atque alios appone, prout multum excerpseris. Ita haec res in infinitum potest crescere sine ullo chartae dispendio. Titulos Lemmatum nulla ordinis ratione habita subjunge, exempli gratia:

Lacrimae et quidquid ad illas.

De his Caesar Baronius tom. 2. an. 253. numero 8. et anno 254, num 55. Thamuz idoli concavi oculis infusum plumbum et accensus intus ignis, ut idolum flere videretur. De lacr. Chrisost. hom. I in epiphan Domini. Eleganter dictum: nimium risus pretium est, si cum probitatis impendio constat. Iuliana virgo martyr rogum lacrumis extinxit. Marcellus expugnatis Syracusis flevit Valer. 5. 1... Iulius Caesar illacrumavit capiti Pompei hostis. Ibidem. Lacrymae oratio sunt efficacissima. Maldonatus in cap. 2 Ioan. De Xerxis Lacrumis Valer. lib. g. cap. 13. Lacrumae viduarum ex oculis in coelum subsiliunt. Ecclesiast. cap. 35. ver. 17 illustris locus. Homo cum primum plorat, vigilat; cum primum in cunis ridet, dormit. Candanus lib 8 de rerum varietate cap. 43 prope finem.

Adversariorum exemplum.

Descriptio fusior lusciniae apud Tullium aviculae plataneae de natura Deorum; verbo montium, fluminum, operum omnium et c. prolixior exscriptio, epitaphiorum; a lemmatibus eo differunt, quod in Adversaria referantur res illae, quae paulo fusiorem secum explicationem trahunt, uti esse ritus priscos epitaphia, virtutes, vitia, conscientia.

Historica.

Quicquid ad historiam sacram, profanam, veterem, novam, Latiam, Graecam, barbaram, huc spectat. Ut titulus: Fortunae ludibrium. Alvarus Luna ab humili fortuna ad summum pervenit; in praeceps eum ambitio dedit, nil ei ad regnum praeter nomen deerat. Tandem bona ejus omnia occupata, ipse majestatis damnatus mula ad supplicii locum vectus est. In medio foro theatrum, in eo crux alta, et geminae faces, tapete substrato. Luna conscendens locum, crucem veneratus, annulum signatorium et galerum puero amanuensi dedit; proximae felicitatis cum praesenti fortuna comparatio inimicis etiam lacrumas excusserat. Erat uncus ferreus sublimi ligno confixus. Rogat carnificem, quem in usum

Библиотека "Руниверс"

paratus esset? ille, ut sejunctum a trunco caput imponatur. Subdit Alvarus: post mortem de corpore facito quod lubet; viro forti mors turpis esse non potest, nec immatura. Simul diloricatis tunicis intrepide caput securi subjecit an. 1453.

Triginta annos ita in aula dominatus est, ut nihil nec majoris nec minoris rei, nisi eo arbitro gereretur; ita ut nec Ioannes III, Rex Castellae, vestem mutaret eo non consio. Truncus in theatro relictus, pelvi juxta posita ad colligendam stipem, qua sepeliretur homo paulo ante regibus potentia exaequandus. Sic res humanae variant. Alvarus prioribus annis consuluit vatem: praedictum est Cadahasmum exitio fore; est oppidum hujus nominis in Hispania quod semper vitavit Luna, et significat etiam ferale theatrum, quod vitare non potuit. Ieremias Drexellius in aurifodina sua Par. 2 cap. 8.

L e m m a.

Lemma dicitur aliquando apophtegma, h. e. breviter et argute dictum.

Musarum vox originatione haebraicum.

Quibus (Musis) et originatio accedit, quae non aliunde, quam ab ipsis Haebreis petenda est. Quibus disciplina ac doctrina quaelibet, peculiariter autem ethtica, Musar appellatur. Aug. Buch. in orat. festa 3. sub finem.

77-e.

Desideratissime Michaël!

Pax tibi et tuis!

Senectus mea dolet, sed sepulchrum corporis dolet, non animus. Жену Лотову, уже совершенную, пришлю, аше Богъ восхощетъ, чрезъ Андрея Ивановича. Пришлю и Потопъ Зміинъ: et videbis, fortassis et admiraberis. Nam uterque liber, tuo nomini est consecratus. Prologos hoc aperit. Feci prologon et in Narcissum: id est, in librum: nosce te ipsum, sed iste veniet suo tempore. Sed quid hoc tandem? Quando tuam corporis domunculam videbo, in qua meus Michaël habitat? Expectando defessus sum. Ceterum semper sum tecum... Плоть ничто же... Vale carissime.

Tuus et servus et amicus

Greg. Daniel Meingard.

Библиотека "Руниверс"

78-е.

Письма Г. С. Сковороды къ разнымъ лицамъ.

(1758 г.).

Venerandiss. in Christo Patri Gervasio

Greg. Skoworoda S. B. D.

Iam iam abiturus, jam in alas te nobis librare videris. Accipe igitur symbolum filialis in te nostri amoris ac reverentiae, carmen apobaterion. Apobaterion vocant ἀπὸ τοῦ ἀποβαίνειν, quod est abire, quodque abeuntes votis bonisque ominibus prosequatur. Est quidem nostrum carmen prope rusticanum ac humi repens, utpote quod sit sermone vulgari; sed nil moror, quam sit vulgare atque ignobile, modo sincerum, candidum simplex. Reges et tyrannos saepe inviti laudamus, sed vero amicorum longe alia est ratio. Quicquid hic dictum, non vi, non metu, sed benevolentia expressum. Iam vero ab adulatione meum quidem ingenium tam distat, quam China a Portugalia. Sed quid purgo me? num quis accusat? Quasi vero non norim aût ingenium tuum aut in me animum. Non enim quod carmen, nec quod tibi, sed quod a me, quem non odisti, ne dicam amas, sit profectum, libenter accipies. Nos quidem et hodiernum tui desiderium hac cantiuncula vel chely vel cythara cantillanda solamur, et futurum, idque majus ex abitu tuo, minuemus, dum...

Si Dii forte dabunt ora videre tua.

Sin Superis aliter visum fuerit, nos tamen memoriam tui honeste servabimus.

Accipe quo semper finitur epistola verbo,
Quo, tibi qui mittit, non caret ipse, VALE!

1758 Augusti 22 ex pago Kaurai.

79-е.

Письмо къ Ѳ. А. Жебокрицкому.

Carissime juvenis! mi Theodore!

Praeter nugas hodie frustra a me quidquam expectas; primum qnod non vacat, deinde ingenium non est in numerato, et plane haec frigide scribo, quamquam et alioquin quidam garrulus ad aurem haec exaranti indignantique obgannit, nec est, qui me servet Apollo, ut Horatium a suo. Extremo crepusculo Gregoriscus nuntiavit adesse tabellionem; postridie summo mane discessurus, ego adversus meum hodiernum morem ad lucernam duas epistolas properavi, Nam et nox moderna curta est, et oculis sublaboro, et mane surgere soleo, et cogor. Tu quid taces hactenus? Nam ego quidem scripseram ad te si occas... Si aegrotas corpore, vulgus te vocet miserum non ego. Quodsi gnaviter τὸ στάδιον curris,

Библиотека "Руниверс"

quod ingressus es, nostro calculo beatus es. Curre, insequere, venare, investiga, dispice, prospice, quaere, pulsa, urge, sed pertinaciter, sed improbe; ut virginitas, sic regnum coeleste amat rapi. Quis languet? tu vige. Quis offenditur? tu concoque. Quis desperat? tu innitere ancorae. O fortunatum! qui ingressus est viam τοῦ Κυρίου. At vero ille terque quaterque, qui perseveravit. Sola ἡ ὑπομονὴ praemium coronae accipit. Hei mihi, quam fere nulli vere serioque sequuntur fabrilem hunc filium! Iam ex iis ipsis quotusquisque pertendit? Nullus philosophus, nullus artifex tam solus tamque desertus, quam qui solus vitam aeternam docet. Hujus quidem τέκτονος gnatum mundus ridet, sophi stultum vocant, monachi sub larva pietatis oppugnant, haeretici subdolis interpretamentis subvertunt, juvenes fugitant, senes horrent, reges opprimunt, pauperes spernunt, et tibi non videtur hodie ludi mirus rex iste? Sed novit ille suos, et scit, quibusnam resurgit. Quis improbus vivum illum non vidit? Quis autem redivivum praeter electos? o глубина пр. et. c. Sed vale, mi cariss. neque enim satior.... Tuus in Domino Greg. Skovoroda.

22 Apr. съ Харькова.

(На противоположной сторонѣ надпись: „любезному пріятелю Ѳедору Афанасьевичу (?) Жебокрицкому въ Дмитровку“).

80-е.

Къ Василію Михайловичу Зембровскому (въ Харьковъ).

Изъ Гусинской пустыни февраля 21 дня 1779 года.

Милостивой Государь!

Польская причта: невдругъ выстроенъ Краковъ. Мало по малу оправляйтеся отъ болѣзни; пускай болитъ тѣло. Ледъ на то родился, чтобъ таять. Но спасайте васъ самыхъ, сирѣчь душу. Яснѣе сказать, мысли и сердце ваше, владѣющее тѣломъ вашимъ такъ, какъ тѣло носимою одеждою. Нѣтъ бѣднѣе и въ самомъ адѣ какъ болѣть въ самыхъ внутренностяхъ, а самые темные внутренности есть то бездна думъ нашихъ, водъ всѣхъ ширша и небесъ. Самое жъ внутреннѣйшее внутри нашея мысленныя бури и самый центръ и гавань и міръ есть нашъ то о пресладчайшее имя. Христосъ Богъ нашъ.

Воньми себѣ! Не потому онъ въ самой внутреннѣй нашей точкѣ почиваетъ, будто упрѣлъ отъ работы и для того субботствуетъ: оставьте сію думку для младенцевъ и изувѣровъ и не потому будто онъ очень малъ какъ маковое зерно и столь узкій чтобъ не могъ распространится по нашимъ рукамъ, ногамъ, волосамъ, побѣждать по горничнымъ стѣнамъ по дворовымъ плетенямъ, по лѣсамъ, полямъ, по небесамъ и по всѣмъ коперниковскимъ міровъ системамъ. Оставте и сіе

Библиотека "Руниверс"

для сумасбродовъ и страждущихъ огневицею. Но вотъ почему внутренный и малъ, что невидимый есть и неприступенъ, посылаетъ же потому, что ни одна гибель и порча его недостаетъ и не безпокоитъ, но всегда и бодръ и живъ и лѣта его не оскудѣвають. Не имѣетъ ни высоты, ни глубины, ни широты вездѣ сый и всегда. А зерномъ и сѣменемъ образуется потому, что какъ зерно 1000 садовъ, такъ онъ всю тварь отъ себя изводитъ наружу и паки въ себѣ сокрываетъ.

Внемли себѣ. Теперь мы нашли на бѣдственномъ житіи нашего морѣ спасительную гавань; радуйся со мною, другъ мой! Видишь ли и вѣруешь ли, что мы нашли въ пеплѣ тѣлеснаго домышка нашего темнѣйшее сокровище... Ей обрѣтохомъ; чего ты плачешь, а плачешь въ таиностяхъ сердца твоего: не сіе ли огнь и червь и скрежетъ? Пускай сучья рукъ и ногъ нашихъ дряхлѣютъ и исчезаютъ! Не бойся: оно сокріется въ сѣмени своемъ, отъ куду вышло. Вить видишь, что мы нашли Авраамское сѣмья, о надежде! и утѣха наша! И всѣхъ вѣрующихъ о тебѣ и въ тебѣ сладчайшій. Видишь правду сказано Аврааму, что сѣмья его вѣчное. Хочешь ли быть отъ рода Авраамья,—вѣруи въ сѣмья его: не его но Божіе. Авраамъ же и мы прахъ есмы. Сіе то Авраамъ видѣ и возрадовася и мы вѣруемъ, радуемся и хвалимся: вѣмъ человѣка... Возвратится въ домъ твой.

Внемли себѣ. Туть плачь и проси цѣльбы. Внутрь тебѣ Божій человѣкъ, не за моремъ. Близъ господъ человѣкъ; не проси у раба отъ плоти твоея, сирѣчъ у тѣла. Плоть ничтоже, она есть прахъ и смерть, и тьма, одежда и гнилъ... Еще ли во околичнѣйшіе наружности уклонишася, тамъ то самая кромѣшная тьма, чемъ далѣе отъ чертога царя нашего, тѣмъ наружнѣйшее зло... вотъ тебѣ самарянинъ и трахтиръ, и рай, и гавань! Сѣдамо маловѣрнаго изъ бури Петра привлекъ Онъ. Тутъ ковчегъ блаженнаго Ноя успокоился. Тамо очень высоко! взниdоша вси съ Давидомъ; и полещу и почію.

И полещь и почію. Не бойся! Недалеко! одѣнь только мысли твои въ крыла вѣры и любви Божіей. А я приношу его давно уже съ Маріею, доволенъ благою для мене частію чрезъ чуръ пребывай.

Любезный другъ Вамъ покорнѣйшимъ слугою Григорій Сковорода Василію Михайловичу Зембровскому въ Харьковѣ.

81-е.

Къ нему-же.

Изъ Гусынской пустыни отъ 10 мая 1779 года.

Любезный благодѣтель Василій Михайловичъ! Христосъ воскресе!

Давай мало побесѣдуемъ!.. Болишь, Лазаре!.. Боли, другъ мой, пожалуй боли и поболи... Но боли слышь тѣломъ: а души да не кос-

Библиотека "Руниверс"

нется рука вражія! душа наша въ рущѣ Божіей да будетъ! Тѣло на то родилось чтобъ болѣть и ищезать какъ луна. А душа есть чаша, наполняемая вѣчною радостью. Смотри да не наполнится сія чаша дрождіемъ грѣшнымъ. Можно ли сіе здѣлать? Очень можно. Взгляните на множество сидящихъ въ темницѣ разбойниковъ! Они крѣпчайшіе звѣрей и скотовъ по тѣлу, а сердце ихъ немощнѣе воробья, гнилѣе молію снѣденнаго порта.—Взглянте-жъ опять на гноище Іовлево! Тѣло его какъ орѣшная скорлупа отъ струпа согнило, а душа или мысли въ немъ какъ благовонное зерно коріандрово, будто смирна издаетъ благоуханіе блаженнаго веселія онаго: *радости вашея никто возметъ отъ васъ.* Не даде Іовъ безумія Богу. О Господѣ похвалится душа моя. Естли скорлупа быть можетъ здорова съ гнилымъ зерномъ, то и голова можетъ радоваться при гниломъ своемъ хвостѣ. Не обѣщалъ намъ Богъ нерушимаго тѣлеснаго здравія во спасеніе нигдѣ; и какъ не можетъ сего здѣлать, такъ и неизрѣченная сила его въ томъ утаилась, чтобы ему не могти сдѣлать ничего изъ тварей твердымъ кромѣ самого себе, дабы мы, минувъ его, не похитили во основаніе щастія нашего коего либо идола или тварь. Презри пожалуй мѣхъ твой тѣлесный. Вотъ тебѣ здравіе, кушай на здоровье:

Веселіе сердца животъ человѣку и радованіе мужа долгоденствіе. Сирахъ. Веселымъ Богъ сердце наше здѣлать можетъ: а стерво твое нетлѣннымъ сдѣлать не можетъ и безболѣзнымъ; для чего? Онъ еще поражаетъ стерво и всяку молію подверженну гниль нашу. Для чего? Будто пастырь поражая жезломъ скотину отъ болота отводитъ. Для чего? резону не скажу. Для чего? не можетъ никто сказать ни Ангелъ, ни человѣкъ. Для чего? А вотъ для чего! Богъ есть вышшая всѣхъ винъ вина и резонъ. Ему всѣ отдаютъ причину, а Онъ никому. Естли бы онъ отдавалъ, отчетъ, имѣлъ бы зависимость сверхъ себя, ему начало и потерялъ бы Божество. Не можетъ онъ потерять Божества. Правда-ли? Весьма правда!—Не можетъ же и стерво наше получить Божества, когда онъ не можетъ потерять. Нѣтъ труднѣе какъ глупый и ненадобный резонъ давать. Для того не можетъ его ни Ангелъ, ни человѣкъ сказать. Естлибъ надобно, тогдабъ можно. Естли спрашивать: для чего Богъ стерва сдѣлать не можетъ нетлѣннымъ? Равно значитъ спросить, для чего Богъ не можетъ Божества потерять. Нетлѣннымъ быть и Богомъ быть есть тоже. Уже есть Богъ, какже можно желать, чтобъ и плоть была Богомъ? два кота въ мѣху скорѣе, нежели два начала помѣстятся въ мірѣ. Когда желать сего—есть то чепуха, какже не безмѣстный вздоръ спрашивать о семъ и давать резонъ? О Боже мой! коль трудное все тое, что ненадобное и глупое! Коль легкое и сладкое все, что истинное и нужное. На чтожъ намъ желать, чтобъ плоть вѣчная была? Есть безъ нея вѣчный. Да исчез-

Библиотека "Руниверс"

нетъ какъ дымъ всяка плоть, присный сей врагъ Божій и нашъ! а мы еще обожить ее хощемъ. Уже червонецъ есть (Богъ драхма) на что желать, чтобъ кошелекъ былъ червоннымъ. Довлѣетъ одинъ. Но неверствіе наше не видитъ въ мѣхѣ нашемъ драхмы. Сей же стоитъ за стѣною нашею. Пѣснь пѣсней. О отверзи Господи очи наши! да воскреснетъ и блеснетъ намъ внутренный нашъ человѣкъ! да узримъ живаго! Да не обожаемъ діавола! Да услышимъ отъ небеснаго. Миръ вамъ!—Чего вы боитеся?—Пусть дрянь ищезаетъ! Человѣкъ есть сердце. Миръ сердцу!

Григорій Сынъ Саввы Сковорода. (Извлечены изъ сборника писемъ Г. С. Сковороды, принадлежащаго Моск. Рум. музею; эти два письма сохранились въ копіяхъ).

82-е.

Письмо къ Осипу Юрьевичу (1781 г.).

Любезный Государь

Осипъ Юрьевичъ!

Нынѣшняя поѣздка Алексѣева привела мнѣ на сердце сіи Павловскіе слова: корень всѣмъ злымъ есть сребролюбіе, отсюду выросли тяжбы, войны, отравы, убійства, воровскіе монеты, затѣи, вражды, неудачи, печали, отчаянія, страстныя піанства, саморучныя убійства... а самъ сей скверный премногихъ (вотъ что значитъ выспръ прорастающій толкуемый о табакѣ) осквернившій корень родился отъ отступленія отъ вѣры, сирѣчь отъ безбожія, уничтожающаго промыслъ о насъ, сидящаго на высокихъ Отца нашего и отъ попранія предрагоцѣннаго маргарита, сирѣчь третіе изъ десятословія заповѣди: *не пріемли имени Господа Бога твоего всуе*, какъ Богъ чрезъ насъ ту же заповѣдь въ нашемъ законоученіи или катехематѣ истолковалъ, которое и нынѣ предъ вашими лежитъ очима.

Изъ сихъ мыслей возлетѣло сердце мое въ дальнѣшіе думы: что таковые, презрѣвъ незыблемый щастія камень сей,—да будетъ воля твоя... уповаютъ, на себя, на свою волю и на свои хитрости и запутываются наконецъ въ неизбѣжныя погибельныя лабиринты.

Во время оное теряютъ они всего свѣта дражайшее сокровище сіе:

Миръ мой даю вамъ;

Веселіе сердца животъ человѣку. Сірахъ.

Сыне! храни сердце твое. Притч.

По крайней мѣрѣ, можетъ быть спокойно искали погибели своей.

Вотъ какъ спокойно! *ходихомъ въ пути непроходны...*

Вотъ какъ спокойно! *яко елень устрѣленъ въ ятра...*

Разсудите: не се-ли тѣ бѣсноватые, что бродятъ по гробовищахъ, по калугахъ, по околицахъ, какъ есть въ Евангеліи.

Библиотека "Руниверс"

Симъ бѣшенымъ кажется шутка и вздоръ сіе слово:

Иже убіетъ душу свою, той спасетъ ю.

Христосъ всѣмъ бѣсноватымъ, искаженнымъ говоритъ почти одно сіе: возвратися въ домъ твой, тоже что, сыне, храни сердце твое. Простѣе сказать: Алексѣе! старайся не о корванѣ, но о спокойствіи сердца. Убій душу, отрѣжъ прихоти твои корванскія. Чтожъ то за волчцы, которые обрѣзать, и что то за душа, которую убить нужно и пренужно? А вотъ она: не разумѣете ли, яко се ну..... годящее въ человѣкѣ не можетъ осквернити его. А вотъ оно! Прелюбодѣянія, любодѣянія, убійства, татьбы, лихоимство (вотъ и сребролюбіе).

Сіе то есть благородное убійство и истинное обрѣзаніе, ему же похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога; сіи то змінны сѣмена называетъ Павелъ началами, властьми и духами злобы.

Нѣсть наша брань и протчая.

Если кто прямой Христовъ солдатъ и повоевалъ оныя духи, тода исполняется на немъ: сердцу веселящуся, цвѣтетъ лице. Вотъ что значитъ убить душу! Сіе же значитъ и крещеніе.

Измыемся... отыймите лукъ отъ душъ вашихъ. Сіе же и елеосвященіе есть—помазаніе веселіе плачущимъ. Если же кто не вернетея домой, не заглянетъ въ сердце свое и не убіетъ проклятыя оныя души, правдивѣе сказать, полка бѣсовскаго, тогда сердце отдается симъ бурнымъ вѣтрамъ, какъ лоточка и исполняется: *взволнуются и почити не возмогутъ... въ тайнѣ восплачется душа ваша. О горе имъ, яко въ путь Каиновъ поидоша...* и не дивно; яко не убивъ злыхъ, убили невинную душу по пословицѣ:

Daemon in Daemona non suadet, lupus lupinam non est.

(Списано И. И. Срезневскимъ).

83-е.

Любезный другъ Василь Максимовичъ!

Слава человѣку не оцѣненное есть сокровище. Справедливо мы дѣлаемъ, что богатство честно собранное сохраняемъ или похищенное выискиваемъ. Тажъ справедливость требуетъ отъ насъ, дабы мы честными дѣлами наживали и сохраняли себѣ славу, а похищенную клеветничими кохтями опять возвратить себѣ старались. Вы, другъ мой, думаю, повѣрете, коль злобныхъ я имѣю оглагольниковъ. Если бы они обычные мнѣ беззаконія приписывали, сносно бы было. Но сіи немилосердники толь неограниченнымъ дышутъ на мене языковредіемъ, что кромѣ чрезвычайной моихъ нравовъ порчи, отъ нихъ проповѣдуемой, дѣлаютъ мене душегубителемъ или еретикомъ и по сей причинѣ запрещаютъ подкомандным своимъ слушать моихъ разговоровъ. Сего

Библиотека "Руниверс"

я не стерпя, сдѣлалъ краткое очищеніе, которое вамъ другу моему посылаю. Онó хотя лаятельныхъ ихъ челюсть заградить не можетъ, однакъ думаю по нѣсколько сдѣлаеть косноязычными, дабы незлобивіи и правіи сердца меньшъ отъ сего соблазновъ претерпѣвали. Другъ вашъ Григорій Сковорода. Во первыхъ поговоруютъ, будто я нѣкоторымъ молодцамъ внушалъ, что сія или другая какая человѣческой жизни стать вредна и не благополучна и напротивъ того нѣкоторымъ статьямъ существенное приписалъ блаженство. Но можно ли мнѣ быть столь безумнаго и вреднаго мнѣнія? Которіи внутреннѣе мене спознали, тѣ довольно увѣрены, что я о семъ имѣю мнѣніе съ Максимомъ Св. Онъ говоритъ, что нѣтъ нигдѣ злости ни въ чемъ никогда. Какъ же такъ, если видимъ, что почти вездѣ одна злость? Онъ учитъ, что злость не что иное, точію тѣжъ отъ Бога созданніи благіи вещи, приведенны кѣмъ въ безпорядокъ. Вотъ, напримѣръ: наложилъ кто на голову сапогъ, а на ноги шапку. Безпорядокъ золъ подлинно, но чтобъ шапка или сапоги жизни человѣческой не полезны были, кто скажетъ? А сколько я примѣтилъ, то сей безпорядокъ по большей части зависитъ на разсужденіи времени, мѣста, мѣры и персоны. Напримѣръ, въ горячій лѣтній полдень безъ достойнаго резону шубу таскать; заснулъ ли кто безвременно и безмѣрно или не на мѣстѣ, хулы достойна непорядочность, но не сонъ или гнѣвъ; все бо есть благое. И развѣ я не понимаю, что мудріи люди житіе человѣческое уподобили комедіальнымъ играмъ? Можно сказать, что ты этой персоны по природѣ удачно представить на театрѣ не можешь. Но льзя ли сказать, что тая или другая персона комедіи вредна, если благоразумной сочинитель ея опредѣлилъ? И великіи персоны и подліи маски въ важной сей житія нашего комедіи премудрый Творецъ опредѣлилъ. Разсуждая свойство чьей природы, могу я сказать, что ты, напримѣръ, гидливъ, жалословъ, робокъ, лѣкаремъ или поваромъ тебѣ быть неудачно. Но когда я кому говорилъ, что личебная наука и поваренное мастерство вредное? Многократно я говаривалъ, что тебѣ или тому быть священникомъ или монахомъ не по природѣ; но чтобъ сказалъ, что священство или монашество стать вредна, никогда сего не было. Кто по натурѣ своей клопотливъ и ретивъ, такому можно сказать, чтобъ быть градоначальникомъ берегся, гдѣ безпрестанніи оказіи къ гнѣву и къ здорамъ. Но могу ли помыслить, чтобы своевольству людскому командиры надобны не были? Помилуйте мене! Не толь я подлаго родился понятія, чтобъ ниспуститись въ толикіи сумазброды. Многіе мене называютъ разумнымъ человѣкомъ, но такія разсужденія не могутъ прійти, развѣ въ бѣшеную голову.

Если жъ я правдолюбніи и незлобивіи сердца увѣрить возмогу въ семъ, что мнѣ кую либо стать житія существенно называть вред-

Библиотека "Руниверс"

ною никогда на умъ невсходило и что я училъ всегда осматриваться на свою природу, кратко сказать, познать себя самого, къ чему онъ рожденъ, ибо никого Богъ не обидилъ, теперь я тѣмъ же истинну любящимъ умамъ на разсужденіе оставляю—за сіе я хулы или хвалы достоинъ? Только покорнѣйше прошу сіе взять въ разсужденіе, откуду межъ народомъ такіи непорядки, смятенія и безокойства? Не оттуду ли, что многіи по пословицѣ не родились къ священству да повлизали въ ризы и не будучи грибомъ повлѣзали въ кузубъ? По сей то причинѣ дѣлается, что онихъ священство ублажило, а многихъ окаянными подѣлало. Отсюду дѣлается, что и самая подлая стать бываетъ человѣку причиною щастія, если она ему природная. Если право и хорошо всякъ свою персону представляетъ, откуда толикое смятеніе на театрѣ? Оттуду безъ сумнѣнія, что неудачно, а неудачно безприкословія отъ того, что природѣ его несогласно, ему вредно и обществу не прочно. Многіи изрядніи были бы купцы или пахари, еслибъ не принялись за противную ихъ природѣ стать. Иніи были бы искусніи стряпчіи, еслибъ въ монашество не встряли, въ которомъ одинъ съ природою борющійся большъ надѣлаетъ соблазновъ, нежели пять честнихъ могутъ загладить, какъ обыкновенно бываетъ въ комедіяхъ. Вотъ мое мнѣніе и намѣреніе, для чего я всегда наставлялъ совѣтоваться молодымъ людямъ съ своею природою, чтобъ они на театрѣ жизни нашей могли наблюдать благопристойность, искуснымъ актóрамъ приличную, а если кто по случаю надѣлъ маску не совсѣмъ его натурѣ приличную, дабы сколь возможно удачно въ оной и безъ соблазновъ поступалъ и чтобъ хотя по нѣкоторой части жалобы межъ народомъ и роптанія предъ Богомъ о состояніи своемъ уменьшились. Я бы самъ севодня же бросилъ мое состояніе и вступилъ бы въ иное, если бы не чувствовалъ, что хлопотливая моя и меланхоличная природа къ самой подлой приватной и уединенной маскѣ способна, въ которой если не могу ни въ чемъ любезному отечеству услужить, то по крайней мѣрѣ всѣми силами стараться стану не быть никому ни въ чемъ вреднымъ.

Есть еще одна клевета важнѣйшая прочихъ поговоровъ, а именно говорятъ, будто я охуждаю употребленіе мяса и вина и сія есть точно ересь Манихейская, давно ужъ проклятая отъ святыхъ соборовъ. Иніи прописываютъ мнѣ и то, будто злато, серебро, дорогіи одежды и прочтая симъ подобная самими по себѣ вредными и негодными называю. Се слыша смѣются ти, которіи сердце мое знаютъ. Правда, что было время и теперь бываетъ, что я для внутренней моей экономіи воздержуюсь и въ дозволенніи дни иногда отъ мясоястія и отъ вина; но потому ли лѣкарь охуждаетъ напримѣръ чеснокъ, когда велитъ поудержаться, если жаръ кому вредной вступилъ въ глаза? Ибо то извѣстно, что всѣ благосотворенніи отъ всещедраго творца вещи не всѣмъ

Библиотека "Руниверс"

и не всегда бываютъ по случившимся обстоятельствамъ полезны. Правда, что я нѣкоторымъ совѣтовалъ, чтобъ они опасно поступали съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсѣмъ ихъ отъ того отводилъ, разсуждая горячую ихъ младость; но когда отецъ младолѣтнему сынишкѣ вырываетъ съ рукъ ножъ и не даетъ ему употреблять оружейнаго пороху, самъ между тѣмъ симъ пользуясь, не ясно ли показуетъ, что они еще не доросли до того, чтобъ могли обладать сими вещми и обращать въ свою пользу, къ которой они и изобрѣтены? Вотъ откуду мене почли за Манихеева ученика. Подлинно всякой родъ пищи и питія полезенъ и добръ есть, но разсуждать надобно время, мѣсто, мѣру и персону и бѣдствіе было бы смѣшанное со смѣхомъ, если бы хто въ колыбелѣ лежащему младенцу налилъ сосать остраго уксусу, а осьмолѣтнему мальчику рюмку крѣпкой водки. Но вернувшемуся съ охоты кавалеру или озябшему отъ многолѣтствія старику поднесъ сладкого молока? А какъ неправильно почли мене за Манихея, такъ и не по заслугѣ моей и за богатствоненавистника и человѣконенавистника, т. е. бѣгающаго людскаго сообщества почитаютъ. Когда Богъ опредѣлилъ мнѣ въ подлой маскѣ обращаться на театрѣ, то уже должно и въ уборѣ, и въ обращеніи съ достойными людьми наблюдать благопристойность и всегда помнить свою предъ другими ничтожность. Сіе я самъ наблюдать стараясь, и прочимъ тожъ дѣлать совѣтовалъ и отсюду попалъ въ оклеветанія, отъ которыхъ если помощію благоразумныхъ и милосердныхъ сердецъ хотя по нѣкоторой части освобожденъ буду, то невинность моя безопаснѣйшею отъ сихъ немилосердныхъ угрызателей здѣлавшися латвѣе исполнить возможетъ заповѣдь Господню: любите враги ваши и пр.

(Извлечено изъ сборника писемъ Г. С. Сковороды, принадлежащаго Моск. Рум. музею; оригиналъ).

84-е.

Стефану Никитичу Курдюмову (въ Харьковъ, изъ Изюма 1784 г. 5 янв.)

Изюмъ, 1784 г. Генв. 5 дня.

Любезный благодѣтель
Стефанъ Никитичъ

Радуйтеся въ Новый годъ!
Cum tota tua domo et familia in Domino Iesu Christo.

Нынѣ скитаюся въ Изюмѣ. Скоро чаю возвратиться въ моя присныя степи, аще гдѣ Господь благоволитъ. Уже пройшла половина зимы, а тулубчикъ вашъ коснитъ. Аще угодно Богу и вамъ пришлите чрезъ Троф. Михайловича. аще же ни, Господня воля да будетъ! По

Библиотека "Руниверс"

крайней мѣрѣ пришлите маленькій внутренній замочекъ, каковы бываютъ въ гусляхъ. Артемію Дорофеевичу нижайшій поклонъ. Поклонитеся и Якову Борисовичу. Mittat mihi primam et ultimam chordam in violam, ut vocant, saltem ultimam.

А сыну вашему вотъ что:

In stadio currunt multi: et victoria paucis.
Paucis musa favet, plurima turba studet.
Navigat ille miser, qui portum tangere nescit.
Navigat ille bonus, si cui Kepha-Deus.

Кефа или Кифа, еврейское имя Петру Апостолу дано. По звону значитъ каменную гору и гавань. По силѣ же своей значитъ истинной премудрости ключи и входъ оный: *исходы мои исходы живота...* и внійдетъ и изыйдетъ и пажить обрящетъ. На камень вознеслъ мя еси. Кефа же гречески гласитъ Петра, полски скалы. Въ силу сію Павелъ: *сице гоните да постигните.* Тутъ почила Ноева голубица оная: *кто дастъ мнѣ крилы...* Сіе то есть новая земля не мертвыхъ, но живыхъ людей. Я ублажая васъ новымъ годомъ, желаю отцу со сыномъ достигнуть сея блаженныя страны со оными насельниками: *блаж. кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю.* Я издали взирая на сію землю, гавань, гарецъ или герецъ, очима вѣры какъ зрительною трубою, что на обсерваторіяхъ астрономскихъ, всѣ мои обуреванія и горести симъ позорищемъ услаждаю, воспѣвая пѣснь Аввакумову.

На стражѣ моей стану и взыйду на камень
На Сіонъ гору взыйдетъ благовѣствуя Іер. и пребывая васъ любезнаго моего благодателя искреннимъ слугою

Гр. Сковорода.

(Списано И. И Срезневскимъ).

85-е.

Къ неизвѣстному.

(съ 1785 г.).

Духъ велитъ мало съ тобою побесѣдовать, давъ къ сему случай и время. Обѣщался еси ты меня посѣтить, но и письменно не воззвалъ еси ко мнѣ и не раздражилъ къ отзыву. Скажи мнѣ, друже, здравъ ли ты? Не вопрошаю о тѣлѣ. Не потерялъ ли ты деселѣ самого себя? Т. е. мыслей твоихъ и сердца твоего. Мысли и сердце со мною нынѣ, отвѣчаешь мнѣ. Вѣрю. Сіе же то и бѣдство есть. Не могу разлучитись отъ того, что всегда мучитъ и зжетъ и въ семъ ли есть горькій источникъ и присно текущій вѣчныхъ мученій; не сія ли есть истинная гибель? Погубить самого себя, убѣжать, потерявъ себя. Тако ниже избѣгнути бѣдъ, яко бѣдство, аки удица внутрь сердца увязла, сердце

Библиотека "Руниверс"

же всегда съ человѣкомъ и оно то есть человѣкъ, се есть едино истинное несчастіе—смерть люта и адъ; не помышляйте, что несчастіе внѣ; *въ васъ и въ насъ входящее извнѣ не сквернитъ человѣка.* Для чего же равно обратно не сказать—приходящее извнѣ не обезсчастливитъ? Гдѣ же и откуду? Исходящее отъ сердца. Та суть скверняшая. Видишь, что внутрь насъ счастіе и несчастіе; кое же есть знаменіе спокойнаго и блаженнаго сердца? Тоже что здравія тѣлеснаго. Вкуси пищу, вкушаешь сладко, спитъ и обращается вездѣ весело. Вотъ Павелъ означаетъ здравіе сердца: *радуйтеся непрестанно, о сей радости молитеся, о всемъ благодарите.* Если такое сердце еси, тогда ты не ветхи еси человѣкъ и не гробъ повапленный, но цѣлый, не тлѣнный и новый; радуйся убо, въ новый годъ желае тебѣ твой другъ Григорій Скаврода. Маначиновка, марта 6 дня.

86-е.

Къ неизвѣстному.

Любезная душа моя! *Радуйся, веселись дерзая; миръ тебѣ да будетъ ввѣкъ.*

Благодарю благому сердцу за огнедухновенное отъ тебя письмо твое, а безъ него вся мнѣ вселенная въ даръ приносима, не только твоя *юфта* не мила. Внялъ ли ты сему Павлову слову; *васъ ищу, не вашихъ имѣній.* Хвалитъ тебя благій во мнѣ духъ мой, что постоянствуя въ любви и къ нищему моему странничеству обличилъ, яко ты..., т. е. краеугольнаго каменя вижу, что и самъ ты не искалъ во мнѣ ни моихъ ни плоти и крови, но того единаго, о коемъ писано: *слыша израиль Господь Богъ твой посредѣ тебе*—держися убо сего царствующаго въ насъ краеугольнаго каменя и кифы, сей среди насъ камень есть прибѣжищемъ для всѣхъ, да ищетъ міръ инде себѣ помощи и утѣшенія, да волнуется во всемъ мірномъ потокѣ, себо есть вся тварь, есть ледъ и вода непостоянная, но она есть основаніемъ и надеждою людямъ безсердечнымъ по писанному: *рѣка текущая основаніе ихъ;* ты же, о человѣче Божій, бѣгай сихъ, держися любви; вся преходятъ, любви же никогда, вся тебе оставитъ, кромѣ любезнаго, внутрь тебе сущаго, се: сей стоитъ за стѣною нашею, въ тюрьмѣ нашей онъ свѣтъ, если возволнуется море, если воззыграетъ плоть и кровь, естли возвѣютъ смертнаго страха волны, не бѣги искать помощи по улицамъ и по чужимъ домамъ, вниди внутрь тебе, мимо иди, плоть и кровь твою проиди всю тлѣнь и дрянь; вотъ тебѣ спасительная пасха, остави всю гибель, поколь даже доидеши туда, дондеже пришедши ста верху, идѣже бѣ отроча; и бысть въ мірѣ мѣсто его; онъ отроча тѣмъ, что не старѣется, но послѣ крѣпости есть *ветхи деньми Сампсонъ,* кричи, вопи, стучи, буди; онъ честолюбивъ хочетъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ мы его просили и будто спитъ, да научитъ насъ наша бѣда горе, гдѣ искать его; сей то проженетъ тебѣ твои филистимы, запретивъ моръ и вѣтрамъ. Докажемъ надѣяся на сію гавань, что ты правдивый сынъ... яже есмь... или Варсава, т. е. сынъ мира, нашедши въ смерти моей истину, во вѣки пребывающую и на ней съ Ноевою голубицею упокоющійся безпечно, да исполнится слово Исаино: *прозовешися здатель ограды и стези твоя посредь упокоиши*. Другъ твой Варсава.

87-е.

Къ неизвѣстному.

Простите мнѣ ту дерзость, съ которою осмѣливаюсь я утруждать васъ немного важнѣйшею вещію, коя вамъ только омерзѣніе ко мнѣ въ сердцѣ вашемъ почтется; но когда бы дозволено было мнѣ отъ васъ изъяснить, яснѣе весь тотъ предметъ, который побудилъ меня предстать теперь предъ ваше лицезрѣніе, то бы я думаю великое затрудненіе было бъ дать мнѣ на оной милосердное рѣшеніе, а сверхъ бы того увидѣли, что немного важнѣйшія вещи иногда бываютъ не безъ полезной пріятности, а при томъ по истинѣ признаюсь я,—что не осмѣлился бы я болѣе прибѣгнуть подъ ваше покровительство за тѣмъ, что вы меня въ 1-й разъ изволили предъ собою видѣть, потому что вашъ обыкновенно кроткой духъ, мудрость и правосудіе рождаютъ во мнѣ нѣкоторую боязнь въ тѣ самыя мйнуты, когда подумаю я предъ вами предстать и не знаю, отъ радости ли сіе происходитъ, что вы мнѣ милосердное рѣшеніе пожалуете, или (отъ) того, что лишусь на вѣки моей надежды дѣлать моему отечеству пользу сверхъ мѣру превосходимую.

88-е.

Къ неизвѣстному.

Хорошо: снесемъ вмѣстѣ и поставимъ будто картину возлѣ картины страхъ Божій и вѣру во Христа, чтобъ усмотрѣть, велика-ли межъ ними рознь: страхъ Божій—бояться Бога, вѣра Христова вѣруетъ въ него-жъ, страхъ—боясь Бога любить его и вѣра вѣруя надѣяться и любить.

Страхъ Божій бояться вездѣ сущаго, вѣра вѣруетъ въ Творца, вся исполняющаго, страхъ боится невидимаго, вѣра не видя видитъ того же. Страхъ Божій даръ отъ Господа (Сирахъ 133), вѣра есть даръ Божій (Ефес. г. 2); страхъ Божій уповаетъ на Бога, вѣра уповаетъ на Христа. Страхъ Божій въ Бозѣ какъ на камени и вѣра во Христѣ; камень есть онъ же (Кор. гл. 10, с. 4). Страхъ Божій есть верхъ и цвѣтъ щастія, вѣра спасаетъ щастіе и спасеніе (тоже гл. 11,

Библиотека "Руниверс"

ст. 6). Страхъ Божій есть вѣнецъ мудрости, вѣра есть символъ лонгусъ и печать христіанъ; страхъ Божій ведетъ въ землю обѣтованную, вѣрою преидоша Чермное море (Евр., гл. 11, с. 29). Страхъ Господень прилагаетъ дни (Притчи, гл. 10, с. 27). Вѣра во вѣки стояти будетъ (Сир. гл. 40, с. 12). Страхъ Господень источникъ жизни (Притчи гл. 14, ст. 26). Вѣрою праведникъ живъ будетъ (Аввак., гл. 2-я, ст. 4). Страхъ Господень отгоняетъ грѣхи (Сир. гл. 1, ст. 21). Вѣра исполняетъ заповѣдь (Іоан., гл. 3, ст. 23). Страхъ Господень, боясь Бога, вѣруетъ въ него; вѣра, вѣря Господу, боится его. Страхъ Господень возвѣщаетъ миръ (Сир., гл. 1). Вѣрою оправдившеся, миръ имамы къ Богу. Какъ можетъ вѣровать Богу, не бояся его? Какъ можетъ боятися не вѣруя? Богъ и Христосъ есть одна воля Божія и заповѣдь Христова есть одно. Видно жъ, что вѣра и страхъ Божій есть тожъ одно. Страхъ Божій есть то(й) духъ Божій въ человѣкѣ, исполнитъ его духъ страха Божія (Исаія, гл. 11, ст. 3). Вѣра Христова есть тоже внутрь духъ Господень, имуще той же духъ вѣры (Кор., гл. 9, ст. 13). Богомъ бо намъ Бога и духомъ духа видимъ, Отецъ насъ влечетъ къ Сыну, сынъ къ отцу. Но отецъ въ сынѣ и сынъ во отцѣ. Страхъ Божій въ вѣрѣ, а вѣра въ страхѣ. Страхъ Божій есть внутреннее свидѣтельство о сынѣ его. Вѣра Христова есть наружное предъ человѣки доказательство. Отецъ его—лежащее какъ камень монументъ свидѣнія. Естли кто вѣруетъ, камень свидѣнія конечно имѣетъ страхъ Божій внутри, а уничтоживый внутреннее свидѣтельство лживымъ Сына Божія почитаетъ. Вѣруяй говоритъ Наперстникъ въ сына Божія иматъ свидѣтельство въ себѣ, а не вѣруяй Богови лжу сотворилъ есть его (гл. 5, ст. 10).

Естли бы кто мене спросилъ, какимъ образомъ наслѣдовать страхъ Божій, я бы ему отвѣтствовалъ съ Сирахомъ сыномъ: возжелѣвъ премудрости, соблюди Господеви и Господь подастъ премудрость и страхъ Божій одно. А естли опять спросишь, коимъ путемъ достигнуть вѣры, невидимое величество Божіе видящей, или какъ Павелъ говоритъ обличающей, т. е. предъ лице стоящей, скажу тебѣ со Іоанномъ: *всякъ сокрѣшая не видѣ его, не позна его.* Спроси жь теперь мене, коимъ способомъ получить наслѣдіе дражайшихъ заповѣдей. Отвѣчаю съ Давидомъ: блаженъ мужъ бояйся Господа, въ заповѣдяхъ его восхощетъ зѣло. Видишь что къ помянутымъ двоимъ присовокупляется, а сіе тріе суть едино—страхъ Божій и вѣра Христова и животворящія заповѣди. Страхъ Божій и вѣра побуждаютъ къ заповѣдямъ, а духъ заповѣдей вершитъ двойцу. Страхъ Божій глава и начало, вѣра Христова нива и зерно, и сладчайшія заповѣди суть животворящимъ плодомъ райскаго древа; еже плодъ свой даетъ во время свое. А мы при свидѣтельствѣ каменя библіи

Библиотека "Руниверс"

страхъ божій и вѣру Христову, въ одно поставили, а Давидъ страхъ божій вмѣстѣ съ заповѣдьми ставитъ; страхъ Господень есть судьбы Господни истины; кто дерзнетъ отъ божественной двойцы нераздѣльной отдѣлить безсмертнаго божества сокровище—заповѣди божіи? Они плодъ, совершеніе и окончаніе всему, конца неимѣюще, а конецъ начало все одно. Богъ всему начало, Богъ средство, Богъ и конецъ всему, ничто не можетъ отъ Бога родитись лучшее какъ онъ самъ; тѣмъ то онъ и Богъ, что лучшій всего. Что жъ ты мнѣ сыщешь лучшее заповѣдей? Гдѣ, на небеси или на земли? Когда, въ сей вѣкъ или будущій? Право я и самъ хотѣлъ бы ихъ оставить, естлибъ что лучшее онъ нихъ съискалъ, но не могу затѣмъ, что не хочу и затѣмъ что не могу. Сей есть Богъ мой, рай и животъ вѣчный. На пути свидѣній твоихъ насладихся, яко о всякомъ богатствѣ наслѣдовахъ свидѣнія твоя въ вѣкъ, яко радованіе сердца моего суть. Скорби и нужды обрѣтоша мя. Однакъ заповѣди твоя—поученіе мое. Боящіися тебе узрятъ мя и возвеселятся, яко на словеса миръ многъ любящимъ законъ твой; во вѣкъ не забуду оправданій твоихъ, яко вразуми мя и научуся. Есть же и другого рода страхъ Божій: онъ не веселитъ, но мучитъ, не ублажаетъ, но погубляетъ, не животъ душѣ, но смерть люта. Онъ называется безбожничій и рабскій, а живетъ въ двоихъ сортахъ людей однимъ жребіемъ. Говоритъ Давидъ: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ;* о второмъ сынъ его Христосъ: *всякъ согрѣшаяй рабъ есть грѣху*, 1-й сортъ не признавая за господина войну ведетъ противъ Божіего стана; 2-й признаваетъ, не боится какъ мучителя, не какъ отца; противляяися волѣ его—се живущіи по слѣпотѣ своея, вотъ страхъ ихъ. Бѣгаетъ нечестивый, никому же гонящу (Притчи); неправедныи же волнуются и почити не возмогутъ и тамо убояшася страха, идѣже все житіе нечестиваго въ въ попеченіи. Страхъ же его во ушесѣхъ его. Примѣть то его не Божій страхъ, жало же смерти, грѣхъ. Одинъ боится, чтобъ не пропала тлѣнность, другой печется грѣхомъ, а всѣ мучатся. Сей страхъ можно назвать адскимъ, не Божіимъ и какъ страхъ есть погибельный, такъ и вѣра есть суетная, лицемѣрная, бѣсовская, рабская; она конечно вѣруетъ, что есть Богъ, но дѣлами, какъ Павелъ учитъ, отмещется и тѣми плодами, кои свидѣтельствуютъ о вѣрѣ во Христа сокровенной, какъ зерно въ сердцѣ. Говоритъ устами: Господи, Господи, и не творитъ воли его. Покажи мнѣ вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ, кричитъ апостолъ Іаковъ. Иное дѣло есть вѣрить о томъ, что Богъ есть, а иное вѣрить въ Бога, любить, положиться на него и жить по Бозѣ. Бѣсы вѣруютъ, что есть точно Богъ и трепещутъ. Видишь въ бѣсахъ вѣру, видишь въ нихъ и страхъ, но не вѣруютъ въ Бога и не идутъ по немъ, какъ путемъ щастія. Вѣруютъ разбой-

Библиотека "Руниверс"

ники, что есть судъ гражданскій и боятся его, но не живутъ по законамъ его, а симъ самимъ не ввѣряются ему, избравъ собственный путь къ мнимому своему счастію. Не тотъ есть богатымъ, кто вѣруетъ, о томъ, что золото находится въ нѣдрахъ земныхъ, но кто погнался за нимъ, влюбясь въ оное и собравъ обогатился онымъ и укрѣпилъ домъ свой, ввѣряяся на оное. Такъ вѣрный христіанинъ не тотъ, кто вѣруетъ о томъ, что находится въ свѣтѣ Богъ, но кто послѣдуетъ ему, влюбясь въ него, и основалъ домъ счастія на любви Божіей, утвердивъ оной соблюденіемъ воли его блаженной, ввѣряяся какъ на твердѣйшій адамантъ, что домъ его не подвижится во вѣки, обогащенъ самъ сокровищемъ; благъ мнѣ законъ устъ твоихъ. Вотъ въ чемъ есть обрученіе вѣры съ Господомъ по слову Осіи: *обручатся себѣ въ правдѣ и въ милости и въ щедротахъ и обручатся себѣ въ вѣрѣ и увѣси Господа.* (Гл. 2-я, ст. 19). Видишь—вѣра не раздѣляется отъ правды, суда, милости и щедротъ, что есть правда. Слушая Давида: *правда твоя правда во вѣкъ и законъ твой истина.* Что есть судъ: сотворихъ судъ и правду. Отъ судебъ твоихъ убояхся. Что есть милость: по милости твоей и по судьбѣ твоей живи мя; что есть щедроты твои многи Господи: по судьбѣ твоей живи мя; вѣруяй въ мя, иматъ животъ вѣчный. Что жъ есть животъ?—во вѣки не забуду, яко въ нихъ живилъ мя еси. Вотъ тебѣ животъ, вотъ чѣмъ оживляются мертвые жаломъ грѣховнымъ. Но долго ли намъ не вѣрить животу сему, долго ли тяжекъ намъ будетъ свѣтъ и миръ повелѣній его. Ослѣпленные сердца и несчастные умы. Заповѣдь его есть печать дружбы. Вы друзіи есте, аще творите, елика заповѣдахъ вамъ.

89-е.

Къ неизвѣстному.

Скажите мнѣ, что значитъ ваше сіе: «сильно вы меня принудили» также и то «чрезвычайно мнѣ эти вѣсти непріятны». Развѣ вы противитися, чтобъ васъ принудить; я не доспытуюсь, а вы не враги, или развѣ то Павелъ долженъ говорить, что нашимъ застарѣлымъ мнѣніямъ пріятно, а не то, что правдѣ божіей угодно. Мнѣ кажется что вы говорили сіи слова не какъ любители, но какъ рабы не послушные правдѣ библейской. Развѣ по преодолѣнію. Если такъ, вы отриньте сіе изънутри рабство, а возлюбите ея какъ сынъ. Догадуйтеся нѣчто; едваль не внутренній тайный шепотникъ и тутъ присовокупился тотъ, о коемъ написано: предсташа ангели; 1000 лѣтъ по пѣнію птичку узнать можно; справтесь съ тайностьми сердечными; не вкрался ли сей змій къ тѣмъ мыслямъ, кои ища истины Господней вышнему столу присутствуютъ. Я съ Августиномъ говорю, что онъ вездѣ сѣти по-

Библиотека "Руниверс"

ставилъ, даже при самомъ небесномъ столѣ, внутрь самого чертога, гдѣ шируютъ жаждущіе правды; онъ то причиною сему плачевному случаю, друже, какъ вшелъ еси. Можно ли веселу быть при томъ столѣ безъ одѣянія брачнаго, можетъ ли съ охотою слушать; кто говоритъ, это, весьма для меня непріятно. Развѣ принудите кушать? У меня позыву нѣтъ. Познавайте сами, что это за духъ. Духъ душа, день, днесь осмотритеся гораздо дома; враги человѣку домашніе его. Я его въ васъ ужасно не люблю за тѣмъ, что васъ люблю. Онъ хочетъ отъ васъ желаніе присудить сему кушанью выкрасть и кажется такъ шепчетъ: къ чему всѣ сіи высокости? Да ты жъ ихъ и понять не въ силахъ, а можетъ быть и не родился; тѣмъ тебѣ вреднѣе; будь доволенъ тѣмъ, что умѣешь, а сіе все утверждаетъ священными словами, чтобъ отъ священныхъ книгъ отвлечъ подобно змію, кои собранныи изъ тѣхъ же цвѣтовъ, изъ коихъ пчелы сладчайшій сотъ собираютъ, божіи соки по природному яду въ ядъ обращаетъ, онъ насъ всѣхъ искушаетъ во спасителѣ нашемъ, находящемся въ насъ, а насъ въ немъ; но кому сей змій мѣшать не устыдился? рцы, говоритъ, да каменемъ хлѣбы будутъ, на что де по духу тосковать довольно по плоти одной вотъ еще. Но Христосъ нашъ говоритъ, что одинъ хлѣбъ къ насыщенію не доволенъ, два рожденія два человѣка и два живота. Сколько змій силился, чтобы ввернулся домой Спасъ нашъ, но сей благій человѣкъ все въ горняя до Господа, до Духа, до Бога—и такъ оставилъ его; не могъ отъ небесъ къ землѣ приклонить. Духъ божій до Духа божія поднимается, а злый къ долу влечется. Я теперь говорю и прежде глаголахъ, что священное писаніе должно читать со страхомъ божіимъ, оставивъ всѣ подлыя свѣтскоплотскія повѣрія, такъ какъ Авраамъ осла съ рабами, восходя съ Исаакомъ на гору божію. Въ то время не будешь говорить: сіе мнѣ не пріятно, то моему мнѣнію противно, къ оному меня принудить кажется не такъ бы надобно, да и не могу оспорить. Не искушалъ ли Богъ Авраама, т. е. не мучилъ ли словомъ истины своей святой? Какъ можно кажется, чтобы благій духъ Божій требовалъ смерти единороднаго сына его? Но о Боже мой! Что за преданное сердце въ незлобивой той душѣ было! Тотчасъ сказалъ: се азъ изволь. Ахъ, поспорю, будто не знаетъ, что онъ тамъ еще мудрѣе, гдѣ кажется неприличенъ. Я сего не понимаю, ибо мой умыселъ малъ; но можно ли, чтобъ я худо о тебѣ и о словѣ твоемъ подумалъ, изволь: одинъ мнѣ наслѣдникъ — и того для тебя зарѣжу; сноснѣе мнѣ всего въ свѣтѣ лишиться, нежели твоей дружбы; она состоитъ въ согласіи мнѣній, а ты мнѣ вождь. Скажи пожалуй: какъ, такому сердцу не откроетъ Богъ. О несчастные мы съ нашими рабами и ослами! Туда жъ на гору силуемся, но тамъ имущимъ не даютъ... Брось мнѣнія, омый совѣсть и потомъ одежду; оставь всѣ свои пороки,

Библиотека "Руниверс"

тогда восходи; что ты несешь, потомъ хвали, а, хваля свое, осуждаешь Божіе. Да будутъ же ризы твоя бѣлы. Что за риза? Слушай: Исаія одеждою весьма одѣя тя. Что за веселіе? Слушай Сираха — страхъ Господень возвеселитъ сердце. Сей есть жезлъ, раздѣляющій море, да не погрязнемъ какъ олово, сей есть ключъ отверзающій, кто затворитъ затворяющій и кто отверзетъ. Страхъ Господень—даръ отъ Господа, любленіе Господа, преславная премудрость и наказаніе. Страхъ Господень, имъ же является, не всѣ его знаютъ, раздѣляетъ себе въ вѣдѣніе его (Сирахъ, гл. 1-я).

90-е.

Къ невзвѣстному.

Такъ сего не разумѣете, отдѣляюще себе отъ единства вѣры, куда вы недосмысленны; развѣ уже истекло то, что тамъ же сказано: по своихъ похотехъ ходяще и нечестіи ихъ, ибо вся сія рѣчь о тѣхъ же еднихъ людяхъ. Сіи несчастливцы, основавшіе блаженство сіе на внѣшнихъ церемоніяхъ, ведутъ жизнь свою по своихъ прихотяхъ. Что за прихоть,—слушай Павла; явлена же суть дѣла плотская, т. е. прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣяніе, вражда, рвеніе зависти, ярость, разженіе, распри, соблазны, ереси, убійства, пьянство, безчинство, кличи и подобная симъ: всякая церемонія называется плотскимъ, ведущая ни къ чему тайному, какъ будто букварь къ чтенію. Сіе чтеніе къ понятію силы, но сіи сивые голубчики, оставивъ самую силу и конецъ церемоніи, и души ихъ поставили домъ свой на песцѣ, какъ на лду, уповая на сіе песчаное свое основаніе, не на камень твердый и іцѣлный, о коемъ Давидъ: *и сперва познахъ отъ свидѣній твоихъ, яко во вѣкъ основалъ я еси.* О таковыхъ Павелъ вопіетъ: имуще образъ благочестія, силы же его отвергшися. Се Іуда говоритъ: отдѣляюще естество вѣры; тоже, что и Павелъ и пророки называютъ каменемъ или твердостью, а богословъ любовію или единствомъ; любовь и единство; тожъ самое нашъ Іуда называетъ единостію; сіе значитъ камень заповѣдей Господнихъ: *на камени мя вѣры утвердивъ;* и по сей причинѣ зоветъ тѣлесными, плотяными и песчаными, т. е. ничего твердости не имѣющими, о коихъ Богъ у Исаіи: «увѣждь, говоритъ, яко пепелъ сердце ихъ прельщается» вспомните созидающаго храмину на песцѣ; песокъ есть нѣчто не одно, но изъ разностей смѣшенное;но камень есть нѣчто одно и за тѣмъ твердое. Таковыхъ людей на обряды упованія можно назвать вѣрою за тѣмъ, что на нихъ положились, но не твердою и плотяною. И посему то тутъ же сплошь нашъ Іуда говоритъ: вы же возлюбленніи самою вашею вѣрою, т. е. не песчаною сами себе въ любви Божіей соблюдайте; истинная вѣра ведетъ къ концу. Что жъ есть конецъ? Слушай Павла: *конецъ же за-*

Библиотека "Руниверс"

вѣщаніе есть. Что такое любовь отъ чистаго сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя. (Къ Римл., гл. 13-я говоритъ и Тимоѳ., гл. 15): *ни единому же ничимъ же должніи бывайте, точію еже любити другъ друга, любяй бо друга, законъ исполняется.*

91-е.

Къ неизвѣстному.

Захотѣлось мнѣ нѣсколько съ вами изъ отсутствія поговорить. Примѣтили ль вы, что отсутственная дружеская персона похожа на музыкальный инструментъ: онъ издали бренчитъ пріятнѣе. Дай Богъ, чтобъ мы могли взаимнымъ бренчаніемъ веселить наши внутреннія уши согласнымъ слѣдующей симфоніи — хвалите Господа, яко сей благъ; Псаломъ. И чтожъ лучше, какъ почаще бряцать о томъ—зиждяй Іерусалима Господь, исцѣляяй сокрушенныя сердцемъ и обязуяй сокрушенія ихъ. Посылаю вамъ одинъ и другой гостинецъ 1-й слонъ, 2-й солнце; естли ихъ сложить, то сдѣлаютъ символъ, т. е. складку исключать прекрасную силу. Слонъ со удовольствіемъ на солнце свѣтомъ облившееся взираетъ, поднявъ хоботъ будто для объятія руки своей. Взирайте на сей символъ почаще, онъ вамъ не меньше будетъ полезенъ, какъ израилтянамъ зміи повѣшенныи; не забывайте того: въ семъ миръ вамъ, исцѣляющій сокрушеніе сердечное. Естли жъ хотите, подпишите въ книгу сіе: совѣсть чистая Богу угодна;—коль изрядно симъ узломъ назнаменываются сыны дне и въ ложахъ своихъ лягутъ; клянусь, пишетъ, что слоны въ лѣто збираются всякой день, чтобъ проздравить восходящее солнце. Видно, что они къ нему привержены. Пишутъ тожъ, что изъ большихъ звѣрей нѣтъ разумнѣе слона. Случилось и въ библіи читать, что весь израиль рано предъ Господемъ предстаетъ. Вотъ что поетъ Давидъ: «*ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима твоима*» и самъ о себѣ вопіетъ: *заутра предстану ти;* и далѣе—*глаголы моя внуши, Господи.* Не кажется ли вамъ, Давидъ съ слономъ, солнце проздравляющимъ, весьма сходное позорище; счастіемъ кои рано въ си часъ дня съ веселіемъ взираютъ на внутренніе свои правды свѣтило. Таковые то дѣйствительно прочитываютъ правило 10 часа. Слѣдующій и весело свѣтящій день есть плодомъ вчерашняго дня, въ страхѣ божіи проведеннаго, такъ какъ добрая старость есть награжденіе доброй юности.

92-е.

Къ неизвѣстному.

За не отъдѣлъ закона. Конечно подъ дѣлами закона разумѣются дѣйствія, церемоніи; они всегда находятся въ Божіей истинѣ или Духа

Библиотека "Руниверс"

Святаго нѣмымъ начертаніемъ и слабымъ образомъ, яснѣе сказать, дѣйствій церемоніальныхъ суть комплекты и обманныя паружности, обѣщающіи усердіе къ Богу и дружбу, которая печатлѣется еще исполненіемъ закона его, до котораго они находятся нѣкою частію или съ милостиною и будто съ алфавитомъ букваря. Закономъ оно названо для того, что узаконено было; всякому не миновать тѣмъ дѣйствій, могущихъ со временемъ вперить въ присущное сердце понятіе и просвѣщеніе Высочайшей пользы и счастія истиннаго человѣка. Напримѣръ: яденіе пасхи есть то внѣшнее дѣйствіе 2) обрѣзаніе 3) неяденіе свинаго мяса 4) омытіе внѣшнихъ членовъ стихійною водою и проч. безчисленная. Названо оно еще для того закономъ, что, закрывая и назнаменуя тайный Божій законъ, находится его короною и шелухою и будто половою, зерно Царства Божія закрывающею и надѣющіися на сію корону называются шелуханами, т. е. суевѣрами. Вся сія шелуха законна, ведетъ сердце наше къ святому Духу. Онъ есть возсіяніе блаженныхъ и чистѣйшихъ мыслей, называется духъ вѣры, духъ премудрости, духъ страха Божія. Духъ Божій начало всего того плода, о коемъ Павелъ говоритъ: плодъ же духовный и пр. къ сему концу приспѣлъ; тотъ оправданъ Духомъ и исполнивъ церемоніи, чрезъ окончаніе можетъ сказать съ Павломъ: законъ ли убо разоряю вѣрою? никакъ! Но законъ утверждаю; а если кто безъ церемоніи добрымъ сдѣлался, пускай съ Павломъ же вопіетъ: единъ Богъ, иже оправдивъ обрѣзанцовъ, дастъ вѣры необрѣзанцовъ, ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но нова тварь (Къ Галат. гл. 2, ст. 15).

93-е.

Къ неизвѣстному.

Нѣчему дивиться: вы еще въ семъ родѣ баталіи не очень практикъ, а непріятель старинный, всеобщій, а посему великій искусникъ. Если бы Давидъ не пріобучился къ битвѣ, конечно какъ прочимъ и ему страшенъ былъ Голіафъ, но онъ уже съ волкомъ и львомъ дѣло имѣлъ во время паствы овецъ. Чего не можетъ Богъ? Онъ родитъ охоту, а охота мать труда, трудъ все побѣждаетъ; по малу на гору и буди современемъ соидешь, пождутъ отъ силы въ силу что и прилежно глядимъ очами, чтобъ узнать коль блаженное дѣло жить въ мірѣ и дружбѣ съ Богомъ, а другого пути къ счастью никоимъ образомъ найти нельзя и самимъ ангельскимъ силамъ. Въ то время съ крѣпкою упрямостію защищать станемъ градъ мира нашего, тогда мы сію цитадель теряемъ, когда подлаго о ней мнѣнія и думая что не довольна сего одного къ счастью нашему; какъ только устранились къ Іерихону, тотчасъ попадаемъ въ бѣду, а Іерусалимъ

Библиотека "Руниверс"

въ блокаду; надобно всегда говорить съ Авакумомъ: на стражѣ моей стану.

94-е.

Къ неизвѣстному.

Не поѣду къ Вамъ, потому что меня любите: луна издали свѣтлѣе, музыка вкуснѣе, а пріятель пріятнѣе. Все то, что вблизи, нестолько мило: милѣе младость, когда уже протекла, а приблизившаяся старость не столко желательна. Естли есть въ насъ самихъ подлая часть, заключаемая тѣснотою мѣста и временемъ, раздѣляемая рѣками и вѣками, то напротивъ того есть тутъ же часть, и стихія мнѣ подвержена, но владѣющая ими. Катонъ о Цицероновой старости говоритъ: что тѣло трудомъ дѣлается костнѣе и лѣнивѣе, а духъ быстропарнѣе чѣмъ болѣе движимый; для чего жъ нельзя по сей же формѣ вылить: что чѣмъ и по бренному тѣлу удаленнѣе отъ круга, тѣмъ ближе сердцемъ. Сердце его вижу и соединяюся тѣснѣе; а Іеримія говоритъ, что точнымъ въ человѣкѣ человѣкъ есть. Сердце, а не тѣло стихійное (Г. 17. ст. 9). И совершенно человѣка видитъ и сердце его любить, кто любитъ мысли его; любить и вмѣстѣ быть и въ единствѣ жить все то одно. Сіе есть истинное собраніе и дружество, а не то чтобъ въ однѣхъ стѣнахъ собраться по тѣлеснымъ чучеламъ, сердцами же разбрестися, желаніями и совѣтами поразниться, какъ небо отъ земли единство ни въ тѣлесномъ подобіи, ни въ той же статьѣ, ни въ сообществѣ покрова, ни въ количествѣ лѣтъ или въ ровестничествѣ, ни въ землячествѣ или одноземствѣ, ни на небесѣхъ, ни на земли, но въ сердцахъ союзомъ Христовой философіи связанный; бѣ въ нихъ едина душа дѣянія и изъ за горъ и изъ за рѣкъ васъ вижу, люблю и почитаю, но вижу душою и люблю ею же. Естли любите Евангеліе—а конечно любите—естли любите Духа Божія, среди сокровеннѣйшихъ сердца вашего тайностеи живущаго, сему васъ и вамъ подобныхъ поручая пребываю.

(Эти 10 писемъ взяты изъ рукописи, хранящейся въ Моск. Рум. музеѣ.)

95-е.

Изъ Гусинки 1787 года генваря 23 дня.

Любезный друже, Иванъ Васильевичъ! Дерзай и возмогай! Что ты друже? Зашелъ въ тѣсные непроходности. Но кто возвѣстилъ тебѣ яко нагъ еси. Конечно вкусилъ уже ты отъ мірскія мудрости? Требуешь отъ насъ утѣшенія? Право твориши. Міръ уязвлять только насъ можетъ, исцѣлять не можетъ. Толи тебя мучитъ что столь горько

Библиотека "Руниверс"

уязвитися тебѣ допустилъ Богъ со Іерихонскимъ странникомъ равно? Но знай, что человѣкъ всѣхъ скотовъ и звѣрей упрямѣе и что, не наложивъ на него тяжкихъ ранъ, не можетъ иначе къ себѣ обратить Его отъ міра Богъ и не загремѣвъ страшнымъ онымъ тайнымъ громомъ: Сауле! Сауле! что мя гониши? Адаме! Адаме! гдѣ еси? Куда тебе чортъ занесъ?...

Таковы то, друже, всѣ мы есмы—согниша раны моя отъ лица безумія моего. Вотъ какое бываетъ начало спасенія нашего!—Послѣ ранъ, милость блудному сыну и примиреніе. А безъ того вѣчно бы онъ за мырскою со Езоповымъ псомъ гонялся суетою, оставивъ... И блажаю жь вправду и поздравляю тебя новымъ годомъ; знай, что послѣ сихъ ранъ уродится въ тебѣ новое сердце, а прежнее твое (сердце) никуда не годится: буйе, ветхое, пепельное, а вмѣсто сего дастся тебѣ и уже начинается сердце чистое, истинное и новое. Вотъ второе наше рожденіе! А естли правдиво сказать, то мы прежде второго рожденія никакого сердца не имѣемъ; и безумные нарицаются у Саломона безсердыми. Удивительно, что самое нужное въ человѣкѣ, коснѣе и позднѣе созидается, яко сердце есть существомъ человѣческимъ, а безъ него онъ чучеломъ и пнемъ есть.—Но чему же дивлюся? Не прежде ли корабль, потомъ кормило и компасъ, иже есть сердцемъ кораблю? Куда положишь новое сердце, не создавъ прежде тѣлеснаго мѣха? Въ сію силу Павелъ: primum carnale, deinde spiritale. Воззри на орѣхъ! Первѣе скорлупа, съ наполняющимъ оною молочкомъ, потомъ зерно, кое распространяясь такъ уничтожаетъ молочную пустоту, какъ Даніилевъ камень, несѣченный отъ горы отваленъ: всю міра сего суету единъ самъ исполнилъ. Безъ зерна орѣхъ ничтоже есть, а безъ сердца человѣкъ. Когда слышишь сіе: созда Богъ человѣка, разумѣй такъ: сердце чисто создалъ еси во мнѣ Боже... а безъ него былъ я доселѣ мертва и несущая тварь. Когда слышишь: Лазаре! долго ли тебѣ страдать въ земненностяхъ мірскихъ? разумѣй сіе: дунувъ, пріймите Духъ святъ! востани спяй!—Разумѣй сіе: долго ли тебѣ валяться во блатѣ мірскихъ скверностей; прійми Духъ Святъ, сирѣчь новое сердце. Да будетъ свѣтъ! Сирѣчь свѣтозарное и свѣтлое сердце. Видишь, что послѣдовавшее щастіе всегда предваряемо было тяжчайшими бѣдами, и какъ не бываетъ весна прежде прошествія стужи, такъ день спасенія не является человѣку, аще не предидетъ гнѣвъ Бога нашего. Зло стражди убо и потерпи. Се избавленіе твое при дверехъ! Проси у Бога не плотской жизни, но свѣтозарное сердце. Тогда будетъ Сампсонъ. Какъ?—Такъ: левъ, сирѣчь смерть весь родъ человѣческій мучитъ и раздираетъ, а ты сего аспида одною рукою поведешь. А разодравши не мучительный въ немъ страхъ сыщешь, но медъ. Да уразумѣешь, коль храбра и сильна премудрость Божія и коль младенче-

Библиотека "Руниверс"

ская есть слабость мірскія буія премудрости и коль истинна есть истина сія:

змія возмутъ.

Вамъ искренній другъ и нижайшій слуга

Григорій Сковорода.

(Изъ сборника писемъ Г. С. Сковороды къ М. И. Ковалинскому; копія).

96-е.

Liberalissime Here!

Вся Катехеса моя состоитъ изъ 12 чвертокъ, сверхъ предисловія. Самая же ея эссенчіа, cor, то-есть, толкъ десятословія, занимаетъ двѣ только чвертки. Посылаю видь вамъ дщерь мою по плоти, но по духу Божію, катехезу, но съ такимъ нарокомъ, дабы отъ васъ, отнюдъ никуда на сторону не пошла, и не окаляла бы внѣшнія своея одежды, разумѣйте, бумагу и оправку. Она есть, не копіа: но самый родникъ и оригиналъ, начертанный отца рукою. Бродила она, даже до Кавказкихъ горъ, и Богъ ее сохранилъ, да сохранится жъ и у васъ! Впротчемъ, боленъ не ѣду къ вамъ и спѣшу совершить маленькій свитокъ или книгочку, да не явлюся лживъ, во обѣщаніи другамъ моимъ.

Пишите до Михаила, и отъ мене цѣлуйте его, и ее. Я все отъ него посланное получилъ. Единаго его (человѣчески глаголю) доселѣ не получаю. Всѣхъ подарковъ миляе дружнихъ, самъ другъ тому, иже взаимный есть другъ. Получилъ я и отъ васъ 4 дары. Rependat tibi Deus, qui est omnium pauperum nutritor. Amen! Tuus servus Gr. Sartago. Decembr. Die Ambrosij Sancti. 1787 изъ Гусинки.

(Ibidem.).

97-е.

Письмо свящ. Іакову Правицкому 1792 г. [1]).

1792 го года. Генв. 5. го из Гусинки.

Возлюбленны" Дружже и Брате во Хртѣ,

Іакове!

Радуйся с' любезною Христиною, и со Чады в новы" сей Год!

О Б̃же! Ей! мнѣ давно скучно, что с' вами не бесѣдую. Аще в' сію Зиму или Весну не совлеку моего тѣлеснаго бреннаго Линовища: [Exuviu͂] [2]) потщуся видѣти вас, и насладитися бесѣдою во

[1]) Помѣщаемъ это письмо въ видѣ образца съ транскрипціей автора.

[2]) т. е. exuvias.

Библиотека "Руниверс"

Хт҃ѣ, и́же мя вѣст', и а҃ Е҃го"... Ны́нѣ же Голуби́ными Любвѝ Кри́лами вас посѣща́ю. Прости́, Любезны": что на твоѐ, и на твоего Ча́да пис'мо не отвѣ́тствовал. Се́рдце войстину жела́ет: но Ста́рост' и Лѣ́ност', ест' студено кровна. Пишу́ вид' к' ва҃: обаче бо́лен. Бл҃агословѐн Бг҃ мо"! Егда́ немоществу́ю, тогда́ Си́лен есм' с' Па́вло҃. Болѣзн' мо́й ест', Ста́рост', Ток Кро́вны", и Огневи́ца: не стол' и҃ не во҃де́ржныя, ка҃ и҃ несро́дныя Пищи. Шу́ія част' моя угриза́ет мя: а част' блага́я, во бока́х до́му моего, Са́рра моя, погла҃да́ет... O discors Concordia rerũ!

Удивѝся Ра҃зу҃ твой от мене. Пришли́, Дру́же, Златоу́стаго Рѣч, о то҃: что человѣк ест' всея́ Би́бли Коне́ц и Центр и Га́ван'. Он же́ртва, Олта́р', Θіміа҃ и вся протчая...

Ны́нѣ вас поруча́ю с' во҃злюбленною Христи́ною и со Ча́дами Бг҃у Авраа́млю и пребыва́ю,

Любе́зны" Дру́же!

ва҃ всеусе́рдны҃ Ста́рчик, Григ. Сковорода́.

(Автографъ хранится въ Моск. Румянцевскомъ музеѣ; списанъ, по просьбѣ пр. А. С. Лебедева, проф. А. И. Кирпичниковымъ).

98-е.

С. И. Тевяшову.

Милостивый государь! Идутъ къ Вамъ два разговора, жаждущіе Вашего лицезрѣнія. Удостойте ихъ своего пріятія: они уже прежде рожденія своего опредѣлены доброму вашему духу; почтеніе мое къ человѣколюбному и кротчайшему батюшкѣ вашему, усердіе мое къ Вамъ и доброжелательство къ цѣлой фамиліи вашей приноситъ оные. Душа есть mobile perpetuum—движимость непрерывная. Крыла ея есть мысли мнѣнія совѣту; она или желаетъ чего или убѣгаетъ отъ чего; желая любитъ, убѣгая боится. Естли не знаетъ, чего желать, а чего убѣгать, тогда недоумѣетъ сомнѣвается, мучится сюда и туда, какъ шарикъ, качается, мятется и вертится, какъ магнитная стрѣла, доколь не устремитъ взоръ свой въ дражайшую точку холоднаго сѣвера. Такъ и душа наконецъ, когда нашла того, кого нигдѣ нѣтъ и вездѣ есть, счастлива. Сей одинъ довлѣетъ ее насытить, а безъ сего глотаетъ воздухъ съ ядущимъ вся дни живота своего землю зміемъ.

Мнѣнія подобны воздуху: онъ между стихіями не видѣнъ, но твердѣе земли, а сильнѣе воды—ломаетъ дерева, низвергаетъ строенія, гонитъ волны и корабли, ѣстъ желѣзо и камень, тушитъ и разъяряетъ пламень. Такъ и мысли сердечныя: они не видны какъ будто

Библиотека "Руниверс"

ихъ нѣтъ, но отъ сей искры весь пожаръ, мятежъ и сокрушеніе; отъ сего зерна зависитъ цѣлое жизни нашей дерево; если зерно доброе, добрыми (въ старости найпаче) наслаждаемся плодами; какъ сѣемъ, такъ и жнемъ.

Весьма я радъ буду, естли сія книжечка въ прогнаніи только нѣсколькихъ дней скуки послужитъ; но какъ я доволенъ, если она хоть въ каплѣ внутренняго міра поспособствуетъ. Вседражайшій сердечный миръ подобенъ самымъ драгоцѣннымъ камушкамъ: одна крошечка цѣну свою имѣетъ; если станемъ его одну каплю щадить, тогда можемъ со временемъ имѣть цѣлую чашу спасенія. Разливши мысли наши къ однимъ наружнымъ попеченіямъ и не помышляемъ о душѣ, не разсуждая, что отъ нее всякое дѣло и слово проистекаетъ, а естли семя зло, нельзя не послѣдовать худымъ плодамъ; все насъ сирыхъ оставитъ, кромѣ сего неотъемлемаго сокровища. Представьте себѣ смѣсь людей, во всю жизнь, а паче въ кончину лѣтъ своихъ тоскою малодушіемъ, отверженіемъ утѣхъ, задумчивою грустью, печалью, страхомъ среди изобилія, отчаяніемъ, безъ ослабы мучащихся, и вспомните, что все сіе зло и родное несчастье родилось отъ преслушанія сихъ Христовыхъ словъ:

«Ищите прежде царствія Божія;
«Возвратися въ домъ твой;
«Царствіе Божіе внутрь Васъ есть;
«Омый прежде внутренность стакана».

Но благодареніе Вышнему за то, что никогда не бываетъ поздній трудъ, что для человѣка есть самонужнѣйшее. Царствіе Божіе вдругъ какъ молнія озаряетъ душу и для пріобрѣтенія вѣры надобенъ одинъ только пунктъ времени.

Дай, Боже, Вамъ читать слово Божіе со вкусомъ и примѣчаніемъ, дабы исполнилось на Васъ: «блаженны слышащи слово Божіе и хранящи». Другіе разговоры скоро послѣдуютъ, а я пребуду М. Г. Вашего благородія покорнѣйшій слуга, любитель священныя библіи Григорій Сковорода.

(Это письмо помѣщено при рукописи «О душевномъ мирѣ» пространной редакціи, хранящейся въ Рум. музеѣ.)

99-е.

Письмо Андрея Ковалевскаго къ М. И. Ковалинскому.

Ваше Превосходительство
Милостивой Государь
Михайло Ивановичъ!

Изъ писма вашего къ Григорію Савичу Сковородѣ выжу, что вы меня забыли, но приверженность моего почтенія къ вамъ, истенная

Библиотека "Руниверс"

любовь никогда не умалитца, почему чрезъ сіе свидѣтельствую вамъ съ фамиліею мое достодолжнѣйшое почтеніе и желаю от всего сердца вамъ здравія и душевнаго спокойствія. Благословенной старыцъ Сковорода утружденной болезнями по власти Божіей понемногу началъ обмагатца и живописецъ здѣшнѣй Лукьяновъ партретъ снево снялъ, которой къ вамъ самъ доставлю съ украинскимъ домашнимъ гостинцемъ, толко не знаю, гдѣ бъ мнѣ васъ найтить; не разсудите-ли меня увѣдомить. Есьмъ вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга

Андрей Ковалевской.

Апреля 2- 1794 года. Ивановка.

PS. Ви намъ часто во снѣ видитесъ и мы всякой почти день съ Григоріемъ Савычомъ об васъ беседуемъ и желаемъ, чтобъ вы вашихъ мѣстахъ купили деревню и для его старости уготовали пріютъ.

Библиотека "Руниверс"

II-е ОТДѢЛЕНІЕ.

СОЧИНЕНІЯ Г. С. СКОВОРОДЫ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека “Руниверс”

НАРКИССЪ.

РАЗГЛАГОЛЪ О ТОМЪ:

УЗНАЙ СЕБЕ.

Прологъ.

Сей есть сынъ мой первородный. Рожденъ въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего. Наркіссъ нарицается нѣкій цвѣтъ и нѣкій юноша. Наркіссъ юноша, въ зерцалѣ прозрачныхъ водъ, при источникѣ, взирающій самъ на себе и влюбившійся смертно въ самого себе есть предревняя притча изъ обветшалыя богословіи египетскія, яже есть матерь еврейскія. Наркіссовъ образъ благовѣститъ сіе: *узнай себе!* Будто бы сказалъ: хощеши ли быть доволенъ собою и влюбиться въ самого себѣ? Узнай же себе! Испытай себе крѣпко... Право! Како бо можно влюбитися въ невѣдомое? Не горитъ сѣно, не касаясь огня. Не любитъ сердце, не видя красоты. Видно, что любовь есть Софіина дщерь. Гдѣ мудрость узрѣла, тамъ любовь сгорѣла. Воистину блаженна есть самолюбность, аще есть свята; ей свята, аще истинная; ей глаголю истинная, аще обрѣла и узрѣла едину оную красоту и истину. *Посредъ васъ стоитъ, его же невѣсте.* Блаженъ мужъ, иже обрѣте въ домѣ своемъ источникъ утѣшенія и не гонитъ вѣтры со Исавомъ, ловительствуя по пустымъ околицамъ. Дщерь Саулова Мелхола, изъ отчаго дома, сквозь окно, разсыпающая по улицамъ взоры своя, есть мати и царица всѣхъ, шатающихся по окольнымъ пустынямъ во слѣдъ безпутнаго того волокиты, кого, какъ буйную скотину, встрѣтивъ, загонитъ въ домъ пастырь нашъ. Куда тя бѣсъ женетъ? *Возвратися въ домъ твой!* Сіи суть Наркіссы буіи. А мой мудрый Наркіссъ амурится дома, по Соломоновой притчѣ: *разумывъ праведникъ, себѣ другъ*

Библиотека "Руниверс"

будетъ. Кто, де, прозрѣлъ во водахъ своея тлѣни красоту свою, тотъ не во внѣшность кую либо, ни во тлѣнія своего воду, но въ самого себе и въ самую свою точку влюбится. *Стези твоя посредѣ тебе упокоиши*. Наркіссъ мой правда что жжется, ражжигаясь угліемъ любви, ревнуя рвется, мечется и мучится, ласкосердствуетъ, печется и молвитъ всѣми молвами, а не о многомъ же, ни о пустомъ чемъ либо о себе, про себе и въ себе. Печется о единомъ себѣ. Едино есть ему на потребу. Наконецъ, весь, аки ледъ, истаявъ отъ самолюбнаго пламя, преображается во источникъ. Право! Право! Во что кто влюбился, въ то преобразился. Всякъ есть тѣмъ, чіе сердце въ немъ. Всякъ есть тамъ, гдѣ сердцемъ самъ.

О милая моя милосте, Наркіссе! Нынѣ изъ ползущаго червища восталъ еси пернатымъ мотыликомъ. Нынѣ се воскреслъ еси! Почто не преобразился еси въ ручай или потокъ? Почто не въ рѣку или море? Скажи мнѣ! Отвѣщаетъ Наркіссъ. Не дѣйте мене, добро бо дѣло сотворихъ. Море изъ рѣкъ, рѣки изъ потоковъ, потоки изъ ручаевъ, ручаи изъ пары, а пара всегда при источникѣ: сущая сила и чадъ его, духъ его и сердце. Се что люблю! Люблю источникъ и главу, родникъ и начало, вѣчныя струи источающее отъ пары сердца своего. Море есть гной. Рѣки проходятъ. Потоки изсыхаютъ. Ручаи ищезаютъ. Источникъ вѣчно парою дышетъ, оживляющею и прохлаждающею. Источникъ единъ люблю и ищезаю. Протчее все для мене стечь, сѣчь, подножіе, сѣнь, хвостъ... О сердце морское! Чистая бездно! Источниче святый! Тебе единаго люблю. Ищезаю въ тебе и преображаюся... Слышите ли? Се что воспѣваетъ Орлій птенецъ, Орлія матери Ѳеваидскія премудрости! Лицемѣры и суевѣры, слыша сіе, соблазняются и хулятъ. Во источникъ преобразитися? Како могутъ сія быти? Не ропщите! Вельми легко вѣрующему, яснѣе скажу, узнавшему въ себѣ красоту оную: *пара бо есть силы Божія и изліяніе Вседержителя славы чистое*. Лучше, де, было ему преобразитися во злато или въ драгоцѣнный камень или... Постойте! Онъ самое лучшее нашелъ. Онъ преобразуется во владыку всѣхъ тварей, въ солнце. Ба! Развѣ солнце и источникъ есть тоже? Ей! Солнце есть источникъ свѣта. Источникъ водный источаетъ струи водъ, напаяя, прохлаждая, омывая грязь. Огненный же источникъ источаетъ лучи свѣта, просвѣщая, согрѣвая, омывая мракъ. Источникъ водный водному морю начало. Солнце есть глава огненному морю. Но како, де, могутъ сія быти: дабы человѣкъ преобразился въ сонце? Аще сіе не возможно, како убо глаголетъ истина: *вы есте свѣтъ міру; сіе есть сонце*. О лицемѣры! не по лицу судите, но по сердцу. Ей! Сонце есть источникомъ. Како же не и человѣкъ Божій сонцемъ? Сонце не по лицу, но по источничей силѣ есть источникомъ.

Библиотека "Руниверс"

Тако и человѣкъ Божій, источающій животворящія струи и лучи Божества испущающій, есть сонцемъ не по сонечному лицу, но по сердцу. Всякъ есть тѣмъ, чіе сердце въ немъ: волчее сердце, есть истинный волкъ, хотя лице человѣчее; сердце боброво, есть бобръ, хотя видъ волчій; сердце вепрово, есть вепръ, хотя видъ бобровъ. Всякъ есть тѣмъ, чіе сердце въ немъ. Но лицемѣры бодутъ рогами упорно. Да будетъ, де, сіе тако здраво! Обаче, де, человѣку преобразитися въ лицо сонцово отнюдь не возможно. Лице, де, и сердце разнь... Право! право судите! и я сужду: отнюдь не возможно. Да и кая полза? Видъ бобровъ не творить волка бобромъ. О глухіи лицелюбцы! Внемлите грому сему:—*плоть ничтоже: духъ животворитъ.* И сего ли не вѣсте, яко видъ, лице, плоть, идолъ есть тоже и ничтоже? Не вѣсте ли, яко мыръ сей есть идолъ поля Деирскаго? Сонце же истукану сему есть лице его и златая глава его; и се суета суетъ! Даніилъ не кланяется, а Наркіссъ не любитъ его. Мыръ есть улица Мелхолина, блудница Вавилонска, бѣсноватое море, а Даніилъ и Наркіссъ въ горящихъ сихъ адскихъ водахъ узрѣли любезную свою милость. Кую? Росоносный источникъ и истое сонце, какъ написано: *донде же дхнетъ день,* сирѣчь сонце. *Гдѣ почиваеши? Яви мнѣ зракъ твой. О блага мудрость есть человѣку, паче же видящимъ сонце!* Благодареніе убо блаженному Богу. Сія есть неизреченная его милость и власть, сотворшая безполезное не возможнымъ, возможное полезнымъ. Нынѣ мой Наркіссъ преобразится во истое, не въ пустое сонце. Вопросъ отъ лицемѣровъ: что се? Тако ли въ сонцѣ единомъ два будутъ сонца? Отвѣтъ. А гдѣ же ваши уши тогда, когда громчайшею трубою небеса проповѣдуютъ: *въ сонцѣ положи селеніе свое?* Видите, что во златой главѣ кумира вашего, мыра сего, и во Вавилонской сей пещѣ обитаетъ и субботствуетъ свѣтъ нашъ незаходимый и не ваше мрачное, но наше сонце прославляется слѣдующею трубною пѣснею: *источникъ исхождаше и напаяше вся.* Но оставимъ, да лицемѣры мучатся во огненномъ ихъ своемъ озерѣ. Самы же со Ізраилемъ да прейдемъ на оную страну моря, по совѣту Варухову, *кто прейде на ону страну моря и обрѣте премудрость? Тамо рай.* Тамо амурятся всѣ узнавшіи себе Наркіссы. Се первый встрѣчаетъ насъ возлюбленный Давидъ, воспѣвая пѣснь свою! *У тебе источникъ живота. Во свѣтѣ твоемъ узримъ Свѣтъ.* Оставайтеся, лицемѣры, съ наличнымъ вашимъ сонцемъ. Мы въ дурномъ вашемъ сонцѣ обрящемъ новое и прекрасное оное. *Да будетъ свѣтъ! Да станетъ сонце! и утвердися сонце.* Се за стѣною и за предѣлами вашими встрѣчаетъ насъ, одѣяйся свѣтомъ вашимъ, яко ризою! Се возглашаетъ къ намъ: *радуйтеся! Дерзайте!* Миръ вамъ! Не бойтеся! Азмъ есмь свѣтъ! Азъ свѣтъ сонцову кумиру и его мыру. *Жаждай да грядетъ ко мнѣ и да піетъ.*

Библиотека "Руниверс"

Чудо явленное во водахъ Наркіссу.

Скажи мнѣ, прекрасный Наркіссе: во водахъ твоихъ узрѣлъ еси что ли? Кто ли явился тебѣ въ нихъ? Отвѣтъ. На водахъ моихъ восплыло Елиссейское желѣзо. Узрѣлъ я на полотнѣ протекающія моея плоти нерукотворенный образъ, *иже есть сіяніе славы Отчія. Положи мя яко печать на мышцѣ твоей. Знаменася на насъ свѣтъ.* Вижу Петра вашего гавань: *землю по среди воды, словомъ Божіимъ составленну.* Я вижу моего друга, друга Исаина сего: *царя со славою узряше, и очи ваши узрятъ издалеча.* Волшебница плоть моя явила мнѣ моего Самуила. Сего единаго люблю, таю, ищезаю и преображаюся. Въ протчемъ отъ египетскаго взглянемъ на еврейскія Наркіссы. Вотъ первый насъ встрѣчаетъ! *Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ.* Вотъ вторый! *Душа моя изыйде во слово твое,* то есть, преобразуется. Вотъ еще тебѣ Наркіссы! *Се вся оставихомъ и во слѣдъ тебѣ идохомъ.* А Давідъ не истинный ли есть Наркіссъ? Ищезе сердце мое и плоть моя. *Ищезоша очи мои во спасеніе твое. Коіда прійду и явлюся лицу твоему?* А се не точный ли Наркіссъ? *Мыръ мнѣ сраспяся, и азъ мыру. Не живу азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ. Дондеже преобразитъ тѣло смиренія нашего... Желаю разрѣшитися. Мнѣ бо жити—Христосъ, а умрѣти—пріобрѣтеніе.* Какъ во источникѣ лице человѣчее, такъ во Исаиныхъ словахъ будто дуга во облакѣ, виденъ сихъ Наркіссовъ амуръ. *Будетъ Богъ твой съ тобою присно, и насытишися, яко же желаетъ душа твоя и кости твоя утучнѣютъ и будутъ яко вертоіградъ напоенный, и яко источникъ; ему же не оскудѣ вода и кости твоя прозябнутъ, яко трава, и разботѣютъ и наслѣдятъ роды родовъ и созиждутся пустыни твоя вѣчными и будутъ основанія твоя вѣчная родамъ родовъ, и прозовешися здатель оіградъ, и стезя твоя посредѣ тебя упокоиши.*

Разговоръ о томъ: знай себе.

Лица: Лука, Его другъ и Сосѣдъ.

Лука. Вчера обѣдали мы оба у моего брата, я и сосѣдъ мой—нарочно для воскреснаго дня, чтобъ поговорить о чемъ либо изъ Божіего слова. Столъ былъ въ саду. Случай къ разговору подали слова, написанныи въ бесѣдкѣ, слѣдующіи: *Той сотретъ твою главу; ты же блюсти будеши его пяту.* Случилися при обѣдѣ два ученые: Навалъ и Сомнасъ. Они много тѣ слова толочили, по прошенію брата моего. Я непоколебимо вѣрю, что Священное писаніе есть райская пища и врачевство моихъ мыслей. Для того окаевалъ самъ себе за то, что не могъ никакого вкуса чувствовать въ тѣхъ сладчайшихъ словахъ.

Библиотека "Руниверс"

Другъ. Какъ же называешь сладчайшими словами, не чувствуя въ нихъ вкуса?

Лука. Такъ какъ той, кто издали смотритъ на райскія цвѣты, не слышитъ ихъ духа, а только вѣритъ, что дивнымъ какимъ то дышутъ благовоніемъ.

Другъ. Слушай, брате. Хотя бы они подъ самый нашъ носъ дышали; нельзя намъ вкуса чувствовать.

Лука. Для чего? Развѣ у насъ головы и ноздрей нѣтъ?

Другъ. Главы и ноздрей? Знай, что мы цѣлаго человѣка лишены и должны сказать: *Господи! Человѣка не имамъ...*

Лука. Развѣ же не имѣемъ и не видимъ у насъ людей?

Другъ. Что же пользы: имѣть и не разумѣть? Вкушать и вкуса не слышать?.. А если хотишь знать, то знай, что такъ видимъ людей, какъ, если бы кто показывалъ тебѣ одну человѣческую ногу или пяту, закрывъ протчее тѣло и голову; безъ оной же, никакъ узнать человѣка невозможно. Ты и самъ себе видишь, но не разумѣешь и не понимаешь самъ себе. А не разумѣть себе самого, слово въ слово, одно и тоже есть, какъ и потерять себе самого. Если въ твоемъ домѣ сокровище зарыто, а ты про то не знаешь, слово въ слово, какъ бы его не бывало. И такъ, познать себе самого и сыскать себе самого; и найти человѣка: все сіе одно значитъ. Но ты себе не знаешь и человѣка не имѣешь, въ которомъ находятся очи, и ноздри, слухъ и протчая чувства; какъ же можешь твоего друга разумѣть и вѣдать, если самъ себе не разумѣешь и не имѣешь? Слушай, что говоритъ истинный человѣкъ тому, кто хощетъ его снискать и увѣдать? *Аще не увѣси самую тебѣ, о добрая въ женахъ, изыйди въ пятахъ паствъ и паси козлища твоя, у кущей пастырскихъ.*

Лука. Какъ же? Видь вижу руки, ноги и все мое тѣло.

Другъ. Ничего не видишь и вовся не знаешь о себѣ.

Лука. Жестокъ твой сей замыслъ и очень шыповатъ. Не можно мнѣ его ни какъ проглотить.

Другъ. Я видь тебѣ говорилъ, что не можешь вкуса слышать.

Лука. Такъ что же вижу въ себѣ? Скажи пожалуй!

Другъ. Видишь въ себѣ то, что ничто—и ничего не видишь.

Лука. Замучилъ ты мене. Какъ же не вижу въ себѣ ничего?

Другъ. Видишь въ себѣ одну землю. Но симъ самымъ ничего не видишь, потому что земля и ничто одно и тоже. Иное видѣть тѣнь дуба, а иное—самое дерево точное. Видишь тѣнь свою, просто сказать, пустошь свою и ничто. А самого тебе отъ рода ты не видывалъ.

Лука. Боже мой! Откуду такія странныя мысли....? Ты наговоришь, что у мене ни ушей, ни очей нѣтъ.

Другъ. И да я уже давно сказалъ, что тебе всего нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Лука. Какъ-же? Развѣ очи мои не очи и уши не уши?

Другъ. Спрошу жъ и я тебе. Скажи: пята твоя и тѣло твое— все ли то одно?

Лука. Пята моя есть послѣдня часть въ тѣлѣ, а голова начало.

Другъ. Такъ я жъ тебѣ твоимъ же отвѣтомъ отвѣщаю, что сіе твое око есть пята или хвостъ въ твоемъ окѣ.

Лука. А самое жъ точное око, главное и начальное око, гдѣ?

Другъ. Я видь говорилъ, что хвостъ только свой видишь, а головы не знаешь. Такъ можно ли узнать человѣка изъ одной его пяты? А какъ ока твоего не видишь кромѣ послѣднія его части, такъ ни уха, ни твоего языка, ни рукъ, ни ногъ твоихъ никогда ты не видалъ, ни всѣхъ твоихъ протчіихъ частей, цѣлаго твоего тѣла, кромѣ послѣднія его части, называемыя пята, хвостъ или тѣнь... Такъ, можешь ли сказать, что ты себе узналъ? Ты самъ себе потерялъ. Нѣтъ у тебе ни ушей, ни ноздрей, ни очей, ни всего тебе, кромѣ одной твоей тѣни.

Лука. Для чего жъ мене тѣнью называешь?

Другъ. Для того что ты существа твоего потерялъ исту, а во всемъ твоемъ тѣлѣ наблюдаешь пяту или хвостъ минуя твою точность и потерялъ главность.

Лука. Да почему же мои члены хвостомъ зовешь?

Другъ. Потому что хвостъ есть послѣдня часть; она послѣдуетъ головѣ, а сама собою ничего не начинаетъ.

Лука. Мучишь мене, другъ любезный. Можетъ быть оно и такъ, какъ сказуешь. Но ты, уничтоживъ мои мнѣнія, своихъ мыслей не даешь.

Другъ. Послушай, душа моя! Я и самъ признаюсь, что точно не знаю. А если тебѣ понравлятся мои мысли, такъ поговоримъ откровеннѣе. Ты видь безъ сомнѣнія знаешь, что называемое нами око, ухо, языкъ, руки, ноги и все наше внѣшнее тѣло само собою ничего не дѣйствуетъ и ни въ чемъ. Но все оно порабощено мыслямъ нашимъ. Мысль, владычица его, находится въ непреривномъ волнованіи день и ночь. Она то разсуждаетъ, совѣтуетъ, опредѣленіе дѣлаетъ, понуждаетъ. А крайняя наша плоть, какъ обузданный скотъ или хвостъ, поневолѣ ей послѣдуетъ. Такъ вотъ видишь, что мысль есть главною нашею точкою и среднею. [1]) А по сему то она часто и сердцемъ называется. И такъ, не внѣшня наша плоть, но наша мысль-то главный нашъ человѣкъ. Въ ней то мы состоимъ. А она есть нами.

Лука. Вотъ! я сему вѣрю. Я примѣтилъ, что, когда я (отселѣ, стану

---

[1]) Mens cujusque, is est quisque. Cicero.

Умъ коегождо той есть кійждо. Цицеронъ. Отсюду у Тевтоновъ человѣкъ нарицается меншъ, сирѣчъ, mens то есть, мысль, умъ; у Еллиновъ же нарицается мужъ, фос, сирѣчъ, свѣтъ, то есть умъ.

Библиотека "Руниверс"

себе мыслію называть) на сторону устремился, тогда безъ мене мое око ничего и самого въ близости видѣть не можетъ. Что жъ оно за такое око, если видѣть не можетъ? Ты его хорошо назвалъ не окомъ, а тѣнью точнаго ока или хвостоямъ [1]). Благодарствую, что ты мнѣ меня найшолъ. Слава Богу! Я теперь, очи, уши, языкъ, руки, ноги и все имѣю. Потерялъ я старое, а найшолъ новое. Прощай, моя тѣнь! Здравствуй, вожделѣнная истина! Ты будь мнѣ обѣтованна земля. Полно мнѣ быть работникомъ. Да я жъ о семъ никогда и не думалъ. Куда! я люблю сіе мнѣніе. Пожалуй! подтверди мнѣ оное. Хощу, чтобъ оно было непоколебимо.

Другъ. Пожалуй, не спѣши! Кто скоро прилѣпляется къ новому мнѣнію, тотъ скоро и отпадаетъ. Не будь вѣтренъ. Испытуй• опасно всякое слово. Въ то время давай мѣсто ему въ сердцѣ твоемъ. Я и самъ сіе мнѣніе несказанно люблю. И желаю, чтобъ оно твоимъ на вѣки было, дабы въ насъ сердце и мысль одна была. И сего сладчае быть ничто не можетъ. Но пожалуй же, ражжуй первѣе хорошенько. Потомъ въ радости и въ простотѣ сердца принимай. Будь простъ. Но будь при томъ обережливъ. Если мое мнѣніе тебѣ нравно, то знай, что оно не мой вымыслъ есть. Вглянь на Іеремію въ гл. 17-й въ стихѣ 9-томъ.

Лука. Боже мой! Самаго точнаго увижу Іеремію, если мысль его увижу. Но пожалуй точныя его слова...

Другъ. Вотъ тебѣ! *Глубоко сердце человѣку, паче всѣхъ, и человѣкъ есть; и кто познаетъ Его?* Если теперь очи и уши имѣешь, примѣчай! А чувствуешь ли?

Лука. Чувствую, другъ мой. Пророкъ называетъ человѣкомъ сердце.

Другъ. А чтожъ кромѣ сего примѣчаешь?

Лука. То, что утаенная мыслей нашихъ бездна и глубокое сердце все одно. Но удивительно! Какъ то возможно, что человѣкомъ есть не внѣшняя или крайняя его плоть, какъ народъ разсуждаетъ, но глубокое сердце или мысль его: она то самымъ точнымъ есть человѣкомъ и главою. А внѣшняя его наружность есть ни иное что, какъ тѣнь, пята и хвостъ.

Другъ. Вотъ видишь? Уже начинаешь отпадать. Легко ты съ начала повѣрилъ. Для того стала скоро оскудѣвать вѣра твоя. Что вдругъ зажигается, тое вдругъ и угасаетъ. Но твердое дѣло съ косностію укрѣпляется, потому что совѣтъ не бываетъ безъ медленности. Ахъ! земля прилипчива есть. Не вдругъ можно вырвать ногу изъ клейкихъ,

---

[1]) Coeci sunt oculi, ubi mens aliud agit. Proverbium.

Слѣпы суть очи, буде умъ иное дѣетъ, сирѣчь, аще инде устранился. Древня притча.

Библиотека "Руниверс"

плотскихъ мнѣній. Они то, въ насъ вкоренившись, называются повѣріемъ. Плотскаго нашего житія плотская мысль началомъ и источникомъ есть, по землѣ ползетъ, плоти желаетъ, грязную нашу пяту наблюдаетъ и бережетъ око сердца нашего, совѣтъ нашъ.... Но кто намъ сотретъ главу зміину? Кто выколетъ вранови ока, вперившееся въ ночь? Кто намъ уничтожитъ плоть? Гдѣ Финеесъ, пронзающій блудницу? Гдѣ ты, мечу Іереміинъ, опустошающій землю?... Но сыскалъ Богъ мудраго противу мудраго, змія на змія, сѣмя противу сѣмени, землю вмѣсто земли, рай вмѣсто ада, вмѣсто мертваго живое, вмѣсто лжи правду свою... Се! Спаситель твой грядетъ, имѣя со собою воздаяніе.

Лука. Говори пожалуй пояснѣе. Ничего не понимаю.

Другъ. Но кто вкусъ можетъ слышать, не имѣя вѣры? Вѣра, свѣтъ во тмѣ видящая, страхъ Божій, плоть прободающій, крѣпка, яко смерть, любовь Божія—вотъ единственна дверь къ райскому вкусу. Можешь ли вѣрить, что чистѣйшій духъ весь пепелъ плоти твоя содержитъ?

Лука. Вѣрую. Но самъ чувствую слабость вѣры моея... Пособи, если можешь, выдраться изъ грязи невѣрія. Признаюсь, что сіе слово вѣра въ грязныхъ моихъ устахъ мечтается за одинъ только обычай, а вкуса въ ней ничего не слышу.

Другъ. По крайней мѣрѣ, знаешь, куда смотритъ вѣра?

Лука. Знаю, что должно вѣровать въ Бога. А въ протчемъ ничего тебѣ не скажу.

Другъ. О бѣдный и безплодный человѣче! Знай же, что вѣра смотритъ на то, чего пустое твое око видѣть не можетъ.

Лука. Что за пустое такое око?

Другъ. Уже говорено, что вся плоть пустошь.

Лука. И да! я въ цѣлой поднебесной ничего другаго не вижу, кромѣ видимости, или, по твоему сказать, плотности или плоти.

Другъ. Такъ по сему ты невѣрный язычникъ и идолопоклонникъ.

Лука. Какъ же идолопоклонникъ, если вѣрую во единаго Бога.

Другъ. Какъ же вѣруешь, если кромѣ видимости ничего не видишь? Видь вѣра пустую видимость презираетъ, а опирается на томъ, что въ пустошѣ, головою, силою есть и основаніемъ и никогда не погибаетъ.

Лука. Такъ по сему другаго ока надобно, чтобъ еще повидѣть и невидимость?

Другъ. Скажи лучше такъ, что надобное для тебе истинное око. Дабы ты могъ истину въ пустошѣ усмотрѣть. А старое твое око ни куда не годится. Пустое твое око смотрить во всемъ на пустошю. Но если бы ты имѣлъ истиннаго въ себѣ человѣка, моглъ бы ты его окомъ во всемъ усмотрѣть истину.

Библиотека "Руниверс"

Лука. Какъ же сего человѣка нажить?

Другъ. Если его узнаешь, то и достанешь его.

Лука. А гдѣ жъ онъ?.. Но прежде отвѣщай: для чего ты говорилъ о вѣрѣ, а теперь объ окѣ?

Другъ. Истинное око и вѣра—все одно.

Лука. Какъ такъ?

Другъ. Такъ, что истинный человѣкъ имѣетъ истинное око, которое, понеже минуя видимость, усматриваетъ подъ нею новость и на ей опочиваетъ, для того называется вѣрою. А вѣровать и положиться на что, какъ на твердое основаніе, все то одно.

Лука. Если находишь во мнѣ два ока, то и два человѣка.

Другъ. Конечно, такъ.

Лука. Такъ довольно и одного. На что два?

Другъ. Глянь на сіе дерево. Если сего дуба не будетъ, можетъ ли стоять тѣнь?

Лука. Я видь не тѣнь. Я твердой корпусъ имѣю.

Другъ. Ты-то тѣнь! Тма и тлѣнь! Ты соніе истиннаго твоего человѣка. Ты риза, а онъ тѣло. Ты привидѣніе, а онъ въ тебѣ истина. Ты-то ничто, а онъ въ тебѣ существо. Ты грязь, а онъ твоя красота, образъ и планъ, не твой образъ и не твоя красота, понеже не отъ тебе, да только въ тебѣ и тебе содержитъ. О прахъ и ничто! А ты его по тѣхъ мѣстъ не узнаешь, поколь не признаешься со Авраамомъ въ томъ, что ты земля и пепелъ. А теперь кушай землю. Люби пяту свою. Ползай по землѣ. О сѣмя зміино и тѣнь безбытная! Прійдетъ богообѣщанный тотъ день, въ которой благословенное чистыя души слово лукавый совѣтъ твой уничтожитъ сей. *Той сотретъ твою главу.*

Разговоръ 2-й о томъ же: знай себе.

Лица: Клеопа, Лука и Другъ.

Клеопа. Правду говоришь. Однако панъ Сомнасъ сколько ни велерѣчивъ, я въ немъ вкуса не слышу. Пойдемъ опять къ нашему Другу. Слова его ѣдкіи, но не знаю, какъ то пріятны.

Лука. А вотъ онъ и самъ къ намъ...

Другъ. Тѣнь мертвая! Здравствуйте!

Лука. Здравствуй, Мысль! Духъ! Сердце! Видь се твой человѣкъ? Пересказали мы твои мысли нашимъ книгочимъ. Они говорили, что долженъ ты свое мнѣніе въ натурѣ показать.

Другъ. Что се значитъ—въ натурѣ показать?

Лука. Я сего не знаю.

Клеопа. Какъ сего не знать? Должно показать, что не только

Библиотека "Руниверс"

въ одномъ человѣкѣ, но и въ протчіихъ тваряхъ невидимость первенствуетъ.

Лука. Такъ точно. Затѣмъ хотѣли къ тебѣ ити.

Другъ. А вы доселѣ сего не знаете?

Лука. Конечно, долженъ ты доказать.

Другъ. Вѣрите ли, что есть Богъ?

Лука. Его невидима сила вся исполняетъ и всѣмъ владѣетъ.

Другъ. Такъ чего жъ ты еще требуешь? Ты уже самъ доказалъ.

Лука. Какъ доказалъ?

Другъ. Когда говоришь, что невидима сила все исполняетъ и всѣмъ владѣетъ, такъ не все ли одно сказать, что невидимость въ тваряхъ первенствуетъ? Ты уже самъ назвалъ невидимость головою, а видимость хвостомъ во всей вселенной.

Лука. Такъ возьми что изъ всея вселенныя въ примѣръ для изъясненія.

Другъ. Я тебѣ всю подсолнечную и вси Коперниковы мыры представляю. Возьми изъ нихъ, что хочь. А что говорите, показать въ натурѣ, то должно было сказать: изъясни намъ притчами или примѣрами и подобіями то, что человѣкъ состоитъ не во внѣшней своей плоти и крови, но мысль и сердце его—то истинный человѣкъ есть. Взглянь на стѣну сію. Что на ней видишь?

Лука. Вижу написаннаго человѣка. Онъ стоитъ на зміѣ, раздавивъ ногою голову зміину.

Другъ. Видь живопись видишь? Вижу. Скажишь, что такое живописью почитаешь? Краски ли, или закрытый въ краскѣ рисунокъ?

Лука. Краска не иное что какъ порохъ и пустоша; рисунокъ или пропорція и расположеніе красокъ—то сила. А если ея нѣтъ, въ то время краска грязь и пустошь одна.

Другъ. Что-жь еще при сей живописи видишь?

Лука. Вижу приписанныя изъ Библіи слова. Слушайте! Стану ихъ читать. *Мудраго очи его—во главѣ его. Очи же безумныхъ—на концахъ земли.*

Другъ. Ну! Если кто краску на словахъ видитъ, а писменъ прочесть не можетъ, какъ тебѣ кажется? Видитъ ли такій письмена?

Лука. Онъ видитъ плотянымъ окомъ одну послѣднюю пустошу или краску въ словахъ, а самыхъ въ письмѣ фигуръ не разумѣетъ, одну пяту видитъ, не главу.

Другъ. Право судилъ еси. Такъ посему, если видишь на старой въ Ахтыркѣ церквѣ кирпичъ и ванну, а плана ея не понимаешь; какъ думаешь—усмотрѣлъ ли и узналъ ея?

Лука. Никакъ! Такимъ образомъ, одну только крайнюю и послѣднюю наружность вижу въ ней, которую и скотъ видитъ, а симметріи

Библиотека "Руниверс"

ея или пропорціи и размѣра, который всему связь и голова матеріалу, понеже въ ней не разумѣю; для того и ея не вижу, не видя ея головы.

Другъ. Добрый твой судъ. Скинь же теперь на счеты всю сумму.

Лука. Какъ?

Другъ. А вотъ какъ! Что въ краскахъ рисунокъ, тоже самое есть фигурою въ письменахъ, а въ строеніи планомъ. Но чувствуешь ли, что вси сіи головы, какъ рисунокъ, такъ фигура и планъ, и симметрія и размѣръ не иное что есть какъ мысли?

Лука. Кажется, что такъ.

Другъ. Такъ для чего же не постигаешь, что и въ протчіихъ тваряхъ невидимость первенствуетъ не только въ человѣкѣ? Тожъ разумѣть можно о травахъ и деревахъ и о всемъ протчемъ. Духъ все-навсе вылѣпливаетъ. Духъ и содержитъ. Но наше око пяту блюдетъ и на послѣдней наружности находится, минуя силу, начало и голову. И такъ, хотя бы мы одно безъ души тѣло были, то и въ самое то время еще не довольно самихъ себя понимаемъ.

Лука. Для чего?

Другъ. Для того, что, почитая въ тѣлѣ нашемъ наружный прахъ, не поднимаемся мыслію во планѣ, содержащемъ слабую сію персть. И никогда вкуса не чувствуемъ въ словахъ сихъ Божіихъ, ползущее по землѣ наше понятіе къ познанію истиннаго нашего тѣла возвышающихъ, а именно: *Не бойся Іякове! Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя*... Но поступимъ по-вышше.

Клеопа. Мы вышше поступать еще не хощемъ, а сумнѣніе имѣемъ. И желаемъ хорошенько узнать то, что называешь истиннымъ тѣломъ. Намъ дивно, что...

Другъ. Что такое дивно? Не Богъ ли все содержитъ? Не самъ ли глава и все во всемъ? Не онъ ли истиною въ пустошѣ истиннымъ и главнымъ основаніемъ въ ничтожномъ прахѣ нашемъ? И какъ сумнишся о точномъ, вѣчномъ и новомъ тѣлѣ? Не думаешь ли сыскать, что ни есть такое, въ чемъ бы Богъ не правительствовалъ за голову и вмѣсто начала? Но можетъ ли что бытіе свое кромѣ его имѣть. Не онъ ли бытіемъ всему? Онъ въ деревѣ истиннымъ деревомъ, въ травѣ травою, въ музыкѣ музыкою, въ домѣ домомъ, въ тѣлѣ нашемъ перстномъ новымъ есть тѣломъ точностію или главою его. Онъ всячиною есть во всемъ, потому что истина есть Господня; Господь же Духъ и Богъ— все одно есть. Онъ единъ, дивное во всемъ и новое во всемъ дѣлаетъ самъ собою, и истина его во всемъ во вѣки пребываетъ, протчая же вся крайняя наружность не иное что токмо тѣнь его и пята его и подножіе его и обвѣтшающая риза... Но *мудраго очи его во главѣ его; очи же безумныхъ—на концахъ земли.*

Библиотека "Руниверс"

Разговоръ 3-й о томже: знай себе.

Лица: Клеопа, Филонъ, Другъ.

Клеопа. Ахъ! Перестань пожалуй. Не сумнѣвался. Онъ человѣкъ добрый и ничіею не гнушается дружбою. Мнѣ твое доброе сердце извѣстное, а онъ ничего кромѣ сего не ищетъ.

Филонъ. Я знаю многихъ ученыхъ. Они горды. Не хотятъ и говорить съ поселяниномъ.

Клеопа. Пожалуй же повѣрь.

Другъ. О чемъ у васъ споръ?

Клеопа. Ба! а мы нарочно къ тебѣ... Вотъ мой товарищъ. Пожалуй не погнѣвайсь.

Другъ. За что? *Человѣкъ зритъ на лице, а Богъ зритъ на сердце.* А Лука гдѣ?

Клеопа. Не можетъ понять твоихъ рѣчей. Онъ прилѣпился къ Сомнасу при вчерашнемъ разговорѣ, а намъ твои новинки милы.

Другъ. О чемъ была рѣчь?

Клеопа. Помнишь ли, Филонъ.

Филонъ. Помню. Была рѣчь о безднѣ.

Клеопа. А! а! вотъ слова!.. *и тма верху бездны.*

Филонъ. Потомъ споръ былъ о какихъ то старыхъ и новыхъ мѣхахъ и о винѣ.

Клеопа. Одинъ спорилъ, что бездною называется небо, на которомъ плаваютъ планеты, а господинъ Навалъ кричалъ, что точная бездна есть окіанъ великій; иный клялся, что чрезъ то значится жена; иный толковалъ ученіе и протч., и протч.

Другъ. Если хощемъ измѣрить небо, землю и моря, должны вопервыхъ измѣрить самихъ себе съ Павломъ собственною нашею мѣрою. А если нашея, внутрь насъ, мѣры не сыщемъ, то чѣмъ измѣрить можемъ? А не измѣривъ себе прежде, что пользы знать мѣру въ протчіихъ тваряхъ? Да и можно ли? Можетъ ли слѣпъ въ домѣ своемъ быть прозорливымъ на рынкѣ? Можетъ ли сыскать мѣру, не уразумѣвъ, что ли есть мѣры? Можетъ ли мѣрить, не видя земди? Можетъ ли видѣть, не видя головы ея? Можетъ ли усмотрѣть голову и силу ея, не сыскавъ и не уразумѣвъ своея въ самомъ себѣ? Голова головою и сила понимается силою.

Клеопа. Не можно ли поговорить простѣе?

Другъ. Измѣрить и узнать мѣру есть одно. Если бы ты долготу и широту церкви измѣрилъ сажнемъ или веревкою, какъ тебѣ кажется? Узналъ ли ты мѣру ея?

Клеопа. Не думаю. Я бы узналъ одно только пространство мате-

Библиотека "Руниверс"

ріаловъ ея; а точную ея мѣру, содержащую матеріалы, въ то время узнаю, когда понимаю планъ ея.

Другъ. Такъ посему хотя бы всѣ Коперниканскія мыры перемѣрилъ, не узнавъ плана ихъ, который всю внѣшность содержитъ, то бы ничего изъ того не было.

Клеопа. Думаю, что какъ внѣшность есть пуста, такъ и мѣра ея.

Другъ. Но кто можетъ узнать планъ въ земныхъ и небесныхъ пространныхъ матеріалахъ, прилѣпившихся къ вѣчной своей симметріи, если его прежде не могъ усмотрѣть, въ ничтожной плоти своей? Симъ планомъ все-на-все созданно или слѣплено. И ничто держаться не можетъ безъ него. Онъ всему матеріалу цепь и веревка. Онъ-то есть рука десная, перстъ, содержащій всю персть и пядь Божія, всю тлѣнь измѣрившая и самый ничтожный нашъ составъ; Слово Божіе, совѣты и мысли его—сей есть планъ, по всему матеріалу во во-все-вселенной не чувствительно простершійся, все содержащій и исполняющій. Сія есть глубина богатства и премудрости его. И что можетъ обширнѣе разлиться, какъ мысли? О сердце! Бездно всѣхъ водъ и небесъ ширшая!... Коль ты глубока! Все объемлешь и содержишь, а тебе ничто не вмѣщаетъ.

Клеопа. Правду сказать, помню слово Іереміино сіе: *глубоко сердце человѣку паче всѣхъ и человѣкъ есть...*

Другъ. Вотъ сей же то человѣкъ содержитъ все! Онъ то утверждаетъ плотскія твои руки и ноги. Онъ голова и сила очей твоихъ и ушей. А если ему вѣрить можешь, *не отемнѣютъ очи твои и не истлѣютъ уста твоя во вѣки вѣковъ.*

Клеопа. Вѣрую и понуждаю сердце мое въ послушаніи вѣры. Но не можно ли хотя маленько мене подкрѣпить? Прошу не гнѣваться. Чѣмъ вышше въ понятіе не видимости взыйду, тѣмъ крѣпша будетъ вѣра моя.

Другъ. Праведно требуешь, для того что Богъ отъ насъ ни молитовъ ни жертвъ принять не можетъ, если мы его не узнали. Люби его и приближайся къ нему всегда, сердцемъ и познаніемъ приближайся, не внѣшними ногами и устнами. Сердце твое есть голова внѣшностей твоихъ. А когда голова, то самъ ты еси твое сердце. Но, если не приближишься и не сопряжешься съ тѣмъ, кой есть твоей головѣ головою, то останешься мертвою тѣнью и трупомъ. Если есть тѣло надъ тѣломъ: тогда есть и голова надъ головою и вышше стараго новое сердце. Ахъ! не стыдно ли намъ? и не жалко ли? Что Богъ суда себѣ отъ насъ проситъ, да и не получаетъ.

Клеопа. Возможно ли? Какъ такъ?

Другъ. Соперники его—идолы и кумиры. Сихъ то, сидя на судѣ, оправдаемъ.

Библиотека "Руниверс"

Клеопа. Ужасная обида! и ея не понимаю.

Другъ. Не понимаешь? Вотъ самъ сей-же часъ будешь судіею противу его.

Клеопа. Боюсь. Но пожалуй, подкрѣпи мнѣ мое невѣріе о безсмертномъ тѣлѣ. Любы мнѣ твои слова сіи: *не отемнѣютъ очи твои...*

Другъ. Ну! скажи мнѣ. Если бы твое внѣшнее тѣло или скотское чрезъ 1000-щу лѣтъ невредимо было, любилъ ли бы ты плоть свою?

Клеопа. Сему статься нельзя. А если бы можно, нельзя не любить.

Другъ. Знай же, что ты себе самого ни мало еще не узналъ.

Клеопа. По крайней мѣрѣ знаю, что тѣло мое на вѣчномъ планѣ основанно. И вѣрую симъ обѣщаніямъ Божіимъ: *се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя...*

Другъ. Если бы ты въ строеніи коего-то дома планъ узналъ и силу стѣнъ его, довольно ли то ко познанію совершенному онаго дома?

Клеопа. Не думаю. Надобно, кажется, еще знать и то, для которыхъ совѣтовъ или дѣлъ тотъ домъ построенъ—бѣсамъ ли въ немъ жертву приносятъ или невидимому Богу, разбойническое ли жилище, или ангельское селеніе?

Другъ. И мнѣ кажется, что не довольно понимаешь, напримѣръ, сосудъ глиняный, если разумѣешь одну его фигуру, на грязи изображенную, а не знаешь, чистымъ ли или нечистымъ наполненъ ликеромъ или питіемъ?

Клеопа. Теперь понимаю, что тѣло мое есть точно то, что стѣны храма или то, что въ сосудѣ черепъ. А сердце и мысли мои то, что во храмѣ жертвоприношеніе или то, что въ сосудѣ вода. И какъ стѣны суть дешевлѣе жертвъ потому, что они для жертвъ, не жертвы для стѣнъ и черепъ для воды, не вода для сосуда, такъ и душа моя: мысли и сердце есть лучшее моего тѣла.

Другъ. Но скажи мнѣ. Если бы тіи стѣны прекрасныи развалилися, погибли ли бы они? Пропалъ ли бы тотъ сосудъ, еслибъ его черепъ фигурный расшибся?

Клеопа. Тфу! Сіе и младенецъ разумѣетъ. Конечно онъ не цѣлый, если...

Другъ. Не радуйся-жъ, мой Израилю, и не веселися. Заблудилъ ты отъ Господа Бога твоего. Не слыхалъ ли ты отъ пророковъ никогда, что Богъ судъ имѣетъ со соперникомъ своимъ землею?

Клеопа. Да кто можетъ его судить?

Другъ. Уже ты далъ судъ твой на него, уничтоживъ сторону его.

Клеопа. Коимъ образомъ?

Другъ. Кто неправеднаго оправдалъ, безъ сумнѣнія обидилъ невиннаго. А оправдать обоихъ никакъ нельзя. Таковъ то судія былъ, каковъ ты, Ефремъ, котораго нѣкто изъ пророковъ называетъ голу-

Библиотека "Руниверс"

бомъ безумнымъ, лишеннымъ сердца. Да и не дивно, потому что, по сказкѣ того же пророка, на подобіе печи, огнемъ ражженныя, толь вси судіи страстію къ видимости разгорѣлись, что вси наставники съ землею сляглися и не было ни одного, которій бы былъ пріятель Богу.

Клеопа. Умилосердись. Скажи, кой я судъ произнесъ противу Бога?

Другъ. Такъ! Ты, влюбясь въ землю, отдалъ ей судомъ твоимъ то, что единственно къ Богу принадлежитъ.

Клеопа. Не понимаю.

Другъ. Слушай! Голубъ темноокій! Не Божія ли есть сила? И не Господня ли крѣпость?

Клеопа. Да кто-жь о семъ споритъ?

Другъ. Какъ же ты дерзнулъ сказать, что при разбитіи черепа сосудъ пропалъ? Смѣешь ли сосудъ утвердить на прахѣ, а не въ Богѣ? Кая твердость быть можетъ въ томъ, что всеминутно подверженно развалинамъ и перемѣнамъ? Не Божій ли, невидимый перстъ, содержитъ въ стѣнахъ прахъ? Не онъ ли голова въ стѣнахъ? Не стѣна ли вѣчна, если главное начало ея вѣчное? Какъ же ты посмѣлъ, уничтоживъ голову, возвеличить хвостъ, присудивъ тлѣнію безвредность, праху твердость, кумиру божество, тмѣ свѣтъ, смерти животъ? Вотъ нечестивый на Бога судъ и совѣтъ! Вотъ лукавое лукаваго змія око, любящее пяту, а не главу Христа Іисуса. *Иже есть всяческая во всемъ...* Не ты ли сказалъ, что нельзя не любить тлѣннаго тѣла, еслибъ оно чрезъ 1000-щу лѣтъ невредимо было? И какъ можешь сказать, что ты по крайней мѣрѣ узналъ твое тѣло? Да и къ чему хвалишся Божіими сими милостивыми словами? *Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя и предо мною еси присно.* Можетъ ли тлѣнь стоять всегда, то есть вѣчно? Можетъ ли недостойное честнымъ быть? а тма свѣтомъ? и зло добромъ? Не все ли одно увѣриться праху ногъ твоихъ и положиться на серебряннаго кумира? Все то идолъ, что видимое. Все то безчестное, что тлѣнное. Все то тма и смерть, что преходящее... Смотри на земленность плоти твоея. Вѣришь ли, что въ семъ твоемъ прахѣ зарыто сокровище? то есть таится въ немъ, невидимость и перстъ Божій, прахъ твой сей и всю твою персть сію содержащій?

Клеопа. Вѣрую.

Другъ. Вѣруешь-ли, что Онъ есть голова и первоначальное основаніе и вѣчный планъ твоей плоти?

Клеопа. Вѣрую.

Другъ. Ахъ! Когда бы ты вѣрилъ, никогда бы ты не говорилъ, что тѣло твое пропадаетъ при разсыпаніи праха твоего. Видишь одно скотское въ тебѣ тѣло. Не видишь тѣла духовнаго. Не имѣешь жезла и духа къ двойному раздѣленію. Не чувствуешь вкуса въ тѣхъ Божіихъ словахъ: *аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста моя будеши.*

Библиотека "Руниверс"

Клеопа. Не понятно мнѣ то, какимъ образомъ присудилъ я кумиру божество, а животъ тому, что мертвое. Слыхалъ я, что погибшій есть тотъ, кто называетъ свѣтъ тмою, а горькое сладкимъ.

Другъ. Не удивляйся, душа моя! Всѣ мы любопрахи. Кто только влюбился въ видимость плоти своея, не можетъ не гоняться за видимостью во всемъ небесномъ и земномъ пространствѣ. Но для чего онъ ея любитъ? Не для того ли, что усматриваетъ въ ней свѣтлость и пріятность, жизнь, красу и силу?

Клеопа. Конечно для того.

Другъ. Такъ не все жъ ли одно: почитать идола за живое и присудить ему жизнь; а ему умрѣти должно? Мнѣ кажется тоже: почитать горькое сладкимъ и дать судъ въ томъ, что медовая сладость принадлежитъ къ желчи. Но можно ли желчи сладость присудить безъ обиды меду? Вотъ какимъ образомъ всѣ собираемся на Господа и на Христа Его! Онъ кричитъ: моя крѣпость и сила! Во мнѣ путь, истина и животъ. А мы судимъ, что все сіе принадлежитъ къ внѣшней плоти и къ плотской внѣшности. И сей судъ нашъ несумнѣнно подтверждаемъ таковымъ же житіемъ нашимъ предъ людьми.

Клеопа. Вижу теперь вину свою. И ужасно удивляюся, что за тма наши очи покрыла. Столько пророки вопіютъ: *Духъ, Духъ! Богъ, Богъ!* Всяка внѣшность есть трава, тѣнь ничто, а мы ропщемъ, тужимъ, когда плоть наша увядаетъ, слабѣетъ и прахъ переходитъ къ праху. Можно ли сыскать упрямѣйшую и жестоковыйнѣйшую несчастливость..

Другъ. Сему я часто дивлюся. Теперь, думаю, понимаешь, что то за судъ, котораго насъ толь ревностно и единственно требуетъ Богъ чрезъ пророковъ? И какъ можемъ дать добрый судъ меншимъ нашимъ братіямъ, обидивъ первороднаго брата, Христа Іисуса? Онъ первый сирота, что всѣ его оставили. Онъ первый нищій, что все отъ него отняли. Всѣ за тмою, оставивъ свѣтъ, пошли, побѣжали.

Клеопа. Но откуда въ насъ проклятое сіе сѣмя рождается? Если земля проклята, тогда и любовь къ ней.

Другъ. Хорошо мысли называешь сѣмямъ. Сѣмя есть началомъ плодовъ. А совѣтъ въ сердцѣ—голова нашихъ дѣлъ. Но понеже сердце наше есть точнымъ человѣкомъ, то и видно, кого премудрость Божія называетъ сѣмямъ, и чадами зміиными. Сіи люде люблятъ землю, а она есть пята и подножіе Божіе и тѣнь. По сей то причинѣ ни чѣмъ они не сыты. Блаженъ, если въ чіемъ сердцѣ проклята сія голова раздавленна. Она то насъ выводитъ въ горести, а намъ во мнимыя сладости. Но откуду сей змій въ сердце зароживается? Ты ли спрашуешь?

Клеопа. Хощу знать.

Другъ. Откуду злое сѣмя на грядкахъ огородныхъ? Полно вездѣ

Библиотека "Руниверс"

всякихъ совѣтовъ. Не убережешся, чтобы не родилось. Но что дѣлать? Сыне! Храни сердце твое! Стань на стражѣ со Аввакумомъ. Знай себе. Смотри себе. Будь въ домѣ твоемъ. Бережи себе. Слышь! Береги сердце.

Клеопа. Да какъ себе беречь?

Другъ. Такъ какъ ниву. Выплѣняй или искореняй и вырывай всякій совѣтъ лукавый, все злое сѣмя змiино.

Клеопа. Что есть совѣтъ лукавый и сѣмя змiино?

Другъ. Любить и оправдать во всякомъ дѣлѣ пустую внѣшность или пяту.

Клеопа. Скажи простѣе.

Другъ. Не вѣрь, что рука твоя согніетъ, а вѣрь, что она вѣчна въ Бозѣ. Одна тѣнь ея гибнетъ, не истиная рука; истинная же рука и истина есть вѣчна, потому что невидима, а невидима потому, что вѣчна.

Клеопа. Сіи мысли чудныи.

Другъ. Конечно новыи. Если же содержаніе твоея руки присудишь плотской тлѣни, а не Божіей невидимости, тогда будешь старымъ мѣхомъ, надутымъ бездною мыслей непросвѣщенныхъ потоль, поколь возможешь сказать: *Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ...* А сіе сдѣлается присотвореніи новаго неба и земли. *Се азъ новая сотворю!* Глаголетъ Господь. Исаіа.

Разговоръ 4-й о томъ же: знай себе.

Лица: Лука, Клеопа, Филонъ, Другъ.

Лука. По сему весьма не малое дѣло узнать себе.

Другъ. Одинъ трудъ въ обоихъ сихъ—познать себе и уразумѣть Бога, познать и уразумѣть точнаго человѣка. Весь трудъ и обманъ отъ его тѣни, на которой всѣ останавливаемся. А видь истинный человѣкъ и Богъ есть тожде. И никогда еще не бывала видимость истиною, а истина видимостью. Но всегда во всемъ тайная есть и невидима истина, потому что она есть Господня. А Господь и Духъ, плоти и костей неимущій, и Богъ—все то одно. Видь ты слышалъ рѣчи истиннаго человѣка. Если (де) не узнаешь себе, о добрая жено, тогда паси козлы твои возлѣ шалашей пастушскихъ. Я (де) тебѣ не мужъ, не пастырь и не господинъ. Не видишь мене потому, что себе не знаешь. Пойди изъ моихъ очей и не являйся! Да и не можешь быть предо мною, поколь хорошо себе не уразумѣешь. Кто себе знаетъ, тотъ одинъ можетъ запѣть: *Господь пасетъ мя...*

Клеопа. А мы изъ послѣдняго разговора имѣемъ нѣкоторыя сумнѣнія.

Библиотека "Руниверс"

Другъ. Когда рѣчь идетъ о важномъ дѣлѣ, то и не дивно. Но что за сумнѣнія?

Клеопа. Первое. Ты говорилъ, что человѣкъ, влюбившійся въ видимую плоть, для того вездѣ гонится за видимостью, понеже усматриваетъ въ ней свѣтлость и пріятность, жизнь, красу и силу.

Другъ. А вы какъ думаете?

Клеопа. Намъ кажется для того, что не можетъ вѣрить о пребываніи невидимости и думаетъ, что одно только то бытіе свое имѣетъ, что плотяными руками ощупать можетъ и что въ тлѣнныхъ его очахъ мечтается. Въ протчемъ онъ и самъ понять можетъ и совершенно знаетъ, что все то преходитъ, что онъ любитъ. По сему-то онъ и плачетъ, когда оно его оставляетъ, разсуждая, что оно уже совсѣмъ пропало, подобно какъ младенецъ рыдаетъ о разбитомъ орѣхѣ, не понимая, что орѣшная сущая иста состоитъ не въ коркѣ его, но въ зернѣ, подъ коркою сокровенномъ, отъ котораго и самая корка зависитъ.

Другъ. Сія есть самая правда, что былъ бы весьма глупъ землѣдѣлъ, если бы тужилъ о томъ, что на его нивѣ начало пшеничное стебло въ мѣсяцѣ августѣ сохнуть и дряхлѣть, не разсуждая, что въ маленькомъ, закрытомъ зернѣ закрылась и новая солома, весною наружу выходящая, а вѣчное и истинное свое пребываніе въ зернѣ невидимо закрывшая. Но не все же ли то одно—причитать соломѣ силу ея и существо, а не главѣ ея или зерну и не вѣрить, ниже поминать о пребываніи зерна? Для того-то (на примѣръ) судія присудилъ двоюродному брату власть и силу въ наслѣдіи, понеже увѣренъ, что роднаго наслѣдника въ живыхъ нѣтъ. И сей то есть той нечестивый судъ, о которомъ въ послѣднемъ разговорѣ ищла межъ нами рѣчь.

Клеопа. Другое сумнѣніе. Я сказалъ видь такъ: помню слово Іереміино сіе—*глубоко сердце человѣку паче всѣхъ и оно то истинный человѣкъ есть*... А ты къ симъ словамъ присовокупилъ слѣдующее: вотъ сей же то человѣкъ и содержитъ все и протчая.

Другъ. Такъ въ чемъ же сумнишся?

Клеопа. Я безъ сумнѣнія понимаю, что всѣ внѣшніи наши члены закрытое существо свое въ сердцѣ имѣютъ, такъ какъ пшеничная солома содержится въ своемъ зернѣ. Она, изсохши и издряхлѣвши, то закрывается при согнитіи въ зернѣ, то опять наружу въ зелености выходитъ и не умираетъ, но обновляется и будто перемѣняетъ одѣяніе. Но понеже на всѣхъ, безъ изъему, людяхъ видимъ внѣшніи члены, которыи свидѣтельствуютъ и о зернѣ своемъ, то есть, что всякъ съ нихъ имѣетъ и сердце, которое (какъ пророкъ Божій учитъ) точнымъ есть человѣкомъ и истиннымъ, а сіе есть великое дѣло, такъ что се будетъ? Всѣмъ ли быть истиннымъ человѣкомъ? И кая разнь межъ добрымъ мужемъ и злымъ?

Библиотека "Руниверс"

Другъ. Не такъ! Отведи мысли твои на время отъ человѣка и посмотри на протчую природу. Не всякій орѣхъ и не всякая солома со зерномъ.

Клеопа. Ужасное позорище!

Другъ. Не бойся! Знаю. Ты, осмотрясь на людей, ужаснулся. Но видь видишь, что сіе въ природѣ не новое. Довольно сего водится въ земляныхъ плодахъ и въ древесныхъ. Но нигдѣ больше не бываетъ, какъ въ людяхъ. Весьма тотъ рѣдокъ, кто сохранилъ сердце свое или, какъ обще говорятъ, спаслъ душу свою. А какъ научилъ насъ Іеремія, и ему вѣруемъ, что истиннымъ человѣкомъ есть сердце въ человѣкѣ, глубокое же сердце и одному только Богу познаваемое не иное что есть, какъ мыслей нашихъ не ограниченная бездна, просто сказать, душа, то есть истое существо и сущая иста и самая ессенціа (какъ говорятъ) и зерно наше и сила, въ которой единственно состоитъ родная жизнь и животъ нашъ, а безъ нея мертвая тѣнь есмы, то и видно, коль несравненная тщета потерять себе самого, хотя бы кто завладѣлъ всѣми Коперниковыми мырами. Но никогда бы сего не было, если бы старалися люде уразумѣть, что значитъ человѣкъ и быть человѣкомъ, то есть, если бы самихъ себе узнали.

Клеопа. Ахъ! не могу сего понять, потому что у каждаго свои мысли и не ограниченныи стремленія какъ молнія въ безмѣрныи разстоянія раскидаются, ни однымъ пространствомъ невмѣщаемыи и никіимъ временемъ не усыпаемыи, одному только Богу извѣстныи...

Другъ. Перестань! Не такъ оно есть. Правда, что трудно изъяснить, что злыи люде сердце свое, тоесть, самихъ себя потеряли. И хотя межъ нами въ первомъ разговорѣ сказано, что, кто себе не узналъ, тотъ тѣмъ самымъ потерялся, однако жъ для лучшія увѣренности вотъ тебѣ голосъ Божій! *Послушайте мене, погублшіи сердце, сущіи далече отъ правды.*

Клеопа. Ахъ! мы всему вѣруемъ. Но какъ они потеряли? Видь и у нихъ мысли также плодятся и разливаются. Чего они себѣ не воображаютъ? Чего не обнимаютъ? Цѣлый мыръ ихъ вмѣстить не можетъ. Ничто имъ не довлѣетъ. Одно за другимъ пожираютъ, глотаютъ и не насыщаются. Такъ не безденная ли бездна сердце ихъ? Ты сказалъ, что сердце, мысли и душа—все то одно. Какъ же они потерялись?

Другъ. Чего досягнуть не можемъ, не испытуймо. Понудить себе должно и дать мѣсто въ сердцѣ нашемъ помянутому Божію слову. Если его благодать повѣетъ на насъ, тогда все намъ простымъ и прямымъ покажется. Часто мелочей не разумѣемъ самыхъ мелкихъ. А человѣкъ есть онъ маленькій мырокъ и такъ трудно силу его узнать, какъ тяжело во всемырной машинѣ начало сыскать; затвердѣлое наше

Библиотека "Руниверс"

нечувствіе и заобыклый вкусъ причиною есть нашея бѣдности. Раскладывай предъ слѣпцемъ все, что хочешь и сколько хочешь, но все тое для его пустое. Онъ ощупать можетъ, а безъ прикосновенія ничего ни понимаетъ. Сколько разъ слышимъ о воздухѣ? Не по воздухѣ ли опираются птицы? Онъ твердѣе желѣза. Однако деревянную стѣну всякъ скорѣе примѣтить можетъ. А воздухъ почитаютъ за пустошь. Для чего? Для того что не столько онъ примѣтенъ. Стѣну скорѣе ощупаешь. Скорѣе различны краски усмотришь. А воздухъ не столько казистъ. Однакъ крѣпшій камня и желѣза. А нуженъ столь, что дхнуть безъ его нельзя. Вотъ! въ самыхъ мѣлочахъ ошибаемся и слабѣйшее вещество за дѣйствительнѣйшее почитаемъ. Почему? Потому что стѣна грубѣе и нашимъ очамъ погуще балванѣетъ, какъ уже сказано, а воздухъ сокровеннѣе и кажется, будто въ немъ ничего силы нѣтъ, хотя корабли гонитъ и моря движетъ, дерева ламлетъ, горы крушитъ, вездѣ проницаетъ и все снѣдаетъ, самъ цѣлъ пребывая. Видишь, что не такова природа есть, какъ ты разсуждаешь. Въ ней то сильнѣй, что непоказнѣе. А когда что то уже столь закрылося, что ни кіими чувствами ощупать не можно, въ томъ же—то самая сила. Но если о воздухѣ почти увѣриться не можемъ и за ничто почитаемъ, будто бы его въ природѣ не бывало, хотя онъ шумитъ, гремитъ, трещитъ и симъ самымъ даетъ знать о пребываніи своемъ, тогда какъ можемъ почесть то, что очищено отъ всякія вещественныя грязи, утаенно отъ всѣхъ нашихъ чувствъ, свобожденно отъ всѣхъ шумовъ, тресковъ и перемѣнъ, во вѣчномъ покоѣ и въ покойной вѣчности, блаженно пребываетъ? Спортивъ мы отъ самаго начала око нашего ума, не можемъ никакъ проникнуть до того, что одно достойное есть нашего почтенія и любви во вѣки вѣковъ. Пробудися жъ теперь мыслію твоею! И если подунулъ на твое сердце Духъ Божій, тогда долженъ ты теперь усмотрѣть то, чего ты отъ рожденія не видалъ. Ты видѣлъ по сіе время одну только стѣну болванѣющія внѣшности. Теперь подними очи твои, если они озаренны духомъ истины, и взглянь на ее. Ты видѣлъ одну только тму. Теперь уже видишь свѣтъ. Всего ты теперь подвое видишь: двѣ воды, двѣ земли. И вся тварь теперь у тебе на двѣ части раздѣленна. Но кто тебѣ раздѣлилъ? Богъ. Раздѣлилъ Онъ тебѣ все надвое, чтобы ты не смѣшивалъ тмы со свѣтомъ, лжы съ правдою. Но понеже ты не видѣлъ кромѣ одной лжы, будто стѣны, закрывающія истину, для того Онъ теперь тебѣ здѣлалъ новое небо, новую землю. Одинъ онъ творить дивную истину. Когда усмотрѣлъ ты новымъ окомъ и истиннымъ Бога, тогда уже ты все въ немъ, какъ въ источникѣ, какъ въ зерцалѣ увидѣлъ то, что всегда въ немъ было, а ты никогда не видѣлъ. И, что самое есть древнѣйшее, тое для тебя, новаго зрителя,

Библиотека "Руниверс"

новое есть, потому что тебѣ на сердцѣ не всходило. А теперь будто все вновь здѣлано, потому что оно прежде тобою никогда не видѣнно, а только слышанно. И такъ ты теперь видишь двое—старое и новое, явное и тайное. Но осмотрись на самого себе. Какъ ты прежде видалъ себе?

Клеопа. Я видалъ (признаюсь) одну явную часть въ себѣ, а о тайной никогда и не думалъ. А хотя бъ и напомянулъ кто, какъ тое часто и бывало, о тайной, однакъ мнѣ казалось чудно почитать тое, чего нѣтъ, за бытіе и за истинну. Я, напримѣръ, видѣлъ у мене руки, но мнѣ и на умъ не всходило, что въ сихъ рукахъ закрылись другія руки.

Другъ. Такъ ты видѣлъ въ себѣ одну землю и прахъ. И ты доселѣ былъ земля и пепелъ. Кратко сказать, тебе не было на свѣтѣ, потому что земля, прахъ и тѣнь и ничтожная пустошь—все то одно.

Лука. Видь же ты изъ Іереміи доказалъ, что человѣкомъ находится не наружный прахъ, но сердце его. Какъ же Клеопы не было на свѣтѣ? Видь Клеопино сердце всегда при немъ было и теперь есть...

Другъ. Постой! постой! Какъ ты такъ скоро позабылъ—двое, двое? Есть тѣло земляное и есть тѣло духовное, тайное, сокровенное, вѣчное. Такъ для чего же не быть двоимъ сердцамъ? Видѣлъ ты и любилъ болвана и идола въ твоемъ тѣлѣ, а не истинное тѣло, во Христѣ сокровенное. Ты любилъ самъ себе, тоесть, прахъ твой, а не сокровенную Божію истинну въ тебѣ, которыя ты никогда не видѣлъ, не почиталъ ее за бытіе. И понеже не моглъ ощупать, тогда и не вѣрилъ въ ее. И когда тѣлу твоему болѣть опасно довелось, въ той часъ впадалъ въ отчаянье. Такъ что се такое? Не старый ли ты Адамъ? Тоесть, старый мѣхъ съ ветхимъ сердцемъ? Одна ты тѣнь, пустота и ничто съ твоимъ таковымъ же сердцемъ, каковое тѣло твое. Земля въ землю устремилася, смерть къ смерти, а пустота люба пустотѣ. Душа тощная и гладная, пепелъ не хлѣбъ истинный ядущая и питіе свое внѣ рая со плачемъ растворяющая. Слушай! Что о таковыхъ ко Исаіи говоритъ Богъ? *О Исаіе! Знай, что пепеломъ есть сердце ихъ.* И прельщаются. И ни единъ можетъ душы своея избавити... *Помяни сія Іякове и Ізраилю, яко рабъ мой еси ты... Се бо отъяхъ, яко облакъ, беззаконія твоя и, яко примракъ, грѣхи твоя. Обратися ко мнѣ—и избавлю тя...* Нѣкій старинныхъ вѣковъ живописецъ изобразилъ на стѣнѣ какіи то ягоды столь живо, что голосныи птички, отъ природы быстрый имѣющіи взоръ, однакъ билися во стѣну, почитая за истинныя ягоды. Вотъ почему таковыи сердца глотаютъ и насытиться не могутъ! Покажи мнѣ хоть одного изъ такихъ любопраховъ, кой имѣетъ удовольствіе въ душѣ своей. Любовь къ тѣни есть мати глада, а сего отца дщерь есть смерть. Каковое же таковыхъ сердецъ

Библиотека "Руниверс"

движеніе? На то одно движется, чтобъ безпокоиться. Видалъ ли ты по великихъ садахъ большія, круглыя, на подобіе бесѣдокъ, птичіи клѣти?

Лука. Довелось видать въ царскихъ садахъ.

Другъ. Они желѣзными сѣтьми обволоченны. Множество птичокъ—чижовъ, щигловъ непрестанно внутрь ихъ колотятся, отъ одной стороны въ другую бьются, но нигдѣ пролета не получаютъ. Вотъ точное изображеніе сердецъ, о коихъ ты вышше сказывалъ, что они въ разныя стороны какъ молніа мечутся. Мечутся и мучатся въ стѣнахъ заключенныи. Что есть столь узко и тѣсно, какъ видимость? По сей причинѣ называется ровъ. Что фигурѣ (кажется) пролетѣть сквозь сѣть на свободу духа? Но какъ же намъ опять вылетѣть туда, чего за бытіе не почитаемъ? Мы видь давно изъ самаго дѣтска напоенны симъ лукавымъ духомъ, засѣяны симъ зміинымъ сѣмямъ, заняты внѣдрившеюся въ сердцѣ ехидною, дабы одну только грубую видимость, послѣднюю пяту, внѣшнюю тму любить, гониться, наслаждаться всегда и во всемъ? Такъ ли? Такъ! Всегда и во всемъ... Ахъ! Гдѣ ты, мечу Іереміинъ, опустошающій землю? Мечу Павловъ? Мечу Фенеэсовъ..? Заблудили мы въ землю, обнялися съ нею. Но кто насъ избавитъ отъ нея? Вылетитъ ли, какъ птица, сердце наше изъ сѣтей ея? Ахъ! не вылетитъ, потому что сердцемъ ея сердце наше здѣлалось. А когда уже сердце наше, глава наша и мы въ ее претворились, тогда кая надежда въ пепелѣ? Можетъ ли прахъ, во гробѣ лежащій, востать и стать и признать, что еще и невидимость есть, есть еще и духъ? Не можетъ... Для чего? Не можетъ востать и стать предъ Господомъ. Для чего же? Для того, что сей прахъ не можетъ принять въ себе сего сѣмени. Коего? Чтобъ вѣрить, что есть сверхъ еще и то, чего не можемъ ощупать и аршиномъ мѣрить... О сѣмя благословенное! Начало спасенія нашего! Можемъ тебе и принять, но будешь у насъ безплодно. Для чего? Для того, что любимъ внѣшность. Мы къ ней за обыкли. И не допустимъ до того, чтобъ могла согнить на зернѣ вся внѣшняя видимость, а осталася бы сила въ немъ одна невидима, которой увѣриться не можемъ. А безъ сего новый плодъ быть никакъ не можетъ... Такъ насъ заправили наши учители. *Се азъ напитаю ихъ пелынемъ и напою ихъ желчію. Отъ пророковъ бо Іерусалимскихъ изыйде осквернение на всю землю.* Іерем. 23.

Разговоръ 5-й о томъ же: знай себе.

Лица тѣ же.

Филонъ. Отсюду то думаю старинна пословица: *столько глупъ, что двоихъ нащитать не знаетъ.* Но и мы по сіе время одно только

Библиотека "Руниверс"

во всемъ свѣтѣ нащитали, затѣмъ что другаго въ немъ ничего не видали.

Клеопа. Не лучше ли тебѣ сказать? что намъ одна тѣнь была видна. Ничего намъ не было видно. Мы хватали на водѣ одну тѣнь пустую. А теперь похожи на жителя глубокія Норвегіи, который по шестимѣсячномъ зимнемъ мракѣ видитъ чуть-чуть отверзающееся утро и всю тварь, начинающую нѣсколько болванѣть.

Другъ. Если не будете сожимать и отвращать очей, тогда увидите всю тварь просвѣщенну. Не будьте подобны кроту, въ землю влюбившемуся. А какъ только невзначай прорылся на воздухъ,—ахъ! сколь онъ ему противенъ! Приподнимайте очи и приноровливайте оныя смотрѣть на того, который сказуетъ: *азъ есмь свѣтъ міру.* Все, что мы доселѣ видѣли, что такое есть? Земля, плоть, пѣсокъ, пелынь, желчь, смерть, тма, злость, адъ... Теперь начинаетъ свѣтать утро воскресенія. Перестаемъ видѣть то, что видѣли, почитая всю видимость за ничто, а устремивъ очи на то, что отъ насъ было закрыто, а посему и пренебреженно. Мы доселѣ безплотныя невидимости не удостоевали поставить въ число существа и думали, что она мечта и пустоша. Но теперь у насъ напротиву того видимость есть травою, лестью, мечтою и ищезающимъ цвѣтомъ, а вѣчная невидимость находится ей головою, силою, каменемъ основанія и щастіемъ нашимъ. Послушаймо, что говоритъ къ намъ новый и истинный человѣкъ и что обѣщаетъ: *дамъ тебѣ (говоритъ) сокровища темная; сокровенная, невидимая отверзу тебѣ, да увѣси; яко Азъ Господь Богъ твой, прозывая имя твое, Богъ Израилевъ.* Теперь разсуждайте. Нравится ли вамъ переходъ? Или будьте, по прежнему, во видимой землѣ вашей, или очищайте сердце ваше для принятія новаго духа. Кто старое сердце отбросилъ, тотъ сдѣлался новымъ человѣкомъ. Горе сердцамъ затвердѣлымъ...

Лука. Для того то самого смягчить сердце и сокрушить трудно. Закоренѣлое мнѣніе похоже на младенца, возросшаго во исполина. Трудно наконецъ бороться.

Другъ. Но что намъ воспещаетъ въ жизни о семъ разсуждать и разговаривать, а употребить къ сему хотя закомплетное время? Новый духъ вдругъ какъ молнія облистать сердце можетъ. 600 тысящъ вызваны были во обѣтованную землю пѣши; но для чего два только въ ее вошли?

Лука. Два. Сынъ Наунинъ и Халебъ.

Другъ. А вотъ для чего! Тфу! Какъ можетъ то быть, чего видѣть нелзя? Вотъ какая пустошь! *Вскую (зароптали) вводитъ насъ Господь въ землю сію, чтобъ пасти на брани.* Посему, если руки и ноги потерять, что въ насъ будетъ? Не хотимъ мы сего. Гдѣ сіе водится,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ то было да еще сильное тое, чего видишь? Дай намъ вернуться въ нашу старую землю. Не нравится намъ тотъ, кто въ пустоту выводитъ... Слышите ли вы мысли сихъ старовѣрцовъ? Вотъ шестьсотъ-тысящъ дураковъ! Представьте себѣ ветхіи кади, сквернымъ занятыя квасомъ. Можно ли этакимъ скотамъ что либо внушить. По ихъ мнѣнію, нельзя бытія своего Богу имѣть, если онъ захочетъ чистъ быть всякія видимости. Если того нѣтъ, чего не видятъ, такъ Бога давно не стало. Вода прерѣканія! Сѣмя зміино! Сердце невѣрное! Совѣтъ лукавъ! Не сіе ли есть не исповѣдатися Господеви и не призывать имени его? Не таково было въ сердцѣ сѣмя двоихъ тѣхъ благополучныхъ наслѣдниковъ. *И даде Господь Халеву крѣпость. И даже до старости пребысть у него найти ему на высоту земли. И сѣмя его обдержа въ наслѣдіе, яко да видятъ вси сынови Израилевы, яко добро ходити въ слѣдъ Господа. Вси же разнѣвавшіися не узрятъ ю, глаголетъ Господь. Рабъ же мой Халевъ, яко бысть Духъ мой въ немъ, и возслѣдова мнѣ, введу его въ землю, въ нюже ходилъ тамо, и сѣмя его наслѣдитъ ю.*

Клеопа. Посему вся сила въ Богѣ, а не во внѣшней видимости.

Другъ. А чтожъ есть идолопоклонство, если не въ томъ, чтобъ приписовать силу истуканнымъ? Не хочешь рукъ невидимыхъ. Видно, что видимости воздаешь силу и почтеніе твое. Но долго ли сія твоя видимость пребудетъ? На что ты положился? Что есть видима плоть, если не смерть? И на ней то ты основалъ сердце твое и любовь? Всяка внѣшность есть мимо протекающею рѣкою. Не на льду ли ты воткнулъ кущу твою и поставилъ шалашъ твой. Пожалуй перенеси его на твердость; перенеси его во дворы Господни; воткни на новой землѣ. А иначе, что твоя за радость? Кой покой? Не всегда ли опасаешся, что когда либо ледъ однакъ распустится? Когда либо смертное тѣло оставлять надобно. О бѣднѣйшіи, почитающіи тѣло свое тлѣнное и не вѣрующіи новому! Таковыи то *возволнуются и почити не возмогутъ. Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь Богъ.*

Филонъ. Что есть нечестивый?

Другъ. Тлѣніе почитающій.

Филонъ. Какъ?

Другъ. Такъ почитающій, что, если отнять у его тлѣніе, тогда думаетъ, что ему безъ него никакъ бытія своего имѣть не возможно. Не великое ли се почтеніе для праха?

Филонъ. Кажется, что весьма не малое, ибо такимъ образомъ боготворитъ онъ сей пепелъ, приписуя ему живота своего дѣйствительность.

Другъ. Такъ теперь, думаю, постигаешь сіи слова: *Азъ Господь Богъ! Сіе мое* (не чуждее) *есть имя. Славы моея иному не дамъ, ниже*

Библиотека "Руниверс"

добродѣтелей моихъ истуканамъ. То, что мы назвали дѣйствительностью, называется тутъ добродѣтелью, тоесть, силою и крѣпостью, которую Богъ за свое преимущество отъ всей тлѣнности такъ отнялъ и себѣ присвоилъ, что ужасно ярится, если кто дерзнетъ ея хотя мало удѣлить твари или кумирамъ, съ которыми Онъ отъ начала вѣка всегда ревностную тяжбу имѣетъ. Мы всѣ его въ семъ ужасно обижаемъ всегда и вездѣ.

Филонъ. Какъ?

Другъ. А вотъ такъ! Весь міръ состоитъ изъ двоихъ натуръ: одна видимая, другая невидима. Видима называется тварь, а невидимая Богъ. Сія невидимая натура или Богъ всю тварь проницаетъ и содержитъ, вездѣ и всегда былъ есть и будетъ. Какъ же Ему не досадно, если мы, смотря на перемѣну тлѣнныя натуры, пугаемся? А симъ самымъ приписуемъ ей важность въ жертву, чего здѣлать нельзя, не отнявъ ея отъ Бога, который всю важность и силу, и бытіе, и имя, и все-на-все исполненіе себѣ точію одному полно и безъ причастниковъ приусвоилъ. Ражжуй! Если онъ бытіе и всему исполненіе, тогда какъ можешь что твое потерять? Что ли у тебя есть, Онъ тебѣ всѣмъ тѣмъ есть. Ничто твое не пропадаетъ потому, что Богъ порчи не знаетъ. Одна для тебе остается школа вѣры или, какъ Давидъ говоритъ, поученіе вѣчности. Потерпи въ немъ немножко, поколь старовѣрное твое пепельное сердце нѣсколько отъ сего—свѣтныхъ очистится душковъ.

Разговоръ 6-й о томъ же: знай себе.

Лица тѣ же.

Другъ. Земле! Земле! Земле! слыши слово Господне!

Филонъ. Не слышу.

Другъ. Для чего?

Лука. Кто можетъ взойти на небо, развѣ сошедый съ небесе? Кто можетъ слышать слово Божіе, аще не будетъ Бога въ немъ? Свѣтъ видится тогда, когда свѣтъ въ очахъ есть. Чрезъ стѣну пролазить тогда, когда Богъ вождемъ есть. Но когда сила во окѣ скороченна, лучше сказать, когда сила отъ ока отступила и селенія своего во веществѣ его не имѣетъ, въ то время никоего она различія межъ тмою и свѣтомъ не находитъ.

Клеопа. Но не можетъ ли Богъ мертваго живымъ, а видимаго невидимымъ здѣлать? Ей! Есть время и теперь воскреснуть. Можетъ искра Божія пасти на темну бездну сердца нашего и вдругъ озарить. Вѣруймо только, что Богъ есть во плоти человѣческой. Есть подлинно онъ, во плоти видимой нашей, не вещественъ во вещественной,

Библиотека "Руниверс"

вѣчный въ тлѣнной, единъ въ каждомъ изъ насъ и цѣлъ во всякомъ, Богъ во плоти и плоть въ Бозѣ, но не плоть Богомъ, ниже Богъ плотію. Ахъ зерно горчичное! Вѣро! Страше и любовь Божія! Зерно правды и царствія Его! Чувствую, что тайно падаешь на земное мое сердце, какъ дождь на руно. О дабы не позобали тебе воздушныя птицы!

Филонъ. Вспомнимо теперь съ Давидомъ вѣчныи лѣта и поучимся въ нихъ.

Клеопа. Кому или чему поучиться?

Филонъ. Вѣчности поучимся... Кому подобенъ истинный человѣкъ Господь нашъ во плоти?

Другъ. Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди теперь. Стебло ли съ вѣтвами? Постой! Не то колосъ. Колосъ все заключаетъ въ себѣ. Ость ли на колосѣ, она ли есть колосъ? На колосѣ ость правда и въ колосѣ ость, но не колосомъ ость, не она есть колосъ. Что жъ есть колосъ? Колосъ есть самая сила, въ которой стебло съ своими вѣтвами и ость съ половою заключается. Не въ зернѣ ли все сіе закрылось и не весною ли выходитъ все сіе, перемѣнивъ зеленую вмѣсто желтыя и ветхія одежды? Не видима ли сила зерна? Такъ. Оно въ то время дѣйствуетъ, когда вся внѣшность уже на немъ согнила, дабы не причелъ кто новаго плододѣйствія мертвой и нечувственной землѣ, то есть, гніющей внѣшности, но всябы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, дабы онъ одинъ во всемъ былъ глава, а вся внѣшность пятою и хвостомъ.

Филонъ. Теперь мнѣ въ колосѣ показуется то, что по сіе время не было видно.

Клеопа. Лучше скажи, что ты въ немъ одинъ хвостъ видѣлъ.

Другъ. Пускай же сія въ колосѣ новость называется ростъ. Господь Богъ приростилъ его намъ.

Лука. Но какъ мы съ поля перешли въ садъ, взгляньте, чѣмъ насъ привѣтствуетъ въ бесѣдкѣ сей человѣкъ?

Филонъ. Сію икону написалъ мой другъ живописецъ.

Клеопа. Куда мнѣ нравится: Изъ чернаго облака луча касается головы Его. Но что за слова въ лучѣ? Они вмѣстѣ съ лучею съ высоты снисходятъ во облитую свѣтомъ голову Его. Прочитай Лука! Ты отъ числа книгочихъ.

Лука. Образъ пророка Исаіи. Въ лучѣ написано сіи слова. *Возопій*...

Клеопа. Но что за слова изъ устъ его исходятъ?

Лука. Знаю тѣ слова. *Всяка плоть сѣно и всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный*...

Филонъ. А что жъ написано на бумажкѣ, которая въ его рукахъ.

Библиотека "Руниверс"

Лука. Знаю. *Глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки.*

Другъ. Видите ли списанну бумажку?

Клеопа. Мы два съ Филономъ столько уже лѣтъ около одного земледѣлства упражняемся, а колосъ недавно усмотрѣли. Что же касается до бумажокъ да еще пророчіихъ, спрашуй Луку — его то дѣло.

Другъ. Лука! Ты видишь въ рукахъ пророчіихъ бумажку. Но знай, что видишь дѣло весьма малое и весьма великое. Сей блаженный старикъ легко держитъ въ правой рукѣ тое дѣло, въ коемъ всегда вездѣ все содержится. Разсуди, что самъ откровенія свѣтомъ озаренный старецъ въ его состоитъ рукѣ; носимымъ носится и держится у себе держимымъ. Смотрѣлъ ты на колосъ. Посмотри теперь на человѣка и узнай его. Видалъ ты въ колосѣ зерно, а теперь взглянь на сѣмя Авраамово да тутже и на твое. Видѣлъ ты въ колосѣ солому съ половою. Посмотри жъ и на траву тлѣнныя твоея плоти съ пустымъ до селѣ цвѣтомъ пепельныхъ твоихъ разсужденій. Усмотрѣлъ ты въ колосѣ то, чего прежде не видывалъ. Теперь узнавай въ человѣкѣ то, что для тебе видно не было. Видя колосъ, не видѣлъ его и не зналъ человѣка, зная его. Но что показалось тебѣ въ колосѣ напослѣдокъ, тое не было отъ плоти, но отъ Бога. Подними жъ отъ земли мысли твои и уразумѣй человѣка въ себѣ отъ Бога рождена, а не сотворена въ послѣднее житія время. Усмотрѣлъ ты въ колосѣ новый ростъ толь сильный, что для всея соломы съ половою здѣлался онъ головою и убѣжищемъ. Познай же въ себѣ новаго Іосифа (значитъ приращеніе), новаго пастыря, отца и кормителя нашего. Въ пшеничномъ зернѣ примѣтилъ ты легенькую внѣшность, въ которой закрылась тайная дѣйствительность невидимаго Бога. Взглянь же теперь на глаголъ Божій, пророчею бумажкою, какъ легенькимъ облакомъ, прикрытый. Силу зерна умнымъ ты окомъ увидѣлъ. Открой же око вѣры и увидишь въ себѣ тожь силу Божію, десницу Божію, законъ Божій, глаголъ Божій, слово Божіе, царство и власть Божію, тайную невидимую, а, узнавъ сына, узнаешь и Отца Его. Дряхлая на колосѣ солома не боится погибели. Она какъ изъ зерна выйшла, такъ опять въ зернѣ закроется, которое хотя по внѣшней кожицѣ согніетъ, но сила его вѣчна. Чего жъ ты трепещешь, трава и плоть? Дерзай! Не бойся! Ты уже видишь въ себѣ десницу Божію, которая тебе также бережетъ, какъ пшеничну солому. Или не вѣришь? Если такъ, тогда бойся. Нѣтъ надежды. Вся плоть гибнетъ. Гдѣ дѣваться? Бѣжи жъ съ Давидомъ въ домъ Господень или со Іереміею въ его жъ дворы. Раскрой же сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который отцу своему вмѣсто десницы и вмѣсто силы его есть во вѣки вѣковъ. Слушай, что отецъ

Библиотека "Руниверс"

его чрезъ его жъ самаго и въ немъ къ намъ говоритъ. Слушай же: *положу словеса моя во уста твоя и подъ сѣнію руки моея покрыю тя...* А коею рукою? *Ею же поставихъ небо и основахъ землю.* Слышишь ли? Коль сильное зерно въ тебѣ! Небо сіе видимое и земля въ немъ закрывается. И тебе ли сіе сѣмя сберечъ не сильно будетъ? Ахъ! пожалуй будь увѣренъ, что и самый нечувственный головы твоея волосъ, наличность одну потерявши, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохранится, ублажится. Скажи съ Пауломъ: вѣмъ человѣка. Нашелъ я человѣка. Обрѣтохъ Мессію, не плотеннаго кумира, но истиннаго Божіего во плоти моей человѣка. Въ силу я нашелъ его въ травѣ и тѣни моей во остатокъ дней моихъ. Сѣмя благословенное! Спасеніе всея наличности моея! Свѣтъ откровенія слѣпому языку! Доселѣ былъ я во тмѣ и во грязи я былъ, то есть сердце мое. Ѣлъ и насыщался землею. А теперь отъ узъ ея меня отпущаешь, убивъ семя ея во мнѣ, пустую пяту наблюдающее. А вмѣсто Его во вѣки ты во мнѣ воцарися, открывъ мнѣ небо новое и тебе, сидящаго на мѣстѣ десницы, Отца Небеснаго. Будь же мнѣ теперь миръ въ силѣ твоей и спокойство! Будь мнѣ теперь суббота благословенная! Вынесли мене крила голубины изъ земныхъ безднъ и почію. Чего жъ больше скорбѣть тебѣ, душа моя? Зачѣмъ тебѣ теперь безпокоить мене? Познала ты уже въ себѣ человѣка и сила его безконечна. Уповай же на него, если узнала его. И точно знаешь его. Онъ мужъ твой. Онъ глава твоя въ тебѣ подъ видомъ твоея плоти и крови. Спасеніе лица всего твоего и Богъ твой.

Разговоръ 7-й о истинномъ человѣкѣ или о воскресеніи.

Бесѣдующія персоны: старецъ Памва, Антонъ, Квадратъ, Другъ и протчіи.

Другъ. Слушай, Памва! Куда долго учишься... Уже ли ты научился Давидовому псалму?

Памва. Да я только одинъ псаломъ умѣю.

Другъ. Одинъ?

Памва. Однимъ одинъ...

Другъ. Кій же псаломъ?

Памва. А вотъ онъ! *Рѣхъ: сохраню пути моя...* А больше для меня не надобно. Я уже устамъ моимъ сыскалъ завору и заложилъ.

Антонъ. Самая правда. Языкъ все тѣло обращаетъ и всему голова есть.

Квадратъ. Ахъ, Памво! Блаженъ еси, если не согрѣшаешь языкомъ

Библиотека "Руниверс"

твоимъ. Коль горячо сего отъ Бога себѣ просятъ Давидъ и Сираховъ сынъ.

Лука. А прежде о чемъ ты говорилъ, Памво? Видь ты и прежде имѣлъ языкъ.

Памва. Я уже древнему моему языку наложилъ печать.

Антонъ. А кто тебѣ его запечаталъ?

Памва. Кто можетъ запереть бездну кромѣ Бога?

Лука. Не худо называешь языкъ бездною, потому что и Давидъ языку лстиву даетъ имя потопныхъ словъ: потопъ и бездна—все одно.

Квадратъ. Я слыхалъ, что и разумъ премудраго потопомъ у Сирахова сына называется.

Другъ. Рѣчь какова либо есть не иное что какъ рѣка, а языкъ есть источникомъ ея. Но если уже тебе, Памво, Господь отъ языка не преподобно избавилъ, тогда видно, что вмѣсто лстиваго дарилъ тебѣ языкъ Давидовъ, весь день правдѣ Божіей поучающійся, силу его всему роду грядущему возвѣщающій.

Квадратъ. Самая правда. Кто можетъ говорить о бѣлости, чтобы ему не была знакома черность? Одинъ вкусъ чувствуетъ горькое и сладкое. Если кому открылъ Господь узнать языкъ лстивый, таковъ вдругъ узнать можетъ праведныи уста, поучающіися премудрости.

Антонъ. Что такое? Вы насказали чудное. Развѣ не разумѣетъ и стараго языка тотъ, кто не знаетъ новаго?

Памва. Безъ сумнѣнія. Въ то время покажется старое, когда уразумѣешь новое. Гдѣ ты видалъ, чтобы кто разумѣлъ тму, не видавъ никогда свѣта? Можетъ ли кротъ, скажи пожалуй, сказать тебѣ, гдѣ день, а гдѣ ночь?

Антонъ. Если кротъ не можетъ, тогда можетъ сказать человѣкъ.

Памва. Можетъ ли слѣпый усмотрѣть и тебѣ показать на портретѣ краску бѣлу?

Антонъ. Не можетъ.

Памва. Зачѣмъ?

Антонъ. Затѣмъ что онъ не видалъ и не знаетъ черныя. А еслибы онъ хоть одну изъ противныхъ межъ собою красокъ могъ разумѣть, въ то же мгновеніе могъ бы понять и другую.

Памва. Вотъ также и тутъ. Тотъ понимаетъ юность, кто разумѣетъ старость.

Антонъ. Довольно надивиться не могу, если всякъ человѣкъ такъ родится, что не можетъ и сего понять, что такое есть старость и юность, если не будетъ другой разъ свыше рожденъ.

Памва. Свѣтъ открываетъ все то, что намъ во тмѣ нѣсколько болванѣло. Такъ и Богъ единъ всю намъ истину освѣщаетъ. Въ то время усматриваемъ пустую мечту, усмотрѣвъ истину и уразумѣвъ

Библиотека "Руниверс"

юность, понимаемъ старость. Земляный человѣкъ думаетъ про себе, что понимаетъ будто. Но мало ли младенецъ видитъ въ потемкахъ, а того не бывало? Но возсіявшій свѣтъ все привидѣніе уничтожаетъ. Не всякому ли знакомы сіи слова: время, жизнь, смерть, любовь, мысль, душа, страсть, совѣсть, благодать, вѣчность? Намъ кажется, что разумѣемъ. Но если кого о изъясненіи спросить, тогда всякъ задумается. Кто можетъ объяснить, что значитъ время, если не приникнетъ въ Божественную высоту? Время, жизнь и все протчее въ Богѣ содержится. Кто жъ можетъ разумѣть что-либо со всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей, не разумѣя того, кой всему голова и основаніе? Начало премудрости—разумѣти Господа. Если кто не знаетъ Господа, подобенъ узникамъ, вовергеннымъ въ темницу. Таковъ что можетъ понять во тмѣ? Главнѣйшій и начальнѣйшій премудрости пунктъ есть знаніе о Бозѣ. Не вижу Его, но знаю и вѣрую, что Онъ есть. А если вѣрую, тогда и боюсь; боюсь, чтобъ не разгнѣвать Его; ищу, что такое благоугодно Ему. Вотъ любовь! Знаніе Божіе, вѣра, страхъ и любленіе Господа—одна то есть цѣпь. Знаніе во вѣрѣ, вѣра въ страхѣ, страхъ въ любвѣ, любовь въ исполненіи заповѣдей, а соблюденіе заповѣдей въ любви къ ближнему, любовь же не завидитъ и протчая. И такъ, если хочешь что либо познать и уразумѣть, должно прежде взыйти на гору вѣдѣнія Божія. Тамъ то ты просвѣщенъ тайными Божества лучами, уразумѣешь, что захочешь, не только юность орлюю, обвѣтшающую старости ризу, но и ветхая ветхихъ и небеса небесъ. Но кто насъ выведетъ изъ преисподняго рова? Кто возведетъ на гору Господню? Гдѣ ты, свѣте нашъ Христе Іисусе? Ты одинъ говоришь истину въ сердцѣ твоемъ. Слово твое истина есть. Евангеліе твое есть зажженный фонарь, а ты въ немъ Самъ свѣтомъ. Вотъ единственно средство ко избѣжанію обмана и тмы незнанія. Вотъ домъ Давидовъ, въ которомъ судейскій престолъ всяку ложь рѣшитъ и рѣжетъ. О чемъ ты, Антонъ, знать хочешь? Ищи въ сихъ возлюбленныхъ селеніяхъ. Если не сыщешь входа въ одинъ чертогъ, постучи въ другой, въ десятой, въ сотой, въ тысящной, въ десятотысящной... Сей Божій домъ снаружи кажется скотскою пещерою, но внутрь дѣва родитъ того, котораго ангелы поютъ непрестанно. Въ сравненіи сея премудрости всѣ свѣтовыи мудрости не иное что суть, какъ рабскія ухищренія. Въ сей домъ воровскимъ образомъ не входи. Ищи дверей и стучи, поколь не отверзутъ. Не достоинъ будешь входа, если что въ свѣтѣ предпочтешь надъ Божію сію гору. Не впущаютъ здѣсь никого съ одною половиною сердца. А если насильно продерешься, въ горшую тму выброшенъ будешь. Сколь горѣлъ Давидъ любовію къ сему дому! Желалъ и истаевалъ отъ желанія дворовъ Господнихъ. Зналъ онъ, что никоимъ образомъ нельзя выбраться изъ началородныя безумія человѣческаго тмы, развѣ

Библиотека "Руниверс"

чрезъ сіи вороты. Зналъ онъ, что вси заблудили отъ самаго матернаго чрева. И хотя говорили: се дверь! вотъ путь! однакъ всѣ лгали. Зналъ онъ, что ни кая либо птица и никакая мудрость человѣческая, сколько ли она быстра, не въ силѣ вынесть его изъ пропасти, кромѣ сея чистыя голубицы. Для того изъ нетерпѣливости кричитъ: *кто дастъ мнѣ крилѣ?* Да чтобъ они таковы были, каковыи имѣетъ сія голубица, тоесть, посребренны, а между связью крилъ блещало бы золото. А если не такъ, то не надобно для мене никакихъ летаній, сколько хочь они быстропарны. Сею то нескверною голубкою онъ столь усладился, столь ею плѣнился, что, какъ Магдалина при гробѣ, всегда сидѣлъ у окошка своея возлюбленныя. Просилъ и докучалъ, чтобъ отворила для него дверь, чтобъ окончила его страданія, чтобъ разбила мглу и мятежъ внутреній. Называя ее всею своею утѣхою, встань, говоритъ съ плачемъ, славо моя, встань ты, сладчайшая моя десятострунная псалтирь и гусли сладкозвонныи! Если ты только встанешь, то я и самъ тотъ часъ встану, а встану рано, поднимуся на свѣтъ. Долго ли мнѣ во тмѣ жить? *Когда я прійду и явлюся лицу Божію?*

* Кто кромѣ тебе, о краснѣйшая всѣхъ дщерей въ мірѣ дѣво, кто воведетъ я во градъ утвержденъ? Твоими только дверьми и однимъ только твоимъ слѣдомъ привестися могутъ къ царю Небесному дѣвы, если съ тобою имѣютъ дружество. Не безъ пользы же трудился Давидъ. Съ коликимъ восторгомъ кричитъ: *отверзите мнѣ врата правды. Исповѣмся тебѣ, яко услышалъ мя еси! Сей день возрадуемся и возвеселимся: Богъ Господь и явися намъ. Призвахъ Господа и услыши мя въ пространство.* Что теперь сотворитъ мнѣ человѣкъ! Ничего не боюся. Широкъ вельми сталъ Давидъ. Вылетѣлъ изъ сѣтей и преисподнихъ тѣснотъ на свободу духа. Ищезла въ разъ вся тма. Гдѣ пошелъ, вездѣ свѣтъ. *Камо пойду отъ духа Твоего?* Окрылатѣлъ Давидъ, боится, любитъ, удивляется, отъ мѣста на мѣсто перелетываетъ, все видитъ, все разумѣетъ, видя того, въ котораго рукѣ свѣтъ и тма.

Квадратъ. Правда, что вѣрно и ревностно возлюбленный Давидъ свою любезнѣйшую любитъ. Ее то онъ, думаю, называетъ матерію, Сіономъ, дщерью, царицею, въ золото одѣтою и преукрашенною, колесницею Божіею, царствомъ живыхъ людей, жилищемъ всѣхъ веселящихся и протч. Едино проситъ отъ Господа, чтобы жить въ домѣ семъ Божіемъ на мѣстѣ покрова сего предивнаго, гдѣ гласъ радующихся и шумъ празднующихъ. А въ протчемъ ничего ни на небеси, ни на землѣ не желаетъ, кромѣ сея чаши, наполненныя благо ща-

---

* Отселѣ въ письмѣ моемъ изгонятся изъ числа буквъ сіи буквы: еръ и ерь. Аще же гдѣ дебелость буквы умягчить потреба, довлѣетъ свышше поставить знаменіе сіе—ъ напримѣръ ядъ, ядъ; пѣтъ, пѣтъ; братъ, братъ. *Примѣчаніе самого Г. С. Сковороды.*

Библиотека "Руниверс"

стіемъ, кромѣ сея дщери царскія, которыя вся красота внутрь ея сокрывается и сокрылася. И столько сія врата Сіонскія и путь сей, ведущій его къ вѣдѣнію Господа, любъ ему былъ, что на немъ такъ наслаждался, какъ во всякомъ родѣ богатства. Что либо въ немъ говорится, все то называетъ чуднымъ и преславнымъ, отъ общенароднаго мнѣнія во вся отличнымъ. Тутъ то его жертва, пѣніе и покой душевный, пристанище хотѣнія. Ахъ покой душевный, коль ты рѣдокъ, коль дорогъ! Здѣсь то онъ закрывается въ тайнѣ лица Божія отъ мятежа человѣческаго и отъ прерѣканія языковъ, сіе есть, отъ всѣхъ свѣтовыхъ мнѣній, противныхъ Божіей премудрости, называемой отъ него благолѣпіемъ дома Господня, каменемъ прибѣжища для перестрашенныхъ грѣшниковъ, о коихъ пишется: *бѣжитъ нечестивый, никому же гонящу.*

Антонъ. Безъ сумнѣнія жъ въ сія каменныя возводитъ онъ же очи свои горы, надѣясь отъ нихъ помощи.

Квадратъ. Извѣстно, что грѣшникъ, какъ только почувствовалъ опасность своего пути, бѣжитъ, какъ гонимый заяцъ къ симъ горамъ, находясь въ замѣшательствѣ бѣдныхъ своихъ разсужденій, которыя ему прежде весьма казалися правильными. Но когда изъ Божіихъ горъ блеснувшій свѣтъ на лицо ему покажетъ его прельщеніе, въ то время весь свой путь самъ уничтожаетъ такъ, какъ случилось Павлу, ѣдущему въ Дамаскъ. И въ сей то силѣ говоритъ Давидъ: *просвѣщаеши дивно отъ горъ вѣчныхъ. Смятошася вси неразумныи сердцемъ.* Кому жъ сей свѣтъ не былъ бы любезенъ, если бъ мы хоть мало его вкусили? О Киоте свѣта святыя славы Отца Небеснаго! Конечно, твое блистаніе—несносное очамъ нашимъ, ко тмѣ заобыкшимъ, а то бы мы непремѣнно сна очамъ нашимъ не дали, дондеже бы дверь открылась, дабы можно увидѣть, гдѣ селеніе свое имѣетъ Богъ Іяковль, гдѣ царствіе и правда Его, гдѣ начало, глава и щастіе наше, дабы можно и о насъ сказать: *онѣма же отверзостеся очи—и познаста Его и той невидимъ бысть има;* или сіе: *прійдоста же и видѣста, гдѣ живяше, и у него пребыста день той.*

Антонъ. Какъ же ты говорилъ прежде, что священное писаніе возводитъ на гору познанія Божія, а нынѣ оное называешь горою?

Квадратъ. Оно у Давида называется гора Божія. Такъ развѣ тебѣ удивительно то, что горою восходимъ на гору? Если путь ведетъ изъ рова на гору, то конечно первая его часть есть низка, а послѣдняя высока столько, сколько гора, на которую конецъ дороги поднимается. Тоже видѣть можно и на лѣствицѣ, къ высокому мѣсту приставленной. Она дольнею своею частью долнихъ или долиннихъ жителей принимаетъ, а горнею возноситъ на высоту; по сей же причинѣ и крилами называется, и дверьми, и предѣломъ, или границею, пристанью, пѣскомъ, или брегомъ, море ограничившимъ, и стѣною.

Библиотека "Руниверс"

Антонъ. Для чего стѣною и предѣломъ называешся?

Квадратъ. Развѣ мало сего водится, что стѣна грань дѣлаетъ, раздѣляя наше собственное отъ чужаго? А сія Богосозданная стѣна какъ не можетъ назваться предѣломъ, когда она граничитъ между свѣтомъ и между чужостранною тмою? Сія стѣна имѣетъ темную сторону ту, которая смотритъ ко тмѣ. Но страна ея, къ востоку обращенная, есть внутренняя и вся свѣтомъ вышняго Бога позлащенная, такъ что, если темный житель приходитъ къ ея дверямъ, изнаружи темнымъ, не видитъ ни коея красы и отходитъ назадъ, бродя во мракѣ; когда же увѣрится и паче чаянія отверзутся двери, въ то время, свѣтомъ Воскресенія облиставшися, закричитъ съ Давидомъ: *исповѣмся тебѣ, яко страшно удивился еси; нѣсть сіе, но домъ Божій и сія врата небесная.*

Антонъ. По сему она подобна лунѣ, когда луна межъ солнцемъ и землею. Въ то время одинъ полу-кругъ ея темный, а тотъ, что къ солнцу, свѣтлый.

Квадратъ. Сія посредственница похожа и на мостъ, дѣлающій сообщеніе между Богомъ и смертными.

Антонъ. Если сей чудный мостъ переводитъ смертныхъ въ животъ, то достойно и праведно называтись можетъ Воскресеніемъ.

Квадратъ. Ахъ! сія то голубица точное есть Воскресеніе мертвыхъ человѣковъ. Она насъ, спадшихъ отъ горы долу, поставляетъ паки на той же горѣ.

Лука. И я сему согласенъ. Сіе слово (Воскресеніе) въ греческомъ и римскомъ языкахъ, значитъ, кажется, то, если падшаго поставить паки на ноги. Кромѣ того я слыхалъ, что голубица по еврейскому Іона. Да и Богъ явно говоритъ Іереміи, что поставитъ его опять на ноги, если будетъ ему послушенъ. И какъ въ священномъ писаніи весьма бѣдственное состояніе значитъ сіе слово (сидѣть), такъ напротивъ того стоять есть то быть въ точномъ благополучіи. А какъ нещасное дѣло есть сидѣть и быть колодникомъ въ темницѣ, такъ еще хуже быть въ компаніи тѣхъ, кои Павелъ пробуживаетъ: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ*... Разбій сонъ глазамъ твоимъ, о нещасный мертвецъ! Поднимись на ноги! А вось-либо уразумѣешь, что то такое есть Христосъ, свѣтъ мыра.

Другъ. Не могу больше молчать, услышавъ блаженнѣйшее и сладчайшее имя Свѣтлаго Воскресенія. Я правда между протчіими и самъ сижу въ холодномъ смертномъ мракѣ. Но чувствую во мнѣ тайную лучу, тайно согрѣвающую сердце мое... Ахъ Памво! Сохранимъ сію божественную искру въ сердцѣ нашемъ! Поберегимъ ея, дабы прахъ и пепелъ гробовъ нашихъ не затушилъ ее. Въ то время что ли мы останемся такое.? Развѣ единъ прахъ и смерть...? Огня истребить не

Библиотека "Руниверс"

можемъ. Не спорю. Но что самимъ намъ дѣлать безъ огня? Кая польза намъ въ томъ, что имѣемъ въ себѣ плоть и кровь? Вѣдай, что ей должно опуститься во истлѣніе. Въ то время погибать ли намъ безъ конца? И мы не иное что есмы, развѣ мечта, сонъ, смерть и суета? О премного-бѣдственное-жъ наше состояніе, если все-на-все одно только есть тлѣнное безъ вѣчности, если кромѣ явнаго ничего не имѣется въ немъ тайнаго, въ чемъ бы существо наше, какъ на твердомъ основаніи, задержалось, если всяческая суть суета и всякъ живущій. Подлинно-жъ теперь (если такъ) сильное твое царство, о горькая смерте, непобѣдимая твоя побѣда, о аде! Кто или что можетъ противиться тлѣннымъ вашимъ законамъ, все въ прахъ безъ остатка обращающимъ? Ахъ бѣда! Погибель! Болѣзнь! Горесть! Мятежъ... Слышите ли? Понимаете ли? Кій сей есть языкъ?

Памва. Господи! Избави душу мою отъ устенъ сихъ неправедныхъ... отъ языка не преподобна, отъ человѣка не праведна... Языкъ ихъ сей есть мечь остръ... Гробъ отверстъ...

Другъ. Вотъ точный ядъ аспидовъ, жало грѣховное, языкъ змінинъ, низводящій Адама въ трудъ и болѣзнь... Что ли ты намъ нашепталъ, о древня злобо и прелесть? Для чего ты вельми высоко возносишь умирающую мертвость и старѣющуюся старость, и тлѣющую тлѣнь? Одна ли смерть царствуетъ? и нѣсть живота? Лесть одна безъ правды? и злоба безъ благости? и старость безъ юности? и тма безъ свѣта? и потопъ безъ сушы..? Да запретитъ же тебѣ Господь, о потопный языче, рѣку водъ лживыхъ изблевающій, потопляющій матери Сіона младенцевъ, покрывающій мракомъ и облакомъ чернымъ, низводящій во адъ отъ Господа, котораго клевещешь съ гордостью, уничтожая его царство и правду, юность и вѣчность, новую землю и живый родъ... Слушай же, бѣсе глухій, языче нѣмый и пустый! Понеже не признаешь пребыванія Господня, исповѣдуя, что одна только смерть вездѣ владѣетъ, низводя все-на-все во адъ истлѣнія, того ради знай, что новый и нетлѣнный человѣкъ не точію поперетъ тлѣнныи твои законы, но совсѣмъ вооруженъ местю до конца тебе разрушитъ, низвергнетъ отъ престола твоего, здѣлавъ тебе изъ головы ничтожнымъ ошибомъ. Памво! Слушай Памво! Зачѣмъ ты молчишъ? Вѣдай, что ты уже позналъ путь твой. Не шепчетъ въ твоемъ сердцѣ онѣмѣвъ злый языкъ. Развѣ опять ожилъ? Развѣ опять болѣзнь грѣшнаго языка во утробѣ твоей обновилась? Паки бодетъ мечь душу твою? Видно, что для того молчишь, онѣмѣвъ и смирився, не говоришъ добраго, не вопрошаешь о мирѣ Іерусалима.

Памва. Я давно уже тайно сей языкъ проклинаю въ сердцѣ моемъ.

Другъ. Но для чего явно не поешь? Если дѣйствительно научился псалму Давидову, для чего со Исаіею возлюбленному твоему пѣсни

Библиотека "Руниверс"

чрезъ весь день не простираешь? Если далъ тебѣ Господь новыи уста, зачѣмъ со Іереміею не говоришь: *и отверстая уста моя къ тому не затворятся.* Если согрѣлося сердце твое въ тебѣ, долженъ ты въ поученіи твоемъ раздувать вѣчнующую Воскресенія искру, дондеже возгориться ярость блаженнаго сего пламеня и поясть всю себѣ сопротивную тлѣнь, дондеже наполнится огненная рѣка Божія, потопляющая нечестивыя. Согрѣтое сердце есть огненный Духа Святаго языкъ, новое на небеси и на землѣ поющій чудо Воскресенія. Не видишь ли, что во всѣхъ ветхое сердце, земленный языкъ? Всѣ боязливы, печальны, не сыты, отчаянны, лишенны небеснаго Параклитова утѣшенія. Кольже напротивъ того мало тѣхъ, о коихъ сказано: *на стѣнахъ твоихъ, Іерусалиме, приставихъ стражи день и нощь, иже не престанутъ поминающе Господа.* Мало сыновъ Амосовыхъ для утѣшенія людей Божіихъ. Не много Аввакумовъ, стоящихъ на Божественной стражѣ. О всѣхъ можно сказать: мертвъ еси съ мертвымъ твоимъ сердцемъ. Желѣзо пройде душу твою. Сидишь во тмѣ, лежишь во гробѣ... О Божественная искро! Зерно горчично и пшенично! Сѣмя Авраамле! Сыне Давидовъ! Христе Іисусе! Небесный и новый человѣче! Главо и сердце и свѣте всея твари! Пунктъ вселенныя! Сила, законъ и царство мира! Десница Божія! Воскресеніе наше! Когда тебе уразумѣемъ?.. Ты истинный человѣкъ еси во истинной плоти. Но мы не знаемъ такова человѣка, а которыхъ знаемъ, тѣ всѣ умираютъ. Ахъ! Истинный человѣкъ никогда же умираетъ. Такъ видно, что мы никогда истиннаго не видывали человѣка, а которыхъ знаемъ, у тѣхъ руки и ноги и все тѣло въ прахъ обращается. Но что свидѣтельствуетъ камень Священнаго Писанія? *Не отемнѣста* (говоритъ) *очи Его и не истлѣстъ уста сіо.* Но гдѣ такій человѣкъ? Мы его никогда не видали и не знаемъ. Не разумѣемъ ни очей, ни ушей, ни языка. Все то, что только знаемъ, на сіе не похожо. Тутъ говорится о безсмертномъ человѣкѣ и не тлѣнномъ тѣлѣ, а мы одну грязь посѣли и ничего такого не видимъ, чтобы не было порчное. И такъ, сидя въ грязи и на нея надѣясь, подобными ей и сами здѣлались. Очи имѣемъ тѣ, которыми ничего не видимъ, и ноги, ходить не могущіи, и таковыи жъ руки лишенны осязанія, языкъ и уши такого жъ сложенія. Вотъ какъ хорошо разумѣемъ, что такое то есть человѣкъ. Кто жъ изъ воскрес шихъ не скажетъ, что мы тѣнь мертвая, что мы не прахъ, вѣтромъ колеблемый? Можетъ ли не чувственная земля признать невидимаго?

Памва. Скажи лучше по Давидовому: *еда исповѣстся тебѣ персть?* Бреніе и вода мимотекущая есть естествомъ своимъ всяка плоть изъ стихій составленная, ровъ страданій и глубина тмы. *Спаси мя, вопіетъ Давидъ, отъ бренія, да не углибну и отъ водъ многихъ и глубокихъ. Не мертвыи восхвалятъ тя...*

Библиотека "Руниверс"

Другъ. Отъ сего жъ то бренія изводитъ насъ помянутая царская дщерь Давидова чистѣйшая голубица и прекраснѣйшая дѣва, одѣвъ насъ не бренными, но позлащенными во междораміи и посребренными Духомъ Божіимъ крильми. Сими окрилатѣвъ, возлѣтуемъ съ Давидомъ и почиваемъ. Бросивъ земнаго Адама съ его хлѣбомъ, болѣзни, перелѣтуемъ сердцемъ къ человѣку Павлову, къ невидимому, небесному, къ нашему міру, не за моря и лѣса, не вышше облаковъ, не въ другіи мѣста и вѣка;—Единъ Онъ есть во вѣки, но проницаемъ въ самый центръ сердца нашего и души нашея и, минувъ всѣ бренныи и потопныи мысли со всею крайнею внѣшностію плоти нашея, оставивъ всю бурю и мракъ подъ ногами Его, восходимъ чрезъ помянутыя лѣствицы высокій восходъ и исходъ къ животу и главѣ нашей, ко истинному человѣку, въ нерукотворенную скинію и къ Его нетлѣнной и пречистой плоти, которыя земная наша храмина слабою тѣнью и видомъ есть въ разсужденіи истинныя, сопряженныя въ едину ипостась безъ слитія естествъ Божіего и тлѣннаго. Сей то есть истинный человѣкъ предвѣчному своему отцу существомъ и силою равенъ, единъ во всѣхъ насъ и во всякомъ цѣлый, его же царствію нѣсть конца... Сего то человѣка, если кто уразумѣлъ, тотъ и возлюбилъ и самъ взаимно любезнымъ здѣлался и едино съ нимъ есть, такъ какъ прилѣпившійся бренію и самъ есть землею и въ землю возвращается. А познавшій нетлѣннаго и истиннаго человѣка не умираетъ и смерть нимъ не обладаетъ, но со своимъ господиномъ вѣрный слуга вѣчно царствуетъ, раздѣвшись какъ изъ обвѣтшалыя ризы, изъ земныя плоти, надѣвъ новую сообразно его плоти плоть, и не уснетъ, но измѣняется, принявъ вмѣсто земныхъ рукъ нетлѣнныя, вмѣсто скотскихъ ушей, очей, языка и протчіихъ всѣхъ членовъ истинныя, сокровенныя въ Богѣ, какъ Исаіа говоритъ: *се Спаситель твой грядетъ, имѣяй съ собою мзду или награжденіе, воздаяй мѣсто желѣза сребро, мѣсто мѣди злато, полагаяй на основаніе твое камень сапфиръ, то есть, небесну, нерукотворенну храмину.* Да будетъ Богъ всяческая во всемъ твоемъ, а не мертвая земля и бреніе. Кто ли охотникъ къ сему истинному животу, къ симъ блаженнымъ днямъ? Сей часъ вдругъ какъ молніа дастся тебѣ. Удержи только языкъ твой отъ зла и устнѣ твои... О злый языче! О главо зміина! Начало горестныхъ дней! Всѣхъ изъ рая выводишь, всѣхъ во бездну потопляешь. Кто дастъ на сердце наше раны и на помышленія наша наказаніе премудрости? А иначе нелзя намъ долой не пасть. Къ тебѣ прибѣгаемъ, о горо Божія! Купино не опалимая! Свѣщниче златый! Святая Святыхъ! Ковчеже завѣта! Дѣво чистая и по рождествѣ твоемъ! Ты одна и рождаеши и дѣвствуеши. Твоее диныя Святѣйшее сѣмя единъ сынъ твой, умершій по внѣшности, а симъ самымъ воскресшій и воцарившійся можетъ стерти главу зміеву, языкъ поношающіи Господеви.

Библиотека "Руниверс"

Антонъ. Если Священное Писаніе есть сладкая гусль Божія, не худо, еслибъ кто нашу кампанію повеселилъ, поигравъ на семъ инструментѣ хоть немножко.

Лука. Я въ семъ согласенъ съ Антономъ и сего жъ прошу.

Квадратъ. Не поврежу и я вашего добраго согласія и о томъ же прошу.

Другъ. Слышишь ли, Памво? Принимайся за гусли. Ты долго учился Давидовой пѣснѣ. За десять лѣтъ можно пріучиться хоть мало.

Памва. Ахъ! Что ли мнѣ въ жизни пріятнѣе, какъ пѣть возлюбленному моему человѣку? Но боюся, чтобъ не поразить голосовъ. Страшитъ мене сынъ Сираховъ сими словами: *глаголи, старѣйшино и не возбрани мусикіи.*

Другъ. Пой и воспой! не бойся! Будь увѣренъ, что сладка Ему будетъ бесѣда наша.

Памва. Но что ее присладитъ, если я не искусенъ?

Другъ. Что пріусладитъ? Тое, что дѣлаетъ пріятнымъ отцу младолѣтнаго сыночка не правильное болтаніе въ рѣчи или худое играніе на арфѣ. Развѣ ты позабылъ, что искусство во всѣхъ священныхъ инструментовъ тайнахъ не стоитъ полушки безъ любви? Не слышишь ли Давида? *Возлюбите Господа.* А потомъ что? *И исповѣдайте, хвалите и превозносите.* Любленіе Господа есть преславная глава премудрости. Кая жъ нужда въ протчемъ! Пой дерзновенно! Но какъ въ свѣцкой музыкѣ одинъ тонъ безъ другаго согласнаго не можетъ показать фундамента, а пріобщеніе третяго голоса совершенную дѣлаетъ музыку, которая состоитъ вся въ троихъ голосахъ, межъ собою согласныхъ, такъ точно и въ Давидовыхъ гусляхъ одна струна сумнительна, если ее съ другимъ стихомъ не согласить. А при троихъ же свидѣтеляхъ совершенно всякій глаголъ утверждается. Воскликнемъ же Господеви во гуслехъ! Вооружимся согласіемъ противу проклятаго языка, врага Божественному нашему человѣку. Авось-либо по крайней мѣрѣ изъ нашей компаніи выженемъ сего нечистаго духа.

Симфоніа, сирѣчь, согласіе священныхъ словъ со слѣдующимъ стихомъ:

рцхъ: сохраню пути моя, еже не согрѣшати языкомъ моимъ.

Разговоръ: Памва, Антонъ, Лука и протчіи.

Лука. Продолжай же притчу твою, Памво.

Памва. Наконецъ тѣ два невольники пришли къ великимъ горамъ. Они о своемъ освобожденіи благодарили Богу. Но голодъ и скука по отечеству ихъ мучила. Какъ утишился вѣтеръ, услышали шумъ

Библиотека "Руниверс"

водъ и подойшли ко источнику. Старѣйшій съ нихъ, отдохнувъ нѣсколько, осмотрѣлъ мѣста около богатаго сего источника, проистекающаго изъ ужасныхъ азіатскихъ горъ. Конечно, говоритъ, недалече тутъ люде гдѣ то живутъ. Не знаю, кто бы моглъ поселиться въ сихъ страшныхъ пустыняхъ, сказалъ молодой. По крайней мѣрѣ видѣнъ бы былъ слѣдъ какій либо къ источнику. Да! въ близости его по камнямъ не видать, сказалъ старикъ, но въ дальней околичности примѣтилъ я слѣдъ, весьма похожъ на человѣческій. Мало помедлѣвъ, поднялися узенькою тропою по кручамъ. Она и привела ихъ до каменныя пещеры, съ надписью сею: *сокровище свѣта, гробъ жизни, дверь блаженства.* Не знаю, кій духъ влечетъ мене въ темный сей вертепъ, говоритъ старикъ. Или умру, или живъ буду. Ступай за мною! Послѣдуя предводительству духа, пойшли оба внутрь. Молодый не терпя больше глубокія тмы,—ахъ! куда идемъ?.. Потерпи! Кажется, слышу человѣческій голосъ. И дѣйствительно стало слышно шумъ веселящихся людей. Приближився къ дверямъ, начали стучать. За шумомъ не скоро имъ отперли. Войшли въ пространную залу, лампадами освѣщенную. Тутъ ихъ приняли такъ, какъ родственниковъ, здѣлавъ участниками пира. А живутъ здѣ нѣсколько земледѣловъ со фамиліями. Отдыхавъ нѣсколько дней у сихъ человѣколюбныхъ простаковъ, праздновавшихъ шесть дней рожденіе своего господина, спросили путники у Конона, кой былъ межъ ними головою, какъ далече живетъ ихъ господинъ? Онъ насъ всѣмъ тѣмъ, что къ веселости принадлежитъ, снабдѣваетъ, сказалъ Кононъ, однакъ мы къ нему въ домъ никогда ни ходимъ и не видимъ кромѣ нашихъ пастуховъ, которыи ему вѣрнѣе протчіихъ. Они отъ насъ носятъ Ему поклоны. Если желаете, можете къ нему ити. Онъ не смотритъ на лице, но на сердце. Вамъ назадъ ворочаться нельзя. Вотъ двери! Вамъ не страшенъ темнаго вертепа путь при факалѣ. Господь съ вами! Ступайте! Седмаго дня, по входѣ своемъ въ пещеру 1771-го года съ полночи вступили чужестранцы во путь господскій. На разсвѣтѣ услышали хоръ поющій: *смертію смерть поправъ...* Послѣ пѣнія вдругъ оттворилися двери. Войшли въ чертогъ, утреннимъ свѣтомъ озаренный...

Лука. Полно! Воскликните Богу Іяковлю нынѣ! Зачинай пѣть псаломъ твой и веди хоръ, Памво! А мы за тобою, сколько можно.

Хоръ.

Памва. *Рѣхъ: сохраню пути моя...*

Лука. Кажется, со стихомъ симъ согласенъ тотъ—*рѣхъ: сохранити законъ твой...* Отсюду видно, что Давидовы пути, которыи онъ намѣренъ сохранять, и законъ Божій—все то одно. И такъ вторый стихъ есть истолкователемъ перваго.

Библиотека "Руниверс"

Антонъ. Немножко есть сумнѣнія въ томъ, что Давидъ назвалъ своимъ то, что Божіе есть, а не его.

Квадратъ. Для чего жъ Давиду закона Божія не назвать своимъ путемъ: онъ, путь нечестивыхъ оставивъ, усвоилъ и усыновилъ себѣ путь Божій.

Антонъ. Не спорю. Однакъ лучше, когда бы третій стихъ развязалъ сумнѣніе, дабы твердое было въ троихъ тонахъ согласіе.

Лука. Что жъ сумнѣваться? Вѣдь Давидъ и Бога своимъ называетъ. *Часть моя еси Господи. Ты мой, а законъ твой есть мой же. Рѣхъ: сохраню пути моя*—тоже, что *рѣхъ: сохранити законъ твой.* Но для твоего удовольствія вотъ тебѣ третій! *Пути моя исповѣдахъ: и услышалъ мя еси.*

Антонъ. Я симъ не доволенъ. Сей стихъ изъясняется слѣдующимъ: *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви.* И такъ: *пути моя исповѣдахъ,* тоесть беззаконіе мое, а не законъ Божій. *И услышалъ мя еси,* тоесть: *и ты отпустилъ еси нечестіе сердца моего.* Сіи два во всемъ съ собою сходны. И какъ начало началомъ, такъ и конецъ концемъ втораго открывается. И такъ нѣсколько разнятъ два стихи сіи. *сохраню пути моя, сохранити законъ твой.* Если бы сказалъ: сохраню пути твоя, въ то время совершенная была бы симфоніа съ симъ: *сохранити законъ твой.*

Квадратъ. Какъ же теперь быть? Слушай, Памво! Завелъ ты насъ въ непроходиму. Ты жъ самъ и выведи.

Памва. Знаю. Вамъ сумнительно то, что Давидъ какъ законъ Божій называетъ путемъ своимъ, такъ и беззаконіе называетъ своимъ же. Не удивляйтеся. Единъ нашъ для всѣхъ насъ есть путь, ведущій во вѣчность, но двѣ въ себѣ части и двѣ стороны, будьто два пути, десный и шуій, имѣетъ. Часть Господня ведетъ насъ къ себѣ, а лѣвая его сторона во тлѣніе. Сею стороною Давидъ прежде шествовалъ и, усмотрѣвъ обманъ, говоритъ: *пути моя исповѣдахъ и ты и протч.* Потомъ, избравъ благую часть, сказуетъ: *сохраню пути моя,* сирѣчь, стану беречь сію благую часть, дабы мене мой языкъ не отвелъ отъ нея во истлѣніе. *Искуси мя, Боже, и увѣждь сердце мое и аще есть путь беззаконія во мнѣ, тогда настави мя на путь вѣченъ.*

Другъ. Любезныи други! Вы не худо на Давидову арфу забренчали и по моему мнѣнію не нарушили мусикіи. Но опустили самое нужное, а именно: *рѣхъ.*

Антонъ. Сіе, кажется, всякъ разумѣетъ.

Другъ. А мнѣ снится, будьто нѣтъ труднѣе.

Антонъ. Конечно, ты шутишь.

Другъ. Никакъ! Священное писаніе подобно рѣкѣ или морю. Часто въ томъ мѣстѣ глубина и самымъ ангельскимъ очамъ неудобозри-

Библиотека "Руниверс"

мая закрывается, гдѣ по наружности показывается плохо и просто. Примѣчайте, что Давидъ на многихъ мѣстахъ говоритъ *рѣхъ* и послѣ сего весьма важное слѣдуетъ: напримѣръ, *рѣхъ: нынѣ начахъ* и протчая; *рѣхъ: потомъ рождается сохраненіе закона. Рече безуменъ въ сердце своемъ*: въ то время слѣдуетъ растлѣніе всѣхъ начинаній; *рѣхъ: Ты еси Богъ мой.* Видите, что рѣчь сѣмямъ и источникомъ есть всему добру и злу, а вы сію голову опустили. Сея то добрыя рѣчи проситъ у Бога онъ же. *Рцы душѣ моей: спасеніе твое есмь Азъ. Господи, устнѣ мои отверзеши...* А какъ послалъ слово свое и исцѣлилъ, въ то время Давидъ всему строенію своему положилъ основаніе... Какъ же ты, Антонъ, говоришь, что всякъ разумѣетъ? Разумѣешь ли, что такое есть рѣчь?

Антонъ. По крайней мѣрѣ вижу человѣческіи уста.

Другъ. Богъ знаетъ... *Приступитъ человѣкъ и сердце глубоко.* Какъ же можешь видѣть?

Антонъ. Сердца видѣть не могу.

Другъ. Такъ не видишь же ни устъ его. Позабылъ ты уже оное? *Глубоко сердце человѣку и человѣкъ есть.* Слушайте, любезные други! Запойте на Давидовыхъ гусляхъ. Обличите его невѣжество. Иждените бѣса. Памво, зачинай!

Симфоніа.

Памва. *Соиѣяся сердце мое. Глаголахъ языкомъ моимъ.*

Лука. *Далъ еси веселіе въ сердце моемъ.*

Квадратъ. *Отрыгну сердце мое слово благо, языкъ мой трость...*

Памва. *Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей.*

Квадратъ. *Слово Господне разже его.*

Лука. *Возвеселится во веселіи языка твоего.*

Памва. *Разжеся сердце мое и утробы моя.*

Лука. *Возрадуются устнѣ мои и душа моя.*

Квадратъ. *Тебѣ рече сердце мое: Господа взыщу.*

Другъ. Полно! Слышишь ли Антонъ симфонію? Понялъ ли ты, что языкъ со устами радуется, а сердце говоритъ? Признайся жъ со мною, Сираховымъ сыномъ, что *уста мудрыхъ въ сердце ихъ.* Но какъ сердца ихъ не видишь, такъ ни устъ ихъ, ни языка, ни слова устъ ихъ, ни рѣчи. Видишь, коль трудное слово *рѣхъ*!

Антонъ. А внѣшніи уста и языкъ что такое есть?

Другъ. Онѣмѣй и молчи! Не слыхалъ ли ты, что на сихъ гусляхъ не должно пѣть для твоей земли, плоти и крови, но единому Господу и Его языку, о коемъ пишется: *земля убояся и умолча внегда востати на судъ Богу.*

Антонъ. Новый подлинно языкъ.

Библиотека "Руниверс"

Другъ. Новый человѣкъ имѣетъ и языкъ новый. Слушай Памво! Запойте сему возлюбленному нашему человѣку, сладости и желанію нашему. Но такъ пойте, чтобъ сладка была ему ваша хвала. Воспойте умомъ, не однымъ воздухъ поражающимъ гласомъ. Новому нову пѣснь.

Симфонія.

Памва. *Пою тебѣ въ гуслехъ, святый Израилевъ.*
Лука. *Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ.*
Квадратъ. *Возлюбленный, яко сынъ единорожь.*
Памва. *Сего ради помаза тя, Боже, Богъ твой.*
Лука. *Честно имя его предъ ними и живъ будешь.*
Квадратъ. *Обновится яко орляя юность твоя.*
Памва. *Жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона.*
Лука. *Что есть человѣкъ, яко помниши его.*
Квадратъ. *Человѣкъ и человѣкъ родися.*
Памва. *Престолъ его, яко солнце.*
Лука. *Востани! вскую спиши, Господи?*
Квадратъ. *Десница твоя воспріятъ мя.*
Памва. *Недаси преподобному твоему видѣти истлѣнія.*
Лука. *Еще же и плоть моя вселится на упованіи.*
Квадратъ. *И лѣта твоя не оскудѣютъ.*

Другъ. Знаешь ли, Антонъ, сего блаженнаго мужа? Онъ не умираетъ, а плоть его не истлѣваетъ.

Антонъ. Признаюсь, не знаю. А что знаю, тѣ вси умираютъ и тлѣютъ.

Другъ. Такъ слушай же, что тѣ всѣ у Бога не почотныи. *Не соберу, рече Господь, соборовъ ихъ отъ кровей.* Кая польза въ крови ихъ, когда они тлѣютъ? Ищи, что то за человѣкъ, который въ памятной записи у Бога? Если сыщешь, въ то время и самъ записанъ будешь на небесахъ. Вѣдь ты читалъ, что *единою глаголa Богъ*, а тамъ разумѣется двое—человѣкъ и человѣкъ, языкъ и языкъ, рѣхъ и рѣхъ, старое и новое, истинное и пустое, слово Божіе и смертное, глава и пята, путь и грѣхъ, то есть заблужденіе... *Рѣхъ*. А потомъ что? Сохраню пути моя. *Рѣхъ беззаконнующимъ*. А что такое? *Не беззаконнуйте. Рѣхъ*. Что жъ то за рѣчь? Услышу, что речетъ во мнѣ Господь? *Миръ! яко*, речетъ, *миръ на люди своя. Рѣхъ*. Вотъ же и рѣчь! *Господи устнѣ мои отверзеши. Рѣхъ. Господь дастъ глаголъ благовѣствующимъ. Рѣхъ. Посла слово свое и исцѣли ихъ. Рѣхъ. Въ началѣ бѣ слово. Рѣхъ. Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти. Рѣхъ. Той сотретъ твою главу. Рѣхъ. Рече Богъ да будетъ свѣтъ! Рѣхъ. Просвѣщаеши тму мою. Рѣхъ. Сердце чисто созижди. Рѣхъ. Господи во чревѣ нашемъ зачахомъ. Рѣхъ. Всяка плоть трава. Рѣхъ. Кляхся и поставихъ судбы... Рѣхъ.*

Библиотека "Руниверс"

Живо бо есть слово Божіе. Рѣхъ. Доколѣ съчеши, о мечу Божій; глаголяй истину въ сердцѣ моемъ, Боже сердца моего, доколѣ съчеши? Я уже скрыхъ словеса твоя въ сердцѣ моемъ.

Антонъ. А я думалъ, что Давидъ обыкновенно сказалъ нашимъ языкомъ—*рѣхъ.*

Другъ. Ни, но тайнымъ, новымъ, не тлѣннымъ. Онъ не любилъ инако говорить; слышь, что сказуетъ? *О Господѣ похвалю слово.*

Антонъ. О дабы Богъ далъ и мнѣ новый сей языкъ!

Другъ. Если узнаешь старый, познаешь и новый.

Антонъ. Тфу! Что за бѣда? Будто я уже и стараго не знаю? Ты мене чучеломъ здѣлалъ.

Другъ. Еслибъ тебѣ трактирщикъ поставилъ единъ стараго, другій стаканъ вина новаго, а ты не знатокъ, то какъ можно сказать, будьто знаешь? Ошибкою можешь почесть старое вмѣсто новаго.

Антонъ. Что жъ пользы видѣть, не имѣя вкуса?

Другъ. Самая правда. А я тебѣ говорю, что и о самомъ языкѣ не знаешь, гдѣ онъ, хотя бъ ты вкуса не былъ лишенъ.

Антонъ. Что ты поешь? Вѣдь старый языкъ нашъ во ртѣ.

Другъ. А ротъ гдѣ?

Антонъ. Развѣ ни видишь моего рта?

Другъ. Полно врать, не просвѣщенная грязь! Преисподняя тма! Послушай Давидовыхъ гуслей и прожени духа лжы. Воспой старикъ!

Симфоніа.

Памва. *Нѣсть во устѣхъ ихъ истины. Сердце ихъ суетно.*

Лука. *Устнѣ лстивыя въ сердцѣ.*

Квадратъ. *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ.*

Памва. *Трудъ и болѣзнь подъ языкомъ ихъ.*

Лука. *Доколѣ положу совѣты въ душѣ моей.*

Квадратъ. *Болѣзни въ сердцѣ моемъ...*

Другъ. Вотъ видишь, что и самый старый твой языкъ во ветхомъ твоемъ сердцѣ, а не въ наружности.

Антонъ. Какъ же наружный мой языкъ не говоритъ, когда онъ говоритъ? Вѣдь голосъ его слышенъ.

Другъ. Мысль движетъ грязь твоего языка и она то говоритъ онымъ, но не грязь, такъ какъ молотокъ часы на башнѣ бьетъ. Выходитъ изъ нутра часовыя машины побудительная сила, коею нечувственный движется молотокъ. И посему то Давидъ поетъ: *помыслиша* (такъ вотъ уже) и *глаголаша.* Старый, новый ли языкъ, оба закрылися въ безднѣ сердецъ своихъ. *Помыслихъ, говоритъ, пути твоя,* то есть, *рѣхъ: сохраню пути моя.* А опять о зломъ языкѣ вотъ что: *неправду умысли языкъ твой,* то есть *сердце собра беззаконіе себѣ.* А какъ во

Библиотека "Руниверс"

мертвость твоего наружнаго языка, такъ во всѣ твоея тлѣнности члены выходитъ побудительная сила изъ сердечныя же машины. Посему видно, что всѣ они въ той же безднѣ, какъ яблоня въ своемъ сѣмени, утаеваются, а наружная грязь о нихъ только свидѣтельствуетъ. Пѣвчіи! поиграйте и сея пѣсенки!

Симфоніа.

Памва. *Нога моя ста на правотѣ.*
Лука. *Тіи же присно заблуждаютъ сердцемъ.*
Квадратъ. *Неправду руки ваши сплѣтаютъ.*
Памва. *Въ сердцѣ беззаконіе дѣлаете.*
Лука. *Языкъ его сплѣташе лщеніе.*
Квадратъ. *Возведохъ очи мои.*
Памва. *Къ тебѣ взяхъ душу мою.*
Лука. *Виждь и преклони ухо твое.*
Квадратъ. *Преклонихъ сердце мое во сновидѣнія твоя.*

Другъ. Ражжуй силу сихъ словъ и усмотришь, что нога гордыни и рука, и роги грѣшныхъ, и зубы, и уши, и око простое и лукавое, и все до послѣдняго волоса спряталось въ сердечной глубинѣ. Отсюду то исходятъ помышленія, всю нашу крайню плоть и грязь движущіи. Помышленіе, владѣющее наружнимъ твоимъ окомъ, есть главное твое око, а плотская такъ какъ бы одежда, послѣдующая своей внутрности. Тоже разумѣй и о протчіихъ частяхъ.

Антонъ. Да ты жъ говорилъ, что уста мудрыхъ только однихъ въ сердцѣ ихъ, а теперь говоришь то о всякихъ устахъ.

Другъ. Весьма ты примѣтливъ на мои ошибки. Вотъ Сираховъ стихъ! *Сердце безумныхъ во устахъ ихъ, уста же мудрыхъ въ сердцѣ ихъ.* Пускай же и безумнаго уста будутъ въ сердцѣ. Но если ты сего не разумѣешь, въ то время мысль твоя будетъ въ грязи наружнихъ твоихъ устъ. А о чемъ размышляешь, тамъ твое пустое и сердце. Оно думаетъ, что плотское броніе сильно и важно. Въ семъ ложномъ мнѣніи оно пребывая дѣлается и само пустошью, такъ какъ и языкъ его есть суетный. Таковый помыслъ есть устами твоими бренными, а въ нихъ твое сердце дотолѣ будетъ, доколѣ не скажешь *рѣхъ: сохраню пути моя; спаси мя отъ бренія, да не углибну.* Затѣмъ то языкъ и головою называется, что за симъ вождомъ все человѣческое сердце идетъ. Желалъ бы я, дабы тебѣ Господь и всѣмъ намъ далъ новое и чистое сердце, стеръ главу языка зміина, а заговорилъ въ сердцѣ нашемъ тѣмъ языкомъ, о коемъ сказано: *языка, его же не видяше, услыша; посла слово свое и избави ихъ отъ растлѣній ихъ.*

Антонъ. Теперь кажется, и я разумѣю сіи слова: *возрадуются кости смиренныя.*

Библиотека "Руниверс"

Другъ. Когда все-на-все, то и самая кость въ душѣ и въ сердцѣ заключается. Какъ только (говоритъ) умолчахъ: *обвѣтшаша кости моя.*

Памва. *Онѣмѣхъ и умолчахъ отъ блаъ въ то время, внегда востати грѣшному (языку) предомною.*

Другъ. Подлинно. А какъ сей злый вождь и глава змiина приводитъ все сердечное сокровище въ смущеніе, такъ напротивъ того веселый Божiй миръ благовѣтствующій языкъ приноситъ всему сердцу, всей безднѣ нашей радость и свѣтъ. *Слуху (говоритъ) моему даси радость и веселіе.* Для того какъ все мое, такъ и кости мои, прежде сего смирившiися во истлѣніе, теперь возрадуются. Сему мирному языку вѣровахъ, тѣмъ же и глаголахъ. А что глаголахъ? вотъ что! *Всякъ человѣкъ ложь. Всяка плоть сѣно. Плоть ничто же. Рѣхъ: имя Господне призову. Рѣхъ. Сохраню пути моя.* Пойду въ слѣдъ за новымъ моимъ языкомъ, за нетлѣннымъ человѣкомъ. Не пойду во истлѣніе за грѣшнымъ языкомъ. Закричу со Исаiею: *Божiй есмь.*

Памва. Войшли мы нѣсколько во внутренность плоти нашея, будьто въ нѣдро земное. Найшли, чего не видали. Людей мы найшли новыхъ, руки, ноги и все новое имѣющихъ. Но еще не конецъ. Продолжаймо путь къ совершенному міру нашему. Пренебреги, о душа моя, совершенно всю плоть видиму и невидиму! Отходь отъ нея и приближайся ко Господу. Вѣрою отходь, а не видѣніемъ. Вѣра роетъ и движетъ горы. Вотъ свѣтильникъ стезямъ твоимъ, языкъ новый.

Аминь.

Библиотека "Руниверс"

ДІАЛОГЪ или РАЗГЛАГОЛЪ

О ДРЕВНЕМЪ МЫРѢ.

Любезному другу Михаилу
Іоанновичу Ковалѣнскому.

Писанъ 1772 года, данъ въ даръ 1788 года.

Библиотека "Руниверс"

Возлюбленный друже Михаиле!

Пріими отъ мене маленькій сей дарикъ. Дарую тебѣ мою забавочку. Она божественная—Разглаголъ о древнемъ мырѣ. Что ли есть найдревнѣйшее? Богъ. Ты родился любитися съ Богомъ. Пріими сію мою лепту, читай, мудрствуй, прирасти ее и возрасти ее. Отъ зерна изыйдетъ благосѣннолиственный дубъ мамврійскій. Сѣнь его вмѣститъ хоть все-вселенную... Мнози глаголютъ, что-ли дѣлаетъ въ жизни Сковорода? Чемъ забавляется? Азъ же о Господѣ радуюся. Веселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ... Забава, римски oblectatio, еллински діатриба, славенски глумъ или глумленіе, есть корvфа и верхъ, и цвѣтъ, и зерно человѣческія жизни. Она есть центръ каждыя жизни. Всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ, будьто стебліе преобразуяся въ зерно. Суть нѣкіи безъ центра живущіи, будьто безъ гавани пловущіи. А я о растлѣнныхъ не бесѣдую. Своя коемуждо видь забава мила. Азъ же поглумлюся въ заповѣдехъ Вѣчнаго. Ты вѣси, яко люблю его и яко Онъ возлюбилъ мя есть. Речеши, како 10 заповѣдей довлѣютъ въ долголѣтную забаву? Тфу! Аще бы и сугубый Маѳусаиловъ вѣкъ, и тогда довлѣютъ. Ахъ! все омерзѣніемъ и во омерзѣніе исходитъ развѣ святыни. Ахъ! не всуе Давидъ: *дивна* (де) *свидѣнія твоя*. Все предваряютъ, все печатлѣютъ, всякой кончинѣ суть концомъ и останкомъ безъ мерзости. Вѣчная мати святыня кормить мою старость. Я сосца ея сосу безъ омерзѣнія и алчу паче и паче. Я во вѣки буду съ нею, а она со мною. Вся бо преходятъ, любезная же любовь—ни! Кратко рещи, се есть діатриба и типикъ моея жизни! Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ ея уразумится... Любезный друже! Есмь и пребуду твой Даніилъ Меінгардъ.

Библиотека "Руниверс"

ОСНОВАНІЕ ДІАЛОГА:

Помянухъ дни древнія. Псаломъ 142.

Воззрите на древніе роды. Сирахъ.

Снѣсте ветхая ветхихъ. Мойсей.

Помянухъ судбы твоя отъ вѣка, Господи, и утѣшихся.

Повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ твой, Господи. Псаломъ 118.

Sola veritas est dulcis, viva, antiquissima,
Cetera omnia sunt heri natus fungus.

Библиотека "Руниверс"

РАЗГЛАГОЛЪ О ДРЕВНЕМЪ МЫРѢ.

Лица: Аѳанасій, Іановъ, Лонгинъ, Ермолай, Григорій.

Григорій. Посмотримъ же нынѣ на природныя богопроповѣдники, заглянемъ въ древняя лѣта, аще хощете.

Аѳанасій. О преславное позорище! Но коимъ образомъ можно видѣть древняя лѣта? Можно ли на тое взирать, что уже протекло? Аще же протекло, тогда не видное. Како же взирать?

Лонгинъ. Аще открывается ѳеатръ самыхъ древнѣйшихъ временъ, тогда можно видѣть и людей. Вода безъ рыбъ, воздухъ безъ птицъ, а время безъ людей быть не можетъ.

Аѳанасій. Како же можно видѣть прошедшая времена?

Іаковъ. Такъ можно видѣть, какъ вчерашній житія твоего день, а вчерашній день такъ, какъ днешнее, прошедшее утро, а утро такъ, какъ пол-часа сего, въ коемъ находимся. Се нынѣ течетъ десятый часъ, тридесятъ четвертая минута, 1772 лѣто отъ Христа, пятый-надесятъ день мѣсяца маія; наконецъ, половину десятаго часа сего прошедшую такъ видѣть можно, какъ 4 минуты. Вотъ! только что протекли они. А теперь 5-я вторыя половины минута. Взгляньте на часы!..

Аѳанасій. Что надлежитъ до вчерашняго житія моего дня, онъ мнѣ во всей жизни есть сладчайшимъ позоромъ.

Лонгинъ. Какъ такъ?

Аѳанасій. Господи! не мнѣ, но имени твоему Слава... Похвалюся о Господѣ предъ другами. Вчера довелося въ бесѣдѣ спорить съ нѣкоторымъ моимъ сосѣдомъ. Онъ разъярився называлъ мене негодяемъ, жителству вреднымъ, воромъ и протчая. Пришолъ я домой, по прошествіи нѣсколько часовъ услышалъ женской и дѣтской вой. Что запричина? Сказали мнѣ, что до помянутаго сосѣда пріѣхалъ старинный его заимодавецъ съ векселемъ, что не въ силахъ доплатить 30-ти

Библиотека "Руниверс"

рублей по векселю, что никто на прозьбу его, хотя обшасталъ 30 дворовъ, не помогъ ему и что напослѣдокъ берутъ его подъ стражу. Жалко мнѣ стало. Схвативъ перо, написалъ къ нему слѣдующее:

любезный другъ! Благодарю вамъ, что подали мнѣ случай къ благодѣянію. Посылаю вамъ 30 рублей. Употребите оныя, какъ собственныи свои. Симъ вѣчно одолжить можете.

Вашъ усердный слуга Н. N.

Я послалъ деньги, а онъ свободился. На сіе вчерашнее дѣло взирая, чувствую внутрь богатство сладости, коея единыя капли не отдалъ бы я за 1000 ефимковъ; а мнѣ она стала только 30 рублей.

Ермолай. Дешева купля твоя, а иной продаетъ за 30 рублей и цѣлаго Христа.

Лонгинъ. Тѣмъ же окомъ, коимъ смотришь на вчерашнее время, можно взирать на самыя Авраамскія времена. Павелъ всѣ прошедшіи лѣта заключаетъ въ семъ словѣ: вчера, нынѣшній—въ словѣ днесь, а все будущее нарицаетъ вѣкомъ. *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки*. Аки бы реклъ—вчера и днесь и завтра, сирѣчь, во вѣки вѣковъ. Аще кто видитъ днесь, той видитъ и вчера и откровеніемъ единаго дня отверзается 1000 лѣтъ. Она вмѣщается въ одномъ днѣ, а день простирается въ 1000 лѣтъ. Уразумѣй вечеръ седмицы и узриши утро седми-тысящъ лѣтъ. *И бысть вечеръ, и бысть утро, но день единъ*. Можетъ быть и правда, что тысяща единообразныхъ печатей заключается въ одной такой же, а одна расходится въ тысящу и единъ скудельный модель сокрылся въ десяти тысящахъ сосудовъ. *Вся тѣмъ быша...*

Аѳанасій. Какимъ же образомъ 1000 лѣтъ будетъ однимъ днемъ и вопреки?

Лонгинъ. Ахъ! не любопытствуй. Не все то ложное, что младенческимъ умамъ невмѣстное. Если не понимаешь, обуздай разумъ твой въ послушаніе и вѣруй Петру святому... *Едино же сіе да не утаится отъ васъ, возлюбленныи, яко единъ день предъ Господемъ, аки 1000 лѣтъ, и 1000 лѣтъ, аки день единъ*. Огляньсѧ на псаломъ 89.

Аѳанасій. Вѣрую, Господи, яко 1000 лѣтъ предъ очима твоима, яко день вчерашній...

Лонгинъ. Я бы могъ тебѣ сказать и сіе, что, если кто единаго человѣка знаетъ, тотъ всѣхъ знаетъ. Единъ въ тысящѣ, а тысяща, какъ человѣкъ единъ. Но сіе не у насъ, но предъ Господемъ.

Аѳанасій. Ахъ! предъ Господемъ! Скажи, гдѣ предъ Господемъ?

Лонгинъ. Тамъ, на томъ мырѣ, на другомъ свѣтѣ.

Аѳанасій. Гдѣ же той вторый мыръ?

Лонгинъ. Тамъ, гдѣ *вторый человѣкъ—Господь съ небесе*.

Аѳанасій. А вторый человѣкъ гдѣ?

Библиотека "Руниверс"

Лонгинъ. Тамъ, гдѣ вторый мыръ.

Аѳанасій. А вторый мыръ гдѣ?

Лонгинъ. Вотъ гдѣ! Послушай Петра святаго. *Новаго небесе и новыя земли чаемъ, по обѣтованію Его, въ нихъ же правда живетъ.* Видишь, что вторый мыръ тамъ, гдѣ новое небо и новая земля. Они его суть уды.

Аѳанасій. Гдѣ же новое небо и земля нова?

Лонгинъ. Тамъ, гдѣ старое небо и земля.

Аѳанасій. А старое небо гдѣ?

Іаковъ. Изрядный еси истецъ! Еще новаго не сыскалъ, а старый мыръ потерялъ. Старое небо подъ носомъ у тебе.

Аѳанасій. Видь старое небо и старая земля вездѣ?

Лонгинъ. Вездѣ.

Аѳанасій. И нельзя сыскать мѣста, ни на единъ чентръ пустаго?

Лонгинъ. Нельзя.

Аѳанасій. Все наполненно старымъ небомъ и землею?

Лонгинъ. Все.

Аѳанасій. Гдѣ жъ твой новый мыръ?

Лонгинъ. Вездѣ.

Аѳанасій. Какъ же старый мыръ помѣстишъ съ новымъ?

Лонгинъ. Такъ какъ тѣнь съ ея деревомъ. Посмотри на сію живую и благосѣннолиственную яблоню.

Аѳанасій. Яблоня поднялася выспрь, а тѣнь протянулася по долу. Тѣнь на иномъ, а яблоня на иномъ мѣстѣ. Тутъ дѣло иное.

Лонгинъ. Крайняя видь часть тѣни лежитъ на землѣ, но начало и основаніе ея есть съ яблонею вкупѣ и она никогда не бываетъ ни больше ни меньше яблони своея. Кратко сказать, тѣнь яблонямъ мѣститься не мѣшаетъ.

Аѳанасій. Вотъ такъ развѣ скажи: тѣнь яблонямъ мѣститься не мѣшаетъ.

Лонгинъ. Да я же такъ и говорю.

Аѳанасій. Тѣнь яблонѣ мѣститься не мѣшаетъ.

Лонгинъ. Конечно.

Аѳанасій. И такъ, ветхій мыръ есть тѣнію новаго?

Лонгинъ. Думаю и вѣрую. А если совершенно уразумѣю, что такъ есть сіе, тогда узрю его и любля возлюблю его во Господѣ, а Господа въ мырѣ Его.

Аѳанасій. Ахъ! Бѣдненькіи мы съ нашимъ мыромъ. Мыръ нашъ, вѣкъ нашъ, и человѣкъ нашъ есть то тѣнь одна. Но почему мыръ нашъ есть тѣнію.

Лонгинъ. Вопрошу и я тебе. Почему тѣнь есть тѣнію?

Аѳанасій. Потому что проходитъ и непостоянствуетъ.

Библиотека "Руниверс"

Лонгинъ. Какъ же она проходитъ?

Аѳанасій. Когда сонце западаетъ, тогда тѣнь ищезаетъ, а тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше простирается. Вчера была одна, днесь другая, заутра третяя привидится. То рождается, то ищезаетъ. А родившись не стоитъ твердо, но отъ сего къ тому мѣсту уклоняется. Вопреки же яблоня лѣтъ сто стоитъ неподвижно.

Лонгинъ. Вотъ еще почему тѣнь есть бездѣлкою! Она не есть дѣломъ, но нѣкоею только иконою его является и придержится ему. Воззри же нынѣ тлѣннымъ твоимъ окомъ на бездѣлную тѣнь тлѣннаго твоего мыра и воспой съ Давидомъ. *Дніе наши, яко сѣнь на землѣ, и нѣсть постоянія.* Онъ непрестанно премѣняется: то раждается, то ищезаетъ, то убываетъ, то уклоняется. Не многія ли тысящи тѣней ея въ яблонѣ? Такъ тысяща нашихъ лѣтъ во единомъ дни Господнемъ сокрываются. Мыръ Господень и день Господень есть-то древо жизни. А нашъ дряхлый, тѣнный и тлѣнный мыръ есть-то древо смерти. Оно глупомудрымъ сердцамъ видится добромъ, по естеству же своему есть лукавое. *И прикры ны сѣнь смертная.* Мыръ нашъ есть риза, а Господень тѣло. Небо наше есть тѣнь, а Господне твердь. Земля наша—адъ, смерть, а Господня—рай, воскресеніе. Вѣкъ нашъ есть-то лжа, мечта, суета, пара, ничтоже, а истина Господня пребываетъ во-вѣки. Вѣкъ нашъ есть то различіе и разноформіе тѣни, сѣченіе песка, увяданіе цвѣта. Вѣкъ же Господень есть единство, тождество, адамантъ. День нашъ есть тоже, что вечеръ, нощъ, луна. День Господень есть то вѣчное утро, свѣтъ неприступный, незаходимое солнце. *Господь близъ. Прійдетъ же день Господень, яко татъ въ нощи, въ онь же небеса убо съ шумомъ мимо пойдутъ, стихіи же сожигаемы разорятся.* А какъ мыръ нашъ и вѣкъ золъ, такъ и человѣкъ нашъ лукавъ. *Первый человѣкъ отъ земли перстный.*

Аѳанасій. Таковыхъ-то, думаю, 1000 во единомъ человѣкѣ, стоящемъ предъ Господемъ, а единъ Божій человѣкъ въ тысящѣ нашихъ.

Лонгинъ. А я тебѣ говорю, что не тысяща, но всѣ наши всѣхъ вѣковъ человѣки во единомъ Господнемъ человѣкѣ такъ обрѣтаются, какъ безщетный всѣхъ нашихъ мировъ хоръ сокрывается въ Божіемъ мырѣ и въ раи первороднаго онаго мыра, о коемъ Іовъ: *кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежнихъ дней, въ нихъ же мя Богъ храняше.* Сей-то есть день Господень, яко татъ. Зри псаломъ 83-й стихъ II-й. А какъ въ Бозѣ раздѣленія нѣсть, но Онъ есть простирающееся по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ единство, убо Богъ и мыръ его, и человѣкъ его есть-то едино.

Аѳанасій. Чуденъ еси Господи! Чуденъ мыръ твой. Чуденъ человѣкъ твой.

Лонгинъ. Уразумѣй едино зерно яблочное—и довлѣетъ тебѣ. Аще

Библиотека "Руниверс"

же едино въ немъ древо, съ коренемъ, съ вѣтвами, съ листвіемъ и плодами сокрылося, тогда можеши тамже обрѣсти безчисленныя садовъ милліоны, дерзаю сказать, и безчисленные мыры. Видиши ли въ маленькой нашей крошкѣ и въ крошечномъ зернѣ ужасную бездну Божія силы? Для чего же вопреки наша простирающаяся вышше звѣздъ обширность во единомъ Божіемъ пунктѣ утаиться не могла бы? Если кто хоть мало нѣчто духомъ Божіимъ надхнетъ, тотъ можетъ скоро повѣрить, что во единомъ Господнемъ человѣкѣ всѣ наши перстныи вмѣщаются. Подлая наша природа, находясь тѣнью, находится обезяною, подражающею во всемъ своей госпожѣ натурѣ. Сія рабыня внѣшностьми своими будьто красками наводитъ тѣнь на всѣхъ блаженныя натуры дѣлахъ, изображая тѣнію для тлѣнныхъ и младенческихъ умовъ все сокровище, таящееся въ неищерпаемомъ нѣдрѣ господствующія природы, яко невидима есть присносущная истина. И такъ, если нѣчто узнать хочешь въ дусѣ или во истинѣ, усмотри прежде во плоти, сирѣчь въ наружности и увидишь на ней печатлѣемыя слѣды Божіи, безвѣстная и тайная премудрости его обличающіи и будьто тропинкою къ ней ведущіи.

Аѳанасій. Потише, господине мой! не залѣтывай съ орлами во мракъ облачный. Перестаю разумѣть рѣчь твою. Пряди погрубѣе ниточку для очей моихъ селскихъ.

Лонгинъ. Бывалъ ли ты когда въ царскихъ палатахъ? Стоялъ ли по средѣ чертога, имѣющаго всѣ четыре стѣны и двери, покрытыя, будьто лакомъ, зеркалами?

Аѳанасій. Не довелось.

Лонгинъ. Стань же, если хотишь, на равномъ мѣстѣ и вели поставить вкругъ себе сотню зеркалъ вѣнцемъ. Въ то время увидишь, что единъ твой тѣлесный болванъ владѣетъ сотнею видовъ, отъ единаго его зависящихъ. А какъ только отнять зеркалы, вдругъ всѣ копіи сокрываются во своей исконности или оригиналѣ, будьто вѣтвы въ зернѣ своемъ. Однако же тѣлесный нашъ болванъ и самъ есть едина токмо тѣнь истиннаго человѣка. Сія тварь, будьто обезяна, образуетъ лицевиднымъ дѣяніемъ невидимую и присносущную силу и божество того человѣка, коего всѣ наши болваны суть аки бы зерцаловидныя тѣни, то являющіяся, то ищезающіи при томъ, какъ истина Господня стоитъ неподвижна во вѣки, утвердившая адамантово свое лице, вмѣщающее безчисленный пѣсокъ нашихъ тѣней, простираемыхъ изъ вездѣсущаго и неисчерпаемаго нѣдра ея безконечно. *Скрыеши ихъ въ тайнѣ лица твоего.* Сего-то человѣка видитъ блаженный Навинъ, какъ написано. *Воззрѣвъ очима своима, видѣ человѣка стояща предъ нимъ.* Разжуй всякое словцо, а во-первыхъ то: *воззрѣхъ*, и то: *стояща*. А дніе наши яко сѣнь и нѣсть постоянія. Навину явилося тоже, что Аврааму. *Воззрѣвъ очими своима, видѣ и се тріе мужи!* Авраамъ къ чудному

Библиотека "Руниверс"

сему человѣку говоритъ: *азъ есмь земля и пепелъ.* А тамъ пишется: *стояща противу себе.* Конечно жъ горній оный человѣкъ противнаго есть естества. А Навинъ одна токмо тѣнь и пепелъ. *Видѣ человѣка стояща противу себе.*

Ермолай. Господи! Что есть человѣкъ, яко помниши Его? Мнѣ видится, что Давидъ вопрошаетъ Бога о томъ же чудномъ человѣкѣ, о коемъ прежде сказалъ: *славою и честію вѣнчалъ еси его.*

Лонгинъ. Конечно сему то человѣку дивится Давидъ, воззрѣвъ умныма очима на великолѣпіе его, поднявшееся превыше нашихъ небесъ и стихій. Онъ видѣлъ, что изъ нашея братіи человѣкъ всякъ есть не то, что онъ, и разнится, какъ отстоитъ небо отъ земли. Будто бы сказалъ—ахъ Господи! Коль чудный тотъ человѣкъ, коего самъ ты почелъ человѣкомъ! Онъ тебѣ, а ты ему другъ. Онъ въ тебѣ, а ты въ немъ. *Господи! что есть человѣкъ! яко познался еси ему.* Кто изъ насъ смертныхъ подобенъ ему? Ахъ! ни единъ! Нашъ родъ есть то земля, пепелъ, тѣнь, видъ, ничто... *Дніе наши яко сѣнь переходятъ.* Но твой человѣкъ есть вѣчно стоящій. *Поставилъ еси его... Вся покорилъ еси подъ ноздъ Его.*

Іаковъ. Ни мало нѣтъ сумнѣнія, чтобъ Давидова рѣчь не касалася до чуднаго человѣка сего: *что есть человѣкъ, яко помниши его?* Разсудите слово сіе: *помниши его.* Конечно же онъ не земнаго нашего рода есть, если Богъ его помнитъ. Нашъ весь родъ исключенъ изъ Его записи. Вотъ слушай! *Не соберу соборовъ ихъ отъ кровей, ниже помяну именъ ихъ устнами моима.* Мы то есмы плоть и кровь и сѣно. Како можетъ плоть и кровь устоять предъ лицемъ Господнимъ? *Богъ нашъ огнь поядаяй есть.* Но о семъ человѣкѣ пишется: *посѣщаеши Его.* Видно, что чудный сей человѣкъ чуждъ есть плоти нашея и крови и всѣ нашего мира стихіи превозшедшій. *Яко взятся великолѣпіе твое превышше небесъ.*

Григорій. Если бы онъ былъ земный, тогда хотящимъ его видѣть кая нужда была смотрѣть въ гору? Видь плотянаго человѣка скорѣе увидишь, въ землю взоръ устремивши, нежели зѣвая на небесный сводъ. Однакъ единогласно проповѣдуютъ: *воззрѣхъ, воззрѣхъ...* Вотъ! въ ту же дудку дметъ и Даніилъ. Слушай! *Воздвигохъ очи мои и видѣхъ. И се мужъ единъ! Облеченъ въ ризу льняную* [1]) *и чресла Его препоясанна златомъ свѣтлымъ, тѣло же Его, аки Θарсисъ... Гласъ же словесъ Его, аки гласъ народа.* Въ сихъ словахъ примѣчай то: *единъ* и то *гласъ, аки гласъ народа.* Только что не сказалъ—единъ во всѣхъ, а всѣ въ немъ. *И рече мнѣ: не бойся, муже желаній! Миръ тебѣ!* Се-

[1]) Здѣ ленъ разумѣется нарицаемый оный вуссонъ, еллински βυσσος. Сей родъ есть каменнаго лена, не опаляемый въ огнѣ, образуетъ убо нетлѣніе. Злато такожде имѣетъ свои отребы; огнемъ же очищенное, и свѣтится и не согаряетъ и есть безсмертія образъ.

Библиотека "Руниверс"

го то узрѣвъ, Давидъ задивился, поя съ восторгомъ: *Господи, Господь нашъ! Коль чудно имя твое!.. Яко взяся великолѣпіе твое превышше небесъ.*

Лонгинъ. Милый позоръ сердечнымъ моимъ очамъ открывается. Се вижу на пустомъ пути въ полѣ вельможескую колесницу текущую, а сидящаго въ ней знаменитаго господина. Съ кѣмъ же? Съ нищимъ странникомъ скитающимся. Они сидяще бесѣдуютъ, а предъ ними лежитъ отверстая книга. Скажи, пожалуй! Ражжуй мнѣ хоть мало! Проситъ придворный панъ казначей царицы єѳіопскія. Можешь ли знать, о другъ ты мой, Филиппе, о коемъ человѣкѣ повѣствуетъ Исаіа слѣдующее? *Яко овча на закланіе ведеся, во смиреніи Его судъ его взяся, родъ же Его кто исповѣсть? Яко вземлется отъ земли животъ Его.* Здѣлай милость! О себѣ ли, или объ иномъ комъ сія рѣчь Его?

Филиппъ. Кая польза читать отъ пророковъ и не разумѣть?

Евнухъ. Какъ же можно разумѣть, аще не кто наставитъ мя?

Филиппъ. О господине! Ей, воистину нѣси невѣжда. Не жаждетъ бо разума премудрости развѣ премудръ. Не думай же, пане милый, дабы Исаіа сими толь великими словами величалъ тлѣннаго коего либо человѣка. Пророкъ постояненъ въ рѣчи своей. Не можетъ похвалить тоже, что не давно похулилъ. Развѣ вы позабыли? Вспомните вышереченное: *всяка плоть сѣно, недавно возопилъ* [1]). Смотрите на вселенну, наполненну такими, какъ мы, человѣками, то раждающимися, то погибающими. Такъ возможно ли, чтобъ пророкъ о себѣ или о другомъ дерзнулъ сказать: *родъ же Его кто исповѣсть?* Кто жъ скажетъ, что нашъ родъ не земля, плоть, сѣно и тѣнь? Но прозорливое Исаіно око прозрѣло въ плотской нашей тѣни особливаго человѣка, кой единъ токмо и есть и о немъ вопіетъ: *вземлется отъ земли животъ Его...* А наше все родословіе земное заключилъ въ семъ словѣ: *всяка плоть— сѣно.* И какъ Даніилъ сказалъ: *гласъ словесъ Его, аки гласъ народа,* такъ и Исаіа вопіетъ о томъ же мужѣ: *глаголъ Бога нашего пребываетъ во вѣки,* будьто бы на единъ тонъ пѣлъ съ Даніилемъ: *сила глагола Его, аки сила въ народѣ* [2]).

Евнухъ. О Филиппъ! Чудеса ты насказалъ. Ты во мнѣ смертное зажегъ желаніе видѣть сего человѣка; я о немъ отъ рожденія слышу первый разъ.

Филиппъ. Милостивый государь! *Крѣпка яко смерть любовь...* Но когда великолѣпіе онаго человѣка превышше небесъ и вышше всѣхъ

---

[1]) Вышше уже сказанно сіе: *сыне человѣчь, возопій* [велѣлъ ему Богъ]. *И что* (де) *возопію?* [вопрошаетъ Исаіа]. *А вотъ что!* [говоритъ ему Богъ]. *Всяка плоть сѣно и протчая.*

[2]) Гласъ, глаголъ, воля, велѣніе, царствіе, законъ, сила, духъ есть тоже.

Библиотека "Руниверс"

нашихъ стихій поднялося, тогда нельзя ползущимъ по землѣ и пресмыкающимся по стихіямъ взоромъ видѣть Его. Сіе значитъ—искать въ мертвыхъ живаго и вести сего праведнаго и невиннаго Агнца на заколеніе, стригти мертвенность волосъ Его, ясти землю и мудрствовати о сѣнѣ. Таковая душа, яко движущаяся по землѣ, не посвящается Господеви Израилскому и внѣ числа есть сего: *святи ихъ во истину твою; слово твое истина есть.* Правда, что вся стихійная подлость будьто риза имъ носимая: Его же самаго она есть и Онъ въ ней вездѣ. Но не она имъ есть, ни Онъ ею. И хотя въ ней, но кромѣ ея и выше ея пребываетъ не мѣстомъ, но святынею, и разсужденіе о немъ отнюдъ нѣсть подлое, яко *во смиреніи Его судъ о немъ высокъ.* Сія стихійная его подлость и смиреніе его жъ самаго уничтожаетъ предъ нами. Въ ней то мы, устремляя очи, погружаемъ и мысли наши и, засмотрѣвся на тѣнь, не возводимъ сердечныхъ очей въ горнее истины разсужденіе и въ вѣдѣніе истиннаго человѣка, яко *вземлется отъ земли животъ его,* и *взяся великолѣпіе его превышше небесъ.* И такъ, пане милый! если можешь возвесть сердечное око твое отъ подлыя натуры нашея въ гору ко оной господствующей святой вродѣ, въ той день можешь увидѣть и единаго онаго Божія человѣка. Но никогда умный взоръ нашъ отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеснымъ не восходитъ, развѣ въ той день, *воньже стихіи сожигаемы разорятся...* Въ день оный Господень созидается сердце чистое въ человѣкѣ, а въ сердце вселяется слово сіе, тайно вопіющее: *плоть ничтоже...* во время оное правда, съ небесъ приникнувшая, и купно воссіявшая отъ земли истина палитъ и уничтожаетъ всѣ стихіи, показуя, что они суть только одною тѣнью истины. Утаенна же истина, аки ризу, ихъ носитъ. Видишь, государь, что едина токмо вѣра видитъ чуднаго онаго человѣка, коего тѣнь всѣ мы есмы. Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая. Она едина видитъ свѣтъ, во тмѣ стихійной свѣтящійся. Видитъ, любитъ и благовѣститъ его. Не видѣть его есть то слѣпота; не слышать его есть то быть аспидомъ; не говорить о немъ есть то быть нѣмымъ. Вѣра всю сію мимотекущую сѣнь, аки воду непостоянную, преходитъ, вершитъ свой исходъ воскресеніемъ, очищеннымъ чувствомъ взирая на человѣка, неприступнымъ свѣтомъ блистающася и радуйтеся рекуща...

Евнухъ. Сіи мысли для мене особливо новыя. Ахъ! я ихъ давно жаждалъ. Теперь они долголѣтнѣйшую мою жажду утоляютъ. Ей! Священное писаніе есть то вода и купѣль. Се истинная вода, вода и духъ! Нищій Филиппъ духа къ ней приложилъ. Нынѣ что возбраняетъ мнѣ въ ней креститися, измытися, очиститися сердцемъ отъ лукавствій и всѣхъ прежнихъ моихъ началородныхъ заблужденій и слѣпоты..?

Библиотека "Руниверс"

Филиппъ. Во истину можно, аще вѣруеши отъ всего сердца твоего, въ нетлѣннаго человѣка Христа Іисуса... Что касается и до самаго мене, *вѣровахъ: тѣмже возглаголахъ...*

Евнухъ. *Вѣрую, Сына Божія быти Іисуса Христа.*

Ермолай. Конечно жъ въ сію то пресвѣтлую страну приподнимаетъ ядущая землю сердца наша небесный нашъ человѣкъ и ползущихъ долу насъ спящихъ и мертвыхъ возбуждаетъ слѣдующимъ громомъ своимъ: *восклонитеся и воздвигните главы ваша, зане приближается избавленіе ваше.* Въ сей-то странѣ живаго человѣка узриши, по сказкѣ Ангела, *тамо Его узрите...*

Іаковъ. Такожде гонитъ и Павелъ почивающія на мертвыхъ стихіахъ, возбуждая хамовъ, вовѣрившихся мертвенности стихійной. *Како возвращаетеся паки на немощныя и худыя стихіи? Такожде и мы єгда бѣхомъ млады, подъ стихіами бѣхомъ мыра порабощенны.* И сіе мудрованіе мертвыхъ сердецъ называетъ пустою философіею, которая бражничитъ по бурдѣ стихіиной, препятствующей философствовать по Христѣ, о коемъ къ Галатамъ: *посла Богъ Духа Сына своего въ сердца ваша...* Таковое мудрованіе, понеже вовся райскому нашему восходу въ первородный мыръ мѣшаетъ, оттаскивая долу око наше, для того будто въ трубу трубитъ: *аще умросте со Христомъ отъ стихій мыра, почто, аки живуще въ мырѣ, стязаетеся? Вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Нѣсмы рабынина чада, но свободныя. Вышній Іерусалимъ свободенъ есть.*

Григорій. Труба вселенныя Павелъ нашъ столько вѣрнымъ сердцамъ сладокъ, сколько аспидамъ противный. Ахъ! колико, яко раждающая матерь, болитъ утробою, да вообразится въ насъ Христосъ! Сей молніевидный Ангелъ неутомымо и чистосердечно очищаетъ намъ путь къ переходу въ гору Галилею, дабы намъ обновиться духомъ ума и одѣться въ новаго человѣка, созданного по Богу въ правдѣ и преподобной истинѣ. Онъ самъ первый разъ услышалъ животворящій гласъ блаженнаго сего человѣка возлѣ Дамаска. *Сауле! Сауле! Что мя гониши?* О семъ единомъ мужѣ и хвалится: *вѣмъ человѣка...* И симъ гласомъ ни мало не разнитъ Даніиловскія мусикіи: *и се мужъ единъ, облеченъ въ ризу льняну.* А понеже сей есть животъ вѣчный, дабы знать сего человѣка со Отцемъ Его,—истиннаго же щастія такова есть природа, что чемъ множайшихъ имѣть въ немъ сопричастниковъ, тѣмъ слаже и дѣйствительнѣе, беззавистное сіе добро становится и симъ однимъ разнится отъ ложнаго мырскаго щастія, о коемъ подобное сказать никакъ невозможно затѣмъ, что какъ сама наша природа есть тлѣнная, такъ и щастія ея суть тѣсныя предѣлы, участниковъ не терплящіи, развѣ со умаленіемъ своимъ и,

Библиотека "Руниверс"

будьто древесныя тѣни, многихъ вмѣстить не могущіи, того ради Паулъ всего отщетився и, собравъ все усердіе, гонится, течетъ, все пробѣгаетъ, все минаетъ, впередъ простираясь, дабы коимъ либо образомъ постигнуть и пріобрѣсти человѣка, коего всѣ святостныи виды [разумѣй церковныя церемоніи] слабою нѣкоею тѣнью быти видятся, затмѣннымъ мановеніемъ ко дражайшей истинѣ и къ крайнейшему концу приводящіи, обѣщая блаженное во время свое явленіе сего краснѣйшаго паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ такъ, какъ обѣщаетъ цвѣтущая смоковница сладчайшіи плоды. *Вмѣняю вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса, Господа моего... Еже разумѣти Его и силу воскресенія Его...* Аще како достигну въ воскресеніе мертвыхъ. А какъ уже получилъ желанное, и исполнилося на немъ сіе Его слово: *не вотще текохъ; вѣмъ человѣка.* Послѣди всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ въ то время, дабы множествомъ соучастниковъ премырное свое умножить щастіе; къ томужде единому вѣнцу славы не въ тлѣнныхъ нашихъ мырахъ, но въ первородномъ Божіемъ и во днѣ Господнемъ вѣчно процвѣтающему поощряетъ и протчіихъ всѣми мѣрами къ разумѣнію тогожде блаженнаго, нетлѣннаго мужа возбуждая. *Востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ— и освятитъ тя Христосъ.* Долго ли тебѣ. качатися по стихіямъ? О нещастный мертвецъ! Подними хоть мало погребенныя твоя мысли въ гору повышше стихійныя тѣни и узриши человѣка живаго, неприступнымъ свѣтомъ блистающася. Тутъ миръ твой, а не въ твоемъ мятежномъ мырѣ. Увиждь со Авраамомъ и возрадуйся. *Авраамъ видѣ день мой и возрадовася.* Паулъ кричитъ во единъ тонъ съ вопіющимъ Исаіею. *Востани, востани, Сіоне! Облецыся въ крѣпость твою. Истряси прахъ и востани. Сяди, Іерусалиме. Совлецы узу выи твоея, плѣненная дщерь Сіоня. Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме... Тогда узриши и возрадуешися.* Сіи Ангелы Божіи высокимъ трубнымъ гласомъ возбуждаютъ сплящихъ на землѣ и мертвыхъ въ сѣни стихійной. Да воскреснутъ и узрятъ человѣка, вышше облаковъ сидяща, и просвѣтятся яко солнце.

Аѳанасій. Чудесная есть сія двоица трубачей.

Лонгинъ. Конечно чудная. Они трублятъ не о перстномъ коемъ человѣкѣ, но о томъ высокомъ мужѣ, который *отлученъ отъ грѣшныхъ и вышше небесъ бысть, яко чудно имя Его по всей землѣ.* Можно ли имъ во своей музыкѣ разногласить? Ихъ обоихъ труба есть согласна трубѣ святаго Петра. *Во имя Іисуса Христа Назорея востани и ходи! И емъ его за десную руку воздвиже.* О коль красное и согласное сихъ трубачей воскликновеніе! *И вскочивъ ста и хождаше.* И се исполнилася на немъ трубача Захаріи проповѣдь: *се мужъ! Востокъ имя ему. А вѣнецъ будетъ терплящимъ и ключимымъ ему и разумѣвшимъ Его.*

Библиотека "Руниверс"

Іаковъ. Не Іезекіиль ли воскрешаетъ мертвецы на полѣ? *Постави мя средѣ поля; се же бяше полное костей. Се Азъ воведу во васъ духъ животенъ!* Что ли есть поле сіе, аще не мертвенность стихійная? Въ сію смерть погруженны сердца наши. Сія есть земля Египетска и поле Танеосъ, сирѣчь, поле пагубы и поле мертвецовъ, и поле жажды, о коемъ Іоиль: *скоты полскіи воззрѣша къ тебѣ, яко посхоша источники водныи и огнь пояде красныя пустыни. Воззрѣша къ тебѣ, дающему скотамъ пищу...* Не мы ли есмы скоты полскіи, опустившіи очи наши на подошву поля? Для чего не возводимъ очей къ тому: *вся покорилъ еси подъ ногы Его—овцы и волы вся, еще же и скоты полскіи.* Для чего не взираемъ къ тому: *азъ цвѣтъ полный [полевой] и крынъ удолный.* Для чего не имѣемъ ни очей, ни ушей, и не слышимъ Исаіи? *Проведе ихъ сквозь бездну, якоже коня сквозь пустыню, и не утрудишася и яко скоты по полю, и снійде Духъ отъ Господа и настави ихъ. Тако провелъ еси люди твоя, да сотвориши Тебѣ единому имя славно.* Востани, о лѣнивый дремлюче! Возведи очи твои, о сидящій въ темницѣ! Минай и проходи пусту бездну и стѣну твоихъ стихій. Воззри хоть мало, о тяжкосердая и ползущая душе, къ тому: *се Сей стоитъ за стѣною нашею, проглядаяй!* Поднимися отъ поля, и если имѣешь уши, слушай самаго Его! *Отвѣщаетъ братъ мой и глаголетъ мнѣ: востани! Прійди ближняя моя, добрая моя.* Не думаешь ли, что братъ сей внизу и въ стихіахъ? Повѣрь же пожалуй Ангеламъ вопіющимъ: *нѣсть здѣ! Восста!* Поднимайся жъ и ты на гору Галилею. Не ползай по полю, какъ скотъ. Восклонися и подними главу твою съ Давидомъ: *возведохъ очи мои въ гору...* Знай, что во вѣки не утолятъ жажды твоея подлыи стихіи и будешь во вѣки въ пламени семъ. *О! О! Бѣжите отъ земли! въ Сіонъ спасайтеся!* Слышь! Что ли вопіетъ Захарія? А Давида не слышитъ ли ухо твое? Гдѣ прибѣжище? Вотъ гдѣ! *Горы высокія еленямъ. Имже образомъ желаетъ елень на источники водъ, сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже.* Но знаешь ли истиннаго сего еленя? Вотъ онъ тебѣ! *Вскочивъ ста и хождаше, и внійде съ ними въ церковь.* Что ли есть церковь, аще не гора его святая.

Ермолай. Вѣрно, что сіи елени поднимаются къ источникамъ, о коихъ Исаіа: *поищутъ воды и не будетъ. Языкъ ихъ отъ жажды изсше. Азъ Господь Богъ, азъ услышу ихъ, Богъ Израилевъ, и не оставлю ихъ. Но отверзу на горахъ рѣки и средѣ поля источники. Сотворю пустыню въ луги водныя и жаждующую землю во водотечи. Да узрятъ и уразумѣютъ и помыслятъ и увѣдятъ вкупѣ, яко рука Господня сотвори сія вся.* А что Захаріа ко уразумѣнію тогожде божественнаго мужа сими словами—о! о!—возбуждаетъ, видно изъ начала рѣчи его, изреченныя послѣ откровенія и видѣнія его. *Воздвигохъ* [де] *очи мои и видѣхъ. И се мужъ! и въ рукѣ Его уже землемѣрно.*

Библиотека "Руниверс"

Григорій. Захаріа тоже самое трубитъ, что Іезекіиль. *Въ той день бысть на мнѣ рука Господня. И веде мя тамо. Во видѣніи Божіи веде мя на землю Израилеву и постави мя на горѣ высоцѣ зѣло.* Когда говоритъ: *въ той день,* проповѣдуетъ всерадостный день и вѣкъ Господень и мыръ первородный, всѣ стихіи превосходящій, о коемъ Даніилъ: *той премѣняетъ времена и лѣта.* Сіе блаженное время есть нашихъ временъ окончаніемъ, а новаго вѣка началомъ по Даніилову слову: *еще конецъ на* [иное] *время.* Сіе пресвѣтлое время и день Господень нарицается у Іоиля. *День тмы и бури, день облака и мглы.* Въ сихъ словахъ сопряженна есть истина и тѣнь. День Господень есть то свѣтъ, а нашъ есть мгла, облакъ, буря и тма. Сіе есть тоже что: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ.* А когда говоритъ Іезекіиль: *веде мя тамо,* тогда согласенъ Ангелу, сидящему при гробѣ и глаголющему: *тамо Его узрите.* Когда же говоритъ: *веде мя на землю Израилеву и постави мя на горѣ высоцѣ,* тогда согласенъ Іоилю: *рай сладости—земля предъ лицемъ Его.* Сія земля есть новая, нагорняя, обѣтованная. Сюда введенъ и Давидъ. *Введе мя въ гору святую свою. Тамо* [де] *Его узрите.* Такъ вотъ же и послушаймо! Тутъ же говоритъ Іезекіиль: *и воведе мя тамо. И се мужъ! И зракъ Его бяше яко видѣніе мѣди блещащіяся. И въ руцѣ Его бяше вервь тектонская и трость землемѣрская.* Что же ему говоритъ сей безсмертный мужъ? Вотъ что! *Виждь очима твоима и ушима твоима слыши! Того ради вшелъ еси сѣмо, да покажу тебѣ и да покажеши ты вся, елика видиши, дому Израилеву.* Туда же за Іезекіилемъ грядутъ и дюжина Апостоловъ. *Единонадесятъ ученицы идоша въ Галилею въ гору, аможе повелѣ имъ Іисусъ. И видѣвше Его, поклонишася Ему. Прійде Іисусъ и ста посредѣ ихъ и глагола имъ: миръ вамъ!* Но Даніилъ дружбу сего мужа прежде ихъ получилъ. *Не бойся, муже желаніи! Миръ тебѣ! Шедше научите вся языки* есть тоже что: *да покажеши дому Израилеву, Іезекіиле, вся елика видиши...*

Аѳанасій. Не можно довольно надивиться, коль согласная сихъ проповѣдниковъ труба и музыка! Сія пресличная Святаго Духа мусикія противится въ чело оной идола Деирскаго музыкѣ, кую поминаютъ пѣвцы въ храмахъ такъ: *согласная возшумѣ пищалская пѣснь почитати златосотворенный, бездушный истуканъ, и протчая.* Подобало же пѣть такъ: *розгласная возшумѣ...* Толь она мутна, раздорна и скверна, дышущая столпотвореніемъ. Сіи же Ангелы Божіи всѣ поютъ, всѣ вопіютъ, но о единомъ всѣ проповѣдуютъ, о единомъ восклицаютъ мужѣ, въ котораго влюбился Исаіа. *Воспою возлюбленному моему пѣснь.* Не се ли тіи блаженны люде, о коихъ Давидъ: *блаженны людіе, вѣдущіи воскликновеніе. Воскликните Богу Іяковлю.*

Іаковъ. Безъ сумнѣнія они-то суть. Всѣ сіи Ангелы единогласно восклицаютъ о томъ, который съ плотію своею взяся превыщше не-

Библиотека "Руниверс"

бесъ, превозшедъ всѣ мыра стихіи. И кто можетъ очистити сердце свое отъ всея стихійныя грязи, да узритъ очима сего человѣка: *взыйде Богъ въ воскликновеніи.* Держатся при землѣ очи наши, да его не познаемъ. Но сіи всѣ вѣстники Божіи видятъ лице истиннаго человѣка не между мертвецами, въ долней нашей подлости раждающася и ищезающа яко тѣнь, но въ горѣ святѣй Его видятъ съ Навиномъ человѣка стояща и съ Стефаномъ. *Се вижу небеса отверста и Сына человѣческаго, стояща одесную Бога!* Видятъ и насладиться въ сытость не могутъ. Мы же не видимъ за стѣною и мракомъ стихійнымъ. *Положи тму за кровъ свой.* О коль несмысленная и косная сердца наша!

Лонгинъ. Кто только удостоился видѣть живаго сего мужа, во мгновеніи дѣлается проповѣдникомъ Его и слышитъ сіе: *вострубите въ новомѣсячіи.* Мужескъ ли полъ или женскъ, какъ только явился ему Воскресшій человѣкъ, бѣжитъ и благовѣствуетъ, съ радостію великою возвѣщаетъ о немъ. Воскресъ! Воскресъ! Воистину воскресе Господь. Явися не только Симону, но и мнѣ малѣйшему познался. Тѣмъ самымъ познался мнѣ, что невидимый для мене есть. Не вижу его въ мертвыхъ, но тѣмъ самымъ вижу Его въ живыхъ. А видѣть въ стихіахъ сіе значитъ не видѣть Его, ниже знати Его. Радуйтеся со мною! Погубленнаго обрѣтохъ человѣка. Мы думали мертвъ. Убили Его негодныи священники. *Попраша мя врази мои.* Но я, маленькая тварь, есмь свидѣтелемъ Его, что онъ воистину живъ есть. Я искалъ Его и обрѣтохъ Его. Растаяло сердце мое отъ витающагося гласа Его ко мнѣ сего: *дерзай! Радуйся! Миръ тебѣ!* Кто есть другъ Его? Той повѣритъ благовѣстію. *Зима прейде; дождь отыйде; отыйде себѣ. Се вижу небеса отверста! Вѣмъ человѣка. И се день третій! отнелѣже сія быша.* Ахъ день третій! День Господень! Блаженны очи, видящіи сушу твою съ Ноевою голубицею! Ты прозябаешъ зеліе злака по роду своему. Въ твоемъ вертоградѣ вижу мужа Божія, человѣка моего, жизнь мою. Онъ пасетъ мя и ничтоже мя лишитъ.

Григорій. *Вострубите въ новомѣсячіи.* Священная Библіа есть-то позлащенная духомъ труба и маленькій мырокъ. Въ морскихъ водахъ рѣчи ея вся тварь и всякое дыханіе аки зерцало представляется. *Вострубите въ новомѣсячіи.* Но да не мните, яко труба сія трубитъ о стихіахъ. Можетъ ли о грязи вѣщать Богу посвященная труба? Единаго Господа въ ней всякое дыханіе хвалитъ. Солнце, луна, звѣзды, земля, моря, воздухъ, огнь съ своими исполненіями пріосѣняютъ и ведутъ къ сему: *положи тму, закровъ свой. Се сей стоитъ за стѣною нашею!* Хотящіи сею трубою проповѣдовать, да поютъ единаго Господа съ Его мыромъ и съ человѣкомъ Его. Да молчитъ тутъ всякая плоть человѣческая! *Вострубите въ новомѣсячіи.* Всяка плоть есть-то сѣно и вся слава человѣческая есть-то тлѣнь, грязь, ветошъ, ничтоже. *Востру-*

Библиотека "Руниверс"

бите въ новомѣсячіи. Проповѣдуйте лѣто Господне пріятное, радостное, веселое. Престаньте отъ плача. Раздерите вретища. Всяка стихіа естьто сѣтованіе, плачъ, горесть. Радуитеся Богу! Прімите ѱаломъ! Вострубите въ новомѣсячіи, яко близъ есть день Господень. Вострубите во благознаменитый день праздника вашего. День Господень есть-то праздникъ, миръ, вспокоеніе отъ всѣхъ трудовъ. Сія-то есть преблагословенная суббота, въ коей Господень человѣкъ почиваетъ. Что-ли есть почить, аще не вознестися вышше всѣхъ мыра нашего стихій? Что-ли есть немощная стихія всеминутно разоряема, аще не трудъ и болѣзнь? Долго ли мнѣ ползать по землѣ? Долго-ли ясти хлѣбъ болѣзни? Доколѣ положу совѣты въ душѣ моей, болѣзни въ сердцѣ моемъ..? Востани, душе моя! Не спи на стихіахъ! Нельзя почить на нихъ. Они трудъ и болѣзнь. А если увѣряешься имъ, тогда питаешь болѣзни въ сердцѣ твоемъ день и нощь. Вырви вперившееся въ прахъ око твое. Подними въ гору разслабленное твое тяжкосердіе. Воззри выспрь надъ небесну твердь. Не сливай въ тождество нощи и дня. Видишь горькое, но есть еще тутъ же и сладкое. Чувствуешь трудъ, почувствуй и покой. При твоей нощи есть тутъ же и утро дня Господня. Во единомъ обое мѣстѣ и во единомъ лицѣ, но не въ той же чести, ни въ той же природѣ. *И бысть утро, и бысть вечеръ.* Не полагай же болѣзней въ сердцѣ твоемъ. Полагаешь, если простираешь чрезъ день и чрезъ нощь. Простираешь, если не даешь мѣста тутъ же и дню Господню, не вѣруяй, ни взирая на высоту небесную. Что-то значитъ полагать болѣзни въ сердцѣ, если не мыслить и не совѣтовать въ душѣ своей, что всѣхъ тварей основаніемъ есть огонь, воздухъ, вода, земля? Ахъ нещасная душа моя! Для чего называешь ничтожное естество основательною твердю? Кто ослѣпилъ око твое? Ахъ! сія слѣпота отъ рожденія твоего тебѣ. Не видишь истины кромѣ тѣни ея. Не чувствуешь, что преходитъ мыръ сей. И не вчера началъ: проходитъ всеминутно. Обаче тоже все въ немъ видимъ, все, что прежде было. Конечно жъ тутъ нѣкая тайна. *Горе глаголющимъ свѣтъ тму!* Блесни молнію, о преблаженное естество, и возгреми надъ бездною души моея симъ громомъ: *да будетъ свѣтъ!* Во время оно воззрю на мыръ твой, на день твой и на человѣка твоего. Во время оно будетъ рука твоя на мнѣ. Въ разумѣніяхъ ея наставиши мя, проведъ чрезъ стихіи, аки коня твоего, да исполнится: *и изыйдете, и взыграете, яко же телцы отъ узъ разрѣшенны.* Аминь.

Библиотека "Руниверс"

БЕСѢДА, НАРЕЧЕННАЯ ДВОЕ,

О ТОМЪ, ЧТО БЛАЖЕННЫМЪ БЫТЬ ЛЕГКО.

Персоны: Михаилъ, Даніилъ, Израиль, Ѳарра, Наеманъ.

Ѳарра. О Наеманъ! Наеманъ! Утѣшь мене, другъ мой.

Наеманъ. Кто тебе перепугалъ, брате Ѳарра? Дерзай! Миръ тебе! Не бойся! Конечно ты видѣлъ въ соньмищѣ оныхъ: *гробъ отверстъ, гортань ихъ...*

Ѳарра. Тѣ-то сирены наполнили мой слухъ и сердце жалостнымъ и смущеннымъ пѣніемъ.

Михаилъ. Для чего-жъ ты себе ушей не закупорилъ воскомъ, такъ какъ древній Уликсъ.

Ѳарра. Тайна сія мнѣ неизвѣстна. А знаю, что они мнѣ напѣли много чудесъ, обезкуражившіи сердце мое. Не чудо-ль сіе? Есть, де, во Европѣ нѣкій Пророкъ, святый Іеремій. Онъ нашелъ отъ травъ сокъ, обновляющій ему и друзьямъ его младость, яко орлюю юность. Выслушайте второе чудо. Нѣкій докторъ медыцыны питался хлѣбомъ точію и водою и жилъ безъ всякихъ болѣзней лѣтъ 300. Но вотъ и третее! Нѣкій Калмыкъ имѣетъ столь быстрые очи, что яснѣе и далѣе видитъ, нежели кая-либо зрительна трубка. Вотъ чѣмъ мене плѣнили сладкогласны Сирины! А мои очи день отъ дня слабѣютъ. Не чаю прожить ни 20 лѣтъ. Кто-же мнѣ и кая страна обновитъ юность? Вѣкъ мой оканчивается...

Михаилъ. О Ѳарра! не тужи другъ мой. Мы замажемъ уши твои воскомъ, медомъ и сотомъ вѣчностью. Съ нами Богъ, разумѣите, о невѣжи; и совѣтъ вашъ, и слово разорится, яко съ нами Богъ. Услышите Господа силъ, Того освятите. *Той будетъ тебѣ во освященіе, аще будеши уповая на него.* А иначе вся ваша крѣпость, о языцы ося-

Библиотека "Руниверс"

зающіе, языцы невѣрующіе, будетъ вамъ камень претыканія и камень паденія и падежъ сокрушенія. *И сокрушатся и приближатся и яты будутъ человѣцы въ твердынѣ своей суще.* О другъ мой, Израилю! Блаженны есмы, яко Богу угодная намъ разумна суть.

Израиль. Взглянь на мене, Ѳарра. По что ты плѣнился лестнымъ твоихъ Сириновъ пѣніемъ? Вотъ влекутъ тебѣ на камень претыканія и паденія. По что, забывъ Господа, святишъ тое, что нѣсть святое? *Той будетъ тебѣ во освященіе, аще будеши уповая на него.* Друзья Іереміины состарѣютъ паки; безболѣзніе докторово прервется, а очи Калмыковы потемнѣютъ. *Терпящіи же Господа обновлятъ крѣпость, окрылатѣютъ аки орлы, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалчутъ.*

Даніилъ. Слушай Ѳарра! Разумѣешь ли, что значитъ освятить?

Ѳарра. Ей! ей не разумѣю! Научи мене.

Даніилъ. Освятить значитъ основать и утвердить; святое же значитъ незыблемое, неподвижное... Когда Исаіа вопіетъ: *Господа силъ, того освятите,* тогда значитъ, что Онъ Единъ есть святъ, сирѣчь, камень твердъ, чтобъ безопасно основать намъ нашего щастія храмину, а не дерзали бы мы святить ни одной твари, яко клятву и пѣсокъ. *Всяка плоть сѣно.* Глаголъ же Божій, сирѣчь, основаніе, сила, духъ пребываетъ во вѣки. Адамантъ самъ собою твердъ есть, а мы, только почитая его таковымъ, дѣлаемъ твердымъ. И сіе то есть: *будетъ тебѣ во освященіе, аще будеши уповая на него,* сирѣчь, освятитъ тебе и утвердить щастія твои домикъ вѣчно и неподвижно, если минувъ дрянь, весь пѣсокъ и сѣно, почтешь единаго Его святымъ и твердымъ.

Ѳарра. Ай, другъ мой Даніилъ! Не худо ты судилъ.

Даніилъ. Плюнь же, голубчикъ мой, на Веремѣеву юность, на докторово тристалѣтіе и на Калмыцкіе глаза. Истинная дружба, правдивое щастье и прямая юность никогда не обвѣтшаетъ. Ахъ! все то не наше, что насъ оставляетъ. Пускай будетъ при насъ, поколь оставитъ насъ. Но да знаемъ, что все сіе не вѣрный намъ другъ. Одинъ умираетъ въ 30, а другой въ 300 лѣтъ. Если умирать есть несчастье, такъ оба бѣдны. Не велика въ томъ отрада тюремнику, что иныхъ въ три часа, а его въ 30 день вытащатъ на ешафотъ. Кое же то мнѣ и здравіе, коему концомъ слабость. Кая то мнѣ младость, рождающая мнѣ старость? Ахъ! Не называй сладостью, если рождаетъ горесть. Не дѣлай долготою ничего, что прекращается. Не именуй щастьемъ ничего, что опровергается. Отъ плодовъ и отъ конца его суди всякое дѣло. Не люблю жизни, печатлѣемыя смертью, и сама она есть смерть. Конецъ дѣламъ будь судія! Не то орелъ, что лѣтаетъ, но то, что легко сѣдаетъ. Не то око, что яснѣетъ, но то, что

Библиотека "Руниверс"

не отемнѣетъ. Вотъ тебѣ прямое око, какъ написано о другѣ Божіемъ: не отемнѣстѣ очи Его, ни истлѣста устнѣ Его.

Варра. О Наеманъ! Наеманъ! Утѣшь мене, другъ мой.

Наеманъ. О любезная душа! Околдунилъ тебе гласъ сладкій Сиренскій, гласъ, влекущій лотку твою на камни. Ей! о сихъ то камняхъ гласъ сей Исаіи: *приближатся и сокрушатся, и падутъ. Наполнятся домове шума и почіютъ ту сирины.* Но не бойся! Господь избавитъ тебе, положитъ тебѣ во основаніе камень многоцѣненъ, краеуголенъ. *Тогда спасешися и уразумѣеши, гдѣ еси былъ.*

Варра. Не дивись сему, что я околдуненъ, а скажи мнѣ, гдѣ не слышится гласъ пустынныхъ сихъ птицъ? Сиренъ лестный окіана! Гласомъ его обаянна бѣдная душа на пути всегда желаетъ уснути, не доплывши брега. Се исполнилось на мнѣ, что я мальчикомъ пѣвалъ.

Наеманъ. А я тебѣ взаимно отъ той же пѣсни воспою: распространн бодръ вѣтрила и ума твоего крыла, пловущи на бурномъ морѣ, возведи очеса горѣ, да потечешь путь правъ.

Варра. Протолкуй мнѣ Наеманъ, что значитъ Сиринъ? Я слышалъ, что Сиренъ значитъ пустынную птицу.

Наеманъ. Когда не разумѣешь, что есть Сиринъ, ниже уразумѣешь, что ли есть пустынная птица. Иное разумѣть имя, а иное дѣло разумѣть то, что именемъ означается. Разумѣешь имя сіе или, скажу, звонъ сей: Христосъ, но дай Богъ, чтобъ ты зналъ, что сіе имя значитъ.

Варра. Такъ протолкуй же мнѣ не имя, но дѣло.

Наеманъ. Сиринъ есть сладкорѣчивый дуракъ, влекущій тебѣ къ тому, чтобъ ты основалъ щастіе твое на камнѣ томъ, который не утверждаетъ, а разбиваетъ.

Варра. Ражжуй какъ можно простѣе и вкуснѣе...

Наеманъ. Сколько у васъ славныхъ и почтенныхъ любомудрцевъ? Всѣ сіи суть Сирины. Они то соблазняютъ въ жизни сей пловущихъ стариковъ и молодцовъ. Взглянь сердечнымъ окомъ на житейское море. Взглянь на претыканіе и паденіе пловущихъ и на вопль ихъ. Одинъ возгнѣздиться хотѣлъ на капиталѣ, какъ Ноева голубица на холмѣ,— и подъ старость сокрушился. Другой на плотоугодіи думалъ создать домъ свой и въ кончину лѣтъ постыдился. Иной основался на камнѣ милости исполинскія и былъ ему претыканіемъ. Ты думаешь, но и ревнуешь сѣсть на камень плотскія юности, плотскаго безболѣзнія и плотскихъ очей твоихъ и се ожидаетъ тебе претыканіе, паденіе и сокрушеніе!

Варра. Брось людскія бѣшенства и скажи только, что значитъ пребываніе Сириновъ на морѣ? Зачѣмъ на водѣ..?

Наеманъ. Затѣмъ что въ суетѣ. Не хотятъ они въ гавань и въ лоно Авраамле, на матерую и твердую землю со Израилемъ, но съ Фарао-

Библиотека "Руниверс"

номъ. Вотъ вамъ благолѣпная фигура и преподобный образъ надежды и обманчивости! Гаванью или лономъ образуется упованіе, а моремъ и водою лживость всякія плоти. Во Евангеліи камень и пѣсокъ есть тоже. На ономъ мудрый, а на семъ домикъ себѣ строитъ мужъ безпутный. Ковчегъ и потопъ не тоже ли? Вода и Елиссейское желѣзо не тоже ли? Сороколѣтняя пустыня и обѣтованная земля не тоже ли? Что только преходитъ Израиль, все то море, вода, зыбкость, основаніе и упованіе юродивыхъ мужей, какъ написано: *рѣка текущая основаніе ихъ. Почіютъ ту Сирины. Возволнуются и почити не возмогутъ.* Нѣсть радоватися нечестивымъ.

Фарра. Ты уже и много насказалъ и завелъ въ любопытность. Такъ скажи же мнѣ, для чего иные толкуютъ, что Исаины Сирины суть то пустынныя птицы, а возгнѣздиваются въ пустомъ Вавилонѣ градѣ.

Наеманъ. О младенецъ съ бабіими твоими баснями! Ражжуй только зубомъ мужескимъ: сей часъ по Сампсонову наидешъ въ жесткомъ нѣжное, а въ пустомъ пищу. Пустынныя птицы развѣ то не лже-пророки, пустое поющіе? Пустый Вавилонъ развѣ то не Сиренскій камень? Не все-ли пустое, что суета? и не все-ли то вода, что не твердое? Послушай: вотъ птица! *Ефремъ, яко голубъ безумный, не имый сердца.* Ученіковъ сихъ птицъ называетъ Михеа дщерьми Сириненими и точно о Самаріи, кая такихъ птицъ довольно у себе имѣла, вопіетъ: *сотворитъ плачъ, аки зміевъ, и рыданіе, аки дщерей Сиринскихъ.* Къ симъ то безумнымъ птицамъ слѣдующій Божій отзывъ: *приступите ко мнѣ, послушайте мене погублшіе сердце, сущіи далече отъ правды.* О сихъ же птицахъ нечистыхъ Осіа поетъ вотъ что: *якоже птицы небесныя, свергу я. Горе имъ, яко отскочиша отъ мене.* Ученіковъ же ихъ называетъ чадами водъ. *Яко левъ возревetъ Господь и ужаснутся чада водъ.* Чада водъ и дщери Сиринскія есть то же: у Исаіи называются отъятыми парящихъ птицъ птенцами. Сіи жъ Сирены называются зміями и гадами. *Сотворитъ плачъ аки зміевъ... Полижутъ персть аки зміеве... Послю аки гады на землю.* Зачѣмъ туда? Затѣмъ, чтобъ вся дни живота своего кушали грязь. Сіи-то суть ангелы лютые, псы, злыя дѣлатели, облаки бездождные, водные, земные, духа не имуще...

Фарра. Полно! полно! Поговори еще мнѣ о добрыхъ птицахъ. Я уже и разумѣю, что конечно не худо поетъ оная птица. *Гласъ горлицы слышанъ въ землѣ нашей.*

Наеманъ. Нѣсколько тебѣ благовѣтствующихъ птицъ выпущу изъ ковчега. Взглянь! *Кіи суть, иже яко облацы летятъ и яко голубы со птенцы ко мнѣ?* Какъ темна и тонка вода во облацѣхъ воздушныхъ, такъ вода глубока—совѣтъ въ сердцѣ мужей сихъ и ихъ птенцовъ. И какъ голубины очи вышше волнованія Сиренскихъ водъ, такъ

Библиотека "Руниверс"

сердце ихъ выше вся тлѣни подъялось. Взглянь еще на горній хоръ птицъ прозорливыхъ! *Подъяхъ васъ, яко на крылѣхъ орлихъ, и приведохъ васъ къ себѣ. Идѣже трупъ, тамо соберутся орлы.* Не орелъ ли то: *Аніелъ Господень восхити Филиппа?* Не орелъ ли то: *не обрѣтеся Енохъ въ живыхъ?* Не орелъ ли то: *взятъ бысть Иліа вихромъ?* Вотъ орелъ паритъ! *Вѣмъ человѣка прошедшаго небеса.* Вотъ орелъ: *ятъ Аввакума Аніелъ Господень за верхъ его.* Вотъ орелъ: *вознесу тя, Господи, яко подъялъ мя еси.* Взглянь же сего любезнаго орла: *видѣхомъ славу Его...* Куда то они летятъ? Ахъ превзойшли они трупъ и тлѣнь. Устремили взоръ на того: *вземлется отъ земли животъ его. Взятся великолѣпіе его превыше небесъ.* Ахъ! взглянь сюда!... Не се ли оная благовѣстница съ масличною вѣтвою изъ Ноева ковчега, миръ намъ приносящая, летитъ и летя вотъ что кажется поетъ: дерзайте! Да не смущается сердце ваше потопомъ водъ Сиринскихъ! Я вижу холмъ незыблемый, верхи горъ, изъ подъ потопныхъ волнъ выникающихъ, провижу весьма издалеча землю и гавань; вѣруите въ Бога: тамъ почіемъ. *Кто дастъ мнѣ крылѣ... Очи ваши узрятъ землю издалеча.* А мнѣ любезна и горлица сія. Летитъ выспръ поющи: *воспою нынѣ возлюбленному пѣснь.* О Ѳарра! Ѳарра! чувствуешъ ли вкусъ въ пророчіихъ музахъ? А иначе бѣжи и приложися къ Галатамъ.

Ѳарра. Вѣришь ли, что для меня пріятнѣе пѣніе Сиренское.

Наеманъ. Ей, друже, вѣрю, что больше елея имѣетъ во умащеніи своемъ лстецъ, нежели въ наказаніи своемъ отецъ, и что ложная позолотка есть блистательнѣе паче самаго злата и что Иродова плясавица гораздо красивѣе, нежели Захаріина Елисаветъ. Но помни притчу: *не славна изба углами: славна пирогами. Не красна челобитна слогомъ, но закономъ.* Въ самомъ сладчайшемъ ядѣ внутреній вредъ уничтожаетъ сладость. Предревняя есть притча сія: ἁπλὸς ὁ μύθος τῆς ἀληθείας. У истины простая рѣчь. Инако поютъ въ костелѣ, а инако на маскарадѣ. Смѣшонъ, кто ищетъ красныхъ словъ въ томъ, кого спрашиваетъ о дорогѣ и кто лакируетъ чистое золото. На что пророчіимъ пѣснямъ бл.....іе? Пусть покрывается имъ Сиренская лжа! А то, что они поютъ во фигурахъ, фигуры суть мѣшечки на золото и шелуха для зерна Божія. Сіе-то есть иносказаніе и истинная оная ποίησις, сирѣчь, твореніе—положить въ плотскую пустошъ злато Божіе и здѣлать духомъ изъ плоти: авось либо кто догадливъ найдетъ въ коробочкѣ прекрасное отроча еврейское взятаго вышше водъ Сиренскихъ человѣка. *Творяй Аніелы своя духи* (духами). Вотъ истинные піиты, сирѣчь, творцы и пророки и сихъ то писанія любилъ читать возлюбленый Давидъ. *Въ твореніихъ руку твоею поучахся.*

Ѳарра. Однакъ мнѣ пріятны и ковчеговы птички. Мудренько поютъ. Выпусти еще хоть одну.

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ. Я тебѣ выпущу; обратись сюда, Ѳарра! Возведи очеса! *Яко ластовица, тако возопію и, яко голубъ, тако поучуся.*

Ѳарра. Кой вздоръ? Громкія ластовицы въ коихъ странахъ родятся? А у насъ они тоже, что свершки. Голубъ глупяе курицы— какъ можетъ любомудрствовать? Видишь-ли? Коль стропотныя музы пророческія? Вотъ какихъ птицъ насобралъ въ свой ковчегъ Ной! А мои Сирены нѣжно, сладко, ясно, громко и самыми преславными модными словушками воспѣваютъ. Самыя морскія волны, кажется, что отъ ихъ пѣнія поднимаются и пляшутъ, будьто отъ Орфеевой псалтыри, и нѣтъ толь глупаго скота и звѣря, даже и самаго нечувственнаго пня и холма, чтобъ ихъ не разумѣлъ, чтобъ не скакалъ и съ воскликновеніемъ не восплескалъ въ длани; и не дивно, что вселенную влекутъ за собою.

Михаилъ. Не бойся Ѳарра! Израиль видитъ двое. А сіе то есть жезлъ и власть ему здѣлать изъ яда ядь, изъ смерти жизнь, изъ обуялости вкусъ, а изъ стропотнаго гладкое и ничесо же его вредитъ. Онъ ссетъ камень, преходитъ море, вземлетъ змія и пьетъ мерру въ сладость. Его желудокъ все варитъ въ пользу и зубы все стираютъ и вся поспѣшествуютъ во благое. Слушай, Израиль! Раскуси ему Езекіину мысль. Испій стропотну сію рѣчь такъ, какъ написано о тебѣ: *отъ потока на пути піетъ.* О Израилю! Преходь потокъ, исходь на второе: сіе есть твое.

Израиль. *Господь даде мнѣ языкъ...* Ластовица и голубъ значитъ Израиля. Взглянь, Ѳарра, на стѣну и скажи, что ли видишь. Взглянь сюда.

Ѳарра. Вижу картинку, гдѣ написана птичка, поднявшаясь изъ морскаго берега и летящая на другой невидный брегъ.

Израиль. Сія есть Израильская картина, нареченная символъ. Ластовица, убѣгая зимы, летитъ чрезъ море, отъ сѣвернаго берега на южный и летя вопіетъ: *нѣсть мнѣ мира здѣ.* Въ сей то символъ ударяетъ Езекіина сердца лучъ сей: *яко ластовица, тако возопію.* Израиль вездѣ видитъ двое. Ластовицу осязаетъ; а чрезъ нея, будьто чрезъ примѣту, ведущую къ мѣти, провидитъ духомъ чистое, свѣтлое и божественное сердце, возлетающее вышше непостоянныхъ водъ, къ матерой и теплой тверди. Сіе-то есть стоять на стражѣ со Аввакумомъ, возводить очи и быть обсерваторомъ на Сіонѣ. Необрѣзанный же сердцемъ видитъ одни примѣты безъ мѣты. Взглянь, Ѳарра, и на сей символъ. Видишь окрылатѣвшую дѣву, простершую руки и крила и хотящую летѣть чрезъ пучину морскую къ выникающимъ издалеча холмамъ. А любезный ея надъ холмами изъ облака взаимно къ ней летитъ уже, простирая къ объятію руки своя. Здѣсь видишь и плавающій ковчегъ. Сія есть чистая жена, о коей написано: *даны*

Библиотека "Руниверс"

быша женѣ два крила орла великаго. Блаженныя сея жены потопомъ блевотинъ своихъ не могъ потопить змій седмиглавный. Она то вопіетъ: *кто дастъ мнѣ крылѣ...* Вотъ тебѣ ластовица! *Яко ластовица, тако возопію...* Не въ силѣ велицѣй, ни въ крѣпости гласъ ея, но въ Дусѣ моемъ, глаголетъ Господь вседержитель. *Радуйся зѣло, дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Іерусалимля.* Не ластовица ли Павелъ, проповѣдующій не въ мудрости слова и мірскаго витійства, и Сиренскаго бл....ія, но въ наученіи и силѣ Духа святаго? А когда ластовица кричитъ, что для нея сѣверный брегъ опасенъ и что узнала она надежный южный брегъ, такъ не двое ли она видитъ и не то же ли намъ благовѣститъ? *Вѣмъ человѣка: о семъ похвалюся.* Не то же ли, что Давидъ? *И полещу и почію.* Не то же ли, что Ангелъ? *Се благовѣтствую вамъ радость велію... Нѣсть здѣ: тамо его узрите. Нѣсть мнѣ мира здѣ.* Самъ Езекіа, сказавъ—яко ластовица и протчая, всплошь придаетъ сіе: *ищезостѣ бо очи мои,* сирѣчь, престалъ я то видѣть, что прежде видѣлъ; я видѣлъ одну воду, одну плоть и кровь и одну пустошъ и суету; и сіе есть одно и есть ничто же; посему я и слѣпъ былъ, видѣвшій то, что ничтоже и одна точію тѣнь есть; нынѣ же глупое око мое ищезло и преобразилося во око вѣры, видящіе въ тѣлишкѣ моемъ обонъ полъ непостоянныя плоти и крови твердь и высоту Господа моего, Духа Божія, содержащаго своею горстію прахъ мой и сіе есть второе и надежное, вторый человѣкъ Господь мой, *иже избави мя и отъя болѣзнь души моея.* Отселѣ всѣ воскресшіи возблагословятъ тя и я ожившій. *Яко ластовица, тако возопію, и яко Павелъ, тако поучуся. Отъ днѣсь бо дѣти сотворю, яже возвѣстятъ правду твою... Отъ нынѣ ни единаго вѣмы по плоти. Аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ къ тому не разумѣемъ.* Посмотри же, Ѳарра, и на другой символъ, въ центръ коего ударяетъ сія жъ Езекіина рѣчъ. Взглянь сюда.

Ѳарра. Вижу на самомъ верхѣ камня, въ срединѣ моря стоящаго, стоитъ кая-то птичка. Камень схожъ на Сиренскій.

Израиль. Какъ ему быть Сиренскимъ, когда гласъ символовъ есть таковъ: *in constantia quiesco,* сирѣчь, на незыблемости почиваю. Кая вѣрность на Сиренскомъ, волнами покрываемомъ? Сей есть каменный холмъ вѣчнаго, выникшій изъ подъ вселенскаго потопа, на коемъ упокоился Ноевъ голубъ съ такимъ благовѣстіемъ: inveni portum Jesum. Caro, munde, valete! Sat me jactastis. Nunc mihi certa quies. Сирѣчь:

Прощай стихійной потопъ!
Я почію на холмахъ вѣчнаго,
Обрѣтши вѣтву блаженства.

Вотъ тебѣ Ноевъ голубъ! Послушай гласъ его: *лѣта вѣчная помянухъ и поучахся. Постави на камени нози мои. На камень вознесль*

Библиотека "Руниверс"

мя еси. Господь утвержденіе мое и камень мой. Вотъ еще голубъ! *Со усердіемъ іоню, къ намѣренному теку,* аще како достигну во воскресеніе мертвыхъ. *Разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ къ тому не разумѣемъ.* Пожалуй посмотри мнѣ и на сына Іонина, сирѣчь, голубинина. *Блаженъ еси, Симоне, сыне Іонинъ.* Яко плоть и кровь не яви тебѣ (мене), но Отецъ мой, иже на небесѣхъ... *Ты еси камень (Кифа) и на семъ камени утвержу всю церковь мою...* Слыхалъ ли ты о Даніиловомъ каменѣ? Се онъ есть! Слышалъ ли замокъ Апокалиптичный? Се онъ есть. Слышалъ ли рай? Вотъ онъ тебѣ! Слыхалъ ли о землѣ дивной, что отъ воды и посредѣ воды? Вотъ же тебѣ обѣтованная земля! Вспомни Евангельскій маргаритъ. Вспомни обрѣтенную драхму. Вспомни свобожденіе, исцѣленіе, воскресеніе и протч. и протч. и протч. Все сіе и всѣ пророческія музы, какъ праволучныя стрѣлы молніины, въ сей святый и единъ камень ударяя, путеводствуютъ. Видишъ, Ѳарра, въ кую гавань доплыла рѣчь Езекіина. Не дерзай же хулить птицъ Ноевыхъ. Они поютъ тихо, но гласъ тонокъ ихъ, остръ и высокъ. А Сирены, какъ лебеди, возносятъ громко крикъ, но по пословицѣ: *высоко полетѣла, да не далеко сѣла.*

Ѳарра. Право я влюбился въ ваши птички. Ковчегъ вашъ подобенъ Троянскому коню. Выпустите мнѣ еще хоть одну. Люблю, что поютъ двое. Одно во уши, другое въ разумъ, какъ написано: *двое сія слышахъ.* Теперь вижу, что не пустая древняя оная притча: *глупъ, кто двое насчитать не умѣетъ.* Видѣть кошельокъ (и) не знать, что въ кошелькѣ; сіе есть видящи не видѣть. Видно, нужно вездѣ видѣть двое. Видѣть болванъ (и) не знать, что въ болванѣ, есть не знать себя. Сирены поютъ воду, а ваши птицы воду и гавань. Вода есть кошельокъ, а гавань есть имперіалъ. Тѣло есть вода и кожа, въ которую одѣтъ истинный нашъ Адамъ.

Даніилъ. О, Ѳарра! началъ ты издавать благоуханіе. *Сотъ ископаютъ устнѣ твои, невѣсто.* Вотъ сей то сотъ закупоритъ тебѣ уши противу Сиренъ.

Ѳарра. Выпусти, Даніилъ, еще хоть одну мнѣ райскую птицу.

Даніилъ. Изволь! Еще ты такой не видалъ. Лови ее! *Еродій на небеси позна время свое.*

Ѳарра. Дичину ты выпустилъ. Я и имя ея въ первое слышу. Скажи мнѣ: кой родъ есть птицы еродій?

Даніилъ. У древнихъ славянъ она еродій, у еллиновъ Пеларгосъ, у римлянъ киконіа, у поляковъ боцянъ, у малороссіанъ гайстеръ; схожа на журавля [1]). Еродій значитъ боголюбный, если слово еллин-

---

[1]) Ἔρος значитъ желаніе, римски Купидонъ; Zεύς,—Jupiter или Дій; отсюду слово Еродій—тоже что Филоѳей.

Библиотека "Руниверс"

ское. Но что въ томъ нужды? Брось тѣнь; спѣши ко истинѣ. Оставь физическія сказки беззубымъ младенцамъ. Все то бабіе и баснь и пустошъ, что не ведетъ къ гавани. Сѣки скорѣе всю плоть по Израильски. Сержусь, что медлишъ на скорлупѣ. Сокрушай и выдирай зерно силы Божія. Еродій знаменуетъ вѣру во Христа, а, яснѣе сказать, Израильское око, видящее двое; вотъ тебѣ гайстеръ! Будь здоровъ съ нимъ! Съ небесе крастель...

Өарра. Конечно жъ есть причина, для чего взятъ онъ въ образъ сей.

Данiилъ. Конечно троякая вина сему есть; 1) что гнѣздится на киркахъ; 2) что снѣдаетъ змій; 3) что въ старости родителей кормитъ, хранитъ и носитъ. Кирка значитъ дворъ Божій. *Коль возлюблены селенія твоя... Птица обрѣте себѣ храмину... Тамо птицы возгнѣздѣ Еродіево жилище предводительствуетъ.* Еродій всегда на вышнихъ мѣстахъ, на шпицахъ и на куполахъ, гнѣздится, будьто предводитель протчіимъ птицамъ. *Блаженны живущіи въ дому твоемъ.* Вотъ тебѣ еродій! *Едино просихъ отъ Господа и протч.* Вотъ еродій! *Обрѣте его Іисусъ въ церкви.* А сіи тебѣ развѣ не предводительствующіе суть еродіи? *Взыдоша на горницу, гдѣ же бяху пребывающе Петръ же и Іяковъ и Іоаннъ, и прочіе единодушно вкупѣ. И бысть внезапу съ небесе шумъ... и исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки.* Вотъ что въ сей птицѣ великое! *Позна время свое.* Видно, что она познала двое: время и время. О кто сей прекрасный Еродій есть! Послушай его. *Се зима прейде, дождь* (потопъ) *отъиде, отъиде себѣ;* цвѣты явишася на землѣ и протч. Видишь ли? Что значитъ? И куда летятъ Ноевы птицы? Ко Авраамлю заливу и къ гавани оной: *Господь пасетъ мя...* На вотъ тебѣ стадо и безтолковыхъ гайстровъ! *Лице небесе умѣете разсуждати. Горе вамъ смѣющимся нынѣ.*

Өарра. А почему ты ихъ назвалъ безтолковыми? Вить ихъ за прогностики Христосъ не осуждаетъ.

Данiилъ. Они чрезъ солнце разумѣютъ разумно непогоды, но не прозорливы узрѣть второе время, сирѣчь, Царствіе Божіе. Надобно знать съ Даніиломъ время одно и время второе. Изъ сихъ полувременъ все составлено. *И бысть вечеръ, и бысть утро день единъ.* Одно время есть плакать, а второе время смѣяться. Кто одно знаетъ, а не двое, тотъ одно бѣду знаетъ. Вотъ еще бѣдные гайстри! *Взалчутъ на вечеръ... Возволнуются и почити не возмогутъ.* О безумно возгнѣздившихся сихъ гайстрахъ можно сказать: ихъ твердь—одна вода; въ срединѣ ихъ—бѣда. Смѣяться нынѣ и веселиться здѣ значитъ не видать ничево, кромѣ тмы и стихійныя сѣни: *горе вамъ, смѣющимся нынѣ.* И когда Петръ сказалъ: *добро намъ здѣ быти,* тогда вдругъ обличенъ: *не вѣдый, еже глаголаше.* Онъ раздѣлялъ Моисея отъ Иліи, Илію отъ Христа, не познавъ еще истиннаго человѣка, кромѣ чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣческія плоти или стѣни. А когда проснулся, тогда сдѣлался мудрымъ еродіемъ и, познавъ двое, позналъ истиннаго сверхъ человѣчія сѣни человѣка, который есть единъ во всѣхъ и всегда. *Убуждшеся видѣша славу Его. Обрѣтеся Іисусъ единъ. Иже есть всяческая во всемъ.* Простый еродій на одномъ небеси видитъ двойное время: стужу и теплоту, зиму и весну, покой и досаду, а тайный Еродій, сирѣчь, Израиль сверхъ стихій и сверхъ самаго тонкаго воздуха видитъ тончайшее второе естество и тамо сей еродій гнѣздится. *Что мнѣ есть на небеси? И отъ тебе что восходитъ на землѣ?* Сіе второе естество, аще въ стихіахъ или кромѣ стихій, Богъ вѣсть. Однакъ Израиль позналъ оное.

Варра. О Даніилъ! Ей! Понравились мнѣ твои гайстры. Выпусти еще хоть одного.

Даніилъ. Развѣ и тебѣ хочется быть гайстромъ?

Варра. Велми хочется, но да не безтолковымъ же.

Даніилъ. И мудрый часто претыкается. *Толико время съ вами есмь— и не позналъ еси мене, Филиппе. Не можеши нынѣ по мнѣ ити. Отвержешися мене трищи.* Дай, Богъ, чтобы ты былъ въ ликѣ сихъ гайстровъ: *сей есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе и его же послалъ еси...* Вотъ предводитель и царь ихъ! Послушай его. *Духъ Господень на мнѣ... Нарещи лѣто Господне пріятно и день...* Вотъ и сей не послѣдній! Се нынѣ время благопріятно! Се нынѣ день спасенія! Вотъ коль нужно слово сіе! Γνῶθι καιρον. Nosce Tempus. Познай время. *Еродій позна время свое,* горлица и ластовица... О еродіево жилище! Блаженно еси! Не то ли оно? *По землѣ ходяще, обращеніе имамы на небесѣхъ. Праведныхъ души въ рущъ Божіей... Боже сердца моего! Душа моя въ руку твоею. Подъ сѣнь его возжелахъ и сѣдохъ... Авраамъ радъ бы видѣтъ день мой: и видѣ, и возрадовася. Онема же отверзостеся очи, и познаста его, и той не видимъ бысть има.* Да избавитъ же тебе Господь отъ тѣхъ юродовъ! *Еродіа позна время свое, горлица и ластовица...* Людіе же мои сіи не познаша судебъ Господнихъ. *Возлюбиша паче славу человѣческую, неже славу Божію. Ослѣпи очи ихъ, да не видятъ, не разумѣютъ,* вопіетъ Исаіа увидѣвъ славу Христа Господня. А они хвалятся: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ.* Умирайте! Умирайте! Яко нѣсть ваше разумѣти двое. Видите, о нощные враны, одинъ только днешній вечеръ, одну только воду со сиренами. Сія то мрачная слава ослѣпила вамъ очи, да не видите утреннія оныя славы: *востани, слава моя! Востани рано.* Для чего вы, о звѣри дубравныя, въ ложахъ своихъ легли, не дождавъ блаженнаго онаго втораго дня: *во утрій же видѣ Іоаннъ Іисуса. Се Агнецъ Божій!* Сей есть, о немъ же азъ рѣхъ. Вы есте тма міру и волки, не отъ числа оныхъ: *Веніаминъ волкъ хищникъ рано ясть еще...* но въ вечеръ глотающіе все безъ останка на утро, да *останки нечестивыхъ потреблятся.*

Библиотека "Руниверс"

Варра. Я вовся не разумѣю, что значитъ останокъ.

Данiилъ. О дряхлый и косный Клеопо! Останокъ есть тоже, что барышъ, ростъ, приложеніе, прилагаемое прекраснымъ Іосифомъ въ пустое вретище Веніаминово. И сего ли не разумѣешь? Не приложатся жъ тебѣ лѣта живота...

Варра. О! нынѣ разумѣю и приложатся мнѣ, яко Езекіи.

Данiилъ. Останокъ есть лѣто Господне пріятное (Jubilaeus annus), день воздаянія, весна вѣчности, таящіяся подъ нашимъ сокрушеніемъ, будьто злато въ сумахъ Веніаминовыхъ, и воздающія Израилеви вмѣсто мѣди злато, вмѣсто желѣза сребро, вмѣсто дровъ мѣдь, вмѣсто каменія желѣзо, вмѣсто пѣсочнаго фундамента адамантъ, сапфиръ и анфраксъ... Чолъ ли ты во причтахъ: *исцѣленіе плотемъ и приложеніе костемъ.* Плоть бренная твоя есть то здѣшній міръ и днешній вечеръ, и пѣсочный грунтъ, и море Сиренское, и камни претыканія. Но тамже, за твоею плотію, до твоей же плоти совокупилась гавань и лоно Авраамле, земля посредѣ воды словомъ Божіимъ держима; если ты не нощный еси, но излетѣвшій изъ ковчега вранъ, если ты ластовица или голубица, узнавшая себе, сирѣчь, видящая двое—міръ и міръ, тѣло и тѣло, человѣка и человѣка, двое въ одномъ, и одно во двоихъ, не раздѣлно и не слитно же, будьто яблонь и тѣнь ея, древо живое и древо мертвое, лукавое и доброе, лжа и истина, грѣхъ и разрѣшеніе, кратко сказать, все, что осязаешъ въ наружности твоей, аще вѣруеши, все тое имѣешъ во славѣ и въ тайности истое, твоею жъ внѣшностію свидѣтельствуемое, душевнымъ тѣломъ духовное. Въ сей то центръ ударяетъ лучъ сердца наперсникова: *всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа, во плоти пришедша* (плоти приложившагося), *отъ Бога есть. Вѣмы же, яко, егда явится, подобны ему будемъ, ибо узримъ Его, яко же есть. И всякъ, имяй надежду сію на Него, очищаетъ себе, якоже Онъ чистъ есть.* Вотъ тебѣ останокъ! вотъ приложеніе костемъ твоимъ! Все тебе оставитъ, а сей останокъ никогда. *Вся преходятъ, любви же ни. Господа силъ, того освятите...* Нынѣ разумѣеши ли надежду твою и лжу Сиренскую? Вотъ тебѣ вмѣсто тристалѣтныя вѣчная память и юность! Будь здоровъ! *Въ память вѣчную пребудетъ праведникъ.* Отъ шума Сиренскихъ водъ не убоится. Сей есть животъ вѣчный. Нынѣ *обновится, яко орляя, юность твоя.* Но не тѣхъ орловъ, что паки старѣютъ и умираютъ, но оныхъ, кои въ познаніи самаго себе вельми высоко вознеслися, вышше всѣхъ стихій и вышше самого здѣшняго сонца, яко и оно есть суета же и ветошъ, ко оному пресвѣтлѣйшему моему солнушку: *Ты же тойжде еси... Одѣяйся свѣтомъ солнечнымъ, яко ризою, глаголяй къ намъ сія: подъяхъ васъ, яко на крилѣхъ орлихъ, и приведохъ васъ къ себѣ. И видѣхомъ въ трупѣ нашемъ славу Его, во*

Библиотека "Руниверс"

лвъ семъ сотъ вѣчности его, во тмѣ сей свѣтъ не вечерній его, въ водѣ сей нашей твердь гавани его. Трупъ есть всякъ бренный человѣкъ; и библіа есть человѣкъ и трупъ. Найшовъ въ нашемъ трупѣ свѣтъ и сотъ, находимъ послѣ того сію жъ пищу и въ библіи, да исполнится еіе: *идѣ же трупъ, тамо соберутся орлы.* Высоку сей трупъ обѣщаетъ трапезу; высоко и мы возлетѣли, гдѣ царствуетъ вѣчная сладость и вѣчная юность.

Врата Господня

въ новую страну, въ предѣлы вѣчности;

ТАМЪ ИСПЫТАЕМЪ, ЛЕГКО-ЛИ БЫТЬ БЛАЖЕННЫМЪ?

Θарра. Тфу!... Оправдилась притча: на конѣ ѣздя, коня ищетъ. Я думалъ, что вельми трудно быть блаженнымъ... По землѣ, по морю, по горнихъ и преисподнихъ шатался за щастіемъ. А оно у мене за пазухою... Дома... Древняя притча: Ita fugias, ut ne praeter casas. *Отъ лиха убѣгай, да хаты не минай.*

Наеманъ. О Θарра! Не только дома, но въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей Царствіе Божіе и глаголъ Его. Сей есть камень, а протчее все тлѣнь, ложь, лужа... *Вся превходятъ...* Но кто тебѣ насѣялъ лукавое сѣмя сіе, будто трудно быть блаженнымъ? Не враги ли Сирены? О глаголъ потопный и языкъ льстивый!

Θарра. Ей! ей! Они. Отъ ихъ то гортани гласъ сей: χαλεπὰ τὰ καλὰ. Трудна доброта...

Наеманъ. О да прильпнетъ языкъ ихъ къ гортанѣ ихъ! *Нѣмы да будутъ устнѣ льстивыя!* Изблюй онаго духа лжи вонъ, а положи въ сердцѣ сей многоцѣнный во основаніе камень: χαλεπὰ τὰ καλὰ. *Трудно бытъ злобнымъ.* Что можетъ обезкуражить и потопить сладко-теплый огнь Параклитовъ, если не оная зміина, Сиренская блевотина? Отсюду то въ душѣ мразъ и скрежетъ, косность и унынiе во обрѣтеніи Царствія Божія. Отсюду ни теплъ еси, ни хладенъ; имамъ тя изблевати... О гряди, Господи Іисусе! Ей! Гряду скоро: аминь... Нынѣ не обынуяся сказую: се Господь мой пришелъ! Се солнце возсіяло и новая весна! Да расточатся и ижденутся со блевотинами своими душы нечестивыхъ отъ предѣловъ весны вѣчныя! Не входитъ туда неправда. Намъ же даны ключи. Χαλεπὰ τὰ καλὰ. Не тмами ли темъ тяжелѣе олова беззаконіе? Что же ли есть легчаѣ любви Божія? *Крила ея— крила огня.* Напиши красками на ногтѣ Адамантовомъ славу сію: *сродное, нужное, латвое есть тоже.* Что же есть нужнѣе царствія

Библиотека "Руниверс"

Божія? Въ заплутанныхъ думахъ и въ затмѣнныхъ рѣчахъ гнѣздится лжа и притворъ, а въ трудныхъ дѣлахъ водворяется обманъ и и суета. Но латвость въ нужности, а нужность въ сродности, сродность же обитаетъ въ Царствіи Божіи. Что нужнѣе для душевнаго человѣка, какъ дыханіе? И се вездѣ туне воздухъ! Что потребнѣе для духовнаго, какъ Богъ? И се вся исполняетъ! Аще же что кому неудобное, напиши, что не надобное! О глубина премудрыя благости, сотворшія нужное не труднымъ, а трудное не нужнымъ. Тако мой Господь сказа мнѣ, Духъ сладкій, Духъ мирный, Духъ пророческій, и не печатлѣю словесъ, да оправдится премудрость Его отъ чадъ его.

Израиль. О Наеманъ! Наеманъ! Дышешь духомъ Параклитовымъ, съ высоты силою его облеченный. И что есть Духъ утѣшитель, если не чистое сердце, отъ мрака грѣховнаго воззванное, аки въ солнцѣ солнушко, зѣница его, во вкусъ и прозорливость сіяющее? Сей есть живый Силоамъ и родная Софіа, видящая двое и глаголющае странное.

Наеманъ. Тѣмъ же, о Израилю, идуще новымъ Святаго Духа путемъ, ищите и обрящете. Се вся полезная суть возможна и возможная полезна.

Ѳарра. Мнѣ бы хотѣлось быть онымъ папою и сочетать въ одной ипостаси первосвященство и царство.

Михаилъ. О славолюбный Зара! Куда тебе Духъ воскриляетъ? Но при томъ приснопамятно будь сіе: *кто, яко Богъ?*

Ѳарра. Развѣ же Богъ не хощетъ, чтобъ мы были Богомъ?

Михаилъ. О Ѳарра! что радостнѣе святому Духу, какъ тое, чтобъ намъ всѣмъ стать Богомъ?

Ѳарра. О Михаилъ! Се ты странное воспѣлъ!

Михаилъ. Если оно святому Духу пріятное, тогда воистинну странное и преславное. Онъ единъ есть любопытная оселка, показующая чистое злато, нареченна, римски index. И въ сію то мѣть ударяетъ сіе Павлово слово: δοκιμάζετε πάντα... *Вся испытайте, благая же пріемлете.* Аще же гнушается оный голубъ, тогда оно бываетъ мірское, модное и въ такомъ смыслѣ общее, въ какомъ разумѣетъ Петръ святый, глаголя сіе: *Господи, николиже ядохъ скверно.* Скверно, въ римскомъ же лежитъ commune, еллински κοινον, разумѣй coenum, сирѣчь, блато, грязь, мерзкое, мірское...

Ѳарра. Вить же славы искать Духъ святый не запрещаетъ?

Михаилъ. *Слава въ студъ ихъ...* Видишъ, что студная слава запрещается. За добрую же славу лучше желаетъ Павелъ умрѣть, нежели ее испразнить. Оная слава есть тѣнь, а сія финиксъ. Оную хватаютъ псы на водѣ Сиренской; сію же пріемлютъ чада Божія во Авраамлей гавани. Суетна слава, тщетная прибыль, сласть ядовита; се три суть адскія горячки и ехиднины дщери нечестивому сердцу во

Библиотека "Руниверс"

опаленіе. Но сущая слава, истинная прибыль, сласть не притворна— се сіи суть Духа святаго невѣсты, во обятіяхъ своихъ чистую душу услаждающія.

Ѳарра. Угадалъ ли я, что, по правилу Израильскому, пустая слава есть труднѣе истинныя.

Михаилъ. Тфу! Какъ же не труднѣе псу схватить тѣнь, нежели истинный кусъ? Вотъ предъ тобою яблонь! Схвати мнѣ и подай тѣнь. Но самое тѣло ея вдругъ обнять можешъ.

Ѳарра. Не только, но и плодъ сорву. Се тебѣ съ нея прекрасное яблоко, благовонное, дарую тебѣ. Въ немъ обрящемъ столько яблочныхъ вертоградовъ, сколько во все-вселеннѣй Коперниканскихъ міровъ. Вотъ тебе отъ мене награда за твое доброе слово!

Михаилъ. Если бы ты мнѣ все-вселенну дарилъ по плоти, я бы отказался; и малыя сторонники моея матери Малороссіи, и одной ея горы не взялъ бы. Гдѣ мнѣ ее дѣвать? Тѣлишко мое есть маленькая кучка, но и та мнѣ скучна. Что есть плоть, если не гора? Что гора, если не горесть? *Кто яко Богъ?* Что сладчае и легчае, и вмѣстнѣе, какъ Духъ? Сердце мое вкушаетъ его безъ грусти, пьетъ безъ омерзѣнія, вмѣщаетъ безъ труда, носитъ безъ досады. Душа моя въ Духа, а Духъ въ сердце мое преобразился. Боже сердца моего! О часть моя всесладчайшая! Ты единъ мнѣ явилъ двое: сѣнь и безвѣстную тайну. Ты еси тайна моя; вся-же плоть есть сѣнь и закровъ твой. Всяка плоть есть риза твоя, сѣно и пепелъ; ты же тѣло, зерно, ѳиміамъ, стакти и касіа, пречистый нетлѣнный, вѣчный. Все тебѣ подобно и ты всему; но ничто же есть тобою и ты ничѣмъ же кромѣ тебе, ничто же, яко же ты. *Кто яко Богъ?* О Ѳарра! Что плачеши? Чего ищешь въ паствѣ—духа или плоти? Духъ сего Христа Божія вдругъ какъ молнію пріять можешь. Но престолы, палаты, колесницы, сребро и злато... все сіе есть плоть, гора, трудъ и горесть. Не прикасайся сему; восходящее, высокое въ немъ и божественное, оное да будетъ твое. Сіе то есть истинное единство и тождество и легкость и нужность быть причастникомъ не плоти, но духа, протчее же все есть тѣнь, вода и бѣда... Хочешь ли быть Христомъ? Къ чему жъ тебѣ свышше сотканъ его кафтанъ? Къ чему плоть его? Имѣешь собственную. Возьми ты отъ странника сего то, что самъ тебѣ подноситъ, вотъ оно! *Дуну: пріймите Духъ Святъ.* Симъ образомъ будешь едино и тожде съ нимъ, яко же онъ со отцемъ твоимъ. Неужели ты кафтанъ и плоть дѣлаешь Христомъ? И, хватая на потокѣ тѣнь, умножаешь число не чадъ Божіихъ, но оныхъ псовъ: *отъяти хлѣбъ чадомъ и поврещи псомъ.* Ахъ! Блюдись отъ сихъ псовъ, отъ злыхъ дѣлателей. Не дѣлай благимъ зла, а плоти Богомъ. Уклонися отъ зла и сотвори благо и будешь въ числѣ чадъ оныхъ: *елицы же пріяша его, даде имъ область*

Библиотека "Руниверс"

чады Божія быти. Хочешь ли быть царемъ? На что жъ тебе елей, вѣнецъ, скиптръ, гвардіа? Сія есть тѣнь и маска. Достань же себѣ свышше сердце царское. Симъ образомъ будешь едино съ царемъ твоимъ. Духъ правды—онъ то есть сердце царево. Правда утверждаетъ престолы сильныхъ и обладаетъ народами. И что сильнѣе ея? Кто яко правда утверждаетъ престолы сильныхъ и обладаетъ народами? Что сильнѣе ея? Кто, яко правда? Сей есть истинный царь и Господь, твердь и крѣпость, елей и милость. Сей Духъ да царствуетъ въ тебѣ и милостью Вышняго не подвижися. На вотъ тебѣ царя безъ маски! *Царь уповаетъ на Господа. Помаза насъ Богъ Духомъ. Духъ Господень на мнѣ.* Хочешь ли быть Павломъ Ѳивейскимъ, Антоніемъ Египетскимъ или Савою освященнымъ? Лицемѣре! Къ чему жъ тебѣ финикова епанча Павлова? Къ чему Антоніевска борода, а Савинъ монастырь, капишонъ Пахоміевъ?... Сей есть одинъ только монашескій маскарадъ. Кая жъ польза сею маскою сокрывать тебѣ мірское твое сердце? Да явишися человѣкомъ? Уклонися отъ зла. Оставь тѣнь. Стяжи себѣ мужей оныхъ сердце. Въ то время вдругъ какъ молнія преобразишся во всѣхъ ихъ. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудренность, дружись съ терпѣливостью, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи Божественнаго сердца ихъ! Сіе иго вельми благо и легко есть. А наживать странный и маскарадный габитъ, забродить въ Нитрійскія горы, жить между воющими волками и зміями—сіе не бремя ли есть? Ей! Не удобоносимое тѣмъ, что глупое и ненужное. Скажу: χαλεπὰ τὰ καλά.

Ѳарра. А Елиссей? Не проситъ ли епанчи отъ Иліи?

Михаилъ. Епанча оная нѣсть мертвыхъ, но живущихъ во придѣлахъ вѣчности. Въ ней все новое вмѣсто ветоши. Чолъ ли ты у Исаіи одежду веселія? Вотъ она! *Подъ сѣнью руки моея покрыю тя.* Не Елиссей ли проситъ? *Да будетъ Духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ.* Какъ же далъ бы онъ просящему вмѣсто хлѣба камень? Сей есть духъ вѣры, духъ сугубъ, духъ, открывающій двое, духъ, раздѣляющій Іорданскія струи, духъ, богоявляющій сверхъ Сиренскихъ водъ плавающее и выникшее желѣзо. Оно то есть изъ-подъ-потопный холмъ, обитель вѣрныя голубицы, гавань, лоно и кифа Авраамля, спасеніе отъ потопа. *Да возрадуется душа моя во Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія...* Вотъ отъ потопа епанча! Самый ковчегъ есть-то нерукотворенная скинія, златотканными вѣтрилами отъ дождевыхъ тучей покрывающая лучше, нежели мантель. На сію то скинію толко издалеча взираетъ Иліина шинель или бурка, отворившая Іорданскую сушу и спасшая Елиссея отъ омоченія. Желѣзо же тайно блистаетъ на твердь на твердую матерую землю и сущу, а суша тихо возводитъ насъ на Аввакумов-

Библиотека "Руниверс"

скій оный Сіонъ, сирѣчь, обсерваторіумъ (теремъ): *на стражь моей стану и взыйду на камень.* Ботъ тебѣ одежда и надежда! Носи здоровъ! Она есть Духъ сугубъ, видящій двоѣ. А Иліину бурку гдѣ тебѣ взять? Χαλεπὰ τὰ καχά.

Θарра. Велми благодарю тебя за сію ризу, а безъ нея чемъ бы я былъ въ буркѣ? Вотъ чемъ: лецемѣръ, лже-Иліа, пророчій идолъ. Что же? Ковчегъ преисполненъ есть всякія животины. Хотѣлось бы мнѣ быть хорошенькою въ немъ коею то птицею. Какъ думаешь?

Михаилъ. Ковчегъ есть онъ церковь Израильская. Люби ее и молись. Аще добрѣ просишь, пріймеши. Проси во имя Христово: все вдругъ получишъ. Не забывай никогда сего: χαλεπὰ τὰ καχά.

Израиль. Слушай Θарра! Не желаешь ли быть кабаномъ?

Θарра. Пропадай онъ! я и велблюдомъ быть не хочу. Еленемъ быть я бы хотѣлъ, а лучше птицею.

Чиста птица голубица, таковъ духъ имѣетъ:
Буде мѣсто гдѣ не чисто, тамо не почіетъ,
Развѣ травы и дубравы и сѣнь есть отъ зноя,
Тамъ пріятно и прохладно мѣсто ей покоя.

Такъ и Духъ святый не почиваетъ, развѣ въ чистомъ сердцѣ, при водѣ тихой и прозрачнѣй, живой и тайнѣй. *Вода глубока совѣтъ въ сердцѣ мужа...* О мире нашъ! Мужу и лоно! Христе Іисусе! Явися людемъ твоимъ во водахъ Сиренскихъ обуреваемыхъ! Но растолкуй мнѣ, о Израилю, кое-то есть сердце и духъ, преображающій естество наше во вепровъ?

Израиль. Песъ хватаетъ тѣнь, а сердце, долняя мудрствующее, есть вепрь. Не мыслитъ горняя, развѣ точію о брашнѣ и чревѣ сердце хамское любомудрствуетъ. Если имѣешь Израильское око, огляньсяна предѣлы Гергесенскія. Вотъ тебѣ великое стадо свинное! Провидишь ли, что, минуя брегъ, всѣ утопли во водахъ? Что есть брегъ, если не Господь мой? Сами просятъ, да прейдетъ прочъ отъ предѣлъ ихъ. Блато и воду Сиренскую возлюбили паче славы Божія. Грязь любить есть, то быть вепромъ; гоняться за нею есть то быть псомъ; вкушать ея есть-то быть зміемъ; хвалить ее есть-то воспѣвать лестныя Сиренскія пѣсеньки; любомудрствовать о ней есть-то мучиться легеономъ бѣсовъ. Не земля ли раждаетъ и звѣри, и скоты, и гады, и мухи? Такъ то и сердце земное преображаетъ насъ въ разныя нечистыя звѣри, скоты и птицы; чадами же Божіими творитъ чистое сердце, высше всей тлѣни возлетѣвшее. Сердце златожаждное, любящее мудрствовать объ однихъ кошелькахъ, мѣшкахъ и чемоданахъ, есть сущій велблюдъ, любящій пить мутную воду и за вьюками не могущій пролѣзти сквозь тѣсную дверь во предѣлы вѣчности. Сердце есть корень и существо. Всякъ есть тѣмъ, чіе сердце въ немъ. Волчее

Библиотека "Руниверс"

сердце есть родный волкъ, хотя лице и не волчее. Если перейшла въ нея сила, тогда сталь точнымъ магнитомъ стала. Но рута рутой перестала быть, какъ только съ нея спиртъ и силу вывесть. Сіе есть сердце и существо травы. Афедронъ со всякимъ своимъ лицемъ есть афедронъ. Но храмъ Божій всегда есть вмѣстилишемъ святынѣ, хотя бы видъ имѣлъ блудныхъ домовъ. Женская плоть не мѣшаетъ быть мужемъ мужескому сердцу. Сердце, востекающее съ Давидомъ на горняя, оставляющее велблюдамъ и сиренамъ со чадами ихъ мутныя и морскія воды, жаждущее Давидовскія утолившія самарянкѣ жажду оныя воды: *кто мя напоитъ водою..? Господи, даждь ми сію воду...* Таково сердце не олень ли есть? Даромъ что роговъ не имѣетъ. Роги и кожа оленья есть плоть и тѣнь. Надѣнь кожу его съ рогами, безъ серца его—и будешь чучела его. Смѣшна пустошъ, не только χαλεπὰ τὰ καλά. Сердце, трудолюбствующее съ мужемъ Руѳинымъ Воозомъ на гумнѣ библейномъ, очищающее отъ половы вѣчное зерно Святаго Духа на хлѣбъ, сердце Израильское укрѣпляющій, скажи, не волъ ли есть млатящій? Въ любезной моей Унгаріи волами молотятъ. И что жъ воспящаетъ Лукѣ быть воломъ? Не думай, будьто до плотскихъ воловъ вздорная сія истина касается: *волу молотящему да не заградъ устъ.* Сердце, воцарившееся надъ звѣрскими бѣшенствами и надъ волею своею, растерзающее всякую власть и славу востающую на Бога, дерзающее въ нищетѣ, въ гоненіяхъ, въ болѣзняхъ, во смерти,—не сей ли есть Скименъ львовъ Іуда (?) отъ тѣхъ: *ярятся аки львове. Бѣшаетъ нечестивый, никому же гонящу, праведникъ же дерзаетъ аки левъ.* Что жъ мѣшаетъ Марку быть львомъ? Къ такимъ то богосердечнымъ скимнамъ, аки левъ, тако возреветъ Господь. *Востани и измлати ихъ дщи Сіоня. Яко рогы твоя положу (осную) желѣзны и пазнокти твоя положу мѣдяны—и истончиши люди...* Вотъ левъ, львинаго щенка отъ тридневнаго сна воскрешающій, какъ написано: *возлеѣ почи*; кто воздвигнетъ его? Сердце, выспръ сверкающее, какъ молнія, постигающее и низвергающее всякія пернатыя мечты и замысловатыя стихійныя думы, не соколъ ли есть? Послушай сокольяго виска. *Аще вознесешися, яко же орелъ,* и оттуду свергу тя, глаголетъ Господь. Сердце, парящее на пространство высоты небесныя, любящее свѣтъ и вперяющее зѣницу очей во блескъ полуденныхъ лучей, въ самое солнца солнушко оное: *въ солнцѣ положи селеніе твое.* Не благородны ли есть орелъ съ наперсникомъ? Ей не отъ рода онъ подлецовъ сихъ: *не вѣмъ орла, паряща по воздуху,* глупца, высокомудрствуяща по стихіамъ. *Аще вознесешися, яко орели и оттуду свергу тя...* А не горлица ли есть сердце, любящее Господа, по нему единому ревнующее, святыя надежды гнѣздо въ немъ обрѣтшее? Послушай гласа ея: *ревнуя поревновахъ по Господѣ Богѣ... Живъ Господь мой: жи-*

Библиотека "Руниверс"

ва и душа моя. А тотъ гласъ не ея ли есть? *Истаяла мя ревность моя.., Видѣхъ не разумѣвающія и не истаяхъ.* На вотъ тебѣ ликъ или хоръ горлицъ! *Се вся оставихомъ и въ слѣдъ тебѣ идохомъ.* Знай, что библіа есть вдова горлица, ревнующая и воздыхающая въ пустынѣ о единомъ ономъ мужѣ: *Богъ любы есть...* У сея то вдовицы не оскудѣваетъ чванецъ елея, сирѣчь, милости любви и сладости, если посѣтитъ ее кто, духа пророческаго дары имущій. Кто благъ или кто милъ кромѣ Бога? Сей единъ есть не оскудѣвающій. *Вся преходятъ, любы же ни.* Взглянь мнѣ пожалуй на Магдалену. Библіи сердце есть сердцемъ горлицы сея. При елейной лампадѣ не спитъ, тужитъ и воздыхаетъ. О чемъ? Что безсмертнаго жениха умертвили, что въ библейной его лампадѣ ничего милаго и свѣтлаго не найшли нощныя враны сіи, кромѣ трупа гнилаго сего: *воззрятъ на-нь, его же пропадоша,* что кромѣ ризъ его не нашли въ ризахъ его ни смирны, ни стакты, ни касіи, сирѣчь, одѣющагося оными ризами. Плачетъ пустынолюбная горлица сія о буйныхъ дѣвахъ, со Іереміею воспѣвая жалостную пѣсеньку оную: *очи мои изліястъ воду, яко оскудѣша добрыя Дѣвы.* Блаженны мы, о Ѳарра, яко гласъ горлицы слышенъ въ маленькой земелькѣ нашей! Ахъ! Сколько тогда горлицъ было, когда говорилъ Павелъ: *обручихъ васъ единому мужу чистую дѣву* и протчая. О обуялыя и бѣдныя горлицы со чванцемъ своимъ оныя! *Идите ко продающимъ и протч.* Безъ милости милаго, а безъ твоего же преподобія нигдѣ не обрящеши онаго преподобнаго мужа: *удиви Господь преподобнаго своего.* На послѣдокъ, не голубъ ли тебѣ есть сердце видящее двое, сердце узрѣвшее сверхъ непостоянности потопныхъ водъ, Исаіевскую твердь, брегъ и гавань оную: *царя со славою узрите, и очи ваши узрятъ землю издалеча.* Сіе чистое сердце, верхъ всея дряни возлетѣвшее, есть голубъ чистый, есть Духъ святый, духъ вѣдѣнія, духъ благочестія, духъ премудрости, духъ совѣта, духъ нетлѣнныя славы, духъ и камень вѣры. Вотъ почему Христосъ не рукосѣчною и адамантовою гаванью нарицаетъ святаго Петра! По сердцу его...

Ѳарра. О сердце!... Что жъ ты сталъ? Ступай далѣе!

Израиль. Израиль далѣе сей гавани не ходитъ. Се ему домъ, гнѣздо и кущи, водруженныя не на пѣскѣ, но на кифѣ, конецъ потопу, радуга и миръ есть кифа, на ней онъ возсѣлъ. Jnveni portum Kepham. Caro, munde, valete! Sat me jactastis. Nunc mihi sancta quies. Прощай стихійный потопъ, вѣщаетъ Ноева голубица. Я почію на холмахъ святыхъ, обрѣтши оливныя кущи.

Ѳарра. О сердце голубиное и сердечный голубъ! Сей есть истинный Іона, а домъ изблеванъ во третій день на брегъ горъ Кавказскихъ. Сей голубъ есть истинный Americus Columbus, обрѣтшій новую землю. Не хочется и мнѣ отсюду итить. О Наеманъ! Наеманъ! Дай!

Библиотека "Руниверс"

ну! Станемъ и мы со Израилемъ въ сей гаванѣ. Оснуемъ себѣ кущи на сей кифѣ. А! а! Любезный мой Аввакумъ! Се нынѣ разумѣю пѣсеньку твою. *На стражь моей стану и взыйду на камень.* Сюда то взирало твое пророчее око? Сію то кифу издали наблюдала бодрая стража твоя? Сюда то пѣсня твоя и насъ манила? Блаженно око твое, прозорливѣе трубъ звѣздозорныхъ! Блаженны поющія намъ уста твоя! Блаженъ и сіонъ твой или зоро-теремъ, пирамида и столпъ твой, изъ коего высоты простиралися лучи очей голубиныхъ. Не отемнѣютъ очи твои, не истлѣютъ уста твоя и не падетъ столпъ твой во вѣки вѣковъ. Прощайте на вѣки дурно-мудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены, съ вашими тлѣнными очима, съ вашею старѣющеюся младостью, съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашею рыданія исполненною гаванью. Пойте ваши пѣсни людемъ вашего рода. Не прикасается Израиль гергесеямъ. Свои ему поютъ пророки. Самъ Господь ему, яко левъ, возреветъ и, яко вихръ духа, возсвищетъ въ крилѣхъ своихъ и ужаснутся чада водъ... Радуйся, кефо моя, Петре мой, гавань моя, гавань вѣры, любви и надежды! Вѣмъ тя, яко не плоть и кровь, но свышше рожденъ еси. Ты мнѣ отверзаеши врата во блаженное царство свѣтлыя страны. Пятнадесятое лѣто плаваю по морю сему и се достигохъ ко пристанищу тихому въ землю святую, юже мнѣ открылъ Господь Богъ мой. Радуйся, градо-мати! Цѣлую тя, престоле любезныя страны, не имущія на путехъ своихъ бѣдности и сокрушенія, печали и воздыханія. Се тебѣ приношу благій даръ отъ твоихъ же вертоградовъ—кошницу гроздія и смоквей и орѣховъ, со хлѣбомъ Пасхи во свидѣтельство, яко путемъ праотцевъ моихъ внійдохъ въ обѣтованную землю.

Библиотека "Руниверс"

РАЗГОВОРЪ ДРУЖЕСКІЙ О ДУШЕВНОМЪ МИРѢ.

Іановъ, Аѳанасій, Григорій.

Яковъ. Правду говоришъ, однакъ я слыхалъ, что нигдѣ нѣтъ больше забавъ и веселостей, какъ въ Парижѣ да въ Венеціи.

Аѳанасій. А пока ихъ ты намъ изъ Венеціи перевезешъ, то помремъ отъ скуки.

Григорій. Перестаньте врать: веселое мѣсто, хорошіи друзья, различныи игры и забавы не сильны излѣчить скуку.

Яковъ. А что-жъ сильно?

Григорій. Одно тое, если съ хорошими друзьями завесть честный разговоръ.

Яковъ. Какой?

Григорій. Такой, въ которомъ можно разсуждать, въ чемъ состоитъ истинное щастіе.

Аѳанасій. Правда, нѣтъ пріятнѣе для путешественника, какъ говорить съ нимъ о томъ городѣ, который всѣ его труды покоемъ увѣнчаетъ. Мы родились къ истинному щастію и путешествуемъ къ нему, а жизнь наша есть путь, какъ рѣка текущій.

Яковъ. Мы друзья хорошіи, а кто жъ межъ нами разговоръ заведетъ?

Григорій. Я. Развяжите мнѣ сей вопросъ: что такое есть для человѣка лучше всего?

Яковъ. Богъ знаетъ, и на что насъ спрашиваешъ о томъ, чего великіи мудрецы усмотрѣть не могли и поразнились въ своихъ мнѣніяхъ такъ, какъ путники въ дорогахъ. Вить тое, что лучше всего, то всему голова и конецъ. Сіе главнѣйшее добро названно у древнихъ философовъ окончаніемъ всѣхъ добръ и верховнѣйшимъ доб-

Библиотека "Руниверс"

ромъ; кто жъ тебѣ можетъ развязать, что такое есть край и пристанище всѣхъ нашихъ желаній?

Григорій. Потише, государь мой; ты очень зависокосился. Такъ я васъ простѣе спрошу: чего вы себѣ въ жизни паче всего желаете?

Яковъ. Ты будьто муравейникъ палкою покопалъ—такъ вдругъ симъ вопросомъ взволновались наши желанія.

Аѳанасій. Я бы желалъ быть человѣкомъ высокочиновнымъ, дабы мои подъ-командныя были крѣпки, какъ россіане, а добросердечны, какъ древніи римляне; когда бъ у меня домъ былъ какъ въ Венеціи, а садъ какъ во Флоренціи; чтобъ быть мнѣ и разумнымъ, и ученымъ, и благороднымъ, богатымъ какъ быкъ.

Григорій. Что ты вріошъ?

Аѳанасій. Богатымъ какъ жидъ, дюжимъ какъ быкъ, пригожимъ какъ Венера, спокойнымъ какъ однодворецъ...

Яковъ. Взошла мнѣ на память Венера, такъ называемая собачка.

Григорій. Позвольте, государь мой, прибавить?

Яковъ. Хвостатымъ какъ левъ, головатымъ какъ медвѣдь, ухатымъ какъ оселъ...

Григорій. Сумнительно, чтобъ могли войтить во уши Божія столь безтолковіи желанія; ты, съ твоими затѣями, похожъ на вербу, которая быть желаетъ въ одно время и дубомъ, и кленомъ, и липою, и березою, и смоквиною, и маслиною, и яворомъ, и финикомъ, и розою, и рутою, солнцемъ и луною... Хвостомъ и головою... Младенецъ, на рукахъ матернихъ сидящій, часто за ножъ и за огонь хватается, но премилосердная и премудрая мать наша природа лучше знаетъ о томъ, что намъ полезно. Хотя плачемъ и рвемся, она, какъ сосцами своими, всѣхъ насъ по благопристойности питаетъ, такъ и одѣваетъ, и симъ добрый младенецъ доволенъ, а злородное сѣмя безпокоится и другихъ безпокоитъ. Сколько-жъ милліоновъ во-вселенной сихъ нещастныхъ дѣтей день и нощь воплятъ, ни чемъ не довольны; одно дадутъ въ руки, за новымъ чемъ плачутъ: нельзя намъ не быть нещастными.

Аѳанасій. Для чего?

Григорій. Не можемъ сыскать щастія.

Яковъ. За чемъ?

Григорій. За тѣмъ, что не желаемъ и желать не можемъ.

Аѳанасій. Почему?

Григорій. Потому, что не разумѣемъ, въ чемъ оно состоитъ. Голова дѣлу то, чтобъ узнать, отсюду родится желаніе, отъ желанія искъ, потомъ полученіе, что для тебе благо. Теперь понимай, что значитъ премудрость?

Яковъ. Я часто слышу слово сіе (премудрость).

Григорій. Премудрости дѣло въ томъ состоитъ, чтобъ уразумѣть

Библиотека "Руниверс"

тое, въ чемъ состоитъ щастіе; вотъ правое крило, а добродѣтель трудится сыскать. По сей причинѣ она у Еллинъ и Римлянъ мужествомъ и крѣпостію зовется ἀρετῆ, virtus; вотъ и лѣвое. Безъ сихъ крилъ ни коимъ образомъ нельзя выбратся и взлетѣть къ благополучію. Премудрость какъ орлиное крило, а добродѣтель какъ мужественныя руки, съ легкими оленьими ногами. Сіе Божественное супружество живо изображено сею басенькою.

Яковъ. Ты изъ устъ моихъ вырвалъ ея: конечно, она о двухъ путникахъ—безногомъ и слѣпомъ.

Григорій. Ты точно въ мысль мою попалъ.

Аѳанасій. Разскажи-жъ пробстоятельнѣе?

Григорій. Вообрази себѣ, что видишъ путника, возлѣ пути сидящаго; живое око его съ веселою жадностію взираетъ на замокъ, чрезъ пирамидныхъ горъ верхушки издали блистающій. Сей замокъ есть домъ отца его и всей миролюбной фамиліи, конецъ и вѣнецъ всѣхъ подорожныхъ трудовъ. Но то бѣда, что нашъ обсерваторъ ни рукъ, ни ногъ дѣйствительныхъ не имѣетъ, а только мучится какъ евангельскій богачъ, смотря на Лазаря. Между тѣмъ, осмотрясь назадъ, увидѣвъ нечаянно чудное и бѣдственное позорище. Брыдетъ слѣпецъ, прислушивается, ощупываетъ посохомъ, то въ право, то въ лѣво, будто пьянъ изъ дороги слоняется, подходитъ ближе, воздыхаетъ. *Исчезоша въ суетѣ дніе наши... Пути твоя Господи скажи ми... Увы мнѣ яко пришелствіе мое продолжися.* И протчіи таковіи слова самъ себѣ говорилъ, воздыхая съ частымъ преткновеніемъ и паденіемъ. Боюся, другъ мой, чтобъ не испугать тебя; кто ты таковъ? спросилъ прозорливый. 34-й годъ путешествія моего, а ты мнѣ на пути семъ первый случился, отвѣчалъ помраченный. Мать моя сослала въ сылку, родила меня безъ очей, а я возвращаюся ко отцу моему. А кто твой отецъ? Онъ живетъ въ нагорномъ замкѣ, называемомъ Миръ-городъ; имя его Ураній, а мое практикъ. Боже мой! вскричалъ просвѣщенный; что ты мнѣ говоришъ? Я твой родной братъ. Я обсерваторъ... Необыкновенная радость печатлѣется всегда слезами. Послѣ изобильнаго слезъ изліянія слѣпецъ орошенными очима говорилъ брату своему слѣдующее: сладчайшій братъ! По слуху слыхалъ я о тебѣ, а теперь сердечное око мое видитъ тебя. Умилосердись, окончай мои бѣдствія, будь мнѣ наставникомъ; скажу правду, что меня трудъ веселитъ, но всеминутное претиканіе всю мою крѣпость уничтожаетъ. Жаль мнѣ, говорилъ свѣтлоокій, что не могу тебѣ служить, любезная душа моя; мой отецъ такъ меня родилъ, что по землѣ ходить не могу, ни ползать руками. Многіе желали меня къ сему употребить, но не рожденъ ползать, не былъ имъ полезенъ... За симъ дѣло не стало, сказалъ слѣпой, ты мнѣ бремя легкое и любезное: возьму тебя, сокровище

Библиотека "Руниверс"

мое, на себя; чистое твое око будь вѣчнымъ тѣла моего обладателемъ и всѣхъ моихъ удовъ головою. Прекрати мучительство началородной тмы, безчеловѣчно меня гоняющей по пустымъ пути сего посторонностямъ; я твой конь, сядь на рамена мои и управляй мною, дражайшій господине и брате!... Сяду, братецъ мой, съ охотою, дабы доказать намъ истину написаннаго слова Божія сего у приточника: *братъ отъ брата помогаемый есть, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же, яко основанное царство.* Теперь взгляньте на дивное дѣло Божіе: изъ двоихъ человѣковъ составленъ одинъ, одно путничее лицо здѣлано изъ двоихъ сродностей, безъ всякаго смѣшенія, но и безъ раздѣленія, взаимно служащихъ. Идетъ небывалой путникъ главнѣйшимъ путемъ, ни въ право, ни въ лѣво не уклоняясь, исправно переходитъ рѣки, лѣса, рвы и стремины, проходитъ стропотныя горы съ веселіемъ, поднимается мирнаго на высоту города, обливаетъ его свѣтлый и благовонный воздухъ, выходитъ безъ-мятежная толпа миромъ и любовію дышущихъ жителей плещущи руками, ожидаетъ на крылцѣ и пріемлетъ въ нѣдро блаженнаго объятія самъ ветхій деньми отецъ Ураній.

Яковъ. Такъ что жъ теперь сказать?

Григорій. Объявите главное ваше желаніе?

Яковъ. Наше желаніе верховное въ томъ, чтобъ быть щастливыми.

Григорій. Гдѣ жъ ты видалъ звѣря или птицу, безъ сихъ мыслей? Ты скажи, гдѣ и въ чемъ искомое тобою щастіе? А безъ сего родный ты слѣпецъ: онъ ищетъ отцовскаго замка да не видитъ, гдѣ онъ. Знаю, что ищешь щастія, но, не разумѣя, гдѣ оно, падаешъ въ нещастіе. Премилосерднѣйшее естество всѣмъ безъ выбора душамъ открыло путь къ щастію...

Аѳанасій. Постой! Сіе слово, кажется, воняетъ ересью? всѣмъ безъ выбору?...

Яковъ. Пожалуй, не мѣшаю, господинъ православной суевѣръ: все на все родилось на добрый конецъ, добрый конецъ—разумѣй щастіе. Такъ можно ли сказать, что не всякому дыханію открыла путь всообщая мать наша натура къ щастію?

Аѳанасій. И твоя натура пахнетъ идолопоклонствомъ. Лучше сказать, Богъ открылъ, не языческая твоя натура.

Яковъ. Здравствуй же, ольховый богословецъ! естьли я, называя Бога натурою, здѣлался язычникомъ, то ты и самъ давно уже преобразился въ идолопоклонника.

Аѳанасій. Чего ради?

Яковъ. Того ради, что сіе имя (Богъ) есть языческое названіе.

Аѳанасій. Пускай и такъ, но христіяне уже здѣлали оное своимъ.

Яковъ. Для чего жъ ты боишся Бога называть натурою, если первіи христіяне усвоили себѣ языческое названіе сіе (Богъ)?

Библиотека "Руниверс"

Аѳанасій. Много ты болтать научился.

Яковъ. Развѣ ты не слыхалъ никогда, что Высочайшее существо свойственнаго себѣ имени не имѣетъ?

Аѳанасій. Не имѣетъ? А что жъ за имя Ему было у жидовъ? Какое-то Егова? разумѣешъ-ли?

Яковъ. Не разумѣю.

Аѳанасій. Вотъ то-то оно, что не разумѣешъ!

Яковъ. Знаю только то у Исаіи на многихъ мѣстахъ написано такъ: Азъ есмь, Азъ есмь, Азъ есмь сый... Оставъ же, господинъ богословъ, толкованіе слова для еврейскихъ словотолковниковъ, а самъ внемли, что то такое, что означается тѣмъ именемъ Сый. Не велика нужда знать, откуду сіе слово родилось, хлѣбъ отъ хлѣва или отъ хлопотъ, а въ томъ только сила, чтобъ узнать, что чрезъ тое имя означается. Въ томъ-то жизнь состоитъ временная, если достать Его.

Ермолай. Богъ помочь! Что у васъ за споръ? Я давно прислушиваюсь.

Аѳанасій. Здравствуй, другъ!

Яковъ. Пожалуй будь судьею нашей ссорѣ.

Ермолай. Готовъ. А въ чемъ дѣло?

Яковъ. Идолопоклонствомъ почитаетъ, если Бога назвать натурою.

Ермолай. Въ Библіи Богъ именуется огнемъ, водою, вѣтромъ, желѣзомъ, каменемъ и протчими безчисленными именами; для чего жъ Его не назвать (Natura) Натурою? Что до моего мнѣнія надлежитъ, нельзя сыскать важнѣе и Богу приличнѣе имени, какъ сіе. Natura есть римское слово, по нашему природа или естество. Симъ словомъ означается все-на-все, что только родится во всей міра сего машинѣ, и что находится не рожденное, какъ огонь, и все родящееся, вообще называется міръ, для чего...

Аѳанасій. Постой все вещественное родилось и раждается и самъ господинъ огонь.

Ермолай. Не спорю, другъ мой, пускай все вещественное родилось такъ точно, для чего жъ всю тлѣнь заключающимъ именемъ, то-есть натурою, не называть того, въ коемъ весь міръ съ рожденіями своими, какъ прекрасное цвѣтущее дерево, закрывается въ зернѣ своемъ и оттуда жъ является? Сверхъ того слово сіе—натура не точію всякое раждаемое и премѣняемое вещество значитъ, но тайную экономію той присносущной силы, которая вездѣ имѣетъ свой центръ или среднюю главнѣйшую точку, а околичности своей нигдѣ такъ, какъ шаръ, которымъ оная сила живописью изображается: кто яко Богъ? Она называется натурою потому, что все наружу происходящее или раждаемое отъ тайныхъ неограниченныхъ ея нѣдръ, какъ отъ всеобщей

Библиотека "Руниверс"

матери чрева, временное свое имѣетъ начало. А понеже сія мати, раждая, ни отъ кого не принимаетъ, но сама собою раждаетъ, для того называется и отцомъ, и началомъ, ни начала, ни конца не имущимъ, ни отъ мѣста, ни отъ времени не зависящимъ, а изображаютъ ея живописцы колцомъ, перстнемъ, или зміемъ, въ коло свитымъ, свой хвостъ своими жъ держащими зубами. Сея повсемственныя и премудрыя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, правленіемъ или царствомъ, по всему матеріалу разлитымъ безъ конечно и безъ временно, сирѣчь, нельзя о ней спросить, когда она началась—она всегда была—или поколь она будетъ—она всегда будетъ—или до коего мѣста простирается—она всегда вездѣ есть. На что ты (говоритъ Богъ Мойсею) спрашиваешъ о имени моемъ? Если можешъ сквозь матеріалной мракъ прозрѣть тое, что всегда вездѣ было, будетъ, есть—вотъ мое имя и естество. Имя въ естествѣ, а оно въ имени. Одно и другое обое вѣчное. *Кто вѣры окомъ чрезъ мракъ мене видитъ, тотъ и имя мое знаетъ, а кто ищетъ знать о моемъ имени, тотъ конечно не знаетъ мене. Знать мене и мое имя—все-то одно; имя мое и я—одно то; Азъ есмь тотъ, что есмь. Азъ есмь Сый.* Если кто знаетъ Бога, чемь ни-есть именуетъ его сердце почитателево, все то дѣйствително и доброе имя. Нѣтъ ничего, что одинъ знаетъ ἄρτος, а другой panis,—только бы въ разумѣ не поразнились. Мойсей и Ісаія именуетъ Его Сый; имъ подражая, Павелъ говоритъ: *вчера и днесь той же и во вѣки;* а богословъ другое имя даетъ: Богъ любовь есть... Любовію называетъ тое, что одинакое и несложное—единство вездѣ, всегда, во всемъ. Любовь и единство есть тоже. Единство частей чуждое есть; посему разрушитися ему есть дѣло лишнее, а погибнути совсѣмъ постороннее. Іеремія зоветъ мечемъ, а Павелъ словомъ именуетъ живымъ; но оба тожъ разумѣютъ. Сей мечь всю тлѣнь разитъ, *и вся яко риза обветшаютъ, а слова закона и царствія Его не мимо идутъ.*

Григорій. Долго ли вамъ спорить? Возвратимся къ нашему разговору.

Ермолай. О чемъ разговоръ?

Яковъ. О томъ, въ чемъ состоитъ щастіе.

Григорій. Премилосерднѣйшая мати наша натура и отецъ всякія успѣхи всякому безъ выбору дыханію открылъ путь къ щастію.

Яковъ. Доволенъ ли ты симъ мнѣніемъ, Аѳанасій?

Аѳанасій. Теперь доволенъ.

Григорій. Но то бѣда, что не ищемъ знать точно, въ чемъ оно имѣетъ свое поселеніе. Хватаемся и беремся за тое, какъ за твердое наше основаніе, что однимъ только хорошимъ прикрылося видомъ. Источникомъ нещастія есть намъ наше безсовѣтіе: оно-то насъ плѣняетъ, представляя горькое сладкимъ, а сладкое горькимъ. Но сего бы

Библиотека "Руниверс"

не было, если бы мы сами съ собою посовѣтовали. Поразсудимся, други мои, и справмося: къ доброму дѣлу приниматся никогда не поздно. Поищемъ, въ чемъ твердость наша? Поздумаймо: таковая дума есть-то самая сладчайшая Богу молитва. Скажите мнѣ, что такое для васъ лучше всего? Если тое сыщете, тогда найдете и щастіе точное; въ то время и добраться до него можно.

Ермолай. Для мене кажется лучше всего то, если быть во-всемъ довольнымъ.

Григорій. Скажи яснѣе!

Ермолай. На деньги, на землю, на здоровья, на людей, и на все, что только ни есть въ свѣтѣ...

Яковъ. Чего ты засмѣялся?

Аѳанасій. Отъ радости, что случился дурачеству моему товарищъ. Сей такъ же быть желаетъ горбатымъ какъ верблюдъ, брюхатымъ какъ китъ, носатымъ какъ крокодилъ, пригожимъ какъ хортъ, аппетитнымъ какъ кабанъ и протчая.

Григорій. Богословскіе уста, а не богословское сердце. Хорошо ты говоришъ о Богѣ, а желаешъ не лѣпаго. Не погнѣвайся, другъ мой, на мое чистосердечіе. Представъ себѣ безчисленное число тѣхъ, коимъ никогда не видать изобилія: вообрази больныхъ и пристарѣлыхъ, приведи на память всѣхъ съ нескладнымъ тѣломъ рожденныхъ. Неужель ты думаешь, что премилосердная и попечительная мать наша натура затворила имъ двери къ щастію, здѣлався для нихъ мачехою? Ахъ, пожалуй, не стѣсняй мнѣ премудраго ея помысла въ узкіи предѣлы, не клевещи на всемогущее ея милосердіе: она для всякаго дыханія добра, не для нѣкоторыхъ выборныхъ изъ одного точію человѣческаго рода; она рачительнѣйшимъ своимъ промысломъ все тое изготовила, безъ чего не можетъ совершитись послѣдняго червяка щастіе, а если чего не достаетъ, то, конечно, лишнее. Очей не имѣетъ кротъ, на что жъ ему? Птицы не знаютъ корабельнаго строенія, не надобно; а кому надобно, знаетъ. Лилія не знаетъ фабрикъ, она и безъ нихъ красна. Оставь же, другъ мой, сіе клеветливое на родную мать нашу прошеніе.

Ермолай. Сохрани меня Богъ; я на Бога не клевещу.

Григорій. Какъ не клевещешъ? Сколько тысящъ людей, лишенныхъ того, чего ты желаешъ?

Ермолай. Безъ числа, такъ что же?

Григорій. Удивительный человѣкъ! такъ Богъ по твоему опредѣленію есть не милосердный?

Ермолай. Для чего?

Григорій. Для того что затворилъ имъ путь къ сему, чего ты желаешъ такъ, какъ надежной тверди щастія.

Библиотека "Руниверс"

Ермолай. Такъ до чего-жъ мы теперь договорились?

Григорій. До того, что или ты съ твоимъ желаніемъ глупъ, или Господь не милосердный.

Ермолай. Не дай Богъ сего говорить.

Григорій. Почему знаешъ, что полученіе твоего желанія тебѣ ощасливитъ? Справься, сколько тысячъ людей оное погубило? До коихъ пороковъ не приводитъ здравіе съ изобиліемъ? Цѣлыя республики чрезъ оное пропали. Какъ же ты изобилія желаешъ, какъ щастія? Щастіе нещастливыми не дѣлаетъ. Не видишь ли и теперь, сколь многихъ изобиліе, какъ наводненіе всемірнаго потопа, пожерло, а души ихъ чрезъ-мѣрными затѣями, какъ мелничныи камни, сами себя снѣдая, безъ зерна крутятся? Божіе милосердіе конечно бы осыпало тебе изобиліемъ, если бъ оно было тебѣ надобное; а теперь выбросай изъ души сіе желаніе: оно совсѣмъ смердитъ свѣтовымъ квасомъ.

Ермолай. Называешъ мое желаніе квасомъ?

Григорій. Да еще квасомъ прескверным, свѣтовымъ, исполненнымъ червей неусыпаемыхъ, день и нощь умерщвляющихъ душу, и какъ Соломонъ сказуетъ—*вода глубока и чиста, совѣтъ въ сердцѣ мужа,* такъ и я говорю, что квасъ прескверный свѣтовый желаніе въ сердцѣ твоемъ. *Далъ еси веселіе въ сердцѣ моемъ,* Давидъ поетъ, а я скажу: взялъ еси смятеніе въ сердце твое.

Ермолай. Почему желаніе мое свѣтское?

Григорій. Потому что общее.

Ермолай. Для чего жъ оно общее?

Григорій. Потому, что просмердѣлось и вездѣ оно есть. Гдѣ мнѣ сыщешъ душу, не напоенную квасомъ симъ? Кто не желаетъ честей, сребра, волостей? вотъ тебѣ источникъ ропотъ, жалобъ, печалей, враждъ, тяжбъ, войнъ, грабленій, татьбы, всѣхъ машинъ крючковъ и хитростей. Изъ сего родника родятся измѣны, бунтъ, заговоры, похищенія скиптровъ, паденія государствъ и вся нещастій бездна. *Господи!* говоритъ Петръ С. въ дѣяніяхъ, *ничто-же скверно внійде во уста моя.* На нашемъ языкѣ скверное, а на еллинскомъ лежитъ κοινον, то-есть, общее, все то одно, общее свѣтское, скверное. Мірское мнѣніе не есть-то въ сердцѣ мужа чистая вода, но блато, κοινον, coenum, свиніямъ и бѣсамъ водвореніе. Кто имъ на сердцѣ толь глубоко напечатлѣлъ сей кривой путь къ щастію? Конечно, отецъ тмы. Сію темную мрачнаго царства славу другъ отъ друга пріемлюще, заблуждаютъ отъ славы совѣта Божія, ведущаго въ истинное щастіе, водимы засѣяннымъ мірскихъ похотей духомъ, не вникнувъ въ нѣдра сладчайшей истины, а сіе ихъ заблужденіе, сказать Іереміиными словами, написано на ногтѣ адамантовомъ, на самомъ розѣ олтарей ихъ, откуда проистекаютъ всѣ рѣчи и дѣла, такъ что сего начароднаго руко-

Библиотека "Руниверс"

писанія ни стереть, ни вырѣзать, ни раздрать невозможно, если не постарается самъ о себѣ вседушно человѣкъ, съ Богомъ въ Павлѣ глаголющимъ: *нѣсть наша брань*... Препояши жъ, о человѣкъ, чресла твоя истиною, вооружись противъ сего твоего злобнаго мнѣнія, на что тебѣ засматриваться на манеры свѣтовіи? Вѣдь ты знаешъ, что истина всегда въ малолюдномъ числѣ просвѣщенныхъ Божіихъ человѣковъ царствовала и царствуетъ, а міръ ея пріяти не можетъ? Собери предъ себя изъ всего свѣта живописцовъ и архитекторовъ и узнаешъ, что живописная истина въ немногихъ сердцахъ обитаетъ, а самую большую ихъ толпу посѣло невѣжество и не искуство.

Ермолай. Такъ самъ же ты скажи, въ чемъ состоитъ истинное щастіе?

Григорій. Первѣе узнай все тое, въ чемъ она не состоитъ, а перешаривъ пустыя закаулки, скорѣе доберешся туды, гдѣ оно обитаетъ.

Яковъ. А безъ свѣщи по темныхъ углахъ какъ ему искать?

Григорій. Вотъ тебѣ свѣща: премилосерднѣйшій отецъ нашъ всѣмъ открылъ путь къ щастію... Симъ каменемъ искушай золото и сребро, чистое-ли?

Аѳанасій. А что жъ, если кто искушать не искусенъ?

Григорій. Вотъ какъ испытуй! Можно ли всѣмъ людямъ быть живописцами и архитекторами?

Аѳанасій. Никакъ нѣльзя, вздоръ нелѣпой.

Григорій. Такъ не тутъ же щастіе. Видишъ, что къ сему не всякому путь открытъ.

Аѳанасій. Какъ не можетъ все тѣло быть окомъ, такъ сему не бывать никогда.

Григорій. Можно ли быть всѣмъ изобильными, или чиновными, дюжимы или пригожими? Можно ли помѣститься во Франціи? Можно ли въ одномъ вѣкѣ родиться? Нѣльзя никакъ. Видите, что родное щастіе ни въ знатномъ чинѣ, ни въ тѣлесныхъ дарованіяхъ, ни въ красной странѣ, ни въ славномъ вѣкѣ, ни въ высокихъ наукахъ, ни въ богатомъ изобиліи.

Аѳанасій. Развѣ жъ въ знатномъ чинѣ и въ веселой сторонѣ нѣльзя быть щастливымъ?

Григорій. Ты уже на другую сторону, какъ пьяный ляхъ чрезъ кобылу перескочилъ.

Аѳанасій. Какъ?

Григорій. Не могъ взлѣзти безъ призыванія святыхъ, потомъ въ двѣнадцатый разъ посылившись, перевалился на другой бокъ: ну васъ къ чорту! Передали перцу, сказалъ осердясь.

Аѳанасій. Да я не о томъ спрашую, о мнѣ спрашую.

Григорій. Ты недавно называлъ щастьемъ высокой чинъ съ изо-

Библиотека "Руниверс"

биліемъ, а теперь совсѣмъ выгонишъ оное. Я не говорю, что щастливый человѣкъ не можетъ отправлять высокаго званія или жить въ веселой сторонѣ или пользоваться изобиліемъ, а только говорю, что не по чину, ни по сторонѣ, ни по изобилію щастливымъ есть. Если въ красномъ домѣ пирожное изобиліе пахнетъ, то причиною тому не углы красныи: часто и не въ славныхъ пероги живутъ углахъ, по пословицѣ. Можешъ ли сказать, что всѣ равнодушны жители и веселы во Франціи?

Аѳанасій. Кто жъ на этомъ подпишется?

Григорій. Но если бы сторона существомъ или эссенціею щастія была, непремѣнно нѣльзя бы не быть всѣмъ щастливымъ. Во всякой статьи есть щастливый и нещастливый. Не привязалъ Богъ щастія ни къ временамъ Авраамовымъ, ни къ предѣламъ Соломоновымъ, ни къ наукамъ, ни къ статьямъ, ни къ природнымъ дарованіямъ, ни къ изобилію: по сей причинѣ не всѣмъ къ сему путь открылъ и праведенъ во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ.

Аѳанасій. Гдѣ жъ щастія искать, если оно ни тутъ, ни тамъ, ни гдѣ?

Григорій. Я еще младенцомъ выучилъ, выслушай басеньку. Дѣдъ и баба здѣлали себѣ хатку да не прорубили ни одного окошка. Не весела хатка. Что дѣлать? По долгомъ размышленіи, опредѣлено въ сенатѣ итить за свѣтомъ доставать. Взяли мѣхъ, разинули его въ самой полдень предъ солнцемъ, чтобъ, набравъ будьто борошна или воды, внесть въ хатку. Здѣлавъ нѣсколько разъ, есть ли свѣтъ? Смотрятъ—ничего нѣтъ. Догадалась баба, что свѣтъ, какъ вино изъ мѣха, вытекаетъ. Надобно поскорѣе бѣжать съ мѣхомъ (обратно). Бѣжучи на дверяхъ оба сенаторы—одинъ ногою, другой головою—зашиблись. Зашумѣлъ между ними споръ: конечно, ты выстарѣлъ умъ?... А ты и родилась безъ него. Хотѣли походъ воспріять на чужіе горы и грунта за свѣтомъ, помѣшалъ имъ странный монахъ. Онъ имѣлъ отъ роду лѣтъ только 50, но въ сообщеніи свѣта великій былъ хитрецъ. За вашу хлѣбъ и соль не должно секретной пользы утаить. По его совѣту, старикъ, взявъ топоръ, началъ прорубивать стѣну съ таковыми словами: «свѣте веселый, свѣте жизненный, свѣте повсемственный, свѣте присносущный, свѣте нелицепріятный» посѣти и просвѣти и освѣти храмину мою. Вдругъ отворилась стѣна, наполнилъ храмину сладкій свѣтъ, и отъ того времени даже до сего дни начали въ той странѣ созидать свѣтлыя горницы.

Аѳанасій. Цѣлый свѣтъ не видалъ столько безтолковыхъ, сколько твой дѣдъ да баба.

Григорій. Онъ мой и твой вмѣстѣ и всѣхъ...

Аѳанасій. Пропадай онъ! Какъ ему имя?

Григорій. Ишъ.

Библиотека "Руниверс"

Аѳанасій. Ишъ къ чорту его.

Григорій. Ты его бѣгаешъ, а онъ съ тобою всегда.

Аѳанасій. Какъ со мною?

Григорій. Если не хощешъ быть съ нимъ, то будешъ самымъ имъ.

Аѳанасій. Вотъ навязался съ своимъ дѣдомъ.

Григорій. Что жъ нужды въ имени, если ты дѣломъ точный ишъ.

Аѳанасій. Пойди себѣ прочь съ нимъ.

Ермолай. А бабу какъ зовутъ?

Григорій. Мутъ.

Яковъ. Мутъ отъ иша не разлучится, сія пара сопряженная.

Григорій. Но не родные ли иши всѣ мы есмы? Ищемъ щастія по сторонамъ, по вѣкамъ, по статьямъ, а оное есть вездѣ и всегда съ нами; какъ рыба въ водѣ, такъ мы въ немъ, а оно около насъ ищетъ самихъ насъ. Нѣтъ его ни гдѣ, затѣмъ, что есть вездѣ. Не ищи его ни гдѣ, если не сыщешь вездѣ. Оно преподобное солнечному сіянію, отвори только входъ ему въ душу твою. Оно всегда толкаетъ въ стѣну твою, ищетъ прохода и не сыскиваетъ, а твое сердце темное и не веселое, и тма верху бездны. Скажи, пожалуй, не вздоръ ли и не сумозбродъ ли, что человѣкъ печется о драгоцѣннѣйшемъ вѣнцѣ? А на что? На то, будьто въ простой шапкѣ нѣльзя наслаждаться тѣмъ щастливымъ и всемірнымъ свѣтомъ, до коего льется сія молитва: *Услыши о Блаженный, вѣчное имѣющій и всевидящее око*! Безумный мужъ со злою женою выходитъ вонъ изъ дому своего, ищетъ щастія внѣ себе, бродитъ по разнымъ посторонностямъ, достаетъ блистающее имя, обвѣшивается свѣтлымъ платьемъ, притягиваетъ разновидную сволочь золотой монеты и сребренной посуды, находитъ друзей и безумія товарищей, чтобъ занесть въ душу лучь блаженнаго свѣтила и свѣтлаго блаженства... Есть ли свѣтъ? Смотритъ ничего нѣтъ... Взглянь теперь на волнующееся море, на многомятежную во всякомъ вѣкѣ, сторонѣ и статьи толпу людей, такъ называемую, міръ или свѣтъ: чего онъ не дѣлаетъ? Воюется, тяжбы водитъ, коварничитъ, печется, затѣваетъ, строитъ, разоряетъ, кручинится, пѣнитъ, не видится ли тебѣ, что Ишъ и Мутъ въ хатку бѣгутъ? Есть ли свѣтъ? Смотрятъ: ничего нѣтъ.

Яковъ. Блаженный Ишъ и щастливая Мутъ; они въ кончину дней своихъ домолилися, чтобъ всевидящее, недремлющее великое всего міра око, свѣтило, храмину ихъ просвѣтило, а протчіимъ вѣчная мука, мятежъ и шатанье.

Лонгинъ. Дай Богъ радоваться!

Григорій. О любезная душа! Кой духъ научилъ тебя такъ витатись? Благодаримъ тебѣ за сіе поздравленіе.

Яковъ. Такъ витались всегда древніи христіяне.

Библиотека "Руниверс"

Ермолай. Не дивно. Сей витальный образецъ свойственный Христу Господу нашему. Онъ рожденъ Божіимъ миромъ. Въ мірѣ принесъ намъ благовѣтствуя миръ, всякъ умъ превосходящій. Снисходитъ къ намъ съ миромъ. Слава въ вышнихъ Богу... витается миромъ: миръ дому сему, миръ вамъ, учитъ о мирѣ: новую заповѣдь даю вамъ.... Отходя, миръ же оставляетъ: миръ мой даю вамъ, дерзайте! не бойтеся! радуйтеся!

Аѳанасій. Знаешъ ли, о чемъ между нами разговоръ?

Лонгинъ. Я все до точки слышилъ.

Аѳанасій. Онъ подъ тою яблонею сидѣлъ, конечно. Отгадалъ ли я?

Лонгинъ. Вы не могли мене видѣть за вѣтвами.

Григорій. Скажи, любезной Лонгинъ, естъ ли бѣднѣе тварь отъ того человѣка, кой не дознался, что такое лучше для него и желателнѣе всего?

Лонгинъ. Я и самъ сему часто удивляюсь, что мы въ посторонних околичностяхъ чрезъ чуръ любопытны, рачительны и проницательны: измѣрили море, землю, воздухъ, небеса и безпокоили брюхо земное ради металловъ, размежевали планеты, доискались въ лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, нашли закомплетныхъ міровъ не исчетное множество, строимъ непонятныя машины, засыпаемъ бездны, воспящаемъ и привлекаемъ стремленія водная, что денно новые опыты и дикія изображенія. Боже мой! Чего мы не умѣемъ! Чего не можемъ! Но то горе, что при всемъ томъ, кажется, чегось великаго недостаетъ. Нѣтъ того, чего и сказать не умѣемъ: одно только знаемъ, что не достаетъ чегось, а что оно такое, не понимаемъ. Похожы на безсловеснаго младенца: онъ только плачетъ, не въ силахъ ни знать, ни сказать, въ чемъ ему нужда, одну только досаду чувствуетъ. Сіе явное души нашей неудовольствіе не можетъ ли намъ дать догадаться, что всѣ сіи науки не могутъ мыслей нашихъ насытить? Бездна душевная, видишь, оными не наполняется. Пожерли мы безчисленное множество обращающихся (какъ на Агинскихъ колоколняхъ часовъ) системъ съ планетами, а планетъ съ горами, морями и городами, да однако жъ алчемъ; не утоляется, а раждается наша жажда. Математика, медицына, физика, механика, музыка съ своими буими сестрами, чемь изобилнѣе ихъ вкушаемъ, тѣмъ пуще палитъ сердце наше голодъ и жажда, а грубая наша остолбенѣлость не можетъ догадаться, что всѣ они суть служанки при госпожѣ и хвостъ при своей головѣ, безъ которой весь тулубъ не дѣйствителенъ. И что не сытѣе, безпокойнѣе и вреднѣе, какъ человѣческое сердце, сими рабынями безъ своей начальницы вооруженное? Чего жъ оное не дерзаетъ предъпріять? Духъ несытости женетъ, нарядъ способствуетъ стремиться за склонностію, какъ корабль и коляска безъ управителя, безъ совѣта, и предвидѣнія, и

Библиотека "Руниверс"

удоволствія, взалкавши яко песъ, съ ропотомъ вѣчно глотая прахъ и пепелъ гибнущій, лихвы отчуждены еще отъ ложеснъ, заблудивше отъ чрева, минувъ существенную исту надъ душевною бездною внутрь насъ гремящаго сіе: *Азъ есмь, Азъ есмь, Сый!* А понеже не справилися, въ чемъ для нихъ самая нужнѣйшая надобность и что такое есть предѣлъ, черта, и край всѣхъ на-всѣхъ желаній и намѣреній, дабы всѣ свои дѣла приводить къ сему главнѣйшему и надежнѣйшему пункту, затѣмъ пренебрегли и царицу всѣхъ служебныхъ сихъ духовъ или наукъ отъ земли и въ землю возвращающихся, минувъ милосердную дверь ея, отверзающую исходъ и въ водящую мысли наши отъ низовыхъ подлостей тѣни къ пресвѣтлой и существенной истѣ не увядающаго щастія. Теперь подумайте, други мои, и скажите, въ чемъ состоитъ самонужнѣйшая надобность? Что есть для васъ лучше и саможелательнѣе всего? Что такое сдѣлать васъ можетъ щастливыми? Разсуждайте заблаговременно, выйдите изъ числа безпутныхъ путниковъ, кои и сами не могутъ сказать, куда идутъ и за чемъ! Житіе наше есть путь, а исходъ къ щастію не коротенькій...

Аѳанасій. Я давно бы сказалъ мое желаніе да не приходитъ мнѣ въ умъ тое, что для меня лучшее въ свѣтѣ.

Лонгинъ. Ахъ человѣкъ! Постыдись сего говорить! Если червонѣетъ западъ солнечный, пророчествуемъ, что завтрешній день возсіяетъ чистый, а если зарумянится востокъ, стужа и непогода будетъ сегодня, всѣ говоримъ—и бываетъ такъ. Скажи пожалуй, если бы житель изъ городовъ, населенныхъ въ лунѣ, къ намъ на нашъ земной шаръ пришолъ, не удивился ли бы нашей премудрости, видя, что небесные знаки толь искусно понимаемъ, а въ то время внѣ себе сталъ бы нашъ лунатикъ, когда-бъ узналъ, что мы въ экономіи крошечнаго міра нашего, какъ въ маленькихъ лондонскихъ часахъ, слѣпые несмыслы и совершенные трутни—ничего не примѣчаемъ и нерадимъ о удивительнѣйшей всѣхъ системъ системѣ нашего тѣлышка; скажи пожалуй, не заслужили ли бы мы у нашего гостя имени безтолковаго математика, кой твердо разумѣетъ цыркулъ, окружіемъ своимъ многія милліоны миль вмѣщающій, а въ маленькомъ золотомъ колцѣ той же силы и вкуса чувствовать не можетъ? или безумнаго того книжника далъ бы намъ по самой справедливости титуляцію, которой слова и письмена въ 15 аршинъ разумѣть и читать можетъ, а тое жъ Алфа или Омега на маленькой бумажкѣ или на ногтѣ написанное, совсѣмъ ему не понятно? Конечно назвалъ бы насъ тою вѣдьмою, которая знаетъ, какое кушанья въ чужихъ горшкахъ кипитъ, а въ своемъ домѣ и слѣпа, и не радива, и голодна. И чуть ли таковые мудрецы не изъ числа тѣхъ женъ, своего дому небрегущихъ, коихъ великій Павелъ называетъ оплазывыми или волокитами. Я наукъ

Библиотека "Руниверс"

не хулю и самое послѣднее ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что, на ихъ надѣясь, пренебрегаемъ верховнѣйшую науку, до которой всякому вѣку, странѣ и статьи, полу и возрасту, для того отътворена дверь, что щастіе всѣмъ безъ выбора есть нужное, чего кромѣ ея ни о какой наукѣ сказать не можно. И симъ все высочайшій вѣками и системами вѣчно владѣющій парламентъ довольно доказавъ, что онъ всегда праведенъ есть и прави суди его.

Яковъ. Конечно не за то мужъ жену наказуетъ, что въ гостяхъ была, но за то, что дома не ночевала.

Лонгинъ. Еще намъ не было слышно имя сіе (математика), а наши предки давно уже имѣли построенныя храмы Христовой школы. Въ ней обучается весь родъ человѣческій сроднаго себѣ щастія и сія-то есть каѳолическая, то-есть всеродная наука. Языческіе кумирницы или капища суть тожъ храмы Христоваго ученія и школы: въ нихъ и на нихъ написано было премудрѣйшее и всеблаженнѣйшее слово сіе, γνῶθι σεαυτον, nosce te ipsum. Узнай себе безъ прекословія тожъ точно, что у насъ самыхъ вотъ: *внемли себѣ, воньми себѣ.*—Моисей. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть.*—Христосъ. *Вы есте храмъ Бога жива.*—Павелъ. *Себе же знающіи премудри суть.—Аще не увѣси самую тебе.*—Соломонъ. *Законъ твой посредѣ чрева моего.*—Давидъ. *А не вѣруяй, уже осужденъ есть.*—Христосъ. Но языческіе храмы за лицемѣріе неискусныхъ пророковъ, то-есть священниковъ или учителей, совсѣмъ уже попорчены и здѣлались мерзости запустѣніемъ въ то время, когда истина, будто живая источничая вода скотскими ногами, затаскана и погребена. Сіе случалось и самымъ іудеямъ, у коихъ часто чрезъ долгое время была зарыта истина за оскудѣніе Исааковыхъ отроковъ, прочищающихъ Авраамовы источники, а за умноженіе сомнасовъ и филистимовъ, заброшивающихъ землею воду, скачущую въ животъ вѣчный. И такъ сіи фонтаны глубоко были погребенны, что (какъ видно изъ Библіи) въ силу великую могли найтить въ храмѣ Божіемъ законъ Господень, то-есть, узнать себе и обрѣсти силу царствія Божія и правды Его внутрь себе. Да мы и сами теперь гораздо отродились отъ древнихъ христіанскихъ предковъ, предъ которыхъ блаженными очима истина Господня отъ земли возведена и сила свѣтлаго воскресенія отъ гроба воздвигнутая въ полномъ своемъ сіяла блистаніи. Но не очень искусно и у насъ обучаютъ; причина сему тая, что никто не хочетъ отъ дѣлъ житейскихъ упразднiться и очистить сердце свое, чтобъ могъ вникнуть въ нѣдра сокровенной, въ святѣйшемъ библейномъ храмѣ сладчайшей истины, необходимо для всенароднаго щастія самонужнѣйшей. Не слыша Давида: *упразднитеся и разумѣйте...*, не слушая Христа: *ищите...*, всѣ науки, всѣ промыслы и все намъ мыляе нежели тое, что единственное насъ потерянныхъ находитъ и намъ же самымъ насъ возвра-

Библиотека "Руниверс"

щаетъ. И сіе то есть быть щастливымъ—узнать, найтить себе самаго. Лицемѣры (говорится къ намъ), лице небесное подлинно хорошо вы разбирать научились, а для чего не примѣчаете знаковъ, чтобъ вамъ какъ по слѣду добраться до имѣющей ощастливить васъ истины? Все вы имѣете и умѣете, кромѣ что васъ же самыхъ вы найтить не знаете и не хощете. И подлинно удивленія достойно, что человѣкъ за 30 лѣтъ живетъ, а примѣтить не могъ, что для него лучше всего, и когда съ нимъ наилучше дѣлается. Видно, что рѣдко бываетъ дома и не радитъ: *Ахъ Іерусалиме! аще бы вѣдалъ еси, яже къ миру твоему, но нынѣ скрыся отъ очей твоихъ...*

Аѳанасій. Для меня, кажется, нѣтъ ничего, лучшаго какъ получить мирное и спокойное сердце: въ то время все пріятно и сносно.

Яковъ. А я желалъ бы въ души моей имѣть толь твердую крѣпость, дабы ни что ея поколебать и опрокинуть не могло.

Ермолай. А мнѣ дай живую радость и радостную живость: сего сокровища ни за что не промѣняю.

Лонгинъ. Сіи троихъ васъ желанія по существу своему есть одно. Можетъ ли яблонь быть жива и весела, если корень не здоровый? А здоровый корень есть-то крѣпкая душа и мирное сердце. Здоровый корень разсыпаетъ по всѣмъ вѣтвамъ влагу и оживляетъ ихъ, а сердце мирное, жизненною влагою напоенное, печатаетъ слѣды своя по наружностямъ: *и будетъ яко древо насажденное при исходящихъ водъ.*

Григорій. Не утерпѣлъ ты чтобъ не приложить библейнаго алмаза, на жъ и сіе: *на водѣ покойнѣ воспита мя.*

Лонгинъ. Вотъ же вамъ верхушка и цвѣтокъ всего житія вашего, внутренный миръ, сердечное веселіе, душевная крѣпость... Сюда исправляйте всѣхъ вашихъ дѣлъ теченіе. Вотъ край, гавань, конецъ. Отрѣзывай все, что либо сей пристани противное. Всякое слово, всякое дѣло къ сему концу да способствуетъ. Сей край да будетъ всѣмъ мыслямъ и всѣмъ твоимъ желаніямъ. Коль многіе по тѣлу здоровы, сыты, одѣты и спокойны, но я не сей міръ хвалю—сей міръ мірской, онъ всѣмъ знатенъ и всѣхъ обманываетъ; вотъ миръ—вспокоеніе мыслей, обрадованіе сердца, оживотвореніе души; вотъ миръ! вотъ щастія нѣдро! Сей то миръ оттворяетъ мыслямъ твоимъ храмъ покоя, одѣваетъ душу твою одеждою веселія, насыщаетъ пшенична тука и утверждаетъ сердце. О мире! вопіетъ Григорій богословъ, ты Божій, а Богъ твой.

Аѳанасій. О немъ-то, думаю, говоритъ Павелъ: *миръ Божій да водворяется въ сердцахъ вашихъ.*

Лонгинъ. Да.

Аѳанасій. Его-то благовѣтствуютъ красны ноги апостольскіи и чистіи ноги!

Библиотека "Руниверс"

Лонгинъ. Да.

Аѳанасій. Его-то умирая оставляетъ ученикамъ своимъ Христосъ?

Лонгинъ. Да.

Аѳанасій. А какъ его оставить имъ, такъ на земли совсѣмъ отдѣлался?

Лонгинъ. Совсѣмъ.

Аѳанасій. Да можно-ль всѣмъ достать его?

Лонгинъ. Можно всѣмъ.

Аѳанасій. Гдѣ жъ его можно достать?

Лонгинъ. Вездѣ.

Аѳанасій. Когда?

Лонгинъ. Всегда.

Аѳанасій. Для чего жъ не всѣ имѣютъ.

Лонгинъ. Для того, что имѣть не желаютъ!

Аѳанасій. Если можно всѣмъ его достать, почему жъ Павелъ называетъ всякой умъ или понятіе превосходящимъ?

Лонгинъ. Потому что никто не удостоиваетъ принять его въ разсужденіе и подумать о немъ. Если всѣ сыновья отца оставили и, бросивъ домъ, отдалилися въ математику, въ навигацію, въ физику, можно справедливо сказать, что таковымъ головамъ и въ мысль не приходитъ хлѣбопашество. Однакъ земледѣльство десятью легшее тѣхъ крученыхъ наукъ, потому что для всѣхъ нужняе. Сей миръ, будьто неоцѣненное сокровище, въ дому нашемъ внутрѣ насъ самыхъ зарито, но можно сказать, что оное бродягамъ и бездомкамъ на умъ не всходитъ, расточившимъ сердце свое по пустымъ посторонностямъ. Однакъ оное далеко сыскать легше, нежели гониться и собирать пустошь по околицамъ. Развѣ ты не слыхалъ, что сынове вѣка сего мудряе нежели сыны дне?

Аѳанасій. Такъ что жъ?

Лонгинъ. Такъ то-жъ, что хотя они и дураки, да сыскиваютъ свое.

Аѳанасій. Что жъ далѣе?

Лонгинъ. То далѣе, что оно не трудно, когда добрые люде хоть не проворны и лѣнивы, однакъ находятъ.

Аѳанасій. Для чего жъ молодіи люде не имѣютъ мира, хотя они остры?

Лонгинъ. Для того, что не могутъ и подумать о немъ, поколь не обманятся.

Аѳанасій. Какъ?

Лонгинъ. Кого жъ скоряе можно отвесть отъ дому, какъ молодыхъ? Если цѣлой городъ ложно закричитъ: вотъ непріятель! вотъ уже подъ городомъ! не бросится ли молодой дитина въ очерета, въ луга, въ пустыни? Видишь, въ чемъ вся трудность. Ему не тяжело дома покоиться, да сводятъ съ ума люди и загонятъ въ безпокойство.

Библиотека "Руниверс"

Аѳанасій. Какъ сіи люде зовутся?

Лонгинъ. Міръ, свѣтъ, манѣръ. Въ то время послушаетъ ли тотъ молокососъ одного добраго человѣка?

Аѳанасій. Пускай цѣлый день кричитъ, что ложь—не повѣритъ. А какъ сей добрый человѣкъ называется?

Лонгинъ. Тотъ, что не иде на совѣтъ нечестивыхъ...

Аѳанасій. Какъ Ему имя?

Лонгинъ. Христосъ, Евангеліе, Библія. Сей одинъ ходитъ безъ порока: не льститъ языкомъ своимъ ближнимъ своимъ, а послѣдователямъ и друзьямъ своимъ вотъ что даруетъ: *миръ мой оставляю вамъ... Миръ мой даю вамъ... Не якоже міръ даетъ...*

Яковъ. Не о семъ ли мирѣ Сираховъ сынъ говоритъ сіе: *веселіе сердца, животъ человѣку и радованіе мужа, долгодѣнствіе.*

Лонгинъ. Всѣ въ Библіи пріятные имена, напримѣръ, свѣтъ, веселіе, радость, животъ, воскресеніе, путь, обѣщаніе, рай, сладость. и проч., всѣ тѣ означаютъ сей блаженный миръ. Павелъ его (слышь), чемъ именуетъ: *и Богъ мира будетъ съ вами;* и опять: *Христосъ, иже есть миръ нашъ...*

Яковъ. Онъ его и Богомъ называетъ?

Лонгинъ. Конечно. Сіе-то тая прекрасная дуга, умирившая дни Ноевы.

Яковъ. Чудеса говоришь. Для чего жъ сей чудесный миръ называется Богомъ?

Лонгинъ. Для того, что онъ все кончитъ, самъ безконечный, а безконечный конецъ, безначальное начало и Богъ—все одно.

Яковъ. Для чего называется свѣтомъ?

Лонгинъ. Для того, что ни въ одномъ сердцѣ не бываетъ, развѣ въ просвѣщенномъ. Онъ всегда вмѣстѣ съ незаходимымъ свѣтомъ, будьто сіяніе его, а гдѣ въ душѣ свѣта сего нѣтъ, тамъ радости, живота, веселія и утѣхи нѣтъ, но тма, страхъ, мятежъ, горесть, смерть, геенна.

Яковъ. И странное, и сладкое, и страшное говоришъ.

Лонгинъ. Такъ скажи, что лучшее сего? Я тебе послушаю.

Аѳанасій. Слушай, братъ!

Лонгинъ. А что?

Аѳанасій. По этому сіи Павловы слова—*сила Божія съ нами*—сей же миръ означаютъ?

Лонгинъ. Думаю.

Аѳанасій. Такъ видно, что ошибся Григорій: онъ предъ симъ сказалъ, что добродѣтель трудится сыскать щастіе, назвавъ ея по еллинскому и римскому крѣпостью и мужествомъ, но когда крѣпость означаетъ миръ, то она сама и щастьемъ есть. На что жъ ее искать и чего? Видь крѣпость и сила все-то одно?

Библиотека "Руниверс"

Лонгинъ. Вотъ какое лукавство! Когда бъ ты былъ столь въ сысканіи мира хитръ, сколь проворный въ помѣхѣ и въ примѣчаніи чужихъ ошибокъ! Симъ ты доказалъ, что сынове вѣка сего злаго мудрѣе сыновъ Божіего свѣта. Не знаешь ли ты, что и самой щастія истиннаго искъ есть—то шествіе путемъ Божіимъ и путемъ мира, имѣющаго свои многіе степени? И не начало ли сіе есть истиннаго щастія, чтобъ находиться на пути мирномъ? Не вдругъ восходимъ на всеблаженнѣйшій верхъ горы, именуемый Фазга, гдѣ великій Моисей умре съ сею надписью: *не отемнѣетъ очи его, ни истлѣста уста его.* Не заходимый свѣтъ, темную мыслей нашихъ бездну просвѣщающій на то, чтобъ усмотрѣть намъ, гдѣ высокій и твердый миръ нашъ обитаетъ, онъ же самъ и побуждаетъ сердце наше къ восходу на гору мира. Для чего жъ не зваться ему миромъ и мира имущею крѣпостью, если онъ показуетъ, гдѣ миръ и побуждаетъ къ нему, находясь самъ всему благу началомъ и источникомъ? Кто не ищетъ мира, видно, что не понимаетъ безъ-цѣнной цѣны его, а усмотрѣть и горячо искать его обѣ сіи суть лучи блаженнаго правды солнца, какъ два крила святаго духа.

Григорій. Перестаньте, други мои, спорить: мы здѣсь собрались не для фастливыхъ любопрѣній, но ради соединенія желаній нашихъ сердечныхъ, дабы чрезъ сопряженіе исправнѣе устремлялись, какъ благоуханный дымъ, къ наставляющему заблуждающихъ на путь мира. Поощряетъ къ сему всѣхъ насъ самъ Павелъ вотъ: *всегда радуйтеся, непрестанно молитеся, о всемъ благодарите.* Велитъ всегда питать внутрѣ миръ и радость сердечную и будто въ горящую лампаду елей подливать, и сіе то значитъ—непрестанно молитеся, то есть, желайте его вседушно, ищите; я, де, знаю, что клеветникъ всегда безпокоитъ душу вашу, дабы вамъ роптать и ничемъ отъ Бога посылаемымъ недовольствоваться, но вы лукаваго сего искусителя, то есть мучителя, отгоняете, любля, ища и храня миръ и радость. Се есть жизнь и здоровья душъ вашихъ: потоль вы и живы, поколь его храните въ сердцахъ своихъ. О всемъ зрѣлымъ разумомъ разсуждайте, не слушая шепотника діавола, и уразумѣете, что вся экономія Божія во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ все-полезна есть, Его именемъ и властію все на-все на небеси и на земли дѣлается; говорите съ разумомъ: *да святится имя твое, да будетъ воля твоя...* И избавитъ васъ отъ лукаваго. А какъ только здѣлаетесь за все благодарны, то вдругъ збудутся на васъ сіи слова: *веселіе сердца—животъ человѣку...*

Аѳанасій. Кажется, всегда бы былъ спокоенъ человѣкъ, если бы въ свѣтѣ все по его волѣ дѣлалось.

Лонгинъ. Сохрани Богъ?

Аѳанасій. Для чего?

Библиотека "Руниверс"

Григорій. А что жъ, если твой разумъ и воля подобна старикóвой кошкѣ.

Аѳанасій. Что се значитъ?

Григорій. Старикъ запалилъ печь, упрямая кошечка не вылѣзаетъ изъ нея. Старикъ вытащилъ ее и плѣтью выхлюсталъ.

Аѳанасій. Я бы старался, чтобъ моя воля была согласная самымъ искуснѣйшимъ головамъ въ свѣтѣ.

Григорій. А изъ котораго—лондонскаго или парижскаго—выбралъ бы ты тѣхъ людей парламента? Но знай, что хотя бы ты къ сему взялъ судіею самаго того короля, кой охуждалъ премудрѣйшую мать нашу натуру за распоряженіе небесныхъ круговъ, то Богъ и время и его мудряе. На что жъ тебѣ лучшаго судій искать? Положись на Его и здѣлай Его волю святую своею волею; если ее принимаешъ, то уже стала и твоя. Согласіе воли есть-то едина душа и едино сердце; и что жъ лучшее, какъ дружба съ Высочайшимъ? Въ то время все по твоей да еще премудрой волѣ дѣлатимется. И сіе-то есть быть во всемъ довольнымъ. Сего-то желалъ и нашъ Ермолай да не разумѣлъ, что значитъ быть во всемъ довольнымъ. Видите, что Павлово слово—*о всемъ благодарите*—источникомъ есть совершеннаго мира и радости, и щастія. Что можетъ потревожить мое сердце? Дѣйствительно все дѣлается по волѣ Божіей, но я ей согласенъ—и она уже моя воля. За чемъ же тревожится? Если что невозможное, то конечно и не полезное: все то одно. Чемъ что полезнѣе, тѣмъ статочнѣе. Други мои, вотъ премудрость: если исполняемъ, что говоримъ: *да будетъ воля твоя*...

Ермолай. Вспомнились мнѣ нѣкоего мудреца хорошіи слова: благодареніе, де, возсылаю блаженной натурѣ за то, что она все нужное легко добыточнымъ здѣлала, а чего достать трудно, тое не нужнымъ и мало полезнымъ.

Григорій. Благодареніе отцу нашему небесному за то, что открылъ очи наши. Теперь разумѣемъ, въ чемъ состоитъ наше истинное щастіе. Оно живетъ во внутренномъ сердца нашего мирѣ, а миръ въ согласіи съ Богомъ. Чемъ кто согласнѣе съ Богомъ, тѣмъ мирняе и блаженнѣе. Тѣлесное здоровья не иное что есть, какъ равновѣсіе и согласіе огня, воды, воздуха и земли, а умиреніе бунтующихся мыслей есть здравіе души и животъ вѣчный. Если кто согласія съ Богомъ три золотника только имѣетъ, тогда не больше въ немъ и мира, а когда кто 50 или 100, то столько же въ сердцѣ его и мира. Столько уступила тѣнь, столько наступилъ свѣтъ. Блаженны, кои день отъ дня выше поднимаются на гору пресвѣтлѣйшаго сего мира-города. Сіи-то пойдутъ отъ силы въ силу, дондеже явится Богъ Боговъ въ Сіонѣ. Восходъ сей и исходъ Израилевъ не ногами, но мыслями совершается. Вотъ Давидъ: *восхожденіе въ сердцѣ своемъ положи. Душа наша прейде*

Библиотека "Руниверс"

воду не постоянную. Вотъ и Исаія: *съ веселіемъ изыйдете,* то-есть съ радостію научитеся оставить ложная мнѣнія, а перейтить къ таковымъ: *помышленія его въ родъ и родъ.* Се-то есть Пасха или переходъ во Іерусалимъ, разумѣй, въ городъ мира и въ крѣпость его Сіонъ. Соберитеся, други мои, взыйдемъ на гору Господню, въ домъ Бога Іаковля, да скажемъ тамъ: *сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозѣ живѣ.*

Яковъ. Ахъ гора божественная! Когда бъ мы знали, какъ на тебе восходить.

Лонгинъ. Слушай Исаію: *съ веселіемъ изыйдите.*

Аѳанасій. Но гдѣ мнѣ взять веселія? И что есть оное?

Лонгинъ. Страхъ Господень возвеселитъ сердце. Вотъ тебѣ вождь. Вотъ Ангелъ великаго совѣта. Развѣ ты не слыхалъ, что Богъ Мойсею говоритъ?

Аѳанасій. А что?

Лонгинъ. *Послю страхъ, ведущій тя. Се азъ послю Анѣла моего; воньми себѣ и послушай его, не обинется бо, яко имя мое на немъ есть.*

Ермолай. Скажи, другъ мой, яснѣе, какъ должно восходить?

Григорій. Прошу покорно выслушать слѣдующую басню. Пять путниковъ, за предводительствомъ своего Ангела хранителя, пришли въ царство мира и любви. Царь сея земли Мелхиседекъ ни коего сродства не имѣетъ съ посторонними царями. Ничего тамъ тлѣннаго нѣтъ, но все вѣчное и любезное даже до послѣдняго во́лоса, а законы со всѣмъ противны тиранскимъ. Дуга, прекрасная сіяніемъ, была предѣломъ и границею благословенной сей страны, съ сею надписью: «миръ первородный; къ сему миру касается все тое, что свидѣтельствуется въ святомъ писаніи о земли обѣтованной». А около его какъ было, такъ и казалось все тмою. Какъ только пришельцы приступили къ сіяющей дугѣ, вышли къ нимъ на встрѣчу великимъ множествомъ безсмертные жители. Скинули съ нихъ все ветхое—какъ платья такъ и тѣло, будьто одежду, а одѣли въ новое тѣло и одежды, вышитые золотыми сими словами: *внемли себѣ крѣпцѣ.* Вдругъ согласная зашумѣла музыка. Одинъ хоръ пѣлъ: *отверзите врата правды!..,* другой: *возмите врата вѣчная...* Поднялися врата; повели гостей къ тѣмъ обителямъ, о коихъ Давидъ: *коль возлюбленна селенія твоя...* Тамъ особливымъ согласіемъ пѣли хоры слѣдующее: *коль красны доми твои, Іакове, и кущи твоя, Израилю, яже водрузи Господь, а не человѣкъ.* Сѣли странники у безсмертныя трапезы; предложены имъ ангелскія хлѣбы; представлено вино новое, совершенный и единолѣтній агнецъ; трилѣтняя юница и коза и тотъ телецъ, коимъ Авраамъ потчивалъ всевожделѣннаго своего троеличнаго гостя, голуби и горлицы и манна и все, касающееся до обѣда, о коемъ писано: *блаженъ, иже снѣстъ*

Библиотека "Руниверс"

обѣдъ... Однакъ во всѣхъ веселіяхъ гости были не веселы: тайная нѣкая горесть сердца ихъ угрызала. Не бойтеся, любезные наши гости, говорили блаженныя граждане: сіе случается всѣмъ, сюды вновь пришедшимъ. На нихъ должно исполнитись сіе божественное писаніе: *шестижды отъ бѣдъ изметъ тя, въ седмѣмъ же не коснеттися зло.* Потомъ отведены были къ самому царю. Я прежде прошенія вашего знаю ваши жалобы, сказалъ царь мира; въ моихъ предѣлахъ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, вы сами горесть сію занесли сюда изъ посторонныхъ языческихъ, враждебныхъ моей земли земель. Потомъ велѣлъ ихъ Ангеламъ своимъ отвесть во врачебный домъ. Тутъ они чрезъ цѣлые шесть дней принимая лекарство, въ седмый совершенно вспокоились отъ всѣхъ болѣзней своихъ, а вмѣсто горести на одномъ сердцѣ написано было сіе: *да будетъ воля твоя;* на другомъ: *праведенъ еси, Господи, и прави суди твои;* на третьемъ: *вѣрова Авраамъ Богу*... На четвертомъ: *благословлю Господа на всякое время*... На пятомъ: *о всемъ благодарите*... Въ то время вся вселенная, съ несказаннымъ веселіемъ и согласіемъ плещущая руками, воскликнула сію Исаину пѣснь: *и будетъ Богъ твой съ тобою присно, и насытишися, яко же желаетъ душа твоя, и кости твоя утучнѣютъ и будутъ, яко вертоградъ напоенный и яко же источникъ, ему же не оскудѣ вода, и кости твоя прозябнутъ, яко трава, и разботѣютъ, и наслѣдятъ роды родовъ.* Сію пѣснь всѣ до единаго жители толь сладко и громко запѣли, что и въ семъ мірѣ сердечное мое ухо слышитъ ея.

Аѳанасій. Знаю, куда говоришъ. А кое лѣкарство принимали они?

Григорій. Спиртъ.

Аѳанасій. Какъ сей спиртъ зовется?

Григорій. Евхаристія.

Аѳанасій. Гдѣ жъ намъ взять его?

Григорій. Бѣдняче! до-се ли не знаешъ, что царскій врачебный домъ есть святѣйшая Библія. Тамъ аптека, тамъ больница горняя и ангели, а внутрь тебе самъ архіяторъ. Въ сію то больничную горницу Іерихонскаго нещастливца привозитъ человѣколюбивый самарянинъ. Въ семъ одномъ домѣ можешъ сыскать врачевство для искорененія сердца твоего ядовитыхъ и мучителныхъ непріятелей, о коихъ написано: *враги человѣку домашніи его.* Враги твои суть собственныя твои мнѣнія, воцарившіяся въ сердцѣ твоемъ и всеминутно оное мучащіи, шепотники, клеветники и противники Божіи, хулящіи непрестанно владычнее въ мірѣ правленіе и древнѣйшіи законы обновить покушающіися, сами себе во тмѣ и согласниковъ своихъ вѣчно мучащіи, видя, что правленіе природы во всемъ не по бѣсноватымъ ихъ желаніямъ, ни по омраченнымъ понятіямъ, но по высочайшимъ отца нашего совѣтамъ вчера и днесь и во вѣки свято продолжается. Сіи то

Библиотека "Руниверс"

не разумѣюще хулятъ распоряженіе круговъ небесныхъ, охуждаютъ качество земель, порочатъ изваяніе премудрой Божіей десницы въ звѣряхъ, древахъ, горахъ, рѣкахъ и травахъ; ни чемъ не довольны; по ихъ нещастному и смѣшному понятію, не надобно въ мірѣ ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болѣзней, а паче всего смерти: къ чему она? Ахъ бѣдное наше знанійцо и понятійцо! думаю не хуже бы мы управили машиною мірскою, какъ беззаконно воспитанный сынъ отеческимъ домомъ. Откуда сіи бѣсы вселились въ сердца наши? Не легіонъ ли ихъ въ насъ? Но мы сами занесли сію началородную тму съ собою, родившись съ нею.

Аѳанасій. Почему ты мнѣнія называешъ бѣсами?

Григорій. А какъ же ихъ назовешъ?

Аѳанасій. Я не знаю.

Григорій. Такъ я знаю! Бѣсъ еллинскимъ языкомъ называется δαιμονον.

Аѳанасій. Такъ что жъ?

Григорій. То что δαιμονιον значитъ знанійцо или разумѣйницо, а δαιμων знающій или разумѣющій. Такъ прошу простить, что маленькимъ бѣскамъ отдалъ я фамилію великаго бѣса.

Лонгинъ. Не грамотный Марко (выслушайте басеньку) добрался до рая. Вышелъ Петръ С. съ ключами и, отверзая ему райскія двери, спрашуетъ: учился ли ты священныхъ языковъ? Ни какъ, отвѣчалъ простякъ. Былъ ли въ академіяхъ? Никогда, отче святый. Чолъ ли древнихъ богослововъ книги? Не чолъ: я аза въ глаза незнаю. Кто жъ тебя исправилъ на путь мира? Меня исправили три регулки. Кіи три регулки? А вотъ они! 1-я сія: *все то доброе, что опредѣлено и святымъ людямъ*, 2-я: *все то не велико, что получаютъ и беззаконники*, 3-я: *чего себѣ не хощешъ, другому не желай*. 1-я и 2-я домашнія, и я самъ ихъ надумалъ, а 3-я есть апостолскій законъ, для всѣхъ языковъ данный. 1-я родила во мнѣ Іовле терпѣніе и благодарность, 2-я дарила свободою всѣхъ мірскихъ вожделѣній, 3-я примирила меня со внутреннымъ моимъ господиномъ. Апостолъ, взглянувъ на его просвѣщеннымъ яко солнце лицемъ, сказалъ: о благословенная и благодарная душа! внійди во обитель отца твоего небеснаго и веселись вѣчно; мало ты кушалъ, а много сытъ.

Яковъ. Не разумъ отъ книгъ, но книги отъ разума родились. Кто чистыми размышленіями о истинѣ очистилъ свой разумъ, тотъ подобенъ рачительному хозяину, источникъ чистой воды живой въ домѣ своемъ вырившеми, какъ написано: *вода глубока, совѣтъ въ сердцѣ мужа. Сыне, пій воды отъ твоихъ сосудовъ*. Въ то время, немножко съ книгъ откушавъ, можетъ много пользоватся, какъ написано объ облистанномъ съ небесе Павлѣ: *и пріемъ пищу укрѣпися*. Таковъ то

Библиотека "Руниверс"

есть и сей Марко: онъ изъ числа посвящаемыхъ Богу скотовъ, жваніе отрыгающихъ. *Святи ихъ во истинѣ твоей*... Мало кушалъ, много жевалъ и изъ маленькой суммы или искры размножилъ пламень, вселенную объемлющій. Не много ли мы его больше знаемъ? Сколько мы набросали въ нашъ желудокъ священныхъ словъ? А какая полза? Только засорили. Ахъ бѣдная ты жена кровоточивая, съ слабымъ желудкомъ! Вотъ чего надѣлали вредные мокроты, змiемъ апокалиптичнымъ изблеванные, отъ которыхъ Соломонъ сына своего отвлекаетъ: *отъ чуждыхъ же источниковъ да не піеши.* Какъ же можно таковому горькихъ водъ исполненному сердцу, вмѣстить миръ Божій—здравіе, радованіе, жизнь душевную? Сыщимъ прежде внутрь насъ искру истины Божіей, а она, облиставъ нашу тму, послетъ насъ къ священныхъ водъ библейскихъ Силоаму, до которыхъ зоветъ пророкъ... *Измыйтеся... Отъимите лукавствіе отъ душъ вашихъ.* Вотъ тебѣ рвотное. Не житіе ли наше есть брань? Не со змѣиными ли мнѣніями намъ нужда боротъся? Не-се-ли та Павлова благороднѣйшая баталія, о коей: *нѣсть наша брань къ плоти и крови*... Мнѣніе и совѣтъ есть сѣмя и царство. Сія глава гнѣздится въ сердцѣ. Что жъ, если сія глава змiина? Если сіе сѣмя и царство злое? Каковаго мира надѣяться въ сердцѣ отъ тиранна? Онъ человѣкоубійца исконы, наблюдаетъ, стережетъ, любитъ и владѣетъ тмою. И если таковое горькое мнѣній море наполнило сердце и пожерла злая глубина душу, то коего тамъ надѣяться свѣта? Горе, тма. Коего веселія и сладости, гдѣ нѣсть свѣта? Коего мира, гдѣ нѣсть жизни и веселія? Кая жизнь и миръ, если нѣсть Бога? Что за Богъ, если нѣсть духа истины и духа владычня? Кій духъ истины, если не мысли не вещественныя и сердце чистое? Что за чистое, если не вѣчное, какъ писано: *помышленія его въ родъ и родъ?* Какъ же вѣчное, если на вещество засмотрѣлось? Какъ же не засмотрѣлось, если почитаетъ оное? Какъ же не почитаетъ, если надѣется на оное? Какъ же не надѣется, если тужитъ о разрѣшеніи праха? Не се ли есть имѣть таковое сердце: *увѣждь, яко пепелъ сердце ихъ, и прельщаются, и ни единъ возможетъ избавить душу свою?* Не се ли есть грѣхопаденіе и заблужденіе отъ Бога въ сторону праха идолочестія? Не се ли есть глава змiина, о коей писано: *той сотретъ твою главу?* Слушай Ермолай! вотъ какъ должно восходить на гору мира! Принимай рвотное, очищай сердце, выблюй застарѣліи мнѣнія и не возвращайся на блевотину, пій чистую новыхъ совѣтовъ воду по вся дни. Се то есть переходитъ отъ подлости на гору, отъ горести въ сладость, отъ смерти въ животъ, отъ свинныхъ лужъ къ горнимъ источникамъ еленьимъ и сагайдачнымъ. Пій потоль, поколь рѣки отъ чрева твоего потекутъ воды живой, утоляющей нещастнѣйшую жажду, то есть, не сытость, не удовольствіе, зависть, вожделеніе, скуку, ропотъ, тоску,

Библиотека "Руниверс"

страхъ, грусть, раскаяніе и протчія бѣсовскихъ головъ жала, душу всѣми купно умерщвляющіи. Пій потоль, поколь запоешь: *душа наша, яко птица избавися... Прейде воду не постоянную. Благословенъ Господь, иже не даде насъ въ ловитву зубамъ ихъ,* поколь утѣшишся со Аввакумомъ, поя: *вложилъ еси въ главы беззаконныхъ смерть, азъ же о Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ спасѣ моемъ,* поя съ Анною: *утвердися сердце мое во Господѣ,* поя съ Давидомъ: *знаменася на насъ свѣтъ лица твоего.* Пресилный и прехитрый есть непріятель застарѣлое мнѣніе. Трудно (по Евангелію) сего крѣпкаго связати и расхитити сосуды его, когда разъ онъ въ сердцѣ возродился. Но что сладчае сего труда, возвращающаго безцѣнный покой въ сердце наше? Борися день отдня и выгоняй хоть по одному изъ нутра, поднимайся часъ отъ часу на гору, храбро величаясь съ Давидомъ: *не возвращуся, дондеже скончаются...* Сіе то есть преславнѣйшая сѣчь ходологоморская, отъ которой божественный побѣдитель Авраамъ возвращается.

Григорій. Живые проживаймо, други мои, жизнь нашу, да протекаютъ безъ унынія дни наши и минуты. О всемъ нужномъ для теченія дней нашихъ промышляймо, но первѣйшее попеченіе наше пусть будетъ о мирѣ душевномъ, сирѣчь, о жизни, здравіи и спасеніи ея. Что намъ пользы приобрѣсти цѣлой вселенной владѣніе, а душу потерять? Что ты мнѣ въ мірѣ сыщешь толь дорогое и полезное, чтобъ замѣнять отважился за душу твою? Ахъ опасно ступаймо, чтобъ попасть намъ вніитить въ покой Божій въ праздникъ Господень, по крайнѣйшей мѣрѣ въ субботу, если не въ преблагословенную субботъ субботу и въ праздниковъ праздникъ. Да получивъ шабасъ, хотя отъ половины горестнѣйшихъ трудовъ уволнить возможемъ если не осла нашего, то душу нашу, и достигнемъ, если не въ лѣто Господне пріятное въ седмижды седмой или въ пятидесятый съ Апостолами годъ, когда все общее скотамъ и людямъ уволненіе бываетъ, то хотя нѣсколько освободимо бѣдную душу отъ тѣхъ трудовъ: *доколѣ положу совѣты въ души моей, болѣзни въ сердцѣ моемъ.* Глава въ человѣкѣ всему сердце человѣческое. Оно то есть самый точный въ человѣкѣ человѣкъ, а протчее все околица, какъ учитъ Іеремія: *глубоко сердце человѣку* (паче всѣхъ) *и человѣкъ есть, и кто познаетъ его?* Внемли пожалуй: глубоко (де) сердце, и человѣкъ (оно то) есть... А что жъ есть сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная мыслей бездна? Что есть мысль, если не корень, сѣмя и зерно всей нашей крайней плоти, крови, кожи и протчей наружности? Видишь, что человѣкъ, міръ сердечный погубившій, погубилъ свою главу и корень свой. И не точный ли онъ орѣхъ, снѣденный по зерну своему червями, ни чего силы кромѣ околицы не имѣющій. До сихъ то бѣдняковъ Господь съ толикимъ сожалѣніемъ у Исаіи говоритъ: *присту-*

Библиотека "Руниверс"

пите ко мнѣ вси погубльшіи сердце, сущіи далече отъ правды... Мысль есть тайная въ тѣлесной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея, а головѣ сей вся членовъ наружность, какъ обузданный скотъ, послѣдуетъ и какъ пламень и рѣка, такъ мысль никогда не почиваетъ. Непрерывное стремленіе ея есть то желаніе. Огонь угасаетъ, рѣка остановится, а невещественная и безъстихійная мысль, носящая на себѣ грубую бренность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣ тѣла) ни какъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномолнійное своего лѣтанья стремленіе чрезъ неограниченніи вѣчности, милліоны безъ конечніи. За чемъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою; покой ея не въ томъ, чтобъ остановиться и протянутся какъ мертвое тѣло—живой ея натурѣ или породѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она, будьто во странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства и, подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремителнѣе отъ раболѣпной вещественной природы возносится къ вышней господственной натурѣ, къ родному своему и безначалному началу, дабы сіяніемъ его и огнемъ тайнаго зрѣнія очистившись, уволнитись тѣлесной земли и землянаго тѣла. И сіе то есть внійти въ покой Божій, очиститись всякаго тлѣнія, здѣлать совершенно вольное стремленіе и безъ препятственное движеніе, вылетѣвъ изъ тѣлесныхъ вещества границъ на свободу духа, какъ писано: *постави на пространнѣ ноздѣ мои... Изведе мя въ пространство... И подьяхъ васъ, яко на крилѣхъ орлихъ, и приведохъ васъ къ себе.* Сего то и Давидъ проситъ: *кто мнѣ дастъ крилѣ яко голубинѣ, и полещу и почію...*

Ермолай. А гдѣ она находитъ сіе безъначалное начало и вышнее естество?

Григорій. Если прежде не сыщетъ внутрь себе, безъ пользы искать будетъ въ другихъ мѣстахъ. Но сіе дѣло есть совершенныхъ сердцемъ, а намъ должно обучаться буквару сея преблагословенныя субботы или покоя.

Ермолай. Побѣдить апокалиптическаго змія и страшнаго того съ желѣзными зубами звѣра, кой у пророка Даніила все на все пожираетъ, остатокъ ногами попирая, есть дѣло тѣхъ героевъ, коихъ Богъ въ книгѣ числъ велитъ Мойсею вписать въ нетлѣнный свой списокъ для войны, минуя женъ и дѣтей, не могущихъ умножить число святыхъ Божіихъ мужей, не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога рожденныхъ, какъ написано: *не соберу соборовъ ихъ отъ кровей...* Тѣ одни почиваютъ съ Богомъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, а для насъ немощныхъ и той благодати Божіей довольно, если можемъ дать баталію съ маленькими бѣсками: часто одинъ

Библиотека "Руниверс"

крошечный душокъ демонскій страшный бунтъ и горькій мятежъ, какъ пожаръ душу жгущій, възбурюетъ сердцѣ.

Григорій. Надобно храбро стоять и не уступать мѣста діаволу; противитеся—и бѣжитъ отъ васъ. Стыдно быть толь женою и младенцомъ, чтобъ не устоять намъ противу одного бездѣльнаго наѣздника, а хотя и противъ маленькой партіи. Боже мой! Коликое въ насъ нерадѣніе о снисканіи и охраненіи драгоцѣннѣйшаго небесъ и земли сердечнаго мира? О немъ одномъ долженъ человѣкъ и мыслить въ уединеніи, и разговаривать въ обращеніяхъ, сидяй въ дому, идый путемъ, и легаяй, и востая; но мы когда о немъ думаемъ? Не всѣ ли разговоры наши одни враки и бѣсовскіе вѣтры? Ахъ! Коль мы самыхъ себе не узнали, забывъ нерукотворенный домъ нашъ и главу его—душу нашу, и главу ея—богоблаженный рай мира? Имѣемъ же за то изрядное награжденіе: въ силу съ тысячи найтить одно сердце чтобъ оно не было занято гварнизономъ нѣсколькихъ экскадроновъ бѣсовскихъ. И понеже не обучаемся съ Аввакумомъ стоять на божественной сей стражи и продолжать всеполезнѣйшую сію войну; затѣмъ здѣлалися въ корень не радивы, глухи, глупы, пужливы, не искусны, и во вся борцы разслабленніи на-то, чтобъ и самая великая къ намъ милость Божія, но намъ не понимаемая, такъ сердцемъ нашимъ колотила, какъ волкъ овцами. Одинъ, напримѣръ, безпокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ пригожимъ родился лицомъ и не нѣжно воспитанъ; другой тужитъ, что хотя идетъ путемъ невиннаго житія, однакъ многіе какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, лицемѣромъ; третій кручинится, что не получилъ званія или мѣста, которое могло бъ ему поставить столъ, изъ десятка блюдъ состоящій, а теперь только что по шести блюдъ изволитъ кушать; четвертый мучится, какимъ бы образомъ не лишиться правда что мучительнаго, но притомъ и прибылаго званія, дабы въ праздности не умереть отъ скуки, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять не внѣшнею домашнею, а внутренною душевною экономіею, то-есть, узнать себя и здѣлать порядокъ въ сердцѣ своемъ; пятый терзается, что, чувствуя въ себѣ способность къ услугѣ обществу, не можетъ за множествомъ кандидатовъ продраться къ принятію должности, будьто одни чиновные имѣютъ случай быть добродѣтельными и будьто услуга разнится отъ добраго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели; шестой тревожится, что начала предъявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною арміею немилосердная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ не побѣдимая смерть, что начинаетъ ослабѣвать все тѣло, притупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцовать, не столько много и вкусно

Библиотека "Руниверс"

пить ѣсть и прочая... Но можно ли счесть неищетные тмы нечистыхъ духовъ и черныхъ вороновъ, или (съ Павломъ сказать) духовъ злобы подънебесныхъ, по темной и неограниченной безднѣ, по душѣ нашей, будьто по пространнѣйшемъ воздухѣ, шатающихся? Сіи вси еще не исполины, но саміи бездѣлніи, какъ собачки постѣлніи, душки, однакъ дѣйствительно колеблютъ наше неискусное въ битвѣ и не вооруженное совѣтами сердце; самый послѣдній бѣсышка тревожитъ нашъ не укрѣпленный городокъ; что жъ если дѣло дойдетъ до львовъ? Открою вамъ, други мои, слабость мою. Случилось мнѣ въ не подлой компаніи, не безъ удачи быть участникомъ разговора. Радовался я тѣмъ, но радость моя вдругъ ищезла: двѣ персоны начали хитро ругать и осмѣвать меня, вкидая въ разговоръ такіе алмазные слова, кои тайно изображали подлый мой родъ и низкое состояніе и тѣлесное безобразіе. Стыдно мнѣ вспомнить, сколь затревожилось сердце мое, а паче что сего отъ нихъ не чаялъ; въ силу я по долгомъ размышленіи возвратилъ мой покой, вспомнивъ, что они бабины сыны.

Аѳанасій. Что се значитъ?

Григорій. Баба покупала горшки, амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгались. А что за сей хорошенькой?... За тово дай хоть три полушки, отвѣчалъ горшечникъ... А за тово гнюсново (вотъ онъ) конечно полушка? За тотъ же ниже двухъ копѣекъ не возьму... Что за чудо? У насъ бабка (сказалъ мастеръ) не глазами выбираютъ, мы испытуемъ чисто ли звонитъ. Баба хотя была не подлаго вкуса, однакъ не могла отвѣчать, а только сказала, что она и сама давно сіе знала да вздумать не могла.

Аѳанасій. Сіи люде, имѣя съ собою одинакій вкусъ, совершенно доказываютъ, что они плодъ райской сей яблони.

Яковъ. Законное житіе, твердый разумъ, великодушное и милосердное сердце есть-то чистой звонъ почтенной персоны.

Григорій. Видите, други мои, сколько мы отродились отъ предковъ своихъ? Самое подлое бабское мнѣнійцо можетъ поколотить сердце наше.

Ермолай. Не погнѣвайся; и самъ Петръ испугался бабы: бесѣда (де) твоя явѣ тя творитъ, что галилеанинъ еси.

Лонгинъ. Но таковое ли сердце было у древнихъ предковъ? Кто можетъ безъ ужаса вспомнить Іова? Однакъ совсѣмъ тѣмъ пишется: *и не даде Іовъ безумія Богу...* Внимай, что пишетъ Лука о первыхъ христіянахъ? *Бѣ въ нихъ едина душа и едино сердце...* А что жъ то? Какое въ нихъ было сердце? Кромѣ согласной ихъ любви вотъ какое: *они же убо радовахуся, яко за имя Господа Іисуса сподобишася пріяти безчестіе...* Но вотъ еще геройское сердце: *хулими утѣшаемся; радуюся во страданіяхъ моихъ...* Кто можетъ безъ удивленія прочесть

Библиотека "Руниверс"

ту часть его письма, которая читается въ день торжества его? Она есть позорищемъ прекраснѣйшихъ чудесъ, плѣняющихъ сердечное око. Великое чудо! Что другихъ приводитъ въ горчайшее смущеніе, тое Павла веселитъ, дышущаго душею, здоровому желудку подобною, который самую грубѣйшую и твердѣйшую пищу въ пользу варитъ. Не се-ли имѣть сердце алмазное? Тяжчайшій ударъ все протчее сокрушаетъ, а его утверждаетъ. О мире! Ты Божій, а Богъ твой! Се-то значитъ истинное щастіе—получить сердце, адамантовыми стѣнами огражденное, и сказать: *сила Божія съ нами: миръ имамы къ Богу...*

Ермолай. Ахъ высокій сей миръ; трудно до него добраться. Коль чудное было сердце сіе, что за все Богу благодарило.

Лонгинъ. Не возможно, трудно, но достоинъ онъ и большаго труда. Трудно, но безъ него, тысяча разъ труднѣе. Трудно, но сей трудъ свобождаетъ насъ тяжчайшихъ безчисленныхъ трудовъ сихъ: *яко бремя тяжкое отяготьша на мнѣ. Нѣсть мира въ костехъ моихъ...* Не стыдно ли сказать, что тяжко несть сіе ярмо, когда, нося его, находимъ толикое сокровище—миръ сердечный?... *Возмите иго мое на себе и обрящете покой душамъ вашимъ.* Сколько мы теряемъ трудовъ для маленькой пользы, а часто и для бездѣлицъ, не рѣдко и для вреда? Трудно одѣть и питать тѣло, да надобно и нельзя безъ сего: въ семъ состоитъ жизнь тѣлесная, и никто о семъ трудѣ каяться не долженъ, а безъ сего попадетъ въ тяжчайшую горесть, въ холодъ, голодъ, жажду и болѣзни. Но не легше ли тебѣ питаться однимъ зеліемъ суровымъ и притомъ имѣть миръ и утѣшеніе въ сердцѣ, нежели надъ изобильнымъ столомъ сидѣть гробомъ повапленнымъ, исполненнымъ червей неусыпаемыхъ, душу день и нощь безпокоя угризающихъ? Не лучше ли покрыть тѣлышко самою нищею одеждою и при томъ имѣть сердце, въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣтое, нежели носить златотканное платье и между тѣмъ таскать геенскій огнь въ душевномъ нѣдрѣ, печальми бѣсовскихъ манѣровъ сердце опаляющій? Что пользы сидѣть при всякомъ довольствѣ въ нутрѣ красныхъ угловъ тѣломъ твоимъ, если сердце ввержено въ самую крайнѣйшую тму неудовольствія изъ украшеннаго чертога, о коемъ пишется: *птица обрѣте себѣ храмину, основана бо-бѣ на камени... Камень же бѣ Христосъ... Иже есть миръ нашъ... Душа наша яко птица избавися, и сѣть сокрушися. Кто дастъ ми крилѣ?...* Что жъ ты мнѣ представляешъ трудность? Если кто попалъ въ ровъ или бездну водяную, не долженъ думать о трудности, но о избавленіи. Если строишъ домъ, строй для обеихъ существа твоего частей—души и тѣла. Если украшаешъ и одѣваешъ тѣло, не забывай и сердца. Два хлѣба, два домы, и двѣ одежды, два рода всего есть, всего есть по двое, затѣмъ, что есть два человѣка въ человѣкѣ одномъ и два отца, небесный и

Библиотека "Руниверс"

земный, и два миры, первородный и временный, и двѣ натуры, божественная и тѣлесная, во всемъ на всемъ... Если жъ оба сіи естества смѣшать въ одно и признавать одну только видимую натуру, тогда-то бываетъ родное идолопоклоненіе; и сему-то единственно препятствуетъ священная Библія, находясь дугою, всю тлѣнь ограничивающею, и воротами, вводящими сердца наша въ вѣру богознанія, въ надежду господственной натуры, въ царство мира и любви, въ миръ первородный. И сіе-то есть истинный и твердый миръ—вѣрить и признавать господственное естество и на оное, какъ на необоримый городъ, положится и думать: *живъ Господь Богъ мой*... Тогда-то скажешъ: *и жива душа моя*... А безъ сего, какъ тебѣ положиться на тлѣнную натуру? Какъ не вострепетать, видя, что вся тлѣнь всеминутно родится и ищезаетъ? Кто не обезпокоится, смотря на погибающую существа исту? Таковыи пускай не ожидаютъ мира и слушаютъ Исаіи: *взволнуются и почити не могутъ. Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь Богъ*... Вонъ смотри, кто восходить на гору мира? *Господь сила моя и учинитъ ногъ мои на совершеніе, и на высокая возводитъ мя, еже побѣдити ми въ пѣсни Его,* признаваетъ Господа и предъ невидящимъ Его поетъ, а Господь ведетъ его на гору мира. Не признаніе Господа есть мучителнѣйшее волнованіе и смерть сердечная, какъ Аввакумъ же поетъ: *вложилъ еси во главы беззаконныхъ смерть.* Сію главу Давидъ называетъ сердцемъ и оно-то есть главизна наша: *глава окруженія ихъ.* Что за глава? Трудъ устенъ ихъ. Что за уста? *Доколѣ положу совѣты въ души моей, болѣзни въ сердцѣ моемъ*... Трудъ устенъ есть-то болѣзнь сердца, а болѣзнь сердца есть-то смерть, вложенная во главы беззаконныхъ, а родная смерть сія, душу убивающая жаломъ, есть смѣшеніе въ одно тлѣнной и божественной натуръ, а смѣшенное сіе сліяніе есть устраненіе отъ божественнаго естества въ страну праха и пепела, какъ писано: *еда исповѣстся тебѣ персть,* а устраненіе есть-то грѣхопаденіе, какъ написано: *грѣхопаденія кто разумѣетъ?* О грѣсѣ вотъ что Сирахъ: *зубы его зубы львовы, убивающіи душу*... Вотъ тма! Вотъ заблужденіе! Вотъ нещастіе! Видишъ, куда насъ завела тѣлесная натура, чего надѣлало сліяніе естествъ! Оно есть родное идолобѣшенство и устраненіе отъ блаженной натуры и невѣдѣніе о Бозѣ. Таковаго нашего сердца и извѣстная есть печать то, что ни о чемъ кромѣ тѣлеснаго не стараемся, точныи язычники, *всѣхъ бо сихъ и языцы ищутъ,* а если хоть мало поднять къ блаженной натурѣ очи, тотъ часъ кричимъ: трудно! трудно! Сіе-то есть называть сладкое горькимъ, но праведникъ отъ вѣры живъ. А что жъ есть вѣра, если не обличеніе или изъясненіе сердцемъ понимаемой невидимой натуры? И не сіе-ли есть быть роднымъ Израилемъ, все на двое раздѣляющимъ и отъ всего видимаго невидимую половину

Библиотека "Руниверс"

Господеви своему посвящающимъ? О семъ-то Павелъ щастливцѣ вотъ: *елицы правиломъ симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и милость.* Скажи пожалуй, чемъ замѣшается тотъ, кто совершенно знаетъ, что ничего погибнуть не можетъ, но все въ началѣ своемъ вѣчно и невредимо пребываетъ?

Ермолай. Для меня сіе темновато.

Лонгинъ. Какъ не темновато лежащему въ грязѣ невѣрія! Продирай пожалуй око и прочищай взоръ; царствіе блаженной натуры, хотя утаенное, однакъ внѣшными знаками не не свидѣтельственно себе дѣлаетъ, печатая слѣды своя по пустому веществу, будьто справедливѣйшій рисунокъ по живописнымъ краскамъ. Все вещество есть красная грязь и грязная краска и живописный порохъ, а блаженная натура есть сама началомъ, то есть, безначалною инвенціею или изобрѣтеніемъ и премудрѣйшею делинеаціею, всю видимую фарбу носящею, которая нетлѣнной своей силѣ и существу такъ сообразна, будьто одежда тѣлу. Называетъ видимость одеждою самъ Давидъ: *вся яко риза обветшаютъ...*, а рисунокъ—то пядію, то цепью землемѣрною, то десницею, то истиною: *красота въ десницѣ твоей... Пядію измѣрилъ еси... Десница твоя воспріятъ мя... Истина Господня пребываетъ во вѣки;* таковымъ взоромъ взыралъ и на тѣло свое: *руцѣ, де, твои сотвористѣ мя... Минаетъ не постоянную тлѣнности своей воду. Душа наша прейде воду не постоянную;* проницаетъ мыслію въ самую силу и царство таящейся въ прахѣ его десницы Вышняго и кричитъ: *Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся. Блаженны яже избралъ и пріялъ еси Господи...* Щастливы перелетѣвшіи въ царство блаженной натуры, о семъ то Павелъ: *по земли ходяще, обращеніе имамы на небесѣхъ;* сей же миръ и Соломонъ пишетъ: *праведныхъ души въ рукѣ Божіей, и не прикоснется имъ мука...* Сіе жъ тайно образуетъ церемонія обрѣзанія и крещенія. Умереть со Христомъ есть то оставить стихійную немощную натуру, а перейти въ невидимая и горняя мудрствовать. Тотъ уже перешолъ, кто влюбился въ сіи сладчайшіи слова: *плоть ни что же...* Все жъ то плоть, что тлѣнное. Сюда принадлежитъ Пасха, воскресеніе и исходъ въ землю обѣтованную. Сюда взійдоша колѣна Израилева предъ Господа. Тутъ всѣ пророки и апостолы во градѣ Бога нашего, въ горѣ святый Его миръ на Израиля.

Ермолай. Темно говоришъ.

Аѳанасій. Ты толь загустилъ рѣчь твою библейнымъ лоскутьямъ, что нельзя разумѣть.

Лонгинъ. Простите, други мои, чрезъмѣрной моей склонности къ сей книгѣ. Признаю мою горячую страсть. Правда, что изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влечетъ меня къ нраво-учителнымъ книгамъ и я ихъ паче всѣхъ люблю: они врачуютъ и весе-

Библиотека "Руниверс"

лятъ мое сердце, а Библію началъ читать около тридцати лѣтъ рожденія моего, но сія прекраснѣйшая для меня книга надъ всѣми моими полюбовницами верхъ одержала, утоливъ мою долговременную алчбу и жажду хлѣбомъ и водою, сладчайшей меда и сота Божіей правды и истины, и чувствую особливую мою къ ней природу. Убѣгалъ, убѣгаю и убѣжалъ, за предводительствомъ Господа моего, всѣхъ житейскихъ препятствій и плотскихъ вожделѣній, дабы могъ спокойно наслаждатись въ пречистыхъ объятіяхъ краснѣйшей паче всѣхъ дщерей человѣческихъ сей Божіей дщери. Она мнѣ изъ непорочныхъ ложеснъ своихъ родила того чуднаго Адама, кой, какъ учитъ Павелъ, *созданный по Бозѣ, въ правдѣ и преподобіи и истинѣ,* и о коемъ Исаія: *родъ же Его кто исповѣсть?* Никогда не могу довольно надивится пророчей премудрости. Самые праздные въ ней тонкости для меня кажутся очень важными. Такъ всегда думаетъ влюбившійся. Премногіи никакова вкуса не находятъ въ сихъ словахъ: *Веніяминъ волкъ хищникъ, рано ястъ еще и на вечеръ даетъ пищу: очи твои на исполненіяхъ водъ...* а мнѣ они несказанную въ сердце вливаютъ сладость и веселіе, чемъ чаще ихъ отрыгая жваніе жую. Чемъ было глубочае и безлюднее уединеніе мое, тѣмъ щастливѣе мое сожительство съ сею возлюбленною въ женахъ и симъ Господнимъ жребіемъ я доволенъ. Родился мнѣ мужескъ полъ, совершенный и истинный человѣкъ, умираю не безъ чаденъ. И въ семъ человѣкѣ похвалюся, дерзая съ Павломъ: *не всуе текохъ.* Се то тотъ Господень человѣкъ, о коемъ писано: *не отемнѣетъ очи его.*

Григорій. Если вамъ не нравлятся библейные укрухи, то поведемъ нашъ разговоръ другимъ образомъ. Цѣлое воскресное утро мы провели о томъ бесѣдою, о чемъ всегда мыслить долженствуемъ, а завтрешній день есть работный. Однакъ когда къ вечеру соберетеся, то внятнѣе побесѣдуемъ о душевномъ мирѣ. Онъ всегда достоинъ нашего вниманія, находясь всего житія нашего наиѣреннымъ концомъ и пристанищемъ.

Библиотека "Руниверс"

РАЗГОВОРЪ, НАЗЫВАЕМЫЙ АЛФАВИТЪ

ИЛИ БУКВАРЬ МИРА.

Милостивому Государю,

Владимиру Степановичу

Его Благородію Тевяшову.

Милостивый Государь!

Одинъ разговоръ уже къ вамъ пришелъ, вотъ-же нашолъ васъ и братъ перваго. Когда меня жалуете, пріймите милостиво и сего и положите братнюю сію двоицу предъ лицемъ дражайшаго вашего родителя, какъ образъ и память усерднаго моего почитанія. Въ обоихъ написано то, что говорено въ бесѣдахъ съ здѣшними пріятельми. Они жъ и бесѣдующими лицами поставленны въ обоихъ. Первый испытуетъ съ Давидомъ небесныя круги, повѣдающія славу вѣчнаго: *лѣта вѣчная помянухъ...*, и названъ колцомъ; а вторый, узнавъ безначалное начало, изъ не трудныхъ начатковъ, будьто изъ алфавита, Богу послѣдовать побуждаетъ и названъ букваремъ. Премудрѣйшее слово есть сіе: Γνῶθι σεαυτόν. Nosce te ipsum. Узнай себе самого.

И теперь оно всѣмъ во устахъ, но не многимъ во вкусѣ [1]). Думаютъ, что начальникъ слова сего былъ древнѣйшій мудрецъ Ѳалисъ. Вѣрно. Кто что нашелъ и любитъ, тое своимъ ему быть можетъ, а

---

[1]) Самая сластная ягода или зерно во устахъ не даетъ вкуса, поколь не ражевать. Крошечное, какъ зерно, слово сіе высокой вкусъ утаило.

Библиотека "Руниверс"

истина безначальна. Пишетъ Плутархъ, что на Аполлоновомъ, Делфійскомъ храмѣ было написано: *узнай себе.* Древніе египтяне слово сіе высоко почитали. Что значитъ сфинксъ—изъяснено въ первомъ разговорѣ. Имя его значитъ связь или узолъ. Гаданіе сего урода утаевало ту жъ силу: *узнай себе.* Не развязать сего узла была смерть мучительная, убійство души, лишеніе мира. Для сего египтяне онаго урода статуи поставляли по улицамъ, дабы, какъ многочисленныя зеркала, вездѣ въ очи попадая, сей самонужнѣйшее знаніе утаевающій узолъ на память приводили.

Потомки ихъ были не таковы. Отнялась отъ нихъ глава мудрости; долой пала чистая часть богочтенія; остались одни художества, съ физическими волшебствами и суевѣріемъ. Монументъ, напоенный всеполезнѣйшимъ для каждаго совѣтомъ, обратился въ кумиръ, уста имущій и не глаголющій, а только улицы украшающій, и будьто источникъ въ лужу отродился.

Такъ и всѣ богословскія тайны превращаются въ смѣшные вздоры и суевѣрныя сказки.

Во времена Авраамскіе дѣлали сіе филистины, а нынѣ дѣлаютъ не вѣрующіе себе и Бога.

Въ божественномъ мракѣ Мойсейскихъ книгъ почти 20 разъ находится сіе: *вонъми себѣ—внемли себѣ* и вмѣсто ключа ко всему предвручается тоже, что *узнай себе.*

И не дивно, что древніе египтяне, евреи и еллины высоко почитали слово сіе. Знать то, отъ познанія себе самого входитъ въ душу свѣтъ вѣдѣнія Божія, а съ нимъ путь щастія мирный. Что компасъ въ кораблѣ, то Богъ въ человѣкѣ. Компасная въ сердцѣ корабельномъ стрѣла есть тайный языкъ, законъ, глава, око и царство корабельное.

Библіа тоже именуется стрѣлою, яко начертанная тѣнь вѣчнаго закона и тма Божія. Не тотъ мнѣ знатокъ въ кораблѣ, кто перечелъ и перемѣрилъ каюты и веревки, но кто позналъ силу и природу корабля: тотъ, разумѣя компасъ, разумѣетъ путь его и всѣ околичности.

А что жъ есть Богъ, если не вѣчная глава и тайный законъ въ тваряхъ? Истину сказуетъ Павелъ: *законъ духовенъ есть.* Законъ же сей что есть, если не владѣющая тлѣніемъ господственная природа, названная у древнихъ отцовъ: Τριβονλιος μόνας καὶ φύσις? Трисолнечное единство и естество—сія единица всему глава, а сама безначальная, ни временемъ, ни именемъ, ни мѣстомъ, ни поломъ не ограниченная.

Сія то мати и отецъ отвѣчаетъ Мойсею, что ей имени нѣтъ. Кто (де) ищетъ моего имени, тотъ не видитъ естества моего. Имя мое и естество есть тоже: *азъ есмь сый.* Я тотъ, что есмь вездѣ, всегда во всемъ и не видно мене, а протчее все видно и нѣтъ того ничего.

Библиотека "Руниверс"

Плоть ничтоже. Я—древо жизни, а другое все—тѣнь моя. И не напрасно еллины къ обоему полу прилагали слово сіе—Θεός. И не безъ толку у нѣкоторыхъ христіанъ даютъ имя мущинѣ съ мужескимъ и женское, напримѣръ: Юзефъ-Маріа. Сюда то смотритъ острое Павловское слово: *нѣсть мужескъ полъ, ни женскъ*... И такъ, не прекрасный Нарцыссъ, не хиромантикъ и не анатомикъ, но увидѣвшій внутрь себе главный машины пунктъ—царствіе Божіе—сей узналъ себе, нашедъ въ мертвомъ живое, во тмѣ свѣтъ, какъ алмазъ въ грязи и какъ евангелская жена имперіалъ въ горничномъ ссорѣ. *Радуйтеся со мною*... Сей точно узналъ человѣка и можетъ похвалиться: *вѣмъ человѣка.*

Вотъ вамъ нѣсколько знатоковъ!

Авраамъ: *видѣ и возрадовася.*
Навинъ: *видѣ человѣка стояща.*
Іовъ: *нынѣ же око мое видѣ тя.*
Давидъ: *возведохъ очи мои въ гору.*
Исаіа: *видѣ славу Его.*
Даніилъ: *видѣхъ и се мужъ единъ.*
Захаріа: *воздвигохъ очи мои и видѣхъ, и се мужъ, и въ руцѣ Его*...

Вотъ еще дюжина! взгляньте на гору Галилею!

11 Апостоловъ: *видѣвше Его поклонишася.*
И Стефанъ: *Се вижу небеса отверста*...
А какъ *мудраго очи его во главѣ его,*
такъ *очи безумныхъ, на концахъ земли.*

Съ лица человѣка примѣтить можно, но не с подошвы *тыи пяту мою соблюдутъ.*

Сколь о многихъ можно сказать: *вы кланяетесь, его же не вѣсте.*

О всѣхъ сихъ, подло ползующихъ, написано: *блюсти будешъ его пяту.*

Вся Библіа дышетъ симъ вкусомъ: *узнай себе.*

Развѣ жъ Богъ въ человѣкѣ точію? никакъ! Но кто слѣпъ дома, тотъ и въ гостяхъ и, не имѣя самъ въ себѣ, не найдетъ и въ пищи вкуса. А тогда можно смѣло отважиться и на глубину библейную съ тѣмъ, кого слушаетъ вѣтеръ и море.

Узнать Его есть чувство премудрости, любить и слушать есть духъ вѣры и благочестія.

Руководство блаженныя натуры всей своей мудрости виною ставитъ Катонъ Цицероновъ. Но ключъ къ сему чертогу сей есть: *вонъми себѣ.*

Чемъ болѣе кто себе узнаваетъ, тѣмъ вышше восходитъ на Сіонъ мира.

Нѣтъ легче послѣдовать Богу, какъ въ пищи, въ дружбѣ, въ званіи. Тутъ пріобучивыйся можетъ подняться и на крутыя мѣста,

Библиотека "Руниверс"

поколь сбудется: *положу строптная их въ гладкая*. А я желаю вамъ итить отъ силы въ силу. Половину здѣлалъ, кто хорошо началъ.

Окончу рѣчь любезнаго моего Ѳалиса словомъ: Ἀρχὴν ἁπάντων καὶ τέλος ποιεῖ Θεός. Началомъ и концомъ во всемъ тебѣ будь Богъ, и пребуду, милостивый государь, Вашего Благородія нижайшій слуга, любитель священныя библіи, Григорій Сковорода. 1775 года, генваря 1 дня, въ Липцахъ.

ОСНОВАНІЕ.

Азъ есмь Аѳа и Ѡмега. Апокал. Слыши Израилю, воньми себѣ, внемли себѣ. Мойсей. Себе знающіи премудры суть. Притч. Аще не увѣси самую тебе... изыди. Пѣснь пѣсней. Узнай себе самаго. Ѳалисъ.

ДРУЖЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ О ДУШЕВНОМЪ МИРѢ.

Лица: Аѳанасій, Яковъ, Лонгинъ, Ермолай, Григорій.

Григорій. Слава Богу! собралась наша бесѣда. Что слышно? нѣтъ ли вѣстей?

Яковъ. Вчерась здѣлался пожаръ. Довелось быть въ гостяхъ и напасть на шайку ученыхъ.

Лонгинъ. Былъ ли пожаръ?

Яковъ. При бутылкахъ и стаканахъ ужасный загорѣлся дыспутъ. Иной величалъ механику; иной превозносилъ химію; иной ублажалъ геометрію; иной пришивалъ человѣческое щастіе врачебной наукѣ; иной похвальными пѣснями вѣнчалъ исторію; иной возвышалъ грамматику съ языками; иной политику съ обращеніемъ. Потомъ былъ споръ, кая пища здоровѣе, кое вино полезнѣе. Наконецъ самый пламень загудѣлъ о причинѣ, погубившей республику Аѳинейскую, плодородную мать ученыхъ людей. Много врали и о богинѣ Минервѣ, которой посвященъ былъ городъ Аѳинскій. Однакъ я не могъ ничего понять и, не знаю почему, никакова вкуса не чувствовалъ. А въ любезной моей книжечкѣ, которую всегда съ собою ношу, недавно начиталъ, что щастіе ни отъ наукъ, ни отъ чиновъ, ни отъ богатства, но единственно зависитъ оттуду, чтобъ охотно отдаться на волю Божію. Сіе одно можетъ вспокоить душу.

Григорій. Какъ прозываются тѣ ученыя?

Яковъ. Первой Навалъ, второй Сомнасъ, третей Пиѳиковъ, люди славно-ученые, а протчихъ не знаю.

Библиотека "Руниверс"

Григорій. Какъ же ты не могъ ничего понять?

Яковъ. Сему я и самъ дивлюсь. Одно только то знаю, что слушать ихъ вовся меня не позывало.

Григорій. Развѣ они о Минервѣ говорили безъ Минервы? Такъ побесѣдуемъ же сами о драгоцѣннѣйшемъ нашемъ мирѣ безспорно и дружелюбно. Раскусимъ нѣсколько слово сіе: *отдаться въ волю Божію.* А премилосердная мать наша блаженная натура насъ любителей своихъ не оставитъ, руководствуя нашу всю бесѣду. Вспомните сказанное мною слово сіе: *чемъ кто согласнѣе съ Богомъ, тѣмъ мирнѣе и щастливѣе.* Сіе то значитъ: жить по натурѣ. Кто же не говоритъ сего: жить по натурѣ? Но сія ошибка путемъ есть всей пагубы, если кто, смѣшавъ рабскую и господственную натуру въ одно тождество, вмѣсто прозорливой или божественной избираетъ себѣ путеводительницею скотскую и слѣпую натуру. Сіе есть родное нечестіе, невѣдѣніе о Богѣ, непознаніе пути мирнаго, шествіе путемъ нещастія, ведущимъ въ царство тмы, въ жилище духовъ безпокойныхъ. Самое сіе слово нещастіе оттуду родилось, что прельщенный человѣкъ, пошедшій за руководствомъ слѣпой натуры, ухватился за хвостъ, минувъ главу или тую высочайшую часть: *часть моя еси Господи.* Сколько жъ мы одолженны матери нашей Библіи? Она непрестанно кладетъ намъ во уши иное высочайшее нѣкое естество, называя оное началомъ, окомъ, отцомъ, сильнымъ, Господемъ, царемъ, Ангеломъ совѣта, духомъ владычнымъ, страхомъ путеведущимъ, вторымъ человѣкомъ, свѣтомъ, радостію, веселіемъ, миромъ, и протчая. На сколькихъ мѣстахъ вопіетъ намъ: *внемли себѣ, воньми себѣ крѣпцѣ, внійдите въ храмину вашу, возвратися въ домъ твой, Духъ Божій живетъ въ васъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе...* И сіе то есть благовѣстити миръ, возвѣщати щастія путь, оттворять ворота къ благоденствію, отверзать предводительствующее во всемъ и не дремлющее око, дабы всеусерднѣйше всякъ, тайному мановенію блаженнаго внутрь себе духа повинуясь, могъ получать наставленіе, просвѣщеніе, куражъ и совершеніе въ каждомъ своемъ дѣлѣ, а безъ его дозволенія самаго мѣлочнаго не всчинать дѣйствія и самаго маленькаго ступня не ступать. Щастливъ, живущій по волѣ благаго духа! *Господь будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ.* Бѣдная душа, своими похотьми водимая! *Путь нечестивыхъ погибнетъ.* Самое переднее крильцо и преддверіе, въводящее въ пагубу, и самая начальная замашка, будто букварь, обучающій насъ быть супостатами Богу, есть сія:

А. Входить въ не сродную стать.

Б. Несть должность, природѣ противну.

В. Обучаться, къ чему не рожденъ.

Г. Дружить съ тѣми, къ коимъ не рожденъ.

Библиотека "Руниверс"

Сіи дорожки есть родный несчастія путь.

Аѳанасій. А если кто къ воровству рожденъ?

Григорій. Убирайся прочь! Моя рѣчь единственно точію касается до человѣколюбныхъ душъ, до честныхъ званій и до благословенныхъ промысла трудовъ, коихъ Божій и человѣческій законъ вонъ изъ сожителства не изгонитъ, а составляютъ они плодоносный церквѣ, яснѣе сказать, общества садъ такъ, какъ часовую машину свои части. Она в то время порядочное продолжаетъ теченіе, когда каждый членъ не только добръ, но и сродную себѣ, разлившіяся по всему составу должности, часть отправляетъ. И сіе то есть быть щастливымъ, познать себе или свою природу, взяться за свою долю и пребывать съ частію себѣ сродною отъ всеобщей должности. Сіи должности участія есть благодѣяніе и услуга. И недивно, что у древнихъ римлянъ, какъ должность, такъ и благодѣяніе, означалося симъ словомъ officium. Самая добрая душа тѣмъ безпокойнѣе и нещастливѣе живетъ, чемъ важнѣйшую должность несетъ, если къ ней не рожденна. Да и какъ ей не быть нещастною, если потеряла сокровище сіе, всего мира дражайшее: *веселіе сердца, животъ человѣку и радованіе мужа, (есть то) долгоденствіе. Сирахъ.* Какъ же не потерять, если вмѣсто услугъ, обижаетъ друзей и родственниковъ, ближнихъ и дальнихъ, однородныхъ и чужестранныхъ? Какъ не обижать, если вредъ приносить обществу? Какъ не повредить, если нѣтъ прямаго раченія и не утомимаго труда? Откуду же уродится трудъ, если нѣтъ охоты и усердія? Гдѣ жъ возмешъ охоту безъ природы? Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты. Охота есть ражженіе, склонность и движеніе. Охота силняе неволи, по пословицѣ. Она стремится къ труду и радуется имъ, какъ сыномъ своимъ. Трудъ есть живый и неусыпный всей машины ходъ потоль, поколь породитъ совершенное дѣло, соплѣтающее творцу своему вѣнецъ радости. Кратко сказать, природа запаляетъ къ дѣлу и укрѣпляетъ въ трудѣ, дѣлая трудъ сладкимъ. А что жъ есть природа, если не тотъ блаженный въ человѣкѣ духъ, о коемъ Богъ къ Мойсею: *се Азъ посылаю Анѣла моего пред лицемъ твоимъ... Воньми себѣ и послушай его. Не обинется бо, яко имя мое на немъ есть.* Великое есть сіе дѣло: *имя мое на немъ есть.* Божіе имя и естество Его есть то же. Того ради велитъ вникнуть внутрь себе и внимать сему наставнику, ясно все нужное показующему. Сколько можно догадываться, сей есть тотъ, что сказуетъ: *безъ мене не можете творити ничесоже.* И сіе то есть съ Богомъ щастливо вступить въ званіе, когда человѣкъ не по своимъ прихотямъ и не почужимъ совѣтамъ, но вникнувъ въ самаго себе и внявъ живущему внутрь и зовущему его святому духу, послѣдуя тайному Его мановенію, принимается и придержится той должно-

Библиотека "Руниверс"

сти, для которой онъ въ мірѣ родился, самымъ Вышнимъ къ тому предопредѣленъ. Не вездѣ ли присносущнаго Божія естества исполненіе? Есть онъ во всякомъ человѣкѣ, есть и въ тебѣ и съ тобою. Что жъ онъ дѣлаетъ? Послушай Соломона. *Нетлѣнный духъ твой во всѣхъ есть. Тѣмъ же заблуждающихъ обличаеши и въ нихъ же согрѣшиша, воспоминая учиши, да, примѣнившеся отъ злобы, вѣруютъ въ тя, Господи.* Видишъ, что живущее въ тебѣ блаженное естество управляетъ будьто скотомъ твоею природою. Сія слѣпая натура, есть ты жъ самъ, съ прихотьми своими. И сіе то значитъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть.* Оно не ошибается и лучшимъ путемъ поведетъ тебе, разумѣй, къ тому, къ чему ты рожденъ, да будешъ для себе и для братіи твоей полезнымъ, нежели чужіе совѣты и собственныя твоя стремленія, о коихъ написано: *враги человѣку домашніи его.* А теперь осмотрись; чево торопишся? Куда забѣжитъ твоя необузданность? Зачѣмъ хватаешся за должность, не вѣдая, будешь ли въ ней щасливымъ? Какъ можно тебѣ отправить удачно, не до ея рожденному? Кто можетъ подписаться, что хорошая сія пища будетъ въ пользу твоего желудка? Не лучше ль самъ о семъ можешъ освѣдомиться? Справся жъ самъ съ собою. Узнай себе. Внемли себѣ и послушай Господа своего. Есть въ тебѣ царь твой, отецъ и наставникъ. Воньми себѣ, сыщи Его и послушай Его. Онъ одинъ знаетъ, что тебѣ сродное; сіе есть полезное. Самъ онъ и поведетъ къ сему, зажжетъ охоту, закуражитъ къ труду, увѣнчаетъ концемъ и благословеніемъ главу твою. Пожалуй, другъ мои, не начинай ничево безъ сего царя въ жизни твоей! Чудо, что до селѣ не могутъ тебе тронуть сіи слова: *ищите прежде царствія Божія.* Ищи, и день, и ночь вопли: *да пріидетъ царствіе твое.* А безъ сего наплюй на всѣ дѣла твои, сколько ни хороши они и славны. Все то для тебе худая пища, что не сродная, хотя бы она и царьская. Ахъ! гдѣ ты мнѣ сыщешъ человѣка, что-бъ, избирая стать, сказалъ: *да будетъ воля твоя!* Сей-то Небесный Отецъ, приводя насъ, по святой своей воли, къ тому, къ чему насъ родилъ, самъ и совѣтами утверждаетъ сердце наше, ежеденно оные, какъ пищу, въ душу нашу посылая. И тогда-то дѣло нашей должности имѣетъ свое существо и силу. Если жъ постигло уже тебѣ царствіе Божіе, взглянь на оное и ужаснися. Проси о оставленіи долговъ твоихъ за-то, что, похитивъ высочайшую власть, доселѣ правилъ житіемъ твоимъ, по совѣтамъ слѣпой твоей натуры, не по руководству царственнаго естества. Сіе есть родное искушеніе, разумѣй, мученіе твое, раждаемое отъ лукаваго духа, въ скотской твоей натурѣ царствующаго. Не думай никто, будьто отъ нашей воли зависитъ избрать стать или должность. Владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и блаженъ сему истинному царю послѣдующій. Сіе-то есть быть въ царствіи Божіи и въ щасливой стра-

Библиотека "Руниверс"

нѣ твердаго міра. Теперь взойшли мнѣ на умъ тоскою, скукою, горестью среди изобилія мучащіеся. Сіи просятъ у Бога богатства, а не удовольствія, великолѣпнаго стола, но не вкуса, мягкой постели, да не просятъ сладкаго сна, нѣжной одежды, не сердечнаго куража, чина, а не сладчайшія оныя кесаря Тита забавы: *о други мои! потерялъ я день*... Ахъ другъ мой! не проси дождя, по пословицѣ: проси урожаю; бываетъ, что и дождь вредитъ плодоносію.

Ермолай. А я вспомнилъ тѣхъ совопросниковъ вѣка сего: «богословская наука къ чему она? Я, де, не священникъ и не монахъ»... Будьто не всѣмъ нужное душевное спасеніе и будьто спасеніе и спокойствіе сердечное не тоже есть.

Яковъ. А я не могу довольно надивитись ужасному множеству грѣшащихъ противу сего тайнопишемаго божественнаго закона. Не сыщешъ столь подлой души нигдѣ, которая не рада бы хоть сево дня взойтить и на самое высокое званіе, ни мало не разсуждая о сродности своей. Сіе царствія Божія невѣжество всѣ сердца помрачило. Безъ сумнѣнія они увѣренны, будьто щастіе наше къ одному коему-то званію или статьи привязано, хотя сто разъ слышали о царствіи Божіи, кое, если кто сыскалъ и повинулся, принявся за природное званіе, тому легко все протчее нужное присовокупляется. А безъ сего и званіе есть не званіемъ. И какъ быть можетъ званіемъ, если я къ оному не званъ вышнимъ царствомъ? Какъ же званъ, если не къ тому рожденъ? Божіе царство вездѣ присутствуетъ и щастіе во всякой статьи живетъ, если входишъ во оное, за руководствомъ твоего Создателя, на то самое тебе въ міръ сей произведшаго, и во сто-разъ блаженнѣе пастухъ, овцы или свиньи съ природою пасущій, нежели священникъ, брань противу Бога имущій. Почему намъ столь подлымъ кажется хлѣбопашество, что всѣ онаго убѣгаемъ? Щасливъ, кто родился въ медицынѣ, къ пиктурѣ, къ архитектурѣ, къ книгочетству... Я ихъ благословенную, яко природную, школу (разумѣй, праздность: упражненіе) блажу и поздравляю. Радуюсь, если и самъ въ одной изъ сихъ наукъ, только бы сіе было съ Богомъ, упражняюсь. Но чемъ нещаснѣе земледѣлъ, если съ природою землю пашетъ? Признаюсь, други мои, предъ Богомъ и предъ вами, что въ самую сію минуту, въ которую съ вами бесѣдую, брошу нынѣшнее мое статье, хотя въ немъ состарѣлся, и стану послѣднѣйшимъ горшечникомъ, какъ только почувствую, что доселѣ находился въ немъ безъ природы, имѣя сродность къ скудельничеству. Повѣрьте, что съ Богомъ будетъ мнѣ во-сто разъ и веселѣе, и удачнѣе лѣпить одни глиняные сковороды, нежели писать безъ натуры. Но доселѣ чувствую, что удерживаетъ мене въ семъ состояніи нетлѣнная рука Вѣчнаго. Лобызаю оную и ей послѣдую. Презираю всѣхъ посторонныхъ со-

Библиотека "Руниверс"

вѣтниковъ безсовѣтіе. И если бы я ихъ слушалъ, давно бы здѣлался врагомъ Господеви моему. А нынѣ рабъ Его есмь.

Лонгинъ. Я напротивъ того съ удовольствіемъ дивлюся, коль сладокъ труждающемуся трудъ, если онъ природный. Съ коликимъ веселіемъ гонитъ зайца борзая собака! Кой восторгъ, какъ только данъ сигналъ къ ловлѣ! Сколько услаждается трудомъ пчела въ собираніи меда! За медъ ея умерщвляютъ, но она трудитись не перестанетъ, поколь жива. Сладокъ ей, какъ медъ, и слаже сота трудъ. Къ нему она родилась. О Боже мой! коль сладкій самый горкій трудъ съ тобою.

Григорій. Нѣкоторый молодчикъ былъ моимъ ученикомъ. Дитина подлинно рожденъ къ человѣколюбію и дружбѣ. Рожденъ все честное слышать и дѣлать. Но не рожденъ быть студентомъ. Съ удивленіемъ сожалѣлъ я о его остолбенѣлости. Но какъ только онъ отрѣшился къ механикѣ, такъ вдругъ всѣхъ удивилъ своимъ понятіемъ безъ всякаго руководителя. Мертва совсѣмъ душа человѣческая, нє отрѣшенная къ природному своему дѣлу, подобна мутной и смердящей водѣ, въ тѣснотѣ заключенной. Внушалъ я сіе непрестанно молодцамъ, дабы испитывали свою природу. Жалко, что заблаговременнѣе отцы не печатлѣютъ сего въ сердцахъ сыновьямъ своимъ. Отсюду-то бываетъ, что воинскую роту ведетъ тотъ, кто долженъ былъ сидѣть въ орхестрѣ.

Аванасій. Какъ же наживать можно шляхетство и соблюсти грунтъ.

Григорій. Хватаешся за хвостъ, не за голову. Сказую, если хотишъ, чтобъ сынъ твой куражно и удачно отправлялъ должность, долженствуешъ ему способствовать въ выборѣ сроднаго качествамъ его званія. Сто сродностей, сто званій, а всѣ почтенные, яко законные. Развѣ не знаешъ, что грунтъ отъ честно носимыя должности, не она отъ грунта зависитъ? И не видишъ, что низкое званіе часто пріобрѣтаетъ грунтъ, а вышшее теряетъ? Не смотри, что вышше и нижше, что виднѣе и не знатнѣе, богатѣе и убогшее, но смотри тое, что тебѣ сродное. Разъ уже сказано, что безъ сродности все ничто... Если кто владѣющій грунтомъ живетъ щастливо, не потому щастливъ, что владѣетъ имъ: щастіе къ грунту не привязано; самое изрядное дѣло, безъ сродности дѣемое, теряетъ свою честь и цѣну, такъ какъ хорошая пища дѣлается гадкою, пріемлемая изъ урынала. Сіе внушаетъ предревняя старинныхъ вѣковъ пословица оная: *отъ враговъ и дары—не дары.* И слаже меда сія руская притча: гдѣ былъ?—У друга. Что пилъ?—Воду, слаже непріятельскаго міоду. И подлинно, самая мѣлкая услуга есть милая и чувствительна, отъ природы, какъ отъ неисчерпаемаго родника сердечнаго, исходящая. Вспомните поселянина, поднесшаго пригорстью изъ источника воду проѣзжающему персидскому монарху! Вспомните, чему мы недавно смѣялись—мужичка

Библиотека "Руниверс"

Конона рѣпищу, принесенную въ даръ Лудовику 12-му, королю французскому! Сколько сіи монархи веселились грубою сею, но усердною простотою! За чемъ же окаеваешъ себе, о маловѣрная душа, когда твой отецъ небесный родилъ тебе или земледѣломъ, или горшечникомъ, или бандуристомъ? За чемъ не послѣдуешъ званію его, уклоняясь въ вышшее, но не тебѣ сродное? Конечно, не разумѣешъ, что для тебе въ тысячу разъ щасливѣе въ сей не знатной низкости жить съ Богомъ твоимъ, нежели безъ Его находиться въ числѣ военачальниковъ или первосвященниковъ? Не ужель ты доселѣ не примѣтилъ, щастіе твое гдѣ живетъ? Нѣтъ его нигдѣ, но вездѣ оно есть. Пожалуй, чувствуй, что разумнымъ и добрымъ сердцамъ гаразда миляе и почтеннѣе природный и честный сапожникъ, нежели безприродный штатскій совѣтникъ. Кая польза, если имя твое въ тлѣнномъ спискѣ напечатанно, а духъ истины, сидящій и судящій во внутренностехъ твоихъ, не одобряетъ и не зритъ на лицо, но на твое сердце? Останься жъ въ природномъ твоемъ званіи, сколько оно ни подлое. Лучше тебѣ попрощаться съ огромными хоромами, съ пространными грунтами, съ великолѣпными названіями, нежели растаться съ душевнымъ миромъ, здѣлавъ чрезъ сопротивленіе твое внутреннимъ себѣ непріятелемъ такъ чуднаго, сильнаго и непобѣдимаго духа, самые ливанскіе кедры стирающаго.

Нѣсколько окруховъ и крупицъ изъ языческой богословіи.

Яковъ. Позволите ли нѣчто предложить на столъ изъ языческихъ закрамовъ?

Григорій. Представь, только бы не было идоложертвенное.

Лонгинъ. Смотри, чтобъ не смердѣло духомъ, Христову благовонію противнымъ. Сіе-то значитъ у Павла бѣсовская трапеза.

Аѳанасій. Возможно ли, чтобъ пища не была скверная, если она отъ языческаго стола?

Ермолай. А я вѣрую, что она престанетъ быть скверною, если Господь освятить оную соблаговолитъ. Все то святое, что доброе. Все то доброе, что Господеви приносится. Все то Господне, духу страха Божія и царствію Его не противустоящее. Если жъ самъ Господь освятилъ, то кто дерзнетъ сквернить? Давай сюда! Я прежде всѣхъ начну кушать съ Господемъ и предъ Господемъ, ни мало не боясь Мойсеева угроженія. *Истина есть Господня, не бѣсовская.*

Яковъ. Предлагаемое мною не точію не востаетъ противу Господа, но сверхъ того стоитъ за нимъ.

Лонгинъ. Развѣ жъ ты позабылъ, что всякъ, кто не противу насъ, по насъ есть, сказуетъ истина, и кто даетъ быть пророками? *Еда*

Библиотека "Руниверс"

іудеевъ точію Богъ? Ей! и языковъ. Дышетъ вездѣ живущій во всѣхъ духъ Господень и блаженъ послушаяй его. Сіе-то значитъ похищенное у язычниковъ золото посвящать въ храмъ Господеви. И не менше Богу любезный римскій капитанъ Корнилій, какъ самый іудей, въ тайнѣ обрѣзанъ по сердцу, омытъ по смыслу.

Яковъ. Мнѣ кажется, что сія божественная въ человѣкѣ сила, побуждающая его къ сродности, называлась у древнихъ египтянъ їсысъ, Isis, у еллинъ Ἀθηνᾶ, Athena, у римлянъ Minerva, сирѣчь Natura, природа; называлася же Γενιος, genius, Ангелъ природы, назывался тожъ Θεος—Богъ.

Аѳанасій. А почему называлась Минервою?

Яковъ. Не знаю, а только думаю потому, что Минерва былъ человѣкъ (мущина или женщина) къ тому рожденъ, чтобъ могъ для себе и для своей братьи хорошо научиться знать, гдѣ обитаетъ щастіе. Сему научившійся назывался у еллинъ Εὐδαίμων, Eudaimon, сіе есть, хорошо знающій, а благополучіе Εὐδαιμονία, противное-жъ сему *Какодемонъ,* Какодемоніа, а у римлянъ сей хорошо знающій, кажется, назывался Divini juris peritus, сіе есть, хорошо знающій Божіе право. Что же присносущное величество Божіе его именемъ означалось, сіе думаю здѣлано для любви къ нему и почтенія, дабы чрезъ любезнаго человѣка имя означить вселюбезнѣйшаго, приводящаго къ щастію и таящагося въ каждомъ человѣкѣ Божіего духа, который собственнаго имени для себе не имѣетъ и съ которымъ неразрывная была дружба Минервѣ. Сего духа, если кто не слушая, принимался за дѣло, о семъ у язычниковъ была пословица: *invita Minerva,* безъ благоволенія Минервы, а у насъ говорятъ: безъ Бога; и первѣе такъ говорено о наукахъ, потомъ о всемъ, даже о самомъ мѣлочномъ дѣлѣ. Если кто безъ природы сунулся во врачебную науку, или въ музыку, говорили: *invito Apolline, Iratis Musis*—безъ благоволенія Аполлона, безъ милости музъ, если кто обращался въ купечествѣ безъ дозволенія Меркуріева если обиталъ въ прекрасныхъ рощахъ, на поляхъ, на холмахъ и горахъ, при чистыхъ рѣкахъ и прозрачныхъ источникахъ, уединяясь въ лѣсахъ и въ шумящихъ птичьимъ пѣніемъ вертоградѣхъ, убѣгая человѣческаго сожительства и брачнаго союза, но безъ Бога, говорили: безъ благословенія Діаны. Сколько должностей, столько сродностей. Сіи разныя къ различнымъ должностямъ божественныя побужденія означались у нихъ разными разныхъ человѣковъ именами, своими сродностьми прославившихся. Однакъ всѣ сіи дарованія, столь различныя, единъ и тои же Духъ святый дѣйствуетъ такъ, какъ, напримѣръ, въ мусикійскомъ органѣ одинъ воздухъ разные чрезъ различные трубки голоса производитъ, или, какъ въ человѣческомъ тѣлѣ, одинъ умъ однакъ разно по разсужденію разныхъ частей дѣйствуетъ.

Библиотека "Руниверс"

Аѳанасій. По моему мнѣнію, не очень погано изъ языческаго навоза собираешъ золото. Часто загребается въ горничномъ ссорѣ монета царская, а родникъ здоровѣйшія воды грязью затаскивается.

Яковъ. Вить басня о исполинахъ, воздвигшихъ брань противу Бога, всѣмъ знакомая. Но она не перстомъ ли показываетъ на тѣхъ смѣлчаковъ, кои дерзновеннѣе и упрямѣе духу божественному сопротивляются, устремляясь съ отчаяннымъ упорствомъ къ великому, но совсѣмъ природѣ ихъ не благоприличному званію. Сіе сколь смердитъ богомерзостью и нечестіемъ, столь напротиву того благословенное Господемъ дѣло, будьто полная роза и благовонный ландышъ, сокровенною дышетъ красотою. Сія красота называлась у древнихъ: *Препон, Decorum.* Сіе есть благолѣпіе, благоприличность, всю тварь и всякое дѣло осуществующая, но ни коимъ человѣческимъ правиламъ не подлежащая, а единственно отъ царствія Божія зависящая. И кто можетъ человѣка наставить къ тому, къ чему самъ Богъ преградилъ ему путь? Но что владѣетъ по сродности, тое-жъ разумѣть должно о всѣхъ внѣшностей родахъ. Все-жъ то внѣшность, что находится внѣ человѣка: грунтъ, фамилія, чинъ и протч. Чего хочешъ ищи, но не потеряй мира. Шляхетный списокъ внѣ тебе находится, а ты внѣ его быть можешъ щастливымъ. Онъ безъ мира ничто, а миръ безъ его есть нѣчтось, безъ чего нелзя быть щасливымъ и въ самомъ Едемскомъ раи. Развѣ чаешъ сыскать рай внѣ Бога, а Бога внѣ души твоей? Щастіе твое и миръ твой, и рай твой, и Богъ твой внутрь тебе есть. Онъ о тебѣ, въ тебѣ же находясь, промышляетъ, наставляя къ тому, что прежде всѣхъ для самого тебе есть полезное, разумѣй, честное и благоприличное. А ты смотри, чтобъ Богъ твой былъ всегда съ тобою. Будетъ же съ тобою, если ты съ нимъ будешъ. А конечно будешъ съ нимъ, если примиришся задружишъ съ пресладкимъ симъ и блаженнымъ духомъ. Дружба и отдаленнаго сопрягаетъ. Вражда и близъ сущаго удаляетъ. Съ природою жить и съ Богомъ быть есть тоже, жизнь и дѣло есть тоже. Слыхалъ я мальчикомъ, что на европейскіе берега выбросила буря дикаго человѣка, оленьею кожею обшитаго, съ такою же лоточкою. Окружилъ сіе чудо народъ. Удивляется, соболѣзнуетъ, пріятствуетъ. Предлагаетъ нѣмому гостю разные роды изрядныя пищи, но онъ ничево не касается, сидитъ, будьто мертвъ. А, наконецъ, какъ только усмотрѣлъ предложенные плоды, тотъ часъ задрожалъ къ нимъ и воскресъ. Сей есть родный образъ вѣрныя Господеви своему души въ выборѣ званія.

Лонгинъ. Живо мнѣ представляются два человѣка, одно и тоже дѣло дѣлающіе. Но от сей души родится пріятное, а отъ той не пріятное дѣло. Сей самою ничтожною услугою веселитъ, а тотъ дорогимъ подаркомъ огорчаетъ. Отъ сей персоны досада, насмѣшка и са-

Библиотека "Руниверс"

мое пуганье нѣкоторую въ себѣ утаеваетъ пріятность, а отъ другой самая ласкавость тайною дышетъ противностію. Сего хула вкуснѣе отъ того хвалы... Чудо! шило, какъ притчу говорятъ, бріетъ, а бритва не беріотъ. Что за чудо? Сіе чудо есть Божіе. Онъ одинъ тайная пружина всему сему. Все дѣйствительнымъ, все пріятнымъ, все благоприличнымъ дѣлаетъ одно только повиновеніе сокровенной его въ человѣкѣ силѣ. А противленіе святому сему вся дѣйствующему духу все уничтожаетъ. По сей-то причинѣ искусный врачъ не удачно лѣчитъ. Знающій учитель безъ успѣху учитъ. Ученый проповѣдникъ безъ вкуса говоритъ. Съ приписью подячій безъ правды правду пишетъ. Перевравшій Библію студентъ безъ соли вкушаетъ. Истощившій въ пиктурѣ вѣкъ безъ натуры подражаетъ натурѣ. Во всѣхъ сихъ всегда недостаетъ нѣчтось. Но сіе нѣчтось есть всему глава и конечная красота десницы Божія, всякое дѣло совершающія. Кратко притчею сказать: *со всѣмъ телѣга кромѣ колесъ.* И не безъ толку здѣлали Лаконцы. Они полезнѣйшій для общества вымыселъ, изъ устъ плутовскихъ произшедшій, отринули, а приняли изъ устъ добросердаго гражданина, который, по прошенію сейма, тое жъ самое своимъ языкомъ высказалъ. Отсюду думаю родился у нихъ чудный сей философскій догматъ: Ὅτι μόνον ἀγαθόν καλόν, си есть, доброта живетъ въ одной красотѣ. Отсюда у нихъ же слѣдующая пословица: Ὅμοιον προς ὅμοιον ἀγει Θεός—подобнаго до подобнаго ведетъ Богъ. Она учитъ, что неточію званія, но и высокостепенныя дружбы избраніе не отъ насъ, а зависитъ отъ Вышняго опредѣленія. Наше точію дѣло узнать себе, исправиться, въ какую должностъ и съ кѣмъ обращеніе имѣть мы родились. И какъ сродность къ званію, такъ и склонность къ дружбѣ, ни куплею, ни прозьбою, ни насиліемъ не достается, но сей есть даръ Духа святаго, все по своему благоволенію раздѣляющаго; и послѣдующій благому сему духу человѣкъ каждое званіе хвалитъ, но принимается за сродное, всякому доброжелательствуетъ, но дружитъ съ тѣми, къ коимъ особливое Святаго Духа чувствуетъ привлеканіе. Сему вѣрному наставнику столь усердно послѣдовалъ Сократъ, что и въ самыхъ мѣлочахъ его совѣтовъ придержался. Я вамъ недавно разсказывалъ, коимъ образомъ сей мужъ, вышедъ изъ гостей, вернулся изъ переулка и пошолъ домой другою улицею, по одному только внутреннему манію, ничево не предвидя.

Аѳанасій. А если бы не воротился, тогда что такое...?

Яковъ. Тоже что другимъ не послѣдовавшимъ. Нечаянно на встрѣчу гонимое стадо свинное всѣхъ ихъ перемарало, какъ видно изъ книги Плутарховой о ангелѣ хранителѣ Сократовомъ. И нельзя повѣрить, что-бъ сей мужъ, находясь въ бесѣдахъ, не по большей части бесѣдовалъ о семъ премудромъ наставникѣ и главѣ щастія. Оттуду но-

Библиотека "Руниверс"

сится и у насъ премудрая сія пословица. *Безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море.* А когда такихъ бесѣдниковъ не стало въ Аѳинахъ, тогда источникъ, напаяющій садъ общества, и родникъ мудрости со всѣмъ сталъ затасканъ и забитъ стадами свинными. Стада сіи были соборища обезьянъ философскихъ, кои кромѣ казистой маски (разумѣй философскую епанчу и бороду) ничево существа отъ истинныя мудрости не имѣли. Сіи растлѣніемъ спортили самое основаніе афинскаго юношества. Оно и вздумать не могло, дабы заглянуть внутрь себе къ божественному своему предводителю. Безпутно стремились въ слѣдъ бѣшенныхъ своихъ замысловъ, будьто олень, котораго крилами бьетъ по очамъ сидящій на рогахъ его орелъ, дабы какъ можно пробраться къ знатнѣйшимъ званіямъ, нимало неразсуждая, сродны ли имъ тѣ званія и будуть-ли обществу, а вопервыхъ, сами для себе полезными, только бы достать блистательное, хоть пустое оно, имя или обогатиться. Судите, коликое множество тамъ было пожаловано ословъ мулами, а муловъ лошаками? Тогда-то богочтеніе превратилося въ ядъ, въ раздоры, въ суевѣріе и лицемѣріе, правленіе въ мучительство, судейство въ хищеніе, воинство въ грабленіе, а науки—въ орудіе злобы. Симъ образомъ воинствуя противу Минервы, здѣлали себѣ защитницу свою враждебною, а республику погибельною.

Аѳанасій. Или я ошибся, или ты твою языческую дѣву Минерву не беззаконно обрѣзалъ, но такъ, какъ велитъ обрядъ обрѣзанія, дабы непорочно посвятить ее Господеви Богу нашему. Она перестаетъ быть идолослужительною, не означая впредъ тлѣнную плоть и кровь, но служитъ являющемуся подъ именемъ, будьто подъ одѣяніемъ ея, тому, о комъ написанно: *вы есте храмъ Бога жива и духъ Божій живетъ въ васъ.* Кратко скажу: нынѣ Египетская Ісысъ и именемъ, и естествомъ есть тоже, что Павловскій Іисусъ. *Вѣмъ человѣка...* Но скажи мнѣ, каковы были Аѳиняне въ то время, когда Павелъ къ нимъ пришелъ—мудрые ли?

Яковъ. Если-бы ты перезналъ всѣ твои тѣлесные уды, минувъ голову, и отъ самаго рождества твоего, не вѣруя о пребываніи ея, можно ли почесть тебе за знатока или за изряднаго анатомика?

Аѳанасій. Фу!.. Въ то время былъ бы я самой изрядненькой чучелъ.

Яковъ. Тогда бы ты былъ родной Павловыхъ временъ Аѳинянинъ. Скажи мнѣ, кая мудрость быть можетъ въ непознавшихъ естества Божія? Одно тлѣнное естество въ сердцахъ ихъ царствовало. Зѣвали они на мірскую машину, но одну только глинку на ней видѣли. Глинку мѣряли, глинку щитали, глинку существомъ называли, такъ какъ не искусный зритель взираетъ на картину, погрузивъ свой тѣлесный взоръ въ одну красочную грязцу, но не свой умъ въ невещественный образъ носящаго краски рисунка, или какъ не грамотный, вперившій тлѣнное

Библиотека "Руниверс"

око въ бумагу и въ чернило буквъ, но не разумъ въ разумѣніе сокровенныя подъ буквами силы. А имъ и на умъ не всходило сіе нетлѣннаго нашего человѣка чудное слово: *плоть ничтоже: духъ животворитъ*. У нихъ тое только одно было истиною, что ощупать можно. Глиняные душки тѣ ихъ—защитники. Каждое мнѣнійцо—то ихъ божокъ, а каждый божокъ—то ихъ утѣшенійцо. Собачою охотою чествовали Діану, математикою Юпитера или Діа, мореплаваніемъ Нептуна. Инаго Бога чтили оружейнымъ брязкомъ, иныхъ великолѣпными пирами и уборами и протчее. Одно точію осязаемое у нихъ было натурою или физикою, физика философіею, а все не осязаемое пустою фантазіею, безъ мѣстными враками, чепухою, вздоромъ, суевѣріемъ и ничтожностью. Кратко сказать, все имѣли и все разумѣли... кромѣ что, не узнавъ не физическаго, нетлѣннаго Бога, съ нимъ потеряли нѣчтось, разумѣй *миръ душевный*. А хотя чувствовали, что какъ-то, что-то, чемъ-то, тайнымъ коимъ-то ядомъ жжетъ и мятежитъ сердце ихъ, но оно какъ не осязаемое, такъ и презираемое было дотоль, доколь сія искра выросла въ пожаръ не угасаемый. Бываетъ же сіе въ каждомъ, что хотя весь миръ пріобрѣсть удастся, однакъ неизглаголанными воздыханіями сердце внутрь вопіетъ о томъ, что еще что-то недостаетъ нѣчтось, и будьто странная и не натуралная у больнаго жажда не утоляется. Такъ же-то здѣлалось и съ Аѳинянами. Они чувствовали, что вся вселенная мудрость ихъ прославляетъ, коею, будьто богатыми товарами, родъ человѣческій снабдѣвали. Но при всемъ томъ принуждены внимать тайному сердечному воплю. Начали догадываться, что доселѣ не все-на-все перезнали и что, конечно, нужны еще какія-то колеса для коляски. Сей недостатокъ своего хвальнаго и прехвальнаго одной только Іезекіилевскихъ колесъ вѣчности не понимающаго разума поставленнымъ монументомъ признали предъ цѣлымъ свѣтомъ. Кромѣ любезнѣйшихъ своихъ боговъ, кои всю ихъ мудрость, будьто ложные камни столпъ, почастно составляли, построили храмъ тому Богу, котораго сіянія, какъ очи, кровію играющія, солнечнаго свѣта, понять и снесть не могли. Храмъ тотъ былъ съ сею надписью: *не вѣдомому Богу*. Павелъ нашъ между множествомъ кумирницъ сей храмъ примѣтивъ, ухватился за желанный поводъ къ благовѣстію. Началъ предисловіе, что Аѳинскаго шляхетства мудрость по всему видна, но что еще нѣчтось къ совершенной ихъ мудрости не достаетъ однакъ, какъ сами въ семъ благородною оною надписью признаваются. Сего-жъ-то-де вамъ благовѣствую. Сталъ странникъ сей разгребать физическій пепелъ, находить въ немъ божественную искру и тое господственное естество, кое имъ, кромѣ пепелныя натуры, понятно не было, показывать, что пепелное или глиняное естество, въ коемъ сердце ихъ обитало, есть идолъ, разумѣй, видимость и одно ни

Библиотека "Руниверс"

что, тма и тѣнь, свидѣтельствующая о живой натурѣ, нетлѣнным словомъ своимъ вѣки сотворившей, и что сіе слово есть вторый человѣкъ въ перстномъ тѣлѣ нашемъ, животъ и спасеніе наше... И сіе то есть благовѣстить не тлѣніе Воскресенія. Но можно-ль излѣчить больнаго, почитающаго себе въ здоровыхъ? Нѣтъ труднѣе, какъ вперить истину въ глупое, но гордое сердце. Проповѣдь Воскресенія здѣлала Павла нашего буйствомъ у Аѳинянъ и игралищемъ у ихъ мудрецовъ. Отсюда-то породились его рѣчи: *мнящеся мудры быти объюродѣша. Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ?..* Вотъ сколь мудрые были Аѳиняне во время Павлово.

Григорій. Видно, что они любомудрствовали такъ, какъ медвѣдь пляшетъ, наученъ въ рожкѣ.

Аѳанасій. Конечно пляшетъ, по наукѣ своей; и есть пословица: медвѣдя да учатъ...

Григорій. Учатъ, но во вѣки ему не умѣть.

Аѳанасій. Почему?

Григорій. По тому что сіе дѣло человѣчее, не медвежее.

Аѳанасій. Однако же онъ пляшетъ.

Григорій. И волкъ въ басняхъ играетъ на флавтѣ козліонку.

Аѳанасій. А для чего не играть, если научился?

Григроій. Какой сей капелмейстеръ, таковъ твой танцмейстеръ.

Аѳанасій. Иное дѣло басня, а медвѣдь пляшетъ дѣйствительно.

Григорій. Если ты такъ дѣйствительно кушаешъ, какъ онъ пляшетъ, чуть ли и самъ заохотишся танцовать.

Аѳанасій. Какъ же не дѣйствительное то, что дѣло?

Григорій. Безъ вкуса пища, безъ очей взоръ, безъ кормила карабль, безъ толку рѣчь, безъ природы дѣло, безъ Бога жизнь есть тоже что безъ размѣра строить, безъ закроя шить, безъ рисунка писать, а безъ такта плясать... Спроси жъ теперь, какъ не дѣйствительное то, что дѣло?

Аѳанасій. Для чего жъ забавно, когда онъ танчитъ?

Григорій. Для того что смѣшно, а смѣшно затѣмъ, что не сродно и не прилично. И такъ, нѣтъ безтолковѣе и вреднѣе, какъ медвежая твоя пословица. Будь волкъ поваромъ, медвѣдь мясникомъ, а лошакъ подъ сѣдокомъ. Сіе дѣло честное. Если жъ волкъ свиряетъ въ свирѣлку, медвѣдь пляшетъ, а лошакъ носитъ поноску, нелзя не смѣяться. Всякая безвредная неприличность смѣшитъ. А когда уже сталъ волкъ пастухомъ, медвѣдь монахомъ, а лошакъ совѣтникомъ, сіе не шутка, но бѣда. О когда-бъ мы проникнули, коль сіе обществу вредно! Но кто можетъ пектися о другихъ ползѣ, презрѣвъ собственную? И если для себе золъ, кому добръ будетъ? Самимъ себѣ суть убійцы, борющіеся съ природою. Коликое мученіе, трудиться въ

Библиотека "Руниверс"

не сродномъ дѣлѣ? Самое пиршество безъ охоты тяжелое. Напротивъ того въ природномъ неточію трудъ сладокъ, но и самая смерть пріятна. И сія-то есть вина тому, что во всякомъ званіи находятся щасливые и не щасливые, спокойные и безпокойные, куражные и унилые. Запри не сроднаго въ уединеніе. Оно ему смерть. А съ природою рай. Уединеніе для мене рай, вопіетъ блаженный Іеронимъ, а городъ темница. О уединеніе! кричитъ другой, ему подобенъ, умерщвленіе порокамъ, оживленіе добродѣтелямъ..! Для таковыхъ сердецъ самая внутренняя пустыня тѣмъ многолюднѣе, чѣмь уединеннѣе, а дѣлнѣе тѣмъ, чемь празднѣе; будьто виноградная ягода тѣмъ въ сладкой своей силѣ богатѣетъ, чѣмь варитъ и сокращаетъ его солнце въ полудни.

Аѳанасій. Зачемъ-же люди сунутся въ званія безъ природы?

Григорій. Самихъ ихъ спроси.

Аѳанасій. Конечно охота влечетъ ихъ.

Григорій. Конечно тѣ не виноваты, коихъ принуждаютъ къ сему.

Аѳанасій. А если охота, откуду жъ имъ мучиться? Съ охотою все пріятно. А гдѣ охота, тамъ и природа. Охота по твоей же сказкѣ есть родная дочь природы. Какъ же..?

Григорій. О крючкотворная тварь! какъ прехитрый змій вьешся, развиваешся въ разные свертки.

Аѳанасій. Пожалуй не сердись! *Яко лестцы и истинны.*

Григорій. Хорошо: выслушай же прежде басеньку.

Басня о котахъ.

Котъ изъ пчельника, по давней знаемости, пришолъ въ деревню, къ своему товарищу и принятъ великолѣпно. Удивлялся во время ужина изобилію. Богъ мнѣ далъ должность, сказалъ хозяинъ. Она приноситъ на домъ мой въ сутки по 20-ти тушъ самыхъ добрыхъ мышей. Смѣю сказать, что я въ деревнѣ великимъ Катономъ. Для того-то я пришолъ повидаться съ вами, говорилъ гость, и освѣдомиться о щастіи вашемъ, притомъ и ловлею позабавиться. Слышно, что у васъ хорошіе появились крысы. Послѣ ужина легли спать. Хозяинъ во снѣ сталъ кричать и разбудилъ гостя. Конечно, вамъ страшное нѣчто во снѣ явилось. Охъ, братецъ! Казалось, будьто я утопъ въ самой безднѣ, а я ловлею веселился; казалось, будьто поймалъ самую чистую сибирскую крысу. Гость опять уснулъ, выспался и проснулся. Услышалъ воздыхающаго хазяина. Господинъ Катонъ! Ужель вы выспались? Нѣтъ; я послѣ соннаго страшилища не спалъ. Ба! а для чего? Такая моя натура, что, разъ проснувшись, уснуть больше не могу. Что за причина? Тутъ есть тайна... Ахъ другъ мой! Не знаешъ, что я обовязался быть рыболовомъ для всѣхъ котовъ въ семъ селеніи. Ужасно мене

Библиотека "Руниверс"

безпокоить, когда вспомню лотку, мрежу, воду... Зачемъ же ты взялся за рыболовство? Какъ же братецъ? Безъ пропитанія въ свѣтѣ не проживешь. Сверхъ того и самъ я къ рыбѣ великій охотникъ. Гость, пошатавъ головою, сказалъ: о государь! Не знаю, въ коей силѣ понимаешъ имя сіе: Богъ. Но естли бы ты придержался твоей природы, которую безвинно обвиняешъ, былъ бы горазда одною въ сутки тушею доволнѣе. Прощай съ твоимъ щастіемъ! Моя нищета лучше—и возвратился въ свой лѣсокъ. Отсюду родилась причта сія: *cotus amat pisces simul odit flumen aquarum.* Котъ охотникъ къ рыбѣ, да воды боится. Сіе нещастіе постигаетъ всѣхъ охотниковъ не къ званію, но къ доходамъ. Не нещастное ли разсужденіе—любить отъ хазяина платежъ, а виноградъ копать не быть охотникомъ. Конечно, тотъ не охотникъ, кто не природный. Природному охотнику больше веселія приноситъ самая ловля и трудъ, нежели поставленный на столъ жареный заецъ. На искусной живописи картину смотрѣть всякому мило, но въ пиктурѣ одинъ тотъ охотникъ, кто любитъ день и ночь погружать мысли свои въ мысли ея, примѣчая пропоршію, написывая и подражая натурѣ. Никто не пожнетъ твердой славы отъ коего либо художества, если около онаго трудиться не почтетъ за сладчайшее самую славу превосходящее увеселеніе. А тотъ уже самый вѣрный другъ званію своему, если и самая доходовъ убиль, нищета, хула, гоненіе любви его угасить не можетъ. Многіе, призрѣвъ природу, избираютъ для себе ремесло самое модное и прибыльное, но вовся обманиваются. Прибыль не есть увеселеніе, но исполненіе нужности тѣлесныя, а если увеселеніе, то не внутреннее; родное же увеселеніе сердечное обитаетъ въ дѣланіи сродномъ. Тѣмъ оно слаже, чемъ сроднѣе. Если бы блаженство въ изобиліи жило, то мало ли изобильныхъ? Но равнодушныхъ и куражныхъ скудно. Изобиліемъ снабдѣвается одно точію тѣло, а душу веселитъ сродное дѣланіе. Сія-то есть зала сладчайшаго ея пиршества. Тутъ-то она, будьто хитрая машина, въ полномъ своемъ ходу обращаясь, радуется и, находясь при одномъ ржаномъ хлѣбѣ и водѣ, царскимъ чертогамъ не завидитъ.

Картина изображеннаго бѣса, называемаго грусть, тоска, снуна.

Если же отнять отъ нея сродное дѣйствіе, тогда-то ей смертная мука. Груститъ и мятется, будьто пчела, запертая въ горницѣ, а солнечный свѣтлѣйшій лучь, окошка окружающій, зоветъ ее на цвѣтоносные луга. Сія мука лишаетъ душу здравія, разумѣй мира, отнимаетъ куражъ и приводитъ въ разслабленіе. Тогда она ничемъ не доволна. Мерзитъ и состояніемъ, и селеніемъ, гдѣ находится. Гнусны кажутся сосѣды, не вкусны забавы, постылые разговоры, непріятны горничныя стѣны, не милы всѣ домашніе, ночь скучна, а день досадный, лѣтомъ зиму, а

Библиотека "Руниверс"

зимою хвалитъ лѣто, нравятся прошедшіе, Авраамскіе вѣка или Сатурновы, хотѣлось бы возратиться изъ старости въ младость, изъ младости въ отрочество, изъ отрочества въ мужество, хулитъ народъ свой и своея страны обычаи, порочитъ натуру, ропщетъ на Бога и сама на себе гнѣвается; тое одно сладкое, что не возможное, вожделѣнное, что минувшее, завидное, что отдаленное; тамъ только хорошо, гдѣ ея и тогда, когда ея нѣтъ. Больному всякая пища горька, услуга противна, а постѣль жостка. Жить не можетъ и умереть не хочетъ. Млось у врачей есть предводительницею всѣмъ телѣснымъ болѣзнямъ и возмущеніямъ. А душевное не удоволствіе дверь есть всѣмъ сердечнымъ страстямъ и внутреннымъ обуреваніямъ. Невидѣнъ воздухъ, пѣнящій море, не видна и скука, волнующая душу; невидна—и мучитъ, мучитъ—и невидна. Она есть духъ мучительный, мысль нечистая, буря лютая. Ламлетъ все и возмущаетъ, лѣтаетъ и садится на позлащенныхъ крышахъ, проницаетъ сквозь свѣтлые чертоги, присѣдитъ престоламъ сильныхъ, нападаетъ на воинскіе станы, достаетъ въ корабляхъ, находитъ въ Канарскихъ островахъ, внѣдряется въ глубокую пустыню, гнѣздится въ душевной точкѣ...

Вить тоска вездѣ лѣтаетъ
На земли и на водѣ;
Сей духъ молній всѣхъ быстряе,
Можетъ насъ сыскать вездѣ.

Единъ вышній Отецъ бурю сію въ тишину обратить, управить къ гавани и душу сроднымъ дѣланіемъ, будьто броздами и уздою буйную скотину, удержать можетъ.

Аѳанасій. О братецъ! странное влагаешъ во уши мои... А народъ скуку нивочто ставитъ и къ прогнанію сего непріятеля за чрезъ чурь довольное оружіе почитаетъ деньгу, вино, сады, музыку, шутки, карты, проездки...

Григорій. О другъ мой! Не ничто есть то, что возрастаетъ въ великое. Не почитай малымъ тое, что ведетъ за собою не мѣлкое. Малая въ кораблѣ скважина впущаетъ внутрь страшную стечь. Не думай, что невидное и безсильное есть тоже. А народъ, одно то за существо почитая, что въ кулакъ схватить можетъ, тамъ боится, гдѣ нѣтъ страха и напротивъ того. Вексель не бумагою и чернилами страшенъ, но утаенною тамъ обовязательностію. Бомба не чугуномъ опасна, но порохомъ или утаеннымъ въ порохѣ огнемъ. Все невидное сильняе есть всего виднаго и отъ невиднаго зависить видное. Скука у древнихъ христіанскихъ писателей названа бѣсомъ унынія. Чего сія ожившая искра не дѣлаетъ? Все въ трескъ и мятежъ обращаетъ, вводитъ въ душу все нечистыхъ духовъ, ехиднино порожденіе. Гризущая мысль не червь ли неусыпающій и не ехидна ли есть? Палящая печаль или

Библиотека "Руниверс"

зависть не лютый ли духъ есть и не лютая ли мысль? А мысль злая не тайный ли и лютый есть языкъ, о коемъ сынъ Сираховъ: *зубы его зубы львовы, убивающіи душу.* Сіе столь тяжело, что лучше душа изволяетъ не сродное и вредное брѣдить, нежели быть отъ природнаго дѣла упражненною. Отсюду всѣхъ безобразныхъ дѣлъ страшилища и саморучные себе убійства. А когда апостолъ Іаковъ сказуетъ, что маленькая частица языкъ, но, будьто кормило кораблемъ, цѣлымъ владѣетъ тѣломъ, такъ не мысль ли движетъ и правитъ тѣломъ? Мѣлкая язычная частица есть одна видимая тѣнь и будьто шумящій воздухомъ часобойный колокольчикъ, а самая пружина и существо есть мысль. Мысль есть невидная глава языка, сѣмя дѣлу, корень тѣлу. Мысль есть языкъ не молчный, неослабная пружина, движимость непрерывная, движущая и носящая на себѣ, будьто обетшающую ризу, тлѣнную тѣлесную грязь, прильнувшую къ своей мысли и ищезающую, какъ тѣнь при яблонѣ. Видишъ ли, другъ мой Аѳанасій, что невидное силняе есть всего виднаго и отъ невиднаго зависить видное. Къ сему хору прищалкиваетъ и Іереміа, называя человѣкомъ не тѣлесный видъ, но сердце, яко не исчерпаемое сокровище мысленныхъ таинъ. *Глубоко сердце человѣку... и человѣкъ есть... глав. 17.* Если сердечное око сѣмя злое, тогда все тѣло злое, всякое дѣло приноситъ плоды горести. Горестному источнику грусные поточки.

Аѳанасій. Ты заврался дружище... Я слыхалъ и увѣренъ, что Іереміино слово касается до Библіи. Въ ней тлѣнь образовъ подобна тѣлу, а сокровенное во образахъ Божіе вѣдѣніе подобное утаеннымъ въ тѣлѣ сердечнымъ мыслямъ. Яснѣе пересказать слово его такъ. Библія есть будьто одинъ человѣкъ или Адамъ. Глинку и тѣло его всякъ видитъ, а сердце закрыто и духъ жизни въ немъ не виденъ. Сіе тожъ есть, что у Павла: *кто разумѣ умъ Господень?*

Григорій. Узнай же прежде самаго себе, тогда узнаешъ и Адама съ Евою. Развѣ нельзя мнѣ библейнаго слова рѣчь приточить къ человѣку, когда вся Библія уподобляется человѣку? Для того-то, сирѣчь, здѣлалъ пророкъ человѣка образомъ двоестественныя библіи, что одно въ немъ есть видное, второе невидное, такъ какъ сердце морское или тончайшая вода въ облацѣ, изъ моря исходящемъ.

Аѳанасій. По крайней мѣрѣ ты, братецъ, не туда заѣхалъ. *Ѣхалъ въ Казань: заѣхалъ въ Рязань.* Теченіе нашей рѣчи было о природныхъ упражненіяхъ, о веселіи и мирѣ, а теперь дѣло дошло до сокровищъ мысленныхъ; потомъ докотимся до сокровищъ снѣжныхъ, что въ Іовѣ...

Григорій. Пожалуй не печалься! не очень въ сторону заѣхали. Веселіе и радость не далече отъ сердца, а сердце всегда при своихъ мысляхъ, какъ источникъ при своемъ токѣ.

Библиотека "Руниверс"

Аѳанасій. Ну! добро быть такъ. Скажи же мнѣ: для чего иной сроднѣе къ нижшей должности и къ подлѣйшему ремеслу?

Григорій. А ты мнѣ скажи: для чего иному пища простая здоровѣе?

Аѳанасій. Конечно, для того, что сроднѣе.

Григорій. Такъ и сроднѣе иной къ подлѣйшему ремеслу для того, что для его оно полезнѣе.

Аѳанасій. Для чего же, скажи мнѣ, и почему полезнѣе?

Григорій. Потому что куражнѣе, забавнѣе и веселѣе.

Аѳанасій. Ты мнѣ только скажи, почему веселѣе?

Григорій. Потому что съ Богомъ, а безъ Бога ничто не веселитъ. О чудный ты вопросникъ... Вить когда сродно, тогда и съ Богомъ. Чево жъ тебѣ далѣе спрашивать? Довольно точію спросить, сродно ли, сирѣчь, хощетъ ли Богъ. Воля Божія есть то верхъ и законъ законовъ; не ходи далѣе... А ты спрашиваешъ, почему сродно, сирѣчь, почему такъ Богъ хощетъ. А если долженъ онъ тебѣ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, спроси Его и требуй въ отвѣтъ: почему онъ землю и воду здѣлалъ преклонными долой, стремительными выспрь, для чего огнь все снѣдаетъ кромѣ виссона или каменнаго льна обратить въ пепелъ не родился, почему малая рыба, названная у римлянъ Remora, имѣетъ сродность удержать стремленіе корабля, прильнувши къ его брюху, почему природа делфинова любитъ горячо человѣка, но змѣина ненавидитъ, а львиная трепещетъ поющаго пѣтуха... Природа и сродность значитъ врожденное Божіе благоволеніе и тайный Его законъ, всю тварь управляющій—знать то, что есть подобіе въ душѣ и въ томъ дѣлѣ, къ которому она стремится, каковое равенство между другомъ и другомъ, а сходство между пищею и желудкомъ. *Подобное течетъ къ подобному.* Царствіе Божіе и природа Его внутрь твари есть. Никого Онъ не обижаетъ, вливая законъ сродностей. Одинъ къ одному, другой къ другому, сотый къ сотому, хотя къ подлому званію или ремеслу, но не къ безчестному, а для его забавному и полезному, если устремляется съ Богомъ, щасливъ. Что бы тогда было, когда бы Богъ блаженство наше заключилъ въ одномъ коемъ-либо званіи? Тогда бы щастіе ограниченно было тѣснотою одной стороны и одного только времени. Тогда могъ ли Богъ въ одной странѣ и въ одномъ времени помѣстить весь родъ человѣческій, когда каждому щастіе нужно? Возможно-ль, чтобъ въ одномъ родѣ пищи или въ двухъ заключилося здравіе? Всемірная Божія економія безчисленную тварь и дыханіе троихъ точію жребіевъ пищею пропитать можетъ ли? Все то одно не можно и безполезно. Если было полезно, было бы и можно. А не могти безполезнаго здѣлать—сіе есть неизреченная сила Его и власть. Сколь же теперь премудро дѣлается, что одной твари бываетъ ядомъ и смертію, тое жъ для другой ядью и здравіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Сколько родовъ твари, столько родовъ пищи, и всякое дыханіе имѣетъ внутренный позывъ къ сродной себѣ. Когда же Отецъ нашъ небесный столько радитъ о тѣхъ, тогда о душѣ много больше.

Примѣты нѣкіихъ сродностей.

Аѳанасій. Трудно узнать свою природу, а чужую познать и того труднѣе. Узнаешъ—да поздно. Черепаха ошибку почувствовала, какъ начала летѣть.

Григорій. Не поминай мнѣ трудности въ нужномъ дѣлѣ, нельзя никакъ, чтобъ натура нужное здѣлала труднымъ. Не нужно, сирѣчь, не полезно, а тѣмъ-то и трудно летѣть черепахѣ, но не соколу. Трудно, де, узнать... Да гдѣ жъ тотъ, кто охотникъ узнать? Сложившему крила трудно летѣть и самому орлу. Знаешъ ли, что землемѣры узнаютъ высоту превысокаго фарійскаго терема изъ одной его тѣни. Всякая тайна имѣетъ свою обличительную тѣнь. Трудно распознать между дружескимъ и ласкателскимъ сердцемъ, но наружная тѣнь, будто изъяснительное штекло, и самые сердечные закоулки ставитъ въ виду острымъ блюстителямъ. Смотри, когда мальчикъ, здѣлавъ для игрушки воловый яремъ, налагаетъ оный щенкамъ или котикамъ, не сія ли есть тѣнь хлѣбопашескія въ немъ души и не позывъ ли къ земледѣланію?... Если припоясуетъ саблю, не аппетитъ ли къ воинству?... Когда трехлѣтній отрокъ самовольною наслышкою перенимаетъ божественныя пѣсни, любитъ заглядать въ священныя книги, перекидать листы, смотрѣть то на таинственныхъ образовъ картины, то на буквы, не сіе ли обличаетъ тайную искру природы родившія и зовущія его его въ упражненіе богословское? Невидимая его сила въ насъ и божество безпритворными сими твореніями разумѣваема, ясно изображается. Зачемъ же блаженство ограничивать въ одномъ житія родѣ или въ двоихъ? Богъ вездѣ есть и щастіе во всякомъ состояніи, если съ Богомъ во оное входитъ. Нужно только узнать себе, куда кто рожденъ. Лучше быть натуральнымъ котомъ, нежель съ ослиною природою львомъ. Гоняться въ званіи за доходами есть не ложный знакъ не сродности. Не лишишся доходовъ, естли будетъ въ тебѣ царствіе Божіе въ силѣ своей. Не чудно ли, что одинъ въ изобиліи скуденъ, а другой въ скудости доволенъ? Видно, что природа больше прилалагаетъ хитрости, вылѣпливая фигуру мурашкину, нежели слонову, и дивнѣйшій царствія Божія промыслъ можно видѣть въ пчельныхъ рояхъ, нежели въ овечьихъ и воловыхъ стадахъ. Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстности. Надъ фонтаномъ надпись: *не равное всѣмъ равенство.* Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, въ кругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть боль-

Библиотека "Руниверс"

шему, что равно есть полный. И что глупѣе, какъ равное равенство, которое глупцы въ міръ ввесть всуе покушаются? Куда глупое все то, что противно блаженной натурѣ?... Боимся голода, не помня, что гаразда множайшіе умираютъ изъ пресыщенія. Глупая грусть сама не знаетъ, чего желаетъ. Самое пресыщеніе не отъ скуки ли? Лучше умереть, нежель всю жизнь тосковать въ несродностяхъ. Несродность всякія праздности есть тяжелѣе. И легоче не ползать, нежели лѣтать для черепахи. Не ползая, лишается точію сродныя забавы, а лѣтая станетъ сверхъ того подъ не сроднымъ бременемъ.

Яковъ. Слушай, Аѳанасій! Слыхалъ ли ты басню о дворовомъ псу и ослѣ, что...?

Аѳанасій. Да! довольно мы третьяго дни смѣялись, какъ онъ, завидуя собачьимъ ласкавостямъ, спятился копытами на брюхо хозяину. Какъ черепахѣ не бывать орломъ, такъ ослу придворнымъ человѣкомъ.

Ермолай. А скажи, которую награду получилъ оселъ, встрѣтившій хозяина придворною ласковостью?

Аѳанасій. Тую, что служитель, снявшій съ королевскаго платья, въ присудствіи блоху.

Лонгинъ. Таковыхъ всѣхъ точный есть гербъ обезьяна. Дивно, что они ее не вырѣжутъ на своихъ печатяхъ. На печати Августа короля была сила: *festina lente*. Поспѣшай съ совѣтомъ. А на ихъ печать пристало слово: дерзай хоть не къ стати. Общій нашъ другъ (вы знаете, кто мнѣ въ умѣ) описалъ басню о козліонкѣ и о свиряющемъ волкѣ, приточивъ къ ней слѣдующее наставленіе: *tu nihil invita dices facies-que Minerva*, сирѣчь, не говори и не дѣлай ничего, безъ благоволенія Минервы. Довелось у его спросить, что значитъ древняя пословица: *безъ благоволенія Минервы*. Отвѣчалъ: не пялься къ тому, что не дано отъ природы. Безъ Бога, знаешъ, нельзя и до порога; если не рожденъ, не суйся въ книгочетство. Ахъ! многіе черезъ то въ вѣчную пали муку. Не многихъ мати породила къ школѣ. Хочешъ ли блаженъ быть? Будь довеленъ долею твоей природы. Самая его аффабулація, вотъ она: tu nihil invita dices facies-ve Minerva: dua natura negat, scilicet illa fuge. Si non es natus musis, fuge discere musas. Heu! multos perdit fistula docta viros. Paucos justa parens musis natura creavit. Esse-ne vis felix? sorte quiesce tua. Изрядно великая Россія говоритъ: *за Богомъ пойдешъ, добрый путь найдешъ*. Видно, что усердно послѣдовать Богу есть сладчайшій источникъ мира, щастія и мудрости. Да знаетъ же всякъ свою природу и да искушаетъ, *что есть благоугодно Богу*. Общество есть тоже, что машина. Въ ней замѣшателство бываетъ тогда, когда ея части отступаютъ отъ того, къ чему оныя своимъ хитрецомъ здѣланны.

Библиотека "Руниверс"

Сродность къ хлѣбопашеству.

Слушай, Аѳанасій! Скажи жъ теперь, кой ты звѣрокъ, что за птичка, и чемъ рожденъ?... Мнѣ кажется, ты рожденъ къ земледѣлству?

Аѳанасій. Правда, что я сады, поля, лѣса люблю по природѣ, но отецъ мой есть точный земледѣлъ.

Лонгинъ. Слава Богу! Ты къ сему родился за тѣмъ, что иные къ иному; а они рожденны къ другому потому, что ты къ сему. Божіе сіе царство есть: не спорь же. Прибирайся пахать землю, заготовлять пищу для людей и скотовъ, водить стада, или пчелы, или что твой въ тебѣ Господь повелитъ. Небойся: самый в дѣланіи твоемъ трудъ будетъ для тебѣ сладчайшій, нежели воздухъ благовонный, чистые водъ потоки, птицъ пѣніе, нежели и самые трудовъ твоихъ плоды. Сего ожидаетъ отъ тебе отечество твое. Если жъ не повинешся Господеви, знай, что грусть загрызетъ душу твою среди позлащенныхъ палатъ и заплачешъ, вспомнивъ поля зеленыя. Рано скажешъ, когда тотъ день пройдетъ, а въ вечерь скажешъ, когда тотъ разсвѣтъ будетъ. Или скажу тебѣ Мойсейскими словами: *будетъ животъ твой висящъ предъ очима твоима и убоишся во дни и въ нощи и не будеши вѣры яти житію твоему. За утра речеши, како будетъ вечеръ и въ вечерь речеши, како будетъ утро, отъ страха сердца твоего, им же убоишися, и отъ видѣній очесъ твоихъ, ими же узриши.* Сіе то есть, жить въ тѣлесномъ изобиліи, а лишиться душевнаго утѣшенія, имѣть Господа своего, висяща надъ очима твоима и не покрывающаго, будьто гнѣздо и птенцы своя, но біющаго по сердечнымъ зеницамъ, какъ орелъ еленя, сидящій на рогахъ его.

Аѳанасій. Уже вы другой разъ воспоминаете орла съ вашимъ оленемъ.

Лонгинъ. Довелось читать, что орелъ, оленя на пищу убить намѣревая, прежде качается по пѣску, чтобъ зассорить крила, потомъ взлетуетъ на оленя и, сидя на рогахъ, бьетъ крилами по очамъ, поколь ударами то пѣскомъ обезъочитъ. А слѣпой олень быстрѣе стрѣлы по холмамъ стремится и, взбѣжавши на стремины, падаетъ въ бездну и разбивается. *Блаженны слышащіи слово Божіе и хранящіи е.* Другъ мой, Афанасій!...

Сродность къ воинству.

... Можетъ быть ты воиномъ родился?

Аѳанасій. Не хочу... Я не воинъ. Я законникъ. Гражданскіе законы знать то мое дѣло.

Яковъ. Дай Богъ вамъ знать законы да и вкусъ чувствовать. Тать крадетъ, однакъ знаетъ законъ: *не укради.*

Библиотека "Руниверс"

Ермолай. Что до меня надлежитъ, куда мнѣ милъ всякъ человѣкъ въ сродности своей! Не могу довольно насладиться позоромъ, когда онъ дѣйствуетъ. И его дѣйствіе, какъ смирна, издаетъ благовоніе. И воиномъ кто рожденъ, дерзай, вооружайся: съ природою скоро научишся. Защищай земледѣльство и купечество отъ внутренныхъ грабителей и внѣшнихъ непріятелей. Тутъ твое щастіе и увеселеніе. Береги званіе, какъ око. Что слаже природному воину, какъ воинское дѣло. Закалать обиду, защищать страждущую и безъоружную невинность, заступать общества основаніе правду—сей есть его пресладкій завтрикъ, обѣдъ и ужинъ. Не бойся! Съ Богомъ легко тебѣ будетъ несть голодъ, жажду, холодъ, жаръ, безсонницу, кровокаплющія раны и самый страхъ смертный и горазда легоче, нежели безъ Его противное сему, да уразумѣешъ, сколь сильная природа. Сіе воинское горе съ Богомъ тебѣ будетъ во сто разъ пріятнѣе ранговъ и доходовъ твоихъ. Рангъ носить можетъ всякъ, но дѣло дѣйствительно дѣлаетъ одинъ тотъ, кто природный. Дѣло и безъ ранга дѣломъ, но рангъ безъ дѣла ничто, а дѣло безъ Бога. Если жъ званіе Божіе презрѣвъ, пойдешъ въ слѣдъ своихъ прихотей и постороннихъ совѣтниковъ, не забудь проститься на вѣкъ со всѣмъ утѣшеніемъ, хотя бы ты схоронился въ рогѣ изобилія; не бойся умереть по тѣлу: станешъ всеминутно терпѣть душевную смерть. Отнять отъ души сродное дѣланіе значитъ ее лишить живности своей. Сія смерть есть люта. Знаю, что щадишъ тѣло, но убиваешъ душу, а сія замѣна есть худа. Не понимаю, къ чему имѣть мечъ, если не тое сѣчь, на что онъ выкованъ. И не разумѣю, къ чему носить тѣло, если щадѣть на то терять, къ чему кто имъ одѣтъ. Повѣрь, что самая Маѳусалова жизнь вся пропала и самый есть адъ, если не истощенна на то, къ чему тебѣ Господь твой далъ оную. Коль сладкая здравія и лѣтъ трата въ главно природномъ дѣлѣ! Тогда то жизнь наша бываетъ жертвою благоуханія Господеви. Опера, книга, пѣсня и жизнь не отъ долготы, но отъ благолѣпія и доброты цѣну свою получаетъ. Цѣна всему и благолѣпіе Богъ. *Красота въ десницѣ твоей...* Съ Богомъ краткая жизнь исполняетъ долгія лѣта, а дѣло съ нимъ есть само себѣ верховная награда.

Аѳанасій. Но что значитъ то, что говорятъ студенты?

Григорій. Правда, что наука приводитъ въ совершенство сродность. Но если не дана сродность, тогда наука что можетъ совершить? Наука есть практика и привычка и есть дочь натуры. Птица можетъ научиться лѣтать, а не черепаха. Куда мы хитры находить выласку, гдѣ не надобно! Удивительно, что всякая тварь послѣдуетъ создателеву предводительству. Одинъ чрезъ непослушаніе человѣкъ глупомудрою дѣлается мартышкою, засмотрѣвся на слѣпую моду, не на мановеніе прозорливыя природы. Кто зоветъ въ лѣса и сады родъ соловьевъ и

Библиотека "Руниверс"

дроздовъ, на поля жаворонковъ, а жабъ въ воды и болота? Кто ведетъ рѣчные потоки къ морю? Кто влечетъ къ магниту сталь? Кто устремляетъ дрожащій пламень выспрь? Сей есть Богъ нашъ всѣми царствующій и всѣмъ все домостроящій. Все то сносное, что природное, и симпатіа значитъ природную сносность, касающуюся къ дружбѣ, къ пищѣ, а паче всего къ избранію званія. Если кто щасливо живетъ въ изобиліи, не потому щасливъ, что въ изобиліи, но что въ изобиліи съ Богомъ, а безъ Бога гораздо его щасливѣе природный нищій. Не всѣ рождены къ изобилію. Если математикъ, медикъ или архитекторъ щасливъ, конечно, щастіе тое зависитъ отъ природы, родившія его къ тому. А безъ ея онъ бѣдная и смѣшная тварь. Съ Богомъ святымъ низкое возводится, а безъ Его низводится и высокое. Щастіе наше внутрь насъ... пускай никто не ожидаетъ щастія ни отъ высокихъ наукъ, ни отъ почтенныхъ должностей ни отъ изобилія... Нѣтъ его нигдѣ. Оно зависитъ отъ сердца, сердце отъ мира, миръ отъ званія, званіе отъ Бога. Тутъ конецъ: не ходи далѣ. Сей есть источникъ всякія утѣхи и царствію Его не будетъ конца.

Сродность къ богословіи.

Да умножитъ же Господь царствія своего благовѣстники! Да возобновитъ время, написанное у Исаіи: *иже до конца не премолкнутъ, поминающе Господа.* Да вострубятъ и возопіютъ тѣ, о коихъ самъ милостиво изволитъ спрашивать: *кіи суть, иже яко облаци летятъ и яко голубы со птенцы ко мнѣ?* Да возсіяетъ всевожделѣннѣйшій день оный! *Свѣтися! Свѣтися! Іерусалиме..! Се тма покрыетъ землю и мракъ на языцы. На тебѣ же явится Господь.* Сіи проповѣдники, какъ изъ червячковъ пчелы, рождаются изъ студентовъ. Студентъ ли ты рожденъ, смотри жъ, такъ ли оно? Ты можетъ статься червячокъ, но подложный: изъ сихъ раждаются трутни. Они въ началѣ съ великимъ шумомъ ведутъ свой хоръ но, наконецъ, бываютъ постыдны и изгнанны изъ дому Божія. Нѣсколько ты можетъ быть къ сему родился, но главное твое рожденіе для инаго дѣла. И какъ быть можешъ проповѣдникомъ, находясь самъ царствію Божію противникомъ? Внемли жъ себѣ, испытай опасно. Осмотрись исправно, а если оно точно такъ и не тщеславіе, ни прибыль, но самъ Господь тебе зоветъ врожденною къ сему дѣлу любовію, ступай въ слѣдъ Его и прибирайся къ званію. Оставь всѣ дѣла. Для того ты къ сему рожденъ, что другіе къ другому. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружи съ терпѣніемъ, учись священнымъ языкамъ, научись хоть одному твердо и будь въ числѣ наученныхъ для царствія Божія книжниковъ, о коихъ Христосъ: *всякъ книжникъ научивыйся царствію Божію...* Вотъ для чего сіи книжники учатся языкамъ. Небойся! Го-

Библиотека "Руниверс"

лодъ, холодъ, ненависть, гоненіе, клевета, руганіе и всякій трудъ нетолько сносенъ, но и сладостенъ, если ты къ сему рожденъ. Господь твой сила твоя. Сіе все здѣлаетъ тебе острѣе и крылатѣе. Устремленіе природы, будьто ключевой потокъ или пламень, быстрѣе рвется чрезъ препятствія. Привитайся съ древними языческими философами. Побесѣдуй съ отцами вселенскими. Наконецъ, пойдешъ въ землю Израильскую, въ самый Виѳлеемъ, въ домъ хлѣба и вина, въ священнѣйшій храмъ библіи, поя съ Давидомъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ*... Коль опасно входить въ сей чертогъ! имѣй одѣяніе. Омый руки и ноги. Потомъ садись за безсмертный столъ сей. Но берегись! Не тѣснися въ солонку съ господиномъ. Помни: не твоя плотская, но Господня есть трапеза. Сохрани тебе Богъ! Умрешъ, если будешь ѣсть кровь. Ѣжъ кровь и плоть Господню, а не твою. *Да благо тебѣ будетъ и угодно будетъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ.* Понимай, но отъ Господа кушай, но для Господа насыщайся, но предъ Господемъ. Коль многіе жрутъ, но предъ собою, не предъ Господемъ. Не дай тебѣ Богъ вкусить отъ древа смерти! *Разумѣй, яже глаголю*... Премудрость Божія безспорно, что на нашихъ улицахъ и средѣ нашихъ стезь, будьто лѣствица утвержденна на земли стоитъ, но на высокихъ краяхъ и на острѣйшихъ остнахъ и на горнихъ горахъ почиваетъ. *Исходы ея исходы суть живота и кто взыдетъ? Единъ Господь уготовляетъ хотѣніе.* Коль о многихъ причастникахъ можно сказать съ Іереміею: *близъ еси ты, Господи, устенъ ихъ, далече же отъ сердецъ ихъ.* Печись прежде всего уразумѣть, что значитъ вѣра. Нѣтъ нужнѣе ея. Но знай, что нигдѣ ее не найдешъ, если не выроешь искры ея прежде внутрь себе. Узрѣвъ ее, вѣдай, что началъ ты соединяться съ тѣмъ: *Господи, очи твои зрятъ на вѣру.* И если не больше оныя въ тебѣ будетъ, какъ зерно горчичное, тогда щасливо внійдешъ въ седмистолпный домъ премудрости Божія и насладишся на горнемъ мѣстѣ высокимъ умомъ божественнаго слова, плотію твоею облеченнаго, отъ Его жъ самаго научаясь. Въ тридцати лѣтѣхъ утро истины свѣтить начинаетъ. Въ сихъ лѣтѣхъ крещеніе Христово, отвореніе небесъ, снисхожденіе Святаго Духа. *И той бѣ яко лѣтъ тридесять.* Въ семъ возрастѣ у жидовъ ставили во священники. Если уже призапасся хлѣбомъ Христовымъ и собылось на тебѣ износить отъ сокровища своего новая и ветхая, въ то время можешъ удѣлять друзьямъ, благодѣтелямъ, ближнимъ и дальнимъ. Долго самъ учись, если хочешь учить другихъ. Во всѣхъ наукахъ и художествахъ плодомъ есть правильная практика. А ты, проповѣдуя слово истины Божія, утверждай оное непорочнаго житія чудесами. Нельзя построить словомъ, если тое жъ самое разорять дѣломъ. Сіе значитъ давать правила для корабельнаго строенія, а дѣлать телѣгу. Безъ святости житія корабельнымъ мастеромъ, можетъ быть, можно сдѣлаться,

Библиотека "Руниверс"

но проповѣдникомъ никакъ нельзя, развѣ мартышкою его. Начало и конецъ званію сему, природная сила его и печать есть страхъ Божій, всю нечистоту изгоняющій. Сей есть даръ Божій и ключь данный отъ Господа. Онъ одинъ отверзаетъ входъ въ домъ Давидовъ и въ тѣ библійныя внутренности: *въ сокровищахъ спасеніе наше. И отверзетъ—и не будетъ затворяющаго, и затворитъ—и не будетъ отверзающаго.* Всегда бываетъ скудное число охотниковъ къ Божіей истинѣ. Сіе да приводитъ тебе не въ негодованіе, но въ сожалѣніе. Берегись сребролюбія. Помни, что туне пріялъ еси. Весь твой трудъ ничтоже есть въ сравненіи дара сего. Кой ты мнѣ богословъ, если сребролюбецъ? Не думай, что до иныхъ касается слово сіе, кромѣ тебѣ: *воззрите на птицы небесныя...* Пускай другіе собираютъ, а твоя часть будь Господь. Имѣя пищу и одѣяніе, тутъ все твое довольство тѣлесное. Богатѣй и собирай день отъ дня богатство славы Божія. *Всѣхъ отщетихся,* говори съ Павломъ, *да Христа пріобрящу.* Авось-либо достигнешь въ силу совершеннаго воскресенія мертвыхъ, въ землю обѣтованную, въ лѣто Господне пріятное, и въ 50 лѣтъ житія твоего получишъ всеобщее отъ всѣхъ твоихъ души и тѣла твоего долговъ разрѣшеніе и полное просвѣщеніе тебѣ и ближнему твоему.

Аѳанасій. Приказное дѣло подлинно трудное. А и сіе не безъ тово...

Яковъ. А я вѣрю, что самый тѣсный, жесткій и крутый путь бываетъ легкимъ, если самъ Богъ указываетъ дорогу къ намѣренію. И конечно указываетъ тому, кого родилъ къ сему.

Хоръ природныхъ благовѣстниковъ.

Аѳанасій. Да гдѣ жъ онъ таковъ? Покажи хоть одного.

Яковъ. На вотъ тебѣ одинъ! *Въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жаждѣ, въ пощеніяхъ многащи, въ зимѣ и наготѣ...* Пробѣги 11-ю главу втораго письма къ Коринѳянамъ и задивишся природѣ его, всѣ горести услаждающей. Чего не терпитъ воинъ или купецъ? Не сыщешъ дня безъ тмы и свѣта, а года безъ зимы и теплоты. Не найдешъ и состоянія, чтобъ оное изъ горести и сладости не было смѣшенное. Такъ весь міръ стоитъ. Противное противному способствуетъ. Сладость есть наградою горести, но горесть мати сладости. Кто хощетъ пожинать сладость, да любитъ прежде горесть: и уродится сладость, а любитъ природный.

Аѳанасій. Сказуютъ, въ Норвегіи день безъ тмы и свѣта бываетъ.

Лонгинъ. Кто жъ былъ природнѣе какъ сей? *Азъ на сіе родихся, да свидѣтельствую истину.* Утруженъ отъ пути, сидитъ при источникѣ и голоденъ и жажденъ. 12 часовъ у нихъ въ день щиталось. Уже велось около полудня. *Бѣ яко часъ шестый.* Не было съ кѣмъ завесть бесѣду о царствіи Божіи. Пришла жена за водою. Вотъ и

Библиотека "Руниверс"

случай! Проситъ пить не для утоленія жажды, но для заведенія бесѣды. Вода стихійная подала поводъ говорить съ несмысленною женою о водѣ живой, о водѣ Божіей, утоляющей жажду нещастныхъ несытостей, день и ночь душу нашу безпокоющихъ, о коей Исаія: *измыйтеся и чисты будете.* Не устыдился, ни поопасался мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать, авось либо приведетъ ее въ истинное изъ суевѣрія богочтеніе, ни къ полу, ни къ статью, ни къ сторонамъ, ни къ мѣстамъ, ни къ временамъ, ни къ обрядамъ, кромѣ одного сердца не привязанное, и откроетъ очи ея къ уразумѣнію естества Божія, утаеннаго въ стихіяхъ, на подобіе ключевой воды, въ земномъ сердцѣ сокрываемой, коея жаждетъ Давидъ: *кто мя напоитъ водою?* Возвратились друзья съ пищею и, зная, что онъ ничево еще не ѣлъ, просятъ, чтобъ покушалъ: *Равви, яжь.* Моя пища, сказалъ Учитель, есть, да сотворю волю пославшаго мя. И голоденъ, и жажденъ, и не веселъ, если не дѣлать и не говорить о томъ, къ чему Отецъ небесный Его родилъ и послалъ. Тутъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учитъ въ сонмищахъ, учитъ въ домахъ, учитъ на улицахъ, учитъ въ кораблѣ, учитъ на травѣ зеленой, на горахъ и вертоградахъ, и на мѣстѣ равнѣ, стоя и сидя и идый, и ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ, въ разныхъ предѣлахъ каждаго и народъ многъ зѣло. Въ несродное себѣ дѣло не мѣшается. Учителю (просилъ Его нѣкто) поговори брату моему, чтобъ далъ мнѣ часть наслѣдія, пускай мене не обижаетъ. Онъ тебе послушаетъ... *Человѣче! Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учить о царствіи Божіи.* Каково жъ училъ? Былъ ли Богъ съ нимъ? Я закричу, возвысивъ гласъ, съ женою, слышавшею Его. *Блаженно чрево, носившее тя...* Удивлялись народы, яко николи же бѣ тако во Израили и никогда такъ не говорилъ человѣкъ: столь великая отъ устъ Его исходила пріятность.

Яковъ. Вотъ вамъ еще одинъ природный! Говоритъ Богъ къ Моисею: *Азъ есмь сый...* И посылаетъ его въ посольство, а онъ отрѣкается. *Молюся ти Господи, не доборѣчивъ есмь.* Диво, сколь не торопко принимается за должность. Зналъ онъ свои дарованія, видѣлъ въ купинѣ сіяющую истину, однакъ самъ себѣ не вѣритъ, дабы паче чаянія, принявся за не сродное, не завелъ въ безпутное народъ, а себе въ погибель. Да и какъ не опасно подрядиться показать утаеннѣйшую естества Божія истину, ввесть въ землю таковой же природы, развязать заплутанный въ людяхъ путь къ точному благополучія центру? Сіе значитъ испытывать себе. Можетъ статься, что рожденъ кто быть воиномъ, но пѣшимъ, не коннымъ, быть хозяиномъ, но не пахать и не скотъ водить, быть купцомъ, но не золотыми торжить товарами, быть ученымъ, но не Евангелія проповѣдникомъ, пущай же и симъ, но писателемъ, не ораторомъ. И конечно-бы не отважился

Библиотека "Руниверс"

безъ сего гласа: *нынѣ же иди и снійди и возведи люди.* И такъ, чувствуя руку Божію, пошелъ за привѣтствіемъ Іофора, тестя своего. *Иди здравъ.* Здравіе и миръ души нашей есть послѣдовать Господу. Каковъ же былъ проповѣдникъ? Слушай самаго Бога: *Почто не убоястеся глаголати на раба моего Мойсея? Не воста къ тому пророкъ во Израили, яко же Мойсей. Не отемнѣстѣ очи его, ни истлѣста устнѣ его.*

Ермолай. Кто дерзнетъ изъ числа проповѣдниковъ исключить свѣтилника слова, чрезъ всю жизнь гласившаго сіе: *покайтеся...* Не былъ онъ свѣтъ, но имѣлъ и любилъ въ себѣ свѣтъ, свидѣтельствовалъ и ходилъ во свѣтѣ, окончавъ въ немъ и за него теченіе жизни своей. Свидѣтельствовать о свѣтѣ значитъ благовѣстить истину, правду и царствіе Божіе внутрь насъ. Проповѣдуетъ въ пустыни, благовѣститъ, кому можетъ и въ селеніяхъ, сей до конца цѣломудріе возлюбившій пустынножитель. *Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога.* Вотъ свидѣтельство о сродности его, но онъ и самъ о себѣ признаваетъ: *да явится (Христосъ) Израилеви, сего ради пріидохъ...* Каковъ же проповѣдникъ? Самъ Господь одобряетъ. *Не воста въ рожденныхъ женами болій. Мнози о рождествѣ его возрадуются.*

Яковъ. До сего рода надлежатъ всѣ пророки. Иной изъ нихъ вопіетъ: *бысть слово Господне ко мнѣ.* Иной: *бысть на мнѣ рука Господня.* Иной: *Господь посла мя проещи.* Иной: *слышахъ гласъ словесъ Его.* Иной: *слухъ слышахъ отъ Господа.* Иной: *рече ко мнѣ Ангелъ глаголяй во мнѣ: востани и иди, и проповѣждь, рцы Сыне человѣчь.* Здѣ сіи святыи Божіи не были изъ числа тѣхъ: *не посылахъ пророки, а они течаху. Не глаголахъ къ нимъ и тіи пророчествоваху. Не слушайте словесъ пророковъ. Отъ сердца своего глаголютъ, а не отъ устъ Господнихъ.*

Григорій. Вотъ вамъ еще дюжина рожденныхъ къ проповѣди! *Призва, ихъ же хотяше Самъ, и пріидоша къ Нему, и сотвори двунадесяте; да будутъ съ Нимъ и да посылаетъ ихъ проповѣдати и имѣти власть цѣлити недуги и изгонити бѣсы. И нарече Симону имя...* Искаріотскій тутъ же. Да познаетъ, что не возможно, дабы между сродными не нашелся не сродный и напротивъ того, да устрашитъ нещастная сего ученика дерзость всѣхъ, по сребролюбію и тщеславію, устремляющихся къ дѣлу Апостолскому. И сіе-то значитъ: *призва, ихъ-же хотяше Самъ.* Видно, что не отъ смертныхъ сіе зависитъ. Самъ призываетъ, самъ посылаетъ и имена даетъ. *Ихъ же и Апостолы нарече.* Даются Симону и Савлу новыя имена. У смертныхъ часто именемъ величаются не имущіе существа Его. У Бога не такъ. У Его имя и существо есть тождествомъ; какъ только назвалъ, такъ вдругъ и естество далъ. Какъ только сказалъ: да наречется свѣтъ! Разумѣй; *да будетъ свѣтъ!* Когда слышимъ: *апостолы нарече, разумѣй: вы есте свѣтъ міру.* Быть и называться раздѣляетъ наша ложь, а не Божія

Библиотека "Руниверс"

нераздѣлна истина. Если дана свыше твердость алмазу, прозрачна зелень смарагду, если сапфиръ родился съ голубымъ, анфраксъ съ блистательнымъ, какъ огнь, сіяніемъ; назови, какъ хотишъ, но естества его не тронешъ. Что жъ силнѣе—Богъ ли, или ты, называя сущее не сущимъ и противляйся Богу, *животворящему мертвыя и нарицающему не сущая у тебе, яко сущая у себе.* Богъ раждая вливаетъ существо, силу и естество, а симъ самимъ нарицаетъ. Пустое имя безъ существа подобное виноградному гроздью, на стѣнѣ живописью хитро изображенному. Онъ накрашенъ видомъ сущаго грозда обманываетъ, обѣщая сокровенный внутрь себе зрѣлый вкусъ сладкаго муста, а безъразсудныя птички прилѣтывыя бьются въ нѣмую стѣну. Если чемъ-то хочешъ славиться, будь по естеству тѣмъ. Бытіе и слава имени, какъ доброе зерно съ вѣтвами, какъ источникъ съ потоками, какъ солнце съ лучами, есть нероздѣлное, а тщеславіе, какъ трава на кровляхъ растущая, прежде исторженія сохнущая. Но отъ тебе ли зависитъ взять бытіе? Можешъ ли быть служителемъ при боку его? Не можешъ ни чрезъ себе, ни чрезъ другаго. Вотъ кто силенъ! *И сотвори двванадесяте, да будутъ съ нимъ.* Сотворить, призвать, назвать, послать, дать власть зависитъ отъ рожденія, а сіе отъ царствія Божія. Теперь отгадай, что значитъ? *Павелъ званъ Апостолъ. Да и кѣмъ? Ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ. Но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ.* Нельзя было не позвать на то рожденнаго. *Богъ избравый мя отъ чрева матере моея...* Какъ можешъ цѣлить недуги, не имѣя власти? Откуду жъ власть, когда ты не посланъ отъ Бога? Какъ посланъ, если не нареченъ? Какъ нареченъ, если не званъ? Какъ же званъ, если не на то рожденъ? Вспокойся, не твое дѣло. Чуть ли ты не братъ нахалу тому: *Учителю! Иду по тебѣ.* Скажи мнѣ, откуду толикій безбожія потокъ? Откуду суевѣрія, лицемѣрія и ереси? Откуду у христіанъ ругательство священныя Библіи? Гдѣ раченіе сладчайшія дружбы? Гдѣ согласіе дражайшаго мира? Гдѣ живость сердечнаго веселія? Кто безобразитъ и растлѣваетъ всякую должность?—Не сродность. Кто умерщвляетъ науки и художества?—Не сродность. Кто обезчестилъ чинъ священничій и монашескій?—Не сродность. Она каждому званію внутреннѣйшій ядъ и убійца. *Учителю, иду по тебѣ.* Иди лучше паши землю или носи оружіе, отправляй купеческое дѣло, или художество твое. Дѣлай то, къ чему рожденъ, будь справедливый и миролюбный гражданинъ и довлѣетъ. *Учителю, иду по тебѣ.* Не ходи... Сего не довольно, что ты остръ и учонъ. Должно быть другомъ званію, не любителемъ прибыли отъ него. Сему одному не будетъ должность орудіемъ лакомства. Развѣ не учонъ Симонъ волфъ? Волфъ значитъ мудреца. Развѣ не былъ остръ? Вся Самарія проповѣдывала: *сей есть сила Божія великая.* Схватила мудреца лихорадка

Библиотека "Руниверс"

имѣть Духа святаго и подавать людямъ по Апостольскому. Что жъ сему востряку отвѣчаетъ Петръ? *Нѣсть ти части... Сердце твое нѣсть право...* Дать и взять для сребра должность равная бѣда. Съ таковымъ сердцемъ, хотя врачуешъ страсти и изгонишъ бѣсы, не радуйся. Хотя Ангельскими языками проповѣдуешъ, не годишся. Пускай многіе народы на золотѣ напишутъ: *Сей есть сила Божія великая пустая пустошь.* Если, по пословицѣ, на дожность мостишся, какъ коза на кровлю для того, чтобъ чрезъ нея вскочить на кучу изобильнаго тщеславія, видно, какъ въ зеркалѣ, что ты не къ должности усерденъ, а посему и не рожденъ, слѣдовательно и не записанъ на небесѣхъ, развѣ у людей. Не слыть у людей, но быть благовѣстникомъ съ Богомъ и у Бога сіе есть дѣлно, какъ написано: *бѣ Богъ съ нимъ. Радуйтеся, яко имена ваша... Учителю, иду по тебѣ.* Вижу въ тебѣ корень желчи и горести. Вижу въ сердцѣ твоемъ сѣмя сребролюбія. Не обновлятися Духомъ Святымъ, но что-бъ торжить симъ сокровищемъ и повесть себе великолѣпно, сего ради бѣшенно желаешъ божественнымъ знаніемъ прославиться. *Покайся о злобѣ твоей.* Куда нелѣпой вздоръ—лѣсницу, возводящую отъ земныхъ подлостей, обращать на снизхожденіе въ бездну. Не сіе ли значитъ даннымъ для живота хлѣбомъ задавиться? *Шедъ удавися.* Если любишъ прибыль, ищи ее приличнымъ путемъ. 1000 на то предъ тобою благословенныхъ ремеслъ. *Учителю, иду по тебѣ.* Иди... и будешъ естества лишенный чучелъ, облакъ бездождный, прелестная денница, сатана, съ небесной должности къ подлымъ похотямъ падшій, *им же мракъ темный во вѣки блюдется.*

Лонгинъ. А иной радъ бы убѣжать съ Іоною, но влечетъ Богъ: *востани и иди въ Ниневію и проповѣждь.* Къ иному самъ говоритъ Господь: *ходи въ слѣдъ мене.* По крайней мѣрѣ дай погребсти отца... *Остави...* Не пущаетъ и проститься съ домашними. И подлинно. Управляешъ ли раломъ? Не осматривайся назадъ. Родился ли въ проповѣдь? Брось все житейское. А иначе и природный не годишся. Пущай всякъ дѣло свое знаетъ. Ты же возвѣщай царствіе и старайся быть въ числѣ сихъ: *блаженны очи видящіи, яже видите.* А дабы получить мзду сію, нужно прежде поработать въ Божіемъ виноградѣ. Къ природнымъ говорится: *идите въ виноградъ мой.* Коль скудное число сродныхъ дѣлателей! Отводитъ ихъ лукавый міръ, плѣнивъ плотскими науками и книгами, славу и прибыль обѣщающими, отвлекая отъ безневѣстныя невѣсты оныя: *вся слава дщере царевы внутрь.* Если кто почувствовалъ обманъ, да не стоитъ на пути чуждемъ, да спѣшитъ въ виноградъ и да слышитъ: *что стоите праздны?* Виноградъ Господа Саваоѳа есть Библіа. Умъ остръ во многихъ, но не обучились разсуждать. Иные имѣютъ обученны чувства долгимъ ученіемъ, но не имѣютъ неутомимой охоты. Сыщешъ и охотниковъ, но связанны житейскими печальми. Найдешъ и вольное

Библиотека "Руниверс"

сердце, но безъ страха Божія. Всѣ сіи сродства безъ природы мертвы, но и природа безъ нихъ безъоружна. Видите, сколь трудно поднять змія, какъ обѣщалъ Господь: *змія возьмутъ*. Съ помянутыхъ 4-хъ средствъ нужнѣе страхъ Божій. *Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ.* Но тамъ же сынъ Сираховъ сказуетъ: *бойся Господа сотворитъ сіе и, держайся закона, постинетъ ю.* Однакъ нужно имѣть и вольное сердце, по Его жъ слову: *умаляяйся дѣяніемъ своимъ, упремудрится.* Сіе онъ твердитъ и въ другомъ мѣстѣ: *дѣла правды Его кто возвѣститъ? Умаляяйся сердцемъ размышляетъ сія.* Умаляяйся сердцемъ и дѣяніемъ значитъ тоже.

Аванасій. Развѣ же сердце и дѣяніе значитъ тоже?

Лонгинъ. А ты доселѣ не знаешъ, что сердце есть мыслей бездна? А мысли сѣмена и ьсточникъ дѣйствіямъ? Умаляющееся сердце значитъ не заросшее терніемъ житейскихъ печалей и дѣлъ, а готовое къ снисканію правды Божія: *упразднитеся и уразумѣйте.* Посему-то вседушный искатель бываетъ нищъ, воздержанъ и пустыннолюбный. Для сего добрый книгочій книгочтенію учится, а добрый схоластикъ отъ дѣлъ упражняется. Скажемъ съ сыномъ Сираховымъ: *чемъ умудрится держай орало?* Мысли его и разговоры о быкахъ, о нивахъ, о скотскомъ кормѣ. Тоже разсуждать о протчіихъ. Правда, что общество безъ нихъ не населится, но быть они не могутъ въ совѣтѣ, все въ порядкѣ содержащемъ. *Точію де вдающій душу свою и размышляющій въ законѣ Вышняго премудрости всѣхъ древнихъ взыщетъ и въ пророчествіихъ поучатися будетъ, повѣсти мужей именитыхъ соблюдетъ и во извитія притчей совнійдетъ, сокровенная притчей изыщетъ и въ гаданіи притчей поживетъ, посредѣ вельможъ послужитъ...* Для сего не велитъ Господь Аарону имѣть грунтъ. *Азъ часть твоя и наслѣдіе твое.* Да блюдутъ Скинію, да роютъ священныя книги.

Аванасій. Итакъ бѣдные твои проповѣдники остаются нищими.

Лонгинъ. Совсѣмъ нищими, чтобъ были готовы. Но сіи нищіе благовѣствуютъ. Самъ Господь учитъ имъ. *Приступиша къ нему ученицы Его и отверзъ уста своя, учаше ихъ.* О сихъ-то умалающихся сердцемъ и дѣяніемъ сказуетъ: *блаженны нищіи духомъ...* Они-то плачутъ, алчутъ и жаждутъ царствія Божія и правды Его, кротки, лишенны, гонимы, поношаемы, но имѣютъ же мзду свою съ Петромъ: *сребра и злата не имамъ...,* и со Іисусомъ Сираховымъ: *даде Господь языкъ мнѣ, мзду мою и тѣмъ восхвалю.* Послушай, вотъ нищій хвалится мздою! *Уготовися мнѣ вѣнецъ...* Куда охотникъ до премудрости былъ сынъ Сираховъ! *Еще юнъ сый, прежде неже странствовати ми, искахъ премудрости явь въ молитвѣ моей.* А сіи слова не чудною ли дышутъ горячностью? *Борящеся душа моя о ней. Возвеселися сердце мое о ней. До послѣднихъ взыщу ея... Предъуспѣяніе бысть мнѣ въ ней...*

Библиотека "Руниверс"

Но живѣе всего изображаетъ сродность его сіе: *даде Господь языкъ мнѣ мзду мою и тѣмъ восхвалю Его.* Видно, что не для кошелька учился, не было ему любезнѣе, какъ достать его съ Исаіею: *Господь дастъ мнѣ языкъ наученія... и съ тоею медъ и млеко подъ языкомъ твоимъ. И начаша глаголати иными языки...* Сію премудрость, познающую и любящую Господа своего, называетъ Соломонъ долготою житія, древомъ жизни, вѣрою, правдою, миромъ, молитвою, богатствомъ и славою, красотою молодцамъ, а старикамъ сѣдиною. *Лѣпота юнымъ, премудрость слава же старымъ сѣдины.*

Нѣсколько символовъ, сирѣчь, гадательныхъ или таинственныхъ образовъ, изъ языческой богословіи.

Не хочется мнѣ съ вами растаться. Забавно для мене сказалъ тотъ, кто дружескую въ путешествіи бесѣду назвалъ возкомъ. Жизнь наша есть путешествіе.

Григорій. Прошу изъ саду въ мою горницу... Правда, что дружеская бесѣда есть возокъ, путника облегчающій. А тѣмъ онъ лучше, когда катится на колесахъ пророческихъ. О колеса! О сладчайшая вѣчносте! Щасливъ, кто взоръ свой пріобучилъ къ свѣтозарному твоему блистанію. Сей почаще взглядываетъ и вкушаетъ отъ тебе. Вотъ точная манна! А зерно ея мѣлкое, какъ коріандръ, разными любителямъ своимъ пріятностьми вкусъ услаждаетъ. Какъ дражайшій алмазъ, мечетъ въ очи молнію разнаго цвѣта. Кто хочетъ облегчить несытость свою безъ ея, тотъ чаетъ горстью пѣска забросать бездну океана, а каплею прохладить огненное царство, обѣщая душѣ своей пространную роскошь, заключивъ ее, какъ орла, въ тѣсную яскиню и не разумѣя, что

Бездна Духъ есть въ человѣкѣ,
Водъ всѣхъ ширшій и небесъ.
Не насытишъ тѣмъ во вѣки,
Чемъ плѣняетъ міръ сей весь.

Но чувствуя жало ея, наставляющее насъ, въ выборѣ пищи, дружбы и званія, помаленьку узнавать ее, будь-то изъ букваря, обучаемся.

Аѳанасій. Ба! Откуду у тебе столько новыхъ картинъ? Смотри: вся горница ими одѣта.

Яковъ. Не удивляйся: разумнымъ людямъ мудрая картина есть планомъ, представляющимъ обширность цѣлой книги. Картина есть книга нѣмая, но, какъ вижу, здѣсь они не нѣмы, всѣ говоры.

Аѳанасій. Тфу! Они всѣ, какъ вижу, языческая грязь...

Григорій. Пересмотрите, для сего я васъ позвалъ. Но не ругайте Они мнѣ всѣ любезны.

Ермолай. Если бы въ твою горницу пришолъ младоумный христіанинъ, почелъ бы тебе идолочтецомъ.

Библиотека "Руниверс"

Григорій. Чистое небо не боится молніи и грому.

Аѳанасій. Что за вздоръ? Вкругъ звѣри, птицы, лѣса, горы, скоты, воды, рыбы, гады и протч. и протч. Будьто рай поганскій.

Григорій. Я съ Петромъ Св. все сіе рѣжу и въ сладость съ Богомъ кушаю; съ нимъ ничто же есть скверно.

Аѳанасій. Пожалуй не все глотай. Пожалѣй хоть горъ съ деревами. Посмотримъ на первую, что надъ дверьми. Что за птички сидятъ нацвѣтущихъ вѣтвахъ?

Григорій. Соловей съ своими дѣтьми; учитъ ихъ пѣть.

Яковъ. А прочитайте, что говоритъ картина?

Григорій. *Родители суть наши лучшіе учители.* Судите, не прекрасная ли пѣснь? И не должно ли почитать предковъ нашихъ законы? Извѣстно, чего учитъ насъ мать наша Библія.

Ермолай. Взгляньте сюда. О бѣдненькой олень: съ вонзенною въ тѣло стрѣлою страждетъ возлѣ холма; полстрѣлы въ язвѣ; пропалъ онъ; кто пособитъ?

Яковъ. Не бойся! Развѣ не видишъ, что траву кушаетъ? Она ему выгонитъ вонъ стрѣлу. Сія трава у древнихъ еллиновъ звалась: λευταμνος?

Ермолай. И такъ стрѣлецъ ничево надъ нимъ не успѣлъ? Хотѣлъ бы я знать, кто его учитъ цѣлбы сей?

Яковъ. Развѣ не видишъ, что сей тебѣ говоритъ олень? Природа превосходитъ науку. Вотъ кто его учитъ! Самый лучшій учитель.

Аѳанасій. А протолкуйте мнѣ, что это за пирогъ что-ли..?

Лонгинъ. Гдѣ тебѣ пирогъ; конечно, сего дня мало ты ѣлъ. Это раковина или черепашка или устрица. Откушай ее, она говоритъ самое премудрѣйшее: *ищи себе внутрь себе.* Все ея добро внутрь черепа сохраняется.

Аѳанасій. О право вкусная черепашка... Ба! да ты, братецъ, и слона кушаешъ?... Хлѣбъ да соль...

Григорій. Нѣтъ ево вкуснѣе и здоровѣе. И васъ милости просимъ. Онъ мене укрѣпляетъ искать щастія въ Богѣ. А дабы я Бога искалъ внутрь себе самаго, къ сему оправляетъ мене устрица моя.

Аѳанасій. На что жъ онъ въ гору поднимаетъ хоботъ?

Лонгинъ. Ожидаетъ поздравить восходящее солнце. Вонъ смотри! Лучи изъ-за горъ выникаютъ. Описатели звѣрей пишутъ, что слоны каждый день громадою собираются предъ восходомъ солнца и смотрятъ на востокъ. Не живой ли сей образъ человѣка благочестиваго? А для чего не уподобить его слону, если пророкъ Малахія уподобляетъ быку? *Возсіяетъ вамъ боящимся имене моего солнце правды и исцѣленіе въ крылѣхъ его. И изыдете, и взыграете, якоже телцы, отъ узъ разрѣшенны.*

Библиотека "Руниверс"

Григорій. Прочитайте жъ слоново поздравленіе солнцу: *за утра предстану ти и узриши мя. Не пребудутъ беззаконни предъ очима твоима.*

Аванасій. Я люблю горы, дубравы, источники, вертограды...

Ермолай. Кто се таковъ? Какой-то молодчикъ. Конечно пить хочетъ. Наклонился въ источн...

Яковъ. Вотъ нещастный Нарцыссъ! О бѣдненькой! Конечно онъ не раскусилъ сей притчи: не красна изба углами, а живопись красками. Въ чистомъ источникѣ засмотрѣлся на благообразную свою кожу, а не вникаетъ внутрь, въ самое сердце свое, и въ тайное руководство блаженныя натуры, могущія его наставить на путь мира; тѣмъ губитъ себе, что любитъ себе.

Лонгинъ. Нарцыссъ изрядная статуа и живая фигура чтущихъ Библію, но одну въ ней тлѣнь свою видящихъ, а не проницаюшихъ въ сокровенное подъ тлѣнію, не слышащихъ Мойсея: *слыши Израилю! Воньми себѣ, внемли себѣ... Господь Богъ твой по средѣ тебе.*

Григорій. Не узнавъ себе, какъ узнаешъ Библію? Кто дома слѣпъ, тотъ и въ гостяхъ. О Нарцыссъ! Премудрая твоя пѣсенька, но не разумѣешъ ея; я жъ твою пѣсню воспою тебѣ же. Узнай себе. Заглянь внутрь.

Аванасій. Воля ваша, не могу узнать сего хвостатаго звѣря: бѣжитъ и оглядывается, схожъ на волка.

Яковъ. Бобръ, отгрызъ самъ себѣ ядра, бросивъ, убѣгаетъ. Вонъ смотри! Охотники гонятъ его.

Аванасій. Но чтожъ онъ, дуракъ, портитъ самъ себе?

Яковъ. Охотникамъ нужны одни его ядра для аптекарей. Ничего не щадитъ, только бы успокоить себе. Вотъ пѣсня его: *только бы не потерять сердца.*

Аванасій. Не очень глупа замѣна. Весь міръ не заплатитъ вспокойствія сердечнаго. *Веселіе сердца—животъ человѣку.* Взгляньте на горящую свѣщу. Что она значитъ?

Лонгинъ. А вотъ видишъ: летаетъ около свѣчи ночной метеликъ.

Ермолай. Развѣ онъ любитъ свѣчу?

Лонгинъ. Возможно-ль, чтобъ ночной твари нравился свѣтъ?

Ермолай. Кой же бѣсъ несетъ его къ несродному? Развѣ надѣется отъ товарищей награжденія, если угаситъ свѣтъ, очи ихъ ослѣпляющій?

Лонгинъ. Можетъ быть и то, но прежде самъ ожжется. Вотъ прочти въ низу ему награжденіе: *охота моя погубляетъ мене.*

Аванасій. Смотри! Собаки на горѣ рвутъ оленя... Но сей олень, въ человѣчьемъ одѣяніи; что за вздоръ?

Яковъ. Бѣдный Актеонъ превращается въ оленя. Вотъ при источникѣ моется съ служанками Діана. Она его передѣлала въ звѣря, чтобъ охотника свои жъ собаки загризли. Зачемъ ему итить изъ се-

Библиотека "Руниверс"

ленія? Не къ статѣ ему видѣть чистую дѣву. Далъ бы Богъ, чтобъ сію басню раскусили монахи! Не всякъ рожденъ къ уединенію и умозрѣнію. Праздность, грусть, тоска, ахъ многихъ погубила! Олень есть та жъ скотина, только что въ лѣсу живетъ. Библіа есть тоже что сфинксъ. Она портитъ и мучитъ не познавшаго самаго себе и слѣпца въ собственномъ домѣ своемъ. Древній дуракъ Иксіонъ ухватился за пустый облакъ, осѣняющій сестру Діеву, вмѣсто ея. А на Актеона, вмѣсто сладчайшія Діаниной любви, попала месть и клятва потопнаго языка. Вотъ что дѣлаютъ: *враги человѣку домашніи его.*

Лонгинъ. Здѣсь тщеславный Фаетонъ съ шумомъ и съ колесницею съ небесъ низвергается. Достоинъ! достоинъ... Сѣлъ не на своемъ мѣстѣ, презрѣвъ совѣтъ отческій. *Досажденіе мужа смиряетъ. Притч.* Досажденіе значитъ противиться отцу. Сей подобенъ Іаковлю сыну Сумеону, отцовское ложе осквернившему и отъ отца проклятому. Да внимаютъ сіе начально засѣдающіе въ званіи; пускай ражжуютъ и тѣ, кои тщатся съ своею грязью на колесницу Божію, рожденную возить одну точію, вѣчность кіота Господня.

Ермолай. О прекрасный холмъ пріосѣненный! Что за птички сидятъ на сухихъ вѣтвахъ?

Лонгинъ. Пѣсня сея птицы даетъ знать, что пустыннолюбная горлица съ своими дѣтьми воздыхаетъ о своемъ супругѣ; пѣснь ея изъ Исаіи: *воспою возлюбленному пѣснь.* Вотъ подъ деревомъ лежитъ ея любезный мертвъ! А отъ его богатый ключъ качаетъ струи водъ подъ гору на луга... Сей есть портретъ Библіи. Сія колесница одного носитъ, а сія вдова одного точію любитъ и воздыхаетъ: *Богъ любви есть.*

Григорій. Скажи мнѣ, Аѳанасій, чего ты все смѣешся? Я давно примѣтилъ. Что тебѣ смѣшно?

Аѳанасій. Смѣюсь твоимъ купидонамъ. Ты ихъ множество собралъ, помѣшавъ дѣло съ бездѣльямъ, а христіанство съ язычествомъ.

Григорій. Не опасайся, другъ мой. Вся чиста чистымъ. Баснословныя древнихъ мудрецовъ книги есть—то самая предревняя богословія. Они такъ же не вещественное естество Божіе изображали фигурами, дабы невидимое было видимымъ, представляемое фигурами тварей. Скажи, какимъ образомъ изобразишъ мнѣ нетлѣннаго Духа существо, если не младенцемъ крилатымъ? Крила его значатъ не прерывное всю вселенную движущее движеніе, а младенство намѣчаетъ въ немъ тое: *ты же тойжде еси...* Можетъ быть отсюду родитель и имя сіе Богъ, что движенія вселенную движущаго такъ какъ рѣки текущія есть бѣгъ непреривный. Если сіе изображеніе хулишъ, скажи мнѣ, много ли ты разумѣешъ Лотово съ дочерьми пьянство? Іеронимъ называетъ сіе баснею. И, конечно, она тайно-образная, если богословская. Всей Библіи предметомъ самъ только одинъ Богъ. Тутъ ей конецъ до послѣднія

Библиотека "Руниверс"

черты. Безъ Его она и лжива и дурна, и вредна, а съ Нимъ вкуснѣе и прекраснѣе всѣхъ невѣстъ. Онъ свѣтъ ея грязи, какъ честь алмазу блескъ. Ты же слыхалъ, что и Малахіа поминаетъ какія то божественныя крила: *исцѣленіе въ крилѣхъ его. Яко орелъ покры гнѣздо свое.* И невѣста о братней любви сказуетъ: *крила ея—крила огня.* Купидонъ знаетъ желанія. Еллински Ἔρος мудрецы ихъ означали симъ тое, что самое любезнѣйшее въ мірѣ и благороднѣе. Не знаю, другъ мой, что такое разумѣешъ чрезъ сіе слово, а мнѣ дай волю разумѣть съ невѣстою того: *гортань Его сладость и весь желаніе. Богъ любви есть.* Были и тогда, и нынѣ, и всегда мудрствующіе подло. Если называешъ купидона бѣсомъ, не спорю... Дай же мнѣ въ семъ рыкающемъ львѣ, сыскать сладость сота, а въ исполинѣ корысти. Развѣ ты никогда не слыхалъ, что такое къ просвѣщающемуся Іерусалиму вопіетъ Исаія: *изъсеши млеко языковъ. И поймутъ ихъ языцы и введутъ на мѣсто ихъ, и наслѣдятъ, и умножатся на земли Божіи.* Видишъ, что Израиля и языцы водютъ на мѣсто его. Если жъ сего не знаешъ, то конечно слыхалъ то: *аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ.* Всякая жъ фигура есть смерть и ядъ языческій, если не исходитъ изъ нея Духъ того: *въ воню міра твоего течемъ. Гортань Его сладость...* Просвѣщенное Духомъ Господнимъ сердце взоромъ маленькой травки и крошечнаго червячка возводится къ чувству вѣчнаго, будьто уксусное гнѣздо, все влитое къ себѣ въ уксусъ превращая, не точію языческими баснями, которыя тебѣ читать и не совѣтую. Я не виноватъ, что ты безъзубый; и за сіе тебе не укаряю. Много жрать, а мало жевать дурно. *Но не ядый ядущаго да не осуждаетъ.*

Ермолай. Взгляньте пожалуйте на великолѣпную гавань, издали видну; а за нею на высокой горѣ богатый городъ, смотрящій на широту морскую. Безъ сумнѣнія, къ той-то гавани пловутъ три корабля сіи съ поднятыми флаками, управляемы купидонами?

Лонгинъ. Смотри же, коль приличное сія картина говоритъ: *Господь права сотворитъ теченія твоя.* Притч.

Ермолай. Вотъ два прекрасные мальчики! Конечно, они купидоны. Одинъ другаго на раменахъ несетъ; долженъ носимый носящему благодарить.

Лонгинъ. Но еще больше одолженъ носящій носимому другу.

Ермолай. Для чего?

Лонгинъ. Для того, что носящій слѣпъ, а носимый очитъ. Одинъ человѣкъ изъ двоихъ составленъ. Подпись изъ Павла: *прильпляяйся Господеви единъ духъ есть съ Господемъ.*

Ермолай. Помогите сему трудолюбцу: упадетъ подъ бременемъ. Купидонъ цѣлую на раменахъ таскаетъ систему міра.

Лонгинъ. Не бойся.

Библиотека "Руниверс"

Яковъ. Не опасайся! Онъ въ одной десницѣ и всѣ Коперниковы міры въ забаву носитъ лучше Атласа. А кто онъ? Се тотъ, что спрашиваетъ Іова: *идѣ былъ еси, егда основахъ землю?* Но кто скажетъ, что значитъ кругъ міра, со всѣхъ сторонъ пронзенъ стрѣлами?

Григорій. Что есть стрѣла, если не стремленіе? Что жъ есть стремленіе, если не Божіе побужденіе, всю тварь къ своему мѣсту и своимъ путемъ движущее? Сіе-то значитъ составлять міръ и сей машинѣ движеніе давать. Древнѣйшее любо-мудрцовъ реченіе: *любовь составляетъ міръ.* Поминаетъ о семъ и Цицеронъ въ книжечкѣ о дружбѣ. Тотъ же вкусъ и въ тѣхъ рѣчахъ: *все побѣждаетъ любовь.* О сей-то преблаженной всѣмъ владѣющей любви и симпатіи невѣста въ пѣсни пѣсней: *крѣпка яко смерть любовь, жестока, яко адъ, ревность; крила ея—крила огня; угліе огненное—пламы ея.* Теперь наперстниково слово само изъяснилось: *Богъ любви есть.* Я такъ же разсуждалъ о ангелахъ природы, называемыхъ у древнихъ Геніосъ, коимъ они приносили приношенія, дабы сіи ангелы были вождами въ дѣлахъ житія ихъ.

Ермолай. Сей мальчикъ безъ крилъ, увѣнчанъ цвѣтовымъ вѣнцемъ, держащій рогъ изобилія, чуть ли не ангелъ природы?

Григорій. Такъ. Но не бѣшенствомъ ли пахнетъ? Приносить хранителю своему ладанъ, вино, цвѣты, а не послѣдовать ему туда, куда ведетъ Божій сей наставникъ. Самая ихъ Минерва, когда тоже есть что натура, тогда видно, для чего ее поставили начальницею всѣхъ наукъ и художествъ? Знать-то, что всѣ науки и всѣ книги родились отъ тѣхъ, кои за то принимались, самою начальницею руководствуемы. Между тѣмъ, разбирая древнихъ любомудрцовъ, тайнообразующія Божію премудрость картины, не видите на главнѣйшемъ мѣстѣ, будьто всѣми ими, образъ владѣющій Христовъ.

Въ верху надписано:

Образъ ѵпостаси Его.

Въ низу:

Іи Хс вчера и днесь...

Въ кругѣ, окружающемъ главу Его, сіе:

О ОН. Сирѣчь, СЫЙ.

На взаимномъ мѣстѣ образъ Пречистыя Матере Его, вѣнецъ Ея отъ звѣздъ; подъ ногами луна, система міра и змій, держащій во устахъ яблоко, но въ рукахъ ея цвѣтъ лиліи, а въ сердцѣ сіяніе Святаго Духа, задумчивъ и цѣломудренный взоръ.

Въ верху надписано: *сотвори мнѣ величіе Сильный.* Въ низу: *Радуйся, честнаго таинства двери! Радуйся, премудрыхъ превосходящая разумъ! Радуйся, вѣрныхъ озаряющая смыслы!*

Библиотека "Руниверс"

БАСНИ ХАРЬКОВСКІЯ.

Любезный пріятель!

Въ седмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учителской должности и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчелникахъ, обучалъ я себе добродѣтели и поучался въ Библіи; притомъ, благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басень, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года въ селѣ Бабаяхъ умножилъ оные до половины. Между тѣмъ какъ писалъ прибавочные, казалось, будто ты всегда присутствуешъ, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарую жъ тебѣ 3 десятка басень, тебѣ и подобнымъ тебѣ.

Отческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость, а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу. Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпроважаютъ по смѣху, а разумную шутку важный печатлѣетъ конецъ. Нѣтъ смѣшняе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ, и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣлностью. Вспомните пословицу: красна хата не углами, но пирогами.

Я и самъ не люблю превратной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: «стучитъ, шумитъ, гремитъ... А что тамъ? Кобылья мертва голова бѣжитъ». Говорятъ и великороссійцы: летала высоко, а сѣла не даліоко, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечево слушать. Не люба мнѣ сія пустая надменность и пышная пустошь, а люблю тое, что сверху ни что, но въ серіодкѣ чтось, снаружи ложъ, но внутрь истина. Такова рѣчь и че-

Библиотека "Руниверс"

ловѣкъ назывался у еллинъ (Σιληνος), картинка сверху смѣшна, но внутрь благолѣпна.

Другъ мой! Не презирай баснословія! Басня и притча есть тоже. Не по кошельку суди сокровище: праведенъ судъ суди. Басня тогда бываетъ скверная и бабія, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины, похожа на орѣхъ свищъ. Отъ такихъ-то басень отводитъ Павелъ своего Тимоѳѣя (1 къ Тим. гл. 4. ст. 7). И Петръ не просто отвергаетъ басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наличности силы Христовой не имущіе. Иногда во вретищѣ дражайшій кроется камень. Пожалуй ражжуй сіи Павловскіи слова: *не внимающе Іудейскимъ баснемъ, ни заповѣдемъ человѣкъ отвращающихъ отъ истины.* Какъ обрядъ есть безъ силы Божіей пустошь, такъ и басня, но безъ истины. Если жъ съ истиною, кто дерзнетъ назвать лживою? *Вся убо чиста чистымъ, оскверненнымъ же и невѣрнымъ ничтоже чисто, но осквернися ихъ умъ и совѣсть.* (Къ Тіт. I). Симъ больнымъ, лишеннымъ страха Божія, а съ нимъ и добраго вкуса, всяка пища кажется гнусною. Не пища гнусна, но осквернися ихъ умъ и совѣсть. Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самимъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудріи и въ игрушкахъ умны и во лжѣ истинны. Истина острому ихъ взору не издали болванѣла такъ, какъ подлымъ умамъ, но ясно, какъ въ зерцалѣ, представлялась, а они, увидѣвъ живо живый ея образъ, уподобили оную различнымъ тлѣннымъ фигурамъ. Ни одни краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцысса столько живо, сколько благолѣпно у ихъ образуетъ невидимую Божію истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюду родились hieroglyphica, emblemata, symbola, таинства, притчи, басни, подобія, пословицы... И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренный ангелъ, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать стихи, тогда избралъ Езоповы басни. И какъ самая хитрѣйшая картина неучонымъ очамъ кажется враками, такъ и здѣсь дѣлается. Самое солнце всѣхъ планетъ и царица библіа изъ тайно образующихъ фигуръ, притчей и подобій есть богозданна. Вся она вылѣпленна изъ глинки и называется у Павла буйствомъ. Но въ сію глинку водхненъ духъ жизни, а въ семъ буйствѣ кроется мудрѣе всего смертнаго. Изобразить, приточить, уподобить значитъ тоже. Пріими-жъ, любезный пріятель, дружескимъ сердцемъ сію не безвкусную отъ твоего друга мыслей его воду. Не мои сіи мысли и не я оные вымыслилъ: истина есть безначальна. Но люблю: тѣмъ мои, люби и будутъ твои. Знаю, что твой тѣлесный болванъ далеко разнится отъ моего чучела, но два разноличныи сосуды однимъ да наполнятся лікеромъ, да будетъ едина душа и едино сердце. Сія-то есть истинная дружба мыслей единство. Все не наше, все погибнетъ

Библиотека "Руниверс"

и самiи болваны наши. Одни только мысли наши всегда съ нами, одна только истина вѣчна, а мы въ ней, какъ яблонь въ своемъ зернѣ, сокрыемся.

Питаймо жъ дружбу. Пріими и кушай съ Петромъ четвероногая, звѣри, гады и птицы. Богъ тебѣ да благословляетъ! Съ нимъ не вредитъ и самiй ядъ языческiй. Они не что суть какъ образы, прикрывающiи какъ полотномъ истину. Кушай, поколь вкусишъ съ Богомъ лучшое.

Любезный пріятель! Твой вѣрный слуга, любитель священныя библiи

Григорiй Сковорода.

1774 г. въ селѣ Бабаяхъ, на канунѣ 50—тницы.

БАСНЯ 1.

Собани.

Въ селѣ у хазяина жили двѣ собаки. Случилося мимо ворота проѣзжать незнакомому. Одна изъ нихъ, выскочивъ и полаявъ, поколь онъ съ виду ушелъ, воротилась на дворъ. Что тебѣ изъ сего прибыло? спросила другая. По крайней мѣрѣ не столько скучно, отвѣчала она. Вить не всѣ жъ, сказала разумная, проѣжжiе таковы, чтобъ ихъ почитать за непрiятелей нашего хазяина, а то-бы я и сама должности своей не оставила, не смотря на то, что прошедшей ночи нога моя волчьими зубами повреждена. Собакою быть дѣло не худое, но безъ причины лаять на всякаго дурно.

Сила. Разумный человѣкъ знаетъ, что охуждать, а безумный болтаетъ безъ разбору.

БАСНЯ 2.

Ворона и чижъ.

Не подалеку отъ озера, въ которомъ видны были жабы, чижъ, сидя на вѣтвѣ, пѣлъ. Ворона въ близости тожъ себѣ квакала и, видя, что чижъ пѣть не перестаетъ—чего ты сюда же дмешся, жабо? А для чего ты мене жабою зовешъ, спросилъ чижъ ворону? Для того, что ты точно такой зеленой, какъ вонъ тая жаба. А чижъ сказалъ: о, ежели я жаба, тогда ты точная лягушка по внутренному твоему орудiю, которымъ пѣнiе весьма имъ подобное отправляешъ.

Сила. Сердце и нравы человѣческiи, кто онъ таковъ, свидѣтельствовать должны, а не внѣшнiи качества. Древо отъ плодовъ познавается.

Библиотека "Руниверс"

БАСНЯ 3.

Жаворонки.

Еще въ древніе вѣка, въ самое тое время, какъ у орловъ черепахи лѣтать учивались, молодой жаворонокъ сидѣлъ не далече того мѣста, гдѣ одна съ помянутыхъ черепахъ, по сказкѣ мудраго Езопа, лѣтанье свое благополучно на каменѣ окончила съ великимъ шумомъ и трескомъ. Молодчикъ спугавшись пробрался съ трепетомъ къ своему отцу: батюшка! Конечно, возлѣ тоей горы сѣлъ орелъ, о которомъ ты мнѣ когдась говорилъ, что она птица всѣхъ страшнѣе и сильнѣе... А почему ты догадуешся, сынокъ, спросилъ старикъ? Батюшка! Какъ онъ садился, я такой быстроты, шуму и грому никогда не видывалъ. Мой любезнѣйшій сынокъ! Сказалъ старикъ: твой молоденькій умокъ... Знай, другъ мой, и всегда себѣ сію пѣсеньку пой: не то орелъ, что высоко лѣтаетъ, но то, что легко сѣдаетъ...

Сила. Многіи безъ природы изрядныи дѣла зачинаютъ, но худо кончатъ. Доброе намѣреніе и конецъ всякому дѣлу есть печать.

БАСНЯ 4.

Голова и тулубъ.

Тулубъ, одѣтъ въ великолѣпное и обширное съ дорогими уборами одѣяніе, величался предъ головою и упрекалъ ей тѣмъ, что на нея ни десятая доля не исходитъ въ сравненіи его великолѣпія... Слушай, ты дуракъ! Естли можетъ помѣстится умъ въ твоемъ брюхѣ, то разсуждай, что сіе дѣлается не по большему твоему достоинству; но потому, что нельзя тебѣ столь малымъ обойтится, какъ мнѣ, сказала голова.

Фабулка сія для тѣхъ, которыи честь свою на одномъ великолѣпіи основали.

БАСНЯ 5.

Чижъ и щиглинъ.

Чижъ, вылетѣвъ на волю, слетѣлся съ давнимъ своимъ товарищемъ щигломъ, кой его спросилъ: какъ ты, другъ мой, освободился..? Раскажи мнѣ! Чуднымъ случаемъ, отвѣчалъ плѣнникъ. Богатый турка пріѣхалъ съ посланникомъ въ нашъ городъ и, прохаживаясь для любопытства по рынкѣ, зашелъ въ нашъ птичей рядъ, въ которомъ насъ около четырехъ сотъ у одного хозяина висѣло въ клѣткахъ. Турка долго на насъ, какъ мы одинъ предъ другимъ выспѣвывали, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ, наконецъ, а сколько просишъ денегъ за всѣхъ, спросилъ нашего хозяина? 25 рублевъ, онъ отвѣчалъ. Турка, не говоря ни слова, выкинулъ деньги и велѣлъ себѣ подавать по одной клѣткѣ, съ которыхъ каждаго изъ насъ на волю выпущая, утѣшался смотря

Библиотека "Руниверс"

въ разныя стороны, куда мы разлѣтывали. А что жъ тебе, спросилъ товарищъ, заманило въ неволю? Сладкая пища да красная клѣтка, отвѣчалъ щасливецъ. А теперь поколь умру, буду благодарить Богу слѣдующею пѣсенькою: лучше мнѣ сухаръ съ водою, нежели сахаръ съ бѣдою.

Сила. Кто не любитъ хлопотъ, долженъ научиться просто и убого жить.

БАСНЯ 6.

Колеса часовіи.

Колесо часовой машины спросило у другаго: скажи мнѣ, для чего ты качаешся не по нашей склонности, но въ противную сторону? Мене, отвѣчало другое, такъ здѣлалъ мой майстеръ и симъ вамъ не только не мѣшаю, но еще вспомоществую къ тому, дабы наши часы ходили по разсужденію солнечнаго круга.

Сила. По разнымъ природнымъ склонностямъ и путь житія разный. Однакъ всѣмъ одинъ конецъ—честность, миръ и любовь.

БАСНЯ 7.

Орелъ и сорока.

Сорока орлу говорила: скажи мнѣ, какъ тебѣ не наскучитъ непрестанно вихромъ крутиться на пространныхъ высотахъ небесныхъ и то въ гору, то внизъ, будто по винтовой лѣсницѣ, шататься?... Я бы никогда на землю не опустился, отвѣчалъ орелъ, еслибъ тѣлесная нужда къ тому мене не приводила. А я никогда бы не отлѣтывала отъ города, сказала сорока, если бы орломъ была. И я тоже бы дѣлалъ, говорилъ орелъ, если бы былъ сорокою.

Сила. Кто родился къ тому, чтобъ вѣчностью забавляться, тому пріятнѣе жить въ поляхъ, рощахъ и садахъ, нежели въ городахъ.

БАСНЯ 8.

Голова и тулубъ.

Чемъ бы ты жива была, спросилъ тулубъ голову, если бы отъ мене жизненныхъ соковъ почасти въ себе не вытягивала? Сіе есть самая правда, отвѣчаетъ голова, но въ награжденіе того мое око тебѣ свѣтомъ, а я вспомоществую совѣтомъ.

Сила. Народъ долженъ обладателямъ своимъ служить и кормить.

БАСНЯ 9.

Мурашка и свинья.

Свинья съ мурашкою спорили, кто изъ нихъ двоихъ богатѣе, а волъ былъ свидѣтелемъ правости и побочнымъ судьею. А много ли

Библиотека "Руниверс"

у тебе хлѣбнаго зерна, спросила съ гордою улыбкою свинья, прошу объявить почтенная госпожа?.:. У мене полніохенька горсть самаго чистаго зерна, сказала какъ только мурашка, вдругъ захохотали свинья и волъ со всей мочи. Такъ вотъ же намъ будетъ судьею господинъ волъ, говорила свинья. Онъ 20 лѣтъ съ залишкомъ отправлялъ съ великою славою судейскую должность, и можно сказать, что онъ между всею своею братіею искуснѣйшій юриста и самой острой ариѳметикъ и алгебрикъ. Его благородіе можетъ нашъ споръ легко рѣшить. Да онъ же и въ латынскихъ дыспутахъ весьма, кажется, золъ. Волъ послѣ сихъ словъ, мудрымъ звѣркомъ сказанныхъ, тотъ-часъ скинулъ на щеты и при помощи ариѳметическаго умноженія слѣдующее здѣлалъ опредѣленіе: «понеже бѣдная Мурашка точію одну горсть «зерна имѣетъ, какъ сама призналася въ томъ добровольно, да и кромѣ «зерна ничего больше не употребляетъ, а напротивъ-того у госпожи «Свиньи имѣется цѣлая кадь, содержащая горстей 300 съ третью, «того ради по всѣмъ правамъ здраваго разсужденія»... Не то вы щитали, господинъ волъ, перервала его рѣчь Мурашка. Надѣньте очки да расходъ противъ приходу скиньте на щеты... Дѣло зашло въ споръ и перенесено въ вышшей судъ.

Сила. Не малое то, что для обыходки довольное, а довольство и богатство есть тоже.

БАСНЯ 10.

Двѣ курицы.

Случилось дикой курицѣ залетѣть къ домашней. Какъ ты, сестрица, въ лѣсахъ живешъ? спросила домовая. Такъ слово въ слово какъ и протчіи птицы лѣсныи, отвѣчала дикая. Готъ же Богъ и мене питаетъ, который дикихъ кормитъ голубовъ стадо... Такъ они же и лѣтать могутъ хорошо, примолвила хозяйка. Ето правда, сказала дикая, и я по тому жъ воздуху лѣтаю и довольна крильями, отъ Бога мнѣ данными... Вотъ етому-то я, сестрица, не могу вѣрить, говорила домосѣдка, для того что я всилу могу перелетѣть вонъ къ етому сараю. Не спорю, говоритъ дичина, да притомъ же то извольте, голубушка моя, разсуждать, что вы съ маленькихъ лѣтъ, какъ только родились, изволите по двору навозы разгребать, а я мое лѣтанье ежеденнымъ опытомъ твердить принужденна.

Сила. Многіи, что сами здѣлать не въ силахъ, въ томъ протчіимъ вѣрить не могутъ. Безчисленныи нѣгою отучены пѣшествовать. Сіе даетъ знать, что какъ практика безъ сродности есть бездѣлная, такъ сродность трудолюбіемъ утверждается. Что пользы знать, какимъ образомъ дѣлается дѣло, если ты къ тому не пріобыкъ? Узнать не трудно, а трудно привыкнуть. Наука и привычка есть тоже. Она не въ знаніи

Библиотека "Руниверс"

живетъ, по въ дѣланіи. Вѣдѣніе безъ дѣла есть мученьемъ, а дѣло безъ природы. Вотъ чемъ разнится Scientia et Doctrina (знаніе и наука).

БАСНЯ 11.

Вѣтеръ и философъ.

О, что бы тебе чортъ взялъ, проклятой..! За что ты мене бранишъ, господинъ философъ, спросилъ вѣтеръ? За то, отвѣтствуетъ мудрецъ, что какъ только я оттворилъ окно, чтобъ выбросать вонъ чеснокову шелуху, ты какъ дунулъ проклятымъ твоимъ вихромъ, такъ все назадъ по цѣлому столу и по всей горницѣ разбросалъ да еще притомъ остальную рюмку съ виномъ опрокинувши разшибъ, не вспоминая тое, что, раздувши изъ бумажки табакъ, все блюдо съ кушаньемъ, которое я по трудахъ прибрался было покушать, со всѣмъ засорилъ... Да знаешъ ли, говоритъ вѣтеръ, кто я таковъ? Чтобъ я тебе не разумѣлъ, вскричалъ фізікъ? Пускай о тебѣ мужички разсуждаютъ. А я послѣ небесныхъ планетъ тебе моего внятія не удостоеваю. Ты одна пустая тѣнь... А если я, говоритъ вѣтеръ, тѣнь, такъ есть при мнѣ и тѣло. И правда, что я тѣнь, а не видимая во мнѣ Божія сила есть точнымъ тѣломъ. И какъ же мнѣ не вѣять, если мене всеобщій нашъ Создатель, и невидимое вся содержащее существо движетъ. Знаю, сказалъ філософъ, что въ тебѣ есть существо неповинное по толику, по елику ты вѣтеръ... И я знаю, говорилъ духъ, что въ тебѣ столько есть разума, сколько въ тѣхъ двухъ мужичкахъ, съ которыхъ одинъ нагнувшись поздоровилъ мене заднею безчестною частью, задравши платье за то, что я раздувалъ пшеницу, какъ онъ ея чистилъ, а другій такой же комплементъ здѣлалъ въ то время, какъ я ему не давалъ вывершить копну сѣна, и ты у нихъ достоинъ быть головою.

Сила. Кто на погоды или на урожаи сердится, тотъ противъ самаго Бога, вся строящаго, гордится.

БАСНЯ 12.

Оселна и ножъ.

Ножъ бесѣдовалъ съ оселкою. Конечно ты насъ, сестрица, не любишъ, что не хочешъ въ стать нашу вступить и быть ножомъ... Ежели бы я острить не годилась, сказала оселка, не отреклася бы вашему совѣту послѣдовать и состоянію. А теперь тѣмъ-то самимъ васъ люблю, что не хочу быть вами. И конечно ставши ножомъ, никогда столько одна не перерѣжу, сколько всѣ тѣ ножи и мечи, которые во всю жизнь мою переострю; а въ сіе время на оселки очень скудно.

Сила. Родятся и такіе, что воинской службы и женитьбы не хотятъ, дабы другихъ свободнѣе поощрять къ разумной честности, безъ которой всяка стать недѣйствительна.

Библиотека "Руниверс"

БАСНЯ 13.

Орелъ и черепаха.

На похиломъ надъ воду дубѣ сидѣлъ орелъ, а въ близости черепаха своей братьи проповѣдывала слѣдующее: пропадай оно лѣтать... Покойная наша прабаба, дай Богъ ей царство небесное, на вѣки пропала, какъ видно въ исторіахъ, за то что сей проклятой наукѣ зачала было у орла обучаться. Самой сатана оную выдумалъ... Слушай, ты дура! перервалъ ея проповѣдь орелъ: не чрезъ то погибла премудрая твоя прабаба, что лѣтала, но тѣмъ, что принялася за оное не по природѣ, а лѣтанье всегда не хуже ползанья.

Сила. Славолюбіе да сластолюбіе многихъ поволокло въ стать, совсѣмъ природѣ ихъ противную. Но тѣмъ имъ вреднѣе бываетъ, чемъ стать изряднѣе, и весьма немногихъ мати родила, напримѣръ, къ філософіи, къ ангелскому житію.

БАСНЯ 14.

Сова и дроздъ.

Какъ только сову усмотрѣли птицы, начали взапуски щипать. Не досадно ли вамъ, сударыня, спросилъ дроздикъ, что безъ всякой вашей винности нападаютъ? И не дивно ли ето? Ни мало не дивно, отвѣчала она. Они и между собою тоже самое всегда дѣлаютъ. А что касается до досады, она мнѣ сносна тѣмъ, что хотя мене сороки съ воронами и граками щиплютъ, однакъ орелъ съ пугачемъ не трогаютъ, притомъ и Аѳинскіе граждане имѣютъ мене въ почтеніи.

Сила. Лучше у одного разумнаго и добродушнаго быть въ любви и почтеніи, нежели у тысячѣ дураковъ.

БАСНЯ 15

Змія и буфонъ.

Какъ змія весною скинула линовище, буфонъ ея усмотрѣвъ, куда вы, сударыня, сказалъ съ удивленіемъ, отмолодѣли! Что сему причиною? Прошу сообщить. Я вамъ съ охотою сообщу мой совѣтъ, змій говоритъ, ступайте за мною. И повела буфона къ той тѣсной скважинѣ, сквозь которую она съ великою трудностію продравшись, всю старинную ветошь изъ себе стащила. Вотъ, господинъ буфонъ, извольте полѣзать сквозь узкой сей проходъ. А какъ только пролѣзете, тотъ же часъ обновитеся, оставивъ всю негодность по другую сторону. Да развѣ ты мене тутъ хотишъ задушить, вскричалъ буфонъ? А хотя мнѣ сюда удасться протащитись, тогда съ мене послѣднюю кожу сдеріотъ... Прошу жъ не погнѣваться, сказала змія: кромѣ сего пути нелзя вамъ туда дойтить, гдѣ мнѣ быть удалось.

Библиотека "Руниверс"

Сила. Чемъ лучшее добро, тѣмъ большимъ трудомъ окопалось какъ рвомъ. Кто труда не перейдіотъ, и къ добру тотъ не прійдіотъ.

БАСНЯ 16.

Жабы.

Какъ высхло озеро, такъ жабы поскакали искать для себе новое жилище. Наконецъ всѣ вскричали: ахъ сколь изобильное озеро! Оно будетъ намъ вѣчнымъ жилищемъ. И вдругъ плюснули въ оное. А я, сказала изъ нихъ одна, жить намѣрила въ одномъ изъ наполняющихъ ваше озеро источникѣ. Вижу издали преосѣненный холмъ, многіи сюда поточки посылающій. Тамъ надѣюся найти для себе доброй источникъ. А для чего такъ, тетушка, спросила молодка? А для того такъ, голубка моя, что поточки могутъ отвестся въ иную сторону, а ваше озеро можетъ по прежнему высхнуть. Родникъ для мене всегда надежнѣе лужи.

Сила. Всякое изобиліе оскудѣть и высхнуть какъ озеро можетъ, а честное ремесло есть не оскудѣвающій родникъ не изобилнаго, но безопаснаго пропитанія. Сколько многое множество богачей всякой день преобразуется въ нищіи! Въ семъ кораблекрушеніи единственною гаванью есть ремесло. Саміи бѣднѣйшіи рабы раждаются изъ предковъ, жителствовавшихъ въ лужѣ великихъ доходовъ. И не напрасно Платонъ сказалъ: всѣ короли изъ рабовъ и всѣ рабы отраживаются изъ королей. Сіе бываетъ тогда, когда владыка всему—время уничтожаетъ изобиліе. Да знаемъ же, что всѣхъ наукъ глава, око и душа есть научиться жизнь жить порядочную, основанную на законѣ вѣры и страха Божія, яко на главнѣйшемъ пунктѣ. Сей пунктъ есть основаніе и родникъ, раждающій ручайки гражданскихъ законовъ. Онъ есть глава угла для зиждущихъ благословенное жительство, и сего каменя твердость содержитъ всѣ должности и науки въ ползѣ, а сіи общество въ благоденствіи.

БАСНЯ 17.

Два цѣнныи камушки алмазъ и смарагдъ.

Высокихъ качествъ Смарагдъ, находясь при королевскомъ дворѣ въ славѣ, пишетъ къ своему другу Адамантію слѣдущее:

Любезный другъ! Жалѣю, что не радишъ о своей чести и погребенъ въ пепелѣ живешъ. Твои дарованія мнѣ извѣстны. Они достойны честнаго и виднаго мѣста, а теперь ты подобенъ свѣтящему свѣщнику, подъ спудомъ сокровенному. Къ чему наше сіяніе, если оно не приноситъ удивленія и веселія народному взору? Сего тебѣ желая, пребуду другъ твой Смар... Дражайшій другъ! (отвѣтствуетъ алмазъ). Наше съ виднаго мѣста сіяніе питаетъ народную пустославу. Да взи-

Библиотека "Руниверс"

раютъ на блестящіе небеса, не на насъ: мы слабый небесъ списокъ. А цѣна наша или честь всегда при насъ и внутрь насъ. Грановщики не даютъ намъ, а открываютъ въ насъ оную. Она виднымъ мѣстомъ и людскою хвалою не умножается, а презрѣніемъ, забвеніемъ и хулою неуменшится. Въ сихъ мысляхъ пребуду другъ твой Адам.

Сила. Цѣна и честь есть тоже. Сія кто не имѣетъ внутрь себе, пріемля лживое свидѣтелство снаружи, тотъ надѣваетъ видъ ложнаго алмаза и воровской монеты. Превратно въ народѣ говорятъ такъ: здѣлали Абрама честнымъ человѣкомъ, а должно было говорить такъ: засвидѣтелствовано предъ народомъ о чести Абрама. Просвѣщеніе или вѣра Божія, милосердіе, великодушіе, справедливость, постоянность, цѣломудріе... Вотъ цѣна наша и честь! Старинная пословица: глупой ищетъ мѣста, и разумнаго и въ углу видно.

БАСНЯ 18.

Собана и нобыла.

Кобыла, поноску носить научена, чрезмѣрно кичилась. Она смертно не любила Меркурія (такъ назывался выжель) и, желая его убить, при всякомъ случаѣ грозила ему задними копытами. Чемь я виноватъ, госпожа Діана, говорилъ выжель кобылѣ? За что я вамъ столько противенъ?.. Не годной..! Какъ только стану при гостяхъ носить поноску, ты пуще всѣхъ хохочешь. Развѣ моя наука тебѣ смѣхъ..? Простите, сударыня, меня, не таюся въ семъ моемъ природномъ порокѣ, что для мене смѣшнымъ кажется и доброе дѣло, дѣемое безъ природы. С..... сынъ! Что жъ ты фастаешь природою? Ты не ученая невѣжа! Развѣ незнаешъ, что я обучалася въ Парижѣ? И тебѣ ли смыслить то, что учоные говорятъ: ars perfecit naturam. А ты гдѣ учился и отъ кого? Матушка! Если васъ училъ славный патеръ Піѳиксъ, [1]) то мене научилъ всеобщій нашъ Отецъ небесный, давъ мнѣ къ сему сродность, а сродность охоту, охота знаніе и привычку. Можетъ быть, посему дѣло мое несмѣшное, но хвальное. Діана не терпя стала было строить задней фронтъ, а выжель ушелъ.

Сила. Безъ природы какъ безъ пути. Чемъ далѣе успѣваешъ, тѣмъ безпутнѣе заблуждаешь. Природа есть вѣчный источникъ охоты. Сія воля (по пословицѣ) есть пуще всякой неволи. Она побуждаетъ къ частому опыту. Опытъ есть отецъ искуству, вѣдѣнію и привычкѣ. Отсюду родилися всѣ науки и книги и хитрости. Сія главная и единственная учительница вѣрно выучиваетъ птицу лѣтать, а рыбу плавать. Премудрая ходитъ въ Малороссіи пословица: безъ Бога ни до порога, а съ нимъ хоть за море. Богъ, природа и Мінерва есть тоже. Какъ

[1]) Слово елинское, значитъ обезьяна рода и роста большаго.

Библиотека "Руниверс"

обуялая соль безъ вкусу, какъ цвѣтъ безъ природнаго своего духа, а око безъ зѣницы, такъ несродное дѣланіе всегда чего-то тайнаго есть лищенное. Но сіе тайное есть глава, а называется гречески, τὸ πρέπον, сирѣчь благолѣпіе или красота и не зависитъ отъ науки, но наука отъ него. Госпожа Діана, яко чрезъ-чуръ обучоная, но съ недостаткомъ благоразумная животина, изволитъ противоставить: ars perjicit naturam. Но когда сродности нѣтъ, тогда, скажи пожалуй, что можетъ привесть въ совершенство обученіе? Словцо (perficit) значитъ точно то—приводитъ въ совершенство или въ окончаніе. Вить конецъ, какъ въ колцѣ, находится всегда при своемъ началѣ, зависящій отъ него, какъ плодъ отъ сѣмене своего. Знать то, что горница безъ начала и основанія крышею своею съ вѣнчикомъ не увѣнчается.

БАСНЯ 19.

Нетопыръ и два птенца, горлицынъ и голубининъ.

Великій преисподній звѣръ, живущій въ землѣ такъ, какъ кротъ, кратко сказать, великій кротъ писалъ самое сладкорѣчивѣйшее писмо къ живущимъ на землѣ звѣрямъ и къ воздушнымъ птицамъ. Сила была такая: дивлюся суевѣрію вашему; оно въ мірѣ найшло тое, чего никогда нигдѣ нѣтъ и не бывало; кто вамъ насѣялъ сумазбродъ, будто въ мірѣ есть какое то солнце? Оное въ собраніяхъ вашихъ прославляется, началствуетъ въ дѣлахъ, печатлѣетъ концы, услаждаетъ жизнь, оживляетъ тварь, просвѣщаетъ тму, источаетъ свѣтъ, обновляетъ время. Кое время? Одна есть только тма въ мірѣ, такъ одно и время; а другому времени быть чепуха, вздоръ, небыль... Сія одна ваша дурость есть плодовитая мать и другихъ дурачествъ. Вездѣ у васъ врутъ: свѣтъ, день, вѣкъ, лучъ, молнія, радуга, истина. А смѣшняе всего, почитаете хімеру, называемую око, будто оно зерцало міра, свѣта пріятелище, радости вмѣстилище, дверь истины... Вотъ варварство! Любезные мои други! не будьте подлы, скиньте яремъ суевѣрія, не вѣрьте ничему, поколь не возьмете въ кулакъ. Повѣрьте мнѣ: не то жизнь, чтобъ зрѣть, но то, чтобъ щупать. Отъ 18 дня апр. 1774 года. Изъ преисподняго міра. N. N.

Сіе писмо понравилося многимъ звѣрямъ и птицамъ, напримѣръ, совѣ, дремлюгѣ, сычу, вдоду, ястребу, пугачу; кромѣ орла и сокола. А паче всѣхъ Нетопыръ пловко шатался въ семъ высокородномъ догматѣ и, увидѣвъ Горличина и Голубинина сыновъ, старался ихъ сею высокопарною философіею ощасливить. Но Горличинъ сказалъ: родители наши суть лучшіи тебе для насъ учители. Они насъ родили во тмѣ, но для свѣта. А Голубчикъ отвѣщалъ: не могу вѣрить обманщику. Ты мнѣ и прежде сказывалъ, что въ мірѣ солнца нѣтъ. Но я, родившись въ мрачныхъ дняхъ, въ днешній воскресный день увидѣлъ

Библиотека "Руниверс"

рано восходъ прекраснѣйшаго всемірнаго ока. Да и смрадъ, отъ тебе и отъ вдода исходящій, свидѣтельствуетъ, что живетъ внутрь васъ недобрый духъ.

Сила. Свѣтъ и тма, тлѣніе и вѣчность, вѣра и нечестіе міръ весь составляютъ и одно другому нужное. Кто тма, будь тмою, а сынъ свѣта, да будетъ свѣтъ. Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ.

БАСНЯ 20.

Велблюдъ и олень.

Африканскій олень часто питается зміями. Сей, нажрався до сыта оныхъ и не терпя внутрь палящія ядомъ жажды, быстрѣе птицъ въ полудни пустился на источники водныя и на горы высокія. Тутъ увидѣлъ велблюда, піющаго въ поточкѣ мутную воду. Куда спѣшишъ, господинъ рогачъ, отозвался велблюдъ: напійся со мною въ семъ ручайкѣ. Олень отвѣчалъ, что онъ мутной пить въ сладость не можетъ. То-то ваша братья чрезмѣрно нѣжны и замысловаты, а я нарочно смущаю: для мене мутная слаже. Вѣрю, сказалъ олень. Но я родился пить самую прозрачнѣйшую изъ родника воду. Сей мене поточокъ доведетъ до самой своей головы. Оставайся, господинъ горбачъ.

Сила. Бібліа есть источникъ. Народняя въ ней історіа и плотскіи имена есть-то грязь и мутная иль. Сей живыя воды фонтанъ подобенъ киту, испущающему выспрь изъ ноздрей сокровенную нетлѣнія воду, о коей писано: *вода глубока совѣтъ въ сердцѣ мужа, рѣка же изскачущая и источникъ жизни* (Притч. 18 и 20).

Кто велблюдъ, тотъ возмущеніе потопныхъ глаголовъ пьетъ, не достигая къ той источничей главѣ: *масломъ главы моея не помаза.* А елень къ чистой водѣ востекаетъ съ Давидомъ: *кто напоитъ мя водою изъ рова, иже въ Виѳлеемѣ при вратѣхъ?* (*2 царствъ*, 23 стихъ, 15). Слово, имя, знакъ, путь, слѣдъ, нога, копыто терминъ есть-то тлѣнныи ворота, ведущіи къ нетлѣнія источнику. Кто не раздѣляетъ словесныхъ знаковъ на плоть и духъ, сей не можетъ различить между водою и водою красотъ небесныхъ и росы. Взглянь на 33 гл. ст. 13 Вторазак. И есть скотъ нечистый, не раздвояющій копыто. А каковъ есть самъ, такова ему и Бібліа. О ней-то точно сказано: *съ преподобными преподобенъ будеши...* Описатели звѣрей пишутъ, что велблюдъ, пить приступая, всегда возмущаетъ воду. Но олень чистыя любитель. Сія басня писана въ Свѣтлое Воскресеніе по полудни. 1774 въ Бабаяхъ.

БАСНЯ 21.

Кукушка и носинъ.

Кукушка прилетѣла къ черному дроздику. Какъ тебѣ не скучно, спрашуетъ его. Что ты дѣлаешъ? Пою, отвѣчаетъ дроздикъ, видишъ...

Библиотека "Руниверс"

ко Я и сама поючаще тебе да всіо однакъ скучно... Да ты жъ, сударыня только то одно и дѣлаешъ, что, подкинувъ въ чужое гнѣздо твои яйца, съ мѣста на мѣсто перелѣтывая, поешъ, пьешъ и ѣшъ. А я самъ кормлю, берегу и учу свои дѣти, а свои труды облегчаю пѣніемъ [1]).

Сила. Премножайшіи, презрѣвъ сродную себѣ должность, одно поютъ, пьютъ и ѣдятъ. Въ сей праздности несносную и большую терпятъ скуку, нежели работающіи безъ ослабы. Пѣть, пить и есть не есть дѣло, но главнаго нашего сроднаго дѣла одинъ точію хвостикъ. А кто на то ѣсть, пьетъ и поіотъ, чтобъ охотнѣе послѣ раздоху взяться за должность, какъ за предлежащій путь свой, сему, скуку прогнать не многова стоитъ, онъ каждый день и дѣленъ, и празденъ и о немъ-то пословица: доброму человѣку всякой день праздникъ. Должность наша есть источникомъ увеселенія. А если кого своя должность не веселитъ, сей, конечно, не къ ней сроденъ, ни другъ ея вѣрный, но нѣчтось возлѣ нея любитъ, и, какъ не спокоенъ, такъ и нещасливъ. Но ничто столько не сладко, какъ общая всѣмъ намъ должность. Она есть исканіе царствія Божія и есть глава, свѣтъ и соль каждой частной должности. Самая изрядная должность не веселитъ и безъ страха Божія есть, какъ безъ главы, мертва, сколько бы она отправляющему ни была сродна. Страхъ Господень возвеселитъ сердце. Оно, какъ только начнетъ возводить къ нему мысли свои, вдругъ оживляется, а бѣсъ скуки и унынія, какъ прахъ вѣтромъ возметаемъ, отбѣгаетъ. Всѣ мы не ко всему, а къ сему всякъ добрый человѣкъ родился. Щасливъ, кто сопрягъ сродную себѣ частную должность съ общею. Сія есть истинная жизнь. И теперь можно разумѣть слѣдующее Сократово слово: *иные на то живутъ, чтобъ ѣсть и пить, а я пью и ѣмъ на то, чтобъ жить.*

БАСНЯ 22.

Навозъ и алмазъ.

Тотъ-то самой навозъ, въ которомъ древле Езоповъ пѣтухъ вырилъ драгоцѣнный камушокъ, дивился алмазу, и любопытно вопрошалъ: скажи мнѣ, пожалуй, откуду войшла въ тебе цѣна толь великая? И за что тебе люде столько почитаютъ? Я одобряю нивы, сады, огороды, Юрасы и ползы есмь податель, а при всемъ томъ ни десятой доли не имѣю чести въ сравненіи твоей. И самъ не знаю, отвѣчаетъ алмазъ. Я та жа, что и ты, есмь земля и горазда хуже тебя. Она есть пережженная солнечнымъ варомъ жужель. Но только въ сухихъ моихъ водахъ благолѣпно изображается блистаніе солнечнаго свѣта безъ

[1]) Самое доброе дѣло есть скучнымъ безъ ослабы, а одно только бездѣлья дѣлать во сто разъ скучнѣе.

Библиотека "Руниверс"

тораго силы всѣ твои одобренія пусты, а произращенія мертвы, по старинной пословицѣ: въ полѣ пшеница годомъ родится, не нивою, ни навозомъ.

Сила. Свѣцкія книги безспорно всякой ползы и красы суть преисполненныя. Если-бы они спросили біблію: для чего самы предъ нею ни десятой доли чести и цѣны не имѣютъ, для чего ей созидаются олтари и храмы, и сама не знаю, отвѣчала бы она. Я состою съ тѣхъ жъ словъ и рѣчей, что вы, да и горазда съ хуждшихъ и варварскихъ. Но въ невкусныхъ рѣчи моей водахъ, какъ въ зерцалѣ, боголѣпно сіяетъ невидимое, но пресвѣтлѣйшее око Божіе, безъ котораго вся ваша польза пуста, а краса мертва. Конечно, симъ-то древомъ жизни услаждается невкусныхъ рѣчей ея горесть, когда обуялая вода ея претворяется въ вино, веселящее сердце человѣку. А точно о ней одной сказуетъ Соломонъ слѣдующее: *превознеслася еси надъ всѣми. Ложнаго ухожденія и суетныя доброты женскія нѣсть въ тебе.* Взглянь на конецъ притчей. Богъ часто въ бібліи означается годомъ, погодою, благоденствіемъ, напримѣръ, *лѣто Господне пріятно... Се нынѣ время благопріятно...* Прочти начало Соломон. проповѣдника о времени. Время, римски, tempus, оно значитъ не только движеніе въ небесныхъ кругахъ, но и мѣру движенія, называемую у древнихъ грековъ ῥυθμός. Сіе слово значитъ тоже, что тактъ, и сіе греческое жъ отъ слова τάσσω (располагаю) происходитъ. Да и у нынѣшнихъ музыкантовъ мѣра въ движеніи пѣнія именуется темпо. И такъ темпо въ движеніи планетъ, часовыхъ машинъ и музыкалнаго пѣнія есть тоже, что въ краскахъ рисунокъ. Теперь видно, что значитъ ῥυθμός и tempus. И премудро пословица говоритъ: въ полѣ пшеница годомъ родится... Премудро и у римлянъ говаривали: annus producit, non ager. Рисунокъ и темпо есть невидимость. Басня наша да заключится сими Аристотеля о музыкѣ словами[1]): ῥυθμῷ δὲ χαίρομεν διὰ τὸ γνώριμον καὶ συντεταγμένον. Кто сіе разжуетъ, тотъ знаетъ, что значитъ риѳмъ. Сіе слово въ Россіи во многихъ устахъ, но не во многихъ умахъ.

БАСНЯ 23.

Собаки и волкъ.

У Тітира пастуха жили Левконъ и Ѳирідамъ, двѣ собаки въ великой дружбѣ. Они прославилися у дикихъ и домашнихъ звѣрей. Волкъ побужденъ ихъ славою и сыскавъ случай, поручалъ себе въ ихъ дружбу. Прошу меня жаловать и любить, государи мои, говорилъ съ придворною ужимкою волкъ. Вы меня высоколѣпно ощасливить въ состояніи, если соизволите удостоить меня мѣста быть третимъ вашимъ другомъ, чего лестно ожидаю. Потомъ насказалъ имъ о славныхъ и богатыхъ предкахъ своихъ, о модныхъ наукахъ, въ коихъ

[1]) Примѣч. А. Я. Денисова: Arist opp. ed. Did. IV p. 211 и сл.

Библиотека "Руниверс"

воспитанъ тщаніемъ отцовскимъ. Если жъ, примолвилъ волкъ, фамілію и науками хвалиться у разумныхъ сердецъ почитается за дурость, то имѣю лучшія мѣры для приведенія себя въ вашу любовь. Я становитостью съ обѣми вами сходенъ, а голосомъ и волосомъ съ господиномъ Өирідимамъ. Самая древнѣйшая пословица: similem ducit Deus ad similem. Въ одномъ только не таюся, что у меня лисей хвостъ, а волчей взоръ. Левконъ отвѣчалъ, что Тітиръ на ихъ совсѣмъ не похожъ, однакъ есть третимъ для нихъ другомъ что онъ безъ Өирідама ничего дѣлать не начинастъ. Тогда Өирідамъ сказалъ такъ: голосомъ и волосомъ ты намъ подобенъ, но сердце твое далече отстоитъ. Мы бережемъ овцы, довольны волною и молокомъ, а вы кожу сдираете, снедающе ихъ въ мѣсто хлѣба. Паче же не нравится намъ зерцало твоея души, лукавый взоръ твой, косо на близъ тебе ходящаго барашка поглядывающій.

Сила. И фамілія, и богатство, и чинъ, и родство, и тѣлесныи дарованія, и науки не сильны утвердить дружбу. Но сердце въ мысляхъ согласное и одинакая честность человѣколюбные души въ двоихъ или троихъ тѣлахъ живущая, сія есть истинная любовъ и единство, о коемъ взглянь 4 гл. ст. 32 въ Дѣяніяхъ, и о коемъ Павелъ *нѣсть Іудей ни Еллинъ*... Вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ. Къ Галат. 3.

БАСНЯ 24.

Кротъ и Линксъ.

По сказкамъ звѣръ Линксъ имѣетъ столь острый взоръ, что на нѣсколько аршинъ землю прозираетъ. Сей, въ землѣ увидѣвъ крота, началъ смѣятся слѣпотѣ его. Если бы ты, негодная тваришка, имѣлъ моей прозорливости сотую долю, ты бы могъ проникнуть сквозь самой центръ земли. А теперь всіо щупаешъ, слѣпъ какъ безълунная полночь... Пожалуй перестань фастать, отвѣчалъ Кротъ. Взоръ тебѣ острый, но умъ весьма слѣпъ. Если тебѣ дано, чего я лишенъ, и я жъ имѣю, чего у тебе нѣтъ. Когда помышляешъ о остромъ твоемъ взорѣ, тогда не забывай и остраго моего слуха. Давно бы имѣлъ, если бы для мене нужны были очи. Вѣчная правда блаженныя натуры никого не обижаетъ. Она равное во всемъ неравенство дѣлая, въ остротѣ моего слуха вмѣстила чувство очей.

Сила. Глупость въ изобиліи гордится и ругается, а въ скудости осѣдаетъ и отчаевается. Она въ обоихъ доляхъ несщасна. Тамъ бѣсится, какъ въ сумозбродной горячкѣ, а тутъ съ ногъ валится, какъ стерво. Сія вся язва родится оттуду, что не научилися царствію Божію и правдѣ Его, а думаютъ, что въ мірѣ все дѣлается на удачу такъ, какъ въ беззаконномъ владѣніи. Но распростри, о бѣдная тварь,

Библиотека "Руниверс"

очи твои и увидишъ, что все дѣлается по самой точной правдѣ и равенству, а симъ вспокоишся. Если въ багатствѣ есть, чего въ нищетѣ нѣтъ, справся—и сыщешъ въ нищетѣ, чего въ богатствѣ нѣтъ. Въ которой земли менѣе родится плодовъ, тамъ въ награду здоровость воздуха. Гдѣ менѣе клюквы и черницы, тамъ менѣе скорбутной болѣзни, менѣе врачей—менѣе больныхъ, менѣе золота—менѣе надобностей, менѣе ремеслъ—менѣе мотовъ, менѣе наукъ—менѣе дураковъ, менѣе правъ—менѣе беззаконниковъ, менѣе оружія—менѣе войны, менѣе поваровъ—менѣе испорченнаго вкуса, менѣе чести—менѣе страха, менѣе сластей—менѣе грусти, менѣе славы—менѣе безславія, менѣе друговъ—менѣе враговъ, менѣе здоровья—менѣе страстей. Вѣкъ и вѣкъ, страна и страна, народъ и народъ, городъ и село, юность и старость, болѣзнь и здоровя, смерть и жизнь, ночь и день, зима и лѣто, каждая стать, полъ и возрастъ и всякая тварь имѣетъ собственныи свои выгоды. Но слѣпая глупость и глупое невѣріе сего не разумѣетъ, одно только худое во всемъ видитъ, подобна цылюрничимъ пявкамъ, негодную кровь высосающимъ. Для сего вѣкъ надъ вѣкъ возноситъ, народъ вышше народа, недавольна своею ни статью, ни страною, ни возрастомъ, ни сродностью, ни участью, ни болѣзнію, ни здоровьямъ, ни смертію, ни жизнію, ни старостію, ни юностью, ни лѣтомъ, ни зимою, ни ночью, ни днемъ и при удачѣ то восходитъ до небесъ, то низходитъ отчаяніемъ до бездънъ, лишенна какъ свѣта и духа вѣры, такъ и сладчайшаго мира съ равнодушіемъ, и жжется собственнымъ своихъ печалей пламенемъ, дабы исполнилось на ней: *а не вѣруяй уже осужденъ есть.* Все же есть благое, кромѣ не видѣтъ царствія Божія и правды Его, кромѣ болѣть душею и мучитись изъ роптанія неудовольствіемъ: сіе одно есть злое. Сія есть гордость сатанинская, возсѣсти на престолѣ Вышняго покушающаяся. Сей есть точный центръ ада и отецъ страстей. *И не даде Іовъ безумія Богу. Благословлю Господа на всякое время.* Сей есть свѣтъ истинны и вѣдѣнія Божія. Посему и священники именуются, сердца въ невѣріи сидящіи Божіимъ свѣтомъ озаряя. *Вы есте свѣтъ міру. Коль красны ноги благовѣствующихъ миръ... Святи ихъ во истину твою...*

БАСНЯ 25.

Левъ и обезьяны.

Левъ спитъ навзничь, а спящій весьма схожъ на мертваго. Толпа разнаго рода обезьянъ, почитая его въ мертвыхъ, приближився къ нему, начали прыгать и ругаться, забывъ страхъ и почтеніе къ царю своему. А какъ пришло время востанія отъ сна, подвинулся левъ. Тогда обезьяны, однимъ путемъ къ нему пришедшіи, седмицею путей разсыпалися.

Библиотека "Руниверс"

Старшая съ нихъ, пришедъ въ себе, сказала: наши и предки ненавидѣли льва, но левъ и нынѣ львомъ и во вѣки вѣковъ.

Сила. Левъ есть образъ библіи, на которую востаютъ и ругаются ідолопоклонничьи мудрецы. Они думаютъ, что она мертва и говоритъ о мертвости стіхійной, не помышляя о томъ, что въ тлѣнныхъ ея образахъ сокрывается животъ вѣчный и что все сіе востаетъ и возносится къ тому: *Богъ нашъ на небеси и на земли*... И, не разумѣя, что исходы ея суть исходы живота, ругаются, слыша сіе: *горняя мудрствуйте... Нѣсть здѣ*... [1]) А какъ только блеснулъ свѣтъ востанія ея, тогда исполняется на нихъ: *расточатся врази Его*. Вотъ для чего Василій Великій говоритъ о Евангеліи, что оно есть воскресеніе мертвыхъ. Іуда сынъ Іаковль вмѣсто льва образомъ невидимаго царя и Бога лежитъ и по сему то написано: *возлегъ почи аки левъ. Кто воздвигнетъ его.* Лежитъ львица и царица наша чистая дѣва бібліа и о ней-то жизнь и воскресеніе наше Христосъ сказуетъ: *не умре дѣвица, но спитъ*... Блаженъ не смѣжающій очей предъ блистаніемъ ея! Сей да поетъ съ Давидомъ: *коль возлюбленна селенія твоя... Коль красны домы твои Іакове*... Звѣрей описатели пишутъ, что левъ родившися лежитъ мертвъ, поколь ужаснымъ рыкомъ возбудитъ его отецъ его, а сіе дѣлаетъ въ третій день. Возможно ль найти благолѣпнѣйшній для божественныя книги образъ?

БАСНЯ 26.

Щука и ранъ.

Щука, напавъ на сладкую ядь, жадно проглотила. Но вдругь почувствовала сокровенную въ сладости удку, увязшую во внутренностяхъ своихъ. Ракъ сіе издали примѣтилъ и, на утрешній день увидѣвъ щуку, спросилъ: за чемь вы, сударыня, не веселы? Гдѣ дѣвался вашъ куражъ? Не знаю, братъ, что-то грусно. Думается для увеселенія поплыть изъ Кременчука въ Дунай. Днѣпръ наскучилъ. А я знаю вашей грусти родникъ, сказалъ ракъ: вы проглотили удку. Теперь вамъ не пособитъ ни быстрый Дунай, ни плодоносный Нілъ, ни веселовидный Меандръ, ни золотые крилца.

Сила. Ракъ точную правду сказуетъ. Безъ Бога и за моремъ худо; а мудрому человѣку весь міръ есть отечествомъ: вездѣ ему и всегда добро. Онъ добро не собираетъ по мѣстамъ, но внутрь себе носитъ оное. Оно ему солнцемъ во всѣхъ временахъ, а сокровищемъ во всѣхъ сторонахъ. Не его мѣсто, но онъ посвящаетъ мѣсто, не изгнанникъ, но странникъ и не отечество оставляетъ, а отечество перемѣняетъ; въ коей земли пришлецъ, тоей земли и сынъ, имѣя внутрь себе народное право, о коемъ Павелъ: *законъ духовенъ есть*.

---

[1]) Сіе Хамово племя смѣется наготѣ отчей.

Библиотека "Руниверс"

Страхъ Господень—источникъ мудрости и веселія и долгоденствія, а невѣріе есть сладчайшая ядь, сокрывающая горчайшій ядъ. Трудно сей ядъ примѣтить.

Трудно проникнуть беззаконіе. *Грѣхопаденіе кто разумѣетъ?* Тотъ, кто проникнулъ страхъ Божій. Корень его горкій, но плоды сладчайшіе. А беззаконіе есть удка, сладостью обвитая, уязвляющая душу. Честолюбіе ли тебе вадитъ ко грѣху? Оно есть сладость, обвившая удку. Плотская ли сласть плѣнила? Проглотилъ ты удку. За сребромъ ли погнался и впалъ въ неправду? Плѣненъ ты удкою. Зависть ли, месть, гнѣвъ или отчаянность увязла въ душѣ твоей? Проглотилъ ты удку, о коей Павелъ: *жало же смерти грѣхъ.* Безбожіе ли вселилося въ сердцѣ твоемъ? Проглотилъ ты удку, о коей Исаіа: *нѣсть радоватися нечестивымъ; рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ...* Вражда ли съ Богомъ воцарилася внутрь тебе? Пожеръ ты удку, о коей Моисей: *проклятъ ты во градѣ, проклятъ ты на селѣ...* Мучитъ душу твою страхъ смерти плотской? Увязла въ ней удка, о коей Исаіа: *беззаконныи взволнуются и почити не возмогутъ.* Грѣхъ значитъ жить по закону плотскихъ удовъ и страстей нашихъ, воюющихъ противу закону ума нашего. Таковъ гдѣ сокрыется? Кое мѣсто увеселитъ его? Кая прибыль раскуражитъ сердце его? Въ душѣ своей и въ сердцѣ своемъ вездѣ и всегда носитъ нещастіе. Взглянь и послушай нещаснаго раба! *Еже бо хотѣти, прилежитъ мнѣ, а еже дѣлати, не обрѣтаю...* Вотъ истинная плѣнь! *Всякъ сотрѣшаяй рабъ есть грѣху.*

БАСНЯ 27.

Пчела и шершень.

Скажи мнѣ, пчела: для чего ты столь глупа? Знаешъ, что трудовъ твоихъ плоды не столько для тебе самой, сколько для людей полезны, но тебѣ часто и вредятъ, принося вмѣсто награжденія смерть, однакъ не престаете дурачитись въ собираніи меда. Много у васъ головъ, но безмозгіе. Видно, что вы безъ толку влюбилися въ медъ. Ты высокій дуракъ, господинъ совѣтникъ, отвѣчала пчела. Медъ любитъ ѣсть и медвѣдь, а шершень тоже лукаво достаетъ. И мы бы могли воровски добывать, какъ иногда наша братья и дѣлаетъ, если бы мы только ѣсть любили. Но намъ несравненно большая забава собирать медъ, нежели кушать. Къ сему мы рожденны и не престанемъ, поколь умремъ. А безъ сего жить и въ изобиліи меда есть для насъ одна лютѣйшая смерть.

Сила. Шершень есть образъ людей, живущихъ хищеніемъ чуждаго и рожденныхъ на то одно, чтобъ ѣсть, пить и проч. А пчела есть гербъ мудраго человѣка, въ сродномъ дѣлѣ трудящагося. Многіи

Библиотека "Руниверс"

шершни безъ толку говорятъ: для чего сей, напримѣръ, студентъ научился, а ничего не имѣетъ? На что, де, учитись, если не имѣть изобилія?... Не разсуждая словъ Сираха: *веселіе сердца животъ человѣку* и не разумѣя, что сродное дѣло есть для него сладчайшее пиршество. Взгляньте на правленіе блаженныя натуры и научитеся. Спросите вашу борзую собаку: когда она веселѣе? Тогда отвѣчаетъ вамъ, когда гоню зайца. Когда вкуснѣе заецъ? Тогда, отвѣчаетъ охотникъ, когда гоняю. Взгляньте на сидящаго предъ вами кота. Когда онъ куражнѣе? Тогда, когда цѣлу ночь бродитъ или сидитъ возлѣ норохи, хотя уловивши и не ѣстъ мыши. Запри въ изобиліи пчелу: не умретъ ли съ тоски въ то время, когда можно ей лѣтать по цвѣтоноснымъ лугамъ? Что горестнѣе, какъ плавать въ изобиліи и смертно мучитись безъ сроднаго дѣла? Нѣтъ мучительнѣе, какъ болѣть мыслями, а болятъ мысли, лишаясь сроднаго дѣла. И нѣтъ радостнѣе, какъ жить по натурѣ. Сладокъ здѣсь трудъ тѣлестный, терпѣнье тѣла и самая смерть его тогда, когда душа, владычица его, сроднымъ услаждается дѣломъ. Или такъ жить, или должно умрѣть. Старикъ Катонъ чемъ мудръ и шасливъ? Не изобиліемъ, ни чиномъ, тѣмъ, что послѣдуетъ натурѣ, какъ видно въ Цицероновой книжечкѣ о старости. Сія одна есть премилосердная мати и премудрая путеводителница. Сія преблагая домостроителница несытому даруетъ много, а мало даетъ довольному малымъ. Но раскусить же должно, что значитъ жить по натурѣ? Не законъ скотскихъ удовъ и похотей нашихъ, но значитъ блаженное оное естество, называемое у богослововъ трисолнечное, всякой твари свою для нея часть и сродность вѣчно предписующее. О семъ-то естествѣ сказалъ древній Епікуръ слѣдующее: *благодареніе блаженной натурѣ за то, что нужное здѣлала нетруднымъ, а трудное ненужнымъ.* А понеже въ Богѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій, но все въ немъ и онъ во всемъ, для того сказуетъ Павелъ: *иже есть всяческая во всемъ...*

БАСНЯ 28.

Олениця и набанъ.

Въ полскихъ и венгерскихъ горахъ олениця, увидѣвъ домашняго кабана, желаю здравствовать, господинъ кабанъ, стала витаться, радуюся, что васъ... Что жъ ты, негодная подлость, столько неучтива, вскричалъ надувшись кабанъ? Почему ты меня называешъ кабаномъ? Развѣ не знаешъ, что я пожалованъ барономъ? Въ семъ имѣю патентъ, и что родъ мой происходитъ отъ самыхъ благородныхъ бобровъ, а вмѣсто епанчи для характера ношу въ публикѣ содраную съ овцы кожу. Прошу простить, ваше благородіе, сказала олениця: я не знала! Мы простыи судимъ не по убору и словамъ, но по дѣламъ. Вы такъ же

Библиотека "Руниверс"

какъ прежде, роете землю и ломаете плетень. Дай Богъ вамъ быть и конемъ.

Сила. Не можно довольно надивится глупцамъ, пренебрегшимъ и поправшимъ премного честнѣйшій и безцѣнный добродѣтели бисеръ на то одно, чтобъ продрался въ чинъ, со всѣмъ ему несродный. Кой имъ змій въ ухо нашепталъ, что имя и одежда преобразитъ ихъ въ бытіе, а не жизнь честная, достойная чина? Вотъ точныи граки Езоповы, одѣвающіеся въ чужое перья! Изъ таковыхъ сошитое жительство подобное судну, въ которомъ ѣхали моремъ одѣтыи по человѣчому обезьяны, а ни одна править не умѣла. Если кто просвѣщенное око имѣетъ, коликое множество видитъ сихъ ословъ, одѣтыхъ въ львиную кожу! А на что одѣты? На то, чтобъ волнѣе могли жить по рабскимъ своимъ прихотямъ, безпокоить людей и проламываться сквозь законовъ гражданскихъ заборы. А никто изъ достойныхъ чести на неучтивость скорѣе не сердится, какъ сіи обезьяны съ ослами и кабанами. Древняя еллинская пословица: *обезьяна обезьяною и въ золотомъ характерѣ*. Вспоминаетъ и Соломонъ о свиньи, съ золотымъ въ ноздряхъ ея колцомъ. (Прит. гл. 11 ст. 22). Знаю, что точно онъ сіе говоритъ о тлѣнныхъ и бренныхъ фигурахъ, въ коихъ погрязло и сокрылося колцо вѣчнаго царствія Божія, а только говорю, что можно приточить и къ тѣмъ, отъ коихъ оное взято для особливаго образованія въ библію. Добросердечныи и прозорливыи люде разными фигурами изображали дурную душу сихъ, на одно только зло живыхъ и движимыхъ чучеловъ. Есть и въ Малороссіи пословица: *далеко свинья отъ коня*.

БАСНЯ 29.

Отаруха и горшечникъ.

Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгалися. А что за сей хорошенькій..? За того возму хоть 3 полушки, отвѣчалъ горшечникъ. А за того гнуснаго (вотъ онъ!) конечно полушка?.. За того ниже двохъ копѣекъ не возму... Что за чудо..? У насъ, бабко, сказалъ майстеръ, не глазами выбираютъ. Мы испытуемъ, чисто ли звонитъ. Баба, хотя была не подлаго вкуса, однакъ не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сіе знала да вздумать не могла.

Сила. Конечно, сія премудрая Ева есть прабабою всѣмъ тѣмъ востряками, которыи человѣка цѣнятъ по одеждѣ, по тѣлу, по деньгамъ, по угламъ, по имени, не по его житія плодамъ. Сіи правнуки, имѣя тотъ-же вкусъ, совершенно доказуютъ, что они суть плодъ отъ сей райской яблони. Чистое и, какъ римляне говорили, candidum (бѣлое) и не завистное сердце, милосердное, терпѣливое, куражное,

Библиотека "Руниверс"

прозорливое, воздержное, мирное, вѣрующее въ Бога и уповающее на Него во всемъ,—вотъ чистый звонъ и честная душы нашей цѣна! Воспоминаетъ и сосудъ избранный Павелъ о сосудахъ честныхъ и и безчестныхъ. (2 къ Тимоѳ. гл. 2 ст. 20 и къ рим. 9 ст. 21). *Утробы буяго яко сосудъ сокрушенъ и всякаго разума не удержитъ.* (Сірах. 21 ст. 17). Извѣстно, что въ царскихъ домахъ находятся фарфорные, сребряные и золотые урыналы, отъ которыхъ конечно честнѣе глиняная и деревяная посуда, пищею наполняемая, такъ какъ ветхій сельскій храмъ Божій почтеннѣе господскаго бархатомъ украшеннаго Афедрона. Изрядная великороссійская пословица сія: *не красна изба углами, красна пирогами.*

Довелось мнѣ въ Харьковѣ между премудрыми емблематами на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій: написанъ схожій на черепаху гадъ съ долговатымъ хвостомъ; средѣ черепа сіяетъ большая золотая звѣзда, украшая оной; посему онъ у Римлянъ назывался stellio, а звѣзда stella но подъ нимъ толкъ подписанъ слѣдующій: *sub luce lues*, сирѣчь, подъ сіяніемъ язва. Сюда принадлежитъ пословица, находящаясь въ Евангеліи: *гробы повапленныи.*

БАСНЯ 30.

Соловей, жаворонокъ и дроздъ.

Средѣ высокой степи стоялъ садъ, жилище соловьевъ и дроздовъ, Жаворонокъ, прилетѣвъ къ соловью, здраствуй, господинъ пѣвчей, сказалъ ему. Здравствуй и ты, господинъ соловей, отвѣчалъ ему пѣвчій. Для чего ты мене твоимъ именемъ называешъ, спросилъ жаворонокъ? А ты для чего мене называешъ пѣвчимъ..? Жаворонокъ. Я тебе не безъ причины назвалъ пѣвчимъ, твое имя у древнихъ еллиновъ было пѣвчій. Соловей. А твое имя у древнихъ римлянъ было alauda, сирѣчь славей, а славлю laudo. Жав. Если такъ, теперь начинаю тебе больше любить и прилетѣлъ просить твоей дружбы. Сол. О простакъ! Можно ли выпросить дружбы? Надобно родиться къ ней. [1]) Я часто пою сію мою пѣсеньку, наученъ отъ отца моего: ὅμοιον πρὸς ὅμοιον ἄγει Θεός. [2]) Жав. И мой батько сію пѣсеньку спѣваетъ. А жъ тебѣ какъ въ протчемъ такъ и въ семъ подобенъ, что ты поешъ Христа, всея твари Господа, а я Его жъ славлю и въ семъ вся наша забава. Сол. Хорошо, я совершенный твой другъ, если въ саду жить станешъ. Жав. А я искренный твой любитель, если въ степи жить станешъ. Сол. Ахъ! Не волоки мене въ степь: степь мнѣ смерть; какъ ты въ ней живешъ? Жав. Ахъ! Не волоки жъ мене въ садъ: садъ мнѣ смерть; какъ

---

[1]) Одинъ Богъ есть сѣятель дружбы.

[2]) Сирѣчь, подобнаго до подобн. ведетъ Богъ.

Библиотека "Руниверс"

ты въ немъ живешъ? Полно вамъ, братія, дурачиться, молвилъ, не далече сидя, дроздъ. Вижу, вы рождены къ дружбѣ, но не смыслите любить. Не ищи тое, что тебѣ нравно, но то, что другу полезно: тогда и я готовъ быть третьимъ вашимъ другомъ. Потомъ, всякъ своимъ пѣніемъ заспѣвавъ, утвердили въ Бозѣ вѣчную дружбу.

Сила. Сими тремя птичками образуется добрая дружба. Дружбы нельзя выпросить, ни купить, ни силою вырвать. Любимъ тѣхъ, коихъ любить родились такъ, какъ ядимъ то, что по природѣ, а у Бога для всякаго дыханія всяка пища добра, но не всѣмъ. И какъ нельзя коня съ медведемъ, а собаку съ волкомъ припрягти къ коляскѣ, такъ не можно, чтобъ не оторвалось ветхое сукно, пришитое къ свѣжому, а гнилая доска приклеена къ новой. Равное жъ несогласіе есть между двома разстоящихъ природъ человѣками, а самая вящшая несродность между злымъ и добрымъ сердцемъ. Жаворонокъ съ дроздомъ и соловьемъ дружить можетъ, а съ ястребомъ, нетопыремъ не можетъ. Если Богъ раздѣлилъ, тогда кто совокупитъ? Премудрая и предревняя есть сія пословица: ὅμοιον πρὸς ὅμοιον ἄγει Θεός; similem ad similem ducit Deus, *подобнаго до подобнаго ведетъ Богъ*. Одна только несносность жаворонку жить въ саду такъ, какъ соловью въ степи. Сіе у еллинъ именовалось Ἀντιπαθία [1]). А въ протчемъ во всемъ между ими равная сносность, Συμπάθεια [2]). Не должно же друга нудить къ тому, что тебе веселитъ, а его мучитъ. Многіи помянутой пословицѣ противурѣчатъ: должно де, и враговъ любить. Безспорно, но дружба такъ, какъ милостыня; многіи степени окружаютъ центръ престола ея. Всѣмъ доброжелателемъ быть можешъ, но не наперстникомъ. Иначе благодѣтельствуемъ домашнимъ и сродственникамъ, иначе прихожимъ и страннымъ. Богъ всѣмъ благодѣтель, но не для всѣхъ сіе Его слово: *«обрѣтохъ Давіда мужа по сердцу моему»*, а только для тѣхъ, кои, сердце свое въ божественную совсѣмъ преобразивъ волю, о всемъ благодаряще вѣруютъ, надѣются, люблятъ Его и слышатъ: *вы други мои есте...* (15. Іоан. Ев.) Щасливъ, кто хоть одну только тѣнь доброй дружбы нажить удостоился. Нѣтъ ничего дороже, слаже и полезнѣе ея. Великая Русь просвѣщенно поговариваетъ: *въ полѣ пшеница годомъ родится, а доброй человѣкъ всегда приходится. Гдѣ былъ? У друга. Что пилъ? Воду. Лучше непріятельскаю міоду.* Носится и въ Малороссіи пословица: *не имѣй ста рублей, какъ одного друга.* Но не достоинъ дружнія любви превозносящей что-либо выше дружбы и не положившіи оную остатнимъ краемъ и пристанищемъ всѣхъ своихъ дѣлъ и желаній. Соловей преславное свое имя уступаетъ самовольно другу. Сладка вода съ другомъ, славна съ нимъ

---

[1]) Разность или противострастіе.

[2]) Равносность или сострастіе.

Библиотека "Руниверс"

и безъименность. Катонъ сказалъ: пропалъ тотъ день, что безъ пользы пройшолъ; но Траянъ (чуть ли не Тітъ) яснѣе—о други! Погибъ мой день: никому я не услужилъ. Всякой власти, званію, чину, статью, ремеслу, наукамъ начало и конецъ дружба, основаніе, союзъ и вѣнецъ обществу. Она создала небо и землю, сохраняя міръ міровъ въ красотѣ, чинѣ и мирѣ. *Богъ любви есть*... А кто плѣнился ею, тотъ вышшій законовъ гражданскихъ самимъ управляется Богомъ. *Всякъ, иже въ немъ пребываетъ, не согрѣшаетъ.* 1. Іоан. гл. 3 ст. 7. *Праведнику законъ не положенъ, но беззаконнымъ*... 1 къ Тімоѳ. гл. 1 ст. 9.

Не надобно приводить трубами воду туда, гдѣ отрыгаетъ чистѣйшее питіе самъ источникъ, всѣхъ поточковъ отецъ и глава. *Своему Господеви стоитъ или падаетъ*... къ римл. 14. Къ сей главѣ насъ возводить есть должность богословіи, одной изъ троихъ главнѣйшихъ наукъ, содержащихъ въ благоденствіи жительство. Сихъ однихъ учители именуются въ Европѣ Doctores. Единственнымъ ихъ предметомъ есть человѣкъ. Медицина врачуетъ тѣло; юріспруденціа страхомъ приводитъ каждаго къ должности, а богословія изъ рабовъ дѣлаетъ сынами и другами Божіими, вливая въ сердце ихъ охоту свободную къ тому, къ чему гражданскіе законы силою волокутъ. *Уже нѣси рабъ, но сынъ*... къ гал. 4. Чемь множая таковыхъ въ жительствѣ, тѣмъ оно щасливѣе, и не напрасно есть пословица: доброе братство лучше богатства. А что сказано о дружбѣ, тое жъ разумѣется и о статьи. Какъ къ той, такъ и къ сему вождъ вѣрный есть прырода; щасливъ же послѣдуяй ему. Впротчемъ какъ помянутыи птички образуютъ вѣрнаго, избраннаго по природѣ, сирѣчь, по Бозѣ друга, такъ другъ есть фигурою и образомъ священныя библіи. Взглянь на гл. 6 ст. 14 Сіраха. Читай ихъ подалѣе и понимай, что Христосъ есть всѣхъ тѣхъ словъ цѣль. Онъ есть премудрость Божія, глаголющая къ намъ: *вы други мой есте... се мати моя и братія*... Марк. гл. 3. А какъ творящіи волю Божію суть мати и братія Христовы, такъ взаимно имъ библіа. Взглянь на конецъ 14 гл. и на начало 15 Сіраха. Точно о бібліи: *срящетъ ею яко мати*... Скажи мнѣ, что есть другъ? Слуга и доброжелатель. Кая жъ лучшая услуга, какъ привесть къ вѣдѣнію Божію? Все есть ложь, сирѣчь, непостоянное и не твердое, кромѣ Бога. Но бібліа учитъ о Бозѣ: *Азъ на сіе родихся... да свидѣтельствую истину* гл. 18; *слово твое истина есть*, гл. 17. Іоан. Вся наша жизнь въ руцѣ Божіей, сіе значитъ, врожденное намъ предписаніе пищи, статья, дружбы... Самое маленькое дѣло безъ его руководства есть неудачное. *Безъ мене не можете*... Кто знаетъ Бога, тотъ знаетъ планъ и путь житія своего. Что есть житіе? Есть всѣхъ дѣлъ и движеній твоихъ снопъ. Видишъ, что познавшій Бога все свое разумѣетъ. Вотъ для чего сказано: *другъ вѣренъ, кровъ (покровъ) крѣпокъ*... Ни чего

Библиотека "Руниверс"

насъ бібліа не учитъ, кромѣ Богознанія, но симъ самимъ всего учитъ. И какъ имѣющій очи все видитъ, такъ чувствующій Бога все разумѣетъ и все имѣетъ, все, что для себе. А если черепаха крилъ не имѣетъ, какая нужда? Они для птицы нужны. Не въ томъ совершенная премудрость, чтобъ весь міръ перезнать. Кто можетъ сіе? А невозможное и ненужное есть тоже. Но если все знаешъ, что для тебе надобное, сіе значитъ совершенною мудрость. Пересмотрѣвъ всѣ планеты и пріобрѣвъ всѣ міры, не имѣя и не зная тое, что для тебе, и скуденъ, и не знатокъ и не веселъ еси, такъ какъ перевѣдавъ всѣ дороги, но не увѣдавъ твою, ничево и не знаешъ, и не имѣешъ, и не кураженъ. Да и какъ быть можешъ кураженъ, лишенъ для тебе нужнаго? Какъ имѣть станешъ не сыскавъ? А какъ сыщешъ неузнавъ? Какъ же узнаешъ, лишенъ сладчайшаго и всевожделѣннѣйшаго твоего руководителя, свѣта Божія? Старинная пословица: охота пуще неволи. Злая охота побуждаетъ злодѣя къ ужаснымъ предпріятіямъ. Но не менѣе сильна и святая охота. Охота, любовъ, огнь, свѣтъ, пламень, ражженіе есть тоже. *Богъ любви есть*... Сія распалила и устремила Апостолскіи, пророческіи и мученическіи сердца на лютыи страданія, а пустынниковъ и постниковъ къ горчайшимъ подвигамъ ражжегла и оживляла ихъ. О семъ просвѣщающемъ и распаляющемъ, но не опаляющемъ огнѣ Соломонъ въ Пѣсн. Пѣсн.: *крѣпка яко смерть любы, жестока яко адъ ревность, крила ея—крила огня, угліе огненно—пламы ея.* гл. 8. Сей божественный куражъ просвѣщалъ тму ихъ, согрѣвалъ отчаяніе, прохлаждалъ зной, услаждалъ горести, а безъ сего всякое щастіе есть нещасное. И такъ, бібліа есть нашъ верховнѣйшій другъ и ближній, приводя насъ къ тому, что есть единое дражайшее и любезнѣйшее. Она есть для насъ предками нашими оставленный завѣтъ, хранящій сокровище боговѣдѣнія. Боговѣдѣніе, вѣра, страхъ Божій, премудрость есть тоже. Сія одна есть истинная премудрость. Сія други Божія и пророки устрояетъ (Премудр. Соломонъ 4-й) *Сію возлюбихъ и поискахъ отъ юности моея; сія благолѣпнѣе солнца проницающая аки утро, добра яко луна, избранна яко солнце. Труды ея суть добродѣтели: цѣломудрію бо и разуму учитъ, правдѣ и мужеству, ихже потребнѣе ни чтоже есть въ житіи человѣкомъ. Пѣсн. Пѣсн. и премудр. Соломон. гл. 7. и гл. 8.*

Библиотека "Руниверс"

Вступительныя проповѣди въ курсъ лекцій „О христіанскомъ добронравіи“.

I.

Убуждшеся видѣша славу Его.

Весь міръ спитъ да еще не такъ спитъ, какъ о праведникѣ сказанно: «*аще падетъ, не разбіется*»... Спитъ, глубоко протянувшись, будто ушыбенъ объ нея. А наставникы, пасущыи Израиля, не толко не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ: «спи, не бойся, мѣсто хорошее, чего опасаться? Глаголюще миръ—и нѣсть мира. Блаженный Петръ съ товарищами своими! Господь самъ пробуживаетъ ихъ: гдѣ вы почиваете? Встаньте, говоритъ, тогда уже не бойтеся. Колотитъ сихъ погребенныхъ и Павелъ: встань, де, мертвецъ, и воскресни отъ мертвыхъ... потомъ ты землею будешь и не преобразишься отъ нея во Христа, пока не увидишь свѣтлаго небеснаго человѣка; и о семъ-то рѣчь будетъ. *Убуждшеся видѣша славу*...

Ѳамаръ, невѣстка Іуды, сына Іаковля, показалась ему блудницею. Не позналъ ея затѣмъ, что закрыла лице свое, но по справкѣ узналъ и сказалъ: оправдася, Ѳамаръ, паче мене. Такимъ же образомъ и сыны Изралевы не могли смотрѣть на блистающее славою лице Моисея, человѣка Божія. А на что-жь они смотрѣли? На покрывало только одно, затемняющее лице. Какой-же ты Израиль? Обрѣзанъ ты по тѣлу, да не обрѣзанъ по смыслу. Тма твоимъ очамъ сносна, а на истинну смотрѣть не терпишь, лежишь на землѣ, качаешься съ сею твоею блудницею и доволствуешься, отвращая око твое отъ отца твоего, ругающоеся отцу и досаждающое старости матерней, какъ говоритъ Соломонъ; а не видно-птенцовъ орлыхъ, чтобъ выклевали тебѣ тое. Такъ и нынѣшняя подлость христіанская, и такымъ точно окомъ смотритъ на своего вождя

Библиотека "Руниверс"

Христа. Гдѣ онъ родился? Отъ коихъ родителей? Сколко жилъ на свѣтѣ? Какъ давно, двѣ-ли уже тысячы лѣтъ или не будетъ?... О христіанине! Окрещенъ ты по плоти да не омытъ по смыслу. Зачѣмъ ты вперилъ твое любопытство въ этіи пліоткы? Для чего вышше не поднимаешься? Здѣсь думаешь и заснуть, тутъ шалашъ построить съ Петромъ, не вѣдый еже глаголаше. Не слышишь-ли, что такое и твой Моисей говоритъ: *покры срамота лице мое—вотъ для чего не могутъ мене братья мое видѣть. Чуждъ бых сыновомъ матере моея.* До сихъ поръ-ли ты не смышлишь, что это все плоть и ничто, и тѣнь, покрывающая высочайшую премудрости гору? И сія завѣса должна въ свое время вся раздратись.... Вотъ лицемѣріе, лице небесе разсуждающое! Родъ лукавый и прелюбодѣйной, плотскаго знаменія ищущый! Вотъ кваснины ученія фарисейскаго! Но послушаймо, какъ учитъ Христосъ наединѣ любезныхъ учениковъ, какъ познавать, что есть истинный человѣкъ, то есть Сынъ Человѣчь, или Христосъ—все одно. Кого мя глаголютъ.... Слушай, Петре, какъ подлость думаетъ, что есть человѣкъ? Знаю, что они ошыбаются. А ты какъ думаешь? *Ты еси сынъ Бога живаго.* Хорошо Петръ, попалъ, видно, что онъ сквозь пустую плоти занавѣсу проницалъ. Для того-жь ему и истинный человѣческій сынъ говоритъ: блаженъ еси, Симоне, съ твоимъ окомъ; оно не смотритъ на плоть и кровь, какъ подлое понятіе, но, минуя плоть и кровь, находитъ другой родъ, родъ истинный, родъ Израилскый, родъ Отца Моего, иже не отъ похоти.... Слушай, христіанине, съ твоимъ языческымъ сердцемъ! Долго-ль тебѣ лежать на земли? Будешь-ли ты когда нибудь человѣкомъ? Не будешь для чего? Для того, что на плотскую занавѣсу засмотрѣлся, а на лице истиннаго Божіего человѣка смотрѣть никакъ твоему оку нетерпѣливно. Не преобразишься ты изъ земнаго въ небеснаго потоль, поколь не увидишь Христа, потоль, поколь не узнаешь, что есть истинный человѣкъ. А что-жь есть истинный человѣкъ? Не продерешь глазъ потоль, поколь плоть и кровь твое сердце держать будетъ. Но долго-ль будетъ держаться? Поколь не признаешься, что твоя плоть и кровь ничто. Твое собственное сюда завело тебе мнѣніе: отъ славы своей низрыновенны быша, лишенны славы Божія... Научились мы братью нашу судить по плоти: такъ и на Христа смотримъ, одни только пустоши на немъ примѣчая, не на самаго его, ни на славу его смотря. Правда, что Павелъ говоритъ: преобразитъ тѣло смиренія нашего, во еже быти ему сообразну тѣлу плоти его. Не спорю, но такъ-ли ты смотришь на Христа, какъ Павелъ? Онъ хвалится: *не вѣмъ по плоти Христа.... вѣмъ (де) человѣка, прошедшаго небеса..., созданаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины.* Сего-то онъ человѣка для Ефесіанъ похваляетъ. Истинною не бывала плоть никогда: плоть и ложь все одно, и любящій сего

Библиотека "Руниверс"

идола самъ таковъ-же, а когда ложь и пустошъ, то и не человѣкъ. Слыхалъ ты книгу родства истиннаго человѣка, сына Давидова, с[ына] Авр[аамля]? Іяковъ роди Іуду, Іуда ради Фареса отъ Θаиары и прочая. Знай-же, что сія книга вѣчная, книга Божія, книга небесная и не содержитъ она никого кромѣ Изралскаго рода: *не соберу соборовъ ихъ отъ кровей...* Сего-то рода и нашъ Христосъ. А что родъ Израильскій не умираетъ, слушай Іоиля: *яко же утро разліются по горамъ людіе мнози и крѣпцы; подобны имъ не быша отъ вѣка и по нихъ не приложится до лѣтъ въ родъ и родъ.* Если-бъ можно до ихъ лѣтъ, что ни есть приложить, имѣли-бъ они конецъ; но теперь они всему на всему сами суть концемъ; не конецъ то, послѣ чего нѣчто еще слѣдуетъ, но сей родъ самъ всему концемъ. Остатокъ не въ языкахъ: остатокъ Израилевъ есть и одинъ остатокъ спасается, а прочое все мимо течетъ: *уничижатся языцы, яко вода, мимо текущая...* А что Іоиль точно о родѣ Израилскомъ сіе говоритъ, слушай Моисея, человѣка Божія, Христу сроднаго, съ Христомъ бесѣдующаго: *блаженъ еси, Израилю, кто подобенъ тебѣ, роде спасаемый отъ Господа? Защититъ помощникъ твой, и мечъ хвала твоя, и солжутъ* (то-есть ошыбутся и не узнаютъ) *тебѣ врази твои и ты на выю ихъ наступиши.* Видишь, что судящій Израиля по плоти, зрящый на одну внѣшность смиренія Христова *(во смиреніи его судъ его взятся...)* есть врагъ Христовъ изъ числа тѣхъ, коихъ Павелъ называетъ врагами Креста Христова, а въ Моисеевыхъ словахъ мечемъ наименованнаго, который у Іереміи всю плоть опустошаетъ.

Продеримо-жь, о мертвая тѣнь, глаза наши и заобыкшое къ плотской тмѣ око наше принаравливаймо, возводя потихоньку въ гору смотрѣть на Израиля, на истиннаго человѣка, минуя плоти покрывало. Вотъ насъ спящыхъ на земли пробуживаетъ Павелъ: *вышныхъ ищите, горняя мудрствуйте! почто о стихіахъ стязаетесь? Еіда-же Христосъ явится, животъ вашъ, истинный живый человѣкъ и вы явитеся въ славѣ.* Пробуживаетъ Іеремія вотъ какъ: *почто мы сидимъ? Совокупитеся и внидемъ во грады тверды и повержемся тамо...* (а тутъ) *ждахомъ мира и не бяху блага...* О истинный, нетлѣнный Израилскій Боже, блесни свѣтомъ твоимъ на насъ столко, сколко можетъ по крайней мѣрѣ око наше стерпѣть, да, пошовъ воспѣть лица твоего и нечувствительно въ новое преображаясь, достигнемъ во всерадостное и самаго послѣдняго волоса нашего воскресеніе. Тебѣ слава съ твоимъ Человѣкомъ и святымъ Духомъ, Аминь.

Библиотека "Руниверс"

2-я вступительная проповѣдь въ тотъ-же курсъ.

II.

Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ! Любезныи ученикы, не бойтеся, поднимайтесь дерзновенно къ тому, на котораго лице не могли вы за ужасомъ смотрѣть на Ѳаворѣ. Слушайте, что говоритъ! Дерзайте! Миръ вамъ! Тогда несносенъ самой взоръ вамъ былъ; а теперь и словъ сладчайшыхъ его послушаете, и лобзаніемъ утвердитъ дружбу съ вами вѣчную. Умѣйте только приближаться къ нему. Не забывайте никогда наставляющаго васъ просвѣщеннаго Ангела словъ: нѣсть здѣ воста! Сіи слова простесенько васъ доведутъ къ славному истинному человѣку. Сей есть воскресеніе и животъ вашъ.

Состарѣлся Авраамовъ сынъ; захотѣлось ему умереть, да и не дивно: уже его очи притупились; ничего не могъ видѣть здѣ въ мірѣ нашемъ. Приготовливаясь къ смерти, пожелалъ пищы. Удовлетворилъ душѣ его вторый сынъ его. Благодарствую сынъ! Приближися ко мнѣ, говоритъ, и облобызай мя. И приближився, лобыза его. Щастливъ Ісаакъ! Онъ подъ Исавомъ нашелъ Іакова. А мы напротивъ того подъ пеленами Ізраилского младенца, подъ плащеницею Хрістовою часто находимъ непріятеля Ізраилева Исава. Сей съ нами витается и лобзается. Не смыслимъ, какъ искать. Многыи ищутъ его въ единоначалствіяхъ Кесаря Августа, во временахъ Тиверіевыхъ, во владѣніяхъ Пилатовыхъ и прочая... Поищи поискуснѣе: нѣсть здѣ! Многыи волочатся по Іерусалимахъ, по Іорданахъ, по Виѳлеемахъ, по Кармилахъ, по Ѳаворахъ; нюхаютъ между Эвфратами и Тиграми; тутъ-то Онъ, конечно, думаютъ; вотъ! вотъ! Здѣ Христосъ! кричатъ и другимъ: здѣ Хрістосъ! Знаю, кричитъ Ангелъ, Іисуса распятаго ищите. Нѣсть здѣ, нѣсть! Многыи ищутъ его во высокыхъ мірскыхъ честяхъ, во великолѣпныхъ домахъ, во церемоніалныхъ столахъ и прочая... Многыи ищутъ зѣвая по всеголубомъ звѣздо-носномъ сводѣ, по солнцу, по лунѣ, по всѣмъ Коперниковымъ мірамъ... Нѣсть здѣ! Ищутъ въ долгыхъ моленіяхъ, въ постахъ, въ священничыхъ обрядахъ... ищутъ въ деньгахъ, въ столѣтномъ здоровьѣ, въ плотскомъ воскресеніи... Нѣсть здѣ! Да гдѣ-жъ онъ? Конечно-жъ тутъ онъ,

Библиотека "Руниверс"

если вѣтійствовать въ проповѣдяхъ, знать пророческыи тайны, преставлять горы, воскрешать мертвыхъ, раздать имѣніе, мучить свое тѣло... Но молніе-видный Ангелъ одно имъ кричитъ: нѣсть здѣ! Конечно-жъ его нѣтъ. Такъ конечно нѣтъ его для тебе, затѣмъ, что его не знаешъ и не видишъ его. Что-жъ теперь осталось дѣлать? Пасха! востани, Господи! И да разсыплются врази твои! и да бѣжатъ вси ненавидящыи тебе! Поднимайся, возлюбленный Израилю, и ступай отъ сили въ силу!

Послѣ побѣды Аморрейской поднялись сыны Ізраилскыи противъ запада. Не мило стало то царю Валаву. Вотъ, говоритъ, какыи-сь еще новыи и дивныи люде изъ Египта вышли и, по горамъ разливаясь, вышше ихъ поднялись. Что за чудо? Посылаетъ пословъ къ волшебнику Валааму, чтобъ родъ Божій истребить. Пришли послы, объявили цареву волю. Хорошо, сказалъ Валаамъ; препочійте-жъ здѣ ночь сію. Не напрасно не велитъ тебѣ Ангелъ искать здѣ; видишь, что тутъ почиваютъ непріятели рода Божія. Пасха! Пришли къ Моисею потомкы Рувимовы и Гадовы. Просятъ, чтобъ онъ ихъ не переводилъ на ту сторону Іордана для поселенія: весма (де) по сію сторону земля скотопитательна; а у насъ скотъ. Закричалъ на нихъ Моисей: братія ваша пойдутъ на брань, и вы ли сядете ту? И вскую развращаете сердце сыновъ Ізраилевыхъ, не переишли чтобъ они на землю, юже даетъ Господь имъ. За сіе что они хотѣли остатись здѣ, такъ разъярился Господь, что заклялся если они внійдутъ въ землю, обѣщанную Ізраилю, кромѣ Халева да Іисуса Навина, называя здѣ остающихся людьми вѣдущими добро и зло, каковъ знать былъ Адамъ, изганяемый изъ рая. Вотъ что надѣлало «здѣ»! Пасха! Если введетъ тебе, говоритъ Божій Моисей, Господь твой въ находящуюсь тамъ за Іорданомъ за путемъ западнымъ землю, которая совсѣмъ разнится отъ Египетской, потому что она нагорная и равная, а что еще лучше всего, очи Господа Бога твоего на ней отъ начала лѣта и до конца лѣта, то пожалуй! Пожалуй, пагубою погубиши все языческое и тлѣнное, даже до послѣдняго волоса, кромѣ начатковъ и первенцовъ воловъ и овецъ вашихъ; «*да не сотворите* (говоритъ) *тамо всѣхъ, елика вы творите здѣ днесь, кійждо угодное предъ собою. Не пріидосте бо до нынѣ въ покой*»... Такъ, пожалуй-же, послушай Моисея: не ищи здѣ въ пагубномъ языческомъ тлѣніи возлюбленнаго человѣка, истиннаго мужа, друга, брата и ближняго твоего. Ищи его тамъ; по ту сторону Іордана, за западнымъ, за вечернымъ путемъ; не здѣ, тамъ онъ, сей начатокъ умершымъ и всему тлѣнію, аиначе облобызается съ какимъ язычникомъ. Пасха! Безумный Сомнасъ (книгочій) искалъ человѣка по сю сторону Іордана. Что-жъ ему Ангелъ Господень Исаія говоритъ? вотъ что: что ты здѣ? И что

Библиотека "Руниверс"

тебѣ здѣ? Яко истесалъ еси здѣ гробъ и сотворилъ еси себѣ на высоцѣ гробъ.... Се нынѣ Господь Саваоѳъ извержетъ и сотретъ мужа, и отиметъ утварь твою, и вѣнецъ твой славный, и повержетъ тя въ страну велику и безмѣрну, и тамо умреши.... Нещасный книжникъ! Читалъ пророковъ и искалъ человѣка; да попалъ на мертвеца, и самъ съ нимъ пропалъ. Конечно-жъ онъ искалъ межъ посланниками Валака царя, на сѣдалищѣ губителей. По сему-то вотъ что на таковыхъ говоритъ блаженный мужъ Іовъ: *глаголютъ Господеви—отступи отъ насъ; путей твоихъ вѣдѣти не хощемъ...* Будутъ-же яко плевы предъ вѣтромъ или якоже прахъ..... Да узрятъ очи его свое убіеніе... И той во гробъ отнесенъ бысть и на гробищахъ побдѣ. Усладися ему дробное каменіе потока. Кричитъ на таковыхъ и другой Ангелъ Михей (гл. II ст. 10): *востани и пойди, яко нѣсть тебѣ здѣ покой, нечистоты ради;* истлѣете тлѣніемъ. Видишь ли ты, говоритъ къ третьему Ангелу Іезекіилю Господь, видѣлъ-ли еси, что сіи творятъ? Беззаконія велика домъ Ізраилевъ творитъ здѣ, еже удалятися отъ святынь моихъ. О беззаконное «здѣ!» Чего ты надѣлало? Отвело ты насъ отъ живого человѣка. Беззаконіе, говоритъ онъ, пяты моея обійде мя. Подало ты намъ пяту его; а не главу его, да облобызаетъ насъ. Пяту мы одну видимъ, порожденіе зміино. Вселятся, говоритъ. Человѣкъ, и скрыютъ.... Да скажи-жъ, кто тебѣ скрыетъ, сокровище наше? Ахъ! развѣ ты, отвѣчаетъ, не видишь, сколько ихъ въ дому Ізраилевомъ, въ священномъ писаніи и что они творятъ? Сами здѣ во гробахъ сидятъ, и мене туда-жь отаскиваютъ; а я никогда мертвецомъ не бывалъ, кромѣ пяты моей. Мнози борющіи мя съ высоты.... Попраша мя врази мои.... тіи пяту мою сохранятъ.... вселятся (здѣ) и скрыютъ воскресеніе мое. Пасха! Востани, востани, Іерусалиме! Азъ есмъ, азъ есмъ, утѣшаяй тя. Разумѣй, кто то (есть) Сый?... Идите враты моими, и путь сотворите людемъ моимъ, и каменіе, еже на пути, размещите.... И се трусъ бысть велый, Ангелъ бо Господень, сшедъ съ небесе, приступль, отвали камень.... Зачѣмъ вы тутъ ищете человѣка? Нѣсть здѣ! Воста! Скажи-жъ, умилосердися, гдѣ онъ? Нѣтъ его въ царствѣ сихъ мертвецъ: Онъ всегда живъ; тамъ его ищите. И нынѣ что здѣ есте? Пасха! Востани, востани, воскресни Іер!... И бысть, егда бяше Іисусъ у Іерихона и воззрѣвъ очима своима, видѣ человѣка стояща предъ нимъ... Вотъ видишь, не напрасно Ангелъ говоритъ: тамо его узрите. Да гдѣ-жь тамо? По ту сторону (слышь) Іордана, на святомъ уже мѣстѣ, не на тлѣнномъ, на землѣ нагорной высокой. Туда-то онъ воззрѣвъ, увидѣлъ человѣка, позналъ и поклонился ему, владыкѣ своему. Пасха! Востани, востани Сіоне.... истряси прахъ.... возрѣвъ Авраамъ очима своима, видѣ мѣсто издалече и рече отрокамъ своимъ: сѣдите здѣ со ослятемъ; азъ же и отрочищъ пой-

Библиотека "Руниверс"

демъ до-ондѣ.... Видишъ, что и Авраамъ, бросивъ все здѣшное, нашелъ истиннаго человѣка на горѣ, видѣвъ день его, возрадовася. Нельзя имѣть очей лучшихъ какъ Авраамовы. Они одни видятъ овна держимаго рогами въ садѣ Савекъ. Пасха! Савекъ значитъ хврастіе. Но можетъ-ли хврастіе стоять предъ лицемъ Господнымъ? Оно одно сожигается всесожженіемъ, яко ни что-же, а человѣкъ Исаакъ цѣлъ. Да и какъ ему не быть цѣлому, когда самъ Богъ защищаетъ его ниже да сотвориши ему что!... Видножъ, что онъ не хворостъ за плечима оставшыйся, о которомъ Исаія: *се вси яко хврастіе огнемъ погорятъ*... А о противныхъ симъ хворостякамъ людяхъ вотъ что тотъ-же говоритъ: *яко-же небо ново и земля нова, яже Азъ творю, пребываютъ предо мною; тако станетъ сѣмя ваше и имя ваше*.... Сего-жь то человѣка и Навинъ видѣлъ стояща, не падающа, но вѣчно предъ лицемъ Господнымъ пребывающа. Пасха! Востани, востани, Іер.... Далъ Господь чудодѣйственный жезлъ Моисею, посылаетъ его на освобожденіе братіи своей изъ Египта; велитъ Аарону встрѣтить Моисея. Гдѣ-жъ онъ стрѣчаетъ? И иде, и срѣте его въ горѣ Божіи, и цѣловастася оба. По освобожденіи изъ Египта братіи Ізраильской, желаетъ видѣть Моисея тесть его. Взялъ дочь свою, жену Моисееву съ двома сынами, поѣхалъ въ пустыню. Пріѣхалъ. Донесли Моисею. О роде благословенный Богомъ Вышнымъ! Прямо подрались на гору Харивъ. Изыде-же Моисей въ срѣтеніе тестю своему и поклонися ему, и цѣлова его, и привѣтствоваша другъ друга; и введе ихъ Моисей въ кущу. Пасха! Запрещаетъ наисрожайше Моисей, дабы мы, идучи отъ здѣ тамо, ничего изъ хворосту не заносили, называя все такое проклятіемъ, идоломъ и преткновеніемъ въ царскомъ семъ пути. *Вонми крѣпце, говоритъ, еже не ясти крови.... да не снѣси ю, да благо тебѣ будетъ и сыномъ твоимъ по тебѣ во вѣкы*... Однако-жь несмысленный и нынѣшный Ізраиль часто ропщетъ на Господа. И слыша Господь и разгнѣвася гнѣвомъ и разгорѣлся съ нихъ огнь.... Начали желать египетскыхъ мясъ: добро намъ, говорятъ, было въ Египтѣ.... Что вы се говорите? Развѣ у Господа кромѣ языческыхъ не сищется мясъ? И рече Господь къ Моисею: еда рука Господня не довольна будетъ? Нынѣ уразумѣеши, аще постигнетъ тя слово мое или ни. Часто и наша несмысленная косность въ сердцѣ говоритъ и ропщетъ на Господа. Фу! Можно-ль, что-бъ былъ человѣкъ безъ плоти, крови и костей! Фу! Что се? Что ты се плетешь? Кто твою землю трогаетъ? Пущай она такъ будетъ какъ есть. Дай только Господь тебѣ благословенное благоволеніе свое, какъ Ісаія говоритъ: *а земля твоя вкупѣ (съ новою) населится*. Гл. 62. Одно только то знай, что ты ложь и ничто съ одною твоею землею. Для того тамъ-же говорится: *нѣсть вамъ подобенъ, аще исправиши и сотвориши, Іерусалиме, радованіе на земли*. Ты

Библиотека "Руниверс"

только старайся, чтобъ изъ твоей ложной земли блеснула правда Божія. Молися, что-бъ постигъ тебе тотъ третый день, въ коемъ земля Богомъ износитъ быліе травное. Развѣ думаешь, что твоя только земля одна, а друга въ ней быть не можетъ? Такъ оставайся-жь здѣсь при твоей, кушай ея, если мнишь, что у Господа нѣтъ своей ни земли, ни плоти, ни крови, ни костей, ничего.... Не услышишь блаженнѣйшаго гласа: *се нынѣ кость отъ костей моихъ*... Востани, востани, Іер.., слушай ухомъ другымъ о другой плоти. Слышишь-ли: *и процвѣте плоть моя*. Слышишь-ли о другыхъ костяхъ.... *возрадуются кости смиренныя. Не утаися кость моя отъ тебе*... Слушай у приточника: *исцѣленіе костемъ*. Слушай Исаіи: *и кости твои прозябнутъ яко трава и разботѣютъ и наслѣдятъ роды родовъ*. Видишь, не тѣ се кости, что разсыпаются при адѣ: они предъ лицемъ Божіемъ суть и се то есть тамо!... *И бысть гласъ*, кричитъ Іезекіиль, *всегда ми пророчествовати, и се трусъ!* И совокупляхуся кости, кость къ кости, кояждо къ составу своему. И видѣхъ, и се быша имъ жилы и плоть растяше... Чти слѣдующее въ главѣ 37: *что се за новый родъ по горамъ твоимъ?* Слушай Іоиля: *яко же утро разліются по горамъ людіе мнози и крѣпцы; подобны имъ не быша отъ вѣка. Яко-же рай сладости земля предъ лицемъ его, а я же со зади* (та) *поле пагубы.... Яко-же видъ конскій видъ* ихъ.... *Яко же гласъ колесницъ на верхи горъ востекутъ*.... Яко же борцы потекутъ и яко же мужы храбры взыдутъ на ограды... и кійждо отъ брата своего не отступитъ. Града имутся, и на забрала востекутъ, и на храмины взлѣзутъ, и оконцами внидутъ, яко же татіе... Вострубите трубою.... проповѣдите цѣлбу.... Такъ пусти-жь ихъ на твою землю сей Божій родъ; пожалуй не опасайся. Они всякъ у своего брата займутъ квартеру половинную безъ всякой обиды. Духъ Господень на мнѣ.... дати плачущымъ славу Сіона на мѣсто пепела. Что жь се за обида и созиждутъ синове инородныи стѣны твоя... и на мѣсто мѣди принесу ти злато, и на мѣсто желѣза принесу ти сребро, и на мѣсто древесъ принесу ти мѣдь, и на мѣсто каменія—желѣзо. Отверзу гробы ваши и изведу васъ.... Сице землю свою вторицею наслѣдятъ и веселіе вѣчное надъ главою ихъ..... Свѣтися, свѣтися, Іер..... Се тма покрыетъ землю... на тебѣ явится Господь и слава Его на тебѣ узрится.

Библиотека "Руниверс"

НАЧАЛЬНАЯ ДВЕРЬ КО ХРИСТІАНСКОМУ ДОБРОНРАВІЮ,

Написана въ 1766 году для молодаго шляхетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году.

ПРЕДДВЕРІЕ.

Благодареніе блаженному Богу о томъ, что нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное не нужнымъ.

Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе, какъ счастіе; нѣтъ же ничего и легче сего. Благодареніе блаженному Богу!

Царствіе Божіе внутрь насъ. Счастіе въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго.

Сіе есть не престающее віодро и не заходящее солнце, тьму сердечныя бездны просвѣщающее.—Благодареніе блаженному Богу!

Что было бы тогда, есть ли бы счастіе, пренужнѣйшее и любезнѣйшее для всѣхъ, зависѣло отъ мѣста, отъ времяни, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, есть ли бы счастіе заключилъ Богъ въ Америкѣ или въ Канарскихъ островахъ, или въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?.. Тогда бы и счастіе наше и мы съ нимъ были бѣдны. Кто бъ могъ добраться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ коемъ то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и статьѣ?

Кое же то и счастіе, утвержденное на пескѣ плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времяни, на смертномъ человѣкѣ? Не сіе ли есть

Библиотека "Руниверс"

трудное? Ей, трудное и невозможное. Благодареніе блаженному Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ!

Нынѣ же желаешь ли быть счастливымъ? Не ищи счастья за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планетамъ, не влачись по дворцамъ, не ползай по шару земному, не броди по Іерусалиму... Златомъ можешь купить деревню, вещь трудную, яко обходимую, а счастіе, яко необходимая необходимость, туне вездѣ и всегда даруется. Воздухъ и солнце всегда съ тобою, везде и туне; все же то, что бѣжитъ отъ тебя прочь, знай, что оно чуждое и не почитай за твое; все то странное есть и лишнее. Что же тебѣ нужды? Тѣмъ то оно и трудное. Никогда бы оно отъ тебя не разлучилось, есть ли бы было необходимое.

Благодареніе блаженному Богу: счастіе не отъ небесъ, ни отъ земли не зависитъ.

Скажи съ Давидомъ: *что ми есть на небеси? и отъ тебе что восхотѣхъ на земли?*

Что же есть для тебя нужное? То, что самое легкое. А что же есть легкое? О! другъ мой! все трудное и тяжелое есть горькое и злое, и лживое. Однако, что есть легкое? То, другъ мой, что нужное. Что же есть нужное? Нужное есть только одно: *едино есть на потребу.*

Одно только для тебя есть нужное, одно же только и благое и легкое, а прочее все трудъ и болѣзнь.—Что же есть оное едино? Богъ. Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сѣчь, ломъ, крушь, стѣчь, вздоръ, и сплоть, и плоть и плетки и то, что любезно и потребно, есть едино, вездѣ и всегда. Но сіе едино все горстію своею и прахъ плоти твоея содержитъ. Благодареніе жъ блаженному Богу за то, что все насъ оставляетъ и все для насъ трудное кромѣ того, что потребно, любезно и едино.

Многія тѣлесныя необходимости ожидаютъ тебя и не тамъ счастіе, а для сердца твоего едино есть на потребу и тамо Богъ и счастіе. Не далече оно, близь есть, въ сердцѣ и въ душѣ твоей. Въ сей ковчегъ ведетъ и наша десятоглавная бесѣда, будто чрезъ десять дверей, а я желаю, дабы душа твоя, какъ Ноева голубица, не обрѣтши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу своему, къ Тому, Кто почиваетъ въ сердцѣ твоемъ, дабы собылося оное Ісаіино вѣщаніе: *будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родовъ и прозовешися здатель ограды, и стези твоя посреди упокоиши.* VIII. 12.

Сего желаетъ Григорій, сынъ Саввы Сковороды.

Твердь бесѣды:

Истина Господня пребываетъ во вѣки.
Во вѣкъ, Господи, слово Твое пребываетъ.

Библиотека "Руниверс"

Законъ Твой посредѣ чрева моего.
Слово плоть бысть и вселися въ ны.
Посреди васъ стоитъ, Его же не вѣсте.

ГЛАВА 1.

О Богѣ.

Весь міръ состоитъ изъ двухъ натуръ—одна видимая, а другая невидимая.

Видимая натура называется тварь, а невидимая Богъ.

Сія невидимая натура или Богъ всю тварь проницаетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ. Напр. тѣло человѣческое видно, но проницающій и содержащій оное умъ не видѣнъ.

По сей причинѣ у древнихъ Богъ назывался *умъ всемірный*. Емужъ у нихъ были различныя имена, напр. *натура, бытіе вещей, вѣчность, время, судьба, необходимость, фортуна*, и проч. А у христіанъ знатнѣйшія Ему имена суть слѣдующія: *Духъ, Господь, Царь, Отецъ, Умъ Истина*. Послѣдніе два имене кажутся свойственнѣе прочихъ, потому что умъ вовсе есть не веществень, а истина вѣчнымъ своимъ пребываніемъ совсѣмъ противна непостоянному веществу. Что касается до видимой натуры, то ей также не одно имя; напр. вещество или матерія, земля, плоть, тѣнь и проч.

ГЛАВА II.

О Вѣрѣ вселенной.

Какъ теперь мало кто разумѣетъ Бога, такъ неудивительно, что и у древнихъ часто публичною ошибкою почитали вещество за Бога, и за тѣмъ все свое богопочитаніе отдали въ посмѣяніе.

Однакоже въ томъ всѣ вѣки и народы всегда согласно вѣрили, что есть тайная нѣкая, по всему разлившаяся и всѣмъ владѣющая сила.

По сей причинѣ, для чести и памяти его, по всему шару земному, общенародно были всегда посвящаемы домы, да и теперь вездѣ все то же. И хотя, напр., подданный можетъ ошибкою почесть камердинера вмѣсто господина, однако жъ въ томъ никогда не споритъ, что есть надъ нимъ владѣлецъ, котораго онъ, можетъ статься, въ лицо не видывалъ.

Подданный его есть всякій народъ и равно каждый признаетъ предъ нимъ рабство свое. Такова вѣра есть обща и проста.

ГЛАВА III.

О промыслѣ общемъ.

Сія-то блаженнѣйшая натура или духъ, весь міръ, будто машинистова хитрость, часовую на башнѣ машину въ движеніи содержитъ

Библиотека "Руниверс"

и, по примѣру попечительнаго отца, самъ бытіемъ есть всякому созданію.

Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ или уставомъ зовется, опять въ грубую матерію, или грязь, обращаетъ; и мы то называемъ смертію.

По сей причинѣ разумная древность сравнивала его съ математикомъ или геометромъ, потому что непрестанно въ препорціяхъ или размѣрахъ упражняется, вылѣпливая по разнымъ фигурамъ, напр. травы, дерева, звѣрей и все прочее, а еврейскіе мудрецы уподобили его горшечнику. Сей Промыслъ есть общій, потому что касается до благосостоянія всѣхъ тварей.

ГЛАВА IV.

О промыслѣ особенномъ для человѣка.

Сей чистѣйшій, всемірный, всѣхъ вѣковъ и народовъ всеобщій умъ излилъ намъ, какъ источникъ, всѣ мудрости и художества, къ провожденію житія нужныя. Но ничѣмъ ему такъ не одолженъ всякій народъ какъ тѣмъ, что онъ далъ намъ самую высочайшую свою Премудрость, которая природный его есть портретъ и печать.

Она столько превосходитъ прочіе разумные духи или понятія, сколько наслѣдникъ лучше служителей.

Она весьма похожа на искуснѣйшую архитектурную симметрію или модель, которая, по всему матеріалу нечувствительно простираясь, дѣлаетъ весь составъ крѣпкимъ и спокойнымъ, всѣ прочіе приборы содержащимъ.

Такъ слово въ слово и она, по всѣмъ членамъ политическаго корпуса, изъ людей не изъ камней состоящаго, тайно разлившись, дѣлаетъ его твердымъ, мирнымъ и благополучнымъ.

Есть ли, напримѣръ, кая фамилія или городъ, или государство по сей моделѣ основано и учреждено, въ то время оно бываетъ раемъ, небомъ, домомъ Божіимъ и проч. А есть-ли кой одинъ какой человѣкъ созиждетъ по ней житіе свое, въ то время бываетъ въ немъ страхъ Божій, святыня, благочестіе и проч. И какъ въ тѣлѣ человѣческомъ одинъ умъ, однако разно, по разсужденію разныхъ частей, дѣйствуетъ, такъ и въ помянутыхъ сожительствахъ, сею Премудростію связанныхъ, Богъ чрезъ различные члены, различныя въ пользу общую производитъ дѣйства.

Она во всѣхъ нашихъ всякаго рода дѣлахъ и рѣчахъ душа, польза и краса, а безъ нея все мертво и гнусно... Родимся мы всѣ безъ нея, однако для нея. Кто къ ней природнѣе и охотнѣе, тотъ благороднѣе и острѣе, а чѣмъ большее кто съ нею имѣетъ участіе, тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительнѣйшее, но непонятное внутрь чувствуетъ блаженство или удовольствіе. Отъ нее одной зависитъ особенный ко созиданію рода человѣческаго промыслъ.

Она-то есть прекраснѣйшее лице Божее, которымъ онъ со временемъ, напечатуясь на душѣ нашей, дѣлаетъ насъ изъ дикихъ и безобразныхъ монстровъ или уродовъ человѣками, то есть, звѣрками къ содружеству и къ помянутымъ сожительствамъ годными, не злобивыми, воздержными, великодушными и справедливыми.

А есть ли уже она вселилась въ сердечныя человѣческія склонности, въ то время точно есть тоже самое, что въ движеніи часовой машины *темпо* (tempo), т. е. правильность и вѣрность. И тогда-то бываетъ въ душѣ непорочность и чистосердечіе, какъ бы райскій нѣкій духъ и вкусъ, плѣняющій къ дружелюбію.

Она различитъ насъ отъ звѣрей милосердіемъ и справедливостью, а отъ скотовъ воздержаніемъ и разумомъ; и не иное что есть, какъ блаженнѣйшій образъ Божій, тайно на сердцѣ написанный, сила и правило всѣхъ нашихъ движеній и дѣлъ.

Въ то время сердце наше дѣлается чистымъ источникомъ благодѣяній, несказанно душу веселящихъ; и тогда-то мы бываемъ истинными по душѣ и по тѣлу человѣками, подобны годнымъ для строенія четвероугольнымъ камнямъ, изъ каковыхъ живый Божій домъ составляется, въ которомъ Онъ особливою царствуетъ милостію.

Трудно неоцѣненное сіе сокровище проникнуть и примѣтить, а для одного сего любить и искать ея (премудрости) не легко.

Но сколько она снаружи не казиста и презрѣнна, столько внутрь важна и великолѣпна; похожа на маленькое, напримѣръ, смоквенное зерно, въ которомъ цѣлое древо съ плодами и листомъ закрылось, или на маленькій простой камушекъ, въ которомъ ужасный пожаръ затаился. Для оказалости намѣчали ее всегда признаками и она будто кой-то принцъ имѣла свои портреты, печати, и узлы, разные въ разныхъ вѣкахъ и народахъ.

Ея-то былъ узелъ, напр. змій, повѣшенный на колу предъ жидами.

Ея гербъ: голубь съ масличною во устахъ вѣтвію. Являлась она въ образѣ льва и агнца, а царскій жезлъ былъ ея жъ предметомъ, и проч.

Таилась она и подъ священными у нихъ обрядами, напр. подъ яденіемъ пасхи, подъ обрѣзаніемъ и проч. Закрывалась она, будто подъ разновиднымъ маскарадомъ, иподъ гражданскими исторіями, напр. подъ повѣстью о Исавѣ и Іаковѣ, о Саулѣ и Давидѣ и проч., и однимъ тайнымъ своимъ присутствіемъ сдѣлала тѣ книги мудрыми.

А въ послѣдовавшія уже времена показалась она во образѣ мужескомъ, сдѣлавшись Богочеловѣкомъ.

Библиотека "Руниверс"

Каковымъ же способомъ Божія сія Премудрость родилась отъ Отца безъ матери и отъ Дѣвы безъ отца, какъ Она воскресла и опять къ своему Отцу вознеслась и прочая, пожалуй не любопытствуй и имѣются и въ сей, такъ какъ и въ протчихъ наукахъ, тонкости, въ которыхъ однихъ можетъ себѣ занять мѣсто тая недѣйствительная вѣра, которую наз. умозрительною.

Поступай и здѣсь такъ, какъ на оперѣ, и довольствуйся тѣмъ, что глазамъ твоимъ представляется, а за ширмы и за хребетъ театра не заглядывай. Сдѣлана сія занавѣса нарочно для худородныхъ и склонныхъ къ любопытству сердецъ, потому что подлость, чѣмъ въ ближайшее знакомство входитъ, тѣмъ пуще къ великимъ дѣламъ и персонамъ учтивость свою теряетъ.

На что тебѣ спрашивать, напр., о воскресеніи мертвыхъ, есть ли и самый даръ воскрешать могти—ничто не пользуетъ бездѣльной душѣ, ни воскресающей, ни воскрешаемой? Отъ таковыхъ-то любопытниковъ породились расколы, суевѣрія, и прочія язвы, которыми вся Европа безпокоится.

Важнѣйшее дѣло Божіе есть: одну безпутную душу оживотворить Духомъ своихъ заповѣдей, нежели изъ небытія произвесть новый земный шаръ, населенный безаконниками.

Не тотъ вѣренъ государю, кто въ тайности его вникнуть старается, но тотъ, кто волю его усердно исполняетъ..

Вѣчная сія Премудрость Божія, во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, неумолкно продолжаетъ рѣчь свою, пока не иное что есть какъ повсемственнаго естества Божія невидимое лицо и живое слово, тайно ко всѣмъ намъ внутрь гремящее. Но не хотимъ слушать совѣтовъ ея, одни за лишеніемъ слуха, а самая большая часть по несчасному упрямству, отъ худаго зависящему воспитанія.

Прислушивалися нетлѣнному сему гласу премудрые люди, называемые у жидовъ пророками, и со глубочайшимъ опасеніемъ повелѣваемое исполняли.

Она начало и конецъ всѣхъ книгъ пророческихъ; отъ нея, чрезъ нее, и для нея все въ нихъ написано.

По сей причинѣ разныя себѣ имена получила. Она называется образъ Божій, слава, свѣтъ, слово, совѣтъ, воскрешеніе, животъ, путь, правда, миръ, оправданіе, благодать, истина, сила Божія, имя Божіе, воля Божія, камень вѣры, царство Божіе и проч. А самые первѣйшіе христіане именуютъ ее Христомъ, то есть Помазанникомъ-Царемъ, потому что одна она управляетъ къ вѣчному и временному счастію всѣ государства, всякія сожительства, и каждаго порознь. Да и кромѣ того у древнихъ *царственнымъ* называлось все, что верховнымъ и главнѣйшимъ почиталось.

Библиотека "Руниверс"

Провидѣлъ было Авраамъ блаженнѣйшій свѣтъ ея, и на ней увѣрившись, сдѣлался со всю фамилею справедливымъ, а съ подданными благополучнымъ; однако она и прежде Авраама всегда у своихъ любителей живала.

А Моисей, съ невидимаго сего образа Божія, будто планъ снявъ, начертилъ его просто и грубо самонужнѣйшими линіями и по нему основывалъ жидовское общество, сдѣлалъ оное благополучнымъ же и побѣдительнымъ. Онъ по тогдашнему написалъ ее на каменныхъ доскахъ и такъ сдѣлалъ, что невидимая Премудрость Божія, будто видимый и тлѣнный человѣкъ, чувственнымъ голосомъ ко всѣмъ намъ рѣчь свою имѣетъ.

Сія рѣчь, понеже отъ него раздѣлена на десять разсужденій или пунктовъ, потому названа *Десятословіемъ*.

ГЛАВА V.

О десятословіи.

I. Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене. Яснѣе сказать такъ:

Я глава твоего благополучія и свѣтъ разума. Берегись, чтобъ ты не основалъ житія твоего на иныхъ совѣтахъ, исскуствахъ и вымыслахъ, хотя бъ они изъ Ангельскихъ умовъ родились. Положись на меня крѣпко: есть ли жъ, меня минувъ, заложишь вѣкъ твой на иной премудрости, то она тебѣ будетъ и богомъ, но не истиннымъ; а посему и счастіе твое подобно будетъ воровской монетѣ.

II. Не сотвори тебѣ кумира, и проч. А какъ на подлыхъ камняхъ, такъ еще болѣе не велю тебѣ строиться на видимостяхъ. Всяка видимость есть плоть, а всяка плоть есть песокъ, хотя бъ она въ поднебесной родилась, все то *идолъ*, что видимое.

III. Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе.

Смотри-жъ во первыхъ: не впади въ ровъ безумія, будто въ свѣтѣ ничего нѣтъ, кромѣ видимостей, и будто имя сіе (Богъ) пустое есть. Въ сей то безднѣ живутъ клятвы ложныя, лицемѣріе, обманы, лукавства, измѣны и всѣ тайныхъ и явныхъ мерзостей страшилища. А вмѣсто того напиши на сердцѣ: что вездѣ, всегда присутствуетъ судъ Божій, готовъ на всякомъ мѣстѣ невидимо жечь и сѣчь невидимую твою часть, не косня ни точки, за всѣ дѣла, слова и мысли, въ которыхъ меня нѣтъ.

IV. Помни день субботный, и проч. Сіе ты повсюду и внутри тебѣ хранящееся Величество Божіе съ вѣрою и страхомъ въ день воскресный прославлять не забывай. А покланяйся не пустыми только церемоніями, но самымъ дѣломъ, сердечно Ему подражая. Его дѣло и вся забава въ томъ, чтобъ всеминутно промышлять о пользѣ всякой твари

Библиотека "Руниверс"

и отъ тебя больше ничего не требуетъ, кромѣ чистосердечнаго милосердія къ ближнимъ твоимъ.

А сіе весьма легко. Вѣрь только, что самъ себѣ десятью пользуешь, когда пользуешь другихъ и напротивъ того.

V. Чти отца твоего и проч.

Прежде всѣхъ почитай отца и мать и служи имъ; они суть видимые портреты того невидимаго Существа, которое тебя столько одолжаетъ.

А вотъ кто отецъ твой и мать: будь во первыхъ вѣренъ и усерденъ государю, послушенъ градоначальнику, учтивъ къ священнику, покоренъ родителямъ, благодаренъ учителямъ твоимъ и благодѣтелямъ. Вотъ истинный путь къ твоему вѣчному и временному благоденствію и къ утвержденію твоей фамиліи. Что же касается до прочихъ общества частей, берегись слѣдующаго:

VI. Не убей.

VII. Не прелюбодѣйствуй.

VIII. Не воруй.

IX. *Не свидѣтельствуй ложно или не клевещи.*

Осуждаемъ виннаго, а клевещемъ невиннаго. Сія есть страшнѣйшая злоба, и клеветникъ Еллински *діаволъ*. и проч.

X. Не пожелай жены искренняго твоего... Но понеже злое намѣреніе сѣменемъ есть злыхъ дѣлъ, которымъ числа нѣтъ, а сердце рабское не изчерпаемымъ есть источникомъ худыхъ намѣреній, для того по вѣкъ твой нельзя быть тебѣ честнымъ, естьли не попустишь, дабы Богъ вновь переродилъ сердце твое... Посвяти жъ оное нелицемѣрной любви. Въ то время вдругъ бездна въ тебѣ беззаконній заключится... Богъ, Божіе Слово, къ Его слову Любовь—все то одно.

Симъ троеличнымъ огнемъ разженное сердце никогда не согрѣшаетъ, потому что злыхъ сѣменъ или намѣреній имѣть не можетъ.

ГЛАВА VI.

О истинной вѣрѣ.

Есть ли-бъ человѣкъ могъ скоро понять неоцѣненную великаго сего совѣта Божія цѣну, то могъ бы его вдругъ принять и любить. Но понеже тѣлесное, грубое разсужденіе сему препятствуетъ, для того нужна ему вѣра. Она закрытое всѣмъ совѣтомъ блаженство, будто издали, въ зрительную просматриваетъ трубку, съ которою и представляется.

При ней необходимо должна быть надежда. Она слѣпо и насильно удерживаетъ сердце человѣческое при единородной сей истинѣ, не попущая волновать бурными постороннихъ мнѣній вѣтрами. По сей причинѣ представляется она въ видѣ женщины, держащія якорь.

Библиотека "Руниверс"

Сіи добродѣтели сердце человѣческое, будто надежный вѣтеръ корабль, приводятъ наконецъ въ гавань любви и ей поручаютъ.

Въ то время, по открытіи глазъ, тайно взываетъ въ душѣ Духъ Святый слѣдующее: *правда твоя правда во вѣки и законъ твой истина.*

ГЛАВА VII.

Благочестіе и церемонія—разнь.

Вся десятословія сила вмѣщается въ одномъ семъ имени: *любовь.* Она есть вѣчнымъ союзомъ между Богомъ и человѣкомъ.

Она огонь есть невидимый, которымъ сердце воспаляется къ Божію слову или волѣ, а посему и самъ Богъ именуется Любы. Сія Божественная любовь имѣетъ на себѣ внѣшніе виды или значки; они-то называются церемоніи, образъ или образъ благочестія.

И такъ, церемонія возлѣ благочестія есть то, что возлѣ плодовъ листъ, что на зернахъ шелуха, что при доброжелательствѣ комплименты.

Есть-ли-жъ сія маска лишена своей силы, въ то время остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ гробомъ разкрашеннымъ.

Все же то церемонія, что можетъ исправлять самый несчастный бездѣльникъ.

ГЛАВА VIII.

Законъ Божій и преданіе—разнь.

Законъ Божій пребываетъ во вѣки, а человѣческія преданія не вездѣ и не всегда.

Законъ Божій есть райское древо, а преданіе тѣнь.

Законъ Божій есть плодъ жизни, а преданіе листвіе.

Законъ Божій есть Божіе въ человѣкѣ сердце, а преданіе есть смоковный листъ, часто покрывающій ехидно. Дверь храма Божія есть законъ Божій, а преданіе есть придѣланный къ храму притворъ. Сколько преддверіе отъ алтаря и хвостъ отъ головы, столь далече отстоитъ преданіе отъ закона.

У насъ почти вездѣ несравненную сію равность сравнивали, забывъ законъ Божій и смѣшавъ съ грязью человѣческою во едино, даже до того, что человѣческія враки выше возносятся; на оные уповая, о любви не подумаютъ, да исполнится сіе: лицемѣры! За преданіе ваше разористе законъ; все же то есть преданіе, что ни Божій законъ.

ГЛАВА IX.

О страстяхъ или грѣхахъ.

Страсть есть моровой въ душѣ воздухъ. Она есть безпутное желаніе видимостей, а называется не чистый и мучительный духъ. Главнѣйшая всѣхъ есть зависть, мать прочихъ страстей и беззаконій.

Библиотека "Руниверс"

Она есть главнымъ центромъ оныя пропасти, гдѣ душа мучится. Ничто ее не краситъ и не пользуетъ. Не милъ ей свѣтъ, не люба благочинность, а вредъ толь сладокъ, что сама себя десять разъ съѣдаетъ.

Жаломъ адскаго сего дракона есть весь родъ грѣховъ, а вотъ фамилія его: ненависть, памятозлобіе, гордость, лесть, несытость, скука, раскаяніе, тоска, кручина, и прочій не усыпаемый въ душѣ червь.

ГЛАВА X.

О любви или чистосердечіи.

Противится сей безднѣ чистосердечіе. Оно есть спокойное въ душѣ дыханіе и вѣяніе Святаго Духа.

Оно подобно прекрасному саду, тихихъ вѣтровъ, сладкодышущихъ цвѣтовъ и утѣхи исполненному, въ которомъ процвѣтаетъ древо нетлѣнныя жизни.

А вотъ плоды его:

Доброжелательство, незлобіе, склонность, кротость, нелицемѣріе, благонадежность, безопасность, удовольствіе (куражъ), и прочія неотъемлемыя утѣшенія.

Кто такову душу имѣетъ, миръ на немъ, и милость и веселіе вѣчное надъ главою сего истиннаго христіанина. Аминь.

Библиотека "Руниверс"

Брань Архистратига Михаила со сатаною о семъ: легко быть благимъ.

Написанна въ 1783-мъ лѣтѣ.

Возлюбленный друже Михаиле!

Пріими отъ мене и сію книжечку въ даръ тебѣ, именемъ твоего же тезоименита печатлѣнную. Аще имя Михаилово пріялъ еси, пріими и сердце его, воспѣвая изъ книги царственныя пѣснь оную: *сердце мое твоимъ, твое же есть моимъ.* Въ то время, о Михаиле, сущій еси другъ хранителю твоему Михаилу, единосердечно восклицая: *кто, яко Богъ?* Я сію книжечку началъ въ Бурлукахъ, кончилъ въ Бабаяхъ. Не орю убо, ни сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что! *Всегда благословяще Господа, поемъ Воскресеніе Его.* Се моя дѣжа и надѣжа! Что-ли убо есть Воскресеніе? Воскресеніе есть вся земля Израилева, прямо сказать, весь библичный мырикъ, новая и древняя Ева. Въ сей землицѣ спаше Іяковъ съ покоемъ. Како же не съ покоемъ? Самый камень былъ ему вмѣсто подушки, самая жестость была ему мягкостію тамо, гдѣ по немъ Сампсонъ нашелъ соты. Ей глаголю! Обрѣтохъ и азъ. Тамо и самъ я покоюся, наслаждаюся, веселюся. Пою со Марономъ: Deus nobis haec otia fecit. Богъ намъ сіе празденство даровалъ. Паче же пою съ моимъ Давидомъ: *азъ уснухъ и спахъ и востахъ,* и съ моимъ Исаіею: *покой намъ далъ Богъ на горѣ сей.* Не знаю, что-то разумѣетъ Плутархъ чрезъ свою Надежду (нарицаемую у его) Піндар-

Библиотека "Руниверс"

скую. Онъ ее творитъ долицею старцамъ. Сіе-же вѣмъ воистину, яко старцы оныи Соломоновы, вѣнецъ хвалы, старость и протчая кормлятся, сосуще сосца двоихъ матерей и безневѣстныхъ невѣстъ праматери Евы и матери Маріамъ, яко же есть писанно: *сосаша медъ изъ каменя*, и *тамо дамъ тебѣ сосца моя*. Речеши, почто убо не всѣ въ сей земелькѣ наслаждаются, но алчутъ, ропщутъ и кленутъ ее. Отвѣтъ: того ради, яко сія земличка имѣетъ двѣ части—долнюю и горнюю, здѣшнюю и тамошнюю, прокляту и благословенну, бѣсовску и Господню, аки два сосца и два источники. *Изыйде Іяковъ отъ студа клятвеннаго*. Внялъ-ли еси? *И иде въ Харранъ*. Внялъ-ли еси? *И обрѣте мѣсто*. Внялъ-ли? *И спа тамо*. Внялъ-ли еси? Аще бы равная мѣста, не бы искалъ втораго и не шелъ бы отъ здѣ. Не всуе и Исаіа: *не точію, рече, въ землѣ сей, но на горѣ ея*. Тамо, речеши. Кто убо благую часть избираетъ? Отвѣтъ. Сего убо ради сія книжечка изводитъ на поднебесный позоръ два сердца—Ангелское и сатанское—борющаяся между собою. Сія два царства въ каждомъ человѣкѣ дѣютъ вѣчную борбу. Егда же чистое сердце одолѣло злобную бездну, тогда врата адова сокрушаются. Рѣшатся плѣнники, открывается путь на оную воскресшую изъ бездны гору: *кто взыйдетъ на гору Господню?* Кая же сласть и утѣха на горѣ той? Возвѣсти намъ, о Исаіе! *Покой дастъ Богъ на горѣ сей*. О довольно! Еще-ли что-то? *Испіютъ* (де) *вино. Испіютъ радость на горѣ сей*. О предовольно! *Помажутся* (де) *миромъ на горѣ сей*. О предовольно, довольно! Се гдѣ нашъ Іяковъ покоился! *И спа тамо*. Спа въ Харранѣ, во градѣ любви спа. *Тамо дамъ тебѣ сосца моя*. Видиши ли, возлюбленне Михаиле, се гдѣ покоится другъ твой! Старецъ Варсава Даніилъ Меін-гардъ. Аминь!

Іюня 19-го 1788-го года.

Главизна творенія:

Убіетъ дракона, сущаго въ мори.—Исаіа.

Како спаде денница! »

Кленущу нечестивому сатану, самъ кленетъ свою душу.—Сирахъ.

Дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ.—Петръ.

Борьба и пря о томъ: претрудно быть злымъ, легно быть благимъ.

Возлетѣвъ нетопырскими крылами сатана изъ преисподнихъ въ горняя, остановился на предѣлахъ атмосферы [1]). Узрѣвъ же нощ-

[1]) Атмосфера—слово еллинское, значитъ земнаго клуба, воздушну околичность, простерту дотолѣ, доколѣ восходятъ пары или атомы, яснѣе сказать, доколѣ облаки восходятъ, мѣщеніе перунамъ и молніямъ.

Библиотека "Руниверс"

нымъ окомъ лучезарный оный домъ—*премудрость созда себѣ домъ и утверди пирамидъ* [1]) *седмь*—адскимъ рыкомъ, аки громомъ, возревѣлъ такъ: къ чему сей домъ сотворенъ? На сей трусъ буренъ сребровидными, со златымъ междораміемъ, крылами, аки орелъ на ловъ, низпущаясь Михаилъ возопилъ: о враже Божій! почто ты здѣ? И что тебѣ здѣ? Древле отрыгнулъ еси предо мною хулу на Мойсеево тѣло [2]). Нынѣ той же ядъ изблеваешь на домъ Божій. Кто, яко Богъ? И что добро и толь красно яко домъ Его? Да запретитъ тебѣ Господь мой, ему же предстою днесь:..

Сатана. Не подобаетъ небесныхъ воинствъ Архистратигу [3]) быть сварливу, но тиху, кротку и...

Михаилъ. О змій! Умягчилъ еси словеса твоя паче елея и та суть стрѣлы. Ѣсть твое разумѣти, что благовременный гнѣвъ есть-то любовь Божія, а что безвременная милость есть-то сердце твое.

Сатана. Се странную пѣснь воспѣлъ еси!

Михаилъ. Странная убо, новая и преславная воспѣваютъ небесныя силы во градѣ Божіемъ. Сія есть истина.

Сатана [4]). Силы же преисподнія что-ли поютъ?

Михаилъ. Силы твоя поютъ подлое, мірское, мерзкое. Сказать же Петровымъ въ Дѣяніяхъ словомъ commune, κοινόν, coenum., просто сказать, грязь рыночную и обвившую Іезекіилевскій оный оприскокъ мотылу [5]).

Сатана. Ха! ха! хе! Странное поютъ силы небесныя...

Михаилъ. О ругатель! Къ чему сей песій смѣхъ твой? Не таится же предо мною лукавство твое. Нарицая странною, тайно клевещешь небесную славу и догматы ея, воздая ей мнимое тобою неблаголѣпіе и непреподобіе, просто рекши вздоръ.

---

[1]) Слово еллинское, значитъ горнія комнаты и обители, воздвигнутыя по образу головы сахарныя или пламеня, вообще, горнее жилище; еллински—пиргосъ, римски—turris, по турецки—колончакъ, по полски—вежа, по здѣшнему—башня, теремъ; какъ при киркѣ колоколня, такъ они при домахъ; по славенски—столпъ. *Въ столпѣ облачнѣ глаголаше къ нимъ. Буди же миръ въ силѣ твоей и обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ.*

[2]) Сія хула воспоминается въ посланіи святаго Апостола Іуды.

[3]) Архистратигъ—славенски первовоевода, сирѣчь, надъ вождами вождъ.

[4]) Сатана слово еврейское, словенски, супостатъ.

[5]) Воззри на исторію о Корнеліи сотникѣ въ Дѣяніяхъ. Тамъ Петръ говоритъ: *Господи! николиже скверно внійде во уста моя;* въ еллинскомъ же лежитъ κοινόν, римски—commune, славенски—обще; все бо то скверное есть, что общее мыру, сирѣчь, многимъ. Отсюду и римляне именуютъ блато coenum. Сей гласъ есть еллинскій: κοινον—сіе есть общее. Мырскія думы есть-то блато, гдѣ Гергессинскіи вепры потопляются, въ нихъ же Богъ мыра сего, сирѣчь, сатана ослѣпилъ разумы яко же толкуетъ Златоустъ сіи Павловы слова: *Богъ мыръ сею...*

Мотыла есть ветхославенское слово, римски excrementum.

Библиотека "Руниверс"

Сатана. Нынѣ убо не обынуяся провѣщалъ еси вину, чесо ради преисподнее жительство въ тысящу кратъ многолюднѣе паче вашего небеснаго?

Михаилъ. И лжешь, и темнорѣчишь. Открый, аще можеши, откровеннѣе сердца твоего бездну.

Сатана. О Апокалипта [1])! Странность въ догматахъ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ, сей есть троеродный источникъ пустыни вашея небесныя.

Михаилъ. Не можно ли хоть мало откровеннѣе.

Сатана. Претрудно быть жителемъ небеснымъ. Внялъ ли еси? Се вина, опустошившая небеса ваша.

Михаилъ. Откуду сей камень и кто его положилъ во основаніе?

Сатана. Се азъ глаголю! Претрудно быть—и бысть тако.

Михаилъ. Ты ли еси творецъ догмата сего?

Сатана. Сей догматъ есть несокрушимый адамантъ.

Михаилъ. *Воньми небо и внуши земле!..* Услышите и преисподняя! Кая есть большая на Господа Вседержителя хула и клевета, паче сея? Се удица, всѣхъ уловляющая! Се ключъ, всѣмъ врата адова отверзающій! Се соблазнь, всѣмъ путь на небеса оскорбляющая! О украшенная гробнице царская, полна мертвыхъ костей и праха, міре бл...словный! Прелщаешь старыхъ, младыя и дѣти. Вяжешь въ прелести, аки птенцы въ сѣти. Весь міръ дышетъ его духомъ. Онъ есть сердце міру. Сердце нечистое, сердце плотское. Се богомерзская троица: сатана, плоть, міръ. Кто дастъ мнѣ мечъ Божій, да прободу сего Мадіанита [2]), любодѣйствующаго со блудницею и любодѣиницею міра сего и обличу срамоту ея. И, подъявъ Михаилъ молніевидное копіе, поразилъ адамантовымъ востреемъ сатану въ самое сердце его и поверже его во облакъ вечерній. Онъ же падая стремглавъ, воскликалъ: ура! ура! побѣдихъ! побѣдихъ! Изъ среди же облака возревѣлъ: о! о! апокалипта! Призови небо и землю во свидѣтели, азъ же тебѣ не покорюся, даже до сего есмь твердъ въ семъ моемъ догматѣ.

Михаилъ, О нетопыръ! Горе тебѣ, творящему свѣтъ тмою, тму же свѣтомъ, нарицающему сладкое горкимъ, легкое же бременемъ.

Сатана. Нѣсть ли писано: нужное есть царствіе Божіе?

Михаилъ. Онѣмѣй, псе лживый!

Сатана. И не нужницы ли восхищаютъ оное..?

---

[1]) Апокалипта есть еллинское имя; значитъ славенски—откровитель. Симъ словомъ тайно ругается Михаилу, яко откровителю таинъ Божіихъ; сатана же любитъ помрачать, дабы никто не видѣлъ безвѣстныя и тайныя премудрости Божія.

[2]) Мадіанита. Сіе слово отрыгаетъ Священную Исторію о Финеесѣ, который Израилтянина, любодѣйствующаго со Мадіаниткою, пронзилъ обоихъ сквозь.

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ. Лай, лай, нынѣ, псе, издалеча на солнце.... Господи Боже мой! Правда твоя, яко полудень. Кто, яко же ты? Ты самъ дракону сему челюсти его всѣхъ пожирающія загради на единъ токмо день твой, иже есть яко тысяща лѣтъ. Аминь.

На сей шумъ и ревъ, аки Ероділевы птенцы [1]), слѣтаютъ со гнѣзда къ матерѣ своей, поправшей змія;—онъ же подъ ногами ея вьется, развивается; такъ низлетѣли къ Михаилу Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ и Варахіилъ. Михаилъ же, аки боголюбивый Ероділ, терзаетъ и попираетъ домашняго врага, воздая благодать дому владыкѣ, дозволившему на седми башняхъ, надзирающихъ премудрый домъ Его, возгнѣздитися птицамъ, по писанію: *коль возлюбл. селенія твоя..? Птица обрѣте себѣ храмину. Тамо птицы возгнѣздятся.*—Ероділево жилище предводителст. ими. *Блаженны живущіи въ дому твоемъ.*

Бесѣда ангелсная о клеветѣ діаволсной и о нознехъ, отводящихъ отъ истиннаго утѣшенія.

Небесніи архивоины возсѣли на радугѣ, Михаилъ же такъ повелъ слово: *нѣсть наша брань противу крови и плоти, но...* Сердце человѣку есть не-ограниченная бездна. Она есть то, что воздухъ, плавающія планеты носящій. Сія бездна если темна и не собылось на ней: *просвѣщаеши тму мою. Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти, иже и возсія въ сердцахъ нашихъ*, тогда онъ бываетъ адомъ, сирѣчь, темницею, и исполняется, аки нощныхъ птицъ, мрачныхъ мечтъ и привидѣній. Нощный орелъ, царь и отецъ всѣмъ протчіимъ, есть сатана. Сіи пустыя мечты суть-то злыи духи, а злыи духи суть-то злыя мысли; злыя-же мысли суть мысли плотскія, владѣющія міромъ. И сіе-то написано: *къ міродержителямъ тмы вѣка сего, сирѣчь*, брань наша противу злыхъ духовъ, державу имущихъ, надъ не просвѣщеннымъ міромъ и надъ всею смѣсью беззаконниковъ. Что же далѣе? Началомъ вертоградныхъ плодовъ суть сѣмена; сѣменами же злыхъ дѣлъ суть злыя мысли. Сіе же-то и написано: *къ началамъ и ко властемъ... Къ духовомъ злобы поднебеснымъ.* Поднебесныи духи злобы суть мечты плотскаго, скотскаго и звѣрскаго сердца, коему очи бодетъ острый сей правды Божія мечъ: *сатано! Не мыслиши, яже суть Божія, но яже человѣческая.* Любезная

[1]) Слово еллинское. Еросъ значитъ желаніе, Ἔρως значитъ Юпитеръ или Дій; отсюду имя Ероділ славенски боголюбный. Иначе сія птица нарицается пеларгосъ, римски, ciconia, полски bocian, у насъ гайстеръ. Она гнѣздится на киркахъ, на башняхъ, на высочайшихъ мѣстахъ, остнахъ и шпицахъ, другъ людямъ, врагъ зміямъ и буфонамъ; родителей кормитъ и носитъ въ старости; отсюду у еллинъ слово: антипеларгейнъ, сирѣчь, возблагодавать; образуетъ благочестивую душу, любящую Бога и ближняго, образуетъ и богослова, высоко возгнѣздившагося онаго: *отъмъ человѣка...*

[2]) Нощный орелъ, просто сказать, пугачъ. Вражда ему есть непримиримая со дневнымъ орломъ. Можно обоихъ уловить на борбѣ: толь упорно борются.

Библиотека "Руниверс"

моя братія! Видите, коль по всей вселеннѣй разсѣялъ сатана сѣмена своя! Отъ его рода сѣменъ суть и сіи бл...словныя [1]), сиренскія и бл....гласныя пѣсеньки:

Жестокъ и горокъ трудъ
Быть жителемъ небесъ;
Веселъ и гладокъ путь—
Жить, какъ живетъ міръ весь.
И паки.
Святыня страждетъ безъ утѣхъ,
А злость вездѣ свой зритъ успѣхъ.
Кая польза быть святымъ?
Жизнь удачнѣе всѣмъ злымъ.

Сихъ услажденныхъ своихъ водъ хлябъ изблевая, ангелское око ваше остро провидитъ, коль хитро погасилъ во всѣхъ сердцахъ божественный оный огнь: *кто дастъ мнѣ крилѣ..? и полещу и почію. Крѣпка, яко смерть, любовь; крила ея—крила огня... Кто ны разлучитъ отъ любве Божія? Согрѣяся сердце мое и въ поученіи моемъ разгорится я огнь.* Васылисковымъ убо ядомъ надхненъ міръ, глухъ, аки аспидъ, и студенъ аки ледъ сотворился къ матерѣ нашей, ко премудрости Божіей, согрѣвающей насъ въ нѣдрѣ своемъ и утѣшающей. *Сыне! Аще поспиши, сладостно поспиши; аще пойдеши, безбоязненъ будеши, и радость будетъ на всѣхъ путехъ твоихъ.* Сего ради нѣсть дивно, яко всѣ уклонишася вкупѣ. Не сладокъ Богъ и нѣсть Богъ есть тожде [2]). Растлѣша и омерзишася въ самыхъ началахъ и сѣменахъ своихъ, въ самомъ коренѣ сердца своего. Кто можетъ поднять на пути злато или бысеръ, мнящій быть нѣчтось безполезное? Кій тетервакъ не дерзнетъ вскочить въ сѣть, почитая рогомъ изобилія? Кій агнецъ не устрашится матери, творящій ее волкомъ, и не прилпнетъ къ волку творящій его матерью? Не вините міра. Не виненъ сей мертвецъ. Отнятъ сему плѣннику куражъ; избоденно око; прегражденъ путь; связала вѣчными узами туга сердце его. Кая туга? Когда что любятъ и желаютъ мысли, тогда и плотяное сердце внутрь насъ распространяется, раздувается, радуется [3]); во время же

---

[1]) Сирена—Σειρήν, слово еллинское, значитъ, путо, оковы. Такъ называется уродъ морскій, со прелестнымъ дѣвичіимъ лицемъ. Онъ такъ пророками вымышленъ, какъ змій седмиглавный; образуетъ прелести мырскія.

[2]) Весь міръ тако мнитъ, яко заповѣди Божія суть тяжки и горки и безполезны. Сіе тоже есть что сказать: несладокъ и дуренъ Богъ. А думать, яко не сладокъ и дуренъ Богъ есть тожде, что—*рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ...*

[3]) Слово сіе (радость) родилося отсюду, что раздувается тогда, когда что случися по желанію, стѣсняется же въ противномъ случаѣ сердце. Отсюду родилося слово (туга). Отсюду Павелъ: *распространилося сердце мое къ вамъ, о Коріновяне!.. не тѣсно вмѣщаетеся.* Сіе-то есть истинный смѣхъ: non dentes nudare, non ore ringi, sed corde ridere, какъ смѣется нашъ Ісаакъ оный: *возрадов. духомъ Іисусъ...*

Библиотека "Руниверс"

огнушенія стѣсняется, жмется, тужитъ, аки недужный, отвращается отъ пищи и уста сжимаетъ. Сатана, погасивъ огнь Божества въ мірскомъ сердцѣ, связалъ туго тугóю, дабы оно вѣчно гнушалося царствіемъ Божіимъ и во вѣкъ не разрѣшилося ко обрѣтенію его, дабы не воспѣло побѣдныя оныя пѣсни: *сѣть сокрушися... Путь заповѣдей твоихъ текохъ, егда разширилъ еси сердце мое. Желаетъ и скончавается душа моя... Сердце мое и плоть моя* возрадовастася... И когда пишется: *да возвеселится сердце мое..*, сіе значитъ да закуражится. *Отвержеся утѣшитися душа моя...* значитъ: не пріемлетъ куража и желанія. Отнять куражъ, а навесть ужасъ есть-то стѣснить, затворить и связать душу, дабы она не веселилася, но тужила въ благомъ дѣлѣ. Сія есть престрашная обида, плѣнь и убійство растлить человѣка въ самыхъ мысляхъ и въ сердцѣ его, аки въ сѣменахъ и въ корнѣ его, какъ написано: *разтлѣша и омерзишася въ начинаніяхъ своихъ*, сирѣчь, въ главностяхъ; подобны колесничному или коробельному бѣсноватому управителю. Не виненъ убо мертвецъ: виненъ человѣкоубійца. Міръ есть орѣхъ, червомъ растлѣнъ, слѣпецъ безъ очей и вожда, медвѣдь, влекомъ за ноздри своя, рабъ Сатанѣ, плѣнникъ діаволу, львина ограда. Кая ограда? Послушаемъ притчы.

Львина ограда.

Левъ дрѣмающую дубраву со дебрями ея ограждаетъ, давъ ей одни врата, гдѣ и самъ близъ обитаетъ въ тайнѣ. Ограждаетъ же не стѣною и рвомъ, но своимъ слѣдомъ. Какъ только гладенъ, такъ возревѣлъ. Звѣри вострепетавъ ищутъ спасенія и, притекъ ко спасительнымъ стезямъ, отскакиваютъ воспять отъ львинаго слѣда, дышущаго въ чувства ихъ нестерпимымъ ужасомъ и преградившаго путь. Убоявшеся убо тамо, идѣже не бѣ страхъ, ищутъ безопасныя стези потоль, поколь приближатся ко вратамъ, гдѣ нѣсть подлинно слѣда и нечувствителенъ правдивый ужасъ. Здѣ уловляются. Вотъ врата адова! Здѣ всему міру исходъ и кончина. Сатана *ловитъ, яко левъ, во оградѣ своей и, яко львинъ щенокъ, обитаяй въ тайныхъ*, всѣхъ тѣхъ, о коихъ написано: *убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ*. Въ семъ страшномъ мѣстѣ, умолчалъ Михаилъ. Горніи же военачалники, сидяще на благокругломъ лукѣ облаковъ, отдалися въ размышленія, призирая на кругъ земный и унывая, аки разоряемый Содомъ или Вавилонъ предъ собою видяще. Въ самое сіе задумчивое время, вмѣсто унынія куражъ вмѣсто, же страха радость послѣдующимъ словомъ нечаянно такъ возблаговѣстилъ Гавріилъ.

Библиотека "Руниверс"

Путь спасительный.

Онъ прежде запѣлъ пѣснь, а за нимъ всѣ Архангелы сію:

Снійде Арханіель въ Назаретъ ко дѣвѣ,
Приноситъ радость праматерѣ Евѣ.
Радуйся, Ево! Радуйся, Дѣво!
Обрадованна.
Господь съ Тобою! Радость Тобою,
Всѣмъ будетъ данна...

Потомъ отверзлъ цвѣтущая уста въ сей нетлѣнный запахъ, благовѣствуя день отъ дне спасеніе Бога нашего: посланникомъ есмь не ко единой Дѣвѣ Маріи, но во всей вселеннѣй, всѣхъ тѣхъ: *Господи, во чревѣ нашемъ зачахомъ*, всѣхъ, зачеишихъ во утробѣ своей и вмѣстившихъ въ сердцѣ своемъ духъ заповѣдей Господнихъ, посѣщаю, ублажаю и цѣлую симъ цѣлованіемъ: *радуйся, Благодатная! Господь съ Тобою! Благословенна ты въ женахъ.* Сіи суть правдивыя матери Божія не отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога раждающія чада своя. Рожденное отъ плоти плоть есть, рожденное жѐ отъ духа есть духъ, освятившій сердца и утробы наши. Господи! Сей Духъ есть законъ твой, посредѣ чрева нашего, путь, истина и животъ. Миръ многъ любящимъ Его и нѣсть имъ соблазна. Миръ на Израиля и на всѣхъ, елицы правиломъ симъ жителствуютъ, миръ на нихъ и милость! Воньми небо и возглаголю... Жизнь безопасна есть-то путь сладкій, путь Господень. Любезная моя братія! отвратите отъ Содомлянъ ангелскія очи ваши и призрите на грядущаго предъ вами странника сего на землѣ. Онъ шествуетъ со жезломъ веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣваетъ: *пришлецъ азъ есмь на земли; не скрый отъ мене заповѣдей твоихъ.* Воспѣвая обращаетъ очи то на десно, то на лѣво, то на весь горизонтъ [1]), почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленѣй, вкушаетъ пищу безпритворную, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно и тѣми же Божіими видѣніями во снѣ и внѣ сна наслаждается. Востаетъ заутра свѣжъ и исполненъ надежды, воспѣвая Исаіевскую пѣснь: *взалчутъ юнѣйшіи и утрудятся юноты и избранныи не крѣпцы будутъ; терпящіи же Господа обновлятъ крѣпость, окрылатѣютъ, яко орлы, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалчутъ.* День его вѣкъ ему и есть, яко тысяща лѣтъ и за тысящу лѣтъ нечестивыхъ не продастъ

---

[1]) Горизонтъ слово еллинское, значитъ небесное купно и земное мѣсто, сколько можетъ обозрѣть взоръ нашъ. Есть же предѣлъ взору для всѣхъ до единаго населяющаго вселенную человѣка. Τὸπος ὁρίζων, сирѣчь, мѣсто, ограничивающее прозоръ очей; однимъ одно, другимъ другое видно.

Библиотека "Руниверс"

его. Онъ по міру паче всѣхъ нищій, но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ *веселіе сердца, животъ человѣку*. Жезлъ его есть Господь страстей и вожделѣній его и радости его никто же возметъ отъ его. Досталъ онъ сей миръ, не якожс міръ доставать обыче. Онъ возлюбилъ путь и славу Божію. Сей есть истинный миръ и животъ вѣчный, а вѣсть его благовѣстіе. *Да слышитъ земля глаголы устъ моихъ!* Сей странникъ бродитъ ногами по землѣ; сердце же его съ нами обращается на небесѣхъ и наслаждается. *Праведныхъ душы въ руцѣ Божіей* у безумныхъ почитаются погибшими и заблуждшими; *они же же суть въ мирѣ*. Хотя тѣлесныя наличности досаждая безпокоятъ, но сей уронъ со издишкомъ награждаетъ упованіе ихъ безсмертія исполненно, и воцарившійся Господь въ нихъ во вѣки. Не слышите ли, что сей пѣшеходецъ поетъ?.. Какъ не слышать, воскликнули Архангелы. Онъ руками машетъ и поетъ пѣснь сію: *на пути свидѣній твоихъ насладихся, яко во всякомъ богатствѣ*. Онъ единъ намъ есть милѣйшій позоръ паче всѣхъ Содомлянъ. Мы же его познали. Сей есть другъ нашъ: Даніилъ Вар-сава. И всѣ возсмѣялися. Потомъ же Гавріилъ простеръ смарагдиныя крыла и прилетѣвъ сѣде при боку Рафаилову, обоняя въ рукахъ своихъ сладковонный шыпокъ и кринъ селный. Рафаилъ, смотря на Вар-саву и посмѣявся, яко Сарра, помянулъ духовнаго своего сына, любезнаго путника Товію, сына Товитына. Онъ долгую повѣсть сткалъ, коимъ образомъ поручилъ ему старикъ сына своего, кія напасти и припадки встрѣчалися на пути, коль щасливо юноша вшелъ въ невѣстникъ и преспалъ съ невѣстою Божіею. Когда онъ боялся воды или рыбы, повѣствовалъ Рафаилъ, тогда я его научалъ: сыне мой Товія! Сыне мой! Не бойся! Вода не потопитъ тебе, но воды блевотинъ зміиныхъ, но потопныя рѣчи совѣтовъ мірскихъ, но волненія плотскихъ устремленій; сей есть всемірный оный древній потопъ, всѣхъ пожирающій! Ей, глаголю тебѣ: сего убойся! И рыба, сыне, не поглотитъ тебе. Но чрево, но сирище [1]) и чресла твоя се есть адъ и китъ, поглощающій всѣхъ, им же Богъ чрево и слава въ студѣ ихъ. Ей, глаголю тебѣ: сего убойся. И утроба рыбная, и дымъ внутренностей ея не спасетъ тебе. Но дымъ дыма и духъ духа, ей, глаголю тебѣ, онъ спасетъ тебе. Слыши, Израилю. Господь Богъ твой посредѣ тебѣ

---

[1]) Сирище есть гласъ ветхославенскій, значитъ тѣлесную внутренность, кая всю сырость пищную варитъ, сирѣчь, желудокъ. Сей есть всѣхъ золъ виною во всю жизнь. Отсюду брани, хищенія, убійства и всѣ бѣды. Онъ царь есть всѣмъ мірскимъ сердцамъ. Сей есть оный архимагиръ, сіе есть архиповаръ, поминаемый въ книгахъ царствъ, возмутившій весь Іерусалимъ, царь поварамъ и царямъ. Весьма слично моя мати Малоросіа называетъ его богомъ, тоже, что Павелъ: *имже богъ чревъ..*, Древле во Египтѣ іерей, погребая мертвеца, повелѣвалъ вырѣзывать сирище и, поднявъ предъ народомъ, воскликнуть проповѣднику сіе: *сей въ жизни всѣхъ золъ виною!*

Библиотека "Руниверс"

во внутренностехъ твоихъ, въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей. Той есть дымъ дыма и духъ духа; дымъ отъ утробъ твоихъ, отъ Содомскаго запаленія вожделѣній восходящій до небесъ, и духъ, не раздѣляющійся отъ тебе, но цревосходящій дебелость плоти и тонкость душы твоея, той спасетъ тебе. Сей есть смирна и стакта, и касія отъ утробъ твоихъ. Сей да изыйдетъ, да явится тебѣ, да зачнеши во утробѣ и вмѣстиши въ сердцѣ, да въ воню мира его течеши, да не удавитъ душы твоея смрадъ бѣсовскій и мірскихъ вожделѣній зловоніе. Сожечь утробы, по Мойсееву повеленію, и умертвить уды, составленныя съ праха, есть тоже. Сіе все бываетъ вѣрою, сирѣчь, помышлять себе,— мертвымъ убо быти по плоти, живымъ же по Богу. Сожечь и убить душу твою, разумѣй, отнять отъ ня власть и силу. Тогда останется въ тебѣ единъ фиміамъ Божій, спасительное благоуханіе, мyро мира и помазавшій тебе Духъ Господень и собудется: *направити ноги наши на путь мира.*

Путь мира нареченъ пустъ. [1])

Симъ благовѣстіемъ ражженъ, продолжалъ Рафаилъ, пошелъ мой Товіа на десно, во путь мира, коимъ нынѣ шествуетъ нашъ Варсава. Сей есть путь царскій, путь верховный, путь горній. Симъ путемъ Енохъ, Иліа, Аввакумъ и Филиппъ восхищенъ, не обрѣтошася въ мірѣ. Симъ путемъ вошелъ на гору Авраамъ вознести на жертву Исаака и пріялъ отъ Бога печать вѣры. Симъ путемъ возшелъ на гору Фасга Мойсей и упокоился. Симъ путемъ шествуетъ весь Израиль во обѣтованную землю. Симъ путемъ возшелъ въ Сіонъ Давидъ, насытился священныхъ хлѣбовъ, раздавъ и сущимъ съ нимъ по сковрадному блину. Симъ путемъ восходитъ въ горняя Маріамъ, цѣлуетъ Елисавету и ублажается. Симъ путемъ шедъ Христосъ во пустыню, побѣдилъ сатану. Симъ путемъ восходятъ на гору Галилейскую апостолы и видятъ свѣтъ Воскресенія. Сей есть путь субботный, разумѣй, мирный. Симъ путемъ шествовали Лука и Клеопа. Сошелся съ ними третій блаженный оный собесѣдникъ, преломившій имъ хлѣбъ небесный и открывшій имъ очи видѣти не видимое его благоуханіе. Напослѣдокъ симъ путемъ ѣхалъ въ колесницѣ евнухъ царицы Кандакіи и познался со Филиппомъ. Филиппъ открылъ ему въ человѣкѣ человѣка, въ естествѣ естество, благоуханіе Христово и новымъ благовѣстіемъ, аки чуднымъ ѳиміамомъ, накадилъ ему сердце, омылъ его нетлѣнною сверхъ отъ стихійныя воды водою и отпустилъ его въ домъ свой. Онъ же отыйде въ путь свой радуяся. Сей путь есть радостенъ, но пустъ, пустъ, но радостенъ и внѣ его нѣсть спасенія; пустъ же, яко

[1]) Возри на 26-й стихъ, 8-я глава въ Дѣяніяхъ: *Ангелъ же Господень* и протчая. *Сей есть пустъ.*

Библиотека "Руниверс"

людемъ избраннымъ точію отверстъ. Міръ мнитъ его быти пустымъ, сирѣчь, суетнымъ. Сія есть клевета. Мнитъ же паки его быти горнимъ, сирѣчь, горкимъ. И сіе клевета. Гора значитъ превосходство, не трудъ и горесть. Горе глаголющимъ сладкое горкое и вопреки. *Путь Господенъ есть судъ разсудити злое, избрати благое.* Любезный путь! *Незайдетъ солнце тебѣ и луна не оскудѣетъ тебѣ. Есть Господь тебѣ свѣтъ твой и ищезли дни рыданія твоего.* Сія возгласивъ Рафаилъ умолкнулъ. Уріилъ же воззвалъ: распрострите въ даль взоръ вашъ и увидите нѣсколько путниковъ, предварившихъ Вар-саву. Но Рафаилъ началъ понуждать: любезная моя братія! Призрите хоть мало на путь шуій и на козлища, на нещасныхъ путниковъ его... Ахъ! Отвращаешъ насъ, друже, вскричали Архангелы, отъ прекраснаго позорища къ страшному. Обращаяся же воспѣли всѣ пѣснь таковую:

О міре! міре! міре украшенный!
Весь притворный, весь гробе повапленный! [1])
Прелщаешъ старыхъ, младыя и дѣти.
Въ прелести вяжешь, аки птенцы въ сѣти.
Свѣтъ кажется украшенный,
Но онъ, какъ гробъ повапленный,
Внутрь же его вяну зрю мерзость едину.

Путь шуій нареченъ вентеръ.

Сей путь, сказалъ Рафаилъ, нарицается вентеръ. Есть же вентеръ сѣть рыболовна, сотворенна по образу чрева: широка, во входѣ, тѣсна во исходѣ. Сей путь, уклоняясь отъ востока, сокрываетъ конецъ свой не во свѣтлой южной странѣ, но во мракѣ полунощномъ. Вотъ путь, говорилъ Товіинъ вождъ, вотъ и нещасный его путникъ грядетъ предъ вами! Судите его! Небесныя силы, призирая на путника со унынiемъ и милосердствуя о немъ, возгласили: о бѣдный страдалецъ! Сей есть сребролюбецъ. Боже мой! Весь обремененъ мѣшками, сумами, кошелями, кошельками, едва движется, будьто навьюченный велблюдъ. Каждый ступень ему мукою. *Горе вамъ богатыи, яко отстоите отъ утѣшенія вашего.* Но онъ сего, извиняетъ Рафаилъ, не чувствуетъ, но паче еще блажитъ себе и почитаетъ путь свой благословеннымъ во вѣки. Онъ благодушествуетъ, шествуетъ и поетъ. Возможно ли? Вскричали духи. Пожалуйте, просилъ Рафаилъ, внемлите пѣснѣ его.

---

[1]) Гробницы древнихъ царей были высокыя горницы, иввнѣ архитектурно украшенныя. Но что-ли тамъ внутрь? Прахъ, смрадъ, гной, кости, пустыня. Преслично нашъ рабинъ Христосъ сими гробами именуетъ лицемѣровъ, имущихъ образъ благочестія, силы же его отвергшихся. Равное сему есть и мірское щастіе—удица, сѣть и ядовитый медъ; извнѣ блескъ, а внутрь тма, тля...

Библиотека "Руниверс"

Богачъ путешествуя поетъ пѣснь.

Пусть я во свѣтѣ скверенъ—только бы былъ богатъ [1]).
Днесь не въ моду совѣсть, но злато идетъ въ ладъ.
Какъ нажилъ, не спросятъ, только бъ жирный былъ грошъ.
Сколь богатъ, столь всѣмъ братъ и честенъ и пригожъ [2]).
Что у насъ безчестно въ мірѣ? Кошель пустой.
Нищимъ ли жить? Лучше пущуся въ смертной гной.
И смерть сладка, поколь рубль за рублемъ плыветъ [3]).
О святое злато! Надъ тебе въ свѣтѣ нѣтъ.
Не столь милый отецъ, не столь рождшая мать,
Не столь любезныи и чада веселятъ.
И если такая у Венеры краса,
Не дивно, что въ ее влюбилася тварь вся.

Ангельскія силы ужаснулися, видяще, что сатана толь хитро умѣлъ растлить бѣсноватую сію душу, обожающую мертвое и уповающую на кумира. О сатана! Воззвали они соболѣзнуя, родная Божія обезяна! Онъ имъ вмѣсто слова: *Горе вамъ богатыи... Блаженны нищіи...* Положилъ на сердцѣ во основаніе сей свой смрадъ: — блаженны богатыи, яко тѣхъ есть царство всякихъ утѣхъ. Такова душа есть аспидъ, отнюдъ не слышащій призывающія милости: *прійдите ко мнѣ вси труждающіися и обремененныи и азъ упокою вы...* Боже Боже мой! возгласилъ Уріилъ, сей безпокойный путь толпами людей, какъ торгами, весь зассоренъ. Слышь, Рафаилъ! Кая есть сія ближайшая толпа? Трусъ колесницъ, отвѣщалъ онъ, шумъ бичей, конскій топотъ, и свистъ обличаетъ, что сія громада есть полкъ честолюбцевъ, сію же предварившая толпа есть торжество сластолюбцевъ. Сіе обличается пищаніемъ и ржаніемъ мусикійскихъ органовъ, восклицаніемъ торжествующихъ и козлогласованіемъ, поваренными запахами, гаромъ и куреніемъ. Протчее въ далнихъ онихъ сволочяхъ и стеченіяхъ тамъ— тяжбы, брани, татьбы, грабительства, лести, купли, продажи, лихо-

---

[1]) Сіи стихи суть изъ древняго трагедіографа Эурипида. Вотъ единъ!

Ὦ Χρυσὲ δεξίωμα κάλλιστον βροτοῖς. (Nauck. Trag. fr. 2 изд. Eur. fr. 324).
Прим. Я. А. Денисова).

O Avrus! Dexteritas optima mortalibus.
О злато! Удачность найлучша смертнымъ. Начало ихъ сіе:
Sine me vocari pessimum, ut dives vocer.
Nemo an bonus num dives, omnes quaerimus.

[2]) Ubique tanti quisque quantus habuit fuit.

[3]) Можно и такъ:

И смерть сладка, поколь злато плыветъ разъ въ разъ.
О святое злато, моли Бога о насъ!
Latine sic:
O plute, summa dexteritas mortalibus!

Библиотека "Руниверс"

имства... Братіе! призрите къ правой сторонѣ. Вотъ они! Нѣсколько путниковъ, откравшись отъ шуіяго пути, пробираються чрезъ стропотная мѣста къ пути мирному. *Яко Богъ искуси я и обрѣте ихъ достойны себѣ*... Ба! ба! ба! Кое странное сіе вижу позорище? Возопилъ, какъ молнія, нечаянно Варахіилъ. Пятерица человѣковъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ, на пять локтей по пути влекущихся. На головахъ капишоны. Въ рукахъ не жезлы, но дреколіе. На шеѣ каждому по колоколу съ веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣшенны. Едва, едва движутса, аки быки, парохіальный колоколъ везущіи. Вотъ развѣ прямо труждающіися и обремененныи! Горе имъ, горе!.. Сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. Мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ. Непрестанно во псалтырь барабанятъ. Строятъ кирки и снабдѣваютъ. Бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, не милосерды, не примирительны, радующіися зломъ сосѣднимъ, полагающіи въ прибыляхъ благочестіе, цѣлующіи всякъ день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіи, домашніи звѣри [1]) и внутреніи зміи, лютѣйшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Сіи нетопыры между деснымъ и шуіимъ путемъ суть ни мужескаго, ни женскаго рода. Обоимъ враги, хромы на обѣ ноги, ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуій путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія; десный же отвергаетъ, яко силы ихъ отвергшихся. Въ сумахъ ихъ пѣсокъ Іорданской съ деньгами. Обвѣшенныя же книги ихъ суть типики, псалтыри, прологи и протчая. Вся ихъ молитва въ томъ, чтобъ роптать на Бога и просить тлѣнностей. Вотъ останавливаются молящеся и пѣть начинаютъ. Послушаемъ безбожныя ихъ пѣсни Божія.

Лицемѣры молящеся поютъ.

Боже, возстани, что спиши?
По что о насъ не радиши?
Се путь беззаконныхъ цвѣтетъ!
На путехъ ихъ бѣдностей нѣтъ.
Мы жъ тебѣ свѣчищы ставимъ,
Всякій день молебни правимъ!—
И забылъ ты всѣхъ насъ.
Два раза постимъ въ недѣлю,
Въ постъ не уживаемъ хмелю,
Странствуемъ по святымъ градамъ,
Молимся и дома и тамъ.

---

[1]) Нѣкій мудрецъ вопрошенъ: *како можно прожить жизнь благоденно?*

Библиотека "Руниверс"

Хоть псалтыри не внимаемъ,
Но на-изустъ ее знаемъ.—
И забылъ ты всѣхъ насъ.
Услыши, Боже, вопль и рыкъ!
Даждь намъ богатство всѣхъ языкъ!
Тогда-то тебѣ прославимъ,
Златыя свѣчи поставимъ,
И всѣ храмы позлащенны
Возшумлятъ твоихъ шумъ пѣній—
Токмо даждь намъ вѣкъ златъ!..

О смердящіе гробы со своею молитвою, возопилъ Варахіилъ! Сіи бл....лѣпныя лавры, подъ видомъ Божіимъ, сатану обожаютъ. Злоба въ одежду преподобія одѣта, есть-то сатана, преобразивыйся во Ангела свѣтла. Нѣтъ сего злѣе во всемъ адѣ,—опустошеніе царствамъ, церкви поколебаніе, избранныхъ Божіихъ прелщеніе... Отвратимъ очи наши отъ богомерзскихъ сихъ ропотниковъ, прошаковъ, лстецовъ и лицемѣровъ. Не слышите ли, что шумъ, трескъ, ревъ, вопль, вой, свистъ, дымъ, жупель и смрадъ содомскій восходитъ отъ сего пути. Архангелы обратили свѣтлыя лица своя отъ сѣвера къ ясному югу и воспѣли пѣснь сію:

Ангельсна пѣснь въ силу сего:

Бездна бездну призываетъ.
Нелзя бездны окіана горстью персти забросать,
Нелзя огненнаго стана скуднѣй каплѣ прохлаждать.
Возможетъ ли въ темной яскинѣ гулять орелъ
Такъ, какъ на небесный край вылетѣвъ онъ отсель?
Такъ не будетъ сытъ плотскій духъ.

Бездна духъ есть въ человѣкѣ, водъ всѣхъ ширшій и небесъ.
Не насытишъ тѣмъ во вѣки, чемъ плѣняетъ міръ сей весь.
Отсюду-то скука, внутрь скрежетъ, тоска, печаль;
Отсюду несытость, чтобъ съ капли жаръ горшій всталъ.
Знай: не будетъ сытъ плотскимъ духъ.

О роде плотскій! Невѣжды! Доколѣ ты тяжкосердъ?
Возведи сердечны вѣжды. Взглянь выспръ на небесну твердь.
Чему ты не ищешь знать, что-то зовется Богъ?
Чему не толчешь, чтобъ увидѣть его ты смогъ?
Бездна бездну удовлитъ вдругъ.

отвѣщалъ: *тако, аще спасешися отъ дикихъ и домашнихъ тигровъ, сирѣчь, оныхъ— Іуда раба и истецъ.*

Библиотека "Руниверс"

Клевета.

Еллински, діаволи, римски, traductio.

Воспѣвше же вопросили: что есть клевета [1])? Изрѣчи намъ, молніе Божія, Варахіиле!... Онъ же отвѣщалъ тако: клевета есть—творить сладкое горкимъ и вопреки: она есть тожде, что татьба; татьба крадетъ вещи, а клевета мысли. Мысль есть руководительница человѣку и путь. Діаволъ, укравъ у человѣка добрую мысль, перекидаетъ будьто сѣть и препону чрезъ добрый путь, а симъ самымъ сводитъ и переводитъ его на путь золъ. Вотъ почему еллински (діаволосъ), сирѣчь, перемѣтчикъ, римски-же (traductor), сирѣчь сводникъ или переводникъ, дано имя клеветнику, славянски же, клеветать значитъ тоже, что колотить, мѣшать горькое со сладкимъ и вопреки. Сіе бываетъ тогда, когда на мѣсто сладкаго поставляется горькое и вопреки. Сей есть единъ источникъ всѣхъ адскихъ мукъ [2]).

Козньь.

Ты же, о свѣте Божій, Уріиле! Изъясни намъ, что значитъ то козньь? Отвѣщалъ Уріилъ: козньь есть образъ клеветы, по коему она растетъ и сѣется. Она есть тоже, что машина. Машина хитрствуетъ въ вещахъ, а діаволска козньь въ мысляхъ. Птицеловъ и рыболовъ ловитъ сѣтьми, а онъ козньми. Козньь есть ловкая машина, напримѣръ, ковъ, пругло, капканъ, западня, сѣть, вентеръ, верща, еллин. строфа, сирѣчь увертка, вертушка и протчая. У архитектоновъ и нынѣ нѣкая машина именуется латински сарег, сирѣчь козелъ. Нынѣ ясно видно, что хитрость въ татьбѣ, а козньь въ клеветѣ есть тожде. О коль прелестная удица! Ею точно возбѣсившися человѣка воля ужасается преподобія, стремится за нелѣпостьми, аки елень, устрѣленъ въ ятра, не видя яко, въ погибель свою течетъ. Сіи-то души услаждаются пѣсеньками сими.

Древній вѣкъ былъ для святцовъ,
Нынѣ вѣкъ есть не таковъ.
Плюнь, братъ, на Сіонъ. Пой на свѣцкой тонъ.
Скоро-ль святость жить дождется?
Наша-жъ здѣ жизнь наживется.
И паки.

---

[1]) Девятая божественная заповѣдь гремитъ: *не лжесвидѣтельствуй.* Сіе же есть тожде, еже: не клевещи. Ужасная клевета—творить заповѣди Господни трудными и горкими. Сіе на сердцѣ начерталъ діаволъ всѣмъ, презирающимъ законъ Божій. О! раздерите сердца ваша сія ослѣпленныи.

[2]) Клеветный мракъ есть отецъ лживости; лжа же и лесть есть мати грѣхамъ; грѣхи же суть муки и страсти сердечныя. *Чемъ бо кто согрѣшаетъ, тѣмъ и мучится.*

Библиотека "Руниверс"

Въ молоды лѣта не зажить свѣта?
Что-жъ за корысть свѣтъ молодому?
И паки.
Въ старомъ вѣкѣ нѣсть покою,
Только болѣзнь со бѣдою:
Тогда щастя хоть бы й было,
Но въ старости не такъ мило...

Кое же то мнѣ щастіе, если оно мнѣ измѣняетъ во время старости, если нѣсть вѣрный и вѣчный другъ оный? *Другъ вѣренъ—кровъ крѣпокъ... Не остави мене во время старости... Вся преходятъ, любы же ни! Богъ любы есть... Слыши, Израилю! Господь Богъ твой посредъ тебе.*

Се видна зла удица бѣсноватыми душами пожираема. А какъ волкъ овцы на пажитѣ и при водопоѣ похищаетъ, тайный же ласкатель въ самомъ чертогѣ и при трапезѣ, аки червь орѣхи, внутрь ихъ обрѣтаясь, растливаетъ, такъ діаволъ на самыхъ злачныхъ мѣстахъ, во едемѣ священныя библіи хитро уловляетъ, примѣшавъ, аки змій, въ матернее для чадъ млеко ядъ свой, такъ онъ вкусъ и духъ свой въ благоуханныя плоды Божіего рая. *Нужное есть царство Божіе и нужницы восхищаютъ е.* Сей оракулъ сатана растлилъ. Онъ въ немъ осквернилъ Христово благоуханіе. Онъ въ немъ, укравъ Духъ Христовъ, вложилъ въ него свой душеубійственный вкусъ. Онъ перековалъ нужное на трудное [1]). Поютъ германы причту сію: *Богъ строитъ кирку, а чортъ также часовню.* Поетъ Христосъ: *нужное есть царствіе Божіе.* Діаволъ подпѣваетъ: трудное есть царствіе Б. О пакостная обезяна! Тѣмъ же мостомъ грядетъ, а въ разный городъ. Тѣмъ же звономъ поетъ, да чего то какъ нѣтъ. Ангельскій тонъ, адская думка, гласъ Іяковль, сердце Исавлее. Лобзаетъ, какъ другъ продаетъ, какъ Іуда. И смѣхъ, и плачъ намъ есть Божія сія мартышка..., *Воньми небо и возлаголю!* Се клевета на Господа Вседержителя! Нужность со трудностью такъ не вмѣщается, какъ свѣтъ со тмою: нужно солнце; трудно же ли? Нуженъ огнь; а труденъ ли? Нуженъ воздухъ; но труденъ ли? Нужна земля и вода; и кто безъ нея? Видите нужность? Гдѣ же при бокѣ ея трудность? Ахъ! Ищезла! Нѣтъ ей мѣста въ чертогахъ непорочныя и блаженныя нужности! Домъ ея есть домъ мира, домъ любви и сладости. Покажите же мнѣ, гдѣ водворяется трудность? Во адѣ ли? Вѣрую, Господи, тамъ-то обитаетъ трудъ и болѣзнь, печаль и воздыханіе. Но тамъ ли нужность? Ахъ! Небывала она тамъ. Ея присутствіемъ адъ во мгновеніи преображается въ рай.

---

[1]) Нужда и нужное не въ томъ стоитъ, аки бы трудно оное имѣть, но то есть нужное, безъ чего никакъ жить невозможно или съ мученіемъ живется безъ него. А чемъ же что нужнѣе, тѣмъ достать легчае; напримѣръ, воздухъ есть необходимо нуженъ, безъ обуванія же въ зимѣ можно жить съ мученіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Во адѣ все дѣлается то, что не нужное, что лишнее, что ненадобное, не приличное, противное, вредное, пакостное, гнусное, дурное, не пригожее, скверное, мучительное, нечестивое, богомерзское, проклятое, мірское, плотское, тлѣнное, вѣтренное, дорогое, рѣдкое, модное, заботное, разорительное, погибельное, адское... и протчій не усыпающій червь. Сія бѣсноватая и буйная дѣва трудность именуется еллински ἄτα, сирѣчь, пагуба, еврейски же ада, Ламехова жена, сирѣчь, бл...красующаяся и заботная, противная женѣ, именуемой Селла-мирна. Коль же разнится чистая наша дѣва святая нужность! [1]) Она нѣсть ἄτη, но літа и літургисса, нѣсть ада, но селла, нѣсть фуріа, но анна, но харіа, но гратіа, разумѣй, возлюбленная, милостивая, даровита. Съ небесныхъ круговъ и отъ горнихъ предѣловъ возлюбленныя сея царицы ищезла всякая горесть со трудомъ, а печаль со воздыханіемъ. Оттуду сатана со всѣми своими тмами низверженъ во адъ. Кая сила низвергла? Та, что тамъ жизнь не зависитъ отъ заботныхъ суетъ и суетныхъ заботъ. Тамъ живетъ едино точію нужное оное: *едино есть на потребу.* Оно есть и сродное, и легкое, и благолѣпное, и преподобное, и веселое, и полезное, безъ сребра и безъ горестей стяжаемое, какъ написано: *туне пріясте, туне дадите.* Внуши земле! Услыши роде человѣчь! Напиши на ногтѣ адамантовомъ, на вѣчныхъ сердца своего скрыжаляхъ Господню славу сію: *благословенъ еси, творяй нужное не труднымъ, трудное не нужнымъ.*

Какъ только Уріилъ (высказалъ) господствующую сію славу Вышняго, поднялся отъ преисподнихъ хулный шумъ, рыкъ, вой, свистъ, стонъ, каковъ бываетъ отъ дубравныхъ звѣрей, отъ нощныхъ птицъ, отъ блатныхъ жабъ, во время землетрясенія. Замялся, свиваясь и развиваясь въ безчисленныя свертки, адскій змій, пронзенъ изощренною сильнаго стрѣлою и варомъ палящихъ углій осипанъ, по оному: *иже отъ устенъ произноситъ премудрость, жезломъ біетъ мужа безсердечна.* На крилахъ Уріиловыхъ видѣнъ былъ видъ многоцѣннаго сапфира, превосходящій голубый сводъ благовиднаго неба. Сей божественный умъ, пустившій изъ устъ своихъ мечъ обоюду остръ, поразилъ сатану въ самое чрево его и убилъ блудодѣяніе. Варахіилъ же выстрѣлилъ праволучную стрѣлу молніину, пронзилъ дракона въ самое око его и убилъ похоть очесъ, по писанію: *око ругающееся отцу и досаждающее матери своей, да изводутъ оное вранове отъ дебрія.* Прежде же всѣхъ умертвилъ копіемъ Михаилъ любодѣйственное сердце его. Отъ того часа царство его и козни разоренны.

---

[1]) Не утерплю приписать тутъ пресладкихъ Епикуровыхъ словъ сихъ: Χαῖρε τῇ μακαρίᾳ φύσει, ὅτι τὰ ἀναγκαῖα ἐποίησεν εὐπόριστα, τὰ δὲ δυσπόριστα οὐκ ἀναγκαῖα, сіесть: благодареніе Богу, яко нужная сотвори легкостяжными, злостяжная же ненужными.

Библиотека "Руниверс"

Адское царство на чемъ основанно?

Простеръ же Рафаилъ іасписо-шарныя крила своя со Гавріиломъ и прелетѣвъ сѣде при боку Варахіилову. Потомъ возсмѣявся веселовидно изрече. Возрадовася Духъ мой яко Уріилъ, аки Финеесъ, во чрево, ты же, аки Сисарѣ, въ самое око его пробилъ ему главу его. Видъ же Варахіиловыхъ крилъ, аки видъ углей ражженныхъ отъ онаго углія: *стрѣлы сильнаго изощрены со углми поядающими, рожженно слово твое зѣло, и рабъ твой возлюби е; слово плоть бысть и вселися въ ны.* Тогда сей пламенѣющій орелъ, служитель въ молніи Вышнему, божественный Варакъ распростеръ крила своя и, помаявъ оныя, возгласилъ: сія есть побѣда, побѣдившая міръ, плоть и діавола—любовь наша; крѣпка яко смерть любовь. Жестока, яко адъ ревность Божія. Крила ея крила огненныя. Угліе огненное воспламеняетъ ее. О уголь! О возлюбленный нашъ анѳраксъ оный! [1]) *Злато земли оныя доброе и тамо анѳраксъ.* Сей дражайшій анфраксъ насъ Серафимовъ воспламеняетъ, творяй ангелы своя духами и слуги своя пламенемъ огненнымъ. Гласъ его оный... *Гласъ брата моего...* Сей единъ утѣшаетъ и укрѣпляетъ насъ. *Возвеселися не плоды!* Сей есть гласъ его. *Смиренная и колеблемая! Не имѣла еси утѣшенія.* Се азъ уготовляю тебѣ анѳраксъ,—камень твой—и на основаніе твое сапфиръ. И положу забрала твоя, іаспись и врата твоя, каменія кристалла, и огражденіе твое, каменія избранная—и правдою возградишися,—всякое орудіе, содѣланное на тя, и всякій гласъ, иже на тя востанетъ, на прю не благопоспѣшу. Одолѣеши имъ всѣмъ. Вся сыны твоя наученны Богомъ и во мнозѣ мирѣ чада твоя. Сіе есть наслѣдіе служащимъ Господеви и вы будете мнѣ праведны, глаголетъ Господь. Нынѣ желаніе наше исполнилось. Нынѣ услышана тричастная оная молитва Сироховская:

Господи, Отче, и Боже живота моего!
Да не пожретъ мя бездна мірская!
Возведша очи на прелесть Ею,
Да не поглотитъ мя пропасть чрева,
Угождающаго яко Богу. И да не свяжетъ мя
Студодѣйство, ищуща сладости въ мертвомъ блатѣ.

На сей тричастности стоитъ все адское царство.

Нынѣ мудрость одолѣла злобѣ, всѣ воспѣли такъ.

О сыне, рожденъ отъ Дѣвы
Во безстрастія глубинѣ!
Тричастную злобу души

---

[1]) Анѳраксъ есть слово еллинское, значитъ уголь горящій, значитъ же и драгоцѣнный камень, его же видъ есть, аки уголь горящій. Всѣ же драгоцѣнныи камни, яко сапфиръ, ѳарсісъ и протчіи, суть красотою своею и твердостію образы Божія премудрости.

Библиотека "Руниверс"

Потопи, молюся,
Да, якоже во тимпанѣ,
Во умерщвленномъ телеси
Воспою побѣдную пѣснь.

О языкъ трегубый, возглашая возгласилъ Варакъ, разорившій грады и превратившій домы вельможъ! Блаженъ обладаяй тобою. Се есть царствіе Божіе! Нѣсть его легчае, яко нѣсть нужнѣе, и нѣсть нужнѣе, яко нѣсть врожденнѣе его. И что есть Богъ, если не внутрь насъ пламенѣющая, аки искродышущій угль, блаженная оная врода: *безъ мене не можете творити ничесоже.* Что убо есть? Она носитъ горы и воды и весь трудъ нашъ. Она тонкоплотное небо и огнь десницею своею жметъ и держитъ. Кто убо присноблаженную и пренепорочную сію матерь нашу дерзаетъ нарещи трудною? Аще ли сатана сатану изгонитъ? Тако ниже трудностію трудъ уврачуется. Господи! Се трудъ воздаютъ тебѣ! Ты же еси веселіе и радость, миръ и упокоеніе. Правда твоя, яко солнце. И се сатана помрачаетъ! Міръ же свидѣтельствуетъ о лжѣ. Господи! Аще возможно есть, да мимо идетъ отъ тебе горкая чаша сія. Аще же не можетъ сія лжа мимо ити отъ тебе, буди воля твоя! [1])

Плачущася не плоды.

Во оно время слышанъ бысть жалостный гласъ на небеси. Вдова, бродящая по землѣ, оболченна въ темныя ризы, имущая родити сына, ищетъ мѣста, но не обрѣтаетъ, гонима зміемъ, пожерти плодъ чрева ея хотящимъ и во слѣдъ ея изблевающимъ потопъ блевотинъ. Сего ради скитается, рыдающая и вопіющая пѣснь сію.

[2]) Кто дастъ мнѣ крилѣ нынѣ? Кто дасть посребренны?
Кто дастъ мнѣ рама нынѣ? Кто дастъ восперенны?
Да лещу сквозѣ присно о Бозѣ
Отъ земна края даже до рая
И почію.
Се ехиднъ лютый бѣжитъ! Се мя достизаетъ!
Се челюсть адску на мя лютъ разверзаетъ!
Поглотить хощетъ, ядомъ клокощетъ,
Василискъ дивый, аспидъ питливый.
Ахъ увы мнѣ!

---

[1]) При Богѣ яко при зернѣ и истинѣ, не разлучно придержится, аки шелуха, лжа; но шелуху свиніи, хлѣбъ же ядятъ чада.

[2]) Сія пѣснь взята изъ трагедо-комедіи, нареченныя «Гонимая церьковь». Жена Апокалипсная тамъ, гонима зміемъ, поетъ, пѣснь сію или хоръ. Есть сіе милое твореніе Варлаама Лащевскаго, учившаго въ Кіевѣ и богословію съ еврейскимъ и еллинскимъ языкомъ и бывшаго предводителемъ въ послѣднемъ исправленіи Библіи. Почи архимандритомъ Донскимъ. Вѣчная память!

Библиотека "Руниверс"

Водъ горкихъ хлябы студно изблеваетъ черный.
Се мракъ! Се облакъ покры мя нынѣ вечерній!
Увы мнѣ нынѣ! Увы единѣ!
Гонитъ всѣмъ адомъ мене со чадомъ.
Нѣсть мнѣ мира.
Увы мнѣ! Горе! Увы! Что имамъ творити?
Кого на помощь дерзаю бѣдна молити?
Увы мнѣ нынѣ. Увы единѣ!
Гонитъ всѣмъ адомъ мене со чадомъ.
Нѣсть мнѣ мира.
Боже! Ты призри на мя съ высоты святыя
И приклонися странной на слезы ми сія.
Даждь крѣпость силы, бы не сдолѣли
Твоей рабынѣ уста зміины.
Ахъ! о Боже!
Кто дастъ мнѣ крила нынѣ? Кто дастъ голубины?
Да выспрь парю отъ сея адскія глубины....

Архангелы возлюбили прекрасную сію невѣсту Божію, скитающуюся по землѣ и не имущую, гдѣ главы подклонити, милосердствуя о ней. Михаилъ же, ражженъ ревностію, разширилъ посребренныя крила своя и устремився, аки ко страждущему своему птенцу орелъ, восхитилъ жену и посадилъ ее на радугѣ. Тогда цѣломудренная сія Сусанна [1]), не обрѣтеся между смертными на землѣ, да не злоба измѣнитъ разумъ ея или лесть прелститъ душу ея. Не праздная мати возсѣла со сыномъ своимъ на благокругломъ лукѣ облаковъ и сама сущи прекратившая потопъ радуга оная *виждь дугу и благослови сотворшаго ю. Зѣло прекрасна сіяніемъ своимъ.* Досадители же ея суть сіи: *премудрость и наказаніе уничтожаяй есть окаяненъ, и праздно упованіе ихъ, и труды безплодны, и неключима дѣла ихъ. Жены ихъ безумны и лукава чада ихъ, проклято рожденіе ихъ, яко блаженна есть не плоды не осквернена!* Тогда изъ облака возгремѣлъ Михаилъ къ живущимъ на землѣ симъ гласомъ: *сынове человѣческіи. Вскую любите лжу ядуще землю во вся дни живота вашего! Тако ли юродивы есте, сынове Израилевы?* Не испытавше, ни истины разумѣвше, осудисте дщерь Израилеву. О обветшалыи злыми днями вашими! Почто судите суды не праведны и не слышите глаголюща Бога: *неповинна и праведна не убивай. Имѣяй уши слышати до слышитъ!* Послѣ сего грома слышанна бысть издалеча въ горнемъ воинствѣ ангелскомъ пѣснь воспѣваема сія.

---

[1]) Сусанна слово еврейское, еллински κρίνον, римски, lilium, славенски, крынъ, малороссійски, лиліа.

Библиотека "Руниверс"

Пѣснь въ конецъ сего:

Испусти змій за женою изъ устъ своихъ воду, яко рѣку, да ю въ рѣцѣ потопитъ.

Воньми, небо и земля! Нынѣ ужаснися.
Море безднами всѣми согласно двигнися.
И ты быстро—текущій возвратися, Іордане.
Прійди скоро крестити Христа, Іоанне.
Краснозрачныи лѣсы стези оттворите,
Предитечу Іоанна ко Христу пустите.
Земныи же языцы купно съ нами всѣ ликуйте,
Ангелскіи хоры вси въ небѣ торжествуйте.
Снійде Спасъ во Іорданъ, ста въ его глубинѣ.
Се снійде и Духъ Святъ на-нь въ видѣ голубинѣ.
Сей есть Сынъ мой возлюбленный, Отецъ изъ облакъ вѣщаше.
Сей Мессіа обновитъ естество все ваше.
Освяти струи и намъ. Змію сотри главу.
Духа твоего, Христе, росу даждь и славу,
Да не потопитъ насъ змій. И мы вси отъ земна края
Да почити полещемъ до твоего рая.

Обновленіе мыра.

Седмь главъ суть сатанѣ, яко едина, глава же, аки заходящее солнце, мглою обезображенное. Вскорѣ потомъ лице земли покрылъ мракъ вечерній. Безчисленныи же нетопыры и нощныя птицы, лѣтая во мракѣ, неключимую хулу и клевету на славу Вышняго возвѣщали. Тогда явися и ангелское многое воинство, аки звѣзды небесныя, но разслабленно сіяющія. Архангелы, исполняя написанное: *во время оно разумный умолкнетъ* и плѣняясь краснѣйшія всѣхъ земныхъ дщерей красотою небесныя Сусанны, терпѣли и пребывали, молящеся тако: *Господи Боже нашъ! Правда твоя во свѣтѣ твоемъ. Свѣтъ же во правдѣ твоей. Истина твоя въ солнцѣ живетъ, солнце же стоитъ на истинѣ твоей. Се сіе знаменіе есть твое отъ тебе и тебѣ у насъ. Отъ тебе глаголъ сей твой и о тебѣ. Ты единъ и сотвориши его. Се лѣствица седмистепенная къ тебѣ намъ. И се сатана низверглъ ее! Онъ сотворилъ изъ нея врата адова, нарекъ нужное труднымъ, сладкое же горкимъ. И се врата адова одолѣваютъ людемъ твоимъ. Востани Господи! Востани, славо наша! Востани рано, возлегъ почилъ еси въ тучной горѣ твоей, аки левъ, многа лѣта спящій. Возбудися, яко Самсонъ. Сотвори величіе неплодящей твоей, коснися горамъ твоимъ—и воздымятся, блесни молнію и разжени супостаты, да во свѣтѣ твоемъ узримъ новый свѣтъ. И обновиши лице земли. Ты и вчера, и днесь, и во вѣки бывшій, сущій и будущій еси Аминь!*

Библиотека "Руниверс"

Помолившися же всерадостнымъ воскликнули гласомъ: *да будетъ новый свѣтъ!* И бысть новый свѣтъ. Абіе проникнуло радостное утро. Возсіяло солнушко, просвѣтило небеса, проповѣдующія славу Божію и обновило лице земли. И нарекоша ангелы вчерашній день тмою, днешній же день свѣтомъ. И бысть ветхій, и бысть новый свѣтъ; но день единъ и мыръ единъ. Древле сотворилъ Богъ мыръ въ седмь дней для человѣковъ; въ послѣдній же вѣки ради ангеловъ обновотворилъ его во единъ день, иже есть, яко тысяща лѣтъ, да исполнится пророчество верховнаго Петра: *покайтеся! Яко да прійдутъ времена прохладна отъ лица Господня; прійдетъ же день Господень, аки татъ въ нощи, въ онь же небеса убо со шумомъ мимо пойдутъ; нова же небесе и новыя земли чаемъ, въ нихъ же правда живетъ;* и Іоанново: *дѣти! Послѣдняя година есть; и мыръ преходитъ, и похоть его, творяй же волю Божію пребываетъ во вѣки; не взалчутъ к тому, ниже вжаждутъ, не имать же пасти на нихъ солнце, ниже всякъ зной, яко агнецъ, иже посредъ престола упасетъ ихъ; и наставитъ ихъ на животныя источники водъ; и отыметъ Богъ всяку слезу отъ очію ихъ...* А какъ только прешелъ и зашелъ ветхій мыръ, возсіяло же купно и Ноево, и новое время, и лѣто; тогда, во мгновеніи ока въ послѣдней трубѣ всѣ нощныя птицы, всѣ ядовитыи гады, всѣ лютыи звѣри, всякій трудъ и болѣзнь, и всѣ злыхъ духовъ легеоны, всѣ безчисленныи свитки, изблевающіи хулу на Вышняго, вихромъ возметаемы отъ лица земли, ищезоша. И се! Воспѣвающе воспѣли Архангелы и все ангелское воинство во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣснехъ духовныхъ побѣдную.

Пѣснь побѣдная.

[1]) Пой и воспой! Коль благъ Богъ твой!
Скоръ рукою за тобою
Въ день брани твоея стати,
Враги твоя супостаты
Погоняяй, поборяяй.
День и вечеръ пой. Нощь и утро пой.
Коль десница прославися!
Коль Мессіа возвысися
Во побѣдѣ дивныхъ, на хребтѣ противныхъ!

Антифонъ.

[2]) Я, Боже, тебѣ пѣснь нову,
Пѣснь Мойсейску, пѣснь Христову

[1]) И сія пѣснь изъ тогожде творенія Лащевскаго. Хоръ поетъ: егда избавися жена отъ змія. О пламень, поядшій Кіевскую библіотеку, такія и толикія манускрипты, коликую гибель сотворилъ еси?

[2]) Сіе самъ я на туюжде мелодію сличилъ изъ Давидовы пѣсни 143 стихъ 9:

Библиотека "Руниверс"

Воспою въ духовной лирѣ,
Въ десятострунной псалтырѣ.
Всякъ царь въ бою цѣлъ тобою,
Цѣлъ твой и Давидъ, мечемъ не убитъ.
Ты изволилъ мя изъяти,
Злоплеменнымъ не далъ яти.
Изъ устъ ихъ мечъ смерти готовъ мя пожерти,
И зла ихъ десница правды не держится.
Въ полкахъ же ангельскихъ слышанны были се сіи!
Воспоимъ Господеви! О Боже всесильный!
Еще нашъ пріялъ еси вопль и плачъ умилный.
Еще насъ не судиши въ конецъ отринути.
Побѣдихомъ. Падеся супостатъ нашъ лютый,
И антихристъ пріялъ казнь, домашній врагъ велій;
Ко намъ же возвратився грядетъ миръ веселый.
Онъ безбѣдно здравіе ведетъ за собою.
Нынѣ и день лучшею красенъ добротою.
И солнце силнѣйшіи лучи испущаетъ,
И лице краснѣйшее цвѣтъ полній являетъ. [1])

[2]) Зима прейде. Солнце ясно
Мыру откры лице красно.
Изъ подземной клѣти явишася цвѣты,
Мразомъ прежде побіенны.
Уже всѣ райскія птицы
Испущенны изъ темницы,
Повсюду лѣтаютъ, сладко воспѣваютъ,
Веселія исполненны.
Зеленыи поля въ травы
Шумящіи въ листъ дубравы
Встаютъ одѣваясь, смотря возсмѣваясь.
Ахъ коль сладко тамъ взирати!

Отъ днесь, открылися въ жаждущихъ поляхъ и пустыняхъ живыя воды источники. Явилися грады и жилища оная: *коль красны домы твои, Іякове*! Стропотныи горы оттворили стези свои, одѣваясь цвѣ-

---

Боже, пѣснь нову воспою тебѣ во псалт. десятостр. дающему спасеніе царямъ. Антіфонъ значитъ пѣніе во отвѣтъ.

[1]) Полній. Сіе значитъ не тое, что исполненный, но полевый, что въ полѣ. Сіи стихи суть изъ побѣдныя пѣсни Ѳеофана Прокоповича, ректора Кіевскія Академіи, трезычнѣ воспѣвшаго царю Петру, побѣдившему подъ Полтавою градомъ. Почи президентомъ въ Сунодѣ. Вѣчная память.

[2]) Сія пѣснь есть изъ древнихъ малороссійскихъ и есть милая икона, образующая весну; она пространна.

Библиотека "Руниверс"

тами оными: *Азъ цвѣтъ полній и крынъ удольній.* Дикій и безстранноприимный не приступный Кавказъ отверзлъ гостинницы свои странникамъ. Море сказало дорогу кораблямъ всѣмъ пловущимъ. Показалися плодоносніи островы, Кефы, Петры, гавани и мысы Добрыя Надежды. Отворилися спасительныи пристанища всѣмъ мореплавателямъ даже до древняго Ѳарсиса [1]) и до Одигитріи [2]) заблуждающимъ, до облачныя огнедышущія горницы, призирающіи на Александрію Фарійскія пирамиды [3]) Увидѣли славное царство и святую землю оную: *тамо роди тя мати твоя; Царя со славою узрите, и очи ваши узрятъ землю издалеча.* Преупокоилися на злачныхъ мѣстахъ и на блаженныхъ удоліяхъ, по писанію: *ядите ближніи и пійте, и упійтеся, братія.....* Отъ днесь возсіяли надъ главами святыхъ человѣковъ лучезарныи вѣнцы, окружающіи въ себѣ сію адамантову славу: *легко бытъ блаимъ.* Тогда и на мою главу возложенъ вѣнецъ нетлѣнный. Архангелы, пѣснь побѣдную воспѣвше, возлетѣли въ горняя и паки вселилися въ седми пирамидахъ, субботы велики нареченныхъ, призирающихъ и соблюдающихъ премудрости домъ седми—субботный, славяще Отца и Сына, и Святаго Духа вчера, днесь и во вѣки. Сіе видѣніе азъ, старецъ Данiилъ Варсава, воистину видѣхъ. Написахъ же во просвѣщеніе невѣждамъ блаженнымъ онымъ: *даждь премудрому вину... и во славу людей святыхъ Израиля.*

---

[1]) Ѳарсісъ есть драгоцѣнный камень, есть же и градъ, имущій кораблямъ лоно.

[2]) Одигитріа слово еллинское, значитъ путеводница, наставница. Отсюду во акаоистѣ: радуйся столпе, наставляя плавающія и протчая. Таковыи приморскіи турни, при затмѣніи звѣздъ, наставляютъ ко брегу плавателей горящимъ на нихъ огнемъ. Въ Библіи нарицается столпъ облачный, сирѣчь, высокій, до облаковъ досязающій, напримѣръ: *въ столпѣ облачнѣ глаголаше къ нимъ.* Образуется симъ столпомъ священная Библіа. Она то насъ, обуреваемыхъ въ морѣ мыра сего, наставляетъ къ гаванѣ оной, гдѣ убогій Лазарь со Авраамомъ и вся церковь почиваетъ. Сія гавань нарицается, еврейски, кифа или кефа, еллински, петра, сирѣчь, каменная гора, лоно и градъ. Что убо сія кифа и сей Апокалипсный градъ знаменуетъ? Пиръ оный Лотовъ съ дочерьми своими, о коемъ: *блаженъ иже снѣстъ обѣдъ во царствіи. Радости вашея никто же возметъ отъ васъ. Веселіе вѣчное надъ главою ихъ.* Глава наша есть сердце наше. Аще оно не болитъ и вѣчно радуется, сіе есть единое истинное блаженство—миръ, всякъ умъ превосходящій. Аминь!

[3]) Фарійская пирамида или турня не далече отъ устія рѣки Нила, гдѣ градъ Александріа.

Библиотека "Руниверс"

БЛАГОДАРНЫЙ ЕРОДІЙ.

Григорій Вар-сава [1]) Сковорода любезному другу Семену Никифоровичу Дятлову желаетъ мира Божія.

Проживая дни жизни по оному Сираховскому типику: *блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ, размышляяй пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ ея уразумится,* соплелъ я въ сіе 1787-е лѣто маленькую плетеницу или корзинку, нареченную *Благодарный ерод ій.* Се тебѣ даръ, друже! Пріими его еродіа по еродіеву, пріими парящаго и самъ сый парящій. Пріими сердцемъ Еродіево сердце, птица птицу. *Душа наша, яко птица.* Да будетъ плетенка сія зерцаломъ тебѣ сердца моего и памяткою нашея дружбы въ послѣдняя лѣта. Ты видь отецъ еси и самъ птенцы твоя воспитуеши. Я же есмь другъ твой, принесшій плетенку сію. Въ ней для младаго ума твоихъ птенцовъ обрящеши опрснокъ отъ оныхъ хлѣбовъ: *хлѣбъ сердце человѣку укрѣпитъ*... Всѣй въ нихъ зерно сіе сице: яко живетъ средѣ васъ нѣчтось дивное, чудное, странное и преславное, имущее явитися во свое ему время. Вы же со благоговѣніемъ ждите, яко рабы, чающіи Господа своего... Ничто же бо есть Богъ, точію сердце вселенныя; наше же сердце намъ же есть Господь и Духъ. Сіе домашнее они свое благо со временемъ узнавъ и плѣнився прекрасною его добротою, не станутъ безобразно

[1]) Вар, правдивѣе же Бар, есть слово еврейское, значитъ сынъ; Сава же есть слово сирское, значитъ субботу, покой, праздникъ, миръ. И такъ Вар-сава, сынъ Савинъ, сирѣчь, сынъ мира, такъ какъ Вар-іона есть сынъ голубицы.

Библиотека "Руниверс"

и бѣсновато гонитися за мырскими суетами и во всѣхъ злоудачахъ возмогутъ себе утѣшити сею Давидскою пѣсенькою: *возвратися, душа моя, въ покой твой и стези своя посредъ себе упокоятъ со Исаіею.* Ничимъ же бо бездна сія, сердце наше удовляется, токмо сама собою и тогда-то въ немъ сіяетъ вѣчная радости весна. Таковое сердце вродивъ птенцамъ твоимъ, будеши имъ сугубый, сирѣчь, истинный отецъ; чада же твоя будутъ истинныи, благодарныи, благочестивыи и самодоволныи ероди. Протчее же подобаетъ нѣчто сказать о ородійской природѣ. Они подобны журавлямъ, но свѣтлѣйшее періе и коралловый или свѣтло-червленный носъ. Не примиримыи враги зміямъ и буфонамъ, значитъ, ядовитымъ жабамъ. Имя сіе (еродіос), есть еллинское, значитъ боголюбный, иначе зовется пеларгос и ерогас, римски, киконіа, полски, боцянъ, малоросійски, гайстеръ. Сія птица освятилася въ богословская гаданія ради своея благодарности, прозорливости и человѣколюбія. Поминаетъ ее Давидъ и Іереміа. Они кормлятъ и носятъ родителей, паче же престарѣлыхъ. Гнѣздятся на домахъ, на киркахъ, на ихъ цпицахъ и на турняхъ, сирѣчь, горницахъ, пирамидахъ, теремахъ, вольно, вольно. Въ Гунгаріи видѣлъ я на каминахъ. Гаданіе—еллински символонъ. Первый символъ составляетъ она сей: сидитъ въ гнѣздѣ, на храмѣ святомъ утвержленномъ. Подъ образомъ подпись такова: *Господь утвержденіе мое.* Вторый символъ: стоитъ единъ ородій, подпись сія: *ничто же сильнѣе благочестія.* Третій символъ: ородій терзаетъ змія; подпись: *невозвращуся, дондеже скончаются.* Сіи три символы да будутъ знаменіемъ, гербомъ и печатію книжицы сея. Она совершилася въ первую квадру первыя луны осѣнныя. Аминь.

Тамо птицы возинъздяться. Ородіево жил. предвод. ими. Псаломъ. *Ородій позна время свое.* Іереміа.

Главизна и твердь книжицы.

Прійдите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ. Давидъ.

Аще сердце наше не осуждаетъ насъ, дерзновеніе имамы. Іоаннъ.

Сыне! храни сердце твое, люби душу твою. Сирахъ.

Разумывъ праведникъ себѣ другъ будетъ. Соломон.

Человѣкъ въ чести сый, не разумѣ... Давидъ.

Всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа, во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть. Іоаннъ.

Ородій позна время свое, Израиль же мене не позна. Іереміа.

Неблагодарнаго упованіе, яко иней зимный, растаетъ и изліется, яко вода неключима. Соломонъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИТЧА
НАРЕЧЕННА ЕРОДІЙ.

Въ ней разглагольствуетъ обезьяна со птенцомъ Ородіевымъ о воспитаніи.

Обезьяна по древней своей фамиліи именуемая Пишекъ. Она во африканскихъ горахъ, на рясномъ и превознесенномъ древѣ, со двома чадъ своихъ седмицами сидѣла. Въ то же время пролѣталъ мимо младый ородій. Госпожа Пишекъ, узрѣвъ его, ородій! ородій! воззвала къ нему, другъ мой, ородій, сынъ пеларговъ! Радуйся! Миръ тебѣ! Χαῖρε! Саламъ али кюмъ!.. [1]).

Ородій. А! а! Всемилостивая государыня! Бонъ-журъ! [2]) Кали имера! День добрый! Gehorsamer Diener! [3]) Дай, Богъ, радоваться! Salve! [4]) Спасайся во Господѣ!..

Пишекъ. Ай, другъ ты мой! Радуюся, яко начаша глаголати многими языки. Видно, что ученый обучалъ тебе попугай. Куда Богъ несетъ?

Ородій. Лечу за пищею для родителей.

Пишекъ. Вотъ бѣда! Ты ли родителей, а не они тебе кормятъ?

Ородій. Сіе нѣсть бѣда, но веселіе и блаженство мое. Они кормили мене въ младости моей, отъ младыхъ ногтей моихъ, а мнѣ подобаетъ кормить ихъ при старости ихъ. Сіе у насъ нарицается ἀντιπελαργεῖν, сирѣчь, возблагодовать или взаимно пеларгствовать, и еллины весь нашихъ птицъ родъ называютъ пеларгосъ. Но мы ихъ не точію кормимъ, но и носимъ за немощь, и старость ихъ.

Пишекъ. Чудо преестественное! Новость, рѣдкость, раритетъ, необыкновенность, капризъ, странная и дикая дичь... Сколько васъ у отца и матери чадъ?

Ородій. Я, и мнѣйшій мене братъ, ерогасъ, и сестра киконіа.

Пишекъ. Гдѣ вы обучалися во отроческіи лѣта?

Ородій. Нигдѣ. Мене и брата научалъ отецъ, а мати сестру.

Пишекъ. О мой Боже! Вездѣ цвѣтутъ славныи училища, въ коихъ всеязычныи обучаютъ попугаи. Для чего онъ васъ не отдавалъ? Онъ не убогъ. Какъ быть безъ воспитанія?

Ородій. Для того-же-то самаго сами насъ воспитали родители.

Пишекъ. Да его ли дѣло учить и воспитывать? Развѣ мало у насъ вездѣ учителей?

---

[1]) Χαῖρε есть поздравленіе еллинское радуйся! Саламъ-турское, славенски миръ да будетъ тебѣ!

[2]) Бонъ-журъ французское, добрый день! Кали имера грецкое, то-же.

[3]) Gehorsamer Diener—нѣмецкое, покорный слуга.

[4]) Salve (салуе)—римское благоденствуй! Спасайся!

Библиотека "Руниверс"

Еродій. Онъ самъ великій къ сему охотникъ, а мати ему во всемъ послѣдуетъ. Онъ славословитъ, яко двѣ суть главныя родительскія должности сіи: *благо родить и благо научить.* Аще кто ни единыя отъ сихъ двоихъ заповѣдей не соблюлъ, ни благо родилъ, ни благо научилъ, сей нѣсть отецъ чаду, но виновникъ вѣчныя погибели. Аще же родилъ видно благо, но не научилъ, таковъ, рече, есть полуотецъ, яко же достойно есть полу-мати чреворождившая, но не млекопитавшая, даровавшая пол-материства своего доилищѣ и погубившая половину чадолюбія. Аще, де, мѣсто владычнее сидѣніемъ рабскимъ безчестится, како не безобразится отческая должность, исправляема рабомъ или наемникомъ? Будѣ же отецъ извиняется скудостію времени, прощается тогда, когда обрящетъ лучшее дѣло. Но ничто же лучше есть благаго воспитанія: ни чинъ, ни богатство, ни фамиліа, ни милость вельможъ, развѣ благое рожденіе. Оно едино есть лучше всего и сего яко сѣмя щастію и зерно воспитанію.

Пишекъ. Благо родить разумѣеши ли? что ли?

Еродій. Не знаю. Знаю же, что онъ сіе поставляетъ извѣстнымъ для единыхъ избранныхъ Божіихъ. Иногда, де, во убогомъ домикѣ, исполненномъ страха Божія, другъ роду человѣческому благородится человѣкъ, не всегда же и въ царскихъ чертогахъ, да уразумѣемъ, яко не красота мыра сего, ни тварь какая либо, но едина благодать Божія благому рожденію виновна бываетъ и яко благородство не лѣтами къ намъ прицепляется, но раждается зерно его съ нами. Знаю же и сіе, яко мой отецъ, разъяренъ отъ коего либо негодяя, стрѣляетъ на его сими словами:

O quarta luna seminate!
O male utero gestate!
O mala mens et ingenium!

Иными же словами язвить не обыкъ никого.

Пишекъ. Протолкуй же мнѣ сіи уязвленія.

Еродій. Я силы ихъ не знаю, а скажу одинъ ихъ звонъ.

O въ четверту луну посѣянъ!
O злъ чревоношенъ матерью!
O злый уме и злая вродо!

Пишекъ. Конечно, отецъ твой знаетъ римскій и еллинскій языкъ?

Еродій. Столько знаетъ, сколько попугай по французски.

Пишекъ. Что се? Не ругаешься ли отцу твоему?

Еродій. Сохрани мя, Господи... Не такъ я рожденъ и воспитанъ. Я самую истину благочестиво сказалъ.

Пишекъ. Какъ же онъ, не наученъ римски, говоритъ римски?

Еродій. Есть у его другъ, не худо знающій римски и маленьку

Библиотека "Руниверс"

часть еллински. Съ нимъ онъ, часто бесѣдуя, научился сказать нѣсколько словъ и нѣсколько сентенцій.

Пишекъ. Ахъ, мой Боже! Какъ же онъ моглъ васъ воспитать, невѣжда сый?

Ерофій. О премудрая госпоже моя! Носится славная притча сія: *не ходи въ чужій монастыръ съ твоимъ уставомъ, а въ чужую церковь съ твоимъ типикомъ.* У насъ, не какъ у васъ, но совсѣмъ иный родъ воспитанія въ модѣ. У васъ воспитаніе зѣло драгое. У насъ же вельми дешевое. Мы воспитываемся даромъ. Вы же великою цѣною.

Пишекъ. Бездѣлица! Сотницу рубликовъ съ хвостикомъ потерять въ годъ на мальчика, а чрезъ 5 лѣтъ вдругъ онъ тебѣ и умница.

Ерофій. Госпоже! Деньга достаетъ и за моремъ. Но гдѣ ее взять? А воспитаніе и убогимъ нужно есть. И кошка блудлива [1]) не находитъ себѣ пристанища. Избавляетъ же отъ блуда насъ не деньга, но молитва туне.

Пишекъ. Я говорю не о подломъ, но о благородномъ воспитаніи.

Ерофій. А я размышляю не о богатомъ, но о спасительномъ воспитаніи.

Пишекъ. Полно же! Ты, вижу, старинныхъ и странныхъ думъ придерживаешься. Однакъ скажи: какъ онъ васъ воспиталъ? Чему научилъ? Ариѳметикѣ ли и геометріи? Ученому ли коему или шляхетному языку..?

Ерофій. Да мнѣ и сіе невѣдомо: кто есть ученый, а кто то шляхетный языкъ.

Пишекъ. Да ты же со мною привитался разными языками.

Ерофій. Да сколько же сказалося, столько и знаю, не больше.

Пишекъ. По крайней мѣрѣ танчить или играть на лютню...

Ерофій. А Богъ съ вами! Я и на балалайку, не только на цымбалахъ не умѣю.

Пишекъ. Ха! ха! хе! Ему лютня и цымбали все одно. И сего то не знаетъ. Но, другъ мой! Музыка великое врачевство во скорбехъ, утѣха же въ печали и забава въ щастіи. Да чего же онъ тебе научилъ? Скажи пожалуй!

Ерофій. Ничего.

Пишекъ. Умора! Ей! ей! уморилъ ты мене смѣхомъ... Такъ такъ то у васъ воспитываютъ?

Ерофій. Такъ!

---

[1]) Блудливый, блудный, есть тоже, что невоздержный и роскошный или сластолюбный. Сей, римски, слично зовется discinctus (дисцинктусъ), сіе есть, распоясанъ. Блудъ славенскій гласъ тоже, что расточеніе, разліяніе, нещадѣніе, мотовство, еллински, acomia, сирѣчь, нехраненіе. *О блудъ! Разоритель царствамъ, домамъ, людямъ, мати же его есть неблагодарность.*

Библиотека "Руниверс"

Пишекъ. Можетъ быть досталъ тебѣ чинокъ?

Еродій. Ни!

Пишекъ. Можетъ быть деньгу вамъ велику собралъ или имѣніе?

Еродій. Ни!

Пишекъ. Такъ что же? Роги золотыя вамъ на головѣ возрастилъ, что ли?

Еродій. Родилъ и возрастилъ намъ посребренныя крила, ноги, попирающія главы зміевъ, носъ, разтерзающій оныя. Се наша и пища и слава и забава!

Пишекъ. Да у васъ же крила черныя, по крайней мѣрѣ, смуглыя.

Еродій. Черныя видь, но лѣтаютъ путемъ посребреннымъ.

Пишекъ. Чего же либо научилъ васъ однакъ: нелзя не такъ. Конечно есть что то, на сердце вамъ напечатанное. Родители суть Божій, чада же суть родительскій списокъ, изображеніе, копіа. Какъ отъ яблони соки во вѣтвы своя, такъ родительскій духъ и нравъ преходитъ въ чада, дондеже отлучатся и нововкоренятся.

Еродій. Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хоть научить, хоть навычить, хоть извычить. Хоть ученый, хоть звычайный, хоть привычный есть тоже. Отъ природы, яко матери, легесенько спѣетъ наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь лѣтать, но не черепаху. Орла во мгновеніе навычишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко исправить на Кавказныя горы, привлечешь пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорнихъ водотечей, но не велблюда и не вепра. Аще всяческая строитъ премудрая и блаженная натура, тогда како не едина она и исцѣляетъ и научаетъ? Всякое дѣло спѣетъ, аще она путеводствуетъ. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будьто дорогу ей очищай: воистину сама она чисто и удачно совершитъ. Клубокъ самъ собою поточится изъ горы: отними только ему препятствующій претыканія камень. Не учи его котиться, а только помагай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень, отврати устремляющуюся на корень ея урыну и протчая. Учитель и врачъ— нѣсть врачъ и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и врачебницы, и учительницы. Буде кто чего хощетъ научитися, къ сему подобаетъ ему родитися. Ничтоже отъ человѣкъ, отъ Бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзаетъ безъ Бога научить или научитися, да памятуетъ пословицу: *волка въ плугъ, а онъ въ лугъ*. Доколѣ колцо виситъ изъ ноздрей свиньи, дотолѣ не роетъ. Выйми же: паки безобразитъ землю [1]). Сіе нѣсть воспитаніе и нѣсть

[1]) Такъ обуздаваются свиньи и нынѣ въ Англіи. Сей обычай былъ и древле,

Библиотека "Руниверс"

ученіе, но обузданіе, отъ человѣческія помощи происходящее, всѣхъ беззаконниковъ управляющее. Воспитаніе же истекаетъ отъ природы, вливающія въ сердце сѣмя благія воли, да помалу-малу, безъ препятствій возрасши, самовольно и доброхотно дѣлаемъ все тое, еже свято и угодно есть предъ Богомъ и человѣки. Коликое идолопоклонство восписывать человѣческимъ наукамъ и человѣческимъ языкамъ восприносить и воспричитать воспитаніе? Кая полза ангельскій языкъ безъ добрыя мысли? Кій плодъ тонкая наука безъ сердца благаго? Развѣ еже орудіе злобы, бѣшенству мечъ и притчею сказать, *крила и роги свиніи*. Воззримъ, госпоже моя, на весь родъ человѣческій! У нихъ науки яко же на торжищахъ купля: киплятъ и мятутся. Обаче они хищнѣе суть птицъ, не воздержнѣе скотовъ, злобнѣе звѣрей, лукавѣе гадовъ, безпокойнѣе рыбъ, невѣрнѣе моря, опаснѣе африканскихъ пѣсковъ... Чего ради? Того ради, яко злѣ родятся. Природа благая есть всему начало и безъ нея ничто же бысть, еже бысть благо. Благодарю убо неизреченнымъ образомъ Богу, во образѣ его святомъ, во отцѣ моемъ, яко благо отъ его родитися сподобилъ мя есть. Вторая же икона Божія намъ есть мати наша. Сего ради главнымъ Божіимъ дарованіемъ одаренъ чрезъ родителей моихъ; все протчее человѣческое: чинъ, богатство, науки и всѣ вѣтроносныи ихъ блонды и пукли съ кудрями [2]) вмѣняю во хвостъ, безъ коего голова и живетъ и чтится и веселится, но не хвостъ безъ головы.

Пишекъ. Убо чтоли есть благо родитися и благая природа есть что ли?

Ерод1й. Благая природа и врода есть благое сердце.

Пишекъ. Что ли есть сердце благое.

Ерод1й. Сердце благое есть тоже, что приснотекущій источникъ, точащій чистыя вѣчно струи, знай, мысли.

Пишекъ. Чтоли суть мысли?

Ерод1й. Сѣмя благихъ дѣлъ.

Пишекъ. Дѣла же благая суть чтоли?

Ерод1й. Добрыи плоды, приносиміи Богу, родителямъ, благодѣтелямъ въ честь, славу и жертву;

Пишекъ. Зачемъ же мнѣ сердце твое не видно?

Ерод1й. Тѣмъ что древеснаго корня не видишь.

Пишекъ. А вѣдь вся влага отъ кореня.

какъ видно изъ Соломоновыхъ притчей. *Яко же колцо златое въ ноздрахъ свиніи* и протчая.

[2]) Блонды, пукли, кудри сіе значитъ внѣшнее украшеніе, коимъ мыръ сей, во злѣ лежащій, аки блудница, украшается, презрѣвъ совѣтъ Христовъ: *лицемѣре! омый прежде внутренность скляницы.*

Библиотека "Руниверс"

Еродій. Отъ сердца же всѣ совѣты.

Пишекъ. Кая же твоя природа или врода? Къ чему ты рожденъ или врожденное тебѣ что-ли? Скажи, молю.

Еродій. Благодарность: вотъ вамъ начало и конецъ моего рожденія!

Пишекъ. Ахъ мой Боже! И ты на семъ одномъ храмину щастія основалъ? Тако ли?

Еродій. Ей! ей! Тритысящолѣтная пещь не опално соблюла притчу сію: *много хитростей знаетъ лиса* [1]) *а ежъ одно великое.*

Пишекъ. Но можетъ ли отъ дождевныхъ безгодій спасти сія, такъ сказать, куртая и кущая куртинка?

Еродій. Довлѣетъ, какъ ковчегъ.

Пишекъ. Мнѣ кажется, сія надежда есть паучинная одежда.

Еродій. И мнѣ видится малымъ червончикъ, но тайно тамъ много сидитъ гривень.

Пишекъ. Сего же то-ли единаго учитъ тебе твой отецъ?

Еродій. Единаго точію сего. Онъ родилъ мнѣ крила, а я самъ научился лѣтать. Онъ вродилъ мнѣ благое сердце, я же самовольно навыкаю и глумлюся, сирѣчь, забавляюся благодарностью. Онъ только часто отсѣкаетъ мнѣ волчцы, разумѣй, поступки мои, не сличныи благодаренію, оропаетъ бесѣдою, оживляющею ко благодарности. Всѣ же бесѣды его, какъ магнитная стрѣла въ сѣверную точку, праволучно поражаютъ въ сей конъ: не благодарная воля ключъ адскихъ мученій, благодарная же воля есть всѣхъ сладостей рай. Сыне (часто вопіетъ на мене), сыне мой! Эй! Учися единыя благодарности. Учися, сидяй въ дому, летяй путемъ, и засыпая и просыпаясь. Ты рожденъ еси благо, и сія наука есть дщерь природы твоея. Да будетъ она тебѣ сладчайшимъ и вечернимъ, и раннимъ, и обѣднимъ кускомъ! Знай, что всѣ протчія науки суть рабыни сея царицы. Не буди буій! Не хватайся за хвостъ, минувъ голову. Пріемли и обращай все во благо. Да будетъ душа твоя желудкомъ птицъ, кои пѣсокъ, черепашины и камушки обращаютъ себѣ, вареніемъ крѣпкаго своего внутренняго жара, въ питательныи свои соки. Неблагодарная и ропотливая душа есть тоже, что больный желудокъ, гнушающійся всякія пищи. Благодарность же есть твердь и здравіе сердца, пріемлющаго все во благо и укрѣпляющагося. Плоды блаженныя жизни суть радость, веселіе и удовольствіе; корень же ихъ и древо благолиственное есть тишина сердечная, а кореню зерномъ есть благодарность. Она есть духъ чистый, тихій, благодушный, благовонный, весна и ведро свѣтлаго смысла. Не трещитъ тамъ молнія и громъ. Вопреки же все терніе

[1]) Еллинска пословица есть такъ: πολλὰ μὲν οἶδεν ἡ Ἀλώπηξ, ἀλλ' Ἐχῖδνος ἓν μέγα; римски: multa novit Vulpes, sed Echidnus unum magnum.

Библиотека "Руниверс"

и волчцы раждаются отъ несытыя піявицы зависти, зависть же отъ ропота, ропотъ же отъ неблагодарныя воли, наполнившія сердечное нѣдро неусыпаемымъ червіемъ, безпереривно, денно и нощно душу гризущимъ. Ахъ! Дѣти мои! Дѣти! Вотъ вамъ надежда и гавань! Еухаристіа.

Пишекъ. А что ли сіе слово значитъ (Еухаристіа)?

Еродій. Еллины симъ словомъ называютъ благодареніе.

Пишекъ. И такъ симъ то образомъ васъ учитъ вашъ отецъ? Кому же вы сіе благодареніе ваше воздавать будете?

Еродій. Богу, родителямъ и благодѣтелямъ. Оно Богу жертва, родителямъ честь, а благодѣтелямъ воздаяніе. Обладатели суть первыи благодѣтели.

Пишекъ. Чудная форма воспитанія. У насъ бы осмѣяли изъ ногъ до головы васъ. Гдѣ сія мода? Развѣ въ лунѣ или въ дикой Америкѣ?

Еродій. Отецъ нашъ вельми страннаго сердца. Изъ тысящи сердецъ едва одно найти, согласное ему.

Пишекъ. Такъ что же протчее?

Еродій. Такъ не дивитеся чудной формѣ.

Пишекъ. Какъ же такъ? Видь не должно отставать отъ людей, а люде и мода одно то.

Еродій. О! о! о! Онъ отъ сея думы далечае, нежели китайская столица отъ португалскія. Онъ намъ часто пречасто сію притчу спѣваетъ:

По мосту, мосточку съ народомъ ходи,
По разуму жъ его себе не веди.
За жукомъ ползая, влѣзешь и самъ въ глинку.

Онъ всегда благовѣститъ намъ, что мода тожде есть, что миръ, миръ же есть море потопляющихся, страна моровою язвою прокаженныхъ, ограда лютыхъ львовъ, острогъ плененныхъ, торжище блудниковъ, удица сластолюбная, пещь, распаляющая похоти, пиръ бѣснующихся, ликъ и короводъ пяно-сумозбродныхъ, и не истрезвлятся, дондеже изнурятся, кратко сказать, слѣпцы за слѣпцемъ въ бездну грядуще. Блаженъ мужъ, иже не идетъ на путь его. Въ началѣ видь врата его красны и путь пространный, конецъ же его не проходимая пропасть, нетренная дебря, бездна глубока. Ахъ! каковыхъ онъ пріемлетъ къ себѣ? Каковыми же паки отпущаетъ отъ себе юношъ? Если бы ваше, дѣти мои, око прозирало такъ, какъ мое, показалися бы и въ вашихъ очахъ слезы. Но око ваше есть слѣпо, и злодѣй вашъ хитръ; сіе источаетъ мнѣ слезы. О юноши! Когда помышляю о васъ, въ миръ устремляющихся, нельзя, чтобъ не пала мнѣ во умъ притча о волкѣ, кой, пожерши матерь, незлобныхъ агнцовъ и, надѣвъ кожу ея на себе, приближился къ стаду. Сынъ же, увидѣвъ мнимую матерь свою, со

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ силъ устремился къ ней, а за нимъ безчисленныи. Такожде мнѣ приходятъ на память наша братія—птицы тетерваки, гоняющіися за изобиліемъ пищи и уловляемыи. Но чайки, сосѣдки и дятлы бережливѣе ихъ столько, сколько елени и сайгаки овецъ и воловъ. Послушайте, дѣти, отца вашего пѣсеньки сея:

Будь доволенъ малымъ. За многимъ не гонися.
Сѣти простерты на ловъ: вельми бережися.
Я вамъ предсказываю—роскошно не жити!
На таковыхъ то всегда запинаютъ сѣти.
Триста пали въ неволю по горячей страсти,
Шесть-сотъ плачутъ въ болѣзняхъ за временны сласти.
Кто благодаренъ Богу, тотъ малымъ доволенъ,
А ропотникъ всѣмъ мыромъ не сытъ и не поленъ.
Благодарная душа избѣжитъ отъ сѣти;
Вмѣсто же ея въ сѣти попадетъ несытый.

Не правду ли я сказалъ, госпоже моя, что отецъ нашъ нравоученіе всегда печатлѣетъ благодарностію? Во благодарности (рече) такъ сокрылося всякое благо, какъ огнь и свѣтъ утаился во кремешкѣ. Вѣрую и исповѣдую. Кто бо можетъ возложить руки на чуждое, аще не прежде погубитъ благодарность, довольствующуюся собственнымъ своимъ, посылаемымъ ей отъ Бога? Изъ неблагодарности унынie, тоска и жажда, изъ жажды зависть, изъ зависти—лесть, хищеніе, татьба, кровопролитіе и вся беззаконій бездна. Въ бездиѣ же сей царствуетъ вѣчная печаль, смущеніе, отчаяніе и съ неусыпнымъ червіемъ удка, увязшая въ сердце. Симъ образомъ живетъ весь миръ.

Пишекъ. Но, другъ мой! Поколь миръ впадетъ въ ровъ отчаянія, вы, съ вашею богинею благодарностію, прежде погибните отъ глада, не научившися сыскать мѣсто для пропитанія.

Ерoдій. Такъ ли? Въ семъ-то ли блаженство живетъ? Имѣть пропитаніе? Вижу убо нынѣ, что по вашей желудковой и череватой философіи блаженнѣйшая есть засаженная въ тюрму, нежели вольная свинья.

Пишекъ. Вотъ онъ! Чортъ знаетъ, что поетъ! Развѣ же голодъ—то не мука?

Ерoдій. Сію муку исцѣлитъ мука.

Пишекъ. Да гдѣ же ее взять?

Ерoдій. Когда свинья имѣетъ, какъ ли намъ не достать пищи? Да и гдѣ вы видите, что свинія или нашъ братъ, тетервакъ, отъ глада умираетъ? Но отъ прожорства или умираетъ, или страдаетъ. Можетъ ли быть безуміе безумнѣйшее и мерзостнѣйшая неблагодарность Богу, промышляющему о насъ, какъ бояться глада? Нужнаго видь никто не лишается. По что клевещете на Владыку вселенныя,

Библиотека "Руниверс"

аки бы онъ гладомъ погублялъ своихъ домочадцовъ? Пища насущна отъ небеснаго Отца всѣмъ подается тварямъ. Будь только малымъ доволенъ. Не жажди не нужнаго и лишняго. Не за нужнымъ, но за лишнимъ за море пловутъ. Отъ ненужнаго и лишняго—всякая трудность, всяка погибель. Всякая нужность видь есть дешева и всякая лишность есть дорога. Для чего дорога и трудна? Для того что не нужна и на противъ того. Мы гайстры есмы. Ямы зеліе, вкушаемъ зерно, поядаемъ зміи, рѣдко снѣдаемъ буфоны и пищи никогда не лишаемся; только боимся прожорливости. О Боже! Кая чародѣйка ослѣпила очи наши не видѣти, что природная нужда малою малостію и малскимъ малымъ удовляется и что необузданная похоть есть тожде, что питливая піявица, раждающая во единъ день тысящу дщерей, никогда же рекшихъ: *довлѣетъ!*

Пишекъ. Отригну слово еллинское: μάλα εὖ или турское: пекъ эи. Вельми добрѣ. Благо же! Но питливая піявица разнообразно изъ околичностей можетъ видь помалу, малу насосать себѣ многаго добреца, но уже сухая ваша не мазаная, по пословицѣ, и нѣмая благодарность, скажи молю, кія вамъ принесетъ плоды? Чинокъ ли, или грунтикъ, или имперіаликъ, что ли? скажи, умилосердись!

Еродій. Она намъ не приноситъ многихъ плодовъ, но единъ великій.

Пишекъ. Въ одномъ не много видь добраго найдешь.

Еродій. Отецъ нашъ славословитъ, что все всяческое, всякая всячина и всякая сплетка, соплетающая множество, нѣсть блаженная; токмо блаженное есть едино *тое,* что *единое* точію есть. На семъ *единомъ,* сего же ради и *святомъ,* птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ; еродіево же жилище предводителствуетъ ими. Окаяненъ (рече) всякъ человѣкъ есть и всуе мятется, не обрѣтшій *единое.*

Пишекъ. Да подай же мнѣ въ руки оное твое *единое*!

Еродій. Премудрая и цѣломудрая госпоже! Наше добро во огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ, тля не тлитъ, тать не крадетъ. Какъ же вамъ показать? Я единосердеченъ отцу есмь и въ томъ, что щастія и нещастія нельзя видѣть. Обое сіе духъ есть, простѣе сказать, мысль. Мысли въ сердцѣ, а сердце съ нимъ, будьто со своими крылами. Но сердце не видное. Ведро ли въ немъ и весна и бракъ или война, молнія и громъ, не видно. Отсюду-то и прелщеніе, когда нещасныхъ щасливыми, вопреки же, блаженныхъ творимъ бѣдными.

Пишекъ. Однакъ я ничему не вѣрю, поколь не ощупаю и не увижу. Таковая у мене изъ младыхъ лѣтъ мода.

Еродій. Сія мода есть слѣпецкая. Онъ ничему не вѣритъ, поколь не ощупаетъ лбомъ стѣны и не падетъ въ ровъ.

Библиотека "Руниверс"

Пишекъ. По крайней мѣрѣ назови именемъ духовное твое оное едино. Что-ли оно?

Еродій. Не хочется говорить. Певно оно вамъ постылою покажется пустошью.

Пишекъ. Здѣлай милость: открой! Не мучи.

Еродій. Оно еллински именуется: χαρὰ или εὐφροσύνη. (эвфросина).

Пишекъ. Но протолкуй же Христа ради, что значитъ сія твоя харя?

Еродій. Будете видь смѣяться.

Пишекъ. Что жъ тебѣ нужды? Смѣхъ сей есть пріятельскій.

Еродій. Оно есть веселіе и радость.

Пишекъ. Ха! ха! ха! ха!.. Христа ради дай мнѣ отдохнуть... Уморишь смѣхомъ... Здравствуй же и радуйся, голъ да весіолъ! Ты мнѣ симъ смѣхомъ на три дни здравія призапасилъ.

Еродій. Для мене видь лучше веселіе безъ богатства, нежели богатство безъ веселія.

Пишекъ. О мати Божая! Помилуй насъ... Да откуду же тебѣ радость сія и веселіе? Оттуду, что ты голъ? Вотъ! въ какую пустошь ваша васъ приводитъ благодарность. Хорошо веселиться тогда, когда есть чемъ. Веселіе такъ, какъ благовонное яблочко. Оно не бываетъ безъ яблони. Надежда есть сего яблока яблонь. Но нетверда радость, вѣтренно веселіе есть что-ли? Пустая мечта, мечетна пустыня, соніе востающаго.

Еродій. Воистину тако есть. Всякъ тѣмъ веселится, что обожаетъ обожаетъ же тое, на что надѣется. Павлинъ надѣется на красоту, соколъ на быстроту, орелъ на величество, еродій же веселится тѣмъ, что гнѣздо его твердо на единѣ. Порицаете во мнѣ тое, что я голъ да весіолъ. Но сіе-же то самое веселитъ мене, что моя надежна надѣжа не на богатствѣ. Надѣющійся на богатство въ кипящихъ морскихъ волнахъ ищетъ гавани. Радуюся и веселюся, яко гнѣздо наше— не на сахарномъ ліодкѣ, не на золотомъ пѣскѣ, не на буяномъ возкѣ, но на облачномъ сполпѣ возлюбленнаго храма, красящаго всю кифу, кифу адамантову, святаго Петра кифу, ей же врата адова во вѣкъ не одолѣютъ. Въ протчемъ, въ кую суету наша насъ воводитъ благодарность? Не клевещите ее! Она никогда не низводитъ во врата адова. Она избавляетъ отъ вратъ смертныхъ. Благодарность входитъ во врата Господня, неблагодарность во адская, возлюбивъ суету мыра сего паче бысерей, иже суть заповѣди Господни и путь нечестивыхъ, аки свинія блато, предизбравшая паче пути, имъ же ходятъ блаженны непорочныи. Что бо есть оный Богъ: *въ нихъ же Богъ мыра сего ослѣпилъ разумы?* Богъ сей есть неблагодарность. Всѣ духомъ ея водимыи, аки стадо гергесенское, потопляются во езерѣ суетъ и увязаютъ во блатѣ своихъ тлѣнностей, ядуще вся дни живота сво-

Библиотека "Руниверс"

его и не насыщающеся, жаждущіи, ропотливы и день отъ дня неблагодарны; понеже бо не искусиша Божія заповѣди имѣти въ разумѣ и презрѣли вкусити ангелскаго сего хлѣба, услаждающаго и насыщающаго сердце; сего ради предаде ихъ Вышній во свинныи мудрованія искати сытости и сладости тамъ, гдѣ ея не бывало, и боятися страха, идѣже не бѣ страхъ, дабы изъ единыя несытости 300 и изъ единыя неблагодарности 600 родилося дщерей, во истомленіе и мученіе сердцамъ и тѣлесамъ ихъ и во исполненіе Исаиныхъ словъ: *сами себе разжегосте огнь вожделеній вашихъ, ходите убо во пламень огня вашего и опаляйтеся.* Не гордость ли низвергнула сатану въ преисподнюю бездну? Она изгнала изъ рая Адама. Что убо есть рай? Что ли есть благовидная свѣтлость высоты небесныя, аще не заповѣди Господни, просвѣщающія очи? Что же паки есть гордость, аще не бѣсовская мудрость, предпочитающая драгоцѣнныя одежды, сластныя трапезы, свѣтлыя чертоги, позлащенныя колесницы и аки бы престолъ свой поставляющая вышше скиптра и царствія Божія, вышше воли и заповѣдей Его? Не только же, но и всѣ служебныи духи (разумѣй науки мырскія) возносятся и возсѣдаютъ вышше царицы своея, вышше Божія премудрости. Кто есть мати сихъ бл...выхъ и презорливыхъ бѣсиковъ? Гордость. Гордости же кто мати? Зависть. Зависти же кто? Похоть. Похоти же кто? Неблагодарность. Неблагодарности же кто? Никто! Тутъ корень и адское тутъ дно. Сія адская душка жаждна утроба, алчная бездна, рай заповѣдей Господнихъ презрѣвшая, никогда же ничимъ же удовляется, дондеже живетъ, пламенемъ и аврастіемъ похотей опаляется, по смерти же горѣе жжется угліемъ и жупелемъ своихъ вожделѣній. Что бо есть сердце, аще не пещь, горящая и дымящая вѣчно? Что же паки есть смерть, аще не отъ сновъ главный сонъ? Беззаконную бо душу, не спящую видь во внутреннемъ судилищѣ, зерцаломъ, тайнообразующимъ живо беззаконія, тайно уязвляетъ свѣжая память, во снѣ же горѣе ужасными мечтами, страшными привидѣній театрами и дикообразными страшилищами смущаетъ и мучитъ таяжде вѣчности памятная книга, грозящи достойною местью. Изъ неблагодарнаго сердца, аки изъ горнила Вавилонскаго, похотный огнь пламенными крилами развѣваяся, насиліемъ сердце восхищаетъ, да, яже ненавидитъ, таяжде и творитъ и тѣми жде мучится. Ничто же бо есть вѣчная мука, токмо отъ самаго себе осуждатися, быти достойнымъ мести. Грѣхъ же достоинствомъ, аки жаломъ, уязвляетъ душу, покрывающей тмѣ и находящу страху. Надлѣтаетъ же страхъ оттуду, яко помыслы, не обрѣтая помощи, аки гавани, и не видя ни малаго свѣта надежды; помышляя ужасаются, разсуждая недоумѣваютъ, како бы улучити исходъ злоключенію... Отсюду раскаеваются безъ ползы, болятъ безъ отрады, желаютъ безъ надежды. Вотъ сей есть исходъ сердцу неблагодарну!

Библиотека "Руниверс"

Пишекъ. Уа! Какъ балалайку, наладилъ тебе твой отецъ. Бряцаешь не вовся глупо. Для мене мило, что сердце есть тоже, что пещь.

Ерод1й. Всякое сердце есть жертвенникъ, огнище или каминокъ...

Пишекъ. Что жъ ты замолкъ?

Ерод1й. Желаніе есть-то неугасаемый огнь, день и нощь горящій. Дрова суть-то вся, желаемая нами. Сіе горнило и сія бездна—угліе огненное, куреніе дыма восходящія до небесъ и нисходящія до безднъ пламенныя волны вѣчно изблеваетъ, сама сущи морскихъ безднъ и ширина небесъ всѣхъ. Тутъ-то слично подобаетъ сказать святаго Исидора слово. *О человѣче! Почто дивишься высотамъ звѣзднымъ и морскимъ глубинамъ? Внійди въ бездну сердца твоего! Тутъ-то дивися, аще имаши очи.* О! Глубокое сердце человѣку. И кто познаетъ его? О! Сердце и воля, безпредѣльный и безконечный аде!

Пишекъ. Видь же и твое сердце горитъ, куритъ и дымится, кипитъ, клокощетъ, пѣнится. Такъ ли?

Ерод1й. Содома видь горитъ, куритъ и протчая, сирѣчь, неблагодарное сердце. О всѣхъ бо неблагодарныхъ пишется: *горе имъ, яко въ путь Каиновъ поидоша...* Но не всѣ же суть сердца Каиновы. Суть и Авелевы жертвенники благовонныи, яко кадило дымъ, возвѣвающій во обоняніе Господа Вседержителя. Не вѣсте ли, госпоже моя, яко пеларгіянскій родъ есмы, раждаемыи ко благодарности? Сего ради и отъ человѣкъ благочестивыи нашимъ именемъ знаменаются (еродіос), Божіе бо благоуханіе есмы. Не воздаемъ безумія Богу; тщаніемъ не лѣнивы, духомъ горяще, Господеви работающе, упованіемъ радующеся, скорби терпяще, въ молитвахъ пребывающе, о всемъ благодаряще, всегда радующеся.

Пишекъ. Развѣ же у васъ благочестіе и благодарность есть тожде?

Ерод1й. Развѣ же то не тожде есть: благое чествовать и благій даръ за благо почитать? Благочестіе чествуетъ тогда, когда благодарность почтетъ за благое. Благочестность есть дщерь благодарности. Благодарность есть дщерь духа вѣры. Тутъ верхъ... Вотъ вамъ Араратская гора!

Пишекъ. Признаюся, друже, что сердце мое нудится, дивится сердцу неописанной (по глаголу твоему) безднѣ. Оно мнѣ часъ отъ часу удивителнѣе. Слово твое дѣйствуетъ во мнѣ, будто жало, впущенное въ сердце пчелою.

Ерод1й. Сего ради ублажаю васъ.

Пишекъ. О чемъ?

Ерод1й. О томъ, что ваше желаніе или аппетитъ началъ остритися ко единой сладчайшей и спасителнѣйшей со всѣхъ пищей пищѣ. Какъ денница солнце, такъ сіе знаменіе ведетъ за собою здравіе. Недужной утробѣ мерзка есть ядь самая лучшая и ядъ для нея. Здра-

Библиотека "Руниверс"

вое же и обновленное, яко орляя юность, Господемъ сердце преображаетъ и ядъ въ сладкополезну ядь. Кая спасителнѣе пища, какъ бесѣда о Богѣ? И всѣ гнушаются. Что горестнѣе есть, какъ пароксизмами мырскихъ суетъ волноватися? И всѣ услаждаются. Откуду сія превратность? Оттуду, яко глава у нихъ болитъ. Больны, послѣды же мертвы, и нѣсть Елиссея сихъ умонедужныхъ и сердобольныхъ отроковъ воскресити. Что бо есть въ человѣкѣ глава, аще не сердце? Корень древу, солнце мыру, царь народу, сердце же человѣку есть корень, солнце, царь и глава. Мати же что-ли есть болящаго сего отрока, аще не перло-матерь, плоть тѣла нашего, соблюдающая во утробѣ своей бысеръ оный: *сыне! Храни сердце твое. Сыне! Даждь мнѣ сердце твое. Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже.* О блаженъ! сохранившій цѣло цѣну сего маргарита. О благодарностеl Дщерь Господа Саваоѳа! Здравіе жизнь и воскресеніе сердцу.

Пишекъ. Пожалуй еще что либо поговори о сердцѣ. Вельми люблю.

Ородій. О любезная госпоже моя! Повѣрьте, что совершенно будете спокойны тогда, когда и думать и бесѣдовать о сердцѣ не будетъ вамъ ни омерзѣнія, ни сытости. Сей есть самый благородный глумъ. Любители же его нареченны *Царское священіе.*

Пишекъ. Для чего?

Ородій. Для того, что вся протчая дѣла суть хвостъ, сіе-же есть глава и царь.

Пишекъ. Ба! А что значитъ глумъ? Я вовсе не разумѣю. Мню, яко иностранное слово сіе.

Ородій. Никако. Оно есть ветхославенское, значитъ то же, что забава, еллински (διατριβή, діатріба), сирѣчь, провожденіе времени. Сей глумъ толико великъ, яко нарочито Богъ возбуждаетъ къ нему: *упразднитеся и уразумѣйте,* толико же славенъ, яко Давидъ имъ якоже царскимъ, хвалится: *поглумлюся въ заповѣдехъ твоихъ.* Древле единъ точію Израиль сею забавою утѣшался и нареченъ языкомъ святымъ, протчіи же языцы, гонящіи и хранящіи суетная и ложная,— псами и свиніями. Сей царскій театръ и дивный позоръ всегда былъ присный и неразлучный, всѣмъ любомудрымъ, благочестивымъ и блаженнымъ людемъ. Всякое позорище ведетъ за собою скуку и омерзѣніе, кромѣ сего; паче же сказать, чемъ болѣе зрится, тѣмъ живѣе рвется ревность и желаніе. Елико внутреннѣе отверзается, толико множайшая и сладчайшая чудеса открываются. Не сей ли есть сладчайшій и несытый сотъ вѣчности? Мыръ не-сытый есть, яко неудовляетъ. Вѣчность несыта, яко не огорчаетъ. Сего ради глаголетъ: *сыне! храни сердце твое.* Разжевавъ скажите такъ: сыне! отврати очи твои отъ суетъ мырскихъ; перестань примѣчать враки его; обрати сердечное око твое во твое же сердце. Тутъ дѣлай наблюденія; тутъ стань на стражѣ

Библиотека "Руниверс"

со Аввакумомъ; тутъ тебѣ обсерваторіумъ; тутъ-то узришъ, чего никогда не видалъ, тутъ-то надивишься, насладишься и упокоишься.

Пишекъ. Но для чего, скажи мнѣ, всѣ сердце презираютъ?

Еродій. Для того, что всѣ его цѣны не прозираютъ. Сердце подобно царю, во убогой хижинкѣ и въ ризѣ живущему. Всякъ его презираетъ. А кому явилося величествіе его, тотъ, падъ ницъ, раболѣпно ему поклоняется и, сколь можно, все презрѣвъ, наслаждается его и лица и бесѣды. Слово сіе—*сыне! храни сердце твое*—сей толкъ и сокъ утаеваетъ: сыне! не взирай на то, что твое тѣлишко есть убогая хижинка и что плоть твоя есть плетка и тканка простонародная, портище подлое, слабое и не чистое. Не суди по лицу ничего, никого ни себе. Въ хижинкѣ той и подъ убогою тою одеждою найдешь тамъ царя твоего, отца твоего, домъ твой, ковчегъ его, кифу, гавань, петру и спасеніе твое. Быстро только храни, блюди и примѣчай. А когда паки Давидъ говоритъ—*поглумлюся въ заповѣдѣхъ твоихъ*—не тоже ли есть, что сказать такъ: наслаждуся твоего лица, словесъ твоихъ, совѣтовъ и повелѣній? Самое видь величествіе его неизреченно удивляетъ прозорливца. Не пустый видь вопль сей: *исповѣмся Тебѣ, яко страшно удивилъ мя еси.* Въ древняя лѣта между любомудрыми восталъ вопросъ сей: *что-ли есть наибольшее..?* О семъ всѣ размышляли чрезъ долгое время, лѣтомъ и зимою, нощію и днемъ. Породилися о семъ книги. Отдавалося отъ ученыхъ горъ по всей вселеннѣй многое многихъ отвѣтовъ и разногласное эхо. Тогда-то размѣсишася и сліяшася языцы. Восталъ языкъ на языкъ, голова на голову, разумъ, на разумъ, сердце на сердце... Въ семъ столпотвореніи обрѣтеся мужъ нѣкій, не ученый, но себе прозрѣвшій. Сей паче надежды обезглавилъ Голіаѳа. Смутилася и воскипѣла вся мусикія, поющая пѣсни бездушному истукану, тлѣнному сему мыру, со златою его главою солнцемъ. Злоба правдѣ приразилась, но о кифу вся разбилась. Востали борющія волны, но побѣду достала славна сія слава: *посредѣ (рече) васъ живетъ то, что превышше всего есть.* О Боже! Коль не слична мусикія безъ святаго Духа твоего! И коль смѣхотворна есть премудрость, не познавшая себе! Сего ради молю васъ, любезная госпоже моя, не смѣйтеся и не хулите отца моего за то, что ничего насъ не научилъ, кромѣ благодарности. Я стану плакать, утеку, и полечу отъ васъ.

Пишекъ. Постой! Постой! Любезный мой Ерод**ій.** Нынѣ не только не хулю отца твоего, но и благословлю и хвалю его. Нынѣ начало мнѣ, аки утро зарѣть, тако открыватися, коль великое дѣло есть благодарность! Сотвори милость, еще хотя мало побесѣдуй.

Еродій. О добродѣйко моя! Пора мнѣ за моимъ дѣломъ лѣтѣть.

Пишекъ. Друже мой сердечный! Я знаю, что отецъ твой есть милосердая и благочестивая душа: не разгнѣвается за сіе.

Библиотека "Руниверс"

Еродій. Чего жъ вы желаете?

Пишекъ. Еще о семъ-же хоть мало побесѣдуемъ.

Еродій. Станемъ же и мы ловить птицу тысячу лѣтъ.

Пишекъ. Что се ты сказалъ?

Еродій. Вотъ что! Нѣкій монахъ 1000 лѣтъ ловилъ прекраснѣйшую изъ всѣхъ птицъ птицу.

Пишекъ. Зналъ ли онъ, что уловитъ?

Еродій. Онъ зналъ, что ее во вѣки не уловитъ.

Пишекъ. Для чего жъ себе пусто трудилъ?

Еродій. Какъ пусто, когда забавлялся? Люде забаву купуютъ. Забава есть врачевство и оживотвореніе сердцу.

Пишекъ. Вотъ развѣ чудный твой глумъ и дивная діатриба!

Еродій. Воистину чудна, дивна и прекраснѣйша птица есть вѣчность.

Пишекъ. О! когда вѣчность ловилъ, тогда не всуе трудился. Вѣрую, что она слаже меда. Посему великое дѣло есть сердце, яко оно есть вѣчность.

Еродій. О любезная мати! Истину рекла еси. Сего, толикаго дара, и единаго блага слѣпая неблагодарность не чувствуя за 1000 бездѣлицъ всякій день ропщетъ на промыслъ Вѣчнаго и симъ опаляется. Обратися, окаянное сердце, и взглянь на себе самое—и вдругъ оживотворишься. Почто ты забыло себе? Кто отверзетъ око твое? Кто воскреситъ память твою, блаженная бездно? Како воля твоя незвергнула тебе во мрачную сею бездну, преобразивъ свѣтъ твой во тму? Любезная мати, разумѣете ли, откуду родится радуга?

Пишекъ. А скажи пожалуй, откуду? Я не знаю.

Еродій. Когда смотритъ на себе въ зерцалѣ пречистыхъ облачныхъ водъ солнце, тогда его лице, являемое во облакахъ, есть радуга. Сердце человѣческое, взирая на свою самую ипостась, воистину раждаетъ предѣлъ обуреваній, иже есть радостная оная дуга Ноева: пройшли облака. Радостна дуга сіяетъ. Пройшла вся тоска. Свѣтъ нашъ блистаетъ. Веселіе сердечное есть чистый свѣтъ ведра, когда миновалъ мракъ и шумъ мырскаго вѣтра. Дуга прекрасна сіяніемъ своимъ, како ты нынѣ отемнѣла? Деннице пресвѣтлая, како нынѣ съ небесе спала еси? Ау! Низвергла тебе гордость, дщерь безчувственныя неблагодарности, предпочетшая хоботъ паче главы, сѣнь преходящу паче Мамврійскаго дуба. Еже бо кто обожаетъ, въ то себе преображаетъ. Удивительно, како сердце изъ вѣчнаго и свѣтлаго преображается въ темное и сокрушенное, утвердившися на сокрушеніи плоти тѣла своего. Таковъ, аще себѣ золъ, кому добръ будетъ? *Разумивый же праведникъ себѣ другъ будетъ, и стези своя посредѣ себе упокоитъ.* Сіе есть истинное, блаженное самолюбіе—имѣть дома, внутрь себе,

Библиотека "Руниверс"

все свое некрадомое добро, не надѣяться же на пустыя руги и на наружныя околицы плоти своея, отъ самаго сердца, аки тѣнь отъ своего дуба и аки вѣтвы отъ корене и аки одежда отъ носящаго ее зависящія. Вотъ тогда-то уже рождается намъ изъ благодарности матерѣ подобная дщерь, еллински именуемая (αὐτάρκεια, автаркѣя), сирѣчь, самодовольность, быть самымъ собою и въ себѣ довольнымъ, похваляемая и превозносимая, яко сладчайшій истиннаго блаженства плодъ, въ первомъ Павловомъ письмѣ къ Тимоѳею, въ стихѣ 6-мъ такъ: *есть снисканіе веліе—благочестіе съ довольствомъ.* Вотъ вамъ два голубиная крила! Вотъ вамъ двѣ денницы! Двѣ дщери благодарности! Благочестность и самодоволность.... *И полещу и почію.* Да запечатлѣется же сія бесѣда славою отца моего сею: *главизна воспитанія есть.* 1) Благо родить. 2) Сохранить птенцеви младое здравіе. 3) Научить благодарности.

Пишекъ. Ба! на что жъ ты поднялъ крила?

Ероді**й.** Прощайте, мати. Полечу отъ васъ. Сердце мое мнѣ зазираетъ, что не лечу за дѣломъ.

Пишекъ. По крайней мѣрѣ привитайся зъ дочерьми моими.

Ероді**й.** Здѣлайте милость! Избавте мене отъ вашего типика.

Пишекъ. Мартушка моя поиграетъ тебѣ на лютнѣ. Вертушка запоетъ или потанчитъ. Они чрезъ верхъ благородно воспитаны и въ модѣ у господъ. А Кузя и Кузурка любимы за красоту. Знаешь ли, что они пѣсеньки слагаютъ? И вѣришь ли, что они въ модѣ при дворѣ у Марокскаго владѣлца? Тамъ сынокъ мой пажемъ. Не давно къ своей роднѣ прилетѣлъ оттуда здешній попугай и сказалъ, что государь жаловалъ золотую табакирку...

Ероді**й.** На что ему табакирка?

Пишекъ. Ха! ха! ха! На что? Наша видь честь зависитъ, что никто удачнѣе не сообразуется людямъ, какъ нашъ родъ. Носи и имѣй, хоть не нюхай. Знаешь ли, какъ ему имя?

Ероді**й.** Не знаю.

Пишекъ. Имя ему Пѣшокъ. Весьма любезное чадо.

Ероді**й.** Бога ради! Отпущайте мене.

Пишекъ. Куда забавенъ скакунъ! Какъ живое сребро, всѣми составамы маетъ. Принцъ любитъ его; цѣлые часы проводитъ съ нимъ забавляясь.

Ероді**й.** О семъ его ни ублажаю, ни завижу. Прощайте!

Пишекъ. Постой, другъ мой, постой! А о благомъ рожденіи не сказалъ ты мнѣ ни слова? такъ ли? О! о! полетѣлъ! Слушай, Вертушка! что-то онъ поднимаясь, кажется, сказалъ...

Вертушка. Онъ сказалъ, матушка сударыня, вотъ что: о благомъ рожденіи принесу вамъ карту.

Библиотека "Руниверс"

Пишенъ. А когда же то будетъ?.. Еродѝи не лгутъ. Онъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ маѣ паки посѣтилъ сію госпожу. Принесъ о благомъ рожденіи свитокъ, но не могъ ничемъ ее утѣшить: толь лютая терзала ее печаль. Никогда жесточае не свирѣпѣетъ печаль, какъ въ то время, когда сердце наше, основавъ надѣжу свою на лживомъ морѣ мыра сего и на лжекамняхъ его, узритъ наконецъ опроверженное гнѣздо свое и разоряющейся градъ ложнаго блаженства. Господинъ Пѣшокъ, прескакивая изъ окна на окно, упалъ на дворъ изъ горнихъ чертоговъ, сокрушилъ ноги и отставленъ отъ двора. Сверхъ того старшія дщери начали безчинствовать и хамскимъ досажденіемъ досаждать матерѣ. Вскорѣ она умре, домъ же сталъ пустъ. Тогда, аки желѣзо на водѣ, восплыла на верхъ правда, яко силнѣе всего есть страхъ Божій и яко благочестивая и самодовольная благодарность превосходитъ небо и землю. Еродѝй отлѣтая повѣсилъ на цвѣтущемъ финикѣ листъ сей:

Свитокъ о благомъ рожденіи чадъ ради благочестивыхъ сострастныхъ и здравыхъ родителей.

Сѣй въ перву и втору луну, сирѣчь въ квадру,
Сѣй, изшедъ изъ пировъ и бесѣдъ священныхъ.
Зрѣвъ мертвеца или страшенъ позоръ, не сѣй.
Заченшей сверхъ не сѣй. Не въ мѣру пянъ не сѣй.
Заченша да носитъ въ мысляхъ и въ позорахъ святыхъ
И въ бесѣдахъ святыхъ чужда страстныхъ бурей,
Въ тихомъ безстрастіи, во зрѣніи святыхъ. Тогда собудется:
И пройде духъ хлада тонка и тамо Богъ. Книга царствъ.

По семъ гайстеръ вознесся выспрь, воспѣвалъ малороссійску пѣсеньку сію: *соловеечку, сватку, сватку! Чы бывалъ же ты въ садку, въ садку? чы выдалъ же ты, какъ сьютъ макъ? Вотъ такъ! такъ? сьютъ макъ. А ты, шпачку дуракъ...* Сію пѣсеньку мальчики, составивъ ликъ, сирѣчь, хоръ или короводъ, домашніи его пѣвчіи во увеселеніе спѣвали святому блаженному епископу Іоасафу Горленку. Аминь.

Библиотека "Руниверс"

УБОГІЙ ЖАЙВОРОНОКЪ.

ПРИТЧА.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Любезному другу, Ѳеодору Ивановичу Дискому, желаетъ истиннаго мира.

Жизнь наша есть вѣдь путь непрерывный. Міръ сей есть великое море, всѣмъ намъ пловущимъ. Онъ то есть окіанъ, о, вельми не многими щастливцами безбѣдно преплавляемый. На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки; на островахъ сирены, въ глубинахъ киты, по воздуху вѣтры, волненія повсюду; отъ каменей претыканіе, отъ сиренъ прельщеніе, отъ китовъ поглощеніе, отъ вѣтровъ противленіе, отъ волнъ погруженіе. Каменныя вѣдь соблазны суть то неудачи; сирены суть то льстивыя други, киты суть то запазушніи страстей нашихъ зміи, вѣтры разумѣй напасти, волненіе мода и суета житейска... Непремѣнно поглотила бы рыба младаго Товію, если бы въ пути его не былъ наставникомъ Рафаилъ. *Рафа* (еврейски) значитъ медицину, *Илъ* или *Элъ* значитъ Бога.—Сего путеводника промыслилъ ему отецъ его, а сынъ нашелъ въ немъ Божію медицину, врачующую не тѣло, но сердце, по сердцу же и тѣло, яко отъ сердца зависящее. Іоаннъ, отецъ твой, въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего (въ 62-мъ году) въ городѣ Купянскѣ, первый разъ взглянулъ на мене, возлюбилъ мене. Онъ никогда не видѣлъ мене. Услышавъ же имя, выскочилъ и достигши на улицѣ, молча въ лице смотрѣлъ на мене

Библиотека "Руниверс"

и приникалъ, будто познавая мене, толь милымъ взоромъ, яко до днесь, въ зерцалѣ моея памяти, живо мнѣ онъ зрится. Воистину прозрѣлъ духъ его прежде рождества твоего, что я тебѣ, друже, буду полезнымъ. Видишь, коль далече прозираетъ симпатіа! Се нынѣ пророчество его исполняется! Пріими, друже, отъ мене маленькое сіе наставленіе. Дарую тебѣ *Убогаго* моего *жайворонка*. Онъ тебѣ заспѣваетъ и зимою не въ клѣткѣ, но въ сердцѣ твоемъ и нѣсколько поможетъ спасатися отъ ловца и хитреца, отъ лукаваго міра сего. О Боже! Коликое число сей волкъ, день и нощь, незлобныхъ жретъ агнцовъ! Ахъ! Блюди, друже, да опасно ходиши. Не спитъ ловецъ. Бодрствуй и ты. Оплошность есть мати нещастія. Впрочемъ да не соблазнитъ тебѣ, друже, то, что тетервакъ названъ Фридрикомъ. Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы. Всю вѣдь Малороссію Велероссія нарицаетъ тетеваками. Чего же стыдиться! Тетервакъ вѣдь есть птица глупа, но не злобива. Не тотъ есть глупъ, кто не знаетъ (еще все перезнавшій не родился), но тотъ, кто знать не хочетъ. Возненавидь глупость: тогда, хотя глупъ, обаче будеши въ числѣ блаженныхъ оныхъ тетерваковъ: *обличай премудраго и возлюбитъ тя.* Обличай, де, его, яко глупъ есть. Какъ же онъ есть премудръ, яко не любитъ глупости? Почему? Потому что пріемлетъ и любитъ обличеніе отъ друговъ своихъ. О! да сохранитъ юность твою Христосъ отъ умащающихъ елеемъ главу твою, отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ. Аминь.

1787-го лѣта въ полнолуніе послѣднія луны осеннія.

ПРИТЧА НАРЕЧЕННА

УБОГІЙ ЖАЙВОРОНОКЪ.

Съ нимъ разглагольствуетъ тетервакъ о спокойствіи.

ОСНОВАНІЕ ПРИТЧИ.

Той избавитъ тя отъ сѣти ловчія... Псаломъ 90 ст. 3.
Бдите и молитеся, да не внидите въ напасть.
Горе вамъ, богатолюбцы, яко отстоите отъ утѣшенія вашего.
Блаженни нищіи духомъ...
Обрящете покой душамъ вашимъ...

Тетервакъ. [1]), налетѣвъ на ловчую сѣть, началъ во весь опоръ жрать тучную ядь. Нажрався по уши, похаживалъ надуваясь, вельми

[1]) Тетеревъ птица.

Библиотека "Руниверс"

доволенъ самъ собою, аки буйный юноша, по модѣ одѣтый. Имя ему Фридрикъ. Родовое же или фамильное прозваніе, или, какъ обычно въ народѣ говорятъ, фамилія Салаконъ [1]). Во время оно пролѣталъ Сабашъ (имя жайворонку) прозваніемъ Сколарь. «Куда ты несешься, Сабашъ?» воскликнулъ надувшися тетерваkъ.

Сабашъ. О возлюбленный Фридрикъ! миръ да будетъ тебѣ! радуйся во Господѣ!

Салаконъ. Фе! запахла школа.

Сабашъ. Сей духъ для мене милъ.

Салаконъ. По губамъ салата, какъ поютъ притчу.

Сабашъ. Радуюся, яко обоняніе ваше исцѣлилося. Прежде вы жаловалися на насморкъ.

Салаконъ. Протершись, братъ, межъ людьми, нынѣ всячину разумѣю. Не уйдетъ отъ насъ ничто.

Сабашъ. Тетервачій вѣдь умъ остръ, а обоняніе и того вострѣе.

Салаконъ. Потише, другъ ты мой. Вѣдь я нынѣ не безъ чинишка.

Сабашъ. Извините, ваше благородіе, ей! не зналъ. Посему то вѣдь и хвостъ, и хохолъ вашъ нынѣ новомодными пуклями и кудрявыми раздуты завертасами.

Салаконъ. Конечно. Благородный духъ отъ моды не отстаетъ. Прошу, голубчикъ, у мене откушать. Богъ мнѣ далъ изобиліе. Видишь, что я брожу по хлѣбѣ? Не милость ли Божія?

Сабашъ. [2]). Хлѣбъ да соль! Изволите на здравіе кушать, а мнѣ неколи.

Салаконъ. Какъ неколи? Что ты? Взбѣсился?

Сабашъ. Я посланъ за дѣломъ отъ отца.

Салаконъ. Плюнь! наѣвшися справишся.

Сабашъ. Не отвлечетъ мя чрево отъ отчія воли, а сверхъ того, боюся чуждаго добра. Отецъ мой отъ младыхъ ногтей спѣваетъ мнѣ сія: *чего не положилъ, не рушъ.*

Салаконъ. О труслива тварь!

Сабашъ. Есть пословица: боязливаго сына мати не плачетъ.

---

[1]) Салаконъ есть еллинское слово, значитъ нищаго видомъ, но лицемѣрствующаго богатствомъ фастуна. Сихъ лицемѣровъ преисполненъ міръ. Всякъ до единаго изъ насъ больше на лице кажетъ, нежели имѣетъ, даже до сего сатанинское богатство нищету Христову преодолѣло, осквернивъ симъ лицемѣріемъ и самые храмы Божіи и отсюду выгнавъ нищету Христову, и отвсюду; и нѣсть человѣка хвалящагося съ Павломъ нищетою Христовою.

[2]) Сабашъ значитъ праздный, спокойный, отъ сирскаго слова саба или сава, сирѣчъ, миръ, покой, тишина. Отсюду и у евреевъ суббота, сабашъ, отсюду и сіе имя, Варсава, то есть, сынъ мира; баръ еврейскій сынъ.

Библиотека "Руниверс"

Салаконъ. Вѣдь оно теперь мое. У насъ поютъ такъ: ну! что Богъ далъ, таскай ты все тое въ кошель.

Сабашъ. И у насъ поютъ, но наша разнитъ пѣсенка съ вами. Вотъ она: *все лишне отпъкай, то не будетъ кашель.* Сверхъ же всего влюбленъ есмь въ нищету святую.

Салаконъ. Ха! ха! ха! хе! въ нищету святую... Ну ее со святынею ея! Ступай же, братъ! влечи за собою на веревкѣ и возлюбленную твою невѣсту. Дуракови желаешъ добра, а онъ все прочь. Гордыя нищеты ненавидитъ душа моя пуще вратъ адскихъ.

Сабашъ. Прощайте, ваше благородіе! Се отлѣтаю, а вамъ желаю, да будетъ конецъ благъ!

Салаконъ Вотъ полетѣлъ! Не могу довольно надивиться разумамъ симъ школярскимъ. Блаженны (де) нищіи.... Изрядное блаженство, когда нечево кусать! Правда, что и много жрать можетъ быть дурно, однако же спокойнѣе, нежели терпѣть гладъ. Въ селѣ Ровенкахъ [1]), прекрасную слыхалъ я пословицу сію: не ѣвши, легче, поѣвши, лучше. Но что же то есть лучше, если не то, что спокойнѣе? не тронь (де) чуждаго... Какъ не тронуть, когда само въ глаза плыветъ? По пословицѣ: «на ловца звѣрь бѣжитъ.» Я вѣдь не въ дуракахъ. Черепокъ нашолъ? Миную. Хлѣбъ попался? Никакъ не пропущу. Вотъ это лучше для спокойствія. Такъ думаю я. Да и не ошибаюсь. Не вчера я рожденъ, да и протерся межъ людьми, слава Богу. Мода и свѣтъ есть наилучшій учитель и лучшая школа всякія школы. Правда, что было время, когда и нищихъ, но добродѣтельныхъ почитали. Но нынѣ свѣтъ совсѣмъ не тотъ. Нынѣ, когда нищъ, тогда и бѣднякъ и дуракъ, хотя бы то былъ воистину израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть. Потерять же въ свѣтѣ доброе о себѣ мнѣніе дурно. Куда ты тогда годишся? Будь ты, каковъ хочешь въ нутрѣ, хотя десятка шибеницъ достоинъ, что въ томъ нужды? тайная Богъ вѣсть. Только бы ты имѣлъ добрую славу въ свѣтѣ и былъ почетнымъ въ числѣ знаменитыхъ людей, не бойся! дерзай! не подвижишся во вѣкъ. Не тотъ правъ, кто въ существѣ правъ, но тотъ, кто вѣдь не правъ по истѣ, но казаться правымъ умѣетъ и одинъ токмо видъ правоты имѣетъ, хитро лицемѣрствуя и шествуя стезею спасительныя оныя притчи: *«концы въ воду»* [2]). Вотъ нынѣшняго свѣта самая модная и спасительная премудрость! Кратко скажу: тотъ единъ есть счасливъ, кто не правъ вѣдь по совѣсти,

---

[1]) Ровенки есть тоже, что ровенники, сирѣчь, по ровамъ живущіе воры. *Да не сведетъ во мнѣ ровенникъ устъ своихъ.* Псаломъ.

[2]) Коль прельщаются нечестивыи притчею сею беззаконною своею: концы въ воду. *Нѣсть бо тайна,* яже не открывается.

Библиотека "Руниверс"

но правъ есть по бумажкѣ, какъ мудро глаголютъ наши юристи [1]). Сколько я видалъ дураковъ, всѣ глупы. За богатствомъ (де) слѣдуетъ безпокойство. Ха! ха! ха! А что же есть безпокойство, если не трудъ? Трудъ же не всякому благу отецъ? премудро вѣдь воспѣваютъ русскіе люди премудрую пословицу сію:

Покой воду пьетъ,
А не покой медъ.

Что жъ ли дасть тебѣ пить, виновница всѣхъ золъ, праздность?

Развѣ поднесетъ тебѣ на здравіе воду, не мутящую ума?

Кому меньше въ жизни треба,
Тотъ ближае всѣхъ до неба.

А кто же сіе спѣваетъ? Архидуракъ нѣкій древній, нарицаемый Сократъ. А подпѣваетъ ему весь хоръ дурацкій. О! о! весьма они разнятъ въ нашемъ хорѣ. Мы вотъ какъ поемъ!

Жри все то, что предъ очима,
А счастіе за плечима.
Кто не смѣлый, тотъ страдаетъ,
Хоть добылъ, хоть пропадаетъ.
Такъ премудрый Фридрикъ судитъ,
А умъ его не заблудитъ.

Между тѣмъ какъ Фридрикъ мудрствуетъ, прилетѣла седмица тетерваковъ и три братанича его. Сіе капральство составило богатый и шумный пиръ. Онъ совершался не далече отъ байрака, въ коемъ дятелъ выстукивалъ себѣ носикомъ пищу, по древней малороссійской притчѣ: всякая птичка своимъ носкомъ жива.

Подвижный Сабашикъ пролѣталъ не малое время. Пробавилъ путь свой чрезъ три часа.

Онъ посланъ былъ къ родному дядѣ пригласить его на дружескую бесѣду и на убогій обѣдъ къ отцу. Возвращаясь въ домъ, забавлялся пѣсенкою, наученъ отъ отца своего измлада сею:

Не то орелъ, что лѣтаетъ,
Но то, что легко сѣдаетъ.
Не то скуденъ, что убогой,
Но то, что желаетъ много.
Сласть ловитъ рыбы и звѣри
И птицъ, вышедшихъ изъ мѣры.

---

[1]) Христосъ же вопреки говоритъ: *славы отъ человѣкъ не хощу*. Есть прославляяй Мя отецъ Мой. На пути свидѣній твоихъ насладихся. Ахъ! убойтеся нечестивыи свидѣній Божіихъ! Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло. Скажите съ Давидомъ: «*проклянутъ тіи, и ты благословиши*». Бумажка, о лицемѣри, человѣческая оправдитъ тебе у человѣкъ, но не у Бога. Се тебѣ колесница безъ колесъ, таково безъ Бога всякое дѣло.

Библиотека "Руниверс"

Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ съ бѣдою.

Летѣлъ Сабашъ мимо байрака. «Помогай, Богъ, дубе!» сіе онъ сказалъ на вѣтеръ. Но нечаянно изъ за дуба отдался гласъ таковъ:

Гдѣ не чаешъ и не мыслишъ, тамъ тебѣ другъ буде...

Ба! ба! ба! О любезный Немесъ! воскликнулъ отъ радости Сабашъ, узрѣвъ дятла, именуемаго Немесъ. Радуйся и паки реку, радуйся!

Немесъ. Миръ тебѣ, друже мой! миръ намъ всѣмъ! Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, сохраняяй тя доселѣ отъ сѣтованія.

Сабашъ. Я сѣть разумѣю, а что значитъ сѣтованіе не знаю.

Немесъ. Нашъ братъ птахъ, когда впадетъ въ сѣть, тогда сѣтуетъ, сиречь, печется, мечется и бьется о избавленіи. Вотъ сѣтованіе!

Сабашъ. Избави, Боже, Израиля отъ сихъ скорбей его.

Немесъ. А я давича изъ того крайняго дуба взиралъ на жалостное сіе позорище. Взглянь! видишь ли сѣть напялену? Не прошолъ часъ, когда въ ней и вкругъ ея страшная совершалася будто Бендерская осада. Гуляла въ ней дюжина тетерваковъ. Но въ самомъ шумѣ и плясаніи и козлогласованіи, и прожорствѣ, какъ молнія, пала на ихъ сѣть. Боже мой! коликая молва, лопотъ, хлопотъ, стукъ, шумъ, страхъ и мятежъ! Нечаянно выскочилъ ловецъ и всѣмъ имъ переломалъ шеи.

Сабашъ. Спасеся ли кто отъ нихъ?

Немесъ. Два, а прочіе всѣ погибли. Знаешь ли Фридрика?

Сабашъ. Знаю. Онъ добрая птица.

Немесъ. Воистину тетервакъ добрый. Онъ-то пролетѣлъ мимо мене изъ пира, теряя по воздуху перья. На силу я могъ узнать его: трепетенъ, растрепанъ, распущенъ, замятъ.., какъ мышъ, играема котомъ; а за нимъ издалеча братаничь.

Сабашъ. Куда же онъ полетѣлъ?

Немесъ. Во внутренній байракъ оплакивать грѣхи.

Сабашъ. Миръ же тебѣ, возлюбленный мой Немесъ! пора мнѣ домой.

Немесъ. А гдѣ ты былъ?

Сабашъ. Звалъ дядю въ гости.

Немесъ. Я вчера снимъ видѣлся и долго бесѣдовалъ. Лети жь, друже мой, и спасайся, да будетъ Господь на всѣхъ путѣхъ твоихъ, сохраняяй вхожденія твоя и исхожденія твоя. Возвѣсти отцу и дядѣ миръ мой.

Сія вѣсть неизрѣченно Сабаша устрашила. Сего ради онъ не признался Немесу, что бесѣдовалъ съ Фридрикомъ предъ самымъ его нещастіемъ. Ну! говорилъ самъ себѣ: научайся, Сабашъ, чуждою бѣдою. Для того то бьютъ песика предъ львомъ (какъ притча есть), чтобъ левъ былъ кротокъ. О Боже! Въ очахъ моихъ бьешъ и ранишь другихъ, достойнѣйшихъ отъ мене, да устрашуся и трепещу безза-

Библиотека "Руниверс"

конныя жизни и сластей міра сего. О сласть! О удина и сѣть ты діавольска! Коль ты сладка, яко всѣ тобою плѣнены! коль же погибельна, яко мало спасаемыхъ!Первое всѣ видятъ, второе избранныи.

Таковымъ образомъ жестоко себѣ наказывала и сама себѣ налагала раны сія благочестивая врода и, взирая на чужую бѣдность, больше пользовалася, нежели собственными своими язвами біемыи отъ Бога жестокосердыи беззаконники, и живѣе научалася изъ черныя сея, мірскія бѣды содержащія (черная бо книга, бѣды содержащая, есть то самъ міръ) книги, нежели нечестивая природа, тысячу книгъ перечетшая разноязычныхъ. О таковыхъ вѣдь написано: «*вѣсть Господь неповинныя избавляти отъ напасти... Праведникъ отъ лова убѣгнетъ, вмѣсто же его предается нечестивый*».

Въ сихъ благочестивыхъ мысляхъ прилетѣлъ Сабашъ домой, а за нимъ вскорѣ съ двома своими сынами приспѣлъ дядя. Созваны были и сосѣды на сей убогій, но целомудренный пиръ и безпечный. Въ сей маленькой сторонкѣ водворялася простота и царствовала дружба, творящая малое великимъ, дешевое дорогимъ, а простое пріятнымъ. Сія землица была часточка тоя земельки, гдѣ странствовавшая между человѣками истина и убѣгающая во злѣ лежащаго міра сего послѣдніе дни пребыванія своего на землѣ провождала и остатній роздыхъ имѣла, дондеже возлетѣла изъ долнихъ въ горнія страны.

Сабашъ, отдавъ отцу и дядѣ радость и миръ отъ Немеса, тутъ же при гостяхъ возвѣстилъ все приключившееся.—Гостей былъ сонмъ не малъ, со чады своими, отроками и юношами, и женами. Алауда[1])—такъ нарицался отецъ Сабашовъ—былъ наученъ наукамъ мірскимъ, но сердце его было столица здраваго разума. Всякое дѣло и слово могъ совершенно раскусить, обрѣсти въ немъ корку и зерно, ядъ и ядь сладкую и обратить во спасеніе.

Алауда, во слухъ многихъ мужей, юношъ и отроковъ научалъ сына такъ: сыне мой единородный! приклони ухо твое. Услыши гласъ отца твоего и спасешися отъ сѣти, якоже серна отъ ловцовъ. Сыне! аще премудръ будеши, чуждая бѣда научитъ тебе, дерзкій же и безсердый сынъ уцѣломудряется собственнымъ искушеніемъ. И сіе есть бѣдственное. Сыне! да болитъ тебѣ ближняго бѣда! Любляй же свою бѣду и не боляй о чуждой, сей есть достоинъ ея. Не забуди притчи, кую часто сдышалъ еси отъ мене сея: песика бьютъ, а левикъ боится.

Кая польза читать многія книги и быть беззаконникомъ? Едину читай книгу и довлѣетъ. Воззри на міръ сей. Взглянь на родъ человѣ-

---

[1]) Алауда, римски, значитъ жайворонокъ (a lauda), хвалю римски, laudo, лаудо, лаудонъ хвалящій.

Библиотека "Руниверс"

ческій. Онъ вѣдь есть книга, книга же черная, содержащая бѣды всякаго рода, аки волны, востающія непрестанно на морѣ. Читай ее всегда и поучайся, купно же, будто изъ высокія гавани на бѣснующійся океанъ взирай и забавляйся. Не всѣ ли читаютъ сію книгу? Всѣ. Всѣ читаютъ, но несмысленно. Пяту его блюдутъ, какъ написано, на ноги взираютъ, не на самый міръ, сирѣчь, не на главу и не на сердце его смотрятъ. Сего ради никогда его узнать не могутъ. Изъ подошвы человѣка, изъ хвоста птицы, такъ и міра сего, изъ ногъ его, не узнаешь его, развѣ изъ главы его, разумѣй, изъ сердца его. Кую тайну затвораетъ въ себѣ гаданіе сіе? Сыне! всѣ силы моя напрягу, чтобъ развязать тебѣ узелъ сей. Ты же вонми крѣпко. Тетервакъ видитъ сѣть и въ сѣти ядь, или снѣдь. Онъ видитъ что ли? Онъ видитъ хвостъ, ноги и пяту сего дѣла; главы же и сердца сея твари, будто самыя птицы, не видитъ. Гдѣ же сего дѣла глава? И есть она что-то такое? Ловцово сердце въ тѣлѣ его, утаенномъ за купиною. Итакъ тетервакъ, видя едину пяту въ дѣлѣ семъ, но не видя въ немъ главы его, видя не видитъ, очистъ по тѣлу, а слѣпъ по сердцу. Тѣло тѣломъ, а сердце зрится сердцемъ. Се видь оная Евангельская слѣпота, мати всякія злости! Симъ образомъ всѣ безумные читаютъ книгу міра сего. И не пользуются, но увязаютъ въ сѣти его. Источникъ рѣкамъ и морямъ есть главою. Бездна же сердечная есть глава и источникъ всѣмъ дѣламъ и всему міру. Ничто же бо есть міръ, точію связь или составъ дѣлъ или тварей. И ничто же есть вѣка сего Богъ, развѣ мірское сердце, источникъ и глава міра. Ты же, сыне мой, читая книгу видимаго и злаго сего міра, возводь сердечное твое око во всякомъ дѣлѣ на самую главу дѣла, на самое сердце его, на самый источникъ его, тогда, узнавъ начало и сѣмя его, будеши правъ судія всякому дѣлу, видя главу дѣла и самую исту, истина же избавитъ тя отъ всякія напасти. Аще бо два рода тварей и дѣлъ суть, тогда и два сердца. Аще же два сердца, тогда и два духи—благій и злый, истинный и лестчій.. По сихъ двоихъ источникахъ суди всякое дѣло. Аще сѣмя и корень благъ, тогда и вѣтви и плоды. Нынѣ, сыне мой, буди судія и суди учинокъ тетераковъ. Аще право осудиши, тогда по сему образу первый судія будеши всему міру. Суди же тако. Напалъ тетервакъ на снѣдь. Видиши ли сіе? Какъ невидѣть? Сіе и свинія видитъ. Но сіе есть едина точію тѣнь, пята и хвостъ. Тѣнь себѣ ни оправдаетъ, ни осуждаетъ. Она зависитъ отъ своя главы и исты. Воззри на источникъ ея—на сердце, источившее и родившее ее. Отъ избытка бо сердца, сирѣчь, отъ бездны его, глаголютъ уста, ходятъ ноги, смотрятъ очи, творятъ руки. Зри! Аще сердце тетераково благо, откуду родилося сіе его дѣло: тогда и дѣло благо и благословенно. Но не видишь ли, яко зміина глава есть у сего дѣла? Сіе дѣло родилося отъ

Библиотека "Руниверс"

сердца неблагодарнаго, своею долею недовольнаго, алчущаго и похищающаго чуждое... Сія то есть истинная авраамская богословія—прозрѣть во всякомъ дѣлѣ гнѣздящагося духа: благъ ли онъ? или золъ? не судить по лицу, якоже лицемѣры. Часто подъ злобнымъ лицемъ и подъ худою маскою Божественное сіяніе и блаженное таится сердце, въ лицѣ же свѣтломъ Ангельскомъ сатана. Сего ради видя неволю и плѣнъ тетервакову, жертвующую себе въ пользу чуждую, не лѣнися работати для собственныя твоея пользы и промышляти нужное, да будеши свободенъ. Аще же не будеши для себе самаго рабомъ, принужденъ будеши работати для другихъ и, убѣгая легкихъ трудовъ, попадешь въ тяжкія и сторичныя. Видиши ли чью либо сіяющую одежду или славный чинъ, или красный домъ, но внутрь исполненный неусыпаемаго червія, воспомни самъ себѣ слова Христовы: «*горе вамъ, лицемѣры! Горе вамъ смѣющимся нынѣ*», разумѣй, снаружи. Видиши ли нищаго, или престарѣлаго, или больнаго, но Божественныя надежды полнаго, воспой себѣ пѣсенку сію Соломоновскую: «*блага ярость паче смѣха, яко въ злобномъ лицѣ ублажается сердце*». Видиши ли разслабленнаго паралишемъ, бѣгай печальнаго, ревностнаго и яростнаго сердца. Убѣжиши, аще не будеши завистливъ. Сотреши главу завистному зміеви, аще будеши за малое благодаренъ и уповающій на Бога живаго. Видиши ли ни драгую, ни сластную, но здравую пищу, воспой: «*блага ярость паче смѣха*». Видиши ли книжку, не имущую опрятныхъ словъ, но духа Святаго исполненну, воспой: «*блага ярость паче смѣха*». Слышиши совѣтъ, словеснымъ медомъ умащенный, но со утаеннымъ внутрь ядомъ, воспой: «*блага ярость паче смѣха. Елей грѣшнаго да не намаститъ главы моея*». Видиши ли убогій домикъ, но невинный и спокойный и безпечный, воспой: «*блага ярость паче смѣха...*» Симъ образомъ читай, сыне, мірскую книгу и имѣти будеши купно утѣшеніе и спасеніе. Блаженъ разумѣваяй вину всякаго дѣла! Сердце человѣческое измѣняетъ лице его на добро или на зло. О милыи мои гости! Наскучилъ я вамъ моимъ многорѣчіемъ. Простите мнѣ. Се столъ уже готовъ: прошу садиться безразборно. Прошу паки простить мнѣ, что и трапеза моя пища и созвалъ васъ на убогій пиръ мой въ день безпраздничный.» — Гости всѣ, воспѣли притчу оную: «что у друга вода есть слаже вражескаго меда.»—«Какъ же въ день безпраздничный?» сказалъ Алаудинъ братъ Адоній [1]). Ахъ! доброму человѣкови всякій день праздникъ, беззаконнику же — ни великъ день... Аще всему міру главою и источникомъ есть сердце, не корень ли и празднику? Празднику матерь есть не время, но чистое сердце. Оно господинъ есть и субботѣ. О чистое сердце! Ты во-

[1]) Адоній, елин., значитъ пѣвца; ода—пѣсня.

Библиотека "Руниверс"

истину не боишся ни молніи, ни грому. Ты еси Божіе, а Богъ есть тебѣ твой. Ты ему, а онъ тебѣ есть другъ. Оно Тебѣ, Боже мой, жертвою, ты же ему. Вы двое есте и есте едино. О сердце чисто! Ты новый вѣкъ, вѣчная весна, благовидное небо, обѣтованная земля, рай умный, веселіе, тишина, покой Божій, суббота и великій день Пасхи. Ты насъ посѣтило, съ высокихъ обителей свѣтлаго востока, изшедъ отъ солнца, яко женихъ отъ чертога своего. Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ твой! Сей день Господень: возрадуемся и возвеселимся братіе!» «О возлюбленный брате мой! воскликнулъ Алауда. Медомъ каплютъ уста твоя. Воистину ничто же благо, токмо сердце чисто, зерно, прорастившее небеса и землю, зерцало, вмѣщающее въ себѣ и живопишущее всю тварь вѣчными красками, твердь, утвердившая мудростію своею чудная небеса, рука, содержащая горстію кругъ земный и прахъ нашея плоти. Что бо есть дивнѣе памяти, вѣчно весь міръ образующія, сѣмена всѣхъ тварей въ нѣдрахъ своихъ хранящія вѣчно, зрящія единымъ окомъ, прошедшая и будущая дѣла, аки настоящая? Скажите мнѣ, гости мои, что ли есть память? Молчите? Я жъ вамъ скажу. Не я же, но благодать Божія во мнѣ. Память есть не дремлющее сердечное око, призирающее всю тварь, незаходимое солнце, просвѣщающее вселенную. О память утренняя яко нетлѣнная крила! Тобою сердце возлѣтаетъ во высоту, во глубину, въ широту, безконечно, быстрѣе молніи сторично. «*Возьму крилѣ мои рано съ Давидомъ...*» Что ли есть память? Есть беззабвеніе. Забвеніе еллинами глаголется лиѳа, беззабвеніе же алиѳіа, алиѳія же есть истина. Кая истина? Се сія истина Господня: *Азъ есмь путь, истина и животъ*. Христосъ Господь Богъ нашъ, Ему же слава во вѣки аминь.

По семъ Алуада благодарственною молитвою благословилъ трапезу и всѣ возсѣли. При трапезѣ не была критика, осуждающая чуждую жизнь и приницающая въ тайныя закоулки людскихъ беззаконій. Бесѣда была о дружбѣ, о чистотѣ и спокойствіи сердечномъ, о истинномъ блаженствѣ, о твердой надеждѣ, услаждающей всѣ житейскія горести. Въ срединѣ трапезы объяснялъ Адоній сіе слово: *блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное*. Не на лицы, говорилъ онъ, ядущи со сладостію бобы, зритъ Богъ. Человѣкъ зритъ на лице, а Богъ зритъ на сердце... Не тотъ нищъ есть, кто не имѣетъ, но тотъ, кто по уши въ богатствѣ ходитъ, но не прилагаетъ къ нему сердца, сирѣчь, на оное не надѣется; готовъ всегда, аще Господеви угодно, лишитися съ равнодушіемъ. И сіе то значитъ: *нищіи духомъ*. Сердце чистое и духъ вѣры есть тожде. Кая польза тебѣ въ полныхъ твоихъ закромахъ, аще душа твоя алчетъ и жаждетъ? Наполни бездну, насыти прежде душу твою. Аще

Библиотека "Руниверс"

же она алчетъ, нѣси блаженный оный Евангельскій нищій, хотя и богатъ еси у человѣкъ, но не у Бога, хотя и нищій еси у человѣкъ, но не у Бога. Безъ Бога же и нищета и богатство есть окаянное. Нѣсть же бѣдственнѣе, какъ нищета средь богатства, и нѣсть блаженнѣе, какъ средь нищеты богатство. Аще міръ весь пріобрѣлъ еси и еще алчеши, о, средѣ богатства страждеши нищету во пламенѣ твоихъ похотѣній! Аще ничто же имаши въ мірѣ семъ, кромѣ самонужныхъ твоихъ, и благодаренъ еси Господеви твоему, уповая на него, не на сокровища твоя, воспѣвая съ Аввакумомъ: праведникъ отъ вѣры живъ будетъ, о, воистину нищета твоя есть богатѣйшая царей. Нищета, обрѣтшая нужное, презрѣвшая лишнее, есть истинное богатство и блаженная оная среда, аки мостъ между блатомъ и блатомъ, между скудостію и лишностію. Что бо есть система міра сего, аще не храмъ Божій и домъ Его? Въ немъ нищета живетъ и священствуетъ. Приноситъ милость мира, жертву хваленія. Довольствуется аки чадо подаваемымъ себѣ отъ Отца Небеснаго, завися отъ промысла его и вселенскія экономіи. И сіе то значитъ: *яко тѣхъ есть царство небесное.* Сіе есть, они знаютъ промыслъ Божій и на оный надѣются. Сего ради нищета нарицается убожествомъ или, яко аки чадо, живетъ въ домѣ у Бога, или того ради, яко все свое имѣетъ, не во своихъ рукахъ, но у Бога. Не тако нечестивый, не тако, но яко прахъ отъ вихра, тако зависятъ отъ самихъ себе, обожаютъ сокровища своя, уповаютъ на собранія своя, дондеже постыдятся о идолѣхъ своихъ. Сего ради нарицаются богатыи, яко сами себѣ суть лживыи боги. «Возлюбленный друже и брате мой, сказалъ тогда Алауда, вкусно ты вкушалъ у насъ бобы. Но не безъ вкуса разжевалъ ты намъ и слово Христово. Насыщая тѣло, еще лучше мы насытили сердце. Аще же оно гладно, суетна есть самая сладкая пища. Прошу же еще покушать рѣпы послѣ капусты и послѣ бобовъ. Увѣнчаетъ же трапезу нашу ячменная съ масломъ кутія.» Въ концѣ трапезы началъ пироначальникъ пришучивать, а гости смѣяться. Адоній, пособляя брату, забавно повѣствовалъ, коимъ образомъ древле Божія дѣва истина первый разъ пришла къ нимъ во Украину. Такъ называется страна ихъ. Первый, де, стрѣтилъ ее, близь дому своего, старикъ Маной и жена его Каска. Маной узрѣвъ вопросилъ суровымъ лицемъ: кое имя твое, о жено? Имя мое есть, Астрая [1]), отвѣчала дѣва. Кто ты еси? откуду? И почто здѣ пришла еси? Возненавидѣвъ злобу мірскую, пришла въ вамъ водворитися, услышавъ, что во странѣ вашей царствуетъ благочестіе и дружба. Дѣва же была во убогомъ одѣяніи, препоясанна волосы въ пучкѣ, а въ рукахъ жезлъ. А! а! Не имаши

[1]) Астраіа слово еллинское, значитъ звѣздная, сіе есть, горняя, лучезарная.

Библиотека "Руниверс"

здѣ пребывальнаго града, воскликнулъ со гнѣвомъ старецъ. Сія страна нѣсть прибѣжище блудностямъ. Видъ твой и одѣяніе обличаетъ тебе быти блудницу. Дѣва сему смѣялася, а старикъ возгорѣлся. Увидѣвъ же, что Каска вынесла на стрѣчу чистый хлѣбъ на древяномъ блюдѣ во знаменіе страннопріимства, совсѣмъ возбѣсился. Что ты дѣлаешь, безумная въ женахъ? Не вѣдая, коего духа есть странница сія, спѣшишь страннопріятствовать. Воззри на видъ и на одѣяніе ея и проснися! Каска возсмѣялася и молчала. Дѣва же сказала: такъ не похвали человѣка въ красотѣ его и не буди тебѣ мерзокъ человѣкъ видѣніемъ своимъ [1]). Послѣ сихъ Божіихъ словъ старикъ нѣсколько усомнился. Нечаянно же узрѣвъ на главѣ ея вѣнецъ лучезарный и Божества свѣтомъ возсіявшіе очи, вельми удивился. Паче же ужаснулся тогда, когда дивный духъ, превосходящій ѳиміами, крины [2]) и розы, изшедшій изъ устъ дѣвичихъ, коснулся обоняніе его и усладилъ неизрѣченно. Тогда Маной отскочилъ воспять, поклонился до землѣ и, лежащи ницъ, сказалъ: «госпоже! Аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, не мини мене раба твоего»... Старица, оставивъ лежащаго старца, повела дѣву въ горницу. Омыла ей по обычаю ноги и масломъ главу помазала. Тогда вся горница Божественнаго исполнилася благоуханія. Маной, вскочивъ въ горницу, лобызалъ ей руки. Хотѣлъ лобызать и ноги, но дѣва не допустила. «Едину имѣю гуску, закричалъ старикъ, и тую для тебе на обѣдъ зарѣжу». Дѣва, смотря въ окно, усмѣхалася, видя что старина, господарь и господарка новою формою ловлятъ гуску. Они бѣгали, шаталися, падали и сварилися. Дѣвѣ смѣшнымъ показалось, что старикъ преткнулся о старуху и покатился. Что ты? ты выстарѣлъ умъ, что ли? А у тебе его и не бывало, сказалъ вставая старикъ. Гостья, выскочивъ изъ горницы, сказала, что я прочь иду, если не оставите гуски съ покоемъ. На семъ договорѣ вошли всѣ въ горницу. Вмѣсто обѣтованныя гуски въ саду, въ простой бесѣдкѣ, приняли и учествовали Небесную гостью и Божественную странницу яичницею и ячменною съ масломъ кутіею. Отъ того времени даже доселѣ ячменная кутія нашей сторонѣ есть во обычаѣ».— Въ семъ мѣстѣ встали изъ за стола всѣ гости. Алауда же благодарилъ Богу такъ: *очи всѣхъ на Тя уповаютъ и Ты даеши имъ пищу во благо время. Богатая десница Твоя въ сытость и насъ убогихъ Твоихъ испол-*

---

[1]) Сіе слово есть Сираховское. Оно тотъ же имѣетъ вкусъ со Христовымъ онымъ: *не на лица зряще судите,* и съ онымъ Самуила Пророка, пришедшаго помазать на царство *всѣхъ братій своихъ меньшаго Давида.* Человѣкъ зритъ на лице, а Богъ зритъ на сердце.

[2]) Кринъ слово еллинское, римски лиліа, крина, крины сельныя, то есть, дикіи полевыя.

Библиотека "Руниверс"

няетъ Твоего благоволенія, Христе Боже. Буди благословенъ со Отцемъ Твоимъ и Святымъ Духомъ во вѣки! Гости всѣ возшумѣли: *Аминь!* Адоній продолжалъ повѣсть, что Астрая во странѣ ихъ жила уединенно, Маноя и Каску паче прочихъ любила, посѣщала и шутила, дондеже преселилася въ небесныя обители. Алауда пить и пѣть побуждалъ. Онъ наполнилъ стаканище крѣпкаго меда. Да царствуетъ Астрая! да процвѣтаетъ дружба! да увядаетъ вражда! Сіе возгласивъ, изпразднилъ стаканъ. Прочіи послѣдовали. Они пили крѣпкій медъ, хмѣльное пиво и питіе или сикеру [1]) называемую въ Малороссіи головичникъ, дѣти же воду и квасъ. Изъ гостей большая часть была сродна къ пѣнію. Адоній раздѣлилъ пѣвцовъ на два крила или хоры—на хоръ вопросный и на хоръ отвѣтный, придавъ къ обоимъ по нѣскольку свирѣльщиковъ. Они первѣе раздѣльно, потомъ спѣвали ликъ совокупивши. Пѣснь была такова:

ПѢСНЬ

РОЖДЕСТВУ ХРИСТОВУ,

О НИЩЕТѢ ЕГО.

Изъ Соломонова зерна:

блага ярость паче смѣха, яко въ злобѣ лица ублажится сердце [2])
Изъ Христова: *горе вамъ смѣющимся нынѣ,* то есть снаружи
Изъ Іереміина: *въ тайнѣ восплачется душа ваша.*

В. Пастыри мили!
Гдѣ вы днесь были?
Гдѣ вы бывали?
Что вы видали?

От. Грядемъ днесь изъ Виѳлеема,
Изъ града уничиженна,
Но днесь блаженна.

В. Кое жъ оттуду несете чудо?
И намъ прорцыте,
Благовѣстите.

---

[1]) Сікера есть слово еллинское, значитъ всякое питье, упоевающее, пьяное или хмѣльное, кромѣ единаго гроздиаго вина, хлѣбное же (называемое) вино въ томъ же всеродномъ имени заключается, сего ради пишется: вина и сікеры не имать пити-

[2]) Экклесіастъ.

Библиотека "Руниверс"

От. Видѣли мы вновь рожденно
Отроча свято, блаженно,
Владыку всѣмъ намъ.
В. Кія палаты имѣетъ Тое,
Ахъ! всеблаженно Чадо Царское?
От. Вертепъ выбитъ подъ скалою
И то простою рукою.
Се чертогъ Его!
В. Мягка постель ли?
Въ красномъ ли ложи
Сей почиваетъ чудный Сынъ Божій?
От. Въ ясляхъ Мати кладетъ траву,
Ту жъ перину и подъ главу.
Се Царска кравать!
В. Кія тамъ слуги отъ домочадцовъ
Имѣетъ тое милое Чадцо?
От. Овцы и мулы съ ослами,
Волы и кони съ козлами.
Се домочадцы!
В. Кую же той домъ вкушаетъ пищу?
Развѣ имѣетъ трапезу нищу?
От. Пища въ зеллѣ, въ млекѣ, въ зернѣ.
Се столъ ранній и вечерній,
Въ томъ чудномъ домѣ.
В. Музыка тамъ ли модна и лестна
Увеселяетъ Царя Небесна?
От. Пастырскій сонмъ на свирѣлкахъ
Хвалитъ Его на сопѣлкахъ
Препростымъ хоромъ.
В. Кія же ризы? Мню, златотканны
У сего Сына Маріи Панны.
От. Баволна [1]) и ленъ и волна;
Симъ нищета предовольна
Въ наготѣ своей.
Лики поютъ совокупно:
О нището! Блаженна, Святая!
Дверь [2]) намъ отверзи твоего рая.
Кій бѣсъ сердце укралъ наше?

---

[1]) Баволна значитъ отъ древа рожденная волна; это есть слово нѣмецкое баумъ-волле; баумъ—дерево, волле—волна.

[2]) Отверзи на дверь.

Библиотека "Руниверс"

Кій насъ мракъ ослѣпилъ
Даже чуждатись Тебе!
О нището! О даре Небесный!
Любитъ тебе всякъ мужъ святъ и честный.
Кто съ тобою раздружился,
Тотъ въ ночи токмо родился,
Нѣсть сугубый мужъ.
Міръ сей являетъ видъ благолѣпный,
Но въ немъ таится червь неусыпный.
Се пещера убога
Таитъ блаженнаго Бога
Въ блаженномъ сердцѣ.
Ахъ! блага ярость есть паче смѣха,
Яко въ лицѣ зломъ тайна утѣха,
Се бо нищета святая
Извнѣ яра внутръ златая
Во мирной душѣ.
Горе ти міре! Смѣхъ внѣ являешъ,
Внутръ же душею тайно рыдаешъ.
Украсился ты углами,
Но облился ты слезами,
Въ нутрѣ день и нощь.
Зависть, печаль, страхъ, несыта жажда,
Ревность, мятежъ, скорбь, тяжба и вражда
День и нощь тя опаляютъ,
Какъ сіонскій градъ плѣняютъ
Душевный твой домъ.
Возвеселимся, а не смутимся!
Днесь непрестанне всѣ христіане!
Тамъ, гдѣ Богъ нашъ намъ родися
И пеленами повися,
Хвала день и нощь.

Библиотека "Руниверс"

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ

„ИЗРАИЛЬСКІЙ ЗМІЙ".

ИЗРАИЛЬСКІЙ ЗМІЙ или картина, нареченная День, схожа на икону, называемую еллински Σιληνός, Алківїадъ, пѣстунъ Алкивіадовъ и на египетскую льво-дѣву-Сфинксъ. Написана 1776 года, поновлена 1780 года.

Высономилостивому государю Степану Ивановичу господину полковнику Его Высокородію Тевяшову.

Высокомилостивый Государь!

Извѣстное прямо есть слово Сократово:

«Иной живетъ на то, чтобъ ѣсть,
«А я де ѣмъ на то, чтобъ жить.

Жизнь не то значитъ, чтобъ только ѣсть и пить, но быть веселымъ и куражнымъ, а сытость тѣлесная не дастъ куража сердцу, лишенному своея пищи. Въ семъ то разумѣ училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть то животъ человѣку. Горатіусъ тоже, что Епикуръ мыслитъ: ...Nec dulcia differ in annum, сирѣчь, сладости не отлагай на годъ. А что онъ чрезъ сладость разумѣетъ веселіе сердца, видно изъ послѣдующихъ: ut quocunque loco fueris, vixisse libent te dicas, сирѣчь, дабы ты могъ сказать о себѣ, что для тебе вездѣ жилось куражно.

Библиотека "Руниверс"

Утѣшеніе и куражъ, куражъ и сладость, сладость и жизнь есть тоже. И что Горацый сказалъ: сладости не отлагай, то Сенека протолковалъ: жизни не отлагай. Sera nimis est vita crastina: vive hodie— поздо чрезъ-чуръ завтра жить; живи днесь. Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, Епикура за сладость и почли самого его пастыремъ стада свиннаго, а каждого изъ друзей его величали:... Epicuri de grege porcus.

Но когда жизнь отъ сердечнаго веселія, а веселіе отъ сладости, тогда откуду зависитъ сладость, услаждающая сердце? Изъясняетъ боговидецъ Платонъ: *нѣтъ сладчае истины.* А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше. И не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между учонымъ и неучонымъ предѣлъ мертваго и живаго. Пиѳагоръ, раскусивъ емблематъ треугольника и узрѣвъ въ немъ истину, съ веселіемъ вопіетъ: обрѣтохъ! обрѣтохъ! Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любля истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Сей свѣтъ услаждаетъ и старость Соломонову; а онъ и состарѣваясь каждый день нѣчто вкушаетъ отъ ядомыхъ всѣми, но не истощаемыхъ сладостей, согрѣвающихъ и питающихъ сердечныя мысли, какъ весенное солнце каждую тварь. И какъ правильная цыркуляція крови въ звѣряхъ, а въ травахъ соковъ рождаетъ благосостояніе тѣлу ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благодушіемъ сердце. И не дивно, что нѣкіихъ избранныхъ человѣковъ монументы и записки сею такою надписью оглавлены: житіе и жизнь имярекъ. Житіе значитъ: родиться, кормиться, рости и умаляться; а жизнь есть плодоприношеніе, прозябшее отъ зерна истины, царствовавшія въ сердцѣ ихъ. И не напрасно другъ истины Цицероновъ Катонъ любилъ въ старости пирушки, но растворенныя насыщающими сердце мудрыми бесѣдами, начертающими невидимую нигдѣ, а прекрасную ипостась истины, влекущія всѣхъ чувствы и услаждающія. Къ чему жъ сія рѣчь течетъ? Къ тому, что высокихъ фамилій люди не только въ тяжбахъ, войнахъ, комерціяхъ, домостроительствахъ, художествахъ, но и въ самомъ первомъ пунктѣ, сирѣчь, въ мысляхъ, до Бога касающихся, должны находить истину, а противоборствовать суевѣрію. Вѣрно, что шаръ земный безъ болотныхъ лужъ, безъ мертвыхъ озеръ, безъ гнилыхъ и долнихъ низкостей быть не можетъ; но въ такихъ мѣстахъ жабы и сродныя имъ птицы да водворяются, а соколы съ орлами выспрь въ пространство чистыхъ небесъ да возносятся, оставивъ дрождіе для непросвѣщенной подлости.

Итакъ, благочестивое сердце между высыпанными курганами буй-

Библиотека "Руниверс"

наго безбожія и между подлыми болотами рабострастнаго суевѣрія, не уклоняясь ни въ право, ни въ лѣво прямо течетъ на гору Божію и въ домъ Бога Іяковля... Изъ суевѣрій родились вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и протчее.

Нѣтъ желчнѣе и жестоковыйнѣе суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣе, какъ бѣшенность, ражженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ тогда, когда сія Ехидна, предпочитая нелѣпыя и нестаточныя враки надъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, гонитъ своего брата, дыша убійствомъ и симъ мнится службу приносити Богу.

Оно не иное что есть, какъ безразумное, но будьто Богомъ осуществованное и защищаемое разумѣніе. Говорятъ суевѣру: слушай, другъ! Нелзя сему статься.... Противно натурѣ.... Кроется здѣсь что-то.... Сихъ дрождей упився, суевѣръ бражничаетъ и козлогласуетъ нелѣпую, объявляя непріятелями и еретиками всѣхъ несогласныхъ ему. Лучше не читать и не слышать, нежели читать безъ очей, а безъ ушей слышать и поучатися тщетнымъ: дѣтское есть сіе мудрованіе, обличающее наглость и непостоянность блаженныя натуры, будьто она когда то и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ. Все же то не великое, что не нужное, и все не нужное то, что не всегда и не вездѣ есть возможное. Возможное и нужное, а нужное и полезное есть тоже и напротивъ того. Кая жъ слава и хвала дѣлать невозможное? Все преграждаемое закономъ блаженной натуры есть тѣмъ не полезное, чѣмъ не возможное, а чемъ полезное, тѣмъ возможное. По сему-то есть благословенно царство ея и дивнымъ вкусомъ дышетъ сіе слово Епикурово. *Благодареніе блаженной натурѣ за то, что нужное здѣлала не труднымъ, а трудное не нужнымъ.* Востать противу царства ея и законовъ сія есть нещасная исполинская дерзость, люблящая прегражденіе, невозможность и безполезность, а супостатъ ползѣ. Какъ же могла востать сама на свой законъ блаженная натура? Разъ она велѣла тонуть желѣзу—и бысть тако. Такія нелѣпыя мысли пущай мѣсто имѣютъ въ дѣтскихъ и подлыхъ умахъ, не въ возмужавшихъ и высокихъ фамилій людяхъ.

Да вкушаютъ сію ложь и буйство дѣти и то до времени, а благоразумные да будутъ готовы къ лучшему столу. Они, не бывъ причастниками лжи сея и буйства, могутъ не зажигать, но тушить факалъ колеблющаго общую тишину и бражничествующаго раскола.

Нѣтъ вреднѣе какъ тое, что сооружено къ главному добру, а сдѣлалось растлѣннымъ. И нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, какъ суевѣріе—листвіе лицемѣрамъ, маска мошенникамъ, стѣнь тунеядцамъ, стрекало и поджога дѣтоумнымъ. Оно возъярило премилосерд-

Библиотека "Руниверс"

ную утробу Тита, загладило Іерусалимъ, разорило Царь—Градъ, обезобразило братнею кровію Парижскія улицы, сына на отца вооружило, и не напрасно Плутархъ хуже безбожія ставитъ суевѣріе: для меня, де, лучше, когда люди скажутъ, что Плутарха на свѣтѣ не было, не жели, что онъ былъ наглъ, непостояненъ, немилосердъ и прочч. Да и впрямь суевѣръ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится. Иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемаго; иной кленетъ квасъ, другой опрісноки... Но кто сочтетъ всю суевѣрныхъ головъ паучину? Будто Богъ варваръ, чтобъ за мѣлочь враждовать.....

Вся тварь есть ложь непостоянна и обманчива и вся тварь есть то поле слѣдовъ Божіихъ./Во всѣхъ лживыхъ терминахъ или предѣлахъ таится и является, лежитъ и востаетъ пресвѣтлая истина и о ней то слова: *истина отъ земли возсія. Злато земли оныя доброе.* И всѣмъ симъ слѣдамъ и писаннымъ и глаголаннымъ въ ней будетъ совершеніе отъ Господа, сирѣчь, конецъ и событіе не осуществованнымъ тварямъ приложитъ истина Господня. Вотъ что значитъ: *отъ Бога вся возможна*, сирѣчь, по тварямъ оно пустое и нестаточное, а по Бозѣ дѣйствительное и точное. Кто? Развѣ кто угорѣлъ или въ горячкѣ, тотъ скажетъ: желѣзо плаваетъ.... Въ прочемъ же буде когда наконецъ сверхъ поля тлѣнныя твари (желѣзо ли оно или золото или алмазъ) покажется обвитая желѣзомъ по ребрамъ своимъ пресильная истина, во время оно благоразумный не умолкнетъ и скажетъ: *всплыве желѣзо.* Царст. гл. Какъ солнечный блескъ по верху водъ, а воды сверхъ голубого Обера, и какъ пестрые цвѣты, высыпанные по шелковомъ полю, въ хитротканныхъ камкахъ, такъ по лицу въ Библіи сплетеннаго множества тварей безчисленныхъ, какъ манна и снѣгъ, во свое время являетъ прекрасное свое вѣчности око истина... И о сихъ то ткателяхъ и книго—сплетцахъ, каковъ былъ Веселеилъ и протчіе, гремитъ вопросъ Божій къ Іову. *Кто далъ есть женамъ тканія мудрость или испещренія хитрость.* гл. 38.

Здѣсь авкторы нарицаются жены, соткавшія библейные свитки разныхъ полотенъ..... Если кто отворилъ начальную дверь сію: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю,* легко можетъ входить и въ протчія сихъ книгъ обители. Кажется, дверь сія отверста для каждаго, но сію мысль опроверяетъ слово Петрово: таится бо сія отъ нихъ, яко небеса бѣша исперва, сирѣчь, что значитъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю?* Каждая почти здѣсь сентенція не вкусна, поколь не приложитъ своея къ ней силы рука, у Даніила поверху стѣны, а у Евангелиста по землѣ пишущая. И всякая мысль подло какъ змій по землѣ ползетъ; но есть въ ней око голубицы, взирающія выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины. Словомъ вся дрянь дышетъ Богомъ и

Библиотека "Руниверс"

вѣчностью и Духъ Божій носится надъ всею сею лужею и лжею. Я въ сей книжечкѣ представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ. Писалъ я ее, забавляя праздность и прогоняя скуку. А вашему Высокородію подношу не столько для любопытства, сколько ради засвидѣтельствованія благодарнаго моего сердца, за многія милости ваши, на подобіе частыхъ древесныхъ вѣтвей, прохладною тѣнью праздность мою вспокоивающія, такъ что и мнѣ можно сказать съ Мароновымъ пастухомъ:..... Deus nobis haec otia fecit. Высокомилостивый Государь!

Вашего Высокородія всепокорнѣишій и многодолжен. слуга студентъ Григорій Сковорода.

*
* *

Ты кто еси? И рече имъ Іисусъ: Начатокъ. Евангеліе Іоанна глава 8.

*
* *

Испытайте писаній.... Та суть свидѣтельствующая о мнѣ. Еванг. Іоанна глава 5.

*
* *

Слово къ Богу. A te principium tibi desinat. Virgil. Ecl. то есть, Ты и отъ Тебе начало исходитъ: къ Тебѣ жъ оно и конецъ свой приводитъ.

ПРЕДДВѢРІЕ или КРИЛЬЦО. Басня.

Пустынникъ и другъ его.

Пустынникъ обиталъ въ глубокомъ уединеніи. Онъ каждый день при восхожденіи солнца всходилъ въ пространный вертоградъ. Въ вертоградѣ жила прекрасная и черезъ чуръ смирная птица. Онъ любопытно взиралъ на чудныя свойства оныя птицы, веселился, ловилъ и тѣмъ нечувствительно провождалъ время. Птица, нарочно близко садясь, куражила ловлю его, и казалась тысячу разъ быть въ рукахъ, но не могъ ее никогда поймать. Не тужи о семъ, другъ мой, сказала птица, что поймать не можешъ. Ты станешъ вѣкъ меня ловить на то, чтобы никогда не уловить, а только забавляться. Когда то приходитъ къ нему другъ его. По привитаніи завелась дружеская бесѣда. Скажи мнѣ, спрашиваетъ гость, чемъ ты въ дремучей твоей пустынѣ забавляешся? Я бы въ ней умеръ отъ скуки.... Но пустынникъ: скажи, де, ты прежде, что тебе веселитъ въ общежительствѣ? Я бы въ немъ умеръ отъ грусти.... Моихъ забавъ три родника, гость отвѣчааъ. 1-й

Библиотека "Руниверс"

Оказываю по силѣ домашнимъ моимъ и чужимъ благодѣянія. 2-й) Хорошое благосостояніе здравія. 3-й) Пріятность дружескаго общежительства.... А я, сказалъ пустыниикъ, имѣю двѣ забавы: птицу и начало. Я птицу всегда ловлю, но никогда не могу ее поймать. Я имѣю шелковыхъ тысячу и одинъ фигурныхъ узловъ, ищу въ нихъ начала и никогда развязать не могу...

Мнѣ твои забавы, говоритъ гость, кажутся дѣтскими... Но есть ли они невинны и тебе веселить сродны, я тебѣ прощаю. И оставилъ друга съ забавнымъ его началомъ.

ПРЕДѢЛЪ I.

Обращеніе притчи къ Богу или къ Вѣчности.

Божественные мистагоги или тайноводители приписываютъ начало единственно точію Богу. Да оно и есть такъ точно, если осмотрѣться. Начало точное есть то, что прежде себе ничего не имѣло. А какъ вся тварь родится и ищезаетъ, такъ конечно нѣчтось прежде ея было и послѣ ея остается. И такъ, ничто началомъ и концемъ быть не можетъ. Начало и конецъ есть тоже, что Богъ или Вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде Ея, ни послѣ Ея. Все въ неограниченныхъ своихъ нѣдрахъ вмѣщаетъ. И не ей что-либо, но она всему началомъ и концемъ. Начало и конецъ есть по мнѣнію ихъ тоже. И точно такъ есть, если разсудить. Вѣчность не начинаемое свое и послѣ всего остающееся пространство даже до того простираетъ, чтобъ ей и предварять все-навсе. Въ ней такъ, какъ въ колцѣ. Первая и послѣдняя точка есть та-же и гдѣ началось, тамъ же и кончилось. Въ самыхъ тваряхъ сіе можно примѣтить, что тогда жъ, когда согниваетъ старое на нивѣ зерно, выходитъ изъ него новая зелень и согнитіе стараго есть рожденіемъ новаго, дабы, гдѣ паденіе, тутъ же присутствовало и возобновленіе, свидѣтельствующее о премудромъ Ея и всесохраняющемъ міростроительствѣ. Во всякихъ же веществахъ для любопытнаго зрителя премилосердная сія мати, почти осязаемая, но не понимаемая, подобна смирной, но не уловляемой птицѣ. Сіе правдивое начало вездѣ живетъ. Посему оно не часть и не состоитъ изъ частей, но цѣлое и твердое, затѣмъ и не разоряемое, съ мѣста на мѣсто не преходящее, но единое, безмѣрное и надежное. А какъ вездѣ, такъ и всегда есть. Все предворяетъ и заключаетъ, само не предворяемое, ни заключаемое. Симъ началомъ благословляется Асиръ, сынъ Іяковлевъ. *Покрыетъ тя Божіе начало.*

Прозрѣвшій сквозь мракъ сіе начало назывался у еврей пророкомъ, назывался и священникомъ, то есть святое видящимъ и пока-

Библиотека "Руниверс"

зующимъ, а черезъ то, людскимъ освятителемъ. Индѣ такіе назывался маги или волхвы, индѣ халдеи, гимнософисты, у еллинъ іереи, софы, философи, іерофанты и протчая. Опредѣляемые жъ въ сію науку увольнялись всѣхъ житейскихъ дѣлъ. Сіе значило посвятиться Богу. Тогда они въ натурѣ и въ книгахъ вольно искали начала.

ПРЕДѢЛЪ II.

Въ вещахъ можно примѣтить вѣчность.

Землемѣры во всѣхъ своихъ фигурахъ восходятъ къ источнику, находятъ центръ и начало. А если кто чистосердечный охотникъ, можетъ въ нѣкоторыхъ веществахъ примѣчать тончайшій дивнаго сего начала лучъ, каковъ испущаетъ во мракѣ утренняя заря. Взглянемъ, напримѣръ, на рыбу, названную у римлянъ (Remora), сирѣчь, удержаніе. Она, прильнувши къ брюху корабля, самое быстрѣйшее удерживаетъ его стремленіе. Поколь смотришъ на рыбу, не чувствуетъ душа никакова вкуса. А когда проницать окомъ въ утаенное въ небольшой рыбѣ Божіе начало, тогда сердце находитъ сладость сота, найденнаго во львѣ Сампсономъ. *Гортань его сладость и весь желаніе.* Безмѣстное и нестаточное дѣло, дабы рыба, одною тлѣнныя своея природы грязью, могла препобѣдить и обуздать быстроту стодь ужасныя машины, если бы въ тлѣнной ея тмѣ не закрывался начальникъ тотъ: *положи тму закровъ свой.* Сей есть родникъ антипаѳіи и симпаѳіи. Взглянемъ на землю и на около небесъ находящееся. Мѣлочный звѣрочокъ мышь, вкравшаясь за дорожнымъ припасомъ въ коляску, бѣшенную рысть самыхъ буйныхъ лошаковъ приводитъ въ слабость и истомленіе. Взглянь на слабосильнаго звѣрка на человѣка. Онъ водитъ медвѣди и слоны. Взглянь на маленькую компасную коробочку и на малую часть корабля—на его руль. Онъ правитъ теченіе, а тая указываетъ путь. Маленькая искра разоряетъ городскія стѣны. Изъ крошечнаго зерна выходитъ толикая яблонь. Легенькій воздушный шумъ есть испущенное изъ устъ слово, но оно часто или смертно уязвляетъ, или въ куражъ приводитъ и оживляетъ душу. Малая птица пѣтухъ пугаетъ льва, а мышь слона. Не видная пружина въ составѣ движетъ всю часовую машину. Не осязаемая въ цыркулѣ точка источникомъ есть всѣхъ фигуръ и машинъ. Десятофунтная машинка ворочаетъ сто пудную тяжесть. Соломяный крутѣнь разбиваетъ кремень. Ничтожная гражданскихъ законовъ бумажка содержитъ гражданство въ тишинѣ. Отцовская старость владѣетъ жестоковыйными рабами и буйными сынами. Слабаго здоровья государь управляетъ безсловесную свирѣпость народную.

Все сіе по плоти ничтоже есть, но по сокровенному въ себѣ естеству сильное. *Духъ животворитъ.* Сіе чудное начало—въ немо-

Библиотека "Руниверс"

щахъ сила, въ тлѣни нетлѣніе, а въ мѣлочи есть величіе. Оно начиная кончитъ, а конча начинаетъ, рождая погубляетъ, погубляя рождаетъ, противнымъ врачуя противное и враждебнымъ премудро споспѣшествуя враждебному, какъ свидѣтельствуетъ острое философскихъ учениковъ реченіе: *unius interitus est alterius generatio.* Одной вещи гибель рождаетъ тварь другую.

ПРЕДѢЛЪ III.

Начало во всѣхъ системахъ мірскихъ умозрится и всю тлѣнь канъ одежду носитъ. Оно есть міръ первородный.

Взглянемъ теперь на всемірный міръ сей, какъ на увеселительный домъ Вѣчнаго, какъ на прекрасный рай изъ безщетныхъ вертоградовъ, будьто вѣнецъ изъ вѣночковъ или машинище изъ машинокъ составленный, ни мѣстомъ, ни временемъ не ограниченный. А я вижу въ немъ единое начало, такъ какъ единъ центръ и единъ умный цыркулъ во множествѣ ихъ. Но когда сіе начало и сей центръ есть вездѣ, а окружія его нигдѣ нѣтъ, тогда вижу, въ семъ цѣломъ мірѣ два міра, единъ міръ составляющіе міръ,—видный и невидный, живый и мертвый, цѣлый и сокрушаемый; сей—риза, а тотъ тѣло, сей тѣнь, а тотъ древо, сей вещество, а тотъ Ипостась, сирѣчь, основаніе, содержащее вещественную грязь, такъ какъ рисунокъ держитъ свою краску. Итакъ, міръ въ мірѣ есть то вѣчность въ тлѣни, жизнь въ смерти, востаніе во снѣ, свѣтъ во тмѣ, во лжи истина, въ плачѣ радость, въ отчаяніи надежда. Въ семъ мѣстѣ встрѣчается со мною любомудрое слово Платоново въ такой силѣ: *подлость не почитаетъ за сущую точность*—nisi quod περιξ teneat, сирѣчь, кромѣ одно тое, что въ кулакъ схватить можетъ, а въ кулакъ схватить можно одно осязаемое. Естли жъ мнѣ скажешъ, что внѣшній міръ сей въ какихъ то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу, что кончится, сирѣчь, начинается. Видишъ, что одного мѣста граница есть она же и дверь, открывающая поле новыхъ пространностей. И тогда жъ зачинается цыпліонокъ, когда портится яйцо. И такъ всегда все идетъ въ безконечность. Вся испольняющее начало и міръ сей находясь тѣнью его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблонѣ. Въ томъ только разнь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то преходитъ, то родится, то ищезаетъ и есть ничто. Materia aeterna.....

Библиотека "Руниверс"

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I. Садъ божественныхъ пѣсней, прозябшій изъ зернъ священнаго писанія.

ПѢСНЬ 1-я.

Сложенна 1757 лѣта въ сію силу: *блаженны непорочны въ путь ходящіи въ законѣ Господнемъ.*

Боится народъ сойти гнить во гробъ,
Чтобъ не былъ послѣ участный,
Гдѣ горитъ огнь не угасный;
А смерть есть святая, кончитъ наша злая,
Изводитъ злой войны въ покой.
О смерть сія свята!
Не боится совѣсть чиста ниже перуна огниста, ни!
Сей огнемъ адскимъ не жжется,
Сему жизнь райска живется.
О грѣхъ-то смерть родитъ, живу смерть наводитъ,
Изъ смерти адъ; душу жжетъ гладъ.
О смерть сія люта!
Блаженъ, о блаженъ, кто съ самыхъ пеленъ
Посвятилъ себе Христови,
День, ночь мыслитъ въ его словѣ,
Взявъ иго благое и бремя легкое,
Къ сему обыкъ, къ сему навыкъ.
О жребій сей святый!

Библиотека "Руниверс"

Кто сея отвѣдалъ сласти, вѣкъ въ мірски
Не можетъ пасти, ни!
Въ наготахъ, въ бѣдахъ не скучитъ,
Ни огнь, ни мечь не разлучитъ;
Все сладость разводитъ, на сердце не всходитъ
Развѣ тому, естли кому
Далъ знать искусъ драгій.
Христе жизнь моя, умерый за мя!
Долженъ былъ тебѣ начатки
Лѣтъ моихъ-даю остатки.
Сотри сердца камень, зажжи въ немъ твой пламень,
Да смерть страстямъ и злымъ сластямъ
Живу тебѣ мой свѣтъ.
А какъ отъ грѣховъ воскресну, какъ одѣну плоть небесну,
Ты въ мнѣ, я въ тебѣ вселюся,
Сладости той насыщуся,
Съ тобою въ бесѣдѣ, съ тобою въ совѣтѣ,
Какъ дня заходъ, какъ утра всходъ.
О! се златыхъ вѣкъ лѣтъ!

ПѢСНЬ 2-я.

Изъ сего зерна: *по земли ходяще, обращеніе имамы на небестѣхъ.*

Оставь, о духъ мой, вскорѣ всѣ земныи мѣста!
Взойди, духъ мой, на горы, гдѣ правда живетъ свята,
Гдѣ покой, тишина отъ вѣчныхъ царствуетъ лѣтъ,
Гдѣ блещитъ та страна, въ коей не приступный свѣтъ.

* * *

Оставь земны печали и суетность мірскихъ дѣлъ!
Будь чистъ, хоть на часъ малый, дабы ты выспрь возлетѣлъ,
Гдѣ Іаковль Господь, гдѣ не вечерня заря,
Гдѣ весь ангелскій родъ лице его выну зрятъ.

* * *

Се силоамски воды! Омый скверну отъ очесъ,
Омый всѣ членовъ роды, дабы возлетѣть до небесъ,
Ибо сердцемъ не чистъ не можетъ Бога узрѣть,
И нелзя до сихъ мѣстъ земленному долетѣть.

* * *

Душа наша тѣлеснымъ не можетъ довольна быть;
Она только небеснымъ горитъ скуку насытить.
Какъ потокъ къ морю скоръ, такъ сталь къ магниту прядетъ,
Пламень дрожитъ до горъ, такъ духъ нашъ къ Богу взоръ
рветъ.

Библиотека "Руниверс"

Кинь весь міръ сей прескверный: онъ-то въ точь есть
темный адъ.
Пусть летитъ невѣжъ врагъ черный; ты въ горный возвы-
сись градъ,
И, по землѣ ходя, вселися на небесахъ,
Какъ учитъ Павелъ тя въ своихъ чистыхъ словесахъ.

* * *

Спѣши жь во вѣчну радость крильми умными отсель.
Ты тамъ обновишь радость, какъ быстропарный орелъ.
О треблаженна стать всего паче словесе!—
Кто въ свой умъ можетъ взять, развѣ сшедый съ небесе?

ПѢСНЬ 3-я.

Изъ сего сѣмени: *прорасти земля быліе травное,* сирѣчь, *кости твоя прозябнутъ яко трава и разботѣютъ.* Исаіа.

Весна люба, ахъ, пришла! зима люта, ахъ, пройшла!
Уже сады расцвѣли и соловьевъ навели.

* * *

Ахъ ты печаль! прочь отсель! Не безобразь красныхъ селъ.
Бѣжи себѣ въ болота, въ подземныи ворота!

* * *

Бѣжи себѣ прочъ во адъ! не для тебе рай и садъ.
Душа моя процвѣла и радостей навела.

* * *

Щастливъ тотъ и безъ утѣхъ, кто побѣдилъ смертный грѣхъ.
Душа его—Божій градъ, душа его—Божій садъ.

* * *

Всегда сей садъ даетъ цвѣты, всегда сей садъ даетъ плоды,
Всегда весною тамъ цвѣтетъ, и листъ его не падетъ.

* * *

О Боже мой, ты мнѣ—градъ! О Боже мой, ты мнѣ—садъ!
Невинность мнѣ-то цвѣты, любовь и миръ-то плоды.

* * *

Душа моя есть верба, а ты еси ей вода.
Питай мене въ сей водѣ, утѣшь мене въ сей бѣдѣ.

* * *

Я ничего не боюсь; однихъ грѣховъ я страшусь.
Убій во мнѣ всякій грѣхъ: се—ключъ моихъ всѣхъ утѣхъ!

Библиотека "Руниверс"

ПѢСНЬ 4-я.

Рождеству Христову изъ сего зерна: *съ нами Богъ, разумѣйте языцы, сирѣчь, помаза насъ Богъ духомъ; посла Духа Сына своего въ сердца наша.*

Ангелы снижайтеся, ко землѣ сближайтеся,
Господь бо, сотворшій вѣки, живетъ нынѣ съ человѣки.
Станьте съ хоромъ вси соборомъ.
Веселитеся, яко съ нами Богъ.

* * *

Се часъ исполняется! Се сынъ посылается!
Се лѣта пришла кончина! Се Богъ посылаетъ сына.
День приходитъ. Дѣва родитъ.
Веселитеся, яко съ нами Богъ!

* * *

Обѣщанъ пророками, отчими нароками,
Рѣшитъ въ послѣдня лѣта печать новаго завѣта;
Духъ свободы внутрь насъ родитъ.
Веселитеся, яко съ нами Богъ;

* * *

Даніиловъ каменю! Изъ купины пламеню!
Не сѣченный отпадаешъ! Огнь сѣна не попаляешъ!
Се нашъ камень! се нашъ пламень!
Веселитеся, яко съ нами Богъ!

* * *

Расти жъ благодатію, новый нашъ ходатаю!
Расти, да возможешъ стати, да попалишъ супостаты,
Да, вселенну, зря спасенну,
Веселимся вси, яко съ нами Богъ.

* * *

Мы жъ тебѣ рожденному, гостеви блаженному,
Сердца всѣхъ насъ отверзаемъ, въ душевный домъ призываемъ,
Пѣснь спѣвая, восклицая
Веселящеся, яко съ нами Богъ.

ПѢСНЬ 5-я.

Рождеству Христову изъ сего зерна: *роди сына своего первенца и повитъ его и положи его въ яслѣхъ.*

Тайна странна и преславна!
Се—вертепъ вмѣсто небесъ!
Дѣва—херувимовъ главна
И престоломъ вышнимъ днесь.
А вмѣщенъ тотъ въ яслѣхъ полно,

Библиотека "Руниверс"

Коего есть не довольно
Вмѣстить и небо небесъ.

* * *

О блаженны тіи очи,
Что на сію тайну зрятъ,
Коихъ въ злой мірской полночи
Привела къ Богу заря.
Ангелскій умъ тайну видитъ,
А плотскій мужъ [1]) ненавидитъ,
Та бо всѣмъ имъ буйство есть.

* * *

Мы же секретъ сей небесный
Всегорящимъ сердцемъ чтимъ
И, хоть какъ скотъ безсловесный,
Изъ подъ Христа сѣно ядимъ,
Поколь, въ мужа совершенна
Взросши, возможемъ блаженна
Самаго Бога вкусить.

ПѢСНЬ 6-я.

Въ конецъ сего: *испусти змій за женою изъ устъ своихъ воду, яко рѣку, да ю въ рѣцѣ потопитъ. Той сотретъ тебѣ главу.*

Вонми, небо и земля, нынѣ ужаснися!
Море, безднами всѣми согласно двигнися!
И ты быстротекущій возратися, Іордане,
Прійди скоро крестити Христа, Іоанне!

* * *

Краснозрачныя лѣса стези оттворите,
Предитечу Іоанна ко Христу пустите.
Земныи же языци купно съ нами всѣ ликуйте,
Ангелскія хоры вси въ небѣ торжествуйте!

* * *

Снійде Спасъ во Іорданъ, ста въ его глубинѣ,
Се снійде нань и Духъ святъ въ видѣ голубинѣ.
Сей есть сынъ мой возлюбленный, отецъ изъ облакъ вѣщаше;
Сей Мессія обновитъ естество все ваше.

* * *

Освяти струи и намъ, змію сотри главу,
Духа твоего, Христе, росу даждь и славу,
Да не потопитъ насъ змій, и мы всѣ отъ земна края
Да почити полещемъ до твоего рая.

---

[1]) Мірской толкъ.

Библиотека "Руниверс"

ПѢСНЬ 7-я.

Воскресенію Христову изъ сего зерна: *единонадесять ученицы идоша въ Галилею на гору, аможе повелѣ имъ Іисусъ. Пасха!*

Кто ли мене разлучитъ отъ любви твоей?
Можетъ ли мнѣ наскучить дивный пламень сей?
Пусть весь міръ отбѣжитъ!
Я буду въ тебѣ жить, о Іисусе!

* * *

Веди мене съ тобою въ горній путь на крестъ;
Радъ я жить надъ горою, брошу долню персть.
Смерть твоя—мнѣ животъ,
Желчь твоя—сластей родъ, о Іисусе!

* * *

Язвы твои суровы—то моя печать,
Вѣнецъ мнѣ твой терновый—славы благодать,
Твой сей поносный крестъ—
Се мнѣ хвала и честь, о Іисусе!

* * *

Зерно пшенично въ нивахъ естли согніетъ,
Внѣшность естли нежива, новъ плодъ внутрь цвѣтетъ.
За одинъ старый класъ
Въ грядущій лѣтній часъ сторичный дастъ плодъ.

* * *

Сраспни мое ты тѣло, спригвозди на крестъ;
Пусть буду зъ внѣ не цѣлой, дабы внутрь воскресъ.
Пусть внѣшный мой изсхнетъ,
Да новый внутрь цвѣтетъ; се смерть животна.

* * *

О новый мой Адаме! О краснѣйшій сынъ!
О всегосвѣтный сраме! О буйства Афинъ!
Подъ буйствомъ твоимъ свѣтъ,
Подъ смертью—жизнь безъ лѣтъ. Коль темный закровъ!

ПѢСНЬ 8-я.

Воскресенію Христову. Изъ сего зерна: *о! о! бѣжите на горы!* Захарія. *Востани спяй! Покой дастъ Богъ на горѣ сей.* Исаіа.

Объяли вкругъ мя раны смертоносны;
Адовы бѣды обойшли несносны!
Найде страхъ и тма. Ахъ година люта!
Злая минута!
Бодетъ утробу тернъ болѣзни твердый;
Скорбна душа мнѣ, скорбна даже къ смерти.

Библиотека "Руниверс"

Ахъ кто мя отъ сего часа избавитъ?
Кто мя исправитъ?
Такъ африканскій страждетъ елень скорый;
Онъ птицъ быстрѣе пить спѣшитъ на горы,
А жажда жжетъ внутрь, насыщена гадомъ
И всякимъ ядомъ.
Я на Голгофу поскорю поспѣю;
Тамъ виситъ врачъ мой межъ двою злодѣю.
Се Іоаннъ здѣ при крестѣ рыдаетъ,
Крестъ лобызаетъ.
О Іисусе! о моя отрадо!
Здѣ ли живеши? О страдальцевъ радость!
Даждь спасительну мнѣ цѣльбу въ сей страсти,
Не даждь вѣкъ пасти.

ПѢСНЬ 9-я.

Святому Духу. Изъ сего: *Духъ твой благій наставитъ мя на землю правду. Снизшедъ языки слія. Разласная возшумѣ.*

Голова всяка свой имѣетъ смыслъ;
Сердцу всякому своя любовь,
И не однака всѣмъ живущимъ мысль.
Тотъ овецъ любитъ, а тотъ козловъ;
Такъ и мнѣ вольность одна есть нравна
И безпечальный, препростый путь,
Се—моя мѣра въ житіи главна;
Весь окончится мой циркулъ тутъ.

* * *

Ты, святый Боже и вѣковъ творецъ,
Утверди сіе, что самъ создалъ.
При тебѣ можетъ все въ благій конецъ
Такъ попасти, какъ къ магниту сталь.
Аще жъ не право зритъ мое око,
Ты мене, отче, настави здѣсь;
Ты людскихъ видишъ, сидяй высоко,
Разныхъ толь мнѣній безщетну смѣсь.

* * *

Тотъ на восточный, сей на вечерній край
Плыветъ по щастье со всѣхъ вѣтрилъ,
Иной въ полночной странѣ видитъ рай,
Иной на полдень путь свой открылъ.
Одинъ говоритъ: вотъ, кто-то коситъ!
А другій споритъ: се ктось стрижетъ,

Библиотека "Руниверс"

А сей (у воза пять колъ) голоситъ.
Скажи: кій бѣсъ намъ въ прахъ мысль сѣчетъ?

ПѢСНЬ 10-я [1]).

Изъ сего зерна: *блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ.* Сирахъ.

Всякому городу нравъ и права;
Всяка имѣетъ свой умъ голова;
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума.

* * *

Петръ [2]) для чиновъ углы панскіи третъ.
Федька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ.
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не-йдетъ съ ума.

* * *

Тотъ непрестанно стягаетъ грунта.
Сей иностранны [3]) заводитъ скота.
Тѣ [4]) формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не-йдетъ съ ума.

* * *

Строитъ [5]) на свой тонъ юриста [6]) права.
Съ диспутъ студенту трещитъ голова.
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ.
Всякому голову мучитъ свой дуръ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума.

* * *

Тотъ панегирикъ сплетаетъ со лжей,
Лѣкарь въ подрядъ ставитъ мертвыхъ людей,

---

[1]) Solum curo feliciter mori.
[2]) Сватъ.
[3]) Со всѣхъ націй.
[4]) Тотъ на картинахъ малюетъ собакъ.
[5]) Крутитъ.
[6]) Приказній.

Библиотека "Руниверс"

Сей образы жировыхъ чтетъ тузовъ,
Степка бѣжитъ какъ на сватьбу въ позовъ.

* * *

Смерте страшна! замашная косо!
Ты не щадишъ и царскихъ [1]) волосовъ,
Ты не глядишъ, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь—
Все жерешъ [2]) такъ, какъ солому пожаръ.
Кто жъ на ея плюетъ острую сталь?
Тотъ, чія [3]) совѣсть, какъ чистый хрусталь.

ПѢСНЬ 11-я.

Въ конецъ сего: *бездна бездну призываетъ*, сирѣчь, *въ законѣ Господни воля его. Дадъ бы ти воду живу, волѣ волю и безднѣ твоей бездну мою.*

Нелзя бездны окіана горстью персти забросать,
Нелзя огненнаго стана скудной каплѣ прохлаждать.
Возможетъ ли въ темной яскинѣ гулять орелъ,
Такъ какъ въ поднебесный край вылетитъ онъ отсель,
Такъ не будетъ сытъ плотскимъ духъ.
Бездна духъ есть въ человѣцѣ, водъ всѣхъ ширшій и небесъ.
Не насытишь тѣмъ во вѣки, что плѣняетъ зракъ очесъ.
Отсюду-то скука, внутрь скрежетъ, тоска, печаль,
Отсюду несытость, изъ капли жаръ горшій всталъ.
Знай: не будетъ сытъ плотскимъ духъ.
О роде плотскій! невѣжды! доколѣ ты тяжкосердъ?
Возведи сердечны вѣжды! Взглянь выспрь на небесну твердь.
Чему ты не ищешъ знать, что-то зовется Богъ?
Чему не толчешъ, чтобъ увидѣть его ты могъ?
Бездна бездну удовлитъ вдругъ.

ПѢСНЬ 12-я.

Изъ сего зерна: *блаженны нищи духомъ*, сіесть, *премудрость книжника во благовременіи празднества и, умаляйся въ дѣяніяхъ своихъ, упремудрится.* (Сирахъ). *Упразднитеся и разумѣите...*

1. Не пойду въ городъ богатый. Я буду на поляхъ жить.
Буду вѣкъ мой коротати, гдѣ тихо время бѣжитъ.
О дубрава! о зелена! о мати моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна, въ тебѣ покой, тишина.

* * *

2. Города славны, высоки на море печалей пхнутъ.

---

[1]) Ничіихъ.
[2]) Ѣси.
[3]) Въ ково.

Библиотека "Руниверс"

Ворота красны, широки въ неволю горьку ведутъ.
О дуброва! о зелена! и прочая.

* * *

3. Не хочу ѣздить на море, не хочу красныхъ одежъ:
Подъ сими крыется горе, печали, страхъ, и мятежъ.
О дубрава! и прочая.

* * *

4. Не хочу за барабаномъ ити плѣнять городовъ.
Не хочу и штатскимъ саномъ пугать мѣлочныхъ чиновъ.
О дуброва! и прочая.

* * *

5. Не хочу и наукъ новыхъ кромѣ здраваго ума,
Кромѣ умностей Христовыхъ, въ коихъ сладостна душа.
О дуброва! и прочая.

* * *

6. Ни чего я не желатель кромѣ хлѣба да воды.
Нищета мнѣ есть пріятель; давно мы съ нею сваты.
О дубрава! и прочая.

* * *

7. Со всѣхъ имѣній тѣлесныхъ покой да воля свята,
Кромѣ вечностей небесныхъ—одна се мнѣ жизнь свята.
О дуброва! и прочая.

* * *

8. А естли до сихъ угодій и грѣхъ еще побѣдить,
То не знаю, сей выгоды возможетъ ли кутче быть.
О дуброва! и прочая.

* * *

9. Здравствуй, мой милый покою! во вѣки ты будешъ мой.
Добро мнѣ быти съ тобою: ты мой вѣкъ будь, а я твой.
О дуброва! о свобода! въ тебѣ я началъ мудрѣть;
До тебе моя природа, въ тебѣ хощу и умрѣть.

ПѢСНЬ 13-я [1]).

Изъ сего: *изыдите отъ среды ихъ... Прійди, брате мой, водворимся на селѣ. Тамо роди тя мати твоя* (Пѣснь пѣсней).

Ахъ поля, поля зелены,
Поля цвѣтами распещрены!
Ахъ, долины, яры,
Круглы могилы, бугры!

---

[1]) O fortunatos nimium bona si sua norint agricolas! Virg. 2, Georg. Vers. 458.

Библиотека "Руниверс"

Ахъ, вы, водъ потоки чисты!
Ахъ, вы берега трависты!
Ахъ, ваши волоса, вы кудрявые лѣса!

* * *

Жайворонокъ межъ полями,
Соловейко межъ садами;
Тотъ выспрь летя сверчитъ, [1]) а сей на вѣтвахъ свиститъ [2]).

* * *

А когда взойшла денница,
Свищетъ въ той часъ всяка птица
Музыкою воздухъ растворенный шумитъ вкругъ.

* * *

Только солнце выникаетъ,
Пастухъ овцы выганяетъ
И на свою свирѣль выдаетъ дрожливой трель.

* * *

Пропадайте думы трудны,
Города премноголюдны!
А я съ хлѣба кускомъ умру на мѣстѣ такомъ.

ПѢСНЬ 14-я.

Древняя малороссійска о суетѣ и лести мірской въ сей силѣ: *на стражи моей стану и взыду на камень.* Аввакумъ (обновленна въ 1782 лѣтѣ).

1.

Коликая слава нынѣ?
Зри на буйность въ сей годинѣ!
О Израиль! гидры звѣря [3])
Коль велика въ ономъ мѣра, нужно разумѣти.

2.

Нынѣ—скипетръ и булава,
Утро вставши—худа слава,
Сердце пробождаетъ сквозѣ;
Руцѣ связанны и нозѣ. Какъ избѣгнуть сѣти?

3.

Днесь піяна скачетъ воля,
Утро вставши тщетна доля.

---

[1]) Свирчитъ.

[2]) На голляхъ лящитъ.

[3]) Проглашаетъ придревнюю басню о седмиглавной змѣѣ, именуемей гидра, сирѣчь змій водный. Со зміемъ симъ боролся древній герой Ираклій. Отсѣчена одна глава. Вдругъ на то мѣсто произрастало двѣ или три. Что дѣлать? Ираклій съ помощію друга своего Іолея разженнымъ желѣзомъ прижегъ каждую голову. И такъ почилъ отъ брани.

Библиотека "Руниверс"

О Израиль! Водна звѣря
Камо цѣль ведетъ и мѣра? Нужно что прозрѣти.

4.

Сиренъ лестный окіана [1])
Сладкимъ гласомъ обаянна.
Бѣдная душа на пути
Хощетъ на всегда уснути, недоплывши брега.

5.

Плоть! Міръ! О не сытый аде!
Все тебѣ ядь, всѣмъ ты ядъ!
День, нощь челюстьми зѣваетъ,
Все безъ взгляду поглощаетъ. Кто избѣжитъ сѣти?

6.

Се пучина всѣхъ есть жруща!
Се есть челюсть всѣхъ ядуща!
О Израиль! Кита звѣря [2])
Се тебѣ толкъ, мѣть и мѣра, плоть не насыщаетъ.

7.

Ахъ простри бодро вѣтрила
И ума твоего крила,
Пловущи по бурномъ морю, [3])
Возведи зѣницы въ гору, да путь потечетъ правъ.

8.

Лучше жити во пустынѣ,
Затворившись во яскинѣ,
Пребывать въ мѣстахъ безвѣстныхъ
И не слышать гласовъ лестныхъ.

9.

Будь ты мнѣ Ираклій тщивый,
Будь Іона прозорливый,

---

[1]) Сиренъ, еллински, Σειρήν, сирѣчь, путо, оковы. Сей уродъ прекраснымъ лицемъ и сладчайшимъ гласомъ привлекаетъ къ себѣ и сонъ наводитъ мореплавателямъ. Здѣсь они забывъ путь свой и презрѣвъ гавань и отечество, разбиваютъ на потопныя камни корабли.

[2]) Китъ, значитъ страсть. Что есть страсть? Есть то же, что смертный грѣхъ. Но что есть грѣхъ? Грѣхъ есть мучительная воля. Она то есть сребролюбіе, честолюбіе, сластолюбіе. Сія-то гидра и китъ пожираетъ и мучитъ на морѣ міра сего всѣхъ. Она-же-то есть и адъ. Блаженъ, кто нѣсть рабъ сему трегубому языку. Помяни 7 грѣховъ, сіе есть, 7 мучительныхъ мыслей,—и увѣси гидру. Не вѣсили, яко мысль есть зерно и глава дѣлу? *Омерзишася въ начинаніихъ своихъ.*

[3]) Житіе наше есть море, тѣлишко, лоточка. Мысли есть вѣяніе вѣтровъ. Гавань есть блаженство Коль же красна рѣчь сія: ума твоего крила, птица бо есть сердце наше и, аще оно не увязло, можемъ воспѣть и мы: душа наша, яко птица избавися...

Библиотека "Руниверс"

Главы попали зміины,
Китовой изъ блевотины выскочить мнѣ на кефу. [1])

ПѢСНЬ 15-я

великой субботѣ изъ сего зерна: *почи Богъ въ день седьмый, аще внійдутъ въ покой мой.*

Лежишъ во гробѣ, празднуешъ субботу,
По трудахъ тяжкихъ, по кровавомъ поту.
Князь ни коихъ дѣлъ въ тебѣ не имѣетъ,
Князь сего міра, что всѣми владѣетъ.
О не слыханны се слѣды!
О новый роде побѣды!
О сыне Давидовъ!

* * *

Сыне Давидовъ, Лазаря воззвавый
Изъ мудростей земныхъ до небесной славы,
Убій тѣлесну и во мнѣ работу!
Даждь мнѣ съ тобою праздновать субботу,
Даждь мнѣ ходить въ твои слѣды,
Даждь новый родъ сей побѣды,
О сыне Давидовъ!

---

[1]) Кифа, правдивѣе же, кефа есть слово еврейское, еллински петра и есть каменная гора, польски, скала, она часто кораблямъ бываетъ пристань съ городомъ. Сей есть образъ блаженства, мѣста злачнаго, гдѣ человѣкъ отъ китовъ, отъ сиренъ и отъ волненій мірскихъ упокоевается. По оному: *на мѣстѣ злачнѣ всели мя...* Сіе имя Кифа даетъ Христосъ Петру верховному. Для чего? Для того что и то, и другое обитаетъ въ сердцѣ, сердце же, а не плоть есть истиннымъ человѣкомъ. Чистое сердце святыня, блаженство, истинный человѣкъ есть тожде. Сего ради всякій христіанинъ, имущій сердце чисто, есть и сынъ голубовъ, и Кифа. Но Петръ святый между всею церковію есть и архи—кифа, и архи-бар-іона, яко верховный предстоятель церкви. Аввакумъ стоитъ на собственной своей стражѣ: *на стражѣ моей стану и взыйду на Кифу,* Петръ же и о стадѣ порученномъ и утвержденномъ на немъ бдитъ. Блевотина есть—то не чистое сердце, пѣнящееся и клокочущее, аки морскими волнами, похотьми мірскими. Они суть честолюбіе, сребролюбіе, сластолюбіе. Въ то время сердце есть адъ и змій, изблевающій горькія и скверныя оныя воды: *волнуются нечестивыи и почити не возмогутъ; гробъ отверстъ—гортань ихъ.* Вси сіи во святомъ писмѣ не только китами и зміями, но и псомъ, изблевающимъ и на блевотину возвращающимся и мочащимъ къ стѣнѣ, сіе есть, испущающимъ урину, образуются, рѣки бо сердце ихъ суть урина и вода неключима, раздѣляемая отъ водъ оныхъ: *раздѣли Богъ между водою, рѣки отъ чрева его потекутъ воды живыя, отрину сердце мое слово благо,* вся бо церковь, утвержденная на Кефе, поетъ: *Господь пасетъ мя; на водѣ покойнѣ воспита мя,* и вси они суть Ираклій оныи: *лутчій мужъ долготерпѣливъ, нежели разоряй грады,* сіе есть, державу имущій надъ страстьми: *сотворилъ еси насъ Богъ нашему цари іереи.*

Библиотека "Руниверс"

ПѢСНЬ 16-я

въ сію силу: *дугу мою полагаю въ облацѣ.*

Пройшли облака. Радостна дуга сіяетъ.
Пройшла вся тоска. Свѣтъ нашъ блистаетъ.
Веселіе сердечное есть чистый свѣтъ ведра [1]),
Если миновалъ мракъ и шумъ мірскаго вѣтра.

* * *

О прелестный міръ! Ты мнѣ—окіанъ, пучина.
Ты мракъ, облакъ, вихръ, тоска, кручина.
Се радуга прекрасная мнѣ ведро блистаетъ,
Сердечная голубочка мнѣ миръ вѣщаетъ.

* * *

Прощай, о печаль! прощай, прощай, зла утроба!
Я на ноги всталъ, воскресъ отъ гроба.
О отрасле Давидовска! Ты брегъ мнѣ и Кифа,
Ты радуга, жизнь, ведро мнѣ, свѣтъ, миръ, олива.

ПѢСНЬ 17-я.

Житейское море, воздвизаемое зря, и проч.

Видя житія сего я горе,
Кипящее, какъ Чермное море,
Вихромъ скорбей, напастей, бѣдъ,
Разслабъ, ужаснулся, поблѣдъ.
О горе сущимъ въ немъ!

* * *

Возвратилъ я бѣдный бѣгъ мой вскорѣ,
Чтобъ не скрытись съ фараономъ въ морѣ.
Се къ пристани тихой бѣжу
И воплемъ плачевнымъ глашу,
Воздѣвъ горѣ руцѣ.

* * *

О Христе! не даждь сотлѣть во адѣ!
Даждь мнѣ въ твоемъ жить небесномъ градѣ,
Да не повлечетъ мя въ свой слѣдъ
Блудница міръ, сей темный свѣтъ!
О милости бездна!

---

[1]) Ведро значитъ небесную свѣтлость и чистоту воздуха; вошло въ славянскій языкъ изъ еллинскаго; у нихъ свѣтлость воздуха глаголется: τὸ φαίδρον τοῦ αἰθρος.

Библиотека "Руниверс"

ПѢСНЬ 18-я.

Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Ой ты, птичко жолтобоко,
Не клади гнѣзда высоко!
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
Отъ, ястребъ надъ головою
Виситъ, хочетъ ухватить,
Вашею живетъ онъ кровью
Отъ, отъ, кохти онъ остритъ!

* * *

Стоитъ яворъ надъ горою,
Все киваетъ головою.
Буйны вѣтра повѣваютъ,
Руки явору ламаютъ.
А вербочки шумятъ низко,
Волокутъ мене до сна.
Тутъ течетъ поточекъ близко;
Видно воду ажъ до дна.

* * *

На что жъ мнѣ замышляти,
Что въ селѣ родила мати?
Нехай у тѣхъ мóзокъ рвется,
Кто высоко въ гору дмется,
А я буду себѣ тихо
Коротати милый вѣкъ.
Такъ минетъ мене все лихо,
Щастливъ буду человѣкъ.

ПѢСНЬ 19-я.

Въ сей конецъ: *нѣсть наша брань къ плоти и крови...; попереши льва и змія...; воспріимите и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій.*

Ахъ ты тоска проклята! о докучлива печаль!
Грызешъ мене измлада, какъ моль платья, какъ ржа сталь.
Ахь ты скука! ахъ ты мука! люта мука!
Гдѣ ли пойду, все съ тобою вездѣ всякій часъ.
Ты какъ рыба съ водою, всегда возлѣ насъ.
Ахъ ты скука! ахъ ты мука! люта мука!

* * *

Звѣряку злу заколешъ, естли возмешъ острый ножъ,
А скуки не поборешъ, хоть мечъ будетъ и хорошъ.

Библиотека "Руниверс"

Акъ ты скука! ахъ ты мука! люта мука!
Добросердечное слово колетъ сихъ звѣрей;
Оно завсегда готово внутрь твоихъ мыслей.
Ахъ ты скука! ахъ ты мука! люта мука!

* * *

Христе, ты мечъ небесный въ плоти нашея ножнахъ!
Услыши вопль нашъ, слезы, пощади насъ въ сихъ звѣряхъ!
Ахъ ты скука! ахъ ты мука! люта мука!
Твой намъ свишше гласъ пресладкій, аще возреветъ,
Какъ молнія, полкъ всѣхъ гадкихъ звѣрей ражженетъ,
Прочь ты скука! прочь ты мука съ дымомъ, съ чадомъ.

Сложенна 1758 г. въ степахъ переяславскихъ въ селѣ Кавраѣ.

ПѢСНЬ 20-я

нареченная сигоръ. Въ семъ маленькомъ, но высокомъ градикѣ пируетъ Лотъ со дщерьми: *во градѣ Бога нашего, въ горѣ святѣй его; уподоблю его мужу мудру, основавшему храмину свою на камень; кто взыйдетъ на гору Господню?*

Кто сердцемъ чистъ и душею,
Не нужна тому броня,
Не нуженъ и шлемъ на шею,
Не нужна ему война.
Непорочность то его броня
И невинность алмазна стѣна,
Щитъ, мечъ и шлемъ ему самъ Богъ.

* * *

О міре! Міръ безсовѣтный!
Надежда твоя въ царяхъ?
Мнишъ, что сей брегъ безнавѣтный?
Вихрь развѣетъ сей прахъ.
Непорочность—се тебѣ сигоръ,
И невинность—вотъ небесный дворъ!
Тамъ полещи и тамъ почій!

* * *

Сей святъ градъ бомбъ не боится,
Ни клеветничіихъ стрѣлъ
И хитрыхъ минъ не страшится,
Всегда цѣлъ и не горѣлъ.
Непорочность есть то адамантъ
И невинность есть святый то градъ.
Тамъ полещи и тамъ почій!

* * *

Въ семъ градѣ и враговъ люблятъ,
Добро воздая врагамъ,

Библиотека "Руниверс"

Для другихъ здравіе гублятъ,
Не только добры другимъ.
Гдѣ же есть оный толь прекрасный градъ?
Самъ ты градъ, зъ души вонъ выгнавъ ядъ,
Святому духу храмъ и градъ.

ПѢСНЬ 21-я

въ конецъ сего: *возвѣстими, его же возлюби душа моя; гдѣ пасеши, гдѣ почиваеши въ полудни?*

Щастіе, гдѣ ты живешъ? Горлицы, скажите!
Въ полѣ ли овцы пасешъ, голуби взвѣстите!
О щастіе, нашъ ясный свѣтъ,
О щастіе, нашъ красный цвѣтъ!
Ты, мати и домъ, появися, покажися!

* * *

Щастіе! Гдѣ ты живешъ? мудрыи скажите!
Въ небѣ ли ты пиво пьешъ? книжники взвѣстите!
О щастіе, нашъ ясный свѣтъ,
О щастіе, нашъ красный цвѣтъ!
Ты, мати и домъ, появися, покажися.

* * *

Книжники се все молчатъ, птицы тожъ всѣ нѣмы,
Не говорятъ, гдѣ есть мать, мы же всѣ не вѣмы.
О щастіе! и прочая.

* * *

Щастія нѣтъ на землѣ; щастія нѣтъ въ небѣ;
Не заключилось въ углѣ; индѣ искать требѣ.
О щастіе! и прочая.

* * *

Небо, земля и луна, звѣзды всѣ, прощайте!
Всѣ вы мнѣ—гавань дурна, впредъ не ожидайте.
О щастіе! и прочая.

* * *

Всѣ я минулъ небеса, негли вдаль обрящу,
И преисподняя вся, негли его срящу.
О щастіе! и прочая.

* * *

Се мой любезный прескоръ скачетъ младый елень,
Вышше небесъ, вышше горъ; крынъ мой—чистъ, новъ, зеленъ.
О щастіе! Мой свѣтъ ясный!
О щастіе! Мой цвѣтъ красный!
Ты, мати и домъ, нынѣ вижу, нынѣ слышу!

Библиотека "Руниверс"

Сладость его есть гортань, очи голубины,
Весь есть любовь и харранъ, руцѣ кристаллины.
О щастіе! и прочая.

* * *

Не прикасайся ты мнѣ: абіе мя срящешь,
Не обрѣтай мя извнѣ: абіе обрящешь.
О щастіе! и прочая.

* * *

Ахъ! Обрати мнѣ твой взоръ: онъ мя воскриляетъ,
Вышше стихій, выше горъ онъ мя оперяетъ.
О щастіе! и прочая.

* * *

Сядемъ себѣ, брате мой, сядемъ для бесѣды.
Сладокъ твой глаголъ живой, чиститъ мнѣ всѣ бѣды.
О щастіе! Мой свѣтъ ясный!
О щастіе! Мой цвѣтъ красный.
Ты, мати и домъ, днесь тя вижу, днесь тя слышу.

* * *

Въ полдень ты спишъ на горахъ, стадо пасешъ въ кринахъ,
Не въ гергесенскихъ поляхъ и не въ ихъ долинахъ.
О щастіе! и прочая.

ПѢСНЬ 22-я.

Помни послѣдняя твоя и не согрѣшиши. Сирахъ. *Есть путь, мнящійся быти правъ, послѣдняя же его адъ.* Притчи.

Распростри вдаль взоръ твой и разумны лучи
И конецъ послѣдній поминай.
Всѣхъ твоихъ дѣлъ въ кую мѣть стрѣла улучитъ?
Наблюдая всѣхъ желаній край,
На коихъ вещахъ основалъ ты домъ?
Естли камень, то домъ соблюдетъ.
Естли жъ на пѣскѣ твоихъ стать хоромъ,
Отъ лица земли вихръ размететъ.

* * *

Всяка плоть пѣсокъ есть и мірска вся слава
И его вся омерзѣетъ сласть.
Возлюби путь ускій, бѣгай обща права;
Будь твоя Господь съ Давидомъ часть [1]).
Естли нужно есть вернуться въ Сіонъ [2]),

---

[1]) *Часть моя еси, Господи... Боже сердца моего и часть моя, Боже, во вѣки...*

[2]) Сіонъ—слово еврейское, значитъ тоже, что, еллински; πύργος, σκοπιά, римски, specula, такъ назывался Іерусалимскій замокъ; славянск. зоръ, стража, горница.

Библиотека "Руниверс"

То зачемъ тебѣ въ міръ снисхождать?
Путь опасенъ есть во Іерихонъ [1]);
Живи въ градѣ, иже всѣхъ насъ мать.

* * *

Естли же опустился ты въ сію дорогу,
Богъ скорѣе путь да преградитъ,
Ибо знаешъ, что снійшовши въ бездну многу,
То умъ въ безднѣ золъ нашъ не родитъ.
О ты, иже все духъ тойжде еси
И число твоихъ не скудѣетъ лѣтъ,
Ты, разбойничи въ насъ духи смѣси!
Пусть твоя сокрушитъ буря сѣть!

ПѢСНЬ 23-я.

Изъ сего: *изчезоша въ суетѣ дніе... Искупующе время, упразднится и уразумѣйте...*

О дражайше жизни время!
Коль тебя мы не щадимъ!
Коль такъ, какъ излишне бремя,
Всюду мещемъ, не глядимъ!
Будто прожитый часъ возвратится назадъ,
Будто рѣки до своихъ повернутся ключей,
Будто въ нашихъ рукахъ лѣтъ до прибавки взять,
Будто нашъ зъ безчисленныхъ составленный вѣкъ дней.

* * *

Для чего жъ мы жить желаемъ,
Лѣтъ на свѣтѣ восемъ—сотъ,
Ежели мы ихъ теряемъ
На всякій бездѣлицъ родъ!
Лутче часъ честно жить, нежъ скверно цѣлый день,
Лутче одинъ день святъ отъ безбожнаго года,
Лутче одинъ годъ чистъ, нежъ десятокъ скверненъ,
Лутче въ ползѣ десять лѣтъ, нежъ весь вѣкъ безъ плода.

* * *

Брось, любезный другъ, бездѣлья,
Пресѣчи толикій вредъ,

---

[1]) Іерихонъ градъ есть образъ суетнаго міра сего и лестнаго; онъ широкій, сирѣчь, роскошнымъ путемъ водитъ юныхъ въ разбойники, сіесть, въ челюсти зміины и гидрыны, въ смертныя грѣхи. Quaenam maxima peccatoribus poena? Ipsum peccatum. Ничто же есть злѣе грѣха, и жала убо его ничто же ни въ семъ, ни въ ономъ вѣцѣ мучительнѣе. *Жало смерти грѣхъ. Грѣхопаденіе кто разумѣетъ?* Блаженъ той единъ, кто разумѣетъ. *Блаженъ мужъ иже на пути грѣшныхъ не ста. Открый очи мои....*

Библиотека "Руниверс"

Сей моментъ пріймись до дѣла:
Вотъ, вотъ, время уплыветъ!
Не наше то уже, что пройшло мимо насъ,
Не наше то, что породитъ будуща пора,
Днешній день только нашъ, а неутренній часъ.
Не знаемъ, что принесетъ вечерняя заря.

* * *

Естли жъ не умѣешъ жити,
Такъ учись фигуры сей!
Ахъ! не можетъ всѣхъ вмѣстити
Разумъ хитрости тоей.
Знаю, что наша жизнь полна суетныхъ вракъ,
Знаю, что преглупая тварь въ свѣтѣ человѣкъ,
Знаю, что чѣмъ живетъ, тѣмъ горшій онъ дуракъ,
Знаю, что слѣпъ тотъ, кто закладаетъ себѣ вѣкъ.

Rogatus quidam philosophus, quid esset pretiosissimum, respondit: tempus.

ПѢСНЬ 24-я.

Римскаго пророка Горатія, претолкованна малорусссійскимъ діалектомъ въ 1765 годѣ Она начинается такъ: otium divos rogat in patenti и пр. Содержитъ же благое наставленіе къ спокойной живни.

О покою нашъ небесный! Гдѣ ты скрылся съ нашихъ глазъ?
Ты намъ обще всѣмъ любезный, въ разный путь разбилъ ты насъ.

* * *

За тобою то вѣтрила простираютъ въ корабляхъ,
Чтобъ могли тебе тѣ крила по чужихъ сыскать странахъ.

* * *

За тобою маршируютъ, разоряютъ города,
Цѣлый вѣкъ бомбандируютъ, но достанутъ ли когда?

* * *

Кажется, живутъ печали по великихъ большъ домахъ;
Большъ спокоенъ домикъ малый, естли въ нужныхъ сытъ вещахъ.

* * *

Ахъ ничемъ мы недовольны: се источникъ всѣхъ скорбей!
Разныхъ умъ затѣевъ полный—вотъ источникъ мятежей!

* * *

Поудержмо духъ несытый! Полно мучить краткій вѣкъ!
Что ль намъ дасть край знаменитый? Будешъ тоже человѣкъ.

* * *

Вить печаль вездѣ летаетъ, по землѣ и по водѣ,
Сей бѣсъ молній всѣхъ быстряе, можетъ насъ сыскать вездѣ.

Библиотека "Руниверс"

Будьмо тѣмъ, что Богъ далъ, рады, разбиваймо скорбь шутя;
Полно насъ червямъ снѣдати: вить есть чаша всѣмъ людямъ.

* * *

Славны, напримѣръ, герои, но побиты на поляхъ.
Долго кто живетъ въ покоѣ, страждетъ въ старыхъ тотъ лѣтахъ.

* * *

Васъ Богъ одарилъ грунтами, но вдругъ можетъ то пропасть,
А мой жребій съ голяками, но Богъ мудрости далъ часть.

Nihil est ab omni parte beatum. Есть чаша всѣмъ людямъ.

ПѢСНЬ ОТХОДНАЯ 25-я

отцу Гервасію Якубовичу, отходящему изъ Переяслова въ Бѣлгородъ на архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758 годѣ, изъ сего зерна: *Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое, не дастъ во смятеніе ноги твоея.*

Ѣдешъ, хощешъ насъ оставить?
Ѣдь же веселъ, цѣлый, здравый!
Будь тебѣ вѣтры погодны,
Тихи, жарки, ни холодны;
Щастливъ тебѣ путь вездѣ отсель будь!

* * *

Путныи исчезнутъ страхи;
Спите подорожны прахи;
Скоропослушныи кони
Да несутъ, какъ по долонѣ.
Щастливымъ слѣдомъ, какъ гладенькимъ льдомъ!

* * *

Облаки прочъ вы невѣрны!
Не лійтесь дожды чрезмѣрны!
Варъ не ожжи полуденный,
Свѣтомъ луны озаренный;
Щастливъ сей путь повсюду въ ночь будь!

* * *

Той твои направитъ ноги,
Кой далъ землю и дороги,
Бодро сидяще высоко
Путь твой хранящее око.
Щастливъ сей отходъ благословитъ входъ.

* * *

Радуйся страна щастлива!
Пріймешъ мужа добротлива.
Брось завистливые нравы!

Библиотека "Руниверс"

Вѣренъ его есть познавый.
Щастливъ на степень, конецъ на блаженъ.

ПѢСНЬ 26-я

епископу Іоанну Козловичу, входящему во градъ Переяславъ на престолъ епископскій изъ 1750 года. Изъ сего зерна: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла...*

Поспѣшай, гостю, поспѣшай,
Наши желанія увѣнчай!
Какъ мусикійскій сличный слухъ
Сладостью тѣло и движетъ духъ,
Такъ всежеланный твой приходъ
Цѣлый подвиглъ градъ и весь народъ.

* * *

Граде печальный Переяславъ!
Часто сиротство твое дознавъ,
Измѣну вышняго смотри.
Се свѣтлый день тебе озари,
По волнамъ твой корабль шалѣлъ,
Се въ карабль паки твой кормчій сѣлъ.

* * *

Онъ путь управитъ до небесъ,
Преднося Христовыхъ свѣтъ словесъ.
Въ немъ весь духовный узришъ плодъ,
Какъ въ чистовидныхъ зерцалѣ водъ,
Агнцу послѣдуя Христу,
Кротко очиститъ нечистоту.

* * *

Онъ и дѣломъ, и языкомъ
Исцѣлитъ духъ твой, язвленъ грѣхомъ.
Сколько честнѣйшій плоти духъ,
Сколько земнаго небесный кругъ,
Столько душевныхъ врагъ страстей
Превозвышаетъ плотскихъ врачей.

* * *

Христе, источникъ благъ святой!
Ты духъ на пастыря излій твой.
Ты будь ему оригиналъ,
Чтобъ на его смотря поступалъ
Паствы его всякъ человѣкъ
И продолжи ему щастливъ вѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

CARMEN.

In imaginem beatissimae virginis, concipientis Christum, calcantis sphaeram mundi, decrescentem lunam et serpentem cum suo pomo. Haec imago stat in ludo theologico, in urbe Zacharpoli. Formatum hoc carmen anno 1760, cum essem ludi poetici magister.

Picta stat-ecce vides-virgo castissima, cujus
Pomus, anguis, mundus, lunaque sub pedibus.
Nempe voluptates carnis pomum illud adumbrat,
Ad quas, ceu serpens, allicit ipsa caro.
Errorum vulgi male sani mundus imago est,
At bona fluxa suo nomine luna notat.
Quatuor haec vince! et capies in corpore Christum.
Vivere in impuro corde sophia nequit.

МЕЛОДІА.

На образъ зачатія Пречистыя Богоматери, имущія подъ ногами кругъ міра, умаляющуюся луну и змія съ яблокомъ своимъ. Сей образъ стоитъ въ богословской школѣ въ Харьковѣ. Выображенна сія мелодіа 1760 года, какъ былъ я учителемъ піитическія школы.

Воззри! Се дѣва стоитъ, чиста ложеснами!
Яблоко, змій, міръ, луна подъ ея ногами.
Яблокомъ является плотска сласть безчестна,
Въ кую влечетъ, какъ змій, плоть хитра и прелестна,
Кругъ міра образуетъ злу смѣсь мырскихъ мнѣній,
А луна знаменуетъ сѣнь мырскихъ имѣній.
Побѣди сія! Христосъ и въ тебѣ вселится.
Будь какъ дѣва чистъ: мудрость въ сластяхъ не мѣстится.

ПѢСНЬ 27-я

Бѣлоградскому епископу Іосафу Миткевичу, посѣщающему вертоградъ духовнаго училища въ Харьковѣ изъ сего зерна: *Господи! призри съ небесе и виждь, и посѣти виноградъ сей, его же... Плодъ духовный честь—любовь, радость, миръ и пр.*

Вышнихъ наукъ саде святый!
Листъ розовый и цвѣтъ твой красный.
Пріими на тя весенный видъ!
Се возсія день твой благій!
Озарилъ тебе свѣтъ ясный.
Духъ дыша свышнъ благословитъ.
Возвеселися о полкъ древесъ,
Болшихъ и маленькихъ всѣхъ сонмъ весь!

* * *

Пастырю нашъ! Образъ Христовъ
Тихъ, благъ, кротокъ, милосердый,
Зерцало чистое добротъ!

Библиотека "Руниверс"

Красна неси нозѣ, готовъ
Миръ благовѣстить намъ твердый.
Призри на сей священъ оплотъ;
Отъ тебе помощи весь онъ ждетъ,
Сердце и руцѣ тебѣ даетъ.

* * *

Ты садъ напой, сей святый садъ,
Токомъ водъ благочестивыхъ
Зъ самыхъ апостольскихъ ключей.
Не допусти ересей ядъ.
Отжени прочъ всякъ родъ лживыхъ,
Да родитъ духовныхъ царей,
Царство царя, простирая всѣхъ,
Адскій же скиптръ низвергая грѣхъ.

* * *

Да зритъ въ него бодрый взоръ твой!
При твоемъ не спящемъ взорѣ,
И листъ его не отпадетъ;
Не листъ на немъ будетъ пустой,
Лицемѣрно лстящъ, но вскорѣ
Весь плодъ духовный принесетъ—
Вѣру, миръ, радость, кротость, любовь
И иный весь святый родъ таковъ.

* * *

Такъ отъ тебе самъ царей царь,
И сего народъ святъ проситъ.
И что жъ тебѣ сего милѣй?
Или Христу кій лутчій даръ?
Се даръ первый, что приноситъ
Пастырь на паствѣ святъ святѣй.
Онъ же на дѣло самъ укрѣпитъ
И тебѣ жизнь святій продолжитъ.

Pro Memoria, т. е. записка ради памяти.

Сей архіерей родился близъ Кіева, во градѣ Козельцѣ. Былъ пастырь просвѣщенъ, кротокъ, милосердъ, незлобивъ, правдолюбивъ, престолъ чувства, любве свѣтильникъ. Въ вертоградѣ сего истиннаго вертоградаря Христова и я свято и благочестиво три лѣта—1760 *тое* и 63 *тое*, и 4 *тое*, въ кое преставился отъ земли къ небеснымъ, былъ дѣлателемъ, удивлялся прозорливому его, щедрому и чистому сердцу съ тайною моею любовію. Сего ради именемъ всѣхъ, любящихъ Бога и Божія книги и Божія други во память его и во благо-

Библиотека "Руниверс"

дареніе ему, сему любезному другу Божію и человѣческому, яко же лепту, приношу сію пѣснь отъ мене, любитель священныя библіи Григорій Вар—сава Сковорода.

ПѢСНЬ 28-я

о тайномъ внутрь и вѣчномъ веселіи боголюбивыхъ сердецъ изъ сихъ зернъ: *веселіе сердца—животъ человѣку и радованіе мужа—долюденствіе; иже аще погубитъ душу свою мене ради, той спасетъ ю; что пользы человѣку, аще пріобрящетъ миръ весь, отщетится же души своей!*

Возлети на небеса, хоть въ версальскіи лѣса [1]),
Вздѣнь одежду золотую,
Вздѣнь и шапку хоть царскую;
Когда ты не весьолъ, то всьо ты нищъ и голъ.

* * *

Проживи хоть 300 лѣтъ, проживи хоть цѣлый свѣтъ,
Что тебѣ то помогаетъ,
Естли сердце внутрь рыдаетъ?
Когда ты не весьолъ, то всьо ты мертвъ и голъ.

* * *

Завоюй земный весь шаръ, будь народамъ многимъ царь,
Что тебѣ то помогаетъ,
Аще внутрь душа рыдаетъ?
Когда ты не весьолъ, то всьо ты подлъ и голъ.

* * *

Брось пожалуй думать мнѣ, сколько жителей въ лунѣ!
Брось Коперниковски сферы [2]),
Глянь въ сердечныя пещеры!
Въ душѣ твоей глаголъ, вотъ будешъ съ нимъ весьолъ!

* * *

Богъ есть лутчій астрономъ, Онъ наилутчій економъ.
Мать блаженная натура [3])
Не творитъ ни-что же здура.
Нужнѣйшее тебѣ, найдешъ то самъ въ себѣ.

* * *

Глянь, пожалуй, внутрь тебе: сыщешъ друга внутрь себе.
Сыщешъ тамъ вторую волю,

---

[1]) Версалія (Versailles) именуется, французскаго царя едемъ, сирѣчь рай или сладостный садъ, неизреченныхъ свѣтскихъ утѣхъ исполненъ.

[2]) Коперникъ есть новѣйшій астрономъ. Нынѣ его систему, сирѣчь, планъ или типикъ небесныхъ круговъ весь миръ принялъ. Родился надъ Вислою въ польскомъ городѣ Торунѣ, систему свою издалъ въ 1743 г. Сфера есть слово еллинское, словенски: кругъ, клубъ, мячъ, глобусъ, гира, шаръ, кругъ луны, кругъ солнца.

[3]) Блаженна натура есть имя Господа Вседержителя.

Библиотека "Руниверс"

Сыщешъ въ злой блаженну долю.
Въ тюрмѣ твоей тамъ свѣтъ, въ грязи твоей тамъ цвѣтъ.

* * *

Правду Августинъ пѣвалъ: ада нѣтъ и не бывалъ [1]);
Воля адъ твоя проклята,
Воля наша—пещъ намъ ада.
Зарѣжь ту волю, другъ, то ада нѣтъ, ни мукъ.

* * *

Воля! О несытый адъ. Всѣ тебѣ ядь, всѣмъ ты ядъ.
День, нощъ челюстьми зѣваешъ,
Всѣхъ безъ взгляда поглощаешь;
Убій ту душу братъ, такъ упразднишъ весь адъ.

* * *

Боже! О живый глаголъ! Кто есть безъ тебе весьолъ?
Ты единъ всѣмъ жизнь и радость,
Ты единъ всѣмъ рай и сладость.
Убій злу волю въ насъ, да твой владѣетъ гласъ.

* * *

Даждь пренужный даръ намъ сей; славимъ тя царя царей.
Тя поетъ и вся вселенна,
Въ семъ законѣ сотворенна.
Что нужность не трудна, что трудность не нужна.

PRO MEMORIA или ПРИПОМИНАНІЕ.

Самое сущее Августиново слово есть сіе: *tolle voluntatem propriam et tolletur infernus*, сирѣчь, истреби волю собственную—и истребится адъ.

Какъ въ зернѣ маврійскій дубъ, такъ въ горчичномъ его словѣ сокрылася вся высота богословскія пирамиды и аки бездна жерломъ своимъ пожерла весь Іорданъ богомудрія. Человѣческая воля и Божія суть два врата—адова и небесная. Обрѣтшій средѣ моря своея воли Божію волю обрѣте Кифу, сирѣчь, гавань оную: *на семъ камни утвержу всю церковь мою; таится сіе имъ, яко небеса и* проч. *и земля* (се оная обѣтованная! зри, человѣче!) *посредъ воды...* Аще кто преобразилъ волю во волю Божію, воспѣвая сіе: *ищезе сердце мое и* протч., сему самъ Богъ есть сердцемъ. Воля, сердце, любовь, Богъ, духъ, рай, гавань, блаженство, вѣчность есть тожде. Сей не обуревается, имѣя сердце оное, его же волею вся управляются. Августиново слово дышетъ симъ: *раздерите сердца ваша; возмите иго мое на себе; умертвите уды ваша;*

[1]) Адъ слово еллинское значитъ темницу, мѣсто преисподнее, лишенное свѣта веселія и дражайшія злата свободы. Адскій узникъ есть зерцаломъ плѣнниковъ мучительныя своея воли и сія лютая фурія непрерывно вѣчно ихъ мучитъ.

Библиотека "Руниверс"

не яже хощете, сія творите, нѣсть наша противу крови и плоти врагы человѣку домашніи его; на аспида и василиска наступишіи; той сотретъ твою главу и проч.

ПѢСНЬ 29-я.

Въ конецъ сей: *«повелѣ бурѣ и прочч. Кто сей есть, его же вѣтры, море послушаютъ?*

Чолнокъ мой бури вихръ шатаетъ,
Се въ бездну, се выспрь вергаетъ!
Ахъ нѣсть мнѣ днесь мира
И нѣсть мнѣ навклира.
Се мя море пожираетъ!

* * *

Гора до небесъ восходитъ;
Другая до безднъ нисходитъ;
Надежда мнѣ таетъ,
Душа ищезаетъ.
Ждахъ—и се нѣсть помогаяй!

* * *

О пристанище безбѣдно,
Тихо, сладко, безнавѣтно!
О Маріинъ сыне!
Ты буди едине
Кораблю моему брегомъ.

* * *

Ты въ кораблѣ моемъ спиши
Востани! Мой плачъ услыши!
Ахъ! запрети морю,
Даждь помощь мнѣ скору.
Ахъ! Востани моя славо!

* * *

Избави мя отъ напасти,
Смири душе тлѣнны страсти:
Се духъ мой терзаютъ,
Жизнь огорчеваютъ.
Спаси мя, Петра, молюся!

Сложенна 1785 года, сентемвр. 17 дня въ селѣ Великомъ Бурлукѣ.

ПѢСНЬ 30-я.

Изъ сего древняго стиха:

Τῆς ὥρας ἀπόλαυε, ταχὺ γὰρ πάντα γηράσκει.
Ἓν θέρος ἐξ ἐρίφου τραχὺν ἔθηκε τράγον.

Сирѣчь,

Библиотека "Руниверс"

Наслаждайся дней твоихъ, все бо вмалѣ старѣетъ.
Въ одно лѣто изъ козленка сталъ косматый цапъ.
Осень намъ проходитъ, и весна прошла,
Мать козленка родитъ, какъ весна пришла.
Едва лѣто запало, а козля цапомъ стало:
Цапъ бородатый.
Ахъ отвержимъ печали! Ахъ вѣкъ нашъ краткій малый!
Будь сладкая жизнь.

* * *

Кто грусть во утробѣ носитъ завсегда,
Тотъ лежитъ во гробѣ, нежилъ никогда.
Ахъ утѣха и радость! О сердечная сладость!
Прямая ты жизнь.
Не красна долготою, но красна добротою,
Какъ пѣснь, такъ и жизнь.

* * *

Живъ Богъ милосердый; я его люблю.
Онъ мнѣ камень твердый; сладко грусть терплю.
Онъ живъ не умирая, живетъ же съ нимъ живая
Моя и душа.
А кому онъ не служитъ, пущай тотъ бѣдный тужитъ,
Прямой сирота.

* * *

Хочешъ ли жить въ сласти? не завидь нигдѣ.
Будь сытъ за малой части, не убойся вездѣ.
Плюнь на гробныя прахи и на дѣтскія страхи;
Покой—смерть, не вредъ.
Такъ живалъ афинейскій, такъ живалъ и еврейскій
Епикуръ Христосъ.

Сложена во время открытія Харьковскаго намѣстничества, когда я скитался въ монастырѣ Сѣннянскомъ.

Григорій Варсава Сковорода.

II. Разныя стихотворенія.

О каморка только что одному вмѣстна!
О снѣ волній и пріятній!
О стезя къ блаженству певна и извѣстна!
О путь всѣмъ мірскимъ незнатній!
Васъ однихъ ищу я, къ вамъ духъ мой палаетъ,
Вразъ все принебрегъ другое.

Библиотека "Руниверс"

Коль бѣжитъ до васъ всякъ, всякъ васъ почитаетъ
Надъ богатство все мірское,
Кто водою духа грязь омылъ оческу
И вкусилъ мудрости истой.
Ты жъ, мой другъ, сподобленъ воду пить небесну,
Коей чуждъ сей міръ не чистой,
Тягнешъ ли въ одинъ гужъ,
Или мученъ злою
Славы и богатства молью.
Лучше сельскихъ утѣхъ и мила покою
Чтешь дворскихъ житій неволю.
О прошу тебѣ я горъ сіонскихъ ради,
Кую ты видѣлъ съ млада гору,
Изволь отъ старика друга совѣтъ взяти,
Кой самъ онъ взялъ, но не впору.
Кто тебе отъ книжекъ и отъ воли манитъ,
Знай, что лесны суть тѣ души.
Трудно покорити гнѣвъ и прочіи страсти,
Трудно не отдать себе въ плотяные сласти,
Трудно отъ всѣхъ и туне снести укоризну,
Трудно оставить свою за Христа отчизну,
Трудно взять отъ земли умъ на горы небесны,
Трудно не потопитись въ міра сего безднѣ.
Кто можетъ побѣдить всю сію злобу древну,
Се царь властитель крѣпокъ чрезъ силу душевну.

IN NATALEM JESU.

О ночь нова, дивна, чудна,
Яснѣйшая свѣтла полудня,
Когда чрезъ мракъ темній, черній
Блиснулъ солнца свѣтъ не вечерній.
Веселитеся, яко съ нами Богъ.

* * *

Кой всѣ моря усмиряетъ.
Кой всѣхъ насъ Богу примиряетъ,
Сей въ нищетной днесь хижинѣ
Нищетѣ насъ учитъ всѣхъ нынѣ.
Веселитеся, яко съ нами Богъ.

* * *

Тамъ подъ Виѳліемскимъ градомъ
Пастухи, пасуще стадо,
Всѣхъ первѣе вѣсть пріемлютъ,

Библиотека "Руниверс"

Что къ намъ прійде Христосъ на землю
Чрезъ Ангеловъ, яко съ нами Богъ.

* * *

Видно, что та Богу люба,
Та простота беззлобна груба,
Кая хранитъ правость ревно
Чрезъ простой свой нравъ вѣрной, древной.
Веселитеся, яко снами Богъ.

* * *

Виѳліемска возлѣ града
Тамъ пастырскій сонъ берегъ стада.....

FABULA.

Старичекъ нѣкій Филаретъ въ пустынѣ
Проживалъ вѣкъ свой въ дубравной густынѣ.
Молодецъ нѣкій, Филидономъ звался,
Къ бородатому старику пробрался,
Слыша отъ многихъ о немъ предовольно,
Что пустынникъ святъ и премудрости полной.
Какъ поздоровѣлъ честную сѣдину,
«Здоровъ будь», сказалъ старикъ сыну.
«Не погнѣвайся, отче милосердій,
Скажи мнѣ, кій путь жизни святъ и твердій?
Мать моя мене и отецъ оставилъ,
Давно я по нихъ обѣды оправилъ.
Ты мнѣ мѣсто ихъ будь уже родитель,
А будешь, если будешь, мнѣ учитель».
«Я, сину, и самъ въ мудрости есмь скудній,
Знаю только, что путь сей жизни трудній».
«Сдѣлай же милость, о сѣдая главо,
Все буду помнить: я мѣхъ не дыравой».
«Опасно, сыну, съ свѣтомъ обиходься,
Зъ свѣтомъ, цока жизнь, надобно бороться;
Старайся съ чужихъ случаевъ межъ людомъ,
А не съ своихъ бѣдъ познать добро съ худомъ;
Напримѣръ, видишь, что побили вора,
Учись съ него, что крадежь—бѣда скора;
Не братайсь съ тѣмъ, кто къ добру не способній,
Съ преподобнымъ бо будешь преподобній;
Паче жъ дѣлай не то, что вѣтрогоны,
Но то, что велятъ разума законы.
Кому нравится нравъ сей сегосвѣтній,

Библиотека "Руниверс"

Не возможетъ тотъ въ свѣтѣ не быть бѣдній.
Филидонъ, видя, что се не на руку
Старій плещетъ, вдругъ почуствовалъ скуку.
«Благодарствую, старикъ сѣдовласый»!
«Съ Богомъ, мой сынку»! Пошелъ во свояси.
Свята се мудрость, однакъ не манѣрна,
Самъ себѣ мыслитъ. Послѣ, сискавъ вѣрна
По перью друга, принялъ маршъ въ учены
Стороны, чтобъ умъ набыть совершенной.
Взяли молодца силою до Пруса,
Когда онъ имѣлъ войну на Француза,
А какъ дюжина годовъ миновала,
Домой Уликса судьбина припхала.
Принялъ маршъ прямо въ лѣсъ до Филарета,
Вспомянувъ его мудрые декрета.
«Спасайся отче»! «Ты что за персона»?
«Помнишь ли, отче святій, Филидона»?
«Ахъ, коль же ты сталъ манѣрна фигура»!
«Змучила мене свитовая буря»!
«На правомъ окѣ что то за затула»?
«Се мнѣ вышибла контузіею пуля».
«А то откуду на лбѣ страшна яма»?
«Треснуло ружье». «А то что два шрама
На щекѣ»? «Эту рану взялъ на бойкѣ»
«Во фрунтѣ»? «О нѣтъ: въ трактирѣ въ напойкѣ».
«Такъ какъ прилѣпленъ тебѣ шматокъ носа
Приличенъ»? «Онъ былъ зсѣченъ отъ француза».
«И по всемъ лицу мушки». «Се короста».
«Она, думаю, француска, не проста.
Ты теперь, сыну, и ходишь отмѣнно»?
«Упалъ съ лошади: выкрутилъ колѣно.
И кромѣ того лѣкари лѣчили,
Когда та болѣзнь позмикала жили».
«Чего жъ ты плакать сталъ? Плачъ не поможетъ
Теперъ уже». «О Боже мой, Боже,
Ахъ поможи мнѣ, отче святѣйшій».
«Не могу теперь, сину любезнѣйшій!
Не слушалъ тогда моего совѣта,
Проси жъ теперъ о помощи отъ свѣта».

О селянскій милій, любій мій покою
Всякій печали лишенный!

Библиотека "Руниверс"

О источниковъ шумъ журчащихъ водою,
О лѣсъ темній прохлажденній,
О шумящи кудри волосовъ древеснихъ,
О на лукахъ зелень красна,
О самота мати ради думъ небеснихъ,
О сумна тихость ужасна,
Где развѣ гласъ толко птичое даетъ волѣ
Да сопѣлка пастухова,
Какъ вигонитъ овцы въ благовонне поле
Или въ домъ пригонитъ знова!
О мой столикъ малій ни скупъ, ни излишній
Стравми селскими набратій!
Ни тѣ, чтобъ господскій раздражнить вкусъ пишній
Кухаръ присмачилъ нанятій,
Но что синамъ зъ батькомъ, наспѣвшимъ зъ орання,
Сама варитъ мати въ домѣ!
О библіотеко, ты моя избранна,
О немногимъ книги чтомы!

ПОХВАЛА АСТРОНОМІИ (EX OVID. FAST).

Счастливы, кои тщились еще въ вѣкъ старинній
Взвесть умъ выспръ и примѣчать звѣзднихъ бѣговъ чины.
Можно вѣрить, что оны, вси земніи здоры
Оставя, взойшли сердцемъ въ небесніи горы.
Не отвлекло сердецъ ихъ угодіе плоти,
Не воинскіе труда, ни штатски заботы,
Ни вѣтренная слава, ни праздніе честы,
Ниже безмѣрнихъ богатствъ приманчивы лесты.
Придвинули предъ очи намъ, сдѣлали извѣстны
И подвергли подъ умъ свой теченія звѣздны.
Такъ то должно восходить на круги пригорны
Не такъ, какъ исполины когдась богоборны.
Все лице морщишь, печаленъ всегда ты,
Се ли ты можешь жизнею назвати?
Тотъ суще живетъ, кто весела зрака
Будучи, свѣтла жизнь ведетъ безъ мрака,
А кто печаленъ, безпрестанно тужить,
Того мертвого смерть протяжна душитъ.

DE LIBERTATE.

Что то за вольность? Добро въ ней какое?
Ины говорять, будто золотое.

Библиотека "Руниверс"

Ахъ, не златое: если сравнить злато,
Противъ вольности еще оно блато.
О когда бы же мнѣ въ дурни не пошитись,
Дабы волности не могъ какъ лишитись.
Будь славенъ во вѣкъ, о муже избранне,
Волности отче, герою Богдане.

Блаженъ, о блаженъ,
Кто зъ самыхъ пеленъ
Посвятилъ себе Христови,
День, ночь мислитъ въ его словѣ,
Взялъ иго благое
И бремя легкое,
Къ сему обикъ,
Къ сему навикъ.
О жребій сей святій!
Кто сея отвѣдалъ сласти,
Вѣкъ въ мірски не можетъ пасти, ни!
Въ наготахъ, въ бѣдахъ не скучитъ,
Ни огонь, ни мечъ не разлучитъ;
Вся сладость разводитъ,
На сердце нивсходитъ,
Кромѣ тому,
Если кому
Далъ знать искусъ драгій.

ODA HORATIANA (libri II, XVI) DE ANIMI TRANQUILLITATE.

Купецъ покоя сладка Бога проситъ,
Когда по морю его вихорь броситъ,
Какъ луну облакъ и звѣзды преясны
Скрилъ пріужасній.
Проситъ покоя въ войнѣ турчинъ бѣшенъ
И краснымъ лукомъ китаецъ обвѣшенъ,
Но ниже, другъ мой, драгая порфира
Дастъ намъ внутрь мира,
Не бо царска власть или злата полній
Сундукъ усмиритъ души бѣдны волны,
Ни приутишитъ живущіе вздохи
Въ красномъ порогѣ.
Сладка покоя нищета есть мати,
Где лишнихъ въ домѣ вещей не видати,

Библиотека "Руниверс"

Где не мѣшаетъ ниже страхъ сна сладка,
Ни похоть гадка.
По что толь много сій червь замишляетъ,
Зачѣмъ на воздухъ чужій поспишаешь?
Что пользы бросить природніи страны?
Брось нравъ твой странній.
Печаль глупа и на корабли восходитъ
И проницаетъ на дальни походы,
Еленей легкихъ она всѣхъ быстрѣе,
Вѣтровъ скорѣе.
Будь сытъ тѣмъ, что есть, не печись на утро,
Потѣшай смѣхомъ твою горесть мудро,
Знай, что ничто же совсѣмъ есть блаженно,
Но зъ злимъ смѣшенно.
Знай, что преславны пошли въ прахъ герои,
И, сто лѣтъ живши, лежатъ въ смертномъ гноѣ,
И можетъ тое, твое что слывется,
Мнѣ доведется.
Воловъ изрядныхъ у тебя заводы
И чужостранныхъ лошадей приводы,
А на одежу тебѣ для прибора
Сукна зъ за моря,
А мнѣ судьбина дала грунтъ убогой
И отъ музъ чистихъ греческихъ немного
Духа напитись и пренебрегати міръ сей проклятій.

Кто мнѣ дасть слезъ, кто дастъ мнѣ нынѣ дождевны?
Кто мнѣ дасть моря? Кто дастъ мнѣ рѣки плачевны?
Да грѣхъ рыдаю (и омываю во многоводныхъ) въ слезахъ несходныхъ
Не почивши.
Изсушилъ очи адскій грѣховъ моихъ пламень;
Сердце ожесточенно, какъ адамантъ камень:
Несть мнѣ токъ слезній,
Дабы болѣзны,
Жгущи внутрь уду,
Можно оттуду
Изблевати.
Ты, источниковъ въ горахъ раздергшій проходы
И повѣсивый горѣ превыспренны воды,
Зракъ водъ наполни,

Библиотека "Руниверс"

Да льютъ доволны,
Сердцу коснися,
Да ощутится,
Утѣхъ отче.....

РАЗГОВОРЪ О ПРЕМУДРОСТИ: МУДРОСТЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Чел. Любезная сестра иль какъ тебе назвать?
Доброты всякой ты и стройности ты мать.
Скажи мнѣ имя ты, скажи свое сама;
Вѣть всяка безъ тебе дурна у насъ дума.
М. У грековъ звалась я Софіа въ древной вѣкъ,,
А мудростью зоветъ всякъ руской человѣкъ,
Но римлянинъ мене Мінервою назвалъ,
А христіанинъ добръ Христомъ мнѣ имя далъ.
Чел. Скажи, живешь ли ты и въ хинскихъ сторонахъ?
М. Уже мнѣ имя тамъ въ другихъ стоитъ словахъ.
Чел. Такъ ты и въ варварскихъ вѣть сторонахъ живіошь?
М. Куда ты мнѣ, другъ мой, не лѣпую поіошь!
Вѣть безъ мене, другъ мой, одной чертѣ не быть!
И какже мнѣ, скажи, межъ хинцами не жить?
Гдѣ ночь и день живетъ, гдѣ лѣто и весна,
Я правлю это всіо съ моимъ отцемъ одна.
Чел. Скажи-жъ, кто твой отецъ? Не гнѣвайсь на глупца!
М. Познай впередъ меня, познаешь и отца.
Чел. А съ хинцами ты какъ обходишься, открой?
М. Такъ точно какъ и здѣсь: смотрю, кто мой, то мой.
Чел. Тамъ только вѣть одни погибшіе живуть?
М. Сестра вамъ это лжетъ: такъ точно какъ и тутъ.
Чел. А развѣ жъ есть сестра твоя? М. Да! У меня
Сестра моя родна, какъ точно ночь у дня.
Чел. И лжетъ она всегда, хотя одной роднѣ?
М. Вѣть одного отца, но дѣти не однѣ.
Чел. Зовутъ же какъ? М. Ей сто именъ. Она
Однакъ у россіанъ есть безтолковщина.
Чел. Съ рогами ли она? М. Дуракъ! Ч. Иль съ бородой?
Иль въ клабукѣ? М. Ты вріошь! Она войдіотъ и въ твой
Составъ, если хотишъ. Ахъ ты! ищезни прочь!
Вѣть я возлѣ тебе, какъ возлѣ свѣта ночь.
Ищезни лучше ты! Бѣжи съ моихъ прочь глазъ!
Вѣть глупа ты сама, если въ обманъ далась.
Чего здѣсь не слыхать нигдѣ, ты всіо то вріошь
И подлинно сказать нелѣпую поіошь.

Библиотека "Руниверс"

Родился здѣсь народъ и воспитанъ не такъ,
Чтобъ дикихъ могъ твоихъ охотно слушать врякъ.
Чуть развѣ сищется одинъ или другой,
Чтобъ могъ понравиться сей дикой замыслъ твой.

FABULA.

Какъ только солнце въ вечеру запало
И вездѣ небо темнозрачно стало,
На тверди звѣзды блеснули прекрасны,
Какъ дорогіе каменья алмазны,
Ѳалесъ закричалъ: «старухо драгая»!
«Чего ты кричишь, мудрость ты глупая»?
«Полно мнѣ уже сидѣть на семъ мѣстѣ:
Поведи мене смотрѣти на звѣзды».
Пошла передъ нимъ старуха драгая,
А за нею вслѣдъ и мудрость глупая.
Пошли туды, гдѣ холмъ высокомѣстной,
Отколь способно смотрѣть на кругъ звѣздной.
«Ой, мудрецъ крикнулъ, пропалъ я, старухо»!
Впавъ бѣдній въ яму, одбилъ себѣ ухо.
«Не впалъ бы ты въ ровъ, безтолковый дѣду,
Чему моего не держишься слѣду?
Какъ ты, не видя передъ носомъ рова,
Можешь знать звѣзды, главо безтолкова»?
Зъ сихъ спекуляцій повела старуха
Назадъ до дому мудреца безъ уха.

EPIGRAMMA.

Скажи мнѣ кратко мужа мудра дѣло!
Имѣй свѣтъ въ умѣ и здравіе тѣла.
Dic mihi (tu) breviter, quae sortis summa beatae?
Sanam mentem habeas / Sit mens sana tibi } Sanaque membra vide.

FABULA DE TANTALO.

Царь Танталъ когдась Ювиша до дому
Цехмистра съ Богомъ звалъ къ пиру царскому.
Ювишъ, вѣдая политичны нравы,
Взаимъ Тантала на небесны стравы
Просилъ. Но куды, небесное зало
Совсѣмъ Тантала перещеголяло.
Ювишъ своего любезнаго гостя

Библиотека "Руниверс"

Не хотѣлъ пустить безъ дара, такъ просто.
Проси, говоритъ, что хоть при отходѣ!
Дай мнѣ тутъ кушать во вѣчніи роды,
Отвѣщалъ Танталъ. Ювишъ оскорбился,
Что Танталъ просить такъ не устыдился.
Но, помня важность шляхетскаго слова,
Сказалъ, что ему дорога готова.
Сталъ Танталъ въ небѣ пировать оттолѣ.
А чего жъ то нѣтъ при небесномъ столѣ?
Тутъ вина разны, тутъ нектаръ солодкій,
Услаждающій божественны глотки;
Тутъ амвросія, вишнихъ боговъ снѣды,
Противъ ней—пустошь панскіе обѣды;
Вездѣ багрѣютъ розы предъ глазами,
Чудніи вездѣ курятъ ѳиміамы;
Кричатъ по залѣ Музы сладкогласны,
Все самъ подноситъ Ганімедъ прекрасный;
Бахусовъ пѣстунъ самъ пляшетъ пресмѣшно,
Всякій родъ шутовъ шутятъ преутѣшно,
И хоть въ томъ хорѣ не бывалъ Далоло,
Однакъ за такихъ сто моглъ самъ Аполло.
Коротко сказалъ, всѣ чувства тѣлесны
Услаждали тамъ сладости чудесны.
Танталъ сидячи все смотритъ умилно,
Все воздыхаетъ, хоть всемъ обильно,
Все лицо морщитъ, страхъ третъ его члены,
Трясевицею будто пораженни.
Что за причина? Сверху сквозь хоромы
Низпущенъ виситъ камень преогромній
Надъ саменькою его головою,
Не даетъ ему сидѣти въ покоѣ.
Боится бѣдный, какъ себѣ порушитъ,
На власѣ виситъ, вотъ вотъ въ прахъ сокрушитъ.

AD PETRUM GERARDIUM.

O delicati blanda ruris otia!
Curis et ambitu procul!
O dulce murmur limpidorum fontium!
O grata nemorum opacitas!
O sibilantes arborum ingentum comae!

Библиотека "Руниверс"

O prata vere gemmea!
O solitudo amica cogitantibus!
O horror, o silentium,
Cui nunc canoro gutture obstrepunt aves,
Nunc canna pastoris vagi,
Seu mane oves in laeta ducit pascua,
Seu vespere reducit domum.
O mensa nec luxu affluens nec sordida,
Dapibus parata rusticis!
Quas non heri languentem ut irritet gulam
Doctus saporavit coquus,
Sed filiis juvenibus et seni viro
Severa coxit villica.
O bibliotheca nota paucis! o libri,
Quos rara contrectat manus!
O cella tantum lectuli unius capax!
O somne liber et levis!
O ad beatam tuta vitam semita,
Ignota vulgi sensibus!
Ut vos requiro, ut mente vos tota expeto,
Alia perosus omnia.
Ut laetus ad vos tendit et gazis libens
Vos anteponit Persicis,
Quicunque puro pectus Olmeo lavit,
Frondemque mordet Delphicam.
Quid tu, Gerarde, cui profanis invios
Adire fontes contigit,
Partesne eadem sequeris, an siti mala
Opum aut perustus gloriae,
Amoenitati ruris et dulci otio
Vitam anteponis aulicam?
O per Lycei cognitos paucis specus,
Quos saepe lustrasti puer,
Ne sperne amicus consili quod dat senex
Quodque sibi, sed sero, capit.
A litterato te otio avocantibus
Occludito aures et fuge,
Canora monstra ut auribus cera oblitis
Laertis effugit puer.
Beata vita non metallo, aut Indici
Spoliis paratur aequoris.
Animo appetenti pauca, quod sat est, sat est;

Библиотека "Руниверс"

Avido atque inexpleto nihil.
Cum tibi sit, unde liber et plane tuus
Vitam quiete transigas,
Quis, heu! furor te, quis, rogo, impellit furor,
Vincla ultro ut induas tibi,
Et more pulchrum vivere alieno putes,
Nutus timentem divitis?
Age rumpe nexus et jugum collo exute,
Vindexque et assertor tui,
Aude esse felix et procul cuncta amovens,
Quae mentem humo affixam tenent,
Per liquida puri spatia decurre aetheris,
Aeterna tantum cogitans.
Et ista sortis lubricae ludibria
Miranda vulgo desere.
Utinam mihi olim, flore cum primo rudes
Iuventa opacaret genas,
Amicus aliquis ista monstrasset senex,
Quae nunc tibi ipse cantito!
Non ego perisse lustra tot in aula mihi
Vanis dolerem questibus.

Brutos affectus carnis frenare (superare) valere
Atque voluptates: hoc opus, hic labor est.
Hoc opus, hic labor, a quovis (cunctis) opprobria ferre:
Ac tempsisse sui jura patrimonii (temnere pro Christo etc).
Hoc opus, hic labor, in caelos traducere mentem,
Vulgique errorum exsuperare mare.
(Vulgique errorum transvolitasse mare).
Vincere qui valeat veteres cacodaemonas istos,
Is rex, virtutem pectoris intus habens.

IN NATALEM BILOGRODENSIS EPISCOPI.

Scilicet innumeris obnoxia vita periclis
Te tamen optamus vivere posse diu.
Vive diu vitam, Pastor, nobisque tibique,
Aut tibi si renuis vivere, vive aliis.
Vive diu felix, et ad ipsum plaudite vive,
Alme Parens, nobis nam tua vita lucrum est.

SIMILITUDINES EX VIRG. 2 AENEIDE.

Similitudo clamantis Laocontis, circumplicati a draconibus.
Каковій ужасно испущаетъ ривы,

Библиотека "Руниверс"

Когда не добитъ бѣжитъ отъ жреца бикъ дикій.
Similitudo Aeneae spectantis exsuper domo sua incendium Trojae.
Такъ какъ огнь въ пашнѣ впадетъ, при буряхъ жестокихъ,
Или быстрій дождевній потокъ съ горъ высокихъ,
Нивы и красны сѣвы ломитъ постилая,
І стремглавъ тащитъ лѣсы, столпѣетъ не зная,
Слиша шумъ сверхъ скалъ пастиръ.
Simil. Aeneae, quomodo Trojae noctu cum sociis in medium hostium sese conjecit.
. . . . . Послѣ жъ въ той минутѣ,
Какъ хищны волкы, коихъ въ темную ночь лютій
Гладъ слѣпо вигналъ съ язвинъ, дома жъ племя само
Ждетъ зѣвая несито; чрезъ огнь, чрезъ мечъ прямо
Бѣжимъ на явную смерть.
Quomodo Androgeus imprudenter noctu incidens in hostes resiliit.
Остолбѣлъ и порвался вдругъ назадъ съ словамы,
Такъ какъ кто межъ терніемъ, не взначай ногамы
Наступитъ змія, и вдругъ зблѣднетъ отбѣгая,
А она злится, съ ядомъ шію поднимая.
Quale certamen inter Aeneam et nobiliss. Graecorum super Helena.
Такъ какъ когда збѣжатся вѣтры полномочно,
Бурнымъ вихромъ зъ запада, юга и восточной
Стороны, трещатъ лѣсы, кипятъ вознесенны
Волны и съ пѣскомъ рвутся выспръ мѣста безденны.
Cui similis erat Pyrrhus, cum inter ceteros oppugnaret regiam Priami.
Каковъ змій, когда на свѣтъ вышолъ полній яда,
Кой крился подъ землею въ часъ зимнаго хлада,
Скинувши жъ линовище въ день весны прекрасной,
Вьется спиною въ циркулъ, по коихъ блескъ ясной,
А слизку грудь поднявъ виспръ, взоръ яростномечній
Кидаетъ, сичитъ съ устенъ язикъ трекопечній.

IN NATALEM BASILII TOMARAE PUERI 12 ANNORUM.

Perfecto circo rursum novus incipit annus
Haec est prima dies, quam caput annus habet.
Hocce die nasci, puer ingeniose Basili,
Omine felici fata dedere tibi.
Ut cum primus es in lucem puer editus infans,
Primus virtute ac primus honore sies.
Primus es ingenio, primus quoque dotibus illis,
Consona quas poscit corporis harmonia.

Библиотека "Руниверс"

Primo prima tibi indulsit Natura benigna,
Quae post te natis dura noverca fuit.
Sic prius ille opifex rerum confinxit Adamum,
Finxit post et Evam, sed minor Eva fuit.
Gratulor ergo tibi, quod tam bona multa dedere,
Multa dedere tibi Numina dextra bona.
Sed tamen heus! multum tibi credidit Ille creator,
Illo in judicio reddita multa volet.
Magna, puer, te cura manet toleranda laborque,
Ut sis Basilius nomine reque simul.

DE SACRA CAENA, SEU AETERNITATE.

Carne panem vinumque vides, sed mente videtur,
Sub specie carnis qui latet, ipse Deus.
Qui latet, ille manet, quae apparent, somnium et umbra est.
Ergo latere est res: ergo patere—nihil.
Machina magna patet mundi haec, sed somnium et umbra est:
Res et verum Ens est, quod latet ore sub hoc.
Sole cadente velut, cum quercus proiicit umbram,
Umbra licet lata est, non tamen arbor ea est.
Quid sequimur carnem, quae cum patet esse negatur?
Quid fugimus mortem? mors latitare dabit.
Cum latitare dabit, tunc nobis esse licebit;
Nam res ipsa latet, sola sed umbra patet.
Surge cito, o ratio mea recta! resurgito ab umbris.
Jam firmata potes: luce repleta vides.
J mihi prae mea lux! at te comes iste sequetur.
Hic animus, sacrat qui tibi velle suum.
Tu radius solis, nec te premit umbra latentem:
Te sine nulla est res, nulla vel umbra patet.
Res et corpus es umbrarum, sed rebus es umbra;
Per te res quaevis possidet esse suum.
Ergo lates speciosa in fronte patentibus umbris:
Quae latitant, et in his frons speciosa pates.
Ac ubi frons speciosa foras excesseris, illic
Ens seu res, quod erat, desinet esse statim.
Cum fugis,haud fugis hinc: cum desinit, incipit esse;
Nempe et in his rursum jam nova forma pates.
Quid ludis mentem mihi, Sancte volubilis anguis?
Et fugiens remanes et remanendo fugis.
Nunc latitas umbris, jam rebus es umbra patendo;
Cum fugis, absque tamen te nihil esse potest.

Библиотека "Руниверс"

Quale est, si centum speculorum te orbe corones,
In variis speculis, forma sed una patet.
Non ego te capio capiens, cum reddo, reservo:
Cum in partes traheris, totus es inde tamen.
Omnes te sumunt, sed non consumeris unquam:
Omnes cum excipiunt, nullius esse potes.
Nullius esse potes, sed et omnibus unus idemque es.
Quo me plus satias, plus mihi famis inest.
Tu cibus es: nunc te mihi participare latentem
Convenit, at pueris sola tua umbra sat est.
O versute anguis! latitas velut hamus in esca,
Quo stultos pueros in tua regna trahas.
Laudo tuas technas, exosculor insidias has,
Et per te sanctum sancta quoque umbra tua est.
Jam ceu pisciculus captus non indiget esca,
Sic mihi jam capto non opus umbra tua est.
Exue personam! dignare venire sine umbra,
Jam te gustavi: jam mihi λῶτος eras.
Hac ego firmatus, valui vitiosa necare
Dogmata stultitiae, quae parit omne nefas.
Hac ego repletus, saevos vicisse furores
Et potui et possum, si modo Tu-te faves.
Da mihi te placidum mea ad ultima tempora vitae;
Esto favus dulcis. lux mea! vita mea!
Aetas inficiet jam jam mihi tempora canis,
Cede meis lacrimis ultima dona tua.
Nempe senem bis me fac, mente et corpore juxta;
Et facies, mentem si mihi luce reples.
Si sires corpus linguunt, tu linquere noli
Cor mentemque meam, lux mea! Vita mea!
Dulcia si carnis fugiunt mihi, tu esto soluptas;
Et fueris mentem si mihi luce reples.
Si mihi carnis opes desunt, tu es Persica Gaza;
Et fueris, mentem si mihi luce reples.
Si me exsecratur vulgus, tu pande favorem;
Et pandes, mentem si mihi luce reples.
Surge citus! Quin me rerum deducis ab umbris?
Sed prius hoc pectus luce repleto mihi.
Sum cinis, umbra, nihil; sed ubi me luce repleris,
Ens et res fuero, non cinis, umbra, nihil.
Educ me totum ex telluris inertis amore;
Sic pax! et facies hoc duce luce tua.

Библиотека "Руниверс"

Da mihi sufficiens hoc lumen, temnere mortem:
Da mihi velle mori! da mihi amare mori!

DE UMBRATICA VOLUPTATE.

Si levis umbra tegit, fugit hinc, mox aestus adurit;
Sin te aedes, erit hic nocte dieque quies.
Sic carnis dulcedo, simul te melle perunxit,
Mox velut umbra fugit, pectora felle replens.
Heu! fuge, care Deo, fuge sis! latet hamus in esca;
Esca fugit propere, sed manet hamus edax.
At non sic virtus: animum facit illa virilem,
Et prius est gravior felle, deinde lubet.
Quale est, si sumas aegre medicamen amarum,
Post tibi dulce tamen fit genus omne cibi.
Quique febri somnum suadenti cedere non vult,
Mox ibi temperies nempe serena redit.
Quique tulit coeptam brumam, ver dulce sequetur:
Quos prius umbra fovet, bruma deinde venit.
Iustus ubique Deus, qui temperat omnia rerum;
Nil est sincerum, miscuit omne Deus.
Namque siperficiem dulcedo texit amari;
Dulce quod incipiet, finis amarus erit.
Contra dulcedo tetrico praetexta labore est:
Dulcia post capiet, dura vorare valens.
Dulce quidem coepisse valent et vilia corda;
Solis egregiis dulce coronat opus.

Библиотека "Руниверс"

ОДА СИДРОНІЯ ОБЪ УЕДИНЕНІИ.

ОСНОВАНІЕ ОДЫ:

живетъ и средѣ молвы уединеніе.

ОДА (Iesuitae Sidronii Hosii).

Другъ мой Георгій! [1]) Когда любишъ жить во уединенныхъ и спокойныхъ мысляхъ, то нѣтъ тебѣ нужды забродить въ дремучіе лѣса и крыться отъ гостей въ пустыхъ и дикихъ удоліяхъ.

* * *

Не угадалъ тотъ, кто вѣритъ, будьто печаль не найдетъ насъ въ горахъ и пропастехъ земныхъ. Ахъ! пустыня недовлѣетъ сама собою преградить путь въ душу нашу мыслямъ безпокойнымъ.

* * *

Вотъ! Тотъ одинъ самъ себѣ живетъ и самъ съ собою прямо дружитъ и пользуется, кого не мучитъ страхъ и прихоть, а возшедшей въ горняя со тщаніемъ души его ни подлая грусть, ни рабская несытость застрѣлить не можетъ.

* * *

Таковъ и средѣ городской молвы сыщетъ тишину безмолвную, находясь всегда самъ своимъ обладателемъ. Онъ всегда городскихъ и домашнихъ мятежей убѣгая, и самъ своего затѣйнаго сердца удалился.

---

[1]) Georgius iste fuit quispiam episcopus, amicus Sidronio. Vixit uterque praeterito saeculo. Ferrum graece σίδερον. Audi jocum! ***Ergo sartagini cognatus... est.***

Библиотека "Руниверс"

Пускай онъ проживаетъ средѣ кипящихъ житейскихъ волнъ и средѣ лютыхъ военныхъ громовъ! Пускай шатается въ близи ярость и гнѣвъ съ кровожадными мечами!

* * *

Но онъ безпристрастно взираетъ на грозныя салдатскія лица, съ брязкомъ ихъ и, видя въ своихъ околичностяхъ оружейныя молніи, шумъ паденія государствъ слышитъ безбоязненно.

* * *

Не завидитъ побѣдамъ, отъ востокъ до западъ власть простирающимъ вѣдая, что обладатель, здѣлався слугою для множайшихъ, бываетъ рабомъ сердечныхъ своихъ подлостей.

* * *

Земное царство есть держать скипетръ, пасущій свирѣпѣющія народы, и блистать на престолѣ въ драгоцѣнномъ вѣнцѣ предъ покаряющимися языки.

* * *

А царство небесное есть взойти на Сіонъ и жить превосходнѣе и вышше подлости мятежныхъ прихотей. Сія есть божественная побѣда, дивное торжество, прямой миръ и уединеніе для всѣхъ

* * *

Одна вышняя премудрость обладаетъ не укротимыми звѣрьми плотскія воли стремленіями. Она даруетъ душѣ тишину, не получаемую и всемірными лаврами.

* * *

Сего сокровища не ищи внѣ себя. Уединеніе—внутрь тебе, покой въ сердцѣ твоемъ: отрѣжь и убій, попери волю твою буйную, иначе хоть покори всю вселенную, не сыщешъ.

* * *

Сей прямой и блаженный покой живетъ и въ городскихъ жилищахъ. Онъ ни отъ случая, ни отъ мѣста не зависитъ. Не заключенъ въ мызахъ, ни въ веселительныхъ вертоградахъ, не привязанъ къ прекраснымъ веселыхъ рѣкъ берегамъ, ни къ райскимъ поморскимъ холмамъ.

* * *

Горняя мудрость есть въ мысляхъ нашихъ то, что солнце. Тѣлесное око наше ночнымъ мракомъ и пасмурными стужами затмѣвается. Но сіе не дремлющее вселенныя око и не угасающая лампада при своемъ есть всегда сіяніи.

* * *

Скажи мнѣ, страждетъ ли солнце тогда, когда море восходитъ и бѣсится, когда чернѣетъ тучами и ярится бурями нашъ воздухъ, когда ревутъ громы, а молніи трясутъ землю?

Библиотека "Руниверс"

Пускай югъ клокощетъ и изблеваетъ тучи! Пускай сѣверъ стрѣляетъ льдяною дробью! А прекрасное лице солнца превыспренно тамъ, гдѣ чинъ чистыхъ звѣздъ блистаетъ.

* * *

Не безпокоятъ свѣта его ни снѣги, ни грады. Смѣется бурнымъ вихрамъ и воздушнымъ бѣшенствамъ, сіяя на присносвѣтломъ ефирѣ вышше всѣхъ тучъ и духовъ поднебесныхъ.

* * *

Такъ-то пустынею и человѣкъ просвѣщенный наслаждается. Онъ всегда имѣетъ случай жить при одномъ себѣ и при Богѣ въ покоѣ. А когда молчитъ, тогда самъ съ собою бесѣдуетъ, возвысився сердцемъ вышше всей тлѣни и своей! [1])

* * *

Кровью краснѣетъ, ахъ, поранена частыми ударами грудь! Но Римъ хоть отдаленный влечетъ тысячу разъ сердце его въ средину своихъ пированій и дамскихъ плясаній.

* * *

Бѣглые взоры, нѣжные глаза женскіе, шуточныя улыбки, щоголные башмачки, розовые чулки, часто по неволѣ сердечнымъ его очамъ представляются въ темной яскинѣ.

* * *

Бѣдная пища была его лѣсные плоды, дикіе фрукты, суровыя ягоды, терпкіе овощи, что только могло попадаться ему въ жосткихъ кустарникахъ, въ терновникахъ и въ стропотныхъ пропастехъ.

* * *

Запустѣлые волоса, блѣдное лицо, впадшіе подъ лобъ очи, все сіе изображало изсохшую и измученную харю съ однихъ костей и кожи, состоящую, словомъ, мумія или скелетъ [2]).

---

[1]) Τελος latine ita habet:

Sic sua gaudet sapiens quiete.
Seque tranquillus fruitur Deoque
Et silens dicit sibi multa, sese
Majoř et orbe.

Seque tranquillus sic poterat verti melius: онъ всегда им. сл. наслаждаться собою и Богомъ.

[2]) Σκελετον-cadaver sine carne. Sic nobis pingi mortis imago solet. Hanc odam non transtuli, sed sum interpretatus. Translator verbum verbo, tanquam dentem pro dente, reponit; at interpres veluti gratiosa nutrix, commansum cibum et elicitum sententiae succum in os inserit alumno suo. Exemplum: *seve major et orbe. Вознесся вышше всей тлѣни и своей. Fugere se iрsum.* Убѣгти страстей. Попрать волю свою. Exemplum tertium: *parturiunt montes... Славны бубны за горами, а въ близи лукошко.* Или: *стучитъ! гремитъ! Что-ли то? Кобылья мертва голова бѣжитъ.* Или: *высоко лѣтѣла, да недалеко сѣла.* Или: *пшикъ! то-есть, началъ ковать лемѣшъ, наконецъ только заартовался: пшикъ! пшикъ!...*

Библиотека "Руниверс"

Но при всемъ томъ Римъ не отвязался отъ него. Нахально день и ночь плачущаго воображеніями безпокоитъ. Врѣзанный въ сердце портретъ Рима столько-же, какъ и самъ городъ, уязвлялъ его. Конецъ.

Antistrophe, сирѣчь, противное основаніе Оды: живетъ и средѣ уединенія молва.

* * *

Что пользы бѣжать отъ городской молвы въ отдаленныя лѣса за житіемъ уединеннымъ? Знаю, что поколь не сыщешъ покоя въ пещерахъ сердца твоего, не найдешъ его въ лѣсахъ.

* * *

Вѣдай, что всякія мѣста имѣютъ свои безпокойности. Туда-же въ слѣдъ за хозяиномъ поволочется толпа ѣдкихъ и грустныхъ думъ, червь мучительныхъ мыслей, хоть изволитъ онъ сухимъ путемъ, хоть морскимъ шествовать.

* * *

Сіи крилатые злые духи постигнутъ тебе въ самомъ нѣдрѣ Африканскихъ и на лонѣ Азіатскихъ удолій, не спрятаешся отъ нихъ съ горскими татарами на высотахъ горъ Кавказскихъ и Персидскихъ.

* * *

Не уйдіошъ отъ ловкихъ кохтей ихъ ни Аглицкими бѣгунами, ни манежнымъ лошакомъ, ни почтовою коляскою, ни многокрилатымъ пакетъ—ботомъ.

* * *

Славный учитель Іеронимъ скрылся отъ Рима въ пещерѣ Виѳлеемской. Но какъ самъ себе въ совѣсти боялся, казалось, будьто и здѣсь шумлятъ въ ушахъ его Римскіе карневалы и дамскіе танцы.

* * *

Прощай, Римъ! Я прочь отъ тебе бѣгу, садясь въ корабль, говоритъ, здрайствуйте, святыя горы Сирскія! Но немилосердный Римъ за симъ богословомъ со всѣми страстьми въ слѣдъ погнался.

* * *

Наконецъ, привелъ его Богъ къ глухой его и нѣмой пещерѣ. Радуйся, вертепе Виѳлеемскій! вскричалъ богословъ, здраствуй, о пристанище! о вѣрная гавань плаванія моего!

* * *

Пріими мене страннаго, волнующагося бурею и истомленнаго сухопутствомъ, распростри тихое и безмольвное нѣдро твое кораблю моему, будь обуреванію моему вѣнецъ и шабашъ!

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь я бросилъ надежной якоръ. Не вырветъ его ни одна ярость морская и не оторветъ канатовъ кипящая бурею пучина, при сей гавани судно мое обуздавающихъ.

* * *

О вертепе, сладкое жилище мира и спокойствія, вмѣстилище цѣломудрія и страха Божія! Сіи спутницы мои, сіи добродѣтели развѣ не могутъ мене здѣлать спокойнымъ?

* * *

Будь ты, о пещера, моей тишины столица! Въ тебѣ я стану жить, самъ себѣ господинъ и повелитель. Въ тебѣ я найду, чего найтить нелзя въ царскихъ чертогахъ и позлащенныхъ палатахъ.

* * *

Такою надеждою нещасный тщетно ласкалъ себе, обѣщая спокойство. Душа его страстью, какъ рыбка удкою, назадъ въ Римъ поволочена, и вержена во внутренній городскій мятежъ.

* * *

Что дѣлать? Повергся тѣломъ ницъ на жосткой и студенной полъ въ пещерѣ, обливаясь слезами, что молитва его не дошла къ престолу Вышняго, и что желаніе уничтожено его.

* * *

Рыданія и вопля жалостнаго весь вертепъ наполнился, орошенъ молящагося слезами. Но мечтаній римскихъ, будьто увязшей въ душу удки, ни слезы, ни жалобы не могутъ исторгнуть.

* * *

Схватя уломокъ каменный, бьется въ обнаженную грудь, выгнать изъ оной ѣдкую грусть стараясь, обвѣсилъ, какъ въ Вавилонской плѣни, на сучьяхъ червленную свою мантію.

* * *

NB Verte retro duo folia. *Кровію краснѣетъ...*

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека “Руниверс”

ПРАВИЛА НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ.

Хощешь имѣть отъ самого себе пользу, употребляй пищи и питія въ мѣру, упражняйся въ трудахъ умѣренныхъ, наблюдай часы благовременныя и порядочныя къ своему отдохновенію. Пробудившись отъ перваго сна, приводи нужныя дѣла себѣ на память. Тогда тѣло твое въ спокойнѣйшемъ состояніи, тогда душа твоя малѣйшія имѣетъ препятствія, тогда слухъ твой не безпокоится никакимъ шумомъ, тогда око твое никакою вещію не отвращается.

Если ты богатъ, то старайся, чтобъ твоими деньгами владѣлъ ты, а не деньги тобою обладали. Буде умѣешь оныя употреблять, то они будутъ тебѣ служить въ пользу, ежели же не умѣешь, то ты у нихъ невольникомъ будешь.

Пользуйся щастіемъ своимъ такъ, чтобъ нещастіе не могло вредить тебѣ. Не полагай въ одномъ дѣлѣ много надѣянія, то не впадешь въ другомъ въ отчаяніе. Въ благополучіи научаетъ насъ страхъ опасаться нещастія; въ злоключеніи нѣтъ лучшаго утѣшенія, какъ надѣяться возвращенія щастія. Кто можетъ въ благополучіи предсказать бѣдствіе, тотъ можетъ предвидѣть въ нещастіи избавленіе.

Желаешь быть истинно храбръ, блюдися, чтобъ тебѣ никого не обидить. Кто не страшится зло творить, тотъ боится зло страдать. Тотъ же прямо храбръ, кто ничего сверхъ своей силы не предпріемлетъ и ничего не страшится, кромѣ чего бояться должно.

Гнѣвъ у мудраго въ сердцѣ рождается, а у безумнаго старѣетъ. У онаго гнѣвъ есть преходящая слабость, у сего коснѣющая злоба. Тотъ гнѣвъ не праведенъ, который до другаго дня продолжается.

Не будь алченъ въ желаніи богатства, жаденъ въ исканіи его, безпокоенъ въ храненіи его, печаленъ въ потеряніи его. Первымъ производится въ душѣ неудовольствіе, вторымъ похищается у тѣла спокойствіе, третьимъ повреждается здравіе, четвертымъ человѣкъ внѣ себя приводится.

Библиотека "Руниверс"

Злой обычай не должно отвращать превеликою строгостію. Старайся выводить оной такъ, какъ вкоренился, то есть, по малу: весьма скорыя перемѣны сопряжены суть съ опасностію. Кто ветхое строеніе вдругъ разрушаетъ, тотъ можетъ быть задавленъ, а кто разбираетъ по кирпичу, тотъ можетъ дожить до совершенія лучшаго зданія.

Опасайся того, кто не скоръ ко гнѣву. Гнѣвъ, косно приходящій, бываетъ жесточае и продолжается долѣе.

Явный непріятель вооружаетъ тебя противу того зла, которое отъ него тебѣ приготовлено. Тотъ врагъ гораздо опаснѣе, которой притворяется твоимъ другомъ. Отъ его сѣтей не избавитъ тебя никакая предосторожность.

При содѣяніи зла не бойся никого болѣе, какъ самого себя. Другой токмо противъ тебя свидѣтель, совѣсть твоя тожъ, что тысяча. Злость сама собой наказуется.

Неопрятности и особливости въ платьѣ не менше надобно убѣгать, какъ и безмѣрнаго щегольства. Не имѣй великой охоты ни къ новому, ни къ самому старому манеру. Благопристойность держится середины между самымъ новомоднымъ и вышедшимъ изъ обычая платьемъ. Тѣло есть скорлупа души, одежда—кожа около скорлупы. По кожѣ часто признавается, каковъ орѣхъ быть долженъ.

Увеселеніе должно быть мужественное, умѣренное и дозволенное и употребляемое въ надлежащее время. Кто много сидитъ, тому надобно имѣть забавы, къ движенію тѣлесному принадлежащія. А которой уже и безъ того обращается во многомъ движеніи, тому надлежитъ искать увеселенія душевнаго. Всякое увеселеніе должно употребляемо быть токмо для укрѣпленія труда и ради услажденія покоя.

Не будь склоненъ къ хуламъ, ибо не всегда знаешь, противъ кого ты говоришь. Погрѣшеніе есть гораздо безопаснѣе говорить доброе о зломъ человѣкѣ, нежели худое о добромъ; лучше обмануту быть простою любовью, нежели хитростію безъ любви. Тотъ можетъ предписывать другимъ законы, какъ имъ поступать, кому не надобно предписывать самому оныхъ; надъ дураками смѣяться есть знакъ не благоразумія, а сносить ихъ есть дѣло премудраго человѣка. Смотри осторожно, кому и какъ ты даешь. Кто даетъ кому что не по достоянію, теряетъ свой даръ и приводитъ себя самого въ поруганіе. Даемой людямъ по заслугамъ даръ можетъ называться единственно достойнымъ. Кто имѣетъ причину своей щедрости въ себѣ самомъ, тотъ легко бываетъ изъ честолюбія разточителенъ или подаяніемъ дѣлаетъ принимателя своимъ плѣнникомъ.

Обидѣлъ ли кто тебя? Мсти великодушно. Презираніемъ своей обиды дѣло начинается, а отпущеніемъ совершается.

Пока ты не наученъ, не стыдись учиться. Кто стыдится призна-

Библиотека "Руниверс"

вать недостатки свои, тотъ со временемъ будетъ безъ стыдно оправдывать свое невѣжество, которое есть наибольшимъ порокомъ между всѣми слабостями, а оправданіе онаго есть знатнѣйшее между всѣми дурачествами.

Добродѣтель да будетъ основаніемъ твоихъ склонностей; послѣ созидай зданіе твоихъ дѣйствій столь богато и великолѣпно, сколько можно, и оное будетъ прочно. Если же положишь основаніемъ красоту или богатство, и желаешь на ономъ созидать зданіе добродѣтели, то такое основаніе не снесетъ оной тягости. Благополученъ тотъ, котораго склонность, какъ палаты, основана на добродѣтели, окружена богатствомъ, украшена красотою и ограждена честію.

Высокоуміе есть чирьемъ мысли, которой всѣ дѣйствія портитъ и уничтожаетъ. Оное есть червь, точащей и поядающей имѣніе. Высокоумной никого не любитъ, да и его никто же не любитъ. Онъ порочитъ добродѣтель въ другихъ и по тщеславію чинитъ собственныя свои заслуги награжденія недостойными. Онъ другъ ласкателей и отецъ ненависти: ненавидитъ вышнихъ себя, презираетъ нижнихъ, не признаетъ никакой равности. Блюдись такого чудовища, когда не желаешъ навести на себя ненависти, отъ всѣхъ почитающихъ подлинныя заслуги.

Берегись пьянства, инако же всѣ честные люди тебя беречься будутъ. Въ пьянствѣ не находится ни разума, ни добродѣтели. Человѣчество отъ того исчезаетъ; да что человѣчество? Пьяница еще хуже скота себя дѣлаетъ. Какъ возможно разумной твари въ такомъ беззаконіи имѣть удовольствіе?

Не ищи себѣ удовольствія въ дурачествѣ глупаго человѣка ниже въ бѣшенствѣ сумазброднаго. Сожалѣй объ нихъ, а не шути надъ ними. Смотря на нихъ, благодари Создателя своего, что Онъ тебя не сотворилъ имъ подобнымъ.

Прилежно примѣчай пріятелей, которые пороки твои прикрываютъ, дурачество твое извиняютъ или еще и похваляютъ. Они либо трусы, либо ласкатели, либо самые дураки. Они не такіе, которые бы тебѣ въ бѣдѣ какой или въ противныхъ случаяхъ помочь могли.

Человѣкъ можетъ почитаться за цѣломудраго, которой ищетъ премудрости; но тотъ, кто думаетъ, что нашелъ ее, есть безразсудной и глупой.

Три вещи не инако познаются, какъ въ трехъ случаяхъ: храбрость въ сраженіи, мудрость во гнѣвѣ и дружество въ нуждѣ.

Ежели царь сорветъ яблоко въ саду у подданнаго, придворные вырвутъ дерево съ корнемъ.

Когда тебѣ скажутъ, что перенесли гору съ одного мѣста на другое, вѣрь тому, ежели хочешь; но если скажутъ, что человѣкъ склонности перемѣнилъ, не вѣрь тому никогда. Сердце отца лежитъ на сынѣ, сердце сына на камнѣ.

Библиотека "Руниверс"

ПРАВДА ВѢРЫ

и

БОЖЕСТВЕННАЯ СИМФОНІЯ,

почерпнутыя изъ созерцанія природы въ минуты уединенія для пользы православнаго люда рускаго посвѣщаетъ странникъ Григорій Сковорода.

ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О познаніи самого себя.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ твоихъ вопрошай самого себя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сколько и напревосходнѣе всякаго другаго обращенія.

Превосходнѣйшая степень человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ быть человѣкомъ. Сколько чудесъ заключается въ насъ самихъ. Всѣ философы были оными поражены; одни, не зная ничего кромѣ чувственнаго, думали, что мы были пятая тончайшая стихія, другіе думали, что мы были какъ бы нѣкоторые боги. Несмысленныя сіи разсужденія по предметамъ осязаемымъ, чтобы опредѣлить то, чего не возможно осязать; и тѣ поставили на мѣсто своей души свою глупую пустоту. Такимъ образомъ душа смѣется чуднымъ своей сущности и своихъ свойствъ изображеніямъ, какія большая часть философовъ намъ даютъ. Сколько бъ она ни простирила свои взоры

Библиотека "Руниверс"

изъ вѣка въ вѣкъ на различныя изображенія, ее намъ представляющіе, однако не можетъ познать себя между оными и самыя ея лучшія изображенія, кои видитъ она въ нашихъ новыхъ метафизиковъ, кажутся ей не преисполненными совершенствомъ. Не въ философскихъ системахъ можемъ мы созерцать душу таковою, какова она есть. Она отъ насъ скрывается посреди столь различныхъ мнѣній. Хочемъ ли найти душу, надлежитъ ее искать въ душѣ самой; но сей искъ предполагаетъ совершенное отдаленіе тѣлесныхъ предметовъ и общее отдаленіе страстей и предразсужденій. Самая малѣйшая песчинка матеріи, хотя бы оная была тоньше воздуха и огня, должна быть отвергнута. Можетъ быть ее почтутъ существомъ истинно разумнымъ, которое ни что иное, какъ дуновеніе самого Бога; ибо надлежитъ увѣриться, что душа, хотя соединена съ тѣломъ, не болѣе имѣетъ отношенія съ сею частицею матеріи, какъ съ тою частію, которая въ центрѣ земли. Мы опытомъ дознаемъ сію истину.

Сколько разъ чувствовали мы, что тѣло наше какъ бы составлено въ то время, какъ наше мыслящее существо стремилось къ безконечному существу или какъ оно обтекало сей пространный свѣтъ. Есть нѣкоторыя положенія и нѣкоторыя счастливыя минуты, кои насъ отвлекаютъ отъ всѣхъ предметовъ. Тогда духъ не развлекается нашими чувствами, онъ сохраняетъ токмо свои понятія и склонности, коихъ онъ совсѣмъ потерять не можетъ.

Сколько обстоятельствъ въ жизни, сколько опытовъ, въ которыхъ люди, не чувствуя ни холоду, ни теплоты, имѣютъ самое слабое впечатлѣніе своего бытія! Естли, напримѣръ, плывемъ мы тихо посреди рѣки, то удобно забываемъ ея чувствованіе. Кажется, что тѣло, предававшееся стремленію воды, дѣлается тою же жидкостію, которая ее влечетъ. Единая душа, кажется, носится по поверхности водъ и разсуждаетъ единственно о самой себѣ. Но мы никогда такъ не чувствуемъ ея духовности, какъ въ обморокѣ: мы испытуемъ между удовольствіемъ и печалію нѣчто такое, чего не можно опредѣлить и что непрестанно увѣряетъ насъ, что мы существуемъ. Естли мы удивляемся красотѣ цвѣтовъ, естли мы услаждаемся запахомъ благовоній, естли мы слушаемъ согласіе тоновъ, сіе мы дѣлаемъ по любви къ нашему собственному тѣлу. Душа, составляющая внутренность насъ самихъ, не болѣе имѣетъ нужды въ сихъ внѣшнихъ помощахъ, какъ въ пищѣ и во снѣ: она позволяетъ, чтобъ матерія возобновлялась и поддерживалась пищею. Иначе надлежало бы сказать, что частицы хлѣба, вареніемъ смѣшаны съ кровію, дѣлаются частицею души, слѣдственно, что онѣ умствуютъ, что онѣ возражаютъ предпріятію и что онѣ пишутъ законы, вообще люди игралища страстей своихъ. Думали представить очамъ нашимъ искуснѣйшихъ животныхъ,

Библиотека "Руниверс"

какъ соперниковъ, могущихъ похитить у души принадлежащія ей почести. Слитки земли, снабженныя органами, не могли выдержать сравненія; тотчасъ ихъ недостатокъ разсужденія и свободы изобличилъ хвалителей ихъ и возвысилъ душу на развалинахъ столь противнаго мнѣнія. Сколько кто бъ не соединялъ проворство движенія и нѣжность тончайшихъ пружинъ, но не можетъ никогда произвести ту мысль, которая видитъ и которую не видятъ, которая проницаетъ и которую не можно проникнуть. Доказательствомъ сему могутъ быть тѣ славныя машины, которыя всѣ единственно послужили къ показанію, сколько душа удивительна, когда она дѣйствуетъ. Но не нужно выходить изъ собственнаго нашего тѣла чтобъ въ томъ себя убѣдить. Какъ скоро сіе тѣло составилось, то душа занимаетъ свои силы легкимъ упражненіемъ и развязываетъ свои органы. Естли она не открываетъ вдругъ свои уши и свои глаза, естли она не дѣлаетъ сердце свое понятнымъ и свой мозгъ способнымъ къ сохраненію идей, то сіе по снисхожденію къ слабому и нѣжному тѣлу, отъ котораго она зависитъ. Она отправляетъ свои дѣйствія не вдругъ, но одно за другимъ, дабы въ одну минуту не повредить перепонокъ и жилочекъ, которыя должны продолжаться многіе годы. И такъ видно, что сія дѣйствующая душа открывается мало по малу по мѣрѣ, какъ тѣло распространяется и укрѣпляется; безпрестанно приноровляясь къ нему, она шутитъ въ младенчествѣ, учится въ юношествѣ, разсуждаетъ въ мужествѣ и покоится въ старости. При всѣхъ сихъ снисхожденіяхъ душа, всегда строго хранящая свои права, дѣйствуетъ такимъ образомъ, что невозможно ее соединить съ тѣломъ. Она дѣлаетъ намъ чувствительнымъ навыкъ свой, чтобъ взирать на оное, разсуждать о его величинѣ, о его тяжести, наконецъ и власть свою колебать при первомъ гласѣ своей воли. Естли голова и сердце могуть имѣть познаніе и наклонность, то сіе единственно отъ того, что первая есть часть нашего тѣла, въ которой всѣ чувства соединены, и другое центръ обращенія крови. Итакъ душа посреди насъ есть верховная владычица, которой все должно повиноваться; наши чувства суть ея министры, всегда обязанные исполнять ея повеленія и стараться о ея спокойствіи. Они должны хранить всѣ ея дороги, дабы удалить шумъ страстей и толпу предразсудковъ. Естли они не исполняють свою должность, то душа имѣетъ несчастный жребій большой части самодержцовъ, которые иногда имѣютъ подданныхъ столько невѣрныхъ, сколько и неблагодарныхъ. Верховность души не изъ единой видна только власти, какую она имѣетъ надъ тѣломъ; всѣ науки и всѣ законы, истекшіе изъ ея судилища, возвѣщають ея права о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Сколь ни прекрасенъ свѣтъ сей, но не имѣетъ въ себѣ ничего, чтобъ плѣняло духовное сіе существо, которое представляетъ себѣ пространства неизмѣримыя и коего взоръ вѣчности не можетъ удивить. Вотще

Библиотека "Руниверс"

бы сіе продолженіе, которое мы называемъ временемъ, хотѣло простереть суровости на нашу душу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О томъ же предметѣ.

Пусть природа разрушится, пусть наше тѣло превратится въ пепелъ или въ паръ. Что нужды сему существу, разрушенію не подверженному? Вотъ безъ сомнѣнія убѣдительныя истины. Подлинно—при всѣхъ обладающихъ нами страстяхъ, при всѣхъ занимающихъ насъ предметахъ, человѣкъ не можетъ внутренно не признать превосходство духа; повсеминутно слышны мнѣнія о ея достоинствѣ отъ тѣхъ самихъ, кои дерзаютъ называть ее вещественною. Какъ только хвалятъ они какое-либо хорошее произведеніе или удивляются какому либо хорошему дѣйствію, то признаютъ они поверхность нашей души. Самыя тонкія доказательства, кои употребляютъ они на опроверженіе ея духовности, служатъ только къ доказательству оной. Они только показываютъ свою неблагодарность и сіе ихъ единственное доказательство. Мы имѣемъ столь великое понятіе о душѣ, что не можемъ терпѣть, чтобы насъ презирали. Какую бъ славу, какое бъ преимущество не имѣлъ человѣкъ въ свѣтѣ, онъ почитаетъ себя несчастнымъ, естли не столько преимущественно и не столь славно поставляется въ умѣ другихъ. Сіе есть прекраснѣйшее мѣсто, такъ что тѣ, которые наиболѣе презираютъ людей и которые сравниваютъ ихъ съ скотами, хотятъ чрезъ то удивить собою другихъ. Если душа соединится съ матеріею, то человѣкъ, поставленный посреди тѣлестнаго міра, долженствовалъ имѣть понятіе, могущее возвышать его къ верховному существу и вмѣстѣ долженъ имѣть тѣло, могущее осязать и видѣть то, что его окружаетъ; безъ тѣла былъ бы онъ слѣпъ и нѣмъ въ семъ пространномъ мірѣ, безъ души имѣлъ бы онъ участь животныхъ, не вѣдущихъ ни своего начала, ни своего конца и коихъ механическія дѣйствія ни болѣе должны удивлять, какъ движенія растеній. Соединеніе сихъ двухъ существъ столь тѣсное и столь удивительное приводитъ человѣка въ состояніе вопрошать самого себя, вопрошать всѣ существа, разсуждать, опредѣлять и исполнять.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О томъ же предметѣ.

Мы столь сотворены къ размышленію, что иногда случается намъ завидовать счастію живущихъ въ уединеніи. Пространные лѣса почти всегда внушаютъ намъ намѣреніе остаться въ нихъ въ ту самую минуту, когда они возбуждаютъ въ насъ такой ужасъ; мы ихъ безмѣрно любимъ, мы чувствуемъ, что посреди ихъ душа наша въ большой свободѣ,

Библиотека "Руниверс"

нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Мало такихъ людей, которые бы въ теченіе своей жизни не предприняли построить домъ уединенія и въ немъ утвердиться. Драгоцѣнное свидѣтельство духа, понимающее все свое достоинство и естественно старающаго(ся) освободиться отъ страстей и чувствъ, коихъ власть бываетъ гораздо сильнѣе посреди міра; тамъ какой бы, кто ни имѣлъ чинъ покаряется общему способу обращенія; тамъ надобно зависѣть отъ разсуждаемыхъ матерій, отъ предложенныхъ вопросовъ, отъ заведенныхъ споровъ. Плачевныя необходимости, причины нетерпѣливости или скука, заставляющія насъ скрывать мысль или совсѣмъ погашать! Вы намъ неизвѣстны въ обращеніи съ самими вами. Здѣсь каждый человѣкъ царь: онъ речетъ и все умолкаетъ; онъ совершенную имѣетъ власть въ выборѣ матерій, о которыхъ хочетъ онъ разсуждать. Онъ начнетъ свой разговоръ, онъ его прервetъ или продолжаетъ, какъ хочетъ; повелѣлъ памяти своей знать себя, онъ приказываетъ своему воображенію развеселить его, и ему повинуются. Это не все. Чрезъ сообщеніе съ душою нашею мы уже наслаждаемся тою блаженною минутою, въ которую удалились отъ міра и суетъ его, будемъ созерцать духовное существо и позовемъ обиліе сокровищъ, которое имѣемъ мы въ насъ самихъ.

Внутреннее обращеніе отдѣляетъ матерію отъ духа: оно отсылаетъ одно къ центру своему, къ вѣчному и безпредѣльному, другое оставляетъ на своемъ мѣстѣ посреди мрака и поврежденія. Не можно между смертными найти полезнѣйшихъ изобрѣтеній, какъ изобрѣтенія, которыя мы дѣлаемъ въ своемъ сердцѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Канія производятъ дѣйствія обращенія съ самимъ собою.

Земля, на которой мы обитаемъ, есть по истинѣ театръ, гдѣ всѣ предметы покрыты маскою: съ одной стороны наши чувства, съ другой наши предразсудки преобразили свѣтъ. Сколько бы мы ни осязали окружающія насъ твари, мы чувствуемъ только непроницаемую поверхность; вотще приходитъ къ намъ микроскопъ на помощь. Онъ увеличиваетъ наши сомнѣнія, увеличивая предметы. Кубикъ выжимаетъ намъ сокъ паче неизвѣстный, нежели его произведшее растеніе. Душа между людьми, коихъ она умѣетъ изобразить, ничего не теряетъ изъ своихъ разсужденій; столь же спокойна, какъ бы была одна, пользуется она мнѣніемъ другихъ. Умы въ заимномъ сообщеніи електризуются и издаютъ изъ себя живыя искры. Глубокое уединеніе можетъ потемнить понятія, привести человѣка въ разстройство быстраго воображенія и его сдѣлать врагомъ всего человѣческаго рода. Сколько такихъ людей, кои, будучи въ уединеніи, не обращаются сами съ собою, между тѣмъ какъ другіе умѣютъ посреди міра обра-

Библиотека "Руниверс"

щаться сами съ собою. Нѣтъ ни единого насѣкомаго въ свѣтѣ, которое бы не заключало въ себѣ множества чудесъ и которое бы не побуждало насъ къ размышленію. Тотъ, кто намъ кажется презрительнымъ, имѣетъ право требовать причины нашего презрѣнія. Мы не можемъ сдѣлать ни единаго шага въ полѣ, не наступивъ на чудеса. Трава, попираемая ногами, имѣетъ удивитедьныя красоты. Но сколь ни удивительны сіи предметы, они убѣгаютъ отъ взора нашего, естли намъ не напоминаетъ разсматривать душа наша. Хотя нѣсколько ее послушаютъ и разсматриваемъ афтоматъ простаго червяка, тотчасъ мы находимъ въ немъ сердце центръ обращенія крови и колечка, которыя служатъ вмѣсто жизненныхъ жилокъ. Мы примѣчаемъ въ цвѣточкѣ сѣмя безчисленныхъ зернъ, мы приходимъ къ источнику къ сей обильной землѣ, которая вдругъ превращается въ голову и потомъ въ цвѣтокъ. Мы чудимся такъ, какъ Творецъ увеселялся при сотвореніи сего пространнаго міра; такой все показываетъ порядокъ; съ какимъ искусствомъ все расположено; какъ цвѣты утѣха очей украшаютъ луга и лѣса; какъ наконецъ животное, которое кажется самое гнусное, совершенно само въ себѣ и соразмѣрно во всѣхъ частяхъ своихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, который только просто читаетъ сіи описанія, постигаетъ единую поверхность; но человѣкъ, обращающійся въ самомъ себѣ, разбираетъ природу въ сущности, въ самыхъ сокровенныхъ ея дѣйствіяхъ. Онъ измѣриваетъ глубину пропастей, онъ восходитъ на горы и онъ хочетъ знать, какъ это и для чего это.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О томъ же предметѣ.

Неодушевленныя существа по истинѣ суть мертвы предъ очами тѣхъ, кои не разсуждаютъ; напримѣръ, дерево ничто иное есть, какъ древо для большой части людей. Они знаютъ его слово, они видятъ его листвія и они не простираются далѣе; но что будетъ передъ моимъ взоромъ, когда я потщуся разговаривать самъ съ собою? Я вижу въ немъ удивительный сокъ, который такъ, какъ наша кровь, течетъ изъ стволиковъ въ стволики, питаетъ корни, напояетъ ихъ и распространяетъ, который изъ вѣтви въ вѣтви разливаетъ живность и удивительную зеленость. Мнѣ представится, что всѣ тѣла въ порядкѣ вокругъ меня и обнажаются предо мною; мнѣ представляется, что я ихъ слышу и что они имѣютъ гласъ, который мнѣ возвѣщаетъ ихъ сущность и свойство. Мои философическіе глаза сдѣлаютъ меня чувствительнымъ къ предметамъ, кои были сначала мнѣ непонятны. Итакъ, не буду я болѣе находиться посреди глупаго и пустаго міра, но посреди міра, говорящаго и научающаго меня. Цвѣты скажутъ мнѣ,

Библиотека "Руниверс"

что они проходятъ такъ, какъ чести; рѣки возвѣстятъ мнѣ скоротечностію своею скоротечность нашихъ дней; плоды полевые уличатъ меня въ нѣжности вкуса моего; статуи и картины возопіютъ мнѣ громкимъ гласомъ: «се мы одни плачевные остатки героевъ, кои, кажется, побѣждали самую смерть». Надлежитъ признаться, что душа разсуждающая изливаетъ на всѣ предметы свѣтъ, который ихъ дѣлаетъ прозрачными, и что она даруетъ всѣмъ тварямъ краснорѣчивый языкъ. Какихъ чувствованій не возращаетъ она во внутренности нашей, когда пользуясь свѣтлою ночью, мы разсматриваемъ звѣзды! Можно тогда сказать, что она открываетъ очамъ нашимъ твердь, какъ книгу, что она заставляетъ насъ въ ней читать по чертамъ свѣта великолѣпіе и премудрость творящаго существа. Пренесены ли мы на брега той страшной стихіи, которую зерно песчаное останавливаетъ при гласѣ Всемогущаго,—мы читаемъ на волнахъ исторію колеблющейся жизни и неиствующее царство страстей; одни ли мы бываемъ посреди пустыни,—міръ, существующій во внутренности насъ, заступаетъ мѣсто того міра, коего мы болѣе не видимъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О томъ же предметѣ.

По мѣрѣ, какъ мы внутренно обращаемся, мы чувствуемъ міръ внутри насъ самихъ, подобный тому міру, въ которомъ мы обитаемъ. Онъ исполненъ удовольствіями и чаще печалями и замыслами, онъ есть нѣкоторая деспотическая область, въ которой душа повелѣваетъ страстями и чувствами; она имѣетъ совершенное на это право, однако случается, что они перемѣняютъ ея правленіе въ аристократическое. Они похищаютъ власть и производятъ безпорядокъ въ самомъ центрѣ міра. Мы чувствуемъ внутрь себя способность, которая хочетъ, способность, которая не хочетъ, наконецъ способность, которая опредѣляетъ. Иногда внутреннее обращеніе бываетъ спокойнѣе, а иногда мятежнѣе. Когда душа изливается наружу и сообщается чувствами, то она не можетъ сохранять своего спокойствія; здѣсь дѣлаетъ она опытъ, а тамъ разрѣшеніе частей, ибо, естли мы хотимъ расматривать, то духъ нашъ ничего не опускаетъ изъ своихъ взоровъ, когда онъ намѣревается познать предметъ. Онъ разбираетъ малѣйшую частицу матерій, онъ старается проникнуть въ сущность и узнать ея свойства. Итакъ, обращеніе съ самимъ собою не состоитъ въ простомъ размышленіи. Всѣ люди размышляютъ, но весьма мало внутренно обращаются. Оно состоитъ въ умствованіи, за которымъ слѣдуютъ правильныя слѣдствія въ разсматриваніи насъ самихъ и каждаго окружающаго насъ предмета, въ мудрой предусмотрительности дѣйствій и приключеній. Случается ли намъ какое дѣло или домашняя печаль, мы

Библиотека "Руниверс"

убѣгаемъ отъ своего развлеченія и мы тотчасъ познаемъ, въ чемъ состоитъ обращеніе самого съ собою.

Не взирая на все то, что можно о семъ сказать, уменьшили бы мы понятіе души, ежели бы мы хотѣли точно опредѣлить разговоръ ея; вещи чувственныя должны быть изъяснены сердцемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О выгодахъ съ самимъ собою.

Стыдно видѣть, что малые успѣхи, кои люди сдѣлали въ изысканіи истины чрезъ многія лѣта, создали зданія на пышномъ сборищѣ мнѣній, кои имѣли единственнымъ основаніемъ суевѣріе обманутой публики. Догадка была вмѣсто извѣстныхъ истинъ. Единственно посредствомъ обращенія съ собою люди могли выйти изъ сего хаоса сомнѣній и неизвѣстностей, въ коихъ свѣтъ погребенъ былъ.

Надобно бъ было, чтобы человѣкъ узрѣлъ свое мыслящее существо, дабы познать другія окружающія его существа и дабы потомъ возвышаться постепенно къ тому существу, которое есть источникъ и совершенство. Естли до Декарта большая часть философовъ только заблуждали и сомнѣвались, то они болѣе доказали, нежели размышляли; они думали, что по многимъ ссорамъ съ своими противниками достигнутъ до познанія тѣлъ. Предпріятіе по истинѣ невозможное, если не будемъ разсуждать съ душею и не познаемъ въ школѣ ея сущность и свойство матеріальныхъ существъ. Чудно было подлинно для свѣта, когда Декартъ опровергъ всю древнюю философію. Одни глубокія размышленія могли привесть такое чудо; всякое другое средство, безъ сомнѣнія бы, рушилось и мы бы еще видѣли Аристотеля при всѣхъ его софизмахъ и непонятностяхъ идоломъ университетовъ и оракуломъ учителей. Метафизика, превосходнѣйшая изъ наукъ, съ тѣхъ поръ начала совлекать съ человѣка тѣло и составлять ему очи душевныя, дабы возвысить его къ несозданному существу.

Нравственная философія вдругъ разогнала мракъ понятій о добрѣ и злѣ, уставила порядокъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и восхотѣла, чтобъ сердце сдѣлалось центромъ добродѣтелей.

Критика очистила свѣтъ отъ тысячи басенъ, почитавшихся за истину, и лишила нѣкоторыхъ авторовъ той славы, которую они заслужили. Физика призвала вещественный міръ къ судилищу своему и взяла отъ него вѣрный отчетъ во всѣхъ его свойствахъ. Она положила, что всѣ тѣла суть только составъ элементовъ. утвердила шествіе земли и для солнца опредѣлила токмо движеніемъ обращеніе около своей оси.

Математика измѣрила небеса, горы и воду рѣкъ и морей. Астрономія предсказала затмѣнія, познала дотолѣ неизвѣстные небесные знаки, изъяснила кометы. Географія начертила намъ землю и изобразила

Библиотека "Руниверс"

вдругъ всѣ ея виды. Химикъ узрѣлъ, что соль и солнце суть двѣ великія вещи, производящія земныя дѣйствія. Анатомикъ позналъ удивительный составъ тѣла и послѣдовалъ неотступно жизненнымъ духамъ. Медикъ при неизвѣстности науки, которая отъ извѣстнаго доходитъ до неизвѣстнаго, почерпнулъ высочайшія врачебства противъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Художникъ наконецъ умѣлъ сдѣлать второй міръ на подраженіе первому.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О пользѣ съ самимъ съ собою.

Електризація, которая еще доселѣ предъ очами смертныхъ ничто иное есть, какъ зрѣлище любопытства, безъ сомнѣнія сдѣлается источникомъ выгодъ, когда довольно важно разсуждать о сей важной матеріи. Уже помощью ея покушаются заградить уста грому и раздѣлить части, коихъ соединеніе производитъ тотъ страшной трескъ, который мы слышимъ посреди воздуха. Сколько полезныхъ сокровенностей, могущихъ родиться и кои сообщеніе съ самимъ собою мало помалу откроетъ.

Каждой получитъ въ сей школѣ наставленія, относящіяся къ его нуждамъ и часто лучшія всѣхъ учительскихъ наставленій. Посмотрите сами на себя, говоритъ Аврелій. И естли вы сами себя разберете, то вы обрящете въ себѣ присносущный источникъ блага. «Fons boni, qui perenniter scatebit».

Мы всѣ имѣемъ естественную въ себѣ геометрію, говоритъ великій Боссюетъ, которая ничто иное есть, какъ наука пропорцій и соединеній. Надобно намъ только въ оной упражняться и принимать наставленія отъ нашей души, которую безъ сомнѣнія мы должны предпочитать всякому другому учителю. Тотъ, кто не обращается съ нею, измѣняетъ самъ себѣ, онъ лишаетъ себя множества познаній, которыя украсили его понятіе или исправили его нравъ.

Сѣмена истины и добродѣтели, которыя находятся во внутренности насъ, подобны сѣменамъ растеній и цвѣтовъ; они пріемлютъ твердый корень тогда, когда уже нѣсколько времени лежали погребенныя. Міръ, сколь ни есть, безъ помощи сего обращенія былъ бы въ самомъ младенчествѣ, онъ бы не произвелъ тѣхъ высокихъ умовъ, которые почерпаютъ изъ самихъ себя и ничего не заимствуютъ отъ другихъ. Онъ бы еще представилъ намъ одни только слова, произведенія ихъ, числа, пустые вопросы, безплодныя разсужденія, и люди, какъ статуи ихъ отголоски, воспоминали бы какъ о прошедшихъ эпо-

Библиотека "Руниверс"

ахъ и повторяли бы то, что они слышали.... Будучи прельщаемы своими чувствами, мы бы почли поверхность природы за самую природу и основали бы всю нашу философію на вѣрѣ обманщика или не знающаго. Но есть наука гораздо полезнѣйшая для человѣка, наука, препятствующая ему подобиться скотамъ или равняться съ Богомъ, наука, показывающая намъ неистовство страстей, унижающихъ насъ, и высокость разума, насъ возвышающаго. Душа, освѣщаемая лучами божества, насъ приводитъ къ сему познанію—блаженное состояніе, въ которомъ научаемся сами себѣ лучше, нежели нравамъ другихъ странъ, въ которомъ опровергаемъ системы разума, приведши въ порядокъ склонности сердца; тамъ то снискиваетъ великую науку рабъ повиноваться, царь царствовать, науку наконецъ познать себя. Святой Августинъ такое имѣлъ понятіе о сей наукѣ, что почиталъ ее составляющею все достоинство человѣка. Безъ сомнѣнія онъ то и говоритъ о ней лутше, нежели кто другой, онъ, который изобразилъ себя предъ очами свѣта, столь же естественно, какъ онъ себя зналъ. Онъ дозналъ, какъ онъ насъ научаетъ, чтобъ сколько бъ мы ни гордились своими понятіями, но только производить малыхъ атомовъ въ сравненіи сущности вещей, что все, что мы ни видимъ, въ мірѣ есть не постижимая черта въ пространномъ нѣдрѣ природы, что малое пространство, которое мы занимаемъ въ томъ пространствѣ, которое и само чрезмѣрно мало, должно смирять гордость нашу и что самый величайшій человѣкъ есть пунктъ, представляющійся въ нѣкоторомъ отдаленіи. Естественно потому сокрыты отъ нихъ сіи понятія, что они не имѣютъ тѣснаго сами съ собою дружества. Большая часть людей хотятъ въ томъ положиться на чувство и разсуждать съ единымъ міромъ. И вотъ источникъ несчастья. Міръ хвалитъ ли что другое, какъ то, что заслуживаетъ презрѣніе? Николай превосходный нравоучитель, хотя называетъ міръ непрестаннымъ проповѣдникомъ лжи и суеты, но онъ еще недовольно сказалъ: міръ, лаская намъ, оказывается величайшимъ врагомъ нашимъ. Кажется, его должность состоитъ только въ томъ, чтобы утверждать власть тѣла отъ нападеній духа и что онъ сдѣлалъ договоръ похитить у души все право, по которому она управляетъ и научаетъ насъ. Душа повелѣваетъ намъ размышлять, міръ совѣтуетъ намъ развлекаться; душа отвлекаетъ насъ отъ всякой матеріи, тѣло дѣлаетъ насъ ея невольниками. Но величайшая польза обращенія съ самимъ собою есть та, что оно избавляетъ насъ отъ множества худыхъ умоключеній, составляющихъ планъ нашей жизни и которыя насъ дѣлаютъ въ справедливости посмѣянія достойными. Сколько противностей въ нашихъ нравахъ и нашей нуждѣ! Напримѣръ, мы поклоняемся Богу, который до того снишелъ, что благоволилъ родиться въ ясляхъ и жить убогимъ такъ, что не имѣлъ

Библиотека "Руниверс"

мѣста, гдѣ главу преклонить. И мы хотимъ обитать въ чертогахъ, обладать сокровищами и наслаждаться всѣми забавами. Мы течемъ въ пышномъ экипажѣ поклониться образу какого нибудь святаго, который препроводилъ всю жизнь свою, удаляясь отъ зрѣлища и собраній, которой облачился въ разодранное рубище и которой, наконецъ, такъ существовалъ, что стыдно бы намъ съ нимъ бесѣдовать, котораго бы мы презрѣли, какъ послѣдняго изъ людей, какъ противность.

Послѣ сего превращенія что дѣлаетъ человѣкъ разсуждающій? Онъ научается въ своемъ внутреннемъ обращеніи примирять свои дѣйствія съ мыслями и слѣдовательно и жить. Онъ почитаетъ, что покорить вѣру своимъ склонностямъ и вкусу вѣка есть ругаться ею, онъ старается входить самъ въ себя и осторожно убѣгать опасныхъ сообществъ. Естли онъ приходитъ въ міръ, то дрожащими стопами и поспѣшно возвращается внутрь самого себя, дабы опять обрѣсти тѣ истины, кои потеряли прочіе люди, и размышленіе объ оныхъ составляетъ его удовольствія.

Облекшись собственною своею добродѣтелью, превосходящею царскія одежды, живетъ онъ, какъ бы оставивъ міръ перемѣнамъ фортуны, и болѣе внушаетъ удовольствія, обитая самъ съ собою, нежели съ сосѣдями, часто опасными. Сіе удаленіе освобождаетъ его отъ несноснаго ига и поставляетъ его на то пріятное мѣсто, откуда можно видѣть всѣ предметы. Тогда то исторіи представляютъ ему только разворенные грады, низверженные троны, людей истребленныхъ, героевъ, упадшихъ паки въ ничтожество, изъ котораго они вышли, тогда то стихотворенія большой части новѣйшихъ и древнихъ представляются ему игрою страстей и пышнымъ сборищемъ глупыхъ суетъ. Ограничиваніемъ самого себя онъ сбираетъ драгоцѣнный лучъ, исходящій изъ его разсудка. Предметы открываются такъ, какъ они сами въ себѣ, цѣлый міръ какъ пунктъ, вѣки—какъ минуты, а забавы, какъ тѣнь. Такимъ образомъ мы повсядневно видимъ множество атомовъ, летающихъ около тѣхъ столповъ свѣта, которые производятъ переломленіе солнца и обращающихся въ ничтожество. Итакъ, ни страшимся мы быть обмануты; тогда переломляемъ мудрую осторожность обращенія съ самими собою и полагаемъ каждой вещи истинную цѣну. Вотще бы гордость человѣческая старалась различить передъ очами нашими умершаго принца отъ послѣдняго изъ его подданныхъ. Мы позабываемъ великолѣпныя гробницы, взирая на несчастный пепелъ, въ которой превращается всякій герой. Мы почитаемъ тѣ вихри пыли, которыми вѣтеръ играетъ на воздухѣ, печальными остатками славныхъ завоевателей и ихъ цѣлыхъ армій; въ мраморныхъ великолѣпнѣйшихъ чертогахъ и въ драгоцѣнномъ

Библиотека "Руниверс"

золотѣ мы видимъ только матерію, иначе составленную, нежели грязь и дымъ. Мы имѣемъ такое жъ понятіе о частяхъ, какъ о тѣхъ пузырькахъ мыльныхъ и водяныхъ, кои производитъ дуновеніемъ своимъ младенецъ. Тѣ богачи, облачающіеся въ разноцвѣтное платье, не больше намъ представляются, какъ простые комари, изъ которыхъ у однихъ крылья синія, у другихъ позлащенныя; и тѣ славныя дѣла, которыя похваляютъ,—искоркою, угасающею въ самомъ рожденіи. Когда мы такимъ образомъ разсуждаемъ, то мы предлагаемъ сіи разсужденія къ самимъ себѣ. Они насъ приводятъ въ состояніе сравнивать, соединять и разбирать. Размышляющіе люди не хотятъ никогда рѣшиться, не имѣя твердыхъ резоновъ, побуждающихъ къ предпріятію, такъ какъ никогда не пріемлютъ ничего, не испытавъ своихъ силъ.

Внутреннее обращеніе есть нѣкоторый родъ труда, въ которомъ всякій испытуетъ и измѣриваетъ себя, когда ему надобно что-нибудь сочинить. Симъ средствомъ можно избѣжать погрѣшностей не разсудительности и легкомыслія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О томъ же предметѣ.

Обыкновенно приписываютъ симъ дѣйствіямъ имя философа, что и справедливо, поколику они доводятъ до истинной мудрости. По счастью находятся такіе философы, кои посреди вѣка столь же развлеченнаго, какъ и нашъ, носятъ повсюду съ собою уединеніе. Вотще мятежъ міра гремитъ въ уши ихъ, они внимаютъ только гласу своего сердца; они не истощаютъ свои силы надъ изобрѣтеніемъ философскаго камня, котораго никогда не было и быть не можетъ, или изысканія четвероугольника въ кольцѣ, безполезной для людей вещи. Ихъ истинныя сокровища находятся въ нихъ самихъ. Они думаютъ, что они всегда превращаютъ простую мѣдь въ злато, когда только въ нихъ рождается высокая мысль при какомъ либо вещественномъ предметѣ. Можно найти, безъ сомнѣнія, въ высотѣ ихъ чувствованій высокія облегченія противъ бѣдствій сея жизни. Все тотъ обращаетъ въ пользу, кто обращается съ самимъ собою. Изъ чтеній, коими развлеченіе не позволяетъ обыкновенно пользоваться, составляетъ библіотеку, которую ни пыль, ни черви повредить не могутъ. Мозгъ сохраняетъ дѣла, а сердце чувствованіе. Неудивительно ли, что сіи пріобрѣтенныя познанія находятся какъ бы въ нѣкоторомъ хранилищѣ и всегда готовы открыться при малѣйшемъ знакѣ. Я имѣю ясное понятіе о всемъ томъ, что я читалъ, говоритъ краснорѣчивый Фенелонъ, и мнѣ кажется, что я сіе то самое вижу, когда его нѣтъ; мозгъ

Библиотека "Руниверс"

есть хранилище живописей, которыхъ картины представляются и располагаются по волѣ души, которая есть госпожа всего зданія. Я нахожу и въ самомъ себѣ собраніе тысячи представленій, ни думавъ никогда ни о впечатлѣніи въ сердцѣ моемъ, ни о приведеніи ихъ въ порядокъ. Всѣ сіи воображенія то удаляются, то представляются моему воображенію безъ всякой збивчивости. Я ихъ призываю—они приходятъ; я ихъ отсылаю—они уходятъ, не знаю куда; они всегда въ моемъ распоряженіи. Какое необъемлемое пространство во мнѣ самомъ! Когда я обращаюсь самъ въ себѣ, то я нахожу болѣе пространства, нежели въ цѣломъ семъ моимъ глазамъ предлежащемъ мірѣ. Итакъ не врагъ ли я буду своего благосостоянія, когда я не страшусь обитать съ душою, которое содружество приноситъ намъ великія пользы и выгоды? Сія польза, какъ мы уже видѣли, не заключается въ насъ самихъ. Наши размышленія о существахъ тѣлесныхъ и духовныхъ, которыми мы потомъ обогашаемъ общество, служатъ къ отвращенію людей отъ безпутства. Такимъ образомъ, душа всегдашній другъ общества и часто отъ него удаляющійся для того только, дабы лучше ему услужить, старается доставить себѣ учениковъ. Онъ для себя всегда находитъ кого нибудь, которой, будучи пораженъ ея постоянствомъ, удаляется отъ множества и предпочитаетъ преимущественно быть извѣстнымъ потомству, чтобъ только быть въ отношеніи съ своими современниками. Обращеніе внутреннее съ самимъ собою насъ дѣлаетъ людьми всѣхъ вѣковъ, а обращеніе внѣшнее людьми нѣкоторыхъ дней. Одно насъ дѣлаетъ непривязанными къ пиршествамъ, зрѣлищамъ и играмъ, а другое насъ тому порабощаетъ такъ, что намъ было несносно, когда мы не можемъ ими наслаждаться. Не великая ли польза не знать сего множества мнимыхъ нуждъ, кои чувствуютъ въ общежитіи и которыя дѣлаются тиранами, содержащими насъ плѣнниками? Мы имѣемъ довольно настоящихъ нуждъ, чѣмъ намъ себѣ выдумывать другія нужды и наши чувства много уже похитили земнаго. Единая душа, яко верховная владычица, должна разбирать нужды жизни; ея рѣшенія научитъ почитать тѣло свое невольникомъ, а смерть, которая должна насъ съ нимъ разлучить, истинною свободою. Исчезнуть тогда въ насъ сіи ужасныя понятія, которыя мы имѣли о гробѣ, и мы будемъ почитать его блаженнымъ пристанищемъ, гдѣ мы должны нѣкогда разрушить оковы, привязывающія насъ къ землѣ.

Не должно по справедливости почитать малою побѣдою побѣду возвысить людей превыше страха смерти и ихъ убѣдить, что она есть полезна. Воспоминаніе нашего послѣдняго конца было почти всегда морскимъ камнемъ для мужества героевъ. Тотъ, кто не довѣрялъ свѣту и которой презиралъ смерть, управляя арміею, содрогалъ при возрѣніи

Библиотека "Руниверс"

той погибели. Постоянство многихъ героевъ есть сила машины, которая разслабѣваетъ отъ разстройства малѣйшей пружины. Потребны единственно наставленія безсмертнаго существа, дабы насъ увѣрить въ безсмертіи нашемъ. Люди, всегда привязанные къ сему вихрю пыли, насъ окружающему и имѣющему скоро соединиться съ прахомъ, который попираютъ ногами, дѣлаютъ себѣ изъ своего злата и изъ своихъ почестей оковы; они увеличиваютъ свое существо, соединяя съ собою чертога, въ которыхъ они пребываютъ, рабовъ, кои имъ служатъ, коней, кои ихъ возятъ. Они говорятъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ и тщетою: мой замокъ, мои люди, нежели моя душа. Сіе достоинство занимающее тѣхъ, кои называются премудрыми, и сіе то зрѣлище увеселяетъ только безумныхъ.

Конецъ второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О удовольствіяхъ съ самимъ собою.

Удовольствія, въ коихъ погружается большая часть смертныхъ, суть только обманчивыя прелести, ослѣпляющія чувства, но не могущія наполнить нашего сердца. Нѣтъ на землѣ ни одного предмета, который бы ни показывалъ свою тщету и ничтожество. Естли мы предадимся удовольствіямъ безъ умѣренности, то послѣ онымъ не возможно противиться, а ежели умѣряемъ оное дѣйствіе, то наслаждаемся безъ удовольствія, и потому весьма безразсудно человѣкъ предается скоро проходящимъ удовольствіямъ, приводящимъ его внѣ себя, когда бъ онъ могъ найти истинное счастье во внутренности своей души.

Онъ можетъ почерпать изъ источника то, чѣмъ бы могъ защищаться противъ смятеній нашей жизни и чѣмъ побѣдить страсти и предразсужденія. Міръ только наполненъ горестями и что самое величайшее удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть безпокойствъ. Естли самый богатѣйшій человѣкъ изъ смертныхъ захотѣлъ замѣчать свои печали, то бы ихъ число превосходило число его великихъ имѣній. Естли бы кто видѣлъ при рожденіи картину своея жизни, то бы подлинно ни о чемъ не помыслилъ, какъ только опять возвратиться въ ничтожество, изъ котораго произошелъ.

Одинъ стихотворецъ очень справедливо сказалъ, что печали летаютъ около золотыхъ балдахиновъ и какъ бы прогуливаются въ золотыхъ колесницахъ. Одинъ увеселительный предметъ, услаждающій взоръ, изглаживается тысячью предметовъ ему противныхъ. Разогнемъ книги многихъ сочинителей, вникнемъ въ ихъ мысли, разсмотримъ даже самыи (сады?)... людей, вездѣ увидимъ черты снѣдающей

Библиотека "Руниверс"

печали и видно, никто не изъятъ изъ смертныхъ отъ безпокойствъ. Естли мы не будемъ совѣтоваться съ душою прежде, нежели слушаемъ наши чувства, то подлинно вѣрно, что они при первомъ взглядѣ стараются о нашемъ счастіи; но только они подобны пчеламъ, которыя всегда сохраняютъ жало посреди сладости меда и цвѣтовъ. Итакъ не должны мы ждать истиннаго покоя, если къ несчастью нашему будемъ слѣдовать симъ самымъ чувствамъ, какъ бы министрамъ нашихъ удовольствій.

Вотъ какъ скоро предаемся мы ослѣплѣнію нашихъ богатствъ, честей и всякому развлеченію бесѣдъ. Люди, сколько бы ни старались исправлять свои удовольствія и сколько бъ ни призывали на помощь себѣ нѣжность и чувствительность, но никогда не будутъ удовлетворены, доколѣ будутъ почитать сообщеніе своей души за крайнее несчастье. Есть тысячи случаевъ, въ которыхъ мы бываемъ принуждены возвращаться противъ воли своей къ душѣ.

Съ какою бы поспѣшностію вступили бы мы въ свое сердце, ежели бы изъ него сдѣлали обиталище своихъ удовольствій. Наше благополучіе не зависило бы болѣе отъ благонисхожденія или своевольства. Сосѣди ищуть ли насъ или удаляются, нѣтъ намъ въ томъ бѣды; мы бы стали смѣяться тѣмъ, которые къ намъ приходятъ и уходятъ, которые нынѣ намъ ласкаютъ, а завтра и смотрѣть не хотятъ. То несчастіе, что сила страстей подавляетъ чистое и истинное удовольствіе, которое въ насъ душа питаетъ. Страсти имѣють силу насъ увѣрять, что только имѣніе насъ дѣлаетъ бѣдными, отъ чего и происходитъ, что во время неудовольствія иногда мы желаемъ прійти въ самихъ себя и что мы иногда сіе не имѣемъ испытать. Мы дѣлаемъ только тогда безразсудныя желанія, которыя не въ состояніи бываютъ намъ придать великодушія. Но чѣмъ труднѣе для насъ сей опытъ, тѣмъ болѣе мы будемъ хвалиться, когда достигнемъ до конца его; скоро чувствуемъ безконечное разстояніе, каковое находится между удовольствіями мірскими и между удовольствіями, которыя мы чувствуемъ внутренно. Сердце, какъ бы освобожденное отъ тяжкаго бремени, распространяется по своей волѣ; и воображеніе посреди благополучнаго покоя обращаетъ съ удовольствіемъ свои мысли.

Всѣ люди имѣютъ три средства въ самихъ себѣ сдѣлать ихъ счастіе: дѣйствительную мысль, воспоминаніе мыслей, которыя они имѣли, и надежду, наконецъ, имѣть впредь новыя мысли. Ежели одна ихъ мысль безпокоитъ, то они могутъ оную отвратить, обратиться къ другой, обратиться къ будущему гораздо пріятнѣйшему.

Уклонимся отъ настоящаго, если мы чувствуемъ печали, предупредимъ то разсужденіе, которое о семъ будемъ имѣть, тогда то наши несчастія покажутся или истинными несчастіями или сносными.

Библиотека "Руниверс"

Можно найти довольно людей, владѣющихъ самими собою, которые могутъ удалять мысль, могущую ихъ оскорбить, и брать только тѣ мысли, которыя увеселяютъ ихъ душу. Естли мысли тѣлесныя ихъ будутъ смущать, то мысль вѣчности ихъ укрѣпитъ противъ жестокости такого времени, которое вскорѣ исчезаетъ, мысль безконечности ихъ дѣлаетъ совсѣмъ не чувствительными къ разсужденіямъ такого міра, который есть песчинка предъ ихъ глазами. Мысль о безконечномъ скрываетъ отъ нихъ тѣ вещества, которыя ничто иное суть, какъ тѣни; такимъ образомъ можно научиться раздѣлять на части міръ и въ оныхъ удерживать только то, что можетъ служить къ нашему спокойствію.

Надобно себя увѣрить, что ежели воображеніе не составляетъ по крайней мѣрѣ половины всего того, что мы называемъ удовольствіемъ, то найдемъ только отвращенія въ самомъ нѣдрѣ забавъ, не считая сего множества предметовъ, которые обращаются въ насъ самихъ и которые слѣдуютъ за нами обыкновенно до гроба, мы никогда не наслаждаемся въ то время и такимъ образомъ какъ бы желали; напр. естли достигнемъ до какого нибудь достоинства, которое мы единственно желали, то сіе бываетъ по смерти родителей и друзей, которыхъ желали сдѣлать свидѣтелями своего возвышенія и съ которыми желали раздѣлить свое счастіе.

Мысль о будущемъ, въ чемъ мы всегда заблуждаемъ, никогда почти до того не достигнувъ, намъ препятствуетъ утвердиться въ настоящемъ, которое бы единое быть могло минутою удовольствія. И такъ мы располагаемся быть счастливыми, но никогда не бываемъ; почему единственно въ обращеніи съ самими собою научаемся мы приводить всѣ времена вдругъ, дабы оставить для себя единственно то, что должно насъ утѣшить. Мы почитаемъ печаль, какъ совсѣмъ не могущую пособить никакому злу, а только могущество его умножить.

Я часто разсуждаю, и сіе разсужденіе мнѣ пріятнѣе, нежели всѣ благія щедроты, что вскорѣ неостанется никакого слѣда вещей, которыя меня плѣняютъ на землѣ, что тотчасъ по исшествіи изъ сея жизни буду я имѣть участіе славнѣйшаго изъ монарховъ и что не будетъ различія между нами кромѣ суетнаго мавзолея.

Душа, такимъ образомъ разсуждающая, переселяется мысленно во гробъ какого либо недавно погребеннаго вельможи и тамъ не оказываетъ ему ни малѣйшаго знака величества его. Надобно кажется переждать нѣсколько дней, чтобъ увидѣть вселенную, отмщенную за ту гордость, которая ее всегда безпокоила.

Увы! Что есть жизнь самая продолжительная и знаменитая? Можетъ статься по прошествіи десяти или двѣнадцати тысячъ дней, естли

Библиотека "Руниверс"

отнять младенчество, сонъ и празные часы, то и сіи дни наполнены заботами, болѣзнями и скукою.

Нѣтъ на землѣ человѣка столь несчастнаго по нашему мнѣнію, который бы во время двадцати четырехъ часовъ, составляющихъ сутки, не наслаждался такимъ же благополучіемъ, какимъ наслаждается царь по крайней мѣрѣ осемнадцать часовъ. Небеса ему представляютъ то же зрѣлище, земля тѣже самыя богатства, естли не въ такомъ изобиліи, то съ большимъ спокойствіемъ. Онъ спитъ, ѣстъ, прогуливается, какъ и самодержецъ, который думаетъ, что вся вселенная сотворена для него. Правда онъ не имѣетъ стражей, окружающихъ его, ласкающихъ придворныхъ, ни чертоговъ, на которые бы онъ могъ смотрѣть. Итакъ отнимемъ у него шесть часовъ, опредѣленныхъ для наслажденія симъ мнимымъ благополучіемъ. Можетъ статься, разсуждая о семъ, по справедливости почтемъ мы жизнь царскую бѣдственнѣйшею; мы бы почти и увѣрили его въ томъ, но надобно уступить нѣчто предразсужденію такого совѣта, который не вѣритъ, что царь былъ несчастливъ.

Не пристойно будетъ здѣсь упомянуть достопамятныя слова Христины царицы шведской, которая, чтобы жить съ самой собою, отказалась великодушно отъ короны въ двадцать седьмомъ году рожденія своего. Вотъ ея слова: «я обладала престоломъ безъ гордости и оставляю оный безъ прискорбія. Не сомнѣвайтесь во мнѣ: мое благополучіе не состоитъ во власти фортуны; я не раскаюсь никогда, что купила настоящее спокойствіе цѣною короны. Я не опорочу подлымъ раскаяніемъ такое дѣйствіе, которое мнѣ казалось столь изряднымъ. Я бы подлинно не оставила блага, которыя на меня фортуна излила, естли бы я ихъ почитала нужными къ моему благополучію». Сколько было царей, которые искали въ хижинахъ удовольствія невѣдомаго въ ихъ чертогахъ. Надобно увѣриться, что сіи блага и чести, которыя мы почитаемъ составляющими счастье царей, ихъ не прельщаютъ. Мы привыкаемъ жить посреди забавъ и пріятности. Удивительно въ сей жизни вознаграждаются счастіе и бѣдствія, заботы и удовольствія. Люди, наслаждающіеся богатствами и честми, не имѣютъ обыкновенно ни удовольствія сердца, ни великихъ чувствій, которыя оно внушаетъ. Другіе, которые живутъ безъ достоинствъ и безъ сокровищъ, находятъ во внутренности самихъ себя то, что въ нихъ наружностію недостанетъ. Они ощущаютъ душу, которая своимъ благородствомъ и достоинствомъ и благородствомъ и своимъ спокойствіемъ вознаграждаетъ ихъ обильно. Итакъ разсудимъ о всемъ свѣтѣ, раздѣливъ его на двѣ части. Посмотримъ на обѣ стороны вѣсовъ и тотчасъ рѣшимся.

Мы предпочтемъ миръ и доброе сердце безъ благополучія фортунѣ но безъ добраго сердца и безъ мира. Довольно, говорятъ, дать денегъ сему, чтобъ сдѣлать его счастливымъ. Но довольно оныхъ дать многимъ

Библиотека "Руниверс"

другимъ, чтобъ сдѣлать ихъ несчастными. Деньги не могутъ имѣть сами въ себѣ то, что бы составляло счастіе человѣка. То несчастье, что богатство есть только вспомоществованіе въ нашихъ нуждахъ, а люди присовокупили къ нему такое счастіе, котораго должно искать въ другомъ мѣстѣ.

Сколько такихъ богачей, которые бы желали цѣною всего злата купить удовольствіе, которое вкушаетъ простой крестьянинъ! Лучше бы гораздо для насъ было употребить свою естественную ариѳметику къ сему исчисленію удовольствій и печалей, нежели къ безполезнымъ исчисленіямъ, только насъ утруждающимъ, сіе то есть истинное средство сдѣлать нашу душу свободною. Можетъ ли быть какая нибудь свобода достойнѣйшая насъ, какъ употреблять предметы окружающіе насъ такъ, какъ бы ихъ не употребляя; драгоцѣнный титулъ, прямо насъ отличающій отъ животныхъ, обращеніе съ собою подаетъ намъ средство освободиться до нѣкотораго предѣла отъ бѣдственныхъ нуждъ сея жизни такъ, какъ бы нѣкотораго супружества, которымъ мы всегда можемъ располагать.

Безпокоитъ ли насъ страхъ, то мы бесѣдуемъ съ надеждою. Естли разумъ ослабѣваетъ въ изысканіи какой нибудь глубокой истины, то мы разговариваемъ съ изображеніемъ и налагаемъ на него должность развеселить насъ и вскорѣ оно, повинуяся нашимъ желаніямъ, выдумываетъ тысячу пріятностей, изъ которой каждая насъ къ себѣ влечетъ и приводитъ въ восхищеніе и поелику ея права распространяются даже до умершихъ, то она ихъ представляетъ вдругъ и гораздо живѣе, чѣмъ живопись. Мы имѣемъ удовольствіе созерцать ихъ, какъ оживотворенныхъ.

Какую подаетъ помощь память въ семъ любезномъ обращеніи? Чтеніе какого—нибудь сочиненія изъ плѣнившихъ насъ за десять лѣтъ, даже самыя игрушки нашего младенчества совсѣмъ возобновляются и мы еще вкушаемъ сіи невинныя удовольствія. Такимъ образомъ душа наша, всегда умѣющая насъ занимать, соединяетъ будущее съ прошедшимъ—двѣ границы столь отдаленныя для того, чтобы сдѣлать настоящее гораздо пріятнѣйшимъ, когда оно само въ себѣ не имѣетъ чѣмъ бы насъ удовлетворить. Увеселительные источники, цвѣтущіе луга, прекрасные холмики—мы не отъ васъ заимствуемъ свое благоуханіе! Увядающіе цвѣты, изсякающія воды никакъ не могутъ утвердить наше благополучіе; но однако жъ какія мы ощущаемъ удовольствія посреди васъ, когда оними какъ бы, такъ сказать, заблуждаемся въ нашихъ тропинкахъ и когда мы одни прогуливалися на вашихъ берегахъ! Обращеніе людей стояло въ сей прекрасной книгѣ природы, гдѣ все плѣняетъ и все научаетъ, для чего одинъ знаменитый мужъ называлъ буковыя дерева и дубы своими учителями и наставниками

Библиотека "Руниверс"

(не потому ли, что находилъ въ нихъ предметы высокихъ разсужденій)? Вы скажите, что изъ глубины водъ, изъ страшныхъ лѣсовъ выходитъ нѣкій гласъ, говорящій намъ и зовущій къ разсужденію о сихъ предметахъ,—мы почитаемъ себя тотчасъ перенесенными въ тѣ блаженныя времена, когда первые люди, не имѣя другихъ балдахиновъ кромѣ густыхъ листьевъ, другихъ завѣсъ, кромѣ тѣни древесной и пріятности сельской жизни. Мы читаемъ на зеленѣющихъ травахъ, раковинахъ и цвѣтахъ сіи славныя Вергиліевы еклоги, которыя никогда не пропадутъ.

Изъ сей то бесѣды съ растеніями и источниками произошло много натуральныхъ исторій, столь достойныхъ нашего удивленія, такъ какъ изъ проспектныхъ рощей и луговъ сдѣланы столь удивительныя картины—истинныя модели искусства. Безъ сомнѣнія глубокое молчаніе природы, прерываемое шумомъ источниковъ и зефировъ, немного скорѣе шествуетъ внутреннему обращенію.

Намъ пріятенъ всегда миръ и мы сами себѣ нравимся тамъ, гдѣ онъ обитаетъ.

Между прочими примѣрами, которые можно привести о удовольствіяхъ, кои можно вкушать въ самомъ себѣ, вотъ примѣръ, могущій побудить насъ къ снисканію ихъ.

Двое нѣкогда молодыхъ чужестранцевъ заблудились въ лѣсу; пришли въ одной пещерѣ, къ которой многіе бугры воспрещали входъ. Это была пустыня, гдѣ жилъ счастливый философъ, который, скучая міромъ, съ малыхъ лѣтъ не принималъ никого къ себѣ въ компанію, какъ только птицъ; и то смотря на его бѣлую бороду, на его величавый и сгорбленный станъ, не можно было не почувствовать къ нему уваженія. «О возлюбленные юноши, сказалъ старикъ, тому ужъ восемдесятъ лѣтъ я живу въ семъ углу земли (ему было сто лѣтъ), но вы первые, кого я увидѣлъ. Какой случай васъ завелъ? Какъ неужели вы пришли посѣтить старца, котораго уже свои родители считаютъ въ числѣ умершихъ и котораго только знаютъ по свидѣтельству людей, коихъ нѣтъ болѣе на свѣтѣ?» Потомъ онъ у нихъ спрашивалъ: какія были обыкновенія въ свѣтѣ и гоняются ли люди за богатствомъ и тщетными удовольствіями.

Конецъ третьей части.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Разсказъ о старикѣ счастливомъ (продолженіе).

Тонъ его голоса и движеніе его очей были столь хороши, что его слушали, какъ тѣхъ древнихъ ораторовъ. Опираясь на свой посохъ, повелъ гостей своихъ въ садъ, который онъ самъ воздѣлывалъ. Жалко, что я не могу сдѣлать подробнаго описанія сего пріятнаго

Библиотека "Руниверс"

мѣста. Тамъ плоды красотою, кажется, превосходили цвѣтовъ, фіалки уступали красотѣ пурпура винограда, миртовыя дерева, сцѣпляясь съ померанцовыми кустами, составляли убѣжище, не проницаемое отъ солнца. Изъ пещеры простой, гдѣ искусство ничего не смѣло присовокупить къ натурѣ, журчала чистая вода, которой кристалъ упадалъ въ каналъ, обкладенный простыми камешками. Верхъ пещеры былъ осѣняемъ тѣнью зеленыхъ деревъ; а по обоимъ канавамъ были насажены густыя дерева. «Вотъ, сказалъ старецъ, театръ невинныхъ увеселеній. Сіи суть мои зрѣлища, мои пиршества и мои бесѣды. Я упражняюсь въ подчищиваніи сихъ деревъ, которыя я насадилъ самъ болѣе уже тому шестьдесятъ лѣтъ. Я ихъ люблю, какъ бы моихъ питомцовъ и я въ моей душѣ почерпаю источникъ своихъ увеселеній при каждой минутѣ. Я не знаю ни чернилъ, ни бумаги, я имѣю одно только свое сердце, гдѣ я написалъ пріятности моего уединенія. Посмотрите на сей молодой дубъ, любезные чужестранцы: онъ содержитъ мою епитафію. Я оную написалъ вчера на его стволѣ такъ, какъ нѣкоторое призваніе смерти, которую я дожидаю, какъ бы нѣкоторое торжественное разставаніе съ жизнію, съ симъ источникомъ, съ симъ садомъ. Ничего у меня не похитила смерть, хотя изобиловалъ благами. Но откуда жъ происходитъ сей блаженный жребій? Съ самимъ собою жилъ. Каждое утро, какъ скоро проснусь, я себя поздравляю съ разлученіемъ съ смертными. Я ихъ представляю погребенными въ глубокій сонъ, въ то время, когда я разсуждаю о авроръ и ея сіяніи. Сіе великолѣпное зрѣлище, сдѣланное для людей, однако жъ не извѣстное многимъ изъ нихъ, меня плѣняетъ и восхищаетъ. Объ нихъ я соболѣзную, что бѣгаютъ они съ толикимъ жаромъ смотрѣть театральныя украшенія суетныхъ идоловъ ихъ гордости, и что они никогда не удивляются красотѣ природы—истиннымъ дѣламъ Творца вселенной». Когда наступила минута разставанія, «ступайте, говорилъ онъ, любезныя дѣти, ступайте! Вы увидите ваши суеты мірскія, а я между тѣмъ ископаю себѣ могилу между симъ молодымъ деревцомъ и тотчасъ избавлюсь отъ всѣхъ тварей и испущу послѣднее дыханіе въ нѣдрѣ міра, которой я всегда вкушалъ и въ пріятномъ воспоминаніи, что я предпочелъ обращеніе моей души обращенію смертныхъ. Увы! Что бъ я нашелъ между ними? Воспламененный порокъ, презрѣнную добродѣтель, пышныя суеты и великіе обманы. Я бы препроводилъ тамъ мои дни въ мятежѣ и смущеніи; но здѣсь мое молчаніе прерывается только шумомъ пчелъ и пѣніемъ птицъ». Нѣтъ здѣсь обитателя который не захотѣлъ въ сію самую минуту быть на мѣстѣ счастливаго старца. Никто не родился изъ смертныхъ, чтобъ удаляться такимъ образомъ, но однако всякій, желающій сдѣлаться счастливымъ, долженъ жить въ самомъ себѣ

Библиотека "Руниверс"

и, когда мы вступаемъ въ такое обращеніе, жизнь не болѣе кажется минуты.

О томъ, что душа къ намъ ближе всего.

Мы говоримъ, такъ сказать, прежде, нежели мы думаемъ. Столь то мы склонны облекать душу нашу въ нѣчто тѣлесное. Слова, стремящіяся скрыть нашу мысль, насъ поражаютъ и тѣмъ обладаютъ болѣе, нежели самая мысль, отъ чего и происходитъ, что мы не можемъ увѣриться, что мыслитъ младенецъ въ утробѣ своей матери. Но намъ надобны земныя сравненія, какія только разсуждаемъ о сущности духовъ. Понятіе о смерти долженствовало по крайней мѣрѣ у насъ истребить понятіе вещественности, но дѣло неудобное; мы предоставляемъ себѣ ужасное пространство даже за гробомъ. Кажется, что мы познаемъ лучше тѣла, нежели души. Однако естли бъ хотя нѣсколько пожелали разсуждать, то узнали, что душа къ намъ ближе, нежели что другое. Не душа ли моя управляетъ движеніемъ моихъ рукъ и ногъ? Кто изображаетъ сіе множество фигуръ, которыя тѣло представляетъ съ толикимъ проворствомъ? Кто покоряетъ мои персты ея волѣ, чтобы изобразить ея мысли и представить очамъ другихъ? И сіе то намъ представляется пустою игрушкою и дѣйствіемъ простаго случая, но заключаетъ великое множество чудесъ, которыя также есть дѣйствіе нашей души, хотя мы и заимствуемъ помощь отъ кисти, чтобы живѣе представить картину, и хотя мы употребляемъ инструментъ для оживленія мрамора и мѣди, а чрезъ все изъясняемъ только свои мысли. Статуи, портреты есть ничто иное, какъ начертаніе художниковъ. Тотчасъ можно узнать природное дарованіе художника изъ его произведеній, которому удивляемся. Тотъ, кто изображаетъ другихъ, изображаетъ самъ себя. Онъ только придаетъ онымъ видъ внѣшній, который каждый знаетъ, а въ то время открываетъ собственную внутренность и изливаетъ черты своея души на всѣ части картины.

Пусть разсуждаютъ довольно о каждомъ дѣйствіи и пусть прогуливаются со вниманіемъ посреди толикихъ существъ тѣлесныхъ, разсѣянныхъ туда и сюда, тотчасъ черпаютъ отовсюду впечатлѣнія нашей души; тутъ она отнимаетъ у нѣкоторыхъ предметовъ ихъ тщетное сіяніе, тамъ она придаетъ имъ пріятности, которыхъ они не имѣли; то она возвращается къ временамъ прошедшимъ, то взираетъ на будущія всегда удивительныя и, дѣйствуя, увѣдомляетъ всегда насъ о томъ, что мы думаемъ (въ ту самую минуту, въ которую мы думаемъ), что мы ничего не мыслимъ. Но гдѣ можно лучше чувствовать сію душу, какъ не во время глубокой ночи? Она тогда, не находя болѣе предметовъ, возмущающихъ ее, съ нами разговариваетъ

Библиотека "Руниверс"

свободно, естли представленія какого-нибудь скучнаго дни не прервутъ ея обращенія. Итакъ мы должны себя только обвинять или обращеніе болѣе или менѣе жизненныхъ духовъ, что наши бредни не имѣютъ ничего порядочнаго и что они походятъ на сіи картины еще несовершенныя, гдѣ мы примѣчаемъ только частицы тѣла безъ связи. Но извѣстно ли тогда, что душа одна дѣйствуетъ тогда, когда ты грезишь; ты представляешь себѣ иногда свое тѣло, но это только дѣйствіе твоей души; тѣло лежитъ, а душа бодрствуетъ; языкъ молчитъ, а душа разговариваетъ; очи сомкнуты, а душа видитъ. Сколько есть людей одолженныхъ своимъ снамъ исправленіемъ ихъ собственнаго сердца! Естли бы здѣсь можно было разсуждать о снѣ и грезахъ, то бы мы сказали, что сонъ ни что иное есть какъ списокъ нашихъ привычекъ и нравовъ и что ночь бываетъ обыкновенно представленіемъ для того, что грезы зависятъ и отъ пищи, которую мы употребляемъ, и отъ положенія, въ какомъ мы находимся. Но мы оставляемъ сію матерію тѣмъ, которые имѣютъ познаніе и время о ней разсуждать. Итакъ, естли бы люди были не столь развлекаемы и заняты существами матеріальными, то бы они ощущали свою душу при каждой минутѣ и они оную созерцали какъ бы наружи. Велика наша бѣда, что предметъ мысли насъ занимаетъ гораздо болѣе, нежели самая мысль. Напримѣръ, когда мы разсуждаемъ о тверди, то наше главное вниманіе обращено на небо, украшенное звѣздами, и мы мало стараемся о мысли, которая онымъ какъ бы облечена. Это происходитъ отъ того, что болѣе поражены бываемъ новизною. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе душѣ, какъ размышлять, коей свойственно размышлять о такомъ предметѣ. Мы не можемъ справедливо спросить, что окруженные мыслями и чувствованіями и прихотями видимъ душу во всѣхъ предметахъ. Любить, чувствовать и знать суть единственныя способности, могущія намъ доставить удовольствіе въ семъ мірѣ. Сей гласъ, который мнѣ кажется внѣ меня, находится во мнѣ самомъ; такой гласъ составляетъ веселое чувство. Да и гдѣ сіе чувство можетъ быть, какъ ни во мнѣ самомъ? Всѣ согласны, что всѣ предметы, которые кажутся разукрашенными, не имѣютъ сихъ цвѣтовъ. По истинѣ порфира тѣхъ цвѣтовъ, которой мы удивляемся и которая превосходитъ царей въ ихъ великолѣпіи, сія зелень украшающая наши сады, сей блестящій лазурь—гордое украшеніе небесъ, нисходитъ нѣкоторымъ образомъ изъ нашей души. Она, чтобъ наслаждаться пріятнѣйшимъ зрѣлищемъ, ихъ украшаетъ своимъ сіяніемъ. Призма не можетъ ли подтвердить сію истину? Простой случай такъ, какъ и цвѣтъ, вотще бы приписывалъ себѣ богатую разновидность тканей, которую онъ показываетъ. Кто бы нынѣ осмѣлился произнести, что жаръ бываетъ соединенъ вмѣстѣ съ пламенемъ. Сіе самое чувство должно, кажется, быть тогда общимъ сему посто-

Библиотека "Руниверс"

роннему тѣлу, такъ какъ и намъ посредствомъ его и посредствомъ чувствъ его, осязующихъ души наши, получаютъ такія впечатлѣнія, но истинная причина находится въ ней самой. Ея мысль можетъ назваться оригиналомъ, коего предметы ничто иное суть, какъ копіи. Духъ не переходитъ туда, гдѣ находятся существа тѣлесныя. Чтобъ ихъ какъ бы искать, согласился ли бы государь какой, какой онъ есть, забыть свое достоинство, изливъ себя въ вихри матеріи, которые его столько же ниже? Нѣтъ подлинно, но сохраняетъ свои права, употребляетъ чувства для призыванія твореній, его окружающихъ. Это не отъ того происходитъ, чтобы душа имѣла бы какую нибудь фигуру, она не болѣе украшена, какъ и верховное существо, отъ котораго она происходитъ, какъ посредственница между душой и тѣломъ. Она получаетъ лучъ свѣта, который сообщаетъ предметамъ; ея свѣтъ есть заимствующій и никогда не прерывается, развѣ только преградою нашихъ страстей, которыя часто дѣлаютъ затмѣніе, такъ точно луна посреди мрака ниспосылаетъ намъ свѣтъ, который сама заимствуетъ отъ солнца до тѣхъ поръ, пока земля не станетъ между сими двумя планетами и насъ вдругъ не лишитъ онаго, и изъ моей души, изъ сего пренебреженнаго сокровища, очень мало извѣстнаго, происходятъ всѣ степени свѣта, всѣ согласія, всѣ благотворенія, всѣ цвѣты и всякіе вкусы. Душа содержитъ сіи сокровища такъ, какъ бы въ хранилищѣ до тѣхъ поръ, когда мы будемъ имѣть нужду ихъ употребить. Тогда душа ихъ изливаетъ обильно и оныя разверзаетъ съ великолѣпіемъ и мы находимъ міръ полезный и пріятный. Приведемъ здѣсь на память, сколько разъ воображеніе подавало тысячѣ предметовъ красоту, которой они еще не имѣли. Мы одни, будучи только сами съ собою, не можемъ не представить цвѣтущихъ луговъ, зеленѣющихъ деревъ, синѣющихъ источниковъ и золотыхъ песковъ. Гдѣ бы находились сіи цвѣты, естли бъ наша душа ихъ намъ не представляла?—Убѣдительное доказательство чудесъ, которыя въ ней заключаются. Мы открываемъ глаза и видимъ какой нибудь предметъ въ ту же самую минуту, чувствуемъ, что есть нѣчто для насъ сокровенное, нежели сія часть нашего глаза, которая видитъ и разматриваетъ. Ширина свѣта сколько бы насъ не порожала, мы не различимъ никакого предмета, естли душа наша не употребитъ всего вниманія. Итакъ дѣйствія сей жизни ничто иное есть какъ наша душа, которая кажется, что перемѣняется тысячью способами такъ, какъ всѣ художества ничто иное есть какъ натура, различно представленная. Чувства собираютъ только предметы, которые душа украшаетъ. Художники соединяютъ только части, произведенныя природою. И тѣ и другіе остаются неблагодарными, естли не познаютъ источника, откуду почерпаютъ они свои красоты.

Библиотека "Руниверс"

Изъ сихъ истинъ слѣдуетъ, что мы знаемъ гораздо лучше нашу душу, нежели сообственное наше тѣло и что гораздо удобнѣе доказать ея бытіе, нежели бытіе существъ матеріальныхъ, ибо мы сколько бы притворствовали сіе внутреннее чувство, которое можно погасить! Впрочемъ человѣкъ, запутанный погрѣшностями, дознаетъ, что онъ родился въ истинѣ: онъ удивляется добродѣтели въ сильнѣйшемъ своемъ непріятелѣ, онъ желаетъ верховнаго блага. Откуда бы онъ получилъ сіе познаніе и сей вкусъ къ добру, естли бы его душа не старалась его просвѣтить? Мы можемъ только чувствовать, а не видѣть, какъ то: благоразуміе, искренность и кротость. Сіи добродѣтели не имѣютъ ни цвѣта, ни вкуса; онѣ не круглы и не треугольны и слѣдственно ихъ не можно примѣтить чувствами. Итакъ, мы нисколько о томъ не сомнѣваемся и вѣримъ, что не можно назвать ни круглымъ, ни квадратнымъ и что бъ мы ни дѣлали, а отъ всего надобно возвратиться къ душѣ, какъ бы противъ своей воли. Чѣмъ болѣе мы отъ ней удаляемся, тѣмъ болѣе она представляется намъ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ и даже самая скука увѣряетъ насъ о ея бытіи и нѣтъ ничего, чтобъ не обличало прямо сію аксіому или лучше сказать сего мнѣнія, многими принятаго: ничего не бываетъ въ разумѣ прежде, чего прежде не было въ чувствахъ. Скука подлинно не зависитъ ни отъ ушей, ни отъ глазъ и словомъ она не возбуждается ни какимъ чувствомъ. Возлюбленная душа! Есть такое количество смертныхъ—увы!—которые не познаютъ твоей духовности. Сіе не отъ того происходитъ, чтобъ ты ихъ въ томъ не убѣждала при всякой минутѣ. Каждый изъ насъ тебя осязаетъ какъ бы своей рукою, но страсти и чувства побѣждаютъ всякое разсужденіе. Подлинно, духовная душа, ты являешься вездѣ и повсюду люди, развлеченные мыслями, стараются не узнать тебя и созерцать. Всѣ предметы, насъ окружающіе, суть переломленіе благодатныхъ лучей твоихъ, отголосокъ твоего духа такъ, какъ и ты переломленіе лучей и его существа творящаго. Но сіи предметы вопіютъ глухому и слѣпому человѣчеству. Ты находишься въ нихъ, но они бѣгутъ тебя, хотя тобою живутъ и существуютъ, тобою же украшаются и умираютъ, не помышляя о тебѣ. Они покоятся въ твоихъ мечтаніяхъ; однако жъ они не стараются понять своего божественнаго начала и гибнутъ въ настоящемъ и будущемъ.

Конецъ четвертой части.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

О томъ, сколько мы должны любить свою душу.

Удалитесь отсюду, враги самихъ себя, думающіе быть счастливыми, не обращаясь къ себѣ. Заповѣдь, которую мы получили,—(не) ненави-

Библиотека "Руниверс"

дѣть себя—ни въ чемъ не противна заповѣди любить ближняго, какъ насъ самихъ. Душа не была бы болѣе образъ божества, естли бы мы должны были бояться ея взора. Пусть освободятъ ея отъ сихъ облаковъ, въ которыя наши страсти ее погружаютъ, и безъ нихъ она тотчасъ же покажется достойной любви. Какъ ни священна связь плоти и крови, но она не можетъ быть столь крѣпка, какъ соединеніе души съ тѣломъ. Сопряженная отъ утробы нашей матери съ составомъ органическимъ живетъ она съ нимъ въ совершенной дружбѣ. Сіе есть тѣсное отношеніе одного къ другому, посему многіе философы сливали сіи два существа въ одно. Не было ли бы сіе несчастіемъ для людей, естли бы, живши посредствомъ души, они должны были оную почитать въ тоже самое время, какъ бы непримиримою непріятельницею? Не довольно ли для насъ внѣшнихъ сраженій, не возжигая внутренней войны? Не только должны имѣть сей миръ внутренній, который міръ не можетъ дать, но надобно любить душу любовію особенною. Возможно ли, чтобъ мы ненавидѣли то самое существо, отъ котораго мы заимствуемъ способность любить? На любви самихъ себя сіе удивительное основано начало: не дѣлай другому того, чего самъ себѣ не желаешь. Въ сей то любви состоитъ желаніе быть счастливыми и сіе бываетъ наконецъ пе отношенію любви, что мы любимъ труды и науки свои. Мы говоримъ каждый день, что не находимъ истинныхъ друзей, какъ въ повѣствованіяхъ, и что не можемъ полагаться ни на кого, видя передъ собой множество глупцовъ, чѣмъ одного умнаго. Но для чего намъ описывать сего вѣрнаго друга? Онъ посреди насъ самихъ: наша душа не отвратить ли насъ отъ заблужденій и не доставитъ ли удовольствій безконечно высшихъ, нежели которыя доставляютъ чувства? Чего мы требуемъ отъ друзей? Напрасно бы люди собирали народы для избранія себѣ перваго свидѣтеля ихъ радостей и печали, но никогда не найдутъ лучшаго кромѣ души своей, нѣтъ на свѣтѣ несчастій, которыя бы ее удалили отъ насъ. Естли смерть похитить у насъ друга, то одна только душа насъ можетъ увѣрить, что смерть ничего не взяла отъ насъ, но только удалила отъ насъ свиданіе въ вѣчности. Естли же мы до какого нибудь достоинства не могли достигнуть, то она убѣждаетъ насъ, что ничего нѣтъ священнѣе, какъ упражнять себя въ познаніи самого себя. Видали ли мы душу нашу, оставляющую насъ въ какихъ несчастіяхъ, но всегда готовую намъ помогать? Здѣсь веселыми дѣлами она развеселяетъ наше воображеніе и такими основательными разсужденіями удовлетворяетъ наше любопытство и вездѣ вообще исполняетъ должности превосходнаго учителя и вѣрнаго друга. Угрызеніе совѣсти есть эхо души нашей, возвѣщающее глубокую ея печаль объ насъ. Естли когда мы согрѣшили и она издаетъ посредствомъ совѣсти какъ бы какіе вопли,

Библиотека "Руниверс"

могущіе превратить игру страстей нашихъ въ невыносимыя мученія и страданія. Но естли мы бываемъ и къ сему нечувствительны, то душа наша какъ бы удаляется, какъ отецъ раздраженный на порочнаго сына. Когда же мы стараемся исправить дѣла свои, то она опять возвращается готовая къ участію нашему и вливаетъ въ насъ благотворской свѣтъ свой и извлекаетъ наконецъ насъ изъ бездны, куда вовлекли насъ пороки наши. Это одно есть, безъ сомнѣнія, важное благодѣяніе, ею оказываемое, какъ знакъ дружбы, и одно изъ величайшихъ услажденій отъ нея происходящее. Естли я соскучусь нечаянно въ обществѣ празныхъ людей, то душа моя приходитъ ко мнѣ на помощь. Она переноситъ меня въ любое мѣсто, оставивъ только тѣло, какъ бы бездушный трупъ, и будутъ думать, что я слушаю ихъ ничтожные разсказы, когда между тѣмъ я странствую по цвѣтущимъ лугамъ или, стоя на скалѣ, прислушиваюсь къ ревущему морю. Какое послѣ того имѣть благополучіе имѣть около себя такого усерднаго друга въ своей душѣ, которая есть сокровище сокровищъ, превосходящее всѣ земныя богатства. Должно имѣть глаза исполненными правды и вѣры, чтобъ понять всю цѣну души нашей. Она то отвлекаетъ насъ отъ нашихъ забавъ, которыя непріятны мудрости и спокойствію, и она то показываетъ порокъ во всей наготѣ и безобразіи и привлекаетъ человѣка распутнаго подъ иго ученія и законовъ, и она то даетъ ему перо и книги, пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ ума и сердца, чѣмъ развратныя бесѣды, оставляющія послѣ себя пустоту и безсиліе, и она то дѣлается наслѣдствомъ многихъ превосходныхъ авторовъ, которые не находили способовъ къ содержанію себя, какъ только въ обители души своей. И эта душа отомстила судьбѣ ихъ отечества, часто имъ неблагодарнаго.

Естли наши чувства будутъ стараться всѣми силами насъ удалить отъ самихъ себя и перенести нашу любовь, то тотчасъ душа старается возвратить и употребить въ нашу пользу; ея то помощью мы заслуживаемъ драгоцѣнные титулы добраго гражданина, добраго родителя и добраго друга; ея повелѣніемъ текутъ слезы, изъясняющія нашу печаль такъ, какъ смѣхи нашу радость—короткое, но при томъ дѣйствительное средство для доказательства нашимъ братіямъ нашей чувствительности въ разсужденіи ихъ благъ и золъ души.

Люди, прибѣгающіе къ ней, находили ее вездѣ какъ перваго друга, коего кажется видимъ и слышимъ всегда. Не пріятно ли сказать въ себѣ: душа моя есть единственное благо, нѣтъ возмущенія въ натурѣ, которое бы могло меня оной лишить. Я одинъ наслаждаюсь оною, естли мнѣ хочется, и я оною наслаждаюсь, чего равно желаю и другимъ. Мнѣ должно разлучиться мало по малу съ добрыми друзьями; нынѣ ихъ вижу, а завтра долженъ на вѣки оставить.

Библиотека "Руниверс"

Странствованіе меня отвлекаетъ отъ пріятностей ихъ присутствія. Смерть ихъ уноситъ отъ ихъ самихъ, но моя душа вѣчно пребываетъ моею собесѣдницею пріятною и первѣйшею. Посреди варварскихъ народовъ я утѣшаюсь ея бесѣдою, посреди ярящагося моря я вкушаю пріятности надежды. Она послѣдуетъ за мною въ темницы и она дастъ совѣты въ бѣдахъ. Всѣ должны насъ оставить, даже самое тѣло окружающее насъ, котораго прахъ должны мы свергнуть съ себя и только съ соединеніемъ души своей никогда не растаемся ни здѣсь, ни въ вѣчности.

Люди, которые любятъ составить себѣ громкое имя и стяжать безсмертіе и которые для пріобрѣтенія онаго на землѣ подвергаютъ всякой день опасностямъ жизнь свою, и не любятъ болѣе душу, сіе существо истинно безсмертное, естли они будутъ въ себѣ имѣть такое геройство, то они должны узнать, что она есть онаго начало. Будучи болѣе, нежели вся вселенная, она предпринимаетъ намѣренія, достойныя своего начала и своей судьбы. Мы ее видѣли торжествующую во всѣхъ временахъ подъ именами тысячи завоевателей и надъ ужасными казнями. Естли бы всѣ герои, которые нѣкогда одержали славныя побѣды, все свое счастіе и славу не приписывали дѣйствію души своей, то они подлинно были бы неблагодарны. И ихъ первая благодарность должна быть воздана Верховному существу. Но какъ душа была, такъ сказать, органомъ всего, то также заслужила, чтобы ей воздана была должная благодарность. Всякое благо, какое мы можемъ получить изъ другаго источника кромѣ души нашей, не заслуживаетъ имени блага. Мудрость, благоразуміе, искренность, наконецъ добродѣтели должны только находить себѣ мѣсто въ нашемъ сердцѣ. И естли мы любимъ друзей, то это по причинѣ качества ихъ души. Напрасно прелестное лицо или гордая фигура насъ побуждаютъ къ выбору друга; красота увядаетъ, богатства исчезаютъ и остается только стыдъ, что мы основали свое благополучіе на пескѣ зыбучемъ. По правдѣ естли мы нашли истинныхъ друзей, то сіе по причинѣ качествъ ихъ души.

О сколь счастливы тѣ, которые умѣли отдать преимущество предъ всѣми друзьями и которые могутъ находить удовольствіе разсматривать и повѣрять самого себя! Нѣтъ слезъ, которыя бы она не отерла, нѣтъ облаковъ, которыхъ бы она не разогнала, нѣтъ способовъ, какихъ бы она не вздумала. Она даже составляетъ намъ въ самой нашей печали удовольствіе, сокровенное отъ насъ, такое удовольствіе, которому равномѣрно усиліе печали.

Истребимъ любовь къ бездѣлицамъ, то увидимъ душу, помрачающую при нашихъ очахъ сіи мнимыя благополучія, которыхъ мы ищемъ, которыя суть грабежи, учиненные въ ея собственной сущ-

Библиотека "Руниверс"

ности. Сколько друзей, къ которымъ мы тѣсно привязаны и которые бы были достойны только презрѣнія, естли бы ихъ сердца были предъ нами. Повсемѣстное лицемѣріе царствуетъ въ мірѣ. Каждаго человѣка языкъ его противорѣчитъ сердцу такъ, что невозможно различить искренняго человѣка отъ обманщика. Но душа подобныхъ опасеній причинить не можетъ: мы знаемъ ея мысли и извѣстны всѣ ея отношенія; такъ, для чего жъ многіе изъ смертныхъ не любятъ души своей?

Сіе я думаю происходитъ отъ того, что они не уважаютъ дарованія и добродѣтели. Они выходятъ изъ самихъ себя и отдаютъ честь предметамъ подлымъ и недостойнымъ, которые могутъ ослѣплять глаза. Богатый скрываетъ себя подъ множествомъ золотыхъ украшеній и одеждъ, камней и другихъ драгоцѣнныхъ уборовъ. Его недостатки скрываются въ великолѣпной галлереѣ. Мы примѣчаемъ въ немъ гордую колесницу, которая его влечетъ, ливрею, которая за нимъ слѣдуетъ, удивительной кредитъ, которымъ онъ наслаждается. Напротивъ же бѣдный, кажется, обнаженъ на землѣ всѣхъ добродѣтелей. Уединеніе, которое онъ съ собою водитъ, плачевный видъ суть его покрывало и при всей честности бываетъ гонимъ и презираемъ и отвергнутъ, когда другой дѣлается божествомъ другихъ, котораго прославляютъ и которому жертвуютъ.

Доколѣ вы, неблагодарные люди, будете употреблять способность любить, которую вы заимствуете отъ вашей души, для облобызанія пустоты и химеръ? Доколѣ вы будете обращать ваши желанія и ваши мысли къ металлу, произведенію земли и подверженному ржавчинѣ? Учитесь у истиннаго философа познавать и изслѣдовать самого себя и отталкивать мраморы и порфиры горделивыхъ и посмотрите на его чувства;—и душа ваша, естли вы любите возвышенность, васъ душа ваша вознесетъ выше сихъ чертоговъ, васъ прельщающихъ; она васъ вознесетъ даже до звѣздъ, откуда вы узрите весь міръ, какъ маленькую песчинку, которая прилѣпляется къ вашимъ ногамъ. Естли васъ прельщаетъ знаменитое поколѣніе, чего найти славнѣй вашей души, которой началомъ былъ самъ Богъ.

Конецъ пятой части.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ и ПОСЛѢДНЯЯ.

О несчастныхъ послѣдствіяхъ, происходящихъ отъ необращенія съ самимъ собою.

Всякій человѣкъ усматриваетъ въ пространномъ мірѣ семъ образъ неизмѣнимаго порядка, который онъ долженъ соблюдать въ самомъ себѣ. Солнце, не прерывающее никогда своего теченія, и времена

Библиотека "Руниверс"

года, столь же согласно слѣдующія одно за другимъ, и земля наша, произростающая и цвѣтущая попеременно, и моря, не выступающія изъ своихъ предѣловъ, научаютъ смертныхъ, какъ они должны управлять собою. Всѣ творенія имѣютъ языкъ, который показываетъ онаго необходимость; даже самыя насѣкомыя, которыя составляютъ между собою малыя общества, начертываютъ планъ человѣку порядочнаго поведенія. На что былъ бы похожъ міръ сей, естли бъ не имѣлъ согласія, которое поражаетъ насъ на всякомъ предметѣ? Всякое чудовище производитъ въ насъ невольный ужасъ; мы также не можемъ безъ непріятнаго впечатлѣнія смотрѣть на садъ, безпорядочно насаженный. Мы содрагаемся, читая исторію какой либо анархіи, и удивляемся бѣдствіямъ, постигающимъ иногда цѣлые народы, и потому сколько потребно стараній, чтобы избрать себѣ государя или для насъ его сохранить! Кто ангелъ мира, тотъ заслуживаетъ всю нашу признательность и благодарность. Какъ можно укротить сей внутренній безпорядокъ, въ которомъ мы почти всегда находимся, нетерпѣливо желая узрѣть и возымѣть въ насъ истинное согласіе? Однако всякій человѣкъ не есть ли точное сокращеніе міра цѣлаго. Не заключаетъ ли онъ внутри себя горы, которыя понизить должно, стремнины, которыя сравнять должно, предѣлы, гдѣ остановиться надо? Находятся перемѣны въ порядкѣ нравственномъ, какъ и въ физическомъ. Здѣсь помраченія, рождающіяся отъ страстей, въ насъ дѣлаютъ затмѣнія, тамъ волненія бунтующейся воли подобны землетрясеніямъ; то воображеніе наше воспламеняется и погасаетъ, какъ огнедышущая гора, то наши желанія, подобно ярящимся волнамъ, вырываются изъ оковъ своихъ. Можно сравнить нашъ жаръ съ истинною молніею и духъ нашъ нѣкоторымъ образомъ какъ бы возрастаетъ. Старость его зима и юношество весна и они кажутся безплодными, принесши плоды. Въ однихъ обрѣтаютъ источники злата, но въ другихъ не находятъ кромѣ простыхъ металловъ. Проворный человѣкъ кажется обитаетъ подъ жаркимъ поясомъ, флегматикъ подъ холоднымъ, мудрый увеселяется солнцемъ въ самый его полдень, а невѣжа видитъ только его при захожденіи. Сія движущая картина есть безъ сомнѣнія достойна всякаго нашего вниманія. Но когда въ ней царствуетъ безпорядокъ, то столь же она бываетъ ужасна, какъ при согласіи кажется истинно прелесною. Она намъ представляетъ безобразный хаосъ, каковъ былъ міръ въ первый день свой и какой онъ долженъ быть въ послѣдній. Мы бы симъ были безъ сомнѣнія жестоко устрашены и не могли бы болѣе терпѣть самихъ себя, когда бъ опять обратились къ самому себѣ; мы бы узрѣли сію душу, предопредѣленную управлять верховно, презрѣнную отъ нашихъ страстей и какъ бы порабощенную бѣдственному тѣлу, которое единственно ей подчинено. Трудно понять весь вредъ, каковый происходитъ въ собственномъ

Библиотека "Руниверс"

нашемъ сердцѣ: развратность, влекущая насъ туда и сюда, густыя облака помрачаютъ внутренній свѣтъ такъ, что болѣе идутъ туда, куда ведетъ случай; память теряется или занимается недостойными предметами; въ мозгу впечатлѣваются худыя только понятія; сердце преклоняется безъ разбору къ добру и злу; мысли заблуждаютъ безъ всякой связи; чувства дѣлаются нашими властелинами; тѣло нашимъ идоломъ, душа, наконецъ, тираномъ, котораго мы хотимъ истребить, или чудовищемъ, о которомъ мы не смѣемъ болѣе говорить. Какъ скоро человѣкъ начинаетъ терять себя изъ виду и предаваться полной власти чувствъ, то онъ отъ подобія Божія нисходитъ постепенно до состоянія скотовъ. Для него не остается болѣе ничего кромѣ простаго состава и игрушки пружинъ, дѣйствующихъ по навыку, а не по разсужденію кромѣ обращенія крови, которое есть ему общее съ пресмыкающими. Напрасно бы его вопрошали, какой его конецъ и какое начало. Онъ только знаетъ, что онъ имѣетъ ноги и руки, что пьетъ и ѣстъ и болѣе ничего. Мѣсто, гдѣ онъ обитаетъ, есть его неизмѣримость; день, который онъ провожаетъ, есть его вѣчность. Словомъ, онъ дѣлаетъ честь своему тѣлу всѣми своими познаніями и чувствами. Душа наша, сотворенная съ тѣмъ, дабы понимать вещи такими, каковы онѣ есть, а обращается только посреди привидѣній, будучи водима чувствами; встрѣчается съ нею въ самый полдень то, что со всѣми людьми во время глубокой ночи. Листочекъ, колеблемой вѣтромъ, ей представляется шумомъ цѣлаго войска и блестящій червячокъ ей кажетея солнцемъ. Чего не должна претерпѣвать душа рожденная для истины и правды, окруженная какъ извѣстно мнимымъ страхомъ, тщетною радостію и глупыми разсужденіями? Напрасно она жалуется—ея вопли бываютъ тотчасъ заглушены посреди хриповатыхъ криковъ мятежнаго міра, подобно сладкая пѣснь соловья часто прерывается карканіемъ вороновъ. Сіе есть безъ сомнѣнія жестокое насиліе, чтобы стараться увидѣть свѣтъ сквозь густыхъ облаковъ и видѣть вѣчное мерцанье луны.

О танихъ людяхъ, кои не обращаются съ самими собою.

Душа вмѣстѣ есть предметъ весьма къ намъ близкій и весьма отъ насъ отдаленный; весьма близкій потому, что она составляетъ самую превосходную часть насъ самихъ, весьма отдаленный потому, что мы совсѣмъ ее теряемъ изъ виду. Почти всѣ люди съ перваго употребленія своего разума любятъ душу, какъ умнаго и превосходнаго предводителя, но тотчасъ съ нею прощаются и отлагаютъ время соединенія до самой смерти. Они повелѣваютъ ей крѣпко спать во время своей жизни и потомъ принимаютъ надежнѣшія средства, дабы оную не пробудить. Тогда человѣческія страсти занимаютъ у человѣка пер-

Библиотека "Руниверс"

вое мѣсто. Я знаю множество высокомѣрныхъ философовъ и стоиковъ, удаляющихся отъ общества, провождающихъ ночи въ оплакиваніи слѣпоты другихъ, наконецъ трудящихся о исправленіи цѣлаго свѣта, и я вижу въ то же самое время, что послѣ пятидесяти и шестидесяти лѣтнемъ ученіи ихъ душа была то, что они менѣе всего знали. Самолюбіе было ихъ единственный мудрецъ, котораго они не могли опровергнуть; ихъ доказательства, которыя бы долженствовали его убѣдить, только умножали его заблужденія. Они трудились только для своего самолюбія тогда, какъ оно ихъ увѣряло, что сіе было для истинной мудрости. Они заимствовали языкъ и перо отъ добродѣтели—искусная хитрость, которая умѣла ихъ обмануть. Можно тоже сказать о герояхъ, которые обыкновенно выходятъ изъ самихъ себя и покрываются тщетою. Александръ Македонскій носилъ въ рукѣ громовую стрѣлу, летавши съ побѣды на побѣду. Онъ заставляетъ молчать въ своемъ присутствіи удивленный свѣтъ и Александръ умираетъ, не узнавъ нисколько своей души; безумный, обманутый своей силою, онъ почитаетъ себя истиннымъ героемъ, будучи только разорителемъ провинцій. Естли ближе разсмотримъ людей, которые увлеклись славой, то тотчасъ увидимъ, что большая часть знали только поверхность самихъ себя. Эти сокровища, какъ множество золотыхъ цѣпей, оковали всѣ ихъ чувства; почти все то, что изобрѣтаютъ, дѣлается великимъ препятствіемъ испытанію сердца. Урны и гробницы, которыя долженствовали бы болѣе человѣка приводить къ самому себѣ, но онѣ не болѣе, какъ зловѣщіе камни для его величества и питаютъ еще его гордость. Онъ увеселяетъ себя тѣмъ, что будетъ въ мраморномъ гробѣ послѣ смерти. А самъ между тѣмъ забываетъ малѣйшій прахъ, въ которой онъ превратится немедленно, чтобы только взирать на наружность гробницы, украшенной пустыми титлами и похвалами. Рѣзное и живописное искусство не бываетъ ли часто обманчивыми науками, обольщающими тѣхъ, которые не смѣютъ познавать самихъ себя? Они любятъ лучше относиться къ ласкающему портрету, нежели къ сердцу возвѣщающему. Слабые смертные имѣютъ худыя умозаключенія, что не можно ихъ изъяснить; человѣкъ живетъ исполненъ къ самому себѣ, онъ самъ себѣ нравится и въ собственныхъ дѣлахъ своихъ. Итакъ единое на душу воззрѣніе насъ безпокоитъ и смущаетъ; для нашихъ очей потребно красное, зеленое, фіолетовое, а для слуха трогающее, высокое и согласное. Мы не можемъ смотрѣть на обнаженныя стѣны, на не убранные чертоги, но ни сколько за то не стараемся украсить душу свою и облечь ее въ одежду знанія и добродѣтели. Сколько можетъ быть разъ завидовали живущимъ въ центрѣ забавъ и удовольствій и горько оплакивали людей, принужденныхъ удалиться отъ міра и отъ его забавъ! Глупыя разсужде-

Библиотека "Руниверс"

нія, суетныя желанія, могущія возродиться отъ духа, плѣненнаго чувствами! Но гдѣ найти сей свободный духъ, который бы, превышая матерію, казался доволенъ самъ собою и почиталъ счастливыми только тѣхъ людей, которые разсуждаютъ и внимаютъ гласу совѣсти? Міръ изобилуетъ людьми, полагающими свое счастье въ похвалѣ другихъ и почитая за великое счастье имѣть одобреніе отъ непостояннаго и развращеннаго свѣта. Я смѣюсь слухамъ ложнымъ и вѣстямъ, всегда люди говорятъ одинъ про другова; ахъ, что бы большая часть людей сдѣлала, естли бъ вовсе не говорили! Но ихъ слова никогда не дѣлаютъ болѣе впечатлѣнія, какъ звуки колокола или флейты. Я только внимаю гласу моея совѣсти; онъ меня смущаетъ и колеблетъ, хотя злословіе ничего не отнимаетъ отъ моего естества, но оно бы его унизило, естли бъ я былъ столь слабъ, чтобъ занялся онымъ хотя одну минуту.

Обращеніе съ самимъ собою приводитъ насъ къ обращенію къ Богу.

Душа можетъ существовать независимо отъ тѣла, но она не можетъ жить безъ отношенія съ Богомъ. Сіе тѣснѣйшее соединеніе кажется вымысломъ людей; однако жъ, какъ повторяетъ намъ наша совѣсть, вѣчная премудрость глаголетъ тварямъ. Въ тайнѣ ихъ разума есть нѣкоторый внутренній гласъ, который безъ помощи словъ изъясняется вразумительнымъ образомъ во внутренности насъ самихъ. Въ сію то внутреннюю школу осмѣлюсь созвать всѣхъ людей, да забудутъ они міръ, свои страсти, свои радости, свое тѣло и да внемлютъ ему. Сколь бы ни восхитительно было предъ нами зрѣлище неба, морей и цвѣтущихъ долинъ; все убѣждаетъ въ бытіи Бога. Но зрѣлище самого человѣка гораздо поразительнѣе. Безъ сомнѣнія, душа наша единое безсмертное твореніе на землѣ имѣетъ болѣе отношенія къ Богу, нежели увядающія растенія и затмевающія звѣзды. Я блуждалъ посреди вселенной, прибѣгая къ Богу, какъ заблудшая овца; я предпринималъ большія безпокойства и старанія, дабы Тебя найти внѣ себя въ то время, какъ Ты обитаешь во внутренности меня самого. Я послалъ всѣ мои чувства предо мною, какъ будто бы нѣкоторыхъ посланниковъ искать Тебя, но Тебя не нашли потому, что искали Тебя снаружи, когда Ты былъ внутри. Я вопрошалъ землю, море, пропасти и животныхъ: не Богъ ли всѣ сіи предметы. И они мнѣ отвѣтствовали: «ищи выше насъ». Потомъ я прибѣгъ къ воздуху, небу, лунѣ и звѣздамъ и всѣ мнѣ дали отвѣтъ: «обманываешься ты, мы не Богъ твой». Наконецъ, я сказалъ всему окружающему: «мое тѣло, ты меня увѣряешь, что ты не

Библиотека "Руниверс"

богъ мой, такъ объяви мнѣ по крайней мѣрѣ что нибудь о немъ». Тогда всѣ творенія возопили мнѣ: Той сотвори насъ. И я прибѣгъ къ собственному своему сердцу, его изслѣдовалъ и вопросилъ самого себя.

Конецъ шестой и послѣдней части.

Продолженіе этой матеріи будетъ въ книгѣ: *«Послѣдніе совѣты друзьямъ моимъ»*.

Библиотека "Руниверс"

Указатель писемъ Г. С. Сковороды къ Михаилу Ковалинскому.

(Составленъ проф. И. В. Нетушиломъ).

1. Напутствіе К—ому передъ отъѣздомъ на каникулы (1762) съ совѣтомъ не предаваться ничего-не-дѣланью, а напротивъ, продолжать по немногу заниматься наукой. Въ качествѣ сувенира на время разлуки С. сообщаетъ К—му нѣсколько греческихъ афоризмовъ изъ практической философіи съ своимъ комментаріемъ къ нимъ.

2. С. тоскуетъ по маленькомъ Яковѣ и высказываетъ свои дружественныя опасенія, какъ бы онъ не испортился въ новой средѣ. При этомъ С. распространяется о дружбѣ вообще и о дружбѣ къ Михаилу въ частности; только ради послѣдняго онъ вотъ уже два года отказывается отъ своего otium, оставаясь въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ качествѣ учителя греческаго языка.

3. Отвѣтная записка съ изъявленіемъ живѣйшей радости по поводу того, что К—ій въ своемъ письмѣ обнаружилъ влеченіе ко Христу.

4. Похвала монашеской жизни въ смыслѣ отрѣшенія отъ всего земнаго, вещественнаго. Вызвана чтеніемъ сочиненія Евагрія «Монашество», изъ котораго и сообщаются здѣсь двѣ цитаты.

5. Когда наканунѣ, при выходѣ изъ церкви, С. весело улыбнулся при встрѣчѣ съ К—имъ, послѣдній спросилъ его о причинѣ этого. С. даетъ въ письмѣ шутливый отвѣтъ, выставляя причиной вчерашней улыбки веселый взглядъ самого К—аго.

6. Во главѣ письма—два изрѣченія Аристотеля о дружбѣ и цитата изъ Плутарха о льстецѣ. Въ текстѣ письма указывается глубокое значеніе только-что начавшагося великаго поста и дается совѣтъ пользоваться временемъ [1]) для полезнаго чтенія.

---

[1]) т. е., повидимому, *свободнымъ* отъ *учебныхъ* занятій временемъ *первой* недѣли великаго поста.

Библиотека "Руниверс"

7. Выписка изъ Плутарха о похвалахъ со стороны льстецовъ и со стороны истинныхъ друзей. Въ текстѣ письма С. заявляетъ, что истинныхъ друзей онъ предпочитаетъ всякимъ другимъ благамъ.

8. Два изреченія Демонакса и объясненіе одного изъ нихъ о томъ, что слѣдуетъ извлекать поученіе для себя изъ чужихъ недостатковъ. Въ концѣ письма напутствіе для предстоящихъ въ скоромъ времени каникулъ.

9. Отвѣтъ на письмо, въ которомъ К-ій жаловался, повидимому, на какія-то трудно исполнимыя, но притомъ безсодержательныя требованія со стороны кого-то изъ преподавателей. С. отвѣчаетъ, что жизнь—борьба и что нужно стараться преодолѣть трудности по данному предмету, не гоняясь однако, изъ пустаго честолюбія за отличными отмѣтками, а заботясь и о своемъ здоровьѣ.

10. С. заявляетъ о своемъ безпокойствѣ по поводу того, что К-ій не былъ въ классѣ; не боленъ-ли онъ? Маленькій Яковъ оправился уже отъ лихорадки, вызванной плохимъ состояніемъ его сапогъ; С. берется заказать ему новые (ср. № 2).

11. Отвѣтъ на вопросъ, слѣдуетъ ли соблюдать мѣру также и въ добродѣтели? С. различаетъ два рода добродѣтелей. Однѣ изъ нихъ, а именно: вѣра, надежда и любовь, суть добродѣтели въ смыслѣ нравственнаго совершенства. Но чтобы достигнуть этихъ высшихъ добродѣтелей, нужны еще многія другія, составляющія только средство для достиженія первыхъ; къ этимъ вспомогательнымъ добродѣтелямъ принадлежатъ, напр., ученіе, постъ, воздержаніе и т. д. Требованіе о соблюденіи мѣры примѣнимо только къ этимъ послѣднимъ.

12. Нужно быть осторожнымъ въ выборѣ друзей. Для этой цѣли С. объясняетъ различіе между другомъ и льстецомъ. Во второй половинѣ письма С. старается смягчить неудовольствіе своего молодаго друга по поводу того, что С. не похвалилъ его стиховъ.

13. С. объясняетъ основанія своей привязанности къ К—ому; кромѣ сходства характеровъ, С. любитъ К—ого за его любовь къ греческой литературѣ. Въ заключеніе преподанъ совѣтъ по поводу болѣзни маленькаго Максима, брата Михаила.

14. С. съ тревогой спрашиваетъ К—го, не принималъ-ли онъ участія наканунѣ въ какой-нибудь пьяной компаніи по поводу какого-то всеобщаго веселія.

15. Письмо къ нѣкоему *Кириллу*, съ которымъ С. бесѣдуетъ о своей привязанности къ духовной литературѣ вообще и въ частности о томъ, что его интересуютъ такіе вопросы, какъ: смерть Христа и его воскресеніе, таинство крещенія, евхаристія. Въ заключеніе С. заявляетъ, что не нужно искать Бога только въ храмахъ. Онъ въ насъ самихъ. (Письмо это написано въ Старицѣ; годъ не показанъ).

Библиотека "Руниверс"

16. Изъ Плутарха: о спокойствіи души.

17. С., заявивъ о своей привязанности къ К—ому, разсуждаетъ о дружбѣ вообще (ср. № 2 и № 7). Затѣмъ преподаетъ ему нѣкоторыя наставленія къ добродѣтельной жизни. Въ заключеніе онъ проситъ его не показывать этого письма никому, кромѣ о. Бориса, хозяина К—аго.

18. Сопроводительная записка, при которой С. препроводилъ къ К—ому какіе-то стихи, написанные имъ примѣнительно къ мелодіи нѣкоего Каллистрата.

19. Для того чтобы достигнуть спокойствія души (см. № 16), нужно избѣгать свѣтскаго блеска и роскоши. Въ заключеніе С. приглашаетъ К—аго для личныхъ бесѣдъ, но тѣмъ не менѣе проситъ присылать къ нему ежедневно поутру маленькаго Максима для полученія писемъ.

20. Въ видѣ поздравленія съ днемъ рожденія К—го, С. даетъ разсужденіе о нравственномъ возрожденіи: новый Христосъ вселяется только въ избранныхъ сердцахъ, свободныхъ отъ страстей (1764 г.)

21. К. жаловался С—ѣ на недружелюбіе одного изъ своихъ товарищей. С. объясняетъ ему происхожденіе всякой непріязни изъ зависти и совѣтуетъ К—ому обращаться съ такими людьми всетаки вѣжливо. Въ концѣ письма С. аттестуетъ съ хорошей стороны двухъ товарищей К—го (Правуца и Бѣлозора).

22. С. отвѣчаетъ К—ому на вопросъ, какого общества искать ему. Отвѣтъ: общества хорошихъ людей, да и то съ разборомъ, по симпатіи, причемъ объясняется понятіе о хорошемъ человѣкѣ. Но такъ какъ истинно хорошихъ людей мало, то лучше искать общества полезныхъ книгъ. Напротивъ, людей слѣдуетъ ,скорѣе остерегаться, чтобы не попасть въ дурное общество. Звонокъ, призывавшій С—ду на урокъ греческаго языка, заставилъ его заключить свое разсужденіе.

23. Передъ письмомъ разсужденіе С—ы на тему: мудрецъ скроменъ. Въ письмѣ дается толкованіе съ переводомъ на латинскій языкъ поговорки: «абы ся курило».

24. С. извиняется передъ К—имъ за свое замѣчаніе о свиньяхъ и ослахъ, объясняя его заботою о своемъ молодомъ другѣ и желаніемъ отвлечь его отъ какихъ-то неприличныхъ забавъ.

25. О цикадахъ, питающихся росой. Подобно имъ также и мудрецъ пьетъ только изъ чистаго источника мудрости. Мудрецовъ можно сравнить еще и съ муравьями, частью съ обыкновенными, частью съ золотоносными въ Индіи.

26. С. даетъ К—ому нѣкоторые совѣты по поводу предложенной послѣднему кондиціи въ отъѣздъ на каникулярное время въ семьѣ какого-то судьи.

27. Послѣ отвѣтныхъ замѣчаній на письмо К—аго, при которомъ

Библиотека "Руниверс"

послѣдній прислалъ свои стихи и въ которомъ просилъ С—у о присылкѣ ему нравоучительныхъ цитатъ изъ классиковъ, С. даетъ двѣ выдержки изъ Плутарха о друзьяхъ и льстецахъ и комментируетъ данную мысль греческаго автора.

28. С. извѣщаетъ своего молодаго друга о непріятностяхъ, угрожающихъ ему, С—ѣ, какъ изъ-за его дружбы съ К—имъ, такъ и за какія-то изреченія на урокахъ греческаго языка. Но преслѣдованія не страшны для С—ы съ его христіанско-философской точки зрѣнія, которую тутъ же и излагаетъ.

29. Также и К—ій подвергался преслѣдованію за свою дружбу съ С—ою. Похваливъ сперва своего молодаго друга за стойкость въ дружбѣ, С. всетаки проситъ его пріостановить на время взаимную переписку, а тѣмъ временемъ перечитывать прежнія письма своего учителя.

30. С. высказываетъ свое удовольствіе за то, что К. любитъ псалмы Давида. Затѣмъ хвалитъ его латинскій стиль и обѣщаетъ вскорѣ возвратить присланные для исправленія стихи. Въ припискѣ сообщается объ обученіи мальчиковъ музыкѣ, принятомъ на себя С—ою (ср. № 60).

31. Поздравительная записка на греческомъ языкѣ по случаю дня Новаго года.

32. С. приглашаетъ К—аго отложить робость и приходить къ нему въ гости безъ всякаго стѣсненія.

33. Одна только добродѣтель дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Поэтому всякая минута, не посвященная добродѣтели, потрачена напрасно. Въ заключеніи наставленіе объ уходѣ за чирьями на лицѣ.

34. Похвала уединенію, въ которомъ мысли человѣка обращены къ божественному (ср. № 4).

35. Похвала чистотѣ души. Совѣтъ читатъ Палингенія и быть веселымъ.

36. Разсказъ о бесѣдѣ С—ы съ какимъ-то мрачнымъ монахомъ, отказавшимся отъ міра послѣ смерти всѣхъ его близкихъ родныхъ. Пока С. старался развлечь угрюмаго старика, на него самого напала тоска. Рѣчь зашла также и о мышахъ въ квартирѣ С—ы, что монахъ призналъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Это напомнило С—ѣ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его изгнаніе изъ Переяславской семинаріи. Ночью послѣ этой бесѣды С—у безпокоили сновидѣнія.

37. О блаженствѣ созерцанія Бога и истины. Доходить же до такого созерцанія можно при любомъ случаѣ въ обыденной жизни, напр. при встрѣчѣ съ пьянымъ или человѣкомъ, члены котораго обезображены вслѣдствіе гадкихъ болѣзней или, напр., въ церкви по поводу поклоненія поясу Богородицы.

Библиотека "Руниверс"

38. Такъ какъ К—ому не было разрѣшено изучать греческій языкъ въ числѣ классныхъ предметовъ, то С. совѣтуетъ ему изучать его частнымъ образомъ и даетъ нѣкоторые совѣты въ этомъ направленіи. Въ припискѣ С. предлагаетъ К—ому свои услуги, если онъ нуждается въ деньгахъ (это, повидимому, первое по времени письмо изъ всей коллекціи; только одно это письмо подписано настоящей фамиліей Сковороды).

39. Совѣтъ быть воздержаннымъ въ пищѣ по причинѣ наступленія лѣтняго времени года и разсужденіе о происхожденіи катарра желудка.

40. Послѣдствіемъ невоздержанія въ ѣдѣ и питьѣ являются разныя болѣзни. Для того, чтобы избѣгнуть послѣдствій, необходимо остерегаться и самыхъ причинъ. Если избѣгаютъ людей, одержимыхъ непріятными болѣзнями, то слѣдуетъ избѣгать и тѣхъ, которые дѣлаютъ то, что влечетъ за собою такія болѣзни. Плутархъ приписывалъ причину всѣхъ болѣзней излишеству влаги въ тѣлѣ. С. совѣтуетъ К—му стремиться къ трезвости и не поддаваться соблазну со стороны товарищей (стр. № 14).

41. Послѣ стихотворнаго отрывка о «смерти въ жизни» слѣдуетъ гимнъ на праздникъ Пятидесятницы. Въ слѣдующемъ затѣмъ прозаическомъ текстѣ С. приглашаетъ К—аго взвѣсить изложенныя въ предшествующихъ стихахъ мысли объ обновленіи человѣка и присоединяетъ соотвѣтствующія празднику и стихотворенію благопожеланія.

42. Стихотворное наставленіе о томъ, что причащеніе тѣла Христова должно быть понимаемо въ болѣе духовномъ смыслѣ, какъ принятіе Духа Христова, духа простоты и цѣломудрія.

43. Стихотвореніе на тему: только тотъ всегда веселъ, кто свободенъ отъ грѣха. Въ прозаической припискѣ С. заявляетъ, что на эти мысли навелъ его праздникъ св. Іоанна Златоуста и въ частности одно изреченіе послѣдняго.

44. Два стихотворенія съ призывомъ отрѣшиться отъ всего плотскаго для того, чтобы приблизиться къ Богу и уподобиться въ этомъ отношеніи архангелу Михаилу. Написаны по случаю именинъ К—го (1763 г).

45. Стихотвореніе на ту же тему и по тому же поводу (1762 г,). Ср. № 20 и 44.

46. Два стихотворенія, въ которыхъ ученіе астрологовъ о значеніи звѣздъ примѣняется къ нравственной жизни; также и здѣсь бываютъ неблагопріятныя звѣзды. Въ прозаической замѣткѣ С. заявляетъ, что на эти мысли навело его объясненіе въ классѣ слова «астрологъ».

47. Подражаніе Гораціеву: Beatus ille, qui procul negotiis. Подъ negotia С. разумѣетъ мірскія заботы въ противоположность стремленію къ добродѣтели. Избраніе стихотворной формы С. объ-

Библиотека "Руниверс"

ясняетъ тѣмъ, что и К—ій причастенъ къ стихотворству. Въ припискѣ С. излагаетъ свою бесѣду съ какимъ—то Николаемъ о ссорѣ, возникшей между послѣднимъ и К—имъ (см. № 56). Оказывается, что К. поссорился съ Николаемъ подъ вліяніемъ наставленій своего учителя объ осторожности въ выборѣ друзей (№ 12).

48. Стихотвореніе, написанное по случаю наступленія весны. Весною все обновляется въ поляхъ и садахъ; но важнѣе разчищать садъ своего сердца, удаляя сорныя травы и лелѣя хорошіе цвѣты.

49. Первое стихотвореніе даетъ отвѣтъ на вопросы К—аго, почему столь немногіе находятъ то счастье, которое заключается въ насъ самихъ; это происходитъ отъ неумѣнья обуздывать свои страсти. Во второмъ стихотвореніи дано понятіе о счастьѣ, какъ объ умѣньѣ довольствоваться тѣмъ, что всякій какъ разъ имѣетъ.

50. Въ стихотвореніи, написанномъ по случаю дня рожденія самого С—ы, сопоставляется физическое рожденіе съ духовнымъ рожденіемъ черезъ крещеніе. Та же самая мысль комментируется подробнѣе прозою.

51. Стихотворное обращеніе къ К—ому съ вопросомъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ онъ занятъ мысленно, не скучно-ли ему. Умъ человѣческій постоянно занятъ чѣмъ нибудь; если онъ не обращенъ на хорошее, то открывается доступъ дурному. Въ заключеніе С. приглашаетъ К—аго назначить мѣсто для свиданія съ нимъ.

52. Ода на бѣдность: счастливъ тотъ, кто понимаетъ выгоды бѣдности; счастливъ, кто сумѣлъ сдружиться съ ней. Онъ свободенъ отъ разныхъ болѣзней, составляющихъ послѣдствіе роскоши. Онъ свободенъ отъ заботъ и страха. Бѣдность влечетъ за собою спокойствіе духа, самодовольство, беззаботность и независимость. Это касается, однако, не такихъ бѣдняковъ, которые глазами пожираютъ золото.—Второе стихотвореніе восхваляетъ жизнь, свободную отъ заботъ и честолюбія; С. сравниваетъ ее съ плаваніемъ въ спокойной гавани въ противоположности къ опасностямъ открытаго моря.

53. Шутливый выговоръ К—ому за то, что онъ, вмѣсто просимыхъ трехъ словъ, написалъ цѣлыя 30. Впрочемъ, также и Юпитеръ, послѣ бездождія, посылаетъ вдругъ обильные дожди. А одинъ знакомый С—ы портной не пьетъ сивухи въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, но за то потомъ сразу нагружается нектаромъ Артемовскаго.

54. С. предостерегаетъ своего друга не пускаться въ открытое море жизни и въ особенности не пускаться туда въ ненастное зимнее время или ночью; нужно ждать, пока не вразумитъ его Христосъ.

55. Греческое поздравленіе съ новымъ годомъ. Въ прозаическомъ текстѣ С. оправдываетъ одно выраженіе въ своемъ русскомъ переводѣ какого-то латинскаго текста, трактовавшаго о томъ, что надо хорошо

Библиотека "Руниверс"

пользоваться молодостью, для того чтобы дожить до счастливой старости. Кстати сообщается подходящее изреченіе Платона.

56. Стихотворное упражненіе въ передачѣ одной и той же мысли въ разныхъ метрическихъ размѣрахъ; затѣмъ С. извиняется передъ К—имъ въ томъ, что не зашелъ къ нему, потому что пришлось быть у священника Доментѣевскаго. Наконецъ, обѣщаетъ поговорить съ какимъ-то Николаемъ по поводу ссоры послѣдняго съ К—имъ (см. № 47).

56, b. С. возвращаетъ К—ому русскіе стихи, присланные послѣднимъ для исправленія (см. № 30).

57. Стихотвореніе, въ которомъ предсказывается побѣда Израиля-Христа надъ его врагами.

58. Двустишіе (по гречески и по латыни) на тему: христіане причащаются, но плохо перевариваютъ (ср. № 42).

59. Стихотворное письмо о трехъ врагахъ христіанина; это—свѣтъ, женщина и дьяволъ.

60. С. приглашаетъ К-аго для бесѣды послѣ вечерни, причемъ обѣщаетъ привести съ собою своихъ пѣвчихъ (ср. № 30) и принести какого-то автора, не пользовавшагося въ то время уваженіемъ. С-а указываетъ, какую пользу можно извлечь изъ этого автора, остроумно и наглядно изобразившаго пороки общества.

61. О друзьяхъ, льстецахъ и тайныхъ врагахъ по Плутарху.

62. С. посылаетъ въ подарокъ К-ому сыръ, по случаю какого-то радостнаго факта, возвратившаго К-ому свободу. С. завернулъ свой подарокъ въ грамоту Александра Великаго, которою послѣдній пожаловалъ свободу славянамъ.

63. Разсужденіе о значеніи Іоанна Предтечи по случаю праздника 29 августа.

64. Стихотвореніе, въ которомъ С. хвалитъ К-аго за его теперешнее отношеніе къ пирушкамъ (ср. № 40).

65. Разсужденіе на тему: не нужно искать внѣшняго блеска и роскоши; настоящія сокровища можетъ найти въ себѣ самомъ всякій, кто умѣетъ сдерживать свои страсти (ср. № 49).

66. Умеръ настоятель монастыря; толпа рыдаетъ и плачетъ. Такое зрѣлище представляется С-ѣ и печальнымъ и смѣшнымъ. Печально то, что оплакивается тѣлесная смерть, составляющая какъ разъ конецъ всякихъ опасностей и бѣдствій. Смѣшна же глупость поступающихъ такимъ образомъ.

67. Рай есть такое мѣсто, въ которомъ пріятно жить даже одинокому человѣку. Стало быть, для мудреца можетъ служить раемъ любое мѣсто. Написаны эти строки во время какого-то большаго обѣда.

68. Эпиграмма на тему: музамъ нѣтъ никакого дѣла до Венеры. Это—подражаніе подобной эпиграммѣ, которую С-а читалъ еще въ

Библиотека "Руниверс"

общежитіи св. Сергія. Въ припискѣ С. проситъ своего друга указывать ему, С-ѣ, ошибки въ греческихъ словахъ, если таковыя встрѣтятся.

69. Въ стихахъ С. заявляетъ о своей дружбѣ и любви къ К-ому; въ прозѣ объясняетъ далѣе значеніе дружбы и любви вообще.

70. С. жалуется на какого-то «скорпіона», ищущаго случая, чтобы ужалить его. По этому случаю С. упоминаетъ о средствѣ, употребляемомъ въ Индіи тѣми, которые ужалены настоящими скорпіонами. Въ припискѣ (къ № 70) сообщается греческое нравоучительное двустишіе съ переводомъ на латинскій языкъ (въ прозѣ и стихахъ).

71. С., сдѣлавъ два замѣчанія по поводу какихъ-то стиховъ К-аго, посвященныхъ нѣкоему врагу обоихъ, приглашаетъ своего молодаго друга не обращать вниманія на людей, которые грызутся сами между собой, а продолжать идти по пути добродѣтели; ему, С-ѣ, даже пріятно, если онъ не нравится дурнымъ.

72. Исходя изъ стиховъ Боэція, С. разъясняетъ понятіе о душевныхъ аффектахъ, каковы: радость, страхъ, надежда, печаль, и находитъ ихъ аналогичными съ болѣзнями тѣла. Наиболѣе счастливъ тотъ, кто свободенъ отъ аффектовъ. Близко къ этому подходитъ тотъ, кто по крайней мѣрѣ умѣетъ сдерживать и умѣрять такіе аффекты; ибо человѣкъ не можетъ быть совершенно нечувствительнымъ, какъ полѣно.

73. Урокъ логики: объясненіе при помощи примѣровъ софизма αὐξομένη.

74. Въ припискѣ указана польза стихотворенія «Бездна бездну призываетъ» для нравственнаго усовершенствованія.

76. Педагогическія наставленія 1) о томъ, какъ нужно переводить съ древнихъ языковъ на родной; 2) о томъ, какихъ авторовъ слѣдуетъ читать ради выработки хорошаго латинскаго стиля; 3) о томъ, что, читая книги, слѣдуетъ непремѣнно дѣлать себѣ выписки изъ нихъ, причемъ подробно объясненъ способъ систематическаго составленія эксцертовъ съ приложеніемъ образчиковъ. Въ концѣ замѣтка о происхожденіи слова «муза» изъ еврейскаго языка.

77. С. обѣщаетъ К—ому прислать свои сочиненія—Жену Лотову и Потопъ Змінъ, которыя оба посвящены ему, сообщаетъ, что онъ приготовилъ прологъ и къ своему Наркису, спрашиваетъ, когда наконецъ увидится съ нимъ.

Библиотека "Руниверс"